3 1761 08821019 0

A

163cv

Д. Мамин-Сибиряк.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

I

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie Sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

494384
7.7.49

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

(v. 1)

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Критико-біографическій очеркъ **П. В. Быкова.**

Угрюмый, мощный и полный дикой красоты Уралъ. Въ самомъ центрѣ его горъ, ярко-зеленыхъ лѣтомъ и кажущихся мѣловыми отъ снѣговъ зимою, въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи стоитъ большой заводъ, „основанный для дѣла желѣза и латунной мѣди“ знаменитыми русскими богачами Демидовыми. Широко раскинулся онъ у впаденія рѣки Шайтанки въ правый притокъ рѣки Чусовой, Межевую Утку, и близъ впаденія въ послѣднюю небольшой рѣчки Висимъ. По рѣкамъ этимъ и носитъ онъ названіе Висимо-Шайтанскаго завода, занимающаго юго-западную часть Нижне-Тагильскаго горнаго округа. Здѣсь у мѣстнаго заводскаго священника, отца Наркиса Мамина, 25 октября 1852 года и родился, второй по счету, сынъ Дмитрій, которому суждено было впослѣдствіи сдѣлаться вдохновеннымъ пѣвцомъ Урала, замѣчательнымъ бытописателемъ, и по силѣ своего художественнаго таланта занять почетное мѣсто въ нашей изящной словесности на ряду съ Антономъ Чеховымъ, Вл. Г. Короленко, И. Н. Потапенко. Біографія писателя, отъ первыхъ проблесковъ его сознанія, во всѣхъ отношеніяхъ интересна и поучительна, и потому не мѣшаетъ остановиться на тѣхъ годахъ его жизни, когда ему „были новы всѣ впечатлѣнья бытія“, на дошкольномъ его періодѣ, на домашней обстановкѣ, семейныхъ отношеніяхъ, на всемъ томъ, изъ чего мало-по-малу складывается характеръ ребенка, что̀ вліяетъ на развитіе его наклонностей, на его умственный ростъ.

Въ семьѣ Маминыхъ вѣяло скромностью, и воздухъ былъ, такъ сказать, насыщенъ трудолюбіемъ, работой. „Приходъ у отца,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дмитрій Наркисовичъ,—былъ маленькій, и соотвѣтственно съ этимъ были малы доходы. Деревенскіе приходы, конечно, были лучше, особенно въ благословенномъ Зауральѣ, но отецъ ни за что не хотѣлъ туда итти, потому что тамъ священники ходятъ по приходу съ „ручкой“, собирая „петровское“, „осеннее“ и „ругу“. Онъ предпочелъ свою бѣдную заводскую независимость“. Это былъ человѣкъ глубоконравственный, здоровый духомъ, бодрый тѣломъ, пользовавшійся въ семьѣ огромнымъ авторитетомъ. Сильный, ласковый, добрый и всегда серьезный, „вездѣ отецъ выступалъ въ ореолѣ своей спокойной, мужественной любви, которая проявлялась съ особенной силой, когда мы, дѣти,—говоритъ Дмитрій Наркисовичъ,—бывали больны. Стоило ему войти въ комнату, какъ уже чувствуешь себя лучше... Отлично помню, что въ дѣтствѣ я совсѣмъ не испытывалъ страха смерти... Я объясняю это тѣмъ, что всегда около былъ отецъ, спокойный, ласковый, строгій“. Несмотря на свои плохіе достатки, Маминъ-отецъ, страстно любя книги, затрачивалъ на нихъ послѣдніе гроши. На сосѣднемъ Тагильскомъ заводѣ доморощенный столяръ смастерилъ ему убогій книжный шкапъ, скоро растрескавшійся и облупившійся. Пріобрѣтеніе шкапа было сопряжено съ хлопотами и затрудненіями, и эта вещь сдѣлалась семейной святыней, самымъ замѣчательнымъ предметомъ въ свѣтѣ, „особенно, когда на полкахъ шкапа размѣстились переплетенные томики сочиненій Гоголя, Карамзина, Некрасова, Кольцова, Пушкина и многихъ другихъ авторовъ“.

Почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ отецъ Наркисъ на свои книги. „Это наши лучшіе друзья,—любилъ онъ повторять:—и какіе дорогіе друзья!“ Дмитрій Наркисовичъ вспоминаетъ, что у нихъ въ домѣ „книга играла главную роль“, и его отецъ „пользовался каждой свободной минутой, чтобы заняться чтеніемъ“. „Это мой отдыхъ“,—говорилъ онъ. Вообще въ воспоминаніяхъ нашего писателя отецъ такъ и сохранился „какъ человѣкъ, который былъ вѣчно

занятъ и отдыхалъ только за книгой или газетой". Какъ относился этотъ прекрасный человѣкъ къ окружающему, какъ благотворно вліялъ онъ на своихъ дѣтей, мы имѣемъ указанія также въ воспоминаніяхъ Дмитрія Наркисовича „Изъ далекаго прошлаго". Въ качествѣ священника, о. Наркисъ зналъ свой приходъ, какъ свои пять пальцевъ, особенно горе и бѣдность своей паствы. „Въ нашемъ домѣ, — говоритъ писатель, — какъ въ центрѣ, сосредоточивались всѣ бѣды, напасти и страданія, съ какими приходится имѣть постоянное дѣло истинному пастырю. Эти постоянные разговоры о страданіяхъ придавали общему складу нашей жизни немного печальный характеръ, а наша скромная обстановка казалась какой-то роскошью. Да, тамъ, за стѣнами нашего дома, были и голодныя сироты, и больные, и обиженные и пьяные, и глубоко несчастные... Мысль о нихъ отравляла то относительное довольство, какимъ пользовалась наша семья, и мнѣ глубоко запали въ душу слова, которыми отвѣчалъ обыкновенно отецъ, если я приставалъ къ нему съ требованіемъ что-нибудь купить: „Ты сытъ, одѣтъ, сидишь въ теплѣ, а остальное—прихоти!" Кажется, что̀ проще этихъ словъ и кто ихъ не знаетъ, но они навсегда остались въ моей головѣ, какъ своего рода „маленькая программа для личныхъ потребностей". Это слово „прихоти" бодрило нашего писателя въ самыя трудныя минуты жизни, когда ему приходилось терпѣть лишенія и всякія невзгоды, когда онъ самъ себѣ пролагалъ дорогу на пути къ извѣстности...

Въ своихъ воспоминаніяхъ писатель говоритъ объ отцѣ всегда съ трогательной нѣжностью. Когда однажды онъ куда-то провожалъ отца, онъ старался вызвать всѣ тѣ картины своей жизни, гдѣ выступалъ отецъ. „Я старался,—повѣствуетъ онъ,—припомнить выраженіе его лица въ разныхъ случаяхъ этой жизни, тонъ его голоса, взглядъ добрыхъ и строгихъ сѣрыхъ глазъ, добродушную улыбку, которая постоянно освѣщала его лицо. Не было ни одного горькаго воспоминанія, ни одного дѣтскаго упрека, и чѣмъ дольше я думалъ, тѣмъ выше и выше вырасталъ въ моихъ глазахъ этотъ благословившій мое дѣтство образъ". Съ неменьшей нѣжностью относился Дмитрій Наркисовичъ и къ матери, которая была такого же типа, какъ отецъ его, только казалась ему строже, по его мнѣнію, быть-можетъ, оттого что она была отвлечена отъ дѣтей мелкими будничными заботами и къ вечеру, послѣ безпрерывной дневной работы, она была „рада мѣсту", то-есть отдыхала за работой не суетливой—за шитьемъ, продолжавшимся безконечно. Несмотря на всѣ хлопоты по дому она все-таки умудрялась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вести дневникъ и до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни (она умерла въ Екатеринбургѣ въ 1911 году) не засыпала не просмотрѣвъ газеты. „Безъ работы,—разсказываетъ Дмитрій Наркисовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—я не видалъ ни отца ни матери. Ихъ день всегда былъ полонъ трудомъ. Все утро отецъ проводилъ въ заводской школѣ, гдѣ занимался одинъ, а тамъ шли требы, чтенія и безконечная работа съ разными церковными отчетными книгами". У Лѣскова выведено нѣсколько положительныхъ, чрезвычайно симпатичныхъ типовъ „батюшекъ". Къ такимъ типамъ принадлежалъ и отецъ Наркисъ—чудный семьянинъ, разумный, сердечный пастырь, развитой человѣкъ, внесшій хорошія начала въ семью, создавшій въ ней необычную для тѣхъ временъ обстановку, вполнѣ умственную, въ которой закалялся духомъ, получалъ правильное воспитаніе Дмитрій Наркисовичъ, пріучавшійся отличать сытыхъ отъ голодныхъ.

Воспитаніе это, впрочемъ, до извѣстной степени было тепличное. „Лѣтъ до восьми,—разсказываетъ нашъ писатель въ очеркѣ „Книжка",—моя жизнь съ братомъ, который былъ старше меня года на два, не выходила зимой изъ границъ комнаты, а лѣтомъ двора, небольшого садика и огорода. „Улица" для насъ еще не существовала, и мы видѣли ее только изъ окна, или проходили по ней подъ конвоемъ няни. Благодаря комнатному воспитанію, мы росли блѣдненькими и слабенькими господскими дѣтками, которыя отличались послушаніемъ и боялись всего, что̀ выходило за предѣлы нашего дома". Товарищей у юнаго Мамина не было до самаго поступленія въ заводскую школу. Да и въ библіотечкѣ отца, среди его книгъ, ихъ не было: дѣтскія книги совершенно отсутствовали. Маминъ, и не подозрѣвавшій объ ихъ существованіи, началъ читать прямо классиковъ—Крылова, Гоголя, Пушкина, Гончарова, а немного позднѣе—романы Зотова и Загоскина. „Юрій Милославскій" произвелъ на Мамина такое сильное впечатлѣніе, что онъ „на время забылъ даже Гоголя и другихъ классиковъ". Ему было лѣтъ десять, когда онъ увидалъ впервые дѣтскую книжку съ картинками, которую далъ ему прочесть новый управляющій Висимо-Шайтанскаго завода артиллерійскій офицеръ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ. Съ его легкой руки и въ домашней библіотекѣ Маминыхъ появились дѣтскія книги: „Дѣтскій Міръ" Ушинскаго, затѣмъ разсказы и популярные очерки изъ міра науки Чистякова и Разина. Произведенія этихъ двухъ замѣчательныхъ писателей-педагоговъ произвели на Мамина неизгладимое впечатлѣніе навсегда, дали толчокъ его уму.

Любимой книжкой Мамина сдѣлались разсказы о завоеваніи Камчатки, мастерски написанные А. Е. Разинымъ. „Я прочиталъ ее,—вспоминаетъ онъ въ своемъ очеркѣ „О книгѣ",—десять разъ и зналъ почти наизусть. Нехитрыя иллюстраціи дополнялись воображеніемъ. Мысленно я продѣлывалъ всѣ геройскіе подвиги казаковъ-завоевателей, плавалъ въ лег

кихъ алеутскихъ байдаркахъ, питался гнилой рыбой у чукчей, собиралъ гагачій пухъ по скаламъ и умиралъ отъ голода, когда умирали алеуты, чукчи и камчадалы. Съ этой книжки путешествія сдѣлались моимъ любимымъ чтеніемъ". Около этого времени онъ познакомился съ книгой Гончарова „Фрегатъ Паллада". Онъ „съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, когда мать кончала дневную работу и усаживалась къ столу съ завѣтной книгой. Мы путешествовали уже вдвоемъ, дѣля поровну опасности и послѣдствія кругосвѣтнаго путешествія... Встрѣчались, конечно, много неизвѣстныхъ мѣстъ и непонятныхъ словъ; но эти подводные камни обходились при помощи словаря иностранныхъ словъ и распространенныхъ толкованій". Разсказы Разина о природѣ и ея явленіяхъ, о животномъ и растительномъ мірѣ внесли много свѣта въ душу ребенка и до извѣстной степени положили начало любви его къ природѣ, которую онъ тонко понималъ и цѣнилъ, изъ которой черпалъ свое вдохновеніе и силы. Повѣсти и разсказы Чистякова знакомили его съ жизнью, научали хоть смутно задумываться надъ нею. Произведенія обоихъ писателей помогли и впослѣдствіи, когда ему пришлось писать разсказы изъ жизни дѣтей и разсказы для дѣтскаго чтенія, научивъ его, какъ надо говорить съ дѣтьми, выражать свой душевный міръ. Стоитъ прочесть его „Черты изъ жизни Пепко", чтобы убѣдиться въ этомъ несомнѣнномъ вліяніи на Мамина упомянутыхъ двухъ писателей, М. Б. Чистякова и А. Е. Разина, необыкновенно искреннихъ, задушевныхъ, ласкающихъ своею теплотою и нѣжностью тона. Всѣ эти черты присущи и таланту Мамина.

Когда братья Мамины начали посѣщать заводскую школу, они какъ-то сразу получили полную свободу, какою только могутъ пользоваться дѣти, и прежнее чувство страха ко всему, что было внѣ ихъ комнатъ, исчезло въ нихъ. „Смѣлости и предпріимчивости оказался даже излишній запасъ, выражаясь въ школьныхъ дракахъ и соотвѣтствующихъ возрасту шалостяхъ". Дмитрій Наркисовичъ „два раза тонулъ, приходилъ домой съ синяками, подвергался разнымъ опасностямъ, уже совсѣмъ не по возрасту". Это совпало съ нахлынувшими шестидесятыми годами, когда даже въ самой глухой провинціи явились новыя книги, популярно-научныя, главнымъ образомъ по естествознанію. Съ книгами появились и новые люди, причастные къ администраціи завода, которая послѣ 19 февраля уже утратила свой исключительный крѣпостническій характеръ. Новые люди посвятили Дмитрія Наркисовича въ новую вѣру. Когда онъ со своимъ неразлучнымъ товарищемъ бродилъ съ ружьемъ по сосѣднимъ горамъ и заходилъ на знаменитые платиновые пріиски, у одного бывшаго студента, жившаго на этихъ пріискахъ, онъ увидалъ въ конторѣ на полочкахъ книги, неизвѣстныя ему до тѣхъ поръ даже по названію: переводы сочиненій Шлейдена, Молешота, Фогта, Ляйеля. „Передъ нашими глазами,—замѣчаетъ Маминъ,—раскрывался совершенно новый міръ, необъятный и неудержимо манившій къ себѣ свѣтомъ настоящаго знанія и настоящей науки. Мы были просто ошеломлены и не знали, за что взяться, а главное, какъ взяться „съ самаго начала", чтобы не вышло потомъ ошибки... Имена прежнихъ любимцевъ, какъ Загоскинъ, Марлинскій, Лажечниковъ и другіе, сразу померкли и стушевались. Выступали впередъ другія требованія, интересы и стремленія". Это, конечно, не помѣшало юному Мамину отдаваться и доступнымъ удовольствіямъ: охотѣ, рыбной ловлѣ, катанью по рѣкѣ и т. д. Во всемъ этомъ родители уже не мѣшали ему, и будущій пѣвецъ Урала наглядно знакомился съ географіей и этнографіей края, присматривался къ людямъ, къ заводскому рабочему, къ мужику, и одни впечатлѣнія смѣнялись другими. Изъ нихъ потомъ, съ добавленіемъ видѣннаго въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, получился тотъ громадный, интереснѣйшій матеріалъ, который увлекательно разрабатывалъ Маминъ-Сибирякъ и который далъ жизнь, движеніе, массу драматическихъ положеній, столько чудныхъ бытовыхъ картинъ, пестроту и разнообразіе яркихъ красокъ его многочисленнымъ произведеніямъ.

Отецъ Наркисъ, изъ собственнаго горькаго опыта зная, что такое бурса, намѣревался отдать сыновей въ гимназію, но средства не позволяли, и, скрѣпя сердце, онъ сталъ готовить дѣтей въ духовное училище. Дмитрію Наркисовичу шелъ тогда двѣнадцатый годъ, и онъ готовился цѣлое лѣто, что вовсе не стоило ему большого труда: у него была чудная память, и, если онъ прочитывалъ два раза двѣ-три страницы текста, онъ „могъ повторить ихъ изъ слова въ слово, а латинскія и греческія склоненія и спряженія онъ не училъ, а только читалъ; прочтетъ одинъ разъ, и дѣло готово. Черезъ три года, послѣ жестокаго тифа, онъ навсегда утратилъ эту память". Къ осени приготовленія были кончены, и 7 сентября 1864 года Дмитрій и Николай Мамины поступили въ екатеринбургское духовное училище и были зачислены въ высшее отдѣленіе, причемъ Дмитрій оказался слабѣе и былъ принятъ условно. Отецъ Наркисъ, помѣстивъ дѣтей на квартиру, самъ уѣхалъ погостить къ тестю. И вотъ юный Маминъ впервые соприкоснулся съ сумерками жизни. Ошеломляюще подѣйствовала на него вся обстановка бурсацкаго ученія. „Я,—съ грустью вспоминаетъ онъ,—совершенно растерялся, какъ теряется вылетѣвшій изъ теплаго гнѣзда неоперившійся цыпленокъ. Отецъ вернулся и, вѣроятно, безъ словъ замѣтилъ, что дѣло не ладно"... Онъ вызвалъ нѣжной лаской сына на откровенность, и тотъ разсказалъ, какой гнетъ давилъ

отъ какого это ужасное мѣста—„высшее отдѣленіе" училища -отчаянная бурса, разсказалъ о нѣкоторыхъ вообще училищныхъ порядкахъ.

Не долго думая, отецъ увезъ сына обратно домой, гдѣ Дмитрій Наркисовичъ, по его словамъ, провелъ дѣлахъ два года „безъ опредѣленныхъ занятій". Онъ часто короталъ время въ одиночествѣ, и его единственнымъ удовольствіемъ были книги, сводилъ кое-какія знакомства, отдавался созерцанію природы. Особенно занимали его горы, „милыя зеленыя горы", которыя такъ мастерски изображены въ разныхъ его разсказахъ и которыя онъ наблюдалъ, изучалъ съ самаго дѣтства изъ окошъ родительскаго дома, а позднѣе—непосредственно среди нихъ, когда изъ бурсы пріѣзжалъ на каникулы лѣтомъ. Когда юный Маминъ жилъ дома, онъ часто слышалъ объясненія отца, говорившаго, что дальнія горы уже въ Азіи, и что семья живетъ на самой границѣ. Дѣло въ томъ, что старый деревянный домъ о. Наркиса смотрѣлъ на площадь пятью большими окнами и былъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ одной стороны село выходило въ Европу, а съ другой—въ Азію. Водораздѣлъ Уральскихъ горъ находился лишь верстахъ въ четырнадцати. Въ „границѣ" для чуткаго ребенка заключалось что-то особенно таинственное, раздѣлявшее два совершенно несоизмѣримыхъ міра. На востокѣ горы были выше и красивѣе, „но,—говоритъ Маминъ,—я любилъ больше западъ, который совершенно прозаически заслонялся невысокой горкой, Конкурниковой. Въ дѣтствѣ я любилъ подолгу сидѣть у окна и смотрѣть на эту гору. Мнѣ казалось иногда, что она точно солнечно загораживала собой всѣ тѣ чудеса, которыя мерещились дѣтскому воображенію на таинственномъ далекомъ западѣ... Востокъ не давалъ ничего, и въ дѣтской душѣ просыпалась, росла и назрѣвала таинственная тяга именно на западъ"...

Едва ли кто-нибудь изъ нашихъ писателей такъ любилъ и съ такимъ пламеннымъ чувствомъ зарисовывалъ свои родныя мѣста, какъ Маминъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ не безъ восторга: „Милыя зеленыя горы!.. Когда мнѣ дѣлается грустно, я уношусь мыслью къ родныя зеленыя горы; мнѣ начинаетъ казаться, что и небо тамъ выше и яснѣе, и люди такіе добрые, и самъ я дѣлаюсь лучше. Да, я опять хожу по этимъ горамъ, поднимаюсь на каменистыя кручи, спускаюсь въ глубокіе лога, подолгу сижу около горныхъ ключиковъ, дышу чуднымъ горнымъ воздухомъ, напоеннымъ ароматами горныхъ травъ и цвѣтовъ, и безъ конца слушаю, что шепчетъ столѣтній лѣсъ..." Намѣренно остановились мы на этихъ впечатлѣніяхъ Мамина-ребенка, на его любви къ роднымъ горамъ. Мы хотимъ отмѣтить, что съ самаго дѣтства ему въ сильной степени было присуще созерцаніе природы, проникновеніе ею. Онъ до самозабвенія увлекался красотой и силой Урала и Приуралья, этой горной областью, прорѣзывающей величественныя степи двухъ частей свѣта и таящей въ себѣ неисчислимыя сокровища минераловъ, металловъ, драгоцѣнныхъ представителей ископаемаго царства и, словно пушистымъ необъятнымъ ковромъ, укрытой вѣчно-зелеными хвойными лѣсами высочайшей цѣнности, словомъ, обладающей такими неисчислимыми богатствами, какихъ нѣтъ ни въ одной европейской странѣ. Да и красоты, подобныя Уралу, въ Европѣ врядъ ли найдешь. Вдоль и поперекъ исходилъ Маминъ эту волшебную нашу страну еще въ юности и замиралъ отъ восторга при видѣ живописныхъ мѣстъ, на каждомъ шагу твердящихъ о присутствіи въ природѣ ея вдохновеннаго Творца. Результатомъ и ранняго и дальнѣйшаго созерцанія русской неизсякаемой сокровищницы явился тотъ дивно исполненный фонъ, на которомъ Маминъ горячими красками написалъ свои картины жизни Урала, заводскаго быта, оригинальнаго, безконечно разнообразнаго, въ связи съ его недавнимъ прошлымъ и настоящимъ,—быта, отъ котораго вѣетъ чѣмъ-то сказочнымъ. Впечатлѣнія Мамина были такъ сильны, неизгладимы, такъ врѣзались въ его память, такъ проникся онъ ими, что не могъ не вложить всю душу свою въ богатыя содержаніемъ, изумительными подробностями и блестящія по колориту свои поэмы въ прозѣ: „Три конца", „Горное гнѣздо", „Хлѣбъ", „Золото", „Приваловскіе милліоны", „Братья Гордѣевы", „Бойцы", „Самоцвѣты", и въ длинный рядъ „Уральскихъ разсказовъ", даже небольшихъ набросковъ, гдѣ дѣйствуетъ все тотъ же родной, близкій сердцу его Уралъ.

Пробывъ два года дома (1865—1865), Маминъ вторично отправился въ екатеринбургское духовное училище, въ ту же отвратительную бурсу, гдѣ ждали его всевозможныя треволненія и куда онъ ѣхалъ съ гнетущей тоской, благодаря воспоминаніямъ, оставшимся у него отъ перваго соприкосновенія съ этой самой бурсой. Поэтому вторая поѣздка Мамина переживалась имъ съ болѣе острымъ чувствомъ и оставила по себѣ болѣе глубокій слѣдъ. Какъ бы то ни было, но Маминъ окончилъ бурсу, перешелъ оттуда въ пермскую духовную семинарію, а затѣмъ начинается уже петроградскій періодъ его жизни. Будучи семинаристомъ, Дмитрій Наркисовичъ нѣсколько разъ предпринималъ поѣздки по рѣкѣ Чусовой, которую онъ очень любилъ. Сестра Мамина, Елизавета Наркисовна (въ бракѣ Удинцева), вспоминаетъ о двухъ поѣздкахъ брата по Чусовой; одна продолжалась цѣлую недѣлю. Ѣздилъ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, доѣхалъ до Левшина, а оттуда отправился на лошадяхъ въ Пермь. Въ другой разъ ѣздилъ съ тѣмъ же братомъ въ августѣ съ такъ называемымъ „лѣтнимъ караваномъ". Плыли на полубаркѣ, нагруженной демидовской мѣдью,

безъ веселъ, по теченію. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, уже будучи студентомъ, онъ простудился, схватилъ плевритъ, долго прохворалъ и такъ ослабѣлъ, что много времени проле жалъ, что̀ называется, пластомъ. Онъ очень любилъ повѣствовать о своихъ впечатлѣніяхъ, въ этихъ поѣздкахъ. Въ годы студенчества, пріѣзжая на каникулы въ Висимъ, онъ то и дѣло пропадалъ изъ дому и бродилъ по окрестностямъ. Его постояннымъ спутникомъ въ этихъ экскурсіяхъ былъ мѣстный псаломщикъ. Пропадали они иногда по недѣлѣ, по двѣ. Маминъ любовно изобразилъ его въ очеркѣ „Емеля охотникъ“ и въ сборникѣ „Изъ далекаго прошлаго“, въ разсказѣ „Зеленыя горы“, гдѣ этотъ ветхозавѣтный дьячокъ, Николай Матвѣевичъ, философъ, какъ называлъ его отецъ Наркисъ, изображенъ, что̀ называется, во весь ростъ, съ его страстью къ охотѣ и къ вину, съ его суевѣріями и удивительной способностью существовать на гроши. Мамина привлекало къ Николаю Матвѣевичу необыкновенно развитое въ немъ „чувство природы“. Это былъ созерцатель, живший широкой жизнью всей природы. Она наполняла его существованіе, заслоняя всѣ остальные интересы, до дьячковской нищеты включительно. Маминъ глубоко цѣнилъ этого бѣдняка, потому что и самъ былъ созерцателемъ, потому что ощущалъ на себѣ благотворное вліяніе дьячка-философа.

Экскурсіи съ Николаемъ Матвѣичемъ и поѣздки съ братомъ по рѣкѣ Чусовой Маминъ предпринималъ для изученія пріисковаго, промысловаго и раскольничьяго Урала, и его яркіе разсказы „Въ камняхъ“ и „Бойцы“ — плодъ этого всесторонняго изученія родныхъ мѣстъ. Какъ ни замкнута была жизнь уральскихъ раскольниковъ, но и тутъ Дмитрій Наркисовичъ умудрялся проникать въ нее. По свидѣтельству его сестры, Елисаветы Наркисовны, онъ часто бывалъ въ скитахъ, знакомился съ вліятельными „старцами“ и начетчиками. Помогала ему исключительная популярность отца среди старообрядцевъ. Отецъ, хотя и былъ священникомъ, отличался незаурядной терпимостью... Съ представителями ближайшихъ скитовъ отецъ Наркисъ установилъ самыя добрыя отношенія. Сестра Дмитрія Наркисовича помнитъ, напримѣръ, что одна изъ самыхъ вліятельныхъ окрестныхъ начетчицъ, справляющая раскольничьи службы, была въ семьѣ Маминыхъ нерѣдкой почетной гостьей. Дмитрій Наркисовичъ сталкивался со старообрядцами и во дни своего юношества, будучи семинаристомъ, а потомъ студентомъ; много разсказовъ о нихъ передавалъ ему дьячокъ Николай Матвѣевичъ, и художникъ-бытописатель посвятилъ этимъ „людямъ древляго благочестія“ много блестящихъ страницъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ романѣ „Три конца“. Типы раскольниковъ въ другихъ разсказахъ и очеркахъ Мамина-Сибиряка представляютъ только варіаціи типовъ изъ „Трехъ концовъ“.

Семинарскіе годы Мамина ознаменованы были его творческими попытками. Впрочемъ, писать онъ началъ нѣсколько раньше, но затѣмъ бросилъ. По разсказу Елизаветы Наркисовны, крупную роль въ первыхъ литературныхъ шагахъ ея брата сыгралъ преподаватель словесности въ пермской семинаріи, Соколовъ. Онъ страстно любилъ и великолѣпно зналъ свой предметъ и умѣлъ заинтересовать имъ почти всѣхъ способныхъ воспитанниковъ. Былъ строгъ, требователенъ, но далекъ отъ педантизма и рутинныхъ пріемовъ. За первое сочиненіе Дмитрія Наркисовича Соколовъ поставилъ единицу, но въ то же время сказалъ: „Въ такомъ видѣ никуда не годится, а дарованіе чувствуется. Вы должны заниматься литературой. Работайте надъ слогомъ, больше читайте!“ Дмитрій Наркисовичъ всегда вспоминалъ этого преподавателя съ благодарностью и уваженіемъ. Совѣтъ Соколова работать надъ слогомъ Маминъ принялъ близко къ сердцу и при дальнѣйшихъ своихъ литературныхъ попыткахъ, и гораздо позднѣе, когда уже выступалъ въ печати. По свидѣтельству той же сестры, съ первыхъ литературныхъ шаговъ у Дмитрія Наркисовича создалась привычка тщательной работы надъ конспектами своихъ романовъ. Исписывались цѣлыя тетради. Не одинъ разъ мѣнялись не только детали и характеристика дѣйствующихъ лицъ, а даже фабула. Зато, когда черновая, подготовительная работа кончалась, Маминъ писалъ увѣренно, быстро, почти безъ помарокъ, часто даже не перечитывалъ написаннаго передъ отсылкой въ журналы. Покойный Викторъ Александровичъ Гольцевъ, редакторъ „Русской Мысли“, разсказывалъ, какъ ревниво относился Дмитрій Наркисовичъ къ своимъ работамъ. Однажды онъ просилъ вернуть ему уже сданный въ редакцію разсказъ, продержалъ его недѣли двѣ и передѣлалъ до неузнаваемости, что̀ называется, не оставилъ камня на камнѣ.

Окончивъ курсъ семинаріи, Маминъ живо чувствовалъ пробѣлы въ своемъ образованіи и рѣшилъ ѣхать въ Петроградъ „доучиваться“ и посмотрѣть своими глазами на чудеса знаменитой столицы. Весной 1871 года онъ покинулъ Екатеринбургъ, запасшись болѣе чѣмъ скромной суммой на дорогу. Пышная столица непривѣтливо встрѣтила 19-тилѣтняго юношу, пріѣхавшаго въ нее безъ средствъ, съ однимъ храбрымъ намѣреніемъ просуществовать какъ-нибудь. Поступивъ въ медико-хирургическую академію на ветеринарное отдѣленіе, Маминъ, спустя два года, перешелъ на медицинское отдѣленіе, а въ слѣдующемъ, 1874 году выдержалъ экзаменъ въ университетъ, пробывъ около двухъ лѣтъ на естественномъ факультетѣ, и наконецъ въ 1876 году перешелъ на юридическій факуль-

тетъ, но и здѣсь не кончилъ курса. Въ Петроградѣ Маминъ въ первый пріѣздъ свой прожилъ около пяти лѣтъ. Эти годы, отмѣченные рядомъ неудачъ, разочарованій, приступами острой нужды, сомнѣніями въ себѣ, красиво описаны Маминымъ въ одномъ изъ характерныхъ и яркихъ его произведеній—въ романѣ „Черты изъ жизни Пепко“. Здѣсь онъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, голоданіи и недоѣданіи, занятіяхъ репортажемъ, попыткахъ печататься и т. д. Его репортерство быстро пошло въ ходъ, и въ какой нибудь мѣсяцъ онъ превратился въ зауряднаго газетнаго сотрудника, добывая рублей 20—30 въ мѣсяцъ трудной, тяжелой работой, на которую уходилъ иногда цѣлый день.

Тогдашняя литературная, правильнѣе сказать, газетная богема была въ рукахъ нѣкоего хроникера Николая Волокитина, державшаго мелкихъ газетныхъ работниковъ въ стальныхъ рукавицахъ путемъ авансовъ, разумѣется, ничтожныхъ. Это былъ своего рода типакъ. Въ молодости онъ писалъ разсказы въ разныхъ газеткахъ, однажды сфабриковалъ письма Гумбольдта, донесъ на одного изъ литературныхъ либеральныхъ дѣятелей, былъ презираемъ, работалъ у рыночныхъ „книжниковъ“, утопалъ и въ семидесятыхъ годахъ вынырнулъ въ качествѣ хроникера. Съ нимъ пришлось имѣть дѣло и Мамину. Какъ ни былъ скроменъ его заработокъ отъ репортажа, но онъ, по признанію Дмитрія Наркисовича, являлся для него громаднымъ, „особенно принимая во вниманіе, что это были первыя деньги, дававшія извѣстную самостоятельность и даже нѣкоторое уваженіе къ собственной особѣ“. „Да,—говоритъ Маминъ,—я уже являлся составной частью того живого цѣлаго, которое называется ежедневной газетой. Про себя я очень гордился: своей первой литературной работой и былъ радъ, что началъ службу простымъ рядовымъ“. Слушатели, литературные друзья, которымъ Маминъ разсказывалъ подробности о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ работала тогдашняя газетная богема, дивились необычайной энергіи тѣхъ немногихъ работниковъ, которые вырывались изъ этого омута газетной богемы. „А больше спивались“, добавлялъ со свойственнымъ ему добродушіемъ и спокойствіемъ Дмитрій Наркисовичъ, который былъ изъ счастливцевъ, не погибшихъ въ омутѣ, единственно благодаря своему выносливому характеру и неугасавшей въ немъ вѣры въ лучшее будущее.

О своихъ тяжелыхъ годахъ въ Петроградѣ Дмитрій Наркисовичъ говорилъ всегда неохотно и мало и большею частью ссылался на свой романъ „Черты изъ жизни Пепко“, гдѣ онъ, по его словамъ, „все описалъ“. Однако частенько, когда его посѣщалъ кто-нибудь изъ молодежи и былъ сносно одѣтъ, онъ, замѣчая это, качалъ головой и говорилъ: „Какъ много далъ бы я въ свое время за то, чтобы бывать въ семейномъ домѣ, но у меня въ молодости бывали такія минуты, что буквально не въ чемъ было войти „въ люди“, не пойдешь же въ сибирскихъ сапогахъ“. Въ другой разъ онъ кого-нибудь изъ молодежи спрашивалъ: „А вы гдѣ обѣдаете?“—„Да вотъ, въ студенческой столовой“.—„А не колбасой съ чаемъ питаетесь?“ И, не дождавшись отвѣта, съ горячностью говорилъ: „А вѣдь, небось, не знаете, что есть замѣчательная рыба—невскій сигъ! недорогая, вкусная, ну что стоитъ самому на керосинкѣ сварить себѣ уху, изжарить наконецъ! Вотъ и я студентомъ тоже... на колбасѣ голодалъ, а не зналъ, какъ быть сытымъ на берегу Невы“. И все это разглагольствованіе Маминъ обыкновенно заключалъ, шутливо подмигивая, словами: „Эхъ, вы!“... По собственному признанію Дмитрія Наркисовича, лекціи посѣщалъ онъ далеко не часто, но зато пробѣлы знанія усердно пополнялъ чтеніемъ, которому посвящалъ немало времени, еще будучи въ пермской семинаріи. Читалъ онъ безъ особеннаго выбора книги и статьи, посвященныя общественнымъ вопросамъ, причемъ его записныя книжки, безъ которыхъ онъ рѣдко оставался во всѣ годы его сознательной жизни, наполнялись массой выписокъ.

„Несомнѣнно, уже къ этимъ годамъ.—говорится въ одной замѣткѣ о Маминѣ,—относится начало пріобрѣтенія солиднаго образовательнаго багажа, которымъ позже отличался писатель. Тутъ и химія, и геологія, и общественныя науки съ Марксомъ и Спенсеромъ во главѣ. Кажется, читалось все, что попадетъ, со всею жадностью къ духовной школѣ ума; но все это укладывалось въ стройную систему гуманнаго міросозерцанія, и отъ естествознанія намѣчался уже переходъ къ историческимъ наукамъ и литературѣ“. Университетскія занятія шли не важно, они обрывались то газетной работой, то бѣганьемъ по урокамъ изъ одного конца города въ другой, а то и дружественными засѣданіями въ гостепріимныхъ трактирчикахъ, гдѣ отдавалась неизбѣжная дань молодости. Изъ временъ своего студенчества Маминъ охотно повѣствовалъ о томъ, какъ извѣстный ученый, профессоръ Н. Н. Зининъ, посадилъ его на экзаменѣ изъ химіи. Въ эти годы, по разсказамъ Дмитрія Наркисовича, онъ набрелъ на хорошихъ людей, ставшихъ его друзьями, раздѣлявшими съ нимъ его горе и радости, его порыванія, надежды, стремленія. И если онъ не угасалъ духомъ, не разбился о подводные камни въ житейскомъ морѣ, ища берега, то этимъ онъ много обязанъ своимъ друзьямъ, которые были ему особенно дороги въ минуты отчаянія, недовольства собой, своимъ прозябаніемъ въ мурьѣ въ это время, когда гдѣ-то далеко кипѣла настоящая жизнь, которую ему такъ хотѣлось описать, когда онъ серьезно началъ обдумывать одинъ изъ первыхъ своихъ романовъ, доставившій ему столько горькихъ минутъ.

Все свободное отъ занятій время онъ посвящалъ писанію романа. „То была, — разсказываетъ Маминъ, — работа Сизифа, потому что приходилось по десяти разъ передѣлывать каждую главу, мѣнять планъ, вводить новыхъ лицъ, вставлять новыя описанія и т. д. Недоставало прежде всего знанія жизни и технической опытности. Но я продолжалъ катить свой камень. У этого перваго произведенія было всего одно достоинство: оно дало привычку къ упорному самостоятельному труду. Да, труда было достаточно, а главное была цѣль впереди, для которой стоило поработать"... Однако среди этой работы, въ разгаръ ея, на Мамина вдругъ находили моменты глухого отчаянія, и тогда онъ бросалъ любимый трудъ. Въ романѣ „Черты изъ жизни Пепко" онъ передаетъ о своихъ мукахъ въ такіе тяжелые моменты. „Ну, какой я писатель? — думалъ онъ. — Вѣдь писатель долженъ быть чуткимъ человѣкомъ, впечатлительнымъ, вообще особеннымъ... А я чувствовалъ себя самымъ заурядnымъ среднимъ рабочимъ — и только. Я перечитывалъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ и впадалъ еще въ большее уныніе. Какъ у нихъ все просто, хорошо, красиво и, главное, какъ легко написано, точно взялъ бы и самъ написалъ то же самое. И какъ понятно! Вѣдь я то же самое думалъ и чувствовалъ, что они писали, а они умѣли угадать самыя сокровенныя движенія души, самыя тайныя мысли, всю ложь и неправду жизни. Что же писать послѣ этихъ избранниковъ, съ которыми говорила морская волна и для которыхъ звѣздная книга была ясна?.."

Романъ, надъ которымъ такъ мучился Маминъ, былъ оконченъ и появился въ одномъ малоизвѣстномъ журналѣ, гдѣ ему почти ничего не заплатили за это произведеніе. Затѣмъ Дмитрій Наркисовичъ опасно заболѣлъ, но оправился, и вмѣстѣ съ выздоровленіемъ у него снова явилась неудержимая потребность творчества. Онъ написалъ небольшую повѣсть („Строители") и передалъ ее въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ", но потерпѣлъ жестокую неудачу. О ней подробно разсказано въ томъ же автобіографическомъ романѣ Дмитрія Наркисовича, уже нѣсколько разъ цитированномъ здѣсь: „Черты изъ жизни Пепко". „Домашняя увѣренность и литературная храбрость,—повѣствуетъ начинающій писатель,—сразу оставили меня, когда я очутился въ редакціонной пріемной. Мнѣ казалось, что здѣсь еще слышатся шаги тѣхъ знаменитостей, которыя когда-то работали здѣсь, а нынѣшнія знаменитости проходятъ вотъ этой же дверью, садятся на эти стулья, дышатъ этимъ же воздухомъ. Меня еще никогда не охватывало такое сознаніе собственной ничтожности... Принималъ статьи высокій представительный старикъ съ удивительно добрыми глазами. Онъ былъ такъ изысканно вѣжливъ, такъ предупредительно внимателенъ, что я ушелъ изъ знаменитой редакціи со спокойнымъ сердцемъ". Это былъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, занимавшій тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ" скромную должность секретаря редакціи, слишкомъ извѣстный своими добрыми отношеніями къ литературной молодежи, ея другъ и кумиръ, покровительствовавшій всѣмъ литературнымъ дебютантамъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ хоть искорку священнаго огня. Въ неудачѣ Мамина ни Плещеевъ ни самъ авторъ повѣсти не были повинны. Тутъ было просто какое-то странное недоразумѣніе, что-то необъяснимое...

Отвѣтъ Мамину обѣщали дать черезъ обычныя двѣ недѣли. „Иду, — разсказываетъ Дмитрій Наркисовичъ далѣе, — имѣя въ виду встрѣтить того же любвеобильнаго старичка-европейца. Увы!—его не оказалось въ редакціи, а его мѣсто заступилъ какой-то улыбающійся черненькій молодой человѣчекъ съ живыми темными глазами. Онъ юркнулъ въ сосѣднюю дверь, а на его мѣстѣ появился взъерошенный пожилой господинъ, съ выпуклыми остановившимися глазами. Въ его рукахъ была моя рукопись. Онъ посмотрѣлъ на меня черезъ очки и хриплымъ голосомъ проговорилъ: „Мы такихъ вещей не принимаемъ"... Я вылетѣлъ изъ редакціи бомбой, даже забылъ въ передней свои калоши. Это было незаслуженное оскорбленіе... И отъ кого? Я *его* узналъ по портретамъ". Это былъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, и въ его отвѣтѣ для Мамина заключалось еще восемь лѣтъ неудачъ. „Ужъ слишкомъ рѣзкій отказъ, и фраза знаменитаго человѣка, — говорилъ Дмитрій Наркисовичъ, — нѣсколько дней стояла у меня въ ушахъ. Это почти смертный приговоръ". Когда острая боль отъ незаслуженной обиды и огорченіе прошли, Дмитрій Наркисовичъ продолжалъ писать и печататься въ газетахъ и разныхъ мелкихъ изданіяхъ, но его „стремленіе къ большой литературѣ на время какъ-то совсѣмъ затихло", чтобы черезъ какихъ-нибудь три-четыре года возродиться съ новой силой и чтобы предстать въ эту литературу во всеоружіи таланта и вѣры въ свои силы. Весною 1877 года Маминъ покинулъ Петроградъ и вернулся въ родныя мѣста, гдѣ неустанно работалъ, изучая край и лихорадочно отдаваясь литературной дѣятельности въ теченіе четырнадцати лѣтъ.

Во время пребыванія Мамина въ Петроградѣ ярко обозначилось его міросозерцаніе, выяснились его взгляды, идеи, которыя легли потомъ въ основу лучшихъ его произведеній: богатый альтруизмъ, отвращеніе къ людскому взаимопоѣданію, къ грубой силѣ, пессимизмъ и любовь къ жизни, тоска о ея несовершенствахъ, „о мірѣ печали и слезъ", гдѣ

столько жестокостей, неправды, ужасовъ, отъ которыхъ страшно дѣлается жить на свѣтѣ. Изъ автобіографическаго романа „Черты изъ жизни Пепко“ видно, какими мыслями полонъ былъ Маминъ, тогдашній неудачникъ. Чрезвычайно характерно, напримѣръ, такое его разсужденіе: „Неужели можно удовлетвориться одной своей жизнью? Нѣтъ, жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердецъ—вотъ гдѣ настоящая жизнь и настоящее счастье!“ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что его мучила „какая-то смутная жажда жизни, и онъ презиралъ обстановку и людей, среди которыхъ приходилось вращаться“, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „хотѣлъ жить за всѣхъ, чтобы все испытать и все перечувствовать. Вѣдь такъ мало одной своей жизни!“ Пессимизмомъ проникнуты были его мысли о нашей наукѣ и литературѣ. „Мы плетемся,—говорилъ онъ,—въ хвостѣ Европы и питаемся отъ крохъ, падающихъ со стола европейской науки. Наши ученыя имена не шли дальше добросовѣстныхъ компиляцій, связанныхъ съ грѣхомъ пополамъ собственной отсебятиной!.. Мое репортерство открывало мнѣ изнанку этой русской науки и тѣхъ лиллипутовъ, которые присосались къ ней съ незапамятныхъ временъ. По своимъ обязанностямъ репортера я попалъ на самые боевые пункты и былъ au courant русской доброй науки“.

Грустью отзываются и его размышленія о русской литературѣ. Неужели ново только то, что хорошо позабыто? „Несовершенство нашей русской жизни — избитый конекъ всѣхъ русскихъ авторовъ, но вѣдь это только отрицательная сторона, а должна быть и положительная. Иначе нельзя было бы и жить, дышать, думать... Гдѣ эта жизнь? Гдѣ эти таинственные родники, изъ которыхъ сочилась многострадальная русская исторія? Гдѣ тѣ пути-дороженьки и роковыя розстани (направо попадешь—самъ сытъ, конь голоденъ, налѣво— конь сытъ, самъ голоденъ, а прямо поѣдешь—не видать ни коня ни головы), по которымъ ѣздили могучіе родные богатыри?“ Вотъ эта самая былина о „русскомъ богатырѣ на распутьѣ“ и является главенствующимъ мотивомъ всего творчества Мамина, его любимой идеей съ самыхъ первыхъ его произведеній и кончая послѣдними вспышками его таланта. Всюду передъ нами нескончаемыя порыванія, усиленныя стремленія выйти на настоящую дорогу, устроить свое благоденствіе, уютъ, достигнуть хоть того, чтобы не голодать, не холодать, и между тѣмъ всюду кругомъ развалъ, прогаръ, обнищаніе, гибель и т. п. Устами своего героя Пепко писатель скорбитъ объ оскудѣніи нашей жизни людьми, объ исчезновеніи пророковъ и о томъ, что если бы и были пророки и стали обличать прогрессирующую современность, то имъ выпала бы горькая доля... „Да и самое слово въ наше время потеряло всякую цѣну; мы не вѣримъ словамъ, потому что беремъ ихъ на прокатъ. Слово ветхаго человѣка было полно крови, оно составляло его органическое продолженіе, поэтому оно и имѣло громадное значеніе...“ Далѣе уже отъ своего имени писатель спрашиваетъ: „Много ли у насъ своего?“ и отвѣчаетъ: „вѣдь лучшія наши произведенія—только подражанія, болѣе или менѣе удачныя, заграничнымъ образцамъ...“ Вообще, уже тогда начинавшій писатель болѣе или менѣе опредѣлилъ свое настоящее призваніе, свое profession de foi.

Изъ признаній Мамина, относящихся ко времени его первыхъ начинаній въ литературѣ, любопытны его указанія на ту область, въ которой онъ чувствовалъ свою силу и даже компетентность и взгляды на это дѣло. Оказывается, что уже и тогда онъ былъ силенъ въ описаніяхъ природы. „Вѣдь я такъ ее любилъ, — говоритъ онъ, — и такъ тосковалъ по ней, придавленный петербургской слякотью, сыростью и вообще мерзостью. У меня въ душѣ живы и южное солнце, и высокое синее небо, и широкая степь, и роскошный южный лѣсъ... Нужно было только перенести все это на бумагу, чтобы и читатель увидѣлъ и почувствовалъ величайшее чудо, которое открывается каждымъ восходящимъ солнцемъ и къ которому мы настолько привыкли, что даже не замѣчаемъ его. Вотъ указать на него, раскрыть всѣ тонкости, всю гармонію, все то, что, благодаря этой природѣ, отливается въ національныя особенности, начиная пѣсней и кончая общимъ душевнымъ тономъ... Свои описанія природы я началъ съ подражаній тѣмъ образцамъ, которые помѣщены въ хрестоматіяхъ. Сначала я писалъ напыщенно-риторическимъ стилемъ à la Гоголь, потомъ старательно усвоилъ себѣ манеру красивыхъ описаній à la Тургеневъ и только подъ конецъ понялъ, что гоголевская природа и тургеневская—обѣ не русскія, и подъ ними смѣло можетъ подписаться всякая другая природа, за очень немногими исключеніями. Настоящая равнинная Русь чувствуется только у Л. Толстого, а горная — у Лермонтова. Эти два автора остались для меня недосягаемыми образцами. Надъ выработкой пейзажа я бился больше двухъ лѣтъ, причемъ мнѣ много помогли русскіе художники-пейзажисты новаго реальнаго направленія. Я не пропускалъ ни одной выставки, подробно познакомился съ галлереями Эрмитажа и только здѣсь понялъ, какъ далеко ушли русскіе пейзажисты по сравненію съ литературными описаніями... Съ какимъ удовольствіемъ я провѣрялъ свои описанія природы по лучшимъ картинамъ, исправлялъ и постепенно доходилъ до пониманія этого захватывающаго чувства природы. Мнѣ много помогло еще то, что я съ дѣтства бродилъ съ ружьемъ по степи и въ лѣсу и не одинъ десятокъ ночей провелъ подъ

открытымъ небомъ на охотничьихъ привалахъ. Подъ рукой былъ необходимый живой матеріалъ, и я разрабатывалъ его съ упоеніемъ влюбленнаго, радуясь каждому удачному эпитету или сравненію". Здѣсь ясно высказывается истинно-художественная натура писателя, его тонкое пониманіе природы. Въ пору полнаго расцвѣта его таланта эта любовь и пониманіе, это врожденное чувство природы выразились очень ярко. Любовь къ природѣ Мамина идетъ рука объ руку съ любовью къ жизни, и получается та рѣдкая гармонія, которая ощущается въ каждомъ его произведеніи — гармонія линій, красокъ, душевныхъ настроеній и переживаній. Описываетъ ли пѣвецъ Урала свои любимыя зеленыя горы, лѣсную глушь, рѣку Чусовую въ половодье съ бурлаками, горнозаводскіе уголки, раскольничьи скиты и могилы первыхъ страстотерпцевъ за старую вѣру, — всюду у него ясныя, художественныя отраженія природы, на фонѣ которой идетъ жизнь, заклейменная „печатью зла и суеты", развиваются и драмы всевозможныхъ оттѣнковъ и вообще цѣлая человѣческая трагикомедія. Въ его яркой картинѣ уральской весны — пейзажѣ дремучаго лѣса, во всѣхъ описаніяхъ природы виденъ ея вдумчивый созерцатель, отдыхающій среди нея, ввѣряющій ей свои горькія думы о несовершенствѣ жизни, свою тоску о „богатырѣ на распутьѣ", о тщетѣ хорошихъ замысловъ, погибающихъ отъ неустройства человѣческаго бытія.

Пріѣхавъ въ родныя мѣста, Дмитрій Наркисовичъ недолго отдыхалъ послѣ своей, полной неудачъ, петроградской жизни и скоро принялся за работу. Онъ разбиралъ, привезенный съ собою, цѣлый ворохъ рукописей, передѣлывалъ свои разсказы, очерки, много уничтожалъ, писалъ новыя вещи и въ особенности много времени посвящалъ задуманной имъ серіи „Уральскихъ разсказовъ". Первый изъ нихъ „Старатели. Очерки пріисковой жизни" Дмитрій Наркисовичъ послалъ въ журналъ „Дѣло". Это была, такъ сказать, прелюдія къ тѣмъ романамъ и лѣтописямъ, которые обнимали его родной край со всѣхъ сторонъ и давали богатыя картины разныхъ промысловъ Урала. Впервые писатель знакомилъ въ этомъ разсказѣ читающій людъ съ сумрачнымъ отечествомъ желѣза, золота и самоцвѣтовъ—съ тѣмъ удивительнымъ краемъ, о которомъ смутно слышало что-то большинство русскаго люда, знавшаго его, по чьему-то счастливому выраженію, „немногимъ лучше, чѣмъ Индо-Китай, Южную Америку, центральную Африку". Много волновался Маминъ въ ожиданіи отвѣта изъ редакціи о судьбѣ своихъ „Старателей". И отвѣтъ пришелъ самый печальный. Рукопись вернули, испещренную на каждой страницѣ замѣчаніями, подчеркнутыми мѣстами, вопросительными и восклицательными знаками. Не къ фабулѣ, не къ содержанію относились эти помѣтки на рукописи, а къ формѣ, къ длиннымъ періодамъ, тяжеловатымъ оборотамъ, къ спѣшности работы. Редакторъ Благосвѣтловъ признавалъ за авторомъ несомнѣнное дарованіе и давалъ совѣтъ какъ можно больше работать надъ изложеніемъ, надъ отдѣлкой. Маминъ и раньше, передъ этимъ случаемъ, съ грустью говорилъ друзьямъ на ихъ замѣчанія: „Нѣтъ у меня таланта! Не стоитъ работать: ничего изъ меня не выйдетъ!" И, по свидѣтельству близкихъ его друзей, буквально опускалъ руки. А послѣ возвращенія ему рукописи изъ редакціи журнала страшно огорчился и ходилъ, какъ въ воду опущенный, не прикасаясь къ своимъ рукописямъ.

Но длилось это недолго. Его большая жизнерадостность, его сангвиническій характеръ не позволяли ему отдаваться на продолжительное время тяжелому настроенію, унынію. Не много дней прошло—и писатель воспрянулъ духомъ. Съ новымъ подъемомъ принялся онъ за любимый трудъ. Камня на камнѣ не оставилъ въ своихъ „Старателяхъ", принялся за другіе очерки изъ серіи „Уральскихъ" разсказовъ, много работалъ надъ формой. Когда онъ жилъ еще въ Салдѣ, онъ окончилъ первую часть романа „Приваловскіе милліоны", а переселившись въ Екатеринбургъ, занялся ея передѣлкой, произведя, по его выраженію, „капитальный ремонтъ". Результаты всѣхъ этихъ занятій получились блестящіе. Въ теченіе 1882 года онъ напечаталъ большіе разсказы—въ „Дѣлѣ", „Вѣстникѣ Европы" и „Устояхъ" С. А. Венгерова—„Въ камняхъ", „Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ", „На рубежѣ Азіи", „Въ худыхъ душахъ", и кромѣ того помѣстилъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" рядъ фельетоновъ: „Отъ Урала до Москвы", начатыхъ годомъ раньше. Разсказы эти, этюды къ большимъ картинамъ Урала, обратили на себя вниманіе—и *Сибиряка*, псевдонимъ, подъ которымъ они появлялись, сталъ замѣчаться читателемъ, а въ журналистикѣ онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторое значеніе. Талантъ писателя былъ признанъ, двери редакцій гостепріимно раскрылись для прежняго неудачника, и съ этого момента его усиленная литературная дѣятельность не прекращалась, его плодовитость вызывала удивленіе. И въ этихъ первыхъ разсказахъ Мамина, выводившихъ его на широкую дорогу, уже намѣчались характерные признаки его таланта, его любимые мотивы, стремленіе къ изображенію природы относительно воздѣйствія ея на жизнь, вліянія, въ большинствѣ случаевъ неотразимаго, на человѣка, чуткость къ совершающемуся вокругъ писателя, уловившаго новыя вѣянія на старые, дряблые устои. И тутъ уже чувствуется оригинальный бытописатель, до тонкостей изучившій жизнь и нравы его родныхъ мѣстъ, тяготѣющій къ маленькимъ людямъ, показывающій неустанную

борьбу „между исканіемъ наживы и человѣческими чувствами“, чувствуется вольный художникъ, чуждый предвзятыхъ тенденцій. Яркимъ блескомъ передъ нами загорался этотъ уральскій самоцвѣтъ, и уже ощущали мы это простое, чистое сердце, настоящее русское.

Всѣ понимающіе люди остановили наибольшее вниманіе на его очеркахъ изъ захолустнаго быта, помѣщенныхъ въ журналѣ „Устои“ подъ заглавіемъ: „На рубежѣ Азіи“, гдѣ онъ выдвигаетъ своихъ лѣсныхъ героевъ и представителей черноземной силы на одной изъ далекихъ нашихъ окраинъ. Но еще больше заговорили о *Сибирякѣ*, когда въ слѣдующемъ 1883 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появились его „Бойцы. Очерки весенняго сплава на рѣкѣ Чусовой“, — выхваченная прямо изъ жизни, пестрая, колоритная картина титаническаго человѣческаго труда, со множествомъ фигуръ, во главѣ которыхъ стоитъ во весь ростъ сплавщикъ Савоська, своего рода чудотворецъ, подчинившій себѣ толпу многострадальныхъ бурлаковъ. Бойцы—это грозные утесы на рѣкѣ Чусовой, страшилище для сплавщиковъ, проводящихъ мимо нихъ барки съ желѣзомъ, мѣдью и чугуномъ. Безмолвныя гранитныя чудовища зорко стерегутъ деревянныя посудины, идущія мимо нихъ, и ждутъ, что вотъ-вотъ оплошаетъ кормчій, и тогда о могучую грудь чернаго бойца въ дребезги разобьется утлая барка. Дѣло происходитъ на одной изъ нижнихъ пристаней рѣки Чусовой, Каменкѣ; дѣйствующія лица — „унылые, сумрачные бурлаки“, которыхъ загнала сюда неволя издалека, изъ деревень, отстоящихъ отъ Каменки въ сотняхъ, а то и тысячахъ верстъ. Неволя—злая нужда рада и нищенскому заработку, на который нужно жить и платить подати; ради этихъ податей многихъ и послалъ сюда „міръ“. И кого только тутъ нѣтъ: вятичи, архангельцы, пермяки, башкиры, зыряне, татары, мѣстные заводскіе мастера, оригинальные шикари и сорви-головы. Большинство съ котомками и безъ котомокъ, въ рваныхъ полушубкахъ, въ заплатанныхъ азямахъ и просто въ лохмотьяхъ, составъ которыхъ можно опредѣлить только химическимъ путемъ, а не при помощи глаза... „Это какой-то совсѣмъ сѣрый народъ—съ испитыми лицами, понурымъ взглядомъ и неуклюжими тяжелыми движеніями. Видно, что пришли издалека, обносились и отощали въ дорогѣ“.

Прекрасно представлены здѣсь контрасты. Съ одной стороны, дивная природа, величественная, полная гармоніи вообще и во дни красавицы-весны въ особенности, съ другой—неурядица людская, тяжкая борьба за существованіе, ужасы опасности среди бушующихъ волнъ, готовыхъ поглотить немало человѣческихъ жизней. „Съ яснаго голубого неба льются потоки животворящаго свѣта, земля торопливо выгоняетъ первую зелень, блѣдные сѣверные цвѣточки смѣло пробиваются черезъ тонкій слой тающаго снѣга, однимъ словомъ, въ природѣ творится великая тайна обновленія, и, кажется, самый воздухъ цвѣтетъ и любовно дышитъ преисполняющими его силами. Прибавьте къ этому освѣженную глянцовитую зелень сѣвернаго лѣса, веселый птичій гамъ и трудовую возню, какими оглашаются и вода, и лѣсъ, и поля, и воздухъ. Это величайшее торжество и апоѳеозъ той великой силы, которая неудержимо льется съ голубого неба, какимъ-то чудомъ претворяясь въ зелень, цвѣты, ароматъ, звуки птичьихъ пѣсенъ, и все кругомъ наполняется удесятеренной кипучей дѣятельностью“. Это — съ одной стороны. А съ другой, невѣроятная голытьба толпы, „чающей движенія воды“ — т.-е. вскрытія рѣки Чусовой, чтобы погнать по ней барки, полчища полуголыхъ, полуголодныхъ, геройски выносящихъ холодъ, ненастье, подлое обращеніе тѣхъ, кто ихъ нечеловѣческій трудъ считаетъ ни во что, равнодушно смотритъ, какъ эти геркулесы нагружаютъ или разгружаютъ барки, стаскиваютъ ихъ съ мели... Вотъ „нашимъ глазамъ представилась ужасная картина: барка быстро погружалась однимъ концомъ въ воду... Палуба отстала, изъ-подъ нея съ грохотомъ и трескомъ сыпался чугунъ, обезумѣвшіе люди соскакивали съ борта прямо въ воду... Крики отчаянія тонувшихъ людей перемѣшались съ воемъ рѣки... Нѣсколько черныхъ точекъ ныряло въ водѣ: это были спасавшіеся вплавь бурлаки. Рѣдкій изъ нихъ не тащилъ за собой своей котомки въ зубахъ. Разстаться съ котомкой для бурлака настолько тяжело, что онъ часто жертвуетъ изъ-за нея жизнью; барка ударилась о боецъ и начинаетъ тонуть, а десятки бурлаковъ, вмѣсто того, чтобы спасаться вплавь, лѣзутъ подъ палубы за своими котомками, гдѣ часто ихъ и заливаетъ водой“.

Съ вопіющей правдой рисуетъ эти свои впечатлѣнія писатель-очевидецъ, не сдабриваетъ ихъ никакой тенденціей, разсказываетъ удивительно просто, съ невозмутимымъ спокойствіемъ о самыхъ драматическихъ положеніяхъ своихъ сѣрыхъ героевъ. Это его всегдашняя манера. И тѣмъ не менѣе „волнуетъ мягкія сердца“, заставляетъ ледянѣть кровь въ жилахъ. Писатель передачей однихъ только фактовъ, безъ малѣйшаго сгущенія красокъ вызываетъ въ читателѣ глубокое сочувствіе къ этимъ несчастнымъ пасынкамъ судьбы, которые умираютъ ради благосостоянія отъявленныхъ хищниковъ, либо отъ простуды, вѣчнаго недоѣданія, изнуренія, или гибнутъ въ водной пучинѣ. Нельзя безъ содроганія читать о бѣдственномъ положеніи несчастныхъ сплавщиковъ, особенно изъ инородцевъ. „Русская бѣдность и нищета,—разсказываетъ авторъ,—казались богатствомъ по сравненію съ этой степной голытьбой и жертвами медленнаго вымиранія изъ самыхъ глухихъ лѣсныхъ

дебрей. Какъ ни бѣденъ русскій бурлакъ, но у него есть еще впереди что-то въ родѣ надежды: осталось сознаніе необходимой борьбы за свое существованіе, а здѣсь крайній сѣверъ и степная Азія производили подавляющее впечатлѣніе своей мертвой апатіей и полнѣйшей безпомощностью. Для этихъ людей не было будущаго: они жили сегодняшнимъ днемъ, чтобы медленно умереть завтра или послѣзавтра". И добро бы эти жертвы человѣческія, эта тихая трагедія шли на пользу чьего-либо процвѣтанія, а то вѣдь вся эта эксплуатація нищихъ, обкрадываемыхъ негодяями-приказчиками, эти смерти пропадаютъ даромъ: акціонерная компанія, ради которой совершалось столько беззаконій и гибли люди, сиротѣли семьи,—обанкрутилась. И тутъ сказалась неурядица русской жизни, сопряженная съ разореніемъ, прогаромъ, неожиданной ломкой, надъ чѣмъ Маминъ-Сибирякъ постоянно задумывался и что̀ является большею частью главнымъ мотивомъ въ его произведеніяхъ, и въ романахъ и въ большей части уральскихъ разсказовъ, въ которыхъ писатель слѣдитъ не за жизнью массы, а за роковой долей хищниковъ, порабощающихъ эту массу, высасывающихъ изъ нея соки, а затѣмъ погибающихъ нежданно-негаданно.

Въ „Бойцахъ" мы встрѣчаемъ, кромѣ излюбленнаго Маминымъ мотива, и любимый типъ его—олицетвореніе силы, мужества, буйной удали, качества, къ которымъ писатель чувствуетъ непреодолимое тяготѣніе, большое пристрастіе. Это богатырство ему по душѣ во всѣхъ видахъ, какого бы характера оно ни было. Несомнѣнно, что это почти обожаніе силы, безудержнаго молодечества тѣсно связано съ дѣтскими годами писателя, брошеннаго судьбой въ дикій и суровый край, гдѣ онъ или видѣлъ воочію жизнь горнозаводскихъ обитателей, кержаковъ, т.-е. раскольниковъ, боровшихся съ православными, видѣлъ отвагу, широту размаха, или слышалъ обо всемъ этомъ, и въ его памяти запечатлѣвалось неизгладимо видѣнное и слышанное имъ и заронилась любовь ко всякаго рода „богатырямъ" и крупнымъ и мелкимъ въ его воспріимчивой душѣ. Своего рода богатыря вывелъ онъ и въ „Бойцахъ" въ лицѣ Савоськи, главаря сплавщиковъ, отъявленнаго пьяницы и забулдыги, мгновенно превращающагося въ героя, удалую башку, проявляющаго „силъ молодецкихъ размахи широкіе", при первомъ столкновеніи съ водной стихіей. Лодырь въ безработное время, Савоська, довольно близкій родственникъ Челкаша Максима Горькаго, преображается въ капитана баржи, дѣятельнаго, умнаго, распорядительнаго, трезваго, словно забывшаго о существованіи водки. Смѣлость и находчивость его вызываютъ удивленіе и восхищеніе окружающихъ, которые рабски подчиняются его мощной волѣ. Въ его глазахъ, дѣлающихся вдохновенными, пламень отваги, безшабашной удали, готовность помѣряться силами со стихіей, встрѣтить смерть лицомъ къ лицу. Трубные звуки его могучаго голоса словно хотятъ взять верхъ надъ ревомъ Чусовой. Гулко звучитъ его команда: „Веселенько похаживай, голуби!" и, глядя вдаль, онъ выкрикиваетъ: „Носъ налѣво ударь... носъ-отъ!.. Шабашъ корма"... Видно, что писатель, присутствовавшій при сплавѣ баржи, восхищается своимъ героемъ. „Онъ слился съ баркой въ одно существо, — любовно повѣствуетъ авторъ.— Нужно было видѣть Савоську въ трудныхъ мѣстахъ, гдѣ была горячая работа; голосъ его росъ и крѣпчалъ, лицо оживлялось лихорадочной энергіей, глаза горѣли огнемъ. Прежняго Савоськи точно не бывало; на скамейкѣ стоялъ совсѣмъ другой человѣкъ, который всей своей фигурой, голосомъ и движеніями производилъ магическое впечатлѣніе на бурлаковъ. Въ немъ чувствовалась та сила, которая такъ заразительно дѣйствуетъ на массы".

И въ „Бойцахъ" писатель касается до нѣкоторой степени своей любимой темы взаимнаго пониманія другъ друга. Несчастныхъ бурлаковъ считали не лучше вьючнаго скота, обсчитывали ихъ при помощи невозможныхъ штрафовъ, обращались съ ними невѣроятно грубо. Напримѣръ, приказчикъ Осипъ Ивановичъ „безъ всякаго пути разносилъ въ щепы совершенно невинныхъ людей, такъ же безъ пути снисходилъ къ отъявленнымъ плутамъ и завзятымъ мошенникамъ, и въ концѣ концовъ былъ глубоко убѣжденъ, что безъ него на пристани хоть пропадай. — „Аспиды, разбойники! Мошенники!"—ревѣлъ онъ, какъ сумасшедшій, не зная, на кого броситься, и по пути сыпалъ подзатыльниками и затрещинами". При расчетѣ, благодаря системѣ штрафовъ, артель не только ничего не получала на руки, но еще, оказывалось, была должна уплатить заправиламъ акціонерной компаніи: „только взять-то съ нихъ нечего!" — замѣчаетъ при этомъ Осипъ Ивановичъ безъ малѣйшей совѣсти. Значитъ, если бы было что̀ взять, взяли бы. Представьте себѣ положеніе: работала, работала артель, въ концѣ концовъ кое-кого не досчитывается изъ своихъ членовъ, и въ концѣ концовъ не только ничего не заработала, но ей же еще приходится платить богатому купцу, должно-быть, за удовольствіе, доставленное ея членамъ „святымъ трудомъ"... Власть, самая деспотическая, капитала сказывается и въ „Бойцахъ", и писатель отчасти и здѣсь говоритъ о нарастающемъ капитализмѣ, передъ громадной силой котораго пасуетъ всякая другая сила. „Бойцы" являются какъ бы прелюдіей къ цѣлому ряду идейныхъ произведеній Мамина, какъ будто на первый взглядъ хаотичныхъ, гдѣ картины природы смѣшаны съ картинами повседневной людской сутолоки, гдѣ столько самыхъ разнообразныхъ фигуръ,—а на самомъ дѣлѣ стройныхъ, выдержанныхъ, проникнутыхъ излюбленными мы-

слишь, надъ которыми давно и долго задумывался писатель, достаточно насмотрѣвшійся еще въ ранней молодости на несовершенство жизни, на ея возмутительныя явленія, надругательство надъ человѣческой личностью, безправіе, страшный произволъ — и совсѣмъ изстрадавшійся и невольно проникшійся пессимистическимъ міросозерцаніемъ. Съ тоскою пришелъ онъ къ убѣжденію, что тайна жизни заключается, между прочимъ, въ самоистребленіи природы и человѣка, во взаимномъ ихъ поѣданіи. И уже въ разсказѣ „Въ живыхъ душахъ" краснорѣчиво, въ немногихъ словахъ высказалъ онъ то, что такъ ясно представилось его духовному взору. „Вотъ въ этой сочной травѣ, подернутой утренней росой, — говоритъ онъ — съ виду такъ же тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика и стона, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку и червяка, дѣлаясь въ свою очередь, добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни".

Что еще въ очень молодыхъ лѣтахъ приходила ему эта мысль въ голову, что и тогда задумывался онъ надъ своимъ печальнымъ открытіемъ тайны жизни, видно изъ романа его „Черты изъ жизни Пепко", гдѣ часто проскальзываютъ намеки на цѣпь истребленія въ природѣ и жизни. Въ „Бойцахъ" талантъ Мамина-Сибиряка уже обозначается довольно ярко и съ внутренней и съ внѣшней стороны, чувствуется сильное письмо и манера писателя. Тутъ же замѣчается и полный невозмутимаго спокойствія, безпристрастія и какъ будто холодный тонъ повѣствователя, который одинаково спокойно изображаетъ и удивительную красоту природы, и вопіющую нищету бурлаковъ, и катастрофу гибели нагруженной товарами и переполненной людьми баржи. Въ этомъ же очеркѣ мы видимъ умѣнье изобразить пестроту жизни и разобраться въ огромномъ матеріалѣ, которымъ всегда владѣлъ писатель. Въ „Бойцахъ" уже можно въ достаточной степени распознать его творчество, оглядѣться въ немъ, на основаніи фактовъ и явленій, выдвигаемыхъ писателемъ, угадать ихъ причину, познать ихъ начало. На Мамина-Сибиряка всегда ошеломляюще дѣйствовала масса разнородныхъ впечатлѣній, имъ испытанныхъ, и ему стоило немалаго труда привести ихъ въ порядокъ, воспользоваться ими для своихъ цѣлей. „Я долго не могъ заснуть, — разсказываетъ онъ въ „Бойцахъ". — Мнѣ мерещилось все видѣнное и слышанное за день, эти толпы бурлаковъ, пьяный Савоська, мастеровые, „камешки", ужинъ въ караванной конторѣ и наконецъ больные бурлаки, и этотъ импровизированный пиръ „веселой скотинкой". Цѣлая масса несообразностей мучительно шевелилась въ головѣ, вызывая ряды типичныхъ лицъ, сценъ и мыслей. Какъ разобраться въ такомъ хаосѣ впечатлѣній, какъ согласовать отдѣльные житейскіе штрихи, чтобы получить въ результатѣ необходимое цѣлостное представленіе? Каждый разъ, когда хотѣлось сосредоточиться на одной точкѣ, мысли расползались въ разныя стороны, какъ живые раки изъ открытой корзины". Но надо только прочесть „Бойцы", чтобы увидѣть, какъ писатель умѣлъ собрать, привести въ систему свои мысли и создать стройное цѣлое.

Въ одинъ годъ съ „Бойцами" появились въ „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ", „Вѣстникѣ Европы" и „Русской Мысли": „Золотуха" очерки пріисковой жизни, „Переводчица на пріискахъ", разсказъ изъ жизни на Уралѣ, повѣсть „Максимъ Бенелявдовъ", нѣкогда забракованные Салтыковымъ „Старатели", тоже очерки изъ пріисковой жизни, и наконецъ большой романъ „Приваловскіе милліоны", который одинъ изъ критиковъ ставитъ очень высоко. Это, по его мнѣнію, „безспорно лучшее произведеніе огромнаго художественнаго таланта Мамина-Сибиряка и одно изъ лучшихъ украшеній нашей литературы". Среди самыхъ крупныхъ вещей писателя „Приваловскіе милліоны" выдаются своимъ богатѣйшимъ и необыкновенно разнообразнымъ содержаніемъ и взяты изъ исторіи громаднаго наслѣдства, оцѣнивавшагося въ нѣсколько десятковъ милліоновъ и заключавшагося въ Шатровскихъ заводахъ, знаменитыхъ на Уралѣ. Сто пятьдесятъ лѣтъ созидалось и необычайно расширялось и дозволенными и недозволенными способами это дѣло и превратилось въ исполинское предпріятіе. Заводъ занялъ пространство въ четыреста тысячъ десятинъ земли, богатѣйшей въ цѣломъ мірѣ, и его населеніе достигло до сорока тысячъ съ лишкомъ. Заводъ выросъ на башкирскихъ земляхъ и созданъ тяжелыми трудами крѣпостныхъ крестьянъ, лишенныхъ земли и приписанныхъ къ заводскому населенію. Темное прошлое этого завода Маминъ-Сибирякъ передаетъ съ большими подробностями, въ связи съ исторіей рода Приваловыхъ. Методично, картинно, съ ужасающими подробностями рисуетъ онъ, какъ завзятые проходимцы „грѣютъ руки" у огня приваловскаго наслѣдства, которое за несовершеннолѣтіемъ главнаго наслѣдника и героя романа, Сергѣя Привалова, „опекается" достодолжнымъ образомъ хищными птицами, успѣшно ощипывающими золотыя, пышныя перья, и какъ все это потомъ пошло прахомъ. Заводъ за долги поступилъ въ казну, а опекуны-хищники въ конецъ прогорѣли, потерявъ награбленное.

Въ „Приваловскихъ милліонахъ", изображая жизнь Урала, писатель интересуется уже не жизнью и судьбою трудящихся массъ, а нравами воротилъ промышленнаго пред-

пріятія, судьбами честныхъ дѣятелей и заправскихъ разбойниковъ въ этой области. И здѣсь Маминъ-Сибирякъ съ любовью останавливается на типѣ своего рода богатыря-управляющаго заводовъ, тяготѣя къ нему такъ же, какъ тяготѣлъ онъ въ „Бойцахъ" къ Савоськѣ-сплавщику. Это—старикъ Бахаревъ, питомецъ раннихъ владѣльцевъ Шатровскихъ заводовъ, воспитанный въ правилахъ старой вѣры, расшинающійся ради принесенія пользы малолѣтнему наслѣднику Сергѣю Привалову и самому дѣлу, въ которое онъ влюбленъ, привязанъ къ нему какъ-то стихійно. Всѣми силами стремится онъ поднять заводское дѣло и достигаетъ цѣли. Но по натурѣ своей честный, прямой, онъ не въ состояніи работать съ другимъ опекуномъ, Ляховскимъ, циничнымъ грабителемъ,—и отстранился отъ дѣла. Типъ очень любопытный, начиная съ внѣшняго облика. „Громадная голова,—такъ рисуетъ его авторъ,—съ остатками сѣдыхъ кудрей и сѣдой всклокоченной бородой была красива оригинальной старческой красотою. Небольшіе проницательные сѣрые глаза смотрѣли пытливо и сурово, но въ присутствіи Привалова были полны любви и теплой ласки. Самымъ удивительнымъ въ этомъ суровомъ лицѣ, со сросшимися сѣдыми бровями и всегда сжатыми плотно губами, была улыбка. Она точно освѣщала все лицо. Такъ умѣютъ смѣяться только дѣти да слишкомъ серьезные и энергичные старики". Духовный обликъ его былъ тоже не изъ заурядныхъ. Напоръ жизни принудилъ пожертвовать кое-чѣмъ изъ своего „старовѣрія", небрежно относиться къ нѣкоторымъ обрядамъ и установленіямъ старообрядства, но проводникомъ въ жизнь всего того, что онъ унаслѣдовалъ отъ дѣдовъ, закаленныхъ въ старинномъ крѣпостничествѣ, онъ остался. Вѣренъ былъ жестокости при соблюденіи старыхъ основъ, строго относился къ рабочимъ, училъ ихъ уму-разуму по-своему. Когда его дочь, любимое дитя, сошлась со своимъ возлюбленнымъ, онъ старался забыть ее и четыре года не видѣлся съ нею. И таковъ онъ былъ вездѣ, гдѣ старые устои подвергались опасности...

Передъ этимъ богатыремъ своего рода кажется даже блѣдною фигура главнаго героя романа, Сергѣя Привалова, мечтателя, который одушевленъ завѣтной мыслью—поднять земледѣліе на Уралѣ въ видѣ противоядія заводской промышленности, потому что „въ недалекомъ будущемъ на заводахъ выработается настоящій безземельный пролетаріатъ, который будетъ похуже всякаго крѣпостного права". Привалова гнетутъ его наслѣдственные милліоны, которыми онъ ни за что не желаетъ воспользоваться. Онъ чувствуетъ, какой онъ неоплатный должникъ и башкировъ, на чьей землѣ возведены Шатровскіе заводы, и крестьянъ, ставшихъ безземельными, послѣ темной продѣлки съ ними. И Приваловъ мечтаетъ расплатиться со всѣми кредиторами, хотя миновала уже историческая давность. Но скоро онъ видитъ тщету своихъ честныхъ порываній, познаётъ силу, съ которой ему придется бороться. Однажды онъ зашелъ во время Ирбитской ярмарки въ театръ и, когда разсмотрѣлъ присутствовавшую публику, ощутилъ какую-то особенную пустоту въ душѣ, даже не мучившую его. „Онъ только чувствовалъ себя частью этого громаднаго цѣлаго, которое шевелилось въ партерѣ, какъ тысячеголовое чудовище. Вѣдь это цѣлое было неизмѣримо велико и влекло къ себѣ съ такой неудержимой силой... Даже злобы къ этому цѣлому Приваловъ не находилъ въ себѣ: оно являлось только колоссальнымъ фактомъ, который былъ правъ самъ по себѣ, въ силу своего существованія"... И ему пришло на мысль, зачѣмъ онъ здѣсь? „Куда ему бѣжать отъ всей этой ужасающей человѣческой нескладицы, бѣжать отъ самого себя? Онъ сознавалъ себя именно той жалкой единицей, которая служитъ только матеріаломъ въ какой-то сильной творческой рукѣ"... Ничего онъ, конечно, не сдѣлалъ. Послѣ его поѣздки въ Ирбитъ разбились всѣ его идеалы, надежды, мечтанія. Онъ сталъ пить, опустился и задавался вопросомъ: „для кого и для чего онъ теперь будетъ жить?.. Его идея въ этомъ страшномъ и могучемъ хорѣ себялюбивыхъ интересовъ, безжалостной эксплуатаціи, организованнаго обмана и какой-то органической подлости, жалко терялась, какъ послѣдній крикъ утопающаго". Словомъ, Приваловъ палъ жертвой стихійной власти—капиталистическаго роста. Маминъ-Сибирякъ отдалъ много творческой силы своему герою, нарождавшемуся народнику, этой очень сложной натурѣ. На Приваловѣ, такъ же, какъ на цѣломъ рядѣ дѣйствующихъ лицъ разныхъ его романовъ, писатель показалъ типичность „роковыхъ" людей, являющихся игралищемъ всякихъ стихійныхъ силъ, природныхъ и общественныхъ, передъ которыми такъ слабъ, жалокъ и ничтоженъ человѣкъ! Недаромъ еще Тютчевъ сказалъ:

Предъ стихійной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человѣкъ стоитъ уныло,—
Безпомощное дитя...

Эта та сила, передъ которой все слабое гибнетъ неслышно, а крушеніе сильныхъ сопровождается шумомъ.

Кромѣ Привалова въ этомъ романѣ интересна цѣлая галлерея разнообразныхъ фигуръ, нѣкоторыхъ типовъ, совсѣмъ новыхъ въ литературѣ. Таковы, напримѣръ, Заплатина—

паразитъ, полипъ, присасывающійся и къ живому и къ гніющему тѣлу, умѣющій извлекать пищу для себя, для своей ненасытной утробы; опекунъ Ляховскій, родственникъ Плюшкина, величающій себя славянофиломъ, плутъ международный на повѣрку, нѣмчура Оскаръ Шпигель, мастакъ ловить рыбку въ мутной водѣ, циничный бонвиванъ Веревкинъ, пріятель Приваловa, разнузданный богачъ Лантевъ, россійскій набобъ—съ одной стороны, и Бахаревъ и его дочь Надя—съ другой. Типъ Нади Бахаревой производитъ необыкновенно отрадное впечатлѣніе, прямо очаровываетъ, точно красавица пташка среди грубыхъ коршуновъ и черныхъ, ненасытныхъ вороновъ. Многіе критики находятъ, что въ нашей „изящной словесности“, старой и новой, это одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ. И всѣ эти типы „Приваловскихъ милліоновъ“ не избѣгаютъ разрухи, кончаютъ банкротствомъ денежнымъ или духовнымъ, провалами, неудачей. „Приваловскіе милліоны“,—это величественная картина жизни, наглядное изображеніе капиталистическаго процесса, грознаго явленія, которое захватываетъ, подобно спруту съ его безчисленными щупальцами, множество всякихъ человѣческихъ видовъ и разновидностей—и господъ, и слугъ, и представителей интеллигенціи, и черноземную силу. Много въ романѣ блестящихъ страницъ, матеріала, очень пригодящагося для разработки разныхъ соціальныхъ вопросовъ. Бо̀льшая часть типовъ—мастерскіе портреты съ натуры,—пейзажъ пріятно дѣйствуетъ свѣжестью красокъ, краснорѣчиво говоритъ о самомъ близкомъ знакомствѣ писателя съ природой и жизнью края, въ которомъ происходитъ дѣйствіе романа, а также съ исторіей этого края, съ его этнографіей. Картина ирбитской ярмарки написана сочной кистью, ярко отмѣчена „эта развернутая страница чисто-народной жизни“—той жизни, которую всегда такъ любовно изображалъ пѣвецъ Урала и Сибири. На этомъ зимнемъ торжищѣ, куда собираются представители пушной торговли всего свѣта, „переплелись въ одинъ крѣпкій узелъ кровные интересы милліоновъ, а эта вѣчно-голодная стая хищниковъ справляла свой безобразный шабашъ, не желая ничего знать, кромѣ своей наживы и барыша. Глядя на эти довольныя лица, которыя служили характерной вывѣской крѣпко сколоченныхъ и хорошо прилаженныхъ къ выгодному дѣлу капиталовъ, кажется, ни на мгновеніе нельзя было сомнѣваться въ томъ, „кому вольготно, весело живется на Руси“. Эта страшная сила клокотала и бурлила здѣсь, какъ вода въ паровомъ котлѣ: вотъ-вотъ она вырвется струей горячаго пара и начнетъ ворочать милліонами колесъ, валовъ, шестеренъ и тысячами тысячъ мудреныхъ приводовъ!“

По этому маленькому образчику вполнѣ можно судить о дарованіи Мамина-Сибиряка, о художественной красотѣ его описаній. Въ „Приваловскихъ милліонахъ“ дѣйствуетъ городской Уралъ, и писатель, обращаясь къ жизни преимущественно уральскихъ центровъ, почти совсѣмъ приближается къ современности этого края. „Героическій“ періодъ горнозаводскаго дѣла, желѣзнаго и золотого, отходитъ въ былое. Въ романѣ едва ли не весь Уралъ захваченъ авторомъ, въ лицѣ представителей края, обитающихъ около золота и желѣза. Передъ нами проходитъ длинная вереница о̀бразовъ, картинъ, описаній, очень характерныхъ не только для недавняго Урала, но и для всей Россіи, для современности. Вообще романъ представляетъ собою нѣчто цѣльное, полное, всестороннее. Это — великолѣпный калейдоскопъ, живая панорама жизни и дѣятельности далекаго края, который подъ перомъ писателя такъ приблизился къ намъ. Романъ „Приваловскіе милліоны“ недостаточно оцѣненъ въ нашей литературѣ, и его приходится причислить къ замѣчательнымъ явленіямъ, пропущеннымъ нашей критикой. Если бы подобный романъ вышелъ за границей, онъ произвелъ бы настоящую сенсацію и его значеніе было бы признано лучшими критиками. Только въ сравнительно недавнее время одинъ изъ чуткихъ критиковъ нашихъ, В. Альбовъ, въ своей обстоятельной статьѣ „Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка“ отдалъ должное этому замѣчательному произведенію, оцѣнилъ его по достоинству, назвавъ его выдающейся вещью въ родной литературѣ.

Вслѣдъ за „Приваловскими милліонами“ появилось другое крупное во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе Мамина-Сибиряка—„Горное гнѣздо“, напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1884 года, заставившее говорить о себѣ и еще болѣе выдвинувшее писателя въ литературѣ, расширившее кругъ его постоянныхъ читателей. Въ литературномъ мірѣ это произведеніе создало Мамину друзей и почитателей, увидѣвшихъ въ немъ новую восходящую звѣзду и возлагавшихъ на него большія надежды, которыя и оправдались вполнѣ довольно скоро. „Горное гнѣздо“ также посвящено горнозаводскому Уралу, описанію нравовъ его, причемъ на первый планъ выдвинута заводская администрація и интеллигенція, что̀ называется, во всей красѣ и неприкосновенности. Въ романѣ выведенъ округъ Кукарскихъ заводовъ съ длиннымъ рядомъ его заправилъ, съ превосходно зарисованными типами. Кукарскіе заводы занимаютъ огромную территорію въ пятьсотъ тысячъ десятинъ, что̀ равняется пространству цѣлаго германскаго княжества или какого-нибудь королевства въ Европѣ, а заводское населеніе вмѣстѣ съ селами, деревнями и „половинками“ соотвѣтствуетъ пространству, достигая пятидесяти тысячъ душъ, разсѣянныхъ по се-

лам, деревнямъ и заводамъ, которыхъ было семь. Десятки тысячъ людей свершалъ здѣсь свой тяжкій огневой трудъ на пользу владѣльцевъ этихъ заводовъ, живущихъ гдѣ-то далеко и словно покрытыхъ дымкою тайны. Одинъ изъ такихъ таинственныхъ незнакомцевъ, набобъ Лаптевъ, типичный образчикъ вырожденія, и выведенъ въ романѣ. Онъ списанъ съ натуры: подъ этимъ именемъ всякій знакомый съ исторіей горнаго дѣла на Уралѣ сразу узнаетъ другую историческую уральскую фамилію. На Лаптевѣ, на его неожиданномъ пріѣздѣ въ „горное гнѣздо" вертится интересъ романа. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ читателемъ открывается великолѣпная страница, необыкновенно своеобразная, изъ исторіи накопленія капитализма, его поступательнаго хода, причемъ повѣствователь рисуетъ цѣлый рядъ эпизодическихъ картинокъ заводской жизни. Кукарскій заводъ, старше другихъ и обширнѣе, былъ центральнымъ среди остальныхъ заводовъ, главенствовалъ, и въ смыслѣ административныхъ заводскихъ распорядковъ являлъ собою ихъ душу и сердце; изъ него исходили всѣ циркуляры, приказы, доношенія, рапортички, — вся канцелярская производительность. Служить здѣсь значило быть на виду у начальства, и это находили большой честью, и немудрено, что мелкота прочихъ заводовъ завидовала всѣмъ служащимъ на Кукарскомъ заводѣ, весь свой вѣкъ грезила о такомъ счастьѣ.

„Когда вы читаете „Горное гнѣздо",— говоритъ А. М. Скабичевскій.—вы порою совершенно забываете, что имѣете дѣло не болѣе, какъ съ фабрично-промышленнымъ округомъ: передъ вами словно какъ бы и въ самомъ дѣлѣ какое-то владѣтельное нѣмецкое княжество XVIII столѣтія съ цѣлою іерархіею соперничавшихъ и подкапывавшихся другъ подъ друга администраторовъ, съ дворомъ, наполненнымъ невообразимой путаницей чисто-макіавелевскихъ интригъ, и съ владѣтелемъ всѣхъ сокровищъ во главѣ, рисующимся передъ вами не простымъ фабрикантомъ, а какъ бы владѣтельнымъ принцемъ нѣмецкаго княжества, отъ одного мановенія пальца котораго зависитъ участь десятковъ тысячъ народа". Пріѣздъ въ свое „желѣзное" герцогство горнаго царька Лаптева и пребываніе его тамъ, интриги вокругъ него цѣлой стаи заправилъ Кукарскихъ заводовъ, ихъ раболѣпство передъ магнатомъ, подлизыванье, подличанье холопствующихъ проходимцевъ, изъ кожи лѣзущихъ, чтобы угодить пресыщенному, до мозга костей развращенному магнату, и происходящія на этой почвѣ трагикомедіи,—вотъ содержаніе романа. Не честность, не умъ и дарованія цѣнитъ „желѣзный" магнатъ въ своихъ подчиненныхъ, въ заводскихъ служащихъ, а только изобрѣтательность, ихъ умѣнье угодить своему патрону, расшевелить вялость нажравшагося боа-констриктора, обратить какой-нибудь новой выдумкой, изъ ряда выходящимъ кушаньемъ, развлеченіемъ его сонное вниманіе. Секретарь заводскаго главноуправляющаго, мелкая сошка, подленькій холопъ, вдругъ выползаетъ впередъ единственно потому, что для развлеченія барина изобрѣтаетъ какую-то татарскую борьбу, а старшій лѣсничій удостанвается благодарности и лобызанія растроганнаго набоба за то, что на закуску подалъ ему маринадъ изъ губы лося. И вся орава мерзкихъ паразитовъ только и занята изобрѣтеніями въ этомъ родѣ. Они увидали, что разбудить вниманіе горнаго царька относительно заводскихъ дѣлъ, улучшенія производства и проч. невозможно. Да въ сущности этимъ тлетворнымъ бактеріямъ и не было никакого дѣла ни до заводовъ, ни до всего Урала, ни до всего міра, кромѣ собственнаго благополучія и ублаготворенія своихъ низкихъ, животныхъ инстинктовъ.

Надо много таланта, чтобы справиться съ такой широко задуманной картиной, чтобы показать ростъ капиталистическаго процесса—съ одной стороны и недуги и язвы заводскаго дѣла на Уралѣ—съ другой, и ко всему этому изобразить, какъ такимъ важнымъ дѣломъ ворочаютъ ловкіе и обнаглѣвшіе проходимцы, всласть наслаждающіеся своимъ бытіемъ, глухіе къ стонамъ рабочаго Урала. Пріѣздъ набоба, ухаживанье за нимъ, интриги, подличанье, жестокая борьба соперничающихъ негодяевъ—проходятъ передъ читателемъ красивой фееріей, переходящей порою въ комедію и кончающейся веселымъ фарсомъ, когда набобъ улепетываетъ невзначай изъ своего царства, никого не предупредивъ, оставивъ и крестьянъ, ждавшихъ его, какъ Бога, и земцевъ, „съ иглочки новенькихъ", ждавшихъ могущественнаго слова магната для рѣшенія всякихъ хозяйственныхъ и иныхъ важныхъ вопросовъ, и всю администрацію горнозаводскую, съ разинутыми ртами, съ болью разочарованій и обманутыхъ надеждъ. Какой мастерской кистью написана картина самаго пріѣзда Лаптева, этого торжественнаго момента для всѣхъ ожидавшихъ „великія и богатыя милости"! Какъ ярко, типично исполнены массовыя изображенія и съ какимъ тщаніемъ, вѣрностью психологической очерчены фигуры дѣйствующихъ лицъ—самого героя Лаптева, его довѣреннаго Прейна, Родіона Сахарова, генерала Блинова, теоретика и кабинетнаго ученаго, бѣдной дѣвушки Луши Прозоровой, дочери мелкаго служащаго, наконецъ ловкой и подлой интригантки „царицы Раисы", то-есть Раисы Горемыкиной, жены главноуправляющаго, которая правила всѣмъ заводскимъ округомъ, его „внутренней политикой" при содѣйствіи своего Ришелье—Родьки Сахарова. Раиса представлена во весь ростъ. Начала она свою „работу" съ разныхъ урѣзокъ, сокративъ штатъ служащихъ, сбавивъ имъ жало-

ванье и прибавивъ работы. Прикащиковъ изъ крѣпостныхъ она замѣнила управителями, специалистами горнозаводскаго дѣла. „Большой свѣтъ“ заводовъ былъ у нея въ рукахъ, и она играла роль царицы въ своемъ мірѣ, гдѣ ее окружали поклонники, льстившіе ей, дѣлали видъ, что преклоняются передъ ея авторитетомъ, раболѣпствовали передъ ней, а за глаза пріятельски разбирали ее по косточкамъ, бранили, сплетничали на нее и всячески подкапывались. Живой, интересной вышла ея фигура у Мамина-Сибиряка вмѣстѣ съ написаннымъ такъ во весь ростъ набобомъ Лаптевымъ, взбалмошнымъ, чревоугодникомъ, бабникомъ, обладавшимъ странной привязанностью къ безпрестанному переодѣванію; его неподвижная, апатичная натура съ чисто-животными инстинктами отталкивала даже бѣдную дѣвушку Лушу, къ которой набобъ почувствовалъ влеченіе, можетъ статься, впервые во всю свою жизнь начавшій испытывать полноту чувства, его свѣжесть, силу. Онъ ревниво ненавидѣлъ общества этой гордой, съ большимъ запасомъ внутренней жизни дѣвушки, и при ней онъ становился неузнаваемымъ: его апатичность исчезала, а на морщинистомъ, увядшемъ лицѣ вспыхивалъ румянецъ. Типичнымъ вышелъ и Родька Сахаровъ, доморощенный Ришелье, домашній секретарь Горемыкина, правая рука царицы Раисы, путемъ мошеннической продѣлки обездолившій крестьянъ и фактически сдѣлавшій крѣпостнымъ населеніе Кукарскаго округа. Останавливаютъ на себѣ вниманіе и земецъ Тетюевъ, сперва онъ будто исполненный благихъ намѣреній, а потомъ потерявшій невинность и очутившійся сподвижникомъ набоба, сдѣлавшись юрисконсультомъ и будучи переведенъ въ столицу, а также генералъ Бляновъ, профессоръ, не имѣющій ничего общаго съ паразитами Кукарскаго завода, пріѣхавшій по желанію Лаптева для реформъ на заводахъ, вѣрящій въ это дѣло, но кабинетный ученый, дальше книгъ объ Уралѣ ничего о немъ не знающій. Если бъ онъ не былъ теоретикомъ, онъ могъ бы сдѣлать много хорошаго, распутать узелъ, которымъ было стянуто населеніе заводовъ.

Довольно сложная и запутанная интрига, на которой построенъ романъ, его эффектный конецъ, его стройность, выдержанность, придаютъ „Горному гнѣзду“ огромный интересъ. Въ романѣ много жизни, движенія, превосходное развитіе содержанія. Критика единодушно признала его выдающимся произведеніемъ по его стройности, законченности, возрастающему и съ каждой страницей болѣе и болѣе захватывающему интересу, самой удачной вещью въ смыслѣ психологическомъ, а равно и въ символическомъ. А. М. Скабичевскій замѣчаетъ, что въ то время, какъ остальныя произведенія Мамина-Сибиряка, посвященныя Уралу, являются скорѣе всего лѣтописными сказаніями, это, напротивъ, „романъ въ истинномъ и вполнѣ европейскомъ смыслѣ этого слова. Каждая подробность здѣсь идетъ къ дѣлу и все болѣе и болѣе обрисовываетъ и дѣйствующія лица, и всѣ ихъ взаимныя отношенія; каждая сцена полна жизни, движенія и представляетъ необходимое звено въ развитіи сюжета. Это единственный романъ Д. Н. Мамина, который цѣликомъ могъ бы быть передѣланъ въ комедію и поставленъ на сцену, и какая бы это была бойкая, эффектная и содержательная пьеса“. Многое въ этомъ романѣ, по мнѣнію того же критика, не поддается передачѣ, приводитъ читателя въ неописанный восторгъ и по многимъ сценамъ дѣлаетъ романъ истинно-классическимъ, лучшимъ произведеніемъ въ нашей литературѣ. Тотъ же критикъ отдаетъ должное также и изображенію типовъ, выведенныхъ въ романѣ. По его мнѣнію, въ лицѣ набоба Лаптева мы имѣемъ строго выдержанный, не только въ художественномъ, но и въ научномъ отношеніи—типъ полнаго вырожденія... „Это замѣчательный типъ изъ всѣхъ, какіе только встрѣчались въ нашей литературѣ, и безъ всякихъ преувеличеній смѣло можно поставить его въ одномъ ряду съ такими вѣковѣчными типами, какъ Тартюфъ, Гарпагонъ, Іудушка Головлевъ, Обломовъ“.

Въ „Горномъ гнѣздѣ“ ярче, чѣмъ въ другихъ романахъ Мамина-Сибиряка, рисующихъ суровую родину желѣза, золота и самоцвѣтовъ, представлена художественная лѣтопись того недавняго прошлаго этого края, когда жизнь заводовъ уральскихъ не успѣла еще оторваться отъ стараго корня, выросшаго на рабствѣ. Изображая эту эпоху Урала, писатель имѣетъ въ виду ходъ жизни и судьбу населенія не однихъ только Кукарскихъ заводовъ, но и всей нашей родины. Это можно заключить изъ резюме романа, вложеннаго въ уста пьяницы Прозорова, отца хорошенькой Луши, уѣхавшей съ Прейномъ въ качествѣ его любовницы. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ является прекрасной оцѣнкой дѣйствующихъ лицъ „Горнаго гнѣзда“. „Вы думаете, царица Раиса,—говоритъ, проливая пьяныя слезы, старикъ Прозоровъ,—я плачу о томъ, что Лукреція (т.-е. его дочь Луша) будетъ фигурировать въ роли еще одной жертвы русскаго горнаго дѣла,—о, нѣтъ! Это въ воздухѣ,— вы понимаете, мы дышимъ этимъ. Проституціей заражена наука, проституція въ искусствѣ, въ нарядахъ, въ мысли, а что же можно сказать противъ одного факта, который является ничтожной составной частью общаго „прогресса“. Не объ этомъ плачу, царица Раиса, а о томъ, что Виталій Прозоровъ, пьяница и потерянный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, является единственнымъ честнымъ человѣкомъ, послѣднимъ римляниномъ. Вотъ она гдѣ, настоящая-то античная трагедія, царица Раиса! Господи, какое время, какіе люди, какая

глупость и какая безграничная подлость! Тетюевъ съ Родькой (т.-е. Родіономъ Сахаровымъ) теперь совсѣмъ подтянутъ мужиковъ, а генералъ (Блиновъ) будетъ конопатить ихъ подлости своей проституированной ученостью... Посмотрите, какой развратъ царитъ на заводахъ, какая масса совершенно специфическихъ преступленій, созданныхъ спеціально заводской жизнью, а мы... Наука, святая наука—и та пошла въ кабалу къ золотому тельцу! И вашему царствію, Раиса Павловна, не будетъ конца... Будьте спокойны за будущее — оно ваше. Вашъ день и ваша пѣсня... И слабая женщина нашла наконецъ свое мѣсто на пиру жизни... Да, теперь честной женщинѣ нечего дѣлать". Монологъ Прозорова — это крикъ наболѣвшаго сердца самого автора, преисполненнаго скорбнаго пессимизма.

Съ появленіемъ „Бойцовъ", „Приваловскихъ милліоновъ" и „Горнаго гнѣзда" репутація Мамина-Сибиряка, какъ бытописателя Урала, отмежевавшаго себѣ видное мѣсто въ нашей художественной литературѣ, вполнѣ упрочилась. Писатель окрѣпъ и окончательно сложился, покончивъ съ неувѣренностью, вполнѣ овладѣвъ формой, выработавъ *свой* языкъ, красивый, сочный, простой. Онъ работаетъ неутомимо надъ богатымъ матеріаломъ, который увеличивается послѣ каждой поѣздки писателя по Уралу. Публика съ интересомъ останавливаетъ вниманіе на мелкихъ разсказахъ Дмитрія Наркисовича. Одновременно съ „Горнымъ гнѣздомъ" въ нашихъ ежемѣсячникахъ онъ напечаталъ: очеркъ „Авва", „Башка. Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ", „Жилка. Изъ разсказовъ о золотѣ", переименованный позднѣе въ „Дикое счастье", и изъ той же серіи—разсказъ „Золотая ночь", „На шиханѣ. Изъ разсказовъ охотника" и др. Характеренъ разсказъ „На шиханѣ", написанный на тему привязанности человѣка къ животнымъ. Эта тема, кстати сказать, проходитъ красной нитью черезъ многіе очерки писателя, любовно, нѣжно относящагося къ четвероногимъ и пернатымъ спутникамъ нашимъ на жизненномъ пути. По обыкновенію восхищаясь богатырями даже въ миніатюрѣ, даже безумiемъ храбрости, удали, Маминъ выводитъ здѣсь полупьянаго охотника, убійцу и острожника Савку, который питаетъ ненависть ко всякой жестокости, насилію и трогательно любитъ животныхъ. Когда заводскій главноуправляющій „за непослушаніе" стрѣляетъ въ свою собаку Весту, возмущенный Савка бросается на этого главноуправляющаго, нѣмца „Карлу", и чисто по-волчьи хватаетъ его за горло и, быть-можетъ, порѣшилъ бы съ нимъ, если бъ грубаго нѣмца не спасли объѣздчики. По разъясненію Савки, онъ оттого полонъ любви ко всякому животному, что всякое животное справедливѣе человѣка. Звѣрье „лютуетъ отъ голода, ибо ему ѣсть хочется, а человѣкъ и сытый, пожалуй, лютѣе звѣря. Звѣрь это знаетъ, и потому больше всего страшится человѣка. Эхъ, Господи милосливый, сколько это грѣха въ насъ, сколько неправды!" — восклицаетъ острожникъ и пьяница Савка. Едва ли кто изъ патентованныхъ интеллигентовъ способенъ такъ, какъ Савка, отозваться на жестокость, на безцѣльное звѣрство сильныхъ, подобныхъ нѣмцу „Карлѣ". Савка и пьетъ горькую оттого, что вѣчно мучится торжествомъ зла, гнетомъ неправды, владычествомъ грѣха. Сколько глубокаго смысла и въ этомъ очеркѣ и въ разсказѣ „Башка", гдѣ дѣйствующими лицами являются посѣтители какого-то грязнаго притона въ родѣ покойной Вяземской лавры въ Петроградѣ, среди которыхъ у одного пропойцы и забулдыги, занимавшагося писаніемъ просьбъ и жалобъ за деньги, вдругъ воскресаетъ образъ Божій, и падшій человѣкъ преисполняется необычайной жалостью къ погибшей женщинѣ, бывшей актрисѣ. Она видитъ удивительные сны, видитъ себя невиннымъ ребенкомъ и возбуждаетъ смѣхъ собутыльниковъ когда передаетъ объ этихъ снахъ въ притонѣ. Только пьяница „Башка" не смѣется и исполненъ какихъ-то странныхъ, обновляющихъ думъ. Когда эта бывшая актриса, прозвищемъ Фигура Ивановна, занемогла, „Башка" на скудный свой заработокъ купилъ ей пѣжную батистовую сорочку, такую, въ какой она видѣла себя во снѣ. Выздоровѣвъ, Фигура Ивановна пропила въ притонѣ рубашку, тайно положенную ей подъ подушку „Башкой", и послѣдній отъ страшнаго огорченія куда-то пропалъ, и больше его уже не видали въ притонѣ.

Очень колоритенъ разсказъ „Жилка" (или „Дикое счастье"), гдѣ писатель проводитъ свою излюбленную идею о стихійныхъ силахъ, слѣпо дѣйствующихъ въ жизни, господствующихъ надъ людьми, ломающихъ ихъ волю, убивающихъ разсудокъ. Это наиболѣе типичное произведеніе писателя, посвященное изображенію золотыхъ промысловъ. Въ „Дикомъ счастьѣ" ярко представлено, подъ вліяніемъ жажды золота, распаденіе купеческой семьи Брагиныхъ, которая жила по старинѣ и могла похвалиться своей крѣпостью, вѣрностью дѣдовскимъ завѣтамъ. Степенностью, чинностью и строгостью отличались старшіе члены брагинской семьи, поддерживали хорошій духъ въ домѣ и миръ въ патріархальной семьѣ. И вотъ судьба послала старику Брагину пріискъ. „Жилка" произвела переворотъ въ его душѣ: въ ней зародилась зависть къ тѣмъ, кто разбогатѣлъ „черезъ это самое золото", и Гордѣй Брагинъ очутился въ семьѣ золотопромышленниковъ, связался съ людьми, не имѣющими ничего общаго со старыми завѣтами. Въ тихомъ домѣ начались кутежи ради горнаго инженера Лапшина, помогшаго Брагину обойти законъ, воспрещавшій разработку жильнаго золота частнымъ лицамъ. Гордѣй Брагинъ совсѣмъ помѣшался

ва жажда наживы, превратился въ жаднаго эгоиста, сухого, безсердечнаго даже къ роднымъ, заразившаго своимъ эгоизмомъ и старуху-мать. Сыновья, которыхъ Гордѣй держалъ въ черномъ тѣлѣ и морилъ непосильной работой, стали обкрадывать отца и вести разгульную жизнь. Тотъ же инженеръ Лапшинъ, разсерженный Брагинымъ, однажды донесъ на него. „Жилку“ отобрали въ казну, Гордѣй разорился, но все перенесъ, зная, что у него еще осталось десять тысячъ, которыя онъ отдалъ спрятать матери. А когда она объявила сыну, что не знаетъ, о какихъ-такихъ деньгахъ онъ говоритъ, старикъ не вынесъ и внезапно умеръ. Старуха-мать сдѣлалась еще скупѣе, скареднѣе до болѣзни и голодомъ сморила семью. Свѣтлой точкой на этомъ темномъ фонѣ является Нюша Гордѣева, которую не задѣла стихійная сила—золото. Ея образъ прекрасно очерченъ въ романѣ, представляющемъ широко задуманную и прекрасно выполненную картину, гдѣ разныя явленія сгруппированы въ нѣчто стройное, являющее собою строгую систему.

Спустя два года послѣ появленія „Горнаго гнѣзда“, Маминъ-Сибирякъ выступилъ съ новой крупной вещью — романомъ „На улицѣ“, вышедшимъ позднѣе въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ „Бурный потокъ“. Эту вещь одинъ изъ критиковъ называетъ „естественнымъ продолженіемъ“ „Горнаго гнѣзда“, потому что въ ней какъ бы слышится отголосокъ монолога пьяницы Прозорова изъ „Горнаго гнѣзда“, обращеннаго къ Раисѣ Павловнѣ послѣ „разъѣзда каретъ“, по окончаніи параднаго обѣда, даннаго заводской конторой генераломъ Блиновымъ. Въ этомъ монологѣ Прозоровъ плачетъ о томъ, что нынѣ честной женщинѣ нечего дѣлать, что все, и наука и искусство попадаютъ въ кабалу къ золотому тельцу, и что всюду стремится царить безграничная подлость. На прозоровскомъ монологѣ и построенъ романъ „На улицѣ“, гдѣ передъ нами во всей своеобразной „прелести“ царитъ удивительный міръ высокопробныхъ дѣльцовъ обоего пола, продажныхъ свѣточей науки, представителей печати. Это—громадная петроградская улица, со своей безпредѣльной, могучей властью, въ высшей степени оживленный базаръ суеты, тщеславія, на которомъ по сходной цѣнѣ покупаются дарованія, знанія, настойчивость, изворотливость, измѣна, честь, совѣсть,—все, что̀ угодно нуждающимся набобамъ въ родѣ Лаптева. Рынокъ этотъ существуетъ для самаго широкаго пользованія капитала, являющагося „серьезнымъ покупателемъ“ подобныхъ цѣнностей особаго рода. Онъ какъ самая заразная язва дѣйствуетъ на талантъ, на все выдающееся, отзывчивое. Это очень наглядно показалъ писатель въ своемъ романѣ, безпощадно выводя на свѣтъ Божій и непорядочныхъ и порядочныхъ людей, подпавшихъ подъ власть улицы. Тутъ разные представители современнаго общества: Покатиловъ, даровитый и симпатичный журналистъ съ „неорганизованнымъ характеромъ“ (по опредѣленію его подруги, англичанки Бэтси), пишущій фельетоны въ маленькой газеткѣ и полный мечтами объ основаніи собственнаго большого органа, проэктеръ Морозъ-Доганскій, красавица Сусанна, его супруга, и еще всякіе денежные тузы и публицистъ по экономическимъ вопросамъ Чвоковъ. Морозъ-Доганскій нуждается въ органѣ, который могъ бы служить его темнымъ дѣлишкамъ, и потому даетъ Покатилову деньги на газету. Она сразу пріобрѣтаетъ извѣстность; ея подписка растетъ, и Покатиловъ пожинаетъ лавры, сдѣлавшись завоевателемъ улицы. Но, какъ въ старинной пѣсенкѣ поется: „на счастье прочно всякъ надежду кинь“—Морозъ-Доганскій разоряетъ Покатилова, самъ прогораетъ и кончаетъ самоубійствомъ.

Между прочимъ, Морозъ-Доганскій обиралъ, съ помощью своей красавицы-жены, нѣкоего Теплоухова, капиталиста-чудака, человѣка ненормальнаго. Послѣ скоропостижной смерти Теплоухова возбуждается процессъ довольно грязнаго свойства. Покатиловъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ за подложный вексель, и на ту же скамью попадаетъ и Сусанна Морозъ-Доганская, въ которую давно влюбленъ Покатиловъ. Прекрасная пара, соединившись, ссылается въ Сибирь. Улица скушала ихъ. Она „пріобрѣла“ также и Чвокова, талантливаго экономиста... Интересно задуманы и превосходно исполнены почти всѣ лица этого романа, сдѣлавшіяся жертвами улицы. Великолѣпна характеристика экономиста, сдѣланная имъ самимъ. „Что̀ же, я и не думаю оправдывать себя,—кается онъ Покатилову:—mea culpa—mea maxima culpa. Но, голубчикъ мой, вѣдь дѣваться некуда умному человѣку. Много насъ такихъ ученыхъ подлецовъ развилось. Время такое, братику. Пока умные да честные люди хорошія слова разговаривали, подлецы да дураки успѣли всѣ дѣла передѣлать. Каюсь: повиненъ свинству, но заслуживаю снисхожденія, поелику продѣлываю оное великое свинство не одинъ, а въ самомъ благовоспитанномъ обществѣ. Ей-Богу, иногда кажется, что какая-то фантасмагорія происходитъ, и самъ удивляешься себѣ...“ Новыя времена, выдвинувшія улицу съ ея темными промышленниками и тузами капитала, всосали въ себя и обезобразили нравственно Сусанну Морозъ-Доганскую, преобразивъ ее чуть не въ продажную тварь. А отъ природы она была совсѣмъ не такая, проявляла много симпатичности, тонкости чувствъ, чуткости. Очень удался авторy образъ этой несчастной жертвы „бурнаго потока“, захлестывающихъ волнъ улицы. Маминъ-Сибирякъ отлично справился со своей задачей—показать наглядно, какъ надвигалась со всѣмъ ея ужасомъ

капиталистическая пора, сопровождавшая свое движеніе отчаянной ломкой стараго уклада жизни, старыхъ идеаловъ, ничего не создавъ для трудящихся массъ и только произведя броженіе, растерянность, шатаніе мысли, хаотичность, разруху. Въ этомъ романѣ писатель оставилъ на время свой излюбленный Уралъ со всѣми его прошлыми и болѣе близкими къ нашему времени переживаніями и обратился къ жизни интеллигентныхъ классовъ, переживающихъ дни поразительныхъ недоразумѣній, не могущихъ оглядѣться при внезапно нахлынувшей новой волнѣ, гонимой вихремъ буржуазіи. И здѣсь писатель проявилъ огромную наблюдательность, способность подмѣчать характерныя черты времени, такія мелочи, изъ которыхъ складывается нѣчто цѣлое, крупное и которыя для другого писателя показались бы незначительными, нестоящими вниманія. Маминъ-Сибирякъ такимъ образомъ показалъ, что онъ—не только пѣвецъ Урала, бытописатель горнозаводской жизни, но и талантливый отражатель русской жизни вообще и современной въ особенности.

Очень незадолго передъ переселеніемъ Мамина-Сибиряка въ Петроградъ, послѣ длиннаго ряда его разсказовъ и очерковъ („Нужно поощрять искусство", „Золотопромышленники", „Отрава", „Самоцвѣты", „Гнѣздо пауковъ", „Летные", „Жизнь хороша" и проч.), появилась новая крупная его вещь „Три конца"—длинная и обстоятельная уральская лѣтопись, представляющая собою что-то грандіозное, великолѣпное, производящее сильное впечатлѣніе. Ключевской заводъ, подобно всѣмъ заводскимъ поселеніямъ Урала, заселялся частью крѣпостными крестьянами, которыхъ заводовладѣльцы переселяли изъ нашихъ внутреннихъ губерній, а частью бѣглецами, спасавшимися отъ жестокостей, притѣсненій и вообще несладкой жизни у своихъ баръ, а также и отъ религіозныхъ преслѣдованій. Получились элементы чрезвычайно разнородные, приносившіе съ собою на новыя мѣста ихъ водворенія свой старый укладъ жизни. И каждый изъ этихъ элементовъ оставался вѣренъ ему въ цѣломъ ряду поколѣній, не сливаясь съ прочими поселенцами, которые были для него вполнѣ чужими и по духу, и по нравамъ и обычаямъ. Каждая группа односельчанъ смотрѣла на остальныя враждебно, считала себя лучшею по своему укладу, по вѣрѣ. Такимъ образомъ на заводѣ возникли „концы"—Кержацкій, Хохлацкій и Туляцкій. Они-то и послужили Мамину-Сибиряку благодарной темой для его романа, гдѣ авторъ пытался прослѣдить судьбу „трехъ концовъ", населенныхъ крестьянами, прикрѣпленными къ Ключевскимъ заводамъ, судьбу вывезенныхъ людей изъ Малороссіи, Тульской губерніи—составлявшихъ два конца, и мѣстныхъ раскольниковъ, или „кержаковъ", живущихъ, каждый, стихійной, напряженной жизнью. Дѣйствіе романа происходитъ еще при крѣпостномъ правѣ и затѣмъ при переходѣ заводскихъ массъ отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному.

На широкомъ полотнѣ картины Мамина-Сибиряка—множество самыхъ разнообразныхъ фигуръ и представлены жизнь и взаимныя отношенія „трехъ концовъ": богатѣйшіе типы раскольниковъ, мужчинъ и женщинъ, и вообще уральскихъ фигуръ, „часть которыхъ теперь уже умерла и выброшена жизнью, часть измѣнилась и примѣнилась къ новымъ условіямъ, а часть и выступила на поверхность жизни только благодаря этимъ условіямъ". Особенно ярко обрисованы здѣсь раскольники, съ ихъ крѣпостью въ вѣрѣ и нетерпимостью къ другимъ—„мочеганамъ", богатые и бѣдные, глупые и умные, слабые и сильные, честные и безчестные. Вотъ грубая старица Енафа, держащая въ ежовыхъ рукавицахъ свой скитъ въ глухой мѣстности; богачъ Груздевъ, только числящійся въ старовѣрахъ, а на самомъ дѣлѣ вѣчно толкающійся между „мочеганами", хлѣботорговецъ и владѣлецъ питейныхъ заведеній, изъ самыхъ вліятельныхъ; вотъ „смиренный инокъ" Кириллъ, въ прошломъ каторжанинъ, рабъ звѣрскихъ, необузданныхъ страстей, душа мятущаяся, ищущая „правды Божіей"; злополучная Аграфена, она же и черница Агланда, замаливающая въ скитахъ тяжкій грѣхъ свой, и другіе. А на ряду съ ними „мочегане"—старикъ Титъ Горбатый, Коваль, заводскій управляющій Голяковскій, Петръ Мухинъ, лучшій изъ заводскихъ людей, наконецъ героиня Нюрочка, нарисованная въ самыхъ свѣтлыхъ тонахъ и не гибнущая среди остальныхъ героевъ „Трехъ концовъ". Жизнь ея слагается счастливо: она выходитъ замужъ за хорошаго человѣка, который еще съ дѣтства полюбился ей; съ нимъ идетъ она рука объ руку и занимается честнымъ дѣломъ—просвѣщеніемъ темныхъ массъ, въ качествѣ учительницы народной школы. Однако и она, слушая начетчицу Таисію, раскольничью мастерицу—„съ головою уходила въ этотъ міръ разныхъ жестокостей, неправды, крови и слезъ, и ея сердце содрогалось отъ ужаса. Господи, какъ страшно жить на свѣтѣ, особенно женщинамъ! Дѣйствительность проходила передъ ея глазами въ яркихъ картинахъ грѣха, человѣконенавистничества и крови"...

Одинъ изъ критиковъ находитъ, что авторъ „Трехъ концовъ" вовсе не является защитникомъ раскола, и сопоставляетъ его съ Печерскимъ (Мельниковымъ), авторомъ „Въ лѣсахъ" и „На горахъ", извѣстнѣйшимъ расколовѣдомъ-художникомъ. Но въ то время, какъ Печерскій нерѣдко въ своихъ романахъ клевещетъ, Маминъ-Сибирякъ говоритъ только правду и, даже изображая симпатичныхъ ему людей изъ этого міра, „не сгущаетъ розовыхъ

красокъ", оставаясь всюду строгимъ объективистомъ, иногда сухимъ бесстрастнымъ-фотографомъ. „Манитъ, по мнѣнію этого критика, — отворяетъ передъ нами двери скитскихъ тайниковъ, и удушливой, зловѣщей атмосферой средневѣковья вѣетъ на васъ оттуда. Плети, поклоны, скрытый развратъ, невѣжество, зависть, корысть, дѣтоубійства... Ужасъ! А это— „святая святыхъ", это — духовное убѣжище десятковъ тысячъ, грубо, мелочно, односторонне, въ буквѣ, а не въ духѣ и истинѣ", но все же „ищущихъ Бога и вѣчной правды Его". Страшно, но чувствуется, что авторъ не лжетъ, даже не преувеличиваетъ, не „творитъ" никакихъ рискованныхъ „легендъ", а рисуетъ прямо съ жизни подлинную жизнь. Но подождите,—замѣчаетъ далѣе критикъ,—возмущаться, не дочитавши романъ до конца, дѣлать выводы и заключенія объ уральскихъ старообрядцахъ и ихъ наставникахъ. Жестокость и суевѣріе борются въ нихъ съ живымъ исканіемъ правды, и высѣкаются порой, въ этой упорной борьбѣ, яркія искры, освѣщающія мракъ лицемѣрія, преступленія, лжи. Посмотрите, какими ясными, любовными красками рисуетъ романистъ знаменитое на Уралѣ паломничество старообрядцевъ всѣхъ согласій на Крестовые острова, куда и въ наше время, каждый годъ, къ могиламъ благоговѣйно чтимыхъ раскольничьихъ подвижниковъ „со всѣхъ сторонъ боголюбивые народы идутъ: изъ-подъ Москвы, съ Нижняго, съ Поволжья", чтобы молиться среди лѣса, подъ открытымъ небомъ. И небо и лѣсъ, и цвѣты и птицы оставляютъ на всѣхъ свой ясный, благодатный слѣдъ".

Помимо картинъ раскольничьей жизни и ея выясненія во всѣхъ отношеніяхъ, въ „Трехъ концахъ" живописно изображена исторія развитія экономическаго быта заводской массы, исторія хода капиталистическаго процесса въ поселкахъ, а также разныхъ моментовъ, когда старое боролось съ новымъ, отчего происходила видимая ясно сумятица, какъ старый укладъ исчезъ, а представители стараго строя остались со своимъ невѣжествомъ и съ крѣпостными вожделѣніями. Романистъ искусно набрасываетъ картину, какъ представители стараго щучьяго закала сошлись съ новыми людьми и какъ „этотъ замѣчательный союзъ дѣльцовъ старой и новой эпохи обобралъ на-голо заводскую массу, а дѣльцы новой эпохи, кромѣ того, установили тотъ капиталистическій режимъ, благодаря которому порвались послѣднія связи рабочаго съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми. Такъ изъ старыхъ союзовъ выдѣлилась новая клѣточка—безземельный рабочій, свободный отъ власти патріархальной семьи, отъ полукрѣпостныхъ, личныхъ связей съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми—„клѣточка, которая растетъ не по днямъ, а по часамъ", какъ говоритъ авторъ еще въ „Бойцахъ". Романъ „Три конца" полонъ и этнографическаго интереса и тѣхъ „человѣческихъ документовъ" достаточной цѣнности, которые очень пригодятся историку Урала. Романистъ такимъ образомъ сыгралъ здѣсь роль и этнографа и историка, не говоря о внимательномъ бытописателѣ, который во множествѣ характерныхъ положеній, сценъ и лицъ, выхваченныхъ непосредственно изъ дѣйствительности, воспроизвелъ прошлое Урала и времена, близкія къ нашимъ днямъ. У него прекрасно изображены взаимныя отношенія обитателей „концовъ", раскинувшихъ свои жилища по берегамъ трехъ горныхъ рѣчекъ Урьи, Сойги и Култыма, этнографическія особенности этихъ обитателей, стремящихся передѣлать по-своему чуждыя имъ условія жизни, въ которыя они попали, подчинить ихъ себѣ. Авторъ повѣствуетъ намъ и о тоскѣ по землѣ малороссовъ и тулячковъ, оторванныхъ отъ нея, выхваченныхъ изъ родной среды земледѣльцевъ и насильственно притиснутыхъ къ заводскому труду. Яркія страницы отведены хаотическому броженію, возникшему среди люда, чуждаго другъ другу по происхожденію, по религіи и по прошлому, скованныхъ вмѣстѣ, воедино цѣпью ржавой крѣпостничества, которая не выдержала, лопнула и, говоря словами поэта, ударила „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику",—броженію, которое проявилось въ первыхъ неудачныхъ попыткахъ къ переселенію „въ орду", первыхъ забастовкахъ и первыхъ массовыхъ выселеніяхъ „на вольныя работы" заводскаго населенія.

Въ „Трехъ концахъ" писатель остается вѣренъ своему обычному міровоззрѣнію. И здѣсь въ яркихъ краскахъ выражена все та же тайна жизни, заключающаяся во взаимномъ питаніи одной твари другою, и здѣсь повторяется неизбѣжная разруха, характеризующая родную жизнь и вылившаяся въ гибели дѣла и людей. Гибнутъ чугуноплавильные заводы, кончаютъ самоубійствомъ люди. Отецъ героини романа, Нюрочки, Петръ Елисеевичъ Мухинъ сходитъ съ ума, старовѣръ-хлѣботорговецъ разоряется, а убитыхъ и раненыхъ и не счесть... Итогъ получается мрачный. И вотъ заключительная картина этой жизненной катастрофы. „Половина избъ стояла съ заколоченными окнами. Лѣто прошло невеселое: мужики да бабы съ подростками. Почти все мужское населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ, побросавъ дома и семьи. Случилось что-то стихійно-ужасное, какъ повѣтріе или засуха. На покосахъ больше не пѣли веселыхъ пѣсенъ и не курились покосные огоньки, точно пронеслось мертвое дуновеніе. Раньше на время дѣлалась мертвой одна фабрика, а теперь замерло вмѣстѣ съ фабрикою и все живое... Въ Ключевскомъ заводѣ безмолвствовали всѣ три конца, какъ безмолвствовали фабрика и мѣдный рудникъ. Без-

дѣйствовавшая фабрика походила на парализованное сердце: она остановилась, и все кругомъ омертвѣло". Никакихъ, ни свѣтовыхъ ни звуковыхъ эффектовъ въ этомъ произведеніи нѣтъ,—разсказъ простой, какъ будто даже суховатый, а между тѣмъ картина эта наводитъ грусть и тяжелыя думы. Однако въ маминскомъ разсказѣ, по замѣчанію одного критика, „не чувствуется ни ужаса ни усталости отъ подобныхъ картинъ: даже въ этихъ варварскихъ формахъ, подъ гнетомъ заводскаго режима, все населеніе „трехъ концовъ" живетъ стихійной интенсивной жизнью. Тонъ повѣствованія именно жизнерадостный. Можетъ-быть, безсмысленная, дикая и часто звѣрская воля, а не человѣческое существованіе, но все же не покой, не застой, не мертвечина. А вотъ „итоги" и „резюме" — мертвенно-унылые и безнадежные. Богатство содержанія въ „Трехъ концахъ" дѣйствуетъ захватывающе на читателя, который съ громаднымъ интересомъ идетъ вслѣдъ за авторомъ въ раскольничьи скиты, возникшіе въ такой глуши, въ такихъ лѣсныхъ дебряхъ, куда раньше не заходила ни одна человѣческая нога, присутствуетъ при облавахъ на разбойниковъ, или въ заводѣ, гдѣ выбиваются изъ силъ въ непрестанномъ трудѣ, при разныхъ драматическихъ сценахъ — и не ропщетъ, потому что все это полно высокаго интереса и значенія, потому что здѣсь жизни много и лица списаны съ натуры.

„Три конца" появились въ 1890 году, а въ слѣдующемъ Дмитрій Наркисовичъ предпринялъ вторичную поѣздку въ Петроградъ. Пріѣхалъ онъ въ столицу уже съ большимъ именемъ, полный надеждъ и порывовъ, съ вѣрой въ свое призваніе, въ свою звѣзду, которая разгоралась ярче и ярче. Второй петроградскій періодъ жизни Дмитрія Наркисовича, во время котораго онъ, впрочемъ, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ прожилъ въ Царскомъ-Селѣ, — ознаменовался большой творческой работой, приведеніемъ въ порядокъ и использованіемъ огромнаго матеріала, привезеннаго писателемъ съ Урала, причемъ этотъ матеріалъ пополнялся съ помощью непрекращавшихся связей Дмитрія Наркисовича съ родными мѣстами, съ провинціей вообще. Столица встрѣтила писателя радушно, можно сказать, съ почетомъ, въ литературномъ мірѣ его оцѣнили по достоинству, и недаромъ, еще живя въ родныхъ мѣстахъ, онъ говорилъ матери своей, Аннѣ Семеновнѣ: „Мое время еще не пришло — меня оцѣнятъ только въ будущемъ"! И онъ угадалъ, потому что настоящая оцѣнка дѣятельности пѣвца Урала и Сибири сдѣлана была не скоро. Раньше его не признавали художникомъ, напримѣръ, Н. К. Михайловскій, находившійся съ нимъ въ очень дружественныхъ отношеніяхъ, считалъ Мамина-Сибиряка только даровитымъ и трудолюбивымъ этнографомъ, но потомъ онъ высоко ставилъ многія вещи Дмитрія Наркисовича, между прочимъ, „Черты изъ жизни Пепко", и очень цѣнилъ сотрудничество писателя въ „Русскомъ Богатствѣ". Прежде и А. М. Скабичевскій не цѣнилъ Дмитрія Наркисовича. По поводу своихъ литературныхъ успѣховъ, письменно бесѣдуя съ матерью, Дмитрій Наркисовичъ вспоминаетъ объ этомъ. „Къ моимъ именинамъ,—пишетъ онъ (27 октября 1896 г.),—подоспѣла и статья обо мнѣ Скабичевскаго въ „Новомъ Словѣ". Старикъ размахнулся и даже поставилъ меня превыше облака ходячаго, чего ужъ совсѣмъ не слѣдовало дѣлать. Напрасно онъ сравниваетъ меня съ Золя и еще болѣе напрасно ругаетъ послѣдняго, чтобы вящше превознести меня. *Много крови онъ испортилъ мнѣ раньше, т.-е. Скабичевскій*, а теперь хвалитъ. Благодарю Бога, что я пережилъ свой критическій литературный періодъ безъ всякой посторонней поддержки и пробилъ дорогу себѣ самъ, такъ что сейчасъ для меня похвала Скабичевскаго имѣетъ значеніе только въ... торговомъ смыслѣ, т.-е. для продажи изданій, хотя и тутъ лучше безчестья".

Когда Дмитрій Наркисовичъ пріѣхалъ въ Петроградъ и объ этомъ узнали въ литературныхъ кружкахъ, редакція новаго журнала „Міръ Божій" попросила своего представителя, Виктора Петровича Острогорскаго, съѣздить къ Сибиряку и заручиться его согласіемъ на постоянное сотрудничество. „Для перваго знакомства" Дмитрій Наркисовичъ вручилъ „почетному послу" рукопись разсказа своего „Зимовье на Студеной". Это прекрасная, истинно-художественная вещь, гдѣ разсказана исторія одинокаго, стоящаго одной ногой въ могилѣ, старика и его друга—такой же одинокой и старѣющейся собаки. Радостью въ ихъ монотонномъ существованіи является даже пѣтухъ, привезенный старику въ подарокъ. Но за радостью слѣдуетъ скорбь: собака заболѣваетъ и умираетъ. И тутъ уже для старика наступаетъ мрачное одиночество. Онъ пытается оставить свое жилье въ глуши и перебраться поближе къ людскому обществу, но дорога длинна, силы плохи, и въ снѣгу онъ находитъ свой конецъ. „Ни героевъ, ни злодѣевъ, ни пылкихъ любовниковъ, ни экскурсій въ область вымученныхъ неестественныхъ переживаній, а между тѣмъ слезы стоятъ на глазахъ, когда дочитываешь разсказъ, и тысяча самыхъ яркихъ страницъ, прочитанныхъ потомъ, не сотрутъ его въ памяти" — говоритъ одинъ критикъ по поводу „Зимовья на Студеной", по его мнѣнію—одного изъ тѣхъ немногихъ произведеній въ нашей небогатой художественной литературѣ бытового характера, отъ которыхъ вѣетъ трогательной правдой и которыя никогда не забываются. Едва ли кому изъ нашихъ беллетристовъ приходилось проявлять столько любви, задушевности и нѣжной вдумчивости при изображеніи привязанности одинокаго человѣка, обитающаго гдѣ-нибудь въ глуши, къ животному, съ которымъ ему суждено нести заботы, вмѣстѣ претерпѣ-

вать опасности, дѣлить удачи, маленькія радости,—какъ Мамину. Этотъ разсказъ невольно наводитъ на мысль о прекрасной душѣ писателя, о его человѣчности, чуткости.

У Дмитрія Наркисовича завязалось тѣсное общеніе съ журналомъ „Міръ Божій", и, войдя въ его редакціонный кружокъ, онъ сблизился съ Александрой Аркадьевной Давыдовой, издательницей журнала, и всей ея семьей. Въ литературномъ салонѣ этой выдающейся русской женщины Дмитрій Наркисовичъ перезнакомился со многими писателями и сошелся съ Глѣбомъ Успенскимъ и Н. К. Михайловскимъ. По свидѣтельству Елисаветы Наркисовны Удинцевой, сестры Дмитрія Наркисовича, Михайловскій очень любилъ ея брата, былъ даже нѣженъ съ нимъ, а братъ прямо благоговѣлъ передъ критикомъ-философомъ. Это было восторженное отношеніе младшаго къ старшему, преклоненіе ученика передъ учителемъ. Когда Михайловскій умеръ, Дмитрій Наркисовичъ былъ потрясенъ, и на всѣхъ его письмахъ того періода лежитъ тѣнь искренней, глубокой скорби. Михайловскій и Давыдова были воспріемниками при крещеніи его дочери Елены, родившейся въ 1892 году и потерявшей мать черезъ нѣсколько дней послѣ своего рожденія. Трогательно любилъ Дмитрій Наркисовичъ свою мать, до обожанія, а когда появилась на свѣтъ его дочь, которую онъ сталъ называть Аленушкой, это обожаніе раздвоилось. Ради Аленушки онъ переѣхалъ въ Царское-Село и для нея же вернулся въ это благодатное по климату мѣсто послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Петроградѣ, когда Аленушкѣ сталъ окончательно непріятенъ большой суетный городъ. Ради Аленушки Маминъ сдѣлался дѣтскимъ писателемъ и издалъ „Аленушкины сказки". Онъ вообще любилъ дѣтей, съ видимымъ удовольствіемъ возился съ ними. Это можно, между прочимъ, заключить изъ воспоминаній Л. А. Куприной, дочери извѣстнаго писателя, о Дмитріѣ Наркисовичѣ, котораго она знала совсѣмъ маленькой. „Помню,—разсказываетъ она,—какъ онъ одѣвалъ медвѣжью шкуру и пугалъ меня. Я отъ него убѣгала, а онъ догонялъ меня на четверенькахъ, влѣзалъ подъ рояль и прятался за стулья. Когда я подходила къ нему пожелать добраго утра, онъ другой разъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня, и закрывался газетой; я начинала сердиться и барабанить руками по газетѣ, желая, чтобы дѣдушка (такъ я называла Д. Н. Мамина) поборолся со мной, на что онъ почти всегда соглашался... Когда я не слушалась, онъ говорилъ, что съѣстъ меня. И игралъ онъ со мной въ куклы и въ солдаты, какъ ребенокъ". Дмитрій Наркисовичъ былъ самъ не свой, когда ему приходилось разставаться съ Аленушкой. Въ одномъ изъ писемъ, упоминая о своемъ обожаемомъ ребенкѣ, онъ даетъ клятву писать для дѣтей и, между прочимъ, говоритъ: „если бы знала эта крошка, что съ собой она несетъ всю мою дѣтскую литературу". Кстати сказать, въ дѣятельности Дмитрія Наркисовича эта область его творчества стоитъ совершенно особнякомъ.

Живя въ Царскомъ-Селѣ, Дмитрій Наркисовичъ предпринималъ иногда поѣздки, по литературнымъ дѣламъ, въ Москву. И здѣсь его встрѣчалъ радушный пріемъ собратьевъ по перу и издателей. Въ Москвѣ у него были старые пріятели. Еще когда онъ жилъ въ Екатеринбургѣ, онъ наѣзжалъ въ нашу бѣлокаменную столицу и во вторую поѣздку туда въ 1886 г. подружился съ народникомъ Н. Н. Златовратскимъ, часто видался съ извѣстнымъ историкомъ В. О. Ключевскимъ и профессоромъ Н. И. Стороженко. Встрѣчи съ ними происходили большей частью въ редакціи „Русской Мысли", гдѣ Дмитрій Наркисовичъ сотрудничалъ долгіе годы, лѣтъ десять, и въ домѣ Виктора Александровича Гольцева, да еще въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей". Дм. Наркис. высоко ставилъ совѣты Ключевскаго и Стороженко и очень дорожилъ ихъ мнѣніемъ, въ особенности послѣдняго, который вполнѣ признавалъ художественный талантъ писателя и болѣе всего цѣнилъ его „Уральскіе разсказы". Дмитрій Наркисовичъ былъ близко знакомъ и съ А. П. Чупровымъ, очень одобрявшимъ романы его, посвященные быту и нравамъ уральскихъ золотоискателей и рисующіе движеніе стихійной силы—капиталистическаго захвата. Дмитрій Наркисовичъ очень любилъ простоту, патріархальность, чисто-русское радушіе, хлѣбосольство, чѣмъ отмѣчена Москва, и жизнь здѣсь, гдѣ ему какъ-то пришлось пробыть довольно долго, ему нравилась. Въ Москвѣ онъ установилъ прочныя связи съ журналами и газетами, выходящими въ ней; ему пріятно было печататься и въ „Русской Мысли", и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", и въ „Дѣтскомъ Чтеніи". Въ „Русской Мысли" онъ работалъ съ 1884 по 1903 г. и помѣстилъ въ ней такія выдающіяся произведенія свои, какъ „Три конца", „Братья Гордѣевы", „Хлѣбъ", „На улицѣ" („Бурный потокъ"), „Судъ идетъ", „Около господъ", „Башка", „Отрава", „Самоцвѣты", „Старатели", „Слезы царицы", „Профессоръ Спирька", „Не мама", „Великій грѣшникъ" и друг.

Въ годъ переѣзда Дмитрія Наркисовича въ Петроградъ въ „Русской Мысли" появилась его повѣсть „Братья Гордѣевы", гдѣ разсказывается мрачный эпизодъ изъ заводскихъ нравовъ при крѣпостномъ правѣ, который произвелъ на Мамина-Сибиряка такое неотразимое, глубокое впечатлѣніе, что романистъ разсказалъ его въ „Горномъ гнѣздѣ" и въ „Трехъ концахъ" и, не довольствуясь этимъ, на тотъ же сюжетъ написалъ цѣлую повѣсть съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Эпизодъ касается заводскихъ „заграничныхъ", т.-е. получившихъ воспитаніе за границей. Въ началѣ прошлаго столѣтія владѣльцы уральскихъ

заводовъ вздумали посылать молодежь изъ своихъ крѣпостныхъ за границу съ тѣмъ, чтобы молодые люди изучали тамъ горное дѣло. У заводчиковъ это сдѣлалось какой-то манией. Молодые люди получали спеціальное образованіе, чувствовали себя на чужбинѣ, какъ дома, или, правильнѣе, лучше, чѣмъ дома, за десять лѣтъ пребыванія въ чужихъ краяхъ привыкали къ новому строю жизни, женились на нѣмкахъ или француженкахъ. Нѣсколько такихъ паръ вдругъ были потребованы ихъ хозяевами, барами, домой. И „заграничные" спеціалисты являлись на Уралъ, не подозрѣвая, что они остаются крѣпостными, да и жены ихъ волей-неволей попадаютъ въ крѣпостничество. Вотъ тутъ-то и начинается трагедія. Главноуправляющій Мурманскихъ заводовъ, человѣкъ невѣжественный, злобный, самъ крѣпостной, съ перваго пріѣзда возненавидѣлъ „заграничныхъ" десятерыхъ молодыхъ людей, которые въ качествѣ самыхъ отборныхъ учениковъ заводской школы были отправлены для изученія горной части за границу. Негодяй возненавидѣлъ ихъ и за европейское платье, и за воспитанность и, главное, за то, что они люди образованные, „не ко двору" заводскимъ озвѣрѣлымъ начальствующимъ лицамъ. Грозный главноуправляющій, Лука Назарычъ, быстро придавилъ молодыхъ людей своей желѣзной рукой, разсовавъ ихъ на самыя убогія мѣста съ грошовымъ вознагражденіемъ, создавъ имъ вполнѣ безвыходное положеніе. Вѣдь изъ „заграничныхъ", по глубокому убѣжденію Луки Назарыча, прежде всего надо было выбить „ученую дурь" и все европейское. И вотъ механики получили должность писарей, металлурги назначены на работы при конюшняхъ завода, чертежникамъ приказано быть машинистами, минералогамъ—лѣсниками, и т. д. Тѣмъ изъ нихъ, кто вздумалъ протестовать, выпала еще горшая участь: ихъ разжаловали въ чернорабочіе, сѣкли розгами, назначали въ куренныя работы, угольщиками, въ шахты, гдѣ они копали мѣдную руду, словомъ—многихъ превращали въ каторжанъ. Свирѣпѣлъ нечестивецъ, быть-можетъ, мстя имъ за все, что̀ ему выпадало на долю отъ заводовладѣльца. Самые загрубѣлые и крѣпкіе, закаленные въ тягостной работѣ заводскіе мужики не всѣ въ состояніи были выносить ее, а что̀ же должны были испытывать „заграничные"? Иныхъ въ шахту спускали на вѣрную смерть. Чудовищный Лука Назарычъ добился своего: одни изъ „заграничныхъ" доработались до чахотки, другіе помѣшались, а третьи сдѣлались горькими пьяницами. Положеніе женщинъ... Но о нихъ лучше и не говорить, не упоминать о постигшемъ ихъ позорѣ, систематической травлѣ, ихъ голоданіи и проч. Несчастныя не умѣли даже говорить по-русски и медленно вымирали, а вслѣдъ за ними преждевременную смерть находили и дѣти. Вскользь сказавшій о „Братьяхъ Гордѣевыхъ" Скабичевскій замѣчаетъ: „Страшный эпизодъ этотъ тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что вы наглядно видите здѣсь, какую непримиримую ненависть питаетъ грубое невѣжество къ малѣйшему просвѣту образованности и знаній,—ненависть слѣпую и чисто-стихійную, обусловливающуюся вовсе не какими-либо поступками, выходящими изъ уровня рутины со стороны людей, имѣвшихъ несчастіе и дерзость получить образованіе, а однимъ лишь злобнымъ чувствомъ зависти передъ нравственнымъ и умственнымъ превосходствомъ". Эпизодъ этотъ о „заграничныхъ" послужилъ канвою для повѣсти „Братья Гордѣевы", и Маминъ-Сибирякъ вышилъ по ней богатый узоръ въ довольно мрачныхъ тонахъ.

Повѣсть относится къ сороковымъ годамъ. Ѳедоръ Якимычъ, управляющій заводомъ, одинъ изъ тѣхъ „энергичныхъ стариковъ", типъ, къ которому романистъ чувствуетъ какое-то особенное пристрастіе, влеченье, „родъ недуга", дѣйствуетъ въ повѣсти въ роли настоящаго самодура, который изводитъ двухъ „французовъ" — братьевъ Гордѣевыхъ. Они были крѣпостными заводовладѣльца, давшаго имъ высшее техническое образованіе и для этого пославшаго ихъ за границу, когда они были еще мальчиками. Сдѣлавъ ихъ европейски-образованными, онъ не успѣлъ дать имъ „вольную", и братья, оставшись послѣ смерти своего барина-благодѣтеля такими же крѣпостными, какъ простые заводскіе рабочіе, поступили подъ начальство „энергичнаго старика". По словамъ автора, это былъ характерный старецъ, необыкновенно цвѣтущій, красивый, вопреки природѣ. „Широкое русское лицо такъ и дышало силой—розовое, свѣжее, благообразное". Несмотря на внѣшній прекрасный обликъ, онъ былъ, говоря шуточнымъ стишкомъ Некрасова, „чиновникъ съ виду и подлецъ душой". „Французы" не могли раболѣпствовать передъ самодуромъ, и онъ морилъ ихъ въ шахтѣ и довелъ до того, что одинъ изъ Гордѣевыхъ покончилъ съ собою, а другой братъ сошелъ съ ума. Жену одного изъ братьевъ, иностранку, „энергичный старикъ" сдѣлалъ своей любовницей. Ѳедоръ Якимычъ въ управленіи заводомъ выказалъ отчаянную жестокость: въ машинной онъ, то и дѣло, сѣкъ и виноватыхъ и правыхъ, ссылалъ въ новооткрытый мѣдный рудникъ, служившій на заводѣ чѣмъ-то въ родѣ домашней каторги, на изнурительную работу, которая считалась хуже „огненной" во сто кратъ и ссылка въ которую признана была рабочими величайшей бѣдой. Побои и ругательства безъ конца, практиковавшіеся Ѳедоромъ Якимычемъ, разумѣется, не шли въ счетъ. Таковы были пріемы „энергичнаго старика", представляющіе яркую иллюстрацію заводскихъ порядковъ при крѣпостномъ правѣ. Повѣсть имѣетъ обличительный характеръ и, вмѣстѣ съ

тѣмъ, это живая страничка изъ исторіи крѣпостного времени на Уралѣ, въ заводскихъ районахъ. Грустное, подавляющее впечатлѣніе производитъ эта повѣсть и такъ ярко написана, что читатель вмѣстѣ съ авторомъ душой переживаетъ ужасы былого, которымъ хотѣлось бы не вѣрить, но нельзя, потому что авторъ пишетъ голую правду, не прикрашивая ея ни малѣйшей фантазіей. Мимоходомъ нельзя не сказать, что, какъ повѣствователь, какъ бытописатель, лѣтописецъ нравовъ, онъ высоко-правдивъ. Онъ даетъ только факты, которые сами говорятъ за себя, и вдобавокъ умѣетъ разсказать ихъ такъ, что иногда невольно бьется все учащеннѣе сердце читателя и морозъ подираетъ по кожѣ.

Въ 1892 году въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ съ первой книжки началъ печататься новый большой романъ нашего писателя, въ пяти частяхъ, занявшій собою цѣлое полугодіе журнала,—романъ „Золото“. Въ немъ Маминъ развертываетъ передъ читателемъ живописныя, съ пестрыми, колоритными картинами уральской золотопромышленности, страницы недавняго былого. Это—картины человѣческой алчности и всякихъ ужасовъ въ моментъ перелома, совершившагося при паденіи крѣпостного права и слѣдующаго за нимъ пореформеннаго періода въ моментъ перехода отъ принудительныхъ работъ къ вольнонаемному труду. Дѣйствіе происходитъ на Балчуговской и Кедровской дачахъ, гдѣ изъ кожи лѣзутъ „старатели“ и хищничество доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ. Повальное пьянство, дикій разгулъ, убійства свирѣпствуютъ во всю. Страсти предпринимателей разгораются въ пожары... Полунищее пріисковое населеніе, многотысячная толпа, не то свободная, не то подневольная, творитъ невѣсть что, охваченная хроническимъ недугомъ — золотой лихорадкой. Ея пароксизмы вызываются снятіемъ казеннаго запрета съ громадной золотоносной Кедровской дачи, обѣтованной земли, сплошь усыпанной золотомъ. „Довольно казнѣ жадничать“,—теперь надъ добываніемъ золота можетъ трудиться всякій, кто хочетъ. Золотая лихорадка сводитъ съ ума самыхъ уравновѣшенныхъ людей, когда они начинаютъ чувствовать близость счастья, передъ которымъ всѣ преклоняются,—близость золота. Оно въ корень развращаетъ населеніе. „Самые стойкіе, самые выдержанные въ духѣ патріархальныхъ, вѣками выкованныхъ и закаленныхъ традицій люди и семьи гибнутъ, какъ мотыльки на огнѣ, опаленные ядовитымъ дыханіемъ золотого молоха...“ А въ результатѣ — одна разруха, тлѣнъ. Изъ-за золота рушатся устои старой патріархальной семьи. Его добываютъ страшнымъ трудомъ или воруютъ другъ у друга, звѣрѣютъ въ атмосферѣ легкой добычи...

На сценѣ питомцы каторги и крѣпостничества, мрачный старшій штейгеръ Родіонъ Потапычъ, бабушка Лукерья, скупщикъ краденаго золота Ястребовъ, Каблуковъ, съ чистой совѣстью сосущій дойную корову, казну, въ своей канцеляріи, старатель Матюшка, „кержакъ“ Кожинъ, жизнерадостный Карачунскій, управляющій пріисками, и много другихъ лицъ, живущихъ золотомъ и около золота, представителей начальствующихъ верховъ и самыхъ послѣднихъ низовъ. Это мастерски обрисованные типы, живьемъ схваченные изъ суровой дѣйствительности. Суровъ Родіонъ Потапычъ, штейгеръ, обожающій свою родную шахту, но безусловно честенъ и съ любовью очерченъ авторомъ, какъ сильная, кряжевая натура. Орломъ смотритъ Ястребовъ, къ которому попадаетъ едва ли не семь восьмыхъ золота, краденаго въ округѣ, скупщикъ, сумѣвшій широко поставить воровское дѣло, широкая натура русская, пьющая запоемъ и нерѣдко чувствующая покаянное настроеніе. Если „орломъ“ смотритъ храбрый воръ Ястребовъ, то городской чиновникъ Каблуковъ, всесильный въ области пріисковаго промысла, продувная бестія, знающая всѣ ходы и выходы, способный и на подлогъ и на кражу, представляется коршуномъ-стервятникомъ, не брезгающимъ всякой падалью. Очень цѣльная натура—раскольникъ Кожинъ, интересенъ безобидный старатель Матюшка, дѣлающійся убійцей. Онъ укокошилъ другого старателя, только-что разбогатѣвшаго счастливаго старика Кишкина, да прихватилъ кстати еще троихъ и звѣрски покончилъ со всѣми четырьмя. Жаль дѣлается Карачунскаго, управляющаго пріисками, впутавшагося въ грабительскую теплую кампанію, систематически расхищавшую казенное дѣло: его отдаютъ подъ судъ, и онъ стрѣляется. Кожинъ погибаетъ, будучи оторванъ отъ любимой жены; штейгеръ Родіонъ Потапычъ Зыковъ, изъ мести затопившій шахту съ новой, открытой имъ богатой жилой золота, кончаетъ помѣшательствомъ; старуха, раньше безкорыстная, а потомъ готовая изъ-за нѣсколькихъ рублей проклясть сына, сгораетъ во время пожара, спасая свой капитальчикъ. И все разрушается, идетъ прахомъ, и, какъ поетъ оперный Мефистофель, — „люди гибнутъ за металлъ!“ Начавъ читать романъ, вы уже какъ-то пророчески чувствуете, что не чѣмъ инымъ, какъ только бѣдой, можетъ окончиться эта болѣзнетворная жажда золота.

Романъ производитъ потрясающее впечатлѣніе, интересъ растетъ съ каждой новой страницей. „Когда вы читаете романъ, — справедливо замѣчаетъ Скабичевскій, — передъ вами безконечно распутывается клубокъ ненасытной алчности, продажности, готовности потопить ближняго въ ложкѣ воды изъ-за мѣднаго гроша, звѣрской жестокости, душегубства. На протяженіи всѣхъ четырехсотъ страницъ положительно не надъ чѣмъ отдохнуть душою: хотя бы одинъ лучъ свѣта блеснулъ въ этой непроглядной мглѣ кишащаго всѣми

пороками гнѣзда. Даже любовь, это чувство, которое по самому своему существу должно было бы умиротворять и смягчать душу, ведетъ здѣсь, напротивъ того, лишь къ новымъ жестокостямъ и звѣрствамъ". Этотъ же критикъ находитъ, что въ романѣ „Золото" быть и нравы уральскихъ золотоискателей изображены „въ такихъ мрачныхъ краскахъ, передъ которыми должны поблѣднѣть всѣ пресловутые разсказы Бретъ-Гарта изъ калифорнской жизни". И въ этомъ замѣчательномъ произведеніи проводитъ Маминъ свою любимую идею о полномъ безсиліи, грустномъ приниженіи человѣка передъ стихійными силами. Здѣсь она выражена необыкновенно сильно и убѣдительно. Одна изъ такихъ убійственныхъ стихій -золото. Оно, по словамъ автора, „недостигаемая мечта, высшій идеалъ, до котораго только въ состояніи подняться промысловое воображеніе". Золотая сила перевернула вверхъ дномъ всю жизнь людей, подъ ея страшной пятой переродившихся до неузнаваемости, съ одной стороны почувствовавшихъ свое безправіе, тяжелую зависимость, съ другой—пренебрегшихъ лучшими старыми завѣтами, совѣстью, честью, стыдомъ, святымъ чувствомъ любви. Подъ дѣйствіемъ магической силы золота совершилось страшное растлѣніе нравовъ, люди перестали быть людьми, озвѣрѣли, исподичались, были готовы на все. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, „Мина клейменый", разсказываетъ „старателямъ", мечтающимъ разбогатѣть, небылицу о какой-то „золотой свиньѣ". И въ романѣ Мамина, по остроумному и мѣткому замѣчанію одного критика, эта „золотая свинья" вырастаетъ въ какой-то зловѣщій символъ, въ роковое фантастическое чудовище. Это—одна изъ щедринскихъ „торжествующихъ свиней", которыя подкапываются подъ самые корни здоровой жизни, на зубахъ у которыхъ непрерывно хрустятъ человѣческія кости, а съ рыла каплетъ горячая человѣческая кровь". Въ романѣ „Золото" ярко выступаетъ и художественная сторона писателя, его огромное умѣнье живописать фонъ картины, широкой, многообъемлющей, располагать на ней пестрыя характерныя фигуры, показать движеніе массъ. Послѣднее всегда особенно ему удается. Кромѣ того Мамину удивительно выдерживаетъ въ „Золотѣ" образность народной рѣчи, своеобразность народнаго языка, причемъ разговоры дѣйствующихъ лицъ изумляютъ легкостью, своей естественностью. Мѣткія словца, поговорки, присловья всегда изобилуютъ у него въ разговорахъ, описаніяхъ, а относительно діалоговъ писатель достигаетъ такого совершенства, что, по выраженію одного критика, сближается даже „съ такимъ чудомъ въ этомъ отношеніи, какъ Гамсунъ". Въ романѣ „Золото", по замѣчанію того же критика, „діалогъ обогащенъ пёстрымъ калейдоскопомъ народныхъ оборотовъ и присказокъ".

Мамина-Сибиряка всегда угнеталъ выводъ, къ которому онъ пришелъ, наблюдая русскую жизнь. Всюду страшная неурядица, недохватки жизни, идущей на убыль, какая-то обидная неразбериха, безтолочь, непрестанная разруха, роковая, безсмысленная и безпросвѣтная. Этотъ выводъ свой онъ проводитъ настойчиво и послѣдовательно не только въ своихъ большихъ романахъ-лѣтописяхъ, въ которыхъ онъ рисуетъ съ разныхъ сторонъ жизнь и нравы Урала и Пріуралья, знакомя съ ихъ промыслами, но и въ произведеніяхъ, затрагивающихъ жизнь интеллигенціи, разныхъ слоевъ общества. Пессимизмомъ вѣетъ отъ его сборника „Дѣтскія тѣни", въ которомъ собраны разсказы и очерки: „Аннушка", „Живая совѣсть", „Коробкинъ", „Онъ", „Господинъ Скороходовъ", „Папа", „Тотъ самый, который", „Сусанна Антоновна", „Врагъ", помѣщавшіеся, кромѣ „Коробкина", большею частью въ „Русскомъ Богатствѣ" 1892—1893 годовъ. Невольное отраженіе дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, впечатлѣній писателя, это—тѣни, вопіющіе призраки жертвъ невозможнаго общественнаго строя, людской безчеловѣчности, „призраки тѣхъ милліоновъ младенцевъ, которые ежедневно вполнѣ легальнымъ путемъ умерщвляются, приносимые въ жертву удовлетворенію не только нашихъ минутныхъ похотей, нашему комфорту, честолюбивымъ, любостяжательнымъ и тому подобнымъ низменнымъ страстямъ и порокамъ, но и самымъ высшимъ духовнымъ интересамъ". Въ „Дѣтскихъ тѣняхъ" чуткій бѣллетристъ обнажаетъ передъ нами наводящія ужасъ общественныя язвы, которыя прикрыты изящной внѣшностью, лоскомъ цивилизаціи, блескомъ приличія, внѣшностью безукоризненной жизни, какою она представляется съ виду. Вотъ кормилица—одна изъ тѣхъ несчастныхъ женщинъ, за которыми стоятъ тѣни брошенныхъ ими на произволъ судьбы младенцевъ, брошенныхъ изъ тяжелой нужды, ради того, чтобы пойти кормить чужого ребенка, который „сосетъ чужую жизнь"; вотъ дочь мелкаго провинціальнаго актера, бѣднаго, убогаго, которую обстановка и отсутствіе воспитанія развратили чуть не съ пеленокъ; вотъ сынъ рабочаго, съ дѣтскихъ лѣтъ лишеннаго ногъ; вотъ дѣти, зараженныя страшной болѣзнью; вотъ дочь интеллигента, умирающая отъ какихъ-то странныхъ нервныхъ припадковъ—жертва наслѣдственности, и проч. Сколько глубокаго смысла въ этихъ разсказахъ, какъ тонко и колоритно они написаны, какое неотразимо-сильное впечатлѣніе производятъ они, запечатлѣнные настоящимъ художественнымъ талантомъ. Каждый изъ этихъ разсказовъ выстраданъ, пережитъ, написанъ, какъ говоритъ Гейне, лучшей кровью сердца. И сколько въ этихъ разсказахъ такихъ потрясающихъ вещей, отъ которыхъ не можетъ не скорбѣть душа, не

можетъ не волновать ся умъ, которыя будятъ нашу совѣсть и заставляютъ задаваться неизбѣжнымъ вопросомъ: „Неужели это всегда будетъ такъ и строй жизни будетъ давать столь плачевные, прискорбные результаты?“

Тоска о несовершенствѣ жизни, о ея безцѣльности, ея жестокой убыли, жалость къ жертвамъ подтачивающихъ основъ невозможнаго строя—съ одной стороны и жертвамъ „роковыхъ розстаній“ живо чувствуется и въ разсказахъ, вошедшихъ въ сборникъ Мамина „Около господъ“, заключающій въ себѣ, кромѣ заглавнаго разсказа, еще два очерка: „На чужой сторонѣ“ и „Въ услуженіи“. Тутъ и сѣрый мужикъ, раньше занятый своимъ хозяйствомъ, печальнымъ, почти нищенскимъ, а затѣмъ превращенный, по милости добраго господина, въ егеря, а далѣе въ вора, занимающагося браконьерствомъ; тутъ и полусѣрая кухарка, которую судьба заноситъ къ хорошимъ господамъ, а потомъ губитъ. И тутъ же ярко изображается жизненная неурядица. Добрый баринъ, оторвавшій мужика отъ его хозяйства, большой весельчакъ, остроумецъ, огорашиваетъ своего егеря, этого самаго мужика, такой исповѣдной тирадой: „А для чего жилъ Палъ Игнатьичъ, по-твоему?—говоритъ онъ о себѣ.—Тль, пилъ, наживалъ капиталъ... У меня тысячъ четыреста есть. Ну, и что же? У тебя ихъ нѣтъ, а умремъ одинаково за милую душу... Ахъ, тоска, тоска, тоска... А все думаешь, что все это только пока, а потомъ что-то такое будетъ, что-то новое, радостное и счастливое, и что ты проживешь жизнь не даромъ. Да... А въ сущности получается одно свинство, и никому ты и не нуженъ, и никто о тебѣ не пожалѣетъ“. Этой тирадой объясняется довольно ясно авторское признаніе, пессимизмъ писателя, очень мало вѣрящаго въ „господъ“ и думающаго, что отъ прикосновенія къ нимъ людей сѣрыхъ послѣдніе мало выигрываютъ, и что ни мужикъ ни прислуга хотя бы и „хорошихъ господъ“ не можетъ повторить строчки стараго стишка: „Хорошее знакомство въ прибыль намъ!“

Послѣднимъ большимъ произведеніемъ Мамина, гдѣ выдвинутъ капиталистическій процессъ, былъ романъ „Хлѣбъ“, напечатанный въ первыхъ восьми книжкахъ „Русской Мысли“ 1895 года. Это уже не царство золота, мѣди, желѣза, самоцвѣтовъ—мощный, всемірно-извѣстный богатырь Уралъ, это,— богатырь иного рода, благословенное степное Пріуралье,—своего рода „Микула Селяниновичъ“. Много разсказовъ посвящаетъ Маминъ богатырю Микулѣ и завершаетъ въ романѣ „Хлѣбъ“ эпопею Пріуралья въ длинной художественной лѣтописи, гдѣ все истекаетъ изъ хлѣба и все вращается около хлѣба. Лѣтопись относится къ сравнительно недавнимъ временамъ, періоду самому интересному въ жизни Пріуралья, который связанъ съ окончательнымъ переломомъ въ экономической жизни хлѣбороднаго края. Еще дремали черноземныя равнины у подошвы сѣдого насупившагося старца Урала. Но пришелъ благодѣтельный мужъ, „капиталъ“, и разбудилъ дремлющихъ красавицъ. И что произошло въ этотъ моментъ и дальше, о томъ и повѣствуетъ лѣтописецъ, изображая первые шаги піонеровъ капиталистическихъ предпріятій и начиная съ дореформенныхъ дней. „Онъ съ добросовѣстной объективностью историка-художника останавливается на неудачныхъ попыткахъ борьбы съ этими ловкими „реформаторами“ представителей стараго патріархальнаго торговаго уклада, которые всѣ либо гибнутъ, смятые колесами желѣзной экономической необходимости, либо добровольно складываютъ оружіе и покорно слѣдуютъ за ея тріумфальнымъ шествіемъ“. Передъ нами богатѣйшая зауральская житница, населеніе которой, исконные земледѣльцы, совершенно не видали крѣпостного права, и „экономическая жизнь края шла и развивалась вполнѣ естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вмѣшательство“. Уральское купечество сплавляло по рѣкѣ Ключевой баржи съ хлѣбомъ, шедшимъ изъ Зауралья и оренбургскихъ степей. Торговля хлѣбомъ сосредоточивалась въ городѣ Запольѣ, залегшемъ въ низовьяхъ рѣки Ключевой главной артеріи благословеннаго Зауралья, въ которомъ осѣло крѣпкое хлѣбопашественное населеніе: благодатный зауральскій черноземъ давалъ баснословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи. У народа было всего вволю—и земли, и хлѣба, и скотины, и жили здѣсь такъ, какъ жили отцы и дѣды, чуждаясь новшествъ въ своемъ краю, который былъ переполненъ трудовымъ богатствомъ. И не было въ ихъ краю ни пароходовъ ни „чугунки“, и населеніе свои капиталы закапывало въ землю и прятало въ подпольѣ, не имѣя понятія ни о кредитѣ ни о банкахъ.

Можетъ-быть, такая жизнь, такіе порядки длились бы вѣчно, но повѣяло вдругъ чѣмъ-то новымъ. Богатый край привлекъ къ себѣ дѣльцовъ послѣдней формаціи, летучія станицы хищныхъ тварей, и они принесли съ собою самые свѣжіе ростки экономическаго прогресса. И тутъ всѣ были выбиты изъ старой колеи и весь край зашевелился; купцы-старожилы спохватились—и „пошла писать губернія“. Круто измѣнилась жизнь и купцовъ и мужиковъ. Послѣдніе продавали свои запасы, а деньги несли въ лавки и особенно въ кабакъ—и въ концѣ концовъ разорялись. На разоренное природное богатство мужика набросились паразиты. Какимъ-то сосущимъ всѣ соки паразитомъ явился и банкъ. Онъ старался доконать пошатнувшіяся предпріятія, закрывая кредитъ неудачникамъ и расширяя его лицамъ, которые и безъ его помощи процвѣтали, дѣла которыхъ росли. Этотъ банкъ словно

задался стихійной задачей систематически заниматься разореніемъ. Ростовщики тоже дѣлали свое дѣло. За общимъ разореніемъ послѣдовалъ огромный пожаръ Заполья, а раньше постигло его другое бѣдствіе—голодъ, съ голоднымъ тифомъ. Этому всему и посвященъ романъ „Хлѣбъ", въ которомъ великолѣпно изображены нравы Заполья, экономическій крахъ, фигуры хищниковъ. Одинъ изъ уральскихъ критиковъ, разбирая это произведеніе и отдавая ему должное, находитъ, что Маминъ, пожалуй, слишкомъ мрачными красками рисуетъ результаты первыхъ шаговъ капитализма по черноземнымъ равнинамъ Пріуралья. Получается такое впечатлѣніе, будто, чего ни коснется только рука неизбѣжнаго и вмѣстѣ нежданнаго гостя,—все становится отравленнымъ. Отравленіе дѣйствуетъ на однихъ медленно, на другихъ быстрѣе, но гибнутъ кругомъ всѣ—и сильные и слабые. „Словно ядовитый „анчаръ" вырастаетъ въ центрѣ хлѣбороднаго края не естественный мирный прогрессъ промышленности, а какое-то „древо смерти". Безконечный рядъ несчастій разражается надъ Запольемъ: преступленія, сумасшествія, смерть—красной нитью проходятъ на фонѣ общаго разоренія и разсыпающейся прахомъ, отъ соприкосновенія съ „золотымъ тельцомъ", чести и честности". И въ романѣ „Хлѣбъ" писатель заставляетъ торжествовать одну изъ стихійныхъ силъ, которая дѣйствуетъ по-своему и словно смѣется надъ царемъ земли, надъ его всяческими ухищреніями. Въ „Хлѣбѣ" не менѣе ярко, чѣмъ въ другихъ романахъ Мамина, живописуется все безсиліе человѣка передъ этимъ стихійнымъ великаномъ, передъ которымъ человѣкъ—не болѣе, какъ жалкій пигмей.

Романомъ „Хлѣбъ" Маминъ закончилъ серію своихъ произведеній, рисующихъ со всѣхъ сторонъ Уралъ и Пріуралье, ихъ нравы, обычаи, общественную жизнь, ихъ дореформенный и пореформенный бытъ съ пестрой многочисленной толпой личностей всякаго рода. Еще въ очень молодые годы Мамина занимала мысль—дать цѣлую серію романовъ на манеръ „Ругоновъ—Макаръ" Золя. Объ этомъ онъ мелькомъ говоритъ въ своемъ произведеніи „Черты изъ жизни Пепко". Лелѣялъ ли писатель эту мысль и дальше, намъ неизвѣстно, но въ сравнительно короткое время онъ написалъ цѣлый рядъ романовъ—„Горное гнѣздо", „Три конца", „Золото", „Жилка" („Дикое счастье"), „Приваловскіе милліоны", „Хлѣбъ"—представляющихъ собою нѣчто цѣльное, связное, одноидейное, широко задуманное. Въ литературѣ нашей это—чрезвычайно оригинальное явленіе, имѣющее примѣры только въ западной изящной словесности. Этой серіей Маминъ оказалъ огромную услугу, какъ художникъ-этнографъ, какъ блестящій лѣтописецъ, показавшій воочію жизнь края, намъ извѣстнаго только по наслышкѣ. По изученію Урала у насъ имѣются солидныя, серьезныя работы, такъ или иначе дающія сырой матеріалъ, не болѣе. И Маминъ одинъ своимъ крупнымъ, художественнымъ талантомъ одухотворилъ научное изученіе края, сдѣлалъ его общедоступнымъ, возбудилъ громадный интересъ къ этимъ любопытнымъ мѣстамъ. Имя Мамина-Сибиряка, по справедливому замѣчанію его біографа-уральца, „должно бы быть навсегда вырѣзано на самыхъ высокихъ вершинахъ Уральскаго хребта". Эта серія произведеній, если даже отбросить мѣстность, въ ней изображаемую, не потеряетъ своего интереса, потому что она является крупнѣйшимъ нравоописательнымъ романомъ съ цѣлымъ рядомъ богатѣйшихъ картинъ, живыхъ, разнообразныхъ сценъ и типичныхъ представителей прошлаго и современности, свободно, легко плавающихъ въ житейскомъ морѣ или безслѣдно тонущихъ въ его темныхъ, ненасытныхъ волнахъ.

Какъ мы уже видѣли, не въ однихъ только упомянутыхъ романахъ Маминъ живописалъ свои родныя мѣста. Имъ посвященъ длинный рядъ мелкихъ его произведеній, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, столичнымъ и провинціальнымъ, и вошедшихъ затѣмъ въ сборники: „Уральскіе разсказы", „По Уралу", „Въ глуши", „Сибирскіе разсказы", „Золотая лихорадка", „Встрѣчи" и друг. Это большею частью этюды къ его большимъ картинамъ или самостоятельныя произведенія, сами по себѣ цѣнныя. Особенный успѣхъ имѣли „Уральскіе разсказы", гдѣ встрѣчаются такія ярко колоритныя, истинно художественныя вещи, какъ „Бойцы", „Въ худыхъ душахъ", „Башка", „На шиханѣ", „Родительская кровь", „Лѣтные", „Лѣсъ", „Отрава", „Изъ уральской старины". Здѣсь передъ нами проходитъ длинная галлерея лицъ, оригинальныхъ характеровъ, простыхъ, наивныхъ, грубыхъ, суровыхъ, страшныхъ съ виду только, несчастныхъ, одинокихъ. Эти фигуры написаны на фонѣ горнаго пейзажа, мрачнаго лѣса, страшной бури или дивнаго затишья. Подобно уральскому старателю, высыпающему изъ своего мѣшка и золотые самородки и драгоцѣнные самоцвѣты, писатель сыплетъ множество необыкновенныхъ интересныхъ фигуръ, одна другой характернѣе, занимательнѣе, красивѣе. Тутъ и чудесная природа, и любопытныя человѣческія отношенія, и психологическія загадки. Все это написано красиво, сочными мазками, глубоко-правдиво, съ идейной подкладкой, съ подведеніемъ жизненныхъ итоговъ и ясно выраженной формулой жизнепониманія. У Мамина въ этихъ и другихъ разсказахъ дѣйствуютъ преимущественно деревенскіе герои, которыхъ писатель знаетъ не по наслышкѣ, а изучалъ на мѣстѣ, близко соприкасаясь съ ними. У него все, и природа и люди списаны съ натуры и только многія событія разсказаны на основаніи богатыхъ

матеріаломъ устныхъ, письменныхъ и печатныхъ, которыми онъ располагалъ и которые собиралъ, еще живя на Уралѣ. Поѣздки по пріискамъ и заводамъ доставляли Мамину огромное удовольствіе. Однажды онъ, когда жилъ въ Екатеринбургѣ по возвращеніи изъ Петербурга, предпринялъ поѣздку со своимъ пріятелемъ И. В. Поповымъ въ село Мурзинку, Верхотурскаго уѣзда, въ этотъ центръ добычи уральскихъ драгоцѣнныхъ камней, и результатомъ ея явились очерки Мамина подъ заглавіемъ: „Самоцвѣты", напечатанные еще въ 1890 году въ „Русской Мысли" и обратившіе на себя вниманіе.

И въ эту поѣздку и во время другихъ подобныхъ экскурсій Дмитрій Наркисовичъ осматривалъ достопримѣчательности, справлялся объ исторіи заводовъ, объ ихъ дѣятельности, собиралъ легенды, сказки и проч. Устный матеріалъ ему удавалось добывать путемъ разспросовъ довольно легко, такъ какъ онъ, по свидѣтельству его друзей, умѣлъ располагать къ себѣ людей. Пріѣзжая въ деревню, онъ усаживался на завалинкѣ у какой-нибудь избы, собиралъ около себя мужиковъ, разспрашивалъ ихъ, слушалъ разсказы о землѣ, о мѣстныхъ судахъ, сказаніяхъ и проч. Умѣнье писателя располагать къ себѣ людей простиралось даже до такихъ инородцевъ, языка которыхъ онъ не зналъ, напримѣръ, башкиръ, которые чувствовали къ нему особое довѣріе и любовь. Нравъ у него былъ прекрасный, незлобивый. Его золотое сердце всегда проявляло болѣзненно-чуткую отзывчивость къ нуждамъ и горю слабыхъ и страдающихъ и возмущалось всякой ложью и неправдой. Друзья отзывались о Дмитріи Наркисовичѣ, какъ объ исключительно чистомъ, честномъ человѣкѣ, цѣльной, искренней натурѣ, умѣвшей горячо любить и горячо возмущаться. „Среднихъ нотъ" въ отзывахъ людей и поступковъ у него не было. „Онъ исключительно чутко воспринималъ и легко усматривалъ все мрачное и плохое". Дмитрій Наркисовичъ былъ также великолѣпнымъ разсказчикомъ, обладалъ остроуміемъ, жилка юмора всегда сказывалась въ немъ, равно и наблюдательность, умѣнье подмѣчать всякую мелочь, все мало-мальски характерное, оригинальное, умѣлъ тонко и красочно передавать разныя подробности своихъ наблюденій и впечатлѣній. Эти всѣ качества, душевныя и умственныя черты, весь свой нравственный обликъ онъ ярко и отчетливо отразилъ въ своихъ произведеніяхъ.

Маминъ-Сибирякъ отличался большой писательской плодовитостью. Одно бѣглое перечисленіе его произведеній можетъ занять цѣлый рядъ страницъ. Такимъ образомъ его литературное наслѣдство велико и займетъ много томовъ. Неинтересныхъ вещей у него нѣтъ. Таковъ уже характеръ этого писателя, что каждое его произведеніе заставляетъ читать, заставляетъ задумываться, заинтересоваться фабулой, картинами природы и изображенными лицами. Но все особенно выдающееся изъ его произведеній, все, что имѣло право на большое вниманіе грядущихъ поколѣній, носитъ на себѣ яркій и могучій отпечатокъ Урала. Во всемъ этомъ невольно чувствуется его любовь и нѣжность къ тому, что такъ или иначе связано съ роднымъ его краемъ, съ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ Урала. Они видны и въ картинахъ природы и въ фигурахъ даже фантастическаго характера. Мамина, по прекрасной характеристикѣ одного изъ уральскихъ критиковъ, — въ своихъ наблюденіяхъ по Уралу, художественныхъ отсвѣтахъ его ума и сердца, его наблюденій и переживаній „удѣлялъ мѣсто не только уральскимъ животнымъ и птицамъ, онъ одухотворилъ, осмыслилъ, связалъ въ одно живое цѣлое съ человѣкомъ и всю поэтичную, хмурую, грандіозную природу Урала. Цѣлая галлерея нѣсколькими словами и просто написанныхъ горно-лѣсныхъ пейзажей разбросана во всѣхъ произведеніяхъ писателя. Если ихъ собрать, получится интересная, полная настроенія и жуткой, захватывающей духъ красоты, книга, отъ которой будетъ вѣять запахомъ хвои, жутью горныхъ ущелій, синимъ просторомъ необъятной дали, шумомъ вѣчно воюющихъ съ камнями горныхъ рѣкъ, а на фонѣ широкихъ горныхъ, лѣсныхъ и воздушныхъ перспективъ выступитъ отдѣльные мхи, деревья, цвѣты, травы, часто одѣтые полуфантастической дымкой... Какъ умѣлъ порой Маминъ отрѣшаться отъ реальной суматохи дѣловой жизни Урала и уходить въ сказку, не отрываясь въ то же время отъ здороваго корня реальныхъ переживаній нормальнаго человѣка, показываетъ многіе его разсказы-полусказки, гдѣ жизнь незамѣтно переплетается съ фантазіей".

Въ произведеніяхъ Мамина-Сибиряка чувствуются удивительная сила, его широкій размахъ, какой-то стихійный талантъ, подчинявшійся словно неизвѣдомой стихіи, двигавшей и умомъ и перомъ писателя. Многіе критики сравнивали его съ Мельниковымъ-Печерскимъ, авторомъ „Въ лѣсахъ" и „На горахъ", въ особенности по любви Мамина къ тщательному, ревностному изображенію образовъ, быта; но и въ этомъ Маминъ стоитъ куда выше Печерскаго. У него нѣтъ расплывчатости послѣдняго, нѣкоторой слащавости и тенденціозной предвзятости. Во многихъ отношеніяхъ Мамина средняго таланту Золя, и А. М. Скабичевскій правъ, подчеркнувъ это сродство и сказавъ, что Мамину имѣетъ всѣ данныя, чтобы пользоваться общеевропейской извѣстностью, а тѣмъ Золя быть властителемъ душъ и сердецъ своихъ соотечественниковъ. „По силѣ таланта, — замѣчаетъ критикъ, — Мамину нисколько не уступаетъ знаменитому французскому натуралисту, если только не превосходитъ его. Что же касается до обилія мате-

ріала, даваемаго обоими писателями въ ихъ произведеніяхъ, то смѣшно было бы [illegible] Золя съ Маминымъ. Какъ ни хвалится Золя своимъ тщательнымъ изученіемъ изображаемой жизни, анатомированіемъ ея по всѣмъ методамъ естественнонаучныхъ изслѣдованій,—въ самомъ дѣлѣ вся эта похвальба является часто чистѣйшимъ шарлатанствомъ... У Золя подъ громкимъ названіемъ научныхъ матеріаловъ являются подчасъ просто-напросто затасканные путешественниками всѣхъ націй гиды. Развѣ можно сравнивать всѣ подобные пресловутые „документы“ съ тѣми основательными свѣдѣніями, какія находите вы въ романахъ Д. Н. Мамина?“

Къ этому можно добавить, что и кругозоръ у Мамина былъ шире и міросозерцаніе опредѣленнѣе, глубже. Это сразу бросается въ глаза при чтеніи и большихъ его вещей и ряда менѣе крупныхъ очерковъ и разсказовъ, въ которыхъ красной нитью проходитъ одна и та же идея. Она и въ „Горномъ гнѣздѣ“, и въ „Хлѣбѣ“, и въ „Отравѣ“, и въ „Послѣдней требѣ“, и въ „Блажныхъ“, имѣющихъ нѣкоторый символическій смыслъ. Серія такихъ его разсказовъ, какъ „Дѣтскія тѣни“, „Не мама“, „Врачъ“, также одухотворена одной идеей. Тамъ капиталистическій процессъ, борьба человѣка со стихійными силами,—здѣсь изнанка цивилизаціи, въ другихъ вещахъ неотразимое вліяніе природы на человѣка, теплая привязанность его къ животнымъ. На послѣднюю тему написаны, дышащіе прелестью, яркіе бытовые очерки: „Лебедка“, „На шиханѣ“, „Богачъ и Еремка“, „Зимовье на Студеной“, „Емеля-охотникъ“. Все это имѣетъ огромный художественный интересъ и высокое общественное значеніе. Кстати сказать, хотя Маминъ—и пѣвецъ Урала и Сибири, но его произведенія не имѣютъ значенія чего-то слишкомъ спеціальнаго, уральскаго. Все, что онъ изображаетъ, насколько это касается Урала, настолько относится и къ остальной Россіи. Ибо торжественное шествіе капитализма, алчность, поѣданіе другъ друга, хищничество, бюрократизмъ, женское безправіе и женскія немощи, семейный разладъ, пережитки ветхозавѣтныхъ устоевъ—все это не одно только чисто-уральское, но и общерусское.

Напрасно читатель сталъ бы искать политики, ея тенденціи въ произведеніяхъ Мамина: онъ чуждался этого, политически некупленнымъ не былъ,—его, какъ больнаго до мозга костей художника, влекли люди, ихъ характеры, а не публицистическія задачи, хотя онъ съ такой силой, съ такимъ подъемомъ духа умѣлъ живописать явленія разстройства жизни, семейной и общественной, и все то, что вызывалось и вызывается гнилостью старыхъ основъ нашего бытія, общественнымъ разложеніемъ. Но тутъ его рукою водитъ не духъ публициста, ею водитъ настроеніе, переживаемое писателемъ, душевная боль при видѣ безчисленныхъ жертвъ жизненнаго несовершенства, и взрослыхъ и дѣтей,—то настроеніе, которое овладѣло писателемъ, къ самому началу текущаго новаго вѣка, особенно сильно, та жалость къ убыли-жизни, къ страстотерпцамъ, погибающимъ отъ этой убыли и общественной неразберихи. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ своей творческой работы Маминъ уже не старается выводить длинную галлерею лицъ въ своихъ произведеніяхъ, большею частью взятыхъ изъ жизни интеллигентныхъ слоевъ общества, и это даетъ писателю возможность глубже проникать въ душевный міръ его дѣйствующихъ лицъ. Надо замѣтить, что въ произведеніяхъ этого періода писатель выказываетъ субъективный элементъ: „вы чувствуете, что авторъ не только былъ пораженъ со стороны, какъ художникъ и мыслитель, тѣмъ, что онъ изображаетъ, но въ большей или меньшей мѣрѣ самъ пережилъ это самое“.

Дмитрій Наркисовичъ прожилъ въ Царскомъ-Селѣ около двѣнадцати лѣтъ. Здѣсь его посѣщали довольно часто его литературные друзья и нѣкоторые художники. Второе шестилѣтіе, съ 1902 по 1908 годъ, закончилось его переѣздомъ въ Петроградъ, гдѣ онъ писалъ все меньше и меньше. Онъ словно подводилъ итоги своей дѣятельности и чувствовалъ, сознавалъ, что онъ сдѣлалъ много и все, что могъ. Онъ былъ уже любимымъ писателемъ съ прочно установившейся репутаціей и не чувствовалъ себя одинокимъ, потому что могъ дѣлиться своими впечатлѣніями со своей уже выросшей дочерью, которую обожалъ, и былъ среди близкихъ немногихъ людей, ему глубоко сочувствовавшихъ, дорожившихъ его пріязнью въ то время, когда кругомъ царила литература новая, чужая для него. „Остроумный и живой до конца дней своихъ, онъ вездѣ собиралъ около себя кружокъ, сыпалъ мѣткими сравненіями, вообще горѣлъ“. А силы его между тѣмъ уходили, и зловѣщій недугъ подкрадывался незамѣтно. Въ августѣ 1911 года Дмитрій Наркисовичъ былъ какъ-то въ своемъ любимомъ Павловскѣ „на музыкѣ“, и здѣсь съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго онъ уже не могъ подняться. Въ постели пришлось ему встрѣтить свой сорокалѣтній юбилей. „О, какъ ужасно быть живымъ, полуразрушась надъ могилой!“—могъ онъ воскликнуть словами поэта Полежаева въ отвѣтъ на горячія, сердечныя привѣтствія друзей и депутацій отъ петроградскихъ литераторовъ, на цѣлый рядъ поздравительныхъ телеграммъ, прочитанныхъ больному юбиляру. „Съ гордостью вспоминаемъ о вашей многолѣтней работѣ въ газетѣ“—писала ему редакція „Русскихъ Вѣдомостей“, гдѣ онъ работалъ двадцать лѣтъ и гдѣ послѣдними его очерками и разсказами были: „Трататонъ“, „Никчемные человѣки“ и „Поцѣлуй младенца“, помѣщенные въ 1906 году. Въ этомъ году Дм. Наркис. лѣтомъ гостилъ въ Финляндіи и писалъ

познился съ однимъ развеселымъ мужичкомъ, котораго за милый, веселый нравъ прозвалъ Трататономъ. Отсюда и разсказъ съ этимъ заглавіемъ, появившійся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Позднѣе этихъ разсказовъ былъ очеркъ „Пустынька" въ „Современномъ Мірѣ" 1908 года и разсказъ „Крупичатая", кажется, послѣдняя его вещь, напечатанная при жизни писателя. Почти приговоренный къ смерти, онъ еще жаждалъ работать: „Я буду писать. Много темъ накопилось"—говорилъ онъ еще до своего юбилея, до дня именинъ, 26-го октября 1912 года. Но послѣ этого минула недѣля, и 2-го ноября онъ ушелъ отъ жизни, быть-можетъ, еще не договоривъ всего того, что таилось въ глубинѣ его прекрасной, кристальной души. Но и то, что онъ успѣлъ высказать, что продиктовалъ ему его большой, оригинальный талантъ, останется навсегда цѣннымъ, пробуждающимъ въ насъ лучшія чувства. Красота не умираетъ, а въ произведеніяхъ Мамина-Сибиряка много красоты вѣчной, животворной. Надо только умѣть оцѣнить ее, понять писателя, далеко не понятаго, не оцѣненнаго по заслугамъ нашей критикой. Но эта оцѣнка послѣдуетъ скоро, это время не за горами...

Петръ Быковъ.

Царское-Село.
Ноябрь 1914 г.

ПРИВАЛОВСКІЕ МИЛЛІОНЫ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Пріѣхалъ... барыня, пріѣхалъ!—задыхающимся голосомъ прошептала горничная Матрешка, вбѣгая въ спальню Хіоніи Алексѣевны Заплатиной.— Вчера ночью пріѣхалъ... Остановился въ „Золотомъ Якорѣ".

Заплатина, дама неопредѣленныхъ лѣтъ съ выцвѣтшимъ лицомъ, стояла передъ зеркаломъ въ утреннемъ дезабилье. Волосы цвѣта верблюжьей шерсти были распущены по плечамъ, но они не могли задрапировать ни жилистой худой шеи, ни грязной ночной кофты, открывавшей, благодаря оторванной верхней пуговкѣ, высохшую костлявую грудь. Извѣстіе, принесенное Матрешкой, поразило Заплатину, какъ громомъ, и она даже выронила изъ рукъ гребень, которымъ расчесывала свои волосы передъ зеркаломъ. Въ углу комнаты, у небольшого окна, выходившаго на дворъ, сидѣлъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ, совсѣмъ закрывшись послѣднимъ номеромъ газеты. Это былъ самъ г. Заплатинъ, Викторъ Николаичъ, топографъ узловской межевой канцеляріи. По своей наружности онъ представлялъ полную противоположность своей женѣ: прилично полный, съ румянцемъ на загорѣлыхъ щекахъ, съ русой окладистой бородкой и добрыми сѣрыми глазками, онъ такъ же походилъ на спѣлое яблоко, какъ его достойная половина на моченую грушу. Онъ маленькими глотками отпивалъ изъ стакана кофе и лѣниво потягивался въ своемъ мягкомъ, глубокомъ креслѣ. Появленіе Матрешки и ея шопотъ не произвели на Заплатина никакого впечатлѣнія, и онъ продолжалъ читать свою газету самымъ равнодушнымъ образомъ.

— Матрена, голубчикъ, бѣги сейчасъ же къ Агриппинѣ Филипьевнѣ...— торопливо говорила Заплатина своей горничной.—Да постой... Скажи ей только одно слово: „пріѣхалъ". Понимаешь?.. Да, ради Бога, скорѣе...

Матрешкѣ въ экстренныхъ случаяхъ не нужно было повторять приказаній,—она, по одному мановенію руки, съ быстротой пушечнаго ядра летѣла хоть на край свѣта. Сама по себѣ Матрешка была самая обыкновенная, всегда грязная горничная, съ порядочно измятымъ глупымъ лицомъ и большими темными подглазницами подъ бойкими карими глазами; ветхое ситцевое платье всегда было ей не впору и сильно стѣсняло могучія юныя формы. Въ рукахъ Заплатиной Матрешка была золотой человѣкъ, потому что обладала счастливой способностью дѣйствовать безъ разсужденій.

— Ахъ, Господи... что же это такое?.. Да Викторъ Николаичъ... Ахъ, Господи!.. — причитала Заплатина, безтолково бросаясь изъ угла въ уголъ.

— Чего тебѣ?..

— Да вѣдь ты слышалъ: пріѣ-халъ...

— Что же изъ этого?

— Болванъ! Да вѣдь Приваловъ—милліонеръ, пойми ты это... Мил-лі-онеръ!.. Ахъ, Господи, гдѣ же мой корсетъ... гдѣ мой корсетъ?

— Отстань, пожалуйста...

— Дуракъ!.. Ахъ, Господи... Вѣдь говорила я Агриппинѣ Филипьевнѣ, ужъ сколько разъ говорила: „Mon ange, ужъ повѣрьте, что недаромъ пріѣхалъ этотъ вашъ братецъ...“ Да-съ!.. Вотъ и вышло по-моему. Ахъ! вотъ пойдетъ переполохъ: Бахаревы, Ляховскіе, Половодовы... Я очень рада, что Приваловъ посбавитъ имъ спеси, то-есть Ляховскимъ и Половодовымъ. Ужъ очень зазнались... даромъ, что рыльце-то у нихъ въ пушку. Вотъ ужо, погодите, подтянетъ васъ, голубчиковъ, наслѣдничекъ-то... Ха-ха... Викторъ Николаичъ, дерево ты этакое, слышишь: *Приваловъ пріѣхалъ!*

— Да отвяжись ты отъ меня, ржавчина! „Пріѣхалъ, пріѣхалъ“,—передразнивалъ онъ жену.—Нужно, такъ и пріѣхалъ. Такой же человѣкъ, какъ и мы грѣшные... Дай-ка мнѣ милліонъ, да я...

— Отчего же онъ не остановился у Бахаревыхъ? — соображала Заплатина, заключая свои кости въ корсетъ.—Видно, себѣ на умѣ... Все-таки сейчасъ поѣду къ Бахаревымъ. Нужно предупредить Марью Степановну... Вотъ и партія Nadine. Точно съ неба женихъ свалился! Этакое счастье этимъ богачамъ: своихъ денегъ не знаютъ куда дѣвать, а тутъ, какъ снѣгъ на голову, зять милліонеръ... Воображаю: у Ляховскаго дочь, у Половодова сестра, у Веревкиныхъ дочь, у Бахаревыхъ цѣлыхъ двѣ... Вотъ извольте тутъ раздѣлить между ними одного жениха!..

— Бабы—такъ бабы и есть,—резонировалъ Заплатинъ, глубокомысленно разсматривая расшитую цвѣтнымъ шелкомъ полу своего халата.—У нихъ свое на умѣ! „Женихъ“—такъ и было... Пріѣхалъ человѣкъ изъ Петербурга,—да онъ и смотрѣть-то на вашихъ невѣстъ не хочетъ! Этакого осетра женить... Тьфу!..

— Ничего ты не понимаешь, — съ напускнымъ равнодушіемъ проговорила Заплатина, облекаясь въ перекрашенное шелковое платье травянаго цвѣта и нѣсколько разъ примѣривая лѣтнюю соломенную шляпу съ коричневой отдѣлкой.—Развѣ мужчины могутъ что-нибудь понимать! По-твоему, напримѣръ, Приваловъ заберется съ Иваномъ Яковлевичемъ къ арфисткамъ въ „Магнитъ“ и будетъ совершенно счастливъ? Да? Какъ Лепешкинъ, Ломтевъ... Вѣдь и ты не прочь бы присоединиться къ ихъ компаніи. Пожалуйста, не трудитесь отпираться... Всѣ вы, мужчины, одинаковы и меня не проведете! Нѣтъ... Наскюзь всѣхъ васъ вижу: промѣняете на первую танцовщицу.

Заплатина круто повернулась передъ зеркаломъ и посмотрѣла на свою особу въ три четверти. Платье сидѣло кошелемъ; на спинѣ оно отдувалось пузырями и ложилось вокругъ ногъ некрасивыми тощими складками, точно подъ ними были палки. „Развѣ надѣть новое платье, которое подарили тогда Панафидины за жениха Капочкѣ?“—подумала Заплатина, но сейчасъ же рѣшила:—„Не стоитъ... Еще, пожалуй, Марья Степановна подумаетъ, что я заискиваю передъ ними!“ Почтенная дама придала своей физіономіи гордое и презрительное выраженіе.

— А ты вотъ что, Хина,—проговорилъ Заплатинъ, наблюдавшій за послѣдними маневрами жены. — Ты не очень тово... понимаешь? Пожалѣй хересъ-то... А то у тебя носъ совсѣмъ клюквой...

— У меня... носъ клюквой?!..

Хіонія Алексѣевна выпрямилась и, взглянувъ уничтожающимъ взглядомъ на мужа, какъ это дѣлаютъ драматическія провинціальныя актрисы, величественно проговорила:

— Если безъ меня пріѣдетъ сюда Агриппина Филипьевна, передай ей, что я къ ней непремѣнно заѣду сегодня же... Понялъ?

— Какъ не понять: вамъ съ Агриппиной Филипьевной теперь работа, въ чужомъ пиру похмелье...

Семья Заплатиныхъ въ уѣздномъ городкѣ Узлѣ, заброшенномъ въ глубь Уральскихъ горъ, представляла оригинальное и вполнѣ современное явленіе. Она являлась логическимъ результатомъ сцѣпленія цѣлой системы причинъ и слѣдствій, созданныхъ живой дѣйствительностью. Эта семья, какъ истинное дитя своего вѣка, служила выразителемъ его стремленій, достоинствъ и недостатковъ. Викторъ Николаичъ былъ сынъ сторожа, отставного солдата. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, выучился онъ грамотѣ и въ самой зеленой юности поступилъ въ уѣздный судъ, гдѣ годамъ къ тридцати добился пятнадцати рублей жалованья. По тому времени этихъ денегъ было совершенно достаточно, чтобы одѣваться прилично и имѣть доступъ въ скромные чиновничьи дома. Послѣднее, ничтожное въ своей сущности, обстоятельство имѣло въ жизни Заплатина рѣшающее значеніе. На одной изъ чиновничьихъ вечеринокъ онъ встрѣтился съ чрезвычайно бойкой гувернанткой. Она заинтересовала маленькаго чиновника. Правда, у гувернантки была довольно сомнительная репутація, но это совершенно выкупалось тремя тысячами приданаго. Заплатинъ былъ разсудительный человѣкъ и сразу сообразилъ, что дѣло не въ репутаціи, а въ томъ, что сто восемьдесятъ рублей его жалованья сами по себѣ ничего не обѣщаютъ въ будущемъ, а плюсъ три тысячи представляютъ нѣчто очень существенное. Этотъ бракъ состоялся, и его плодами постепенно явились двадцать пять рублей жалованья, вмѣсто прежнихъ пятнадцати, далѣе свой домикъ, стоившій по меньшей мѣрѣ тысячъ пятнадцать, своя лошадь, экипажи, четыре человѣка прислуги, приличная барская обстановка и довольно кругленькій капитальчикъ, лежавшій въ ссудной кассѣ. Однимъ словомъ, настоящее положеніе Заплатиныхъ было совершенно обезпечено, и они проживали въ годъ около трехъ тысячъ. А между тѣмъ Викторъ Николаичъ продолжалъ получать свои триста рублей въ годъ, хотя служилъ уже не въ уѣздномъ судѣ, а топографомъ при узловской межевой канцеляріи. Всѣ, конечно, знали скудные размѣры жалованья Виктора Николаича и, когда заходила рѣчь объ ихъ широкой жизни, обыкновенно говорили: „Помилуйте, да вѣдь у Хіоніи Алексѣевны пансіонъ; она знаетъ отлично французскій языкъ...“ Другіе говорили просто: „Да, Хіонія Алексѣевна очень умная женщина“. И далекая провинція начинаетъ проникаться сознаніемъ, что умные люди могутъ получать триста рублей, а проживать три тысячи. Это вполнѣ современное явленіе никому не рѣзало глазъ, а подводилось подъ разрядъ тѣхъ фактовъ, которые правы уже по одному тому, что они существуютъ.

Домикъ Заплатиныхъ былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ. Довольно приличный подъѣздъ велъ въ свѣтлую переднюю. Изъ передней одна дверь вела прямо въ уютную небольшую залу, другая — въ три совершенно отдѣльныхъ комнаты и третья — въ темный коридоръ, служившій границей собственно между половиной, гдѣ жили Заплатины, и пансіономъ. Центромъ всего дома, конечно, была гостиная, отдѣланная съ трактирною роскошью; небольшою столовой она соединялась непосредственно съ половиною Заплатиныхъ, а дверью—съ тѣми комнатами, которыя, по желанію, могли служить совершенно

отдѣльнымъ помѣщеніемъ или присоединяться къ залѣ. Въ залѣ стояли порядочный рояль и очень приличная мебель. Въ другихъ комнатахъ мебель была сборная, обои не первой молодости, занавѣски съ пятнами и отпечатками грязныхъ пальцевъ Матрешки. Въ домикѣ Заплатиныхъ кипѣла вѣчная ярмарка: одни пріѣзжали, другіе уѣзжали. Преобладающій элементъ составляли дамы. Онѣ являлись сюда за послѣдними новостями, дѣлились слухами и уѣзжали, нагруженныя, какъ пчелы цвѣточной пылью, цѣлымъ ворохомъ сплетенъ. Idée fixe Хіонія Алексѣевны была создать изъ своей гостиной великосвѣтскій салонъ, гдѣ бы молодежь училась хорошему тону и довершала свое образованіе на живыхъ образцахъ, люди съ вѣсомъ могли себя показать, женщины—блеснуть своей красотой и нарядами, заѣзжіе артисты и артистки—найти покровительство, мѣстные таланты—хорошій совѣтъ и поощреніе, и всѣ молодыя дѣвушки—жениховъ, а всѣ молодые люди—невѣстъ. Чтобы выполнить во всѣхъ деталяхъ этотъ грандіозный планъ, у Заплатиныхъ не хватало средствъ, а главное, что было самымъ больнымъ мѣстомъ въ душѣ Хіоніи Алексѣевны,—ея салонъ обходили первые узловскіе богачи—Бахаревы, Ляховскіе и Половодовы. Нужно отдать полную справедливость Хіоніи Алексѣевнѣ, что она не отчаивалась относительно будущаго: кто знаетъ, можетъ-быть, и на ея улицѣ будетъ праздникъ,—времена перемѣнчивы. Такъ ткетъ паукъ паутину гдѣ-нибудь въ темномъ углу и съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, ждетъ своихъ жертвъ...

— Эта Хіонія Алексѣевна ни больше ни меньше, какъ трехъэтажный паразитъ,—говорилъ частный повѣренный Nicolas Веревкинъ.—Это, видите ли, вотъ какая штука: есть такой водяной жукъ... чортъ его знаетъ, какъ онъ называется по-латыни, позабылъ!.. Въ этомъ жукѣ живетъ паразитъ, червякъ, а въ паразитѣ какая-то глиста... Понимаете? Червякъ жретъ жука, а глиста жретъ червяка... Такъ и наша Хіонія Алексѣевна жретъ насъ, а мы жрем всякаго, кто попадетъ подъ руку!

Что касается семейной жизни, то на нее полагалось время отъ двухъ часовъ ночи, когда Хіонія Алексѣевна возвращалась подъ свою смоковницу изъ клуба или гостей, до десяти часовъ утра, когда она вставала съ постели. Остальное время всецѣло поглощалось пріемами гостей и разъѣздами по знакомымъ. Викторъ Николаичъ мирился съ такимъ порядкомъ вещей, потому что на свободѣ могъ вполнѣ предаваться своему любимому занятію—политикѣ. Сидѣть въ мягкомъ креслѣ, читать послѣдній номеръ газеты и отпивать небольшими глотками душистый мокка — ничего лучшаго Викторъ Николаичъ никогда не желалъ. Его мысли постоянно были заняты высшими соображеніями европейской политики: Биконсфильдъ, Бисмаркъ, Гамбетта, Андраши, Грантъ — тутъ было надъ чѣмъ подумать. Относительно своихъ гостей Викторъ Николаичъ держался такимъ образомъ: выходилъ, дѣлалъ поклонъ, улыбался знакомымъ и, поймавъ кого-нибудь за пуговицу, уводилъ его въ уголокъ, чтобы подѣлиться послѣдними извѣстіями съ театра европейской политики.

— Мнѣ нужно посовѣтоваться съ мужемъ,—обыкновенно говорила Хіонія Алексѣевна, когда дѣло касалось чего-нибудь серьезнаго. — Онъ не любитъ, чтобы я дѣлала что-нибудь безъ его позволенія...

Это, конечно, были только условныя фразы, которыя имѣли цѣлью придать вѣсъ Виктору Николаичу, не больше того. Совѣтовъ никакихъ не происходило, кромѣ легкой супружеской перебранки съ похмелья или къ ненастной погодѣ. Викторъ Николаичъ и не желалъ вмѣшиваться въ дѣла своей жены.

Что̀ касается пансіона Хіоніи Алексѣевны, то его существованіе составляло какую-то тайну: появлялись пансіонерки, какія-то дальнія родственницы, сироты и воспитанницы, жили нѣсколько мѣсяцевъ и исчезали безслѣдно, уступая мѣсто другимъ дальнимъ родственницамъ, сиротамъ и воспитанницамъ. Можно было подумать, что у Хіоніи Алексѣевны во всѣхъ частяхъ свѣта безконечная родня. Чему учили въ этомъ пансіонѣ и кто училъ—едва ли отвѣтила бы на это и сама Хіонія Алексѣевна. Пансіонъ имѣлъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ только при посредствѣ Матрешки.

Чтобы довершить характеристику той жизни, какая шла въ домикѣ Заплатиныхъ, нужно сказать, что французскій языкъ былъ его душой, альфой и омегой. Французскія фразы постоянно висѣли въ воздухѣ, ими встрѣчали и провожали гостей, ими высказывали то, что̀ было совѣстно выговорить по-русски, ими пускали пыль въ глаза людямъ не посвященнымъ, ими щеголяли и задавали тонъ. Въ жизни Хіоніи Алексѣевны французскій языкъ былъ неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ комбинацій, а главное — благодаря ему Хіонія Алексѣевна пользовалась громкой репутаціей очень серьезной, очень образованной и, вообще, передовой женщины.

II.

Бахаревскій домъ стоялъ въ концѣ Нагорной улицы. Онъ былъ въ одинъ этажъ и выходилъ на улицу пятнадцатью окнами. Что-то добродушное и вмѣстѣ уютное было въ физіономіи этого дома (какъ это ни странно, но у каждаго дома есть своя физіономія). Подъ этой широкой зеленой крышей, за этими низкими стѣнами, выкрашенными въ дикій сѣрый цвѣтъ, совершалось такое мирное теченіе человѣческаго существованія! Небольшія свѣтлыя окна, заставленныя цвѣтами и низенькими шелковыми ширмочками, смотрѣли на улицу съ самой добродушной улыбкой, какъ умѣютъ смотрѣть хорошо сохранившіеся старики. Прохожіе, торопливо сновавшіе по тротуарамъ Нагорной улицы, съ завистью заглядывали въ окна бахаревскаго дома, гдѣ все дышало полнымъ довольствомъ и тихимъ семейнымъ счастьемъ. Вѣроятно, очень многимъ изъ этихъ прохожихъ приходила въ голову мысль о томъ, что хоть бы мѣсяцъ, недѣлю, даже одинъ день пожить въ этомъ славномъ старомъ домѣ и отдохнуть душой и тѣломъ отъ житейскихъ дрязгъ и треволненій.

Каменныя массивныя ворота вели на широкій дворъ, усыпанный, какъ въ циркѣ, мелкимъ желтымъ песочкомъ. Самый домъ выходилъ на дворъ двумя чистенькими подъѣздами, между которыми была устроена широкая терраса, затянутая теперь вьющеюся зеленью и маркизою съ крупными фестонами. Эта терраса низенькими, широкими ступенями спускалась въ красивый цвѣтникъ, огороженный деревянной зеленой рѣшеткой. Въ глубинѣ двора стояли крѣпкія деревянныя службы. Между ними и домомъ тянулась живая стѣна акацій и сиреней, зеленой щеткой поднимавшихся изъ-за красивой чугунной рѣшетки съ изящными столбиками. Параллельно съ зданіемъ главнаго дома тянулся длинный деревянный флигель, гдѣ помѣщались кухня, кучерская и баня.

Внутри бахаревскій домъ дѣлился на двѣ половины, у которыхъ было по отдѣльному подъѣзду. Ближайшій къ воротамъ подъѣздъ велъ на половину хозяина, Василья Назарыча, дальній—на половину его жены, Марьи Степановны. Когда вы входили въ переднюю, васъ уже охватывала та атмосфера довольства, которая стояла въ этомъ домѣ испоконъ-вѣку. Обѣ половины представляли рядъ свѣтлыхъ, уютныхъ комнатъ съ блестящими полами и свѣ-

жными обоями. Потолки были вездѣ расписаны пестрыми узорами, и небольшія бѣлыя двери всегда блестѣли, точно онѣ вчера были выкрашены; мягкія тропинки вели по всему дому изъ комнаты въ комнату. Была и разница между половинами Василья Назарыча и Марьи Степановны, но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, потому что теперь ко второму подъѣзду съ дребезгомъ подкатился экипажъ Хіонія Алексѣевны, и она сама весело кивала своей головой какой-то дѣвушкѣ, которая только-что вышла на террасу.

Ахъ, mon ange! — восклицала Хіонія Алексѣевна, прикладываясь своими сухими, сухими губами къ розовымъ щекамъ дѣвушки.—Je suis charmée! Вы, Nadine, сегодня прелестны, какъ роза!.. Какъ идетъ къ вамъ это полотняное платье... Вы похóдите на Маргариту въ „Фаустѣ“, когда она выходитъ въ садъ. Помните эту сцену?

Надежда Васильевна, старшая дочь Бахаревыхъ, была высокая симпатичная дѣвушка лѣтъ двадцати. Ее, пожалуй, можно было назвать красивой, но на Маргариту она уже совсѣмъ не походила. Сравненіе Хіонія Алексѣевны вызвало на ея полномъ лицѣ спокойную улыбку, но темно-сѣрые глаза, опушенные густыми черными рѣсницами, смотрѣли изъ-подъ тонкихъ бровей серьезно и задумчиво. Она откинула рукой пряди свѣтло-русыхъ, гладко зачесанныхъ волосъ, которые выбились у нея изъ-подъ лѣтней соломенной шляпы, и спокойно проговорила:

— Вы находите, что я очень похожа на Маргариту?

— О! совершенная Маргарита!..

— Какъ же вы недавно сравнивали меня съ кѣмъ-то другимъ?

— Ахъ, да, это совсѣмъ другое дѣло: если вы надѣнете русскій сарафанъ, тогда... Марья Степановна дома? Я пріѣхала по одному очень и очень важному дѣлу, которое, mon ange, немного касается и васъ...

— Опять, вѣроятно, жениха подыскали?

— Что же въ этомъ дурного, mon ange? У всякой Маргариты долженъ быть свой Фаустъ. Это ужъ законъ природы... Только я никого не подыскивала, а женихъ самъ явился. Какъ съ неба упалъ...

— И не ушибся?

Хіонія Алексѣевна замахала руками, какъ вѣтряная мельница, и скрылась въ ближайшихъ дверяхъ. Она, съ увѣренностью своего человѣка въ домѣ, миновала нѣсколько комнатъ и пошла по темному узкому коридору, которымъ соединялись обѣ половины. Въ темнотѣ чьи-то небольшія мягкія ладони закрыли глаза Хіонія Алексѣевны, и дѣвичій звонкій голосъ спросилъ: „Угадайте: кто?“

— Ахъ! коза, коза...—разжимая теплыя, полныя руки, шептала Хіонія Алексѣевна.—Кто же, кромѣ тебя, будетъ у васъ шутить? Сейчасъ видѣла Nadine... Ей, кажется, и улыбнуться-то тяжело. У нея и дѣвичьяго ничего нѣтъ на умѣ... Ну, здравствуй, Вѣрочка, ma petite chévre! Ахъ, молодость, молодость, все шутки на умѣ, смѣхи да пересмѣхи.

— Да о чемъ же горевать, Хіонія Алексѣевна?—спрашивала Вѣрочка, звонко цѣлуя гостью. Вѣрочка ничего не умѣла дѣлать тихо и „всѣхъ лизала“, какъ отзывалась объ ея попѣлуяхъ Надежда Васильевна.

— Ахъ, ma petite, все еще будетъ: и слезки, можетъ, будутъ, и сердечко защемитъ...

— Ну, и пусть щемитъ: я буду тогда плакать. Мама въ моленной... Вы вѣдь къ ней?

— О, да, мнѣ ее непремѣнно нужно видѣть, — серьезно проговорила Хіонія Алексѣевна, поправляя смятыя ленты.—Очень и очень нужно,—многозначительно прибавила она.

— Я сейчасъ,—проговорила Вѣрочка, бойко повернулась на одной ножкѣ и быстро исчезла.

„Вотъ этой жениха не нужно будетъ искать: сама найдетъ“,—съ улыбкой думала Хіонія Алексѣевна, провожая глазами убѣгавшую Вѣрочку.—Нѣтъ, не закиснетъ въ дѣвкахъ, какъ эти принцессы, которыя умѣютъ только важничать... Еще считаютъ себя образованными дѣвушками, а когда пришла пора выходить замужъ,—такъ я же имъ и ищи жениха. Охъ, ужъ эти мнѣ принцессы!

Хіонія Алексѣевна прошла въ небольшую угловую комнату, уставленную старинной мебелью и разными поставцами съ серебряной посудой и дорогимъ фарфоромъ. Китайскія чашечки, японскія вазы, сервскій и саксонскій сервизы красиво пестрѣли за большими стеклами. Въ переднемъ углу, въ золоченомъ иконостасѣ, темнѣли образа стариннаго письма; изможденныя высохшія лица угодниковъ съ вытянутыми въ ниточку носами и губами, съ глубокими морщинами на лбу и подъ глазами, уныло глядѣли изъ дорогихъ золотыхъ окладовъ, осыпанныхъ жемчугомъ, алмазами, изумрудами и рубинами. Неугасимая лампада слабымъ ровнымъ свѣтомъ теплилась передъ ними. Небольшія окна были задрапированы чистенькими бѣлыми занавѣсками; между горшками цвѣтовъ на лакированныхъ подоконникахъ стояли ведерныя бутыли съ наливками изъ княженики и рябины. Хіонія Алексѣевна прошла по мягкому персидскому ковру и опустилась на низенькій диванчикъ, передъ которымъ стоялъ столъ краснаго дерева, съ львиными лапами вмѣсто ножекъ. Совершенно особенный воздухъ царилъ въ этой комнаткѣ: пахло роснымъ ладаномъ, деревяннымъ масломъ, какими-то душистыми травами и еще Богъ знаетъ чѣмъ-то, очень пріятнымъ, заставлявшимъ голову непривычнаго человѣка тихо и сладко кружиться. Темно-синіе обои съ букетами цвѣтовъ и золотыми разводами дѣлали въ комнатѣ пріятный для глаза полумракъ. Писаная масляными красками старинная картина въ тяжелой золотой рамѣ висѣла надъ самымъ диваномъ. Молодой человѣкъ и дѣвушка въ костюмахъ первой французской революціи сидѣли подъ развѣсистымъ деревомъ и нѣжно смотрѣли другъ другу въ глаза. Направо отъ диванчика была пробита въ стѣнѣ небольшая дверь, замаскированная коричневыми драпри. Это была спальня самой Марьи Степановны.

— Добрыя вѣсти не лежатъ на мѣстѣ!—весело проговорила высокая, полная женщина, показываясь въ дверяхъ спальни; за ея плечомъ виднѣлось розовое, бойкое лицо Вѣрочки, украшенное на лбу смѣшнымъ хохолкомъ.

— Ахъ! Марья Степановна...—встрепенулась Хіонія Алексѣевна всѣми своими бантами, вскакивая съ дивана. Въ скобкахъ замѣтимъ, что эти банты служили не столько для красоты, сколько для прикрытія пятенъ и дыръ.— А я дѣйствительно съ добрыми вѣстями къ вамъ.

Марья Степановна была въ томъ неопредѣленномъ возрастѣ, когда женщину нельзя еще назвать старухой. Для своихъ пятидесяти пяти лѣтъ она сохранилась поразительно, и, глядя на ея румяное, свѣжее лицо съ большими, живыми, темными глазами, никто бы не далъ ей этихъ лѣтъ. Одѣта она была въ шелковый синій сарафанъ стараго покроя, безъ сборокъ позади и съ глухими проймами на спинѣ. Бѣлая батистовая рубашка выбивалась изъ-подъ этихъ проймъ красивыми буфами и облегала полную бѣлую шею небольшой розеткой. Золотой позументъ въ два ряда былъ наложенъ на переднее полотнище сарафана отъ самаго верху до подола; между позументами красиво блестѣли большія аметистовыя пуговицы. Русые густые волосы на головѣ были тщательно подобраны подъ красивую сороку изъ той же матеріи, какъ и сарафанъ; передній край сороки былъ украшенъ широкой жемчужной по-

вязкой. Въ этомъ костюмѣ Марья Степановна была типомъ старинной русской красавицы. Медленно переступая на высокихъ красныхъ каблучкахъ, Марья Степановна подошла къ своей гостьѣ и поцѣловалась съ ней.

— Ты бы, Вѣрочка, сходила въ кладовую, — проговорила она, усаживаясь на диванъ.—Тамъ есть въ банкѣ варенье... Да скажи по пути Досисеюшкѣ, чтобы намъ подали самоварчикъ.

Вѣрочка нехотя вышла изъ комнаты. Ей до-смерти хотѣлось послушать, что̀ будетъ разсказывать Хіонія Алексѣевна. Вѣдь она всегда привозитъ съ собою цѣлую кучу разсказовъ и новостей, а тутъ еще сама сказала, что ей „очень нужно видѣть Марью Степановну“. „Этакая мамаша!“—думала дѣвушка, надувая и безъ того пухлыя губки.

— Зачѣмъ вы ее выслали?—говорила Хіонія Алексѣевна, когда Вѣрочка вышла.

— Молода еще; все будетъ знать—скоро состарится.

— Ахъ, Марья Степановна, какую я вамъ новость привезла!—торжественно заговорила Хіонія Алексѣевна, поднимая вылѣзшія брови чуть не до самой шляпы.—Вчера пріѣхалъ *При-ва-ловъ*... Сергѣй Александровичъ Приваловъ... Развѣ вы не слыхали?.. Да, пріѣхалъ.

У Марьи Степановны отъ этого извѣстія опустились руки, и она растерянно прошептала:

— Какъ же это... Гдѣ же онъ остановился?

— Въ „Золотомъ Якорѣ“, въ номерахъ для пріѣзжающихъ. Занялъ рублевый номеръ,—рапортовала Хіонія Алексѣевна.—Съ нимъ пріѣхалъ человѣкъ... три чемодана... Какъ пріѣхалъ, такъ и легъ спать.

— Зачѣмъ же это Приваловъ въ трактирѣ остановился?

— Не въ трактирѣ, а въ номерахъ для пріѣзжающихъ, Марья Степановна,—поправила Хіонія Алексѣевна.

— Ахъ, матушка, по мнѣ все равно... Не бывала я тамъ никогда. Отчего же онъ въ свой домъ не пріѣхалъ, или къ намъ? Вѣдь не выгнали бы...

— Вотъ ужъ это вы напрасно, Марья Степановна!.. Развѣ человѣкъ образованный будетъ безпокоить другихъ? Домъ у Привалова, конечно, свой, да вѣдь въ немъ жильцы. Къ вамъ Привалову было ближе пріѣхать, да вѣдь онъ понимаетъ, что у васъ дочери—невѣсты... Знаете, все-таки неловко молодому человѣку показать себя сразу неделикатнымъ. Я, какъ услышала, что Приваловъ пріѣхалъ, такъ сейчасъ же и перекрестилась: вотъ, думаю, Господь какого жениха Nadine послалъ... Ей-Богу! А сама плачу... Не знаю, о чемъ плачу, только слезы такъ и сыплются. И сейчасъ къ вамъ...

— Да, можетъ-быть, Приваловъ безъ насъ съ вами женился?

— Ахъ, Марья Степановна!.. Ужъ я не стала бы напрасно васъ тревожить. Нарочно пять разъ посылала Матрешку, а она черезъ буфетчика отъ приваловскаго человѣка всю подноготную разузнала. Только устрой, Господи, на пользу!.. Ужъ если это не женихъ, такъ весь свѣтъ пройти надо: и молодой, и красивый, и богатый. Мил-ліо-неръ... Да вѣдь вамъ лучше это знать!

— Ну, милліоны-то еще надо ему самому наживать,—степенно проговорила Марья Степановна, подбирая губы оборочкой.

— Ахъ, помилуйте, что̀ вы?!. Да вѣдь послѣ матери досталось ему пятьсотъ тысячъ...

— Убавьте триста-то, Хіонія Алексѣевна.

— Ну что̀ же? Ну, пусть будетъ двѣсти тысячъ. И это деньги.

— Да вѣдь онъ ихъ, навѣрно, давно прожилъ тамъ, въ своемъ Петербургѣ-то.

— И нисколько не прожилъ... Nikolas Веревкинъ вмѣстѣ съ нимъ учился въ университетѣ и прямо говоритъ: „Приваловъ самый скромный молодой человѣкъ“... Потомъ послѣ отца Привалову достанется три милліона... Да?

— Это, Хіонія Алексѣевна, еще старуха на-двое сказала... Трудно получить эти деньги, если только онѣ еще есть. Вѣдь заводы всѣ въ долгу.

— Ахъ, Господи, Господи!.. — взмолилась Хіонія Алексѣевна. — И что вамъ за охота противорѣчить, когда всѣмъ, рѣшительно всѣмъ извѣстно, что Приваловъ получитъ три милліона. Да-съ, три, три, три!..

Послѣдняя фраза цѣликомъ долетѣла до маленькихъ розовыхъ ушей Вѣрочки, когда она подходила къ угловой комнатѣ съ полной тарелкой вишневаго варенья. Фамилія Привалова заставила ее даже вздрогнуть... Неужели это тотъ самый Сережа Приваловъ, который учился въ гимназіи вмѣстѣ съ Костей и когда-то жилъ у нихъ? Одинъ разъ она еще укусила его за ухо, когда они играли въ жгуты... Сердце у Вѣрочки по неизвѣстной причинѣ забило тревогу, и въ головѣ молніей мелькнула мысль: „Женихъ... женихъ для Нади!“

— Что съ тобою, Вѣрочка?—спрашивала Марья Степановна, когда дочь вошла въ комнату раскраснѣвшаяся, какъ піонъ.

— Я... я, мама, очень скоро бѣжала по лѣстницѣ,—отвѣчала Вѣрочка, еще болѣе краснѣя.

— Ахъ, молодость, молодость!—шептала сладкимъ голосомъ Хіонія Алексѣевна, закатывая глаза.—Да... Вотъ что значитъ молодость: и невинна, и пуглива, и смѣшна. Кому не было шестнадцати лѣтъ!..

Вѣрочка въ эту минуту, въ своемъ смущеніи, съ широко раскрытыми карими глазами, съ блуждающей по лицу улыбкой, съ вспыхивавшими на щекахъ и подбородкѣ ямочками, была, дѣйствительно, хороша. Русые темные волосы были зачесаны у нея такъ же гладко, какъ и у сестры, за исключеніемъ небольшого хохолка, который постоянно вставалъ у нея на концѣ пробора, гдѣ волосы выходили на лобъ небольшимъ мысикомъ. Тяжелая коса трубой лежала на спинѣ. Только свѣтло-палевое платье немного портило дѣвушку, придавая ей видъ кисейной барышни, но яркіе цвѣта были страстью Вѣрочки, и она любила щегольнуть въ розовомъ, сиреневомъ или голубомъ. „А... радуга“,—говорилъ Викторъ Васильичъ, братъ Вѣрочки, когда она одѣвалась по своему вкусу. Теперь ей только-что минуло шестнадцать лѣтъ, и она все еще не могла привыкнуть къ своему длинному платью, которое сводило ее съ ума. Фигура у Вѣрочки еще не сформировалась, и она попрежнему осталась „булкой“, какъ въ шутку иногда называлъ ее отецъ.

Эта нѣмая сцена была прервана появленіемъ Досиѳеи, которая внесла въ комнату небольшой томпаковый самоваръ, кипѣвшій съ запальчивостью глубоко оскорбленнаго человѣка. Досиѳея была такая же высокая и красивая женщина, какъ сама Марья Степановна, только черты ея правильнаго лица носили болѣе грубый отпечатокъ, какъ у всѣхъ глухонѣмыхъ. Косоклинный кубовый сарафанъ облегалъ ея могучія формы; на головѣ была дѣвичья повязка, какія носятъ старообрядки. Длинный бѣлый передникъ былъ подвязанъ подъ самыя мышки. Марья Степановна сдѣлала ей нѣсколько знаковъ рукой; Досиѳея съ изумленіемъ посмотрѣла кругомъ, потомъ стремительно выбѣжала изъ комнаты и черезъ минуту была на террасѣ, гдѣ Надежда Васильевна читала книгу. Глухонѣмая бросилась къ дѣвушкѣ и принялась ее душить въ своихъ могучихъ объятіяхъ, покрывая безумными поцѣлуями и слезами ея лицо, шею, руки.

— Что это съ тобой?—удивлялась Надежда Васильевна, когда пароксизмъ миновалъ.

— Ммм... ааа...—мычала Досиѳея, дѣлая знаки руками и головой.

„Хоть еще гдѣ наказаніе-то,—вслухъ подумала Надежда Васильевна:—да эта Хина кого угодно сведетъ съ ума!“

Дѣвушка знаками объяснила глухонѣмой, что надъ ней пошутили и что никакого жениха нѣтъ и не будетъ. Досиѳея недовѣрчиво покачала головой и объяснила знаками, что это ей сказала „сама“, т.-е. Марья Степановна.

III.

— Это Приваловъ! — вскрикнула Хіонія Алексѣевна, когда во дворѣ, къ первому крыльцу подъѣхалъ на извозчикѣ какой-то высокій господинъ въ мягкой сѣрой шляпѣ.

— Какъ же это такъ... скоро... вдругъ,—говорила растерявшаяся Марья Степановна, — Вѣрочка, бѣги скорѣе къ отцу... скажи... Ахъ, чего это я горожу!

— Позовите сюда Nadine, Вѣрочка,—скомандовала Хіонія Алексѣевна.

— Да, да, позови ее, — согласилась Марья Степановна. — Какъ же это?.. У насъ и къ обѣду ничего нѣтъ сегодня. Ахъ, Господи! Вы сказали, что ночью пріѣхалъ, я и думала, что онъ завтра къ намъ пріѣдетъ... У Нади и платья новаго, кажется, нѣтъ. Портнихѣ заказано, да и лежитъ тамъ...

Надежда Васильевна попалась Вѣрочкѣ въ темномъ коридорчикѣ; она шла въ свою комнату съ разогнутой книгой въ рукахъ.

— Иди, ради Бога, иди, скорѣе иди! — шептала Вѣрочка, поднимаясь на носки.

— Да что̀ съ тобой, Вѣрочка?

— Ахъ, иди, иди...

Надежда Васильевна видѣла, что отъ Вѣрочки ничего не добьется, и пошла по коридору. Вѣрочка нѣсколько мгновеній смотрѣла ей вслѣдъ, потомъ быстро ее догнала, поправила по пути платье и, обхвативъ сестру руками сзади, прильнула безмолвно губами къ ея шеѣ.

— Сегодня, кажется, всѣ съ ума сошли,—проговорила недовольнымъ голосомъ Надежда Васильевна, освобождаясь изъ объятій сестры.—И къ чему эти телячьи нѣжности; давеча Досиѳея чуть не задушила меня, теперь ты...

— Надя...—шептала задыхающимся голосомъ Вѣрочка, хватаясь рукой за грудь, изъ которой сердце готово было выскочить,—такъ оно билось.—Пріѣхалъ... Приваловъ!..

Надежда Васильевна прошла въ комнату матери, а Вѣрочка на цыпочкахъ пробралась къ самой передней и въ замочную скважину успѣла разсмотрѣть Привалова. Онъ теперь стоялъ посреди комнаты и разговаривалъ съ старымъ Лукой.

— Что̀, не узналъ меня? — спрашивалъ Приваловъ сѣдого, низенькаго старичка съ моргающими глазками.

— Нѣтъ... невдомекъ будетъ,—говорилъ Лука, медленно шевеля старческими, высохшими губами.

— А Сережу Привалова помнишь?

— Батюшка ты нашъ, Сергѣй Александрычъ!..—дрогнувшимъ голосомъ запричиталъ Лука, бросаясь снимать съ гостя пальто и по пути цѣлуя его въ рукавъ сюртука.—Выжилъ я изъ ума на старости лѣтъ... Ахъ, ты, Господи!.. Угодники, безсребренники...

— Василій Назарычъ здоровъ?—спрашивалъ Приваловъ.

— Да, да... то-есть... Ахъ, чего я мелю!.. Пожалуйте, батюшка, позвольте, только я доложу имъ. Въ гостиной чуточку обождите... Вотъ гдѣ радость-то!..

— Ну, а ты, Лука, какъ поживаешь?—спрашивалъ Приваловъ, пока они проходили до гостиной.

— Что мнѣ дѣлается; живу, какъ старый котъ на печкѣ. Только вотъ ноги проклятыя не слушаютъ. Другой разъ точно на чужихъ ногахъ идешь... Ей-Богу! Опять, тоже вотъ идешь по ровному мѣсту, а лѣвая нога начнетъ задирать и начнетъ задирать. Въ родѣ какъ подымаешься по лѣстницѣ.

Со старческой болтливостью, въ теченіе двухъ-трехъ минутъ Лука успѣлъ разсказать почти все: и то, что у барина тоже одна ножка шаркаетъ, и что у нихъ съ Костенькой контры, и что его, Луку, кровно обидѣли, напяли „камардина Игреньку“, который только спитъ.

— Вонъ онъ,—проговорилъ Лука, показывая глазами на молодого красиваго лакея съ англійскимъ проборомъ.—Ишь чолку-то расчесалъ! Только ужъ я самъ доложу о васъ, Сергѣй Александрычъ... Да какой вы изъ себя-то молодецъ... а! Я живой ногой... Ахъ, ты, Владычица небесная!..

И, задирая лѣвой ногой, Лука направился къ дубовой запертой двери. Вѣрочка осталась совершенно довольна своими наблюденіями; Приваловъ въ ея глазахъ оказался вполнѣ достойнымъ занять роль того миѳическаго существа, какимъ въ ея воображеніи являлся женихъ Нади. Вѣдь Надя необыкновенная дѣвушка,—красивая, умная, слѣдовательно и женихъ Нади долженъ быть необыкновеннымъ существомъ. Во-первыхъ, Приваловъ — милліонеръ (Вѣрочка была очень практическая особа и хорошо знала цѣну этому магическому слову); во-вторыхъ, о немъ столько говорили, и вдругъ онъ является изъ скрывавшей его неизвѣстности... Его высокій ростъ, голосъ, даже большая русая борода съ красноватымъ оттѣнкомъ, — все было хорошо въ глазахъ Вѣрочки. Между тѣмъ Приваловъ совсѣмъ не былъ красивъ. Лицо у него было неправильное, съ выдающимися скулами, съ небольшими карими глазами и широкимъ ртомъ. Правда, глаза эти смотрѣли такимъ добрымъ взглядомъ, но вѣдь этого еще мало, чтобы быть красивымъ.

— Вотъ, изволь съ ней поговорить! — горячилась Марья Степановна, указывая вбѣжавшей Вѣрочкѣ на сестру.—Не хочетъ перемѣнить даже платье...

— Ну что, какой онъ: красавецъ? брюнетъ? блондинъ? Главное—глаза, какіе у него глаза?—сыпала вопросами Хіонія Алексѣевна, точно прорвался мѣшокъ съ сухимъ горохомъ.

— Высокій... носитъ длинную бороду... съ Лукой разговаривалъ...

— Ахъ, Вѣрочка, глаза... какіе у него глаза?..

— Кажется, черные... нѣтъ, сѣрые... черные...

— Что онъ съ Лукой говорилъ?—спросила Марья Степановна.

Вѣрочка начала выгружать весь запасъ собранныхъ ею наблюденій, постоянно путалась, повторяла одно и то же нѣсколько разъ. Надежда Васильевна съ безмолвнымъ сожалѣніемъ смотрѣла на эту горячую сцену и не знала, что ей дѣлать и куда дѣваться.

Неожиданное появленіе Привалова подняло переполохъ въ бахаревскомъ домѣ съ верху до низу. Марья Степановна въ своей спальнѣ, при помощи горничной Даши и Хіоніи Алексѣевны, перемѣняла уже третій сарафанъ; Вѣрочка тутъ же толклась въ одной юбкѣ, не зная, какому изъ своихъ платьевъ отдать предпочтеніе, пока не остановилась въ розовомъ барежевомъ. Какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, крючки ломались, пуговицы отрывались, завязки лопались; кажется, чего проще иголки съ ниткой, а между тѣмъ за

ней нужно было бѣжать къ Досиѳѣ, которая производила въ кухнѣ настоящее столпотвореніе и ничего не хотѣла знать, кромѣ своихъ кастрюль и горшковъ. Старый Лука—и тотъ, схвативъ мѣлъ и суконку, усердно полировалъ бронзовую ручку двери.

— Устрой, милостивый Господи, все на пользу...—вслухъ думалъ старый, вѣрный слуга, поплевывая на суконку.—Ужъ, кажется, такъ бы хорошо, такъ бы хорошо... Вотъ, думать такъ не придумать!.. А изъ себя-то какой молодецъ... въ природу свою вышелъ. Отецъ-отъ вонъ какое дерево былъ: какъ, бывало, размахнется да ударитъ, такъ замертво и вынесутъ.

— Ужъ вы, Хіонія Алексѣевна, пожалуйста, не оставляйте насъ,—не зная ничѣмъ просила Марья Степановна.

— Помилуйте, Марья Степановна: я нарочно ѣхала предупредить васъ,—съ безъ чувства собственнаго достоинства отвѣчала Хіонія Алексѣевна, напрасно стараясь своими костлявыми руками затянуть корсетъ Вѣрочки.—Ахъ, Вѣрочка... Вѣдь это ужасно: у женщины прежде всего талія... Мужчины нѣкоторые сначала на талію посмотрятъ, а потомъ на лицо.

— Что же мнѣ дѣлать, Хіонія Алексѣевна?—со слезами въ голосѣ спрашивала бѣдная дѣвочка.

— Теперь ужъ ничего не подѣлаешь... А вотъ вы, козочка, кушайте поменьше—и талія будетъ. Мы въ пансіонѣ уксусъ пили да известку ѣли, чтобы интереснѣе казаться...

Только одинъ человѣкъ во всемъ домѣ не принималъ никакого участія въ этомъ переполохѣ. Это былъ младшій сынъ Бахарева, Викторъ Васильевичъ. Онъ лежалъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ комнатъ, выходившей окнами въ садъ. Вернувшись домой только въ шесть часовъ утра „еле можаху", онъ, не раздѣваясь, растянулся на старомъ клеенчатомъ диванѣ и теперь лежалъ въ разстегнутой куцой визиткѣ табачнаго цвѣта, въ смятыхъ панталонахъ и въ одномъ сапогѣ. Другой сапогъ валялся около дивана, вмѣстѣ съ раскрытыми золотыми часами. Молодое, блѣдное лицо, съ густыми черными бровями и небольшой козлиной бородкой, было некрасиво, но оригинально: носъ съ вздутыми тонкими ноздрями и смѣло очерченныя, чувственныя губы придавали этому лицу капризный оттѣнокъ, какъ у избалованнаго ребенка. Игорь нѣсколько разъ пробовалъ разбудить молодого человѣка, но совершенно безуспѣшно: Викторъ Васильевичъ отбивался отъ него руками и ногами.

— Вѣдь безпремѣнно разбудить,—говорилъ Игорь, становясь въ дверяхъ такъ, чтобы можно было увернуться въ критическомъ случаѣ.—У нихъ гости... Пріѣхалъ господинъ Приваловъ.

— Какой тамъ Приваловъ... Не хочу знать никакого Привалова! Я самъ Приваловъ... въ чорту!..—кричалъ Бахаревъ, стараясь попасть снятымъ сапогомъ въ Игоря.—Ты, видно, вчера пьянъ былъ... безъ заднихъ ногъ, ракалія!.. Привалова жена въ окно выбросила... Приваловъ давно умеръ, а онъ: „Приваловъ пріѣхалъ"... Болванъ!

— Это ужъ какъ вамъ угодно будетъ—обиженнымъ голосомъ заявилъ Игорь, продолжая стоять въ дверяхъ.

— Мнѣ угодно, чтобы ты провалился ко всѣмъ семи чертямъ!

— Можетъ, прикажете сельтерской воды или нашатырнаго спирту... весь хмель какъ рукой сниметъ.

— А! такъ ты вотъ какъ со мной разговариваешь...

— Мнѣ что... мнѣ все равно,—съ гоноромъ говорилъ Игорь, отступая въ дверяхъ.—Для васъ же хлопочу... Вы и то мнѣ два раза каблукомъ въ скулу угадали. Вотъ и знакъ-съ...

— Ну, и убирайся къ чортовой матери со своимъ знакомъ, пока я изъ тебя лучины не нащепалъ!

Игорь скрылся. Бахаревъ попробовалъ раскрыть глаза, но сейчасъ же закрылъ ихъ: голова чертовски трещала отъ вчерашней попойки.

„И пьютъ же эти иркутскіе купцы... здорово пьютъ! — разсуждалъ онъ. А Иванъ-то Яковличъ... ахъ, старый хрѣнъ!"

IV.

Когда Приваловъ вошелъ въ кабинетъ Бахарева, старикъ сидѣлъ въ старинномъ глубокомъ креслѣ у своего письменнаго стола и хотѣлъ подняться навстрѣчу гостю, но сейчасъ же безсильно опустился въ свое кресло и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Да откуда это ты... вы... Вотъ ужъ, поистинѣ сказать, какъ снѣгъ на голову. Ну, здравствуй!..

Наклонивъ къ себѣ голову Привалова, старикъ нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ его и, не выпуская его головы изъ своихъ рукъ, говорилъ:

— Какой ты молодецъ сталъ... а! Въ отца пошелъ, въ отца... Когда къ намъ въ Узелъ-то пріѣхалъ?

— Сегодня ночью, Василій Назарычъ.

— Да, да, ночью,—бормоталъ старикъ, точно стараясь что-то припомнить.—Да, сегодня ночью...

— Какъ здоровье Марьи Степановны?

— Моей старухи? Ничего, молится... Нѣтъ, право, какой ты изъ себя молодецъ... а!

— Я прежде всего долженъ поблагодарить васъ, Василій Назарычъ...— заговорилъ Приваловъ, усаживаясь въ кресло напротивъ старика.

— Какъ ты сказалъ: поблагодарить?

— Да, потому что я такъ много обязанъ вамъ, Василій Назарычъ.

— Э, перестань, дружокъ, это пустое. Какіе между нами счеты... Вотъ тебѣ спасибо, что ты пріѣхалъ къ намъ. Пора, давно пора. Ну, какъ тамъ дѣла-то твои?

— Все въ томъ же положеніи, Василій Назарычъ.

— Гм... я думалъ, лучше. Ну, да объ этомъ еще успѣемъ натолковаться! А, право, ты сильно измѣнился... Вотъ покойникъ Александръ-то Ильичъ, отецъ-то твой, не дожилъ... Да. А ты его не вини. Ты еще молодъ, да и не твое это дѣло.

— Я хорошо понимаю это, Василій Назарычъ.

— Нѣтъ, ты не вини. Не бери грѣха на душу...

Коренастая, широкоплечая фигура старика Бахарева тяжело повернулась въ своемъ креслѣ. Эта громадная голова съ остатками сѣдыхъ кудрей и сѣдой всклоченной бородой была красива оригинальной старческой красотой. Небольшіе проницательные сѣрые глаза смотрѣли пытливо и сурово, но теперь были полны любви и теплой ласки. Самымъ удивительнымъ въ этомъ суровомъ лицѣ съ сросшимися сѣдыми бровями и всегда сжатыми плотно губами была улыбка. Она точно освѣщала все лицо. Такъ умѣютъ смѣяться только дѣти да слишкомъ серьезные и энергичные старики.

Кабинетъ Бахарева двумя окнами выходилъ на улицу и тремя на дворъ. Стѣны были оклеены скромными коричневыми обоями, окна задрапированы штофными синими занавѣсями. Въ этой комнатѣ всегда стоялъ полусвѣтъ. На полу лежалъ широкій персидскій коверъ. У стѣны, напротивъ стола, стоялъ

низкій турецкій диванъ, въ углу желѣзный несгораемый шкапъ, въ другомъ—этажерка. На письменномъ столѣ правильными рядами были разложены конторскія книги и счеты съ бѣлыми облатками. У яшмоваго письменнаго прибора стопочкой помѣщались печатные бланки съ заголовкомъ: „Главная пріисковая контора В. П. Бахарева". Они, вмѣсто пресса, были придавлены платиновымъ самородкомъ въ нѣсколько фунтовъ вѣсу. На самомъ видномъ мѣстѣ помѣщалась большая золотая рамка съ инкрустаціей изъ ляпись-лазури; въ ней была вставлена отцвѣтшая, порыжѣвшая фотографія Марьи Степановны съ четырьмя дѣтьми. На стѣнѣ, надъ самымъ диваномъ висѣла въ богатой рѣзной рамѣ изъ чернаго дерева большая картина, писанная масляными красками. На ней былъ оригинальный видъ сибирскаго пріиска, забросеннаго въ глубь Саянскихъ горъ. На первомъ планѣ стояла пестрая кучка пріисковыхъ рабочихъ, вскрывавшихъ золотоносный пластъ. Направо виднѣлась большая золотопромывательная машина, для неопытнаго глаза представлявшая какую-то городьбу изъ деревянныхъ балокъ, желобовъ и колесъ. На заднемъ планѣ картины, на небольшомъ пригорочкѣ,—большая пріисковая контора, нѣсколько хозяйственныхъ пристроекъ и длинные корпуса для пріисковыхъ рабочихъ. Высокія горы, сплошь обросшія дремучимъ сибирскимъ лѣсомъ, замыкали картину на горизонтѣ. Это былъ знаменитый въ лѣтописяхъ сибирской золотопромышленности Варваринскій пріискъ, открытый Василіемъ Бахаревымъ и Александромъ Приваловымъ въ глубинѣ Саянскихъ горъ, на какой-то безыменной горной рѣчкѣ. Варваринскимъ онъ былъ названъ въ честь Варвары Павловны, матери Сергѣя Привалова.

Привалова поразило больше всего то, что въ этомъ кабинетѣ рѣшительно ничего не измѣнилось за пятнадцать лѣтъ его отсутствія, точно онъ только вчера вышелъ изъ него. Все было такъ же скромно и просто, и стояла все та же дѣловая обстановка. Привалову необыкновенно хорошо казалось все: и кабинетъ, и старикъ, и даже самый воздухъ, отдававшій дымомъ дорогой сигары.

Именно такою представлялъ себѣ Приваловъ ту обстановку, въ которой задумывались старикомъ Бахаревымъ его самыя смѣлыя предпріятія и вершились дѣла на сотни тысячъ рублей.

— Что же мы сидимъ тутъ?—спохватился Бахаревъ.—Пойдемъ къ старухѣ... Она рада будетъ видѣть этакого молодца. Пойдемъ, дружокъ!

Старикъ было-поднялся со своего кресла, но опять опустился въ него съ подавленнымъ стономъ. Больная нога давала себя чувствовать.

— Позвольте, я помогу вамъ,—предложилъ Приваловъ.

— Нѣтъ, ты не сумѣешь этого сдѣлать,—съ печальной улыбкой проговорилъ старикъ и позвонилъ.—Вотъ Лука, тотъ на эти дѣла мастеръ. Да... Отошло, видно, золотое времечко, Сергѣй Александрычъ,—грустно заговорилъ Бахаревъ.—Сегодня ножка болитъ, завтра ручка, а потомъ придетъ время, что и болѣть будетъ нечему... А время-то, время-то теперь какое... а? Вѣдь каждый часъ дорогъ, а я вотъ пачкаюсь здѣсь съ докторами. Спать даже не могу. Какъ подумаю, что дѣлается безъ меня на пріискахъ, такъ вотъ сердце кровью и обольется. Кажется, взялъ бы крылья да и полетѣлъ... Да. А замѣниться некѣмъ! Одинъ сынъ умнѣе отца хочетъ быть, другой... да вотъ самъ увидишь! Дочерей вѣдь не пошлешь на пріиски.

При помощи Луки, Бахаревъ поднялся съ кресла и, шаркая одной ногой, пошелъ къ дверямъ.

— Вотъ, Лука, и мы съ тобой дожили до радости,—говорилъ Бахаревъ, крѣпко опираясь на плечо вѣрнаго, стараго слуги.—Видѣлъ, какой молодецъ?..

— Ужъ на что лучше, Василій Назарычъ! Я даже не узналъ ихъ... Можно сказать, совсѣмъ преобразились. Бывало, когда еще въ гимназіи съ Костенькой учились...

— Опять?—строго остановилъ Бахаревъ заболтавшагося старика.—Позабылъ уговоръ?

— Не буду, не буду, Василій Назарычъ!.. Такъ, на радостяхъ, съ языка слово сорвалось...

— Послушай, да ты надолго ли къ намъ-то пріѣхалъ?—спрашивалъ Бахаревъ, останавливаясь въ дверяхъ. — Болтаю, болтаю, а о главномъ-то и не спрошу...

— Я думаю совсѣмъ здѣсь остаться, Василій Назарычъ.

— Слава Тебѣ, Господи,—съ умиленіемъ проговорилъ Лука, откладывая свободной рукой широчайшій крестъ.

V.

Привaловъ шелъ за Василіемъ Назарычемъ черезъ цѣлый рядъ небольшихъ комнатъ, убранныхъ согласно указаніямъ моды послѣднихъ дней. Дорогая мягкая мебель, ковры, бронза, шелковыя драпировки на окнахъ и дверяхъ,—все дышало роскошью, которая невольно бросалась въ глаза послѣ скромной обстановки кабинета. Въ небольшой голубой гостиной стоялъ новенькій рояль Беккера; это было новинкой для Привалова, и онъ съ любопытствомъ взглянулъ на кучку нотъ, лежавшихъ на пюпитрѣ.

— Мы вѣдь нынче со старухой на двѣ половины живемъ,—съ улыбкой проговорилъ Бахаревъ, останавливаясь въ дверяхъ столовой передохнуть.—Какъ же, по-современному... Она ко мнѣ на половину ни ногой. Вотъ въ столовой сходимся, если что̀ нужно.

Сейчасъ за столовой началась половина Марьи Степановны, и Привaловъ сразу почувствовалъ себя какъ дома. Все было ему здѣсь знакомо до мельчайшей подробности и точно освящено дѣтскими воспоминаніями. Полинявшіе дорогіе ковры на полу, рѣзная старинная мебель краснаго дерева, бронзовые люстры и канделябры, малахитовыя вазы и мраморные столики по угламъ, старинные столовые часы изъ матоваго серебра, плохія картины въ дорогихъ рамахъ, цвѣты на окнахъ и лампадки передъ образами стариннаго письма,—все это унесило его во времена дѣтства, когда онъ былъ своимъ человѣкомъ въ этихъ уютныхъ, низенькихъ комнатахъ. Даже самый воздухъ остался здѣсь все тѣмъ же—теплымъ и душистымъ, насквозь пропитаннымъ ароматомъ домовитой старины.

— Вотъ и моя Марья Степановна,—проговорилъ Василій Назарычъ, когда они вошли въ небольшую темно-красную гостиную.

Привaловъ увидѣлъ высокую фигуру Марьи Степановны, которая была въ блѣдно-голубомъ старинномъ сарафанѣ и показалась ему прежней красавицей. Когда онъ хотѣлъ поцѣловать у нея руку, она обняла его и, по старинному обычаю, степенно приложилась къ его щекамъ своими полными щеками и даже поцѣловала его неподвижными сухими губами.

— Нѣтъ, ты посмотри, Маша, какой молодецъ... а?—повторялъ Василій Назарычъ, усаживаясь при помощи Луки въ ближайшее кресло.

— Въ матушку пошелъ, въ Варвару Павловну,—проговорила Марья Степановна, оглядывая Привалова съ ногъ до головы.

— Вотъ и нѣтъ,—возразилъ старикъ.—Я какъ давеча взглянулъ на него,—вылитый покойный Александръ Ильичъ, какъ двѣ капли воды...

— Нѣтъ, въ мать... вылитая мать!..

Старики поспорили и остались каждый при своемъ мнѣніи.

— А ты, поди, совсѣмъ обасурманился на чужой-то сторонѣ?—спрашивала Марья Степановна гостя.—И лба не умѣешь перекрестить по-истовому-то?.. Щепотью молишься?..

— Нѣтъ, зачѣмъ же забывать старое,—уклончиво отвѣтилъ Приваловъ.

— Никого ужъ и въ живыхъ, почитай, нѣтъ,—печально проговорила Марья Степановна, подпирая щеку рукой.—Старая дѣвка Размахнина коскакъ держится, да еще Колпакова... Можетъ, помнишь ихъ?..

— Да, помню...

— Добрые люди мрутъ и намъ дорожку трутъ,—прибавилъ отъ себя Бахаревъ.—Давно ли, ровно, Сергѣй Александрычъ, ты гимназистомъ-то былъ, а теперь...

Наступила тяжелая пауза; всѣ испытывали то неловкое чувство, которое охватываетъ людей, давно не видавшихъ другъ друга. Этимъ моментомъ отлично воспользовалась Хіонія Алексѣевна, которая занимала наблюдательный постъ въ полутемномъ коридорчикѣ. Она почти насильно вытолкнула Надежду Васильевну въ гостиную, перекрестивъ ее вдогонку.

— Моя старшая дочь, Надежда,—проговорилъ Василій Назарычъ съ невольной гордостью счастливаго отца.

Приваловъ поздоровался съ дѣвушкой и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на нее удивленными глазами, точно стараясь что-то припомнить. Въ этомъ спокойномъ дѣвичьемъ лицѣ съ большими темно-сѣрыми глазами для него было столько знакомаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столько новаго.

— Надѣ было пять лѣтъ, когда вы съ Костей уѣхали въ Петербургъ,—замѣтила Марья Степановна, давая дочери мѣсто около себя.

— Обѣдать подано,—докладывалъ Игорь, вытягиваясь въ дверяхъ.

— Мы вѣдь по старинѣ живемъ, въ двѣнадцать часовъ обѣдаемъ,—объяснила Марья Степановна, поднимаясь со своего мѣста.—А по-нынѣшнему господа въ восемь часовъ вечера садятся за столъ.

— Да, кто встаетъ въ двѣнадцать часовъ дня,—замѣтилъ Приваловъ.

— Ну, а ты какъ?

— Какъ случится, Марья Степановна. Вотъ буду жить въ Узлѣ, тогда постараюсь обѣдать въ двѣнадцать.

— Такъ-то лучше будетъ,—весело заговорила Марья Степановна: отвѣтъ Привалова ей очень понравился.—Ты старины-то не забывай,—наставительно продолжала она по дорогѣ въ столовую.—Кто у тебя отцы-то были... а? Вѣдь столпы были по древнему благочестію. Новшествъ этихъ и знать не хотѣли, а прожили вѣкъ не хуже другихъ. А дѣдушку твоего взять, Павла Михайловича Гуляева? Онъ часто говаривалъ, что лучше въ одной рубашкѣ останется, а съ бритоусами да табачниками изъ одной чашки ѣсть не будетъ. Вонъ какой домъ-то выстроилъ тебѣ: пятьдесятъ лѣтъ простоялъ и еще двѣсти простоитъ. Этакихъ людей больше и на свѣтѣ не осталось. Такъ, мелочь разная.

Приваловъ плохо слушалъ Марью Степановну. Ему хотѣлось оглянуться на Надежду Васильевну, которая шла теперь рядомъ съ Васильемъ Назарычемъ. Дѣвушка поразила Привалова, поразила не красотой, а чѣмъ-то особеннымъ, чего не было въ другихъ.

— Мой младшій сынъ, моя младшая дочь,—коротко отрекомендовалъ Василій Назарычъ Вѣрочку и Виктора Васильича, которые ожидали всѣхъ въ столовой.

— Это паша хорошая знакомая, Хіонія Алексѣевна, — рекомендовала Марья Степановна Заплатину, которая отвѣтила на поклонъ Привалова съ приличною важностью.

— Очень пріятно,—какъ во снѣ повторялъ Приваловъ, пожимая руку Виктора Васильича.

— Мнѣ тоже очень пріятно,—отвѣчалъ Викторъ Васильичъ, разставляя широко ноги и безцеремонно оглядывая Привалова съ ногъ до головы: онъ только-что успѣлъ проснуться, глаза были красны, сюртукъ сидѣлъ криво.

Вѣрочка въ своемъ розовомъ платьѣ горѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Ей казалось, что всѣ смотрятъ именно на нее: эта мысль сильно смущала ее и заставляла краснѣть ее еще больше. „Женихъ...“—думала она, опуская глаза въ сладкомъ волненіи. Приваловъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на смущенную Вѣрочку и почувствовалъ себя необыкновенно хорошо, точно онъ вернулся домой изъ какого-то далекаго путешествія. Именно теперь онъ отчетливо припомнилъ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, которыя нарушали торжественную тишину бахаревскаго дома вѣчнымъ шумомъ, возней и дѣтскимъ смѣхомъ. Которую-то изъ нихъ называли „булкой“... Взглянувъ на Вѣрочку, Приваловъ едва успѣлъ подавить невольную улыбку: несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, она все еще оставалась „булкой“. Это мимолетное дѣтское воспоминаніе унесло Привалова въ то далекое, счастливое время, когда онъ еще не отдѣлялъ себя отъ бахаревской семьи. Вотъ въ этой самой столовой происходили тѣ особенные обѣды, которые походили на таинство. Маленькій Приваловъ сильно побаивался Марьи Степановны, которая держала себя всегда строго, а за обѣдомъ являлась совсѣмъ неприступной: никто не смѣлъ слова сказать лишняго, и только когда бывалъ дома Василій Назарычъ, эта слишкомъ натянутая обѣденная обстановка замѣтно смягчалась.

— Ты ужъ не обезсудь насъ на нашемъ угощеньи,—заговорила Марья Степановна, наливая гостю щей; нужно замѣтить, что своими щами Марья Степановна гордилась и была глубоко увѣрена, что такихъ щей никто не умѣетъ варить, кромѣ Досиѳеи.

Старинная фаянсовая посуда съ синими птицами и синими деревьями оставалась та же, какъ и раньше; тѣ же ложки и вилки изъ массивнаго серебра съ вензелями на ручкахъ. Щи Досиѳеи, конечно, оставались тѣми же и такъ же аппетитно пахли спеціальнымъ букетомъ. Приваловъ испытывалъ глубокое наслажденіе, точно въ каждой старой вещи встрѣчалъ стараго друга. Разговоръ за обѣдомъ происходилъ такъ же степенно и истово, какъ всегда, а Марья Степановна въ концѣ стола казалась королевой. Даже Хіонія Алексѣевна—и та почувствовала нѣкоторый священный трепетъ при мысли, что имѣла счастье обѣдать съ милліонеромъ; она, правда, дѣлала нѣсколько попытокъ самостоятельно вступить въ разговоръ съ Приваловымъ, но, не встрѣчая поддержки со стороны Марьи Степановны, краснорѣчиво умолкала. Зато эта почтенная дама постаралась вознаградить себя мимикой, причемъ нѣсколько разъ самымъ многознаменательнымъ образомъ указывала глазами Марьѣ Степановнѣ то на Привалова, то на Надежду Васильевну, тяжело вздыхала и скромно опускала глаза.

— Нынѣшніе люди какъ-то совсѣмъ наособицу пошли, — разсуждала Марья Степановна.—Не приноровишься къ нимъ.

— Ахъ, совсѣмъ дрянной народъ, совсѣмъ дрянной!—подпѣвала Хіонія Алексѣевна, какъ вторая скрипка въ оркестрѣ.

— Это, мама, только такъ кажется,—замѣтила Надежда Васильевна.— И прежде было много дурныхъ людей, и нынче есть хорошіе люди...

— Конечно, такъ, — подтвердилъ Викторъ Василичъ. — Когда мы состаримся, будемъ тоже говорить, что вотъ въ наше время такъ были люди... Всѣ старики такъ говорятъ.

— Да вамъ съ Давидомъ Ляховскимъ и головы не сносить до старости-то.—проговорилъ Василій Назарычъ.

— Молодость, молодость, — шептала Хіонія Алексѣевна, закатывая глаза.—Кто не былъ молодъ, кому не было шестнадцати лѣтъ... Не такъ ли, Марья Степановна?

Глядя на испитое, сморщенное лицо Хіоніи Алексѣевны, трудно было допустить мысль, что ей когда-нибудь, даже въ самомъ отдаленномъ прошломъ могло быть шестнадцать лѣтъ.

— Вы, вѣроятно, запишетесь въ одинъ изъ нашихъ клубовъ, Сергѣй Александрычъ? — спрашивала Заплатина съ жестомъ настоящей grande dame.

— Право, я еще не успѣлъ подумать объ этомъ,—отвѣчалъ Приваловъ.— Да и вообще едва ли и придется бывать въ клубѣ...

— Да, да... Я понимаю, что вы заняты, у васъ дѣла. Но вѣдь молодымъ людямъ отдыхъ необходимъ. Не правда ли? — спрашивала Хіонія Алексѣевна, обращаясь къ Марьѣ Степановнѣ. — Только я не совѣтую вамъ записываться въ Благородное собраніе: скучища смертная и сплетни, а у насъ, въ Общественномъ клубѣ, вы встрѣтите цѣлый букетъ красавицъ. Въ немъ недостаетъ только Nadine... Ваши таланты, Nadine...

— Давно ли, Хіонія Алексѣевна, вы сдѣлали такое открытіе?—спрашивала съ улыбкой Надежда Васильевна.

— О, я это всегда говорила... всегда!.. Конечно, я хорошо понимаю, что вы изъ скромности не хотите принимать участія въ любительскихъ спектакляхъ.

Когда Надежда Васильевна улыбалась, у нея на широкомъ бѣломъ лбу всплывала надъ лѣвой бровью такая же морщинка, какъ у Василья Назарыча. Приваловъ замѣтилъ эту улыбку, а также едва замѣтный жестъ лѣвымъ плечомъ,—тоже отцовская привычка. Вообще было замѣтно сразу, что Надежда Васильевна ближе стояла къ отцу, чѣмъ къ матери. Въ ней до мельчайшихъ подробностей отпечатлѣлись всѣ тѣ характерныя особенности бахаревскаго типа, которыя старый Лука подводилъ подъ одно слово: „прерода“.

Конецъ обѣда прошелъ очень оживленно. Хіонія Алексѣевна какъ ни сдерживала свой языкъ, но подъ конецъ выгрузила давившій ее запасъ послѣднихъ городскихъ новостей. Приваловъ такимъ образомъ имѣлъ удовольствіе выслушать, что Половодовъ, конечно, умный человѣкъ, но гордецъ, котораго слѣдуетъ проучить. Всего нѣсколько дней назадъ Хіоніи Алексѣевнѣ представлялся удобный случай къ этому, но она не могла имъ воспользоваться, потому что тутъ была замѣшана его сестра, Анна Павловна; а Анна Павловна, дѣвушка хотя и не первой молодости и считаетъ себя передовой, но... и т. д., и т. д.

— Да что я говорю!—спохватилась Хіонія Алексѣевна.—Вѣдь Половодовъ и Ляховскій ваши опекуны, Сергѣй Александрычъ, — вамъ лучше ихъ знать.

— Лично мнѣ не приходилось имѣть съ ними дѣла, — отвѣтилъ Приваловъ.

— Да, да... А Nicolas Веревкинъ... Вѣдь вы, кажется, съ нимъ вмѣстѣ въ университетѣ учились, если не ошибаюсь?

— Да, вмѣстѣ.

— Какой это замѣчательно умный человѣкъ, Сергѣй Александрычъ. Вы представить себѣ не можете! Купцы его просто на рукахъ носятъ... И какое остроуміе! Недавно на обвинительную рѣчь прокурора онъ отвѣтилъ такъ: „Господа судьи и господа присяжные... Я могу сравнить рѣчь г. прокурора съ тѣмъ, если бъ человѣкъ взялъ ложку, почерпнулъ щей и пронесъ ее, вмѣсто рта, къ уху“. Понимаете: восторгъ и фуроръ!..

— Нужно спросить, Хіонія Алексѣевна, во что обходится остроуміе Веревкина его кліентамъ,—замѣтилъ Бахаревъ.

— Ахъ, Василій Назарычъ... Конечно, Nicolas беретъ крупные куши, но вѣдь мы живемъ въ такое время, въ такое время... Не правда ли, Марья Степановна?

Марья Степановна ничего не отвѣтила, потому что была занята поведеніемъ Вѣрочки и Виктора Василича, которые давно пересмѣивались насчетъ Хіоніи Алексѣевны. Дѣло кончилось тѣмъ, что Вѣрочка, вся красная какъ піонъ, наклонилась надъ самой тарелкой; кажется, еще одна капелька, и дѣвушка раскатилась бы такимъ здоровымъ, молодымъ смѣхомъ, какого стѣны бахаревскаго дома не слыхали со дня своего основанія. Вѣрочку спасло только то, что въ самый критическій моментъ всѣ поднялись изъ-за-стола, и она могла незамѣтно убѣжать изъ столовой.

VI

Сейчасъ послѣ обѣда Василій Назарычъ, при помощи Луки и Привалова, перетащился въ свой кабинетъ, гдѣ въ это время, по стариковской привычкѣ, любилъ вздремнуть часикъ. Приваловъ зналъ эту привычку и хотѣлъ сейчасъ же уйти.

— Нѣтъ, постой, съ бабами еще успѣешь наговориться, — остановилъ его Бахаревъ и указалъ на кресло около дивана, на которомъ укладывалъ свою больную ногу. — Вѣдь при тебѣ это было, когда умеръ... Холостовъ?

Старикъ съ замѣтнымъ усиліемъ проговорилъ послѣднее слово, точно эта фамилія стояла у него поперекъ горла.

— Нѣтъ, я въ это время былъ въ Петербургѣ, — отвѣтилъ Приваловъ, не понимая вопроса.

— Нѣтъ, не то... Какъ ты узналъ, что долгъ Холостова переведенъ министерствомъ на ваши заводы?

— Когда я получилъ телеграмму о смерти Холостова, сейчасъ же отправился въ министерство навести справки. У меня тамъ есть нѣсколько знакомыхъ чиновниковъ, которые и разсказали все, т.-е. что рѣшеніе по дѣлу Холостова было получено какъ разъ въ то время, когда Холостовъ лежалъ на столѣ, и что министерство перевело его долгъ на заводы.

— Меня просто убило это извѣстіе, — грустно заговорилъ Бахаревъ. — Это несправедливо... Холостовъ, какъ вашъ вотчимъ и опекунъ, дѣлаетъ милліонный долгъ при помощи мошенничества, его судятъ за это мошенничество и присуждаютъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ Сибирь, а когда онъ умираетъ, долгъ взваливаютъ на васъ, наслѣдниковъ. Я еще понимаю, что дѣло о Холостовѣ затянули на десять лѣтъ и вытащили рѣшеніе въ тотъ моментъ, когда Холостова уже нельзя было никуда сослать, кромѣ царствія небеснаго... Я это еще понимаю, потому что Холостовъ былъ въ свое время сильнымъ человѣкомъ, и старые благопріятели поддерживали; но перевести частный долгъ, притомъ сдѣланный мошеннически, на наслѣдниковъ... нѣтъ, я этого никогда не пойму. А затѣмъ эти семьсотъ тысячъ, которыя были взяты нижe-

перомъ Масманомъ во время казенной опеки надъ заводами, — они тоже перенесены на заводы?

— Да, и они перенесены на насъ, потому что деньги были выданы правительствомъ Масману на усиленіе заводскаго дѣйствія.

— Хорошо. Но вѣдь Масманъ до сихъ поръ не представилъ еще никакого отчета о расходованіи этихъ суммъ?

— Ничего не представилъ.

— Я писалъ тогда тебѣ объ этомъ, чтобы хлопотать непремѣнно и притянуть Масмана во что бы то ни стало.

— Василій Назарычъ, вѣдь со времени казенной опеки надъ заводами прошло почти десять лѣтъ... Несмотря ни на какія хлопоты, я не могъ даже узнать, существуетъ ли такой отчетъ гдѣ-нибудь. Обращался въ контроль, въ горный департаментъ, въ дворянскую опеку,—вездѣ одинъ отвѣтъ: „Ничего не знаемъ... Справьтесь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ“.

— А Масманъ живетъ въ Петербургѣ?

— Да, зимой въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ Крыму, въ собственномъ имѣніи.

— Купленномъ на ваши деньги?.. Ха-ха... Ты былъ у него?

— Нѣсколько разъ.

— „Боленъ“ или „не принимаютъ“? Подлецы...

Василій Назарычъ тяжело завозился на своемъ диванѣ и закусилъ губу.

— А ты знаешь, сколько съ процентами составляютъ эти два долга?

— Около четырехъ милліоновъ...

— Да. Когда отецъ твой умеръ, на заводахъ не было ни копейки долгу; оставались еще кой-какія крохи въ бумагахъ да пріиски. Когда мачеха вышла за Холостова, онъ въ три года промоталъ всѣ оставшіяся деньги, заложилъ пріиски, сдѣлалъ милліонный долгъ и совсѣмъ уронилъ заводы. Я надѣялся, что, когда заводы будутъ подъ казенной опекой, — они, если не поправятся, то не будутъ приносить дефицита, а между тѣмъ Масманъ въ одинъ годъ нахлопалъ на заводы новый милліонный долгъ. Когда заводы перешли въ опекунское управленіе, я надѣялся понемногу опять поднять дѣло. Костя вотъ ужъ пять лѣтъ работаетъ на нихъ, какъ каторжный, и добился ежегоднаго дивиденда въ триста тысячъ рублей. Но куда идутъ деньги?.. Чтобы выплатить четырехмилліонный долгъ, необходимо поднимать заводы; затѣмъ, изъ этихъ же денегъ приходится выплачивать хоть часть процентовъ по долгу; наконецъ остатки уходятъ на наслѣдниковъ. Мачеха получила свою четырнадцатую часть, васъ трое...

— Моя часть цѣликомъ уходила на хлопоты, Василій Назарычъ.

— Развѣ я не знаю... Что же, ты видѣлъ эту... ну, мачеху свою?

— Нѣтъ, я самъ не видалъ, а слышалъ много.

— Она все въ Москвѣ?

— Да. Второй братъ страдаетъ тихимъ помѣшательствомъ, а младшій, Титъ, пропалъ безъ вѣсти.

— Да, слышалъ, слышалъ... Что-нибудь да не чисто въ этомъ дѣлѣ, я такъ думаю.

— Теперь трудно сказать, Василій Назарычъ.

— Взять теперешнихъ вашихъ опекуновъ: Ляховскій — тотъ давно присосался, но поймать его ужасно трудно; Половодовъ еще только присматривается, нельзя ли сорвать свою долю. Когда я былъ опекуномъ, я изъ кожи лѣзъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, привести все въ ясность; изъ-за этого и съ Ляховскимъ разссорился и опеку оставилъ, а на мое мѣсто вдругъ назначаютъ

Половодова. Если бы я зналъ... Мнѣ хотѣлось припугнуть Ляховскаго, а тутъ вышла вонъ какая исторія. Кто бы этого могъ ожидать? Погорячился, все дѣло испортилъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите, Василій Назарычъ?

— А вотъ поживи съ мое, тогда и самъ узнаешь, что̀ и чего стоитъ. Нѣтъ, голубчикъ, трудно жить на бѣломъ свѣтѣ: вездѣ неправда, вездѣ ложь да обманъ. Вѣдь ограбили же васъ, сиротъ: отецъ оставилъ вамъ Шатровскіе заводы въ полномъ ходу; тогда они больше шести милліоновъ стоили, а теперь, если пойдутъ за долгъ съ молотка, и четырехъ не дадутъ. Одной земли четыреста тысячъ десятинъ подъ заводами... Охъ-хо-хо! Не думалъ я дожить до того, чтобы Шатровскіе заводы продали за долги. Вѣдь половина въ этихъ заводахъ сдѣлана на гуляевскіе капиталы. Да, Павелъ-то Михайлычъ и дочку-то свою загубилъ изъ-за нихъ... Ну, будетъ, ступай теперь къ бабамъ, а я отдохну.

Бахаревъ воспользовался случаемъ выслать Привалова изъ кабинета, чтобы скрыть овладѣвшее имъ волненіе; объ отдыхѣ, конечно, не могло быть и рѣчи, и онъ безмолвно лежалъ все время съ открытыми глазами. Появленіе Привалова обрадовало честнаго старика и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало всю желчь, какая давно накопилась у него на сердцѣ.

VII.

Хіонія Алексѣевна поспѣшила сейчасъ же удалиться, какъ только заслышала шаги подходившаго Привалова; она громко расцѣловала Вѣрочку и, пожимая руку Марьи Степановны, проговорила съ удареніемъ:

— Я не хочу вамъ мѣшать теперь, потому что вы вѣдь *свои*...

Приваловъ шелъ не одинъ; съ нимъ рядомъ выступалъ Викторъ Васильичъ, пока еще не знавшій, какъ ему держать себя. Марья Степановна увела гостя въ свою гостиную, куда Досиѳея подала на стеклянныхъ старинныхъ тарелочкахъ нѣсколько сортовъ варенья и, въ какой-то мудреной китайской посудинѣ, ломоть сотоваго меда.

— Вѣдь это Досиѳея? — спрашивалъ Приваловъ, когда глухонѣмая остановилась у дверей, чтобы еще разъ посмотрѣть на гостя.

— Да... вспомнилъ старуху?

— Помилуйте, мы съ Костей частенько воевали съ ней, — засмѣялся Приваловъ.

Досиѳея поняла, что разговоръ идетъ о ней, и мимикой объяснила, что Костеньки нѣтъ, что его не любитъ *самъ*, и что она помнитъ, какъ маленькій Приваловъ любилъ ѣсть соты.

— Я и теперь ихъ люблю, — отвѣчалъ Приваловъ на энергичные жесты Досиѳеи. — Спасибо, что не забыла меня...

Досиѳея радостно замычала и скрылась. Марья Степановна принялась усиленно потчевать гостя сластями, потому что гостепріимство для нея было священной обязанностью. Приваловъ долженъ былъ отвѣдать всего, чтобы не обидѣть хозяйки. Онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ степенную рѣчь Марьи Степановны, пока она подробно разсказывала печальную исторію Полуяновыхъ, Колпаковыхъ и Размахиныхъ. Почти всѣ или вымерли, или разорились; пошелъ совсѣмъ другой народъ, настали и другіе порядки. Мимоходомъ Марья Степановна успѣла пожаловаться на Василья Назарыча, который заводилъ новшества: старшую дочь выдумалъ учить, новую мебель у себя поставилъ, знается съ бритоусами и табачниками. Въ этихъ жалобахъ

было столько старчески-забавнаго, что Приваловъ все время старался разсматривать мелкіе розовые и голубые цвѣточки, которые были разсыпаны по сарафану Марьи Степановны. Сарафанъ Марьи Степановны былъ самый старинный, изъ тяжелой шелковой матеріи, которая стояла коробомъ и походила на кожу; онъ, вѣроятно, когда-то, очень давно, былъ бирюзоваго цвѣта, а теперь превратился въ модный gris de perle.

— Какой у васъ старинный сарафанъ, — проговорилъ Приваловъ.

Эта похвала заставила Марью Степановну даже покраснѣть; ко всякой старинѣ она питала нѣчто въ родѣ благоговѣнія и особенно дорожила коллекціей старинныхъ сарафановъ, оставшихся послѣ жены Павла Михайловича Гуляева „съ материной стороны“. Она могла бы разсказать исторію каждаго изъ этихъ сарафановъ, служившихъ для нея живой лѣтописью и біографіей давно умершихъ дорогихъ людей.

— Это твоей бабушки сарафанъ-то, — объясняла Марья Степановна. — Павелъ Михайлычъ, когда въ Москву ѣздилъ, такъ привезъ матерію... Нынче ужъ нѣтъ такихъ матерій, — съ тяжелымъ вздохомъ прибавила старушка, расправляя рукой складку на сарафанѣ. — Нынче ваши дамы сошьютъ платье, два раза надѣнутъ—и подавай новое. Матеріи другія пошли, и люди не такіе, какъ прежде.

— Ну, маменька, нынче люди самые настоящіе, — замѣтилъ Викторъ Васильичъ, которому давно надоѣло слушать эти разговоры о старинныхъ людяхъ.

— Поди ты... Нашелъ настоящихъ людей!

— Значитъ, и мы съ Сергѣемъ Александрычемъ никуда не годимся?

— Перестань балясы точить: я дѣло говорю.

Вѣрочкѣ давно хотѣлось принять участіе въ этой бесѣдѣ, но она одна не рѣшалась проникнуть въ гостиную и вошла туда только за спиной Надежды Васильевны и сейчасъ же спряталась за стуломъ Марьи Степановны. Съ появленіемъ дѣвушекъ въ комнату ворвались разныя дѣтскія воспоминанія, которыя для посторонняго человѣка не имѣли никакого значенія и могли показаться смѣшными, а для дѣйствующихъ лицъ были теперь особенно дороги. Приваловъ многое успѣлъ позабыть изъ этого дѣтскаго міра и съ особеннымъ удовольствіемъ припоминалъ разныя подробности, которыя разсказывала Надежда Васильевна. „Помните вотъ это-то?“—„А помните, какъ Викторъ...“ Эти фразы мягко ласкали слухъ, и Приваловъ съ глубокимъ наслажденіемъ чувствовалъ на себѣ теплоту домашняго очага, котораго лишила его судьба. Какъ все это было давно и, вмѣстѣ, точно случилось только вчера!..

— Будетъ вамъ, стрекозы, — строго остановила Марья Степановна, когда всѣми овладѣло самое оживленное настроеніе; послѣднее было неприлично, потому что Приваловъ былъ все-таки посторонній человѣкъ и могъ осудить. — Мы вотъ все болтаемъ тутъ разные пустяки, а ты намъ ничего не разскажешь о себѣ, Сергѣй Александрычъ.

— Право, не знаю, что и разсказывать, Марья Степановна, — отвѣтилъ Приваловъ.

— На-вотъ, жилъ пятнадцать лѣтъ въ столицѣ, пріѣхалъ — и разсказать нечего. Мы въ деревнѣ, почитай, живемъ, а вонъ какія розсказни распустили.

— Мама, какая ты странная, — вступилась Надежда Васильевна. — Все равно мы съ тобой не поймемъ, если Сергѣй Александрычъ будетъ разсказывать намъ о своихъ дѣлахъ по заводамъ.

— Да вѣдь пятнадцать лѣтъ не видались, Надя... Это вотъ сарафанъ полежитъ пятнадцать лѣтъ, и у того сколько новостей: тутъ моль подбила,

тамъ пятно вылежалось. Сергѣй Александрычъ не въ сундукѣ лежалъ, а съ живыми людьми, поди, тоже жилъ...

Послѣднее поразило Привалова: оглянувшись на свое прошлое, онъ долженъ былъ сознаться, что еще не начиналъ даже жить въ томъ смыслѣ, какъ это понимала Марья Степановна. Сначала занятія въ университетѣ, а затѣмъ лѣтъ семь ушло какъ-то между рукъ,—въ хлопотахъ по наслѣдству, въ томительномъ однообразіи разныхъ сроковъ, справокъ, дѣловыхъ визитовъ, въ шатаніи по канцеляріямъ и департаментамъ. Жизнь оставалась еще впереди, для нея откладывалось время годъ за годомъ, а между тѣмъ приходилось уже вычеркивать изъ этой жизни цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Прямой вопросъ Марьи Степановны, подсказанный ей женскимъ инстинктомъ, поставилъ Привалова въ неловкое положеніе, изъ котораго ему было довольно трудно выпутаться; Дарья Степановна могла истолковать его молчаніе о своемъ прошломъ въ какомъ-нибудь дурномъ смыслѣ. Пришлось разсказывать объ университетѣ, о профессорахъ, о столичныхъ удовольствіяхъ.

„Ну, а какъ тамъ эти штучки разныя?..“—весело думалъ Викторъ Васильичъ, уносясь въ сферу столичныхъ развеселыхъ мѣстъ.

VIII.

Вечеромъ этого многознаменательнаго дня въ кабинетѣ Василья Назарыча происходила такая сцена. Самъ старикъ полулежалъ на своемъ диванѣ и былъ блѣднѣе обыкновеннаго. На низенькой деревянной скамеечкѣ, на которую Бахаревъ обыкновенно ставилъ свою больную ногу, теперь сидѣла Надежда Васильевна съ разгорѣвшимся лицомъ и съ блестѣвшими глазами.

— Папа, пожалѣй меня,—говорила дѣвушка, ласкаясь къ отцу.—Находиться въ положеніи вещи, которую всякій имѣетъ право приходить осматривать и приторговывать... нѣтъ, папа, это поднимаетъ такое нехорошее чувство въ душѣ! Дѣлается какъ-то обидно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гадко... Взять хоть сегодняшній визитъ Привалова: если бы я не должна была являться предъ нимъ въ качествѣ товара, которому только изъ вѣжливости не смотрятъ въ зубы, я отнеслась бы къ нему гораздо лучше, чѣмъ теперь.

— Въ чемъ же это Приваловъ такъ провинился предъ тобой?—съ добродушной улыбкой спрашивалъ Василій Назарычъ.

— Да начать хоть съ Хины, папа... Ну, скажи, пожалуйста, какое ей дѣло до меня? А между тѣмъ она является со своими двусмысленными улыбками къ намъ въ домъ, шепчетъ мнѣ глупости, выворачиваетъ глаза то на меня, то на Привалова. И положеніе Привалова было самое глупое, и мое тоже не лучше.

— Да вѣдь ты хорошо знаешь, что я никогда не приглашаю Хины; я въ дѣла мамы не вмѣшиваюсь.

— Вотъ я на зло мамѣ и Хинѣ нарочно не пойду замужъ за Привалова... Я такъ давеча и мамѣ сказала, что не хочу разыгрывать изъ себя какую-то крѣпость въ осадномъ положеніи.

— Все это такъ, Надя, но я все-таки не вижу, въ чемъ виноватъ тутъ Сергѣй Александрычъ.

— А вотъ сейчасъ... Въ нашемъ домѣ является милліонеръ Приваловъ; я по необходимости знакомлюсь съ нимъ и, по мѣрѣ этого знакомства, открываю въ немъ самые удивительные таланты, качества и добродѣтели. Однимъ словомъ, я кончаю тѣмъ, что начинаю думать: „а вѣдь не дурно быть m-me Приваловой!“ Вѣдь тысячи дѣвушекъ сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ именно такъ...

— Рѣшительно ничего не понимаю... Тебя сводитъ съ ума глупое слово „женихъ“, а ты думай о Приваловѣ просто, какъ о хорошемъ, умномъ и честномъ человѣкѣ.

— Нѣтъ, постой. Это еще только одна половина мысли. Представь себѣ, что никакого милліонера Привалова никогда не существовало на свѣтѣ, а существуетъ милліонеръ Сидоровъ, который является къ намъ въ домъ и въ которомъ я открываю существо, обремененное всѣми человѣческими достоинствами, а потомъ начинаю думать: „а вѣдь не дурно быть m-me Сидоровой!“ Отсюда можно вывести только такое заключеніе, что дѣло совсѣмъ не въ томъ, кто явится къ намъ въ домъ, а въ томъ, что я невѣста и въ качествѣ таковой должна кончить замужествомъ.

— Тебя никто не гонитъ замужъ, Надя.

— Я тебя за это и люблю... А мама, Досиѳея, Лука, Хина,—да всѣ, рѣшительно всѣ, кажется, съ ума сошли.

— Да, но вѣдь трудно обвинять людей въ томъ, чего они не въ состояніи понимать.

— Вотъ для того, чтобы показать имъ всѣмъ ихъ глупость, я никогда и не пойду замужъ, папа.

— И отличное дѣло: устрою въ монастырь... Ха-ха... Бѣдная моя дѣвочка, ты не совсѣмъ здорова сегодня... Только не осуждай мать, не бери этого грѣха на душу: жизнь долга, Надя; и такъ и этакъ, передумаешь еще десять разъ.

Василій Назарычъ разсказалъ дочери послѣднія извѣстія о положеніи приваловскаго наслѣдства и по этому случаю долго припоминалъ разные эпизоды изъ жизни Гуляевыхъ и Приваловыхъ. Дѣвушка внимательно слушала все время и проговорила:

— Все-таки, папа, самые хорошіе изъ нихъ были ужасными людьми. Вездѣ самодурство, произволъ, насиліе... Эта бѣдная Варвара Гуляева, мать Сергѣя Александрыча,—сколько, я думаю, она вынесла...

— Да, сошла, бѣдная, съ ума... Вотъ ты и подумай теперь хоть о положеніи Привалова: онъ пріѣхалъ въ Узелъ—все равно какъ въ чужое мѣсто, еще хуже. А знаешь, что̀ загубило всѣхъ этихъ Приваловыхъ? Безхарактерность. Всѣ они—или насквозь добрѣйшая душа, или насквозь звѣрь; ни въ чемъ середины не знали.

— А Сергѣй Александрычъ по-твоему, папа, какъ будетъ?

— Сергѣй Александрычъ... Сергѣй Александрычъ съ Константиномъ Васильичемъ все книжки читали, поэтому изъ нихъ можно и крупы и муки намолоть. Сережа-то и маленькимъ когда былъ, такъ звѣрькомъ и выглядывалъ: то веревки изъ него вей, то хоть ты его расколи,—однимъ словомъ, приваловская кровь. А впрочемъ, кто его знаетъ, можетъ, и перемѣнился.

IX.

Фамиліи Приваловыхъ и Бахаревыхъ были тѣсно связаны между собой. Приваловы, какъ заводовладѣльцы, пользовались большой извѣстностью на Уралѣ. Имъ принадлежали знаменитые Шатровскіе заводы, занимавшіе площадь въ четыреста тысячъ десятинъ богатѣйшей въ свѣтѣ земли. Какъ большинство уральскихъ заводчиковъ, послѣдніе представители фамиліи Приваловыхъ жили нараспашку, предоставивъ все заводское дѣло на усмотрѣніе крѣпостныхъ управителей. Въ результатѣ оказалось, конечно, то, что заводское хозяйство начало хромать на обѣ ноги, и заводы, по всей вѣроятности,

пошли бы съ молотка. Но счастливый случай спасъ ихъ: въ половинѣ сороковыхъ годовъ владѣльцу Шатровскихъ заводовъ, Александру Привалову, удалось жениться на дочери знаменитаго богача-золотопромышленника, Павла Михайлыча Гуляева. Непосредственнымъ результатомъ сліянія этихъ знаменитыхъ фамилій было появленіе на свѣтъ нашего героя, Сергѣя Привалова. Оно было встрѣчено и отпраздновано съ царской роскошью: гремѣли пушки, рѣкой лилось шампанское, и цѣлый мѣсяцъ въ приваловскомъ домѣ угощались званый и незваный. Павелъ Михайлычъ подарилъ своему внуку „на зубокъ“ десять пудовъ золота.

Сергѣй Приваловъ помнилъ своего дѣда по матери какъ сквозь сонъ. Это былъ высокій, сгорбленный, сѣдой старикъ съ необыкновенно живыми глазами. Онъ страстно любилъ внука и часто говорилъ ему:

— Вѣдь ты у меня одинъ... Одинъ, какъ перстъ!..

Шестилѣтній мальчикъ не понималъ, конечно, значенія этихъ странныхъ словъ и смотрѣлъ на дѣда съ широко раскрытымъ ртомъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на свои милліоны, Гуляевъ считалъ себя глубоко несчастнымъ человѣкомъ: у него не было сыновей, была только одна дочь, Варвара, выданная за Привалова.

„Что дочь?—разсуждалъ старикъ-раскольникъ.—Дочь все одно, что вешняя вода; ждешь ее, радуешься, а она пришла и ушла...“

Павелъ Михайлычъ Гуляевъ былъ изъ архангельскихъ поморовъ. Его предки бѣжали изъ разоренныхъ скитовъ на Уралъ, гдѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія скитались по лѣснымъ дебрямъ и раскольничьимъ притонамъ, пока не освоились совсѣмъ въ Шатровскихъ заводахъ. Приваловы, какъ и другіе заводчики, открыто держали всякихъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ и бродягъ, потому что этотъ разношерстный гулящій людъ составлялъ для нихъ главную рабочую силу. Раскольникамъ они покровительствовали въ особенности, потому что они сами тоже придерживались старины, и при помощи золота отводили отъ нихъ всякія бѣды и напасти. Когда въ первой четверти настоящаго столѣтія были открыты пріиски въ Восточной Сибири, въ глубинѣ енисейской тайги, Павелъ Гуляевъ былъ въ числѣ первыхъ рабочихъ на золотыхъ пріискахъ. Въ какихъ-нибудь десять лѣтъ онъ быстро прошелъ путь отъ простого рабочаго до званія настоящаго золотопромышленника, владѣвшаго однимъ изъ лучшихъ пріисковъ во всей Сибири. Крѣпкій былъ человѣкъ Гуляевъ, и когда онъ вернулся на Уралъ, за нимъ тянулась блестящая слава милліонера. Изъ Шатровскихъ заводовъ Гуляевъ все-таки не выѣхалъ и жилъ тамъ все время, которое у него оставалось свободнымъ отъ поѣздокъ въ тайгу. Громадный деревянный домъ, который выстроилъ себѣ Гуляевъ въ Шатровскомъ заводѣ, представлялъ собою и крѣпость, и монастырь, и богато убранныя палаты. Это была полная чаша во вкусѣ того добраго стараго времени, когда произволъ, насилія и всѣ темныя силы крѣпостничества уживались рядомъ съ самыми свѣтлыми проявленіями человѣческой души и мысли. Жизнь въ гуляевскихъ палатахъ была создана по типу древняго благочестія, въ жертву которому здѣсь приносилось все.

Мы уже сказали, что у Гуляева была всего одна дочь, Варвара, которую онъ любилъ и не любилъ въ одно и то же время, потому что это была дочь, тогда какъ упрямому старику нуженъ былъ сынъ. Избытокъ того чувства, которымъ Гуляевъ тяготѣлъ къ несуществующему сыну, естественно переходитъ на другихъ, и въ гуляевскомъ домѣ проживала цѣлая толпа разныхъ сиротъ, дѣвочекъ и мальчиковъ. По большей части это были дѣти гонимыхъ раскольниковъ, задыхавшихся по тюрьмамъ и острогамъ; Гуляеву при-

возили ихъ со всѣхъ сторонъ: съ Вѣтки, изъ Керженскихъ лѣсовъ, съ Иргиза, изъ Стародубья, Черноременскихъ скитовъ и т. д. Эти дѣти составляли что-то въ родѣ одного семейства, грѣвшагося подъ гостепріимной кровлей гуляевскихъ палатъ. Они получали строгое воспитаніе подъ началомъ раскольничьихъ начетчицъ и старцевъ, и потомъ мальчики увозились на пріиски, дѣвочки выходили замужъ или терпѣливо ждали своихъ суженыхъ.

— Ну, что мое гнѣздо?—спрашивалъ обыкновенно Гуляевъ, когда пріѣзжалъ съ пріисковъ домой.

Это „гнѣздо“ вносило совершенно особенную струю въ гуляевскій домъ. Около стараго раскольника Гуляева создавалось что-то въ родѣ домашняго культа. „Это сказалъ самъ Павелъ Михайлычъ“, „такъ дѣлаетъ самъ Павелъ Михайлычъ“—выше этого ничего не было. Слово Гуляева было закономъ. Изъ этого гуляевскаго гнѣзда вышло много крѣпкихъ людей, извѣстныхъ всему Уралу и въ Сибири. Фамиліи Кошлаковыхъ, Полуяновыхъ, Бахаревыхъ—все это были птенцы гуляевскаго гнѣзда, получившіе тамъ, вмѣстѣ съ кровомъ и родительской лаской, тотъ особенный закалъ, которымъ они рѣзко отличались между всѣми другими людьми. Въ нихъ продолжали жить черты гуляевскаго характера — выдержка, сила воли, энергія, неизмѣнная преданность старой вѣрѣ, однимъ словомъ—все то, что давало имъ право на названіе крѣпкихъ людей.

Василій Назарычъ Бахаревъ и Марья Степановна, извѣстные въ гуляевскомъ домѣ подъ названіемъ Васи и Маши, пользовались особенной любовью старика Гуляева. Они были круглыми сиротами и всѣми силами молодой души приросли къ гуляевскому дому. Марья Степановна, какъ женщина, окружила жизнь въ этомъ домѣ цѣлымъ ореоломъ святыхъ для нея воспоминаній. Изъ нихъ прежде всего, конечно, выступала типичная фигура самого Павла Михайлыча, затѣмъ его жены и дочери Варвары, вышедшей впослѣдствіи за Александра Привалова. Поэтому понятно, что на сына своей подруги Марья Степановна смотрѣла глазами родной матери. Одинъ видъ Сергѣя Привалова поднималъ предъ ней цѣлый рядъ дорогихъ ея сердцу покойниковъ. Бракъ между Васей и Машей былъ актомъ воли Павла Михайлыча. Старикъ однажды пригласилъ въ свой кабинетъ Машу и, указывая на Васю, сказалъ всего только нѣсколько словъ:—„Вотъ, Маша, тебѣ женихъ... Послѣ спасибо мнѣ скажешь“. Дѣвушка повалилась въ ноги своему названному отцу, и этимъ вся церемонія закончилась. Черезъ двѣ недѣли Бахаревы были повѣнчаны по раскольничьему обряду.

— Береги его, Маша,—проговорилъ Гуляевъ, когда поздравлялъ молодыхъ.—У меня Василій—правая рука... Вотъ тебѣ мой сказъ.

Бахаревъ, дѣйствительно, былъ правой рукой Гуляева и съ десяти лѣтъ находился при немъ безотлучно. Они исколесили всю Сибирь, и мало-по-малу Бахаревъ сдѣлался повѣреннымъ Гуляева, а затѣмъ необходимымъ для него человѣкомъ.

Когда Гуляевъ выдалъ свою дочь за Привалова, онъ сказалъ Бахареву:

— Не видать бы Привалову моей Варвары, какъ своихъ ушей, только ужъ, видно, такое его счастье... Не для него это дерево растилось, Вася, да, видно, отъ своей судьбы не уйдешь. Природа-то хороша приваловская... Да и заводовъ жаль, Вася: погибнули бы ни за грошъ. Ну, да ужъ теперь нечего тужить: снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Бракъ Варвары Гуляевой былъ еще оригинальнѣе, чѣмъ замужество Марьи Степановны. Послѣдняя имѣла хоть нѣкоторое основаніе подозрѣвать, что ее выдадутъ за Бахарева, и свыклась съ этой мыслью, а дочь милліо-

пера даже не видала ни разу своего жениха, равнымъ образомъ какъ и онъ ея. Когда, передъ сватовствомъ, жениху захотѣлось хоть издали взглянуть на будущую подругу своей жизни, это позволили ему сдѣлать только въ видѣ исключительной милости, и то при такихъ условіяхъ: жениха заперли въ комнату, и онъ могъ видѣть невѣсту только въ замочную скважину. Этотъ оригинальный бракъ былъ заключенъ изъ политическихъ расчетовъ: разъ, чтобы не допустить разоренія Шатровскихъ заводовъ, и второе, чтобы соединить двѣ такихъ фамиліи, какъ Приваловы и Гуляевы. Павелъ Михайлычъ никогда не любилъ своего зятя, но относился съ глубокимъ уваженіемъ къ фамиліи, которую тотъ носилъ. Въ жертву этой фамиліи была принесена и Варвара Гуляева.

Рожденіе внука было для старика Гуляева торжествомъ его идеи. Онъ самъ помолодѣлъ и нѣстовалъ маленькаго Сережу, какъ того сына, котораго не могъ дождаться.

— Вотъ, Вася, и на нашей улицѣ праздникъ.—говорилъ Гуляевъ своему повѣренному.—Вотъ кому оставлю все, а ты это помни: ежели и меня не будетъ—все Сергѣю... Вотъ мой сказъ.

Что нашла Варвара Гуляева въ новой семьѣ,—объ этомъ никто не говорилъ, да едва ли кто-нибудь и интересовался этимъ. Дѣвушка раздѣлила судьбу другихъ богатыхъ невѣстъ: всѣ завидовали ея счастью, которое заключалось въ гуляевскихъ и приваловскихъ милліонахъ. Богатая и вышла за богатаго,—въ эту роковую формулу укладывались всѣ незамысловатыя требованія и соображенія того времени, точно такъ же, какъ и нашего. Въ мужѣ она нашла безхарактернаго, но добраго человѣка, который по-своему ее любилъ. Гуляевъ еще раньше выстроилъ дочери въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ Узлѣ цѣлый дворецъ, въ которомъ самъ былъ только разъ въ жизни, именно когда у него родился внукъ. Старикъ слишкомъ приросъ къ своему гнѣзду, чтобы мѣнять его на узловскія палаты. Отношенія его къ зятю были немного странныя: во-первыхъ, онъ ничего не далъ за дочерью, кромѣ дома и богатаго приданаго; во-вторыхъ, онъ не выносилъ присутствія зятя, надъ которымъ смѣялся въ глаза и за глаза, можетъ-быть, слишкомъ жестко. Но заводы были поддержаны гуляевскими капиталами, хотя и поступили подъ его полную опеку. Затѣмъ, когда самъ Гуляевъ совсѣмъ состарился, онъ принялъ зятя въ часть по своимъ сибирскимъ пріискамъ, причемъ всѣмъ дѣломъ верховодилъ попрежнему Бахаревъ.

Въ такомъ положеніи дѣла оставались до самой смерти Гуляева; старикъ и умеръ не такъ, какъ умираютъ другіе люди. Бахаревъ былъ въ тайгѣ, когда получилъ съ нарочнымъ коротенькую записку Гуляева: „Вася, пріѣзжай похоронить меня“... Дѣло было лѣтнее. Работа на пріискахъ кипѣла, но Бахареву пришлось оставить все и, сломя голову, летѣть въ Шатровскіе заводы. Когда его повозка остановилась предъ крыльцомъ гуляевскаго дома, больной старикъ открылъ глаза и проговорилъ: „Это Вася пріѣхалъ...“ Собственно, старикъ не былъ даже боленъ, и по его наружности нельзя было заключить объ опасности.

— Нѣтъ, Вася, умру...—слабымъ голосомъ шепталъ старикъ, когда Бахаревъ старался его успокоить.—Только вотъ тебя и ждалъ, Вася. Надо мнѣ съ тобой переговорить... Все, что у меня есть, все оставляю моему внучку Сергѣю... Не оставляй его... О Варварѣ тоже позаботься; ей еще много горя будетъ, какъ я умру...

Зятя Гуляевъ не пожелалъ видѣть даже передъ смертью и простился съ нимъ заочно. Вечеромъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда Бахарева, онъ уснулъ на рукахъ дочери и Бахарева, чтобъ больше не просыпаться.

Предсказаніе старика Гуляева скоро исполнилось.

Послѣ его смерти все въ его собственномъ домѣ и въ домѣ Привалова пошло вверхъ дномъ. Грозы больше не было, и Александръ Приваловъ развернулся. Онъ только разсмѣялся, когда узналъ, что Гуляевъ всѣ капиталы завѣщалъ внуку. Въ качествѣ опекуна собственнаго сына, онъ принялъ все хозяйство на себя. Гнѣздо было разорено, и въ приваловскихъ палатахъ полилась широкой рѣкой такая жизнь, о которой по настоящее время ходятъ баснословные слухи. Всѣ усилія Бахарева и жены Привалова отстоять интересы Сергѣя Привалова разлетѣлись прахомъ. Александръ Приваловъ слишкомъ долго ждалъ и слишкомъ много выносилъ отъ своего тестя, чтобы теперь не вознаградить себя сторицей. Это печальное время совпало какъ разъ съ открытіемъ богатѣйшихъ золотоносныхъ розсыпей въ глубинѣ Саянскихъ горъ, что̀ было уже дѣломъ Бахарева, который теперь велъ дѣло въ компаніи съ Приваловымъ. Несмотря на свою близость къ старику Гуляеву, а также и на то, что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ велъ всѣ его громадныя дѣла, Бахаревъ самъ по себѣ ничего не имѣлъ, кромѣ знанія пріисковаго дѣла и несокрушимой энергіи. Неудачи только разжигали его прямую натуру, и онъ съ новыми силами шагалъ почти черезъ непреодолимыя препятствія. Развѣдки въ Саянскихъ горахъ живо унесли у него послѣднія сбереженія, и онъ принужденъ былъ принять къ себѣ въ компанію Привалова, т.-е. вести дѣло уже на приваловскіе капиталы. Самъ Приваловъ относился къ Бахареву съ слѣпымъ довѣріемъ. Первый пріискъ, открытый на безыменной горной рѣчкѣ, былъ названъ, въ честь жены Привалова, Варваринскимъ. Этотъ пріискъ въ теченіе десяти лѣтъ, въ сороковыхъ годахъ, далъ чистой прибыли больше десяти милліоновъ. Такимъ образомъ въ рукахъ Александра Привалова очутились баснословныя богатства, которыми онъ распорядился по-своему и которыя стоили его женѣ жизни.

Безпримѣрное, чудовищное богатство Привалова создало жизнь баснословную въ лѣтописяхъ Урала. Этотъ магнатъ-золотопромышленникъ, какъ какой-то французскій король, готовъ былъ платить десятки тысячъ за всякое новое удовольствіе, которое могло бы хоть на время оживить притупленные нервы. Гуляевскій домъ въ Узлѣ былъ отдѣланъ съ царской роскошью. Какая жизнь происходила въ этомъ дворцѣ въ наше расчетливое грошовое время—трудно даже представить; можно сказать только, что русская натура развернулась здѣсь во всю свою ширь. Съ утра до ночи въ приваловскихъ палатахъ стоялъ пиръ горой, и въ этомъ разливномъ морѣ угощались званый и незваный. И въ то же время, въ томъ же самомъ домѣ, въ тайныхъ молельняхъ совершалась постоянная раскольничья служба. Часто и хозяинъ и гости прямо съ пьяной оргіи попадали въ моленныя и здѣсь отбивали земные поклоны до синяковъ на лбу. Словомъ, жизнь, не сдерживаемая болѣе ничѣмъ, не знала середины и лилась черезъ край широкой волной, захватывая все на своемъ пути. Но обыкновенной роскоши, обыкновеннаго мотовства этимъ неистовымъ дѣтямъ природы было мало. Какой-то дикій разгулъ овладѣлъ всѣми: на цѣлые десятки верстъ дорога устилается краснымъ сукномъ, чтобы только проѣхать по ней пьяной компаніи на бѣшеныхъ тройкахъ; лошадей не только поятъ, но даже моютъ шампанскимъ: безчисленные гости располагаются какъ у себя дома, и ихъ угощаютъ цѣлымъ гаремомъ изъ крѣпостныхъ красавицъ.

Александръ Приваловъ, потерявшій голову въ этой безконечной оргіи, совсѣмъ измѣнился и, какъ говорили о немъ,—задурилъ. Вконецъ притупившіеся нервы и разслабленныя развратомъ чувства не могли уже возбуждаться виномъ и удовольствіями: нужны были человѣческія страданія, стоны, вопли, человѣческая кровь.

Въ числѣ благопріятелей Привалова особенной извѣстностью пользовался нѣкоторый Сашка Холостовъ, отставной казачій офицеръ. Это былъ атлетически сложенный человѣкъ, выпивавшій заразъ дюжину шампанскаго и ходившій, для потѣхи своего патрона, на медвѣдя одинъ-на-одинъ. Этотъ Сашка былъ настоящій звѣрь, родившійся по ошибкѣ человѣкомъ. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ въ домѣ. Безъ Сашки Приваловъ не могъ жить и даже укладывалъ его спать въ свою собственную спальню. Стоило Привалову сказать: „скучно“, и Сашка придумывалъ какую-нибудь шутку, чтобы развлечь его. Извѣстно, что кругъ удовольствій, доступныхъ человѣку, крайне ограниченъ, поэтому Сашкѣ пришлось очень скоро обратиться къ безобразіямъ. Несчастная жена Привалова, конечно, не могла сочувствовать той жизни, которая творилась вокругъ нея. Воспитанная въ самыхъ строгихъ правилахъ безпрекословнаго повиновенія мужней волѣ, она все-таки, какъ женщина, какъ жена и мать, не могла помириться съ тѣми оргіями, которыя совершались въ ея собственномъ домѣ, почти у нея на глазахъ. Потерявшаяся въ этомъ вихрѣ одинокая женщина могла только всѣми силами ненавидѣть Сашку, котораго считала источникомъ всякихъ бѣдъ и злоключеній. Сашка и началъ съ нея.

Прежде всего Сашка подѣйствовалъ на супружескія чувства Привалова и разбудилъ въ немъ ревность къ женѣ. За ней слѣдятъ, ловятъ каждое ея слово, каждый взглядъ, каждое движеніе... Сашка является геніальнымъ изобрѣтателемъ въ этой чудовищной травлѣ. Счастливая наслѣдница милліоновъ кончила сумасшествіемъ и умерла въ домѣ Бахарева, куда ее принесли, послѣ одной „науки“ мужа, замертво.

Сергѣю Привалову въ это время было лѣтъ семь или восемь. Онъ едва помнилъ мать, но въ его памяти отчетливо сохранилась картина торжественныхъ похоронъ. Отца онъ помнилъ тоже по этому исключительному обстоятельству. Александру Привалову было тогда лѣтъ сорокъ пять. Это былъ широкоплечій, сгорбившійся человѣкъ, съ опухшимъ желтымъ лицомъ и блуждающимъ утомленнымъ взглядомъ безстрастныхъ сѣрыхъ глазъ. На лбу были глубокія морщины, волосы открывали лысину, ротъ складывался въ искривленную, неестественную улыбку. Мальчикъ боялся отца и былъ несказанно радъ, когда онъ, сейчасъ послѣ похоронъ, сказалъ Бахареву:

— Богъ тебѣ Сергѣй... Дѣлай съ нимъ, что хочешь, только, ради Бога, уведи отсюда!..

Послѣ смерти жены Приваловъ окончательно задурилъ, и его домъ превратился въ какой-то адъ: ночью шли оргіи, а днемъ лилась кровь крѣпостныхъ крестьянъ, и далеко разносились ихъ стоны и крики.

Всѣ эти безобразія закончились неожиданной развязкой... Приваловъ выписалъ изъ Москвы хоръ цыганъ съ красавицей Стешей во главѣ. Эта примадонна женила на себѣ опустившагося окончательно золотопромышленника, а сама на глазахъ мужа стала жить съ Сашкой. Однако нашлись добрые люди, которые открыли Привалову глаза на всѣ творившіяся около него безобразія. Онъ рѣшился примѣрно наказать невѣрную жену и вѣроломнаго друга,—попросту, хотѣлъ замуровать ихъ въ стѣнѣ, но этотъ великолѣпный планъ былъ разрушенъ хитрой цыганкой: ночью, при помощи Сашки, она выбросила Привалова въ окно съ высоты третьяго этажа. На другой день въ саду нашли его окоченѣлый трупъ.

Послѣ Привалова остались три сына: старшій — Сергѣй, отъ первой жены, и двое, Иванъ и Титъ, отъ Стеши. Вскорѣ послѣ смерти мужа Стеша вышла замужъ за Сашку, который былъ сдѣланъ опекуномъ надъ малолѣтними наслѣдниками. Изъ предыдущаго можно себѣ представить, что это былъ

за опекунъ. Въ какихъ-нибудь пять лѣтъ онъ не только спустилъ послѣдніе капиталы, которые остались послѣ Привалова, но чуть-было совсѣмъ не пустилъ всѣ заводы съ молотка. Бахаревъ энергично вступился въ это дѣло, и Сашка ограничился только закладомъ въ государственный банкъ несуществовавшаго металла. Это дѣлалось такимъ образомъ: сначала закладывалась черная болванка, затѣмъ первый передѣлъ изъ нея и, наконецъ, окончательно выдѣланное сортовое желѣзо. Конечно, эта замысловатая операція не могла быть выполнена однимъ Сашкой, а онъ дѣйствовалъ при помощи горнаго исправника и иныхъ. Во всякомъ случаѣ, эта ловкая комбинація дала Сашкѣ цѣлый милліонъ, но въ скоромъ времени вся исторія раскрылась, и Сашка попалъ подъ судъ, подъ которымъ и находился лѣтъ пятнадцать. Это вопіющее дѣло началось еще при старомъ судопроизводствѣ, проходило черезъ десятки административныхъ инстанцій и кончилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Сашка лежалъ на столѣ. Долгъ сдѣланный имъ, былъ переведенъ на заводы.

Одного только не удалось сдѣлать Сашкѣ—это захватить гуляевскіе капиталы, которые шли въ часть старшаго изъ наслѣдниковъ. Бахаревъ два раза съѣздилъ въ Петербургъ, чтобы отстоять интересы Сергѣя Привалова, и наконецъ добился своего: гуляевскіе капиталы, т.-е. только остатки отъ нихъ, потому что Александръ Приваловъ не различалъ своего отъ имущества жены и много растратилъ, — были выдѣлены въ часть Сергѣя Привалова. Ему же достался гуляевскій домъ въ Узлѣ, который былъ данъ старикомъ Гуляевымъ въ приданое за дочерью. Мальчикъ еще при жизни отца находился подъ руководствомъ Бахарева и жилъ въ его домѣ; послѣ смерти Александра Привалова Бахаревъ сдѣлался опекуномъ его сына и съ своей стороны употребилъ всѣ усилія, чтобы дать всѣми оставленному сиротѣ приличное воспитаніе. Такимъ образомъ Сережа Приваловъ долго жилъ въ бахаревскомъ домѣ и учился вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Бахарева, Костей. Что касается двухъ другихъ наслѣдниковъ, то Стеша, когда Сашка пошелъ подъ судъ, увезла ихъ съ собой въ Москву, гдѣ и занялась сама ихъ воспитаніемъ. Такъ какъ изъ всего имущества, которое осталось послѣ Александра Привалова, Шатровскіе заводы остались нераздѣленными за малолѣтствомъ наслѣдниковъ, Бахаревъ, въ интересахъ Сергѣя Привалова, вступилъ въ число опекуновъ, назначенныхъ отъ правительства. Онъ много и энергично хлопоталъ, чтобы поднять упавшую производительность этихъ, когда-то знаменитыхъ заводовъ, и достигъ своей цѣли только тогда, когда ему на помощь явился его старшій сынъ, Костя, который, кончивъ курсъ въ университетѣ, поступилъ управляющимъ въ Шатровскіе заводы.

X.

Жизнь въ бахаревскомъ домѣ навсегда осталась для Привалова самой свѣтлой страницей въ его воспоминаніяхъ. Все, что онъ привыкъ уважать и считалъ лучшимъ, онъ соединялъ въ своемъ умѣ съ именемъ Бахаревыхъ.

Эта жизнь являлась сколкомъ съ той жизни, которая когда-то происходила въ хоромахъ Павла Михайлыча Гуляева. Марья Степановна свято блюла всѣ свычаи и обычаи, правила и обряды, которые вынесла изъ гуляевскаго дома; ей казалось святотатствомъ переступить хотя одну іоту изъ завѣтовъ этой угасшей семьи, служившей въ теченіе вѣка самымъ крѣпкимъ оплотомъ древняго благочестія. Гуляевскій духъ еще жилъ въ бахаревскомъ домѣ, имъ держался весь строй семьи и, повидимому, вливалъ въ нее новыя силы въ за-

труднительныхъ случаяхъ. Карьера всякаго золотопромышленника полна превратностей и внезапныхъ превращеній, а судьба Василья Назарыча была особенно богата такими превращеніями. Громадные барыши и убытки чередовались между собой. Это перемѣнное счастье проходило красной нитью черезъ всю его жизнь и придавало ей особенно интересную окраску.

Сергѣй Приваловъ прожилъ въ бахаревскомъ домѣ до пятнадцати лѣтъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Костей, былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до настоящаго времени, т.-е. больше пятнадцати лѣтъ.

За этотъ промежутокъ времени въ бахаревскомъ домѣ произошли очень крупныя перемѣны. Начать съ того, что теперь домъ рѣзко раздѣлялся на двѣ половины: половину Марьи Степановны и половину Василья Назарыча. Собственно говоря, такое раздѣленіе существовало только для одной Марьи Степановны, которая уже въ теченіе десяти лѣтъ не переступала порога половины мужа. Самъ Бахаревъ и дѣти совсѣмъ не признавали такого раздѣленія и одинаково пользовались обѣими половинами. Это раздѣленіе произошло мучительнымъ путемъ семейныхъ недоразумѣній и несогласій. Дѣти подрастали. Нужно было давать имъ воспитаніе. Василій Назарычъ, обращавшійся въ пестрой семьѣ золотопромышленниковъ, насмотрѣлся на всякихъ людей и пришелъ къ тому убѣжденію, что воспитывать дѣтей въ духѣ исключительности раскольничьихъ преданій немыслимо. Съ своей стороны, онъ желалъ дать имъ лучшее образованіе, поставить на дорогу, а тамъ—какъ знаютъ. Въ Сибири Бахареву часто приходилось встрѣчаться съ образованными, честными людьми: онъ чутьемъ понялъ могучую силу образованія и желалъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ прежде всего образованныхъ людей. Эти взгляды на воспитаніе встрѣтили жестокій отпоръ со стороны Марьи Степановны, которая прожила цѣлую жизнь въ замкнутой раскольничьей средѣ и не хотѣла знать никакихъ новшествъ. Послѣ долгой борьбы, она все-таки сдалась для сыновей, дочерей же не позволяла ни подъ какимъ видомъ „басурманить“. Но здѣсь Бахареву было уже значительно легче выиграть дѣло, потому что въ лицѣ сыновей онъ имѣлъ извѣстный прецедентъ и нѣкоторую помощь. Они уже вносили съ собой новую струю въ жизнь бахаревскаго дома; одно ихъ присутствіе говорило о другой жизни. Послѣ долгихъ колебаній, дѣло разрѣшилось вполовину: старшую дочь, Надежду, Марья Степановна уступила отцу, а младшую оставила при себѣ.

— Ты отъ меня ее взялъ, ты и въ отвѣтѣ,—коротко резюмировала свою послѣднюю волю Марья Степановна.—Если бы живъ былъ Павелъ Михайлычъ...

— Маша, Маша,—уговаривалъ жену Бахаревъ:—вѣдь теперь другіе люди, другое время...

— Ну, и живи съ другими людьми!

Съ этого времени и произошло раздѣленіе бахаревскаго дома на двѣ половины: Марья Степановна въ этой формѣ заявила свой послѣдній и окончательный протестъ.

Василій Назарычъ, отстаивая образованіе дѣтей, незамѣтно самъ втянулся въ новую среду, вошелъ въ сношенія съ новыми людьми, и на его половинѣ окончательно поселился духъ новшествъ. На этой половинѣ роль хозяйки съ двѣнадцати лѣтъ принадлежала Надеждѣ Васильевнѣ, которая изъ всѣхъ дѣтей была самой близкой сердцу Василья Назарыча. Онъ любилъ съ нею разсуждать о своихъ дѣлахъ и часто повѣрялъ ей свои самыя задушевныя мысли. Изъ этихъ дружескихъ отношеній между отцомъ и дочерью постепенно выработался совершенно особенный складъ жизни на половинѣ Василья На-

зарыча: другіе разговоры, интересы и даже самый языкъ. Отецъ и дочь понимали другъ друга по одному движенію, съ полуслова.

Старшаго сына, Костю, Бахаревъ тоже очень любилъ, но тотъ почти совсѣмъ не жилъ дома, а когда, по окончаніи университетскаго курса, онъ вернулся домой, между ними и произошли тѣ „контры", о которыхъ Лука сообщилъ Привалову. Дѣло въ томъ, что Константинъ Бахаревъ былъ упрямъ не менѣе отца, а извѣстно, что двумъ медвѣдямъ плохо жить въ одной берлогѣ. Послѣ одного крупнаго разговора отецъ и сынъ разошлись окончательно, хотя, собственно говоря, все дѣло вышло изъ пустяковъ. Это обстоятельство окончательно сблизило отца и дочь, такъ что Василій Назарычъ не могъ жить безъ нея. Надежда Васильевна понимала, что отецъ инстинктивно старается найти въ ней то, что̀ потерялъ въ старшемъ сынѣ, т.-е. опору наступавшей безсильной старости; она дѣлала все, чтобы подняться до уровня отцовскаго міросозерцанія, и вполнѣ достигла своей цѣли.

Какъ это ни странно, но главнымъ фаворитомъ и родительской слабостью Маріи Степановны былъ ея сынокъ Викторъ Васильичъ. Онъ никогда не выходилъ изъ ея воли, послѣ всякой проказы или шалости немедленно просилъ прощенія, раскаивался со слезами и давалъ тысячу обѣщаній исправиться. Вмѣстѣ съ годами, изъ дѣтскихъ шалостей выросли крупные недостатки, и Викторъ Васильичъ больше не просилъ у матери прощенія, полагаясь на время и на ея родительскую любовь. Выгнанный изъ третьяго класса гимназіи, онъ оставался безъ опредѣленныхъ занятій, и Василій Назарычъ давно махнулъ на него рукой. По натурѣ добрый и по-своему неглупый, Викторъ Васильичъ былъ тѣмъ, что̀ называется „рубаха-парень", т.-е. не могъ не дѣлать того, что̀ дѣлали другіе, и шелъ туда, куда его толкали обстоятельства. Это была неустойчивая, подвижная, крайне впечатлительная натура, искавшая дѣятельности и не находившая ея. Поперемѣнно Викторъ Васильичъ былъ мыловаромъ, техникомъ, развѣдчикомъ алмазныхъ копей; теперь онъ пока успокоился на званіи уксуснаго заводчика, потому что Василій Назарычъ наотрѣзъ отказался оплачивать всѣ другія его затѣи. Вообще отецъ на многое, по отношенію къ младшему сыну, смотрѣлъ сквозь пальцы, не желая напрасно огорчать жену и часто дѣлая видъ, что не подозрѣваетъ печальной истины. Свою неудовлетворенную жажду дѣятельности Викторъ Васильичъ съ лихвой выкупалъ на поприщѣ всевозможныхъ художествъ, гдѣ онъ не зналъ соперниковъ. Устроить скандалъ въ мѣстномъ клубѣ, выбить стекла въ избушкѣ какой-нибудь благочестивой вдовы, освистать актрису, отколотить извозчика— все это было дѣломъ рукъ Виктора Васильича и составило ему почетную репутацію въ средѣ узловской jeunesse dorée. Марья Степановна оправдывала такое поведеніе своего блуднаго сына молодостью и старалась исправить его домашними средствами. Въ крайнихъ случаяхъ она говорила: „Погоди, вотъ ужо скажу отцу-то. Онъ тебѣ задастъ!" Эта невинная угроза слишкомъ часто повторялась въ своей стереотипной формѣ, чтобы напугать даже менѣе смѣлаго человѣка, чѣмъ Викторъ Васильичъ.

На второмъ планѣ, сейчасъ за Викторомъ Васильичемъ, стояла Вѣрочка, или Вѣрета, какъ называлъ ее Викторъ Васильичъ, она же и „булка". Это была самая обыкновенная дѣвушка, любившая больше всего на свѣтѣ плотно покушать, крѣпко выспаться и визжать на цѣлый домъ. Къ печатной бумагѣ Вѣрочка питала непреодолимое отвращеніе и употребляла ее только на обертки. Всѣ въ домѣ любили Вѣрочку и считали ее простушкой и кисейной барышней. Послѣднее было не совсѣмъ справедливо. Вѣрочка была очень практичной особой, и въ ея красивой беззаботной головкѣ жилъ сильный и здоровый, не-

доступный увлеченіямъ умъ. Такія барышни терпѣливо дожидаются своихъ жениховъ, потомъ, повинуясь родительской волѣ, съ расчетомъ выходятъ замужъ, выводятъ дюжину краснощекихъ ребятъ, постепенно превращаются сначала въ приличныхъ и даже строгихъ дамъ, а потомъ въ тѣхъ добрѣйшихъ, милыхъ старушекъ, которыя выращиваютъ внуковъ и правнуковъ и терпѣливо доживаютъ до восьмого десятка. Съ дѣтства Вѣрочка любила ходить вмѣстѣ съ нѣмой Досиѳеей въ кухню, прачечную, погребъ и кладовыя; помогала солить капусту, разводила цвѣты и вѣчно возилась съ выброшенными на улицу котятами, которыхъ терпѣливо выкармливала, а потомъ раздавала по своимъ знакомымъ. Это практическое направленіе съ годами настолько развилось и окрѣпло, что въ шестнадцать лѣтъ Вѣрочка держала въ своихъ ручкахъ почти цѣлый домъ, причемъ съ ловкостью настоящаго дипломата всегда умѣла остаться въ тѣни, въ сторонѣ. По всему дому раздавался громкій голосъ Вѣрочки и ея заразительный смѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вѣрочка была очень суевѣрна и была убѣждена, что всѣ сны и примѣты непремѣнно сбываются. Набожна она была, какъ монахиня, и выстаивала, не моргнувъ глазомъ, самую длинную раскольничью службу, какая совершалась въ моленной Марьи Степановны. Принять странника или раскольничью начетчицу, утѣшить плачущаго ребенка, помочь больному, поговорить со стариками и старухами— все это умѣла сдѣлать Вѣрочка, какъ никто другой. У нея для всѣхъ обиженныхъ судьбой и людьми всегда было въ запасѣ ласковое, теплое слово, она умѣла и утѣшить, и погоревать вмѣстѣ, и при случаѣ и поплакать; но Вѣрочка умѣла и не любить,—ее трудно было вывести изъ себя, но, разъ это произошло, она не забывала обиды и не умѣла прощать.

XI.

Пріѣздъ Привалова въ уѣздный городъ Узелъ сдѣлался событіемъ дня, о которомъ говорили всѣ, рѣшительно всѣ. Стоустая молва разнесла цѣлую массу подробностей о его появленіи въ Узлѣ, о каждомъ его шагѣ, каждомъ словѣ. Подняты были всѣ тѣ факты, которые давно позабылись и, казалось, навѣки умерли вмѣстѣ со своими героями. Такимъ образомъ сложилась почти чудовищная легенда, гдѣ быль вязалась съ небылицами, ложь съ дѣйствительностью, вымыселъ и фантазія съ именами живыхъ людей. Имена Александра Привалова, Гуляева, Сашки и Стешки воскресли съ новой силой, и около нихъ, какъ около миѳологическихъ героевъ, выросли преданія, сказанія очевидцевъ и, главнымъ образомъ, тѣ украшенія, которыя дѣлаются добрыми, скучающими людьми для краснаго словца. Для этой гигантской работы застоявшейся провинціальной мысли и не знавшей удержу фантазіи достаточно было всего нѣсколько дней, пока Приваловъ отдыхалъ отъ дороги въ „Золотомъ Якорѣ“. Наслѣдство Привалова въ эти нѣсколько дней выросло до ста милліоновъ, и, кромѣ того, ходили самые упорные слухи о какихъ-то зарытыхъ сокровищахъ, которыя остались послѣ старика Гуляева. На этой исторической почвѣ быстро создалось и то настоящее, героемъ котораго былъ дѣйствительный, невымышленный Сергѣй Приваловъ, сидѣвшій въ рублевомъ номерѣ и видѣнный почти всѣми.

Когда на сцену выступилъ самъ Сергѣй Приваловъ, естественно, что общее вниманіе прежде всего обратилось къ тому неизвѣстному, откуда онъ появился. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлалъ этотъ милліонеръ въ Петербургѣ? Зачѣмъ онъ жилъ тамъ до тридцати лѣтъ? Какую роль играютъ въ этомъ старикъ Бахаревъ и опекуны? Выросталъ цѣлый лѣсъ такихъ вопросовъ,

которые требовали самыхъ остроумныхъ догадокъ, объясненій, пикантныхъ подробностей, свидѣтельскихъ показаній. Прежде всего, конечно, всѣмъ и каждому было ясно то обстоятельство, что здѣсь была замѣшана женщина... Да, именно женщина, даже, можетъ-быть, и не одна, а двѣ, три, дюжина. Итакъ: гдѣ женщина? Нашлись, конечно, сейчасъ же такіе люди, которые или что-нибудь видѣли своими глазами, или что-нибудь слышали собственными ушами: другимъ стоило только порыться въ своей памяти и припомнить, что̀ было сказано кѣмъ-то и когда-то; большинство ссылалось безъ зазрѣнія совѣсти на самыхъ достовѣрныхъ людей, отличныхъ знакомыхъ и близкихъ родныхъ, которые никогда не согласятся лгать и придумывать отъ себя, а имѣютъ прекрасное обыкновеніе говорить только одну правду. Такимъ образомъ сдѣлалось всѣмъ извѣстно, что Приваловъ провелъ въ Петербургѣ очень бурную молодость въ средѣ jeunesse dorée самой высшей пробы; подробно описывали наружность его любовницъ съ стереотипными французскими кличками, тѣ подарки, которые онѣ въ разное время получали отъ Привалова въ формѣ букетовъ изъ сторублевыхъ ассигнацій, баснословной величины брильянтовъ, цѣлыхъ отелей, убранныхъ съ княжеской роскошью.

Нужно замѣтить, что все вышесказанное занимало только легкомысленные умы. Болѣе серьезные и проницательные субъекты мало интересовались такими бреднями и старались разрѣшить вопросъ, зачѣмъ Приваловъ пріѣхалъ въ Узелъ. Налицо уже было два очень краснорѣчивыхъ факта: во-первыхъ, Приваловъ остановился въ рублевомъ номерѣ, а во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ первый визитъ Бахаревымъ на другой же день. Первый фактъ можно объяснить или тѣмъ, что Приваловъ навсегда покончилъ свою веселую жизнь съ Бляншъ и Сюзетъ и намѣревается посвятить себя мудрой экономіи, или тѣмъ, что онъ хотѣлъ показать себя для перваго раза оригиналомъ, или же, наконецъ, тѣмъ, что онъ думалъ сдѣлать себѣ маленькое incognito. Объясненіе второго факта не представляло такой простоты. Что̀ заставило Привалова сдѣлать визитъ Бахареву сейчасъ же по своемъ пріѣздѣ въ Узелъ? Почему онъ, Приваловъ, не сдѣлалъ такого же визита своимъ опекунамъ? Не хотѣлъ ли онъ этимъ показать послѣднимъ свое неудовольствіе? Не находится ли въ связи съ этимъ подозрительная болѣзнь старика Бахарева? Наконецъ, можетъ-быть, Приваловъ пріѣхалъ просто жениться на одной изъ дочерей Бахарева? Еще болѣе интереса представлялъ тотъ вопросъ, какъ отнесутся къ этому факту опекуны Привалова, если принять его, какъ вызовъ... Да, тутъ было надъ чѣмъ поломать голову,—заварилась очень крупная каша даже не для уѣзднаго города.

— Мнѣ всего удивительнѣе во всемъ этомъ дѣлѣ кажется поведеніе Хіонія Алексѣевны,—нѣсколько разъ довольно многозначительно повторила Агриппина Филипьевна Веревкина, представительница узловскаго beau monde'a.—Представьте: утромъ, въ самый день пріѣзда Привалова, она посылаетъ ко мнѣ свою горничную сказать, что пріѣхалъ Приваловъ, а затѣмъ какъ въ воду канула... Не понимаю, рѣшительно не понимаю!..

Хіонія Алексѣевна въ эти немногіе дни не только не имѣла времени посѣтить свою пріятельницу, но даже потеряла всякое представленіе о перемѣнахъ дня и ночи. У нея былъ полонъ ротъ самыхъ необходимыхъ хлопотъ, потому что нужно было приготовить квартиру для Привалова въ ея маленькомъ домикѣ. Согласитесь, что это была самая трудная и сложная задача, какую только приходилось когда-нибудь рѣшать Хіонію Алексѣевнѣ. Но прежде мы должны сказать, какимъ образомъ все это случилось.

Когда Хіонія Алексѣевна еще сидѣла за обѣдомъ у Бахаревыхъ, у нея мелькнулъ въ головѣ отличный планъ помѣстить Привалова у себя на квар-

тирѣ. Это былъ очень смѣлый планъ, но Хіонія Алексѣевна не унывала, принимая во вниманіе то, что Приваловъ остановился въ рублевомъ номерѣ, а также нѣкоторые другіе матеріалы, собранные Матрешкой съ разныхъ концовъ. Всего труднѣе было рѣшить вопросъ, въ какой формѣ сдѣлать предложеніе Привалову: сдѣлать это ей самой—неудобно: Викторъ Николаичъ рѣшительно былъ неспособенъ къ выполненію такой дипломатической миссіи; оставалось одно: сдѣлать предложеніе черезъ посредство Бахаревыхъ; но какимъ образомъ? Хіонія Алексѣевна повела дѣло съ дьявольской ловкостью, потому что ей нужно было подготовить Марью Степановну, которая отличалась большимъ умомъ и еще бо̀льшимъ упрямствомъ. Тонкая дама повела дѣло самымъ осторожнымъ образомъ. Прежде всего ей пришлось пожалѣть, что Привалову неудобно помѣститься въ домѣ Бахаревыхъ: злые языки могутъ Богъ знаетъ что̀ говорить! Затѣмъ она очень подробно распространилась о нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ, которые усваиваютъ себѣ очень свободныя привычки, особенно въ столицахъ. Этимъ, конечно, Хіонія Алексѣевна ничего не хотѣла сказать дурного о Приваловѣ, который стоитъ выше всѣхъ этихъ сплетенъ и разныхъ толковъ, но вѣдь въ провинціи ему покажется страшно скучно, и онъ можетъ увлечься, если попадетъ въ такое общество... Нѣтъ слова, что для Nadine Приваловъ самая выгодная партія, но вѣдь все-таки къ нему необходимо присмотрѣться,—кто знаетъ, чтобы не пожалѣть послѣ. Вотъ если бы... Марья Степановна отлично понимала, какую игру затѣвала Хіонія Алексѣевна, но нѣсколько времени колебалась, и уже затѣмъ согласилась посовѣтовать Привалову пока помѣститься въ домикѣ Хіоніи Алексѣевны.

— Конечно, только *пока*...—подтверждала Хіонія Алексѣевна.—Вѣдь не будетъ же въ самомъ дѣлѣ Приваловъ жить въ моей лачугѣ... Вы знаете, Марья Степановна, какъ я предана вамъ, и если хлопочу, то не для своей пользы, а для Nadine. Это такая дѣвушка, такая... Вы не знаете ей цѣны, Марья Степановна! Да... Притомъ, знаете, за Приваловымъ всѣ будутъ ухаживать, будутъ его ловить... Возьмите Зосю Ляховскую, Анну Павловну, Лизу Веревкину,—вѣдь всѣ невѣсты!.. Конечно, всѣмъ имъ далеко до Nadine, но вѣдь чѣмъ врагъ не шутитъ.

„Охъ-хо-хо! Какъ бы эта Хина не сплавила нашего жениха въ другія руки,—думала Марья Степановна, слушая медовыя рѣчи Заплатиной.—Придется ей, видно, браслетку подарить...“

— Вѣдь вы себѣ представить не можете, Марья Степановна, какіе гордецы всѣ эти Ляховскіе и Половодовы!.. Ужъ повѣрьте мнѣ, что они теперь мечтаютъ... да, именно, мечтаютъ, что вотъ пріѣхалъ Приваловъ да прямо къ нимъ въ руки и попалъ...

Когда Марья Степановна посовѣтовала Привалову занять пока квартиру у m-me Заплатиной, онъ сейчасъ же согласился и даже не спросилъ, сколько комнатъ ему отведутъ и гдѣ эта квартира.

— Это та самая дама, которую вы видѣли у насъ за обѣдомъ,—объясняла Марья Степановна.—Она очень образованная и живетъ своимъ трудомъ... Болтаетъ иногда много, но все-таки очень умная дама.

— Благодарю васъ,—добродушно говорилъ Приваловъ, который думалъ совсѣмъ о другомъ.—Мнѣ вѣдь очень немного нужно... Надѣюсь, что она меня не съѣстъ?.. Только вотъ имя у нея такое мудреное.

— А мы ее Хиной зовемъ,—можетъ, скорѣе запомнишь.

— Пусть будетъ Хина...

Когда Заплатина объявила своему мужу фамилію новаго жильца, Викторъ Николаичъ сначала усомнился, а потомъ съ умиленіемъ проговорилъ:

— Вѣдь ты у меня геніальнѣйшая женщина... А!.. Этакого осетра въ жильцы себѣ заполучила... Да вѣдь пожить рядомъ съ нимъ, съ милліономъ... Фу, чортъ возьми, какая, однако, выходитъ канальская штука!..

— А мнѣ, главное, хочется взбѣсить этихъ гордецовъ Половодовыхъ и Ляховскихъ,—задумчиво говорила геніальнѣйшая женщина.—Воображаю, какъ это ихъ всѣхъ взбѣситъ!.. Ха-ха...

Хіонія Алексѣевна гналась не изъ большого: ей прежде всего хотѣлось насолить Половодовымъ и Ляховскимъ, а тамъ—что Богъ дастъ. Она еще не обдумала хорошенько всѣхъ выгодъ, которыя представляла теперь занятая ею позиція. Ясно было одно, именно, что ея фонды на узловской биржѣ должны быстро подняться: такой необыкновенный женихъ и буквально у нея въ рукахъ, за стѣной. Отъ неиспытаннаго счастья у Заплатиной кружилась голова... Вотъ когда за ней будутъ ухаживать, всѣ будутъ заискивать, а она этакъ свысока посмотритъ на нихъ и улыбнется только.

„А тамъ женишокъ-то кому еще достанется,—думала про себя Хіонія Алексѣевна, припоминая свои обѣщанія Марьѣ Степановнѣ.—Ужъ очень Nadine ваша носъ кверху задираетъ. Не велика въ перьяхъ птица: хороша дочка Аннушка, да хвалитъ только мать да бабушка! Конечно, Ляховскій гордецъ и кащей, а если взять Зосю,—вотъ эта, по-моему, такъ дѣйствительно невѣста: всѣмъ взяла... Да-съ!.. Не чета гордячкѣ Nadine...“

Хіонія Алексѣевна произносила этотъ монологъ передъ зеркаломъ, откуда на нее смотрѣло испитое, желтое лицо съ выраженіемъ хищной птицы, которой неожиданно попала въ лапы лакомая добыча. Погрозивъ себѣ пальцемъ, почтенная дама проговорила:

— Главное, Хина, не нужно зарываться... Будь паинькой, а тамъ и на нашей улицѣ праздникъ будетъ. Посмотримъ теперь, что будутъ подѣлывать Ляховскіе и Половодовы... Ха-ха!.. Можетъ-быть, придется и Хинѣ поклониться, господа.

Въ пылу увлеченія Хіонія Алексѣевна сдѣлала передъ зеркаломъ pas des nymphes, какъ учили ее въ пансіонѣ.

XII.

Устроить комнаты для Привалова—составляло для Заплатиной очень замысловатую и сложную задачу, которую она рѣшила въ теченіе нѣсколькихъ дней самымъ блестящимъ образомъ. Три небольшія уютныя комнатки она убрала, какъ гнѣздышко. Приличная мебель, драпировки на окнахъ и дверяхъ, цвѣты и картины—все было скромно, но очень удобно и съ большимъ вкусомъ. Матрешка до десяти разъ сбѣгала къ лакею Привалова, чтобы подробно разузнать, какъ его баринъ жилъ раньше, какая у него квартира, мебель, любитъ ли онъ цвѣты, ковры и т. д. Согласно собраннымъ свѣдѣніямъ, Заплатина и устроила свои три комнаты. Одна изъ нихъ служила пріемной, другая кабинетомъ, третья спальней.

Приваловъ удивился, когда Хіонія Алексѣевна ввела его во владѣніе новой квартирой: ему очень понравились эти три небольшія комнатки.

— Можетъ-быть, я заставилъ васъ сдѣлать лишнія издержки?—спрашивалъ Приваловъ.—Тогда позвольте мнѣ оставить всѣ вещи за собой.

— О, нѣтъ, зачѣмъ же!.. Не стоитъ говорить о такихъ пустякахъ, Сергѣй Александрычъ. Было бы только для васъ удобно, а я все готова сдѣлать. Конечно, я не имѣю возможности устроить съ такой роскошью, къ какой вы привыкли...

— Нѣтъ, это напрасно, Хіонія Алексѣевна... Мнѣ именно нравится эта простота.

Хіонія Алексѣевна была счастлива. Какъ ни привыкла она лгать, но въ настоящемъ случаѣ она говорила правду. Она готова была сдѣлать все для Привалова, даже сдѣлать не изъ корыстныхъ видовъ, какъ она поступала обыкновенно, а просто потому, что это нужно было для Привалова, это могло понравиться Привалову. Простодушная похвала Привалова заставила ее покраснѣть остатками крови, какая еще текла подъ ея сухой, сморщенной кожей. Одна мысль о томъ, что она входитъ въ непосредственныя сношенія съ настоящимъ милліонеромъ, кружила ей голову и нагоняла сладкое опьяненіе. Въ ней теперь проснулся тотъ инстинктъ, который двигаетъ всѣми художниками: она хотѣла служить олицетвореніемъ милліоновъ, какъ браминъ служитъ своему Брамѣ. Ей казалось, что въ своихъ маленькихъ комнаткахъ она заперла магическую силу, которая. какъ магнитъ, сосредоточитъ на себѣ всеобщее вниманіе... Да, этого было даже слишкомъ достаточно, и Хіонія Алексѣевна на нѣкоторое время совсѣмъ вышла изъ своей обычной роли и ходила въ какомъ-то туманѣ. Самыя узкія и своекорыстныя натуры способны къ такимъ душевнымъ порывамъ и внутреннему просвѣтлѣнію, когда онѣ дѣйствуютъ не изъ расчета, а по вдохновенію.

Кончивъ свое дѣло, Хіонія Алексѣевна заняла наблюдательную позицію. Человѣкъ Привалова, довольно мрачный субъектъ, съ недовольнымъ и глупымъ лицомъ (его звали Ипатомъ), перевезъ вещи барина на извозчикѣ. Хіонія Алексѣевна, Матрешка и даже самъ Викторъ Николаевичъ, затаивъ дыханіе, слѣдили изъ-за косяковъ за каждымъ движеніемъ Ипата, пока онъ таскалъ барскіе чемоданы.

— Видно, что съ деньгами,—соображала Матрешка, обращавшаяся въ суматохѣ съ барыней самымъ фамильярнымъ образомъ.—Тяжелые... страсть!..

— Дура, да развѣ деньги держатъ дома?!.—обругала Хіонія Алексѣевна свою вѣрную рабу.

Матрешка всегда держала двугривенные при своей особѣ, а цѣлковые, которые посылала на ея долю судьба, она прятала иногда въ старыхъ тряпицахъ; поэтому она вопросительно посмотрѣла на свою барыню:—ужъ не шутитъ ли она надъ ней?

— Деньги держатъ въ банкѣ... Понимаешь...—объясняла Хіонія Алексѣевна.—Дома украдутъ, а тамъ еще проценты заплатятъ...

Матрешка усомнилась; она не отдала бы своихъ двугривенныхъ ни въ какой банкъ. „Такъ и повѣрила тебѣ, — думала она, дѣлая глупое лицо:— нашла дуру...“

Очутившись въ своей собственной квартирѣ, Приваловъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ какъ-то сразу полюбилъ свои три комнатки и съ особеннымъ удовольствіемъ раскрылъ дорожный сундукъ, въ которомъ у него лежали самыя дорогія вещи, т.-е. портретъ матери, писанный масляными красками, книги и дѣловыя бумаги. На портретѣ мать Привалова была нарисована еще очень молодой женщиной съ темными волосами и большими голубыми глазами. У Павла Михайлыча Гуляева были такіе же глаза и смотрѣли такимъ же глубокимъ, задумчивымъ взглядомъ. Тонкія породистыя руки съ длинными пальцами были выпростаны поверхъ голубого сарафана съ затканными серебряными цвѣточками; бѣлая кисейная рубашка открывала полную, немного смуглую шею, перехваченную жемчужной ниткой. Старинный кокошникъ почти совсѣмъ закрывалъ гладко зачесанные волосы, которые только на вискахъ выбивались легкими завитками, придававшими портрету какое-то дѣтское вы-

ражение. У Привалова вотъ и были такіе же, какъ у матери, и онъ потому любилъ ихъ.

„Что было бы, если бы ты была жива?“—думалъ Приваловъ.

Онъ разсматривалъ потемнѣвшее полотно и нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ: никогда еще ему не было такъ жаль матери, какъ именно теперь, и никогда онъ такъ не желалъ ее видѣть, какъ въ настоящую минуту. На душѣ было такъ хорошо, въ головѣ было столько мыслей, но съ кѣмъ подѣлиться ими, кому открыть душу? Приваловъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что его жизнь освѣтилась какимъ-то новымъ свѣтомъ, что то, что его мучило и давило еще такъ недавно, какъ-то отпало само собой, и будущее было такъ ясно, такъ хорошо.

„Нужно работать и работать“,—думалъ Приваловъ, разбирая свои бумаги; даже эти мертвые бѣлые листы казались ему совсѣмъ другими, точно онъ ихъ видѣлъ въ первый разъ.

Между прочимъ, разложивъ на столѣ большой планъ вальцовой мельницы, Приваловъ долго и особенно внимательно разсматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ. На планѣ мельница была нанесена со всѣми пристройками, даже была не забыта крошечная избушка сторожа. Приваловъ машинально начертилъ тутъ же небольшой флигель въ пять оконъ, съ маленькимъ цвѣтничкомъ впереди. Именно въ этомъ флигелькѣ теперь билось сердце Привалова, билось хорошимъ, здоровымъ чувствомъ, а въ окно флигелька смотрѣло на Привалова такое хорошее дѣвичье лицо съ большими темно-сѣрыми глазами и чудной улыбкой.

XIII.

Хіонія Алексѣевна немного рано отпраздновала свою побѣду: ни Ляховскій ни Половодовъ не пріѣхали къ Привалову съ визитомъ и такимъ образомъ вполнѣ сохранили за собой высоту своего положенія. Это сердило и удивляло Хіонію Алексѣевну, потому что она, по странному свойству человѣческой природы, переносила все, что относилось до жильца, на собственную особу. Почтенную даму даже бѣсило поведеніе Привалова, который, кажется, не хотѣлъ понимать коварства своихъ опекуновъ и оставался до безобразія спокойнымъ. Хіонія Алексѣевна зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ и только презрительно покачивала головой, когда Приваловъ, выйдя изъ воротъ, поворачивалъ налѣво.

— Опять...—произносила Хіонія Алексѣевна такимъ тономъ, какъ будто каждый шагъ Привалова по направленію къ бахаревскому дому былъ для нея кровной обидой.—И чего онъ *туда* повадился? Вѣдь въ этой Nadine, право, даже интереснаго ничего нѣтъ... никакой женственности. Удивляюсь, гдѣ только у этихъ мужчинъ глаза... Какой-нибудь синій чулокъ и... тьфу!..

Хіонія Алексѣевна относительно своего жильца начала приходить къ тому убѣжденію, что онъ, бѣдняжка, глуповатъ и позволяетъ водить себя за носъ первой попавшейся на глаза дѣвчонкѣ. Нѣсколько разъ она нарочно ѣздила къ Марьѣ Степановнѣ, чтобы разузнать, нѣтъ ли чего-нибудь новаго и что такое могъ дѣлать тамъ Приваловъ. Новаго Хіонія Алексѣевна узнала немного: Приваловъ больше проводилъ время въ разговорѣ съ Марьей Степановной или въ кабинетѣ старика. Nadine была еще глупѣе Привалова. Она подманивала жениха, какъ поповна. Со стороны даже было противно смотрѣть, какъ она нарочно старалась держаться въ сторонѣ отъ Привалова, чтобы разыграть изъ себя театральную ingènue, а сама то ботинокъ пока-

жетъ Привалову изъ-подъ платья, то глазами примется работать, какъ послѣдняя горничная.—„Нечего сказать, воспитали сокровище!.. И Марья Степановна тоже хороша, — будто ничего не замѣчаетъ, какія штучки выкидываетъ ученая дочка". Хіонію Алексѣевну начинало задѣвать за живое все, что она теперь видѣла въ бахаревскомъ домѣ; она сама подозрѣвала, не думаетъ ли обойтись Марья Степановна совсѣмъ безъ нея. Одна мысль остаться пятымъ колесомъ въ этой игрѣ бросала Хіонію Алексѣевну въ холодный потъ,—она слишкомъ увлеклась своимъ новымъ положеніемъ.

„Ужъ больно зачастилъ что-то,—думала Марья Степановна о Приваловѣ:—пожалуй, люди еще Богъ знаетъ что наскажутъ..."

Каждый новый визитъ Привалова и радовалъ Марью Степановну и какъ-то заботилъ: она не могла не видѣть, что Надя нравилась Привалову и что онъ инстинктивно ищетъ ея общества, но ужъ что-то очень скоро заварилось то, чего такъ страстно желала въ душѣ Марья Степановна.

— Ты бы сходилъ къ Ляховскому-то, — совѣтовала она Привалову материнскимъ тономъ: — онъ хоть и басурманъ, а всѣхъ умнѣе въ городѣ-то. Вотъ тоже къ Половодову надо.

— Я каждый день собираюсь сдѣлать эти визиты и каждый разъ откладываю,—отвѣчалъ Приваловъ.

— Знаю, что тяжело тебѣ къ нимъ итти, — пожалѣла Марья Степановна:—да что ужъ будешь дѣлать. Вотъ и отецъ тоже говоритъ.

Марья Степановна рѣшилась переговорить съ дочерью и вывѣдать отъ нея, не было ли у нихъ чего. Разъ она замѣтила, что они о чемъ-то такъ долго разговаривали; Марья Степановна нарочно убралась въ свою комнату и сказала, что у нея голова болитъ: она не хотѣла мѣшать „Божьему дѣлу", какъ она называла бракъ. Но, когда она заговорила съ дочерью о Приваловѣ, та только засмѣялась, странно такъ засмѣялась.

— Право, мама, я васъ не узнаю совсѣмъ, — говорила Надежда Васильевна:—съ чего вы взяли, что я непремѣнно должна выходить за Привалова замужъ?

— А хоть бы и такъ, — худого нѣтъ; не все въ дѣвкахъ сидѣть да книжки свои читать. Вотъ мудрите съ отцомъ-то, — счастья Богъ и не посылаетъ. Гляди-ка, двадцать второй годъ дѣвкѣ пошелъ, а она только смѣется... Въ твои-то годы у меня трое дѣтей было, Костенькѣ шестой годъ шелъ. Да отецъ-то чего смотритъ?

— Это все ваша Хина придумываетъ, мама.

— Хина?! Я и безъ Хины знаю, матушка.

— Вы, мама, добьетесь того, что я совсѣмъ не буду выходить изъ своей комнаты, когда у насъ бываетъ Приваловъ. Мнѣ просто совѣстно... Если человѣкъ хорошо относится ко мнѣ, такъ вы хотите непремѣнно его женить. Мы просто желаемъ быть хорошими знакомыми—и только.

— Да вѣдь не съ хорошими знакомыми жить-то, а съ мужемъ!

— Мужъ найдется, мама. Въ газетахъ напечатаемъ, что вотъ, молъ, столько-то есть приданаго, а къ нему прилагается очень хорошая невѣста... За офицера выйду!

— Полно пустяки-то молоть... Тогда въ гостиной-то о чемъ вы цѣлый часъ разговаривали?

— Вы непремѣнно желаете это знать?

— Я тебя не заставляю исповѣдываться, а такъ, къ слову спросила.

— Я тоже къ слову скажу вамъ: я читала книгу, Сергѣй Александрычъ увидѣлъ... ну, о книгѣ и говорили.

— Вотъ ты и оставайся съ своей книгой, а Сергѣй Александрычъ поѣдетъ къ Ляховскому да на Зосѣ и женится.

— Что же, мама, Зося—хорошая дѣвушка, и Сергѣй Александрычъ недурной человѣкъ,—отличная парочка выйдетъ. Я невѣсту провожать поѣду.

— Мудришь много надъ матерью-то, Надежда Васильевна,—строго закончила Марья Степановна.—Послѣ чтобы не плакать...

Василій Назарычъ все время прихварывалъ и почти не выходилъ изъ своего кабинета. Онъ всегда очень любезно принималъ Привалова и подолгу разговаривалъ объ опекѣ. Отъ Надежды Васильевны онъ зналъ ея послѣдній разговоръ съ матерью и серьезно ей замѣтилъ:

— Надя, мать—стариннаго покроя женщина, и надъ ней смѣяться грѣшно. Я тебя ни въ чемъ не стѣсняю и выдавать силой замужъ не буду, только мать все-таки дѣло говоритъ: прежде отцы да матери устраивали дѣтей, а нынче нужно самимъ о своей головѣ заботиться. Я только могу тебѣ совѣтовать, какъ твой другъ. Гдѣ у насъ женихи-то въ Узлѣ? Два инженера повертятся да какой-нибудь иркутскій купецъ, а Приваловъ — совсѣмъ другое дѣло...

— По всей вѣроятности, папа, я его и полюбила бы, если бы меня не выставляли невѣстой.

— Ахъ Ты, Господи! Да кто же ты—перестарокъ, что ли, какой?

— Папа, оставимъ этотъ разговоръ, а то опять разссоримся.

Эти разговоры съ дочерью оставляли въ душѣ Василія Назарыча легкую тѣнь неудовольствія, но онъ старался ее заглушить въ себѣ то шуткой, то усиленными занятіями. Сама Надежда Васильевна очень мало думала о Приваловѣ, потому что ея голова была занята другимъ. Ей хотѣлось поскорѣе уѣхать въ Шатровскіе заводы, къ брату. Тамъ она чувствовала себя какъ-то необыкновенно легко. Надеждѣ Васильевнѣ особенно хотѣлось уѣхать именно теперь, чтобы избавиться отъ своего неловкаго положенія невѣсты.

XIV.

Самъ Приваловъ не замѣчалъ, какъ летѣло время. Та работа, о которой онъ мечталъ, какъ-то не дѣлалась, а все откладывалась день за день. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что его тянуло въ бахаревскій домъ, Приваловъ скучалъ въ тѣ свободные промежутки, которые у него оставались между двумя визитами къ Бахаревымъ. Въ эти минуты одиночества, когда Приваловъ насильно усаживалъ себя за какую-нибудь книгу или за вычисленія по какимъ-нибудь планамъ, онъ по десяти разъ перебиралъ въ своей памяти все, въ чемъ дѣйствующимъ лицомъ являлась Надежда Васильевна.

Разъ они вдвоемъ особенно долго гуляли по бахаревскому саду; Марья Степановна обыкновенно сопровождала ихъ въ такихъ случаяхъ или командировала Вѣрочку, но на этотъ разъ къ ней кто-то пріѣхалъ, а Вѣрочки не было дома.

— Отчего вы не хотите ѣхать къ Ляховскому?—откровенно спрашивала Надежда Васильевна, когда они шли по тѣнистой липовой аллеѣ.

— Мнѣ тяжело ѣхать собственно не къ Ляховскому, а въ этотъ старый домъ, который построенъ дѣдомъ, Павломъ Михайлычемъ. Вамъ, конечно, извѣстна исторія тѣхъ безобразій, какія творились въ стѣнахъ этого дома. Моя мать заплатила своей жизнью за удовольствіе жить въ немъ...

— Но вѣдь, кромѣ воспоминаній, есть настоящее, Сергѣй Александрычъ.

— Вы хотите сказать о заводахъ?

— Да, я довольно часто бываю въ Шатровскомъ заводѣ, у Кости, и мы часто говорили съ нимъ о васъ. Вѣдь съ судьбой этихъ заводовъ связана участь сорокатысячнаго населенія... Костя не любитъ фантазій, но въ заводскомъ дѣлѣ онъ просто фанатикъ, и я очень люблю его именно за это. Мнѣ самой тоже нравятся заводы, и знаете—почему? Не потому, что они стоятъ такъ дорого, и даже не потому, что съ этими именно заводами срослись наши лучшія семейныя воспоминанія,—нѣтъ, я люблю ихъ за тотъ особенный духъ, который вноситъ эта работа въ жизнь. Что-то такое хорошее, новое, сильное чувствуется каждый разъ, когда смотришь на заводское производство. Вѣдь это новая сила въ полномъ смыслѣ слова...

Они сидѣли въ эту минуту на зеленой садовой скамейкѣ. Лицо Надежды Васильевны горѣло румянцемъ, глаза свѣтились и казались еще темнѣе; она сняла соломенную шляпу съ головы и нервно скручивала пальцами колокольчики искусственныхъ ландышей, приколотыхъ къ отогнутому полю шляпы. Этотъ разговоръ самъ собой свелся къ планамъ Привалова; онъ уже открылъ ротъ, чтобы посвятить Надежду Васильевну въ свои завѣтныя мечты, но, взглянувъ на нее, остановился. Ему показалось даже, что дѣвушка немного отодвинулась отъ него и какъ-то особенно посмотрѣла въ дальній конецъ аллеи, гдѣ яркимъ пятномъ желтѣло канареечное платье приближавшейся Вѣрочки.

— Пойдемте: мама ждетъ насъ кофе пить,—проговорила Надежда Васильевна, поднимаясь со скамьи.

Такъ, на этотъ разъ, и осталось невысказаннымъ то, чѣмъ Привалову хотѣлось подѣлиться именно съ Надеждой Васильевной.

На половинѣ Марьи Степановны была устроена моленная. Это была длинная комната совсѣмъ безъ оконъ; человѣкъ, незнакомый съ расположеніемъ моленной, могъ десять разъ обойти весь домъ и не найти ея. Ходъ въ моленную былъ проведенъ изъ темнаго чуланчика, который былъ устроенъ рядомъ со спальней Марьи Степановны; задняя стѣнка этого чулана составляла дверь въ моленную и для окончательной иллюзіи была завѣшена какими-то старыми шубами. Приваловъ, не заставъ Марью Степановну въ гостиной, прошелъ однажды прямо въ моленную. Она была тамъ и сама читала за раздвижнымъ аналоемъ канонъ Богородицѣ; въ уголкѣ ютились какія-то старухи въ темныхъ платкахъ, повязанныхъ по-раскольничьи, т.-е. по спинѣ были распущены два конца, какъ это дѣлаютъ татарки. Сѣдой, сгорбленный старикъ въ длиннополомъ кафтанѣ стоялъ у правой стѣны и степенно откладывалъ поклоны, припадая своей головой къ потертому шелковому подрушнику. Привалова сразу охватила съ дѣтства знакомая атмосфера: пахло роснымъ ладаномъ, воскомъ и деревяннымъ масломъ. Вся передняя стѣна моленной была занята иконостасомъ, въ которомъ, подъ дорогими окладами изъ серебра и золота, темнѣли образа самаго стариннаго письма. Тутъ были собраны иконы работы фряжской, стараго строгановскаго письма и произведенія кормовыхъ царскихъ изографовъ. Всѣ эти богатства достались моленной Марьи Степановны, какъ наслѣдство послѣ смерти матери Привалова, изъ разоренной моленной въ приваловскомъ домѣ. Слабо тепливщіяся неугасимыя лампады бросали колеблющійся свѣтъ кругомъ, выхватывая изъ окружавшей темноты глубокую рѣзьбу оборныхъ ризъ, хитрые потемнѣвшіе узоры басменнаго дѣла, поднизи изъ жемчуга и цвѣтныхъ камней, золотыя подвѣски и ожерелья. Подъ нѣкоторыми иконами висѣли богатыя пелены съ золотыми крестами и дорогимъ шитьемъ по угламъ; на маленькомъ столикѣ, около самаго аналоя, дымилась серебряная кадея.

Голосъ Марьи Степановны раздавался въ моленной съ тѣми особенными интонаціями, какъ читаютъ только раскольники: она читала немного въ носъ, растягивала слова и произносила „й“, какъ „и“. Оглянувшись назадъ, Приваловъ замѣтилъ въ лѣвомъ углу, сейчасъ за старухами, знакомую высокую женскую фигуру въ большомъ платкѣ, съ сложенными по-раскольничьи на груди руками. Это была Надежда Васильевна.

— Ну, вотъ и хорошо, что пришелъ съ нами помолиться, — говорила Марья Степановна, когда выходила изъ моленной. —Тутъ половина образовъ-то твоихъ стоитъ, только я тебѣ ихъ не отдамъ пока...

— Почему не отдадите, Марья Степановна?

— Да такъ... Куда ты съ ними? Дѣло твое холостое, дома присмотрѣть некому. Не больно вы любите молиться-то. А у меня неугасимая горитъ, кануны старушки говорятъ.

— Пусть ужъ лучше стоятъ у васъ, Марья Степановна, — соглашался Приваловъ.

— Какъ стоять?

— Да такъ, какъ стоятъ теперь. Мнѣ ихъ не нужно.

— Ну, это ты ужъ напрасно говоришь, — строго проговорила Марья Степановна.—Не подумалъ... Это твои родовыя иконы; дѣды и прадѣды имъ молились. Очень ужъ вы нынче умны стали, гордость одолѣла.

— Мама, ты не поняла Сергѣя Александрыча, — вступилась Надежда Васильевна.

— Ну, ужъ извини, голубушка... Что другое дѣйствительно не понимаю,—стара стала и глупа,—а ужъ это-то я понимаю.

Старуха расходилась не на шутку, и Надеждѣ Васильевнѣ стоило большого труда успокоить ее. Эта неожиданная вспышка въ первую минуту смутила Привалова, и онъ немного растерялся.

— Вы знаете, за что мама сегодня такъ разсердилась на васъ?—спрашивала Надежда Васильевна, когда онъ уходилъ домой.

— За недостатокъ усердія къ старой вѣрѣ?

— Нѣтъ... за то, что вы показали себя недостаточно Приваловымъ. Поняли?

— Не совсѣмъ.

Надежда Васильевна ничего не отвѣтила, а только засмѣялась и посмотрѣла на Привалова вызывающимъ, говорившимъ взглядомъ. Слова дѣвушки долго стояли въ ушахъ Привалова, пока онъ ихъ обдумывалъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Ему особенно пріятно было вспомнить ту энергичную защиту, которую онъ такъ неожиданно встрѣтилъ со стороны Надежды Васильевны. Она была за него: между ними, незамѣтно для глазъ, вырастало нравственное тяготѣніе.

XV.

Однажды, когда Приваловъ сидѣлъ у Бахаревыхъ, зашла рѣчь о старухѣ Колпаковой, которая жила въ своемъ старомъ, развалившемся гнѣздѣ, недалеко отъ бахаревскаго дома.

— Вы не желаете ли проводить меня къ Павлѣ Ивановнѣ? — предложила Надежда Васильевна Привалову; она это дѣлала нарочно, чтобы побѣсить немножко мать.

— Я съ удовольствіемъ... — согласился Приваловъ, удивленный такимъ предложеніемъ; онъ видѣлъ, какъ Марья Степановна строго подобрала губы оборочкой, хотя и согласилась съ своей обычной величественной манерой.

— Вѣрочка съ нами пойдетъ, мама,—проговорила Надежда Васильевна, надѣвая шляпу.

Вѣрочка, конечно, была согласна на такую прогулку и даже покраснѣла отъ удовольствія. „Дуритъ дѣвка, — думала Марья Степановна, провожая до террасы счастливое молодое тріо: — вотъ ужо скажу отцу-то!..“ Эти сердитыя размышленія очень кстати были прерваны звонкимъ поцѣлуемъ, который влѣпила Вѣрочка матери съ своей обыкновенной стремительностью. Марья Степановна проводила глазами уходившихъ дочерей, которыя были счастливы молодымъ счастьемъ. Особенно хорошо чувствовала себя Вѣрочка. Все, что теперь дѣлала Надя, для нея было недосягаемымъ идеаломъ, цѣлой наукой. Вѣдь у этой Нади все такъ просто и вмѣстѣ такъ хорошо выходитъ,—и шляпка всегда хорошо сидитъ, хотя стоитъ всего пять рублей, и платья какими-то такими складками ложатся... Вѣрочка не замѣчала, что идеализировала сестру, смотря на нее, какъ на невѣсту.

— Это пять минутъ ходьбы отсюда, — говорила Надежда Васильевна, когда они выходили изъ воротъ.—Изъ воротъ сейчасъ налѣво, спустимся къ рѣкѣ, а потомъ повернемъ за уголъ,—тутъ и колпаковское гнѣздо.

Домъ Колпаковой представлялъ собой совершенную развалину; онъ когда-то былъ выстроенъ въ томъ помѣщичьемъ вкусѣ, какъ строили въ доброе старое время Александра I. Фасадъ съ колоннами и мезониномъ, ворота въ формѣ тріумфальной арки, великолѣпный подъѣздъ, широкій дворъ и десятки ненужныхъ пристроекъ, въ числѣ которыхъ были и оранжереи спеціально для ананасовъ, и конюшни на двадцать лошадей, и цѣлый рядъ какихъ-то корпусовъ, значеніе которыхъ теперь трудно было угадать. Колпаковъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ золотопромышленниковъ; онъ любилъ развернуться во всю ширь русской натуры, но скоро разорился и умеръ въ нищетѣ, оставивъ послѣ себя нищими жену Павлу Ивановну и дочь Катю. Теперь колпаковское гнѣздо произвело на Привалова самое тяжелое впечатлѣніе, и онъ удивился, гдѣ могла помѣщаться Павла Ивановна съ дочерью. Когда-то зеленая крыша давно проржавѣла, во многихъ мѣстахъ листы совсѣмъ отстали, и изъ-подъ нихъ, какъ ребра, выглядывали деревянныя стропила; лѣпные карнизы и капители коринѳскихъ колоннъ давно обвалились, штукатурка отстала, рѣзныя балясины на балконѣ давно выпали, какъ гнилые зубы, стеколъ въ рамахъ второго этажа и въ мезонинѣ не было, и амбразуры оконъ глядѣли, какъ выколотые глаза.

— Гдѣ же помѣщается Павла Ивановна?!— спросилъ Привалovъ, когда они подошли къ покосившейся калиткѣ; самое полотнище калитки своимъ свободнымъ концомъ вросло въ землю, и поэтому входъ во дворъ былъ всегда открытъ.

— А вотъ внизу, угловая комнатка...

Они обошли домъ кругомъ, спустились по гнилымъ ступенямъ внизъ и очутились совсѣмъ въ темнотѣ, гдѣ пахнуло на нихъ гнилью и сыростью. Вѣрочка забѣжала впередъ и широко распахнула тяжелую дверь въ низкую комнату съ запыленными крошечными окошечками.

— Это мы, Павла Ивановна... можно войти?—спрашивала она, останавливаясь въ дверяхъ.

— Можно, можно... — отвѣтилъ какой-то глухой женскій голосъ, и отъ окна, изъ глубины клеенчатаго кресла, поднялась низенькая старушка въ круглыхъ серебряныхъ очкахъ.—Вѣдь это ты, Вѣрочка?

Замѣтивъ Привалова, старушка торопливо поправила на плечахъ выцинявшую синелевую шаль и вдругъ выпрямилась, точно ее что кольнуло.

— Вы меня, вѣроятно, не узнаёте, Павла Ивановна,—заговорилъ Приваловъ, когда Надежда Васильевна поздоровалась со старушкой. — Сергѣй Приваловъ...

— Сережа!..—вскрикнула Павла Ивановна и всплеснула своими высохшими, морщинистыми руками.—Откуда? Какими судьбами?.. А помните, какъ вы съ Костей бѣгали ко мнѣ, этакими мальчугашками... Что же я... садитесь, сюда.

— Вы, Павла Ивановна, пожалуйста, не хлопочите, мы пришли не какъ гости, а какъ старые знакомые,—говорила Надежда Васильевна.

— Хорошо, хорошо...—шептала старушка, украдкой осматривая Привалова съ ногъ до головы; ея выцвѣтшіе темные глаза смотрѣли съ безобиднымъ, откровеннымъ любопытствомъ, а сухія посинѣлыя губы шептали: — Хорошо... да, хорошо.

„Надя привела жениха показать...“—весело думала старушка, торопливо, какъ мышь, убѣгая въ темную каморку, гдѣ скоро загремѣла крышка на самоварѣ.

Приваловъ только теперь осмотрѣлся въ полутемной комнатѣ, заставленной самой сборной мебелью, какую только можно себѣ представить. Передъ диваномъ изъ краснаго дерева, съ выцвѣтшей бархатной обивкой, стояла конторка палисандроваго дерева; надъ диваномъ висѣла картина съ купающимися нимфами; комодъ, оклеенный корельской березой, точно навалился на простѣнокъ между окнами; разбитое трюмо стояло въ углу на простой, некрашенной сосновой табуреткѣ; богатый туалетъ съ отломленной ножкой, какъ преступникъ, былъ притянутъ къ стѣнѣ запыленными шнурками. Старинный шандалъ красовался на комодѣ, а изъ рѣзной рамы туалета выглядывало нѣсколько головокъ деревянныхъ амуровъ. Всѣ эти обломки старой роскоши были покрыты слоемъ пыли, какъ въ лавкѣ старыхъ вещей. Старый китайскій котъ вылѣзъ изъ-за комода, равнодушно посмотрѣлъ на гостей и, точно сконфузившись, убрался въ темную каморку, гдѣ Павла Ивановна возилась со своимъ самоваромъ.

— Слава Богу, слава Богу, что вы пріѣхали наконецъ! — улыбаясь Привалову, говорила Павла Ивановна.—Домъ-то валится у васъ, нуженъ хозяйскій глазъ... Да, я знаю это по себѣ, голубчикъ, знаю. У меня все вонъ развалилось.

„Чему она такъ радуется?“—думалъ Приваловъ и въ то же время чувствовалъ, что любитъ эту добрую Павлу Ивановну, которую помнилъ какъ сквозь сонъ.

Чай прошелъ самымъ веселымъ образомъ. Старинныя пузатенькія чашки, сахарница въ видѣ барашка съ обломленнымъ рогомъ, высокій надутый чайникъ саксонскаго фарфора, граненый низкій стаканъ съ плоскимъ дномъ — все дышало почтенной древностью и смотрѣло необыкновенно добродушно. Вѣрочка болтала, какъ птичка, дразнила кота и кончила тѣмъ, что подавилась сухаремъ. Это маленькое происшествіе немного встревожило Павлу Ивановну, и она проговорила, покачивая своей сѣдой головой:

— Вотъ ужъ воистину сдѣлали вы мнѣ праздникъ сегодня... Двадцать лѣтъ съ плечъ долой. Давно ли вы вотъ такими маленькими были, а теперь... Вотъ, смотрю на васъ и думаю: давно ли я сама была молода, а теперь... Время-то, время-то какъ катится!

Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, Павла Ивановна увела Вѣрочку въ огородъ, гдѣ росла у нея какая-то необыкновенная капуста; Приваловъ и Надежда Васильевна остались одни. Дѣвушка поняла невинный маневръ Павлы

Ивановны: старушка хотѣла подарить „жениху и невѣстѣ“ нѣсколько свободныхъ минутъ.

— Какая жалкая эта Павла Ивановна,—проговорилъ Приваловъ.

— Зачѣмъ жалкая? Нѣтъ, это кажется только на первый разъ... Она живетъ истиннымъ философомъ. Вы какъ-нибудь поговорите съ ней поподробнѣе.

— Какого же сорта у нея философія?

— Да какъ вамъ сказать... У нея совсѣмъ особенный взглядъ на жизнь, на счастье. Посмотрите, какъ она сохранилась для своихъ лѣтъ, а между тѣмъ сколько она пережила... И замѣтьте, она никогда не пользовалась ничьей помощью. Она очень горда, хотя и выглядитъ такой простой.

— Чѣмъ же она существуетъ?

— Плететъ кружева, вяжетъ чулки... А какъ хорошо она относится къ людямъ! Вѣдь это цѣлое богатство — сохранить до глубокой старости такое теплое чувство и стать выше обстоятельствъ. Всякій другой на ея мѣстѣ давно бы потерялъ голову, озлобился, началъ бы жаловаться на все и на всѣхъ. Если бы эту женщину готовили не спеціально для богатой, праздной жизни, она принесла бы много пользы и себѣ и другимъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Павлы Ивановны и Вѣрочки. Чай былъ конченъ, и оставалось только итти домой. Во дворѣ имъ встрѣтился высокій сгорбленный старикъ съ желтыми волосами.

— Это сумасшедшій...—предупредила Надежда Васильевна Привалова, который подалъ ей руку.

Старикъ, прищурившись, посмотрѣлъ на молодую компанію и, торопливо шмыгая худыми сапогами, подошелъ прямо къ Привалову.

— Вотъ здѣсь всѣ бумаги... — надтреснутымъ голосомъ проговорилъ сумасшедшій, подавая Привалову цѣлую пачку какихъ-то засаленныхъ бумагъ, сложенныхъ самымъ тщательнымъ образомъ и даже перевязанныхъ красной ленточкой.

— Это что у васъ за бумаги?—спрашивалъ Приваловъ, разсматривая свертокъ.

— Тутъ все мое богатство... Всѣ мои права, — съ увѣренной улыбкой повторилъ нѣсколько разъ старикъ, дрожавшими руками развязывая розовую ленточку.—У меня все отняли... ограбили... Но права остались, и я получу все обратно... Да. Это вѣрно... Вы только посмотрите на бумаги... ясно какъ день. Конечно, я очень давно жду, но что же дѣлать.

Въ развязанной пачкѣ оказался всякій хламъ: театральныя афиши, билеты отъ давно разыгранной лотереи, объявленія разныхъ магазиновъ, даже пестрые этикеты съ ситцевъ и лѣкарствъ. Приваловъ внимательно разсмотрѣлъ эти „права“ и, возвращая бумажки старику, проговорилъ:

— Да, вамъ еще придется подождать...

— А какъ вы думаете: получу я по этимъ документамъ?

На морщинистомъ лицѣ старика изображалось такое напряженное вниманіе, что Привалову сдѣлалось его жаль. Вѣрочка тихонько хихикала, прячась за Павлу Ивановну.

— Навѣрно, получите, — увѣряла Надежда Васильевна сумасшедшаго старика.—Вы вѣдь долго ждали, и теперь ужъ осталось немного...

— Ахъ, благодарю васъ, благодарю, — прошепталъ старикъ и быстро поцѣловалъ у нея руку. — Вашъ мужъ очень умный человѣкъ... Да, я буду ждать...

Вѣрочка не могла удержаться отъ душившаго ее смѣха и убѣжала немного впередъ.

XVI.

Извѣстно, что провинціальная жизнь всецѣло зиждется на визитахъ. Это своего рода гамма, изъ которой составляются всевозможныя музыкальныя комбинаціи. Первыми пріѣхали къ Привалову Викторъ Васильичъ и Nicolas Веревкинъ. Викторъ Васильичъ явился отъ имени Василія Назарыча, почему счелъ своимъ долгомъ затянуться въ фрачную пару, бѣлый галстукъ, бѣлыя перчатки и шелковый модный цилиндръ съ короткими полями и совершенно прямой тульей. Nicolas Веревкинъ, первенецъ Агриппины Филипьевны и мѣстный адвокатъ, представлялъ полную противоположность Виктору Васильичу: высокій, толстый, съ могучей красной шеей и громадной, какъ пивной котелъ, головой, украшенной шелковыми русыми кудрями, онъ по своей фигурѣ, какъ выразился одинъ мѣстный острякъ, походилъ на благочестиваго разбойника. Дѣйствительно, лицо Веревкина поражало съ перваго раза: эти вытаращенные сѣрые глаза, которые смотрѣли, какъ у амфибіи, немигающимъ застывшимъ взглядомъ, эти толстыя мясистыя губы, выдававшіяся скулы, узкій лобъ съ густыми, почти сросшимися бровями, наконецъ этотъ совершенно особенный цвѣтъ кожи—мѣдно-красный, отливавшій жирнымъ блескомъ,—все достаточно говорило за себя. Прибавьте къ этому, что мѣстный адвокатъ улыбался чрезвычайно рѣдко; но его лицо дѣлалось положительно красивымъ, благодаря неуловимой смѣси нахальства, иронiи и комизма, которые рѣзко отмѣтили это странное лицо среди тысячи другихъ лицъ. Въ самыхъ глупостяхъ, которыя говорилъ Nicolas Веревкинъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ, было что-то особенное: скажи то же самое другой—было бы смѣшно и глупо, а у Nicolas Веревкина все сходило съ рукъ за чистую монету, Онъ былъ баловнемъ въ мужскомъ и женскомъ обществѣ, какъ породистое животное, выдѣлявшееся свѣжимъ пятномъ среди остальныхъ заурядныхъ людишекъ.

— Посмотрите, Сергѣй Александрычъ, какого я вамъ звѣря привезъ!—громко кричалъ Викторъ Васильичъ изъ передней.

— Очень, очень пріятно...—говорилъ Приваловъ, крѣпко пожимая громадную лапу стараго университетскаго товарища.

— Полюбите насъ черненькими...—отвѣчалъ Веревкинъ пріятнымъ грудным баритономъ, оглядывая фигуру Привалова.

Викторъ Васильичъ сейчасъ же сдѣлалъ самый подробный обзоръ квартиры Привалова и проговорилъ, не обращаясь собственно ни къ кому:

— Вотъ такъ Хина!.. Отлично устроила все, право. А помнишь, Nicolas, какъ Ломтевъ въ этихъ комнатахъ тогда обчистилъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Яковличемъ, этихъ золотопромышленниковъ?.. Ха-ха... Въ чемъ мать родила, пустили сердечныхъ. Да-съ...

— Вы очень кстати пріѣхали къ намъ въ Узелъ,—говорилъ Веревкинъ, тяжело опускаясь въ одно изъ креселъ, которое только не застонало подъ этимъ восьмипудовымъ бременемъ. Онъ нѣсколько разъ обвелъ глазами комнату, что-то отыскивая, и потомъ прибавилъ: — У меня сегодня ужасная жажда...

— Въ самомъ дѣлѣ, и у меня главизна зѣло трещитъ послѣ вчерашняго похмелья,—прибавилъ съ своей стороны Викторъ Васильичъ.—Nicolas, ты очищенную? А мнѣ по части хересовъ! Да постойте, Приваловъ, я самъ лучше распоряжусь! Ей-Богу!

Викторъ Васильичъ мгновенно исчезъ на половину Хіонiи Алексѣевны и вернулся оттуда въ сопровожденiи Ипата, который былъ нагруженъ бутыл-

ками и тарелочками съ закуской; Хіонія Алексѣевна давно предупредила Виктора Васильича, и все уже было готово, когда онъ заявился къ ней съ требованіемъ водки и хересовъ.

— Да скажи барынѣ,—кричалъ Бахаревъ вдогонку уходившему лакею:— скажи, что гости останутся обѣдать... Понимаешь?

— Чревоугодіе и натура одолѣваютъ, — объявилъ Веревкинъ, выпивая рюмку водки съ пріемами записного пьяницы.

Приваловъ черезъ нѣсколько минутъ имѣлъ удовольствіе узнать послѣднія новости и былъ посвященъ почти во всѣ городскія тайны. Викторъ Васильичъ болталъ безъ умолку, хотя послѣ пятой рюмки хереса языкъ у него началъ замѣтно прилипать. Онъ былъ съ Приваловымъ уже на „ты“.

— А я тебя, Приваловъ, полюбилъ съ перваго раза... Ей-Богу! — болталъ Бахаревъ, блестя глазами.—Мнѣ чортъ съ ними, съ твоими милліонами: не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми... Ха-ха! Я самъ давно бы былъ милліонеромъ, если бы только захотѣлъ. Воображаю, какъ бы всѣ начали тогда ухаживать за мной... Хха!.. „Викторъ Васильичъ! Викторъ Васильичъ...“ Я бы показалъ имъ, что плевать на нихъ всѣхъ хочу... Да-съ. А вотъ мы тебя познакомимъ съ такими дамочками—пальчики оближешь! Ты кого больше любишь: дѣвицъ или дамъ? Я предпочитаю вдовушекъ... Съ дѣвицами только время даромъ терять... Ахъ! Да вотъ у Nicolas есть сестренка Алла,—съ секретомъ барышня. А вотъ поѣдешь къ Ляховскому, такъ тамъ тебѣ покажутъ такую барышню, что отдай все да мало, прибавь—недостанетъ... Это, братъ, сама красота, огонь, грація и плутовство.

— Зося, дѣйствительно, пикантная дѣвчонка, — согласился Веревкинъ, смакуя кусокъ балыка.

— Она меня однажды чуть не расцѣловала,—объявлялъ Бахаревъ.

— Ну, ужъ это ты врешь,—замѣтилъ Веревкинъ.—Выгонять она тебя, дѣйствительно, выгоняла, а чтобы цѣловать тебя... Это нужно совсѣмъ безъ головы быть!

— Ахъ! Да ты послушай, какъ это было... Зося любитъ все смѣшное, я однажды и показалъ ей, какъ собаки мухъ ловятъ. Меня одинъ ташкентскій офицеръ научилъ... Видѣлъ, какъ собака лежитъ-лежитъ на солнышкѣ и задремлетъ (Бахаревъ изобразилъ, какъ дремлетъ на солнцѣ собака)... Потомъ пролетитъ муха: „жжж“... Собака откроетъ сначала одинъ глазъ, потомъ другой, прищурится немного и этакъ, понимаете, вдругъ „гхамъ!..“ (Бахаревъ, дѣйствительно, съ замѣчательнымъ искусствомъ передалъ эту сцену). Какъ я показалъ Зосѣ эту штуку, — она меня и давай просить, чтобы я ее тоже научилъ... Вѣдь научилась,—лучше меня теперь ловитъ мухъ! Ты какъ-нибудь попроси ее, она покажетъ... Вотъ она тогда меня чуть-чуть и не расцѣловала.

— Вѣроятно, приняла за настоящую собаку!

— Экъ тебя взяло съ твоимъ остроуміемъ...—ворчалъ Бахаревъ.—Э, да чего мнѣ тутъ съ вами киснуть, я къ Хинѣ лучше пойду...

Легонько пошатываясь и улыбаясь разсѣянной улыбкой захмелѣвшаго человѣка, Бахаревъ вышелъ изъ комнаты. До ушей Привалова донеслись только послѣднія слова его разговора съ самимъ собой: „А Привалова я полюбилъ... Ей-Богу, полюбилъ! У него въ лицѣ есть такое... Ахъ, чортъ побери!..“ Приваловъ и Веревкинъ остались одни. Приваловъ задумчиво курилъ сигару, Веревкинъ отпивалъ изъ стакана портеръ большими аппетитными глотками.

— Вы что же,—совсѣмъ къ намъ?—спрашивалъ Веревкинъ.

— Да; думаю остаться здѣсь.

Веревкинъ что-то промычалъ и медленно отхлебнулъ изъ своего стакана; взглянувъ въ упоръ на Привалова, онъ спросилъ:

— Вы были у Бахарева?

— Да.

— Гм... Видите ли, Сергѣй Александрычъ, я пріѣхалъ къ вамъ собственно по дѣлу,—началъ Веревкинъ, не спуская глазъ съ Привалова. — Но прежде позвольте одинъ вопросъ... У васъ не заходила рѣчь обо мнѣ, т.-е. старикъ Бахаревъ ничего вамъ не говорилъ о моей особѣ?

— Нѣтъ, ничего не говорилъ, — отвѣтилъ Приваловъ, не понимая, къ чему клонились эти вопросы.

— Гм... — промычалъ Веревкинъ и петербургливо забарабанилъ пальцами по столу.—Дѣло вотъ въ чемъ, Сергѣй Александрычъ... Я буду говорить съ вами, какъ старый университетскій товарищъ. Гм... Однимъ словомъ, вы, вѣроятно, уже замѣтили, что я порядочно опустился...

Приваловъ только съежилъ плечи при такомъ откровенномъ признаніи и пробормоталъ что-то отрицательное.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! — такъ же безстрастно продолжалъ Веревкинъ. — Видна птица по полету... Сильно опустился, — при послѣднихъ словахъ Веревкинъ нѣсколько разъ тряхнулъ своей громадной головой, точно желая отъ чего-то освободиться.—И другіе видятъ и самъ вижу... Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Я адвокатомъ лѣтъ восемь. Годовой бюджетъ десять-двѣнадцать тысячъ; кругомъ въ долгу... Есть кой-какая репутація по части обдѣлыванія дѣлишекъ. Объ этомъ еще успѣете наслушаться; но я говорю вамъ все это въ тѣхъ видахъ, чтобы не обманывать на свой счетъ. Немного свихнулся, однимъ словомъ... Стороной я слышалъ о вашемъ дѣлѣ по наслѣдству, такъ вотъ и пріѣхалъ предложить свои услуги. Съ своей стороны могу сказать только то, что я съ удовольствіемъ поработалъ бы именно для такого запутаннаго дѣла... Вамъ вѣдь необходимъ повѣренный?

— Да... Отчего же, я согласенъ,—отвѣчалъ Приваловъ:—очень радъ.

— Нѣтъ, для васъ радость не велика, а вотъ вы сначала посовѣтуйтесь съ Константиномъ Васильичемъ—что онъ скажетъ вамъ, а я подожду. Дѣло очень важное, и вы не знаете меня. А пока я познакомлю васъ — съ кѣмъ намъ придется имѣть дѣло... Одинъ изъ вашихъ опекуновъ, именно Половодовъ, приходится мнѣ beau frère'омъ, но это пустяки... Мы подтянемъ и его. Знаете русскую пословицу: хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ врозь.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Бахарева, который былъ всунутъ въ двери чьими-то невидимыми руками. Бахаревъ совсѣмъ осовѣлыми глазами посмотрѣлъ на Привалова, покрутилъ головой и заплетавшимся языкомъ проговорилъ:

— Чортъ возьми... изъ самыхъ нѣдръ пансіона вынырнулъ... то-есть былъ извлеченъ оттуда... А тамъ славная штучка у Хины запрятана... Глаза—масло съ икрой... а кулаки у этого неземного созданія!.. Я только хотѣлъ заняться географіей, а она меня какъ хватитъ кулакомъ...

Приваловъ и Веревкинъ засмѣялись, а Бахаревъ, пошатываясь и крутя головой, доплелся до оттоманки, на которой и растянулся. Сдѣлавъ героическое усиліе удержаться на локтяхъ, онъ проговорилъ:

— Послу-ушай, Приваловъ... я тебя люблю... а ты не знаешь ничего... нѣ-ѣтъ...

— Сергѣй Александрычъ знаетъ только то, что тебѣ нужно хорошенько выспаться,—замѣтилъ Веревкинъ.

— Нѣ-ѣтъ... Вы думаете, что я дуракъ... пьянъ... Послушай, Привалов, я... тебѣ вотъ что скажу...

Бахаревъ сѣлъ и разсѣянно посмотрѣлъ кругомъ.

— Мама тебя очень... любитъ,—продолжалъ онъ, раскачивая ногами.— Вѣдь мама отличная старуха... дда-а... У нея въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у Веревкина... въ головѣ!.. Да-а... Хе-е... А только мама теперь боится, знаешь чего... Гм... дда... Она боится, что ты женишься на Зосѣ... Ей-Богу!.. А Надя отличная дѣвушка... Ей-Богу!.. Она мнѣ сестра, а я всегда скажу: отличная... умная... Если бы Надя не была мнѣ сестра... ни за какія бы коврижки не уступилъ тебѣ... Какъ ушей своихъ не увидалъ бы... дда... Ты непремѣнно женись на ней... слышишь? Послѣ спасибо скажешь... А мама боится Зоси, чтобы не отбила жениха... Ха-ха!.. Зося меня чуть не расцѣловала, когда я ее научилъ мухъ ловить.

— Ну, довольно, спи.—говорилъ Веревкинъ, укладывая заболтавшагося молодого человѣка.

Привалов вдругъ покраснѣлъ. Слова пьянаго Бахарева самымъ непріятнымъ образомъ подѣйствовали на него,—не потому, что выставляли въ извѣстномъ свѣтѣ Марью Степановну, а потому, что имя дорогой ему дѣвушки повторялось именно при Веревкинѣ. Тотъ могъ подумать чортъ знаетъ что...

— Викторъ отличный парень, только ужъ какъ попало ему въ голову — и понесъ всякую чепуху,—говорилъ Веревкинъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ смущенія Привалова.—Вретъ, какъ пьяная баба... Самая гнилая натурищка!.. Впрочемъ, Викторъ говоритъ только то, что теперь говоритъ цѣлый городъ,— прибавилъ Веревкинъ.—Какъ тертый калачъ, могу вамъ дать одинъ золотой совѣтъ: никогда не обращайте вниманія на то, что говорятъ здѣсь про людей за спиной. Это язва провинціи, особенно нашей. Оно и понятно: мы, мужчины, можемъ хоть въ карты рѣзаться, а дамамъ что остается? Впрочемъ, я это только къ слову... дамы не по моей части.

Бахаревъ громко храпѣлъ, раскинувшись на оттоманкѣ. У Привалова немного отлегло на сердцѣ, и онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на своего собесѣдника, проговоривъ:

— Что касается меня, то мнѣ рѣшительно все равно, что бы ни болтали, но вѣдь здѣсь является имя дѣвушки; наконецъ сама Марья Степановна можетъ показаться въ такомъ свѣтѣ...

— Э, батенька, плюньте... Мы вотъ лучше о дѣлѣ побалагуримъ. Викторъ, спишь? Спитъ...

Въ нѣсколькихъ словахъ Веревкинъ далъ замѣтить Привалову, что знаетъ дѣло о наслѣдствѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ, и намекнулъ, между прочимъ, на то, что исчезновеніе Тита Привалова тѣсно связано съ какой-то очень смѣлой идеей, которую хотятъ провести опекуны.

— Именно?—спросилъ Приваловъ.

— Собственно, опредѣленныхъ данныхъ я въ рукахъ не имѣю, — отвѣчалъ уклончиво Веревкинъ:—но у меня есть нѣкоторая нить... Видите ли, настоящая каша заваривается еще только теперь, а все, что было раньше, — только цвѣточки.

— Помилуйте, Николай Иванычъ, что же еще-то можетъ быть?

— Объ этомъ мы еще поговоримъ послѣ, Сергѣй Александрычъ, а теперь я долженъ васъ оставить... У меня дѣло въ судѣ,—проговорилъ Веревкинъ, вынимая золотые часы.—Черезъ часъ я долженъ сказать рѣчь въ защиту одного субъекта, который убилъ троихъ. Извините, какъ-нибудь на-дняхъ загляните въ мою конуру, такъ и покалякаемъ. Эй, Викторъ, вставай, братику;

— Оставьте его, пусть спитъ, — говорилъ Приваловъ: — онъ мнѣ не мѣшаетъ.

— А вы съ нимъ не церемоньтесь... Такъ я буду ждать васъ, Сергѣй Александрычъ, попросту, безъ чиновъ. О моемъ предложеніи подумайте, а потомъ поговоримъ всерьезъ.

Предложеніе Веревкина и слова пьянаго Виктора Васильича заставили Привалова задуматься. Что такое могъ подозрѣвать этотъ Веревкинъ въ дѣлѣ о наслѣдствѣ? Но вѣдь даромъ онъ не сталъ бы болтать. Подозрѣвать, что своимъ намекомъ Веревкинъ хотѣлъ прибавить себѣ вѣсу—этого Приваловъ не могъ по многимъ причинамъ: разъ, онъ хорошо относился къ Веревкину по университетскимъ воспоминаніямъ, затѣмъ Веревкинъ былъ настолько уменъ, что не допуститъ такого грубаго подходца; наконецъ изъ словъ Веревкина, которыми онъ рекомендовалъ себя, можно вывести только то, что онъ сразу хотѣлъ поставить себя начистоту, безъ всякихъ недомолвокъ. Только одно въ разговорѣ съ Веревкинымъ не понравилось Привалову, именно то, что Веревкинъ вскользь какъ будто желалъ намекнуть на зависимость Привалова отъ Константина Васильича.

„Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? — думалъ Приваловъ, шагая по своему кабинету и искоса поглядывая на храпѣвшаго Виктора Васильича.—Константинъ Васильичъ можетъ имѣть свое мнѣніе, какъ я свое... Нѣтъ, я ужъ, кажется, немного того...“

Въ глубинѣ души Привалова оставалась еще капелька горечи, вызванная словами Виктора Васильича. Вѣдь онъ выдалъ себя головой Веревкину, хотя тотъ и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. „И чортъ же его потянулъ за языкъ...“—думалъ Приваловъ, сердито поглядывая въ сторону храпѣвшаго гостя. Викторъ Васильичъ спалъ въ самой непринужденной позѣ: лежа на спинѣ, онъ широко раскинулъ руки и свѣсилъ одну ногу на полъ; его молодое лицо дышало завиднымъ здоровьемъ, и по лицу блуждала счастливая улыбка. Вѣдь въ этомъ лицѣ было что-то общее съ выраженіемъ лица Надежды Васильевны. Приваловъ остановился надъ спавшимъ гостемъ. Такой же бѣлый, немного выпуклый лобъ, тѣ же брови, тотъ же разрѣзъ глазъ и такія же темныя, длинныя рѣсницы... Но тамъ все это было проникнуто такимъ чуднымъ выраженіемъ женской мягкости, всѣ линіи дышали такой чистотой,— казалось, вся душа выливалась въ этомъ прямомъ взглядѣ темно-сѣрыхъ глазъ. Зачѣмъ же имя этой дѣвушки было произнесено этимъ Викторомъ Васильичемъ съ такими безжалостными поясненіями и собственными комментаріями? Надежда Васильевна съ перваго раза произвела сильное впечатлѣніе на Привалова, какъ мы уже видѣли. Если бы онъ сталъ подробнѣе анализировать свое чувство, онъ легко могъ бы прійти къ тому выводу, что впечатлѣніе носило довольно сложное происхожденіе: онъ смотрѣлъ на дѣвушку глазами своего дѣтства, за ея именемъ стояло обаяніе происхожденія... Вѣдь она была дочь Василія Назарыча; вѣдь въ ней говорила кровь Марьи Степановны; вѣдь... Приваловъ не могъ въ своемъ воображеніи отдѣлить дѣвушку отъ той обстановки, въ какой онъ ее видѣлъ. Этотъ старинный домъ, эти уютныя комнаты, эта старинная мебель, цвѣты, лица прислуги, самый воздухъ—все это было слишкомъ дорого для него, и именно въ этой рамѣ Надежда Васильевна являлась не просто, какъ всякая другая дѣвушка, а послѣднимъ словомъ слишкомъ длинной и слишкомъ краснорѣчивой исторіи, въ которую было вплетено столько событій и столько дорогихъ именъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Приваловъ какъ-то избѣгалъ мысли, что Надежда Васильевна могла быть его женой. Нѣтъ, зачѣмъ же такъ скоро... Жена—со-

всѣмъ другое дѣло: онъ хотѣлъ ее видѣть именно такою, какою она была. Жена—слишкомъ грубое слово для выраженія того, что онъ хотѣлъ видѣть въ Надеждѣ Васильевнѣ. Онъ поклонялся въ ней тому, что было самаго лучшаго въ женщинѣ. Если бы она была женой другого, онъ такъ же относился бы къ ней, какъ относился теперь. Странное дѣло, это дѣвичье имя освѣтило какимъ-то совершенно новымъ свѣтомъ всѣ его завѣтныя мечты и самые дорогіе планы. Раньше все это было сухой мозговой выкладкой, а теперь... Нѣтъ, одно существованіе на свѣтѣ Надежды Васильевны придало всѣмъ его планамъ совершенно особенный смыслъ и ту именно теплоту, какой имъ недоставало. Обдумывая ихъ здѣсь, въ Узлѣ, онъ находилъ въ нихъ много новаго, чего раньше не замѣчалъ совсѣмъ. Раньше онъ иногда сомнѣвался въ ихъ осуществимости, иногда какое-то нехорошее чувство закрадывалось въ душу; но теперь ему стоило только вызвать въ своемъ воображеніи дорогія черты, и все дѣлалось необыкновенно ясно, всякія сомнѣнія падали сами собой. Каждый разъ онъ испытывалъ то счастливое настроеніе, когда человѣкомъ овладѣваетъ какой-то приливъ силъ.

XVII.

— Баринъ-то ѣдетъ!—сиплымъ шопотомъ докладывала Матрешка Хіоніи Алексѣевнѣ.—Своими глазами, барыня, видѣла... Сейчасъ пальто въ передней надѣваетъ...

Заплатина прильнула къ окну; у нея даже сердце усиленно забилось въ высохшей груди:—куда поѣдетъ Приваловъ? Если направо, по Нагорной—значитъ къ Ляховскому, если прямо, по Успенскому бульвару—къ Половодову. Вонъ Ипатъ и извозчика свистнулъ, вонъ и Приваловъ вышелъ, что-то подумалъ про себя, посмотрѣлъ направо и сказалъ извозчику:

— Въ Нагорную... налѣво.

Отъ послѣдняго слова въ груди Хіоніи Алексѣевны точно что оборвалось. Она даже задрожала. Теперь все пропало, все кончено; Приваловъ поѣхалъ дѣлать предложеніе Nadine Бахаревой. Вотъ тебѣ и женихъ...

Приваловъ, пока Заплатина успѣла немного прійти въ себя, уже проходилъ на половину Марьи Степановны. По дорогѣ мелькнуло улыбнувшееся лицо Даши, а затѣмъ показалась Вѣрочка. Онъ была въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ и сильно смутилась.

— Марью Степановну можно видѣть?—спросилъ Приваловъ, раскланиваясь съ ней.

— Она въ моленной...

„Какая славная эта Вѣрочка...“—подумалъ Приваловъ, любуясь ея смущеніемъ; онъ даже пожалѣлъ, что какъ-то совсѣмъ не обращалъ вниманія на Вѣрочку все время, и хотѣлъ вознаградить свое невниманіе къ ней.

— Я сейчасъ отправлюсь къ Ляховскому и заѣхалъ поговорить съ Марьей Степановной...—объяснилъ онъ.

Вѣрочка вся вспыхнула, взглянула на Привалова какъ-то исподлобья, совсѣмъ по-дѣтски, и тихо отвѣтила:

— Надя часто бывала раньше у Ляховскихъ...

— А вы?

— Мнѣ мама не позволяетъ ѣздить къ нимъ: у Ляховскихъ всегда собирается большое общество, много мужчинъ... Да вонъ и мама.

— Наконецъ-то ты собрался,—весело проговорила Марья Степановна, появляясь въ дверяхъ.—Вижу, вижу; ну что же, Богъ тебя благословитъ...

— Нарочно заѣхалъ къ вамъ, Марья Степановна, чтобы набраться смѣлости.

— А ты къ Василію Назарычу заходилъ? Зайди, а то еще, пожалуй, разсердится. Онъ и то какъ-то поминалъ, что тебя давно не видно... Никакъ съ недѣлю ужъ не былъ.

— Боюсь надоѣсть.

— Ну, ну, не говори пустого. Все неможется Василію Назарычу, привязала его эта нога.

Они поговорили еще съ четверть часа, но Приваловъ не уходилъ, поджидая, не послышится ли въ сосѣдней комнатѣ знакомый шорохъ женскаго платья. Онъ даже оглянулся раза два, что не ускользнуло отъ вниманія Марьи Степановны, хотя она и сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Привалова просто мучило желаніе непремѣнно увидѣть Надежду Васильевну. Раза два какъ-то случилось, что она не выходила къ нему, но сегодня онъ испытывалъ какое-то ноющее тоскливое чувство ожиданія; ему было непріятно что она не хочетъ показаться. Послѣ пьяной болтовни Виктора Василіича въ душѣ Привалова выросла какая-то щемящая потребность видѣть ее, слышать звукъ ея голоса, чувствовать ея присутствіе. Онъ нарочно откладывалъ свой визитъ къ Бахаревымъ день за день,—и вотъ награда... Марья Степановна точно не желала замѣчать настроенія своего гостя и говорила о самыхъ невинныхъ пустякахъ, не обращая вниманія даже на то, что Привало ъ отвѣчалъ ей совсѣмъ невпопадъ. Вѣрочка раза два входила въ комнату, поглядывая искоса на гостя, и дѣлала такую мину, точно удивлялась, что онъ продолжаетъ еще сидѣть.

— А вѣдь Надя-то уѣхала, — проговорила Марья Степановна, когда Приваловъ началъ прощаться. — На заводы уѣхала, къ Костѣ, — прибавила она, когда Приваловъ какимъ-то глупымъ, остановившимся взглядомъ посмотрѣлъ на нее.—Доктора Сараева знаешь?

— Да, помню немного...

— Ну вотъ съ нимъ и уѣхала....

„Уѣхала, уѣхала, уѣхала...“—какъ молотками, застучало въ мозгу Привалова, и онъ плохо помнилъ, какъ простился съ Марьей Степановной и точно, въ какомъ туманѣ прошелъ въ переднюю; только здѣсь онъ вспомнилъ, что нужно еще зайти къ Василію Назарычу.

Бахаревъ сегодня былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и встрѣтилъ Привалова съ веселымъ лицомъ. Даже болѣзнь, которая привязала его на цѣлый мѣсяцъ въ кабинетѣ, казалась ему забавной, и онъ называлъ ее собачьей старостью. Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, и у него тоже гора свалилась съ плечъ. Недавнее тяжелое чувство разлетѣлось дымомъ, и онъ весело смѣялся вмѣстѣ съ Василіемъ Назарычемъ, который разсказалъ нѣсколько смѣшныхъ исторій изъ своей тревожной, полной приключеній жизни.

— А что, Сергѣй Александрычъ,—проговорилъ Бахаревъ, хлопая Привалова по плечу:—вотъ ты теперь третью недѣлю живешь въ Узлѣ, поосмотрѣлся? Интересно знать, что ты надумалъ... а? Вѣдь твое дѣло молодое, не то, что наше стариковское: на всѣ четыре стороны скатертью дорога. Вѣдь не сидѣть же такому молодцу сложа руки...

Приваловъ не ожидалъ такого вопроса и замялся, но Бахаревъ продолжалъ:

— Знаю, впередъ знаю отвѣтъ: „Нужно подумать... не осмотрѣлся хорошенько“... Такъ вѣдь? Этакіе нынче осторожные люди пошли; не то, что

мы: либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ! Да вѣдь ничего, живы и съ голоду не умерли! Такъ-то, Сергѣй Александрычъ... А я вотъ что скажу: прожилъ ты въ Узлѣ три недѣли и еще проживешь десять лѣтъ—новаго ничего не увидишь. Одна канитель: день да ночь и сутки прочь, а вновь ничего. Вѣдь ты совсѣмъ въ Узлѣ останешься?

— Да.

— И отлично; значитъ, къ заводскому дѣлу хочешь пріучать себя? Что же, хозяйскій глазъ да въ такомъ дѣлѣ—и рѣже всего.

— Нѣтъ... Вѣдь заовды, Василій Назарычъ, еще неизвѣстно кому достанутся, объ этомъ говорить рано...

— Конечно, конечно... Въ копнахъ не сѣно, въ долгахъ не деньги. Но мнѣ все-таки хочется знать твое мнѣніе о заводахъ, Сергѣй Александрычъ.

— Вы хотите этого непремѣнно?—спросилъ Приваловъ, глядя въ глаза старику.

— Да, непремѣнно.

Послѣ короткой паузы Приваловъ очень подробно объяснилъ Бахареву, что онъ не любитъ заводскаго дѣла и считаетъ его искусственно созданной отраслью промышленности. Но отказаться отъ заводовъ онъ не желаетъ и не можетъ — разъ потому, что это родовое имущество, и, во-вторыхъ, что съ судьбою заводовъ связаны судьбы сорокатысячнаго населенія и будущность трехсотъ тысячъ десятинъ земли на Уралѣ. Въ заключеніе Приваловъ замѣтилъ, что ни въ какомъ случаѣ не разсчитываетъ на доходы съ заводовъ, а будетъ изъ этихъ доходовъ уплачивать долгъ и понемногу, постепенно поднимать производительность заводовъ. Бахаревъ слушалъ это откровенное признаніе, склонивъ немного голову набокъ. Когда Приваловъ кончилъ, онъ безмолвно притянулъ его къ себѣ, обнялъ и поцѣловалъ. На глазахъ старика стояли слезы, но онъ не отиралъ ихъ и, глубоко вздохнувъ, проговорилъ прерывавшимся отъ волненія голосомъ:

— Спасибо, Сережа... Умру спокойно теперь... Да, голубчикъ. Утѣшилъ ты меня... Спасибо, спасибо...

— Я дѣлаю только то, что долженъ, — замѣтилъ Приваловъ, растроганный этой сценой. — Въ качествѣ наслѣдника, я обязанъ не только выплатить лежащій на заводахъ государственный долгъ, но еще гораздо большій долгъ...

— Еще какой долгъ?

— А какъ же, Василій Назарычъ... Вѣдь заводы устроены чьимъ трудомъ, по-вашему?

— Какъ чьимъ? Заводы устраивалъ твой прадуръ, Титъ Приваловъ, — его трудъ былъ, потомъ Гуляевъ устраивалъ ихъ, — значитъ, гуляевскій трудъ.

— Да, это вѣрно, но владѣльцы сторицей получили за свои хлопоты, а вы забываете башкиръ, на землѣ которыхъ построены заводы. Забываете приписныхъ къ заводамъ крестьянъ.

— Да вѣдь башкиры продали землю...

— За два съ полтиной на ассигнаціи и за три фунта кирпичнаго чаю.

— А хоть бы и такъ... Это ихъ дѣло и насъ не касается.

— Нѣтъ, очень касается, Василій Назарычъ. Какъ назвать такую покупку, если бы она была сдѣлана нынче! Я не хочу этимъ набрасывать тѣнь на Тита Привалова, но...

— Что же ты, значитъ, хочешь возвратить землю башкирамъ? Да вѣдь они ее все равно продали бы другому, если бы прадуръ-то не взялъ... Ты

объ этомъ подумалъ? А теперь только отдай имъ землю, такъ завтра же ея не будетъ... Нѣтъ, Сергѣй Александрычъ, ты этого никогда не сдѣлаешь.

— Я и не думаю отдавать землю башкирамъ, Василій Назарычъ; пусть пока она числится за мной, а съ башкирами можно разсчитаться и другимъ путемъ...

— Не понимаю что-то...

— Если бы я отдалъ землю башкирамъ, тогда чѣмъ бы заплатилъ мастеровымъ, которые работали на заводахъ полтораста лѣтъ?.. Земля башкирская, а заводы созданы крѣпостнымъ трудомъ. Чтобы не обидѣть тѣхъ и другихъ, я долженъ отлично поставить заводы и тогда постепенно расплачиваться со своими историческими кредиторами. Въ какой формѣ устроится все это — я еще теперь не могу вамъ сказать, но только скажу одно, — именно, что ни одной копейки не возьму лично себѣ...

— Ахъ, Сережа, Сережа... — шепталъ Бахаревъ, качая головой. — Добрая у тебя душа-то... золотая... Хорошая вѣдь въ тебѣ кровь-то; это она сказывается. Только... мудреное ты дѣло затѣваешь, небывалое... Вотъ я — скоро и помирать пора, а не пойму хорошенько...

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, Василій Назарычъ.

— Да, да, поговоримъ... А ежели ты дѣйствительно такъ хочешь сдѣлать, какъ говоришь, много грѣха снимешь съ отцовъ-то. Значитъ, заводы пойдутъ сами собой, а самъ-то ты что̀ для себя будешь дѣлать? Эхъ, Сергѣй Александрычъ, Сергѣй Александрычъ. Гляжу я на тебя и думаю: здоровъ, молодъ, — скатертью дорога на всѣ четыре стороны... Да. Не то, что̀ наше, стариковское дѣло: только еще хочешь повернуться, а смерть за плечами. Живи не живи, а помирать приходится... Эхъ, я бы на твоемъ мѣстѣ махнулъ по отцовской дорожкѣ!.. Закатился бы на Саянъ... Вѣдь нынче свобода на пріискахъ, а я бы тебѣ указалъ цѣлый десятокъ золотыхъ мѣстечекъ. Сталъ бы поминать старика добромъ... Костя не захотѣлъ меня слушать, такъ доставайся хоть тебѣ!

Приваловъ улыбнулся.

— Я тебѣ серьезно говорю, Сергѣй Александрычъ. Чего киснуть въ Узлѣ-то? По рукамъ, что ли? Костя на заводахъ будетъ управляться, а мы съ тобой на пріиски; вотъ только моя нога немного поправится...

— Нѣтъ, Василій Назарычъ, я никогда не буду золотопромышленникомъ, — твердымъ голосомъ проговорилъ Приваловъ. — Извините меня, я не хотѣлъ васъ обидѣть этимъ, Василій Назарычъ, но если я по обязанности долженъ удержать за собой заводы, то относительно пріисковъ у меня такой обязанности нѣтъ.

Бахаревъ какими-то мутными глазами посмотрѣлъ на Привалова, пощупалъ свой лобъ и улыбнулся нехорошей улыбкой.

— Что̀ же ты думаешь дѣлать здѣсь? — спросилъ Василій Назарычъ упавшимъ сухимъ голосомъ.

— Я думаю заняться хлѣбной торговлей, Василій Назарычъ.

Старикъ тяжело повернулся въ своемъ креслѣ и какимъ-то испуганнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Я, кажется, ослышался... — пробормоталъ онъ, вопросительно и со страхомъ заглядывая Привалову въ лицо.

— Нѣтъ, вы не ослышались, Василій Назарычъ. Я серьезно думаю заняться хлѣбной торговлей...

— Ты... будешь торговать... *мукой?*

— Между прочимъ, вѣроятно, буду торговать и мукой, — съ улыбкой

отвѣчалъ Приваловъ, чувствуя, что полъ точно уходитъ у него изъ-подъ ногъ. — Мнѣ хотѣлось бы объяснить вамъ, почему я именно думаю заняться этимъ, а не чѣмъ-нибудь другимъ.

Бахаревъ потеръ опять свой лобъ и торопливо проговорилъ:

— Нѣтъ... не нужно!.. Я понимаю все, если способенъ только понимать что-нибудь...

Откинувшись на спинку кресла и закрывъ лицо руками, старикъ въ какомъ-то забытьѣ повторялъ:

— Торговать мукой... *му-кой!.. Приваловъ* будетъ торговать *мукой... Василій Бахаревъ* купитъ у *Сергѣя Привалова* мѣшокъ *муки*...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Неопредѣленное положеніе дѣлъ оставляло въ рукахъ Хіоніи Алексѣевны слишкомъ много свободнаго времени, которое теперь все цѣликомъ и посвящалось Агриппинѣ Филипьевнѣ, этому неизмѣнному старому другу. Въ роскошномъ будуарѣ Веревкиной, а чаще въ ея не менѣе роскошной спальнѣ теперь происходили самые оживленные разговоры, дѣлались удивительно смѣлыя предположенія и выстраивались поистинѣ грандіозные планы. Эти двѣ дамы теперь находились въ положеніи тѣхъ опытныхъ полководцевъ, которые наканунѣ битвы дѣлаютъ рядъ самыхъ секретныхъ совѣщаній. Онѣ спорили, горячились, даже выходили изъ себя, но всегда мирились на одной мысли, что всѣ мужчины положительнѣйшіе дураки, которые, какъ всѣ неизлѣчимо поврежденные, были глубоко убѣждены въ своемъ умѣ.

— Ахъ, если бы вы только видѣли, Агриппина Филипьевна! — закатывая глаза, шептала Хіонія Алексѣевна. — Вѣдь всему же на свѣтѣ бываютъ границы... Мнѣ просто гадко смотрѣть на все, что дѣлается у Бахаревыхъ! Эта Nadine съ перваго раза вѣшается на шею Привалову... А старики? Вы бы только посмотрѣли, какъ они ухаживаютъ за Приваловымъ... Куда вся гордость дѣвалась! Василій Назарычъ готовъ для женишка въ мелочную лавочку за папиросами бѣгать. Ей-Богу!.. А какія мнѣ Марья Степановна грязныя предложенія дѣлала... Да развѣ я соглашусь присматривать да подслушивать за жильцомъ?!

— Однако вы не ошиблись, кажется, что взяли его на квартиру, — многозначительно говоирла Агриппина Филипьевна.

— Не ошиблась?!. А вы спросите меня, Агриппина Филипьевна, чего это стоитъ! Да... Я сначала долго отказывалась, но эта Марья Степановна такъ пристала ко мнѣ, такъ пристала, — понимаете, съ ножомъ къ горлу. — „Пожалуйста, Хіонія Алексѣевна! Душечка, Хіонія Алексѣевна... Мы будемъ ужъ спокойны, если Приваловъ будетъ жить у васъ“. Вѣдь знаете мой проклятый характеръ: никакъ не могла отказать. Теперь и надѣла себѣ петлю на шею... Расходы, хлопоты, безпокойство, а тамъ еще что будетъ?..

— Такъ вы говорите, что Приваловъ не будетъ пользоваться вниманіемъ женщинъ? — задумчиво спрашивала Агриппина Филипьевна уже во второй разъ.

— Рѣшительно не будетъ, потому что въ немъ этого... какъ вамъ сказать... между нами говоря... нѣтъ той смѣлости, которая нравится женщи-

намъ. Вѣдь въ и в'стныхъ отношеніяхъ все зависитъ отъ умѣнья схватить удобный моментъ, воспользоваться минутой, а у Привалова... Я сомнѣваюсь, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ...

— У Привалова есть милліоны, — продолжала Агриппина Филипьевна мысль пріятельницы.

— Только и есть, что одни милліоны...

— Кажется, достаточно.

— Да... Но вѣдь милліонами не заставишь женщину любить себя... Порывъ, страсть — да развѣ это покупается на деньги? Конечно, всѣ эти Бахаревы и Ляховскіе будутъ ухаживать за Приваловымъ: и Nadine и Sophie, но... Я, право, не знаю, что находятъ мужчины въ этой вертлявой Зосѣ?.. Ну, скажите мнѣ, ради Бога, что въ ней такого: маленькая, сухая, вертлявая, бѣлобрысая... Удивляюсь!

Агриппина Филипьевна была нѣсколько другого мнѣнія относительно Зоси Ляховской, хотя и находила ее слишкомъ эксцентричной. Извѣстная степень оригинальности, конечно, идетъ къ женщинѣ и дѣлаетъ ее заманчивой въ глазахъ мужчинъ, хотя это слишкомъ скользкій путь, на которомъ не трудно дойти до смѣшного.

Несмотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, Агриппина Филипьевна была еще очень моложава, прилично полна и обладала самыми аристократическими манерами. Въ ея наружности было что-то очень внушительное, особенно когда она улыбалась своей покровительственной улыбкой. Свѣтло-русые волосы, неопредѣленнаго цвѣта глаза и свѣжія полныя губы дѣлали ее еще настолько красивой, что никто даже не подумалъ бы смотрѣть на нее, какъ на мать цѣлой дюжины дѣтей. Еще меньше можно было, глядя на эту цвѣтущую мать семейства, заключить о тѣхъ превратностяхъ, какими была преисполнена вся ея тревожная жизнь.

Когда-то очень давно Агриппина Филипьевна и Хіонія Алексѣевна воспитывались въ одномъ московскомъ пансіонѣ, гдѣ требовался во-первыхъ—французскій языкъ, во-вторыхъ,—французскій языкъ и въ-третьихъ—французскій языкъ. Изъ обрусѣлыхъ рижскихъ нѣмокъ по происхожденію, Агриппина Филипьевна обладала счастливымъ, ровнымъ характеромъ: кажется, это было единственное наслѣдство, полученное ею подъ родительской кровлей, гдѣ оставались еще шесть сестрицъ и одинъ братецъ. Въ пансіонѣ Агриппина Филипьевна и Хіонія Алексѣевна, выражаясь на пансіонскомъ жаргонѣ, обожали одна другую. Мы уже знаемъ исторію Хіоніи Алексѣевны. Агриппина Филипьевна прямо изъ пансіонскаго дортуара вышла замужъ за Ивана Яковлича Веревкина, который, благодаря отчасти своему дворянскому происхожденію, отчасти протекціи, подходилъ подъ рубрику молодыхъ людей, „подающихъ блестящія надежды“. Но Иванъ Яковличъ такъ и остался при блестящихъ надеждахъ, не сдѣлавъ никакой карьеры, хотя мѣнялъ родъ службы разъ десять. Агриппина Филипьевна дарила мужа исправно черезъ каждый годъ то дѣвочкой, то мальчикомъ. Такимъ образомъ получилась въ результатѣ прескверная исторія: семья росла и увеличивалась, а однѣми надеждами Ивана Яковлича и французскимъ языкомъ Агриппины Филипьевны не проживешь. Одинъ счастливый случай выручилъ не только Агриппину, но и весь букетъ рижскихъ сестрицъ. Дѣло въ томъ, что одной изъ этихъ сестрицъ выпало рѣдкое счастье сдѣлаться женой очень дряхлой, но очень важной особы. Какъ только свершилось это многознаменательное событіе, т.-е. какъ только Гертруда Шпигель сдѣлалась madame Коробынъ-Унковской, тотчасъ же всѣ рижскія сестрицы съ необыкновенной быстротой пошли

въ ходъ, т.-е. были выданы замужъ за разную чиновную мелюзгу. Какъ разъ въ это время въ Узлѣ открывалось отдѣленіе государственнаго банка, и мужья двухъ сестрицъ сразу получили мѣста директоровъ. Эти сестрицы выписали изъ Риги остальныхъ четырехъ, изъ которыхъ одна вышла за директора гимназіи, другая за доктора, третья за механика, а четвертая, не пожелавшая, за преклонными лѣтами, связывать себя узами Гименея, получила мѣсто начальницы узловской женской гимназіи. Однимъ словомъ, въ самомъ непродолжительномъ времени сестрицы Шпигель завоевали цѣлый городъ и начали усиленно плодиться.

Иванъ Яковличъ тоже попалъ на какое-то мѣсто въ банкъ, безъ опредѣленнаго названія, зато съ солиднымъ окладомъ. Но и родство съ важной особой не помогло осуществленію подаваемыхъ имъ блестящихъ надеждъ. Попавъ въ Узелъ, онъ бросилъ скоро всякую службу и бойко пошелъ по широкой дорожкѣ карточнаго игрока. Этотъ почтенный отецъ семейства совсѣмъ не вмѣшивался въ свои фамильныя дѣла, великодушно предоставивъ ихъ собственному теченію. Дома онъ почти не жилъ, потому что велъ самую цыганскую жизнь, посѣщая ярмарки, клубы, игорные притоны и тому подобныя злачныя мѣста. Впрочемъ, въ трудныя минуты своей жизни, въ случаѣ крупнаго проигрыша или какого-нибудь скандала, Иванъ Яковличъ на короткое время являлся у своего семейнаго очага и довольно терпѣливо разыгрывалъ скромнаго семьянина и почтеннаго отца семейства. Онъ въ этихъ случаяхъ былъ необыкновенно внимателенъ къ женѣ, ласкалъ дѣтей и, улучивъ удобную минуту, опять исчезалъ въ свою родную стихію. Спрашивается, откуда получались тѣ десять тысячъ, которыя тратила Агриппина Филипьевна ежегодно? Это былъ настолько щекотливый и тонкій вопросъ, что его обыкновенно обходили молчаніемъ или говорили просто, что Агриппина Филипьевна „живетъ долгами", т.-е. что она была такъ много должна, что кредиторы, подъ опасеніемъ не получить ничего, поддерживали ея существованіе. Но и этотъ, несомнѣнно очень ловкій modus vivendi могъ имѣть свой естественный и скорый конецъ, если бы Агриппина Филипьевна, съ одной стороны, не выдала своей старшей дочери за директора Узловско-Моховскаго банка, Половодова, а съ другой—если бы ея первенецъ какъ разъ къ этому времени не сдѣлался однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ въ Узлѣ. Эти два обстоятельства значительно повысили фонды Агриппины Филипьевны, и она могла со спокойной совѣстью устраивать по четвергамъ свои элегантныя soirées, на которыхъ безусловно господствовалъ французскій языкъ, обсуждалась каждая выдающаяся новость и испытывали свои силы всякіе заѣзжіе артисты и артистки.

Итакъ, несмотря на то, что жизнь Агриппины Филипьевны была открыта всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, бурямъ и непогодамъ, она произвела на свѣтъ цѣлую дюжину маленькихъ ртовъ. Эта живая лѣстница, начинавшаяся съ извѣстнаго уже намъ Nicolas, постепенно переходила черезъ разныхъ André, Woldemar, Nini и Bébé, пока не обрывалась шестимѣсячнымъ Вадимомъ. Дѣти помѣщались въ какомъ-то коридорѣ, перегороженномъ тонкими ширмочками на нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній. Эта дворянская поросль имѣла рѣшительный перевѣсъ въ мужской линіи. Два старшихъ мальчика учились въ классической гимназіи, одинъ—въ военной, одинъ—въ реальномъ училищѣ и т. д. Въ недалекомъ будущемъ муравейникъ Агриппины Филипьевны грозилъ осчастливить благодарное отечество неутомимыми дѣятелями на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Мы уже сказали, что старшая дочь Агриппины Филипьевны была замужемъ за Половодовымъ; слѣдующая за нею по лѣтамъ,

Алла, вступила уже въ тотъ цвѣтущій возрастъ, когда ей неприлично было оставаться въ нѣдрахъ муравейника, и она была переведена въ спальню maman, гдѣ и жила на правахъ совсѣмъ взрослой барышни. Понятно, что Алла не могла относиться къ обитателямъ муравейника иначе, какъ только съ глубокимъ презрѣніемъ. Когда ей случалось проходить по территоріи муравейника, она цѣломудренно подбирала свои безукоризненно накрахмаленныя юбки и даже зажимала носъ.

Nicolas Веревкинъ получилъ первыя впечатлѣнія своего бытія тоже не въ завидной обстановкѣ. Но это не помѣшало ему быть нѣкоторымъ исключеніемъ, даже домашнимъ божкомъ, потому что Агриппина Филипьевна чувствовала непреодолимую слабость къ своему первенцу и создала около него что-то въ родѣ культа. Все, что̀ ни дѣлалъ Nicolas, было верхомъ совершенства; самая возможность критики отрицалась. Когда Nicolas выбросили изъ гимназіи за крупный скандалъ, Агриппина Филипьевна и тогда не сказала ему въ упрекъ ни одного слова, а собрала послѣднія крохи и на нихъ отправила своего любимца въ Петербургъ. Nicolas вполнѣ оправдалъ то довѣріе, какимъ пользовался. Онъ быстро освоился въ столицѣ, сдалъ экзаменъ за гимназію и взялъ въ университетѣ кандидата правъ. Воспоминаніемъ объ этомъ счастливомъ времени служили Агриппинѣ Филипьевнѣ письма Nicolas, не отличавшіяся особенной полнотой, но неизмѣнно остроумныя и всегда беззаботныя. Между прочимъ, у Агриппины Филипьевны хранилось вырѣзанное изъ газетъ объявленіе, въ которомъ студентъ, „не стѣсняющійся разстояніемъ“, предлагалъ свои услуги по части воспитанія юношества. Эти beaux mots несравненнаго Nicolas заставляли смѣяться счастливую мамашу до слезъ. Нестѣсненіе разстояніемъ проходило красной нитью черезъ всю жизнь Nicolas, особенно черезъ его адвокатскую дѣятельность. Агриппина Филипьевна никогда и ничего не требовала отъ своего божка, кромѣ того, чтобы этотъ божокъ непремѣнно жилъ подъ одной съ ней кровлей, подъ ея крылышкомъ.

Послѣ Nicolas, самой близкой къ сердцу Агриппины Филипьевны была, конечно, Алла. Она не была красавицей; лицо у ней было совсѣмъ неправильно; но въ этой, еще формировавшейся, съ дѣтскими угловатыми движеніями дѣвушкѣ Агриппина Филипьевна чувствовала что-то обѣщающее и очень оригинальное. Алла уже выработала въ себѣ тотъ свѣтскій тактъ, который начинается съ умѣнья во̀-время выйти изъ комнаты и заканчивается такими сложными комбинаціями, которыхъ не распутать никакому мудрецу. Хіонія Алексѣевна, конечно, тоже восхищалась Аллой и не упускала случая проговорить:

Elle est tellement innocente
Qu'elle ne connait presque rien...

— Скажите, пожалуйста, что̀ дѣлаетъ вашъ братецъ? — нѣсколько разъ спрашивала Хіонія Алексѣевна.

— Оскаръ? О, это безнадежно глупый человѣкъ и больше ничего, — отвѣчала Агриппина Филипьевна. — Представьте себѣ только: человѣкъ изъ Петербурга тащится на Уралъ, и зачѣмъ?.. Какъ бы вы думали? Пріѣхалъ *удить рыбу*... Ну, скажите, ради Бога, это ли не идіотство?

— Гм... да... Но вѣдь у Оскара Филипыча, кажется, очень хорошее мѣсто въ Петербургѣ?

— Да, благодаря сестрѣ Гертрудѣ, получаетъ ни за что тысячъ пять, — что̀ же дѣлать?.. Идіотъ!.. Наберетъ съ собой моихъ мальчишекъ и цѣлые дни удитъ съ ними рыбу.

— Скажите, какой странный характеръ...

— Да просто глупость, Хіонія Алексѣевна...

— Мнѣ кажется страннымъ, что появленіе Оскара Филиппыча совпало съ пріѣздомъ Привалова...

— Ахъ, вы, Хіонія Алексѣевна, кажется, совсѣмъ помѣшались на своемъ Приваловѣ... Помилуйте, какое можетъ быть отношеніе, когда братъ просто глупъ? Самая обыкновенная исторія...

Эти разговоры заканчивались иногда стереотипнымъ разсужденіемъ о „гордецѣ“.

— Конечно, онъ вамъ зять, — говорила Хіонія Алексѣевна, откидывая голову назадъ:—но я всегда скажу про него: Александръ Павлычъ—гордецъ... Да, да. Лучше не защищайте его, Агриппина Филипьевна! Я знаю, что онъ и къ вамъ относится немного критически... Да-съ. Что онъ директоръ банка и приваловскій опекунъ, такъ и, Господи Боже, рукой не достанешь! Вѣдь не всѣмъ же быть директорами и опекунами, Агриппина Филипьевна!

Теперь къ этому разсужденію о гордецѣ пристегивалось такое заключеніе:

— Хотя Александръ Павлычъ и зять вамъ, Агриппина Филипьевна, но я очень рада, что Привалову поубавитъ ему спеси... Да-съ, очень рада. Вы, пожалуйста, не защищайте своего зятька, Агриппина Филипьевна.

— Я и не думаю, Хіонія Алексѣевна.

— Вотъ еще Ляховскій... разжился фальшивыми ассигнаціями да краденымъ золотомъ, и чорту не братъ! Нѣтъ, вотъ теперь до всѣхъ васъ доберется Привалову... Да. Онъ даромъ что такимъ выглядитъ тихонькимъ и, конечно, не будетъ имѣть успѣха у женщинъ, но Александра Павлыча съ Ляховскимъ подтянетъ. Знаете, я слышала, что этого несчастнаго мальчика, Тита Привалова, отправили куда-то въ Швейцарію и сбросили въ пропасть. Какъ вы думаете, чьихъ рукъ это дѣльце?

Агриппина Филипьевна ничего не находила сказать на этотъ слишкомъ смѣлый вопросъ, а Хіонія Алексѣевна отвѣчала сама:

— Конечно, Ляховскій!.. Это ясно, какъ день. Онъ на все способенъ.

— Я не понимаю, какая цѣль могла быть въ такомъ случаѣ у Ляховскаго? Nicolas говоритъ, что въ интересѣ опекуновъ имѣть Тита Привалова налицо, иначе послѣдуетъ раздѣлъ наслѣдства, и конецъ опекѣ.

— Пустяки, пустяки... Я знаю, что это дѣло Ляховскаго, а вашъ Nicolas обманываетъ. Вѣдь я знаю, mon ange, зачѣмъ Nicolas пріѣзжалъ тогда къ Привалову...

— Вы знаете, Хіонія Алексѣевна, что я никогда не вмѣшиваюсь въ дѣла Nicolas,—это мой принципъ.

— А я все-таки знаю и желаю, чтобы Nicolas хорошенько подобралъ къ рукамъ и Привалова и опекуновъ... Да. Пусть Бахаревы останутся съ носомъ и любуются на свою Nadine, а мы женимъ Привалова на Аллѣ... Вотъ увидите. Это только нужно повести дѣло умненько: tête-à-tête, маленькій пикникъ, что-нибудь въ родѣ нервнаго припадка... Вѣдь эти мужчины всѣ дураки: увидали женщину—и сейчасъ глаза за корсетъ. Вотъ мы...

— Нѣтъ, Хіонія Алексѣевна, позвольте вамъ замѣтить,—возражала съ достоинствомъ Агриппина Филипьевна:—вы такъ говорите о моей Аллѣ, будто она какая-нибудь Христова невѣста.

— Ахъ, я пошутила, Агриппина Филипьевна. Но, за всѣмъ тѣмъ, я мое дѣло знаю...

II.

Приваловъ пріѣхалъ къ Веревкину утромъ. У чистенькаго подъѣзда онъ встрѣтилъ толпу оборванныхъ мужиковъ, которые сняли шапки и почтительно дали ему дорогу. Они все время оставались безъ шапокъ, пока Приваловъ дожидался лакея, отворившаго парадную дверь.

— А намъ бы Миколая Иваныча...—вытягивая впередъ шею и неловко дергая плечами, заговорилъ кривой мужикъ, когда въ дверяхъ показался лакей съ большой лысиной на макушкѣ.

— Они дома-съ...—почтительно докладывалъ онъ, пропуская Привалова на лѣстницу съ бархатнымъ ковромъ и экзотическими растеніями по сторонамъ. Пропустивъ гостя, онъ захлопнулъ дверь подъ носомъ у мужиковъ.—Прутъ, сиволапые, прямо въ двери,—ворчалъ онъ, забѣгая немного впередъ Привалова.

Пока лакей ходилъ съ докладомъ въ кабинетъ Веревкина, Приваловъ оставался въ роскошной гостиной Агриппины Филипьевны. Отъ-нечего-дѣлать онъ осматривалъ красивую орѣховую мебель, мраморныя вазы, красивыя драпировки на дверяхъ и окнахъ, пестрый коверъ, лежавшій у дивана, концертный рояль у стѣны, картины,—все было необыкновенно изящно и подобрано съ большимъ вкусомъ; каждая вещь была поставлена такъ, что рекомендовала сама себя съ самой лучшей стороны и еще служила въ то же время необходимымъ фономъ, объясненіемъ и дополненіемъ другихъ вещей. Самый опытный взглядъ, вѣроятно, не открылъ бы рокового un question d'argent, который лежалъ въ основаніи всей этой художественной обстановки. Жалкая ложь была самымъ искуснымъ образомъ прикрыта богатой мебелью и мягкими коврами, служившими продолженіемъ любезныхъ улыбокъ и аристократическихъ манеръ самой хозяйки.

— Милости просимъ, пожалуйте...—донесся откуда-то изъ глубины голосъ Веревкина, а скоро показалась и его на диво сколоченная фигура, облаченная теперь въ какой-то полосатый татарскій халатъ.—Ужъ вы извините меня, батенька,—комично оправдывался Веревкинъ, подхватывая Привалова подъ руку.—Вы застали меня, можно сказать, на самомъ мѣстѣ преступленія... Дѣльце одно нужно было кончить, такъ въ халатѣ-то оно свободнѣе. Какъ надѣну проклятый сюртукъ,—мыслей въ головѣ нѣтъ. Я сейчасъ, Сергѣй Александрычъ... Обождите единую минуточку.

Веревкинъ поспѣшно скрылся за низенькой японской ширмочкой, откуда черезъ минуту до Привалова донеслось сначала тяжелое сопѣнье носомъ, а потомъ какое-то забавное фырканье. Можно было подумать, что за ширмочкой возится стадо тюленей или закладываютъ лошадь. Кабинетъ Веревкина былъ обставленъ, какъ всякій адвокатскій кабинетъ: мебель во вкусѣ трактирной роскоши, голыя красавицы на стѣнахъ, медвѣжья шкура у письменнаго стола, пикантныя статуэтки изъ терракоты на столѣ и т. д. Нѣкоторое исключеніе представлялъ графинъ водки, поставленный, вмѣстѣ съ объѣдками балыка, на кругломъ столикѣ у самаго письменнаго стола. Разсматривая эту обстановку, Приваловъ думалъ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Васильемъ Назарычемъ. Къ Ляховскому въ тотъ день Приваловъ, конечно, не поѣхалъ, какъ и въ слѣдующій за нимъ. Ему было слишкомъ тяжело и безъ того. Въ теченіе трехъ дней у Привалова изъ головы не выходила одна мысль, мысль о томъ, что Надя уѣхала на Шатровскіе заводы. Ему страшно хотѣлось самому сейчасъ же уѣхать на заводы, но его задержала мысль, что это походило бы на погоню и могло поднять въ городѣ лишніе толки. Да и опекуновъ

необходимо было видѣть, чтобы явиться къ Костѣ не съ пустыми руками. Привaловъ остановился на Половодовѣ, потому что онъ былъ ближе къ Веревкину и отъ него удобно было получить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, прежде чѣмъ ѣхать къ Ляховскому.

— Водку пили?—спрашивалъ Веревкинъ, выставляя изъ-за ширмы свою кудрявую голову.—Вотъ тутъ графинъ стоитъ... Одолжайтесь. У меня сегодня какая-то жажда...

— Благодарю,—отозвался Привaловъ.

Въ это время дверь въ кабинетъ осторожно отворилась, и на порогѣ показался высокій, худой старикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ; замѣтивъ Привaлова, старикъ хотѣлъ скрыться, но его остановилъ голосъ Веревкина:

— Это ты, папахенъ?.. Здѣсь свои... Сергѣй Александрычъ, рекомендую: мой родитель, развинтился плотію, но необыкновенно бодръ духомъ. Вообще молодецъ старичина... Водки хочешь, папахенъ?

— Очень и очень пріятно,—немного хриплымъ голосомъ проговорилъ Иванъ Яковличъ, нерѣшительно пожимая руку Привaлова своей длинной, женскаго склада рукой.—Весь городъ говоритъ о вашемъ пріѣздѣ,—прибавилъ Иванъ Яковличъ, продолжая пожимать руку Привaлова.—Очень и очень пріятно...

Длинная, тощая фигура Ивана Яковлича, съ согнутой спиной и тонкими ногами, не давала никакихъ основаній предположить, что Nicolas Веревкинъ былъ кость отъ костей, плоть отъ плоти именно такой подвижнической фигуры. Небольшая головка была украшена самою почтенною лысиною, точно всѣ волосы на макушкѣ были вылизаны коровой или другимъ какимъ животнымъ, обладающимъ не менѣе широкимъ и длиннымъ языкомъ; эта оригинальная головка была насажена на длинную жилистую шею съ рѣзко выдававшимся кадыкомъ, точно горло было завязано узломъ. Неправильный носъ, густыя брови, выцвѣтшіе сѣрые глаза и жиденькія баки придавали физіономіи Ивана Яковлича такое выраженіе, какъ будто онъ постоянно къ чему-то прислушивался. Одѣтъ онъ былъ въ длинный англійскаго покроя сюртукъ; на одной рукѣ оставалась не снятой палевая новенькая перчатка. Когда Веревкинъ показался наконецъ изъ-за ширмы въ свѣтло-желтой лѣтней парѣ изъ чечунчи, Иванъ Яковличъ сдѣлалъ озабоченное лицо и проговорилъ съ своей неопредѣленной улыбкой:

— А я было-зашелъ къ тебѣ, Nicolas, по одному дѣлу...

— Опять, видно, продулся?

Иванъ Яковличъ сдѣлалъ безпокойное движеніе плечами и покосился въ сторону Привaлова.

— Не безпокойся, папахенъ: Сергѣй Александрычъ вѣдь хорошо знаетъ, что у насъ съ тобой нѣтъ милліоновъ,—добродушно басилъ Nicolas, хлопая Ивана Яковлича по спинѣ.—Ну, опять продулся?

— Н...нѣтъ, то-есть нужно расквитаться съ однимъ старымъ карточнымъ долгомъ... Я думалъ...

— Ну, папахенъ, ты какъ разъ попалъ не въ линію: у меня на текущемъ счету всего одинъ трехрублевый билетъ... Возьми, пригодится на извозчика.

— Нѣтъ, я собственно не нуждаюсь, но этотъ Ломтевъ приталъ съ ножомъ къ горлу... На немъ иногда точно бѣсъ какой поѣдетъ, а между тѣмъ я ждалъ за нимъ гораздо дольше.

— Да, да, папахенъ; мы съ тобой вообще много страдаемъ отъ людской несправедливости... Такъ ты водки не хочешь, папахенъ?

Иванъ Яковличъ великодушно отказался и отъ водки и отъ трехрублеваго билета и удалился изъ кабинета такими же неслышными шагами, какъ вошелъ; Веревкинъ выпилъ рюмку водки и добродушно проговорилъ:

— Отличный старичина, только вотъ страстишка къ картишкамъ всѣ животы подводитъ. Ну что, новенькаго ничего нѣтъ? А мы съ вами сегодня сдѣлаемъ нѣкоторую экскурсію: перехватимъ сначала кофеевъ у мутерхенъ, а потомъ закатимся къ Половодову обѣдать. Онъ, собственно, отличный парень, хоть и вретъ любую половину.

III.

Приваловъ ожидалъ обѣщаннаго разговора о своемъ дѣлѣ и той „таинственной нити", на которую намекалъ Веревкинъ въ свой первый визитъ, но, вмѣсто разговора о нити, Веревкинъ схватилъ теперь Привалова подъ руку и потащилъ уже въ знакомую намъ гостиную. Агриппина Филипьевна встрѣтила Привалова съ аристократической простотой, какъ владѣтельная герцогиня, и съ первыхъ же словъ подарила полдюжиной самыхъ любезныхъ улыбокъ, какія только сохранились въ ея репертуарѣ.

— Мы, мутерхенъ, насчетъ кофеевъ,—объяснилъ Nicolas, грузно опускаясь въ кресло.

Агриппина Филипьевна посмотрѣла на своего любимца и потомъ перевела свой взглядъ на Привалова съ тѣмъ выраженіемъ, которое говорило: „Вы ужъ извините, Сергѣй Александрычъ, что Nicolas иногда позволяетъ себѣ такія выраженія..." Въ нѣсколькихъ словахъ она дала замѣтить Привалову, что уже кое-что слышала о немъ и что очень рада видѣть его у себя; потомъ сказала два слова о Петербургѣ, съ улыбкой сожалѣнія отозвалась объ Узлѣ, который, по ея словамъ, былъ уже на пути къ извѣстности, не въ примѣръ другимъ уѣзднымъ городамъ. Приваловъ отвѣчалъ то, что отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ, т.-е. спѣшилъ согласиться съ Агриппиной Филипьевной, порывался вставить свое слово и одобрительно-почтительно мычалъ. Въ заключеніе онъ не могъ не почувствовать, что находится въ самыхъ нѣдрахъ узловскаго beau monde'a, и что Агриппина Филипьевна—дама съ необыкновенно изящными, аристократическими манерами. Агриппина Филипьевна, съ своей стороны, вывела такое заключеніе, что хотя Приваловъ на видъ немного мужиковатъ, но относительно вопроса, будетъ или не будетъ онъ имѣть успѣхъ у женщинъ, пока ничего нельзя сказать рѣшительно.

Этотъ интересный разговоръ, походившій на испытаніе Привалова по всѣмъ пунктамъ, былъ прерванъ восклицаніемъ Nicolas:

— А вотъ и дядюшка!..

Въ дверяхъ гостиной, куда оглянулся Приваловъ, стоялъ не одинъ дядюшка, а еще высокая, худощавая дѣвушка, которая смотрѣла на Привалова кокетливо прищуренными глазами. „Вѣроятно, это и есть барышня съ секретомъ",—подумалъ Приваловъ, разсматривая теперь малороссійскій костюмъ Аллы. Дядюшка Оскаръ Филипычъ принадлежалъ къ тому типу молодящихся старичковъ, которые постоянно улыбаются самымъ сладкимъ образомъ, ходятъ маленькими шажками, въ качествѣ старыхъ холостяковъ любятъ дамское общество и непремѣнно имѣютъ какую-нибудь странность: одинъ боится мышей, другой не выноситъ какихъ-нибудь духовъ, третій цѣлую жизнь подбираетъ коллекцію тросточекъ разныхъ историческихъ эпохъ и т. д. Оскаръ Филипычъ, какъ мы уже знаемъ, любилъ удить рыбу и сейчасъ только вернулся съ Аллой откуда-то съ облюбованнаго мѣстечка на р. Узловкѣ, такъ

что не успѣлъ еще снять съ себя своего лѣтняго парусиноваго пальто и держалъ въ рукахъ широкополую соломенную шляпу. Приваловъ пожалъ маленькую руку дядюшки, который чуть не растаялъ отъ удовольствія и нѣсколько разъ повторилъ:

— Да, да... я слышалъ о вашемъ пріѣздѣ... да!..

— Моя вторая дочь, Алла,—нѣвуче протянула Агриппина Филипьевна, когда дядюшка помѣстился со своими улыбками на диванѣ.

Приваловъ раскланялся, Алла ограничилась легкимъ кивкомъ головы и заняла мѣсто около мамаши. Агриппина Филипьевна заставила Аллу разсказать о нынѣшней рыбной ловлѣ, что̀ послѣдняя и выполнила съ большимъ искусствомъ, т.-е. слегка картавымъ выговоромъ передала нѣсколько смѣшныхъ сценъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ дядюшка. Появилось кофе въ серебряномъ кофейникѣ, а за нимъ вышла красивая мамка въ голубомъ кокошникѣ съ маленькимъ Вадимомъ на рукахъ.

— Обратите вниманіе, Сергѣй Александрычъ, на это произведеніе природы,—говорилъ Nicolas, принимая Вадима къ себѣ на руки.—Вѣдь это мой братъ Вадишка...

— Ахъ, Nicolas,—кокетливо отозвалась Агриппина Филипьевна:—ты всегда скажешь что-нибудь такое...

— Я, кажется, ничего *такого* не сказалъ, мутерхенъ,—оправдывался Nicolas, высоко подбрасывая кверху „произведеніе природы“:—имѣть младшихъ братьевъ въ природѣ вещей...

— О, совершенно въ природѣ!—согласился дядюшка, поглаживая свое круглое и пухлое, какъ у танцовщицы, колѣно.—Я зналъ одну очень почтенную даму, которая...

Публика, собравшаяся въ гостиной Агриппины Филипьевны, такъ и не узнала, что̀ сдѣлала „одна очень почтенная дама“, потому что разсказъ дядюшки былъ прерванъ какимъ-то шумомъ и сильной возней въ передней. Приваловъ разслышалъ голосъ Хіонiи Алексѣевны, прерываемый чьимъ-то хриплымъ голосомъ.

— Ахъ, это Аника Панкратычъ Лепешкинъ, золотопромышленникъ,—предупредила Привалова Агриппина Филипьевна и величественно поплыла навстрѣчу входившей Хіонiи Алексѣевны. Дамы, конечно, громко расцѣловались, но были неожиданно разлучены сѣдой толстой головой, которая фамильярно прильнула губами къ плечу хозяйки.

— Какъ вы меня испугали, Аника Панкратычъ...

— Не укушу, Агриппина Филипьевна, матушка,—хриплымъ голосомъ заговорилъ сѣдой, толстый, какъ бочка, старикъ, хлопая Агриппину Филипьевну все съ той же фамильярностью по плечу. Одѣтъ онъ былъ въ бархатную поддевку и ситцевую рубашку-косоворотку; суконныя шаровары были заправлены въ сапоги съ голенищами бутылкой.—Охъ, уморился, отцы!—проговорилъ онъ, взмахивая короткой толстой рукой съ отекшими красными пальцами, смотрѣвшими врозь.

Кивнувъ головой Привалову, Хіонiя Алексѣевна уже обнимала Аллу, шепнувъ ей мимоходомъ:—„Какъ вы сегодня интересны, mon ange...“ Лепешкинъ, какъ шаръ, подкатился къ столу. Агриппина Филипьевна отрекомендовала его Привалову.

— А мы тятеньку вашего, покойничка, знавали даже очень хорошо,—говорилъ Лепешкинъ, обращаясь къ Привалову.—Первѣющій человѣкъ по нашимъ мѣстамъ былъ... Да-съ. Нонче такихъ и людей, почитай, нѣтъ... Малодушный народъ пошелъ нонче. А мы и о васъ наслышаны были, Сер-

гѣй Александрычъ. Хоть и въ лѣсу живемъ, а когда въ городѣ дрова рубятъ—и къ намъ щепки летятъ.

Лепешкинъ приложилъ свое вспотѣвшее, опухшее лицо къ ручкѣ Аллы, поздоровался съ дядюшкой, хлопнувъ его своей пятерней по колѣнку, и проговорилъ, грузно опускаясь въ кресло:

— Охъ, изморился я, отцы... Жарынь!.. Кваску бы испить, Аграфена Филипьевна!..

— А ты ступай въ кабинетъ ко мнѣ,—предлагалъ Nicolas.—Тамъ найдешь, чѣмъ червячка заморить.

— Нно-о?.. И безногаго щенка подковать можно?

— Конечно, можно.

— А вотъ, мы ужо съ его преподобіемъ...—проговорилъ Лепешкинъ, поднимаясь навстрѣчу подходившему на своихъ тоненькихъ ножкахъ Ивану Яковличу.—Старичку наше почтеніе...

— Пойдемъ, пойдемъ,—отвѣчалъ Иванъ Яковличъ, подхватывая Лепешкина подъ руку; рядомъ они очень походили на цифру десять.

— Какой забавный этотъ Аника Панкратычъ,—проговорила Агриппина Филипьевна, когда цифра десять скрылась въ дверяхъ.—Алла, принеси Аникѣ Панкратычу квасу,—прибавила она.—Онъ такъ всегда балуетъ тебя.

— Вѣдь Лепешкинъ очень уменъ,—вставила свое слово Хіонія Алексѣевна. — Онъ только прикидывается такимъ простачкомъ... Простой мужикъ—и нажилъ сто тысячъ. Да, очень, очень уменъ!

Въ это время въ кабинетѣ Nicolas происходила такая сцена:

— Голубчикъ, Аника Панкратычъ, выручи,—умолялъ Иванъ Яковличъ, загнавъ Лепешкина въ самый уголъ.—Дай мнѣ, душечка, всего двѣсти рублей... Вѣдь пустяки: всего двѣсти рублей!.. Я тебѣ ихъ черезъ недѣлю отдамъ.

— Знаемъ мы вашу недѣлю, ваше преподобіе,—грубо отвѣчалъ Лепешкинъ, вытирая свое сыромятное лицо клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ.—Больно она у тебя долга, Иванъ Яковличъ, твоя недѣля-то...

— Хочешь, на колѣни передъ тобой стану—только выручи...

— А ты какъ полагаешь: у меня для вашего брата въ родѣ какъ монетный дворъ налаженъ?

— Голубчикъ, Аника Панкратычъ, не ломайся... Вѣдь всего двѣсти рублей!!.. Хочешь, сейчасъ вексель въ четыреста рублей подпишу?

— Нѣтъ, зачѣмъ пустое говорить... Мнѣ все едино, что твой вексель, что прошлогодній снѣгъ! Ужъ ты, какъ ни на есть, лучше безъ меня обойдись...

— Ахъ, старый чортъ!.. — застоналъ Иванъ Яковличъ, схватившись за голову.—Вѣдь всего двѣсти рублей... ломается...

— Да на что тебѣ деньги-то?

— Ахъ, Господи, Господи! Помнишь ирбитскихъ купцовъ, съ которыми въ „Магнитѣ“ кутили? Ну, сегодня они будутъ у Ломтева... Понимаешь?

— Какъ не понять!.. Даже оченно хорошо понимаю. Обыграете хоть кого...

— Отчего же денегъ не даешь?

— Жаль... Актрысамъ свезешь.

— Аника Панкратычъ, голубчикъ!..—умолялъ Иванъ Яковличъ, опускаясь передъ Лепешкинымъ на колѣни. — Ей-Богу, даже въ театръ не загляну! Цѣлую ночь сегодня будемъ играть. У меня теперь голова свѣжая.

— На что свѣжѣе, коли денегъ нѣтъ. Это завсегда такъ бываетъ съ вашимъ братомъ.

— Зарываться не буду и непремѣнно выиграю. Ты только одно пойми:

ирбитскіе купцы... Вѣдь такого случая нескоро дождешься!.. Да мы съ Лонтовымъ такъ ихъ острижемъ...

— Знаю, что острижете,—грубо проговорилъ Лепешкинъ, вынимая толстый бумажникъ. — Вѣдь у тебя голова-то, Иванъ Яковличъ, золотая, прямо сказать, кабы не дыра въ ней... Не стоялъ бы ты на колѣняхъ передъ мужикомъ, ежели бы этихъ своихъ глупостевъ съ женскимъ поломъ не выкидывалъ. Да... Вотъ тебѣ деньги, и чтобы завтра онѣ у меня на столѣ лежали. Вотъ тебѣ мой сказъ, а векселей твоихъ даромъ не надо,—все равно на подтопку уйдутъ.

Иванъ Яковличъ ничего не отвѣчалъ на это правоученіе и небрежно сунулъ деньги въ боковой карманъ, вмѣстѣ съ шелковымъ носовымъ платкомъ. Черезъ десять минутъ эти почтенные люди вернулись въ гостиную, какъ ни въ чемъ не бывало. Алла подала Лепешкину стаканъ квасу прямо изъ рукъ, причемъ одинъ рукавъ сбился и открылъ бѣлую, какъ слоновая кость, руку по самый локоть съ розовыми ямочками; хитрый старикъ только прищурилъ свои узкіе, заплывшіе глаза и проговорилъ, принимая стаканъ:

— Вотъ ужъ что хорошо, такъ хорошо... люблю!.. Уважила барышня старика... И рубашечка о семи шелкахъ, и сарафанчикъ растегайчикъ, и квасокъ изъ собственныхъ ручекъ... люблю за хорошій обычай!..

Приваловъ еще разъ имѣлъ удовольствіе выслушать исторію о томъ, какъ необходимо молодымъ людямъ имѣть извѣстныя удовольствія и что эти удовольствія можно получить только въ Общественномъ клубѣ, а отнюдь не въ Благородномъ собраніи. Было разсказано нѣсколько анекдотовъ о членахъ Благороднаго собранія, которые отъ скуки получаютъ морскую болѣзнь. Хіонія Алексѣевна ввернула словечко о „гордецѣ“ и Ляховскомъ, которые, конечно, очень богатые люди и т. д. Этотъ бѣглый разговоръ необыкновенно оживился, когда тема незамѣтно скользнула на узловскихъ невѣстъ.

— Какое прекрасное семейство Бахаревыхъ,—сладко закатывая глаза, говорила Хіонія Алексѣевна:—не правда ли, Сергѣй Александрычъ?

— О, да,—протянула Агриппина Филипьевна съ приличной важностью.— Nadine Бахарева и Sophie Ляховская у насъ первыя красавицы... Да. Вы не видали Sophie Ляховской? Замѣчательно красивая дѣвушка... Конечно, она не такъ умна, какъ Nadine Бахарева, но въ ней есть что-то такое, совершенно особенное. Да вотъ сами увидите.

— Вѣдь Nadine Бахарева уѣхала на Шатровскій заводъ, — сообщила Хіонія Алексѣевна, не глядя на Привалова.—Она ведетъ все хозяйство у брата... Очень, очень образованная дѣвушка.

— Она, кажется, училась у доктора Сараева?—спрашивала Агриппина Филипьевна.

— О, да... Вмѣстѣ съ Sophie Ляховской. Сначала онѣ занимались у доктора, потомъ у Лоскутова.

— Скажите...—протянула Агриппина Филипьевна.—А вѣдь я до сихъ поръ еще не знала объ этомъ.

— Да, да... Лоскутовъ и теперь постоянно бываетъ у Ляховскихъ. Говорятъ, что замѣчательный человѣкъ: говоритъ на пяти языкахъ, объѣздилъ всю Россію, былъ въ Америкѣ...

— Ну, теперь дѣло дошло до невѣстъ, слѣдовательно намъ пора въ путь,—заговорилъ Nicolas, поднимаясь. — Мутерхенъ, ты извинишь насъ, мы къ славянофилу завернемъ... До свиданія, Хіонія Алексѣевна. Мы съ Аникой Панкратычемъ осенью поступаемъ въ вашъ пансіонъ для усовершенствованія во французскихъ діалектахъ... Не правда ли?

На прощанье Агриппина Филипьевна даже съ нѣкоторой грустью дала замѣтить Привалову, что она, бѣдная провинціалка, конечно, не разсчитываетъ на слѣдующій визитъ дорогого гостя, тѣмъ болѣе, что и въ этотъ успѣла наскучить, вѣроятно, до послѣдней степени; она, конечно, не смѣетъ даже предложить столичному гостю завернуть какъ-нибудь на одинъ изъ ея четверговъ.

— Нѣтъ, я непремѣнно буду у васъ, Агриппина Филипьевна —увѣрялъ Приваловъ, совершенно подавленный этимъ потокомъ любезностей:—въ ближайшій же четвергъ, если позволите...

— Онъ непремѣнно придетъ, мутерхенъ, — увѣрялъ Nicolas.—Мы тутъ даже сочинимъ нѣчто по части зеленаго поля...

„Отчего же не прійти? — думалъ Приваловъ, спускаясь по лѣстницѣ.— Агриппина Филипьевна, кажется, такая почтенная дама...“

Когда дверь затворилась за Приваловымъ и Nicolas, въ гостиной Агриппины Филипьевны нѣсколько секундъ стояло гробовое молчаніе. Всѣ думали объ одномъ и томъ же—о приваловскихъ милліонахъ, которые сейчасъ вотъ были здѣсь, сидѣли вотъ на этомъ самомъ креслѣ, пили кофе изъ этого стакана, и теперь ничего не осталось... Дядюшка, вытянувъ шею, внимательно осмотрѣлъ кресло, на которомъ сидѣлъ Приваловъ, и даже пощупалъ сидѣнье, точно на немъ могли остаться слѣды приваловскихъ милліоновъ.

— Ахъ, ѣшь его мухи съ комарами!—проговорилъ Лепешкинъ, нарушая овладѣвшее всѣми раздумье.—Четыре милліона наслѣдства заполучилъ... а?.. Намъ бы хоть понюхать такихъ деньжищъ... Такъ, Оскаръ Филипычъ?

— О, да... совершенно вѣрно: хоть бы понюхать,—сладко согласился дядюшка, складывая мягкимъ движеніемъ одну ножку на другую.—Очень богатые люди бываютъ...

— Вотъ бы намъ съ тобой, Иванъ Яковличъ, такую уйму денегъ... а?—говорилъ Лепешкинъ.—Вѣдь такую обѣдню отслужили бы, что чертямъ тошно...

Иванъ Яковличъ ничего не отвѣчалъ, а только посмотрѣлъ на дверь, въ которую вышелъ Приваловъ. „Эхъ, хоть бы частичку такого капитала получить въ наслѣдству,—скромно подумалъ этотъ благочестивый человѣкъ, но сейчасъ же опомнился и мысленно прибавилъ: — нѣтъ, ужъ лучше такъ: все равно отобрали бы хористки да арфистки, да Марья Митревна, да та рыженькая... Ахъ, чортъ ее возьми, эту рыженькую!.. Препикантная штучка!..“

IV.

На подъѣздѣ Веревкина обступили тѣ самые мужики, которыхъ видѣлъ давеча Приваловъ. Они были попрежному безъ шапокъ, а кривой мужикъ прямо бухнулъ Веревкину въ ноги, умоляя „ослобонить“.

— Завтра, завтра... Видите, что сегодня мнѣ некогда!—говорилъ Веревкинъ, помогая Привалову сѣсть въ свою довольно подержаную пролетку, заложенную парой соловыхъ вятокъ на отлетъ. — Завтра, братцы...

— Миколай Иванычъ, заставь вѣчно Бога молить!..—громче всѣхъ кричалъ кривой мужикъ, бросая свою рваную шапку оземь.—Изморились... Ослобони, Миколай Иванычъ!

— Не угодно ли вамъ въ мою кожу влѣзть: пристали, какъ съ ножомъ къ горлу,—объяснялъ Веревкинъ, когда пролетка бойко покатилась по широкой Мучной улицѣ, выходившей къ монастырю.—Все это мои кліенты,—проговорилъ Веревкинъ, кивая головой на тянувшіяся по сторонамъ лавки узлов-

скихъ мучниковъ.—Вы не смотрите, что на видъ вся лавчонка трехъ рублей не стоитъ: вонъ на этихъ мѣшкахъ да на ларяхъ такіе куши рвутъ, что мое почтеніе. Войдешь въ такую лавчонку, право, даже смотрѣть нечего: десятокъ мѣшковъ съ мукой, въ ларяхъ на донышкѣ овесъ, просо, горохъ, какая-нибудь крупа—кажется, дюжины мышей не накормишь...

Пролетка остановилась у подъѣзда низенькаго деревяннаго дома въ одинъ этажъ, съ высокой крышей и рѣзнымъ конькомъ. Это и былъ домъ Половодова. Фронтонъ, окна, подъѣздъ и ворота были покрыты мелкой рѣзьбой въ русскомъ вкусѣ и раскрашены подъ дубъ. Небольшая терраса, выходившая въ садъ, походила на акваріумъ, изъ котораго выпущена вода. Въ небольшія окна съ зеркальными стеклами смотрѣли широкіе, лапчатые листья филодендроновъ, камеліи, пальмы, араукаріи. На дворѣ виднѣлось длинное бревенчатое зданіе съ стеклянной крышей,—не то оранжерея, не то фотографія или театръ; тѣнистый садикъ изъ липъ, черемухъ, акацій и сиреней выходилъ прямо къ Узловкѣ, гдѣ мелькали и „китайскія бесѣдки въ русскомъ вкусѣ“, и цвѣточныя клумбы, и зеркальный шаръ, и даже небольшой фонтанъ съ русалкой изъ бѣлаго мрамора. Вообще домикъ былъ устроенъ съ большимъ вкусомъ и былъ тѣмъ, что̀ называется полная чаша. Отъ ручки звонка до послѣдняго гвоздя все въ домѣ было пригнано подъ русскій вкусъ и только не кричало о томъ, какъ хорошо жить въ этомъ деревянномъ уютномъ гнѣздышкѣ. Послѣ двусмысленной роскоши пріемной Агриппины Филипьевны, глазъ невольно отдыхалъ здѣсь на каждой вещи, и гостя сейчасъ за порогомъ подъѣзда охватывала атмосфера настоящаго богатства. Привалову мимоходомъ прочиталъ вырѣзанную надъ дверями гостиной славянскою вязью пословицу: „Не имѣй ста рублей, имѣй сто друзей“.

— Это даже изъ ариѳметики очень хорошо извѣстно,—комментировалъ эту пословицу Веревкинъ, вылѣзая при помощи слуги самой внушительной наружности изъ своего балахона.—Ибо сто рублей не велики деньги, а у сотни друзей по четвертной занять—и то немалая прибыль.

— Александръ Павлычъ сейчасъ принимаетъ ванну, — докладывалъ лакей.

— Ну, такъ доложи хозяйкѣ, что такъ и такъ, молъ, гости,—распоряжался Веревкинъ, какъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ихъ нѣтъ дома...

— Вотъ это такъ мило: хозяинъ сидитъ въ ваннѣ, хозяйки нѣтъ дома...

— Нѣтъ, нѣтъ, я здѣсь...—послышался пріятный грудной баритонъ, и на порогѣ гостиной показался высокій худой господинъ, одѣтый въ лѣтнюю сѣрую пару. — Если не ошибаюсь, — прибавилъ онъ нараспѣвъ, прищуривъ немного свои подслѣповатые, иззелена-сѣрые глаза:—я имѣю удовольствіе видѣть Сергѣя Александрыча?

— Ну, теперь начнется десять тысячъ китайскихъ церемоній,—проворчалъ Веревкинъ, пока Половодовъ жалъ руку Привалова и ласково заглядывалъ ему въ глаза: — „Ясньйшій братъ солнца... прозрачная лазурь неба...“ Послушай, Александръ, я задыхаюсь отъ жары; веди насъ скорѣе куда-нибудь въ мѣсто не столь отдаленное, но прохладное, и прикажи своему отроку подать чего-нибудь прохладительнаго... У меня сегодня удивительная жажда... Ну, да ужъ я самъ распоряжусь. Эй, хлопче, очищенной на террасу и закусить чего-нибудь соленькаго!.. Сергѣй Александрычъ, идите за мной.

Ходъ на террасу былъ черезъ столовую, отдѣланную подъ старый темный дубъ, съ изразцовой печью, расписнымъ, пестрымъ, какъ хромотропъ, потолкомъ, съ нѣсколькими рѣзными поставцами изъ такого же темнаго дуба.

Посрединѣ стоялъ длинный дубовый столъ, покрытый суровой камчатной скатертью съ широкой каймой изъ синихъ и красныхъ пѣтуховъ. Надъ дверями столовой было вырѣзано неизмѣнной славянской вязью: „Не красна изба углами, а красна пирогами", на одномъ поставцѣ красовались слова: „И курица пьетъ". Приваловъ искоса разглядывалъ хозяина, который шагалъ рядомъ и одной рукой осторожно поддерживалъ его за локоть, какъ лунатика. На первый разъ Привалову хозяинъ показался сѣрымъ: и лицо сѣрое, и глаза, и волосы, и костюмъ,—и рѣшительно все сѣрое. Дальше онъ замѣтилъ, что нижняя челюсть Половодова была особенно развита; французскіе анатомы называютъ такія челюсти калошами. Когда всѣ вышли на террасу и размѣстились около круглаго маленькаго столика, на зеленыхъ садовыхъ креслахъ, Приваловъ, взглянувъ на длинную, нескладную фигуру Половодова, подумалъ: „экъ его, точно сейчасъ гдѣ-то висѣлъ на гвоздѣ". Вытянутое, безжизненное лицо Половодова едва было тронуто жиденькой растительностью песочнаго цвѣта; широко раскрытые глаза смотрѣли напряженнымъ, остановившимся взглядомъ, а широкія чувственныя губы и крѣпкіе бѣлые зубы придавали лицу жесткое и, на первый разъ, непріятное выраженіе. Но, когда Половодовъ начиналъ говорить своимъ богатымъ груднымъ баритономъ, не хотѣлось вѣрить, что это говоритъ именно онъ, а казалось, что за его спиной говоритъ кто-то другой.

— Сюда, сюда...—командовалъ Веревкинъ лакею, когда тотъ появился съ двумя подносами въ рукахъ: — кружки барину, а намъ, съ Сергѣемъ Александрычемъ, графинчикъ...

— Нѣтъ, я не буду пить водку,—протестовалъ Приваловъ.

— Давеча отказались и теперь не хотите компанію поддержать?—вытаращивъ свои оловянные глаза, спрашивалъ Веревкинъ.

— Nicolas, кто же пьетъ теперь водку?—вступился Половодовъ, придвигая Привалову какую-то кружку самой необыкновенной формы.—Вотъ, Сергѣй Александрычъ, попробуйте лучше кваску домашняго приготовленія...

— Нужно сначала сказать: „чуръ меня", а потомъ ужъ пить твой квасъ,—шутилъ Веревкинъ, опрокидывая въ свою пасть рюмку очищенной.

Приваловъ съ удовольствіемъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ изъ своей кружки,—квасъ былъ великолѣпенъ: пахучая струя княженики такъ и ударила его въ носъ, а на языкѣ остался пріятный вяжущій вкусъ, какъ отъ хорошаго шампанскаго.

— Я такъ радъ видѣть васъ наконецъ, Сергѣй Александрычъ, — говорилъ Половодовъ, вытягивая подъ столомъ свои длинныя ноги.—Только надолго ли вы останетесь съ нами?

— Если обстоятельства не помѣшаютъ, думаю остаться совсѣмъ,—отвѣтилъ Приваловъ.

— Вотъ и отлично: было бы желаніе, а обстоятельства мы повернемъ по-своему. Не такъ ли? Жить въ столицѣ въ наше время просто грѣшно. Провинція нуждается въ людяхъ, особенно въ людяхъ съ серьезнымъ образованіемъ.

— Ну, теперь запѣлъ Лазаря,—замѣтилъ про себя Веревкинъ.—То-то обрадуете эту провинцію всесословной волостью, мекленбургскими порядками да поземельной аристократіей...

— Я никому не навязываю своихъ убѣжденій, — обиженнымъ голосомъ проговорилъ Половодовъ. — Можно не соглашаться съ чужими мнѣніями и, вмѣстѣ, уважать ихъ... Вотъ если у кого нѣтъ совсѣмъ мнѣній...

— Если это ты въ мой огородъ мѣтишь,—напрасный трудъ, Александръ... Все равно, что̀ изъ пушки по воробью палить... Ха-ха!..

— У насъ всякое дѣло такъ идетъ,—полузакрывъ глаза и подчеркивая слова, проговорилъ Половодовъ.—На все махнемъ рукой—и хороши, а чуть кто-нибудь что-нибудь задумаетъ сдѣлать—подымемъ на смѣхъ. Я въ этомъ случаѣ уважаю одно желаніе что-нибудь сдѣлать, а что̀ сдѣлаетъ человѣкъ и какъ сдѣлаетъ—это совсѣмъ другой вопросъ. Недалеко ходить: взять славянофильство—кто не глумится? А вѣдь согласитесь, Сергѣй Александрычъ, въ славянофильствѣ, за вычетомъ неизбѣжныхъ увлеченій и крайностей въ каждомъ новомъ дѣлѣ, есть, несомнѣнно, хорошія стороны, извѣстный саморостъ, зиждительная сила народнаго самосознанія...

— Ну, теперь пошелъ конопатить,—проговорилъ Веревкинъ и сейчасъ же передразнилъ Половодова:—„Тоска по русской правдѣ... тайники народной жизни...“ Ха-ха!..

— Мнѣ не нравится въ славянофильствѣ ученіе о національной исключительности,—замѣтилъ Привaловъ.—Русскій человѣкъ, какъ мнѣ кажется, по своей славянской природѣ, чуждъ такого духа, а, наоборотъ, онъ всегда страдалъ излишней наклонностью къ сближенію съ другими народами и къ слѣпому подражанію чужимъ обычаямъ... Да это и понятно, если взять нашу исторію, которая есть длинный путь ассимиляціи десятковъ другихъ народностей. Навязывать народу то, чего у него нѣтъ,—и безцѣльно и несправедливо.

— А примѣръ другихъ націй? Вѣдь у насъ подъ носомъ объединились Италія и Германія, а теперь очередь за славянскимъ племенемъ.

— Славянофилы здѣсь впадаютъ въ противорѣчіе,—замѣтилъ Привaловъ:—потому что становятся на чужую точку зрѣнія и этимъ какъ бы отказываются отъ собственныхъ взглядовъ.

— Вотъ это хорошо сказано... Ха-ха!—заливался Веревкинъ, опрокидывая голову назадъ.—Ну, Александръ, твои курсы упали...

Половодовъ только посмотрѣлъ своимъ остановившимся взглядомъ на Привaлова и беззвучно пожевалъ губами. „О, да онъ не такъ глупъ, какъ говоритъ Ляховскій“,—подумалъ онъ, собираясь съ мыслями и нетерпѣливо барабаня длинными бѣлыми пальцами по своей кружкѣ.

V.

— Тонечка, голубчикъ, ты спасла меня, какъ Даніила, сидящаго во рву львиномъ!—закричалъ Веревкинъ, когда въ дверяхъ столовой показалась высокая, полная женщина въ лѣтней соломенной шляпѣ и въ травянистаго цвѣта платьѣ.—Представь себѣ, Тонечка, твой благовѣрный сцѣпился съ Сергѣемъ Александрычемъ, и теперь душатъ другъ друга такой ученостью, что у меня чуть очи изо лба не повылѣзли...

— Тонечка, представляю тебѣ нашего дорогого гостя,—рекомендовалъ Половодовъ своей женѣ Привaлова.

Антонида Ивановна была красива какой-то лѣнивой красотой, разлитой по всей ея статной, высокой фигурѣ. Въ ней все было красиво: и небольшой бѣлый лобъ съ шелковыми прядями мягкихъ русыхъ волосъ, и бѣлый, дѣтски-пухлый подбородокъ, неглубокой складкой, какъ у полныхъ дѣтей, упиравшійся въ бѣлую, точно выточенную шею съ коротенькими золотистыми волосами на крѣпкомъ кругломъ затылкѣ, и даже та странная лѣнь, которая лежала, кажется, въ каждой складкѣ платья, связывала всѣ движенія и едва теплилась

въ медленномъ взглядѣ красивыхъ свѣтло-карихъ глазъ. Лѣтомъ Антонида Ивановна чувствовала себя самой несчастной женщиной въ свѣтѣ, потому что ей рѣшительно вездѣ было жарко, а платье непремѣнно гдѣ-нибудь жало. Nicolas объяснялъ это наслѣдственностью, потому что въ крови Веревкиныхъ пылалъ вѣчный жаръ, порождавшій вѣчную жажду.

— Я, кажется, помѣшала вамъ?.. — нерѣшительно проговорила Антонида Ивановна, продолжая оставаться на прежнемъ мѣстѣ, причемъ вся ея стройная фигура эффектно вырѣзывалась на темномъ пространствѣ дверей.— Мнѣ maman говорила о Сергѣѣ Александрычѣ, — прибавила она, поправляя на рукѣ шведскую перчатку.

Приваловъ смотрѣлъ на нее вопросительнымъ взглядомъ и осторожно положилъ свою лѣвую руку на правую, — на ней еще оставалась теплота отъ руки Антониды Ивановны. Онъ почувствовалъ эту теплоту во всемъ тѣлѣ и рѣшительно не зналъ, что сказать хозяйкѣ, которая продолжала ровно и спокойно разсказывать что-то о своей maman и дядюшкѣ.

— Тонечка, покорми насъ чѣмъ-нибудь!..—умолялъ Веревкинъ, смѣшно поднимая брови.—Вѣдь пятый часъ на дворѣ... Да, кстати, вели подавать ужъ прямо сюда,—отлично закусимъ подъ сѣнью струй. Понимаешь?

Антонида Ивановна молча улыбнулась той же улыбкой, съ какой относилась всегда Агриппина Филипьевна къ своему Nicolas, и, кивнувъ слегка головой, скрылась въ дверяхъ. „Она очень походитъ на мать“,—подумалъ Приваловъ. Половодовъ рядомъ съ женой показался еще суше и безжизненнѣе, точно вяленая рыба.

Обѣдъ былъ хотя и обыкновенный, но все было приготовлено съ такимъ искусствомъ и съ такимъ глубокимъ знаніемъ человѣческаго желудка, что едва ли оставалось желать чего-нибудь лучшаго. Дѣйствіе открылось необыкновенно мудреной ботвиньей. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ желто-золотистаго цвѣта горькихъ настоекъ самыхъ удивительныхъ свойствъ и зеленоватая листовка, которая была chef-d'oeuvre въ своемъ родѣ. Все это пилось изъ маленькихъ чарочекъ граненаго богемскаго хрусталя съ вырѣзными виньетками изъ пословицъ: „Пьянъ, да уменъ—два угодья въ немъ“, „Пьянъ бывалъ, да ума не терялъ“. Сервировка была въ строгомъ соотвѣтствіи съ господствовавшимъ стилемъ: каймы на тарелкахъ, черенки ножей и вилокъ изъ дутаго серебра, суповая чашка въ формѣ старинной ендовы — все было подогнано подъ русскій вкусъ.

— Гдѣ-то у тебя, Тонечка, былъ тотъ ликерчикъ, — припрашивалъ Веревкинъ, сдѣлавъ честь настойкамъ и листовкѣ: — какъ выпьешь рюмочку, такъ въ головѣ столбы и заходятъ.

— Не все вдругъ, — проговорила Антонида Ивановна такимъ тономъ, какимъ отвѣчаютъ дѣтямъ, когда они просятъ достать имъ луну.

Веревкинъ только вздохнулъ и припалъ своимъ краснымъ лицомъ къ тарелкѣ. Послѣ ботвиньи Приваловъ чувствовалъ себя совсѣмъ сытымъ, а въ головѣ начинало что-то пріятно кружиться. Но Половодовъ время отъ времени вопросительно посматривалъ на дверь и весь просіялъ, когда наконецъ показался лакей съ круглымъ блюдомъ, таинственно прикрытымъ салфеткой. Принявъ блюдо, Половодовъ торжественно провозгласилъ, точно на блюдѣ лежалъ новорожденный:

— Господа, рекомендую... Фаршированный калачъ...

Фаршированный калачъ былъ послѣдней новостью и поэтому обратилъ на себя общее вниманіе. Онъ былъ великолѣпенъ: каждый кусокъ такъ и таялъ во рту. Теперь Половодовъ успокоился и весь отдался ѣдѣ. За кала-

чомъ слѣдовали рябчики, свѣжая олешина и еще много другого. Каждое блюдо имѣло само по себѣ глубокій внутренній смыслъ, и каждый кусокъ отправлялся въ желудокъ при такой торжественной обстановкѣ, точно совершалось какое-нибудь таинство. Нечего и говорить, конечно, что каждому блюду предшествовалъ и послѣдовалъ соотвѣтствующій сортъ вина, размѣръ рюмокъ, извѣстная температура, особые пріемы разливанія по рюмкамъ и самые мудреные способы проглатыванія. Одно вино отхлебывалось большими глотками, другое маленькими, третьимъ полоскали предварительно ротъ, четвертое дегустировали по каплямъ и т. д. Веревкинъ и Половодовъ смаковали каждый кусокъ, подолгу жевали губами и дѣлали совершенно безсмысленныя лица. Приваловъ замѣтилъ, съ какой энергіей работала нижняя челюсть Половодова, и невольно подумалъ:—„Экъ его взяло...“ Веревкинъ со свистомъ и шипѣньемъ обсасывалъ каждую кость и съ умиленіемъ вытиралъ лоснившіяся жирныя губы салфеткой.

„Вотъ такъ ѣдятъ! — еще разъ подумалъ Приваловъ, чувствуя, какъ рѣшительно былъ не въ состояніи проглотить больше ни одного куска. — Да это съ ума можно сойти...“

Антонида Ивановна нѣсколько разъ пристально разсматривала широкое и добродушное лицо Привалова и каждый разъ думала:—„Да онъ ничего, этотъ Приваловъ... Зачѣмъ это папаша говоритъ, что онъ не можетъ имѣть успѣха у женщинъ? Онъ, кажется, немного стѣсняется, но это пройдетъ“. Приваловъ чувствовалъ на себѣ этотъ пристальный взглядъ, обдававшій его теплом, и немного смутился. Разговоръ служилъ продолженіемъ той салонной болтовни, какая господствовала въ гостиной Агриппины Филипьевны. Перебирали послѣднія новости, о которыхъ Приваловъ уже слышалъ отъ Виктора Васильича, разсказывали о какомъ-то горномъ инженерѣ, который убѣжалъ на охотѣ отъ медвѣдя.

— Вы еще не были у Ляховскихъ? — спрашивала Антонида Ивановна, принимая отъ лакея точно молокомъ налитой рукой блюдо земляники.

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы отправиться къ Ляховскому вмѣстѣ съ Александромъ Павлычемъ,—отвѣчалъ Приваловъ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ, когда угодно,—отозвался Половодовъ, откидываясь на спинку своего кресла.

— Александръ Павлычъ всегда ѣздитъ къ Ляховскому съ большимъ удовольствіемъ, — замѣтила Антонида Ивановна.

— Такъ и зналъ, такъ и зналъ! — заговорилъ Веревкинъ, оставляя какую-то кость. — Не выдержало сердечко? Ахъ, эти дамы, эти дамы, — это такая тонкая матерія! Вы, Сергѣй Александрычъ, приготовляйтесь: „Sophie Ляховская—красавица, Sophie Ляховская—богатая невѣста“. Только и свѣту въ окнѣ, что Sophie Ляховская, а по мнѣ такъ, право, хоть совсѣмъ не будь ея: этакая жиденькая, субтильная... Однимъ словомъ—жидель!

Веревкинъ краснорѣчивымъ жестомъ добавилъ то, что языкъ затруднялся выразить.

— Я уже слышалъ, что Ляховская очень красивая дѣвушка,—замѣтилъ Приваловъ, улыбаясь.

— Всѣ наши мужчины отъ нея безъ ума,—серьезно отвѣтила Антонида Ивановна.

— Только, пожалуйста, Тонечка, не включай меня въ число этихъ „вашихъ мужчинъ“, — упрашивалъ Веревкинъ, отдуваясь и обмахивая лицо салфеткой.

Антонида Ивановна спокойнымъ тономъ проговорила.

— Я ничего не говорю про тебя, Nicolas. Sophie не обращаетъ на тебя никакого вниманія, вотъ ты и злишься...

— Ахъ, Господи!—взмолился Веревкинъ своимъ добродушнымъ басомъ.—Неужели ужъ я своей персоной такъ-таки и не представляю никакого интереса? Конечно, я во французскихъ діалектахъ не силенъ—винюсь, но не такой же я мѣшокъ, что порядочной дѣвушкѣ и полюбить меня нельзя...

— Дѣло не въ персонѣ, а въ томъ... да вотъ лучше спроси Александра Павлыча,— прибавила Антонида Ивановна.—Онъ, можетъ-быть, и откроетъ тебѣ секретъ, какъ понравиться m-lle Sophie.

— Ахъ, секретъ самый простой: не быть скучнымъ,—весело отвѣчалъ Половодовъ.—Когда мы съ вами будемъ у Ляховскаго, Сергѣй Александрычъ,—прибавилъ онъ,—я познакомлю васъ съ Софьей Игнатьевной... Очень милая дѣвушка! А такъ какъ она, вдобавокъ, еще очень умна, то наши дамы ненавидятъ ее и, кажется, только въ этомъ и согласны между собой.

— Меня уже обѣщалъ познакомить съ m-lle Ляховской Викторъ Васильичъ,—проговорилъ Приваловъ.

— Викторъ Васильичъ!? Ха-ха!..—заливался Половодовъ.—Да онъ теперь недѣли двѣ, какъ и глазъ не кажетъ къ Ляховскимъ. Проврался жестокимъ образомъ... Увѣрялъ Ляховскую, что будетъ издавать дѣтскій журналъ въ Узлѣ. Ха-ха!..

Обѣдъ кончился очень весело; но, когда были поданы бутылки съ лафитомъ и шамбертеномъ, Приваловъ отказался наотрѣзъ, что больше не будетъ пить вина. Веревкинъ дремалъ въ своемъ креслѣ, работая носомъ, какъ буксирный пароходъ. Половодовъ опять взялъ гостя за локоть и осторожно, какъ больного, провелъ въ свой кабинетъ—потолковать о дѣлѣ. Этотъ кабинетъ занималъ маленькую угловую комнату. Письменный столъ занималъ самую средину. Кругомъ него были разставлены мудреные стулья съ высокими рѣзными спинками и сидѣньемъ, обтянутымъ тисненымъ золотыми разводами краснымъ сафьяномъ. Половодовъ подвелъ гостя къ креслу такой необыкновенной формы, что Приваловъ просто не рѣшился на него сѣсть,—это было что-то въ родѣ тѣхъ горнихъ мѣстъ, на какія сажаютъ архіереевъ.

— Вотъ ваше дѣльце по опекѣ,—проговорилъ Половодовъ, тыкая пальцемъ на дубовый поставецъ въ углу.—Вѣдь надо же было случиться такому казусу... а?.. Братецъ-то вашъ задачу какую задалъ намъ всѣмъ? Мы просто голову потеряли съ Ляховскимъ. Титъ былъ въ послѣднее время въ пансіонѣ Гидемана, недалеко отъ Цюриха. Вдругъ телеграмма: „Титъ Приваловъ исчезъ неизвѣстно куда...“ Извольте теперь разыскивать его по всей Европѣ. Вотъ когда будемъ у Ляховскаго, тогда мы подробно обсудимъ, что предпринять, а пока, съ вашего позволенія, я познакомлю васъ въ общихъ чертахъ съ нашей опекой.

— Нельзя ли въ другой разъ, Александръ Павлычъ?—взмолился Приваловъ, чувствовавшій послѣ обѣда рѣшительную неспособность къ какому-нибудь дѣлу.

— Какъ хотите, Сергѣй Александрычъ. Впрочемъ, мы успѣемъ вдоволь потолковать объ опекѣ у Ляховскаго. Ну-съ, какъ вы нашли Василья Назарыча? Очень умный старикъ. Я его глубоко уважаю, хотя тогда по этой опекѣ у насъ вышло маленькое недоразумѣніе, и онъ, кажется, считаетъ меня причиной своего удаленія изъ числа опекуновъ. Надѣюсь, что, когда вы хорошенько познакомитесь съ ходомъ дѣла, вы разубѣдите упрямаго старика. Мнѣ самому это сдѣлать было неловко... Знаете, какъ-то неудобно навязываться со своими объясненіями.

— Василій Назарычъ, насколько я понялъ его, кажется, ничего не имѣетъ ни противъ васъ ни противъ Ляховскаго. Онъ говорилъ объ отчетѣ.

— Ахъ, да... Представьте себѣ, этотъ отчетъ просто все дѣло испортилъ, а между тѣмъ мы тутъ ни душой ни тѣломъ не виноваты: отчетъ составленъ и теперь гуляетъ въ опекунскомъ совѣтѣ второй годъ. Вѣдь неудобно увѣрять Василья Назарыча, что у насъ, кромѣ черновыхъ, ничего не осталось. Притомъ мы не обязаны представлять ему такихъ отчетовъ, а только во избѣжаніе недоразумѣній... Вообще, я такъ радъ, что вы, Сергѣй Александрычъ, наконецъ здѣсь и сами увидите, въ какомъ положеніи дѣла. О Ляховскомъ вы, конечно, слышали... У него есть странности, но это не мѣшаетъ ему быть очень умнымъ человѣкомъ. Да вотъ сами увидите. Вы, вѣроятно, поѣдете на заводы?

— Да, при первой возможности.

Приваловъ уѣхалъ отъ Половодова съ пустыми руками и съ самымъ неопредѣленнымъ впечатлѣніемъ отъ гостепріимнаго хозяина, который или ужъ очень уменъ, или непроходимо глупъ. Приваловъ далъ слово Половодову ѣхать съ нимъ къ Ляховскому завтра или послѣзавтра. Антонида Ивановна показалась въ гостиной и сказала на прощанье Привалову со своей лѣнивой улыбкой:

— Мы будемъ ждать васъ, Сергѣй Александрычъ...

Приваловъ еще разъ почувствовалъ на себѣ теплый взглядъ Половодовой и съ особеннымъ удовольствіемъ пожалъ ея полную руку съ розовыми мягкими пальцами.

— А какъ сестра русскія пѣсни поетъ...—говорилъ Веревкинъ, когда они выходили на подъѣздъ. — Вотъ ужо въ слѣдующій разъ я ее попрошу. Пальчики, батенька, оближешь!

VI.

Половодовъ пользовался въ Узлѣ репутаціей дѣльца самой послѣдней формаціи и слылъ послѣ Веревкина лучшимъ ораторомъ. Собственно Половодовъ говорилъ лучше Веревкина, но его заѣдала фраза, и въ его рѣчахъ недоставало того огонька, которымъ было насквозь прохвачено каждое слово Веревкина. Изъ-за желанія блеснуть своимъ ораторскимъ талантомъ, Половодовъ два трехлѣтія служилъ предсѣдателемъ земской управы. Земскія дѣла велъ онъ плохо, и держались упорные слухи, что Половодовъ не забывалъ и себя при расходованіи земскихъ суммъ. Въ настоящую минуту тепленькое мѣсто директора въ Узловско-Моховскомъ банкѣ и довольно кругленькая сумма, получаемая имъ въ опекунскомъ совѣтѣ по опекѣ надъ Шатровскими заводами, давала Половодову полную возможность жить на широкую ногу и придумывать разныя дорогія затѣи. На Половодова находила время отъ времени какая-то дурь. Въ одну изъ такихъ минутъ онъ ни съ того ни съ сего уѣхалъ за границу, пошатался тамъ по водамъ, пожилъ въ Парижѣ, зачѣмъ-то съѣздилъ въ Египетъ и на Синай и вернулся изъ своего путешествія англичаниномъ съ ногъ до головы, въ Pith India Helmet на головѣ, въ гороховомъ сьютѣ и съ произношеніемъ сквозь зубы. Въ г. Узлѣ онъ отдѣлалъ свой домъ на англійскій манеръ и года два корчилъ изъ себя узловскаго сквайра. Когда подулъ другой вѣтеръ, Половодовъ забросилъ свой Helmet, — Веревкинъ прозвалъ его за этотъ головной уборъ пожарнымъ,—и перевернулъ весь домъ въ настоящій его видъ. Женитьба на Антонидѣ Ивановнѣ была однимъ изъ слѣдствій этого увлеченія тайниками народной жизни: Половодову понравились

ея пышныя плечи, ея бѣлая шея, и Антонида Ивановна пошла въ pendant къ только-что отдѣланному дому съ его расписными потолками и синими пѣтухами. Съ полгода Антонида Ивановна сохраняла свое положеніе русской красавицы и обязана была носить косоклинные сарафаны съ прошивками изъ золотыхъ позументовъ, но скоро эта игра обоимъ супругамъ надоѣла, и сарафанъ Антониды Ивановны былъ заброшенъ въ тотъ же уголъ, гдѣ валялась Pith India Helmet. Впрочемъ, супруги, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ оборотѣ дѣлъ и вполнѣ довольствовались названіемъ счастливой парочки. Антонида Ивановна отнеслась индифферентно къ своему новому положенію и удовлетворялась ролью независимой замужней женщины. Въ глубинѣ души она считала себя очень счастливой женщиной, потому что очень хорошо знала по своему папашѣ Ивану Яковличу, какіе иногда бываютъ оригинальные мужья. Половодовъ увлекался женщинами и былъ постоянно въ комунибудь влюбленъ, какъ гимназистъ четвертаго класса, но эти увлеченія быстро соскакивали съ него, и Антонида Ивановна смотрѣла на нихъ сквозь пальцы. У нея была отличная коляска, пара порядочныхъ рысаковъ, возможность ѣздить по магазинамъ и модисткамъ сколько душѣ угодно,—чего же ей больше желать! Всѣ узловскія дамы называли ее счастливѣйшей женщиной, и Александръ Павлычъ пользовался репутаціей примѣрнаго семьянина. Правда, иногда Антонида Ивановна думала о томъ, что хорошо бы имѣть дѣвочку и мальчика или двухъ дѣвочекъ и мальчика, которыхъ можно было бы одѣвать по послѣдней картинкѣ и вывозить въ своей колескѣ, но это желаніе такъ и оставалось однимъ желаніемъ,—дѣтей у Половодовыхъ не было.

Появленіе Привалова ничего новаго не внесло въ домъ Половодовыхъ.

— Въ немъ есть непосредственность,—сказала Агриппина Филипьевна.— Онъ глуповатъ и простоватъ, но онъ можетъ быть героемъ романа...

Антонида Ивановна задумалась надъ словомъ „непосредственность“, и оно лѣзло ей въ голову цѣлый вечеръ. Даже ночью, когда въ своей спальнѣ она осталась съ мужемъ и взглянула на его длинную нескладную фигуру, она опять вспомнила это слово: „непосредственность“... „Ахъ да, непосредственность!“ Александръ Павлычъ въ эту ночь не показался ей противнѣе обыкновеннаго, и она спала самымъ завиднымъ образомъ, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть совершенно спокойна. Александръ Павлычъ, наоборотъ, не могъ похвалиться особенно покойной ночью: онъ долго ворочалъ на постели свои кости и нѣсколько разъ принимался тереть себѣ лобъ, точно хотѣлъ выскоблить оттуда какую-то идею. Утромъ Половодовъ дождался, когда проснется жена, и даже нѣсколько увлекся, взглянувъ, какъ она сладко спала на своей расшитой подушкѣ, раскинувъ бѣлыя, полныя руки. Онъ осторожно поцѣловалъ ее въ то мѣсто на шеѣ, гдѣ пояскомъ проходила у нея такая аппетитная складка, и на мгновеніе жена опять показалась ему русской красавицей.

Когда Антонида Ивановна полоскалась у своего умывальнаго столика, Половодовъ нерѣшительно проговорилъ, видимо, что-то соображая про себя:

— Тонечка... какъ ты нашла Привалова?

— Я? Привалова? — удивилась Антонида Ивановна, повертывая къ мужу свое мокрое лицо со слѣдами мыла на шеѣ и голыхъ плечахъ. — „Ахъ, да, непосредственность...“—мелькнуло у ней опять въ головѣ, и она улыбнулась.

— Послушай, Тонечка: сдѣлай какъ-нибудь такъ, чтобы Привалову не было скучно бывать у насъ. Понимаешь?

— Да что же я могу сдѣлать для него?

— Ахъ, какая ты глупая... Посовѣтуйся съ maman, она лучше тебѣ объяснитъ, чѣмъ я, — съ улыбкой прибавилъ Половодовъ.

Это утро сильно удивило Антониду Ивановну; Александръ Павлычъ велъ себя, какъ въ то время, когда на сценѣ былъ еще знаменитый косоклинный сарафанъ. Но приступъ мужниной нѣжности не расшевелилъ Антониду Ивановну, — она не могла ему отвѣчать тѣмъ же.

Появленіе Привалова заставило Половодова крѣпко задуматься, потому что съ опекой надъ Шатровскими заводами для него, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, было еще связано много надеждъ въ будущемъ. Собственно говоря, эти надежды носили пока очень смутный и неопредѣленный характеръ, но Половодовъ любилъ думать на эту тему. Въ немъ заговорила непреодолимая жажда урвать свою долю изъ того куска, который теперь лежалъ подъ носомъ. Но какъ это устроить? Онъ напрасно ломалъ голову надъ рѣшеніемъ этого вопроса и переходилъ отъ одного плана къ другому. Главное, обидно было то, что подобное рѣшеніе должно было существовать, и Половодовъ пока только предчувствовалъ это осуществленіе.

„Недостаетъ рѣшительности! Все зависитъ отъ того, чтобы повести дѣло смѣлой, твердой рукой, — думалъ Половодовъ, ходя по кабинету изъ угла въ уголъ. — Да еще этотъ дуракъ Ляховскій тутъ торчитъ: дѣла не дѣлаетъ и другимъ мѣшаетъ. Вотъ если бы освободиться отъ него...“

У Половодова захватывало духъ при одной мысли, что онъ могъ сдѣлаться полновластнымъ и единоличнымъ хозяиномъ въ приваловской опекѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Приваловъ совершенно безопасный человѣкъ. Теперь Половодовъ получалъ въ годъ тысячъ двадцать, но вѣдь это жалкія, нищенскія крохи сравнительно съ тѣмъ, что онъ могъ бы получить, если бы ему развязать руки. Ляховскій безполезенъ, какъ участникъ въ выполненіи грандіозныхъ плановъ Половодова, потому что слишкомъ богатъ для рискованнаго дѣла, а затѣмъ трусъ и мелочникъ. Ему, конечно, не возвыситься до блестящей идеи, которую теперь вынашивалъ Половодовъ, переживая муки сомнѣнія и неувѣренности въ собственныхъ силахъ.

Въ одинъ изъ такихъ припадковъ малодушія, когда Половодовъ испытывалъ самое скверное расположеніе духа, въ его кабинетѣ появился дядюшка Оскаръ Филиппычъ. Старичокъ дышалъ, по обыкновенію, юношеской свѣжестью, особенно рядомъ съ вытянутой сѣрой фигурой Половодова.

„Чему этотъ дуракъ радуется?“—со злостью думалъ Половодовъ, когда дядюшка ласково и вкрадчиво улыбался ему.

— Ну, что ваша рыбка? — спрашивалъ Половодовъ, не зная, о чемъ ему говорить со своимъ гостемъ.

— О, моя рыбка еще гуляетъ пока въ водѣ... Да!.. Нужно терпѣніе, Александръ Павлычъ... Вездѣ терпѣніе, особенно съ рыбой. Пусть ее порѣзвится, погуляетъ, а тамъ мы ее и подцѣпимъ...

Старикъ разсыпался мелкимъ смѣшкомъ и весело потеръ руки; этотъ смѣхъ и особенно пристальный взглядъ дядюшки показались Половодову немного подозрительными. О какой рыбкѣ онъ говоритъ, — чортъ его разберетъ. А дядюшка продолжалъ улыбаться и нѣсколько разъ доставалъ изъ кармана золотую табакерку; табакъ онъ нюхалъ очень аккуратно, какъ старички екатерининскихъ временъ.

— Ну, а какъ вы нашли этого Привалова? — спрашивалъ дядюшка, играя табакеркой.

— Да пока ничего особеннаго: ни рыба ни мясо...

— Я немного зналъ его, когда онъ жилъ еще въ Петербургѣ.

— Вы знали Привалова?

— Да, отчасти... То-есть зналъ не лично, а черезъ другихъ. Очень порядочный молодой человѣкъ. Жаль, что вы не поладили съ нимъ...

— То-есть какъ это не поладили?

— Я слышалъ, что Приваловъ начинаетъ дѣло противъ опеки и уже нанялъ себѣ повѣреннаго.

— Вы хотите сказать о Nicolas? Это старая новость... Только едва ли они чего-нибудь добьются: Приваловъ и раньше все время хлопоталъ въ Петербургѣ по своему дѣлу.

— Да, знаю, слышалъ... Но, видите ли, большая разница — гдѣ будетъ хлопотать Приваловъ: здѣсь или тамъ.

Оскаръ Филипычъ въ нѣсколькихъ словахъ далъ замѣтить Половодову, что ему въ тонкости извѣстно не только все дѣло по опекѣ, но всѣ его мельчайшія подробности и особенно слабыя мѣста. Половодовъ съ возраставшимъ удивленіемъ слушалъ улыбавшагося нѣмца и наконецъ проговорилъ:

— Откуда вы все это узнали и... для чего?

— Такъ... изъ любопытства, — скромно отвѣтилъ Оскаръ Филипычъ, сладко потягиваясь на своемъ стулѣ. — Мнѣ кажется, что вамъ, Александръ Павлычъ, выгоднѣе всего имѣть повѣреннаго въ Петербургѣ, который слѣдилъ бы за малѣйшимъ движеніемъ всего процесса. Это очень важно, особенно, если за него возьмется человѣкъ опытный...

— Въ родѣ васъ, напримѣръ? — недовѣрчиво произнесъ Половодовъ съ легкой улыбкой.

— Отчего же, я съ удовольствіемъ взялся бы похлопотать... У меня даже есть планъ, очень оригинальный планъ. Только съ однимъ условіемъ: половина ваша, а другая—моя. Да... Но, прежде чѣмъ я вамъ его раскрою, скажите мнѣ одно: довѣряете вы мнѣ, или нѣтъ? Такъ и скажите, что думаете въ настоящую минуту...

— Я вамъ не вѣрю, Оскаръ Филипычъ.

— Очень хорошо, очень хорошо, — невозмутимо продолжалъ дядюшка. — Прежде всего, конечно, важно выяснить взаимныя отношенія, чтобы послѣ не было ненужныхъ недоразумѣній. Да, это очень важно. Ваша откровенность дѣлаетъ вамъ честь... А если я вамъ, Александръ Павлычъ, шагъ за шагомъ разскажу, какъ мы сначала устранимъ отъ дѣлъ Ляховскаго, затѣмъ поставимъ васъ во главѣ всего предпріятія и наконецъ дадимъ этому Привалову какъ разъ столько, сколько захотимъ, — тогда вы мнѣ повѣрите?

— Право, не знаю... У меня тоже есть нѣсколько плановъ.

— Да, но все-таки одинъ въ полѣ не воинъ... Вы только дайте мнѣ честное слово, что, если мой планъ вамъ понравится — барыши пополамъ. Да, впрочемъ, вы и сами увидите, что безъ меня трудно будетъ обойтись, потому что въ планъ входитъ нѣсколько очень тонкихъ махинацій.

Половодовъ затворилъ дверь въ кабинетъ, раскурилъ сигару и приготовился слушать дядюшку, которому въ глубинѣ души онъ все-таки не довѣрялъ. Какъ иногда случается съ умными людьми, Половодова смущали просто пустяки: наружность дядюшки, его херувимскій видъ и прилизанность всей фигуры. Оскаръ Филипычъ уже совсѣмъ не походилъ на тѣхъ дѣльцовъ, съ какими Половодову до настоящаго времени приходилось имѣть дѣло. Какой-то сѣрый балахонъ, въ которомъ явился дядюшка, и неизбѣжная для каждаго нѣмца соломенная шляпа — просто возмущали Половодова своимъ мѣщанскимъ вкусомъ. Среди роскошной дѣловой обстановки половодовскаго кабинета толстенькая фигурка улыбавшагося нѣмца являлась непріятнымъ диссонансомъ, который просто рѣзалъ глазъ.

— Сначала мы поставимъ діагнозъ всему дѣлу, — мягко заговорилъ дядюшка. — Главный наслѣдникъ, Сергѣй Приваловъ, налицо, старшій братъ — сумасшедшій, младшій—въ безвѣстномъ отсутствіи. Такъ? На Шатровскихъ заводахъ около милліона казеннаго долга; положеніе опекуновъ очень непрочное...

— Почему вы такъ думаете?

— Очень просто: вы и Ляховскій держитесь только благодаря дворянской опекѣ и кой-какимъ связямъ въ Петербургѣ... Такъ? Дворянскую опеку и послѣ нельзя будетъ обойти, но ее *жутить* очень недорого стоитъ: члены правленія — одинъ полусумасшедшій докторъ-акушеръ, 80 лѣтъ, другой выгнанный со службы за взятки и просидѣвшій нѣсколько лѣтъ въ острогѣ становой, третій — приказная строка, изъ поповичей... Вся эта братія получаетъ по 28 рублей мѣсячнаго жалованья. Такъ?

— Да вы рѣшительно, кажется, все на свѣтѣ знаете...

— Изъ любопытства, Александръ Павлычъ, изъ любопытства. Такимъ образомъ дворянская опека всегда будетъ въ нашихъ рукахъ, и оно намъ пригодится... Дальше. Теперь для васъ самое главное неудобство заключается въ томъ, что васъ, опекуновъ, двое, и изъ этого никогда ничего не выйдетъ. Стоитъ отыскаться Титу Привалову, который, какъ совершеннолѣтній, имѣетъ право выбирать себѣ опекуна самъ, и тогда положеніе ваше и Ляховскаго сильно пошатнется: вы потеряете все разомъ...

— Совершенно вѣрно.

— Но можно устроить такъ, что вы въ одно и то же время освободитесь отъ Ляховскаго и ни на волосъ не будете зависѣть отъ наслѣдниковъ... Да.

— Именно?

— Позвольте... Старшій наслѣдникъ, Приваловъ, формально не объявленъ сумасшедшимъ?

— Нѣтъ, офиціально ничего неизвѣстно...

— О, это прекрасно, очень прекрасно, и, пожалуйста, обратите на это особенное вниманіе... Какъ всѣ великія открытія, все дѣло очень просто, просто даже до смѣшного: старшій Приваловъ выдаетъ на крупную сумму векселей, а затѣмъ объявляетъ себя несостоятельнымъ. Опекуновъ побоку, назначается конкурсъ, а главнымъ довѣреннымъ отъ конкурса являетесь вы... Тогда всѣ наслѣдники дѣлаются пѣшками, и во всемъ вы будете зависѣть отъ одной дворянской опеки.

— Оскаръ Филипычъ, да это геніальная мысль!.. — вскричалъ Половодовъ, заключая дядюшку въ свои объятія.

— Позвольте, Александръ Павлычъ, — скромно продолжалъ нѣмецъ, играя табакеркой. — Мысль, безъ сомнѣнія, очень счастливая, и я спеціально для нея ѣхалъ въ Уралъ...

— Ловить рыбку? Ха-ха...

— Позвольте... Главное заключается въ томъ, что не нужно терять дорогого времени, а потомъ дѣйствовать заразъ и здѣсь и тамъ. Однимъ словамъ, устроить нѣкоторый дуэтъ, и все пойдетъ какъ по нотамъ... Если бы Сергѣй Приваловъ захотѣлъ, онъ давно освободился бы отъ опеки, съ обязательствомъ выплатить государственный долгъ по заводамъ въ извѣстное число лѣтъ. Но онъ этого не захотѣлъ самъ...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь: Приваловъ именно этого и добивался, когда жилъ въ Петербургѣ, и объ этомъ же будетъ хлопотать его повѣренный, т.-е. Nicolas.

— Я вамъ говорю, что Приваловъ *не хотѣлъ этого*, не хотѣлъ даже

тогда, когда ему одинъ очень ловкій человѣкъ предлагалъ устроить все дѣло въ самый короткій срокъ. Видите ли, необходимо было войти въ соглашеніе кое съ кѣмъ, а затѣмъ не поскупиться насчетъ авансовъ, но Приваловъ ни о томъ ни о другомъ и слышать не хочетъ. Изъ-за этого и дѣло затянулось, но Nicolas можетъ устроить на свой страхъ то, чего не хочетъ Приваловъ, и тогда все ваше дѣло пропало, такъ что вамъ необходимъ въ Петербургѣ именно такой человѣкъ, который не только слѣдилъ бы за каждымъ шагомъ Nicolas, но и парализировалъ бы всѣ его начинанія, и въ то же время устроилъ бы конкурсъ...

— Дядюшка, вы золотой человѣкъ!

— Можетъ-быть, буду и золотымъ, если вы это время сумѣете удержать Привалова именно здѣсь, на Уралѣ... А это очень важно, особенно когда старшій Приваловъ объявитъ себя несостоятельнымъ. Все дѣло можно будетъ испортить, если упустить Привалова.

— Но какимъ образомъ я его могу удержать на Уралѣ?

— Это ужъ ваше дѣло, Александръ Павлычъ: я буду свое дѣлать, вы — свое.

— Можетъ-быть, у васъ и относительно удержанія Привалова на Уралѣ тоже есть своя счастливая мысль?

— Гм... Я удивляюсь одному, что вы такъ легко смотрите на Привалова и даже не постарались изучить его характеръ, а между тѣмъ — это прежде всего.

— Да Привалова и изучать нечего, — онъ весь налицо: глуповатъ и бредитъ разными пустяками.

— Прибавьте: Приваловъ очень честный человѣкъ.

— Ну, и достаточно, кажется.

— Ахъ, Александръ Павлычъ, Александръ Павлычъ! Какъ вы легко смотрите на вещи, чрезвычайно легко!

— Вы меня считали умнѣе?

— Да...

— Откровенность за откровенность... Не хотите ли чаю или квасу, Оскаръ Филипычъ? — предлагалъ Половодовъ. — Вы устали, а мы еще побесѣдуемъ...

Лакей внушительной наружности принесъ въ кабинетъ подносъ съ двумя кружками и нѣсколько бутылокъ вина; Половодовъ явился вслѣдъ за нимъ и самъ раскупорилъ бутылку шампанскаго. Отступивъ немного въ сторону, лакей почтительно наблюдалъ, какъ баринъ самъ раскупориваетъ бутылки; а въ это время дядюшка, одержимый своимъ „любопытствомъ“, подробно осмотрѣлъ мебель, пощупалъ тисненые обои цвѣта кофейной гущи и внимательно перебралъ всѣ вещицы, которыми былъ заваленъ письменный столъ. Онъ переспросилъ, сколько стоятъ всѣ бездѣлушки, пресъ-папье, чернильница; пересматривалъ каждую вещь къ свѣту и даже вытеръ одну запыленную статуэтку своимъ платкомъ. Половодовъ охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы милаго дядюшки, но этотъ родственный обыскъ снова немного покоробилъ его, и онъ опять подозрительно посмотрѣлъ на дядюшку; но прежняго смѣшного дядюшки для Половодова уже не существовало, а былъ другой, совершенно новый человѣкъ, который возбуждалъ въ Половодовѣ чувство удивленія и уваженія.

— Для чего вы хлопочете, Александръ Павлычъ? — скромно замѣтилъ Оскаръ Филипычъ, принимая отъ Половодова бокалъ съ игравшимъ веселыми искорками виномъ.

— Для васъ, дорогой дядюшка, для васъ хлопочу: вы мнѣ открыли глаза, — восторженно заявилъ Половодовъ, не зная, чѣмъ бы еще угостить дорогого дядюшку. — Я просто мальчишка передъ вами, дядюшка... Частицу вашей мудрости — вотъ чего я желаю! Вы, дядюшка, второй Соломонъ!..

Въ половодовскомъ кабинетѣ велась долгая интимная бесѣда, причемъ оба собесѣдника остались, кажется, особенно довольны другъ другомъ и нѣсколько разъ, въ порывѣ восторга, принимались жать другъ другу руки.

— Ну-съ, Оскаръ Филипычъ, разскажите, что вы думаете о самомъ Приваловѣ? — спрашивалъ Половодовъ, весь покраснѣвшій отъ выпитаго вина.

— Приваловъ... Гм... Приваловъ очень сложная натура, хотя онъ и кажется простачкомъ. Въ немъ постоянно происходитъ внутренняя борьба... Вѣдь вмѣстѣ съ правами на наслѣдство онъ получилъ много недостатковъ и слабостей отъ своихъ предковъ. Вотъ для васъ эти слабости-то и имѣютъ особенную важность.

— Совершенно вѣрно: Приваловъ—представитель выродившейся семьи.

— Да, да... И, между прочимъ, онъ унаслѣдовалъ одну капитальнѣйшую слабость: это—любовь къ женщинамъ...

— Приваловъ?!.

— О, да... Могу васъ увѣрить. Вотъ на эту сторону его характера вамъ и нужно дѣйствовать. Вѣдь женщины всесильны, Александръ Павлычъ,— уже съ улыбкой прибавилъ дядюшка.

— Понимаю, понимаю, все понимаю!..

— Только помните одно: дѣвицы не идутъ въ счетъ, отъ нихъ мало толку. Нужно настоящую женщину... Понимаете? Нужно женщину, которая сумѣла бы завладѣть Приваловымъ вполнѣ. Для такой роли дѣвицы не пригодны со своимъ цѣломудріемъ, хотя бываютъ и между ними очень умные субъекты.

— Понимаю, понимаю и понимаю, дорогой Оскаръ Филипычъ.

— И отлично! Теперь вамъ остается только дѣйствовать, и я буду надѣяться на вашу опытность. Вѣдь вы пользуетесь успѣхомъ у женщинъ и умѣете съ ними дѣла водить, ну, вамъ и книги въ руки. Я слышалъ мелькомъ, что поминали Бахареву, потомъ дочь Ляховскаго...

— Послушайте, я васъ познакомлю съ Ляховскимъ,—перебилъ Половодовъ, не слушая больше дядюшки.

— Да это и необходимо для перваго раза... Намъ Ляховскій пригодится. Онъ пока затянетъ дѣло объ опекѣ...

Такимъ образомъ союзъ между Половодовымъ и дядюшкой былъ заключенъ самымъ трогательнымъ образомъ.

— Надѣюсь, что мы съ вами сойдемся, дорогой дядюшка, — говорилъ Половодовъ, провожая гостя до передней.

— О, непремѣнно...—соглашался Оскаръ Филипычъ, надвигая на голову свою соломенную шляпу. — Рука руку моетъ: вы будете дѣйствовать здѣсь, я тамъ.

VII.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ, Половодовъ чувствовалъ, какъ все въ немъ было переполнено однимъ радостнымъ, могучимъ чувствомъ, тѣмъ чувствомъ, какое испытывается только въ беззаботной молодости. Даже свой собственный кабинетъ показался ему точно чужимъ, и онъ съ улыбкой сожалѣнія посмотрѣлъ на окружавшую его обстановку фальшивой роскоши. Эти кофейные

обои, эти драпировки на окнахъ, мебель... какъ все это было жалко по сравненію съ тѣмъ, что носилось теперь въ его воображеніи. Въ его будущемъ кабинетѣ каждая вещь будетъ предметомъ искусства, настоящаго, дорогого искусства, которое въ состояніи цѣнить только глубокій знатокъ и любитель. Какой-нибудь экранъ предъ каминомъ, этажерка для книгъ,—о, сколько можно сдѣлать при помощи денегъ изъ такихъ ничтожныхъ пустяковъ!

— А дядюшка-то? Хорошъ!.. — вслухъ проговорилъ Половодовъ и засмѣялся.—Ну, кто бы могъ подумать, что въ этакой фигуркѣ сидятъ такія геніальныя мысли?..

Половодовъ походилъ по своему кабинету, посмотрѣлъ въ окно, которое выходило въ садъ и точно было облѣплено вьющейся зеленью хмеля и дикаго винограда; нѣсколько зеленыхъ вѣточекъ заглядывали въ окно и словно съ любопытствомъ ощупывали своими спиральными усиками запыленныя стекла. Распахнувъ окно, Половодовъ посмотрѣлъ въ садъ, на аллеи изъ акацій и тополей, на клумбы и бесѣдки, но это было все не то: онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы любоваться природой. Въ кабинетѣ Половодову казалось тѣсно и душно, но часы показывали едва три часа,—самое мертвое время лѣтняго дня, когда даже собаки не выбѣгаютъ на улицу. Чтобы успокоить себя, Половодову нужно было движеніе, общество веселыхъ людей, а теперь приходилось ждать до вечера. Отъ-нечего дѣлать онъ комфортабельно помѣстился на горнемъ мѣстѣ, придвинулъ къ себѣ недопитую бутылку шампанскаго и, потягивая холодное вино, погрузился въ сладкія грезы о будущемъ.

„Это еще ничего—создать извѣстную идею, — думалъ Половодовъ, припоминая подробности недавняго разговора съ дядюшкой.—Все это въ предѣлахъ возможности; можетъ-быть, я и самъ набрелъ бы на дядюшкину идею объявить этого сумасшедшаго наслѣдника несостоятельнымъ должникомъ, но вотъ теорія удержанія Привалова въ Узлѣ—это, я вамъ скажу, геніальнѣйшая мысль. Тутъ нуженъ артистъ своего дѣла... Да!.. И какой чертовскій нюхъ у этого дядюшки по части психологіи... Ха-ха!.. Женщины... И въ женщинахъ знаетъ толкъ, бестія!.. „Нужно настоящую женщину...“ То-то вотъ и есть: гдѣ ее взять, эту настоящую женщину, въ какомъ-нибудь Узлѣ!.. Нѣтъ, это идея... Ха-ха-ха!.. Клади на ноты и разыгрывай...“

Потягивая вино, Половодовъ перебиралъ всѣхъ извѣстныхъ ему женщинъ и дѣвицъ, которыя какъ-то не удовлетворяли требованіямъ предстоящей задачи. „Нѣтъ, это все не то...—думалъ Половодовъ съ закрытыми глазами, вызывая въ своей памяти рядъ знакомыхъ женскихъ лицъ. — Сестры Бахаревы, Алла, Анна Павловна, Аня Пояркова... чортъ знаетъ, что это за народъ: для чего онѣ живутъ, одѣваются, выѣзжаютъ,—эти жалкія созданія, негодныя никуда и ни на что, кромѣ замужества, которымъ исчерпываются всѣ ихъ цѣли, надежды и желанія. Тьфу!.. Развѣ въ состояніи ихъ птичьи головки когда-нибудь возвыситься до настоящей идеи, которая охватываетъ всего человѣка и дѣлаетъ его своимъ рабомъ. Приваловъ, кажется, ухаживаетъ за старшей Бахаревой, но изъ этого едва ли что-нибудь выйдетъ, потому что онъ явился немного поздно для этого въ Узелъ... Вотъ Зося Ляховская, та, конечно, могла бы выполнить и не такую задачу, но ее просто немыслимо привязать къ такому дѣлу, да притомъ въ послѣднее время она какая-то странная такая, совсѣмъ кислая... А можетъ-быть, Зося еще пригодится когда-нибудь,—рѣшилъ Половодовъ про себя, хрустя пальцами. — Только вотъ это проклятое дѣвичество все поперекъ горла стоитъ“.

Дальше Половодовъ задумался о дамахъ узловскаго полусвѣта, но здѣсь

на каждомъ шагу просто была мерзость и рѣшительно ни на что нельзя было разсчитывать. Развѣ одна Катя Колпакова можетъ имѣть еще временный успѣхъ, но и это сомнительный вопросъ. Есть въ Узлѣ одна вдова, докторша, шустрая бабенка, только и съ ней каши не сваришь.

„Ну, да это пустяки: было бы болото — черти будутъ,—утѣшалъ себя Половодовъ: онъ незамѣтно для себя пилъ вино стаканъ за стаканомъ и сильно опьянѣлъ.—А вотъ дядюшка—это въ своемъ родѣ восьмое чудо свѣта... Ха-ха-ха!.. Перлъ...“

Половодовъ, припоминая смѣшного дядюшку, громко хохоталъ и вслухъ разговаривалъ самъ съ собой. Такая бесѣда одинъ-на-одинъ и особенно странный смѣхъ донеслись даже до гостиной, черезъ которую проходила Антонида Ивановна въ бѣломъ пеньюарѣ изъ тонкаго батиста.

— Кто у барина?—спросила она лакея.

— Никого нѣтъ-съ...

— Какъ никого? Я сейчасъ слышала, какъ тамъ разговариваютъ и хохочутъ.

— Это они одни-съ...

— Что за вздоръ!.. — проворчала Антонида Ивановна и отправилась сама въ кабинетъ.—Можно войти?—спросила она, пріотворяя слегка дверь.

— Можно, можно...

Антонида Ивановна вошла, оглядѣла пустой кабинетъ и только теперь замѣтила на себѣ пристальный, мутный взглядъ мужа.

— Кто это здѣсь сейчасъ разговаривалъ и хохоталъ?—довольно строго спросила она мужа.

— Да я, Тонечка... О-ха-ха!.. Уморилъ меня этотъ... этотъ дядюшка... Представь себѣ...

— По этому случаю, вѣроятно, ты и нарѣзался, какъ сапожникъ?..

Пока Антонида Ивановна говорила то, что говорятъ всѣ жены подгулявшимъ мужьямъ, Половодовъ внимательно разсматривалъ жену, ея высокую фигуру въ полномъ расцвѣтѣ женской красоты, красивое лицо, умный лѣнивый взглядъ, глаза съ поволокой. Право, она была красива сегодня, и въ головѣ Половодова мелькнула собственная счастливая мысль: чего искать необходимую для дѣла женщину, когда она стоитъ передъ нимъ?.. Да, это была та самая женщина, о которой онъ сейчасъ думалъ. Бѣлый пеньюаръ Антониды Ивановны у самой шеи разстегнулся на одну пуговицу, и среди рюша и прошивокъ вырѣзывался легкими ямочками конецъ шеи, гдѣ она срасталась съ грудью; только на античныхъ статуяхъ бываетъ такая лѣпка бюста. Половодовъ зналъ толкъ въ пластикѣ и любовался теперь женой глазами настоящаго артиста.

— Тонечка... женщина...—заговорилъ онъ, порываясь встать со своего горняго мѣста.

Антонида Ивановна полупрезрительно посмотрѣла на пьянаго мужа и молча вышла изъ комнаты. Ей было ужасно жарко, жарко до того, что рѣшительно ни о чемъ не хотѣлось думать; она уже позабыла о пьяномъ, хохотавшемъ мужѣ, когда вошла въ слѣдующую комнату.

VIII.

Послѣ своего визита къ Половодову, Приваловъ хотѣлъ черезъ день отправиться къ Ляховскому. Не побывавъ у опекуновъ, ему неловко было ѣхать въ Шатровскіе заводы, куда теперь его тянуло съ особенной силой, потому

что Надежда Васильевна уѣхала туда. Эта послѣдняя причина служила для Привалова главной побудительной силой развязаться поскорѣе съ непріятнымъ визитомъ въ старое приваловское гнѣздо.

Часовъ въ десять утра Приваловъ былъ совсѣмъ готовъ и только выжидалъ еще полчаса, чтобы ѣхать прямо къ Половодову. Когда онъ уже надѣвалъ перчатки, въ комнату ворвался Викторъ Васильичъ въ своей табачной визиткѣ.

— Ну, вотъ и отлично!—обрадовался молодой человѣкъ, оглядывая Привалова со всѣхъ сторонъ.—Значитъ, ѣдемъ? Только для чего ты во фракъ-то вытянулся, братецъ... Испугаешь еще добрыхъ людей, пожалуй. Ну, да все равно, ѣдемъ.

— Да куда ѣдемъ-то?—удивился Приваловъ.

— Какъ—куда? Вотъ это мило съ твоей стороны... Цѣлая недѣля прошла, а онъ и глазъ не кажетъ, да еще спрашиваетъ: „куда!“ Эхъ, ты... Ну, да я на тебя не сержусь, а пріѣхалъ спеціально за тобой потому, что послала мамка. А то бы мнѣ наплевать на тебя совсѣмъ... Ей-Богу! Дуйся, какъ мышь на крупу... Экая важность, что тятенька тебѣ голову намылилъ; вѣдь я не сержусь же на него, что онъ мнѣ и на глаза не велѣлъ къ себѣ показываться. Нисколько. А почему? Отецъ, конечно, умный человѣкъ, поумнѣе насъ съ тобой; если разобрать, такъ онъ все-таки старикъ, да еще и больной старикъ... То-то вотъ ты и есть, Еруланъ Лазаревичъ! Мама ждала-ждала, а потомъ и послала за тобой. — „Ужъ не боленъ ли, говоритъ, Сереженька съ дороги-то, или, можетъ, на насъ сердится...“ А я ей прямо такъ и сказалъ: — „Вздоръ, за заднія ноги приволоку тебѣ твоего Сереженьку...“ Нѣтъ, кромѣ шутокъ, ѣдемъ поскорѣе, мнѣ, право, некогда

— Я и самъ думалъ заѣхать къ вамъ.

— Ну, братъ, не ври, меня не проведешь; боишься родителя-то? А я тебѣ скажу, что совершенно напрасно. Мнѣ все равно, какія у васъ тамъ дѣла, а только старикъ даже радъ будетъ. Ей-Богу... Мы прямо на маменькину половину пройдемъ. Ну, такъ ѣдешь, что ли? Я на своей лошади за тобой пріѣхалъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Только сними свой фракъ, а то всѣхъ на сомнѣніе наведешь: чучелочучеломъ въ своемъ фракѣ. Ты ужъ меня извини...

Приваловъ перемѣнилъ фракъ на сюртукъ и все время думалъ о томъ, что не мистифицируетъ ли его Викторъ Васильичъ.

— А я тебѣ вотъ что скажу,—говорилъ Викторъ Васильичъ, помѣщаясь въ пролеткѣ бочкомъ:—если хочешь угодить маменькѣ, заходи попросту, безъ затѣй, вечеркомъ... Понимаешь—по семейному дѣлу. Маменька-то любитъ въ преферансъ сыграть, ну, ты и предложи свои услуги. Старуха безъ ума тебя любитъ и даже похудѣла за эти дни.

— Я на-дняхъ уѣзжаю на заводы,—замѣтилъ Приваловъ, когда они уже подъѣзжали къ бахаревскому дому.

— Вздоръ! Зачѣмъ тебѣ туда? Надя была тамъ и можетъ тебѣ разсказать, что все обстоитъ благополучно... Обожди съ мѣсяцъ, а тамъ я съ тобой могу вмѣстѣ ѣхать.

— Развѣ Надежда Васильевна вернулась?

— Конечно, вернулась... Не буду же я тебя обманывать.

Марья Степановна встрѣтила Привалова со слезами на глазахъ и долго пеняла ему, зачѣмъ онъ забылъ ихъ.

— Ну, къ отцу не хочешь ѣхать, ко мнѣ бы заглянулъ, а ужъ я тутъ

надумалась о тебѣ. Кабы ты чужой былъ, а то о тебѣ же сердце болитъ... Вонъ отецъ-то какой у насъ: чуть что—и пошелъ...

— Я ни въ чемъ не обвиняю Василія Назарыча, — говорилъ Приваловъ:—и даже не думалъ обидѣться на него за нашъ послѣдній разговоръ. Но мнѣ, Марья Степановна, было слишкомъ тяжело все это время...

— Знаю, что тяжело, голубчикъ. Тебѣ тяжело, а мнѣ вдвое, потому что пріѣхалъ ты на родную сторону, а тебя и приголубить некому. Вотъ нѣту матери-то, такъ и приласкать некому... Бранить да началить всегда мастера найдутся, а вотъ кто пожалѣетъ-то?

Эти простыя слова растрогали Привалова, и онъ съ особеннымъ чувствомъ поцѣловалъ руку у доброй старухи. Прежнее теплое чувство охватило его, и онъ опять былъ не одинъ, какъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ. Половина Марьи Степановны на этотъ разъ показалась особенно уютной — все въ ней дышало такой патріархальной простотой, начиная со старинной мебели и кончая геранью на окнахъ. Приваловъ невольно припомнилъ обстановку Агриппины Филипьевны и Половодова, гдѣ все дышало фальшивой роскошью, все было устроено на показъ.

— А вѣдь я чего не надумалась здѣсь про тебя, — продолжала Марья Степановна, усаживая гостя на низенькій диванчикъ изъ корельской березы:— и боленъ-то ты, и на насъ-то на всѣхъ разсердился, и Богъ знаетъ какіе пустяки въ голову лѣзутъ. А потомъ и не стерпѣла: дай пошлю Витю, ну и послала, можетъ, помѣшала тебѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же...

— У Ляховскаго-то тогда былъ?

— Нѣтъ.

— Я такъ и думала: до Ляховскаго ли. Легкое ли мѣсто, какъ отецъ-то нашъ тогда принялъ тебя... Горячъ онъ сталъ больно: то ли это отъ болѣзни его, или годы ужъ такіе подходятъ... не разберу ничего.

Досиѳея подала самоваръ и радостно замычала, когда Приваловъ заговорилъ съ ней. Объяснивъ при помощи знаковъ, что сѣдой старикъ съ большой бородой сердится, она нахмурила брови и даже погрозила кулакомъ на половину Василія Назарыча. Марья Степановна весело смѣялась и сквозь слезы говорила:

— Ну, ну, Досиѳеюшка, не сердись... Намъ наплевать на старика съ сѣдой бородой: онъ самъ по себѣ, мы сами по себѣ.

Но нѣмая не унималась и, при помощи мимики, очень краснорѣчиво объясняла, что сѣдой старикъ и Костю не любитъ, что онъ сердитый и нехорошій. Марья Степановна заварила чай въ старинномъ чайникѣ съ какими-то необыкновенными цвѣтами и, разставляя посуду, спрашивала:

— А ты у Половодова-то былъ?

— Да, былъ на-дняхъ.

— Весело было, чай? Вѣдь онъ ухъ какой краснобай и дошлый-предошлый, даромъ что на селедку походитъ... И жену видѣлъ?

— И жену видѣлъ.

— Поглянулась?

— Д-да... очень красивая женщина. Впрочемъ, я хорошенько не разсмотрѣлъ ее.

— Ужъ не ври, пожалуйста,—съ улыбкой замѣтила старушка и посмотрѣла на Привалова прищуренными глазами: она хотѣла по выраженію его лица угадать произведенное на него Антонидой Ивановной впечатлѣніе. — „Вретъ“,—рѣшила она про себя, когда Приваловъ улыбнулся.

Антонида Ивановна, по мнѣнію Бахаревой, была первой красавицей въ Уздѣ, и она часто говорила, покачивая головой: „Всѣмъ взяла эта Антонида Ивановна, и полнотой, и лицомъ, и выходкой!“ При этомъ Марья Степановна каждый разъ съ короткимъ вздохомъ вспоминала, что „вотъ у Нади, для настоящей женщины, полноты недостаетъ, а у Вѣрочки кожа смуглая и волосы на рукахъ, какъ у мужчины“.

— Ну, разсказывай, чѣмъ тебя угощала Антонида-то Ивановна? — допрашивала старушка своего гостя.

Привaловъ разсказалъ, какъ умѣлъ, про половодовскій обѣдъ.

— Въ саду обѣдали-то, говоришь?

— Въ саду...

— Это ужъ, видно, твоему повѣренному жарко стало... Ужъ и нашелъ себѣ повѣреннаго, нечего сказать!..

— А чѣмъ онъ плохъ, Марья Степановна?

— Да я его не хаю, голубчикъ, можетъ, онъ и хорошій человѣкъ для тебя, я такъ говорю. Вотъ все съ Викторомъ Васильичемъ нашимъ хороводится... Охъ-хо-хо!.. Былъ, поди, у Веревкиныхъ-то?

— Былъ. Заѣзжалъ съ Николаемъ Иванычемъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ Половодову.

— Такъ... Когда вотъ я про этихъ Веревкиныхъ вспомню, чудно̀ мнѣ дѣлается: въ кого у нихъ дѣтки уродились. Мать—нѣмка, хотя и говоритъ съ Хиной по-французскому; отецъ на дьячка походитъ, а вотъ — взять хоть ту же Антониду Ивановну,—какую красоту вырастили!.. Или тоже взять Николая Иваныча: издалека на него поглядѣть—такъ чисто изъ нашего купеческаго званія паренекъ, ей-Богу!.. Только я его боюсь, твоего повѣреннаго: какъ вытаращитъ глаза на тебя, запыхтитъ... Больно ужъ, говорятъ, дерзко онъ судъ ведетъ, ну, и тоже такая гуляка, что̀ не приведи истинный Христосъ. Ты, смотри, не больно съ нимъ путайся.

За чайнымъ столомъ скоро собралась вся семья. Надежда Васильевна показалась сегодня Привалову особенно веселой. Она разсказывала о своей поѣздкѣ въ Шатровскій заводъ, о томъ, какъ Костя ждетъ Привалова, и т. д. Викторъ Васильичъ и Вѣрочка, по обыкновенію, дурачились, несмотря на самые строгіе взгляды Марьи Степановны.

— Мы вмѣстѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ поѣдемъ въ Шатрово, — заявлялъ Викторъ Васильичъ.

— Левизоромъ, что ли?—насмѣшливо спрашивала Марья Степановна.— То-то, поди, Костя соскучился по тебѣ, ждетъ не дождется...

— Нужно еще сначала спросить Сергѣя Александрыча, возьметъ ли онъ тебя съ собой,—добавила Вѣрочка, гремя чайной ложкой.

— Ну, ты, радуга, развѣ можешь что-нибудь понимать? — огрызался Викторъ Васильичъ.

Чтобы окончательно развеселить собравшееся за чаемъ общество, Викторъ Васильичъ принялся разсказывать какой-то необыкновенный анекдотъ про Ивана Яковлича и кончилъ тѣмъ, что Марья Степановна не позволила ему досказать все до конца, потому что весь анекдотъ сводился на очень пикантныя подробности, о которыхъ было неудобно говорить въ присутствіи дѣвицъ.

— Ну, не буду, не буду...—согласился Викторъ Васильичъ. — Я какъ-нибудь послѣ Сергѣю Александрычу доскажу одному. Гдѣ эти кислыя барышни заведутся—и поговорить ни о чемъ нельзя... Вонъ Зося, такъ ей все равно:— разсказывай, что̀ душѣ угодно.

— Да не ври ты, ради истиннаго Христа,—упрашивала Марья Степановна.—Такъ она тебя и стала слушать! Не изъ такихъ дѣвка-то, съ ней говори, да откусывай...

— Мама, да Зося никогда и не говоритъ съ Витей, — вмѣшалась въ разговоръ Вѣрочка.—Вѣдь онъ ей только подастъ калоши да иногда сбѣгаетъ куда-нибудь по ея порученію...

— А ты когда же это къ Ляховскому-то поѣдешь? — обратилась Марья Степановна къ Привалову.—Долго ужъ больно что-то собираешься... Тоже вотъ на заводы не ѣдешь.

— Тихій возъ будетъ на горѣ,—съ улыбкой отвѣчалъ Приваловъ.

IX.

— Ужо заходи какъ-нибудь вечеркомъ,—говорила Привалову Марья Степановна, когда онъ уходилъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ,—отозвался Приваловъ, припомнивая совѣтъ Виктора Васильича относительно преферанса.

— Ну, тамъ какъ знаешь,—съ удовольствіемъ или безъ удовольствія. Скучно покажется со старухами-то сидѣть? Не больно у насъ веселья-то много... Ничего, поскучай.

Но вечера въ бахаревскомъ домѣ Привалову совсѣмъ не показались скучными, а наоборотъ, онъ считалъ часы, когда ему можно было отправляться въ бахаревское гнѣздо.

Всѣхъ больше вечерними визитами Привалова была довольна Вѣрочка, хотя на ея долю отъ этихъ визитовъ перепадало очень немного. Этой практической дѣвушкѣ больше всего нравилось то, что въ ихъ домѣ появился наконецъ настоящій мужчина со всѣми признаками жениха. Раньше эти вечера были скучны до тошноты, потому что на половинѣ Марьи Степановны собиралось исключительно женское общество, да и какое общество: приплетется старуха Размахнина, придетъ Павла Ивановна со своими безконечными кружевами, иногда навернется еще какая-нибудь старушка—вотъ и все. Попьютъ чайку, побесѣдуютъ и усядутся за карточный столъ играть въ преферансъ. Если, кромѣ Павлы Ивановны, никого не было, усаживали играть Вѣрочку, которая страшно скучала и потихоньку зѣвала въ руку. Появленіе Хины среди такого мертваго вечера было цѣлымъ событіемъ, и Вѣрочка подѣтски заглядывала ей прямо въ ротъ, откуда, какъ сухой горохъ изъ прорваннаго мѣшка, неудержимо сыпались самыя удивительныя новости. Даже старицамъ, начетчицамъ, странницамъ и разнымъ божьимъ старушкамъ Вѣрочка всегда была рада, потому что вмѣстѣ съ ними на половину Марьи Степановны врывалась струя свѣжаго воздуха, приносившая съ собой самый разнообразный запасъ всевозможныхъ напастей, болей и печалей, какими изнывалъ міръ за предѣлами бахаревскаго дома.

Василій Назарычъ половину года проводилъ на пріискахъ, а другую половину почти всѣ вечера у него были заняты кабинетной работой или визитами разныхъ нужныхъ людей. Про Виктора Васильича и говорить нечего: съ наступленіемъ сумерекъ онъ исчезалъ изъ дому съ замѣчательною аккуратностью и возвращался только утромъ. Надежда Васильевна вечеромъ тоже рѣдко показывалась на половинѣ Марьи Степановны, потому что обыкновенно въ это время занималась у себя въ комнатѣ, — „читала въ книжку“, какъ говорила про нее Марья Степановна. Такимъ образомъ появленіе Привалова перевернуло вверхъ дномъ вечернюю жизнь на половинѣ Марьи Степановны

и оживило ее лихорадочной дѣятельностью, сравнительно съ прежнимъ. Павла Ивановна появлялась аккуратно каждый разъ, когда приходилъ Приваловъ, и втроемъ они усаживались за безконечный преферансъ. По требованію Марьи Степановны Надежда Васильевна обязана была оставлять свое „чтеніе въ книжку“ и тоже принимать участіе въ преферансѣ или занимать гостя разговоромъ.

— Да о чемъ же я съ нимъ буду разговаривать?—спрашивала Надежда Васильевна.—Разговаривать на заказъ очень трудно.

— Ладно, ладно... съ другими умѣешь разговаривать, а тутъ и языка не стало.

— Съ какими другими?

— Ну, у Ляховскихъ своихъ, поди, говоришь тоже... Вѣдь не въ молчанку же тамъ играютъ...

— У Ляховскихъ, мама, въ преферансъ не играютъ, а говорятъ, когда хочется и что хочется.

— Не мудри, говорю. Вотъ къ Хинѣ не хочешь ѣхать съ визитомъ...

— Вы знаете, почему я не ѣду къ ней.

Марья Степановна, послѣ размолвки Василія Назарыча съ Приваловымъ, почти совсѣмъ упала духомъ относительно своихъ завѣтныхъ плановъ; Приваловъ не казалъ къ нимъ глазъ, Надежда Васильевна ни за что не хотѣла ѣхать къ Хинѣ,—однимъ словомъ, выходило такъ, что Приваловъ совсѣмъ попался въ ловкія руки одной Хины, которая не преминетъ воспользоваться всѣми выгодами своего исключительнаго положенія. Вотъ въ этотъ критическій моментъ Марья Степановна и рѣшилась обойтись совсѣмъ безъ Хины и повести дѣло вполнѣ самостоятельно. Теперь она была на верху блаженства, потому что, очевидно, Приваловъ съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ у нихъ вечера и замѣтно искалъ случая поговорить съ Надеждой Васильевной; Марья Степановна каждый разъ замѣчала, что присутствіе дочери оживляло Привалова и онъ украдкой часто посматривалъ на нее.

— Устрой, Господи, все на пользу!—шептала иногда Павла Ивановна, когда оставалась одна съ Марьей Степановной.

— Мудрено что-то,—вздыхала Марья Степановна.—Не пойму я этого Сережу... Нѣту въ немъ чего-то, характеру недостаетъ: собирается-собирается куда-нибудь, а глядишь—попалъ въ другое мѣсто. Теперь вотъ тоже относительно Нади: какъ будто она ему нравится, и какъ будто онъ ее даже боится... Легкое ли мѣсто—такому мужчинѣ какой-нибудь дѣвчонки бояться! И она тоже мудритъ надъ нимъ... Я ужъ вижу ее наскозь: вся въ родимаго батюшку пошла, слова спросту не молвитъ.

— Дѣвичье дѣло, Марья Степановна... Нынче образованныя да бойкія дѣвицы пошли, не какъ въ наше время. Ну, у нихъ ужъ все по-своему и выходитъ.

— Выходитъ, да не больно... Въ наше время женихъ-то пріѣхалъ въ домъ, поглядѣлъ невѣсту издальки, а потомъ тебѣ и свадьба. А нынче: тянутъ-тянутъ, ходятъ-ходятъ, говорятъ-говорятъ по-умному-то, а глядишь—дѣло и разсохлось, да и время напрасно пропало.

Послѣ одного очень скучнаго преферанса, когда Марья Степановна вышла изъ комнаты, чтобы отдать Досиѳеѣ какое-то распоряженіе по хозяйству, Надежда Васильевна пытливо и внимательно посмотрѣла на Привалова и потомъ спросила:

— Неужели вамъ нравится играть въ карты?

— Да.

— Не можетъ быть. Вы просто хотите угодить мамѣ и, вѣроятно, скучаете страшно.

— Наоборотъ: я такъ люблю эту мирную обстановку въ вашемъ домѣ и ничего не желалъ бы лучшаго.

Дѣвушка съ недовѣріемъ посмотрѣла на Привалова и ничего не отвѣтила. Но въ другой разъ, когда они остались вдвоемъ, она серьезно спросила:

— Въ прошлый разъ вы сказали, что вамъ очень нравится наша мирная обстановка,—это серьезно было сказано?

— Совершенно серьезно.

— А вы не чувствуете никакихъ диссонансовъ, какими пропитана эта мирная обстановка?

— Я хорошенько не понимаю, что̀ вы хотите этимъ сказать...

Надежда Васильевна на минуту задумалась и, повидимому, колебалась высказать свою мысль, но, взглянувъ Привалову въ глаза, она тихо проговорила:

— Да вездѣ эти диссонансы, Сергѣй Александрычъ, и вы, кажется, уже испытали на себѣ ихъ дѣйствіе. Но у отца это прорывается минутами, а потомъ онъ самъ раскаивается въ своей горячности и только изъ гордости не хочетъ открыто сознаться въ сдѣланной несправедливости. Взять хоть эту исторію съ Костей. Вы знаете, изъ-за чего они разошлись?

— Да кажется, изъ-за того же, изъ-за чего произошла и наша размолвка, то-есть изъ-за пріисковъ.

— Съ той разницей, что вы и Костя совершенно иначе высказались по поводу пріисковъ: вы не хотите быть золотопромышленникомъ потому, что считаете такую дѣятельность совершенно непроизводительной; Костя, наоборотъ, считаетъ золотопромышленность вполнѣ производительнымъ трудомъ и разошелся съ отцомъ только по вопросу о пріисковыхъ рабочихъ... Онъ разсказываетъ ужасныя вещи про положеніе этихъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ и прямо сравнилъ ихъ съ каторгой, когда отецъ настаивалъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ на пріиски.

— Но вѣдь положеніе пріисковыхъ рабочихъ можно улучшить,—это зависитъ уже отъ самихъ золотопромышленниковъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что Костя доказываетъ совершенно противное, т.-е. что если обставить пріисковыхъ рабочихъ настоящимъ образомъ, тогда лучшіе пріиски будутъ давать предпринимателямъ одни убытки. Они поспорили горячо, и Костя высказался очень рѣзко относительно происхожденія громадныхъ богатствъ, нажитыхъ золотомъ. Тутъ досталось и вашимъ предкамъ отчасти, а отецъ принялъ все на свой счетъ и ужасно разсердился на Костю.

— А по-вашему, Надежда Васильевна, правъ Костя, или нѣтъ?

— И правъ и нѣтъ. Правъ въ томъ отношеніи, что, дѣйствительно, наше, напримѣръ, богатство создано потомъ и кровью добровольныхъ каторжниковъ,—это съ одной стороны, а съ другой—Костя, по-моему, не правъ... Именно, онъ забываетъ то, что отецъ выросъ и состарился въ извѣстныхъ взглядахъ, отнестись къ которымъ критически онъ рѣшительно не въ состояніи. Затѣмъ, спеціально для отца золотопромышленность освящена гуляевскими и приваловскими преданіями, и наконецъ самъ онъ фанатикъ своего дѣла, на которое смотритъ, какъ на священнодѣйствіе, а не какъ на источникъ личнаго обогащенія. Вотъ вамъ первый диссонансъ нашей мирной обстановки,—закончила Надежда Васильевна свою рѣчь съ немного грустной улыбкой.—Мы живемъ паразитами, и отъ нашего богатства пахнетъ кровью тысячъ бѣдняковъ... Согласитесь, что одно сознаніе такой истины въ состояніи отравить жизнь.

— Вы замѣчательно смѣло разсуждаете...—задумчиво проговорилъ Приваловъ.—И знаете, я тысячу разъ думалъ то же, только относительно своего наслѣдства... Васъ мучитъ одна золотопромышленность, а на моей совѣсти, кромѣ денегъ, добытыхъ золотопромышленностью, большою тяжестью лежатъ еще заводы, которые основаны на отнятыхъ у башкиръ земляхъ и созданы трудомъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ.

Да... Но у васъ есть выходъ: вы можете выплатить свой долгъ въ той или другой формѣ. А вотъ другое дѣло, когда мы будемъ разсматривать нашу частную жизнь, наше міросозерцаніе, наши нравственныя понятія, стремленія и желанія... Вотъ я именно поэтому и заговорила съ вами о диссонансахъ. Возьмите, напримѣръ, хоть наше раскольничество: что̀ осталось отъ того, за что люди умирали сотнями, выносили пытки, изгнаніе и скитались по лѣсамъ, какъ звѣри?.. Рѣшительно ничего, кромѣ мертвой формы и кой-какихъ обрядовъ. И этимъ буквоѣдствомъ пропитана вся жизнь! Вы посмотрите, какъ мы относимся къ другимъ! Сколько самой грубой фальши!.. А самое скверное то, что мы этой фальшью покупаемъ себѣ полное спокойствіе совѣсти.

Надежда Васильевна очень горячо развила свою основную мысль о диссонансахъ, и Приваловъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее все время: лицо ея было залито румянцемъ, глаза блестѣли, слова вырывались неудержимымъ потокомъ.

— Скажите, пожалуйста, Надежда Васильевна, только одно,—спрашивалъ Приваловъ:—когда и какъ вы успѣли передумать столько?

— Вы хотите сказать—кто меня научилъ всему этому? О, это очень длинная исторія... Отчасти виноватъ Костя, потомъ докторъ Сараевъ, у котораго я училась вмѣстѣ съ Зосей Ляховской; наконецъ пришлось читать кое-что...

Приваловъ видѣлъ, что дѣвушкѣ что-то хотѣлось ему досказать, но она удержалась.

Нѣсколько такихъ разговоровъ быстро сблизили Привалова и Надежду Васильевну; между ними выросла та невидимая связь, которая не высказывалась словами, а только чувствовалась. Приваловъ увидѣлъ дѣвушку совершенно въ новомъ для него свѣтѣ: она тяготилась богатой обстановкой, въ которой приходилось жить,—всякой фальшивой нотой, которыхъ такъ много звучало въ жизни бахаревскаго дома, наконецъ своей бездѣятельной, безполезной и безцѣльной ролью богатой невѣсты. Часто они съ радостью открывали, что думали объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, мучились тѣми же сомнѣніями и нерѣдко приходили къ однимъ результатамъ. Для Привалова не оставалось никакого сомнѣнія, что Надежда Васильевна живетъ въ отцовскомъ домѣ только внѣшнимъ образомъ, а ея душа принадлежитъ другому міру и другимъ людямъ. Иногда дѣвушка выражалась слишкомъ рѣзко о самыхъ близкихъ людяхъ, и Приваловъ не могъ не чувствовать, что она находится подъ чьимъ-то исключительнымъ, очень сильнымъ вліяніемъ и многаго не досказываетъ.

Въ свою очередь, Приваловъ очень подробно разсказывалъ о своихъ планахъ на будущее. На Шатровскіе заводы онъ смотрѣлъ, какъ на свой историческій долгъ, который обязанъ выплатить сорокатысячному заводскому населенію и башкирамъ. Въ какой формѣ онъ это сдѣлаетъ,—пока для него еще неясно, и придется дѣйствовать сообразно указаніямъ опыта. Только въ этихъ видахъ онъ и хлопочетъ о своемъ наслѣдствѣ, отъ котораго даже не въ правѣ отказаться. Но, прежде чѣмъ можно будетъ приступить къ выполненію этихъ плановъ, необходимо очистить заводы отъ государственнаго долга, что̀ займетъ, можетъ-быть, періодъ времени лѣтъ въ десять.

— Относительно опеки и государственнаго долга Костя будетъ съ вами совершенно согласенъ,—говорила Надежда Васильевна:—но относительно вашихъ плановъ погашенія историческаго долга вы встрѣтите въ немъ мало сочувствія.

— Почему вы такъ думаете?

— Да по всему: у васъ просто сердце не лежитъ къ заводскому дѣлу, а Костя въ этомъ отношеніи фанатикъ. Онъ рѣшительно и знать ничего не хочетъ, кромѣ заводскаго дѣла.

Приваловъ подробно объяснилъ, что промышленность въ Европѣ и у насъ пользуется совсѣмъ незаслуженнымъ покровительствомъ государства и даже науки и всѣмъ своимъ гнетомъ ложится на основной источникъ народнаго благосостоянія—на земледѣліе. Эта истина особенно справедлива для Россіи, которая надолго останется земледѣльческой страной по преимуществу. Съ этой точки зрѣнія, русскіе горные заводы, выстроенные на даровой землѣ крѣпостнымъ трудомъ, въ настоящее время являются просто язвой въ экономической жизни государства, потому что могутъ существовать только благодаря высокимъ тарифамъ, гарантіямъ, субсидіямъ и всякимъ другимъ льготамъ, которыя приносятъ громадный вредъ народу и обогащаютъ однихъ заводчиковъ.

— Теперь я понимаю,—говорила Надежда Васильевна.—Мнѣ кажется, что папа просто не понялъ васъ тогда и согласится съ вами, когда хладнокровно обсудитъ все дѣло.

— Нѣтъ, я на это не надѣюсь, Надежда Васильевна.

— Почему такъ?

— Да такъ... Существуетъ что-то въ родѣ фатализма: люди, близкіе другъ другу по духу, по складу ума, по стремленіямъ и даже по содержанію основныхъ идей, расходятся иногда на всю жизнь изъ-за какихъ-нибудь глупѣйшихъ пустяковъ, пустой фразы, даже изъ-за одного непонятаго слова.

— Значитъ, вы не вѣрите въ возможность разумно устранить такіе пустяки, которые стоитъ только выяснить?

— Какъ вамъ сказать: и вѣрю и не вѣрю... Пустяки въ нашей жизни играютъ слишкомъ большую роль, и противъ нихъ иногда мы рѣшительно безсильны. Они опутываютъ насъ по рукамъ и по ногамъ, приносятъ массу самыхъ тяжелыхъ огорченій и служатъ неизсякаемымъ источникомъ другихъ пустяковъ и мелочей. Вы сравните: самый страшный врагъ—тотъ, который подавляетъ насъ не единичной силой, а количествомъ. Въ тайгѣ охотникъ бьетъ медвѣдей десятками и часто дѣлается жертвой комаровъ. Я не отстаиваю моей мысли, я только высказываю мое личное мнѣніе.

Дѣвушка задумалась. Она сама много разъ думала о томъ, что̀ сейчасъ высказалъ Приваловъ, и въ ея молодой душѣ проснулся какой-то смутный страхъ передъ необъятностью житейскихъ пустяковъ.

— Дѣйствительно, эти мелочи просто заѣдаютъ насъ,—согласилась она.—Но вѣдь есть же средства противъ нихъ?

— И есть и нѣтъ, глядя по человѣку...

У Бахаревыхъ Приваловъ познакомился съ докторомъ Сараевымъ, который по вечерамъ иногда заѣзжалъ навѣстить Василія Назарыча. Это былъ плотный господинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, широкій въ плечахъ, съ короткой шеей и сильной просѣдью въ гладко зачесанныхъ темныхъ волосахъ и такой же бородкѣ. Для своихъ лѣтъ докторъ сохранился очень хорошо, и только лицо было совершенно матовое, какъ у всѣхъ очень нервныхъ людей; маленькіе черные глаза смотрѣли изъ-подъ густыхъ бровей пытливо и задумчиво.

Ходилъ докторъ торопливой неслышной походкой, жалъ крѣпко руку, когда здоровался, и улыбался одинаково всѣмъ стереотипной докторской улыбкой, которую никто не разберетъ.

— Мой учитель и другъ,—рекомендовала Надежда Васильевна доктора Привалову. — Борисъ Григорьичъ помнитъ васъ, когда вы были еще гимназистомъ.

— Я тоже не забылъ васъ, Борисъ Григорьичъ, —отвѣчалъ Приваловъ.— И сейчасъ бы узналъ, если бы встрѣтилъ васъ.

— А я такъ не скажу этого, — заговорилъ докторъ мягкимъ грудным голосомъ, пытливо разсматривая Привалова.—И немудрено: вы изъ мальчика превратились во взрослаго, а я только посѣдѣлъ. Кажется, давно ли все это было, когда вы съ Константиномъ Васильичемъ были дѣтьми, а Надежда Васильевна крошечной дѣвочкой,—между тѣмъ пробѣжало цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, и намъ, старикамъ, остается только уступить свое мѣсто молодому поколѣнію.

— Вы, докторъ, сегодня, кажется, не въ духѣ?—съ улыбкой спрашивала Надежда Васильевна.

— Нѣтъ, я только констатирую фактъ; это одна изъ тѣхъ старыхъ исторій, которыя останутся вѣчно новыми.

Приваловъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ доктора. Онъ хотѣлъ видѣть въ немъ того учителя, подъ вліяніемъ котораго развилась Надежда Васильевна, но, къ своему сожалѣнію, онъ не нашелъ того, чего искалъ.

— Какъ вы нашли доктора? — спрашивала Надежда Васильевна, когда докторъ уѣхалъ.—Онъ произвелъ на васъ непріятное впечатлѣніе своей вѣжливостью и улыбками? Ужъ это его неисправимый недостатокъ, а во всемъ остальномъ это замѣчательный, единственный человѣкъ. Вы полюбите его всей душой, когда узнаете поближе. Я не хочу захваливать его впередъ, чтобы не испортить вашего впечатлѣнія...

X.

Какъ Приваловъ ни откладывалъ своего визита къ Ляховскому, ѣхать было все-таки нужно, и въ одно прекрасное утро онъ отправился къ Половодову, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ Ляховскому. Половодова не было дома, и Приваловъ хотѣлъ вернуться домой съ спокойной совѣстью, что на этотъ разъ ужъ не онъ виноватъ.

— Сергѣй Александрычъ, куда же это вы такъ бѣжите?—окликнулъ его голосъ Антониды Ивановны.—Александръ Павлычъ сейчасъ долженъ вернуться.

Антонида Ивановна стояла въ дверяхъ гостиной въ голубомъ пеньюарѣ со множествомъ прошивокъ, кружевъ и бантиковъ. Длинные русые волосы были ловко собраны въ домашнюю прическу; на шеѣ блестѣла аметистовая нитка. Антонида Ивановна улыбалась и слегка щурила глаза, какъ это дѣлаютъ театральныя ingénues.

— Вы, вѣроятно, испугались перспективы провести со мной скучныхъ полчаса? Теперь вы искупите свою вину и неделикатность тѣмъ, что проскучаете со мной цѣлый часъ.... Да, да, Александръ просилъ сейчасъ же извѣстить его, какъ вы пріѣдете, — онъ теперь въ своемъ банкѣ, — а я нарочно пошлю за нимъ черезъ часъ. Что, испугались?

Антонида Ивановна весело засмѣялась и провела Привалова въ маленькую голубую гостиную въ неизмѣнномъ русскомъ вкусѣ. Когда проходили по залѣ, Приваловъ замѣтилъ открытое фортепіано и спросилъ:

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ, Антонида Ивановна?

— Нѣтъ, это пустяки. Я совсѣмъ не умѣю играть... Вотъ садитесь сюда,— указала она кресло рядомъ со своимъ.—Разсказывайте, какъ проводите время. Ахъ, да, я третьяго-дня, кажется, встрѣтила васъ на улицѣ, а вы сдѣлали видъ, что не узнали меня, и даже отвернулись въ другую сторону. Если вы будете оправдываться близорукостью, это будетъ грѣшно съ вашей стороны.

— Помилуйте, Антонида Ивановна, — могъ только проговорить Приваловъ, пораженный необыкновенной любезностью хозяйки. — Я хорошо помню улицу, по которой, дѣйствительно, проходилъ третьяго-дня, но вашего экипажа я не замѣтилъ. Вы ошиблись.

— Нѣтъ, не ошиблась.

— По крайней мѣрѣ, назовите мнѣ улицу, на которой вы меня встрѣтили.

— Ахъ, какой хитрый... — кокетливо проговорила Половодова, хлопая рукой по ручкѣ кресла. — Вы хотите поймать меня и обличить въ выдумкѣ? Нѣтъ, успокойтесь: я встрѣтила васъ въ концѣ Нагорной улицы, когда вы подходили къ дому Бахаревыхъ. Я, конечно, понимаю, что ваша голова была слишкомъ занята, чтобы смотрѣть по сторонамъ.

— Именно?

— Нѣтъ, это я такъ болтаю, Сергѣй Александрычъ. Третьяго-дня у меня болѣли зубы, и я совсѣмъ не выходила изъ дому.

Въ этой болтовнѣ незамѣтно пролетѣлъ цѣлый часъ. Приваловъ заразился веселымъ настроеніемъ хозяйки и смѣялся надъ тѣми милыми пустяками, которые говорятъ въ такихъ хорошенькихъ гостиныхъ. Антонида Ивановна принесла альбомъ, чтобы показать карточку Зоси Ляховской. Въ моментъ разсматриванія альбома, когда Приваловъ напрасно старался придумать что-нибудь непремѣнно остроумное относительно карточки Зоси Ляховской, въ гостиной послышались громкіе шаги Половодова, и Антонида Ивановна немного отодвинулась отъ своего гостя.

— Это мой узникъ, — объяснила Антонида Ивановна мужу, показывая глазами на Привалова.—Представь себѣ, когда Сергѣй Александрычъ узналъ, что тебя нѣтъ дома, онъ хотѣлъ сейчасъ же незамѣтнымъ образомъ скрыться. Въ наказаніе я заставила его проскучать цѣлый часъ въ моемъ обществѣ...

— Ваше положеніе, дѣйствительно, было критическое,—весело говорилъ Половодовъ, цѣлуя жену въ лобъ. — Я не желалъ бы быть на вашемъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, я съ большимъ удовольствіемъ провелъ время,—увѣрялъ Приваловъ.

— Чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить Сергѣя Александрыча, я показала ему карточку m-lle Ляховской,—объясняла Антонида Ивановна, блестя глазами.

— И отлично,—соглашался Половодовъ.— Теперь намъ остается только перейти, т.-е., вѣрнѣе сказать, переѣхать отъ фотографіи къ оригиналу. Тонечка, ты извини насъ съ Сергѣемъ Александрычемъ: мы сейчасъ отправляемся къ Ляховскому.

— Знаю, знаю...

— А вѣдь я думалъ, что вы уже были у Ляховскаго,—говорилъ Половодовъ на дорогѣ къ передней.—Помилуйте, сколько времени прошло, а вы все не ѣдете. Хотѣлъ сегодня самъ ѣхать къ вамъ.

— Ахъ, какой ты, Александръ, недогадливый, — лукаво говорила Антонида Ивановна:— Сергѣй Александрычъ былъ занятъ все время...

Половодовъ прикинулся, что не понимаетъ намека, а Приваловъ испы-

тывалъ какое-то глупо-пріятное чувство. На порогѣ Половодовъ еще разъ поцѣловалъ жену, и эта картина семейнаго счастья могла тронуть даже каменное сердце. Никто бы, конечно, не подумалъ, что такой поцѣлуй являлся только одной нотой въ той пьесѣ, которая разыгрывалась счастливыми супругами. Нужно замѣтить, что пьеса не была какимъ-нибудь грубымъ заговоромъ, а просто, послѣ извѣстной уже читателямъ утренней сцены, между супругами послѣдовало молчаливое соглашеніе. И, странная вещь, послѣ своего визита къ mamam, которая, конечно, съ истинно-свѣтскимъ тактомъ открыла глаза недоумѣвавшей дочери, Антонида Ивановна какъ будто почувствовала большее уваженіе къ мужу, потому что и въ ея жизни явился хоть какой-нибудь интересъ.

XI.

Приваловскій домъ стоялъ на противоположномъ концѣ той же Нагорной улицы, на которой былъ и домъ Бахарева. Онъ занималъ собой вершину горы и представлялся издали чѣмъ-то въ родѣ стариннаго кремля. Нѣсколько громадныхъ бѣлыхъ зданій, съ колоннами, бельведерами, балконами и какими-то странной формы куполами, выходили главнымъ фасадомъ на небольшую площадь, а великолѣпными воротами, въ формѣ тріумфальной арки, на Нагорную улицу. Непосредственно за главнымъ зданіемъ, спускаясь по Нагорной улицѣ, тянулся цѣлый рядъ каменныхъ пристроекъ, тоже украшенныхъ колоннами, лѣпными карнизами и арабесками. Сквозныя желѣзныя ворота открывали видъ на широкій дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный каменными службами, конюшнями, великолѣпной оранжереей. Это былъ цѣлый замокъ въ помѣщичьемъ вкусѣ; позади зеленѣлъ старинный садъ, занимавшій своими аллеями весь спускъ горы. Привалова поразила та же печальная картина запустѣнія и разрушенія, какая постигла хоромины Полуяновыхъ, Колпаковыхъ и Размахниныхъ. Домъ представлялъ собою великолѣпную развалину: карнизы обвалились, крыша проржавѣла и отстала во многихъ мѣстахъ отъ стропилъ цѣлыми полосами; массивныя колонны давно облупились, и сквозь отставшую штукатурку выглядывали обсыпавшіеся кирпичи; половина дома стояла незанятой и печально смотрѣла своими почернѣвшими окнами безъ рамъ и стеколъ. Видно было, что крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была покрыта свѣжей краской и стѣны недавно выбѣлены. Единственнымъ живымъ мѣстомъ во всемъ домѣ была та половина, которую занималъ Ляховскій, да еще большой флигель, гдѣ помѣщалась контора; оранжерея и службы были давно обращены въ склады водки и спирта. У Привалова сердце сжалось при видѣ этой развалины: ему опять страшно захотѣлось вернуться обратно въ свои три комнатки, чтобы не видѣть этой картины разрушенія. Когда коляска Половодова съ легкимъ трескомъ подкатила къ шикарному подъѣзду, массивная дубовая дверь распахнулась, и на порогѣ показалась усатая, улыбающаяся физіономія швейцара Пальки.

— Игнатій Львовичъ дома?—спрашивалъ Половодовъ, взбѣгая на лѣстницу по ступенькамъ въ темную переднюю.

— Дома, — почтительно вытянувшись, докладывалъ Палька.

Это былъ цѣлый гайдукъ въ три аршина ростомъ, съ упитанной физіономіей, во вкусѣ стариннаго польскаго холопства.

Передняя походила на министерскую пріемную: мозаичный мраморный полъ, покрытый мягкимъ ковромъ; стѣны, отдѣланныя подъ дубъ; потолокъ, покрытый сплошнымъ слоемъ сквозныхъ арабесокъ, и самая роскошная лѣст-

ница съ мраморными бѣлыми ступенями и массивными бронзовыми перилами. По бокамъ лѣстницы тянулась живая стѣна изъ экзотическихъ растеній, а внизу на мраморныхъ пьедесталахъ покоились бронзовые тритоны съ поднятыми кверху хвостами, поддерживая малютокъ-амуровъ, поднимавшихъ кверху своими пухлыми ручонками тяжелыя лампы съ матовыми шарами.

— У нихъ Альфонсъ Богданычъ,—предупредилъ Палька, помогая Половодову и Привалову освободиться отъ пальто.

— Ничего... Альфонсъ Богданычъ—главный управляющій Ляховскаго,— объяснилъ Половодовъ Привалову, когда они поднимались по лѣстницѣ.

Привалову издали еще услышалъ какой-то странный крикъ, будто гдѣ-нибудь ссорились бабы; крикливыя, высокія ноты такъ и лѣзли въ ухо. Замѣтивъ вопросительный взглядъ Привалова, Половодовъ со спокойной улыбкой проговорилъ:

— Самая обыкновенная исторія: Игнатій Львовичъ ссорится со своимъ управляющимъ... Ха-ха!.. Это у нихъ такъ, между прочимъ; въ дѣйствительности они жить одинъ безъ другого не могутъ.

Когда они поднялись на вторую площадку лѣстницы, Половодовъ повернулъ къ двери, которая вела въ кабинетъ хозяина. Изъ-за этой двери и неслись крики, какъ теперь явственно слышалъ Приваловъ.

— Пожалуйте, Сергѣй Александрычъ,—проговорилъ Половодовъ, распахнувъ дверь въ кабинетъ.

Ляховскій сидѣлъ въ старомъ кожаномъ креслѣ, спиной къ дверямъ, но это не мѣшало ему видѣть всякаго входившаго въ кабинетъ—стоило поднять глаза къ зеркалу, которое висѣло противъ него на стѣнѣ. Изъ всей обстановки кабинета Ляховскаго только это зеркало нѣсколько напоминало объ удобствахъ и извѣстной привычкѣ къ роскоши; все остальное отличалось большой скромностью, даже нѣкоторымъ убожествомъ: стѣны были покрыты полинялыми обоями, вѣроятно, синяго цвѣта; потолокъ изъ бѣлаго превратился давно въ грязно-сѣрый и былъ затканъ по угламъ паутиной; паркетный полъ давно потерялъ и былъ покрытъ до-нельзя измызганнымъ ковромъ, потерявшимъ всѣ краски и представлявшимся издали большимъ грязнымъ пятномъ. Нѣсколько старыхъ стульевъ, два небольшихъ столика по угламъ и низкій клеенчатый диванъ направо отъ письменнаго стола составляли всю меблировку кабинета. Письменный столъ былъ заваленъ дѣловыми бумагами и расчетными книгами всевозможныхъ форматовъ и цвѣтовъ; ими очень искусно было прикрыто оборванное сукно и облупившаяся орѣховая оклейка стола.

Наружность Ляховскаго соотвѣтствовала обстановкѣ кабинета. Его небольшая, тощая фигурка представлялась издали такимъ же грязнымъ пятномъ, какъ валявшійся подъ его ногами коверъ, съ той разницей, что второе пятно помѣщалось въ ободранномъ креслѣ. Несмотря на то, что на дворѣ стояло лѣто, почернѣвшія и запыленныя зимнія рамы не были выставлены изъ оконъ, и самъ хозяинъ сидѣлъ въ старомъ ватномъ пальто. Его длинная вытянутая шея была обмотана шарфомъ. По наружному виду едва ли можно было опредѣлить сразу, сколько лѣтъ было Ляховскому, — онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ одеревянѣвшихъ и высохшихъ, какъ старая зубочистка, людей, о которыхъ вѣрнѣе сказать, что они совсѣмъ не имѣютъ опредѣленнаго возраста; всесокрушающее колесо времени катится, точно минуя ихъ. Такіе засохшіе люди сохраняются въ одномъ положеніи десятки лѣтъ, какъ тѣ старые, гнилые пни, которые держатся одной корой и готовы разсыпаться въ пыль при малѣйшемъ прикосновеніи. Большая голова Ляховскаго представляла черепъ, обтянутый высохшей желтой кожей, которая около глазъ скла-

дывалась въ сотни мелкихъ и глубокихъ морщинъ. При каждой улыбкѣ эти морщины лучами разбѣгались по всему лицу. Ляховскій носилъ длинные усы и маленькую мушку подъ нижней губой; черные волосы съ сильной просѣдью образовали на головѣ забавный кокъ. Синія очки не оставляли горбатаго носа, но онъ рѣдко смотрѣлъ въ нихъ, а обыкновенно поверхъ ихъ, такъ что издали трудно было угадать, куда онъ смотритъ въ данную минуту. Въ высохшемъ, помертвѣломъ лицѣ Ляховскаго оставались живыми только одни глаза, темные и блестящіе: они еще свидѣтельствовали о томъ запасѣ жизненныхъ силъ, который какимъ-то чудомъ сохранился въ его высохшей фигурѣ. Альфонсъ Богданычъ представлялъ полную противоположность рядомъ съ Ляховскимъ: толстый, съ толстой головой, съ толстой шеей, толстыми красными пальцами,—онъ походилъ на обрубокъ; маленькіе свиные глазки юлили безпокойнымъ взглядомъ около толстаго носа.

— Вы хотите меня по міру пустить на старости лѣтъ? — выкрикивалъ Ляховскій бабьимъ голосомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я не позволю водить себя за носъ, какъ стараго дурака.

— Успокойтесь, Игнатій Львовичъ,—спокойно отвѣтилъ Альфонсъ Богданычъ, медленнымъ движеніемъ откладывая на счетахъ нѣсколько костяжекъ.

— Альфонсъ Богданычъ, Альфонсъ Богданычъ... вы надѣваете мнѣ петлю на шею и совѣтуете успокоиться! Да... петлю, петлю!.. А Приваловъ здѣсь, въ Узлѣ, вы это хорошо знаете,—не сегодня-завтра онъ явится и потребуетъ отчета. Вы останетесь въ сторонѣ...

— Не то что явится, а ужъ явился, Игнатій Львовичъ,—громко проговорилъ Половодовъ.—Имѣю честь рекомендовать: Сергѣй Александрычъ Приваловъ, Игнатій Львовичъ Ляховскій...

— Ахъ, виноватъ... извините...—заметался Ляховскій въ своемъ креслѣ, протягивая Привалову свою сухую, какъ щепка, руку. — Я такъ радъ васъ видѣть, познакомиться... Хотѣлъ самъ ѣхать къ вамъ, да развѣ я могу располагать своимъ временемъ: я рабъ этихъ проклятыхъ дѣлъ, работаю, какъ каторжникъ.

Приваловъ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, а самъ съ удивленіемъ разсматривалъ мизерную фигурку знаменитаго узловскаго магната. Тотъ Ляховскій, котораго представлялъ себѣ Приваловъ, куда-то исчезъ, а настоящій Ляховскій превосходилъ все, что можно было ожидать, принимая во вниманіе всѣ разсказы о необыкновенной скупости Ляховскаго и его странностяхъ. Есть люди, одинъ видъ которыхъ разбиваетъ въ дребезги заочно составленное о нихъ мнѣніе,—Ляховскій принадлежалъ къ этому разряду людей, и не въ свою пользу.

— Вы пріѣхали какъ нельзя болѣе кстати, — продолжалъ Ляховскій, мотая головой, какъ фарфоровый китаецъ.—Вы, конечно, уже слышали, какой переполохъ устроилъ этотъ мальчикъ, вашъ братъ... Да, да. Я удивляюсь... Профессоръ Тидеманъ—такой прекрасный человѣкъ... Я имѣю о немъ самыя отличныя рекомендаціи. Мы какъ разъ кончили съ Альфонсомъ Богданычемъ кой-какіе счеты и теперь можемъ приступить прямо къ дѣлу... Вотъ и Александръ Павлычъ здѣсь. Я, право, такъ радъ, такъ радъ васъ видѣть у себя, Сергѣй Александрычъ... Мы сейчасъ же и займемся!..

„Ну, этотъ безъ всякихъ предисловій берется за дѣло“,—съ улыбкой подумалъ Приваловъ, усаживаясь на мѣсто Альфонса Богданыча, который незамѣтно успѣлъ выйти изъ комнаты.

Половодовъ, скрѣпя сердце, тоже присѣлъ къ столу и далеко вытянулъ свои поджарыя ноги; онъ смотрѣлъ на Ляховскаго и Привалова такимъ

взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Ну, друзья, что-то вы теперь будете дѣлать... Посмотримъ!“ Ляховскій въ это время успѣлъ вытащить цѣлую кипу бумагъ и бухгалтерскихъ книгъ, сдвинулъ свои очки совсѣмъ на лобъ и проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Вы, господа, кажется, курите? Вѣдь вотъ были гдѣ-то у меня отличныя сигары...

Онъ быстро нырнулъ подъ свой столъ, вытащилъ оттуда пустой ящикъ изъ-подъ сигаръ, щелкнулъ по его дну пальцемъ и съ улыбкой доктора, у котораго только-что умеръ пацієнтъ, произнесъ:

— Вотъ здѣсь была цѣлая сотня... Отличныя сигары отъ Фейка. Это Веревкинъ выкурилъ!.. Да, онъ по двѣ сигары выкуриваетъ зразъ, — проговорилъ Ляховскій и, повернувъ коробку вверхъ дномъ, печально прибавилъ:— теперь ни одной не осталось...

— Не безпокойтесь, Игнатій Львовичъ,— успокаивалъ Половодовъ, улыбаясь глазами.—Я захватилъ съ собой...

— У меня тоже есть, — замѣтилъ Приваловъ; выходки Ляховскаго начинали его забавлять.

— Вотъ и отлично, — обрадовался Ляховскій. — Я очень люблю дымъ хорошихъ сигаръ... У васъ, Александръ Павлычъ, навѣрно, регаліи... Да? Очень хорошо... Веревкинъ очень много куритъ сигаръ.

Послѣ этого эпизода Ляховскій съ азартомъ накинулся на разложенныя бумаги. Нужно сознаться, что онъ зналъ все дѣло, какъ свои пять пальцевъ, и артистически набросалъ картину настоящаго положенія дѣлъ по опекѣ. Какъ искусный дипломатъ, онъ началъ съ самыхъ слабыхъ мѣстъ и сейчасъ же затушевалъ ихъ цѣлымъ лѣсомъ цифровыхъ данныхъ; были тутъ цѣлые столбцы цифръ, средніе выводы за трехлѣтія и пятилѣтія, сравнительные итоги приходовъ и расходовъ, цифровыя аналогіи, смѣты, соображенія, проекты; цифры такъ и сыпались, точно Ляховскій задался спеціальной цѣлью наполнить ими всю комнату. Приваловъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этимъ цифровымъ фейерверкомъ, пока у него совсѣмъ не закружилась голова, и онъ готовъ былъ сознаться, что начинаетъ теряться въ этомъ лѣсѣ цифръ. Чтобы перевести духъ, онъ спросилъ Ляховскаго:

— Александръ Павлычъ мнѣ говорилъ, что у васъ есть черновая послѣдняго отчета по опекѣ... Позвольте мнѣ взглянуть на нее.

— Да, да... Есть; какъ же, есть. Съ большимъ удовольствіемъ...

Ляховскій мягкими шажками подбѣжалъ къ окну, порылся въ нѣсколькихъ картонкахъ и, взглянувъ въ окно, оставилъ бумаги.

— Извините, я оставлю васъ на одну минуту, — проговорилъ онъ и сейчасъ же исчезъ изъ кабинета; въ полуотворенную дверь донеслось только, какъ онъ быстро скатился внизъ по лѣстницѣ и обругалъ по дорогѣ дремавшаго Пальку.

— Посмотрите, Сергѣй Александрычъ... Ха-ха!..—заливался Половодовъ, подводя Привалова къ окну.—Удивительный человѣкъ этотъ Игнатій Львовичъ.

Половодовъ открылъ форточку, и со двора донеслись тѣ же крикливые звуки, какъ давеча. Въ окно Приваловъ видѣлъ, какъ Ляховскій съ нѣтушинымъ задоромъ наскакивалъ на массивную фигуру кучера Ильи, который стоялъ передъ бариномъ безъ шапки. На землѣ валялась совсѣмъ новенькая метла, которую Ляховскій толкалъ нѣсколько разъ ногой.

— Вы всѣ сговорились пустить меня по міру! — неестественно-тонкимъ голосомъ выкрикивалъ Ляховскій. — Вѣдь у тебя третьяго-дня была новая метла! Я своими глазами видѣлъ... Была, была, была, была!..

— Она и теперь въ конюшнѣ стоитъ, — флегматически отвѣчалъ Илья, трогая одной рукой то мѣсто, гдѣ у другихъ людей бываетъ шея, а у него изъ-подъ ворота ситцевой рубашки выползала широкая жирная складка кожи, какъ у бегемота.—Мнѣ на что ее, вашу метлу.

— Да, да... Сегодня метла, завтра метла, послѣзавтра метла. Господи! Да вы съ меня послѣднюю рубашку снимете. Что ты думаешь: у меня золотыя горы для васъ... а?.. горы?.. Съ какимъ ты мѣшкомъ давеча шелъ по двору?

— Извѣстно съ какимъ: мѣшокъ обыкновенный, съ овсомъ...

— Хорошо, я самъ знаю, что не съ водой, да овесъ-то, овесъ-то куда ты несъ... а?.. Вѣдь овесъ денегъ стоитъ, а ты его воруешь... а?..

— Ничего не ворую... вотъ сейчасъ провалиться, Игнатій Львовичъ. Барышня приказали Тэку покормить, ну, я и снесъ. Нѣтъ, это вы напрасно; воровать овесъ нехорошо... Сейчасъ провалиться... А ежели барышня...

— Барышня?!. Знаю я васъ, молодцовъ... Вотъ я спрошу у барышни.

Ляховскій кричалъ еще нѣсколько минутъ, велѣлъ при себѣ убрать новую метлу въ завозню и вернулся въ кабинетъ съ крупными каплями холоднаго пота на лбу.

— Разоряютъ... грабятъ...—глухимъ голосомъ простоналъ онъ, безсильно падая въ кресло и закрывая глаза.

— Мнѣ кажется, что вы ужъ очень близко принимаете къ сердцу разные пустяки,—замѣтилъ Половодовъ, раскуривая сигару.

— Пустяки?!. Это пустяки?!.—возопилъ Ляховскій, вскакивая съ мѣста съ такой стремительностью, точно что его подбросило. — Въ такомъ случаѣ, что по-вашему не пустяки... а? Третьяго-дня взялъ новую метлу, а сегодня опять новая.

— Да вѣдь метла, Игнатій Львовичъ, стоитъ у насъ копейку.

— Ахъ, молодые люди, молодые люди... Да развѣ мнѣ дорога самая метла? Меня возмущаетъ отношеніе,—понимаете, отношеніе моихъ служащихъ къ моимъ деньгамъ. Да... Вѣдь я давно былъ бы нищимъ, если бы смотрѣлъ на свои деньги ихъ глазами. Послѣдовательность нужна... да, послѣдовательность! Особенно въ мелочахъ, изъ которыхъ складывается вся жизнь. Сергѣй Александрычъ, обратите вниманіе: сегодня я спущу Ильѣ, а завтра будутъ дѣлать то же другіе кучера,—всѣ и потащатъ, кто и что успѣетъ схватить. Методъ, идея дороги: кто не умѣетъ сберечь гроша, тотъ не сбережетъ милліона... Да-съ. Особенно это важно для меня: у меня столько дѣлъ, столько служащихъ, прислуги... да они по зернышку разнесутъ все, что я наживалъ годами... Извините меня, Сергѣй Александрычъ,—прибавилъ Ляховскій послѣ короткой паузы.—Мы сейчасъ опять за дѣло...

— Можетъ-быть, вы устали, Игнатій Львовичъ, — проговорилъ Приваловъ:—тогда мы въ другой разъ.,.

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же. Во всякомъ дѣлѣ важенъ прежде всего методъ, послѣдовательность...

Чтеніе черновой отчета заняло больше часа времени. Приваловъ провѣрилъ нѣсколько цифръ въ книгахъ, — все было вѣрно изъ копейки въ копейку; оставалось только заняться бухгалтерскими книгами. Ляховскій развернулъ ихъ и приготовился опять унестись въ область безконечныхъ цифръ.

— Нѣтъ, ужъ меня увольте, господа, — взмолился Половодовъ, поднимаясь съ мѣста.—Слуга покорный... Да это можно съ ума сойти! Сергѣй Александрычъ, пощадите свою голову!

— Мнѣ все равно,—соглашался Приваловъ. — Какъ Игнатій Львовичъ.

— Ну, и сидите съ Игнатьемъ Львовичемъ,—проговорилъ Половодовъ.— Я не могу вамъ принести какой-нибудь пользы здѣсь, поэтому позвольте мнѣ удалиться на нѣкоторое время...

— Куда же вы, Александръ Павлычъ?—спрашивалъ Ляховскій съ недовольнымъ лицомъ.—Я просто не понимаю...

— Чего жъ тутъ не понимать, Игнатій Львовичъ? Дѣло, кажется, очень просто: вы тутъ позайметесь, а я тѣмъ временемъ передохну немножко... Схожу засвидѣтельствовать мое почтеніе Софьѣ Игнатьевнѣ.

Ляховскій безнадежно махнулъ рукой на выходившаго изъ комнаты Половодова и зорко поглядѣлъ въ свои очки на сидѣвшаго въ креслѣ Привалова, который спокойно ждалъ продолженія прерванныхъ занятій. Привалову больше не казались странными ни кабинетъ Ляховскаго, ни самъ онъ, ни его смѣшныя выходки,—онъ какъ-то сразу освоился со всѣмъ этимъ. Изъ предыдущихъ занятій онъ вынесъ самое смутное представленіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, да и трудно было разобраться въ этой массѣ матеріала. Нужно было по крайней мѣрѣ мѣсяцъ поработать надъ этими счетами и бухгалтерскими книгами, чтобы овладѣть самой сутью дѣла. Теперь задачей Привалова было ознакомиться хорошенько съ пріемами Ляховскаго и его пресловутой послѣдовательностью. Василій Назарычъ указывалъ Привалову на слабыя мѣста опеки, но теперь рано было останавливаться на нихъ: Ляховскій, конечно, сразу понялъ бы, откуда дуетъ вѣтеръ, и перемѣнилъ бы тактику, а теперь ему поневолѣ приходилось высказываться въ томъ или другомъ смыслѣ. За Приваловымъ оставалось въ этой игрѣ то преимущество, что для Ляховскаго онъ являлся все-таки неизвѣстной величиной.

— Вотъ ужъ поистинѣ—связался чортъ съ младенцемъ,— ворчалъ Половодовъ, шагая по какому-то длинному коридору развязной походкой своего человѣка въ домѣ. — Воображаю, сколько пойметъ Приваловъ изъ этихъ книгъ... Ха!..

По дорогѣ Половодовъ встрѣтилъ смазливую горничную въ бѣломъ фартукѣ съ кружевами: она бойко летѣла съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли пустыя чашки изъ-подъ кофе.

— Кто у барышни?—спросилъ Половодовъ, загораживая дорогу и стараясь ухватить двумя пальцами горничную за подбородокъ съ ямочкой посрединѣ.

— Ахъ, отстаньте... — кокетливо прошептала дѣвушка, защищаясь отъ барской ласки своимъ подносомъ. — Викторъ Васильичъ, Лепешкинъ, нашъ баринъ...

— Понимаю, бѣсенокъ.

Потрепавъ горничную по розовой щекѣ, Половодовъ пошелъ дальше еще въ лучшемъ настроеніи: каждое смазливое личико заставляло его пріятно волноваться.

XII.

Занятія въ кабинетѣ Ляховскаго продолжались недолго, потому что хозяинъ скоро почувствовалъ себя немного дурно и даже отворилъ форточку.

— Мы отложимъ занятія до слѣдующаго раза, Игнатій Львовичъ,—говорилъ Приваловъ.

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же... Мы еще успѣемъ и сегодня сдѣлать кое-что,—упрямился Ляховскій и съ живостью прибавилъ: — мы, вмѣсто отдыха, устроимъ небольшую прогулку, Сергѣй Александрычъ... Да? Вѣдь нужно же вамъ посмотрѣть вашъ домъ,—вотъ мы и пройдемся.

— Я боюсь, что такая прогулка еще сильнѣе утомитъ васъ.

— О, нисколько, напротивъ, я освѣжусь.

Приваловъ покорно послѣдовалъ за хозяиномъ, который своими бойкими маленькими ножками вывелъ его сначала на площадку лѣстницы, а отсюда провелъ въ парадную громадную залу, устроенную въ два свѣта. Восемь массивныхъ колоннъ изъ сѣраго мрамора съ бронзовыми базами и капителями поддерживали большіе хоры, гдѣ могло помѣститься человѣкъ пятьдесятъ музыкантовъ. Потолокъ, поднятый въ интересахъ резонанса продолговатымъ оваломъ, былъ покрытъ полинявшими амурами и широкими гирляндами самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Старинная бронзовая люстра спускалась съ потолка массивнымъ сѣрымъ кокономъ. Стѣны, выкрашенныя по трафарету, растрескались, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ самаго потолка шли ржавыя полосы, которыя оставляла просачивавшаяся сквозь потолокъ вода. Позолота на капителяхъ и базахъ, на карнизахъ и арабескахъ частью поблекла, частью совсѣмъ слиняла; паркетный полъ во многихъ мѣстахъ покоробило отъ сырости, точно онъ вспухъ; громадныя окна скупо пропускали свѣтъ изъ-за своихъ потемнѣвшихъ штофныхъ драпировокъ. Затхлый гніющій воздухъ, кажется, составлялъ неотъемлемую принадлежность этого медленно разлагавшагося великолѣпія.

— Эта зала стоитъ совершенно пустой,—объяснилъ Ляховскій: да и что съ ней дѣлать въ уѣздномъ городишкѣ. Но сохранять ее въ настоящемъ видѣ—это очень и очень дорого стоитъ. Я могу вамъ представить нѣсколько цифръ. Не желаете? Въ другой разъ когда-нибудь.

— Да, думаю, что лучше въ другой ралъ.

Ляховскій показалъ еще нѣсколько комнатъ, которыя находились въ такомъ же картинномъ запустѣніи, какъ и главная зала. Вездѣ стояла старинная мебель краснаго дерева съ бронзовыми инкрустаціями, дорогія вазы изъ сибирской яшмы, мрамора, малахита, плохія картины въ тяжелыхъ золоченыхъ рамахъ, словомъ, на каждомъ шагу можно было чувствовать подавляющее вліяніе самой безумной роскоши. Приваловъ испытывалъ вдвойнѣ непріятное и тяжелое чувство: разъ—за тѣхъ людей, которые изъ кожи лѣзли, чтобы нагромоздить это ни къ чему непригодное и жалкое по своему безвкусію подобіе дворца, а затѣмъ его давила мысль, что именно онъ является наслѣдникомъ этой ни къ чему негодной ветоши. Въ его душѣ пробуждалось смутное сожалѣніе къ тѣмъ близкимъ ему по крови людямъ, которые погибли подъ непосильнымъ бременемъ этой безумной роскоши. Вѣдь среди нихъ встрѣчались недюжинныя натуры, свѣтлыя головы, желѣзная энергія—и куда все это пошло? Чтобы нагромоздить этотъ хламъ въ нѣсколькихъ комнатахъ... Приваловъ напрасно искалъ глазами хотя одного живого мѣста, гдѣ можно было бы отдохнуть отъ всей этой колоссальной, расписанной и раззолоченной безсмыслицы, которая разлагалась подъ давленіемъ собственной тяжести,— напрасныя усилія. Въ этихъ роскошныхъ палатахъ не было такого угла, въ которомъ притаилось бы хоть одно теплое дѣтское воспоминаніе, на какое имѣетъ право послѣдній нищій... Каждый предметъ въ этихъ комнатахъ напоминалъ Привалову о тѣхъ ужасахъ, какіе въ нихъ творились. Тѣни знаменитаго Сашки, Стеши, наконецъ отца,—вотъ что напоминала эта обстановка, на оборотной сторонѣ которой рядомъ помѣщались знаменитая приваловская конюшня и раскольничья моленная.

— Эти комнаты открываются разъ или два въ годъ,—объяснялъ Ляховскій. — Приходится давать иногда въ нихъ балъ... Не повѣрите, однѣхъ свѣчъ выходитъ больше, чѣмъ на сто рублей!.. Теперь намъ остается только под-

няться въ бельведеръ,—предлагалъ Ляховскій, бойко для своихъ лѣтъ взбѣгая по гнилой, шатавшейся лѣстницѣ въ третій этажъ.

Приваловъ свободно вздохнулъ, когда они вышли на широкій балконъ, съ котораго открывался отличный видъ на весь Узелъ, на окрестности и на линію Уральскихъ горъ, тяжелыми силуэтами тянувшихся отъ сѣвера на югъ. Правда, горы въ этомъ мѣстѣ не были высоки и образовали небольшой уголъ, по которому бойко катилась горная рѣчка Узловка. Она получила свое названіе отъ крутого колѣна, которое дѣлала сейчасъ по своемъ выходѣ изъ горъ и которое русскій человѣкъ окрестилъ „узломъ“. Городъ получилъ свое названіе отъ рѣки, по берегамъ которой вытянулъ въ правильныя широкія улицы тысячи своихъ домовъ и домиковъ.

Вообще видъ на городъ былъ очень хорошъ и пріятно для глазъ пестрѣлъ своими садами и ярко расписанными церквами. Это былъ бойкій сибирскій городъ, совсѣмъ не походившій на своихъ „расейскихъ“ братьевъ. Видно, что жизнь здѣсь кипѣла ключомъ на каждомъ шагу. Въ густомъ сосновомъ бору, который широкимъ кольцомъ охватывалъ городъ со всѣхъ сторонъ, дымилось до десятка большихъ фабрикъ и заимокъ, а по теченію Узловки раскинулись дачи мѣстныхъ богачей. Приваловъ долго смотрѣлъ къ юго-востоку, за Мохнатенькую горку,—тамъ волнистая равнина тонула въ мутной дымкѣ горизонта, постепенно понижаясь въ благословенныя степи Башкиріи.

— Бойкій городъ, не правда ли?—спрашивалъ Ляховскій, прищуривая глаза отъ солнца.—Вы, я думаю, не узнали его теперь.

— Да трудно и узнать, потому что я почти все забылъ за пятнадцать лѣтъ.

— А вотъ подождите, проведутъ къ намъ желѣзную дорогу, тогда мы еще не такъ процвѣтемъ.

Приваловъ промолчалъ.

— Теперь я покажу вамъ половину, гдѣ мы, собственно, живемъ сами, — говорилъ Ляховскій, бойко спускаясь по лѣстницѣ.

Ляховскій повелъ Привалова черезъ амфиладу жилыхъ комнатъ, которыя представляли пріятный контрастъ со всѣмъ, что̀ приходилось видѣть раньше. Это были жилыя комнаты въ полномъ смыслѣ этого слова, въ нихъ все говорило о жизни и о живыхъ людяхъ. Даже самый безпорядокъ въ этихъ комнатахъ послѣ министерской передней, убожества хозяйскаго кабинета и разлагающагося великолѣпія мертвыхъ залъ,—даже безпорядокъ казался пріятнымъ, потому что краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о присутствіи живыхъ людей: позабытая на столѣ книга, начатая женская работа, соломенная шляпка съ широкими полями и простенькимъ полевымъ цвѣточкомъ, приколотымъ къ тульѣ—самый воздухъ, кажется, былъ полонъ жизни и говорилъ о чьемъ-то невидимомъ присутствіи, о какой-то женской рукѣ, которая производила этотъ безпорядокъ и разставила по окнамъ нахучіе лѣтніе цвѣты. Приваловъ настолько былъ утомленъ всѣмъ, что̀ приходилось ему слышать и видѣть въ это утро, что не обращалъ больше вниманія на комнаты, мимо которыхъ приходилось итти.

XIII.

— Пожалуйте сюда, Сергѣй Александрычъ. — проговорилъ Ляховскій, отворяя предъ Приваловымъ дверь на террасу, которая выходила на дворъ.

Терраса была защищена отъ солнца маркизой, а съ боковъ были устроены изъ лѣтнихъ вьющихся растеній живыя зеленыя стѣны. По натяну-

тымъ шнуркамъ плотно вился хмель, настурціи и душистый горошекъ. Ляховскій усталымъ движеніемъ опустился на садовый деревянный стулъ и проговорилъ, указывая глазами на дворъ:

— Моя дочь, Зося...

Съ намѣреніемъ или безъ всякаго намѣренія, но едва ли Ляховскій могъ выбрать другой, болѣе удачный моментъ, чтобы показать свою Зосю во всемъ блескѣ ея оригинальной красоты. Зося стояла въ какомъ-нибудь десяткѣ сажень отъ террасы. На ней была темно-синяя амазонка съ длиннѣйшимъ шлейфомъ. Изъ-подъ синей шляпы съ загнутымъ широкимъ полемъ à la Rubens выбивались пряди бѣлорусыхъ волосъ съ желтоватымъ отливомъ. Приваловъ внимательно смотрѣлъ на эту захваленную красавицу, противъ которой, благодаря именно этимъ похваламъ, чувствовалъ небольшое предубѣжденіе, и принужденъ былъ сознаться, что Зося была дѣйствительно замѣчательно красива. Она принадлежала къ тому рѣдкому типу, о которомъ можно сказать столько же, сколько о тонкомъ ароматѣ какого-нибудь рѣдкаго растенія или объ оригинальной мелодіи,—слово здѣсь безсильно, какъ безсильны краски и пластика.

„Неужели это ея отецъ?“—подумалъ онъ, переводя глаза на Ляховскаго, который сидѣлъ на своемъ стулѣ съ полузакрытыми глазами, какъ подбитое молью чучело.

Ляховская была не одна. Рядомъ съ ней стоялъ въ своемъ сѣромъ балахонѣ Половодовъ; онъ всѣмъ корпусомъ немного подался впередъ, какъ пловецъ, который вотъ-вотъ бросится въ воду. По другую сторону Зоси выдѣлялась фигура Виктора Васильича съ сбитой на затылокъ шляпой и съ выдававшейся впередъ козлиной бородкой. Тутъ же, неизвѣстно зачѣмъ, стоялъ въ своемъ кафтанѣ Лепешкинъ. Отъ расплывшейся по его лицу улыбки глаза совсѣмъ исчезли, и онъ дѣлалъ короткія движенія своей пухлой пятерней каждый разъ, когда къ нему обращалась Ляховская. Въ этой группѣ Приваловъ разсмотрѣлъ еще одного молодого человѣка съ длиннымъ испитымъ лицомъ и подгибавшимися на ходу тоненькими ножками; онъ держалъ въ рукѣ длинный англійскій хлыстъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ не кто другой, какъ единственный сынъ Ляховскаго—Давидъ; онъ слишкомъ рано познакомился съ обществомъ Виктора Васильича, Ивана Яковлича и Лепешкина, и отецъ давно махнулъ на него рукой.

— Илья, короче держи корду!—командовала Ляховская.

Посреди двора, на длинной веревкѣ, описывалъ правильные круги великолѣпный текинскій иноходецъ свѣтло-желтой масти. Илья занималъ центръ двора. Его монументальныя руки, какія можно встрѣтить только на памятникахъ разныхъ историческихъ героевъ, были теперь открыты выше локтей, чтобы удобнѣе держать въ рукахъ корду; лошадь иногда забирала веревку и старалась сдвинуть Илью съ мѣста, но онъ только присѣдалъ, и тогда сорвать его съ мѣста было такъ же трудно, какъ тумбу.

— Обратите вниманіе на лошадь,—говорилъ Ляховскій Привалову.— Это настоящій текинскій иноходецъ, который стоитъ на мѣстѣ, въ Хивѣ, шестьсотъ рублей, да столько же стоило привести его на Уралъ.

— Дѣйствительно, отличная лошадь,—согласился Приваловъ, знавшій толкъ въ лошадяхъ.

— Да это что... вы посмотрите Теке, когда онъ идетъ подъ дамскимъ сѣдломъ.

— Ну-съ, Теке, подойди ко мнѣ,—проговорила Ляховская, останавливая лошадь.

Тэке, мотнувъ нѣсколько разъ головой и звонко ударивъ передними ногами въ землю, кокетливо подошелъ къ дѣвушкѣ, вытянулъ свою атласную шею и довѣрчиво положилъ небольшую умную голову прямо на плечо хозяйки.

— Напрасно вы, барышня, лошадь балуете,—проговорилъ Илья, почесывая за ухомъ концомъ веревки.—Это такая лошадь, такая... Ты ей корму несешь, а она ладитъ тебя ногой заразить или зубищами ухватить за шиворотъ.

— Отчего же Тэке не *заразилъ ногой* берейтора?—спрашивала Ляховская, гладя лошадь своей маленькой крѣпкой рукой, затянутой въ шведскую сѣрую перчатку.

Берейторъ извѣстно... онъ, конечно, Софья Игнатьевна, жалованье большое получалъ... это точно, а проѣхать-то и я не хуже его проѣду.

Тэке наконецъ былъ отпущенъ съ миромъ въ свою конюшню, и вся компанія съ говоромъ и смѣхомъ повалила за хозяйкой въ комнаты. Одинъ Лепешкинъ на минуту задумался и началъ прощаться.

— Что же это вы, Аника Панкратычъ?—удивилась Ляховская.

— Да ужъ такъ-съ, Софья Игнатьевна. Никакъ не могу-съ... Какъ-нибудь въ другой разъ, ежели милость будетъ.

— Отчего же не теперь? Можетъ-быть, у васъ дѣла?

— Нѣтъ, дѣловъ особенныхъ нѣтъ...

— Аника Панкратычъ боится Игнатія Львовича,—объяснилъ Половодовъ, показывая глазами на террасу.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло...—засмѣялась Ляховская.—А слыхали пословицу, Аника Панкратычъ: „въ гостяхъ воля хозяйская“...

— Какъ не слыхать, Софья Игнатьевна,—отвѣчалъ Лепешкинъ, щуря глаза.—Другая еще есть пословица-то...

— Какая?

— Гм... Старые люди такъ говорили: „гости—люди подневольные,—гдѣ посадили, тамъ и сидятъ,—а хозяинъ, что чирей: гдѣ захочетъ, тамъ и сядетъ“.

Ляховская хохотала надъ этой пословицей до слезъ, и ея смѣхъ напоминалъ почему-то Привалову разсказъ Виктора Васильича о томъ, какъ онъ выучилъ Зосю ловить мухъ. Викторъ Васильичъ и Давидъ успѣли подхватить Лепешкина „подъ крыльца“ и безъ церемоніи поволокли на лѣстницу.

— Охъ, поясницу мнѣ изведете, ежовыя головы,—хрипѣлъ Лепешкинъ, напрасно стараясь освободиться.—И чего тащатъ... Тятенька придетъ и всю артель разоритъ.

XIV.

— Идемте завтракать, Сергѣй Александрычъ,—предлагалъ Ляховскій и сейчасъ же прибавилъ:—Я самъ не завтракаю никогда, а передамъ васъ на руки дочери...

Они вошли въ столовую въ то время, когда изъ другихъ дверей вваливалась компанія со двора. Ляховская съ улыбкой протянула свою маленькую руку Привалову и указала ему мѣсто за длиннымъ столомъ около себя.

— А у меня дѣла, Сергѣй Александрычъ, извините, пожалуйста,—говорилъ Ляховскій, трусцой выбѣгая изъ комнаты.

— Вы извините papa, у него, дѣйствительно, столько дѣла,—жеманно проговорила Зося.—Вы что тамъ смѣетесь, Аника Панкратычъ?

— Онъ радуется, что Игнатій Львовичъ вышелъ,—объяснилъ Половодовъ, пристально наблюдавшій Привалова все время.

— А оно точно...—ухмылялся Лепешкинъ, жмуря глаза:—всю обѣдню бы

извели... Ужъ вы, Софья Игнатьевна, извините меня, старика; тятенька вашъ, обнаковенно, умственный человѣкъ, а компанію вести не могутъ.

— У васъ хорошая привычка, Аника Панкратычъ,—замѣтила Ляховская, гремя ножомъ:—вы говорите то, что думаете...

— Значитъ, „люблю молодца за обычай“? Охъ-хо-хо!—захрипѣлъ Лепешкинъ, отмахиваясь рукой.

Это странное общество и сама молодая хозяйка заинтересовали Привалова. И въ тонѣ разговоровъ, и въ обращеніи другъ къ другу, и въ манерѣ хозяйки держать себя—все было новостью для Привалова. Ляховская обращалась со всѣми съ аристократической простотой, не дѣлая разницы между своими гостями. Привалова она разспрашивала, какъ стараго знакомаго, который только-что вернулся изъ путешествія. Половодовъ выбивался изъ силъ, чтобы вставить нѣсколько остроумныхъ фразъ въ этотъ бѣглый разговоръ, но Ляховская дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ни этихъ остроумныхъ фразъ ни самого автора. Сначала Половодовъ относился къ этому равнодушно, а потомъ обидѣлся и замолчалъ. Ему казалось, что Зося приносила его въ жертву приваловскимъ милліонамъ; противъ этого онъ, собственно, ничего не имѣлъ, если бы тутъ же не сидѣли этотъ сыромятина Лепешкинъ и Викторъ Васильичъ.

— А что нашъ редакторъ дѣтскаго журнала?—спрашивала Ляховская, кивая головой въ сторону молчаливо сидѣвшаго Виктора Васильича. — Онъ, кажется, сегодня не въ духѣ...

— Викторъ Васильичъ оставилъ редакторство,—объяснилъ Половодовъ, успокоенный внимательно-тревожнымъ взглядомъ хозяйки.—Отнынѣ онъ просто Моисей...

— Это еще что такое?—удивилась хозяйка.

— А вотъ Аника Панкратычъ разскажетъ...

— Вышелъ такой грѣхъ, точно...—заговорилъ Лепешкинъ.—Мы какъ-то этакъ собрались въ „Золотомъ Якорѣ“, у одного проѣзжающаго. Проѣзжающій-то въ третьемъ этажѣ номеръ занялъ. Ну, набралось насъ народу грудно... Иванъ Яковличъ, Ломтевъ, Миколя, я, Викторъ Васильичъ, вашъ братецъ... много народу понаперло. Выпили... Викторъ Васильичъ и говоритъ: „Супротивъ меня никому смѣлости не оказать...“ Обнаковенно, человѣкъ не отъ ума сболтнулъ, а Иванъ Яковличъ подхватилъ: окажи имъ смѣлость сейчасъ, и шабашъ. Ну, какую въ номерѣ смѣлость окажешь, окромя того, что зеркало расщепать или другую мебель какую... Туда-сюда, а Виктора Васильича карахтеръ въ родѣ какъ телеграфъ: вынь да положь... Какъ онъ закричитъ: „Спущайте меня на веревкѣ на карнизъ... Съ бутылкой по карнизу обойду!“ Я отговаривалъ, да куда—чуть-было меня за бороду не схватилъ. Ну, думаю, ступай,—Василію Назарычу меньше по векселямъ платить. Связали полотенца да на полотенцахъ его, раба Божія, и спустили, какъ былъ, безъ сюртука, безъ жилетки... Вотъ онъ всталъ этакимъ манеромъ на карнизѣ, Христосъ его знастъ, уцѣпился какъ-то ногами — стоитъ, и только, значитъ, хотѣлъ изъ бутылки пить, внизу караульный прибѣжалъ... Думаетъ, либо лунатикъ, либо воръ по стѣнѣ ползетъ... Ха-ха! И сейчасъ „караулъ!!.“ Полиція и всякое прочее. А Викторъ Васильичъ не идетъ съ карнизу и шабашъ: подавали мы полотенце—не беретъ, притащили лѣстницу—„не хочу“. Самъ слѣзу, слышь. Ну, слѣзай. Вотъ онъ уцѣпился руками за карнизъ да по окну и полѣзъ... И Господь его знаетъ, совсѣмъ-было слѣзъ, да по дорогѣ зацѣпилъ, видно, голяшкой за кирпичи, да какъ ногами бухнетъ въ окно... Звонъ, трескъ!.. А окно-то выходило въ номеръ, гдѣ ташкентскій офицеръ остановился. А у ташкентскаго офицера семь дочерей, и всѣ спали въ этомъ самомъ номерѣ.

Обнаковенно, испужались до смерти и, въ чемъ были, прямо съ постели въ номеръ къ тятенькѣ. Тятенька, обнаковенно, прибѣжалъ съ ливольверомъ и сейчасъ Виктора Васильича за ногу и, съ позволенія сказать, какъ кошку, въ номеръ къ себѣ утащилъ. „Кто таковъ человѣкъ есть?“ А Викторъ Васильичъ, не будь плохъ, отвѣчаетъ: „Моисей“.—„Изъ какихъ мѣстовъ?“—„Съ неба упалъ...“ А мы тамъ сидимъ и голосу не подаемъ, потому либо въ свидѣтели потянутъ, либо тятенька этотъ пристрѣлитъ.

— И чѣмъ же кончилась вся эта исторія? спрашивала Ляховская, хохотавшая во время разсказа до слезъ.

— Обнаковенно, къ мировому. Миколя защитникомъ объявился.

Викторъ Васильичъ смѣялся вмѣстѣ съ другими самымъ беззаботнымъ образомъ. Давидъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, и старался подъ столомъ достать Лепешкина своими длинными ногами.

— Значитъ, мы потеряли редактора и получили Моисея,—резюмировала Ляховская, когда пароксизмъ общаго смѣха немного утихъ.—Такъ и запишемъ: Моисей...

Послѣ этого шумнаго завтрака Приваловъ простился съ хозяйкой; какъ только дверь за нимъ затворилась, Половодовъ увелъ Ляховскую въ другую комнату и многозначительно спросилъ:

— На вашъ взглядъ, Софья Игнатьевна, что за звѣрь этотъ Приваловъ?

— Приваловъ? А вамъ...

— Нѣтъ, будемте говорить серьезно. Знаете, мужчина никогда не пойметъ сразу другого человѣка, а женщина... Это, замѣтьте, очень важно, и я серьезно разсчитываю на вашу проницательность.

— Господи! Какая бездна серьезности и таинственности... Вы на что это давеча изволили надуться за завтракомъ?

— Ахъ, это пустяки... Развѣ кому-нибудь интересно знать, что я могу чувствовать или думать!

— Меня удивляетъ вашъ тонъ, Александръ Павлычъ,—вспыхнувъ, проговорила Ляховская.—Вы позволяете себѣ, кажется, слишкомъ много...

— Простите... — проговорилъ Половодовъ, почтительно цѣлуя руку дѣвушки:—вы знаете, что это со мной иногда случается...

Они прошли въ угловую комнату и помѣстились около круглаго столика. Ляховская сдѣлала серьезное лицо и посмотрѣла вопросительно своими темными глазами.

— Видите ли, Софья Игнатьевна,—тихо началъ Половодовъ:—Приваловъ начинаетъ дѣло... Довѣреннымъ Веревкинъ.

— Nicolas!

— Да, Nicolas...

Послѣдовала короткая пауза.

— Что же вы отъ меня хотите? — спрашивала Ляховская, общипывая пуговку на своей перчаткѣ.

— Я... я хочу слышать ваше мнѣніе о Привалові, Софья Игнатьевна.

— Мое мнѣніе... Знаете, Александръ Павлычъ, въ лицѣ Привалова есть что-то такое,—скрытность, упрямство, подозрительность,—право, трудно сказать съ перваго раза.

— Да, онъ умнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза. Но не замѣтили ли вы въ немъ, что намекало бы на безхарактерность? Нерѣшительность во взглядѣ, безцѣльныя движенія... Обратите вниманіе, Приваловъ—послѣдняя отрасль Гуляевыхъ и Приваловыхъ, слѣдовательно въ немъ должны перемѣшаться родовыя черты этихъ фамилій: предрасположеніе къ мистицизму,

наконецъ — самодурство и болѣзненная чувствительность. Приваловъ является выродкомъ, слѣдовательно въ немъ ярче и шире оставили свои слѣды наслѣдственные пороки и недостатки, чѣмъ достоинства. Это законъ природы, хотя извѣстнымъ образованіемъ и выдержкой можетъ быть прикрыто очень многое. Вѣдь вмѣстѣ со своими милліонами Приваловъ получилъ еще большое наслѣдство въ лицѣ того темнаго прошлаго, какое стоитъ за его фамиліей.

— Вы иногда бываете, Александръ Павлычъ, очень умнымъ и проницательнымъ человѣкомъ, замѣтила дѣвушка, останавливая глаза на одушевленной физіономіи Половодова.

— Плохой комплиментъ, Софья Игнатьевна... Но я не могу обижаться, потому что меня дѣлаетъ глупымъ именно ваше присутствіе, Софья Игнатьевна.

— Ахъ, какъ это чувствительно и... смѣшно. Веревкинъ справедливо говоритъ про васъ, что вы влюбляетесь по сезонамъ: весной—шатенки, зимой—брюнетки, осенью рыжія... а такъ какъ я имѣю несчастіе принадлежать къ бѣлокурымъ, то вы дарите меня своимъ сочувствіемъ лѣтомъ.

— Довольно, довольно...—упавшимъ голосомъ проговорилъ Половодовъ.

— Да, мы уклонились отъ нашего разговора.

Половодовъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потеръ себѣ лобъ и проговорилъ:

— Наше дѣло можетъ кончиться очень плохо, Софья Игнатьевна.

— Именно?

— Я не буду говорить о себѣ, а скажу только о васъ. Игнатій Львовичъ зарывается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Я не скажу, чтобы его курсы понатянулись отъ того дѣла, которое начинаетъ Приваловъ; но представьте себѣ: въ одно прекрасное утро Игнатій Львовичъ серьезно заболѣлъ, и вы... Онъ самъ не можетъ знать хорошенько собственныя дѣла, и, въ случаѣ серьезнаго замѣшательства, все состояніе можетъ уплыть, какъ вода черезъ прорванную плотину. Обыкновенная участь такихъ людей...

— Вамъ-то какое горе? Если я буду нищей, у васъ явится больше одной надеждой на успѣхъ... Но будемте говорить серьезно: мнѣ надоѣли эти ваши „дѣла“. Конечно, недурно быть богатымъ, но только не рабомъ своего богатства...

Въ ея глазахъ, въ выраженіи лица, въ самой позѣ было что-то новое для него. Сквозь обычную беззаботность и пріемы женщины, привыкшей къ поклоненію съ перваго дня рожденія, прозвучала совершенно особенная нотка. Что это? Половодовъ внимательно посмотрѣлъ на дѣвушку; она отвѣтила ему странной улыбкой, въ которой были перемѣшаны и сожалѣніе, и гордость, и что-то такое... „бабье“, сказалъ бы Половодовъ, если бы эта улыбка принадлежала не Зосѣ Ляховской, а другой женщинѣ. Вдругъ въ головѣ у него мелькнула, какъ молнія, одна мысль, и онъ совершенно равнодушнымъ тономъ спросилъ:

— Я что-то давно не вижу у васъ Максима!

— Онъ давно не былъ у насъ, — невозмутимо отвѣтила Ляховская съ той же улыбкой.

XV.

Самъ по себѣ приваловскій домъ былъ замѣчательнымъ явленіемъ, какъ живой памятникъ отошедшаго въ вѣчность бурнаго прошлаго; но еще замѣчательнѣе была та жизнь, которая теперь совершалась подъ его проржавѣвшей кровлей.

Игнатій Ляховскій принадлежалъ къ типу тѣхъ темныхъ людей, какихъ можно встрѣтить только въ Сибири. Самъ онъ называлъ себя почему-то хохломъ. Молва гласила другое, именно, что онъ происходилъ изъ кантонистовъ. Свое состояніе онъ нажилъ въ Сибири какими-то темными путями. Одни приписывали все краденому золоту, другіе водкѣ, третьи — просто счастью. Общій голосъ громко кричалъ о томъ, что Ляховскій пошелъ жить отъ опеки надъ наслѣдствомъ Приваловыхъ. Вѣрнѣе всего было, что созидающими элементами здѣсь являлось много различныхъ силъ и счастливыхъ случаевъ, а узломъ всего являлась удивительная способность Ляховскаго сразу опредѣлять людей и пользоваться ими, какъ игрокъ пользуется шахматами въ своихъ ходахъ. Все-таки, какъ источникъ богатства Ляховскаго, такъ и размѣры этого богатства оставались для обывателей уѣзднаго городка и всей губерніи неразрѣшимой загадкой.

О странностяхъ Ляховскаго, о его страшной скупости ходили тысячи всевозможныхъ разсказовъ, и нужно сознаться, что большею частью они были справедливы. Только, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, люди изъ-за этой скупости и странностей не желаютъ видѣть того, что ихъ создало. Наживать для того, чтобы еще наживать, — сдѣлалось той скорлупой, которая съ каждымъ годомъ все толще и толще нарастала на немъ и медленно хоронила подъ своей оболочкой живого человѣка.

Мы здѣсь должны сказать о женѣ Ляховскаго, которая страдала чисто-русской болѣзнью, запоемъ. Всѣ системы лѣченія, всѣ знаменитости медицинскаго міра въ Россіи и за границей — все было безсильно противъ этой страшной болѣзни. Самымъ страшнымъ для Ляховскаго было то, что она передала свои недостатки дѣтямъ. Ляховскій, въ увлеченіи своими дѣлами, поздно обратилъ вниманіе на воспитаніе сына и получилъ смертельный ударъ: Давидъ на глазахъ отца былъ погибшимъ человѣкомъ, кутилой и мотомъ, которому онъ поклялся не оставить въ наслѣдство ни одной копейки изъ своихъ богатствъ. Давидъ былъ тѣмъ же матушкинымъ сынкомъ, какъ и Викторъ Васильичъ; эти молодые люди весело шли по одной дорожкѣ, и у обоихъ одинаково было парализовано самое дорогое качество въ каждомъ человѣкѣ — воля, характеръ. Они не были ни злыми, ни глупыми, ни подлецами, но всякую минуту могли быть тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, въ силу именно своей безхарактерности.

Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, въ характерѣ Зоси рано сказалось ея мужское воспитаніе, и она сама по своимъ привычкамъ походила больше на молодого человѣка. Женскаго общества она не выносила, и исключеніе, сдѣланное для Нади, скоро потеряло всякое значеніе. Дѣла по приваловской опекѣ разстроили хорошія отношенія между Ляховскимъ и Бахаревымъ. Послѣдній не любилъ дурно высказываться о людяхъ вообще, а объ Ляховскомъ не могъ этого сдѣлать предъ дочерью, потому что онъ строго отличалъ свои дѣловыя отношенія съ Ляховскимъ отъ всѣхъ другихъ; но Надя съ женскимъ инстинктомъ отгадала дѣйствительный строй отцовскихъ мыслей и незамѣтнымъ образомъ отдалилась отъ общества Ляховскаго. Правда, по наружному виду это трудно было отгадать, но оно чувствовалось во всемъ, и Ляховскій искренно жалѣлъ объ этомъ невыгодномъ для него обстоятельствѣ. Мы уже видѣли, что въ немъ были и Лепешкинъ, и Викторъ Васильичъ, и еще много другихъ лицъ, на которыхъ Ляховскому приходилось смотрѣть сквозь пальцы. Правда, для всѣхъ было ясно, какъ день, что изъ Зоси вырабатывалась прозаическая натура, недоступная увлеченіямъ. Поэтому исключительно мужское общество не смущало ни доктора ни Ляховскаго.

— Благодаря нашему воспитанію, докторъ, у Зоси желѣзныя проволоки вмѣсто нервовъ, — не безъ самодовольства говорилъ Ляховскій.—Она скорѣе походитъ на жокея, чѣмъ на свѣтскую барышню... Для нея же лучше. Женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина, а тепличное воспитаніе дѣлало изъ женщинъ нервныхъ куколъ. Не правда ли, докторъ?

Докторъ на это ничего не отвѣчалъ обыкновенно, и Ляховскій переходилъ на другой тонъ.

— Что будете дѣлать, что будете дѣлать,—говорилъ онъ, грустно покачивая головой.—Кровь великое дѣло. А въ Зосѣ много дурной крови... Да, въ ней много дурной крови! Но вѣдь въ этомъ не мы съ вами виноваты. Я вижу, что ей во многомъ еще недостаетъ характера, силы воли, и она дѣлается несправедливой и злой именно въ силу этого недостатка. Но научите меня, что еще для нея я могу сдѣлать? Отправить за границу, въ Америку,— но вѣдь она не пойметъ и десятой доли того, что увидитъ, а всякое полузнаніе хуже всякаго незнанія. Какъ отецъ, я не могу отнестись безпристрастно, какъ желалъ бы къ ней отнестись, и, можетъ-быть, преувеличиваю ея недостатки. Не помню гдѣ, но, кажется, въ какомъ-то пустѣйшемъ французскомъ романѣ я вычиталъ мысль, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ установить правильныя отношенія между отцомъ и взрослой дочерью. А здѣсь затрудненіе усложняется тѣмъ, что у бѣдной Зоси нѣтъ матери... Нѣтъ, гораздо хуже, чѣмъ нѣтъ! Да, докторъ... Но войдите въ мое положеніе и скажите, не сдѣлали бы вы то же самое, что я сдѣлалъ?

XVI.

Мы видѣли Ляховскаго съ его лучшихъ сторонъ, но онъ являлся совершенно другимъ человѣкомъ, когда вопросъ заходилъ о деньгахъ. Въ концѣ каждаго мѣсяца въ его кабинетѣ съ небольшими варіаціями происходили такія сцены. Въ двери кабинета пролѣзаетъ кучеръ Илья и безмолвно останавливается у порога; онъ рѣшительно начинаетъ что-то искать своей монументальной рукой на томъ мѣстѣ, гдѣ его толстая голова срослась съ широчайшими плечами. Узкіе глаза смотрятъ въ уголъ, ноги дѣлаютъ безпокойныя движенія, какъ у слона, прикованнаго къ полу желѣзной цѣпью.

— Зачѣмъ ты пришелъ, Илья?—спроситъ Ляховскій усталымъ голосомъ.

— А насчетъ жалованья, Игнатій Львовичъ...

— Зачѣмъ?

— Говорю: насчетъ жалованья...

— За деньгами пришелъ?

— За жалованьемъ.

— Деньги... вездѣ деньги, всякому подай деньги,—начинаетъ горячиться Ляховскій.—Что же, по-твоему, я самъ, что ли, дѣлаю ихъ?

— Не могу знать, Игнатій Львовичъ.

— Не могу знать!.. А гдѣ я тебѣ возьму денегъ? Какъ ты объ этомъ думаешь... а? Вѣдь ты думаешь же о чемъ-нибудь, когда идешь ко мнѣ? Вѣдь думаешь... а? „Дескать, вотъ я приду къ барину и буду просить денегъ, а баринъ запуститъ руку въ конторку и вытащитъ оттуда денегъ сколько мнѣ нужно“... Вѣдь такъ думаешь... а? Да у барина-то, умная твоя голова, деньги-то развѣ растутъ въ конторкѣ?..

По оплывшей, бородатой физіономіи Ильи отъ одного уха до другого проползетъ конвульсивное движеніе, замѣняющее улыбку, и маленькіе черные глаза, какъ у крота, совсѣмъ скроются подъ опухшими красными вѣками.

— Ежели вы, Игнатій Львовичъ, очень сумлѣваетесь насчетъ жалованья, — начинаетъ Илья, переминаясь съ ноги на ногу: — такъ ужъ лучше совсѣмъ разсчитайте меня... Меня давно Панафидины сманиваютъ къ себѣ... и пять рублей прибавки.

— А кто эти Панафидины?

— Купцы... Въ гостиномъ дворѣ кожевеннымъ товаромъ торгуютъ.

— Купцы... Вотъ и ступай къ своимъ Панафидинымъ, если не умѣлъ жить здѣсь. Твой купецъ напьется водки гдѣ-нибудь на похоронахъ, ты повезешь его, а онъ тебя по затылку... Вотъ тебѣ и прибавка! А ты посмотри на себя-то, на рожу-то свою, — вѣдь лошпуть хочетъ отъ жиру, а онъ „къ Панафидинымъ... пять рублей прибавки“! Ну, скажи, на чьихъ ты хлѣбахъ отъѣлся, какъ боровъ?

— Это ужъ божеское произволеніе,—резонируетъ Илья, опять начиная искать въ затылкѣ.—Ежели кому Господь здоровья посылаетъ... Другая лошадь бываетъ, Игнатій Львовичъ,—травишь-травишь въ нее овесъ, а она только сохнетъ съ корму-то. А баринъ думаетъ, что кучеръ овесъ воруетъ... Позвольте насчетъ жалованья, Игнатій Львовичъ...

— Что ты присталъ ко мнѣ съ ножомъ къ горлу? Ну, сколько тебѣ нужно?

— Да за мѣсяцъ ужъ пожалуйте... двадцать пять рублей.

— О-о-о... — стонетъ Ляховскій, хватаясь обѣими руками за голову. — Двадцать пять рублей, двадцать пять рублей... Да вѣдь столько денегъ чиновникъ не получаетъ, чи-нов-никъ!.. Понялъ ты это? Пятнадцать рублей, десять, восемь... вотъ сколько получаетъ чиновникъ! А вѣдь онъ благородный, у него кокарда на фуражкѣ, онъ долженъ содержать мать-старушку... А ты что? Ну, посмотри на себя въ зеркало: мужикъ и больше ничего... Надѣлъ порты и поясъ—и дѣло съ концомъ... Двадцать пять рублей... о-о-о!

— А вы, Игнатій Львовичъ, и возьмите себѣ чиновника въ кучера-то.— такъ онъ въ три дня вашего Тэку или Батыря безъ всѣхъ четырехъ ногъ сдѣлаетъ за восемь-то цалковыхъ. Теперь взять Тэка... какая эта лошадь есть, Игнатій Львовичъ? Одно слово—разбойникъ: ты ей овса несешь, а она зубищами своими ладитъ тебя прямо за загривокъ схватить... Однова пятилась да пятилась, да совсѣмъ меня въ уголъ и запятила. Думаю, какъ брызнетъ задней ногой, тутъ тебѣ, Илья, и окончаніе!.. Позвольте, Игнатій Львовичъ, насчетъ жалов...

— На!.. бери, бери!.. — кричитъ Ляховскій, отодвигая ящикъ конторки, на днѣ котораго лежитъ нѣсколько смятыхъ кредитокъ. — На, грабь меня, снимай послѣднюю рубашку...

— Ужъ вы лучше сами отдайте...

— Не могу... чувствую, что пропьешь!..

Эта исторія повторяется исправно каждый разъ, поэтому Илья, какъ по льду, подходитъ къ столу и еще осторожнѣе запускаетъ свою лапищу въ ящикъ.

— Покорно васъ благодарю, — говоритъ Илья, пятясь къ двери, какъ бегемотъ.—Мнѣ что, я радъ служить хорошимъ господамъ. Намедни кучеръ приходилъ отъ Панафидиныхъ и все сманивалъ меня... И прибавка, и насчетъ водки... Покорно васъ благодарю.

Кучеръ Илья жилъ настоящимъ паразитомъ, но Ляховскій никакъ не могъ ему отказать, потому что другого такого Ильи въ цѣлой губерніи не сыщешь,—ѣздилъ онъ мастерски и умѣлъ во всемъ потрафить барышнѣ.

Чтобы докончить характеристику жизни въ домѣ Ляховскаго, мы должны остановиться на Альфонсѣ Богданычѣ и Палькѣ. Альфонсъ Богданычъ, без-

родный подъѣздъ, былый Ляховскимъ съ улицы, кажется, совѣмъ не имѣлъ фамиліи, да объ этомъ едва ли кто-нибудь и думалъ. Всѣ привыкли къ тому, что Альфонсъ Богданычъ долженъ былъ все знать, все предупредить, все угадать, всѣмъ угодить и все вынести на своей спинѣ,—къ чему еще тутъ фамилія? Никто, кажется, не подумалъ даже, что могло бы быть, если бы Альфонсъ Богданычъ въ одно прекрасное утро взялъ да и забастовалъ, т.-е. не всталъ бы утромъ съ пяти часовъ, чтобы нѣсколько разъ обѣжать цѣлый домъ и обругать въ нѣсколько пріемовъ на двухъ діалектахъ всю прислугу; не пошелъ бы затѣмъ въ кабинетъ къ Ляховскому, чтобы получить свою ежедневную порцію ругательствъ, крика и всякаго неистовства; не сталъ бы сидѣть ночи за своей конторкой во главѣ двадцати служащихъ, которые, не разгибая спины, работали подъ его желѣзнымъ началомъ: если бы наконецъ Альфонсъ Богданычъ не обладалъ счастливой способностью являться по первому зову, быть разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, все видѣть и все слышать, и все давить, что попало къ нему подъ руку. Однимъ словомъ, Альфонсъ Богданычъ игралъ въ домѣ ту же роль, какъ стальная пружина въ часахъ, за что въ глазахъ Ляховскаго онъ былъ только очень услужливымъ и очень терпѣливымъ человѣкомъ. Ляховскій считалъ Альфонса Богданыча очень ограниченной головой и возвысилъ его изъ среды служащихъ только за ослиное терпѣніе и за то, что Альфонсъ Богданычъ былъ одинъ-одинехонекъ. Послѣднее обстоятельство въ глазахъ Ляховскаго служило лучшей гарантіей, что Альфонсъ Богданычъ не будетъ его обкрадывать въ интересахъ племянниковъ и племянницъ. Терпѣніе у Альфонса Богданыча было дѣйствительно замѣчательное; но если бы Ляховскій заглянулъ къ нему въ голову въ тотъ моментъ, когда Альфонсъ Богданычъ, прочитавъ на сонъ грядущій, какъ всякій добрый католикъ, латинскую молитву, покашливая и охая, ложился на свою одинокую постель — Ляховскій измѣнилъ бы свое мнѣніе. Какъ это могло случиться, что Ляховскій, вообще видѣвшій людей насквозь, не могъ понять человѣка, который ежедневно мозолилъ ему глаза,—этотъ вопросъ относится къ области психологіи. Можетъ-быть, это самая простая психическая близорукость у себя дома людей, слишкомъ дальнозоркихъ внѣ этого дома.

Палька былъ діаметральной противоположностью Альфонса Богданыча, начиная съ того, что онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и, по странной случайности, неизмѣнно пользовался репутаціей самаго вѣрнаго слуги. Самъ Альфонсъ Богданычъ былъ безсиленъ противъ Пальки, какъ былъ безсиленъ относительно Ильи. Но Илья лѣнился потому, что его избаловали, а Палька потому, что ни на что больше не былъ годенъ, ибо былъ хлопъ до мозга костей и больше ничего. Положеніе Пальки было настолько прочно, что никому и въ голову не приходило, что этотъ откормленный и упитанный хлопъ могъ же что-нибудь дѣлать, кромѣ того, что отворять и затворять двери и сортировать проходившихъ на двѣ рубрики: заслуживающихъ вниманія и такихъ, про которыхъ онъ говорилъ только „ихе!..“.

XVII.

— Ну что, какъ вы нашли Ляховскаго?—спрашивалъ Веревкинъ, явившись къ Привалову черезъ нѣсколько дней послѣ его визита.—Не правда ли, скотина во всѣхъ отношеніяхъ? Ха-ха! Воображаю, какого шута гороховаго онъ разыгралъ передъ вами для перваго раза...

Приваловъ подробно разсказалъ весь ходъ своего визита и свои занятія съ Ляховскимъ; эпизодъ съ сигарами и метлами вызвалъ самый неистовый

хохотъ Веревкина, который долго громкимъ эхомъ раскатывался по всему домику Хіонін Алексѣевны и заставилъ Виктора Николаича вздрогнуть и замѣтить: „Экъ, подумаешь, разобрало этого Веревкина!"

— Такъ и есть, по всѣмъ правиламъ своего искусства, значитъ, ведь дѣло, — заговорилъ Веревкинъ, вытирая выступившія отъ смѣха на глазахъ слезы.—„Дайте время, онъ начнетъ прикидываться глухимъ и слѣпымъ. Ей-Богу! Мерзавецъ такой, что съ огнемъ поискать. У него есть здѣсь въ Узлѣ нѣсколько домовъ, конечно, купленныхъ при случаѣ, за безцѣнокъ. Вотъ однажды одинъ изъ этихъ домовъ загорѣлся. Что бы вы думали: набатъ, народъ бѣжитъ со всѣхъ сторонъ, и Ляховскій трусцой задуваетъ вмѣстѣ съ другими, а пожаръ на другомъ концѣ города. Видите ли, извозчикъ запросилъ съ Ляховскаго пятиалтынный, а онъ давалъ гривенникъ. Такъ въ пятачкѣ и разошлись. Послѣ говорятъ Ляховскому:—„Какъ же это вы, Игнатій Львовичъ, пятачка пожалѣли, а цѣлаго дома не жалѣете?" А онъ:—„Что же я могъ сдѣлать, если бы десятью минутами раньше пріѣхалъ, — все равно, весь домъ сгорѣлъ бы и пятачокъ напрасно бы истратилъ". Замѣтьте, выдержка какая дьявольская. О, съ нимъ нужно ухо востро держать! Какія онъ вамъ бумаги далъ,—посмотримъ.

— Вотъ всѣ здѣсь, — отвѣтилъ Приваловъ, вынимая изъ папки цѣлую кипу взятыхъ у Ляховскаго бумагъ.

Веревкинъ съ сигарой въ зубахъ самымъ комфортабельнымъ образомъ помѣстился въ креслахъ и вооружилъ свой носъ пенснэ. Замѣтивъ, что Игнатъ принесъ и поставилъ около него на подносѣ графинчикъ съ водкой и закуску на стеклянной тарелочкѣ, онъ только улыбнулся; вниманіе Привалова къ его жаждѣ очень польстило Веревкину, и онъ съ особеннымъ усердіемъ принялся рыться въ бумагахъ, швырялъ ихъ по всему столу и дѣлалъ на поляхъ краснымъ карандашомъ самыя энергичныя nota bene. На первый разъ трудно было разобраться въ такой массѣ цифръ, и Веревкинъ половину бумагъ сложилъ въ свой объемистый портфель съ оборванными ремнями и сломаннымъ замкомъ.

— Да тутъ чортъ ногу сломитъ, батенька, — проговорилъ онъ послѣ часовой работы. — Но меньшей мѣрѣ недѣли двѣ придется высидѣть надъ ними. Этотъ Альфонсъ Богданычъ — видѣли? такого, я думаю, туману напустилъ... Ну, да мы ихъ проберемъ и всѣхъ узломъ завяжемъ. А вотъ что,— совершенно другимъ тономъ прибавилъ Веревкинъ, отваливая свою тушу на спинку кресла:—я заѣхалъ собственно везти васъ къ Половодову... Мы отлично пообѣдаемъ тамъ, а вы, кстати, пощупаете Александра Павлыча, какъ онъ себя чувствуетъ. Ссориться съ ними намъ, во всякомъ случаѣ, не приходится, потому что этимъ только затянемъ дѣло; вѣдь бумаги всѣ у нихъ въ рукахъ. Да я и не люблю ссориться со своими противниками.

Привалову совсѣмъ не хотѣлось ѣхать къ Половодову. Онъ пробовалъ сопротивляться, но Веревкинъ былъ неумолимъ и даже отыскалъ шляпу Привалова, которую сейчасъ же и надѣлъ ему на голову.

— Нѣтъ, батенька, ѣдемте,—продолжалъ Веревкинъ.—Кстати, Тонечка приготовила такой ликерчикъ, что пальчики оближете. Я вѣдь знаю, батенька, что вы великій охотникъ до такихъ ликерчиковъ. Не отпирайтесь, былъ молодцу не укоръ. Ѣдемъ сейчасъ же, время скоротечно. Эй, Игнатъ! Подавай барину одѣваться скорѣе, а то баринъ разсердится.

Всю дорогу Веревкинъ болталъ, какъ школьникъ. Это веселое настроеніе подѣйствовало заразительно и на Привалова. Только когда они проѣзжали мимо бахаревскаго дома, Привалову сдѣлалось какъ-то немного совѣстно,—

совѣстно безъ всякой видимой причины. Онъ заранѣе чувствовалъ на себѣ полный нѣмого укора взглядъ Марьи Степановны и мысленно сравнилъ Надю съ Антонидой Ивановной, хотя это и были несравнимыя величины.

Обѣдъ у Половодова прошелъ скучнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и Привалову былъ очень недоволенъ, что послушался Веревкина. Антонида Ивановна сегодня держала себя очень холодно, даже немножко грустно, какъ показалось Привалову. Никто ни слова не говорилъ о Ляховскихъ, какъ ожидалъ Привалову, и ему оставалось только удивляться, что за странная фантазія была у Веревкина тащить его сюда, смотрѣть, какъ лакей внушительной наружности подаетъ кушанья, а хозяинъ работаетъ своими челюстями. Привалову, конечно, и въ голову не пришло бы подумать, что Веревкинъ дѣйствовалъ по просьбѣ Антониды Ивановны, а между тѣмъ это было такъ. Веревкинъ для такого сорта порученій былъ самый золотой человѣкъ, потому что, несмотря на величайшія затрудненія и препятствія при ихъ выполненіи, онъ даже не задавалъ себѣ вопроса, для чего нуженъ былъ Антонидѣ Ивановнѣ Приваловъ, нуженъ именно сегодня, а не въ другое время. „Женская фантазія",—говорилъ обыкновенно Веревкинъ, если отъ него непремѣнно требовали объясненій. Обѣдъ былъ точно такой же, какъ и въ прошлый разъ: рѣдкія, художественно исполненныя кушанья съѣдались съ рѣдкимъ вниманіемъ и запивались самыми рѣдкими винами. Сейчасъ послѣ обѣда Половодовъ увелъ Привалова къ себѣ въ кабинетъ.

Пока въ кабинетѣ шла дѣловая бесѣда, Веревкинъ успѣлъ немного прійти въ себя послѣ сытнаго обѣда, поймалъ сестру и усадилъ ее за рояль.

— Тонечка, голубушка, спой эту пѣсню про Волгу,—умолялъ онъ.— Уважь единоутробнаго брата... а?.. Привалова не стѣсняйся, онъ отличный малый, хоть немножко и того (Веревкинъ многозначительно повертѣлъ около лба пальцемъ), понимаешь — славянофилъ своего рода. Ха-ха!.. Ну, да это пустяки: всякій дуракъ по-своему съ ума сходитъ.

— А ты, кажется, сегодня порядочно утѣшился за обѣдомъ?— спрашивала Антонида Ивановна, съ нѣжностью глядя на „единоутробнаго" братца.

— Что же, я только въ своей стихіи — не больше того. „Пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ..." Видишь, начинаю завираться. Ну, спой, голубчикъ.

Антонида Ивановна взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла небольшимъ, но очень чистымъ контральто проголосную русскую пѣсню:

Широка Волга разливалася,
Съ крутымъ бережкомъ поровнялася...

Эта заунывная пѣсня полилась съ тѣмъ простымъ, хватавшимъ за душу выраженіемъ, съ какимъ поетъ ее простой народъ и никогда не поютъ на сценѣ. Антонида Ивановна умѣла вытянуть ту заунывную, щемящую нотку, которая неизмѣнно слышится во всѣхъ проголосныхъ русскихъ пѣсняхъ: глухія слезы и смертная тоска по какой-то волѣ и неизвѣданномъ счастьѣ, казалось, стояли въ этой пѣснѣ. Веревкинъ сидѣлъ на низенькомъ диванчикѣ, положивъ свою громадную голову въ ладони рукъ, какъ вещь совершенно для него лишнюю. Спутанные шелковые кудри свалились къ нему на лобъ и закрывали глаза, но онъ не поправлялъ ихъ, отдавшись цѣликомъ тому подмывавшему чувству, которое, какъ набѣжавшая волна прилива, тихо поднимала и несла куда-то вдаль. Приваловъ что-то хотѣлъ отвѣчать Половодову, когда раздались первыя слова пѣсни, да такъ и остался съ открытымъ ртомъ на своемъ горнемъ мѣстѣ, куда усадилъ его Половодовъ.

— Это Тоничка,—отвѣтилъ Половодовъ на нѣмой вопросъ Привалова. Она порядочно поетъ русскія пѣсни, когда бываетъ въ ударѣ.

Половодовъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Яковличемъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ французскія шансонетки, но, въ качествѣ славянофила, онъ считалъ своимъ долгомъ непремѣнно умилиться каждый разъ, когда пѣла жена. У Привалова тихо закружилась голова отъ этой пѣсни, и онъ закрылъ глаза, чтобы усилить впечатлѣніе. Въ глубинѣ души что-то тихо-тихо заныло. Предъ глазами смутно, какъ полузабытый сонъ, проносились картины густого лѣса, широкій разливъ рѣки, надъ которымъ тихо садится багровое солнце: а тамъ ужъ потянуло и холодомъ быстро наступающей лѣтней ночи, и тихо зашелестѣла прибрежная осока, гнувшаяся подъ напоромъ рѣчной струи.

— Въ женщинѣ прежде всего—кровь, порода,—говорилъ Половодовъ, раздвигая ноги циркулемъ. —На Востокѣ женщина любитъ припадками и какъ-то ужъ слишкомъ откровенно: все дѣло сводится на одну животную сторону. Совсѣмъ другое дѣло европейская женщина. Въ ней нѣтъ этой грязи, распущенности, лѣни: въ ея присутствіи всѣ нервы въ пріятномъ напряженіи, чувства насторожѣ, а глаза невольно отдыхаютъ на стыдливо прикрытыхъ формахъ. Часто женщину принимаешь за дѣвушку. Здѣсь все построено на пикантныхъ неожиданностяхъ, вездѣ заманчивая неизвѣстность, и часто подъ опущенными стыдливо глазками, подъ дѣтскими несложившимися формами кроется самая знойная страсть... Вамъ которая изъ Бахаревыхъ больше нравится?—неожиданно спросилъ Половодовъ.

Приваловъ совсѣмъ не слушалъ его болтовни и теперь смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, не понимая вопроса: впрочемъ, Половодовъ сейчасъ же вывелъ его изъ затрудненія и проговорилъ:

— Мнѣ Вѣрета больше нравится: знаете, въ ней есть что-то такое нетронутое, какъ переходъ отъ вчерашней дѣвочки къ завтрашней барышнѣ. Тогда пиши пропало все, потому что начнется это жеманство да кривляньe. Пойдемте въ гостиную,—прибавилъ онъ, подхватывая Привалова, по своей привычкѣ, подъ руку.

Въ гостиной Половодовъ просидѣлъ недолго. Попросивъ жену занять гостя, онъ извинился предъ Приваловымъ, что оставитъ его всего на нѣсколько минутъ.

— Ты, Александръ, подвергаешь Сергѣя Александрыча ничѣмъ незаслуженному испытанію,—проговорила Антонида Ивановна, оставляя рояль.

— Вы несправедливы ко мнѣ, Антонида Ивановна,—могъ только отвѣтить Приваловъ;—я считаю за счастье...

— А?.. Чего?..—спрашивалъ Веревкинъ, который спалъ на своемъ диванчикѣ и теперь только проснулся. —А я такъ расчувствовался, что вздремнулъ подъ шумокъ... Вы тутъ комплименты, кажется, говорите?

Подъ смѣхъ, вызванный этимъ маленькимъ эпизодомъ, Половодовъ успѣлъ выбраться изъ комнаты, и Приваловъ остался съ глазу на глазъ съ Антонидой Ивановной, потому что Веревкинъ улелся въ кабинетъ „додернуть“, какъ онъ выразился.

— Почему вы думаете, Антонида Ивановна, что я избѣгаю вашего общества?—спрашивалъ Приваловъ.—Наоборотъ, я съ такимъ удовольствіемъ слушалъ ваше пѣніе сейчасъ... Могу сказать откровенно, что никогда ничего подобнаго не слышалъ.

Антонида Ивановна внимательно посмотрѣла на Привалова, накинула на плечи оренбургскій платокъ изъ козьяго пуха и проговорила съ лѣнивой улыбкой:

— Я не понимаю, какъ это хочется мужчинамъ говорить вѣчно одно и то же... Неужели нельзя обойтись безъ комплиментовъ?

Они прошли въ знакомую Приваловy голубую гостиную, но на этотъ разъ Антонида Ивановна сѣла очень далеко отъ своего гостя.

— Вы не разсказали мнѣ еще о своемъ визитѣ къ Ляховскимъ,—заговорила хозяйка, вздрагивая и кутаясь въ свой платокъ.—А впрочемъ, нѣтъ, не разсказывайте... Впередъ знаю, что и тамъ такъ же скучно, какъ и вездѣ!.. Не правда ли?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этимъ?

— Ахъ, самую простую вещь, Сергѣй Александрычъ... Посмотрите кругомъ: вездѣ мертвая скука. Мужчины убиваютъ время, по крайней мѣрѣ, за картами, а женщинамъ даже и это плохо удается. Я иногда завидую своему мужу, который бѣжитъ изъ дому, чтобы провести время у Зоси. Надѣюсь, что тамъ ему веселѣе, чѣмъ дома, и я нисколько не претендую на него...

Приваловъ заговорилъ что-то объ удовольствіяхъ, о чтеніи, о занятіяхъ, но Антонида Ивановна неожиданно прервала его рѣчь вопросомъ:

— Послушайте, когда ваша свадьба?

— Какая свадьба?

— Да вѣдь вы женитесь на Nadine Бахаревой. Это рѣшительно всѣмъ въ городѣ извѣстно, и я, право, отъ души рада за васъ. Nadine отличная дѣвушка, серьезная, образованная... Она рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ нашихъ барышень.

— Послушайте, Антонида Ивановна,—серьезно заговорилъ Приваловъ.— Я, дѣйствительно, глубоко уважаю Надежду Васильевну, но относительно женитьбы на ней и мысли у меня не было.

— Неправда.

— Совершенно серьезно говорю.

— О, это пустяки. Всѣ мужчины обыкновенно такъ говорятъ, а потомъ преспокойнѣйшимъ образомъ и женятся. Вы не думайте, что я хотѣла что-нибудь выпытать о васъ, — нѣтъ, я отъ души радуюсь вашему счастью, и только. Обыкновенно завидуютъ тому, чего самимъ недостаетъ, — такъ и я... Мужъ отъ меня бѣжитъ и развлекается на сторонѣ, а мнѣ остается только радоваться чужому счастью.

— Вы ошибаетесь, Антонида Ивановна, увѣряю васъ. Есть обстоятельства, которыя... Однимъ словомъ, я никогда не женюсь.

Антонида Ивановна долгимъ, внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла на Привалова, но ничего не отвѣчала и только плотнѣе — вмѣстѣ съ шеей—укуталась въ свой платокъ. Приваловъ еще никогда не видалъ Половодову такой красивой. Въ его ушахъ еще стояла давешняя пѣсня, а тутъ этотъ странный тонъ разговора... Приваловъ почувствовалъ себя какъ-то жутко-хорошо около Антониды Ивановны и съ особеннымъ удовольствіемъ испытывалъ на себѣ теплоту ея пристальнаго лѣниваго взгляда. Невольная грусть, которая слышалась въ ея разговорѣ, отвѣчала невеселому настроенію Привалова, и онъ горячо пожалъ Антонидѣ Ивановнѣ на прощанье руку.

Вечеромъ этого дня, когда Антонида Ивановна вошла въ спальню своей мамаи, она имѣла самый утомленный и жалкій видъ. Тяжело опустившись на ближайшій стулъ, она съ замѣтнымъ усиліемъ едва могла проговорить:

— Бревно этотъ вашъ Приваловъ, и больше ничего.

Агриппина Филипьевна пытливо и вопросительно посмотрѣла на дочь, а потомъ спокойно отвѣтила:

— Нужно имѣть терпѣніе, мой другъ...

— Александръ былъ здѣсь?

— Былъ. Представь себѣ: захватилъ съ собой Оскара, и вмѣстѣ отправились къ Ляховскому. Оказывается, что это уже не первый ихъ визитъ туда.

— Рѣшительно ничего не понимаю, maman...

— И я тоже; но все-таки согласись, что очень и очень странно. Что можетъ дѣлать этотъ идіотъ Оскаръ у Ляховскаго?

Почтенная дама только пожала плечами и сдѣлала презрительную гримасу.

XVIII.

Въ послѣднее время Надежда Васильевна часто бывала у Ляховскихъ; Приваловъ встрѣчался съ ней тамъ, когда въ свободное отъ занятій время съ Ляховскимъ заходилъ на половину Зоси. Тамъ собиралось шумное молодое общество, къ которому примкнулъ и дядюшка Оскаръ Филиппычъ, необыкновенно смѣшно разсказывавшій самые невинные анекдоты.

— Мы васъ всѣ будемъ называть дядюшкой, Оскаръ Филиппычъ, — говорила Зося.

— И отлично... — соглашался дядюшка. — Я буду очень любить такую племянницу, какъ вы.

Дядюшка, въ качествѣ любезника старой школы, почтительно цѣловалъ каждый разъ руку Зоси и забавно шаркалъ ножкой. Половодовъ служилъ коноводомъ и былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи маленькихъ лѣтнихъ удовольствій: то устраивалъ ночное катанье на лодкахъ по Узловкѣ, то маленькій пикникъ куда-нибудь въ окрестности, то иллюминовалъ старый приваловскій садъ, то садился за рояль и начиналъ играть вальсы Штрауса, подъ которые кружилась молодежь въ высокихъ залахъ приваловскаго дома. Викторъ Васильичъ былъ правой рукой Половодова и слушался, какъ собака, каждаго его движенія. Особенно смѣшилъ всѣхъ дядюшка, который боялся лошадей и воды и такъ забавно танцовалъ вальсъ въ два па, какъ его танцуютъ только старики.

Это шумное веселье было неожиданно прервано появленіемъ новаго лица. Однажды, когда Приваловъ занимался съ Ляховскимъ въ его кабинетѣ, старикъ, быстро сдвинувъ очки на лобъ, проговорилъ:

— Вы видѣли Лоскутова? Максима Лоскутова?

— Нѣтъ...

— Ну, такъ вы, батенька, ничего не видали, это unicus въ своемъ родѣ... Да, да. Нашъ докторъ отыскалъ его... Замѣчательная голова: философъ, ученый, поэтъ—все, что хотите: чортъ его знаетъ, чего онъ только не училъ и чего не знаетъ! Въ высшей степени талантливая натура. Я очень благодаренъ доктору за этотъ подарокъ.

Приваловъ разсмѣялся.

— Чего вы смѣетесь? Конечно, подарокъ, а то какъ же? Мы, сидя въ Узлѣ, совсѣмъ заплѣсневѣли, а тутъ вдругъ является совершенно свѣжій человѣкъ, съ громадной эрудиціей, съ оригинальнымъ складомъ ума, съ замѣчательнымъ даромъ слова... Вы только послушайте, какъ Лоскутовъ говоритъ...

Ляховскій сдѣлалъ кислое лицо и какъ-то по-жидовски разставилъ руки.

— Для насъ этотъ Лоскутовъ просто находка, — продолжалъ развивать свою мысль Ляховскій.—Наши барышни, если разобрать хорошенько, въ сущности, и людей никакихъ не видали, а тутъ смотри, учись и стыдись за свою глупость. Хе-хе... Посмотрѣли бы вы, какъ онѣ притихнутъ, когда Лоскутовъ бываетъ здѣсь: тише воды, ниже травы. И понятно: какія-нибудь провинціаль-

ліи курочки, этакіе цыплятки—и вдругъ настоящій орелъ... Да вы только посмотрите на него: настоящая Азія, фаталистъ и немного мистикъ.

— Вы такъ много насказали про Лоскутова, Игнатій Львовичъ, что я даже немного начинаю бояться его,—пошутилъ Привaловъ.

— Я самъ его боюсь... Да...

Старикъ поднялся со своего кресла, на цыпочкахъ подбѣжалъ притворить двери кабинета, еще разъ оглядѣлся кругомъ и, наклонившись къ самому уху Привалова, шопотомъ говорилъ:

— Лоскутовъ былъ въ чемъ-то замѣшанъ... Понимаете — замѣшанъ въ одной старой, но довольно громкой исторіи... Да... Былъ въ административной ссылкѣ, потомъ объѣхалъ всю Россію и теперь гоститъ у насъ. Онъ открылъ свой пріискъ на Уралѣ и работаетъ довольно счастливо... О, если бы такой человѣкъ только захотѣлъ разбогатѣть, ему это рѣшительно ничего не стоитъ.

— А самъ-то по себѣ кто такой этотъ Лоскутовъ?

— Да Богъ его знаетъ... Онъ, кажется, служилъ въ военной службѣ раньше... Я иногда, право, боюсь за моихъ дѣвочекъ: молодо-зелено, какъ разъ и головка закружится, только докторъ все успокаиваетъ... Докторъ правъ: самая страшная опасность та, которая подкрадывается къ вамъ темной ночью, тишкомъ, а тутъ все и всѣ налицо. Дѣвочкамъ, во всякомъ случаѣ, хорошій урокъ... Какъ вы думаете?

Не дождавшись отвѣта Привалова, Ляховскій вдругъ громко захохоталъ и даже, схватившись за животъ руками, забѣгалъ, какъ сумасшедшій, по кабинету. Привaловъ такъ привыкъ къ выходкамъ этого страннаго человѣка, что даже не обидѣлся на такой странный оборотъ разговора. Задыхаясь отъ смѣха, Ляховскій нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, чтобы что-то сказать и объяснить Привалову, но только махалъ безнадежно руками и опять начиналъ хохотать. На его лбу очки такъ и прыгали, на вискахъ вспухли толстыя синія жилы, и изъ глазъ катились слезы; только приступъ удушливаго кашля остановилъ этотъ гомерическій смѣхъ, и Ляховскій мало-по-малу успокоился.

— Сергѣй Александрычъ, извините меня... Ха-ха...—заливался старикъ, вытирая глаза платкомъ.—Вы только представьте себѣ картину... О-ха-ха!.. Охъ, задохся!.. Вы представьте себѣ... Половодовъ... ха-ха-ха!.. Вѣдь вы знаете, что̀ за человѣкъ Половодовъ: дѣлецъ въ нынѣшнемъ вкусѣ и бонвиванъ par excellence, и вдругъ онъ встрѣчается съ Лоскутовымъ... Ха-ха-ха!.. Ничего подобнаго въ жизни своей не встрѣчалъ... Все равно, что̀ свести волка съ собакой, такъ и Лоскутова съ Половодовымъ... Александръ Павлычъ, бѣлоручка, совсѣмъ утратилъ всѣ свои достоинства и снизошелъ до послѣдней степени униженія: началъ сердиться на Лоскутова за то, видите ли, что тотъ въ тысячу разъ умнѣе его... А у дѣвочекъ такъ глазки и разгорѣлись: вѣдь поняли, въ чемъ дѣло, безъ словъ поняли. Это, батенька, цѣлая школа: одинъ такой урокъ на цѣлую жизнь хватитъ... Да! И представьте себѣ: этотъ самый Александръ Павлычъ, милый и обязательный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, глубоко убѣжденъ, что Лоскутовъ—жалкій авантюристъ, какъ сказочная ворона, щеголяющій въ павлиньихъ перьяхъ...

— А Лоскутовъ давно живетъ на Уралѣ?

— Да какъ вамъ сказать: годъ... можетъ-быть, полтора и никакъ не больше. Да пойдемте, я васъ сейчасъ познакомлю съ Лоскутовымъ,—предлагалъ Ляховскій:—онъ сидитъ у Зоси...

Привaловъ испыталъ нѣкоторое волненіе, когда они входили въ гостиную Зоси; оттуда доносились громкіе голоса. Ляховскій бѣжалъ трусцой и нѣсколько разъ взбилъ свой кокъ на головѣ. Когда они вошли въ гостиную,

Привалов въ первую минуту не замѣтилъ, кого искалъ глазами. На синемъ атласномъ диванѣ съ тяжелыми шелковыми кистями сидѣла Зося; рядомъ съ ней, на такомъ же атласномъ стулѣ, со стеганой квадратами спинкой, помѣщалась Надежда Васильевна; докторъ ходилъ по комнатѣ съ сигарой въ зубахъ, заложивъ свои большія руки за спину. На столѣ передъ диваномъ въ безпорядкѣ стояли чашки съ простывшимъ недопитымъ кофе и лежала раскрытая книга.

— Максимъ Лоскутовъ...—проговорилъ Ляховскій съ особенной, крикливой нотой въ голосѣ.

Изъ низкаго голубого кресла поднялся средняго роста господинъ и протянулъ Привалову руку. Это и былъ Максимъ Лоскутовъ. На видъ ему можно было дать лѣтъ тридцать пять; узкое блѣдное лицо съ небольшой тощей бородкой было слегка тронуто оспой, густыя сросшіяся брови и немного вздернутый носъ дѣлали его положительно некрасивымъ. Только большой бѣлый лобъ, прикрытый спутанными мягкими темными волосами, да усталый, точно надломленный взглядъ большихъ глазъ съ приподнятыми внѣшними углами придавали этому лицу характерный отпечатокъ. Такія лица не забываются. Небольшая, но плотная фигура Лоскутова, съ медленными, усталыми движеніями, обличала большую силу и живучесть; короткая кисть мускулистой руки отвѣчала Привалову крѣпкимъ пожатіемъ, а свѣтло-каріе глаза, того особеннаго цвѣта какой бываетъ только у южанъ, остановились на немъ долгимъ внимательнымъ взглядомъ. Темная визитка Лоскутова, покрытая кое-гдѣ пылью и пухомъ, смятая сорочка свидѣтельствовали о вкусахъ своего хозяина, который, очевидно, не перемѣнилъ костюма съ дороги.

— Ну, я не буду вамъ мѣшать, — торопливо заговорилъ Ляховскій. — У меня бездна дѣлъ...

Въ гостиной воцарилось на минуту принужденное, тяжелое молчаніе. Привалов чувствовалъ себя лишнимъ въ этомъ интимномъ кружкѣ и напряженно молчалъ.

— Хотите кофе?—предлагала Ляховская.

Привалов отказался.

— Я просилъ бы васъ продолжать вашъ прежній разговоръ,—замѣтилъ онъ:—если только я не мѣшаю...

— Нѣтъ, зачѣмъ же мѣшать,—отвѣтилъ за нихъ Лоскутовъ.

XIX.

Въ кабинетѣ Ляховскаго весело и дружелюбно бесѣдовали съ хозяиномъ Половодовъ и „дядюшка“. Особеннымъ оживленіемъ отличался сегодня Половодовъ. Онъ фамильярно трепалъ дядюшку по плечу и старался разогнать въ Ляховскомъ тѣ минуты сомнѣнія, которыя оставляли на его лбу глубокія морщины и заставляли брови плотно сдвигаться. Ляховскій, очевидно, не рѣшался на что-то, чего домогался Половодовъ; дядюшка держался въ сторонѣ и только напряженно улыбался, сохраняя свой розово-херувимскій видъ.

— Да ужъ вы, Игнатій Львовичъ, не безпокойтесь, — объяснилъ Половодовъ, широко разставляя свои длинныя ноги, точно послѣднее было самымъ неопровержимымъ аргументомъ.

— Я и не безпокоюсь... Нѣтъ, не безпокоюсь, — отвѣчалъ Ляховскій, сразу въ своемъ ободранномъ креслѣ.

— Оскаръ Филиппычъ знаетъ *все*...—проговорилъ наконецъ Половодовъ, любившій однимъ ударомъ разрѣшать всѣ недоумѣнія.

— Какъ все? Что такое все? — какъ-то жалко залепеталъ Ляховскій, испытующе переводя глаза съ Половодова на дядюшку. — Кажется, между нами нѣтъ никакихъ особенныхъ секретовъ...

Половодовъ неестественно захохоталъ, запрокинувъ голову назадъ, а потомъ самымъ беззаботнымъ голосомъ проговорилъ:

— Не безпокойтесь и не сомнѣвайтесь, дорогой Игнатій Львовичъ. Вы можете быть совершенно откровенны съ Оскаромъ Филипычемъ: я объяснилъ ему все относительно приваловской опеки...

Эти слова для Ляховскаго были ударомъ грома, и онъ только безсильно съежился въ своемъ креслѣ, какъ приколотый пузырь. Дядюшка принялъ серьезный видъ и вытянулъ губы.

— Прежде чѣмъ объяснять *все* всякому постороннему человѣку, вамъ не мѣшало бы посовѣтоваться со мною, Александръ Павлычъ,—глухо заговорилъ Ляховскій, подбирая слова.— Можетъ-быть, я не желаю ничьего постороннаго вмѣшательства... Можетъ-быть, я не соглашусь посвящать никого въ мои дѣла! Можетъ-быть... наконецъ...

— Э, батенька, перестаньте ломать комедію!—съ сердцемъ перебилъ его Половодовъ, дѣлая злые глаза.— Вы меня знаете, и я васъ хорошо знаю... Что же еще представляться!

— Вы слишкомъ много себѣ позволяете, Александръ Павлычъ... я... я...

— Послушайте, Игнатій Львовичъ, — настойчиво продолжалъ Половодовъ.— Если я довѣрился Оскару Филипычу, слѣдовательно вы можете ему довѣрять, какъ мнѣ самому...

„Дуракъ, дуракъ и дуракъ!—съ бѣшенствомъ думалъ Ляховскій, совсѣмъ не слушая Половодова:—первому попавшемуся на глаза нѣмчуркѣ все разболталъ... Это безуміе! Охъ, не вѣрю я вамъ, никому не вѣрю, ни одному вашему слову... Продадите, обманете, подведете...“

— Я ничего не знаю и умѣю молчать... — заявилъ, съ своей стороны, дядюшка, прерывая общее тяжелое молчаніе.

— Мнѣ до васъ рѣшительно никакого нѣтъ дѣла!.. — рѣзко отозвался Ляховскій, вскакивая съ кресла.—Будете вы говорить или молчать—это меня нисколько не касается! Понимаете: нисколько!..

— Однако такъ нельзя вести дѣло, Игнатій Львовичъ, — уговаривалъ Половодовъ:—я васъ предупреждалъ, и вы сами согласились...

— Вы лжете!.. Я ни на что не соглашался и не могъ согласиться.

Половодовъ только засвисталъ, а Ляховскій бросился въ кресло и враждебнымъ взглядомъ смѣрилъ дядюшку съ ногъ до головы. Беззвучно пожевавъ губами и поправивъ кокъ на головѣ, Ляховскій быстро обратился къ дядюшкѣ:

— Ну, а вы, что же молчите? Какую-такую пользу вы можете принести нашему дѣлу? На что вы надѣетесь?

— О, отлично надѣюсь...

— „Отлично надѣюсь“!—передразнилъ Ляховскій.—Вы говорить-то сначала выучитесь по-русски... Не сегодня-завтра Веревкинъ отправится хлопотать по опекѣ, ну, на что же вы надѣетесь, позвольте полюбопытствовать?

— Конечно, не на себя, Игнатій Львовичъ, — дѣловымъ тономъ отвѣчалъ нѣмецъ.—Я—маленькій человѣкъ, и вы, и Александръ Павлычъ—всѣ мы маленькіе люди... А гдѣ маленькія мухи запутываются въ паутинѣ, большія прорываютъ ее.

Ляховскій пожевалъ губами, потеръ лобъ рукой и проговорилъ:

— А вы знаете, что большія мухи любятъ брать большіе куски?

— Изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее: или лишиться всего, или пожертвовать одной частицей...

— Что же вы думаете дѣлать?

— Для васъ, прежде всего, важно выиграть время, — невозмутимо объяснялъ дядюшка:—пока Веревкинъ и Приваловъ будутъ хлопотать объ уничтоженіи опеки, мы устроимъ самую простую вещь—затянемъ дѣло. Видите ли, есть въ Петербургѣ одна дама... Она не куртизанка, какъ принято понимать это слово, но только имѣетъ близкія сношенія съ тѣми сферами, гдѣ...

— Короче—у нея бываютъ большіе люди?—перебилъ Ляховскій, нетерпѣливо ежа свои острыя плечи...

— Именно... Если она возьмется за это дѣло, тогда можно все устроить, рѣшительно все!..

— Но вѣдь ей нужно платить, этой вашей дамѣ...—застоналъ Ляховскій, хватаясь за голову:—понимаете: пла...тить!!.

— Она беретъ извѣстный процентъ съ предпріятія, смотря по обстоятельствамъ: пять, десять... Вообще неодинаково!.. Придется, конечно, сдѣлать небольшой авансикъ, пустяки — какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать тысячъ единовременно.

— Ого!.. — завопилъ Ляховскій, точно у него вырывали зубъ. — Нѣтъ, благодарю васъ... У меня и денегъ такихъ нѣтъ! Довольно, довольно...

— Игнатій Львовичъ, что же вы въ самомъ дѣлѣ?—вступился Половодовъ.—Дайте хоть разсказать хорошенько, а тамъ и неистовствуйте, сколько душѣ угодно!

— Я согласенъ, что двадцать тысячъ довольно круглая цифра,—невозмутимо продолжалъ дядюшка, потирая руки. — Но зато въ какой безобидной формѣ все дѣлается... У нея, собственно, нѣтъ официальныхъ пріемовъ, а чтобы получить аудіенцію, необходимо прежде похлопотать черезъ другихъ дамъ...

— Которымъ тоже нужно платить!—вскричалъ Ляховскій, скрипя зубами.

— Да, тысячи три-четыре...

— Да за что же? за что?

— Какъ за что? — удивился дядюшка. — Да вѣдь это не какія-нибудь шлюхи, а самыя аристократическія фамиліи. Домъ въ лучшей улицѣ, карета съ гербами, въ дверяхъ трехъаршинный гайдукъ, мраморныя лѣстницы, бронза, цвѣты. Согласитесь, что такая обстановка чего-нибудь да стоитъ?..

— Стоитъ, стоитъ... Ужасно много стоитъ!—стоналъ Ляховскій.

Ляховскій до того неистовствовалъ на этотъ разъ, что съ нимъ пришлось отваживаться. Дядюшка держалъ себя невозмутимо и даже превзошелъ самого Альфонса Богданыча. Онъ ни разу не повысилъ тона и не замолчалъ, какъ это дѣлалъ въ критическіе моменты Альфонсъ Богданычъ.

— Да скажите же, ради Бога: вы изъ папье-маше, что ли, сдѣланы?—кричалъ Ляховскій, тыкая дядюшку пальцемъ.

Послѣ страшной борьбы Ляховскій наконецъ согласился съ теоріей дядюшки „затянуть дѣло“, но все приставалъ съ вопросомъ:

— А какъ я могу васъ провѣрить, Оскаръ Филипычъ? Ну, скажите: какъ?

— Я вамъ представлю расписки отъ *самой*, — невозмутимо отвѣчалъ дядюшка.

— Вы сами напишете?!.

Выйдя отъ Ляховскаго, дядюшка тяжело вздохнулъ и отеръ хобъ платкомъ; Половодовъ тоже представлялъ собою самый жалкій видъ и смотрѣлъ кругомъ помутившимися глазами.

— Это самъ дьяволъ, а не человѣкъ,—проговорилъ наконецъ дядюшка, когда они вышли изъ подъѣзда.

— Хуже дьявола..—согласился Половодовъ, шаркая ногами.—А все-таки на нашей улицѣ будетъ праздникъ...

— Но чего это стоитъ!..—вздохнулъ дядюшка; онъ былъ блѣденъ и жалко мигалъ глазами.

Основной планъ Половодовъ и дядюшка, конечно, не открыли Ляховскому, а воспользовались имъ только для перваго шага, т.-е. чтобы затянуть дѣло по снѣгъ.

XX.

Вечернія посѣщенія бахаревскаго дома Привалову уже не доставляли прежняго удовольствія. Та же Павла Ивановна со своимъ вѣчнымъ вязаньемъ, та же Лосиося, та же Марья Степановна со своими воспоминаніями, когда люди жили „по-истовому“. Это однообразіе нарушалось только появленіемъ Вѣрочки, которая совсѣмъ привыкла къ Привалову и даже вступала съ нимъ въ разговоръ, причемъ сильно краснѣла каждый разъ и не знала, куда дѣвать руки. Привалову нравилось разговаривать съ этой свѣжей, нетронутой дѣвушкой, которая точно заражала своей молодостью даже степенные покои Марьи Степановны.

— У насъ скучно...—говорила Вѣрочка, несмѣло взглядывая на Привалова.

— Почему скучно?

— Да такъ... Никого не бываетъ почти.

— А знакомые?

— Да кто у насъ знакомые: у папы бываютъ золотопромышленники только по дѣламъ, а мама знается только со старухами да старцами. Два-три дома есть, куда мы ѣздимъ съ мамой иногда; но тамъ еще скучнѣе, чѣмъ у насъ. Я замѣчала, что вообще богатые люди живутъ скучнѣе бѣдныхъ. Право, скучнѣе...

— А вѣдь это вѣрно,—засмѣялся Приваловъ.—А если бы вамъ предложили устроить все по-своему, вы какъ бы сдѣлали?

Вѣрочка не ожидала такого вопроса и недовѣрчиво посмотрѣла на Привалова; но его добродушный видъ успокоилъ ее, и она наивно проговорила:

— Я бы устроила такъ, чтобы всѣмъ было весело... Да!.. Мама считаетъ всякое веселье грѣхомъ, но это неправда. Если человѣкъ работаетъ день, отчего же ему не повеселиться вечеромъ? Напримѣръ: театръ, концерты, катанье на тройкахъ... Я люблю шибко ѣздить, такъ, чтобы духъ захватывало!

— Вы развѣ не бываете въ театрѣ?

— Очень рѣдко... Вѣдь мама никогда не ѣздитъ туда, и намъ приходится всегда тащить съ собой папу. Знакомыхъ мало, а потомъ пріѣдешь домой—мама дня три дуется и все вздыхаетъ. Зимой у насъ бываетъ балъ... Только это совсѣмъ не то, что у Ляховскихъ. Я въ прошломъ году въ первый разъ была у нихъ на балу,—весело, прелесть! А у насъ больше купцы бываютъ и только пьютъ...

Мало-по-малу Приваловъ вошелъ въ тотъ міръ, въ какомъ жила Вѣрочка, и онъ часто думалъ о ней: „какая она славная...“ Надежда Васильевна рѣдко показывалась въ послѣднее время, и если выходила, то смотрѣла усталою и скучающею. Прежнихъ разговоровъ не поднималось, и Приваловъ уносилъ съ собой изъ бахаревскаго дома тяжелое, непріятное раздумье.

Разъ, когда Приваловъ тихо разговаривалъ съ Вѣрочкой въ синей гостиной, издали послышались тяжелые шаги Василія Назарыча. Дѣвушка смути-

лась и вся вспыхнула, не зная, что ей дѣлать. Приваловъ тоже почувствовалъ себя не особенно пріятно, но всѣхъ выручила Марья Степановна, которая какъ разъ вошла въ гостиную съ другой стороны и встрѣтила входившаго Василія Назарыча. Старикъ, замѣтивъ Привалова, какъ-то немного растерялся, а потомъ съ улыбкой проговорилъ:

— Ну, ты что же ко мнѣ-то не заходишь?

— Да вы все были заняты, Василій Назарычъ...

— Занятъ-то занятъ—это вѣрно, а ты заходи.

Старикъ остался въ гостиной и долго разговаривалъ съ Приваловымъ о дѣлахъ по опекѣ и его визитахъ къ опекунамъ. По лицу старика Приваловъ замѣтилъ, что онъ недоволенъ чѣмъ-то, но сдерживаетъ себя и не высказывается. Вообще весь разговоръ носилъ сдержанный, натянутый характеръ, хотя Василій Назарычъ и старался казаться веселымъ и привѣтливымъ по-прежнему.

— А гдѣ же Надя?—спросилъ старикъ Марью Степановну.

— Да ей нездоровится что-то...—подобравъ губы, отвѣтила Марья Степановна.—Все это отъ вашихъ книжекъ: читаетъ, читаетъ, ну и попритчится что ни на есть.

Бахаревъ разсмѣялся и, взглянувъ на Вѣрочку, любовно проговорилъ:

— Ну, а ты, коза, въ книжку не читаешь?..

— Оставь ты ее, ради Христа,—вступилась Марья Степановна за свою любимицу, которая до ушей вспыхнула самымъ яркимъ румянцемъ.

Послѣ этой сцены Приваловъ заходилъ въ кабинетъ къ Василію Назарычу, гдѣ опять все время разговоръ шелъ объ опекѣ. Но, несмотря на взаимныя усилія обоихъ разговаривавшихъ, они не могли попасть въ прежній хорошій и довѣрчивый тонъ, какъ это было до размолвки. Когда Приваловъ разсказалъ все, что самъ узналъ изъ бумагъ, взятыхъ у Ляховскаго, старикъ недовѣрчиво покачалъ головой и задумчиво проговорилъ:

— Все это не то... нѣтъ, не то! Ты бы вотъ на заводы-то самъ съѣздилъ поскорѣе, а повѣреннаго въ Моховъ послалъ, пусть въ дворянской опекѣ наведетъ справки... Все же лучше будетъ...

У Ляховскаго тоже было довольно скучно. Зося хмурилась и капризничала. Лоскутовъ жилъ въ Узлѣ вторую недѣлю и часто бывалъ у Ляховскихъ. О прежнихъ увеселеніяхъ и забавахъ не могло быть и рѣчи; Половодовъ показывался въ гостиной Зоси очень рѣдко и сейчасъ же уходилъ, когда появлялся Лоскутовъ. Онъ не переваривалъ этого философа и дѣлалъ равнодушное лицо.

— Отчего вы не любите Максима?—допытывалась Зося, но Половодовъ только поднималъ плечи и издавалъ неопредѣленное мычаніе.

Скоро Приваловъ замѣтилъ, что Зося относится къ Надеждѣ Васильевнѣ съ плохо скрытой злобой. Она постоянно придиралась къ ней въ присутствіи Лоскутова, и ея темные глаза метали искры. Докторъ, съ тактомъ истинно-свѣтскаго человѣка, предупреждалъ всякую возможность вспышки между своими ученицами и смотрѣлъ какъ-то особенно задумчиво, когда Лоскутовъ начиналъ говорить. „Тутъ что-нибудь кроется“,—думалъ Приваловъ.

Однажды, въ серединѣ іюля, въ жаркій лѣтній день Приваловъ долго и безцѣльно бродилъ по саду, пока не усталъ и не забрался въ глубину сада, въ старую, обвалившуюся бесѣдку. Онъ долго мечталъ здѣсь, не замѣчая, какъ бѣжало время. Тихій разговоръ вывелъ его изъ задумчивости. Кто-то шелъ по узенькой аллеѣ прямо къ нему. Едва онъ успѣлъ сообразить всю невыгодность своей позиціи, какъ изъ-за шпалеры темно-зеленыхъ пихтъ по-

казалась стройная фигура Надежды Васильевны; она шла рядомъ съ Лоскутовымъ. Приваловъ хотѣлъ выйти изъ своей засады, но почему-то остался на мѣстѣ и только чувствовалъ, какъ встрепенулось у него въ груди сердце.

— Сядемъ здѣсь, Максимъ... Я устала, — послышался голосъ Надежды Васильевны, и затѣмъ она сейчасъ же прибавила: —я не желала бы встрѣтить Привалова.

— Почему?—спрашивалъ Лоскутовъ, усаживаясь прямо на траву.—Онъ мнѣ нравится... Очень хорошій человѣкъ!

Приваловъ очутился въ нѣкоторой засадѣ, изъ которой ему просто неловко было выйти. „Сядемъ“—рѣзнуло его по уху своимъ слишкомъ дружескимъ тономъ, какимъ говорятъ только съ самыми близкими людьми.

— Приваловъ, дѣйствительно, хорошій человѣкъ, — соглашалась дѣвушка:—но намъ съ тобой онъ принесъ немало зла. Его появленіе въ Узлѣ разрушило всѣ планы. Я цѣлую зиму подготовляла отца къ тому, чтобы объявить ему... ну, что мы...

Надежда Васильевна тихо засмѣялась, и до Привалова долетѣлъ звукъ поцѣлуевъ, которыми она награждала философа. Вся кровь бросилась въ голову Привалова, и онъ чувствовалъ, какъ все закружилось около него...

— Я все-таки не понимаю, чѣмъ тутъ провинился Приваловъ, — сказалъ Лоскутовъ.

— А тѣмъ и провинился, что отецъ и мать сходятъ съ ума отъ одной мысли породниться съ Приваловымъ...

— Да вѣдь отецъ, кажется, разошелся съ нимъ?

— Разошелся... Но вѣдь ты не знаешь совсѣмъ, что̀ за человѣкъ мой отецъ. Теперь онъ, дѣйствительно, очень недоволенъ Приваловымъ, но это еще ничего не значитъ. Приваловъ все-таки остается Приваловымъ.

— Именно?

— Именно?—повторила Надежда Васильевна вопросъ Лоскутова.—А это вотъ что̀ значитъ: что̀ бы Приваловъ ни сдѣлалъ, отецъ всегда проститъ ему все, и не только проститъ, но послѣднюю рубашку съ себя сниметъ, чтобы поднять его. Это слѣпая привязанность къ фамиліи, какое-то благоговѣніе предъ именемъ... Логика здѣсь безсильна, а человѣкъ поступаетъ такъ, а не иначе потому, что *такъ нужно*. Дѣти такъ же дѣлаютъ...

— Но вѣдь это не дѣти, Надя...

— Разница въ томъ, что у этихъ дѣтей всѣ средства въ рукахъ для выполненія ихъ *такъ нужно*. Но вѣдь это только со стороны кажется страннымъ, а если стать на точку зрѣнія отца—пожалуй, смѣшного ничего и нѣтъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ бахаревскомъ домѣ царствовала особенная, зловѣщая тишина, и всѣ въ домѣ чувствовали на себѣ ея гнетъ.

Сумрачный и непривѣтливый сидитъ въ своей каморкѣ старый Лука. Съ утра до вечера теперь брюзжитъ и ворчитъ старикъ и, чтобы разогнать скуку, все что-нибудь чиститъ: то ручку у дверей, то шарниры, то бронзовую накладку съ надписью „Для писемъ и газетъ“. Послѣднюю Лука чиститъ съ особеннымъ ожесточеніемъ, точно старается ее задобрить. Желѣзный ящикъ,

прикрѣпленный къ двери съ внутренней стороны, въ глазахъ Луки имѣетъ какое-то особенное таинственное значеніе: изъ этого небольшого ящика налетаютъ на бахаревскій домъ страшныя минуты затишья, и Лука съ суевѣрнымъ страхомъ подходитъ къ нему каждое утро.

Однажды, когда Лука принесъ письмо, Василій Назарычъ особенно долго читалъ его, теръ себѣ рукой больное колѣно, а потомъ проговорилъ:

— Ну, Лука, наши съ тобой дѣла плохи...

У Луки екнуло сердце отъ этихъ словъ, и онъ раскрылъ ротъ, приготовившись выслушать непріятное извѣстіе.

— На Варваринскомъ пріискѣ плохо, — объяснилъ Василій Назарычъ, не глядя на старика.—Значитъ, лѣтомъ намъ работать негдѣ будетъ...

Вотъ съ этого времени и сдѣлалось въ бахаревскомъ домѣ особенно тихо, точно кто придавилъ рукой прежнее веселье.

Начиналась ужъ осень, хотя еще стоялъ августъ. Было два такихъ холодныхъ утренника, что весь бахаревскій садъ покрылся желтыми пятнами, а цвѣтникъ во дворѣ почернѣлъ совсѣмъ. Дни становились короче, а по ночамъ поднимался сильный вѣтеръ, который долго-долго гудѣлъ въ саду, перебирая засохшіе листья и со свистомъ врываясь въ каждую щель. Суевѣрный Лука крестится и творитъ молитву, когда хлопнетъ желѣзнымъ листомъ на крышѣ или завоетъ въ трубѣ. Сейчасъ за стѣной былъ кабинетъ Василія Назарыча, и старикъ далеко за полночь прислушивался къ каждому звуку, доносившемуся къ нему оттуда. Василій Назарычъ тоже подолгу не спитъ по ночамъ и все что-то пишетъ и откладываетъ на счетахъ. „Охъ! Все это отъ проклятыхъ писемъ“,—думаетъ про себя Лука, прислушиваясь къ каждому звуку.

Днемъ старику какъ будто веселѣе, и онъ все поглядываетъ черезъ дворъ, въ людскую, гдѣ всѣмъ верховодитъ нѣмая Досиѳея. У Марьи Степановны не было тайнъ отъ нѣмой, и послѣдняя иногда дѣлилась ими съ Лукой, хотя съ большой осторожностью, потому что Лука иногда могъ и сболтнуть лишнее, особенно подъ пьяную руку. Придетъ Лука въ кухню, подсядетъ къ самому столу, у котораго командуетъ Досиѳея, и терпѣливо ждетъ, когда она нѣсколькими жестами объяснитъ все дѣло. Здѣсь Лука узналъ, что у „Сереженьки“ что-то вышло съ старшей барышней, но она ничего не сказываетъ „самой“; а „Сереженька“ нигдѣ не бываетъ, все сидитъ дома и, должно-быть, болѣетъ, какъ говоритъ „сама“.

— Которая ужъ недѣля пошла...—вздыхаетъ Лука.

Старикъ подъ рукой навелъ кое-какія справки черезъ Ипата и зналъ, что Приваловъ не боленъ, а просто заперся у себя въ комнатѣ, никого не принимаетъ и самъ никуда не идетъ. Вотъ ужъ третья недѣля пошла, какъ онъ и глазъ не кажетъ въ бахаревскій домъ, и Василій Назарычъ нѣсколько разъ справлялся о немъ.

— Самъ-то ничего не знаетъ, — объясняла Досиѳея: — и никто не знаетъ...

II.

Однажды, когда Лука особенно сильно хандрилъ съ ранняго утра и походя грызъ Игоря, сильный звонокъ у подъѣзда просто взбѣсилъ степеннаго старика.

— Кого это чортъ принесъ! — ругался Лука, нарочно медля отворить двери. — Точно на пожаръ трезвонитъ... Навѣрно, аблакатъ какой-нибудь, прости ты меня, истинный Христосъ!

Звонокъ повторился съ новой силой, и когда Лука пріотворилъ дверь, чтобы посмотрѣть на своего непріятеля, онъ даже немного попятился назадъ: въ дверяхъ стоялъ низенькій, толстый, сѣдой старикъ, съ желтымъ калмыцкимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ и узкими, черными, какъ агатъ, глазами. Облѣпленный грязью татарскій азямъ и смятая войлочная шляпа свидѣтельствовали о томъ, что гость заявился прямо съ дороги.

— Господи Іисусе Христе... — ужаснулся Лука, отступая изъ своей позиціи, и прибавилъ: — да вѣдь это никакъ ты, Данила Семенычъ?..

— А ты возьми глаза-то въ зубы, да и посмотри, — хрипло отозвался Данила Семенычъ, грузно вваливаясь въ переднюю.— Что, не узналъ, старый хрѣнъ? Дѣвичья память-то у тебя подъ старость стала... Ну, чего вытаращилъ на меня шары-то? Выходитъ, что я самый и есть.

Гость хрипло засмѣялся, снялъ съ головы бѣлую войлочную шляпу и провелъ короткой, пухлой рукой по своей сѣдой щетинѣ.

— Данила Семенычъ... голубчикъ... Да откедова ты взялся-то? — взметался Лука. — Угодники безсребреники... Зачѣмъ ты пріѣхалъ-то?

— Ну, ну, запричиталъ, старый хрѣнъ... Не съ неба упалъ на тебя!.. Завтра двадцатый день пойдетъ, какъ съ Самна...

— Съ пріиску?

— Обнаковенно... А то откуда?.. Ну, да нечего съ тобой бобы-то разводить... Старикъ-то дома?

— Дома, дома...

— Ну, я къ нему сейчасъ... пойду...

— Ну, ужъ я тебя въ такомъ видѣ не пущу, Данила Семенычъ. Ты хоть образину-то умой наперво, а то испугаешь еще Василія-то Назарыча. Да приберись малость, — вонъ на тебѣ грязищи-то сколько налипло...

— Грязцы, точно-что, захватилъ дорогой-то... Не раздѣваясь, гналъ три недѣли!.. Рука даже онухла отъ подзатыльниковъ ямщикамъ... Ей-Богу!..

— Да ну тебя, подь ты къ чомору! — отмахивался Лука, затаскивая гостя въ свою каморку. — Все у тебя, Данила Семенычъ, хи-хи да смѣхи... Ты вотъ скажи, зачѣмъ къ намъ объявился-то?

— Объявился — и вся тутъ, — коротко сказалъ Данила Семенычъ, съ съ трудомъ стаскивая съ своихъ богатырскихъ плечъ стоявшій лубомъ азямъ, подъ которымъ оказался засаленный татарскій бешметъ изъ полосатой шелковой матеріи.

— Охъ, чуетъ мое сердечушко, что не къ добру ты нагрянулъ, — причиталъ Лука, добывая полотенце изъ сундучка. — Василій-то Назарычъ не ждалъ вѣдь тебя, даже нисколько не ждалъ, а ты, на-поди, точно снѣгъ на голову...

— Я люблю скоро все дѣлать...

— Хошь бы письмо написалъ, что ли... Вѣдь много писалъ... Я самъ носилъ твои-то письма къ барину!

— Раньше писалъ, а теперь не о чемъ... Да и письмо долго, а я живой ногой долетѣлъ. Нѣтъ ли у тебя пропустить чего-нибудь? Горло пересохло...

— Да вѣдь ты дорогой-то, поди, на каждомъ станкѣ прикладывался? Вонъ, глаза-то совсѣмъ заплыли...

— Былъ и такой грѣхъ, Лука, былъ грѣхъ...

— Знаю, знаю: какъ пріѣхалъ въ городъ, сейчасъ и зарядилъ? Хе-хе-хе...

Данила Семенычъ только безсильно махнулъ рукой и принялся умываться. Лука долго и безмолвно слѣдилъ за процессомъ умыванья, а потомъ что-то вспомнилъ и торопливо побѣжалъ изъ каморки.

— Куда ты потащился? — спрашивалъ Данила Семенычъ, намыливая свои жилистыя, бронзовыя руки.

— Сейчасъ, сейчасъ... обожди малость; я живой ногой.

— Ты смотри, не болтай самой-то...

Но Лука не слышалъ послѣднихъ словъ и на всѣхъ парахъ летѣлъ на половину Маріи Степановны. Добѣжавъ до комнаты Надежды Васильевны, старикъ припалъ къ замочной скважинѣ и прошепталъ:

— Барышня, а барышня... На одинъ секундъ...

— Чего тебѣ, Лука? — отозвалась Надежда Васильевна, показываясь въ дверяхъ.

— Матушка, барышня, да тотъ пріѣхалъ, зятюшь-то нашъ... Ей-Богу! У меня въ каморкѣ сидитъ...

— Да кто пріѣхалъ?

— Ахъ, угодники безсребреники!.. Да Данила Семенычъ пріѣхалъ... А ужъ я по его образинѣ вижу, что онъ не съ добромъ пріѣхалъ: и чортъ чортомъ, страсть глядѣть. Пожалуй, какъ бы Василія-то Назарыча не испужалъ... Ей-Богу! Вотъ я и забѣжалъ къ вамъ... потому...

Надежда Васильевна, не слушая болтовни Луки, торопливо шла уже въ переднюю, гдѣ и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ самимъ Данилой Семенычемъ, который, очевидно, уже успѣлъ пропустить съ пріѣзда и теперь улыбался широчайшей, довольной улыбкой, причемъ его калмыцкіе глаза совсѣмъ исчезали, превращаясь въ узкія щели.

— Ахъ, старый хрѣнъ, успѣлъ ужъ набрехать по всему дому, — проговорилъ онъ, косясь на Луку. — Здравствуйте, барышня... Хорошѣете, сударыня, да цвѣтете.

Данила Семенычъ поцѣловалъ руку, которую ему протянула Надежда Васильевна, и прибавилъ самымъ невиннымъ тономъ:

— А вотъ я и пріѣхалъ... Да.

— Да съ чѣмъ пріѣхали-то, Данила Семенычъ?

— А такъ... дѣлать больше нечего на пріискахъ, ну, я и махнулъ.

— Какъ нечего дѣлать?

— Да такъ...

Данила Семенычъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой и опять засмѣялся.

— Дрянь дѣло, Надежда Васильевна... За папенькой вашимъ пріѣхалъ.

— Вы одну минуту подождите здѣсь, — проговорила Надежда Васильевна, оставляя гостя въ залѣ. — Я сейчасъ провѣдаю папу, онъ, кажется, несовсѣмъ здоровъ...

Василій Назарычъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и просматривалъ послѣдній номеръ газеты. Поднявъ глаза, онъ улыбнулся дочери и протянулъ ей руку.

— Я думала, что у тебя сидитъ докторъ, — солгала Надежда Васильевна, не зная, какъ ей приступить къ дѣлу.

— Докторъ заѣзжаетъ вечеромъ, а теперь полдень...

— Ну, а что твоя нога, папа?

— Къ веснѣ докторъ обѣщаетъ ее починить, голубчикъ. Только вѣдь смерть моя сидѣть здѣсь безъ всякаго дѣла...

— А ты не ждешь сюда Данилы Семеныча?

— Нѣтъ; а что?

— Я такъ спросила... Я изъ своей комнаты видѣла, точно онъ пріѣхалъ къ намъ.

— Не можетъ быть!..

— Мнѣ показалось... Можетъ-быть, я ошибаюсь.

Старикъ тревожнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дочь и потеръ свое больное колѣно. Въ это время изъ залы донесся хриплый смѣхъ Данилы Семеныча, и поблѣдневшій, какъ полотно, Бахаревъ проговорилъ:

— Да вѣдь онъ здѣсь, Надя... Это онъ хохочетъ?!.

— Да, онъ, папа... Мнѣ можно побыть здѣсь, пока онъ будетъ у тебя?..

— Нѣтъ, голубка... послѣ... вечеромъ. Пошли его сюда.

Надежда Васильевна поцѣловала отца въ лобъ и молча вышла изъ кабинета. Данила Семенычъ, покачиваясь на своихъ кривыхъ ногахъ, ввалился въ кабинетъ.

— Охъ, быть бѣдѣ, барышня... — шепталъ Лука, провожая Надежду Васильевну. — Ужъ я вѣрно вамъ говорю...

— Ты сиди пока здѣсь и слушай, — просила дѣвушка: — я боюсь, чтобы съ папой не сдѣлалось дурно... Понялъ? Чуть что, сейчасъ же скажи мнѣ.

— Будьте спокойны: въ одинъ секундъ... Чуть ежели что — я живой ногой... А Данила неспроста пріѣхалъ, я ужъ по его косымъ глазамъ вижу... Ей-Богу!.. Ох-хо-хо!..

III.

Только-что Надежда Васильевна пришла въ свою комнату, какъ почти сейчасъ же за нею прибѣжала Вѣрочка, вся перепуганная и блѣдная. Она едва могла проговорить:

— Папа кричитъ такъ страшно... Надя, голубчикъ, бѣги скорѣе, ради Бога, скорѣе!.. У нихъ что-то произошло... Лука плачетъ... Господи, да что же это такое?!

Вѣрочка тихо заплакала, закрывъ лицо руками.

Когда Надежда Васильевна проходила по столовой, до нея донеслись чьи-то отчаянные крики: она не узнала голоса отца и бѣгомъ бросилась къ кабинету. Отворивъ двери, Надежда Васильевна увидѣла такую картину: Данила Семенычъ стоялъ въ углу, весь красный, съ крупными каплями пота на лбу, а Василій Назарычъ, не помня себя отъ ярости, бросался изъ угла въ уголъ, какъ раненый звѣрь. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту и съ пѣной у рта, сжавъ кулаки, нѣсколько разъ подступалъ къ самому носу Данилы Семеныча. Взрывъ бѣшенства парализировалъ боль въ ногѣ, и старикъ съ помутившимися глазами рвалъ остатки сѣдыхъ волосъ на своей головѣ.

— Ты меня зарѣзалъ... Понимаешь: *за-рѣ-залъ*... — неистово выкрикивалъ Василій Назарычъ какимъ-то дикимъ, страшнымъ голосомъ. — На старости лѣтъ пустилъ по міру всю семью!.. Всѣхъ погубилъ!!. Всѣхъ!!.

— Богъ милостивъ, Василій Назарычъ... — осмѣлился замѣтить Данила Семенычъ, когда Надежда Васильевна показалась на порогѣ. — Поправимся...

— Поправимся?!. Нѣтъ, я тебя сначала убью... Жилы изъ тебя вытяну!.. Одно только лѣто не пріѣхалъ на пріиски, и все пошло кверху дномъ. А теперь послѣднія деньги захватилъ Работкинъ и скрылся... Боже мой!.. Завтра же ѣду и всѣхъ васъ переберу... Ничего не дѣлали, пьянствовали, безобразничали!.. На кого же мнѣ положиться?!.

Надежда Васильевна показала глазами Данилѣ Семенычу на дверь, и тотъ выползъ изъ кабинета. Наступило тяжелое молчаніе, показавшееся отцу и дочери вѣчностью. Дѣвушка сѣла на диванъ и ждала, пока отецъ, бѣгая по кабинету, продолжалъ неистовствовать, порываясь къ двери, точно онъ хотѣлъ догнать Данилу Семеныча. Изъ безсвязнаго потока проклятій Надежда

Васильевна узнала пока то, что послѣднія деньги, какія были посланы Бахаревымъ на пріиски, украдены бѣжавшимъ кассиромъ Работкинымъ. Она молчала, давая отцу полную волю излить свое бѣшенство; въ такія минуты подступаться къ нему — значило подливать масла въ огонь. Эта сцена продолжалась съ полчаса, пока наконецъ Василій Назарычъ съ глухими рыданіями не бросился въ свое кресло. Гроза была на исходѣ, и Надежда Васильевна проговорила:

— Папа, зачѣмъ же ты такъ волнуешься? Вѣдь этимъ дѣла не поправить... Нужно успокоиться, а потомъ и обсудить всѣ обстоятельства.

— У насъ теперь одни обстоятельства: мы — нищіе! — закричалъ старикъ, опять вскакивая съ своего кресла.

Но пароксизмъ бѣшенства замѣтно проходилъ. Слезы мѣшались съ проклятіями и стонами, пока не перешли въ то тяжелое, полусознательное состояніе, когда человѣкъ начинаетъ грезить наяву.

— Я одинъ, одинъ...— стоналъ Василій Назарычъ, закидывая голову на спинку кресла. — Не на кого положиться... Охъ, хоть бы умереть скорѣе!.. Нищета, позоръ... О, Боже мой?!!

IV.

Данила Семеновичъ Шелеховъ былъ крещеный киргизъ, купленный еще дѣдомъ Сергѣя Привалова въ одну изъ жестокихъ степныхъ голодовокъ. Обезумѣвшіе отъ голода родители съ большимъ удовольствіемъ продали шустраго ребенка за мѣшокъ муки и пару плохихъ сапоговъ. Степнякъ-киргизенокъ, какъ пойманный звѣрекъ, былъ завезенъ сначала въ Шатровскіе заводы, а потомъ попалъ въ Узелъ. Въ первое время онъ совсѣмъ затерялся въ толпѣ многочисленной дворни и нѣсколько лѣтъ прислуживалъ магнату-заводчику въ качествѣ казачка. Уже подросткомъ, когда старикъ Гуляевъ открылъ свои пріиски въ Сибири, Шелеховъ попалъ къ нему и тамъ вышелъ на свою настоящую дорогу. Впослѣдствіи онъ работалъ вмѣстѣ съ Бахаревымъ, который завѣдывалъ гуляевскими пріисками, и вмѣстѣ съ нимъ перешелъ къ Александру Привалову.

По своей натурѣ Шелеховъ остался настоящимъ степнякомъ; его характеръ представлялъ самую пеструю смѣсь достоинствъ и недостатковъ. Предоставленный самому себѣ, онъ, вѣроятно, скоро бы совсѣмъ смотался въ закружившемъ его вихрѣ цивилизованной жизни, но его спасли золотые промыслы, которые по своей лихорадочной, азартной дѣятельности какъ нельзя больше соотвѣтствовали его характеру. Здѣсь, на промыслахъ, у Шелехова выработалась та репутація, благодаря которой онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ средѣ золотопромышленниковъ. Въ поискахъ за золотомъ, на развѣдкахъ по тайгѣ и непроходимой глуши Шелеховъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ. Его желѣзная натура, кажется, не знала, что̀ такое усталость, и жить по цѣлымъ мѣсяцамъ въ глубинѣ тайги, по недѣлямъ спать подъ прикрытіемъ полотняной палатки на снѣгу въ горахъ, дѣлать тысячеверстныя экскурсіи верхомъ — во всѣхъ этихъ подвигахъ Данила Шелеховъ не зналъ соперниковъ. Затѣмъ, долголѣтняя практика выработала у Шелехова извѣстный „золотой инстинктъ“: онъ точно чутьемъ зналъ, гдѣ въ землѣ скрывается золото, и старый Бахаревъ часто совѣтовался съ нимъ въ трудныхъ случаяхъ.

Но насколько хорошъ и незамѣнимъ былъ Шелеховъ на развѣдкахъ, настолько же онъ былъ несносенъ и даже жалокъ во все остальное время, когда все дѣло сводилось на систематическій, упорный трудъ. Шелеховъ могъ

работать только порывами, съ изумительной энергіей и настойчивостью, но къ правильному труду онъ положительно былъ неспособенъ.

Самой замѣчательной особенностью Шелехова было то, что стоило ему только разъ вырваться съ пріиска и попасть куда-нибудь въ городъ, — онъ разомъ спускалъ все, что копилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ нимъ не было въ этихъ случаяхъ никакого сладу, и Захаревъ терпѣливо ждалъ того момента, когда у загулявшаго Даніилы Семеныча вылетитъ изъ кармана послѣдній грошъ.

— Ну что, отзвонился? — спроситъ только Василій Назарычъ, когда Шелеховъ наконецъ появится въ его кабинетѣ, съ измятымъ лицомъ и совсѣмъ опухшими глазами.

— Совсѣмъ готовъ, Василій Назарычъ...

— Оно и на душѣ легче: отзвонилъ — и съ колокольни долой.

— Въ лучшемъ видѣ, Василій Назарычъ: отпустили, въ чемъ мать родила.

Марья Степановна глубоко вѣровала въ геній Даніилы Семеныча. Она была убѣждена, что у Шелехова отъ природы „легкая рука“ на золото, и что стоитъ ему только уйти съ пріисковъ, какъ все тамъ пойдетъ шиворотъ-навыворотъ. Поэтому, послѣ вспышки со стороны Василія Назарыча, Даніила Семеныч увлекался на половину „самой“, гдѣ его поили чаемъ, ублажали, и Марья Степановна снисходила даже до того, что изъ собственныхъ рукъ подносила ему серебряную чарку анисовки. Эта чарка въ глазахъ сусѣрной старухи имѣла особенное значеніе, потому что изъ нея кушалъ анисовку еще самъ Павелъ Михайловичъ. Когда Шелеховъ прокучивалъ все и даже спускалъ съ себя шелковый бешметъ, ему стоило только пробраться на кухню къ Досиѳѣ, и все утраченное платье являлось, какъ по мановенію волшебнаго жезла, а самого Даніилу Семеныча, для видимости, слегка журили, чтобы потомъ опохмелить и обогрѣть по всѣмъ правиламъ раскольничьяго гостепріимства.

Такъ и послѣ бури въ кабинетѣ Василія Назарыча Шелеховъ пробрался на половину „самой“, гдѣ его уже ждала чарка анисовки и кипѣвшій на столѣ самоваръ.

— Что больно шумѣли тамъ?—съ привѣтливой строгостью спрашивала Марья Степановна, указывая глазами на половину мужа.

— Маненько побесѣдовали... — ухмыльнулся Шелеховъ, вытирая вспотѣвшее лицо платкомъ.

— Хороша бесѣда, нечего сказать!

— Да ужъ такой случай вышелъ, матушка Марья Степановна. Ежели разобрать, такъ оно, пожалуй, слѣдовало бы и поколотить за наши провинности...

— А много набѣдокурилъ тамъ на пріискахъ-то?

— Охъ, и не спрашивай, голубушка Марья Степановна!..

— Народъ разогнали?

— Разогнали...

— А еще-то что?

— Кассира-то, Работкина помнишь? Ну, онъ, подлецъ, захватилъ послѣднія денежки и удралъ съ ними... Ужъ я его искалъ-искалъ, — точно въ воду канулъ.

— А все это водочка тебя, Даніилушка, доводитъ до бѣды.

— Она, проклятая, — смиренно соглашался Даніилушка. — Какъ теперь изъ бѣды выпутаемся — одному Господу извѣстно...

— А выпутывайся, коли умѣлъ попадаться, — наставительно замѣтила Марья Степановна.

Шелеховъ оглянулся осторожно кругомъ и, наклонившись къ самому уху Марьи Степановны, своимъ сиплымъ хрипомъ прошепталъ:

— Мѣстечко есть на примѣтѣ, голубушка... Охъ, хорошо мѣстечко! Только я теперь самому-то ничего не сказалъ, пусть у него сперва сердце-то отойдетъ маненько. Бурятъ одинъ силоха натакался на мѣстечко-то.

Это извѣстіе совсѣмъ успокоило старуху, и она ласково проговорила Данилушкѣ:

— А ты бы поменьше водку-то трескалъ, отдохнуть бы ей далъ, а то вѣдь лица на тебѣ нѣтъ: все заплыло подъ одинъ пузырь.

— Это отъ дороги, Марья Степановна... Вѣдь двадцать день гналъ сюда: такъ запаливалъ, въ томъ родѣ, какъ генералъ-губернаторъ.

За чаемъ Марья Степановна повѣдала своему Данилушкѣ всѣ свои огорченія и печали. Данилушка слушалъ, охалъ и въ тактъ тяжелымъ вздохамъ Марьи Степановны качалъ своей побѣдной, буйной головушкой.

— А ты слышалъ про Сережу-то Привалова?—спрашивала Марья Степановна, когда Данилушка допивалъ уже третій стаканъ чаю.

— Нѣтъ; а что?

— Здѣсь онъ нонѣ живетъ, въ Узлѣ...

Отъ этого извѣстія Данилушка даже привскочилъ на мѣстѣ и только проговорилъ:

— Какъ здѣсь?

— А такъ, пріѣхалъ и живетъ.

— У васъ-то бываетъ часто, поди?

— Раньше-то бывалъ, а вотъ теперь которую недѣлю и глазъ не кажетъ. Не знаю ужъ, что съ нимъ такое попритчилось.

— Я такъ полагаю, что болѣсть какая прикинулась, — полувопросительно замѣтилъ Данилушка.

— Можетъ, и болѣсть, а можетъ, и нѣтъ,—таинственно отвѣтила Марья Степановна и, въ свою очередь, оглядѣвшись кругомъ, разсказала Данилушкѣ всю исторію пребыванія Привалова въ Узлѣ, причемъ, конечно, упомянула о контрахъ, какія вышли у Василія Назарыча съ Сережей, и закончила свой разсказъ жалобами на старшую дочь, которая вся вышла въ отца и, навѣрно, подвела какую-нибудь штуку Сережѣ.

Отъ Данилушки у Марьи Степановны не было семейныхъ тайнъ: свой человѣкъ былъ въ домѣ, да и на языкъ крѣпокъ, — хоть топоромъ руби, не выдастъ.

— Есть причина, безпремѣнно есть, — глубокомысленно замѣтилъ Данилушка, почесывая затылокъ. — Видѣлъ я даве барышню нашу — прынцесса... Хошь кому не стыдно показать: какъ маковъ цвѣтъ цвѣтетъ!

— Цвѣтетъ-то она цвѣтетъ, да кабы не отцвѣла скоро, — съ подавленнымъ вздохомъ проговорила старуха: — самъ знаешь, дѣвичья краса до поры до время, а Надя ужъ въ годахъ, за двадцать перевалило. Мудрятъ съ отцомъ-то, а вотъ счастья Господь и не посылаетъ... Долго ли до грѣха,— гляди и завянетъ въ дѣвкахъ. А Сережка-то простъ, охъ какъ простъ, Данилушка. И въ кого уродился, подумаешь... Я такъ полагаю, что онъ въ мать, въ Варвару Павловну пошелъ.

— Ужо я схожу къ нему,—задумчиво сказалъ Шелеховъ.

— Сходи, Данилушка, провѣдай... Мнѣ-то неловко къ нему послова посылать, а тебѣ за почтьемъ сходить.

V.

Приваловъ по цѣлымъ часамъ лежалъ неподвижно на своей кушеткѣ или, какъ маятникъ, бродилъ изъ угла въ уголъ. Но всего хуже, конечно, были ночи, когда все кругомъ затихало и безысходная тоска наваливалась на Привалова мертвымъ гнетомъ. Онъ тысячу разъ перебиралъ все, что̀ пережилъ въ теченіе этого лѣта, и ему начинало казаться, что все это было только блестящимъ, счастливымъ сномъ, который разсѣялся, какъ туманъ.

Хіонія Алексѣевна зорко слѣдила за нимъ. Для нея было ясно, что съ Приваловымъ случилось что-то необыкновенное, но что̀ случилось — она не знала и терялась въ тысячѣ предположеній. Главное противорѣчіе, сводившее ее съ ума, заключалось въ томъ, что Бахаревы ловили выгоднаго жениха, а выгодный женихъ давно таращилъ глаза на богатую невѣсту... Неужели же она отказала ему, Привалову, милліонеру? Нѣтъ, этого не могло быть! Это немыслимо... Не влюбился ли Приваловъ въ Зосю? Нѣтъ ли у этой гордячки Nadine какой-нибудь таинственной исторіи, которую Приваловъ могъ открыть какъ-нибудь случайно? Хіонія Алексѣевна напрасно билась своей остроумной головой о ту глухую стѣну, какую для нея представляли теперь эти ненавистные Бахаревы, Половодовы и Ляховскіе.

„Развѣ навѣстить Привалова, подъ предлогомъ участія къ его здоровью?“— думала иногда Хіонія Алексѣевна, но сейчасъ же откладывала въ сторону эту вздорную мысль.

Она своими ушами слышала, что Приваловъ отдалъ Ипату категорическій приказъ рѣшительно никого не принимать, даже Nicolas Веревкина. А этотъ дуракъ Ипатъ, кажется, на седьмомъ небѣ въ своей новой роли и съ необыкновенной дерзостью отказываетъ всѣмъ, кто пріѣзжаетъ къ Привалову. Заѣзжали Половодовъ, Викторъ Васильичъ, докторъ — всѣмъ одинъ отвѣтъ: „баринъ не приказали принимать...“ Викторъ Васильичъ попробовалъ-было силой ворваться въ приваловскую половину, но дверь оказалась запертой, а Ипатъ, вдобавокъ, загородилъ ее, какъ медвѣдь, своей спиной.

— Скажи своему барину, олухъ ты этакій, что я умеръ,—ругался Викторъ Васильичъ.—Понимаешь: умеръ!.. Такъ и скажи...

Nicolas Веревкинъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ—и совершенно безуспѣшно. Этотъ, никогда не терявшій присутствія духа, человѣкъ проговорилъ, обращаясь къ Хіоніи Алексѣевнѣ, только одну фразу:—„Ну, Хіонія Алексѣевна, только и жилецъ у васъ... а? Ужъ вы не заперли ли его въ своемъ пансіонѣ подъ замо̀къ?“

Хіонія Алексѣевна испытывала муки человѣка, поджариваемаго на медленномъ огнѣ, но, какъ извѣстно, счастливыя мысли—дѣти именно такихъ безвыходныхъ положеній, поэтому въ головѣ Хіоніи Алексѣевны наконецъ мелькнула одна изъ такихъ мыслей,—именно мысль послать къ Привалову Виктора Николаича.

— Я думаю, что ты сегодня сходишь къ Сергѣю Александрычу,—сказала Хіонія Алексѣевна совершенно равнодушнымъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о дѣлѣ давно рѣшенномъ.—Это наконецъ невѣжливо: жилецъ живетъ у насъ чуть не полгода, а ты и глазъ къ нему не кажешь. Это не принято... Все я да я: не итти же мнѣ самой въ комнаты холостого молодого человѣка!..

— А я-то зачѣмъ къ нему пойду?—упавшимъ голосомъ проговорилъ Викторъ Николаичъ.

— Какъ зачѣмъ? Вотъ мило... Снеси газеты и извинись, что раньше не догадался этого сдѣлать... Понялъ?

Викторъ Николаичъ отправился. Черезъ минуту до ушей Хіонія Алексѣевны донесся его осторожный стукъ въ дверь и голосъ Привалова: „войдите...“

— Извините...—бормоталъ Заплатинъ, пряча газеты за спиной:—я, кажется, помѣшалъ вамъ... Вотъ газеты...

— Если не ошибаюсь...—заговорилъ Приваловъ.

— Я самый... да... Викторъ Николаичъ Заплатинъ... Да.

— Очень пріятно. Садитесь, пожалуйста...

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза: Приваловъ былъ блѣденъ и показался Заплатину такимъ добрымъ, что языкъ Виктора Николаича какъ-то самъ собой проговорилъ:

— Вы ужъ извините меня, Сергѣй Александрычъ... Я не пришелъ бы безпокоить васъ, да вотъ Хина пристала, ей-Богу...

Приваловъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего смущеннаго гостя и улыбнулся: ему сразу понравился этотъ бѣдный „мужъ своей жены“. Сначала его непріятно удивилъ неожиданный визитъ, а теперь онъ даже былъ радъ присутствію живого человѣка. Викторъ Николаичъ въ первую минуту считалъ себя погибшимъ, — проклятый языкъ сегодня губилъ его второй разъ, но улыбка Привалова спасла его. Черезъ четверть часа они бесѣдовали самымъ мирнымъ образомъ, какъ старые знакомые, что̀ безгранично удивило Матрешку, считавшую барина рѣшительно неспособнымъ „къ словесности“.

Уже распростившись и идя къ двери, Викторъ Николаичъ вдругъ вернулся и спросилъ:

— А вы слышали, Сергѣй Александрычъ, новость?

— Какую?

— Да весь городъ объ этомъ говоритъ...

— Именно?

— Василій-то Назарычъ того-съ... обанкрутился...

Это извѣстіе было такъ неожиданно, что Приваловъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Виктора Николаича, ужъ не бредитъ ли онъ.

— Это вѣрно-съ...—продолжалъ Заплатинъ.—Всѣ въ одинъ голосъ кричатъ... А моей Хинѣ, знаете, вездѣ забота: съ утра треплется по городу.

— Какъ же это такъ... вдругъ...

— Да ужъ такъ-съ... Всѣ вдругъ банкрутятся. Сказываютъ, кассиръ у нихъ съ деньгами убѣжалъ.

VI.

Вѣсть о разореніи Бахаревыхъ уже успѣла облетѣть весь городъ. Кто разнесъ ее, какими путями она побывала вездѣ—трудно сказать. Дурныя вѣсти, какъ вода, просачиваются сквозь малѣйшія скважины. Заплатина узнала о разореніи Бахаревыхъ, конечно, одна изъ первыхъ и поспѣшила на мѣстѣ провѣрить собранныя новости, а главное—ей хотѣлось посмотрѣть, какъ теперь чувствуютъ себя Марья Степановна и гордячка Nadine.—„И подѣломъ! — восклицала въ гостиной Агриппины Филипьевны эта почтенная дама.—А то ужъ очень зазнались... Ахъ, интересно теперь взглянуть на нихъ!“ Хіонія Алексѣевна, конечно, не забыла, какъ приняла ее Марья Степановна въ послѣдній разъ, но любопытство брало верхъ надъ всѣми ея чувствами, а она никогда не могла съ нимъ справиться. Къ тому же теперь она поѣдетъ не къ прежней Марьѣ Степановнѣ.

Итакъ, Хіонія Алексѣевна со свойственной ей развязностью влетѣла на половину Марьи Степановны, громко расцѣловала хмурившуюся Вѣрочку и, торопливо роняя слова, затараторила:

— Ахъ, mon ange, mon ange... Я такъ соскучилась о васъ! Вы себѣ представить не можете... Давно рвалась къ вамъ, да все проклятыя дѣла задерживали: о томъ позаботься, о другомъ, о третьемъ!.. Просто голова кругомъ... А гдѣ мамаша? Молится? Вѣрочка, что же это вы такъ измѣнились? Ужъ не хвораете ли, mon ange?..

— Мама въ молельной, я сейчасъ схожу за ней...

Вѣрочка, не торопясь, вышла изъ комнаты; болтовня и радость Хины непріятно поразили ее, и въ молодомъ сердцѣ сказалась щемящая нотка. Чему она радуется? Неужели Хина успѣла уже разнюхать? Вѣрочка закусила губу, чтобы не заплакать отъ злости.

Дожидаясь Марьи Степановны въ ея гостиной, Хіонія Алексѣевна испытывала неподдѣльное волненіе,—какъ-то выйдетъ къ ней Марья Степановна? А съ другой стороны, теперь она относилась съ совершенно новымъ чувствомъ къ той обстановкѣ, передъ которою еще недавно благоговѣла. Хина спокойно осматривалась кругомъ, точно была здѣсь въ первый разъ, и даже прикинула въ умѣ, сколько стоятъ, примѣрно, находящіяся въ этой гостиной вещи и вещицы. Собственно мебель ничего не стоила; ну, ковры, картины, зеркала еще туда-сюда; а вотъ въ стекляномъ шкапикѣ красовались японскій фарфоръ и китайскій сервизъ — это совсѣмъ другое дѣло, и у Хины потекли слюнки отъ одной мысли, что всѣ эти бездѣлушки можно будетъ пріобрѣсти за безцѣнокъ.

— Ахъ, Марья Степановна... — вскинулась всѣмъ своимъ тщедушнымъ тѣломъ замечтавшаяся Хина, когда на порогѣ гостиной показалась высокая фигура самой хозяйки.

При видѣ улыбавшейся Хины у Марьи Степановны точно что оборвалось въ груди. По блудливому выраженію глазъ своей гостьи она сразу угадала, что ихъ разореніе уже извѣстно цѣлому городу, и Хіонія Алексѣевна залетѣла въ ихъ домъ, какъ первая ворона, почуявшая еще теплую падаль. Вся кровь бросилась въ голову гордой старухи, и она готова была разрыдаться, но во-время успѣла собраться съ силами и протянула гостьѣ руку со своей обыкновенной гордой улыбкой.

— Ахъ, извините меня, извините меня, Марья Степановна...—разсыпалась Хина, награждая хозяйку поцѣлуемъ.—Я все время была такъ завалена работой, такъ завалена... Вы меня поймете, потому что можете судить по собственнымъ дѣтямъ, чего они стоятъ родителямъ. Да! А тутъ еще Сергѣй Александрычъ... Но вы, вѣроятно, уже слышали, Марья Степановна?

Марья Степановна отнеслась совершенно безучастно къ болтовнѣ Хины и на ея вопросъ только отрицательно покачала головой. Чтобы ничѣмъ не выдать себя, Марья Степановна потребовала самоваръ и послала Вѣрочку за вареньемъ.

— Я рѣшительно не знаю, что и дѣлать,—тараторила гостья:—заперся въ своей комнатѣ, никого не принимаетъ...

— Кто заперся-то, Хіонія Алексѣевна?

— Да Сергѣй Александрычъ... Ахъ, Боже мой! Да неужели же вы такъ ужъ ничего и не слыхали?

— Отъ кого мнѣ слышать-то... Заперся, значитъ, дѣло какое-нибудь есть... Василій Назарычъ по недѣлямъ сидитъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ. Что же тутъ особеннаго?

Но Хіонія Алексѣевна не унялась и совершенно другимъ тономъ спросила:

— А какъ здоровье Nadine?

— Не совсѣмъ, кажется...

— Скажите... Какъ жаль! Нынѣшніе молодые люди совсѣмъ и на молодыхъ людей не походятъ. Въ такіе ли годы хворать?.. Когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ... А все-таки такое странное совпаденіе: Приваловъ не выходитъ изъ комнаты, занятъ или нездоровится... Nadine тоже...

Эту пилюлю Марья Степановна проглотила молча. Въ теченіе цѣлаго часа она точно сидѣла на угольяхъ, но не выдала себя, а даже успѣла нанести нѣсколько очень чувствительныхъ ударовъ самой Хинѣ, разсчитывавшей на слишкомъ легкую добычу.

— Какъ здоровье Василья Назарыча? — невиннымъ тономъ освѣдомилась Хина, какъ опытный стратегъ, оставивъ самый сильный ударъ къ концу.—Въ городѣ ходятъ слухи, что его здоровье...

— Ему лучше. Вѣроятно, онъ скоро отправится на пріиски...

Невозмутимое спокойствіе Марьи Степановны обезкуражило Хину, и она одну минуту усомнилась уже, не врали ли ей про разореніе Бахаревыхъ, но доказательство было налицо: пріѣздъ Шелехова что-нибудь да значитъ.

— Ахъ, я совсѣмъ заболталась съ вами, Марья Степановна,—спохватилась Хина, допивая чашку.—Мнѣ еще нужно поспѣть сегодня въ десять мѣстъ... До свиданія, дорогая Марья Степановна!..

Хина, въ сопровожденіи Вѣрочки, успѣла торопливо обѣжать нѣсколько комнатъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, что ошиблась выходомъ. Ее одолѣвала жажда взглянуть на тѣ вещи, которыя пойдутъ съ молотка.

— Ахъ, какая прелестная ваза! Какой милый коврикъ...—шептала Хина, ощупывая вещи дрожавшими руками; она впередъ смаковала свою добычу и успѣла прикинуть въ умѣ, какія вещи она возьметъ себѣ и какія уступитъ Агриппинѣ Филипьевнѣ. Конечно, себѣ Хіонія Алексѣевна облюбовала самыя хорошія вещи, а своей пріятельницѣ великодушно предоставила все то, что было похуже.

VII.

Утромъ, когда Лука и Данилушка распивали чай, въ передней послышался нерѣшительный звонокъ.

— Кому бы это быть?—недоумѣвалъ Лука, направляясь къ дверямъ.

У подъѣзда стоялъ Приваловъ. Въ первую минуту Лука не узналъ его. Приваловъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ какимъ-то необыкновенно спокойнымъ взглядомъ.

— Марью Степановну можно видѣть?—спрашивалъ онъ.

— Можно, Сергѣй Александрычъ... обпаковенно можно! Да чтой-то изъ лица-то какъ вы измѣнились? Ужъ не попритчилось ли что, грѣшнымъ дѣломъ?

— Да, немножко попритчилось, — съ улыбкой отвѣтилъ Приваловъ. — Прихворнулъ...

— Ахъ, ты, грѣхъ какой вышелъ... а?..

Когда Приваловъ повернулся, чтобы снять пальто, онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Данилушкой. Старикъ смотрѣлъ на него пристальнымъ, насквозь пронизывавшимъ взглядомъ. Что-то знакомое мелькнуло Привалову въ этомъ желтомъ скуластомъ лицѣ съ рѣдкой сѣдой бородой и узкими, маслянисто-черными глазами.

— Небось, не признаёте?—проговорилъ Данилушка, улыбнувшись.

— Это вы... Данила Семенычъ?..

— Какъ двѣ капли воды.

Они поздоровались.

— А я у васъ былъ, Сергѣй Александрычъ,—заговорилъ своимъ хриплымъ голосомъ Данилушка. — Да меня не пустилъ вашъ халуй... Ужъ я бы ему задалъ, да, говоритъ, баринъ боленъ.

— Да, я дѣйствительно былъ боленъ.

Эта неожиданная встрѣча не произвела впечатлѣнія на Привалова; онъ даже не спросилъ Данилушку, давно ли онъ пріѣхалъ съ пріисковъ и зачѣмъ. Наружное спокойствіе Привалова прикрывало страшную внутреннюю борьбу. Когда онъ еще брался за ручку звонка, сердце въ груди вздрогнуло у него, какъ спугнутая птица. Данилушку онъ видѣлъ точно въ туманѣ и теперь шелъ черезъ столовую по мягкой тропинкѣ съ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ: онъ боялся услышать знакомый шорохъ платья, боялся звуковъ дорогого голоса и впередъ чувствовалъ на себѣ пристальный и спокойный взглядъ той, которая для него навсегда была потеряна. Весь бахаревскій домъ казался ему могилою, въ которой было похоронено все самое дорогое для него, а вмѣстѣ съ нимъ и его собственное сердце...

Въ дверяхъ столовой онъ столкнулся съ Вѣрочкой. Дѣвушка не испугалась по обыкновенію и даже не покраснѣла, а посмотрѣла на Привалова такимъ взглядомъ, который отозвался въ его сердцѣ рѣжущей болью. Это былъ взглядъ врага, который не умѣлъ прощать, и Приваловъ съ тоской подумалъ: „За что она меня ненавидитъ?“

— Мама въ гостиной,—холодно проговорила Вѣрочка, когда Приваловъ поровнялся съ ней.

— Мнѣ можно ее видѣть?

— Да...

Марья Степановна сидѣла въ креслѣ и сквозь круглыя очки въ старинной оправѣ читала „Кирилову книгу“. Въ трудныя минуты жизни она прибѣгала къ излюбленнымъ раскольничьимъ книгамъ, въ которыхъ находила всегда и утѣшеніе и подкрѣпленіе. Шаги Привалова заставили ее обернуться. Когда Приваловъ появился въ дверяхъ, она поднялась къ нему навстрѣчу, величавая и спокойная, какъ всегда. Они молча обмѣнялись взглядами.

— Здравствуй...—протянула Марья Степановна.—Чего стоишь въ дверяхъ-то? Садись, такъ гость будешь...

Взглянувъ на Привалова прищуренными глазами, Марья Степановна прибавила:

— Изъ себя-то ты какъ перемѣнился...

— Былъ боленъ, Марья Степановна.

— Слышала стороной, что скудаешься здоровьемъ-то. Твоя-то Хина какъ-то забѣгала къ намъ и отлепортовала... Тоже вотъ Данилушка пошелъ было къ тебѣ въ гости, да, несолоно хлѣбавши, воротился. Больно строгаго камардина, говоритъ, держишь... Приступу нѣтъ.

— Я сейчасъ видѣлъ Данилу Семеныча... Все такой же, почти и не измѣнился совсѣмъ... Потолстѣлъ, кажется. А какъ здоровье Василья Назарыча?

— Ничего, поправляется. По зимѣ-то, видно, съ сыномъ на пріиски вмѣстѣ уѣдутъ...

Въ воображеніи Привалова Марья Степановна представлялась убитой и потерявшей голову женщиной, въ дѣйствительности же она явилась попрежнему спокойной и гордой. Только книга въ почернѣвшемъ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками была новостью для Привалова, и онъ машинально разсматривалъ теперь тисненые узоры на обложкѣ этой книги, пока Марья Степановна, какъ ни въ чемъ не бывало, перебирала разные пустяки, точно

они только вчера разстались и въ ихъ жизни ничего не произошло новаго. Но эта политика не обманула Привалова: онъ чутьемъ понялъ, что Марья Степановна именно передъ нимъ не хочетъ выказать своей слабости, потому что недовольна имъ и подозрѣваетъ въ чемъ-то. Что въ Вѣрочкѣ высказалось открыто и ясно, какъ день, то же самое въ Марьѣ Степановнѣ ушло глубоко внутрь и прикрылось напускнымъ равнодушіемъ. Открытая непріязнь Вѣрочки была легче для Привалова, чѣмъ эта чисто-раскольничья политика гордой старухи.

Марья Степановна именно того и ждала, чтобы Приваловъ открылся ей, какъ на духу. Тогда она все извинила бы ему и все простила, но теперь другое дѣло: онъ, очевидно, что-то скрываетъ отъ нея, значитъ, у него совѣсть нечиста.

Приваловъ плохо понималъ, что говорила съ нимъ Марья Степановна, и съ чувствомъ подавленной тоски смотрѣлъ кругомъ. Давно ли вся эта комната была для него дорогимъ уголкомъ и онъ все любилъ въ ней, начиная съ обоевъ и кончая геранями и бѣлыми занавѣсками въ окнахъ. Сердце его сжималось съ мучительной тоской. Къ чему еще эта послѣдняя ложь и неправда? Вѣдь онъ *не можетъ* объяснить всего Марьѣ Степановнѣ, тогда какъ она просто не хочетъ поговорить съ нимъ о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Вѣдь она видитъ, какъ тяжело ему было прійти къ нимъ въ домъ, и не понимаетъ, зачѣмъ онъ шелъ...

„Опять недоразумѣніе...“—съ горечью думалъ Приваловъ, отвѣчая своей собесѣдницѣ что-то невпопадъ.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Надежды Васильевны.

— Мама, тебя на что-то нужно Павлѣ Ивановнѣ, — проговорила дѣвушка, здороваясь съ Приваловымъ.

Старуха зорко наблюдала эту встрѣчу: Приваловъ поблѣднѣлъ и, видимо, смутился, а Надежда Васильевна держала себя, какъ всегда. Это совсѣмъ сбило Марью Степановну съ толку: какъ будто между ними ничего не было и какъ будто было. Онъ-то смѣшался, а она какъ ни въ чемъ не бывало... „Охъ, не проведешь меня, Надежда Васильевна, — подумала старуха, поднимаясь неохотно съ мѣста.—Насквозь васъ вижу съ отцомъ-то: все мудрить бы вамъ...“

Когда Марья Степановна вышла изъ комнаты, Приваловъ, съ испугавшей его самого смѣлостью, проговорилъ:

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами, Надежда Васильевна, объ одномъ дѣлѣ...

— Если я не ошибаюсь, васъ привели къ намъ тѣ слухи, которые ходятъ по городу о нашемъ разореніи?

— Да.

— Мама вамъ ничего не говорила?

— Нѣтъ.

— Такъ я и знала... Она останется вѣрна себѣ до конца и никогда не выдастъ себя. Но вѣдь она не могла не видѣть, зачѣмъ вы пришли къ намъ? Тѣмъ болѣе, что ваша болѣзнь, кажется, совсѣмъ не позволяетъ выходить изъ дому.

— Собственно я не былъ боленъ... — замялся Приваловъ, чувствуя на себѣ пристальный взглядъ дѣвушки.—Но это все равно... Мнѣ хотѣлось бы только знать, каково истинное положеніе дѣлъ Василья Назарыча. Обратиться къ нему прямо я не рѣшился...

— И хорошо сдѣлали, потому что, вѣроятно, узнали бы не больше того, что уже слышали отъ мамы. Городскіе слухи о нашемъ разореніи—правда...

Въ подробностяхъ я не могу объяснить вамъ настоящее положеніе дѣлъ, да и самъ папа теперь едва ли знаетъ все. Ясно только одно, что мы разорены.

Спокойный тонъ, съ которымъ говорила Надежда Васильевна, удивилъ Приваловъ. Онъ теперь не думалъ о себѣ, о своемъ положеніи, его я отошло въ сторону; всѣми своими чувствами онъ видѣлъ ее, ту ее, какой она сидѣла съ нимъ. Невозмутимая и спокойная, съ яснымъ взглядомъ и задумчиво сложенными губами, она, кажется, никогда не была такъ хороша, какъ именно теперь. Это простенькое шерстяное платье, эта простая прическа, эти увѣренныя, открытыя движенія — все въ ней было чудно-хорошо, какъ одинъ стройный музыкальный аккордъ. Приваловъ еще никогда такъ не любилъ, какъ именно теперь... Эти сѣрые большіе глаза глядѣли къ нему прямо въ душу, гдѣ съ страшной силой поднялось то чувство, которое онъ хотѣлъ подавить въ себѣ.

— А что бы вы сказали мнѣ, Надежда Васильевна,—заговорилъ Приваловъ:—если бы я предложилъ Василію Назарычу все, что могу предложить съ своей стороны?

— Но вѣдь вы знаете, что отецъ не согласится на это.

— Но нельзя ли подготовить Василья Назарыча при помощи третьяго лица... то-есть убѣдить, чтобы онъ взялъ отъ меня то, на что онъ имѣетъ полное право?

Надежда Васильевна отрицательно покачала головой.

— Всѣ эти недоразумѣнія, конечно, должны пройти сами собой,—послѣ короткой паузы сказала она.—Но пока остается только ждать... Отецъ такой странный... малодушествуетъ, падаетъ духомъ... Я никогда не видала его такимъ. Можетъ-быть, это въ связи съ его болѣзнью, можетъ-быть, отъ старости. Вѣдь ему не привыкать къ подобнымъ превращеніямъ, кажется...

— Я убѣжденъ, что стоитъ Василью Назарычу только самому отправиться на пріиски, и все дѣло поправится. За него стоитъ извѣстное имя, многолѣтняя репутація, твердый кредитъ.

Надежда Васильевна заговорила о Шелеховѣ, котораго недолюбливала. Она считала этого Шелехова главнымъ источникомъ многихъ печальныхъ недоразумѣній, но отецъ съ непонятнымъ упорствомъ держится за него. Настоящимъ разореніемъ онъ, собственно, обязанъ ему, но все-таки не въ силахъ разстаться съ нимъ.

— А мама—та чуть не молится на Данилушку. Она, кажется, глубоко убѣждена въ томъ, что всѣ удачи отца зависятъ единственно отъ счастливой звѣзды Данилушки.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ Марьи Степановны, которая нѣсколько времени наблюдала разговаривавшихъ въ дверную щель. Ее несказанно удивлялъ этотъ дружескій характеръ разговора, хотя его содержаніе она и не могла разслышать. „И не разберешь ихъ...—подумала она, махнувъ рукой, и въ ея душѣ опять затеплилась несбыточная мечта. — Чего не бываетъ на свѣтѣ...“—думала старуха.

Поговоривъ съ Марьей Степановной, Приваловъ началъ прощаться.

— Опять пропадешь недѣли на три?—смягченнымъ голосомъ спрашивала Марья Степановна. — Ужъ твоя-то Хина не запираетъ ли тебя на замокъ?..

— Нѣтъ, пока еще не случалось...

— Къ отцу-то теперь не ходи, у него сидитъ кто-то, — предупредила Марья Степановна.—Онъ спрашивалъ про тебя...

— Я на-дняхъ побываю.

— И лучше... Отецъ-то радъ будетъ тебѣ.

VIII.

Черезъ день Приваловъ опять былъ у Бахаревыхъ и долго сидѣлъ въ кабинетѣ Василья Назарыча. Этотъ визитъ кончился ничѣмъ. Старикъ все время проговорилъ о дѣлахъ по снекѣ надъ заводами и ни слова не сказалъ о своемъ положеніи. Приваловъ уѣхалъ, не заглянувъ на половину Марьи Степановны, что немного обидѣло гордую старуху.

Старикъ Бахаревъ за эти дни успѣлъ настолько освоиться со своимъ положеніемъ, что казался совсѣмъ спокойнымъ и обсуждалъ свои дѣла съ хладнокровіемъ совсѣмъ успокоившагося человѣка.

— Къ веснѣ непремѣнно нужно добыть денегъ...—говорилъ онъ, когда Надежда Васильевна сидѣла въ его кабинетѣ вечеромъ.

Дѣвушка ничего не отвѣтила на этотъ косвенный вопросъ и только проговорила:

— У тебя, папа, кажется, былъ Приваловъ.

— Да, былъ...

Василій Назарычъ пытливо посмотрѣлъ на дочь и улыбнулся.

— Ты думаешь, я стану у него просить денегъ?—спросилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ непремѣнно просить... А если бы Приваловъ самъ тебѣ предложилъ?

Старикъ на минуту задумался, а потомъ съ подавленнымъ вздохомъ проговорилъ:

— Нѣтъ, голубчикъ, намъ, старикамъ, видно, не сварить каши съ молодыми... Въ разныя стороны мы смотримъ, хоть и ѣдимъ одинъ хлѣбъ. Не возьму я у Привалова денегъ, если бы даже онъ и предложилъ мнѣ ихъ...

Нѣсколько минутъ въ кабинетѣ стояло напряженное молчаніе, одинаково тяжелое для обоихъ собесѣдниковъ.

— Видишь, Надя, какое дѣло выходитъ,—заговорилъ старикъ:—не сидѣлъ бы я да и не думалъ, какъ добыть деньги, если бы мое время не ушло. Старые друзья-пріятели кто разорился, кто на томъ свѣтѣ, а новыхъ трудно наживать. Прежде стоило рукой повести Василію Бахареву, и за капиталомъ дѣло бы не стало, а теперь... Не знаю, вотъ что еще въ банкѣ скажутъ: можетъ, и повѣрятъ. А если не повѣрятъ, тогда придется обратиться къ Ляховскому.

— Я не совѣтовала бы, папа, тебѣ...

— Понимаю, Надя, все понимаю, голубчикъ. Да бываютъ такія положенія, когда не изъ чего выбирать. А у меня съ Ляховскимъ еще старые счеты есть кое-какіе. Когда онъ пріѣхалъ на Уралъ, голъ, какъ соколъ, кто ему далъ возможность выбиться на дорогу? Я не хочу приписывать все себѣ, но я ему помогъ въ самую трудную минуту.

— А если онъ откажетъ тебѣ?

— Нѣтъ, онъ не можетъ отказать, Надя... Онъ мнѣ слишкомъ много обязанъ.

Опять пауза и молчаніе.

На половинѣ „самой“ съ перваго раза трудно было замѣтить настоящее положеніе дѣлъ, а человѣкъ неопытный даже и ничего особеннаго не увидѣлъ бы. Здѣсь все было по-старому, въ томъ строгомъ порядкѣ, какъ это ведется только въ богатыхъ раскольничьихъ домахъ. Марья Степановна была такъ же величественно-спокойна и ни на одну іоту не измѣнила своихъ привычекъ. Въ своемъ косоклинномъ сарафанѣ и сорокѣ она выглядѣла прежней боярыней

ней и попрежнему справляла безконечную службу въ моленной, куда къ ней попрежнему сходились разные старцы въ длиннополыхъ кафтанахъ, подозрительныя старицы и разный другой людъ, цѣлую жизнь ютящійся около странноприимныхъ и нищекормливыхъ богатыхъ раскольничьихъ домовъ. Со стороны этотъ людъ могъ показаться тѣмъ сбродомъ, какой питается отъ крохъ, падающихъ со стола господъ, но старовѣрческія преданія придавали этимъ людямъ совсѣмъ особенный тонъ: они являлись чѣмъ-то въ родѣ хозяевъ въ бахаревскомъ домѣ, и сама Марья Степановна передъ каждымъ кануномъ отвѣшивала имъ земной поклонъ и покорнымъ тономъ говорила: „Отцы и братіе, простите меня, многогрѣшную!“ Надеждѣ Васильевнѣ не нравилось это заказное смиреніе, которымъ прикрывались тѣ же недостатки и пороки, какъ и у никоніанъ, хотя по наружному виду отъ этихъ выдохшихся обрядовъ вѣяло патріархальной простотой нравовъ. Теперь въ особенности поведеніе матери непріятно дѣйствовало на дѣвушку: зачѣмъ вся эта фальшь на каждомъ шагу, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ?.. Прямая, честная натура Надежды Васильевны возмущалась этой жалкой комедіей, но выхода изъ этого положенія не предвидѣлось. Чуткая молодая совѣсть переживала цѣлый рядъ самыхъ тяжелыхъ испытаній.

Первая любовь, съ ея радостными тревогами и сладкими волненіями, открыла дѣвушкѣ многое, чего она раньше совсѣмъ не замѣчала. Дорогая тѣнь любимаго человѣка стояла за каждымъ фактомъ, за каждымъ малѣйшимъ проявленіемъ вседневной жизни и требовала строгаго отчета. Каждая фальшивая нотка поднимала въ глазахъ дѣвушки любимаго человѣка все выше и выше, потому что онъ служилъ для нея олицетвореніемъ правды. Одно лицо смотрѣло на нее постоянно, и она въ каждомъ дѣлѣ мысленно совѣтовалась съ нимъ. Собственное положеніе въ домѣ теперь ей обрисовалось особенно ясно, т.-е., несмотря на болѣзненную привязанность къ ней отца, она все-таки была чужой подъ этой гостепріимной кровлей, можетъ-быть болѣе чужой, чѣмъ всѣ эти старцы и старицы.

„Недаромъ Костя ушелъ изъ этого дома“,—не разъ думала дѣвушка въ своемъ одиночествѣ и даже завидовала брату, который, въ качествѣ мужчины, могъ обставить себя по собственному желанію, т.-е. разомъ и безнаказанно стряхнуть съ себя всѣ обветшалыя преданія раскольничьяго дома.

Именно теперь, при тяжеломъ испытаніи, которое неожиданно захватило ихъ домъ, дѣвушка съ болѣзненной ясностью поняла всѣ тѣ тайныя пружины, которыя являлись въ его жизни главной дѣйствующей силой. Раньше она какъ-то индифферентно относилась къ этимъ двумъ половинамъ, но теперь ихъ смыслъ для нея выяснился вполнѣ: Марья Степановна и не думала смиряться, чтобы, по крайней мѣрѣ, дойти до кабинета больного мужа,—напротивъ, она, кажется, никогда еще не блюла съ такой щепетильностью святую отчужденность своей половины, какъ именно теперь. Смыслъ такого поведенія былъ теперь ясенъ, какъ день: Марья Степановна умывала руки въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя, по ея мнѣнію, Василій Назарычъ переживалъ за свои новшества, за измѣну гуляевскимъ старозавѣтнымъ идеаламъ. Между матерью и дочерью не было сказано ни одного слова на эту тему, но это не мѣшало послѣдней чувствовать, что больной отецъ былъ предоставленъ на ея исключительное попеченіе. По этому поводу состоялось какъ бы безмолвное соглашеніе, и Надежда Васильевна приняла его. Съ каждымъ днемъ разница между двумя половинами разрасталась и принимала рѣзкія формы.

Въ лицѣ матери, Досиѳеи и Вѣрочки безмолвно составился прочный союзъ, который, пользуясь обстоятельствами, крѣпчалъ съ каждымъ днемъ. Въ

сдержанномъ выраженіи лицъ, въ увѣренныхъ взглядахъ Надежда Васильевна, какъ по книгѣ, читала совершавшуюся передъ ней тяжелую борьбу. Пространство, раздѣлявшее два лагеря, съ каждымъ днемъ дѣлалось все меньше и меньше, и Надежда Васильевна впередъ трепетала за тотъ часъ, когда все это обрушится на голову отца, который предчувствовалъ многое и хватался слабѣющими руками за ея безполезное участіе. Чѣмъ она могла помочь ему, кромѣ того жалкаго въ своемъ безсиліи вниманія, какое каждая дочь по обязанности оказываетъ отцу?.. Теперь это безсиліе сдѣлалось для нея больнымъ мѣстомъ, и она завидовала послѣднему мужику, который умѣетъ, по крайней мѣрѣ, копать землю и рубить дрова. Положеніе богатой барышни дало почувствовать себя, и дѣвушка готова была плакать отъ сознанія, что она въ отцовскомъ домѣ является красивой и дорогой бездѣлушкой,—не больше.

А съ другой стороны, Надежда Васильевна все-таки любила мать и сестру. Можетъ-быть, если бы они не были богаты, не существовало бы и этой розни, а въ домѣ царствовали бы тотъ миръ и тишина, какіе ютятся подъ самыми маленькими кровлями и весело выглядываютъ изъ крошечныхъ окошечекъ. Пріятнымъ исключеніемъ и нравственной поддержкой для Надежды Васильевны теперь было только общество Павлы Ивановны, которая частенько появлялась въ бахаревскомъ домѣ и подолгу разговаривала съ Надеждой Васильевной о разныхъ разностяхъ.

— Ничего, голубушка, перемелется—мука будетъ,—утѣшала старушка, ковыряя свою безконечную работу.—Какъ быть-то... Своеобычлива у васъ маменька-то, ну, да это ничего, душа-то у нея добрая.

IX.

Хіонія Алексѣевна уже начала испытывать на своей особѣ живительное вліяніе приваловскихъ милліоновъ. Когда она сидѣла въ гостиной Агриппины Филипьевны и въ сотый разъ перебирала все, что успѣла узнать и придумать относительно Бахаревыхъ, Данилушки и Привалова, пріѣхала Антонида Ивановна. Нужно замѣтить, что и раньше отношенія между этими дамами, то-есть Хіоніей Алексѣевной и Антонидой Ивановной, были очень дружелюбны, хотя и не подавали никакого повода къ особенной нѣжности. Но на этотъ разъ Антонида Ивановна отнеслась къ Хіоніи Алексѣевнѣ съ особеннымъ вниманіемъ. Конечно, Хіонія Алексѣевна настолько чувствовала себя опытной въ дѣлахъ подобнаго рода, что не только не поддалась и не растаяла отъ любезныхъ улыбокъ, а даже подумала про себя самымъ ядовитымъ образомъ: „Знаю, знаю, матушка... Это тебя гордецъ подослалъ!“ Разговоръ сейчасъ же завязался о разореніи Бахаревыхъ, о Приваловѣ, и Хіоніи Алексѣевнѣ представился самый удобный случай прикинуться совершенно равнодушной къ своему жильцу, что она и не преминула выполнить съ замѣчательнымъ искусствомъ.

— Я слышала, что Приваловъ нынче почти совсѣмъ не бываетъ у Бахаревыхъ,—проговорила Антонида Ивановна, тоже стараясь попасть въ тонъ равнодушія.—Вѣроятно, дѣла по опекѣ отнимаютъ у него все свободное время. Мой Александръ цѣлыя ночи просиживаетъ за какими-то бумагами.

— Ахъ, я, право, совсѣмъ не интересуюсь этимъ Приваловымъ,—отозвалась Хіонія Алексѣевна.—Не рада, что согласилась тогда взять его къ себѣ на квартиру. Все это Марья Степановна... Сами знаете, какой у меня характеръ: никакъ не могу отказать, когда меня о чемъ-нибудь просятъ...

— Приваловъ, говорятъ, былъ очень заинтересованъ Nadine Бахаревой?..

— И вы вѣрите этому, Антонида Ивановна?! Nadine Бахарева!.. Что такое Nadine Бахарева?

Агриппина Филипьевна молчала, слушала этотъ разговоръ, но потомъ, ни съ того ни съ сего, замѣтила:

— А я такъ думаю, Хіонія Алексѣевна, что этотъ вашъ Приваловъ выѣденнаго яйца не стоитъ... Поживетъ здѣсь, получитъ наслѣдство и преспокойнѣйшимъ образомъ уѣдетъ, какъ пріѣхалъ сюда. Очень ужъ много говорятъ о немъ,—надо-ли слушать...

Хіонія Алексѣевна обидѣлась. Она никакъ не ожидала именно такого дѣйствія своей тактики... Когда она пріѣхала домой, въ душѣ у нея шевелило непріятное чувство, отъ котораго она никакъ не могла освободиться. А дѣло, кажется, было ясно, какъ день: несмотря на самую святую дружбу, несмотря на пансіонскія воспоминанія и также на то, что въ минуту жизни трудную Агриппина Филипьевна перехватывала у Хіоніи Алексѣевны сотню-другую рублей,—несмотря на все это, Агриппина Филипьевна держала Хіонію Алексѣевну въ извѣстной зависимости, хотя эта зависимость и выражалась въ самой мягкой, дружеской формѣ. Но теперь другое дѣло: Хіонія Алексѣевна, по мнѣнію Агриппины Филипьевны, готова была вообразить о себѣ Богъ знаетъ что. Почтенная дама не могла вынести даже одной мысли, что эта Хина, кажется, мечтаетъ устраивать у себя такія же soirées, какъ она, Агриппина Филипьевна. И вообще еще одинъ маленькій шагъ, и Хина, пожалуй, совсѣмъ задеретъ носъ и въ состояніи даже забыться...

„А чортъ съ нимъ, съ этимъ Приваловымъ въ самомъ-то дѣлѣ,—раздумывала наединѣ Заплатина, подъ вліяніемъ только-что полученной непріятности отъ своей пансіонской подруги.—Пожалуй, съ нимъ только даромъ время проведешь, а каши не сваришь...“

А Приваловъ въ это время, по мнѣнію Хіоніи Алексѣевны, лишился послѣднихъ признаковъ человѣческой мысли, доказательствомъ чему, во-первыхъ, служило то, что онъ свелъ самое компрометирующее знакомство съ какимъ-то прасоломъ Нагибинымъ, настоящимъ прасоломъ, который сидѣлъ въ мучной лавкѣ и съ хлыстомъ бѣгалъ за голубями. Мало этого: Приваловъ привезъ его къ себѣ въ квартиру, пилъ съ нимъ чай, и такія tête-à-tête тянулись битыхъ двѣ недѣли. Наконецъ въ одно прекрасное утро, когда только-что установился первый санный путь, къ домику Хіоніи Алексѣевны подъѣхала почтовая повозка, заложенная парой (обратите особенное вниманіе: парой): Приваловъ и Нагибинъ вышли на подъѣздъ, одѣтые по-дорожному... Но предоставимъ самой Хіоніи Алексѣевнѣ разсказать то, что послѣдовало дальше:

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, Агриппина Филипьевна, такую картину... Я нарочно подбѣжала къ окну и замерла, — да, совсѣмъ замерла!.. Смотрю: Ипатъ выноситъ маленькій чемоданчикъ, кладетъ этотъ чемоданчикъ въ повозку... а я жду, чувствую, что готова упасть въ обморокъ... Приваловъ садится въ повозку и *садитъ рядомъ съ собой этого прасола Нагибина!* Вѣдь онъ проѣхалъ по всему городу съ этимъ Нагибинымъ, проѣхалъ среди бѣлаго дня, всѣ его, навѣрно, видѣли?! И это милліонеръ Приваловъ... Ха! ха! ха!.. Только въ этотъ моментъ мнѣ сдѣлалось ясно, какую жертву я принесла для этой старой ханжи, Марьи Степановны... Вы знаете мой характеръ, Агриппина Филипьевна... Да... И вотъ къ чему повели всѣ мои хлопоты, всѣ мои заботы, тревоги, волненія...

Въ первый разъ Приваловъ проѣздилъ дней десять и вернулся одинъ, безъ Нагибина, что немного успокоило Хіонію Алексѣевну. Но—увы!—Приваловъ

ловъ прожилъ въ Узлѣ всего недѣлю, а потомъ явился опять Пагибинъ, и они опять уѣхали въ одной повозкѣ. Матрешка донесла своей госпожѣ, что Привалов строитъ мельницу въ деревнѣ Гарчики, въ двадцати верстахъ отъ Лалетинскихъ водъ. Заплатина приняла это извѣстіе такъ безучастно, какъ будто Матрешка разсказывала ей о какой-нибудь полярной экспедиціи. Какіе Гарчики? Что это за глупое названіе?.. Хіонія Алексѣевна окончательно махнула рукой на своего жильца и, конечно, сейчасъ же отправилась отвести душу къ своему единственному, старому, вѣрному другу.

Хіонія Алексѣевна чувствовала себя въ положеніи человѣка, изувѣченнаго поѣздомъ; всѣ ея планы рушились, надежды растаяли, оставивъ въ душѣ мучительную пустоту. И въ этотъ-то критическій моментъ, когда Заплатина сидѣла на развалинахъ своихъ блестящихъ плановъ, вдругъ къ подъѣзду подкатываются американскія сани съ медвѣжьей полостью, и изъ саней выходитъ... Антонида Ивановна Половодова... Та самая Половодова, которая въ теченіе долгихъ лѣтъ была только обидно-вѣжлива съ Хіоніей Алексѣевной, та Половодова, которая не заплатила ей визита.

— А я къ вамъ, милая Хіонія Алексѣевна,—весело говорила Половодова, раздѣваясь въ передней при помощи Виктора Николаича.—Я слышала отъ maman, что вы не совсѣмъ здоровы, и пріѣхала навѣстить васъ... Не безпокойтесь, пожалуйста, Викторъ Николаичъ!.. Благодарю васъ...

Хіонія Алексѣевна готова была даже заплакать отъ волненія и благодарности. Половодова была одѣта, какъ всегда, богато и съ тѣмъ вкусомъ, какъ унаслѣдовала отъ своей maman. Сама Антонида Ивановна разгорѣлась на морозѣ румянцемъ во всю щеку и была такъ заразительно свѣжа сегодня, точно разливала кругомъ себя молодость и здоровье. Съ этой женщиной ворвалась въ гостиную Хіонін Алексѣевны первая слабая надежда, и ея сердце задрожало при мысли, что, можетъ-быть, еще не все пропало, не все кончено...

— Вы слышали, Хіонія Алексѣевна,—говорила Половодова съ дѣловымъ серьезнымъ лицомъ:—на Святкахъ у Ляховскихъ балъ...

— Да, да... Вѣдь у нихъ каждыя Святки бываетъ балъ.

— Совершенно вѣрно, но это будетъ что-то особенное... Уже идутъ приготовленія, хотя до Рождества остается цѣлыхъ два мѣсяца.

— Скажите!..

— Мнѣ кажется, что нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь особенной причины.. Александръ мнѣ говорилъ, что Зося произвела на Привалова сильное впечатлѣніе...

— Этотъ Привалов сумасшедшій, Антонида Ивановна... это безумецъ... это...

Хіонія Алексѣевна не могла себя сдержать и высказала все, что у нея накипѣло на душѣ. Половодова выслушала ее со снисходительной улыбкой и ничего не отвѣтила.

— Отчего вы никогда не заглянете ко мнѣ?—ласково корила Половодова Хіонію Алексѣевну, застегивая шведскую перчатку.—Ахъ, какъ у васъ мило отдѣланъ домикъ... я люблю эту милую простоту. Кстати, Хіонія Алексѣевна, когда же я наконецъ увижу васъ у себя? Александръ утро проводитъ въ банкѣ... Вы, кажется, съ нимъ не сходитесь характерами?.. Не эти пустяки, онъ только кажется гордымъ человѣкомъ...

Когда, проходя по передней въ своей шубкѣ изъ чернобурыхъ лисицъ, Половодова вопросительно посмотрѣла на дверь въ комнаты Привалова, Хіонія Алексѣевна обязательно сейчасъ же распахнула эту дверь и предложила гостѣ посмотрѣть помѣщеніе ея жильца.

— Это у него гостиная, тамъ кабинетъ... Да войдите, Антонида Ивановна...

Половодова, заглянувъ въ дверь, нѣсколько мгновеній колебалась—переступить ей порогъ этой двери, или нѣтъ, но выдержка взяла верхъ надъ любопытствомъ, и Антонида Ивановна на предложеніе любезной хозяйки только покачала отрицательно своей красивой головой.

X.

Приваловъ дѣйствительно въ это время успѣлъ познакомиться съ прасоломъ Нагибинымъ, котораго ему рекомендовалъ Василій Назарычъ. Съ нимъ Приваловъ по первопутку исколесилъ почти все Зауралье, пока не остановился на деревнѣ Гарчикахъ, гдѣ заарендовалъ мѣсто подъ мельницу и сейчасъ же приступилъ къ ея постройкѣ, т.-е. сначала принялся за подготовку необходимыхъ матеріаловъ, наемъ рабочихъ и т. д. Время незамѣтно катилось въ этой суетѣ, точно Приваловъ хотѣлъ себя вознаградить самой усиленной работой за полгода бездѣйствія.

Въ Узлѣ Приваловъ появлялся только на время, отчасти по дѣламъ опеки, отчасти для своей мельницы. Nicolas Веревкинъ, конечно, ничего не выхлопоталъ и все сидѣлъ со своей нитью, на которую намекалъ Привалову еще въ первый визитъ. Впрочемъ, Приваловъ и не ожидалъ отъ дѣятельности своего адвоката какихъ-нибудь необыкновенныхъ результатовъ, а, кажется, предоставилъ все дѣло его естественному теченію.

— Что-нибудь да выйдетъ,—говорилъ Приваловъ своему повѣренному.

— Вотъ ужъ этого я не понимаю, Сергѣй Александрычъ... Отправьте меня въ Петербургъ съ извѣстными полномочіями, и я мигомъ оборудую все дѣло.

— Нѣтъ, Николай Иванычъ, изъ такой поѣздки ровно ничего не выйдетъ... Повѣрьте мнѣ. Я сколько лѣтъ совершенно напрасно прожилъ въ Петербургѣ и теперь только могу пожалѣть и себя и даромъ потраченное время. Лучше будемъ сидѣть здѣсь и ждать погоды...

„Эхъ, развѣ такъ дѣла дѣлаютъ,—съ тоской думалъ Nicolas, посасывая сигару.—Да дай-ка мнѣ полсотни тысячъ, да я всѣхъ опекуновъ въ одинъ узелъ завязалъ бы... А вотъ извольте сговориться съ субъектомъ, у котораго въ головѣ засѣла мельница! Это настоящая болѣзнь, чортъ возьми...“

Nicolas нѣсколько разъ окольными путями, самымъ осторожнымъ образомъ пытался навести Привалова на мысль, что цѣль оправдываетъ средства, и что стоитъ только сразиться съ противниками ихъ же собственнымъ оружіемъ—успѣхъ будетъ несомнѣнный. Но Приваловъ не хотѣлъ понимать эти тонкія внушенія и нѣсколько разъ къ слову говорилъ, что предпочитаетъ лучше совсѣмъ лишиться всякаго наслѣдства, чѣмъ когда-нибудь стать на одну доску со своими опекунами. Такое категорическое рѣшеніе сильно обезкураживало Веревкина, хотя онъ и не терялъ надежды когда-нибудь „взвеселить“ опекуновъ.

Когда все самое необходимое по постройкѣ мельницы было сдѣлано, Приваловъ отправился въ Шатровскій заводъ.

Въ свѣтлый ноябрьскій день подъѣзжалъ Приваловъ къ завѣтному приваловскому гнѣзду, и у него задрожало сердце въ груди, когда экипажъ быстро началъ подниматься на послѣднюю возвышенность, съ которой открывался видъ на весь заводъ. Это была широкая горная панорама съ узкимъ и глубокимъ озеромъ въ срединѣ. Въ дальнемъ концѣ этого озера зеленѣла группа

лѣсистыхъ островковъ, а ближе, на выступившемъ крутомъ мыскѣ, весело разсыпались сотни бревенчатыхъ избъ и ярко бѣлѣла каменная заводская церковь. Широкая плотина замыкала озеро и связывала мысъ съ лѣсистой крутой горкой, у самаго подножія которой рѣзко выдѣлялся своей старинной архитектурой господскій старый домъ съ почернѣвшей, высокой желѣзной крышей и узкими окнами. Издали этотъ домъ походилъ на цитадель, а его окна казались крѣпостными амбразурами.

Сейчасъ за плотиной громадными желѣзными коробками стояли три доменныхъ печи, выметавшія, вмѣстѣ съ клубами дыма, широкіе огненные языки; изъ-за нихъ поднималось нѣсколько дымившихся высокихъ желѣзныхъ трубъ. На заднемъ планѣ смѣшались въ сплошную кучу корпуса разныхъ фабрикъ, магазины и еще какія-то зданія безъ оконъ и трубъ. Рѣка Шатровка, повернувъ множество колесъ и шестеренъ, шла дальше широкимъ, плавнымъ разливомъ. По обоимъ ея берегамъ плотно разсажались дома заводскихъ служащихъ и мастеровыхъ.

Прокатившись по заводской плотинѣ, экипажъ Привалова остановился у подъѣзда господскаго дома, который вблизи смотрѣлъ еще мрачнѣе и суровѣе, чѣмъ издали. Каменныя ворота были такой же крѣпостной архитектуры, какъ и самый домъ: кирпичныя толстыя верси съ пробитыми въ нихъ крошечными калитками, толстая желѣзная рѣшетка наверху съ острыми гвоздями, полотнища воротъ чуть не изъ котельнаго желѣза,—словомъ, это была самая почтенная древность, какую можно еще встрѣтить только въ старинныхъ монастыряхъ да въ заштатныхъ крѣпостяхъ. Недоставало рва съ водой и подъемнаго моста, какъ въ рыцарскихъ замкахъ.

Изъ новенькаго подъѣзда, пробитаго прямо въ толстой наружной стѣнѣ, показались два черныхъ сеттера. Виляя пушистыми хвостами и погромыхивая мѣдными ошейниками, они обнюхивали Привалова самымъ дружелюбнымъ образомъ, пока онъ вылѣзалъ изъ экипажа, а затѣмъ ощупью пробирался по темной узкой передней.

— Константинъ Васильичъ дома?—спрашивалъ Приваловъ, когда въ дверяхъ показалась дѣвушка въ накрахмаленномъ бѣломъ передникѣ.

— Нѣтъ, они на заводѣ...—бойко отвѣтила дѣвушка и сейчасъ же принялась тащить съ гостя тяжелую оленью доху. — А какъ о васъ доложить прикажете?

— Приваловъ...

Горничная выпустила изъ рукъ рукавъ дохи, нѣсколько мгновеній посмотрѣла на Привалова такими глазами, точно онъ вернулся съ того свѣта, и неожиданно скрылась.

Въ это время къ подъѣзду неторопливо подходилъ господинъ средняго роста, коренастый и плотный, въ дубленомъ романовскомъ полушубкѣ и черной мерлушковой шапкѣ. Онъ вошелъ въ переднюю и неторопливо началъ раздѣваться, не замѣчая гостя.

— Костя...

— А... это ты, — неторопливо проговорилъ Бахаревъ такимъ тономъ, точно вчера разстался съ Приваловымъ. — Наконецъ-то надумался, а я ужъ и ждать тебя пересталъ... Ну, здравствуй!..

Друзья дѣтства пожали другъ другу руки и, послѣ нѣкотораго колебанія, даже расцѣловались по русскому обычаю изъ щеки въ щеку. Приваловъ съ особеннымъ удовольствіемъ оглядывалъ теперь коренастую, немного сутуловатую фигуру Кости, его суконную рыжую поддевку, черныя шаровары, заправленныя въ сапоги, и это широкое русское лицо съ охладистой русой

бородой и прищуренными глазами. Костя остался прежним Костей, начиная отъ остриженныхъ подъ гребенку волосъ и кончая своей рыжей поддевкой. Бываютъ такіе люди, у которыхъ какъ-то все устроено такъ, что то, что мы называемъ красотой, здѣсь оказывается совершенно излишнимъ. Константинъ Бахаревъ былъ именно такимъ человѣкомъ.

Черезъ длинную гостиную съ низкимъ потолкомъ и узкими окнами они прошли въ кабинетъ Бахарева, квадратную угловую комнату, выходившую стеклянной дверью въ столовую, гдѣ теперь мелькалъ бѣлый передникъ горничной. Обстановка кабинета была самая дѣловая: рабочій громадный столъ занималъ средину комнаты, у окна помѣщался верстакъ, въ углу—токарный станокъ, нѣсколько шкаповъ занимали внутреннюю стѣну. Между печью и окномъ стоялъ глубокій старинный диванъ, обтянутый шагренью,—онъ служилъ хозяину кроватью. На письменномъ столѣ, кромѣ бумагъ и конторскихъ книгъ, кучей лежали свернутые трубочкой планы и чертежи, части деревянной модели, образчики желѣзныхъ рудъ, пробы чугуна и желѣза и еще множество другихъ предметовъ, имѣвшихъ спеціально-заводское значеніе. Все это—и столъ, и верстакъ, и окна, и полъ—все было обильно посыпано пепломъ отъ сигаръ, и вездѣ валялись окурки папиросъ.

— А вѣдь я разссорился со старикомъ...—нерѣшительно проговорилъ Приваловъ, чтобы чѣмъ-нибудь прервать наступившее неловкое молчаніе.

— Слышалъ...—коротко отвѣтилъ Бахаревъ, шагая по кабинету своимъ развалистымъ шагомъ.—Надя писала...

— А слышалъ, что дѣла у старика плохи?

— Да... Ничего, поправится,—прибавилъ онъ, точно для успокоенія Привалова.

— Поправится-то, конечно, поправится, да теперь ему туго приходится...

Они заговорили о дѣлахъ Василія Назарыча, причемъ Приваловъ разсказалъ о неожиданномъ пріѣздѣ въ Узелъ Шелехова.

— Ну, значитъ, дѣла очень плохи, если Данилушка прилетѣлъ съ пріисковъ,—замѣтилъ Бахаревъ съ неопредѣленной улыбкой.

Бахаревъ очистилъ на письменномъ столѣ одинъ уголъ, куда горничная и поставила кипѣвшій самоваръ. За чаемъ Бахаревъ заговорилъ объ опекѣ и опекунахъ. Приваловъ въ короткихъ словахъ разсказалъ, что вынесъ изъ своихъ визитовъ къ Ляховскому и Половодову, а затѣмъ сказалъ, что строитъ мельницу.

— Слышалъ... Что же, въ добрый часъ... Кажется, Надя что-то такое писала о какой-то мельницѣ,—старался припомнить Бахаревъ, наливая стаканы.

Съ первыхъ же словъ между друзьями дѣтства пробѣжала черная кошка. Приваловъ хорошо зналъ этотъ сдержанный, холодный тонъ, какимъ умѣлъ говорить Костя Бахаревъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Бахаревъ былъ противъ плановъ Привалова.

— Я не понимаю одного,—заговорилъ Бахаревъ послѣ долгой паузы:—для чего ты продолжаешь эти хлопоты по опекѣ?

— Какъ для чего?

— Да такъ... Вѣдь все равно ты бросилъ заводы, значитъ, они ничего не проиграютъ, если перейдутъ въ другія руки, которыя сумѣютъ взяться за дѣло лучше нашего.

— Нѣтъ, не все равно, Костя. Говоря правду, я не для себя хлопочу...

— И это знаю... Тѣмъ хуже для заводовъ. Подобныя филантропическія затѣи никогда и ни къ чему не вели.

— Да вѣдь ты даже хорошенько не знаешь моихъ филантропическихъ затѣй...

— И не желаю знать... Совершенно довольно съ меня того, что ты бросилъ заводы.

— Въ томъ-то и дѣло, что я даже не имѣю права ихъ бросить.

— Опять глупое слово... Извини за рѣзкое выраженіе. По-моему, въ такомъ дѣлѣ и выбора никакого не можетъ быть, а ты... Нѣтъ, у меня рѣшительно не такъ устроена голова, чтобы понимать эту погоню за двумя зайцами.

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ до другого раза.

— Согласенъ, тѣмъ болѣе, что я тебѣ, кажется, все сразу высказалъ.

Константинъ Бахаревъ былъ фанатикъ заводскаго дѣла, какъ Василій Бахаревъ былъ фанатикомъ золотопромышленности. Это были двѣ натуры одного закала, почему, вѣроятно, онѣ и не могли понять другъ друга. Костя ничего не зналъ и не хотѣлъ знать, кромѣ своихъ заводовъ, тогда какъ Приваловъ постоянно переживалъ всѣ муки неустоявшейся мысли, искавшей выхода и не находившей, къ чему прилѣпиться.

Друзья поговорили о разныхъ пустякахъ и почувствовали то неловкое положеніе, когда два совершенно чужихъ человѣка должны занимать другъ друга. Разговоръ не клеился.

— Не желаешь ли сходить на заводъ? — предложилъ Бахаревъ, когда чай былъ конченъ.

— Пожалуй...

Отъ господскаго дома до завода было рукой подать,—стоило только пройти небольшую площадь, на которой ютилось до десятка деревянныхъ лавокъ. Въ заводскомъ дѣлѣ Приваловъ ничего не понималъ и бродилъ по заводу изъ корпуса въ корпусъ только изъ вѣжливости, чтобы не обидѣть Костю. Да и что было во всемъ этомъ интереснаго: темныя зданія, гдѣ дуетъ изъ каждаго угла, были наполнены мастеровыми съ запекшимися, изнуренными лицами; гдѣ-то шумѣла вода, съ подавленнымъ грохотомъ вертѣлись десятки чугунныхъ колесъ, шестеренъ и валовъ, ослѣпительно-ярко свѣтились горна пудлинговыхъ, сварочныхъ, отражательныхъ и еще какихъ-то мудреныхъ печей. Вездѣ мелькало раскаленное желѣзо, и черными клубами вырывался дымъ изъ громадныхъ трубъ. Бахаревъ оживился и давалъ самыя подробныя объясненія новой, только-что поставленной катальной машины, у которой стальные валы были заточены самымъ необыкновеннымъ образомъ. Чтобы доставить удовольствіе Привалову, на новой машинѣ было прокатано нѣсколько полосъ сортоваго желѣза. Приваловъ видѣлъ, какъ постепенно черновая болванка, имѣвшая форму длиннаго кирпича, проходила черезъ рядъ валовъ, пока не превратилась въ длинную тонкую полосу, которая гнулась подъ собственной тяжестью и разсыпала кругомъ тысячи блестящихъ искръ.

— А вотъ я тебѣ покажу водяное колесо,—предлагалъ Бахаревъ, предлагая пройти въ новую деревянную постройку.

Осмотрѣли колесо, которое вертѣлось съ подавленнымъ шумомъ, заставляя вздрагивать всю фабрику. Приваловъ пощупалъ рукой мѣдную подушку, на которой вращалась ось колеса,—подушка была облита ворванью. Бахаревъ засмѣялся. Плотинный и уставщикъ, коренастые старики съ плутоватыми физіономіями, переглянулись.

Такимъ же образомъ были осмотрѣны печи Сименса-Мартена, потомъ вагранка. Поднялись на доменныя печи, гдѣ съ шипѣньемъ и трескомъ выдало цѣлое море огня и снопомъ летѣли кверху крупныя искры. Тѣ же обо-

женныя лица, кожаные фартуки, мягкіе пряденики на ногахъ. Приваловъ чувствовалъ себя въ этомъ царствѣ огня и желѣза совершенно чужимъ, лишнимъ человѣкомъ и молча осматривалъ все, что̀ ему показывали. Онъ стѣснялся задавать вопросы, чтобы не обнаружить передъ рабочими своего полнаго невѣдѣнія по части заводскаго дѣла. Между тѣмъ по фабрикамъ уже пронеслась молва, что пріѣхалъ самъ баринъ и осматриваетъ съ управляющимъ всякое дѣйствіе. Образовались кучки любопытныхъ, изъ всѣхъ щелей и дыръ блестѣли любопытствомъ чьи-то глаза. Служить центромъ вниманія этихъ сотенъ людей Приваловъ совсѣмъ не желалъ и предложилъ Бахареву вернуться домой, ссылаясь на голодъ.

— Дѣйствительно, соловья баснями не кормятъ,—согласился Бахаревъ.— Я и забылъ, что ты съ дороги, и моя прямая обязанность прежде всего накормить тебя...

Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, когда выбрался подъ открытое небо изъ этого царства гномовъ, гдѣ даже самый снѣгъ былъ покрытъ сажей и пылью и все кругомъ точно дышало огнемъ и дымомъ.

XI.

Все время обѣда и вплоть до самаго вечера прошло какъ-то между рукъ, въ разныхъ отрывочныхъ разговорахъ, которыми друзья дѣтства напрасно старались наполнить образовавшуюся за время ихъ разлуки пустоту.

Передъ тѣмъ, какъ итти спать, Привалову пришлось терпѣливо выслушать очень много самыхъ интересныхъ вещей относительно заводскаго дѣла. Отдѣлаться отъ Бахарева, когда онъ хотѣлъ говорить, было не такъ-то легко, и Приваловъ рѣшился выслушать все до конца, чтобы этимъ гарантировать себя на будущее время. Какъ всѣ увлеченные своей идеей люди, Бахаревъ не хотѣлъ замѣчать коварнаго поведенія своего друга и, потягивая портеръ, нетерпѣливо выгружалъ обильный запасъ всевозможныхъ проектовъ нововведеній и реформъ по заводамъ. Тутъ было достаточно всего: и узкоколейныя желѣзныя дороги, которыми со временемъ будетъ изрѣзанъ весь округъ Шатровскихъ заводовъ, и устройство бессемеровскаго способа производства стали, и переходъ заводовъ съ древеснаго топлива на минеральное, и горячее дутье въ видахъ „улавливанія газовъ и утилизаціи теряющагося жара“ при нынѣшнихъ системахъ заводскихъ печей, и т. д. Приваловъ старался внимательно вслушаться въ нѣкоторые проекты, но не могъ и только замѣчалъ, какъ лицо Кости дѣлалось все краснѣе и краснѣе и глаза замѣтно суживались.

Друзья дѣтства для перваго раза разошлись по своимъ комнатамъ довольно холодно. Привалову была отведена угловая комната, выходившая двумя окнами въ садъ. Она играла роль и кабинета и спальни. Между окнами стоялъ небольшой письменный столъ, у внутренней стѣны простенькая желѣзная кровать подъ бѣлымъ чехломъ, ночной столикъ, этажерка съ книгами въ углу, на окнахъ цвѣты,—вообще вся обстановка смахивала на монастырскую келью и понравилась Привалову своей простотой. На письменномъ столѣ лежала записная книжка въ шагреневомъ переплетѣ, стояли двѣ вазочки для букетовъ и валялась какая-то женская работа съ воткнутой иглой.

— Это Надя что-то работала...—проговорилъ Бахаревъ, взглянувъ на письменный столъ.—Когда она пріѣзжаетъ сюда, всегда занимаетъ эту комнату, потому что она выходитъ окнами въ садъ. Тебѣ, можетъ-быть, не нравится здѣсь? Можно, пожалуй, перейти въ парадную половину, только тамъ мерзость запустѣнія.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь будетъ отлично.

Бахаревъ ушелъ, а Привалось раздѣлся и поскорѣе легъ въ постель. Онъ долго лежалъ съ открытыми глазами, и въ головѣ его съ мучительной тоской билась одна мысль: вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ жила она... Да, она здѣсь работала, она здѣсь думала, она здѣсь смѣялась... Вотъ это окно отворяли ея руки, она поливала эти цвѣты по утрамъ. Даже эти крѣпостныя стѣны въ глазахъ Привалова получили совершенно другое значеніе, точно онѣ были согрѣты присутствіемъ той Нади, о которой болѣло его сердце. Надя, Надя... ты чистая, ты хорошая, ты, можетъ-быть, вотъ въ этой самой комнатѣ переживала окрыляющее чувство первой любви и, глядя въ окно или поливая цвѣты, думала о немъ, о Лоскутовѣ. Здѣсь перечитывались его письма, здѣсь припоминались счастливыя мгновенья дорогихъ встрѣчъ, здѣсь складывались золотые сны, здѣсь переживались счастливыя минуты перваго пробужденія молодого чувства... Здѣсь она называла его ласковыми именами, здѣсь она улыбалась ему во снѣ и, протягивая руки, шептала слова любви. Чудныя грезы и безконечная поэзія, которыя идутъ рука объ руку съ муками сердца и миріадами страданій...

Онъ старался забыть ее, старался не думать о ней, а между тѣмъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ любитъ ее все больше и больше, любитъ съ безумнымъ отчаяніемъ.

Наслѣдникъ приваловскихъ милліоновъ заснулъ въ прадѣдовскомъ гнѣздѣ тяжелымъ и тревожнымъ сномъ. Ему грезились тѣни его предковъ, которыя вереницей наполняли этотъ старый домъ и съ удивленіемъ смотрѣли на свою послѣднюю отрасль. Приваловъ видѣлъ этихъ людей и боялся ихъ. Приваловъ глухо застоналъ во снѣ, и его губы шептали: „Мнѣ ничего не нужно вашего... рѣшительно ничего. Меня давятъ ваши милліоны...“

XII.

На другой день Приваловъ всталъ съ головной болью.

Завтракъ былъ поданъ въ столовой. Когда они вошли туда, первое, что бросилось въ глаза Привалову, былъ какой-то господинъ, который сидѣлъ у стола и читалъ книгу, положивъ локти на столъ. Онъ сидѣлъ въ полъ-оборота, такъ что въ первую минуту Приваловъ его не разсмотрѣлъ хорошенько.

— А, Максимъ...—весело заговорилъ Бахаревъ.

Приваловъ вздрогнулъ при этомъ имени. Дѣйствительно, это былъ Лоскутовъ. Онъ не всталъ навстрѣчу хозяину, а только съ улыбкой своего человѣка въ домѣ слегка кивнулъ головой Бахареву и опять принялся читать.

— Позвольте познакомить...—заговорилъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, мы уже знакомы...—перебилъ его Приваловъ, торопливо протягивая руку своему счастливому сопернику.

— Да, да...—протянулъ Лоскутовъ, вскидывая глазами на Привалова:— у Ляховскихъ встрѣчались...

Въ первую минуту Приваловъ почувствовалъ себя такъ неловко, что рѣшительно не зналъ, какъ ему себя держать, чтобы не выдать овладѣвшаго имъ волненія. Лоскутовъ, какъ всегда, былъ въ своемъ ровномъ, невозмутимомъ настроеніи и, кажется, совсѣмъ не замѣчалъ Привалова.

Какъ это ни странно, но, благодаря именно присутствію Лоскутова, весь день прошелъ особенно весело. Бываютъ такія положенія, когда третій человѣкъ такъ же необходимъ для различныхъ выкладокъ, какъ то неизвѣстное x, при помощи котораго рѣшаются задачи въ математикѣ. Приваловъ не могъ

не сравнить своихъ вчерашнихъ разговоровъ съ Костей съ глазу на глазъ съ сегодняшними: о натянутости не было и помину. Затѣмъ второй странностью для Привалова было то, что сегодня онъ совершенно свободно говорилъ обо всемъ, о чемъ вчера старался молчать, и опять-таки благодаря участію Лоскутова.

— А вѣдь знаете, Сергѣй Александрычъ,—говорилъ Лоскутовъ своимъ простымъ увѣреннымъ тономъ:—я вполнѣ сочувствую всѣмъ вашимъ планамъ и могу только удивляться, какъ это люди въ родѣ Константина Васильича могутъ относиться къ нимъ съ такимъ равнодушіемъ.

Наконецъ нашелся человѣкъ, который открыто высказывался за Привалова, и этотъ человѣкъ былъ его соперникъ.

Вечеромъ въ кабинетѣ Бахарева шли горячіе споры и разсужденія на всевозможныя темы. Горничной пришлось замѣнить очень много выпитыхъ бутылокъ вина новыми. Лица у всѣхъ раскраснѣлись, глаза блестѣли. Все выходило такъ тепло и сердечно, какъ въ дни зеленой юности. Каждый высказывалъ свою мысль безъ всякихъ наружныхъ прикрытій, а такъ, какъ она выливалась изъ головы.

— А ты все-таки утопистъ и мечтатель,—говорилъ Бахаревъ, хлопая Привалова по плечу.

— Нѣтъ, наоборотъ: ты увлекаешься своими фантазіями и изъ-за нихъ не хочешь видѣть дѣйствительныхъ интересовъ,—возражалъ Приваловъ.

Приваловъ былъ плохой ораторъ, но теперь онъ съ особенной послѣдовательностью и ясностью отстаивалъ свои идеи.

— Противъ промышленности вообще и противъ желѣзной промышленности въ частности я ничего не имѣю,—говорилъ онъ, размахивая руками.—Но это только въ теоріи или въ примѣненіи къ западу... А что̀ касается русскаго заводскаго дѣла, я—противъ него. Это болѣзненный наростъ, который питается на счетъ здоровыхъ народныхъ силъ. Горное дѣло на Уралѣ создалось только благодаря безумнымъ привилегіямъ и монополіямъ, даровымъ трудомъ милліоновъ людей при несправедливѣйшей эксплуатаціи чисто-національныхъ богатствъ, такъ что въ результатѣ получается такой печальный выводъ: Уралъ со всѣми своими неистощимыми богатствами стоилъ правительству въ десять разъ дороже того, сколько онъ принесъ пользы... И вдобавокъ—эти невѣроятныя жертвы правительства не принесутъ и въ будущемъ никакой пользы, потому что наши горные заводы всѣ до одного должны ликвидировать вои дѣла, какъ только правительство откажется вести ихъ на помочахъ. Стоитъ только отмѣнить правительству тарифъ на привозные металлы, оградить казенные лѣса отъ расхищенія заводчиками, обложить ихъ производительность въ той же мѣрѣ, какъ обложенъ трудъ всякаго мужика—и все погибнетъ сразу.

— Но вѣдь эти затраты правительство дѣлало не изъ личной пользы, а чтобы создать крупную заводскую промышленность. Примѣры Англіи, Франціи, наконецъ Америки—вездѣ одно и то же. Сначала правительство и нація, несомнѣнно, теряли отъ покровительственной системы, чтобы потомъ наверстать свои убытки съ лихвой и вывести промышленность на всемірный рынокъ.

— Тамъ это было дѣйствительно такъ, а у насъ получается противоположный результатъ: наша политика относительно заводовъ, вмѣсто развитія промышленности, создала цѣлое поколѣніе государственныхъ нищихъ, которые, лежа на неисчислимыхъ сокровищахъ, едва пропитываютъ себя милостыней. Результатъ получился какъ разъ обратный: вмѣсто развитія горной промышленности, мы загородили ей дорогу чудовищной монополіей.

— Ты забываешь только одно, что ты самъ заводчикъ,— замѣтилъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, я этого никогда не могу забыть и поэтому долженъ въ особенности выяснить положеніе свое собственное и другихъ заводчиковъ. Мы живемъ паразитами...

— Кто же вамъ мѣшаетъ не быть ими?

— Это другой вопросъ, который я постараюсь разобрать обстоятельнѣе.

Приваловъ набросалъ широкую картину настоящаго уральскихъ заводчиковъ, большинство которыхъ никогда даже и не бывало на своихъ заводахъ. Системой покровительства заводскому дѣлу имъ навсегда обезпечены милліонные барыши, и все на заводахъ вертится черезъ третьи и четвертыя руки, при помощи управителей, повѣренныхъ и управляющихъ. Въ такихъ понятіяхъ и взглядахъ вырастаетъ одно поколѣніе за другимъ, причемъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ безповоротное вырожденіе самыхъ крѣпкихъ семей. Чтобы вырваться изъ этой системы паразитизма, воспитываемой въ теченіе полутораста лѣтъ, нужны нечеловѣческія усилія, тѣмъ болѣе, что придется до основанія разломать уже существующія формы заводской жизни.

— Вотъ ты и занялся бы такими реформами,—проговорилъ Бахаревъ.— Кстати, у тебя свободнаго времени, кажется, достаточно...

— А если я сознаю, что у меня не хватаетъ силы для такой дѣятельности, зачѣмъ же мнѣ браться за непосильную задачу,—отвѣтилъ Приваловъ.— Да притомъ я вообще противъ насильственнаго культивированія промышленности. Если разобрать, такъ такая система, кромѣ зла, намъ ничего не принесла.

— По-твоему остается, значитъ, закрыть заводы и возвратиться къ каменному періоду?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что мы, заводчики, даже не имѣемъ права закрыть заводы, потому что съ ними связаны интересы полумилліоннаго населенія, которому мы кругомъ должны. Чьимъ трудомъ создавались заводы и на чьей землѣ?..

— Теперь объ этомъ говорить довольно поздно...

— Нѣтъ, именно теперь объ этомъ и слѣдуетъ говорить, потому что на заводахъ въ недалекомъ будущемъ выработается настоящій безземельный пролетаріатъ, который будетъ похуже всякаго крѣпостного права...

XIII.

Нѣсколько дней Приваловъ и Бахаревъ спеціально были заняты разными заводскими дѣлами, причемъ пришлось пересмотрѣть кипы всевозможныхъ бумагъ, смѣтъ, отчетовъ и соображеній. Сначала эта работа не понравилась Привалову, но потомъ онъ незамѣтно втянулся въ нее, по мѣрѣ того, какъ изъ-за этихъ бумагъ выступала дѣйствительность. Но, работая надъ однимъ матеріаломъ, часто за однимъ столомъ, друзья дѣтства видѣли каждый свое.

Прежде всего выступила на сцену исторія составленія уставной грамоты, что̀ относилось еще ко времени опекунства Сашки Холостова. Очевидно, эта уставная грамота была составлена какимъ-то отчаяннымъ приказнымъ, крючкотворомъ и докой. Просматривая теперь эту грамоту, черезъ двадцать лѣтъ, можно было только удивляться проницательности и широтѣ взгляда ея безвѣстнаго составителя: все было предусмотрѣно, взвѣшено и, гдѣ слѣдуетъ, выговорено и оговорено. Конечно, дока составлялъ грамоту по порученію Холостова и на его кормахъ, поэтому и всѣ выгоды отъ нея были на сторонѣ

заводовъ. Центръ тяжести лежалъ въ надѣлѣ мастеровыхъ землей, и этотъ пунктъ былъ обработанъ съ особеннымъ мастерствомъ. Въ результатѣ получалось населеніе въ сорокъ тысячъ, совершенно обезземеленное, самое существованіе котораго во всемъ зависитъ отъ рокового „впредь до усмотрѣнія“.

Далѣе выяснилась двадцатилѣтняя исторія мужицкихъ мытарствъ относительно этой грамоты, которая была подписана какими-то „старичками“.

Отыскали покладистыхъ старичковъ, тѣ подъ пьяную руку подмахнули за все общество уставную грамоту, и дѣло пошло гулять по всѣмъ мытарствамъ. Мастеровые и крестьяне всѣми способами старались доказать неправильность составленной уставной грамоты и то, что общество совсѣмъ не уполномочило подписывать ее какихъ-то сомнительныхъ старичковъ. Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ. Мужики нанимали адвокатовъ, посылали ходоковъ, спорили и шумѣли съ мировымъ посредникомъ, но изъ этого рѣшительно ничего не выходило.

— Это дѣло необходимо покончить,—говорилъ Приваловъ, просматривая документы.—Уставная грамота дѣйствительно составлена неправильно...

— Да, но теперь все зависитъ отъ опекуновъ...

„Что скажутъ опекуны“, „все зависитъ отъ опекуновъ“—эти фразы были для Привалова костью въ горлѣ, и онъ никогда такъ не желалъ развязаться съ опекой во что бы то ни стало, какъ именно теперь.

Скоро выплыло еще болѣе казусное дѣло о башкирскихъ земляхъ, замежеванныхъ въ дачу Шатровскихъ заводовъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Оказалось, что дѣло объ этомъ замежеваніи велось съ небольшими перерывами цѣлыхъ сто лѣтъ, и истцы успѣли два раза умереть и два раза родиться. Слабая сторона дѣла заключалась въ томъ, что услужливый землемѣръ, въ пылу усердія, замежевалъ цѣлую башкирскую деревню Бухтармы; съ другой стороны услужливый человѣкъ, посредникъ, перевелъ своей единоличной властью цѣлую башкирскую волость изъ вотчинниковъ въ припущенники, т.-е. съ надѣла въ тридцать десятинъ посадилъ на пятнадцать. Остальныя десятины отошли частью къ заводамъ, а частью къ мелкимъ землевладѣльцамъ. Главное затрудненіе встрѣчалось въ томъ, что даже приблизительно невозможно было опредѣлить тѣ межи и границы, о которыхъ шелъ споръ. Въ документахъ онѣ были показаны „отъ урочища Сухой-Палъ до березовой рощи“, или, еще лучше, „до камня такого-то или стараго пня“. Ни березовой рощи, ни камня, ни пня давно уже не было и въ поминѣ, а гдѣ стояло урочище Сухой-Палъ—каждая сторона доказывала въ свою пользу. Разница получалась чуть не въ пятьдесятъ верстъ. Да и самая деревня Бухтармы успѣла въ теченіе ста лѣтъ выгорѣть разъ десять, и ея наличное населеніе давно превратилось въ толпу голодныхъ и жалкихъ нищихъ.

— Что мы будемъ дѣлать? — нѣсколько разъ спрашивалъ Приваловъ хмурившагося Бахарева.

— Теперь рѣшительно ничѣмъ нельзя помочь, — отвѣчалъ обыкновенно Бахаревъ:—проклятая опека связала по рукамъ и ногамъ... Вотъ, когда заводы выкрутятся изъ долговъ, тогда совсѣмъ другое дѣло. Можно просто отрѣзать башкирамъ ихъ пятнадцать десятинъ, и конецъ дѣлу.

— Да, но вѣдь не всѣ же эти десятины отошли къ заводамъ?

— Сосчитайте, сколько ихъ отошло.

Точно для иллюстраціи этого возмутительнаго дѣла въ Шатровскомъ заводѣ появилась цѣлая башкирская депутація. Эти дѣти цвѣтущей Башкиріи успѣли провѣдать, что на заводы пріѣхалъ самъ баринъ, и поспѣшили воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы еще разъ заявить свои права.

Привалова на первый разъ сильно покоробило при видѣ этой степной нищеты, которая нисколько не похожа на ту нищету, какую мы привыкли видѣть по русскимъ городамъ, селамъ и деревнямъ. Цивилизованная нищета проситъ если не словами, то своей позой, движеніемъ руки, взглядомъ, наконецъ—лохмотьями, проситъ потому, что тамъ есть надежда впереди на что-то. Но здѣсь совсѣмъ другое: эти бронзовыя испитыя лица съ косыми темными глазами глядятъ на васъ съ тупымъ безнадежнымъ отчаяніемъ, движенія точно связаны какой-то мертвой апатіей, даже въ складкахъ рваныхъ азямовъ чувствовалось это чисто-азіатское отчаяніе въ собственной судьбѣ. „Такова воля Аллаха...“ — вотъ роковыя слова, которыя гнѣздились подъ мѣховыми рваными треухами. Какое-то подавляющее величіе чувствовалось въ этой степной философіи, созданной тысячелѣтіями и краснорѣчиво иллюстрированной событіями послѣднихъ двухсотъ лѣтъ.

— Бачка... кошъ ставить нильзя...—десять разъ принимались толковать башкиры:—ашата подохъ... становой кулупалъ по спинамъ...

Между этой отчаянной голытьбой, обреченной болѣе сильной цивилизаціей на вымираніе, какъ объясняетъ наука, выдѣлялись только два старика, которые были коноводами. Одинъ, Кошгильда, былъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, широкоплечій, съ подстриженной сѣдой бородкой, съ могучей грудью. Другой, жилистый и сухой, весь высохшій субъектъ, съ тонкой шеей и подслѣповатыми, слезившимися глазами. Его звали Урукаемъ. Старики держали себя просто и свободно, съ граціей настоящихъ степняковъ. Они еще чуть-чуть помнили привольное старое житье, когда послѣ холодной и голодной зимы отправлялись на лѣтнія кочевки сотнями кошей. Степь была вольная. За лѣто успѣвали всѣ отдохнуть—и скотъ и люди. А теперь... „кунчалъ голова“, какъ объяснялъ болѣе живой Кошгильда.

„Вотъ они, эти историческіе враги, отъ которыхъ отсиживался Титъ Приваловъ вотъ въ этомъ самомъ домѣ, — думалъ Приваловъ, когда смотрѣлъ на башкиръ.—Они даже не знаютъ о томъ славномъ времени, когда башкиры горячо воевали съ первыми русскими насельниками и не разъ побивали высылаемыя противъ нихъ воинскія команды... Вотъ она, эта безпощадная философія исторіи!“

Башкиръ нѣсколько дней поили и кормили въ господской кухнѣ. Приваловъ и Бахаревъ надрывались надъ работой, разыскивая въ заводскомъ архивѣ матеріалы по этому дѣлу. Нѣсколько отрывочныхъ бумагъ явилось плодомъ этихъ благородныхъ усилій—и только. Впрочемъ, на одной изъ этихъ бумагъ можно было прочитать фамилію межевого чиновника, который производилъ послѣднее размежеваніе. Оказалось, что этотъ межевой чиновникъ былъ Викторъ Николаевичъ Заплатинъ.

— Вотъ и отлично,—обрадовался Приваловъ.—Это хозяинъ моей квартиры въ Узлѣ,—объяснялъ онъ Бахареву: — слѣдовательно отъ него я могу получить всѣ необходимыя указанія и, можетъ-быть, даже матеріалы.

— Дай Богъ...

Когда башкирамъ было наконецъ объявлено, что вотъ баринъ поѣдетъ въ городъ и тамъ будетъ хлопотать, они съ молчаливой грустью выслушали эти слова, молча вышли на улицу, сѣли на коней и молча тронулись въ свою Бухтарму. Приваловъ долго провожалъ глазами этихъ несчастныхъ, уѣзжавшихъ на вѣрную смерть, и у него крѣпко щемило и скребло на сердцѣ. Но что онъ могъ въ его дурацкомъ положеніи сдѣлать для этихъ людей?

Цѣлую ночь снилась Привалову голодная Бухтарма. Онъ видѣлъ грязныхъ, голодныхъ женщинъ, видѣлъ худыхъ, какъ скелеты, дѣтей... Они не

протягивали къ нему своихъ дѣтскихъ ручекъ, не просили, не плакали. Только длинная шея Урукая вытянулась еще длиннѣе, и съ его губъ сорвались слова упрека:

— Нашъ земля—твой земля...—хрипѣлъ Урукай, совсѣмъ закрывъ слезившіеся глазки. — Все — твой... ничево — нашъ... Ашата подохъ, анайка подохъ, Урукай подохъ...

Приваловъ проснулся съ холоднымъ потомъ на лбу.

XIV.

Приваловъ прожилъ на Шатровскомъ заводѣ недѣли двѣ и все время былъ заваленъ работой по горло. Свободное время оставалось только по вечерамъ, когда шли безконечные разговоры обо всемъ.

Лоскутовъ уѣзжалъ на пріиски только на нѣсколько дней. Работы зимой были пріостановлены, и у него было много свободнаго времени. Приваловъ какъ-то незамѣтно привыкъ къ обществу этого совершенно особеннаго человѣка, который во всемъ такъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ людей. Только иногда какое-нибудь неосторожное слово нарушало это мирное настроеніе Привалова, и онъ опять начиналъ переживать чувство предубѣжденія къ своему сопернику.

— Это, голубчикъ, исключительная натура, совершенно исключительная,— говорилъ Бахаревъ про Лоскутова:—не отъ міра сего человѣкъ... Вотъ я его сколько лѣтъ знаю и все-таки хорошенько не могу понять, что это за человѣкъ. Только чувствуешь, что крупная величина предъ тобой. Всякая сила даетъ себя чувствовать.

— Мнѣ еще Ляховскій говорилъ о немъ,—замѣтилъ Приваловъ:—впрочемъ, онъ главнымъ образомъ цѣнитъ его, какъ философа и ученаго.

— Да, съ этой стороны Лоскутовъ понятнѣе. Но у него есть одно совершенно исключительное качество... Я назвалъ бы это качество притягательной силой, если бы рѣчь шла не о живомъ человѣкѣ. Говорю серьезно... Замѣчаешь, что чувствуешь себя какъ-то лучше и умнѣе въ его присутствіи; можетъ-быть, въ этомъ и весь секретъ его нравственнаго вліянія.

— Однако что же такое, по-твоему, этотъ Лоскутовъ?

— Лоскутовъ? Гм... По-моему, это — человѣкъ, который родился не въ свое время. Да... Ему негдѣ развернуться, вотъ онъ и зарылся въ книги съ головой. А между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, онъ могъ бы быть крупнымъ дѣятелемъ... Въ немъ есть эта цѣльность натуры, извѣстный фанатизмъ,—словомъ, за такими людьми идутъ въ огонь и въ воду.

Вообще Лоскутовъ для Привалова продолжалъ оставаться загадкой. Съ одной стороны, онъ подкупалъ Привалова своей дѣтской простотой, какъ подкупалъ Бахарева своимъ цѣльнымъ характеромъ, а Ляховскаго — умомъ; съ другой стороны, Привалова отталкивала та мистическая нотка, какая звучала въ разсужденіяхъ Лоскутова. Вглядываясь въ выраженіе лица Лоскутова, Приваловъ испытывалъ иногда щемящее, непріятное чувство... Иногда Привалову дѣлалось настолько тяжелымъ присутствіе Лоскутова, что онъ или уходилъ на заводъ, или запирался на нѣсколько часовъ въ своей комнатѣ. „Если ты дѣйствительно любишь ее,—шепталъ ему внутренній голосъ:—то полюбишь и его, потому что она счастлива съ нимъ, потому что она любитъ его“... Гнетущее чувство смертной тоски сжимало его сердце, и онъ подолгу не спалъ по ночамъ, тысячу разъ передумывая одно и то же. Надежда Ва-

сильевна и Лоскутовъ—это были два роковые полюса, между которыми съ болѣзненнымъ напряженіемъ теперь опять вращались всѣ мысли Привалова.

Лоскутовъ, съ своей стороны, относился къ Привалову съ большимъ вниманіемъ и съ видимымъ удовольствіемъ выслушивалъ длиннѣйшіе споры о его планахъ. Приваловъ иногда чувствовалъ на себѣ его пристальный взглядъ, въ которомъ стоялъ нѣмой вопросъ.

— Знаете что, Сергѣй Александрычъ,—проговорилъ однажды Лоскутовъ, когда они остались вдвоемъ въ кабинетѣ Бахарева:—я завидую вашему положенію.

— Въ какомъ отношеніи?—удивился Приваловъ.

— Да во многихъ отношеніяхъ... Конечно, вамъ предстоитъ много черновой, непроизводительной работы, но эта темная сторона съ лихвой выкупается основной идеей. Начать съ того, что вы опредѣляете свои отношенія къ заводамъ безъ всякихъ иллюзій, а затѣмъ, если осуществится даже половина вашихъ намѣреній, Шатровскіе заводы послужатъ поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ.

— Да... Но вѣдь „добрыми намѣреніями вымощенъ весь адъ“, какъ говоритъ пословица,—замѣтилъ Приваловъ.—Все дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что мы не развяжемся даже съ опекой...

— Гм... конечно, все можетъ быть. Тогда у васъ въ резервѣ остается ваше собственное дѣло—организація хлѣбной торговли на раціональныхъ основаніяхъ. Уже однимъ этимъ вы спасете тысячи людей отъ эксплуатаціи нарождающейся буржуазіи... Я понимаю, что всякое новое дѣло, особенно въ области практическихъ интересовъ, должно пройти черезъ цѣлый рядъ препятствій и даже неудачъ, но великое дѣло—положить именно начало. Послѣдователи и продолжатели найдутся. По-моему, вы выбрали особенно удачный моментъ для своего предпріятія: все общество переживаетъ періодъ броженія всѣхъ силъ, съ верху до низу, и вотъ въ эту лабораторію творящейся жизни влить новую струю, провести новую идею—особенно важно. Конечно, были попытки и раньше въ этомъ направленіи, но я разбираю вашъ проектъ по отношенію къ настоящему времени, къ выбранному мѣсту и тѣмъ средствамъ, какими вы располагаете.

Однажды, когда Приваловъ послѣ ужина ушелъ въ свою комнату и только-что хотѣлъ просмотрѣть послѣднюю книжку журнала, въ дверяхъ послышался осторожный стукъ.

— Вы спите?—спрашивалъ за дверями голосъ Лоскутова.

— Нѣтъ... войдите.

— А я къ вамъ... Что-то не хочется спать, а Константинъ Васильичъ ушелъ на заводъ. Можно у васъ посидѣть?

— Отчего же...

Лоскутовъ помѣстился на маленькомъ клеенчатомъ диванчикѣ и, не торопясь, раскурилъ папиросу.

„Зачѣмъ онъ пришелъ?“—думалъ Приваловъ, предчувствуя какое-то объясненіе.

— А мнѣ хотѣлось съ вами поговорить...—продолжалъ Лоскутовъ, попыхивая синимъ дымомъ.—Можетъ-быть, вы не расположены къ этому? Будьте откровенны, я не обижусь...

— Нѣтъ, я съ удовольствіемъ послушаю.

Лоскутовъ бросилъ недокуренную папиросу въ уголъ, прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ и, сдѣлавъ крутой поворотъ на каблукахъ, сѣлъ рядомъ съ Приваловымъ и заговорилъ съ особенной отчетливостью:

— Все это время я серьезно думалъ о вашихъ планахъ... И чѣмъ дальше я думаю на эту тему, предо мной все неотвязнѣе встаетъ одинъ вопросъ... За ваши планы говоритъ все: и оригинальность мысли, и чистота намѣреній, и полная возможность осуществленія, но у этихъ плановъ есть страшный недостатокъ, потому что здѣсь все зависитъ отъ одной личности, и затѣмъ будущее обезпечено только формой. Именно, вы всего больше разсчитываете на формальную сторону дѣла, на строй предпріятія. Что будетъ со всѣмъ этимъ, когда васъ не будетъ, или вы почему-нибудь откажетесь отъ выполненія своей идеи? Постараюсь быть яснѣе: вѣра въ торжество формы, кажется, уже поколебалась у самыхъ слѣпыхъ ея защитниковъ, потому что всякая форма является только палліативной мѣрой, которая просто убаюкиваетъ насъ и заставляетъ закрывать глаза на продолжающее существовать зло... Дальше... Мнѣ думается, что успѣхъ каждаго начинанія больше всего зависитъ отъ органической подготовки всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ я и думаю, что не лучше ли было бы начать именно съ такой органической подготовки, а форма вылилась бы сама собою. Конечно, это несравненно медленнѣе, но зато успѣхъ будетъ несомнѣнный. Вѣдь вамъ придется стать лицомъ къ лицу съ организованной силой эксплуатаціи— съ одной стороны, а съ другой—съ пассивнымъ сопротивленіемъ той именно массы, для которой все будетъ дѣлаться. Произойдутъ недоразумѣнія, взаимное недовѣріе, рядъ мелкихъ плутней и обмановъ. Мнѣ кажется, что было бы вѣрнѣе начать именно съ такой органической подготовки...

— Вы забываете, что время не ждетъ, а пока мы будемъ заниматься такой подготовкой, удобный случай будетъ упущенъ навсегда. Форма моего предпріятія будетъ служить только временными лѣсами и вмѣстѣ съ тѣмъ школой. А дальше время и обстоятельства покажутъ, что придется измѣнить или оставить совсѣмъ.

— Да, но это очень скользкій путь...

— За неимѣніемъ лучшаго, пока будемъ довольствоваться имъ.

Лоскутовъ заговорилъ о систематической подготовкѣ, какъ онъ понималъ ее самъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ предпріятіяхъ разсчитываются прежде всего экономическіе двигатели и та система формъ, въ какую отлилась жизнь. Но вѣдь все это служитъ только проявленіемъ, внѣшней оболочкой, основой двигающей силы, которая лежитъ не внѣ человѣка, а внутри его. Практика всемірной исторіи съ желѣзной послѣдовательностью доказала полную неосуществимость всѣхъ формъ, какія боролись со зломъ его же средствами. Необходимо обратить вниманіе на нравственныя силы, какія до сихъ поръ не принимались въ расчетъ новаторами. А между тѣмъ только на этихъ силахъ и можно создать что-нибудь истинно-прочное и такимъ образомъ обезпечить за нимъ будущее.

— Но какъ же вы воспользуетесь этими нравственными силами?—спрашивалъ Приваловъ. — Опять-таки должна существовать форма, извѣстная организація...

— Совершенно вѣрно. Только здѣсь форма является средствомъ, а центръ тяжести перемѣщается съ экономическихъ интересовъ на нравственныя силы. Притомъ здѣсь организація совсѣмъ не играетъ такой роли, какъ при осуществленіи экономическихъ интересовъ. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, живучесть нашего раскола и сектантства? Формальная сторона здѣсь является только побочнымъ обстоятельствомъ, а важны именно нравственныя побужденія.

При послѣднихъ словахъ глаза у Лоскутова заблестѣли, и онъ тяжело вздохнулъ, точно свалилъ гору съ плечъ.

XV.

Въ домѣ Ляховскаго шли дѣятельныя приготовленія къ балу, который ежегодно давался по случаю рожденія Зоси четвертаго января. На этомъ балѣ собирался весь Узелъ, и Ляховскій мастерски разыгрывалъ роль самаго гостепріимнаго и радушнаго хозяина, какого только производилъ свѣтъ.

Приготовленія къ нынѣшнему балу доказывали своей торжественной суетой, что готовится нѣчто изъ ряду выходящее вонъ, не въ примѣръ прошлымъ годамъ. Вездѣсущій Альфонсъ Богданычъ, какъ гуттаперчевый мячъ, катался по всѣмъ комнатамъ, все видѣлъ, все слышалъ и все и всѣхъ успѣвалъ обругать. Въ немъ говорилъ теперь не слуга или наемникъ, обязанный выполнить хозяйское приказаніе, а истинный артистъ. Предстоящая „забавка“ была для Альфонса Богданыча самымъ серьезнымъ дѣломъ, требовавшимъ глубокихъ соображеній и слишкомъ много „счастливыхъ мыслей“, какъ выражался онъ. За этими счастливыми мыслями Альфонсъ Богданычъ по сту разъ въ день являлся къ Зосѣ и наипочтительнѣйше начиналъ:

— Если Софья Игнатьевна не захочетъ дать мнѣ совѣтъ, я погибъ... У Софьи Игнатьевны столько вкуса... Боже, сколько вкуса! И глазъ... о, какой острый, молодой глазъ у Софьи Игнатьевны! Мнѣ нужно думать цѣлую недѣлю, а Софьѣ Игнатьевнѣ стóитъ только открыть ротикъ...

Но онъ не ограничивался одной Зосей, а бѣжалъ такъ же стремительно въ нижній этажъ, гдѣ жили пани Марина и Давидъ. Конечно, пани Марина очень любила русскую водку, но она не забыла еще, какъ танцовала съ крутоусымъ Сангушко, и знала толкъ въ забавкахъ. Гордый и грубый съ пани Мариной въ обыкновенное время, Альфонсъ Богданычъ теперь разсыпáлся предъ ней мелкимъ бѣсомъ и въ концѣ концовъ добивался-таки своего.

Пани Марина, высокая и когда-то замѣчательно красивая женщина, теперь являлась жалкой развалиной. Обрюзглое лицó, мѣшки подъ глазами, красный носъ, мутный тупой взглядъ большихъ темныхъ глазъ и дрожавшія руки краснорѣчиво свидѣтельствовали, чѣмъ занималась пани Марина въ своихъ пяти комнатахъ, гдѣ у Приваловыхъ былъ устроенъ пріютъ для какого-то бѣглаго архіерея. Обстановка этихъ комнатъ была устроена практическимъ Альфонсомъ Богданычемъ изъ разныхъ остатковъ и обрѣзковъ. Сборная мебель, полинявшія драпировки, слишкомъ старые ковры на полу—все говорило о томъ, что онъ владѣлъ золотой способностью создавать изъ ничего.

— Только одно слово, пани Марина, а иначе—я погибъ... Только одно слово. О, пани все на свѣтѣ знаетъ... пани все видѣла, пани стóитъ сказать одно слово, и мы всѣ спасены.

Сдѣлавъ таинственное лицо, Альфонсъ Богданычъ подходилъ на цыпочкахъ къ пани Маринѣ, наклонялся къ самому уху и шепталъ сладко и льстиво:

— О! Пани Марина, кто же не знаетъ, что вы первая красавица... во всей Польшѣ первая!.. Да... И лучше всѣхъ танцовали мазурочки, и одѣвались лучше всѣхъ, и всѣ любили пани Марину безъ ума. Пани Марина сердится на меня, а я маленькій человѣкъ и дѣлалъ только то, чего хотѣлъ панъ Игнатій.

Послѣ такого вступленія пани Марина наконецъ сдавалась на „одно слово“, и Альфонсъ Богданычъ выпытывалъ изъ нея все, что̀ ему было нужно. Они бесѣдовали по цѣлымъ часамъ самымъ мирнымъ образомъ, какъ самые лучшіе друзья, и пани Марина оставалась очень довольна, разсматривая принесенные Альфонсомъ Богданычемъ образчики разныхъ матерій и планъ забавокъ.

— Мы откроемъ балъ полонезомъ Огинскаго, — рапортовалъ онъ, подпрыгивая на своемъ стулѣ.—Для паненки Зоси костюмъ изъ желтаго атласа... Для пары нарочно выписываемъ изъ Сибири одного шляхтича: от-то танцуетъ!..

Пани Марина сдѣлала вопросительное лицо, и Альфонсъ Богданычъ поспѣшилъ поправиться.

— О, конечно, онъ не такъ хорошо танцуетъ, какъ танцовали кавалеры съ пани Мариной... Но панъ Игнатій хочетъ видѣть настоящую мазурку, знаете, мазуръ Хлопицкаго?.. Не мазура Контскаго, а мазуръ Хлопицкаго... Паненка Зося не знаетъ про кавалера... Сюрпризъ, все сюрпризъ, вездѣ сюрпризъ...

Это извѣстіе оживило пани Марину, и она отнеслась къ счастливой мысли Альфонса Богданыча съ глубокимъ участіемъ и обѣщала свою помощь и всякое содѣйствіе.

Зося хотя и не отказывалась давать совѣты Альфонсу Богданычу, но у нея на душѣ совсѣмъ было не то. Она рѣдко выходила изъ своей комнаты и была необыкновенно задумчива. Такую перемѣну въ характерѣ Зоси раньше всѣхъ замѣтилъ, конечно, докторъ, который не переставалъ осторожно наблюдать свою бывшую ученицу изо дня въ день.

— Я совѣтовалъ бы вамъ ежедневно проводить непремѣнно два-три часа на воздухѣ, — говорилъ докторъ.

— Хорошо...—какъ-то безучастно соглашалась Зося.—А что, какъ здоровье Nadine? Вы давно у нихъ были, Борисъ Григорьичъ?

Зося сдѣлалась необыкновенно внимательна въ послѣднее время къ Надеждѣ Васильевнѣ и часто заѣзжала навѣстить ее, поболтать или увезти вмѣстѣ съ собой кататься. Такое вниманіе къ подругѣ было тоже новостью, и докторъ не могъ не замѣтить, что во многомъ Зося старается копировать Надежду Васильевну, особенно въ обстановкѣ своей комнаты, которую теперь загромоздила книгами, гравюрами серьезнаго содержанія и совершенно новой мебелью, очень скромной и тоже „серьезной“. Только съ двумя привычками Зося была не въ силахъ разстаться: это со своими лошадьми и съ тысячью тѣхъ милыхъ, очень дорогихъ и совершенно ненужныхъ бездѣлушекъ, которыми украшены были въ ея комнатѣ всѣ столы, этажерки и даже подоконники. Между прочимъ, въ новой обстановкѣ, которую устраивала себѣ Зося, обходилось не безъ курьезовъ: такъ, рядомъ съ портретомъ Дарвина на стѣнѣ помѣщался портретъ какого-то англійскаго скакуна, подъ бюстомъ Шиллера красовался англійскій жокей и т. д. Комната Зоси выходила окнами на дворъ, на сѣверъ; ее не могли заставить перемѣнить эту комнату на другую, болѣе свѣтлую и удобную, потому что изъ своей комнаты Зося всегда могла видѣть все, что дѣлалось на дворѣ, т.-е. собственно лошадей.

— Въ васъ есть небольшая перемѣна... — осторожно пробовалъ навести разговоръ докторъ.

— Понятное дѣло, Борисъ Григорьичъ: намъ пора и за умъ приниматься, а не все прыгать на одной ножкѣ, — довольно грубо отвѣтила Зося, но сейчасъ же поправилась. — Вы, милый мой докторъ, тысячу разъ ужъ извините меня впередъ... Я постоянно оказываю вамъ самую черную неблагодарность. Вы вѣдь извините меня? да?..

„Нервы“,—думалъ про себя докторъ, напрасно стараясь придумать какое-нибудь средство, чтобы оживить Зосю.

Впрочемъ, Зося оживлялась и сама, когда у нихъ въ домѣ бывалъ Лоскутовъ. Онъ зимой часто пріѣзжалъ въ Узелъ и бывалъ у Ляховскихъ. Игнатій Львовичъ постоянно твердилъ дочери:—„Это рѣдкій экземпляръ, Зося...

очень рѣдкій. И замѣчательно умный экземпляръ. Совѣтую тебѣ поближе сойтись съ нимъ. Общество умныхъ людей — самая лучшая школа". Зося по-своему пользовалась совѣтами отца и дурачилась въ присутствіи Лоскутова, какъ сумасшедшая. Ее забавлялъ этотъ философъ не отъ міра сего, и она въ его присутствіи забывала свою скуку. Надежда Васильевна иногда встрѣчалась съ Лоскутовымъ у Ляховскихъ, и они втроемъ проводили очень весело время.

Половодовъ и Викторъ Васильичъ нѣсколько разъ заглядывали къ Зосѣ и пытались настроить хозяйку по-старому, но дѣло не клеилось. Зося скучала въ ихъ обществѣ, и „Моисей" наконецъ рѣшилъ, что она совсѣмъ „прокисла и обабилась". Отдѣлаться отъ Половодова было не такъ легко, потому что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ терпѣніе ходить по пятамъ цѣлые мѣсяцы сряду. Чтобы попасть въ тонъ новаго настроенія, которое овладѣло Зосей. Половодовъ въ свободное время почитывалъ серьезныя статейки въ журналахъ и даже заглядывалъ въ ученыя книги. Главнымъ двигателемъ здѣсь являлось задѣтое самолюбіе, потому что Половодовъ, какъ всѣ мелкіе эгоисты, не переносилъ соперничества и лѣзъ изъ кожи, чтобы взять верхъ. Но на этотъ разъ послѣднее было довольно трудно сдѣлать, потому что въ философіи Половодовъ смыслилъ столько же, сколько и въ санскритскомъ языкѣ.

„Дуритъ дѣвка,—нѣсколько разъ ворчалъ мученикъ науки, ломая голову надъ Шопенгауэромъ.—И нашла чѣмъ заниматься... Тьфу!.. Просто замужъ ей пора, вотъ и бѣсится съ жиру..."

Зося, конечно, давно уже замѣтила благородныя усилія Половодова, и это еще больше заставляло ее отдавать предпочтеніе Лоскутову, который ничего не подозрѣвалъ. Послѣднее однако не мѣшало ему на всѣхъ пунктахъ разбивать Половодова каждый разъ, когда тотъ дѣлалъ противъ него ученую вылазку. Даже софизмы и самыя пикантныя bons mots не помогали, а Зося заливалась самымъ веселымъ смѣхомъ, когда Половодовъ наконецъ принужденно смолкалъ.

За нѣсколько дней до бала Зося въ категорической формѣ объявила доктору, чтобы Лоскутовъ непремѣнно былъ въ числѣ гостей.

— Вотъ ужъ этого я никакъ не могу вамъ обѣщать,—попробовалъ упереться докторъ.—Вы сами знаете, что Лоскутовъ порядочный нелюдимъ и на балахъ совсѣмъ не бываетъ... Не тащить же мнѣ его силой, Зося?

— Скажите проще, что вы совсѣмъ не желаете исполнить мою просьбу?— настаивала Зося съ обычнымъ упрямствомъ.—Тогда я обращусь къ Александру Павлычу, наконецъ къ Альфонсу Богданычу...

— Хорошо, я передамъ ваше непремѣнное желаніе Лоскутову.

— Ахъ, вотъ за это я васъ люблю, Борисъ Григорьичъ... Какъ и чѣмъ прикажете благодарить? Я вамъ что-нибудь вышью...

— Все это хорошо, но я, право, не понимаю такихъ неопредѣленныхъ желаній,—серьезно говорилъ докторъ.—Тѣмъ болѣе, что мы можемъ показаться навязчивыми. Это дѣтскій капризъ...

— И пусть будетъ капризъ! Если я этого хочу, докторъ?

Доктору оставалось только пожать плечами, а Зося надула свои пухлыя губки и уже зло проговорила:

— Хорошо, пусть будетъ по-вашему, докторъ... Я не буду дѣлать особенныхъ приглашеній вашему философу, но готова держать пари, что онъ будетъ на нашемъ балѣ... Слышите—непремѣнно! Идетъ пари? Я вамъ вышью феску, а вы мнѣ... позвольте, вы мнѣ подарите ту статуэтку изъ терракоты, помните, ребенка, который снимаетъ съ ноги чулокъ и падаетъ. Согласны?..

— Хорошо,—согласился докторъ, протягивая руку, и, пристально взглянувъ на расширенные зрачки Зоси, подумалъ:—„Нѣтъ, это ужъ не нервы, а что-нибудь посерьезнѣе...“

Всѣ эти хлопоты, которыя переживались всѣми въ старомъ привалов-скомъ домѣ, какъ-то не касались только самого хозяина, Игнатія Львовича. Ему было не до того. Пролетка Веревкина чуть не каждый день останавливалась предъ подъѣздомъ, самъ Nicolas грузно высаживалъ свою „натуру“ изъ экипажа и, поднявшись съ трудомъ во второй этажъ, медвѣдемъ вваливался въ кабинетъ Игнатія Львовича.

— Какъ драгоцѣннѣйшее здравіе почтеннѣйшаго Игнатія Львовича? — басилъ Nicolas, пожимая сухую, тонкую руку Ляховскаго своей пятерней.

— Ахъ, это вы!.. — удивлялся каждый разъ Ляховскій и, схватившись за голову, начиналъ причитать какимъ-то бабьимъ голосомъ: — Опять жилы изъ меня тянуть... Уморить меня хотите, да, уморить... О, вы меня сведете съ ума съ этимъ проклятымъ дѣломъ! Непремѣнно сведете... я чувствую, что у меня въ головѣ уже образовалась пустота.

— Если въ головѣ, то это еще не велика бѣда,—шутилъ Nicolas, разваливаясь въ креслѣ съ видомъ человѣка, который пришелъ въ свою комнату.—А вотъ насчетъ дѣльца позвольте...

— Да вѣдь я вамъ говорилъ, что ничего не знаю, что всѣ бумаги у Половодова... Съ него и спрашивайте.

— Александръ Павлычъ говоритъ наоборотъ, именно, что всѣ документы, какъ по надѣлу мастеровыхъ Шатровскаго завода, такъ и по замежеванію башкирскихъ земель, хранятся у васъ.

— Нѣтъ, у меня ничего нѣтъ,—какимъ-то упавшимъ голосомъ отвѣчалъ Ляховскій, дѣлая птичье лицо.

— Нѣтъ, документы у васъ.

— Я же говорю вамъ, что ничего у меня нѣтъ.

— А я вамъ повторяю, что у васъ, и не выйду изъ вашего кабинета, пока вы мнѣ ихъ не покажете.

— Это разбой, дневной разбой!..—вскрикивалъ Ляховскій, начиная бѣгать по кабинету своимъ сумасшедшимъ шагомъ.

Веревкинъ преспокойно покуривалъ сигару, выжидая, когда наконецъ Ляховскому надоѣстъ бѣсноваться. Побѣгавъ съ полчаса, Ляховскій вдругъ останавливался и веселымъ тономъ, какъ человѣкъ, только-что нашедшій потерянную вещь, объявлялъ:

— Николай Иванычъ... Да вѣдь эти проклятые документы должны храниться въ дворянскомъ опекунскомъ управленіи, въ Моховѣ. Да, да... Я хорошо это помню. Отлично помню...

Веревкинъ, вмѣсто отвѣта, вынималъ изъ своего портфеля отношеніе моховскаго дворянскаго опекунскаго управленія за № 1348; въ немъ объявлялось, что искомыхъ документовъ въ опекѣ налицо не имѣется. Ляховскій читалъ это отношеніе черезъ свои очки нѣсколько разъ самымъ тщательнымъ образомъ, просматривая бумагу къ свѣту, нѣтъ ли гдѣ подскобленнаго мѣста, и наконецъ объявлялъ:

— Это вы сами написали, Николай Иванычъ...

— Игнатій Львовичъ, вы, кажется, считаете меня за какого-то шута гороховаго? А не угодно ли вамъ показать опись, по которой вы получали бумаги и документы при передачѣ опекунскихъ дѣлъ?

— Какую опись?

— Да вѣдь вы опекунъ!

— Опекунъ. Ахъ, позвольте... Нужно спросить Василія Назарыча, онъ долженъ помнить...

— Онъ говоритъ, что передалъ всѣ документы вамъ.

— Не можетъ быть... Вы ослышались, Николай Иванычъ!..

Подобная комедія повторялась чуть не изо дня въ день въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Сначала пробовалъ хлопотать самъ Привалова, но ничего не могъ добиться и махнулъ рукой, передавъ дѣло Веревкину. Ляховскій дошелъ до того, что даже прятался отъ Веревкина и, какъ былъ въ своемъ ваточномъ пальто и въ туфляхъ, въ такомъ костюмѣ и улепетывалъ куда-нибудь въ садъ или въ конюшни. Этотъ остроумный маневръ нѣсколько разъ спасалъ Ляховскаго отъ нападеній Nicolas, пока послѣдній съ своей стороны не придумалъ нѣкотораго фокуса. Веревкинъ звонилъ у подъѣзда и, пока Палька отворялъ двери, онъ рысью обѣгалъ домъ и караулилъ въ воротахъ, когда Ляховскій побѣжитъ отъ него черезъ дворъ. Тутъ остроумный адвокатъ орломъ налеталъ на свою добычу, и опять начиналась та же сказка про бѣлаго бычка, т.-е. разговоръ о документахъ.

— Вамъ будетъ плохо, — предупредилъ Веревкинъ Ляховскаго за нѣсколько дней до бала. — Отдавайте добромъ.

— Послушайте, Николай Иванычъ, — мягко отвѣтилъ Ляховскій. — Отчего Сергѣй Александрычъ самъ не хочетъ прійти ко мнѣ?.. Мы, можетъ-быть, и столковались бы по этому дѣлу.

— Да вѣдь онъ у васъ былъ не одинъ десятокъ разъ, и все-таки изъ этого ничего не вышло, а теперь онъ передалъ все дѣло мнѣ и требуетъ, чтобы все было кончено немедленно. Понимаете, Игнатій Львовичъ: *не-мед-лен-но*... Кажется, ужъ будетъ бобы-то разводить. Да Привалова и въ городѣ нѣтъ совсѣмъ, онъ уѣхалъ на мельницу.

По вечерамъ въ кабинетѣ Ляховскаго происходилъ иногда такой разговоръ между самимъ хозяиномъ и Половодовымъ:

— Я больше не могу, Александръ Павлычъ, — усталымъ голосомъ говорилъ Ляховскій. — Этотъ Веревкинъ пристаетъ съ ножомъ къ горлу.

— Немножко еще потерпите, Игнатій Львовичъ, — отвѣчалъ Половодовъ, вытягивая свои длинныя ноги. — Вѣдь вы знаете, что для насъ теперь самое важное — выиграть время... А когда Оскаръ Филипычъ устроитъ все дѣло, тогда мы съ Николаемъ Иванычемъ не такъ заговоримъ.

— Оскаръ Филипычъ, Оскаръ Филипычъ, Оскаръ Филипычъ... А что, если вашъ Оскаръ Филипычъ подведетъ насъ? И какая странная идея пришла въ голову этому Привалову... Вотъ ужъ чего никакъ не ожидалъ! Какая-то филантропія...

— Это намъ на руку: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало. А вы слышали, что дѣла у Василія Назарыча швахъ?..

— О, да, слышалъ... Вѣдь вотъ, подумаешь, какой странный случай вышелъ! — удивлялся Ляховскій.

— Ничего страннаго нѣтъ, а, наоборотъ, самое естественное дѣло. Вѣдь еще вопросъ, откуда у Бахарева капиталы...

— Нѣтъ, это вы ужъ напрасно, — вступился Ляховскій. — Я знаю слишкомъ хорошо Василія Назарыча и могу поручиться за него...

— Это плохое доказательство. Вотъ я за васъ сегодня поручусь, а вы меня завтра ко дну спустите... Вѣдь спустите и не поморщитесь. Ха-ха!.. Нисколько не обижусь, поелику homo homini lupus est. Кстати, у васъ на Святкахъ балъ готовится? Отличное дѣло...

— Да, балъ, — упавшимъ голосомъ повторялъ Ляховскій. — Деньги, деньги и деньги... И какой дуракъ придумалъ эти балы?!

XVI.

Наконецъ наступилъ и многознаменательный день бала. Весь Узелъ, т.-е. узловскій beau monde, былъ поднятъ на ноги съ ранняго утра. Бѣдныя модистки не спали наканунѣ цѣлую ночь, дошивая бальныя платья. Хіонія Алексѣевна не выходила отъ Веревкиныхъ, гдѣ рѣшался капитальный вопросъ о костюмѣ Аллы. Вѣроятно, ни одинъ генералъ, даже предъ самымъ серьезнымъ дѣломъ, никогда не выказалъ такой тонкой сообразительности и находчивости. Каждая мелочь была обсуждена на предварительномъ совѣщаніи, затѣмъ въ проектѣ, потомъ производился маленькій опытъ, и наконецъ слѣдовало окончательное рѣшеніе, которое могло быть обжаловано во второй инстанціи, то-есть когда всѣ эти незамѣтныя мелочи будутъ примѣрены Аллой въ общемъ.

— Ахъ, душечка, не поднимайте плечи — упрашивала Хіонія Алексѣевна Аллу: — вотъ у васъ въ этомъ мѣстѣ, у лопатки, дѣлается такая некрасивая яма... Необходимо слѣдить за собой.

— Какія глупости... — грубила Алла. — Вы меня муштруете, какъ пожарную лошадь.

— Послѣ сами благодарить будете за науку, — трещала Хина. — Никто своего счастья не знаетъ... Не все богатымъ невѣстамъ за богатыхъ жениховъ выходить, и мы не хуже ихъ. Не такъ ли, Агриппина Филипьевна? Деньги — какъ вода: пришли и ушли, только и видѣлъ... Сегодня богатая невѣста, а завтра... Ахъ, я, кажется, не дождусь до вечера, чтобы посмотрѣть на Nadine Бахареву, на эту гордячку. Такъ интересно, такъ интересно... А Приваловъ-то, представьте, вѣдь онъ былъ влюбленъ въ нее... да-а!.. И гдѣ только глаза у этихъ мужчинъ... Конечно, Приваловъ очень умный человѣкъ, и теперь, кажется, одумался.

Приваловъ тоже готовился къ балу, испытывая довольно пріятное волненіе. Онъ думалъ о томъ, что увидитъ сегодня Надежду Васильевну. Зачѣмъ, для чего все это — Приваловъ не хотѣлъ даже думать, отдаваясь волнѣ, которая опять подхватила и понесла его. Предъ Рождествомъ Приваловъ почти все время провелъ въ Гарчикахъ; къ Бахаревымъ онъ заходилъ раза два, но все какъ-то неудачно: въ первый разъ Надежда Васильевна не показалась изъ своей комнаты, во второй она куда-то уѣхала только-что предъ нимъ. Ипатъ, кажется, не раздѣлялъ веселыхъ чувствъ своего барина и все время тяжело вздыхалъ, пока помогалъ барину одѣваться, т.-е. ронялъ вещи, поднималъ ихъ, задѣвалъ ногами за мебель и т. д.

Ночь была ясная, морозная; небо точно обсыпано брильянтовой пылью. Снѣгъ свѣтился синеватыми искрами. Приваловъ давно не испытывалъ такого бодраго и счастливаго настроенія, какъ сегодня, и съ особеннымъ удовольствіемъ вдыхалъ полной грудью морозный воздухъ.

Въ передней стояла настоящая давка, хотя Приваловъ пріѣхалъ довольно рано. Кромѣ двухъ горныхъ инженеровъ и одного адвоката, съ которыми Приваловъ встрѣчался у Половодова, все былъ незнакомый народъ. Разодѣтыя дамы поднимались по лѣстницѣ, шелестя длинными шлейфами. Приваловъ чувствовалъ, что онѣ испытываютъ такое же пріятное волненіе, какое испытывалъ онъ самъ; это видно было по лихорадочно свѣтившимся глазамъ, по нервнымъ движеніямъ. Особенно одна молоденькая дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, обратила на себя вниманіе Привалова. Не было сомнѣнія, что это былъ ея первый выѣздъ, и дебютантка такъ мило конфузилась и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, она была такъ счастлива... Приваловъ чувствовалъ, что у нея отъ слишкомъ сильнаго возбужденія руки и ноги не повиновались и точно мѣшали, когда хотѣлось вспорхнуть и улетѣть подъ звуки доносившейся изъ главной залы музыки. Молодыя собаки испытываютъ то же самое на первой охотѣ, но Привалову показалось такое сравненіе слишкомъ грубымъ.

— Вотъ васъ-то только и недоставало, Сергѣй Александрычъ! — кричали въ два голоса „Моисей“ и Давидъ, подхватывая Привалова подъ руки.

— А что? — справился Приваловъ, съ любопытствомъ поглядывая на завитыхъ, какъ барашки, благопріятелей.

— Хотите визави? — предлагалъ „Моисей“.

— Я не танцую.

— Это еще что за новости... Вы шутите? Пойдемте, батенька, приглашайте поскорѣе, есть тутъ одна докторша... спасибо послѣ скажете! Куда вы? Постойте... Ха-ха! Представьте себѣ, этотъ сумасшедшій здѣсь...

— Какой сумасшедшій? — проговорилъ Приваловъ, почувствовавъ что-то непріятное.

— Ну, да этотъ... Лоскутовъ! Ха-ха!.. Вотъ вамъ визави; два сапога — пара...

Приваловъ кое-какъ отдѣлался отъ веселыхъ молодыхъ людей съ шапокляками и побрелъ въ главную залу, гдѣ теперь публика бродила густой шумѣвшей толпой. Извѣстіе, что Лоскутовъ на балѣ, непріятно поразило Привалова. Остановившись въ дверяхъ, онъ обвелъ глазами всю залу. Вездѣ было такъ много свѣта, что Приваловъ даже немного прищурилъ глаза; лица мѣшались въ пестрой разноцвѣтной кучѣ, шевелившейся и гудѣвшей, какъ пчелиный рой. Больше всего Привалова поразила самая зала: онъ даже не узналъ ея. Экзотическая зелень по угламъ, реставрированная живопись, новыя драпировки на окнахъ, навощенный паркетъ, — словомъ, зала, благодаря стараніямъ Альфонса Богданыча, приняла совершенно другой видъ. Въ это время Приваловъ замѣтилъ въ толпѣ знакомую фигуру философа, который шелъ по залѣ съ такимъ видомъ, какъ будто попалъ въ царство тѣней.

„Это она идетъ съ нимъ подъ руку...“—съ тоской подумалъ Приваловъ, стараясь разглядѣть даму въ бѣломъ атласномъ платьѣ, которая шла, опираясь на руку Лоскутова.

— Посмотрите, пожалуйста, какова парочка! — кричалъ „Моисей“, точно вынырнувъ откуда-то изъ-подъ земли. — Видѣли Зосю, какъ она шла съ Лоскутовымъ? Ха-ха...

— Развѣ это была Зося?

— А то какъ же? Конечно, она. Вѣдь взбредетъ же человѣку такая блажь... Я такъ полагаю, что Зося что-нибудь придумала. Недаромъ возится съ этимъ сумасшедшимъ... А вотъ и Хіонія Алексѣевна!—крикнулъ „Моисей“, оставляя Привалова.

По лѣстницѣ величественно поднимались двѣ группы: впереди всѣхъ шла легкими шажками Алла, въ бальномъ платьѣ цвѣта чайной розы, съ голыми руками и пикантнымъ декольтэ. За ней Иванъ Яковличъ, съ улыбкой счастливаго отца семейства, велъ Агриппину Филипьевну, которая была сегодня необыкновенно величественна. Шествіе замыкали Хіонія Алексѣевна и Викторъ Николаичъ.

Приваловъ раскланялся съ дамами и пожалъ тонкую руку Ивана Яковлича, который все время смотрѣлъ на него улыбавшимися глазами.

— Ахъ, сколько публики, сколько публики! — восклицала съ восторгомъ институтки Хіонія Алексѣевна, кокетливо прищуривая глаза. — Вотъ, Сергѣй

Александрычъ, вы сегодня увидите всѣхъ нашихъ красавицъ... Видѣли Аню Пояркову? Высокая, съ черными глазами... О, это такая прелесть, такая прелесть!..

Между прочимъ, Хина успѣла указать глазами на Аллу: дескать, какова дѣвочка, если знаешь толкъ въ женщинахъ. Вся компанія скоро смѣшалась съ публикой, а Приваловъ пошелъ черезъ залу въ боковую комнату. Онъ зналъ, что на рождественскомъ балѣ всегда бываетъ сама пани Марина, и ему хотѣлось ее увидать. Пани Марина шла какъ разъ навстрѣчу вмѣстѣ съ Игнатіемъ Львовичемъ. Она была необыкновенно эффектна въ своемъ гранатовомъ бархатномъ платьѣ, съ красной камеліей въ волосахъ, и отвѣтила на поклонъ Привалова едва замѣтнымъ кивкомъ головы, улыбаясь стереотипной улыбкой хозяйки дома.

— Вы, кажется, незнакомы? — лепеталъ Игнатій Львовичъ, походившій въ своемъ фракѣ на деревяннаго манекена.—Пани Марина, это Сергѣй Александрычъ Приваловъ... рекомендую. Прекрасный молодой человѣкъ, котораго ты непремѣнно полюбишь... Его нельзя не полюбить!

— Очень рада познакомиться,—протянула пани Марина, подавая Привалову свою руку съ обычнымъ жестомъ театральной королевы.

Приваловъ не успѣлъ ничего отвѣтить пани Маринѣ, потому что его заставила обернуться чья-то рука, тянувшая его за плечо. Обернувшись, Приваловъ увидѣлъ Половодовыхъ. Александръ Павлычъ, пожимая руку Привалову, говорилъ:

— Наконецъ-то и вы выглянули на свѣтъ Божій... Тонечка, представь себѣ, Сергѣй Александрычъ не танцуетъ. Мнѣ сейчасъ „Моисей“ докладывалъ...

— Вѣроятно, Сергѣй Александрычъ пошутилъ,—пѣвуче и мягко отвѣтила Антонида Ивановна.—Или, можетъ-быть, Сергѣй Александрычъ стыдится танцовать съ провинціалками, — кокетливо прибавила она, чуть показывая свои бѣлые мелкіе зубы.

Антонида Ивановна показалась Привалову сегодня ослѣпительно красивой, красивой съ ногъ до головы, отъ складокъ платья до послѣдняго волоска.

— Тонечка, извини меня,—торопливо заговорилъ Половодовъ, осторожно освобождая свой локоть изъ-подъ руки жены. — Я сейчасъ... только на одну минуточку оставлю тебя съ Сергѣемъ Александрычемъ.

Антонида Ивановна ничего не отвѣтила мужу, а только медленно посмотрѣла своимъ теплымъ и влажнымъ взглядомъ на Привалова, точно хотѣла сказать этимъ взглядомъ: „Что же вы не предлагаете мнѣ руки? Вѣдь вы видите, что я стою одна...“ Приваловъ предложилъ руку, и Антонида Ивановна слегка оперлась на нее своей затянутой выше локтя въ бѣлую лайковую перчатку рукой.

— Пойдемте въ залу,—предложила Антонида Ивановна, подбирая свободной рукой шлейфъ платья, на который сейчасъ наступилъ какой-то неловкій кавалеръ.

Въ это время Половодовъ вернулся, и по его лицу можно было замѣтить, что онъ очень доволенъ, что сбылъ жену съ рукъ.

— Знаете, кто сегодня всѣхъ красивѣе здѣсь?—спрашивалъ онъ, обращаясь къ Привалову.

— Конечно, Зося и Надежда Васильевна... — отвѣтила Антонида Ивановна, дѣлая равнодушное лицо.

— А вотъ и нѣтъ, Тонечка... Ты видѣла Вѣрочку Бахареву?

— Нѣтъ, а что?

— Положительно, самая красивая дѣвушка здѣсь... Это, кажется, еще первый ея выѣздъ въ свѣтъ. Да, да... Во всемъ видна эта непосредственность, какая-то милая застѣнчивость,—однимъ словомъ, какъ только-что распускающійся бутонъ.

Антонида Ивановна слишкомъ хорошо знала заячью натуру своего мужа и поэтому сомнительно покачала головой. Александръ Павлычъ хвалилъ Вѣрочку, чтобы отвести глаза. Его увлеченіе Зосей не было тайной ни для кого.

— Обратите, пожалуйста, вниманіе на нее, — шепнулъ Половодовъ на ухо Привалову.—Плечи покатыя, грудь... а на спинѣ позвонки чуть-чуть выступаютъ розовыми ямочками. Это бываетъ только у брюнетокъ.

— Вы нынче что-то совсѣмъ не заглядываете къ намъ?— ласково пеняла Антонида Ивановна, когда Половодовъ ушелъ.—То-есть вы бываете по дѣлу у Александра Павлыча и сейчасъ же бѣжите, вѣроятно, изъ страха встрѣтиться со мной...

— Да все какъ-то некогда было,—оправдывался Приваловъ.

— Вотъ ужъ этому никогда не повѣрю,—горячо возразила Половодова, крѣпко опираясь на руку Привалова. — Если человѣкъ что-нибудь захочетъ, всегда найдетъ время. Не правда ли? Да я собственно и не претендую на васъ, потому что кому же охота скучать... Я сама ужасно скучала все время!.. Такъ, тоска какая-то... Все надоѣло.

Антонида Ивановна тихонько засмѣялась при послѣднихъ словахъ, но какъ-то такъ странно, даже немного болѣзненно, что ужъ совсѣмъ не шло къ ея цвѣтущей здоровьемъ фигурѣ. Приваловъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она тихо опустила глаза и сдѣлала серьезное лицо. Они прошли молча всю залу, расталкивая публику и кланяясь знакомымъ. Приваловъ чувствовалъ, что мужчины съ удивленіемъ слѣдили глазами за его дамой и отпускали на ея счетъ разныя пикантныя замѣчанія, какія дѣлаются въ такихъ случаяхъ.

— Сядемте вотъ здѣсь, въ уголокъ, — усталымъ голосомъ проговорила Половодова, опускаясь на бархатный диванчикъ.

Публика раздалась, образуя кругъ, по которому плавными размахами пошли кружиться танцующія пары. Въ этомъ цвѣточномъ вихрѣ мелькнула козлиная бородка „Моисея“, который работалъ ногами съ особеннымъ ожесточеніемъ; затѣмъ пролетѣлъ Давидъ съ бѣлокурой Аней Поярковой; за нимъ молодой докторъ съ румянымъ лицомъ и развѣвавшимися волнистыми волосами. Нѣсколько горныхъ инженеровъ и адвокатовъ, франтъ учитель гимназіи, жандармскій капитанъ, нѣсколько банковскихъ служащихъ—словомъ, обычная танцующая узловская публика. Приваловъ разсмотрѣлъ Вѣрочку, которая въ розовомъ платьѣ вихремъ кружилась по залѣ, совсѣмъ повиснувъ на рукѣ Половодова.

— Посмотрите, вонъ Зося... — шепнула Половодова, указывая вѣеромъ на проходившую мимо парочку...

Зося шла подъ руку съ высокимъ красавцемъ полякомъ, который, въ числѣ другихъ, былъ спеціально выписанъ для бала Альфонсомъ Богданычемъ. Полякъ былъ необыкновенно хорошъ, хорошъ чистотой типа, выдержкой, какой недостаетъ русскому человѣку. Видимо, что онъ былъ въ своей сферѣ, какъ рыба въ водѣ, и шелъ свободной увѣренной походкой, слегка улыбаясь своей дамѣ. Приваловъ видѣлъ, какъ онъ взялъ правой рукой Зосю за талію, но не такъ, какъ другіе, а совсѣмъ особеннымъ образомъ, такъ что Зося слегка наклонилась на его широкую грудь всѣмъ тѣломъ. Свободнымъ движеніемъ полякъ расчистилъ себѣ дорогу и плавными мягкими кругами врѣзался въ кружившуюся толпу.

— Антонида Ивановна, позвольте васъ пригласить!—кричалъ „Моисей“, выпырнувъ изъ толпы.

Антонида Ивановна поднялась, „Моисей“ взялъ ее за талію и сталъ въ позицію. Она черезъ его плечо оглянулась на Привалова и улыбнулась своей загадочной улыбкой. Волна танцующихъ унесла и эту пару.

XVII.

То чувство пріятнаго возбужденія, съ которымъ Приваловъ явился на балъ, скоро смѣнилось неопредѣленнымъ тяжелымъ чувствомъ. Спертый воздухъ, блескъ огней, накоплявшійся удушливый жаръ и общая толкотня скоро утомили Привалова, хотя ему все еще не хотѣлось разстаться со своимъ уголкомъ. Здѣсь онъ былъ защищенъ танцующей публикой отъ того жаднаго вниманія, съ какимъ смотрѣли на него совсѣмъ незнакомые ему люди. Слава его, какъ милліонера, еще не успѣла остыть, и многіе явились на балъ съ спеціальной цѣлью посмотрѣть на него. Приваловъ чувствовалъ это общее, слишкомъ тяжелое для него любопытство въ выраженіи устремленныхъ на него взглядовъ, въ шопотѣ, которымъ провожали его. Ему страстно захотѣлось увидѣть теперь Надежду Васильевну. Съ этою цѣлью онъ поднялся со своего диванчика и сталъ бродить изъ комнаты въ комнату. Скоро онъ увидалъ знакомый профиль и эту гордую умную голову, которая такъ хорошо была поставлена на плечахъ, какъ это можно замѣтить только у античныхъ статуй.

Надежда Васильевна шла съ докторомъ и что-то тихо разсказывала ему. На открытой шеѣ ярко блестѣлъ крошечный брильянтовый крестикъ. Въ русыхъ волосахъ бѣлѣла камелія. Приваловъ внимательно слѣдилъ за ней издали и какъ разъ въ это время встрѣтился глазами съ Хіоніей Алексѣевной, которая шептала что-то на ухо Агриппинѣ Филипьевнѣ и многозначительно улыбнулась, показавъ головой на Привалова. Приваловъ даже покраснѣлъ подъ взглядомъ этихъ почтенныхъ матронъ и испыталъ самое непріятное чувство, какъ будто онъ неожиданно наступилъ на змѣю. Онъ повернулся назадъ.

— Постойте, Сергѣй Александрычъ, — остановилъ Привалова Nicolas, облеченный въ черную пару и бѣлыя перчатки.—Куда это вы бредете?

— Да такъ... Самъ не знаю куда.

— И я тоже... Значитъ, сошлись характерами! Прополземте въ буфетъ, тамъ есть нѣкоторый ликеръ... только какъ онъ называется — позабылъ... Однимъ словомъ, этакая монашеская рецептура: Lacrima Christi или Слезы Маріи Магдалины, что-то въ этомъ родѣ. Вѣдь вы уважаете эти ликеры, батенька... Какъ же, я отлично помню!

Nicolas подхватилъ Привалова подъ руку и потащилъ черезъ рядъ комнатъ къ буфету, гдѣ за маленькими столиками съ зеленью, — тоже затѣя Альфонса Богданыча,—какъ въ загородномъ ресторанѣ, собралась самая солидная публика: предсѣдатель окружнаго суда, высокій старикъ съ сердитымъ лицомъ и щетинистыми бакенбардами; два члена суда, одинъ тонкій и длинный, другой толстый и приземистый; прокуроръ Кобяко, съ длинными казацкими усами и съ глазами навыкатѣ; маленькій, вѣчно пьяненькій горный инженеръ; директоръ банка, женатый на сестрѣ Агриппины Филипьевны; нѣсколько золотопромышленниковъ изъ крупныхъ, молодцоватый старикъ-полицеймейстеръ съ военной выправкой и сѣдыми усами, городской голова изъ расторговавшихся ярославцевъ и т. д.

— Одначе здорово народу-то понаперло...—проговорилъ Веревкинъ.

Приваловъ здоровался со знакомыми, не успѣвая отвѣчать на вопросы, которые сыпались на него градомъ. „Да что это вы вздумали строить мельницу, Сергѣй Александрычъ? Охота вамъ, право... И въ клубъ не загляните,— это просто неделикатно!..“ Общее вниманіе смутило Привалова. Онъ многихъ совсѣмъ не зналъ, но его, очевидно, знали всѣ и теперь съ чисто-провинціальнымъ ненасытнымъ любопытствомъ глядѣли во всѣ глаза. Большинство смотрѣло на наслѣдника милліоновъ, какъ на рѣдкую птицу. На нѣкоторыхъ лицахъ мелькало почти враждебное выраженіе. Но общій тонъ все-таки былъ самый дружелюбный, какъ на Руси встрѣчаютъ всякаго новаго человѣка съ громкимъ именемъ, и только привалевская мельница нагоняла облачко на это ясное небо.

— А, чоррть... Брось ты свою мельницу,—лепеталъ пьяный инженеръ, хватая Привалова за рукавъ.—Ей-Богу, брось... Ну ее къ нелегкому!.. А мы тебя лучше женимъ... Господа, давайте женимъ Сергѣя Александрыча; тогда все пойдетъ, какъ по маслу.

— А вѣдь это вѣрно,—отозвался кто-то изъ толпы. — Женимъ... Тогда и въ клубъ будетъ ходить и въ винтъ грѣшнымъ дѣломъ... Ха-ха!.. Ужъ это вѣрно... Да-съ!..

— А вонъ Данилушка нагружается,—замѣтилъ Веревкинъ, тыкая пальцемъ въ уголъ.—Ну что, Данилушка, устроилъ разрѣшеніе вина и елея?

— Разрѣшилъ... —прохрипѣлъ Данилушка.— Вонъ какая компанія набралась: одинъ другого лучше...

Около Данилушки собрался цѣлый кругъ любопытныхъ, изъ которыхъ прежде всего выдѣлялась массивная фигура Лепешкина, а потомъ нѣсколько степенныхъ лицъ неопредѣленныхъ профессій. По костюмамъ можно было замѣтить, что это все былъ народъ зажиточный, откормленный, съ легкимъ купеческимъ оттѣнкомъ.

— Это все наши воротилы и тузы...—шепнулъ Веревкинъ на ухо Привалову.—Толстосумы настоящіе! Вонъ у того, который съ козлиной бородкой, за милліонъ перевалило... Да! А чѣмъ нажилъ, спросите: пустяками. Случай умѣлъ поймать, а тамъ ужъ пошло.

— Сергѣй Александрычъ, за компанію выпить?—предлагалъ Данилушка.

— Благодарю...

— Раздавимъ муху, дуй ее горой,—отозвался Лепешкинъ.

— А... вы здѣсь?—спрашивалъ Половодовъ, продираясь сквозь толпу.— Вотъ и отлично... Человѣкъ, нельзя ли намъ чего-нибудь?.. А здѣсь все свой народъ набрался, — ораторствовалъ онъ, усаживаясь между Приваловымъ и Данилушкой.—Живемъ одной семьей... Такъ, Данилушка?

— Въ лучшемъ видѣ, Александръ Павлычъ... Ужъ такая компанія, можно сказать, такая компанія: весь свѣтъ наскрозь произойди—не найдешь...

— Только вотъ Сергѣя Александрыча недоставало... Ну, теперь онъ отъ насъ не отобьется. Нѣ-ѣтъ, шалишь!

Въ буфетѣ толпились усовершенствованные коммерсанты съ новымъ пошибомъ. Сквозь купеческую основу пробивался новый типъ, который еще не выяснился во всѣхъ деталяхъ. Они держали себя на особицу отъ другихъ купцовъ, къ которымъ относились немного брезгливо; но до настоящаго, кровнаго барина этому полумужичью было еще далеко. Въ покроѣ платья, въ движеніяхъ, въ разговорѣ—вездѣ такъ и прорывалась настоящая крестьянская складка, которой ничто не могло выгравить. Были тутъ крупные хлѣбные коммерсанты, ворочавшіе милліонами пудовъ хлѣба ежегодно, были скуп-

щики сала, пеньки, льняного сѣмени, были золотопромышленники, заводчики и просто крупные капиталисты, ворочавшіе банковскими дѣлами. Приваловъ съ глубокимъ интересомъ всматривался въ этотъ новый для него типъ, который создался и выросъ на нашихъ глазахъ, вмѣстѣ съ новыми требованіями, запросами и вѣяніями новой жизни.

— Все это козырные тузы,—проговорилъ Веревкинъ.- Крѣпкій народъ, а до Ляховскаго да Василья Назарыча далеко... Пороху не хватаетъ.

Приваловъ ничего не отвѣчалъ. Онъ думалъ о томъ, что именно ему придется вступить въ борьбу съ этой всесильной кучкой. Вотъ его будущіе противники, а можетъ-быть, и враги. Вѣрнѣе всего послѣднее. Но пока игра представляла закрытыя карты, и можно было только догадываться, у кого какая масть въ рукахъ.

— Хотите, со всѣми познакомлю?—предлагалъ Веревкинъ, попивая свой ликеръ.—Все мои кліенты.

— Нѣтъ, какъ-нибудь послѣ...

Появилось откуда-то шампанское. Привалова поздравляли съ пріѣздомъ, чокались бокалами, высказывали самыя лестныя пожеланія. Приходилось пить, благодарить за вниманіе и опять пить. Послѣ нѣсколькихъ бокаловъ вина Приваловъ поднялся изъ-за стола и, не обращая вниманія на загораживавшихъ ему дорогу новыхъ друзей, кое-какъ выбрался изъ буфета.

— Ну, теперь идите и любуйтесь нашими красавицами, — отпускалъ Половодовъ свою жертву.—Вѣдь провинція... Полевые цвѣточки, незабудочки. А относительно Вѣрочки не забывайте моего совѣта.

Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, когда вышелъ наконецъ изъ буфета. Въ сосѣдней комнатѣ, черезъ отворенную дверь, видны были зеленые столы съ игроками. Приваловъ замѣтилъ Ивана Яковлича, который сдавалъ карты. Напротивъ него сидѣлъ знаменитый Ломтевъ, крѣпкій и красивый старикъ съ длинной сѣдой бородой, и какой-то господинъ съ зеленымъ лицомъ и взъерошенными волосами. По блѣдному лицу Ивана Яковлича и по крупнымъ каплямъ пота, которыя выступали на его выпукломъ, облизанномъ лбу, можно было заключить, что шла очень серьезная игра.

Приваловъ обошелъ нѣсколько разъ всѣ комнаты, отыскивая Надежду Васильевну и стараясь не встрѣчаться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Тоска навалилась на Привалова съ новой силой... Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ сейчасъ знакомился съ этими людьми и пилъ шампанское?.. „Глупо!“— подумалъ Приваловъ, опускаясь на первый попавшійся на глаза стулъ. Онъ теперь какъ-то безучастно смотрѣлъ на проходившую мимо него публику. Его мысль унеслась въ далекое прошлое, когда въ этихъ самыхъ комнатахъ шелъ пиръ горой для другихъ людей... Вотъ здѣсь веселились всѣ эти Полуяновы, Размахнины, Колпаковы, которые теперь коротаютъ свои дни въ своихъ страшныхъ развалинахъ. Можетъ-быть, и этотъ домъ ждетъ такая же участь въ недалекомъ будущемъ.

— А я васъ давно ищу, Сергѣй Александрычъ, — весело заговорила Надежда Васильевна, останавливаясь передъ Приваловымъ. — Вы, кажется, скучаете?.. Вотъ мой кавалеръ тоже не знаетъ, куда ему дѣваться, — прибавила она съ улыбкой, указывая головой на Лоскутова, который дѣйствительно былъ жалокъ въ настоящую минуту.

Приваловъ подалъ стулъ Надеждѣ Васильевнѣ.

— Вы, вѣроятно, удивляетесь, что встрѣтили меня на этомъ балѣ? — спрашивала дѣвушка, когда Лоскутовъ ушелъ.

— Нисколько... Почему же другіе могутъ быть на балѣ, а вамъ нельзя?

— Да... но при теперешнихъ обстоятельствахъ... Словомъ, вы понимаете, что я хочу сказать. Мнѣ совсѣмъ не до веселья, да и папа не хотѣлъ, чтобы я ѣхала. Но вы знаете, чего захочетъ мама—законъ, а ей пришла фантазія непремѣнно вывозить нынче Вѣрочку... Я и вожусь съ ней въ качествѣ бонны.

— Я видѣлъ давеча, какъ Вѣра Васильевна танцовала... Она производитъ фуроръ.

Надежда Васильевна печально улыбнулась и слегка пожала плечами. Привaловъ видѣлъ, что она что-то хочетъ ему объяснить и не рѣшается. Но онъ былъ такъ счастливъ въ настоящую минуту, такъ глупо счастливъ и, какъ слишкомъ счастливые люди, съ эгоизмомъ думалъ только о себѣ и не желалъ знать ничего болѣе.

— Мазурка!..—пронеслось по всѣмъ заламъ.

— Ахъ, я, кажется, съ кѣмъ-то танцую...—вспомнила Надежда Васильевна, поднимаясь съ мѣста навстрѣчу подходившему кавалеру.

Счастье такъ же быстро улетѣло, какъ и прилетѣло.

XVIII.

Когда съ хоръ захватывающей волной полились звуки мазурки Хлопицкаго, всѣ бросились въ залу, гдѣ танцующія пары выстроились длинной шеренгой. Впереди всѣхъ стоялъ сѣдой, толстый панъ Кухцинскій, знаменитый танцоръ; онъ танцовалъ съ самой пани Мариной. За ними стоялъ молодой красавецъ-полякъ, панъ Жукотынскій съ Зосей; дальше панъ Мозалевскій съ Надеждой Васильевной, Давидъ съ Вѣрочкой, „Моисей“ съ Аней Поярковой, молодой докторъ съ Аллой, Альфонсъ Богданычъ съ Агриппиной Филипьевной и т. д. Расправивъ сѣдой усъ и щелкнувъ каблуками, панъ Кухцинскій пошелъ въ первой парѣ съ тѣмъ шикомъ, съ какимъ танцуютъ мазурку только одни поляки. Публика зашепталась и заахала отъ восторга, любуясь первыми двумя парами. Опьяняющіе звуки мазурки взволновали всѣхъ, и даже изъ буфета и изъ игорной комнаты вышли всѣ, чтобы посмотрѣть на мазурку. Какой-то сѣдой старикъ отбивалъ тактъ ногой; пьяный инженеръ, прищелкивая пальцами и языкомъ, вскрикивалъ какимъ-то бабьимъ голосомъ:

— Лихо... чоррть побери!.. Тара-та-тта, тара-рарра-ра...та! Ихъ!.. Браво, Кухцинскій!.. Лихо, Кухцинскій!..

Мазурка продолжалась около часа; пары утомились, дамы выдѣлывали па съ утомленными лицами и тяжело переводили духъ. Только одни поляки не чувствовали никакой усталости, а танцовали еще съ бо̀льшимъ одушевленіемъ. Привaловъ въ числѣ другой нетанцующей публики тоже любовался этимъ бѣшенымъ танцемъ и даже пожалѣлъ, что самъ не можетъ принять участія въ немъ.

— А вы вотъ гдѣ, батенька, скрываетесь... — заплетавшимся языкомъ проговорилъ надъ самымъ ухомъ Привaлова Веревкинъ; отъ него сильно пахло водкой, и онъ смотрѣлъ кругомъ совсѣмъ осоловѣлыми глазами. — Важно...— протянулъ Веревкинъ и улыбнулся пьяной улыбкой. Привaловъ въ первый еще разъ видѣлъ, что Веревкинъ улыбается,—онъ всегда былъ невозмутимо спокоенъ, какъ всѣ комики по натурѣ.

— Да, недурно,—согласился Привaловъ.

— Недурно?.. Ахъ, вы... Ну, да все это вздоръ!..—добродушно проговорилъ Веревкинъ и, взглянувъ на Привaлова сбоку, прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ: — А я сегодня того... Да, въ приличномъ градусѣ. И, знаете, успѣлъ продуть этому живодеру... ну, Ломтеву... три тысячи. Да... Только я

свои собственныя продулъ, кровныя, а не чужія. А знаете, что я вамъ скажу, Сергѣй Александрычъ? Мы, то-есть я да вы, конечно,—порядочные люди, а изъ остальныхъ... ну, вотъ изъ этихъ, которые танцуютъ и которые смотрятъ, знаете, кто здѣсь еще порядочные люди?

— Очень щекотливый вопросъ, Николай Иванычъ...

— Нѣтъ, не щекотливый... Оставимте церемоніи, Сергѣй Александрычъ. Вонъ смотрите: видите доктора Сараева? Вотъ идетъ съ полной высокой дамой... Докторъ и есть самый порядочный человѣкъ, хотя онъ считаетъ меня за порядочнаго подлеца. Ну, да это все равно: дѣло не во мнѣ, а въ докторѣ. Я его очень уважаю... Потомъ Лоскутовъ порядочный человѣкъ тоже, хотя и не отъ міра сего. Ну, Господь съ нимъ... Вотъ ужъ цѣлыхъ двухъ насчитали. Пожалуй, предсѣдатель суда недурной человѣкъ, только въ немъ живого мѣста нѣтъ: онъ, должно полагать, даже потѣетъ статьями закона... Ей-Богу! „И прінде къ Іисусу законникъ нѣкій...“ Вотъ онъ самый и есть, законникъ-то этотъ, нашъ предсѣдатель. Да!..

Мазурка кончилась сама собой, когда той молоденькой дѣвушкѣ, которую видѣлъ давеча Приваловъ на лѣстницѣ, сдѣлалось дурно. Ее подъ руки увели въ дамскую уборную. Агриппина Филипьевна прошла вся красная, какъ морковь, съ растрепавшимися на затылкѣ волосами. У бѣдной Ани Поярковой оборвали трэнъ, такъ что дамы должны были образовать около нея живую стѣну и только уже подъ этимъ прикрытіемъ увели сконфуженную дѣвушку въ уборную.

Зося шла одна; она отыскивала въ толпѣ кого-то своими горѣвшими глазами... У двери она нашла, кого искала.

— Я устала... — слабымъ голосомъ прошептала дѣвушка, подавая Лоскутову свою руку. — Ведите меня въ мою комнату... Вотъ сейчасъ направо, черезъ голубую гостиную. Если бы вы знали, какъ я устала...

— Не слѣдовало такъ много танцовать,—замѣтилъ Лоскутовъ серьезно.

— По-вашему же сидѣть и скучать, — капризнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка и послѣ небольшой паузы прибавила:—Вы, можетъ-быть, думаете, что мнѣ очень весело... Да? О, нѣтъ, совершенно наоборотъ; мнѣ хотѣлось плакать... Я вѣдь злая и отъ злости хотѣла танцовать до упаду.

По дорогѣ они встрѣтили доктора Сараева.

— Докторъ, помните наше пари? — крикнула Зося, когда докторъ уже прошелъ мимо нихъ.—Вы проиграли...

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на улыбавшееся ему лицо Зоси и задумался.

— Вотъ сюда,—проговорила Зося, указывая Лоскутову на затворенную дверь.

Они вошли въ совсѣмъ пустую комнату со старинной мебелью, обитой краснымъ выцвѣтшимъ бархатомъ. Одна лампа съ матовымъ шаромъ едва освѣщала ее, оставляя въ тѣни углы и открытую дверь въ далекомъ концѣ. Лоскутовъ усадилъ свою даму на небольшой круглый диванчикъ и не зналъ, что ему дѣлать дальше. Зося сидѣла съ опущенными глазами и тяжело дышала.

— Вамъ не принести ли воды?—спросилъ Лоскутовъ.

Зося подняла на него свои чудные глаза, очевидно, не понимая вопроса, а затѣмъ слабо улыбнулась и движеніемъ руки указала Лоскутову мѣсто рядомъ съ собой.

— Здѣсь...—прошептала она, опять опуская глаза.

Лоскутовъ вопросительно посмотрѣлъ на Зосю и осторожно сѣлъ рядомъ.

— Вы считаете меня совсѣмъ пустой дѣвушкой...—заговорила Зося упавшимъ, глухимъ голосомъ.—Я вижу, не отпирайтесь. Вы думаете, что я способна только дурачиться, наряжаться и выѣзжать лошадей. Да? Вѣдь такъ?

— Я не понимаю, къ чему такой разговоръ,—проговорилъ Лоскутовъ.—Я, кажется, ничѣмъ не далъ повода такъ думать...

— Но вѣдь я могла быть другимъ человѣкомъ,—продолжала Зося въ какомъ-то полузабытьѣ, не слушая Лоскутова. — Можетъ-быть, никто такъ сильно не чувствуетъ пустоту той жизни, какою я живу... Этой пустотой отравлены даже самыя удовольствія. Если бы... Вамъ, можетъ-быть, скучно слушать мою болтовню?

— Нѣтъ, наоборотъ... я съ удовольствіемъ...

— А сознайтесь, вѣдь вы никогда даже не подозрѣвали, что я могу задумываться надъ чѣмъ-нибудь серьезно... Да? Вы видѣли только, какъ я дурачилась, а не замѣчали тѣхъ причинъ, которыя заставляли меня дурачиться... Такъ узнайте же, что мнѣ все это надоѣло... все!.. Вся эта мишура, ложь, пустота давятъ меня...

— Но вѣдь въ вашихъ рукахъ всѣ средства, чтобы устроить жизнь совсѣмъ иначе... Вамъ стоитъ только захотѣть...

— А если то, чего я хочу и чего добиваюсь, не въ моей власти?.. Надо мной будутъ смѣяться, если я скажу... будутъ считать сумасшедшей... У меня есть только одинъ преданный человѣкъ, который слишкомъ глубоко любитъ меня и которому я плачу за его чувства ко мнѣ тысячью мелкихъ обидъ, невниманіемъ, собственной глупостью. Этотъ человѣкъ—докторъ... Докторъ все для меня сдѣлаетъ, стоитъ только мнѣ сказать слозо, но *здѣсь* и докторъ безсиленъ. Я пробовала переломить себя, прикрывалась дурачествами, шутками, смѣхомъ и очень рада, что всѣ приняли это за чистую монету.

— Если въ число этихъ всѣхъ вы включаете и меня, это несправедливо,—замѣтилъ Лоскутовъ.—Я нѣсколько разъ думалъ...

— Вы... вы думали обо мнѣ?—съ живостью подхватила Зося, глядя на Лоскутова широко раскрытыми глазами.

— Какъ о всѣхъ другихъ людяхъ...

— Именно?

— Думалъ, что вы иногда желаете серьезно заниматься, можетъ-быть, мечтаете приносить пользу другимъ, а потомъ все это и соскочитъ съ васъ, какъ съ гуся вода... Можетъ-быть, я ошибаюсь, Софья Игнатьевна, но вы сами...

— Ахъ, не то... Меня давятъ обстановка, богатство...

— И тщеславіе...

— И тщеславіе... Я не скрываю. Но знаете, кто сознаётъ за собой извѣстные недостатки, тотъ стоитъ на полдорогѣ къ исправленію. Если бы была такая рука, которая... Ахъ, да, я очень тщеславна! Я преклоняюсь передъ силой, я боготворю ее... Сила всегда оригинальна, она даетъ себя чувствовать во всемъ. Я желала бы быть рабой именно такой силы, которая выходила бы изъ ряду вонъ, которая не нуждается вотъ въ этой мишурѣ, — Зося обвела глазами свой костюмъ и обстановку комнаты:—вѣдь такая сила наполнитъ цѣлую жизнь... она дастъ счастье.

— Зачѣмъ же рабство?

— Рабство... а если мнѣ это нравится? Если это у меня въ крови — органическая потребность въ такомъ рабствѣ. Возьмите то, для чего живетъ заурядное большинство: все это такъ жалко и точно выкроено по одной мѣркѣ. А стоитъ ли жить только для того, чтобы прожить, какъ всѣ другіе люди...

Вотъ поэтому-то я и хочу именно рабства, потому что всякая сила давитъ... Больше: я хочу, чтобы меня презирали и... хоть немножечко любили...

— Я все-таки не понимаю васъ...

Зося закусила губу и нервно откинула свои бѣлокурые волосы, которые разсыпались у нея по обнаженнымъ плечамъ роскошной волной; въ ея красотѣ въ настоящую минуту было что-то захватывающее, неотразимое, это была именно сила, которая властно притягивала къ себѣ. Нужно было быть Лоскутовымъ, чтобы не замѣчать ея волшебныхъ чаръ.

— Мнѣ иногда хочется умереть...—заговорила Зося тихимъ, прерывающимся голосомъ; лицо у нея покрылось розовыми пятнами, глаза потемнѣли.— Проходятъ лучшіе, молодые годы, а между тѣмъ найдется ли хоть одна минута, о которой можно было бы вспомнить съ удовольствіемъ... Все безцѣльно и пусто, вѣчныя будни и ни одной свѣтлой минуты.

Лоскутовъ принужденно молчалъ; розовыя ноздри Зоси раздулись, грудь тяжело колыхнулась.

— Послушайте... — едва слышно заговорила дѣвушка, опуская глаза.— Положимъ, есть такая дѣвушка, которая любитъ васъ... а вы считаете ее пустой, свѣтской барышней, ни къ чему негодной. Что бы вы отвѣтили ей, если бы она сказала вамъ прямо въ глаза: „я знаю, что вы меня считаете пустой дѣвушкой, но я готова молиться на васъ... я буду счастлива собственнымъ униженіемъ, чтобы только смѣть дышать около васъ“.

— Софья Игнатьевна, если вы говорите все это серьезно, — началъ Лоскутовъ, пробуя встать съ дивана, но Зося удержала его за руку. — Мнѣ кажется, что мы не понимаемъ другъ друга и...

— Нѣтъ, вы хорошо понимаете, что я хочу сказать, — задыхавшимся шопотомъ перебила дѣвушка. — Вы хотите... вы добиваетесь, чтобы я первая сдѣлала признаніе... Извольте: я люблю васъ!..

Послѣднюю фразу Зося почти крикнула и, закрывъ лицо руками, покорно ждала смертельнаго удара.

— Софья Игнатьевна... прежде всего—успокойтесь, — тихо заговорилъ Лоскутовъ, стараясь осторожно отнять руки отъ лица.—Поговоримте серьезно... Въ васъ сказалась теперь потребность любви, и вы сами обманываете себя. У васъ совершенно ложный, идеализированный взглядъ на предметъ вашей страсти, а затѣмъ...

— Казните, казните... только скорѣе... и не наносите удара изъ-за угла! Я сказала вамъ, что я, теперь скажите вы про себя, что вы.

— Я не могу отвѣтить вамъ тѣмъ же, Софья Игнатьевна...

Ляховская глухо застонала и съ истерическимъ смѣхомъ опрокинула голову на спинку дивана.

— Вы не можете... Ха-ха!.. И вотъ единственный человѣкъ, котораго я уважала... Отчего вы не скажете мнѣ прямо?.. Вѣдь я умѣла же побороть свой дѣвичій стыдъ и первая сказала, что васъ люблю... Да... а вы даже не могли отплатить простой откровенностью на мое признаніе, а спрятались за пустую фразу. Да, я въ настоящую минуту въ тысячу разъ лучше васъ!.. Я теперь поняла все... *вы любите Надежду Васильевну*... Да?

— Да...—проговорилъ Лоскутовъ, и тѣнь замѣшательства скользнула по его лицу.

— Ну, такъ уходите... ха-ха!.. Нѣтъ, вернитесь.

Съ послѣдними словами Ляховская, какъ сумасшедшая, обхватила своими бѣлоснѣжными, чудными руками шею Лоскутова и покрыла безумными поцѣлуями его лицо...

Балъ кипѣлъ широкой волной, когда по заламъ смутно пронеслась первая вѣсть о какомъ-то происшествіи. Дамы зашептались, улыбки смѣнились серьезнымъ выраженіемъ лицъ. Кто пустилъ первую молву? что̀ случилось? Никто и ничего хорошенько не зналъ. Видѣли только, какъ пробѣжалъ поблѣднѣвшій докторъ куда-то во внутреннія комнаты. Приваловъ, въ числѣ другой публики, испытывалъ общее недоумѣніе и отыскивалъ знакомыхъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Когда онъ проходилъ по одной изъ боковыхъ комнатъ, его догналъ Ляховскій, съ искаженнымъ лицомъ и остановившимся взглядомъ.

— Ради Бога... стаканъ воды!..—хрипѣлъ старикъ, не узнавая Привалова.—Умерла, умерла...

— Кто умеръ, Игнатій Львовичъ?—спросилъ Приваловъ, но Ляховскій не слыхалъ вопроса и бѣжалъ впередъ, схвативъ себя за волосы.

Балъ разстроился, и публика цвѣтной, молчаливой волной поплыла къ выходу. Приваловъ побрелъ въ числѣ другихъ, отыскивая Надежду Васильевну. На лѣстницѣ онъ догналъ Половодову, которая шла одна, подобравъ одной рукой трэнъ своего платья.

— Вы не знаете, Антонида Ивановна, что̀ случилось? — спрашивалъ Приваловъ.

— Пустяки: Зося упала въ обморокъ...—какъ-то нехотя отвѣтила Половодова.

Приваловъ предложилъ ей руку и помогъ спуститься по лѣстницѣ; въ передней онъ отыскалъ шубу, помогъ ей надѣть и напрасно отыскивалъ глазами Половодова.

— Вы, кажется, кого-то отыскиваете, Сергѣй Александрычъ?

— Да, я что-то не вижу Александра Павлыча...

— И не убидите, потому что онъ теперь ждетъ наверху, чѣмъ кончится обморокъ Зоси, а меня отпустилъ одну... Проводите, пожалуйста, меня до моего экипажа, да кстати надѣньте шубу, а то простудитесь.

Когда къ подъѣзду подкатила съ зажженными фонарями карета Половодова и Антонида Ивановна помѣстилась въ нее, Приваловъ протянулъ ей руку проститься, но Антонида Ивановна не подала своей, а отодвинувшись въ дальній уголъ кареты, указала глазами на мѣсто около себя. Дверцы захлопнулись, и карета, скрипя по снѣгу полозьями, бойко полетѣла вдоль по Нагорной улицѣ; Приваловъ почувствовалъ, какъ къ нему безмолвно прильнуло красивое женское лицо и теплыя пахучія руки обняли его шею. Настала минута опьяняющаго, сладкаго безумія; она нахлынула на Привалова съ захватывающимъ бѣшенствомъ, и онъ потерялъ голову.

— Когда мы подъѣдемъ, то выйди у подъѣзда, а потомъ черезъ полчаса я тебѣ сама отворю двери...—шептала Половодова, когда карета катилась мимо бахаревскаго дома.—Александръ домой пріѣдетъ только утромъ... У нихъ сегодня въ „Магнитѣ“ будетъ разливанное море. Тебя, вѣроятно, приглашали туда?

— Да.

— Ты обѣщалъ?

— Да... чтобы отвязаться.

Половодова на минуту задумалась, а потомъ съ лѣнивой улыбкой проговорила:

— Если тебя Александръ спроситъ, почему ты не пріѣхалъ въ „Магнитъ“, сообщи ему подъ секретомъ, что у тебя было назначено rendez-vous съ одной замужней женщиной. Вѣдь онъ глупъ и не догадается...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Тяжелые дни переживались въ старомъ бахаревскомъ домѣ.

Деньги ушли въ тотъ провалъ, въ которомъ были похоронены раньше сотни тысячъ, а пріиски требовали новыхъ денегъ. Шелеховъ кутилъ, не показываясь въ бахаревскомъ домѣ по цѣлымъ недѣлямъ: онъ теперь пропадалъ вмѣстѣ съ Викторомъ Васильичемъ. Курсы Василія Назарыча въ средѣ узловской денежной братіи начали быстро падать, и его векселя, въ первый разъ въ жизни, Узловско-Моховскій банкъ отказался учитывать. Василій Назарычъ этимъ не особенно огорчился, но онъ хорошо видѣлъ, откуда былъ брошенъ въ него камень: этотъ отказъ былъ произведеніемъ Половодова, который по своей натурѣ способенъ былъ наносить удары только изъ-за угла. Петля затягивалась, и положеніе съ часу на часъ дѣлалось безвыходнѣе. Выплыли на свѣтъ Божій, Богъ знаетъ откуда, какіе-то старые векселя и платежи, о которыхъ старикъ давно забылъ. Приходилось отдавать послѣдніе гроши, чтобы поддержать имя въ торговомъ мірѣ. Пока единственнымъ спасеніемъ для Бахарева было то, что наступившая зима, вмѣстѣ съ пріостановкою работъ на пріискахъ, дала ему передышку въ платежахъ по текущимъ счетамъ; но тѣмъ страшнѣе было наступленіе весны, когда, вмѣстѣ съ весенней водой, ключомъ закипитъ горячая работа на всѣхъ пріискахъ. Гдѣ добыть денегъ къ этому времени, чтобы по самому послѣднему зимнему пути уѣхать на пріиски?

Съ половины января здоровье Василія Назарыча начало замѣтно поправляться, такъ что онъ, съ помощью костыля, могъ бродить по комнатамъ.

— Теперь вы даже можете съѣздить куда-нибудь,—предложилъ докторъ.—Моціонъ необходимъ для васъ...

Это предложеніе доктора обрадовало Бахарева, какъ ребенка, которому, послѣ долгой ненастной погоды, позволили наконецъ выйти на улицу. Съ нетерпѣніемъ всѣхъ больныхъ, засидѣвшихся въ четырехъ стѣнахъ, онъ воспользовался случаемъ и сейчасъ же рѣшилъ ѣхать къ Ляховскому, у котораго не былъ очень давно.

— Папа, удобно ли тебѣ будетъ ѣхать туда? — пробовала отговорить отца Надежда Васильевна.—Зося все еще больна, и самъ Игнатій Львовичъ не выходитъ изъ своего кабинета. Я третьяго-дня была у нихъ...

— Нѣтъ, мнѣ необходимо видѣть Ляховскаго,—упорствовалъ старикъ и велѣлъ Лукѣ подавать одѣваться.

Лука, шепча молитвы, помогъ барину надѣть сюртукъ и потихоньку нѣсколько разъ перекрестился про себя. „Ужъ только бы барину ноги, а тутъ все будетъ по-нашему“,—соображалъ старикъ, въ послѣдній разъ оглядывая его со всѣхъ сторонъ.

— Ну что, Лука, я сильно похудѣлъ?—спрашивалъ Василій Назарычъ, съ костылемъ выходя въ переднюю.

— Какъ будто изъ лица немного поспали, Василій Назарычъ... А такъ-то еще и молодого, который похуже, затопчете.

Василій Назарычъ давно не испытывалъ такого удовольствія, какъ сегодня. Его все радовало кругомъ,—и морозный зимній день, и бѣжавшіе пѣшеходы съ красными носами, и легкій ходъ рысака, и снѣжная пыль, которой обдало его въ одномъ ухабѣ. Всѣ заботы и непріятности послѣдняго времени

онъ точно разомъ оставилъ въ своемъ старомъ домѣ и теперь только хотѣлъ дышать свѣжимъ, вольнымъ воздухомъ, летѣть впередъ съ быстротой вѣтра, чтобы духъ захватывало. „Жаль, что Надю не захватилъ съ собой,— думалъ старикъ, когда его щегольскія лакированныя сани съ медвѣжьей полстью стрѣлой неслись мимо домика Заплатиной.—Она все сидитъ дома, бѣдняжка, а тутъ хоть прокатилась бы со мной... Какъ это я позабылъ, право!“

Въ передней Бахарева встрѣтилъ неизмѣнный Палька, который питалъ непреодолимую слабость къ „настоящимъ господамъ“. Онъ помогъ гостю подняться на лѣстницу и, пока Бахаревъ отдыхалъ на первой площадкѣ, успѣлъ сбѣгать въ кабинетъ съ докладомъ.

— Вотъ не ожидалъ!.. — кричалъ Ляховскій навстрѣчу входившему гостю.—Да для меня это праздникъ... А я, Василій Назарычъ, увы!..—Ляховскій только указалъ глазами на кресло съ колесами, въ которомъ сидѣлъ. — Совсѣмъ развинтился... Ужъ извините меня, ради Бога! Тогда эта болѣзнь Зоси такъ меня разбила, что я совсѣмъ приготовился отправляться на тотъ свѣтъ, да вотъ докторъ еще придержалъ немного здѣсь...

— Я слышалъ о болѣзни Софьи Игнатьевны и отъ души пожалѣлъ васъ,—говорилъ Бахаревъ, пожимая руку Ляховскаго.

— Да, да... Благодарю васъ. Надежда Васильевна не забываетъ насъ... Это—ангелъ, ангелъ!.. Я завидую вамъ, какъ счастливѣйшему изъ отцовъ...

Ляховскій глубоко вздохнулъ и печально прибавилъ:

— Вотъ, Василій Назарычъ, наша жизнь: сегодня живъ, хлопочешь, заботишься, а завтра тебя унесетъ волной забвенья... Что такое человѣкъ? Прахъ, пепелъ... Пахнуло вѣткомъ — и человѣка не стало, вмѣстѣ со всей его паутиной заботъ, каверзъ, расчетовъ, добрыхъ дѣлъ и пустяковъ!..

Краснорѣчиво и горячо Ляховскій развилъ мысль о ничтожности человѣческаго существованія, коснулся слегка загробной жизни и грядущей отвѣтственности за всѣ свои дѣла и помышленія и съ той же легкостью перешелъ къ настоящему, то-есть къ процессу, которымъ грозилъ теперь опекѣ Веревкинъ.

— Я не понимаю нынѣшнихъ молодыхъ людей, — рѣшилъ Ляховскій и сейчасъ же завелъ рѣчь о другомъ, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на Бахарева этотъ разговоръ объ опекѣ.

Ляховскій расходился до того, что даже велѣлъ подавать завтракъ къ себѣ въ кабинетъ, что ужъ совсѣмъ не было въ его привычкахъ. Необыкновенная любезность хозяина тронула Бахарева, хотя вообще онъ считалъ Ляховскаго самымъ скрытнымъ и фальшивымъ человѣкомъ; ему понравилась даже та форма, въ которой Ляховскій между словъ успѣлъ высказать, что ему все извѣстно о положеніи дѣлъ Бахарева.

— Все устроится понемногу, дорогой Василій Назарычъ,—успоканвалъ своего гостя Ляховскій.—Главное—здоровье, а наши дѣла, какъ погода,—то вёдро, то ненастье...

— Да, именно, меня по рукамъ и по ногамъ связывала моя болѣзнь...

— О, конечно... Всѣ увѣрены въ томъ, что, будь вы сами на пріискахъ прошлое лѣто, ничего не произошло бы. Это маленькое испытаніе... Да! Чѣмъ бы сдѣлалась наша жизнь, если бы подобными испытаніями насъ не встряхивало постоянно. Просто заплѣсневѣли бы, и только. Взять мое положеніе: вы знаете, какъ я люблю Зосю... Вѣдь она у меня одна, одна, Василій Назарычъ!.. И вдругъ такой ударъ... Я думалъ, что сойду съ ума... Скажите, за что такое испытаніе послано именно мнѣ? Покорился, перенесъ... и теперь считаю секунды, когда ей сдѣлается лучше... На доктора всѣ надежды!..

— Софьѣ Игнатьевнѣ, какъ я слышалъ, лучше?

— Ничего неизвѣстно, Василій Назарычъ... Рѣшительно ничего! Теперь переживаемъ самый критическій моментъ: панъ или пропалъ...

Пользуясь хорошимъ расположеніемъ хозяина, Бахаревъ замѣтилъ, что онъ желалъ бы переговорить о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ. При одномъ словѣ „дѣло“ Ляховскій весь измѣнился, точно его ударили палкой по головѣ. Даже жалко было смотрѣть на него, — такъ онъ съежился въ своемъ креслѣ, такъ глупо моргалъ глазами и сдѣлалъ такое глупое птичье лицо.

— Позвольте, Василій Назарычъ, — предупредилъ Ляховскій гостя. — Если вы разсчитываете на мой кредитъ, — у меня ничего нѣтъ въ настоящую минуту... Даю вамъ честное слово!..

— А если я буду просить васъ о поручительствѣ, Игнатій Львовичъ? Именно ваше поручительство спасло бы меня...

— Хорошо... я поручусь за васъ, вы получите деньги и закопаете ихъ на своихъ пріискахъ, — вѣдь я долженъ буду платить по моему поручительству?

— Да...

Разставивъ широко свои костлявыя руки и поднявъ брови, Ляховскій глухимъ шопотомъ, какъ трагическій актеръ, проговорилъ:

— Воля ваша,—не могу... У меня нѣтъ свободныхъ капиталовъ, а все до послѣдней копейки помѣщено въ предпріятіяхъ. Тысячу разъ извините, дорогой Василій Назарычъ, но хоть зарѣжьте сейчасъ—не могу!..

Ударъ былъ нанесенъ такъ неожиданно, что у Бахарева какъ-то все завертѣлось въ глазахъ, и онъ въ смущеніи потеръ рукой свою больную ногу.

— Послушайте, Игнатій Львовичъ,—тихо заговорилъ старикъ, чувствуя, какъ вся кровь приливаетъ къ нему въ голову.—Помните ли вы, какъ... Я не желаю укорить васъ этимъ, но...

— Василій Назарычъ, за кого же вы меня считаете?—умоляюще закричалъ Ляховскій. — Я забылъ?!. Нѣтъ, я слишкомъ хорошо помню, какъ я явился на Уралъ бѣднѣе церковной мыши и какъ, при вашей помощи, я сдѣлалъ первый крупный шагъ. Всѣмъ и каждому скажу, что всѣмъ обязанъ именно вамъ: трудно начало сдѣлать...

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе моей небольшой услугѣ.

— Нѣтъ, уважаемый Василій Назарычъ, дорого яичко къ Христову дню...

— Отчего же вы отказываетесь помочь мнѣ теперь, когда я, сѣдымъ, больнымъ старикомъ, обратился къ вашей помощи... Вѣдь я же довѣрялъ вамъ, когда вы еще ничего не имѣли!

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Василій Назарычъ, что вы довѣряли мнѣ, и я всегда буду цѣнить ваше довѣріе...

— Слѣдовательно вы не довѣряете мнѣ.

Ляховскій одно мгновеніе, казалось, колебался, но это было только одно мгновеніе, а потомъ онъ сухо проговорилъ:

— Нѣтъ, я не могу поручиться за васъ...

Бахаревъ вышелъ изъ кабинета Ляховскаго съ краснымъ лицомъ и горѣвшими глазами; это было оскорбленіе, котораго онъ не заслужилъ и которое долженъ былъ перенести. Старикъ плохо помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ приваловскаго дома, сѣлъ въ сани и пріѣхалъ домой. Все промелькнуло передъ нимъ, какъ въ туманѣ, а въ головѣ неотступно стучала одна мысль: „Сережа, Сережа... Развѣ бы я пошелъ къ этому христопродавцу, если бы не ты!“

II.

Въ роскошной спальнѣ Зоси Ляховской теперь господствовалъ тяжелый для глазъ полумракъ; окна были задрапированы тяжелыми складками зеленой матеріи, едва пропускавшими въ комнату слабый свѣтъ. Всѣ лишнія вещи было вынесены. Несмотря на всѣ предосторожности, въ спальнѣ пахло лѣкарствами. Въ сосѣдней комнатѣ день и ночь дежурили сидѣлки. Больная лежала на большой кровати чернаго дерева съ серебряными украшеніями, подъ полосатымъ пологомъ изъ восточной шелковой матеріи. На батистовой подушкѣ едва можно было разсмотрѣть блѣдное, тонкое лицо Зоси. Глаза казались еще больше въ темныхъ кругахъ, кончикъ носа обострился, недавно еще пухлыя красивыя губы болѣзненно обтянулись около зубовъ. Роскошные бѣлокурые волосы были острижены, и дѣвушка походила теперь на мальчика лѣтъ пятнадцати, съ тонкимъ профилемъ и точно нарисованными бровями.

— Докторъ, какъ вы думаете—лучше мнѣ?..—едва слышно спрашивала больная, слабымъ движеніемъ выпрастывая изъ-подъ одѣяла похудѣвшую, бѣлую, какъ мраморъ, руку.

— Было бы лучше, если бы вы имѣли побольше терпѣнія,—сухо отвѣчалъ докторъ, провѣряя пульсъ больной по своимъ часамъ.

— О, мнѣ все равно... жить или умереть... Не стоитъ жить, докторъ.

— Объ этомъ мы поговоримъ съ вами, когда вы поправитесь...

Третью недѣлю проводилъ докторъ у постели больной, переживая шагъ за шагомъ всѣ фазисы болѣзни. Онъ самъ теперь походилъ на больного: лицо осунулось, глаза ввалились, кожа потемнѣла. Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль докторъ не спалъ и трехъ ночей.

Исторія этой болѣзни выяснилась для доктора во всѣхъ деталяхъ на другой же день послѣ бала, хотя онъ ни слова не сказалъ о ней Ляховскому. Вмѣсто желѣзныхъ проволокъ, у Зоси оказались самые бабьи нервы... Переходъ отъ дѣвушки къ женщинѣ разыгрался катастрофой въ тотъ моментъ, когда докторъ и Ляховскій всего менѣе ожидали его. Сквозь капризы и чудачества пробилось первое женское чувство, хотя и оно скорѣе походило на прихоть, чѣмъ на серьезное душевное движеніе. Доктора убивала мысль, что болѣзнь Зоси обязана своимъ происхожденіемъ не разбитому чувству любящей женской души, а явилась вслѣдствіе болѣзненнаго самолюбія. Какъ! когда всѣ и все преклонялось предъ ней, онъ, Лоскутовъ, одинъ отнесся къ ней совершенно равнодушно; мало того,—онъ предпочелъ ей другую... Докторъ былъ глубоко убѣжденъ, что Зося совсѣмъ не любила Лоскутова и даже не могла его полюбить, а только сама увѣрила себя въ своей любви и шагъ за шагомъ довела себя до рокового объясненія. Даже въ бреду имя Лоскутова никогда не произносилось одно, а всегда рядомъ съ именемъ Надежды Васильевны. Гордость и ревность къ соперницѣ—вотъ гдѣ таились главные корни болѣзни.

Діагнозъ болѣзни былъ поставленъ безошибочно, оставалось только помогать естественному ходу болѣзненнаго процесса и устранять причины, которыя могли бы создать новыя осложненія. Молодая натура стойко выдерживала неравную борьбу съ приступами болѣзни, но было нѣсколько такихъ моментовъ, что докторъ начиналъ испытывать сомнѣнія относительно счастливаго исхода. Были даже собраны два консиліума, но ученый ареопагъ не пришелъ ни къ какимъ новымъ заключеніямъ. Особенно страшны были двѣ ночи, когда пламя жизни, казалось, готово было совсѣмъ потухнуть... Зося металась въ страшномъ бреду и никого не узнавала; докторъ сидѣлъ у ея изголовья и по

секундамъ отсчитывалъ ходъ болѣзни, какъ капитанъ, который ведетъ свой корабль среди бушующаго моря. Онъ готовъ былъ отдать полжизни, чтобы облегчить страданія этого молодого тѣла, но наука была безсильна подать руку помощи, и оставалось только ждать.

Разъ ночью, когда все въ домѣ спало мертвымъ сномъ, Зосѣ сдѣлалось особенно нехорошо. Она металась на своей подушкѣ.

— Докторъ, дайте мнѣ вашу руку... — прошептала больная.—Мнѣ будетъ легче...

Она судорожно ухватилась своей горѣвшей маленькой рукой за его руку и въ такомъ положеніи откинулась на подушку; ей казалось, что она медленно проваливается въ какую-то глубокую яму, и только одна рука доктора еще въ состояніи удержать ее на поверхности земли.

— Послушайте, докторъ, вѣдь я не умру?..—шептала Зося, не открывая глазъ.—Впрочемъ, всѣ доктора говорятъ это своимъ паціентамъ... Докторъ, я была дурная дѣвушка до сихъ поръ... Я ничего не дѣлала для другихъ... Не дайте мнѣ умереть, и я перемѣнюсь къ лучшему. Ахъ, какъ мнѣ хочется жить... докторъ, докторъ!.. Я раньше такъ легко смотрѣла на жизнь и людей... Но жизнь такъ коротка—какъ жизнь поденки.

Это былъ тотъ кризисъ, котораго съ замирающимъ сердцемъ ждалъ докторъ три недѣли. Утромъ рано, когда Зося заснула въ первый разъ за все время своей болѣзни спокойнымъ сномъ выздоравливающаго человѣка, онъ, пошатываясь, вошелъ въ кабинетъ Ляховскаго.

— Умираетъ?!.. — схватившись за голову, спрашивалъ Ляховскій: его испугало сѣрое лицо доктора съ помутившимися глазами.

— Нѣтъ, спасена...

Ляховскій съ какимъ-то дѣтскимъ всхлипываніемъ припалъ своимъ лицомъ въ рукѣ доктора и, въ порывѣ признательности, покрылъ ее поцѣлуями; изъ его глазъ слезы такъ и сыпались, но это были счастливыя слезы.

III.

Приваловъ переживалъ медовый мѣсяцъ своего незаконнаго счастья. Собственно говоря, онъ плылъ по теченію, которое съ перваго момента закружило его и понесло впередъ властной пѣнившейся волной. Когда онъ ночью вышелъ изъ половодовскаго дома въ достопамятный день бала, унося на лицѣ слѣды безумныхъ поцѣлуевъ Антониды Ивановны, совѣсть проснулась въ немъ, и внутренній голосъ сказалъ: „вѣдь ты не любишь эту женщину, которая сейчасъ осыпала тебя своими ласками...“

— Нѣтъ, я люблю ее! — старался увѣрить самого себя Приваловъ.— Нѣтъ, я люблю ее...

На другой день Приваловъ уже подъѣзжалъ къ дому Половодова, какъ вспомнилъ, что Антонида Ивановна назначила ему свиданіе у матери. Появленіе Привалова удивило и обрадовало Агриппину Филипьевну.

Привалову казалось, что она догадывается объ истинной причинѣ его визита, и онъ нѣсколько разъ принимался извиняться, что обстоятельства не позволяли ему быть у нея во второй разъ, какъ онъ обѣщалъ.

Часъ, который Привалову пришлось провести съ глазу на глазъ съ Агриппиной Филипьевной, показался ему безконечно длиннымъ, и онъ хотѣлъ уже прощаться, когда въ передней послышался торопливый звонокъ. Приваловъ вздрогнулъ и слегка смутился: у него точно что̀ оборвалось внутри... Безъ сомнѣнія, это была она, это были ея шаги. Антонида Ивановна сдѣлала

удивленное лицо, заставъ Привалова въ будуарѣ maman, лѣниво протянула ему свою руку и усталымъ движеніемъ опустилась въ уголъ дивана.

— Ты, кажется, очень весело вчера провела время?—спрашивала Агриппина Филипьевна дочь.

— Нѣтъ, maman... Если бы не Сергѣй Александрычъ, я бы умерла отъ скуки,—неохотно отвѣтила Антонида Ивановна, сбоку вскидывая глазами на Привалова. — А вы, Сергѣй Александрычъ, конечно, веселились напропалую... послѣ бала?—уже съ улыбкой прибавила она.—Мнѣ Александръ что-то разсказывалъ такое...

— Я удивляюсь, что Александръ Павлычъ считаетъ нужнымъ посвящать тебя въ такія подробности, — строго замѣтила Агриппина Филипьевна.

— Что же тутъ особеннаго, maman?.. Вѣдь Сергѣй Александрычъ свободный человѣкъ. Балъ разстроился въ серединѣ, вотъ они и отправились его доканчивать...

Половодова еще никогда не была такъ красива, какой теперь показалась Привалову, и когда Агриппина Филипьевна оставила наконецъ ихъ вдвоемъ, онъ робко подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать протянутую руку.

— Послушай,—заговорила Антонида Ивановна, когда Приваловъ прильнулъ губами къ ея шеѣ:—старуха догадалась сразу обо всемъ... Ты держишься непростительно глупо! Хорошо, что намъ нечего опасаться ея. Какое у тебя сегодня глупое лицо.

Этотъ нѣсколько суровый тонъ смѣнился горячимъ поцѣлуемъ, и Половодова едва успѣла принять свой обычный скучающій и лѣнивый видъ, когда въ гостиной послышались приближавшіеся шаги maman. У Привалова потемнѣло въ глазахъ отъ прилива счастья, и онъ готовъ былъ расцѣловать даже Агриппину Филипьевну. Остальное время визита прошло очень весело. Приваловъ болталъ и смѣялся самымъ беззаботнымъ образомъ, находясь подъ обаяніемъ теплаго взгляда красивыхъ глазъ Антониды Ивановны.

Свиданія въ первое время происходили въ часы службы Половодова въ банкѣ. Приваловъ являлся какъ разъ въ то время, когда хозяину нужно было уходить изъ дому, и онъ каждый разъ упрашивалъ гостя подождать до его возвращенія, чтобы пообѣдать вмѣстѣ. Это были счастливыя минуты... Антонида Ивановна, проводивъ мужа, забывала всю свою лѣнь и дурачилась, какъ институтка.

Съ каждымъ днемъ Приваловъ сильнѣй и сильнѣй привязывался къ этой загадочной натурѣ, тянувшей его въ свои объятія всѣми чарами любви. Антонида Ивановна каждый разъ являлась для него точно новой женщиной; она не повторялась ни въ своихъ ласкахъ, ни въ порывахъ страсти, ни въ капризахъ. По выраженію ея лица нельзя было угадать, что она думаетъ въ настоящую минуту. Съ самымъ серьезнымъ лицомъ она болтала тысячи тѣхъ милыхъ глупостей, какія умѣютъ говорить только женщины, чувствующія, что ихъ любятъ; самые капризы и даже вспышки гнѣва, какъ цвѣтами, пересыпались самыми неожиданными проявленіями загоравшейся страсти. Приваловъ пилъ день за днемъ эту сладкую отраву любви, убаюканный кошачьими ласками этой женщины, умѣвшей безраздѣльно овладѣть его мягкой, податливой душой. Прежней Антониды Ивановны точно не существовало, а была другая женщина, которая, казалось, не знала границъ своимъ желаніямъ и въ опьяняющемъ чаду своей фантазіи безразсудно жгла двѣ жизни.

— Я ничего не требую отъ тебя... Понимаешь—ничего!..—говорила она Привалову: — любишь — хорошо, разлюбишь — не буду плакать... Впрочемъ, часто у меня является желаніе задушить тебя, чтобы ты не доставался другой

женщинѣ. Иногда мнѣ хочется, чтобы ты обманывалъ меня, даже билъ... Мнѣ мало твоихъ ласкъ и поцѣлуевъ, понимаешь?.. Вѣдь русскую бабу нужно бить, чтобы она была вполнѣ счастлива!..

Но слишкомъ частыя свиданія въ половодовскомъ домѣ сдѣлались наконецъ неудобны. Тогда Антонида Ивановна рѣшила бывать въ Общественномъ клубѣ, членомъ котораго Приваловъ числился уже нѣсколько мѣсяцевъ, хотя ни разу не былъ въ немъ.

IV.

Общественный клубъ помѣщался въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ, который выходилъ на Нагорную улицу, черезъ кварталъ отъ стараго приваловскаго дома. Въ длинной передней, гдѣ висѣли по стѣнамъ шубы гостей, посѣтителей обдавало той трактирной атмосферой, которая насквозь пропитана тепловатымъ ароматомъ кухни и табачнымъ дымомъ. Въ нижнемъ этажѣ Общественнаго клуба помѣщалось нѣсколько маленькихъ комнатъ, уставленныхъ зелеными ломберными столиками; здѣсь процвѣталъ знаменитый сибирскій вистъ съ винтомъ, героями котораго являлись Иванъ Яковличъ, Ломтевъ и братія. Тутъ же, вѣроятно, для очищенія совѣсти, приткнулись двѣ комнаты—одна бильярдная, а другая—читальня; впрочемъ, эти двѣ комнаты по большей части оставались пустыми и служили только для нѣкоторыхъ таинственныхъ tête-à-tête, когда писались безденежные векселя, выпрашивались у хорошаго человѣка взаймы деньги, чтобы отыграться, наконецъ здѣсь же, на плетеныхъ вѣнскихъ диванчикахъ, переводили свой многомятежный духъ потерпѣвшіе за зеленымъ полемъ полное крушеніе и отдыхали поклонники Бахуса.

Изъ передней довольно узкая лѣстница вела во второй этажъ; перила были задрапированы покрытыми пылью олеандрами и еще какой-то зеленью, которая цѣплялась своими иглами за бальные шлейфы и трэны, точно когтями. Въ первое свое посѣщеніе клуба Приваловъ долго бродилъ по комнаткамъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ за столами сидѣли большею частью совершенно незнакомые ему люди. Онъ прислушивался къ шуму подъѣзжавшихъ саней и къ сдержанному говору въ передней; онъ слышалъ женскіе голоса, шелестъ платьевъ и осторожные легкіе шаги по лѣстницѣ. Скоро изъ передней потянуло струей самыхъ разнообразныхъ духовъ, какіе употребляетъ далекая провинція,—пахло даже камфорой, которой на лѣто были переложены шубы отъ моли.

Наконецъ Приваловъ рѣшилъ подняться во второй этажъ, въ царство дамъ. На лѣстницѣ его встрѣтила Хіонія Алексѣевна дружескимъ восклицаніемъ:

— А, наконецъ-то и вы, Сергѣй Александрычъ!.. Я думала, что вы сегодня не пріѣдете.

— Нѣтъ, я уже давно здѣсь.

— У насъ въ клубѣ смѣшанное общество,—объясняла Хіонія Алексѣевна по дорогѣ въ танцовальную залу, гдѣ пиликалъ очень плохой оркестръ самую ветхозавѣтную польку.—Можно сказать, мы устроились совсѣмъ на демократическую ногу: есть здѣсь приказчики, мелкіе чиновники, маленькіе купчики, учителя... Но есть и представители нашего beau mond'a: горные инженеры, адвокаты, прокуроръ, золотопромышленники, заводчики, доктора... А какой богатый выборъ красивыхъ дамъ!..

Плохонькая зала, передѣланная изъ какой-то оранжереи, была скупо освѣщена десяткомъ лампъ; по стѣнамъ висѣли безобразныя гирлянды изъ

еловой хвои, пересыпанной бумажными цвѣтами. Эти гирлянды придавали всей залѣ похоронный характеръ. Около стѣнъ, на вытертыхъ диванчикахъ, цвѣтной шпалерой размѣстились дамы; въ глубинѣ, въ маленькой эстрадѣ, замѣнявшей сцену, помѣщался оркестръ; мужчины жались около дверей. Десятка два паръ кружились по залѣ, подымая облако ѣдкой пыли.

Остальное помѣщеніе клуба состояло изъ шести довольно большихъ комнатъ, отличавшихся большей роскошью сравнительно съ обстановкой нижняго этажа и танцовальной залы; въ средней руки столичныхъ трактирахъ можно встрѣтить такую же вычурную мебель, такія же трюмо подъ орѣхъ, выцвѣтшія драпировки на окнахъ и дверяхъ. Одна комната была отдѣлана въ красный цвѣтъ, другая—въ голубой, третья—въ зеленый и т. д. На диванчикахъ сидѣли дамы и мужчины, провожавшіе Привалова любопытными взглядами.

— Вотъ эта дама съ розой въ волосахъ,—объясняла Заплатина:—перемѣняетъ каждый сезонъ по любовнику, а вотъ та въ сѣромъ платьѣ... Здравствуйте, Пелагея Семеновна!.. Обратите, пожалуйста, вниманіе на эту дѣвушку: очень богатая невѣста и какая красавица, а отецъ былъ мясникомъ. И держитъ себя какъ хорошо, никакъ не подумаешь, что изъ крестьяночекъ. Да... Отецъ въ лаптяхъ ходилъ!..

Приваловъ кое-какъ отдѣлался отъ непрошенной любезности Хины и остался въ буфетѣ, дверь изъ котораго какъ разъ выходила на лѣстницу, такъ что можно было видѣть всѣхъ входившихъ въ танцовальную залу. Съ Хиной приходилось быть любезнымъ, потому что она могла пригодиться въ будущемъ.

— Голубчикъ, Сергѣй Александрычъ!..

Приваловъ почувствовалъ, какъ кто-то обхватилъ его шею руками и принялся цѣловать; это былъ „Моисей“, отъ котораго такъ и разило перегорѣлой водкой.

— Ахъ, здравствуй, Викторъ Васильичъ! — обрадовался Приваловъ.—А я тебя давненько-таки не видалъ... Гдѣ это ты пропадаешь?

„Моисей“ съ пьяной улыбкой только махнулъ рукой.

— А вѣдь старикъ-то у насъ того...—заговорилъ онъ грустно: — повихнулся крѣпко. Да! Мать какъ-то спрашивала про тебя... А ты, братъ, нехорошо дѣлаешь, что забываешь насъ... нехорошо. Я тебѣ прямо скажу, хоть ты и милліонеръ. Мнѣ наплевать на твои милліоны... все-таки нехорошо!.. Надя что-то прихварываетъ, Вѣрочка въ молитву ударилась... Я и домой рѣдко заглядываю, потому у насъ съ Данилушкой теперь разливное море... А мнѣ жаль стариковъ-то, да и сестренокъ жаль, потому шила въ мѣшкѣ не утаишь, и по городу—шу-шу-шу... „Бахаревъ разорился!.. Бахаревъ банкрутъ!..“

— Да вѣдь это пустяки, Викторъ Васильичъ. Василій Назарычъ поправится...

— Конечно, поправится, чортъ ихъ всѣхъ возьми!—крикнулъ „Моисей“, стуча кулакомъ по столу. — Развѣ старикъ чета вотъ этой дряни... Вонъ ходятъ... Ха-ха!.. Дураки!.. Василій Бахаревъ пальцемъ поведетъ только, такъ у него изъ всѣхъ щелей золото полѣзетъ. Вотъ только весны дождаться, мы вмѣстѣ махнемъ со старикомъ на пріиски и все дѣло поправимъ. Понялъ?

— „Моисей“! — окликнулъ Бахарева подошедшій Давидъ Ляховскій. — Пойдемъ... Катька здѣсь!

— Погоди, вотъ я поговорю съ Приваловымъ,—упрямился Бахаревъ.— Ты знаешь Катю Колпакову? Нѣтъ? Ну, братъ, такъ ты мухъ ловишь здѣсь

въ Узлѣ-то... Какъ канканируетъ, бестія! Понимаешь, ее самъ Иванъ Яковличъ выучилъ...

— Это неужели та Катя Колпакова?—удивился Приваловъ.

— А то какая же? Ха-ха!.. Колпаковы одни... Старуха Богу молится, а Катенька... Да вонъ она идетъ, рыженькая!..

„Моисей" показалъ на проходившую подъ руку съ какимъ-то инженеромъ средняго роста дѣвушку съ голубыми глазами и прекрасными золотистыми волосами, точно шелковой рамкой окаймлявшими ее бойкое матовое лицо съ легкими веснушками около носа. Она слегка покачивалась на высокихъ каблукахъ.

— Софья Игнатьевна, я слышалъ, поправляется?—обратился Приваловъ къ Давиду.

— Да, кажется... — равнодушно отвѣтилъ молодой человѣкъ, осѣдлывая свой длинный носъ золотымъ пенснэ. — У нея какая-то мудреная болѣзнь... „Моисей", да пойдемъ же, а то этотъ чортъ Глазковъ опять отобьетъ у насъ Катьку.

— Ну, братъ, шалишь: у нея сегодня сеансъ съ Лепешкинымъ, — увѣрялъ „Моисей", направляясь къ выходу изъ буфета; съ половины дороги онъ вернулся къ Привалову, долго грозилъ ему пальцемъ, ухмыляясь глупѣйшей пьяной улыбкой и покачивая головой, и наконецъ проговорилъ:—А ты, братъ, Приваловъ, ничего... Хе-хе! Нѣтъ, не ошибся!.. У этой Тонечки, чортъ ее возьми, такіе амуры. А грудь?.. Ну, да тебѣ это лучше знать...

Этотъ откровенный намекъ сначала покоробилъ Привалова, но потомъ онъ успокоился, потому что „Моисей" сболтнулъ спьяна и завтра же позабудетъ обо всемъ.

Въ ожиданіи Половодовой, Приваловъ наблюдалъ публику. Въ буфетѣ и внизу засѣдали отцы семействъ, коммерсанты, денежные тузы; вверху сновала изъ компаты въ комнату дѣйствующая армія невѣстъ, находившаяся подъ прикрытіемъ маменекъ, тетушекъ и просто дамъ, которыя „вывозили" дѣвушекъ въ свѣтъ. Хина плавала въ этой подвижной улыбавшейся толпѣ, какъ щука въ водѣ. Она всѣхъ знала, всѣмъ умѣла угодить, улыбнуться, сказать ласковое слово. Маменьки засидѣвшихся дѣвицъ смотрѣли на Хину со страхомъ и надеждой, какъ на судьбу. Репутація Хины была давно упрочена: товаръ, который потерялъ всякую надежду на сбытъ, въ ея ловкихъ рукахъ сходилъ за настоящій. До десятка молодыхъ дамъ были обязаны своимъ супружескимъ счастьемъ исключительно ей одной.

По лѣстницѣ въ это время поднимались Половодовы. Приваловъ видѣлъ, какъ они остановились въ дверяхъ танцовальной залы, гдѣ ихъ окружила цѣлая толпа знакомыхъ мужчинъ и женщинъ: Антонида Ивановна улыбалась направо и налѣво, отыскивая глазами Привалова. Когда оркестръ заигралъ вальсъ, Половодовъ сдѣлалъ нѣсколько туровъ съ женой, потомъ сдалъ ее съ рукъ на руки какому-то кавалеру, а самъ, вытирая лицо платкомъ, побрелъ въ буфетъ. Замѣтивъ Привалова, онъ широко разставилъ свои длинныя ноги и поднялъ въ знакъ удивленія плечи.

— И вы!..— проговорилъ онъ наконецъ. — Мнѣ Тонечка говорила про васъ, да я не повѣрилъ... Чего вы здѣсь однако сидите, Сергѣй Александрычъ, пойдемте лучше внизъ: тамъ встрѣтимъ много знакомаго народа.

— Я приду немного погодя, а теперь пойду здороваться съ Антонидой Ивановной.—отвѣчалъ Приваловъ.

— Смотрите, не надуйте! — погрозилъ Половодовъ пальцемъ. — А мы могли бы сочинить тамъ премилую партійку... Кстати, вы замѣтили Колпакову?

— Да, „Моисей“ мнѣ показывалъ ее.

— Не правда ли—львица? А замѣтили, какой у нея овалъ лица?

Половодовъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ и прибавилъ, точно въ свое оправданіе:

— Я собственно членъ Благороднаго собранія, но записался сюда по необходимости: все дѣловой народъ собирается, нельзя...

— А, наконецъ и вы...—протянула Антонида Ивановна, когда Приваловъ здоровался съ ней.—Проведите меня куда-нибудь, гдѣ не такъ жарко и душно, какъ здѣсь...

Она смотрѣла на Привалова дѣтски-покорнымъ взглядомъ и, подавая ему руку, тихо спросила:

— Ты на меня не сердишься?

— За что?—удивился Приваловъ.

Половодова обвела кругомъ глазами и сдѣлала легкую гримасу.

— Вѣдь это кабакъ какой-то... — проговорила она, брезгливо подбирая правой рукой трэнъ платья.

Она прошла въ зеленую угловую комнату, гдѣ было мало огня и публика не такъ толклась прямо подъ носомъ. Но едва имъ удалось перекинуться нѣсколькими фразами, какъ показался лакей во фракѣ и подошелъ прямо къ Привалову.

— Васъ, Сергѣй Александрычъ, спрашиваютъ-съ, — почтительно доложилъ онъ, перебирая въ рукахъ салфетку.

— Кто?

— Тамъ, внизу-съ... Вашъ человѣкъ.

Приваловъ оставилъ Половодову и сошелъ внизъ, гдѣ въ передней дѣйствительно ждалъ его Ипатъ съ письмомъ въ рукахъ.

— Съ кульеромъ...— проговорилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.— Я только сталъ сапоги чистить, а въ окно какъ забарсятъ... ей-Богу!..

Приваловъ не слушалъ его и торопливо пробѣгалъ письмо, помѣченное Шатровскимъ заводомъ. Это писалъ Костя. Онъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что дѣло по опекѣ затянется надолго, если Приваловъ лично не явится какъ можно скорѣе туда, чтобы сейчасъ же начать хлопоты въ сенатѣ. Бахаревъ умолялъ Привалова бросить все въ Узлѣ и ѣхать въ Петербургъ. Это извѣстіе бросило Привалова въ холодный потъ: оно было ужъ совсѣмъ некстати...

— Ну что?— спросила глазами Антонида Ивановна, когда Приваловъ вернулся въ свой уголокъ.

Онъ подалъ ей письмо.

— Значитъ, ты бросишь меня?—упавшимъ голосомъ спросила она, опуская глаза и ощупывая одной рукой какую-то оборку на своемъ платьѣ.

— Тонечка, я не могу оставить это дѣло... Ты пойми, что отъ моей поѣздки будетъ зависѣть участь всѣхъ заводовъ.

Она молчала, не поднимая головы.

— Эта поѣздка отниметъ у меня, самое большее, мѣсяцъ времени, — продолжалъ Приваловъ, чувствуя, какъ почва уходила изъ-подъ его ногъ.

— Неправда... Ты не вернешься!—возражала Половодова.— Я это впередъ знала... Впрочемъ, ты знаешь — я тебя ничѣмъ не желаю стѣснить. Дѣлай такъ, какъ лучше тебѣ, а обо мнѣ, пожалуйста, не заботься. Да и что такое я для тебя, если разобрать...

Антонида Ивановна горько улыбнулась и подняла свои глаза.

— Тонечка, голубчикъ... Что же мнѣ дѣлать?—взмолился Приваловъ.— Ну, научи...

— Я не рѣшаюсь совѣтовать тебѣ, Сергѣй, но на твоемъ мѣстѣ сдѣлала бы такъ: въ Петербургъ послала бы своего повѣреннаго, а сама осталась бы въ Узлѣ, чтобы имѣть возможность слѣдить и за заводами и за опекунами.

Привaловъ задумался; совѣтъ имѣлъ за себя много подкупающихъ обстоятельствъ, главное изъ которыхъ Антонида Ивановна великодушно обошла молчаніемъ,— именно, къ тремъ причинамъ, которыя требовали присутствія Привалова въ Узлѣ, она не прибавила самой себя. Это великодушіе и эта покорность побѣдили Привалова.

V.

Nicolas Веревкинъ согласился ѣхать въ Петербургъ съ большимъ удовольствіемъ, — разъ затѣмъ, чтобы добраться наконецъ до тѣхъ злачныхъ мѣстъ, гдѣ зимуютъ настоящіе матерые раки, а затѣмъ — ему хотѣлось немного встряхнуть свою засидѣвшуюся въ провинціальной глуши натуру.

— А помните, я говорилъ вамъ про нить-то? — спрашивалъ Nicolas Привалова.

— Да, помню...

— Ну, вотъ она и выходитъ, значитъ, эта самая нить...

— Именно?

— А помните моего дядюшку, который пріѣзжалъ сюда рыбку удить?.. Вотъ и заклевало...

— Не понимаю рѣшительно ничего.

— И я тоже немного понимаю, но, знаете, у нашего брата образуется этакій особенный нюхъ по части этихъ нитей... Въ самомъ дѣлѣ, за какимъ чортомъ пріѣзжалъ сюда этотъ дядюшка? Потомъ какимъ вѣтромъ занесло его къ Ляховскому, да еще вмѣстѣ съ Половодовымъ?.. Это, батенька, такая троица получается, что самъ чортъ ногу переломитъ.

— Мнѣ кажется, что, по французской пословицѣ, вы ищете въ супѣ фортепіанныхъ струнъ...

— Есть, есть нѣкоторое предчувствіе... Ну, да страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ. Мы и дядюшку подтянемъ. А вы здѣсь донимайте, главное, Ляховскаго: дохнуть ему не давайте, и Половодову тоже. Съ ними нечего церемониться...

Такимъ образомъ Nicolas Веревкинъ черезъ три дня, закутавшись въ оленью доху, летѣлъ въ Петербургъ, а Привaловъ остался въ Узлѣ.

Время Привалова теперь дѣлилось между четырьмя пунктами, гдѣ онъ могъ встрѣчаться съ Антонидой Ивановной: въ гостиной Хины, въ домѣ Веревкиныхъ, въ клубѣ и наконецъ въ домѣ Половодова. Посѣщенія гостиной Хины и клуба были дѣломъ только печальной необходимости, потому что любовникамъ больше дѣваться было некуда; половодовскій домъ представлялъ несравненно больше удобствъ, но тамъ грозила вѣчная опасность изъ каждаго угла. Зато домъ Веревкиныхъ представлялъ всѣ удобства, какихъ только можно было пожелать: Иванъ Яковличъ игралъ эту зиму очень счастливо и поэтому почти совсѣмъ не показывался домой, Nicolas уѣхалъ, Алла была вполнѣ воспитанная барышня и, въ качествѣ таковой, смотрѣла на Привалова совсѣмъ невинными глазами, какъ на друга дома, не больше. Сама Агриппина Филипьевна... вообще это была самая странная женщина, которую Привaловъ никакъ не могъ разгадать. Подозрѣвала ли она что-нибудь объ отношеніяхъ дочери къ Привалову, и если подозрѣвала, то какъ вообще смотрѣла на связи подобнаго рода—ничего не было извѣстно, и Агриппина Филипьевна неизмѣнно оставалась все той же Агриппиной Филипьевной, какой

Привалов видѣлъ ее въ первый разъ. Съ одной стороны, ему было неловко при мысли: что, если она ничего не подозрѣваетъ, и вдругъ, въ одно прекрасное утро все раскроется... Привалову впередъ дѣлалось совѣстно, что онъ ставитъ эту добрую мать семейства въ такое фальшивое положеніе. Съ другой стороны, онъ подозрѣвалъ, что, только благодаря мудрѣйшей тактикѣ Агриппины Филипьевны, все устроилось какъ-то само собой, и официальные визиты незамѣтно перешли въ посѣщенія друга дома, близкаго человѣка, о которомъ и въ голову никому не придетъ подумать что-нибудь дурное.

Странно было то, что эти частыя посѣщенія Привалова Веревкиныхъ приводили въ какое-то бѣшенство Хіонію Алексѣевну. Ей казалось, что Агриппина Филипьевна нарочно отбиваетъ у нея жильца, тогда какъ по всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ онъ принадлежалъ ей одной. Между друзьями дѣтства готова была пробѣжать черная кошка, но Антонида Ивановна съ прозорливостью любящей женщины постаралась потушить пожаръ въ самомъ зародышѣ. Она нѣсколько разъ затащила къ себѣ Хіонію Алексѣевну и окружила ее такими любезностями, такимъ вниманіемъ, такъ ухаживала за нею, что Хина, несмотря на свою сорокалѣтнюю опытность, поддалась искушенію и растаяла. А когда Антонида Ивановна намекнула ей, что вполнѣ разсчитываетъ на ея скромность и постарается не остаться у нея въ долгу, Хина даже прослезилась отъ умиленія.

— Знаете, Антонида Ивановна, я всегда немножко жалѣла васъ,—тронутымъ голосомъ говорила она.—Конечно, Александръ Павлычъ—мужъ вамъ, но я всегда скажу, что онъ гордецъ... Да!.. Воображаю, сколько вамъ приходится терпѣть отъ его гордости.

— Вы ошибаетесь, Хіонія Алексѣевна, — пробовала спорить Половодова. — За Александромъ много есть другихъ недостатковъ, не только онъ не гордъ...

— Ахъ, не спорьте, ради Бога! Гордецъ и гордецъ!.. Такой же гордецъ, какъ Бахаревы и Ляховскіе... Вы слышали: старикъ Бахаревъ ѣздилъ занимать денегъ у Ляховскаго, и тотъ ему отказалъ. Да-съ! отказалъ... Каково это вамъ покажется?

Откуда Хина могла знать, что Ляховскій отказался поручиться за Бахарева,—одному Богу извѣстно. По крайней мѣрѣ, ни Ляховскій ни Бахаревъ никому не говорили объ этомъ.

— Буду съ вами откровенна,—продолжала расходившаяся Хина, заглядывая въ глаза Половодовой.—Вѣдь я васъ знала, mon ange, еще маленькой дѣвочкой и могу позволить себѣ такую откровенность... Да?

— Говорите...

— Вы никогда не любили своего мужа...

— Но вѣдь мы, кажется, и не разыгрывали влюбленныхъ?

— Все это такъ, но человѣческое сердце, въ особенности — женское сердце, Антонида Ивановна... Ахъ, сколько оно иногда страдаетъ совершенно одиноко, и никто этого не подозрѣваетъ. А между тѣмъ, помните у Лермонтова:

А годы проходятъ,—
Все лучшіе годы...

Хіонія Алексѣевна добивалась сдѣлаться повѣренной въ сердечныхъ дѣлахъ Антониды Ивановны, но получила вѣжливый отказъ. У Хины вертѣлся уже на кончикѣ языка роковой намекъ, что ей извѣстны отношенія Половодовой къ Привалову, но она вò-время удержалась и осталась очень довольна собой, потому что сказанное слово серебряное, а не сказанное — золотое.

„Еще пригодится какъ-нибудь“,—утѣшала Хина себя, когда ѣхала отъ Половодова въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

VI.

Надежда Васильевна послѣ Рождества почти все время проводила въ своей комнатѣ, откуда показывалась только къ обѣду, да еще когда ходила въ кабинетъ отца. Комната дѣвушки съ двумя окнами выходила въ садъ и походила на монашескую келью по своей скромной обстановкѣ: обтянутый пестрымъ ситцемъ диванчикъ у одной стѣны, четыре стула, желѣзная кровать въ углу, комодъ и шкапъ съ книгами, письменный столъ, маленькій рабочій столикъ съ швейной машиной — вотъ и все. Дѣвушка очень любила эту комнатку, потому что могла оставаться въ ней одна, сколько ей было угодно. Но чтобы имѣть право на такую роскошь, какъ отдѣльная комната, Надеждѣ Васильевнѣ пришлось выдержать ту мелкую борьбу, какая вѣчно кипитъ подъ родительскими кровлями: Марья Степановна и слышать ничего не хотѣла ни о какой отдѣльной комнатѣ, потому—для чего дѣвкѣ отдѣльная комната, какія у ней такія важныя дѣла?.. „Въ книжку-то читать можно по всѣмъ комнатамъ“,—ворчала старая раскольница. Всѣ раскольничьи богатые дома устроены по одному плану: всѣ лучшія комнаты остаются, въ качествѣ парадныхъ покоевъ, пустыми, а семья жмется въ двухъ-трехъ комнатахъ. У самой есть хоть спальня, а дѣти обыкновенно перебиваются кое-какъ.

Отдѣльная комната для старшей дочери была самымъ обиднымъ новшествомъ для Марьи Степановны и, какъ бѣльмо, всегда мозолила ей глаза. Она никогда не заглядывала сюда, какъ и на половину мужа. У Вѣрочки не было своей комнаты, да она и не нуждалась въ ней, околачиваясь по всему дому.

За послѣднія три недѣли Надежда Васильевна слишкомъ много пережила въ своей комнатѣ и была несказанно счастлива уже тѣмъ, что могла въ такую критическую минуту оставаться одна. Она сильно измѣнилась и похудѣла; глаза смотрѣли тревожнымъ взглядомъ, въ движеніяхъ чувствовалась усталость. Дѣвушка не могла даже заниматься попрежнему, и раскрытая книга оставалась недочитанной, начатая работа валилась изъ рукъ. Только одна машина все чаще и чаще постукивала далеко за полночь, и Марья Степановна, прислушиваясь къ этой ночной работѣ, не могла надивиться, что за „охота припала дѣвкѣ къ шитью“...

Какъ удивилась бы Марья Степановна, если бы увидѣла работу дочери: много прибавилось бы безсонныхъ ночей въ ея жизни. Торопливо кроились эти маленькія рубашечки-распашонки, дѣтскія простыньки и весь несложный комплектъ дѣтскаго бѣлья; дрожавшая рука выводила неровный шовъ, и много-много разъ облита была вся эта работа горькими дѣвичьими слезами. Сколько страха за неизвѣстное будущее было пережито за этой работой, сколько тяжелаго горя... А вмѣстѣ съ работой крѣпла и росла рѣшимость итти и сказать отцу все, пока не открылось критическое положеніе дѣвушки само собой.

„Чего же мнѣ бояться? — тысячу разъ задавала себѣ вопросъ Надежда Васильевна.—Я совершеннолѣтняя и могу располагать собой...“

Иногда въ головѣ дѣвушки мелькала предательская мысль — уйти изъ отцовскаго дома потихоньку; но противъ такого бѣгства возмущалась ея простая, открытая душа. Зачѣмъ еще этотъ обманъ, когда и безъ того днемъ раньше, днемъ позже все будетъ открыто? Лучше ужъ прямо принять все на свою голову и съ покойной совѣстью оставить отцовскій домъ. Нѣсколько разъ Надежда Васильевна выходила изъ своей комнаты съ твердой рѣши-

мостью сейчасъ же объясниться съ отцомъ, но у нея опускались каждый разъ руки, начинали дрожать колѣни, и она возвращалась опять въ свою комнату, чтобы снова переживать свои тайныя муки. А сколько было проведено безсонныхъ ночей, сколько пролито слезъ.

Наконецъ дѣвушка рѣшилась объясниться съ отцомъ. Она надѣла простенькое коричневое платье и пошла въ кабинетъ къ отцу. По дорогѣ ее встрѣтила Вѣрочка. Надежда Васильевна молча поцѣловала сестру и прошла на половину отца; у нея захватило дыханіе, когда она взялась за ручку двери.

— Это ты, Надя?—спросилъ Василій Назарычъ, не отнимая головы отъ какой-то работы.

— Да, я, папа.

— Что это съ тобой, ты больна серьезно?—спрашивалъ Василій Назарычъ, ласково цѣлуя дочь.—Ну, садись...

— Нѣтъ, я здорова... мнѣ лучше.

Наступила короткая пауза; старикъ тяжело повернулся въ своемъ креслѣ: его точно кольнуло какое-то тяжелое предчувствіе.

— Что-нибудь случилось, Надя?..—спросилъ онъ, тревожно заглядывая въ глаза дочери.

— Ничего особеннаго не случилось, папа, кромѣ того, что я пришла къ тебѣ...

Дѣвушка осмотрѣла кругомъ комнату, точно заранѣе прощаясь съ дорогими стѣнами, а потомъ остановила глаза на отцѣ. Этотъ пристальный, глубокій взглядъ, полный какой-то загадочной рѣшимости, окончательно смутилъ Василья Назарыча, и онъ нерѣшительно потеръ свое колѣно.

— Папа,—заговорила Надежда Васильевна, опускаясь на ближайшій стулъ:—я думаю теперь вотъ о чемъ... Почему несправедлива къ людямъ природа: однимъ даетъ физическую силу, другимъ физическую слабость... Почему всякая бѣда всей своей тяжестью ложится прежде всего на женщину? Почему женщина, устраненная отъ всякой общественной дѣятельности, даже у себя дома не имѣетъ своего собственнаго угла, и ее всегда могутъ выгнать изъ дому отецъ, братья, мужъ, наконецъ собственные сыновья? Почему въ семьѣ, гдѣ только и можетъ жить женщина, съ самаго рожденія она поставлена въ неволю? То, что мужчинамъ прощается, какъ шалость, губитъ женщину навсегда... Посмотри, какая безграничная разница въ положеніи братьевъ и сестеръ въ семьѣ... Развѣ все это справедливо, папа?

— Я что-то не пойму хорошенько тебя сегодня,—проговорилъ Василій Назарычъ.—Къ чему ты это ведешь?

— А вотъ къ чему, папа...

Надежда Васильевна тяжело перевела духъ и какъ-то испуганно посмотрѣла на отца: ей стало невыносимо тяжело.

— Положимъ, въ богатомъ семействѣ есть сынъ и дочь,—продолжала она дрогнувшимъ голосомъ.—Оба совершеннолѣтніе... Сынъ встрѣчается съ такой дѣвушкой, которая нравится ему и не нравится родителямъ; дочь встрѣчается съ такимъ человѣкомъ, который нравится ей и котораго ненавидятъ ея родители. У него является ребенокъ... Какъ посмотрятъ на это отецъ и мать?

— Конечно, не похвалятъ! Развѣ хорошо обмануть дѣвушку?

— Нѣтъ, слушай дальше... Предположимъ, что случилось то же съ дочерью. Что теперь происходитъ?.. Сыну родители простятъ даже въ томъ случаѣ, если онъ не женится на матери своего ребенка, а просто выброситъ

ей какое-нибудь обезпеченіе. Совсѣмъ другое дѣло дочь съ ея ребенкомъ... На нее обрушивается все: гнѣвъ семьи, презрѣніе общества. То, что̀ для сына является только непріятностью, для дочери вѣчный позоръ... Развѣ это справедливо?

— Мудреную ты мнѣ загадку загадываешь... — измѣнившимся глухимъ голосомъ проговорилъ Василій Назарычъ. — Сынъ съ собой ничего не принесетъ въ отцовскій домъ, а дочь...

— Это еще хуже, папа: сынъ броситъ своего ребенка въ чужую семью и этимъ подвергаетъ его и его мать всей тяжести отвѣтственности... Дочь, по крайней мѣрѣ, уже своимъ позоромъ выкупаетъ часть собственной вины; а сколько она должна перенести чисто-физическихъ страданій, сколько заботъ и трудовъ, пока ребенокъ подрастетъ!.. Почему родители выгонятъ родную дочь изъ своего дома, а сына простятъ?

— Дѣвушки знаютъ, что̀ ихъ ждетъ, и поэтому должны беречь себя...

— Нѣтъ, папа, это несправедливость, ужасная несправедливость...

— Да къ чему ты это говоришь-то? — какъ-то застоналъ Василій Назарычъ и, взглянувъ на мертвенную блѣдность, разлившуюся по лицу дочери, онъ понялъ, или, вѣрнѣе, почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ страшную истину.

— Эта дочь богатыхъ родителей — я...

— Ты... ты... ты... — безсмысленно залепеталъ старикъ; у него въ глазахъ пошли яркіе круги, и онъ застоналъ.

— Раньше я не рѣшалась сказать тебѣ всего... мнѣ было жаль убить тебя своимъ признаніемъ...

— А себя?!. Себя... О, Господи... Боже!.. Себя тебѣ не жаль!—неистово закричалъ старикъ, съ глухими рыданіями хватаясь за свою сѣдую голову.

— Я не раскаиваюсь, папа...

Бахаревъ налитыми кровью глазами посмотрѣлъ на дочь, вскочилъ съ кресла и хриплымъ голосомъ прошепталъ:

— У меня нѣтъ больше дочери... Мнѣ остается позоръ... Господи!.. Этого еще одного и недоставало!! Нѣтъ больше у меня дочери!.. Понимаешь: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ дочери...

— Я это знала... я сейчасъ ухожу...

— Нѣтъ, ты не уйдешь... О, Господи! Надя, Надя!.. И кто тебя обманулъ?! Кто?..

— Меня никто не обманывалъ...—прошептала дѣвушка, закрывая лицо руками; сквозь бѣлые пальцы закапали крупныя капли слезъ.

— Подлецъ! Честные люди такъ не дѣлаютъ... Подлецъ онъ, подлецъ... захотѣлъ посмѣяться надъ моими сѣдыми волосами... надъ моей старостью.

— Папа, ты напрасно выходишь изъ себя; вѣдь отъ этого не будетъ лучше. Если ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ на прощанье, поговоримъ спокойно...

— На прощанье?! Спокойно?! Боже мой... Нѣтъ, ты никуда не уйдешь... я живую замурую тебя въ четыре стѣны, и ты не увидишь свѣта Божьяго... На прощанье! Хочешь развѣ, чтобы я тебя проклялъ на прощанье?.. И прокляну... Будь ты проклята, будьте вы оба прокляты!..

Надежда Васильевна чувствовала, какъ надъ ея головою наклонилось искаженное гнѣвомъ лицо отца, какъ сжимались его кулаки, какъ дрожало все его тѣло, и покорно ждала, когда онъ схватитъ ее и вышвырнетъ за порогъ.

— Послушай, папа... я никогда и ни о чемъ не просила тебя, — заговорила она, и чарующая нѣжность зазвенѣла въ ея дрожащемъ голосѣ.—Мы разстаемся, можетъ-быть, навсегда... Еще разъ прошу тебя, — успокойся...

Этотъ полный мольбы и нѣжности голосъ заставилъ старика немного опомниться: онъ такъ любилъ слушать голосъ своей дочери... Звуки этого голоса унесли его въ счастливое прошлое. Ему припомнилось именно теперь, какъ маленькой дѣвочкой Надя лежала при смерти и какъ онъ горько рыдалъ надъ ея дѣтской кроваткой. Зачѣмъ она не умерла тогда, въ ореолѣ своей дѣтской невинности?.. Потомъ, когда ей было двѣнадцать лѣтъ, она упала съ экипажа и попала подъ лошадь. Какъ тогда у него дрогнуло сердце, когда онъ увидѣлъ поблѣднѣвшее отъ страха дѣтское личико и жалко цѣплявшіяся за землю ручонки... Колесо готово уже было раздавить маленькое дѣтское тѣльце, какъ онъ съ силой, какую даетъ только отчаяніе, однимъ движеніемъ перевернулъ тяжелый экипажъ, и дѣвочка осталась цѣла и невредима... Зачѣмъ не раздавило ее тогда этимъ колесомъ, чтобы сохранить честь всего дома и избавить ее отъ вѣчнаго позора?..

Бахаревъ опустился въ свое кресло, и сѣдая голова безсильно упала на грудь; припадокъ бѣшенства истощилъ послѣднія силы, и теперь хлынули безсильныя, старческія слезы.

— Папа, милый... прости меня! — вскрикнула она, кидаясь на колѣни передъ отцомъ. Она не испугалась его гнѣва, но эти слезы отняли у нея послѣдній остатокъ энергіи, и она съ дѣтской покорностью припала своей русой головой къ отцовской рукѣ.—Папа, папа... Вѣдь я тебя вижу, можетъ-быть, въ послѣдній разъ! Голубчикъ папа, милый папа...

Въ припадкѣ невыразимой жалости и нѣжности, она цѣловала полы его платья. Въ кабинетѣ на минуту воцарилось тяжелое молчаніе.

— Папа... я ни въ чемъ никогда не обманывала тебя... Я молилась на тебя... И теперь я все та же. Я ничего никому не сдѣлала дурного, кромѣ тебя.

— Отчего же ты не хотѣла выйти замужъ? Или *онъ* не хочетъ жениться на тебѣ?..

— Папа, я сама не хочу выходить замужъ...

— Почему?

— Если человѣкъ, которому я отдала все, хорошій человѣкъ, то онъ и такъ будетъ любить меня всегда... Если онъ дурной человѣкъ,—мнѣ же лучше: я всегда могу уйти отъ него, и моихъ дѣтей никто не смѣетъ отнять отъ меня!.. Я не хочу лжи, папа... Мнѣ будетъ тяжело первое время, но потомъ все это пройдетъ. Мы будемъ жить хорошо, папа... честно жить. Ты увидишь все и простишь меня.

Бахаревъ молчалъ. Мертвенная блѣдность покрыла его лицо, онъ какъ-то болѣзненно выпрямился и молча указалъ дочери на дверь.

VII.

Время отъ Святокъ до масленицы, а затѣмъ и покаянные дни Великаго поста для Привалова промелькнули, какъ длинный сонъ, отъ котораго онъ не могъ проснуться. Волею-неволею онъ втянулся въ жизнь уѣзднаго города, въ его интересы и злобы дня. Иногда его начинала сосать тихая, безотчетная тоска, и онъ хандрилъ по нѣскольку дней сряду.

— А вы слышали нашу новость? — спросила его въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Хина.

— Какую?

— Надежда-то Васильевна ушла.

— Какъ ушла?

— Да очень просто: взяла да и ушла къ брату... Весь городъ объ этомъ говоритъ. Разсказываютъ, что тутъ разыгрался цѣлый романъ... Вы вѣдь знаете Лоскутова? Представьте себѣ, онъ давно уже былъ влюбленъ въ Надежду Васильевну, а Зося Ляховская была влюблена въ него... Романъ, настоящій романъ! Помните тогда этотъ балъ у Ляховскаго и болѣзнь Зоси? Мнѣ сразу показалось, что тутъ что-то кроется, и вотъ вамъ разгадка; теперь весь городъ знаетъ.

— Мало ли что болтаютъ иногда,—замѣтилъ Приваловъ.

— Ну, ужъ извините, я вамъ голову отдаю на отсѣченіе, что все это правда до послѣдняго слова. А вы слышали, что Василій Назарычъ уѣхалъ въ Сибирь? Да... Досталъ гдѣ-то денегъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ Шелеховымъ. Я заѣзжала къ нимъ на-дняхъ: Марья Степановна совсѣмъ убита горемъ, Вѣрочка плачетъ... Какъ хотите—скандалъ на цѣлый городъ, разоренье на носу, а тутъ еще дочь-невѣста на рукахъ.

Эти извѣстія какъ-то сразу встряхнули Привалова, и онъ сейчасъ же отправился къ Бахаревымъ. Дорогой онъ старался еще увѣрить себя, что Хина переврала добрую половину и прибавила отъ себя; но достаточно было взглянуть на убитую физіономію Луки, чтобы убѣдиться въ печальной истинѣ.

— Улетѣла наша жаръ-птица...—прошепталъ старикъ, помогая Привалову раздѣться въ передней; на глазахъ у него были слезы, руки дрожали.—Василій Назарычъ уѣхалъ на пріиски; ужъ недѣлю, почитай. Доѣдутъ—не доѣдутъ по послѣднему зимнему пути...

Въ гостиной, на половинѣ Марьи Степановны, Привалова встрѣтила Вѣрочка. Она встрѣтила его съ прежней ледяной холодностью, чего ужъ, кажется, никакъ нельзя было бы ожидать отъ такой кисейной барышни. Марья Степановна приняла его также холодно и жаловалась все время на головную боль.

— А я думала, что ты въ Питеръ уѣхалъ,—какъ-то обидно-равнодушно проговорила она.—Костя что-то писалъ...

Старый бахаревскій домъ показался Привалову могилой, или, вѣрнѣе, домомъ, изъ котораго только-что вынесли дорогого покойника. О Надеждѣ Васильевнѣ не было сказано ни одного слова, точно она совсѣмъ не существовала на свѣтѣ. Приваловъ въ первый разъ почувствовалъ съ болью въ сердцѣ, что онъ чужой въ этомъ старомъ домѣ, который онъ такъ любилъ. Проходя по низенькимъ, уютнымъ комнатамъ, онъ съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ надѣялся встрѣтить здѣсь Надежду Васильевну, какъ это бываетъ послѣ смерти близкаго человѣка.

Старая любовь, какъ брошенное въ землю осенью зерно, долго покрытое слоемъ зимняго снѣга, опять проснулась въ сердцѣ Привалова... Онъ сравнилъ настоящее, какимъ жилъ, съ тѣми фантазіями, которыя вынашивалъ въ груди какихъ-нибудь полгода назадъ. Какъ все было и глупо и обидно въ этомъ счастливомъ настоящемъ... Приваловъ въ первый разъ почувствовалъ нравственную пустоту и тяжесть своего теперешняго счастья, и самъ испугался своихъ мыслей.

Въ этомъ скверномъ расположеніи духа, которое переживалъ Приваловъ, только первое письмо Веревкина, которое онъ прислалъ изъ Петербурга, нѣсколько утѣшило его. Nicolas писалъ, что его подозрѣнія относительно дядюшки, дѣйствительно, оправдались: послѣдній раскинулъ настоящую паутину и уже готовился запустить свою лапу, какъ онъ, т.-е. Веревкинъ, явился самымъ непріятнымъ сюрпризомъ и сразу разстроилъ все дѣло. Веревкинъ подробно описывалъ свои хлопоты, офиціальныя и домашнія: какъ онъ дѣ-

лалъ визиты къ сильнымъ міра сего, какъ его водили за носъ и какъ онъ въ концѣ концовъ добился-таки своего, пуская въ ходъ все свое нахальство, пріобрѣтенное долголѣтней провинціальной практикой. Въ концѣ письма стояла приписка, что дѣломъ о Шатровскихъ заводахъ заинтересовалась одна очень вліятельная особа, которая будетъ имѣть большое значеніе, когда дѣло пойдетъ въ сенатъ. „Сначала,—писалъ Веревкинъ,—я бродилъ, какъ впотьмахъ, но теперь поосмотрѣлся: вездѣ люди, вездѣ человѣки. Дастъ Богъ, учинимъ знатную викторію... А дядюшку смажемъ по всѣмъ правиламъ искусства: не суйся въ калачный рядъ съ суконнымъ рыломъ“.

Нынѣшній постъ четверги Агриппины Филипьевны заставляли говорить о себѣ положительно весь городъ, потому что на нихъ фигурировалъ Приваловъ. Многіе нарочно пріѣзжали за тѣмъ только, чтобы взглянуть на этотъ феноменъ и порадоваться счастью Агриппины Филипьевны, которая такъ удивительно удачно пристраивала свою младшую дочь. Что Алла выходитъ за Привалова—въ этомъ могли сомнѣваться только завзятые дураки.

Вотъ на одномъ изъ такихъ четвергов и произошелъ маленькій случай, имѣвшій неисчислимыя послѣдствія. Публики было особенно много: адвокаты, инженеры, какой-то заѣзжій пѣвецъ, много дамъ. Привалов, конечно, былъ тутъ же, и всѣ видѣли своими глазами, какъ онъ перевертывалъ страницы нотъ, когда Алла исполняла свою сонату. Хіонія Алексѣевна была особенно въ ударѣ и развернулась; французскія фразы такъ и сыпались съ ея языка, точно у нея ротъ былъ начиненъ ими. Въ своемъ увлеченіи Хіонія Алексѣевна даже не обратила вниманія на то, что Агриппина Филипьевна давно перестала улыбаться и тревожно подняла брови кверху.

Въ самомъ разгарѣ вечера, когда Хіонія Алексѣевна только-что готовилась поднести ко рту ложечку клубничнаго варенья, Агриппина Филипьевна отозвала ее немного въ сторону и вполголоса замѣтила:

— Хіонія Алексѣевна, вы бы оставили вашъ французскій языкъ...

Хіонія Алексѣевна въ первую минуту подумала, что она ослышалась, и даже улыбнулась начатой еще за вареньемъ улыбкой, но вдругъ ей все сдѣлалось ясно, ясно, какъ день... Она задрожала всѣмъ тѣломъ отъ нанесеннаго ей оскорбленія и едва могла только спросить:

— Т.-е. какъ это—*мой* французскій языкъ?..

— А такъ... Вы меня ставите въ неловкое положеніе: всѣ смѣются надъ вашимъ произношеніемъ...

— Я?! ставлю *васъ?!* въ неловкое положеніе?!? Всѣ смѣются надъ моимъ произношеніемъ?!? И это говорите мнѣ вы... Агриппина Филипьевна?!?

— Душечка, Хіонія Алексѣевна, пожалуйста, не сердитесь на меня...— попробовала-было подсластить поднесенную пилюлю Агриппина Филипьевна, но было уже поздно: все было кончено!

Я, право, не знаю, какъ описать, что произошло дальше. Въ первую минуту Хіонія Алексѣевна покраснѣла и гордо выпрямила свой станъ; въ слѣдующую за этимъ минуту она вернулась въ гостиную, преисполненнымъ собственнаго достоинства жестомъ достала свою шаль со стула, на которомъ только-что сидѣла, и наконецъ, не простившись ни съ кѣмъ, величественно поплыла въ переднюю, какъ смертельно оскорбленная королева, которая великодушно предоставила оскорбителей мукамъ ихъ собственной совѣсти.

„Мое произношеніе шокируетъ Агриппину Филипьевну!“—вотъ мысль, которая, какъ капля сѣрной кислоты, жгла мозгъ Хіонія Алексѣевны, когда она ѣхала отъ Веревкиныхъ до своего домика.

„Она думаетъ, что если Антонида Ивановна сдѣлалась любовницей При-

валова, такъ мнѣ можно дѣлать всевозможныя оскорбленія", — съ логикой оскорбленной женщины разсуждала далѣе Хіонія Алексѣевна, ломая руки отъ безсильной злости.

„Мужъ—шулеръ, сынъ—дровокатъ, дочь—содержанка, сама изъ забвенныхъ рижскихъ нѣмокъ, которыхъ по тринадцати на дюжину кладутъ!"— вотъ общій знаменатель, къ которому сводились теперь мысли Хіоніи Алексѣевны относительно фамиліи Веревкиныхъ.

VIII.

Именно послѣ этого разрыва все пошло какъ-то не попрежнему между Приваловымъ и Антонидой Ивановной, начиная съ самаго мѣста дѣйствія, которое сузилось наполовину. Гостиная Хины была теперь закрыта, въ клубѣ показываться было не совсѣмъ удобно, чтобы не вызвать озлобленную Хину на какую-нибудь отчаянную выходку. Однако Антонида Ивановна раза два ѣздила туда, точно затѣмъ только, чтобы поддразнить Хину. Половодова теперь играла въ опасную игру, и чѣмъ больше представлялась опасность, тѣмъ сильнѣе она доставляла ей удовольствіе. Это была какая-то бѣшеная скачка за сильными ощущеніями. Для Антониды Ивановны сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ потребности ставить Привалова изъ одного критическаго положенія въ другое. Замѣчательно было то хладнокровіе, съ какимъ она распутывала всѣ затрудненія, какія создавала собственными руками. Если Приваловъ протестовалъ, это вызывало цѣлую бурю упрековъ, колкостей и насмѣшекъ.

— Ты трусъ! — нѣсколько разъ говорила она ему съ вызывающей улыбкой, подталкивая на какую-нибудь рискованную выходку.

Раза два Антонида Ивановна удерживала Привалова до самаго утра. Александръ Павлычъ кутилъ въ „Магнитѣ" и возвращался уже засвѣтло, когда Приваловъ успѣвалъ уйти. Въ третій разъ такой случай чуть не разразился катастрофой. Антонида Ивановна предупредила Привалова, что мужа не будетъ дома всю ночь, и опять задержала его. Въ серединѣ ночи вдругъ послышался шумъ подъѣхавшаго экипажа и звонокъ въ передней.

— Это Александръ!.. — вскрикнула Антонида Ивановна.

Положеніе Привалова оказалось безвыходнымъ: изъ передней уже доносился разговоръ Половодова съ лакеемъ. По тону его голоса и по растягиванію словъ можно было заключить, что онъ явился навеселѣ. Приваловъ стоялъ посерединѣ комнаты, не зная, что̀ ему дѣлать.

— Что̀ же ты стоишь такимъ дуракомъ? — шепнула Антонида Ивановна и вытолкнула его въ сосѣднюю комнату. — Сиди здѣсь... онъ пьянъ и скоро заснетъ, а тогда я тебя успѣю выпустить.

Пока Половодовъ шелъ до спальни, Антонида Ивановна успѣла уничтожить всѣ слѣды присутствія посторонняго человѣка въ комнатѣ и сдѣлала видъ, что спитъ. Приваловъ очутился въ самомъ скверномъ положеніи, какое только можно себѣ представить. Онъ попалъ на какое-то кресло и сидѣлъ на немъ, затаивъ дыханіе; кровь прилила въ голову и колѣни дрожали отъ волненія. Онъ слышалъ, какъ Половодовъ нетвердой походкой вошелъ въ спальню, поставилъ свѣчу на ночной столикъ и, не желая тревожить спавшей жены, осторожно началъ раздѣваться.

— Ты не спишь? — осторожно проговорилъ Половодовъ, когда жена открыла глаза.

— Нѣтъ, не сплю, какъ видишь... — сухо отвѣтила Антонида Ивановна.

— А я, Топечка, сейчасъ отъ Ляховскаго.

— Оно и видно, что отъ Ляховскаго...

— Ей-Богу, Тонечка, не лгу!

— Я тебя не заставляю божиться... Къ чему?

— Ну вотъ... ты ужъ и разсердилась... А я тебя люблю.

— Вѣрю... Вѣроятно, сейчасъ только изъ „Магнита“?

— На минуточку дѣйствительно заѣзжалъ... На одну минуточку, Тонечка. Даже не снималъ шубы...

Наступила пауза; Половодовъ щелкнулъ пальцами и покрутилъ съ самодовольной улыбкой своей головой...

— А ты у меня умница, Тонечка.

— Merci...

— Нѣтъ, серьезно: умница... Знаешь новость?.. Ну, да это все равно!.. Хе-хе... Дѣло-то, пожалуй, и не въ этомъ...

— А въ чемъ?

— Ты сослужила намъ золотую службу, Тонечка...

— Какую службу?..

Половодовъ нѣсколько времени улыбался, а потомъ заговорилъ вполголоса:

— Помнишь, я тебя просилъ устроить такъ, чтобы Привалову у насъ не было скучно?

— Ну?

— Теперь, знаешь, какіе слухи по городу ходятъ... Ха-ха!.. Сегодня мнѣ одинъ дуракъ довольно прозрачно намекнулъ... Ей-Богу!.. Понимаешь, подозрѣваютъ тебя въ близкихъ отношеніяхъ къ этому дураку, Привалову... Ха-ха... Ужъ я хохоталъ-хохоталъ, когда остался одинъ... Вѣдь это, голубчикъ, получается цѣлая пьеса...

— Право, мнѣ надоѣло слушать твои глупости!..

— Нѣтъ, не глупости... Ха-ха!.. Нѣтъ, какого дурака Приваловъ-то разыгралъ... а?.. Вѣдь онъ сильно пріударилъ за тобой, — я знаю и не претендую. А какъ сія исторія совершилась... Ты помнишь своего-то дядюшку, Оскара Филипыча? Ну, я отъ него сегодня телеграмму получилъ...

— Оставь, пожалуйста... Право, мнѣ не интересно слушать про ваши дѣла. У меня голова болитъ...

— Нѣтъ, ты слушай... Если бы Приваловъ уѣхалъ нынче въ Петербургъ, все бы дѣло наше вышло швахъ: и мнѣ, и Ляховскому, и дядюшкѣ — шахъ и матъ былъ бы. Помнишь, я тебя просилъ въ послѣдній разъ во что бы то ни стало отговорить Привалова отъ такой поѣздки, даже позволить ему надѣяться... Ха-ха!.. Я не интересуюсь, что между вами тамъ было, только онъ остался здѣсь, а вмѣсто себя послалъ Nicolas... Ну и просолилъ все дѣло!

— Ничего не понимаю... Да и ты самъ не знаешь, что болтаешь спьяна!

— Нѣтъ, знаю, голубчикъ... Вѣдь ты умница!.. Nicolas еще можетъ намъ накостить, ну, тогда другую механику подведемъ... На выдумки природа таровата!..

IX.

Весна вышла дружная; быстро стаяли послѣдніе остатки снѣга, лежавшаго по низинамъ и глубокимъ оврагамъ; около воды высыпала первая зеленая травка, и, насколько кругомъ хваталъ глазъ, все покрылось черными заплатами только-что поднятыхъ пашенъ, перемѣшанныхъ съ желтыми квадра-

тами отдыхавшей земли и зеленѣвшими озимями. Надъ пашней давно звенѣлъ жаворонокъ, и въ черной землѣ копались серьезные грачи. Сѣвы шли стоимъ чередомъ.

Приваловъ въ эту горячую пору успѣлъ отдѣлать вчернѣ свой флигелекъ въ три окна, куда и перешелъ въ началѣ мая; другую половину флигеля пока занимали Телкинъ и Нагибинъ. Работа по мельницѣ пріостановилась, пока не были подысканы новые рабочіе. Свободное время, которое теперь оставалось у Привалова, онъ проводилъ на поляхъ, присматриваясь къ крестьянскому хозяйству на мѣстѣ.

Однажды въ половинѣ мая, когда Приваловъ, усталый, прибрелъ съ полей въ свой флигелекъ, Нагибинъ торопливо догналъ его и издали еще кричалъ:

— Сергѣй Александрычъ, Сергѣй Александрычъ... Слышали новость?

— Какую?

— Вечоръ на Лалетинскія воды привезли Ляховскаго замертво...

— Какъ такъ?

— А такъ!.. Безъ языка, и правая половина вся отнялась. Этакая бѣда, подумаешь, стряслась!.. Дочь-то только-только поправилась, а тутъ и самъ свернулся... И дохтура съ собой привезли, Бориса Григорьича. Вы бы съѣздили его провѣдать, Сергѣй Александрычъ!

— Пожалуй... — нерѣшительно согласился Приваловъ. — Мнѣ его давно нужно увидать.

На другой день у приваловскаго флигелька стояла плетенка, въ какихъ ѣздятъ по всему Уралу, заложенная парой костлявыхъ киргизокъ. На козлахъ сидѣлъ кучеромъ гарчиковскій мужикъ Степанъ, отбившійся, по скудоумію, отъ земли и промышлявшій около господъ. Когда плетенка, покачиваясь на своихъ гибкихъ рябиновыхъ дрогахъ, бойко покатилась по извилистому проселку, мимо безконечныхъ полей, Приваловъ въ первый еще разъ испытывалъ то блаженное чувство покоя, какому завидывалъ въ другихъ. Ему все нравилось кругомъ: и вспаханныя поля, и всходившія озими, и эта мягкая, какъ покрытая войлокомъ, черноземная проселочная дорога, и дружный бѣгъ сильныхъ киргизокъ, и даже широкая заплатанная спина Степана, который смѣшно дергалъ локтями въ ныркахъ и постоянно поправлялъ на головѣ рваную баранью шапчонку. Здоровое чувство охватило Привалова, и онъ даже пожалѣлъ Ляховскаго. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ его передъ масленицей; старикъ чувствовалъ себя бодро и строилъ планы будущаго.

— Вотъ тебѣ и Лалетинка, — проговорилъ Степанъ, когда плетенка бойко вскатилась на послѣдній пригорокъ.

Внизу, подъ пригоркомъ, рѣка Лалетинка дѣлала широкій выгибъ, подмывая крутой песчаный берегъ, поросшій молодымъ соснякомъ; на широкомъ и низкомъ мысу высыпало около сотни крестьянскихъ избъ, точно всѣ онѣ сушились на солнечной пригрѣвѣ. Издали можно было различить деревянное зданіе курзала надъ желѣзнымъ ключомъ, длинную веранду, гдѣ играла во время лѣчебнаго сезона музыка и гуляли больные, длинное и неуклюжее зданіе номеровъ для пріѣзжающихъ больныхъ. По берегу рѣки, справа было выстроено до десятка плохонькихъ ваннъ, затянутыхъ сверху новой парусиной. Видъ на всю деревню былъ очень красивъ, хотя курзалъ еще былъ пустъ, потому что большинство больныхъ собиралось на воды только къ концу мая. Когда плетенка подкатилась къ подъѣзду номеровъ для пріѣзжающихъ, съ поднятымъ флагомъ на крышѣ, изъ оконъ второго этажа выглянуло на Привалова нѣсколько блѣдныхъ, болѣзненныхъ лицъ. Въ числѣ

другихъ выглянулъ и докторъ Хлюдзинскій, который завѣдывалъ водами. Приваловъ пробѣжалъ глазами въ передней номеровъ черную доску, гдѣ были записаны фамиліи жильцовъ, и остановился; пять номеровъ подъ рядъ были подписаны одной фамиліей Ляховскаго.

— Вамъ кого-съ? — спрашивалъ коридорный въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Доктора Сараева можно видѣть?

— Сейчасъ-съ, я доложу...

Коридорный черезъ минуту вернулся въ сопровожденіи самого доктора, который съ улыбкой посмотрѣлъ на смятый дорожный костюмъ Привалова и пожалъ ему руку:

— А я пріѣхалъ провѣдать васъ, — проговорилъ Приваловъ, входя въ номеръ доктора.

Въ маленькой комнаткѣ, которую докторъ занималъ въ нижнемъ этажѣ, царилъ тотъ безпорядокъ, какой привозятъ съ собой всѣ путешественники: въ углу стоялъ полураскрытый чемоданъ, на стѣнѣ висѣло забрызганное дорожной грязью пальто, на окнѣ разложены были хирургическіе инструменты и стояла раскрытая коробка съ табакомъ. Въ первое мгновеніе Приваловъ едва замѣтилъ молодую, бѣлокурую дѣвушку съ остриженными подъ гребенку волосами, которая сидѣла въ углу клеенчатаго дивана. Когда она съ улыбкой поклонилась, Привалову показалось, что онъ гдѣ-то видалъ это худенькое восковое лицо съ тонкимъ профилемъ и большими темными глазами.

— Не узнаёте, Сергѣй Александрычъ?—спросилъ знакомый женскій голосъ.

— Софья Игнатьевна!.. Ужели это вы?—удивился Приваловъ.

— Какъ видите... Состарилась, не правда ли?.. Должно-быть, хороша, если даже знакомые не узнаютъ,—говорила Зося, съ завистью больного человѣка разсматривая здоровую фигуру Привалова, который точно внесъ съ собой въ комнату струю здороваго деревенскаго воздуха.

— А мы недавно о васъ говорили здѣсь, Сергѣй Александрычъ, — сказалъ докторъ.—Вотъ Софья Игнатьевна очень интересовалась вашей мельницей.

— Да, да...—съ живостью подтвердила дѣвушка слова доктора.—И не одной мельницей, а вообще всѣмъ вашимъ предпріятіемъ, о которомъ, къ сожалѣнію, я узнала только изъ третьихъ рукъ.

— Я не зналъ, Софья Игнатьевна, что васъ могла такъ интересовать моя мельница.

— Нѣтъ, мы все-таки интересуемся вашей мельницей, — отвѣчалъ докторъ.—И даже собирались сдѣлать вамъ визитъ... Вотъ только насъ задерживаетъ нашъ больной.

— А мнѣ можно будетъ видѣть Игнатія Львовича? — спросилъ Приваловъ.—Я пріѣхалъ не по дѣлу, а просто навѣстить больного.

— Папа будетъ вамъ очень радъ, —отвѣтила Зося за доктора.—Только онъ ничего не говоритъ пока, но всѣхъ узнаётъ отлично... Ему было немного лучше, но дорога испортила...

Когда докторъ вышелъ изъ номера, чтобы провѣдать больного, дѣвушка заговорила:

— Вѣдь папѣ совсѣмъ было лучше, и онъ могъ уже ходить по комнатѣ съ костылями, но тутъ подвернулся этотъ Альфонсъ Богданычъ. Вы, вѣроятно, видали его у насъ? Что произошло между ними — не знаю, но съ папой вдругъ сдѣлался параличъ...

— Если вы желаете навѣстить больного, онъ будетъ вамъ радъ, — заявилъ докторъ, появляясь въ дверяхъ.

Черезъ два номера, по обитой ковромъ двери, Приваловъ узналъ помѣщеніе больного. Стѣны номера и весь полъ были покрыты ташкентскими коврами; слабая струя свѣта едва пробивалась сквозь драпировки оконъ, выхватывая изъ наполнявшаго комнату полумрака что-то бѣлое, что̀ лежало на складной американской кровати, какъ узелъ вычищеннаго бѣлья. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ эоира и какого-то пахучаго спирта. Докторъ осторожно подвелъ Привалова къ креслу, которое стояло у самой кровати больного рядомъ съ ночнымъ столикомъ, заставленнымъ аптечными банками и флаконами. Только теперь Приваловъ разсмотрѣлъ голову больного, обернутую чѣмъ-то бѣлымъ: глаза были полуоткрыты, ротъ непріятно скошенъ на сторону. Слабое движеніе лѣвой руки—вотъ все, чѣмъ больной могъ заявить о своемъ человѣческомъ существованіи.

— Папа, какъ ты себя чувствуешь?—спрашивала дѣвушка, заходя къ отцу съ другой стороны кровати.—Сергѣй Александрычъ нарочно пріѣхалъ, чтобы навѣстить тебя...

Слабое движеніе руки, жалко опустившейся на одѣяло, было отвѣтомъ, да глаза раскрылись шире, и въ нихъ мелькнуло сознаніе живого человѣка. Приваловъ посидѣлъ около больного съ четверть часа; докторъ сдѣлалъ знакъ, что продолженіе этого безмолвнаго визита можетъ утомить больного, и всѣ осторожно вышли изъ комнаты. Когда Приваловъ началъ прощаться, дѣвушка проговорила:

— Вы куда же? Нѣтъ, мы васъ оставимъ обѣдать... И не думайте отказываться: по-деревенски, безъ церемоній.

Обѣдъ былъ поданъ въ номерѣ, который замѣнялъ пріемную и столовую. Къ обѣду явились папи Марина и Давидъ. Приваловъ смутился за свой деревенскій костюмъ и пожалѣлъ, что согласился остаться обѣдать. Ляховская отнеслась къ гостю съ той безсодержательной свѣтской любезностью, которая ничего не говоритъ. Чтобы попасть въ тонъ этой дамы, Привалову пришлось собрать весь запасъ своихъ знаній большого свѣта. Эти трогательныя усилія по возможности раздѣлялъ докторъ, и они вдвоемъ едва тащили на себѣ тяжесть свѣтскаго ига.

— Какимъ вы богатыремъ смотрите среди насъ,—откровенно замѣтила Зося, обращаясь къ Привалову въ серединѣ обѣда.—Мы всѣ рядомъ съ вами просто жалки: мама не совсѣмъ здорова, Давидъ какъ всегда, докторъ тоже какой-то желтый весь, обо мнѣ и говорить нечего... Я вчера взглянула на себя въ зеркало и даже испугалась: чистая восковая кукла, которая завалялась въ магазинѣ.

— Будемъ, по примѣру Сергѣя Александрыча, надѣяться на цѣлебную силу деревенскаго воздуха,—проговорилъ докторъ.

Приваловъ вздохнулъ свободнѣе, когда наконецъ обѣдъ кончился и онъ могъ распрощаться съ этимъ букетомъ чающихъ движенія воды.

— Если вы захотите осмотрѣть мою мельницу, Софья Игнатьевна,—говорилъ Приваловъ, прощаясь съ дѣвушкой:—я буду очень счастливъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, Сергѣй Александрычъ,—весело отвѣчала Зося, встряхивая головой:—мы съ докторомъ прикатимъ къ вамъ.

X.

Мы должны вернуться назадъ, къ концу апрѣля, когда Ляховскій начиналъ поправляться и бродилъ по своему кабинету при помощи костылей. Трехмѣсячная болѣзнь принесла съ собой много упущеній въ хозяйствѣ,

теперь Ляховскій старался наверстать даромъ пропущенное время. Онъ рано утромъ поджидалъ Альфонса Богданыча и впередъ закипалъ гнѣвомъ по поводу разныхъ щекотливыхъ вопросовъ, которые засѣли въ его головѣ со вчерашняго дня.

Наконецъ дверь скрипнула, и на порогѣ показался самъ Альфонсъ Богданычъ съ кипой бумагъ въ старомъ портфелѣ.

— Надѣюсь, драгоцѣнное здоровье Игнатія Львовича совсѣмъ поправилось?—льстиво заговорилъ управляющій, съ низкимъ поклономъ занимая свое обычное мѣсто за письменнымъ столомъ.

— Да, вы можете надѣяться...—сухо отвѣтилъ Ляховскій.—Можетъ-быть, вы надѣялись на кое-что другое, но Богу было угодно поднять меня на ноги... Да! Можетъ-быть, кто-нибудь ждалъ моей смерти, чтобы завладѣть моими деньгами, моими имѣньями... Ну, сознайтесь, Альфонсъ Богданычъ, у васъ вѣдь не дрогнула бы рука обобрать меня? О, по лицу вижу, что не дрогнула бы... Вы бы стащили съ меня саванъ... Я это чувствую!.. Вы бы пустили по міру и пани Марину и Зосю... О-о!.. Прошу васъ, не отпирайтесь: совершенно напрасно... Да!

Альфонсъ Богданычъ улыбнулся. Да, улыбнулся въ первый разъ, улыбнулся спокойной улыбкой совсѣмъ независимаго человѣка и такъ же спокойно посмотрѣлъ прямо въ глаза своему патрону... Ляховскій былъ пораженъ этой дерзостью своего всенижайшаго слуги и готовъ былъ разразиться цѣлымъ потокомъ проклятій, но Альфонсъ Богданычъ предупредилъ его однимъ жестомъ: онъ съ прежнимъ спокойствіемъ раскрылъ свой портфель, порылся въ бумагахъ и досталъ оттуда свѣженькое объявленіе, отпечатанное на листѣ почтовой бумаги большого формата.

— Вотъ...—коротко проговорилъ онъ, подавая объявленіе Ляховскому.

Отнеся бумагу далеко отъ глазъ, Ляховскій быстро пробѣжалъ глазами объявленіе, которое гласило: „Торгово-промышленная компанія А. Б. Пуцилло-Маляхинскаго. Компанія имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что она, на вновь открытыхъ заводахъ—винокуренныхъ, кожевенныхъ, свѣчныхъ и мыловаренныхъ, принимаетъ всевозможные заказы, ручаясь за добросовѣстное выполненіе оныхъ и, въ особенности, за ихъ своевременность. Заводы расположены въ Западной Сибири, главный складъ и контора компаніи помѣщаются въ г. Узлѣ, по Соборной улицѣ, въ домѣ А. Б. Пуцилло-Маляхинскаго“. Подъ объявленіемъ стояла полная подпись: „А. Б. Пуцилло-Маляхинскій“. Ляховскій три раза прочелъ объявленіе, почесалъ себѣ лобъ, заглянулъ на оборотную сторону бумаги и наконецъ проговорилъ:

— Не знаю... Совсѣмъ не слыхалъ такой компаніи!.. Что это за Пуцилло-Маляхинскій? Вѣроятно, какой-нибудь аферистъ?.. Совсѣмъ незнакомая фамилія.

— Можетъ-быть, почтеннѣйшему Игнатію Львовичу угодно будетъ припомнить эту фамилію?—съ прежней улыбкой проговорилъ Альфонсъ Богданычъ.—Когда-то Игнатій Львовичъ зналъ эту фамилію.

— Нѣтъ, не помню!

— Мой дѣдъ по отцу былъ Пуцилло, а мой дѣдъ по матери—Маляхинскій,—проговорилъ Альфонсъ Богданычъ.

Ляховскій сдѣлалъ большіе глаза, раскрылъ ротъ и безсильно опустился въ свое ободранное кресло, схватившись обѣими руками за голову. Въ этой умной головѣ теперь колесомъ вертѣлась одна мысль:

„Пуцилло-Маляхинскій... Пуцилло-Маляхинскій... Пуцилло-Маляхинскій“.

— Вы меня обокрали, Альфонсъ Богданычъ... — прошепталъ убитымъ голосомъ Ляховскій.—Каждый гвоздь на вашихъ заводахъ мой... Понимаете: вы меня пустили по міру!..

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Игнатій Львовичъ... Я вашего ничего не тронулъ, а если что имѣю, то это плоды долголѣтнихъ сбереженій.

— Плоды долголѣтнихъ сбереженій!! Ха-ха!—дико захохоталъ Ляховскій, закидывая голову.—Вѣрнѣе: плоды долголѣтняго систематическаго грабежа...

— Вы ошибаетесь, Игнатій Львовичъ, — невозмутимо продолжалъ Альфонсъ Богданычъ.—Вы изъ ничего создали колоссальныя богатства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я не обладаю такими счастливыми способностями и долженъ былъ употребить десятки лѣтъ для созданія собственной компаніи. Намъ, надѣюсь, не будетъ тѣсно, и мы будемъ полезны другъ другу, если этого, конечно, захотите вы... Все зависитъ отъ васъ...

— Скажите мнѣ одно, — спрашивалъ Ляховскій:—какъ вы успѣли выстроить всѣ эти заводы, когда все время находились неотлучно при мнѣ? Кто строилъ всѣ эти заводы?..

— Какъ кто? По матери у меня остались два племянника Маляхинскихъ и по отцу у меня три племянника Пуцилло... Молодые люди отлично кончили курсъ въ высшихъ заведеніяхъ и постройкой заводовъ только отплатили мнѣ за то воспитаніе, которое я далъ имъ.

— У васъ пять племянниковъ?!.

— И одна племянница... Очень милая дѣвушка, Игнатій Львовичъ! И какія завидныя способности: говоритъ на трехъ языкахъ, рисуетъ...

— Довольно, довольно... Вѣрю!..

Ляховскій чувствовалъ, какъ онъ проваливается точно въ какую-то пропасть. Вѣдь всѣ дѣла были на рукахъ у Альфонса Богданыча, онъ все на свѣтѣ зналъ, вездѣ поспѣвалъ во-время, и вдругъ Альфонса Богданыча не стало... Кого Ляховскій найдетъ теперь на его мѣсто? Вдобавокъ, онъ самъ не могъ работать попрежнему. Фамилія Пуцилло-Маляхинскій придавила Ляховскаго, какъ гора. Впереди—медленное разореніе...

Вечеромъ съ нимъ сдѣлался ударъ.

XI.

Публика начала съѣзжаться на воды только къ концу мая. Конечно, только половину этой публики составляли настоящіе больные, а другая половина ѣхала просто весело провести время, тѣмъ болѣе, что лѣтомъ жизнь въ пыльныхъ и душныхъ городахъ не представляетъ ничего привлекательнаго.

— Господа... mesdames, пользуйтесь воздухомъ! — кричалъ докторъ Хлюдзинскій съ утра до вечера, торопливо перебѣгая отъ одной группы къ другой.—Отъ воздуха зависитъ все, mesdames!.. Посмотрите на Ляховскихъ: отца привезли замертво, дочь была совершенно прозрачная, а теперь Игнатій Львовичъ катается въ своемъ креслѣ, а Софья Игнатьевна расцвѣла, какъ ширазская роза!.. Да, mesdames... А все отчего: Софья Игнатьевна вполнѣ пользуется всѣми благами деревенскаго воздуха, и розы на ея щекахъ служатъ лучшимъ доказательствомъ ея благоразумія.

Какъ на всѣхъ другихъ водахъ, знакомства здѣсь сводились съ поразительной быстротой, и все общество быстро распалось на свои естественныя группы: на аристократію, буржуазію и разночинцевъ. Конечно, во главѣ аристократіи стояли Ляховскіе, а Зося явилась львицей сезона и поэтому заслужила откровенную ненависть всѣхъ дамъ и дѣвицъ сезона. Въ этой

ненависти всѣ разнородные элементы соединились въ одно сплоченное цѣлое, и когда Зося по вечерамъ являлась въ танцовальной залѣ курзала, ее встрѣчалъ цѣлый строй холодныхъ и насмѣшливыхъ взглядовъ. Мы должны сказать, что въ числѣ лѣчившихся дамъ была и наша уважаемая Хіонія Алексѣевна: ея высохшее тѣло требовало тоже отдыха, и она бродила по курзалу съ самымъ меланхолическимъ видомъ. Собственно говоря, она ничѣмъ не была больна, а только чувствовала потребность немножко разсѣяться. Оставаться въ Узлѣ, на развалинахъ погибшей пансіонской дружбы, было выше даже ея силъ, и она рѣшилась отдохнуть на лонѣ природы. Но этотъ отдыхъ продолжался всего одинъ день, а когда Хіонія Алексѣевна показалась въ курзалѣ, она сразу попала въ то пестрое теченіе, въ которомъ барахталась всю свою жизнь. Въ обособленіи членовъ на группы Хіонія Алексѣевна, конечно, приняла самое дѣятельное участіе и повела глухую борьбу противъ аристократическихъ привилегій, т.-е. противъ Зоси Ляховской, за которой больная молодежь ходила толпой. Раньше она занималась „этой дѣвчонкой“ только между прочимъ, а теперь принялась за работу вполнѣ серьезно.

— Нѣтъ, я ей покажу, этой дѣвчонкѣ! — рѣшила Хіонія Алексѣевна, закидывая гордо свою голову. — Она воображаетъ, что если у отца милліоны, такъ и лучше ея нѣтъ на свѣтѣ...

Началась настоящая травля. Заплатина преслѣдовала Зосю по пятамъ и наконецъ добилась того, что та обратила на нее вниманіе.

— Скажите, пожалуйста, за что ненавидитъ меня эта дама?—спрашивала Зося доктора Сараева, указывая на Хину. — Она просто какъ-то шипитъ, когда увидитъ меня... У нея дѣлается такое страшное лицо, что я не шутя начинаю бояться ея. А между тѣмъ я рѣшительно ничего ей не сдѣлала.

Докторъ только пожалъ плечами, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой философъ разрѣшитъ всѣ тайны дамскихъ симпатій и антипатій? Объяснять Зосѣ, что Заплатина преслѣдуетъ Зосю за ея богатство и красоту, — докторъ не рѣшался, предоставляя Зосѣ своимъ умомъ доходить до корня вещей.

Потомъ Зосѣ случилось уловить какую-то саркастическую французскую фразу, произнесенную Хіоніей Алексѣевной.

— О, да она еще говоритъ по-французски, и довольно порядочно!— удивилась про себя дѣвушка, оглядываясь на сердитую даму.

Наконецъ имъ пришлось заговорить. Сначала онѣ обмѣнялись сухими, почти враждебными фразами, но потомъ ихъ бесѣда приняла болѣе мирный характеръ.

Хина въ самыхъ живыхъ краскахъ очертила собравшуюся на воды публику и заставила хохотать свою юную собесѣдницу до слезъ; затѣмъ послѣдовалъ рядъ портретовъ общихъ знакомыхъ въ Узлѣ, причемъ Бахаревымъ и Веревкинымъ досталось прежде всего. А когда Заплатина перешла къ изображенію „гордеца“ Половодова, Зося принялась хохотать, какъ сумасшедшая, и кончила тѣмъ, что могла только махать руками.

— Странно, я встрѣчаю въ васъ первую женщину, съ которой нельзя соскучиться,—говорила Зося, все еще продолжая вздрагивать всѣмъ тѣломъ отъ душившаго ее смѣха.

— А я?.. Я задыхаюсь въ обществѣ этихъ Веревкиныхъ, Бахаревыхъ и Половодовыхъ,—въ свою очередь откровенничала Хина.—Развѣ наши дамы могутъ что-нибудь понимать, кромѣ своихъ тряпокъ?..

Докторъ Сараевъ давно разыскивалъ Зосю и немало былъ удивленъ, когда нашелъ ее въ обществѣ Заплатиной, со слѣдами слезъ на глазахъ.

— До свиданія, милѣйшая Хіонія Алексѣевна! — проговорила Зося,

пожимая руку своей собесѣдницы. — Не правда ли, мы еще увидимся съ вами?

— Я удивляюсь, Зося, вашей неразборчивости въ выборѣ вашихъ новыхъ знакомыхъ,—строго замѣтилъ докторъ, когда они шли въ номера.

— Ахъ, если бы вы слышали, какъ она смѣшно разсказываетъ!.. Ха-ха... Вѣдь это воплощенный ядъ!.. Нѣтъ, это такой рѣдкій экземпляръ дамской породы... Она меня просто уморила, докторъ.

Хіонія Алексѣевна владѣла счастливой способностью выжимать какія угодно обстоятельства въ свою пользу. Неожиданное знакомство съ Зосей подняло въ ея головѣ цѣлый ворохъ проектовъ и плановъ. Теперь Зося была не просто гордая дѣвчонка, а совмѣщеніе всѣхъ человѣческихъ достоинствъ: красоты, ума, доброты, веселья, находчивости, остроумія, а главное — эта дѣвица была настоящая аристократка, до которой далеко всѣмъ этимъ Nadine Бахаревымъ, Алламъ, Аннамъ Павловнамъ и tutti quanti. Заплатина упивалась аристократическимъ происхожденіемъ Зоси, какъ раньше преклонялась предъ магической силой приваловскихъ милліоновъ. Однимъ словомъ, Зося являлась въ глазахъ Хіоніи Алексѣевны идеаломъ молодой дѣвушки.

— У васъ, mon ange, каждое мимолетное движеніе — цѣлая исторія,— объясняла Хина Зосѣ ея совершенства. — Даже въ самыхъ недостаткахъ сказывается кровь, порода.

А прибавьте къ этому еще то, что Зося была единственной наслѣдницей богатствъ Ляховскаго! У Заплатиной кружилась даже голова, когда она про себя перечисляла различныя статьи этого богатства. Для кого курились винокуренные заводы по всему Зауралью? Для кого паслись въ киргизской степи стада барановъ, изъ которыхъ послѣ топили сало, дѣлали мыло и свѣчи? Для кого работали кожевенные и стеклянные заводы? Для кого совершались милліонныя торговыя операціи? Для кого качались богатѣйшіе урожаи на тысячахъ десятинъ, куплепныхъ за безцѣнокъ?

Заплатина не могла не чувствовать собственнаго ничтожества рядомъ съ этими дарами фортуны. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь пополнить свои недостатки, почтенная женщина обратила свое вниманіе на Привалова, который въ ея разсказахъ являлся какой-то частью ея собственнаго существованія. Какъ бы удивился самъ Приваловъ, если бы услышалъ, какъ Хина распиналась за него предъ Зосей. Во-первыхъ, онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ сказочныхъ принцевъ, которые сначала являются безъ королевства, а потомъ, преодолѣвая тысячи препятствій, добиваются своихъ наслѣдственныхъ правъ. Хина сумѣла придать исторіи наслѣдства Привалова самый заманчивый характеръ, а его самого надѣлила такими достоинствами, какія оставались незамѣтны только благодаря его скромности. Во-вторыхъ, мельница Привалова и его хлѣбная торговля служили только началомъ осуществленія его геніальныхъ плановъ,—вѣдь Приваловъ былъ герой и, въ качествѣ такового, сдѣлаетъ чудеса тамъ, гдѣ люди въ теченіе тысячи лѣтъ только хлопали ушами. Заплатина тонко намекнула Зосѣ, что мельница и хлѣбная торговля служатъ только прикрытіемъ тѣхъ соціальныхъ задачъ, которыя взялся осуществить Приваловъ. Да, это былъ соціалистъ и очень опасный человѣкъ, хотя никто этого и не подозрѣваетъ, благодаря его тонкой скромности. Новый Приваловъ, котораго Хина создавала слушательницѣ, увлекалъ разсказчицу, и она сама начинала вѣрить собственнымъ словамъ.

— Да, онъ не походитъ на другихъ,—задумчиво договорила Зося.

— Конечно!.. Это, mon ange, необыкновенный человѣкъ.

— Скажите, онъ вѣдь, кажется, былъ влюбленъ въ Надежду Васильевну?—неожиданно спросила Зося.

Хина немного смутилась въ первое мгновеніе, но сейчасъ же побѣдоносно вышла изъ своего затруднительнаго положенія.

— Могу васъ увѣрить, что серьезнаго ничего не было... Просто были дѣтскія воспоминанія; затѣмъ, сама Надежда Васильевна все время держала себя съ Приваловымъ какъ-то ужъ очень двусмысленно; наконецъ старики Бахаревы помѣшались на мысли непремѣнно имѣть Привалова своимъ зятемъ. Вотъ и все!..

Зося снизошла до того, что сдѣлала визитъ Заплатиной въ ея маленькую избушку, гдѣ пахло курами и телятами. Заплатина, конечно, постаралась не остаться въ долгу и черезъ два дня заявилась въ своемъ лучшемъ шелковомъ платьѣ къ Ляховскимъ. Все шло отлично, пока Хіонія Алексѣевна сидѣла въ комнатѣ Зоси, но, когда она показалась въ столовой, ей пришлось испытать сразу двѣ непріятности. Во-первыхъ, пани Марина приняла Хину съ ея французскимъ языкомъ съ такой ледянящей любезностью, что у той заскребли кошки на сердцѣ; во-вторыхъ, Давидъ, отлично знавшій Хіонію Алексѣевну по Общественному клубу, позволилъ себѣ съ ней такія фамильярности, какихъ она совсѣмъ не желала для перваго визита.

Этотъ визитъ омрачилъ счастливое настроеніе Заплатиной, и она должна была, изъ чувства безопасности, прекратить свои дальнѣйшія посѣщенія Ляховскихъ. Да кромѣ того, ей совсѣмъ не нравилось смотрѣть на презрительное выраженіе лица, съ которымъ встрѣтилъ ее самъ Игнатій Львовичъ, хотя ему, какъ больному, можно было многое извинить; затѣмъ натянутая любезность, съ какой обращался съ ней докторъ, тоже шокировала покорную приличіямъ свѣта натуру Хіоніи Алексѣевны.

Зося, конечно, относилась къ ней хорошо, но она не хотѣла ронять своего достоинства въ глазахъ этой дѣвушки, благодаря неприличному поведенію остальныхъ членовъ семьи.

У Хіоніи Алексѣевны блеснула счастливая мысль.

— Я удивляюсь, mon ange,—говорила она однажды Зосѣ:—что̀ вамъ за охота похоронить себя лѣтомъ въ четырехъ стѣнахъ, когда вы имѣете полную возможность устроиться совершенно иначе, какъ восточная царица... Да!..

Зося пила кумысъ, который ей привозили башкиры откуда-то изъ-подъ Краснаго Луга. Вотъ отлично было бы пожить жизнью этихъ номадовъ, а для этого стоило только поставить свою палатку около башкирскихъ кошей. Палатку можно устроить на текинскій образецъ: снаружи обить бѣлымъ войлокомъ, а внутри убрать все бухарскими коврами. Это будетъ прелестно!.. Можно создать всю обстановку во вкусѣ кочевниковъ, до послѣдняго гвоздя. А какъ это будетъ оригинально! Какія parties de plaisir можно будетъ тамъ устраивать... Одно удовольствіе—провести полтора мѣсяца въ такой палаткѣ, буквально на лонѣ природы, среди дикихъ сыновъ степей — одно такое удовольствіе чего стоило. Зося расцѣловала Хіонію Алексѣевну и ухватилась обѣими руками за оригинальную выдумку.

— Только я прошу васъ объ одномъ,—говорила Заплатина:—выдайте, mon ange, все за собственное изобрѣтеніе... Мнѣ кажется, что ваши предубѣждены противъ меня и могутъ не согласиться, если узнаютъ, что я подала вамъ первую мысль.

— Хорошо, но съ условіемъ: мы будемъ жить вмѣстѣ... Не правда ли?..

Хина поломалась для порядку и въ концѣ концовъ изъявила свое согласіе. Такимъ образомъ ей не зачѣмъ будетъ являться съ визитами къ Ляховскимъ и она будетъ имѣть совершенно самостоятельное значеніе. А тамъ—будетъ, что̀ будетъ...

Проектъ Зоси былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ, особенно докторомъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше: чѣмъ безтолково толочься по курзалу, полезнѣе въ тысячу разъ получать всѣ блага природы изъ первыхъ рукъ.

Немедленно былъ посланъ въ Троицкъ, какъ на ближайшій мѣновой дворъ, особенный нарочный съ порученіемъ пріобрѣсти четыре кибитки: одну для Зоси, одну для конюховъ, одну для женской прислуги и одну на всякій случай, то-есть для гостей. Черезъ недѣлю нарочный вернулся; немедленно было выбрано мѣсто подъ кибитки, и блестящая затѣя получила свое реальное осуществленіе. Мѣсто, гдѣ раскинулись палатки, было восхитительно: на высокомъ берегу безыменной рѣчушки, въ двухъ шагахъ отъ тѣнистой березовой рощи; кругомъ волновалась густая зеленая трава, точно обрызганная милліонами пестрыхъ лѣсныхъ цвѣточковъ. Башкирское кочевье оживляло ландшафтъ. Около дырявыхъ, ободранныхъ кошей суетилась подвижная полунагая толпа ребятъ, денно-нощно работали женщины, эти безотвѣтныя труженицы въ духѣ добрыхъ азіатскихъ нравовъ, и вѣчно ничего не дѣлали сами башкиры, попивая кумысъ и разъѣзжая по окрестностямъ на своихъ мохноногихъ лошадкахъ; по ночамъ около кошей горѣли яркіе огни, и въ тихомъ воздухѣ таяла и стыла башкирская монотонная пѣсня, разсказывавшая про подвиги башкирскихъ богатырей, особенно о знаменитомъ Салаватѣ. Верстахъ въ десяти, на горизонтѣ, темнѣли избы деревни Красный Лугъ. Благодатная Башкирія дышала здѣсь всѣми своими красотами.

XII.

Жизнь въ кошахъ быстро возстановила здоровье Зоси. Она все время проводила на воздухѣ; нарочно были приведены изъ Узла Тэкэ и Батырь. Зося любила устраивать длинныя прогулки верхомъ, въ обществѣ доктора. Хіонія Алексѣевна пыталась-было принять участіе въ этихъ прогулкахъ: однажды она совсѣмъ рѣшилась-было преодолѣть свой институтскій страхъ къ осѣдланной лошади и даже, при помощи Ильи, взобралась на Батыря, но при первой легкой рыси комомъ, какъ застрѣленная птица, свалилась съ сѣдла и даже слегка повихнула ногу. Оставалось покориться судьбѣ и сидѣть въ кошѣ, пока Зося гарцовала на своемъ иноходцѣ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ докторъ и Зося подъѣхали къ самымъ Гарчикамъ.

— Вонъ мельница Привалова,—указалъ докторъ на широкій прудъ и строившуюся мельницу.—Если хотите, можемъ сдѣлать визитъ Сергѣю Александрычу?

— Съ удовольствіемъ,—согласилась Зося.

Они нашли Привалова на мѣстѣ строившейся мельницы. Онъ вылѣзъ откуда-то изъ нижняго этажа, въ плисовой поддевкѣ и шароварахъ; ситцевая рубашка-косоворотка красиво охватывала его широкую шею. На головѣ былъ надвинутъ какой-то картузъ. Когда Зося протянула ему руку, затянутую въ сѣрую шведскую перчатку съ лакированнымъ раструбомъ, Приваловъ съ улыбкой отдернулъ назадъ свою уже протянутую ладонь.

— Боюсь испортить вамъ перчатку, Софья Игнатьевна,— добродушно проговорилъ онъ, но Зося настояла и пожала его широкую ладонь.

— А мы пріѣхали съ спеціальной цѣлью мѣшать вамъ,—смѣялась дѣвушка, граціозно перекидывая шлейфъ своей амазонки черезъ лѣвую руку.— Вы намъ покажете всѣ свои подвиги...

Приваловъ повелъ гостей показывать мельницу, и Зося въ своей ама-

зонкѣ лазала по всѣмъ угламъ мельничнаго корпуса, внимательно разсматривая всѣ подробности производившихся работъ.

Въ маленькомъ флигелькѣ на скорую руку устроенъ былъ чай. Нагибинъ собственноручно „наставилъ“ самоварчикъ и не безъ эффекта подалъ его на столъ.

За чаемъ, когда Зося наливала стаканы въ качествѣ хозяйки, докторъ не безъ ловкости навелъ разговоръ на земледѣліе, а потомъ перешелъ къ хлѣбной торговлѣ и мельницѣ. Приваловъ сначала отдѣлывался общими фразами, но потомъ разговорился. Ему нравилось, что Зося интересуется его мельницей и съ такимъ вниманіемъ слушаетъ его объясненія. Дѣвушка сдѣлала нѣсколько вопросовъ, которые показывали, что она относится къ дѣлу не съ праздным любопытствомъ, а съ чистосердечнымъ желаніемъ понять все. Пока Приваловъ говорилъ, Зося внимательно разсматривала выраженіе этого загорѣлаго, добродушнаго лица; открытый взглядъ карихъ глазъ, что-то увѣренное и спокойное въ движеніяхъ — произвели сегодня на Зосю то впечатлѣніе, которое было подготовлено разсказами Хины. Въ глазахъ Зоси Приваловъ сегодня, дѣйствительно, былъ героемъ, какъ человѣкъ, который рѣзко выдался изъ среды другихъ.

— Я буду ждать васъ, Сергѣй Александрычъ, — говорила Зося на прощанье. — Пріѣзжайте прямо въ кошъ, — это два часа ѣзды отъ вашей мельницы.

Когда докторъ и Зося крупной рысью тронулись по дорогѣ въ Красный Лугъ, Нагибинъ проговорилъ:

— Эка, Господи, какихъ лошадей, подумаешь, добудутъ... И ловко барышня ѣздитъ. Смѣла, нечего говорить!

— Этотъ визитъ напомнилъ Привалову о той жизни, отъ которой онъ отказался. Зося ему нравилась.

Черезъ три дня Приваловъ на гнѣдомъ киргизѣ ѣхалъ по дорогѣ въ Красный Лугъ. Онъ нарочно ѣхалъ тихо, чтобы полюбоваться развертывавшимися кругомъ красотами. Овсы нынче взялись необыкновенно дружно; пшеница уже трубилась, выгоняя свою матовую зелень, на которой отдыхалъ глазъ. День былъ горячій; накаленный воздухъ переливался прозрачными волнами; надъ безконечными нивами нависла кружившая голову испарина. Въ травѣ звонко ковали кузнечики; гдѣ-то тянулъ свою скрипучую пѣсню коростель. Изъ придорожной травы, покрытой мелкой пылью, то и дѣло взлетали, какъ ракеты, маленькія птички и быстро исчезали въ воздушномъ пространствѣ. На горизонтѣ, со стороны Лалетинскихъ водъ, медленно ползло грозовое облачко, и можно было разсмотрѣть косую полосу дождя, которая орошала нивы; другая сторона неба была залита ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ,—глазамъ было больно смотрѣть. Приваловъ думалъ о томъ, что какъ хорошо было бы, если бы дождевая тучка прокатилась надъ пашнями гарчиковскихъ мужиковъ; всходы нуждались въ дождѣ, и попъ Савелъ служилъ ужъ два молебна; даже поднимали иконы на поля. Эти сельскохозяйственныя мысли были, какъ птицы, вспугнуты неожиданно шарахнувшейся лошадью: подъ самыми ногами промелькнулъ большой заяцъ, легкими прыжками ускакавшій въ овесъ.

„Нехорошій знакъ... — вслухъ подумалъ Приваловъ и засмѣялся собственному суевѣрію.—Зачѣмъ я ѣду?“—подумалъ онъ въ слѣдующую минуту и даже остановилъ лошадь.

Съ пригорка, на которомъ теперь стоялъ Приваловъ, вдали можно было разсмотрѣть мельничный прудъ, а впереди, на берегу рѣчки, дымились баш-

кирскіе кони... „Если поѣдешь направо—самъ будешь сытъ, конь голоденъ; поѣдешь налѣво—конь будетъ сытъ, самъ будешь голоденъ; а если поѣдешь прямо—не видать тебѣ ни коня ни головы“,—припомнились Привалову слова сказки, и онъ поѣхалъ прямо на дымокъ кошей. Лошадь, выгнувъ свою оленью шею, неслась быстрымъ ходомъ; она почуяла пасшійся на травѣ табунъ башкирскихъ лошадей и раздула ноздри.

Подъѣзжая къ пригорку, на которомъ стоялъ бѣлый кошъ Ляховской, Приваловъ издали замѣтилъ какую-то даму, которая смотрѣла изъ-подъ руки на него. „Ужъ не пани ли Марина?“—подумалъ Приваловъ. Каково было его удивленіе когда въ этой дамѣ онъ узналъ свою милую хозяйку, Хіонію Алексѣевну. Она даже сдѣлала ему ручкой.

— Какими судьбами, Хіонія Алексѣевна?—спрашивалъ Приваловъ, передавая своего киргиза подошедшему Ильѣ.

— Ахъ, не спрашивайте, пожалуйста! — жеманно отвѣчала Хіонія Алексѣевна.—Вы знаете мой проклятый характеръ... Послѣ вашего отъѣзда докторъ посовѣтовалъ ѣхать на воды,—вотъ я и отправилась. У меня ужъ такой характеръ. А здѣсь встрѣчаю Софью Игнатьевну... случайно познакомились...

Зося была немного больна и приняла Привалова внутри коша, гдѣ можно было сидѣть только на низенькихъ диванчикахъ, поджавъ ноги. Хозяйка была занята приручениемъ степного сокола, который сидѣлъ предъ ней на низенькой деревянной подставкѣ и каждый разъ широко раскрывалъ ротъ, когда она хотѣла погладить его по дымчатой спинѣ.

— Видите, какой степнякъ-недотрога, — говорила Зося, отдергивая руку.—Третій день съ нимъ мучусь... Всѣ руки мнѣ исклевалъ.

Она показала Привалову свои руки, покрытыя шрамами и кровавыми царапинами.

— А вамъ для чего его приручать?—полюбопытствовалъ Приваловъ, съ удивленіемъ осматривая окружавшую его обстановку.

— Когда привыкнетъ, буду вынашивать, а потомъ вы примете участіе въ соколиной охотѣ, которую мы постараемся устроить въ непродолжительномъ времени. Это очень весело... Мнѣ давно хотѣлось побывать на такой охотѣ.

— Да, это будетъ очень интересно,—согласился Приваловъ, пробуя погладить сокола.

— Я понимаю именно такую охоту,—говорила Зося. — Это совсѣмъ не то, что̀ убить птицу изъ-подъ собаки... Охота съ ружьемъ — бойня. А здѣсь есть рискъ, есть опасность.

Въ своей полувосточной обстановкѣ Зося сегодня была необыкновенно эффектна. Одѣтая въ простенькое лѣтнее платье, она походила на дорогую картину, вставленную въ пеструю раму бухарскихъ ковровъ. Эта смѣсь европейскаго съ средне-азіатскимъ была оригинальна, и Приваловъ все время, пока сидѣлъ въ кошѣ, чувствовалъ себя не въ Европѣ, а въ Азіи, въ этой чудной странѣ поэтическихъ грезъ, волшебныхъ сказокъ, опьяняющихъ фантазій и чудныхъ красавицъ. Даже эта пестрая смѣсь выцвѣтшихъ красокъ на коврахъ настраивала мысль поэтическимъ образомъ.

Хіонія Алексѣевна, въ качествѣ дуэньи, держала себя съ скромнымъ достоинствомъ и дѣлала серьезное лицо, когда Зося начинала хохотать. Она быстро дала понять Привалову, что здѣсь она свой человѣкъ.

— А все-таки, знаете, Сергѣй Александрычъ, я иногда страшно скучаю,—говорила Зося, когда Хина вышла изъ коша.—Вѣчное бездѣлье, вѣчная пустота... Ну, скажите, что̀ будетъ дѣлать такая барышня, какъ я? Вѣдь это

прозябаніе, а не жизнь. Такъ что даже всѣ удовольствія отравлены сознаніемъ собственной ненужности.

— Работу можно найти, если захотѣть.

— Т.-е. можно обмануть себя призракомъ работы: открыть какую-нибудь швейную мастерскую, устроить школу, поступить на курсы... А если я ни перваго, ни второго, ни третьяго не желаю? Мнѣ нуженъ такой трудъ, который бы поглощалъ меня всю, безъ котораго я не могла бы существовать. Я понимаю политическихъ дѣятелей, понимаю всѣхъ этихъ борцовъ за идею. Вотъ вы, напримѣръ, сидите на своей мельницѣ, и никуда васъ не тянетъ, ничто вамъ не напоминаетъ, что каждый прожитый день—тяжелое обвиненіе противъ васъ въ собственной ничтожности. Знаете, я думала о вашихъ планахъ нѣсколько разъ... Если бы вы не открыли Америки раньше меня, я занялась бы этой хлѣбной торговлей. Извѣстная цѣль впереди дѣлаетъ человѣка счастливымъ.

— Но вѣдь вы знаете, что моя Америка открыта не мной и раньше меня?

— Знаю... знаю... Но важно вотъ что: всѣ убѣждены въ справедливости извѣстной идеи, создается рядъ попытокъ ея осуществленія, но потомъ идея незамѣтно глохнетъ и теряется; вотъ и важно, чтобы явился именно такой человѣкъ, который бы стряхнулъ съ себя всѣ предубѣжденія и оживилъ идею. Помните Темиръ-Ленка, который наблюдалъ муравья, сорокъ разъ поднимавшагося съ зерномъ въ гору и сорокъ разъ свалившагося подъ гору? Вѣдь въ сорокъ первый разъ онъ втащилъ-таки свое зерно.

— Мнѣ кажется, что вы меня не такъ поняли, Софья Игнатьевна, — заговорилъ Приваловъ.—Для осуществленія моихъ плановъ нуженъ не одинъ человѣкъ, не два, а сотни и тысячи людей... Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эта тысяча явится и сдѣлаетъ то, чего мы съ вами не успѣемъ или не сумѣемъ.

— Мы съ вами?

— Отчего же вамъ не работать въ томъ же направленіи, но совершенно самостоятельно? Всѣ средства въ вашихъ рукахъ.

— А сознаніе-то своей негодности, которое тянетъ, точно привязанная къ ногѣ гиря?.. Нѣтъ, я сегодня положительно хандрю и, вѣроятно, успѣла вамъ надоѣсть со своимъ *я*.

При посредствѣ доктора между Зосей и Приваловымъ завязались полудружескія отношенія. Приваловъ началъ ѣздить въ коши все чаще и чаще; ему нравилось общество Зоси, которая держала себя просто и непринужденно, хотя иногда и капризничала, по своему обыкновенію. Однимъ изъ такихъ капризовъ Зоси было непремѣнное желаніе познакомиться съ попомъ Савеломъ, о которомъ она много слышала отъ Привалова. Въ одно прекрасное утро Приваловъ и попъ Савелъ верхомъ пріѣхали въ коши, и Зося осталась въ восторгѣ отъ оригинальнаго попа, который забавлялъ ее своимъ ядовитымъ, озлобленнымъ умомъ. Странную картину представлялъ теперь кошъ Зоси, гдѣ на мягкомъ бухарскомъ коврѣ, поджавъ ноги, сидѣлъ попъ Савелъ, а Зося учила его играть въ домино.

— Что же, вы такъ и думаете пропадать въ сельскихъ попахъ?—спрашивала Зося своего оригинальнаго гостя.

— Нѣтъ... Уйду въ монахи!..

— Да-а...—задумчиво протянула Зося.—А пока вы еще не отрѣшились отъ нашего грѣшнаго міра, завертывайте ко мнѣ вмѣстѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ.

XIII.

Зося не обманывала Привалова: на нее дѣйствительно находили минуты тяжелаго сплина, и она по цѣлымъ часамъ оставалась неподвижной. Эти припадки тоски очень безпокоили доктора, но что онъ могъ подѣлать противъ нихъ?

Однажды, когда Зося въ минуту сплина лежала блѣдная и равнодушная на своей постели, въ кошъ стремглавъ вбѣжала Хіонія Алексѣевна.

— Гордецъ ѣдетъ... Гордецъ!..—кричала она, размахивая руками.

— Вѣроятно, вы ошиблись?—равнодушно спросила дѣвушка.

— Ужъ извините... Да я „гордеца“ за сто верстъ узнаю: точно вяленая рыба сидитъ на лошади, и ноги болтаются, какъ палки.

— Вы куда это, Хіонія Алексѣевна?—остановила Зося, когда Заплатина направилась къ выходу.

— Какъ куда? Вы думаете, я останусь здѣсь, чтобы любоваться на вашего гордеца?.. Ну, ужъ извините, этого никогда не будетъ!.. Я бѣдная женщина, но я тоже имѣю свою гордость.

Черезъ минуту въ кошъ вошелъ Половодовъ. Онъ съ минуту стоялъ въ дверяхъ, отыскивая глазами сидѣвшую неподвижно дѣвушку, потомъ подошелъ къ ней, молча поцѣловалъ блѣдную руку и молча поставилъ передъ ней на маленькую скамеечку большое яйцо изъ голубого атласа на серебряныхъ ножкахъ.

— Я не ожидалъ встрѣтить васъ такой печальной, Софья Игнатьевна,— проговорилъ онъ, опускаясь прямо на полъ по-турецки.—Я пришелъ утѣшить васъ... какъ ребенка, который обжегъ палецъ.

— Благодарю...

Зося подавила серебряную застежку и открыла яйцо: на днѣ, на бѣлой атласной подушечкѣ, спалъ, какъ ребенокъ, крошечный медвѣжонокъ съ чернымъ пушистымъ рыльцемъ и немного оскаленными мелкими зубами. Дѣвушка тихо вскрикнула отъ удивленія и молча пожала руку Половодова, этого стараго неизмѣннаго друга, который былъ всегда одинаковъ съ нею. Его ухаживанія не надоѣдали Зосѣ, потому что Половодовъ умѣлъ разнообразить свое поведеніе. Настоящій подарокъ былъ chef d'oeuvre'омъ его изобрѣтательнаго ума, и Зося понимала, что никто другой не придумалъ бы такого сюрприза. Половодовъ остался очень доволенъ впечатлѣніемъ своего подарка, который онъ обдумывалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, когда сидѣлъ въ Узловско-Моховскомъ банкѣ за кипами разныхъ банковыхъ дѣлъ.

— Вы, вѣроятно, пріѣхали съ новостями?—спрашивала Зося, вынимая медвѣжонка изъ яйца; онъ нѣсколько разъ сладко зѣвнулъ и лѣниво посмотрѣлъ кругомъ блестѣвшими синими глазками.—Ахъ, какой смѣшной бутузъ!..

Пока Зося дурачилась съ медвѣжонкомъ, который то лизалъ ей руки, то царапалъ толстыми лапами, Половодовъ успѣлъ выгрузить весь запасъ привезенныхъ изъ Узла новостей, которыхъ было очень немного, какъ всегда. Если зимой провинція скучаетъ отчаянно, то лѣтомъ она буквально задыхается отъ скуки.

— И только?—усталымъ голосомъ спрашивала Зося, когда Половодовъ кончилъ свое повѣствованіе.

— Нѣтъ, есть еще...—нерѣшительно проговорилъ Половодовъ.—Только вы сегодня, кажется, не въ такомъ расположеніи духа, чтобы выслушать меня съ надлежащимъ вниманіемъ.

— Нѣтъ, я буду васъ слушать,—съ капризными нотками въ голосѣ

отозвалась Зося; она любила командовать надъ этимъ обожателемъ и часто съ истинно-женской жестокостью мучила его своими безчисленными капризами.

— Послушайте, Софья Игнатьевна... — тихо заговорилъ Половодовъ, опуская голову.—Я буду говорить съ вами, какъ вашъ старый, самый лучшій другъ.

— О, нѣтъ, что̀ хотите, только, пожалуйста, избавьте меня отъ вашего дружескаго участія!..—какъ-то застонала дѣвушка.

— Вы не хотите меня понять, Софья Игнатьевна...

Зося молчала; она слышала, какъ Половодовъ нервно хрустнулъ своими пальцами,—это была одна изъ его мѣщанскихъ привычекъ, о которой въ минуты волненія онъ забывалъ.

— Вы знаете, Софья Игнатьевна, что я поклоняюсь женщинѣ,—проговорилъ Половодовъ съ тѣми задушевными нотками въ голосѣ, какими онъ умѣлъ пользоваться въ критическую минуту.—Это мой культъ... Но я поклоняюсь женщинѣ не за одну красоту, нѣтъ, этого еще мало, а главнымъ образомъ за то, что женщина—великая сила!.. Посмотрите, какихъ мы глупостей ни надѣлаемъ для любимой женщины!.. Самыя трезвыя и черствыя натуры теряютъ голову и удивляютъ міръ своими юношескими увлеченіями. Помните того французскаго адвоката, который въ каждомъ процессѣ спрашивалъ: — „Гдѣ женщина?“ Вѣдь это великая истина, которая такъ же справедлива, какъ то, что мы всѣ родимся отъ женщины. Если бы дѣло шло о сравненіяхъ, я сравнилъ бы вліяніе женщины съ той скрытой теплотой, которая, по ученію физики, спаиваетъ малѣйшіе атомы матеріи и двигаетъ мірами...

Зося молчала.

— Я знаю васъ, Софья Игнатьевна, съ дѣтства, и вы знаете, что я съ дѣтства люблю васъ,—глухо продолжалъ Половодовъ, еще ниже опуская свою голову.—Вы царапали меня, какъ котенокъ, но если бы вы били меня хлыстомъ,—я цѣловалъ бы ту руку, которая поднимала на меня хлыстъ. Для меня вы—идеалъ женской красоты... и, кромѣ того, вы очень умны... и энергичны. Конечно, всякій можетъ увлекаться, всякій—неизбѣжная жертва ошибокъ, но, когда почва уходитъ изъ-подъ вашихъ ногъ, когда все кругомъ начинаетъ колебаться, человѣка спасаетъ вѣра. Именно такъ я всегда вѣровалъ въ васъ.

— Вы дѣлаете такое странное вступленіе, точно меня сейчасъ, по меньшей мѣрѣ, повѣсятъ,—нетерпѣливо проговорила она. — Не дѣлайте изъ меня жертву вашихъ ораторскихъ пріемовъ...

— Хорошо, я постараюсь быть краткимъ,—сухо отвѣтилъ Половодовъ, дѣлая безстрастное лицо.—Знаете ли вы, Софья Игнатьевна, что вы наканунѣ разоренія? Нѣтъ? И понятно, потому что этого не подозрѣваетъ и самъ Игнатій Львовичъ... Этотъ Пуцилло-Маляхинскій такъ запуталъ всѣ дѣла Игнатія Львовича...

— Какой Пуцилло-Маляхинскій? Ахъ, да, я все забываю: Альфонсъ Богданычъ... Такъ бы и говорили!

— Въ томъ-то и дѣло, что Альфонса Богданыча нѣтъ больше, а есть Пуцилло-Маляхинскій, который, какъ мертвый грибъ, выросъ на развалинахъ вашего богатства. Я говорилъ съ вашимъ новымъ управляющимъ и самъ просматривалъ конторскіе отчеты и смѣты: всѣ дѣла запущены до безобразія, и, въ случаѣ ликвидаціи, дай Богъ свести концы съ концами. Конечно, за Игнатія Львовича стоитъ его собственное имя, но вы представьте себѣ такой случай, что послѣ перваго паралличнаго удара послѣдуетъ второй... Въ торго-

вомъ мірѣ богатство — это мыльный пузырь, который разлетается мгновенно радужными брызгами. Вѣдь разорился же старикъ Бахаревъ, разорились многіе другіе отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ...

— Все это хорошо и очень убѣдительно, но я не понимаю одного: при чемъ тутъ именно я?

— Позвольте... Вы вѣдь знаете про приваловскую опеку и слышали, что Nicolas началъ въ Петербургѣ противъ насъ, опекуновъ, процессъ? Хорошо. Дѣло это крайне запутанное, такъ что мы останемся въ отвѣтѣ за всѣ упущенія, которыя были надѣланы по опекѣ въ теченіе двадцати лѣтъ. У насъ была надежда... но она лопнула. Теперь предстоитъ скандальный процессъ, который можетъ кончиться обвиненіемъ въ мошенничествѣ, т.-е. ссылкой не въ столь отдаленныя мѣста Сибири. Подумайте, какъ будетъ вашъ полубольной отецъ фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ... Ему не перенести такого позора, и если онъ не умретъ до суда, то умретъ во время самаго суда.

— Слѣдовательно вы думаете, что какими-то путями я могу спасти васъ?

— О, нѣтъ... тысячу разъ нѣтъ, Софья Игнатьевна!..—горячо заговорилъ Половодовъ.—Я говорю о вашемъ отцѣ, а не о себѣ... Я не левъ, а вы не мышь, которая будетъ разгрызать опутавшую льва сѣть. Дѣло идетъ о вашемъ отцѣ и о васъ, а я остаюсь въ сторонѣ. Вы любите отца, а онъ, по старческому упрямству, всѣхъ тащитъ въ пропасть вмѣстѣ съ собой. Еще разъ повторяю: я не думаю о себѣ, но отъ васъ вполнѣ зависитъ спасти вашего отца и себя...

— Именно?—какъ-то равнодушно проговорила Зося.

— Гм... — замялся немного Половодовъ, потомъ нетвердымъ голосомъ проговорилъ:—выходите за этого Привалова...

Зося нѣсколько мгновеній молчала, а потомъ, взглянувъ въ глаза Половодову, тихо проговорила:

— А если я... люблю *этого* Привалова, котораго вы считаете дуракомъ?

— Тѣмъ лучше для васъ...—машинально отвѣтилъ Половодовъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Старый приваловскій домъ въ Узлѣ передѣлывался заново. Поправляли обвалившуюся штукатурку, красили крышу, вставляли новыя рамы въ окнахъ, отовсюду убирали завалявшійся старый хламъ, даже не оставили въ покоѣ дѣдовскаго сада, въ которомъ производилась самая энергичная реставрація развалившихся бесѣдокъ, кіосковъ, мостиковъ и запущенныхъ аллей. Внутри дома стоялъ дымъ коромысломъ: перестилали полы, мѣняли паркетъ, подновляли живопись на потолкахъ и стѣнахъ, оклеивали стѣны новыми обоями... Сотни рабочихъ съ утра до ночи суетились по дому, какъ муравьи, наполняя старыя приваловскія стѣны веселымъ трудовымъ шумомъ. Были выписаны мастера-спеціалисты изъ Петербурга и Варшавы; оттуда же партіями получалась дорогая мебель, обои, драпировки, ковры, бронза, экипажи и тысячи другихъ предметовъ, необходимыхъ въ обиходѣ богатаго барскаго дома. Работа шла съ лихорадочной поспѣшностью, чтобы все окончить къ октябрю, когда Ляховскіе вернутся изъ своего башкирскаго имѣнія.

Читатель, конечно, уже догадался, что вся эта перестройка дѣлалась по случаю выхода замужъ Зоси за Привалова. Да, эта свадьба была злобой дня въ Узлѣ, и всѣ о ней говорили, какъ о выдающемся явленіи. Самъ Приваловъ появлялся въ Узлѣ только наѣздомъ, чтобы провѣрить работы и поторопить подрядчиковъ, а затѣмъ снова исчезалъ. Всѣ планы и рисунки, по которымъ производились работы, представлялись на разсмотрѣніе Зоси; она внимательно разбирала ихъ и въ трудныхъ случаяхъ совѣтовалась съ Хіоніей Алексѣевной или Половодовымъ, который теперь былъ своимъ человѣкомъ у Ляховскихъ. Приваловъ сначала сильно косился на него, но Зося ничего не хотѣла слышать о какихъ-нибудь уступкахъ, и Привалову ничего не оставалось, какъ только покориться. Впрочемъ, Половодовъ и самъ, сознавая свое фальшивое положеніе, старался по возможности совсѣмъ не встрѣчаться съ Приваловымъ. Зося отъ души смѣялась надъ этой взаимной ненавистью и увѣряла Привалова, что онъ полюбитъ несравненнаго Александра Павлыча, когда ближе познакомится съ его рѣдкими качествами.

— Я не понимаю, Зося, что̀ у тебя за пристрастіе къ этому... невозможному человѣку, чтобы не сказать больше, — говорилъ иногда Приваловъ, пользуясь подвернувшейся минутой раздумья. — Это какая-то болѣзнь...

— Ахъ, Боже мой! Какъ ты не можешь понять такой простой вещи! Александръ Павлычъ такой забавный, а я люблю все смѣшное, — беззаботно отвѣчала Зося. — Вотъ и Хину люблю тоже за это... Ну, что̀ можетъ быть забавнѣе, когда ихъ сведешь вмѣстѣ?.. Впрочемъ, если ты ревнуешь меня къ Половодову, то я тебѣ сказала разъ и навсегда...

— Не буду, ничего не буду говорить, дѣлай какъ хочешь, я знаю только то, что люблю тебя.

— Пока это не особенно замѣтно... Ты, повидимому, больше занятъ своимъ, а не моимъ счастьемъ, и если что̀ дѣлаешь якобы для меня, все это, въ сущности, пріятно больше тебѣ. Вѣдь ты порядочный эгоистъ, если разобрать, потому что не хочешь никакъ помириться даже съ такими моими капризами, какъ Хина или Александръ Павлычъ... Я очень немного требую отъ тебя: не трогай только моихъ друзей, которые всѣ наперечетъ: кречетъ Салаватъ, медвѣжонокъ Шайтанъ, Тэкэ и Батырь и наконецъ Хина съ Александромъ Павлычемъ... Кажется, съ этимъ можно было бы помириться?

Эти маленькія семейныя сцены выкупались вполнѣ счастливыми минутами, когда Зося являлась совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Приваловъ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ шагъ за шагомъ переработаетъ ее. Прежде всего, во что бы то ни стало, нужно изолировать ее отъ вліянія такихъ сомнительныхъ личностей, какъ Половодовъ, Хина, „Моисей“ и т. д. Что это возможно — ручательствомъ служило собственное сознаніе Зоси, когда на нее находили минуты раскаянія. Докторъ былъ того же мнѣнія: все то, что̀ было непріятнаго и рѣзкаго въ Зосѣ-дѣвушкѣ, должно исчезнуть въ Зосѣ-женщинѣ. Вѣдь это такая податливая натура, съ такими хорошими задатками! Какъ, напримѣръ, горячо отнеслась Зося къ приваловской мельницѣ, потомъ сама предполагала открыть нѣсколько профессіональныхъ школъ и т. д. Въ ней постоянно сказывалась практическая отцовская жилка, и Приваловъ часто совѣтовался съ ней въ трудныхъ случаяхъ.

— Я радуюсь только одному,—со слезами на глазахъ говорилъ Привалову докторъ, когда узналъ о его свадьбѣ: — именно, что выборъ Зоси палъ на васъ... Лучшаго для нея я ничего не желаю; подъ вашимъ вліяніемъ совсѣмъ сгладятся ея недостатки. Я въ этомъ глубоко убѣжденъ, Сергѣй Александрычъ...

Докторъ считалъ Привалова немного безхарактернымъ человѣкомъ, но этотъ недостатокъ, въ его глазахъ, выкупался его искренней, гуманной и глубоко честной натурой. Именно такой человѣкъ и нуженъ былъ Зосѣ, чтобы уравновѣсить рѣзкости ея характера, природную злость и наклонность къ самовольству. Сама Зося говорила доктору въ припадкѣ откровенности то же самое, каялась въ своихъ недостаткахъ и увѣряла, что исправится, сдѣлавшись m-me Приваловой.

Ляховскій встрѣтилъ извѣстіе о выходѣ Зоси замужъ за Привалова съ поразившимъ всѣхъ спокойствіемъ, даже больше, почти совсѣмъ безучастно. Старикъ только-что успѣлъ оправиться отъ своей болѣзни и бродилъ по водамъ при помощи костылей; болѣзнь сильно повліяла на его душевный складъ и точно придавила въ немъ прежнюю энергію духа. Однимъ словомъ, въ прежнемъ Ляховскомъ чего-то недоставало.

— Такъ ты рѣшила выйти за Привалова? — въ раздумьѣ спрашивалъ старикъ, не глядя на дочь

— Да, папа.

— Что же, онъ очень хорошій человѣкъ?

— Кажется... Мнѣ кажется страннымъ такой вопросъ, папа, вѣдь ты знаешь Сергѣя Александрыча не меньше моего!

— А что докторъ говорилъ?

— Право, папа, ты сегодня предлагаешь такіе странные вопросы; докторъ, конечно, хорошій человѣкъ, я его всегда уважала, но въ такомъ вопросѣ онъ является все-таки чужимъ человѣкомъ... О такихъ вещахъ, папа, съ посторонними какъ-то не принято совѣтоваться.

— Твоя правда, твоя правда, Зося... У меня, знаешь, въ головѣ что-то еще не совсѣмъ... самъ чувствую, что недостаетъ какого-то винтика.

— Если ты хочешь знать, докторъ отнесся къ моему выбору съ большимъ сочувствіемъ. Онъ даже заплакалъ отъ радости...

— Докторъ заплакалъ?—задумчиво спрашивалъ Ляховскій, какъ-то равнодушно глядя на дочь. — Да, да... Онъ всегда тебя любилъ... очень любилъ.

Къ Привалову старикъ отнесся съ какой-то скрытой ироніей, почти враждебно, хотя прослезился и поцѣловалъ его.

— Знаете ли, Сергѣй Александрычъ, что вы у меня разомъ берете все?.. Нѣтъ, гораздо больше, послѣднее, — какъ-то печально бормоталъ Ляховскій, сидя въ креслѣ. — Если бы мнѣ сказали объ этомъ мѣсяцъ назадъ, я ни за что не повѣрилъ бы. Извините за откровенность, но такая комбинація какъ-то совсѣмъ не входила въ мои расчеты. Нужно быть отцомъ и такимъ отцомъ, какимъ былъ для Зоси я, чтобы понять мой, можетъ-быть, нѣсколько странный тонъ съ вами... Да, да. Скажите только одно: дѣйствительно ли вы любите мою Зосю?

— Да, Игнатій Львовичъ...

— Ахъ, да, конечно! Развѣ ее можно не любить? Я хотѣлъ совсѣмъ другое сказать: надѣетесь ли вы... обдумали ли вы основательно, что сдѣлаете ее счастливой и сами будете счастливы съ ней? Конечно, всякій бракъ — лотерея, но иногда полезно воздержаться отъ риска... Я вѣрю вамъ, т.-е. хочу вѣрить и, простите отцу... не могу! Это выше моихъ силъ... Вы говорили съ докторомъ? Да, да. Онъ одобряетъ выборъ Зоси, потому что любитъ васъ. Я тоже люблю доктора...

Разобраться въ этомъ странномъ наборѣ фразъ было крайне трудно, и Приваловъ чувствовалъ себя очень тяжело, если бы докторъ не облегчалъ эту трудную задачу своимъ участіемъ. Какой это былъ замѣчательно хорошій че-

ловѣкъ! Съ какимъ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ влюбленный бредъ Привалова! Это былъ настоящій другъ, который являлся лучшимъ посредникомъ во всѣхъ недоразумѣніяхъ и маленькихъ размолвкахъ.

— Если бы не докторъ, мы давно разссорились бы съ тобой,—говорила Привалову Зося. — И прескучная, должно-быть, эта милая обязанность улаживать, въ качествѣ друга дома, разныя семейныя дрязги!..

Молодые люди шутили и смѣялись, а докторъ улыбался своей докторской улыбкой и нервно потиралъ руки. Въ послѣднее время онъ часто начиналъ жаловаться на головныя боли и запирался въ своемъ номерѣ по цѣлымъ днямъ.

Пани Марина и Давидъ отнеслись къ рѣшенію Зоси съ тѣмъ родственнымъ участіемъ, которое отлично скрываетъ истинный ходъ мыслей и чувствъ. По крайней мѣрѣ, Приваловъ гораздо лучше чувствовалъ себя въ обществѣ Игнатія Львовича, чѣмъ въ гостиной пани Марины. Что̀ касается Давида, то онъ былъ слишкомъ занятъ своими собственными дѣлами. Въ теченіе послѣдней зимы онъ особенно близко сошелся съ Половодовымъ и, какъ ходила молва, проигрывалъ по различнымъ игорнымъ притонамъ крупные куши. На Лалетинскихъ водахъ быстро образовался свой карточный кружокъ, гдѣ Давидъ, подъ руководствомъ Александра Павлыча, проводилъ время очень весело, какъ и слѣдуетъ представителю настоящей jeunesse dorée.

Всѣхъ довольнѣе предстоящей свадьбой, конечно, была Хіонія Алексѣевна. Она по нѣскольку разъ въ день принималась плакать отъ радости и всѣхъ увѣряла, что давно не только все предвидѣла, но даже предчувствовала. Вѣдь Сергѣй Александрычъ такой прекрасный молодой человѣкъ и такой богатый, а Зося такая удивительная красавица,—однимъ словомъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что эти молодые люди предусмотрительной природой спеціально были созданы другъ для друга.

— Я всегда вѣрила въ Провидѣніе! — патетически восклицала Хіонія Алексѣевна, воздѣвая руки кверху. — Когда Сергѣй Александрычъ только-что пріѣхалъ въ Узелъ, я прямо подумала: вотъ женихъ Зосѣ...

Для Привалова его настоящее превращалось въ какой-то волшебный сонъ, полный сладкихъ грезъ и застилавшаго глаза тумана. Сквозь всю окружавшую его суету и мелькавшія кругомъ его лица онъ видѣлъ только одну Зосю, эту маленькую царицу, даривщую его безконечнымъ счастьемъ. Иногда онъ со страхомъ смотрѣлъ въ темные глаза любимой дѣвушкѣ, точно стараясь разгадать по нимъ будущее... Зося, конечно, любила его. Онъ это видѣлъ, чувствовалъ. Но она любила совсѣмъ не такъ, какъ любятъ другія женщины: въ ея чувствѣ не было и тѣни самопожертвованія, желанія отдать себя въ чужія руки,—нѣтъ, это была гордая любовь, однимъ взглядомъ покорявшая все кругомъ. Зося была всегда одинакова и всегда оставалась маленькой царицей, которая требовала поклоненія. Въ самыхъ ласкахъ и словахъ любви у нея звучала гордая нотка; въ сдержанности, съ какой она позволяла ласкать себя, чувствовалось что-то совершенно особенное, чѣмъ Зося отличалась отъ всѣхъ другихъ женщинъ.

Иногда Приваловъ начиналъ сомнѣваться въ своемъ счастьѣ и даже точно пугался его. Оно было такъ необъятно, такой властной силой окрыляло его душу, точно поднимало надъ землей, гдѣ недоставало воздуху и дѣлалось тѣсно. Какъ онъ раньше могъ жить, не чувствуя ничего подобнаго? Но это нищенское существованіе кончилось, и впереди безконечной перспективой разстилалась розовая даль, кружившая голову своей необъятностью. Неужели эта маленькая гордая головка думала о немъ, о Привалові? А эти чудные

глаза, которые смотрѣли прямо въ душу... Нѣтъ, онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы анализировать настоящее, и принималъ его, какъ совершившійся фактъ, какъ первую страничку открывшейся передъ ними книги любви.

II.

Когда Нагибинъ привезъ изъ города извѣстіе, что и домъ и все въ домѣ готово, въ Гарчикахъ, въ деревенской церкви, совершился самый скромный обрядъ вѣнчанія. Свидѣтелями были докторъ, Нагибинъ и Телкинъ; со стороны невѣсты провожала всего одна Хіонія Алексѣевна. Зося была спокойна, хотя и блѣднѣе обыкновеннаго; Приваловъ испытывалъ самое подавленное состояніе духа. Онъ никогда не чувствовалъ себя такъ далеко отъ своей Зоси, какъ въ тотъ моментъ, когда она предъ священникомъ подтверждала свою любовь къ нему. „Она такая красавица... Она не можетъ меня любить“,—съ тоской думалъ онъ, держа въ своей рукѣ ея холодную маленькую руку. Прямо изъ церкви молодые отправились въ Узелъ, гдѣ ихъ ожидала на первый разъ скромная семейная встрѣча: самъ Ляховскій, пани Марина и т. д. Старикъ расчувствовался и жалко заморгалъ глазами, когда началъ благословлять дочь; пани Марина выдержала характеръ и осталась прежней королевой. Изъ постороннихъ на послѣдовавшемъ затѣмъ ужинѣ присутствовали только такіе близкіе люди, какъ Половодовъ, Викторъ Васильичъ и Хіонія Алексѣевна. Въ десять часовъ вечера всѣ разъѣхались по домамъ.

Половодовъ вернулся домой въ десять часовъ вечера, и когда раздѣвался въ передней, Семенъ подалъ ему полученную безъ него телеграмму. Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, Половодовъ глухо застоналъ и бросился въ ближайшее кресло; полученное извѣстіе поразило его, какъ ударъ грома, и онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ закрытыми глазами, какъ ошеломленная птица. Телеграмма была отъ Оскара Филипыча, который извѣщалъ, что ихъ дѣло выиграно, и что Веревкинъ остался съ носомъ.

„Нѣсколькими часами раньше получить бы эту телеграмму — и тогда *этого* ничего бы не было...“—стоналъ Половодовъ, хватаясь за голову.

Въ головѣ у него все кружилось; кровь прилила къ сердцу, и онъ чувствовалъ, что начинаетъ сходить съ ума. Эти стѣны давили его, въ глазахъ пестрѣли красные и синіе пѣтухи, глухое бѣшенство заставляло скрежетать зубами. Онъ плохо помнилъ, какъ выскочилъ на улицу, схватилъ перваго попавшагося извозчика и велѣлъ ѣхать въ Нагорную улицу. Отъ клуба онъ пошелъ къ приваловскому дому пѣшкомъ; падалъ мягкій пушистый снѣгъ, скрадывавшій шумъ шаговъ. Половодовъ чувствовалъ, какъ тяжело билось его сердце въ груди. Вотъ и площадь, на которую выходилъ домъ своимъ фасадомъ; огни были погашены, и домъ выдѣлялся темной глыбой при мигавшемъ пламени уличныхъ фонарей.

— О, дуракъ, дуракъ... дуракъ!.. — стоналъ Половодовъ, бродя, какъ волкъ, подъ окнами приваловскаго дома.—Если бы двумя часами раньше получить телеграмму, тогда можно было разстроить эту дурацкую свадьбу, которую я самъ создавалъ, своими собственными руками. О, дуракъ, дуракъ, дуракъ!..

Въ груди у Половодова точно что̀ жгло, языкъ пересохъ, снѣгъ попада̀лъ ему за раскрытый воротникъ шубы, но онъ ничего не чувствовалъ кромѣ глухого отчаянія, которое придавило его, какъ камень. Вотъ на каланчѣ пробило двѣнадцать часовъ... Нужно было куда-нибудь итти; но куда?.. Къ своему очагу, въ „Магнитъ“? Пошатываясь, Половодовъ, какъ пьяный, побрелъ внизъ по Нагорной улицѣ. Огни въ домахъ вездѣ были потушены; глухая осенняя

ночь точно проглотила весь городъ. Только въ одномъ мѣстѣ свѣтилъ огонекъ... Половодовъ узналъ домъ Заплатиной.

Въ разгоряченномъ мозгу Половодова мелькнула взбалмошная мысль, и онъ рѣшительно позвонилъ у подъѣзда заплатинскаго дома. Викторъ Николаичъ былъ уже въ постели и готовился засыпать, перебирая въ умѣ послѣднія политическія извѣстія; полураздѣтая Хіонія Алексѣевна сидѣла одна въ столовой и потягивала хересъ.

— Кого тамъ принесло? — сердито заворчала она, когда раздался звонокъ.—Матрешка, не принимай... Здѣсь не родильный домъ, чтобы врываться во всякое время дня и ночи...

Матрешка отправилась въ переднюю и вернулась съ визитной карточкой. Хина пробѣжала фамилію Половодова и остолбенѣла.

— Они пѣшкомъ, надо полагать, пришли... — шопотомъ докладывала Матрешка, вытирая носъ кулакомъ.

— Проведи въ гостиную и попроси подождать, — сказала Хина, стараясь передъ зеркаломъ принять болѣе человѣческій видъ.

Конечно, въ головѣ Хины сразу блеснула мысль, что, вѣроятно, случилось что-нибудь неладное. Она величественно вошла въ гостиную и въ вопросительной позѣ остановилась передъ гостемъ, который торопливо поднялся къ ней навстрѣчу.

— Извините, если я потревожилъ васъ, Хіонія Алексѣевна,—извинился онъ, глядя на хозяйку какими-то мутными глазами.—Я часъ назадъ получилъ очень важную телеграмму... чрезвычайно важную, Хіонія Алексѣевна! Если бы вы взялись передать ее Софьѣ Игнатьевнѣ.

— Съ удовольствіемъ...

— Нужно передать немедленно... сейчасъ...

— Вы съ ума сошли, Александръ Павлычъ?!..

— Хіонія Алексѣевна... ради Бога... Хотите, я васъ на колѣняхъ буду просить объ этомъ!

— Садитесь, пожалуйста...—пригласила Хина своего гостя, который безсильно опустился въ кресло около стола.

— Каждая минута дорога... каждое мгновеніе...—задыхавшимся шопотомъ говорилъ Половодовъ, ломая руки.

— Я удивляюсь вамъ, Александръ Павлычъ... Если бы вы мнѣ предложили горы золота, и тогда ваша просьба осталась бы неисполненной. Существуютъ такіе моменты, когда чужой домъ — святыня, и никто не имѣетъ права нарушать его священнаго покоя.

Слова Хины рѣзали сердце Половодова ножомъ, и онъ тяжело стиснулъ зубы. У него мелькнула даже мысль — бѣжать сейчасъ же и запалить эту „святыню“ съ четырехъ концовъ.

— Воды я могу у васъ попросить?—спросилъ онъ послѣ долгой паузы.

— Не хотите ли вина? — предложила Заплатина: „гордецъ“ былъ такъ жалокъ въ настоящую минуту, что въ ея сердцѣ шевельнулось что-то въ родѣ состраданія къ нему.

— Вина?..—повторилъ Половодовъ, не понимая вопроса. — Ахъ, да... Пожалуй, если это не затруднитъ васъ.

— Нѣтъ... вы слишкомъ взволнованы, а вино успокаиваетъ.

Черезъ пять минутъ на столѣ стояла свѣжая бутылка хереса, и Половодовъ какъ-то машинально проглотилъ первую рюмку.

— У васъ отличное вино...—проговорилъ онъ, пережевывая губами. — Да, очень хорошее.

— Такъ себѣ...—скромничала Хина, наливая рюмку себѣ.

Нѣсколько минутъ въ гостиной Хіонія Алексѣевны стояло тяжелое молчаніе; Половодовъ пилъ вино рюмку за рюмкой и замѣтно хмелѣлъ; на щекахъ у него выступили красныя пятна.

— Такъ, по-вашему, все кончено? — какъ-то глухо проговорилъ онъ, поднимая свои безцвѣтные глаза на хозяйку.

— Все кончено...

— А вы знаете, о чемъ я говорю?

— Да. Если бы вы получили вашу телеграмму нѣсколькими часами раньше, тогда... Иногда невѣстамъ дѣлается дурно передъ самымъ вѣнцомъ, и свадьба откладывается и даже можетъ совсѣмъ разстроиться.

— Но кто бы могъ подозрѣвать такой оборотъ дѣла? — говорилъ Половодовъ съ Хиной, какъ о дѣлѣ хорошо ей извѣстномъ. — А теперь... Послушайте, Хіонія Алексѣевна, скажите мнѣ, ради Бога, только одно... Вы опытная женщина... да... Любитъ Зося Привалова, или нѣтъ?

— Смѣшно спрашивать объ этомъ, Александръ Павлычъ... Развѣ кто-нибудь принуждалъ Софью Игнатьевну выходить непремѣнно за Привалова?

— Предположимъ, что существовали нѣкоторыя обстоятельства, которыя могли повліять на рѣшеніе дѣвушки именно въ пользу Привалова...

— Вамъ ближе знать эти обстоятельства: дѣла Игнатія Львовича разстроены, а тутъ еще этотъ процессъ по опекѣ... Понятно, что Софьѣ Игнатьевнѣ ничего не оставалось, какъ только выйти за Привалова и этимъ спасти отца.

— Значитъ, вы все знаете?..

— Почти... думаю, что вы получили телеграмму изъ Петербурга о томъ, что Веревкинъ проигралъ процессъ.

Половодовъ нѣсколько времени удивленными глазами смотрѣлъ на свою собесѣдницу и потомъ задумчиво проговорилъ:

— Вы замѣчательно умная женщина... Мы, вѣроятно, еще пригодимся другъ другу.

III.

Дѣла на пріискахъ у старика Бахарева поправились съ той быстротой, какая возможна только въ золотопромышленномъ дѣлѣ. Въ теченіе весны и лѣта онъ заработалъ крупную деньгу, и его фонды въ Узлѣ поднялись на прежнюю высоту. Сдѣланные за послѣднее время долги были уплачены, заложенныя вещи выкуплены, и прежнее довольство вернулось въ старый бахаревскій домъ, который опять весело и довольно глядѣлъ на Нагорную улицу своими свѣтлыми окнами.

Прошедшую весну и лѣто въ домѣ жили собственно только Марья Степановна и Вѣрочка, а „Моисей“, по своему обыкновенію, появлялся, какъ комета. Съ приливомъ богатства, по дому опять покатился беззаботный смѣхъ Вѣрочки и ея веселая суетня; Марья Степановна сильно измѣнилась, похудѣла и сдѣлалась еще строже и неприступнѣе. Это былъ типъ старой раскольницы, которая знать ничего не хотѣла, кромѣ разъ сложившихся убѣжденій и взглядовъ. Бѣгство старшей дочери изъ дому только укрѣпило ее въ сознаніи правоты старозавѣтныхъ приваловскихъ и гуляевскихъ идеаловъ, выше которыхъ для нея ничего не было. Она осталась спокойной по отношенію къ поведенію дочери, потому что вся вина падала на голову Василія Назарыча, какъ главнаго устроителя всякихъ новшествъ въ домѣ, своими

руками погубившаго родную дочь. Поведеніе Нади было наказаніемъ свыше, предъ которымъ оставалось только преклониться.

Имя Надежды Васильевны больше не произносилось въ бахаревскомъ домѣ, точно оно могло внести съ собой какую-то заразу. Она была навсегда исключена изъ списка живыхъ людей. Только въ моленной, когда Досиѳея откладывала свои поклоны на разноцвѣтный подручникъ, она молилась и за рабу Божію Надежду; въ молитвахъ Марьи Степановны имя дочери было подведено подъ рубрику „недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и въ отсутствіи сущихъ отецъ и братій нашихъ“. Это была холодная раскольничья молитва, вся пропитанная эгоизмомъ и лицемѣріемъ и, ради своей формы, потерявшая всю теплоту содержанія. Лѣтомъ были получены два письма отъ Надежды Васильевны, но нераспечатанными попали прямо въ печь, и Марья Степановна благочестиво обкурила своей кацеей даже столъ, на которомъ они лежали. Досиѳея про себя потихоньку жалѣла барышню, которую нянчила и пѣстовала, но открыто заявить свое сочувствіе къ ней она не смѣла. Вѣрочка относилась къ сестрѣ какъ-то безучастно, что̀ было совсѣмъ ужъ неестественно для такой молодой дѣвушки. Впрочемъ, она только повторяла то, что̀ дѣлала мать.

Только одинъ человѣкъ во всемъ домѣ вполнѣ искренно и горячо оплакивалъ барышню—это былъ, конечно, старый Лука, который въ своей каморкѣ не разъ всплакнулъ потихоньку отъ всѣхъ. „Ну, такія ея счастки“,—утѣшалъ самого себя старикъ, размышляя о мудреной судьбѣ старшей барышни:—отъ своей судьбы не уйдешь... Нѣ-ѣтъ!.. Она тебя вездѣ сыщетъ и придавитъ ногой, ежели тебѣ такой предѣлъ положонъ!“

Извѣстіе о женитьбѣ Привалова было принято въ бахаревскомъ домѣ съ большой холодностью. Когда самъ Приваловъ явился съ визитомъ къ Марьѣ Степановнѣ, она не вытерпѣла и проговорила:

— На бусурманкѣ женишься?

— Нѣтъ, не на бусурманкѣ, Марья Степановна,—отвѣтилъ Приваловъ.—Моя невѣста католичка...

— Ну, это, по-нашему, все одно... И самъ въ латынскій законъ уйдешь.

Марья Степановна равнодушно выслушала объясненія Привалова о свободѣ совѣсти и общей вѣротерпимости; она все время смотрѣла на него долгимъ испытующимъ взглядомъ и, когда онъ кончилъ, прибавила:

— А ты подумалъ ли о томъ, Сереженька, что домъ-то, въ которомъ будешь жить со своей бусурманкой, построенъ Павломъ Михайлычемъ?.. Вѣдь у старика всѣ косточки перевернутся въ могилкѣ, когда твоя-то бусурманка въ его дому свою вѣру будетъ справлять. Не для этого онъ строилъ домъ-то!.. Ох-хо-хо... Развѣ не стало тебѣ другихъ невѣстъ?..

— Марья Степановна, вы, вѣроятно, слыхали, какъ въ этомъ домѣ жилъ мой отецъ, сколько тамъ было пролито напрасно человѣческой крови, сколько сдѣлано подлостей. Въ этомъ же домѣ убили мою мать, которую не спасла и старая вѣра.

— А ты не суди отца-то. Не нашего ума это дѣло...

— Однако вы судите мою невѣсту, которая еще никому не сдѣлала никакого зла.

— Не сдѣлала, такъ сдѣлаетъ... Погоди еще!.. Охъ, не ладно ты, Сереженька, удумалъ, не въ добрый часъ началъ.

Василію Назарычу ничего не писали о женитьбѣ Привалова. Онъ пріѣхалъ домой только по первому зимнему пути, въ половинѣ ноября, пріѣхалъ свѣжимъ, здоровымъ старикомъ, точно стряхнулъ съ себя всѣ

старческіе недуги. Лука не выдержалъ и горько заплакалъ, когда увидалъ стараго барина.

— О чемъ ты плачешь, старина?—спрашивалъ Василій Назарычъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Отъ радости, Василій Назарычъ, отъ радости...—шепталъ Лука, вытирая лицо рукавомъ:—заждались мы васъ здѣсь...

— Ну, а еще о чемъ плачешь?

Лука оглянулся кругомъ и прошепталъ:

— Сереженька-то женился, Василій Назарычъ...

— Какъ женился?!. На комъ?

— А такъ. Обошли его, обманули!.. По ихнему доброму характеру эту проклятую польку и подсунули,—ну, Сереженька и женился. Я такъ полагаю — приворожила она его, сударь... Самъ пріѣзжалъ сюда объявляться Марьѣ Степановнѣ, ну, а онѣ его учали маненько корить—куды, сейчасъ на дыбы, и прочее. Съ мѣсяцъ, какъ свадьбу сыграли. Домъ-то старый заново отстроили, только, болтаютъ, неладно у нихъ съ перваго дня пошло.

— Какъ неладно?

— А такъ, какъ обнакновенно по семейному дѣлу случается: онъ въ одну сторону тянетъ, а она въ другую... Ну, вздорятъ промежду себя, а потомъ Сереженька же у нея прощенія просятъ... Да-съ. Ужъ такой грѣхъ, сударь, вышелъ, такой грѣхъ!..

Это извѣстіе отравило Бахареву радость возвращенія на родное пепелище. Собственный домъ показался ему пустымъ; въ немъ не было прежней теплоты, на каждомъ шагу чувствовалось отсутствіе горячо любимаго человѣка. На пріискахъ тоска по дочери уравновѣшивалась усиленной дѣятельностью, а здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ, старика разомъ охватила самая тяжелая пустота. Приваловская женитьба была лишней каплей горечи. Имена Нади и Сережи за послѣдній годъ какъ-то все время для старика стояли рядомъ, его старое сердце одинаково болѣло за обоихъ. Теперь онъ не зналъ, о комъ больше сокрушаться: о потерянной навсегда дочери или о Приваловѣ.

Напрасно старикъ искалъ утѣшенія въ сближеніи съ женой и Вѣрочкой. Онъ горячо любилъ ихъ, готовъ былъ отдать за нихъ все, но онѣ не могли ему замѣнить одну Надю. Онъ слишкомъ любилъ ее, слишкомъ сжился съ ней, приросъ къ ней всѣми старческими чувствами, какъ старый пень, который пускаетъ молодые побѣги и этимъ протестуетъ противъ медленнаго разложенія. Съ кѣмъ онъ теперь поговоритъ по душѣ? Съ кѣмъ посовѣтуется, когда взгрустнется?..

Даже богатство, которое прилило широкой волной, какъ-то не радовало старика Бахарева, и въ его головѣ часто вставалъ вопросъ: „Для кого и для чего это богатство?“ Оно явилось, точно насмѣшка надъ упадавшими силами старика, напрасно искавшаго вокругъ себя опоры и поддержки. Оставаясь одинъ въ своемъ кабинетѣ, Василій Назарычъ невольно каждый разъ припоминалъ, какъ его Надя ползала на колѣняхъ предъ нимъ, и какъ онъ оттолкнулъ ее. Развѣ онъ могъ сдѣлать иначе?.. Онъ былъ отецъ, и онъ первый занесъ карающую руку на преступную дочь... Иногда въ его душѣ возникало сомнѣніе: справедливо ли онъ поступилъ съ дочерью? Но все, казалось, было за него, онъ не находилъ себѣ обвиненія въ жестокости или неправдѣ. Тысячу разъ перебиралъ старикъ въ своей памяти всѣ обстоятельства этого страшнаго для него дѣла и каждый разъ видѣлъ только то, что одна его Надя виновата во всемъ. Голосъ сомнѣнія и жалости къ дочери замиралъ подъ тяжестью обвиненія.

Разъ Василій Назарычъ стоялъ въ молельной. Большія восковыя свѣчи горѣли тусклымъ краснымъ пламенемъ; волны густого дыма отъ ладана застилали глаза; монотонное чтеніе раскольничьяго канона нагоняло тяжелую дремоту. Старинные гуляевскіе и приваловскіе образа смотрѣли изъ кіотовъ какъ-то особенно строго. Старика точно кольнуло что, и онъ быстро оглянулся въ тотъ уголъ, гдѣ обыкновенно стояла его Надя... Уголъ былъ пустъ. Страшная, смертная тоска охватила Василія Назарыча, и онъ, какъ сноп, съ рыданіями повалился на землю. Въ его груди точно что-то растаяло, и ему съ болѣзненной яркостью представилась мысль: вотъ онъ, старикъ, доживаетъ послѣдніе годы, не сегодня-завтра наступитъ послѣдній расчетъ съ жизнью, а онъ наканунѣ своихъ дней оттолкнулъ родную дочь, вмѣсто того, чтобы простить ее. „Папа, папа... я никому не сдѣлала зла!“—слышалъ старикъ послѣдній крикъ дочери, которая билась у его ногъ, какъ смертельно раненая птица.

IV.

Медовый мѣсяцъ для молодой четы Приваловыхъ миновалъ, оставивъ на горизонтѣ рядъ тѣхъ грозовыхъ облачковъ, безъ которыхъ едва ли складывается хоть одно семейное счастье.

Жизнь въ обновленномъ приваловскомъ домѣ катилась порывистой бурной струей, шагъ за шагомъ обнажая для Привалова то многое, чего онъ раньше не замѣчалъ. Собственно домъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: Ляховскіе остались въ своемъ старомъ помѣщеніи, а Приваловы заняли новое. Только парадныя комнаты и передняя были общими. Для двухъ семей комнатъ было даже слишкомъ много. На первый разъ для Привалова съ особенной рельефностью выступили два обстоятельства: онъ надѣялся, что шумная жизнь съ вечерами, торжественными обѣдами и парадными завтраками кончится вмѣстѣ съ медовымъ мѣсяцемъ, въ теченіе котораго въ его домѣ веселился весь Узель, а затѣмъ онъ заживетъ тихой семейной жизнью, о какой мечталъ вмѣстѣ съ Зосей еще такъ недавно. Но вышло совсѣмъ наоборотъ: медовый мѣсяцъ прошелъ, а шумная жизнь продолжалась попрежнему. Гости не выходили изъ дому, и каждый день придумывалось какое-нибудь новое развлеченіе, такъ что въ концѣ концовъ Приваловъ почувствовалъ себя въ своемъ собственномъ домѣ тоже гостемъ, даже немного меньше — постороннимъ человѣкомъ, который попалъ въ эту веселую компанію совершенно случайно. Такая жизнь никогда не входила въ его расчеты, и его не разъ охватывалъ какой-то страхъ за будущее.

Зося, конечно, угадывала истинный ходъ мыслей мужа, но дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Когда Приваловъ начиналъ говорить съ ней серьезно на эту тему, Зося только пожимала плечами и удивлялась, точно она выслушивала бредъ сумасшедшаго. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ хочетъ отъ нея?.. Такимъ образомъ между молодыми супругами легла первая тѣнь. Та общая нить, которая связываетъ людей, порвалась сама собою, порвалась прежде, чѣмъ успѣла окрѣпнуть, и Приваловъ со страхомъ смотрѣлъ на ту цыганскую жизнь, которая царила въ его домѣ, съ каждымъ днемъ отдѣляя отъ него жену все дальше и дальше. Онъ только могъ удивляться тѣмъ открытіямъ, какія дѣлалъ ежедневно: то, что онъ считалъ случайными чертами въ характерѣ Зоси, оказывалось его основаніемъ; гдѣ онъ надѣялся повліять на жену—получались мелкія семейныя сцены, слезы и т. д. Все это выходило какъ-то обидно и глупо, глупо до боли. Для кого же Зося мучила Привалова и для чего?

Онъ въ этомъ случаѣ не понималъ жены и просто терялся въ объясненіяхъ... Изъ новыхъ знакомыхъ, которые бывали у Приваловыхъ, прибыло очень немного: два-три горныхъ инженера, молодой адвокатъ—восходящее свѣтило въ дѣловомъ мірѣ—и еще нѣсколько человѣкъ разночинцевъ. Прежніе знакомые Зоси остались всѣ тѣ же и только съ половины Ляховскаго перекочевали на половину Привалова; Половодовъ, „Моисей“, Лепешкинъ, Иванъ Яковличъ чувствовали себя подъ гостепріимной приваловской кровлей, какъ дома. Они ни въ чемъ не стѣсняли себя и, какъ казалось Привалову, къ нему лично относились съ вѣжливой ироніей настоящихъ свѣтскихъ людей.

Всѣ эти гости были самымъ больнымъ мѣстомъ въ душѣ Привалова, и онъ никакъ не могъ понять, что̀ интереснаго могла находить Зося въ обществѣ этой гулящей братіи. Разъ, когда Приваловъ зашелъ въ гостиную Зоси, онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ такой картины: „Моисей“ стоялъ въ переднемъ углу и, закрывшись ковромъ, изображалъ архіерея, Лепешкинъ служилъ за протодьякона, а Половодовъ, Давидъ, Иванъ Яковличъ и горные инженеры представляли собой клиръ. Сама Зося хохотала, какъ сумасшедшая.

— Это кощунство, Зося... — замѣтилъ Приваловъ, котораго эта картина покоробила.

— Нѣтъ, это просто смѣшно!

— Не понимаю!..

— Какъ всегда!

Если выпадала свободная минута отъ гостей, Зося проводила ее около лошадей или со своими ястребами и кречетами. Полугодовой медвѣдь Шайтанъ жилъ въ комнатахъ и служилъ божескимъ наказаніемъ для всего дома: онъ грызъ и рвалъ все, что̀ только попадалось ему подъ руку, билъ собакъ, производилъ неожиданныя ночныя экскурсіи по кладовымъ и чердакамъ и кончилъ тѣмъ, что бросился на проходившую по улицѣ дѣвочку-торговку и чуть-чуть не задавилъ ее. Но чѣмъ больше проказилъ Шайтанъ, тѣмъ сильнѣе привязывалась къ нему Зося. Она точно не могла жить безъ него и даже клала его на ночь въ свою спальню, гдѣ онъ грызъ сапоги, рвалъ платье и вообще показывалъ цѣлый рядъ самыхъ артистическихъ штукъ. Только когда Приваловъ, выведенный изъ терпѣнія, пообѣщалъ отравить Шайтана стрихниномъ, Зося рѣшилась наконецъ разстаться со своимъ любимцемъ, т.-е. для него была устроена въ саду круглая яма, выложенная кирпичомъ, и Зося ежедневно посылала ему туда живыхъ зайцевъ, кроликовъ и щенковъ. Ей доставляла удовольствіе эта травля, хотя это удовольствіе однажды едва не кончилось очень трагически: пьяный „Моисей“ полетѣлъ въ яму къ медвѣдю, и только кучеръ Илья спасъ его отъ очень печальной участи. Лошади, кречеты и медвѣжонокъ отнимали у Зоси остатки свободнаго дня, такъ что съ мужемъ она видѣлась только вечеромъ, усталая и капризная. Протесты Привалова противъ такого образа жизни принимались за личное оскорбленіе; послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ, Приваловъ отказался отъ нихъ. Часто онъ старался обвинить самого себя въ неумѣньи отвлечь Зосю отъ ея друзей и постепенно создать около нея совершенно другую жизнь, другихъ людей и, главное, другія развлеченія... Оставалась одна надежда на время... Можетъ-быть, Зосѣ надоѣстъ эта пустая жизнь, когда съ ней произойдетъ какой-нибудь нравственный кризисъ.

— Есть еще одна надежда, Сергѣй Александрычъ, — говорилъ докторъ, который, какъ казалось Привалову, тоже держался отъ него немного дальше, чѣмъ это было до его женитьбы.

— Именно?

— Какъ у всякой замужней женщины, у Софьи Игнатьевны могутъ быть дѣти, тогда...

Положеніе Привалова съ часу на часъ дѣлалось все труднѣе. Онъ боялся сдѣлаться пристрастнымъ даже къ доктору. Собственное душевное настроеніе слишкомъ было напряжено, такъ что къ дѣйствительности начали примѣшиваться призраки фантазіи и разстроенное воображеніе рисовало одну картину за другой. Приваловъ даже избѣгалъ мысли о томъ, что Зося могла не любить его совсѣмъ, а также и онъ ее. Для него ясно было только то, что онъ не нашелъ въ своей семейной жизни своихъ самыхъ задушевныхъ идеаловъ.

Скоро обнаружилась еще одна горькая истина. Именно, Приваловъ не могъ не замѣтить, что всѣ въ домѣ были противъ него. Это было слишкомъ очевидно. И если Приваловъ еще могъ, въ счастливомъ случаѣ, какъ-нибудь изолировать свою семейную жизнь отъ внѣшнихъ вліяній, то противъ внутренняго органическаго зла онъ былъ рѣшительно безсиленъ. Что онъ могъ сдѣлать, когда каждый шагъ Зоси, въ глазахъ Игнатія Львовича и пани Марины, не подлежалъ даже критикѣ? Разъ что-нибудь сдѣлала Зося — все было хорошо. Развѣ была такая вещь, которой нельзя было бы позволить и извинить такой молоденькой и красивой женщинѣ? Всѣ удивлялись странному поведенію Привалова, который просто придирался къ Зосѣ съ самыми глупѣйшими пустяками.

— Если вы не исправитесь, я не отвѣчаю ни за что! — говорилъ Ляховскій своему зятю. — Вы не цѣните сокровище, какое попало въ ваши руки... Да!.. Я не хочу сказать этимъ, что вы дурной человѣкъ, но, ради Бога, никогда не забывайте, что ваша жена, какъ всякое рѣдкое растеніе, не перенесетъ никакого насилія надъ собой.

— Я, кажется, дѣлаю, Игнатій Львовичъ, рѣшительно все, что̀ зависитъ отъ меня, — пробовалъ оправдываться Приваловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Вы не хотите всмотрѣться въ характеръ Зоси, не хотите его изучить во всѣхъ тонкостяхъ, какъ обязанъ сдѣлать каждый мужъ, который дорожитъ своимъ семейнымъ счастьемъ. Зося подарила васъ своей молодостью, своей красотой — остальное все на вашей совѣсти. Вы настолько эгоистичны, что не можете примириться даже съ тѣми дѣтскими прихотями, на какія имѣетъ полное право всякая молоденькая женщина, особенно такая красавица, какъ Зося. Повѣрьте моей опытности и постарайтесь воспользоваться моими совѣтами... Я говорю съ вами, какъ отецъ и какъ человѣкъ.

Выходъ изъ этого двусмысленнаго положенія былъ одинъ: вырвать Зосю изъ-подъ вліянія родной семьи, другими словами, выгнать Ляховскихъ изъ своего дома. Но это было невозможно. Враждебный лагерь смыкался около Привалова все тѣснѣе и тѣснѣе. Зося скоро сама поддалась общему теченію и стала относиться къ мужу въ общемъ враждебномъ тонѣ. Ей какъ-то все стало не нравиться въ Приваловѣ: сапоги у него скрипѣли; когда онъ ѣлъ, у него такъ некрасиво поднимались скулы; онъ не умѣлъ поддержать разговора за столомъ и т. д. Но больше всего Зосѣ не нравилось въ мужѣ то, что онъ положительно не умѣлъ себя держать въ обществѣ — не въ мѣру дичился незнакомыхъ, или старался быть развязнымъ, что̀ выходило натянуто, или просто молчалъ самымъ глупѣйшимъ образомъ.

— Понимаете, Сергѣй Александрычъ, вы дѣлаете смѣшнымъ и себя и меня, — упрекала его Зося.

— Да что̀ же мнѣ дѣлать, Зося? Для чего вся эта комедія, когда я даже совсѣмъ не желаю видѣть этихъ людей.

— А... такъ вы вотъ какъ!.. Вы, вѣроятно, хотите замуровать меня въ четыре стѣны, какъ это устраивали со своими женами ваши милые предки? Только вы забыли одно: я не русская баба, которая, какъ собака, будетъ все переносить отъ мужа....

— Зося, опомнись, ради Бога, что ты говоришь... Неужели я такъ похожъ на своихъ предковъ?.. Нужно же имѣть капельку справедливости...

— Значитъ, я несправедлива къ вамъ?

Хіонія Алексѣевна быстро освоилась въ новой своей роли и многое успѣла забрать въ свои цѣпкія руки. Между прочимъ, когда всѣ въ домѣ были противъ Привалова, она не замедлила примкнуть къ сильнѣйшей партіи и сейчасъ же присоединила свой голосъ къ общему хору. Она не упускала удобнаго случая, чтобы поставить Привалова въ какое-нибудь неловкое положеніе, зло подшутить надъ нимъ и, при случаѣ, даже запустить шпильку въ больное мѣсто. Все это продѣлывалось съ цѣлью попасть въ общій тонъ и угодить Зосѣ. Однажды она особенно надоѣла Привалову, и онъ рѣзко замѣтилъ ей:

— Хіонія Алексѣевна, вы иногда, кажется, забываете, что въ этомъ домѣ хозяинъ я... А то вы такъ странно держите себя и позволяете себѣ такъ много, что въ одно прекрасное утро я долженъ буду принять свои мѣры.

Разговоръ происходилъ съ глазу на глазъ, и Хіонія Алексѣевна, прищуривъ глаза, нахально спросила:

— Именно?.. Какъ прикажете понять ваши слова: за угрозу просто или за формальный отказъ отъ дома?

— Если хотите, такъ за то и другое вмѣстѣ! — крикнулъ Приваловъ, едва удерживаясь отъ желанія вышвырнуть ее за дверь.

— Благодарю васъ, Сергѣй Александрычъ, — дѣлая книксенъ, проговорила Хіонія Алексѣевна въ прежнемъ своемъ тонѣ. — Вы мнѣ хорошо платите за тѣ tête-à-tête, какія я вамъ устраивала съ Антонидой Ивановной... Ха-ха! Вы, можетъ-быть, позабыли, какъ она цѣловала васъ въ вашемъ кабинетѣ? А я была настолько скромна, что ваша жена еще до сихъ поръ даже не подозрѣваетъ, съ какимъ чудовищемъ имѣетъ дѣло. Mercі!.. Да, я сейчасъ же ухожу изъ вашего дома и не поручусь, что ваша жена сегодня же не узнаетъ о вашихъ милыхъ похожденіяхъ. Прибавьте еще Надежду Васильевну къ этому... О, я увѣрена, что эта бѣдная дѣвушка пала жертвой вашего сластолюбія, а потомъ вы ее бросили.

— Хіонія Алексѣевна....

Но Хіонія Алексѣевна была уже за порогомъ, предоставивъ Привалову бѣсноваться одному. Она была довольна, что наконецъ проучила этого милліонера, изъ-за котораго она перенесла на своей собственной спинѣ столько человѣческой несправедливости. Чѣмъ она ни пожертвовала для него — и вотъ вамъ благодарность за всѣ труды, хлопоты, непріятности и даже обиды. Если бы не этотъ Приваловъ, развѣ Агриппина Филипьевна разссорилась бы съ ней?.. Нѣтъ, рѣшительно нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ ни совѣсти, ни справедливости, ни признательности!

Изъ приваловскаго дома Хина, конечно, не ушла, а какъ ни въ чемъ не бывало явилась въ него на другой же день послѣ своей размолвки съ Приваловымъ. Хозяину ничего не оставалось, какъ только по возможности избѣгать этой фуріи, чтобы напрасно не подвергать нареканіямъ и не отдавать въ жертву городскимъ сплетнямъ ни въ чемъ неповинныя женскія имена, а съ другой — не возстановлять противъ себя Зоси. Хіонія Алексѣевна, въ случаѣ изгнанія, конечно, не остановилась бы ни передъ чѣмъ.

— Какъ жестоко можно ошибиться въ людяхъ, даже въ самыхъ близ-

кихъ, — меланхолически говорила она Зосѣ. — Я, напримѣръ, столько времени считала Александра Павлыча самымъ отчаяннымъ гордецомъ, а между тѣмъ оказывается, что онъ совсѣмъ не гордецъ. Или взять Сергѣя Александрыча... Ахъ, mon ange, сколько мы, женщины, должны приносить жертвъ этимъ отвратительнымъ эгоистамъ мужчинамъ!..

V.

Когда передѣлывали приваловскій домъ, часть его пристроекъ была обращена въ склады для хлѣба, а въ моленной были устроены лавки. Затѣмъ, часть сада была отведена спеціально подъ деревянные амбары, тоже для хлѣба. Всѣ эти перестройки были закончены къ первому санному пути, когда приваловская мельница должна была начать работу. Осенью Привалову только разъ былъ на мельницѣ, и то ненадолго, чтобы провѣрить работы. Теперь, когда дома ему дѣлалось слишкомъ тяжело, онъ вспомнилъ о своей мельницѣ и по первопутку отправился туда. Когда онъ выѣхалъ за городъ, то ужъ почувствовалъ замѣтное облегченіе; именно ему необходимо было вырваться на деревенскій просторъ и отдохнуть душой на безконечномъ раздольѣ полей, чтобы освободиться отъ давившаго его кошмара. Онъ сразу повеселѣлъ, и многое, что̀ мучило его еще такъ недавно, показалось ему просто смѣшнымъ.

— А мы васъ здѣсь крѣпко дожидаемъ, Сергѣй Александрычъ, — встрѣтилъ Нагибинъ хозяина. — Такъ дожидаемъ... Надо первый помолъ дѣлать, благословясь. Меленка-то совсѣмъ готова.

Въ мельничномъ флигелькѣ скоро собрались всѣ, т.-е. Нагибинъ, Телкинъ, попъ Савелъ и Ипатъ, который теперь жилъ въ деревнѣ, такъ какъ въ городѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать. Впрочемъ, вѣрный слуга Привалова не особенно горевалъ о такомъ перемѣщеніи: баринъ своей женитьбой потерялъ въ его глазахъ всякую цѣну. — „Однимъ словомъ, какъ есть пропащій человѣкъ!“

Въ какихъ-нибудь два часа Приваловъ уже зналъ всѣ незамысловатыя деревенскія новости: хлѣба̀, слава Богу, уродились, овсы — ровные, проса и гречиха — середка-на-половинѣ. Въ Красномъ Лугу молоньей убило бабу, въ Веретьяхъ скотъ начиналъ валиться отъ чумы, да отслужили сорокъ обѣденъ, и Богъ помиловалъ. Въ „ордѣ“ больно хороша нынче уродилась пшеница, особенно кубанка. Сѣно удалось не вездѣ, въ Петровки солнышкомъ прихватило по увалamъ; только и поскоблили гдѣ по мочевинкамъ, въ понизяхъ, да на поемныхъ лугахъ, и т. д., и т. д.

Мельница была совсѣмъ готова. Воды въ прудѣ, по расчетамъ Телкина, хватитъ на всю зиму. Оставалось пустить все „обзаведеніе“ въ ходъ, что̀ и было приведено въ исполненіе хмурымъ октябрьскимъ утромъ. Зашумѣла вода, повертывая громадное водяное колесо, а тамъ и пошли работать шестерни, валы и колеса съ разными приводами и приспособленіями. Все было въ исправности; работа шла, какъ по-писанному. Изъ-подъ жернововъ посыпалась теплая мука, наполняя всю мельницу своимъ специфическимъ ароматомъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этой работой, которая совершалась вполнѣ форменно — лучше требовать нельзя.

— Ну, съ первинкой, Сергѣй Александрычъ, поздравляемъ, — заговорилъ Нагибинъ.—Все по формѣ и безъ сумлѣнія. Въ самый аккуратъ издалась меленка, въ добрый часъ будь сказано!

Телкинъ подробно еще разъ показалъ и объяснилъ, гдѣ нужно, весь двигавшійся механизмъ. Глаза у него блестѣли, а лицо подернулось легкой

краской; онъ сдерживалъ себя, стараясь не выдать волновавшаго его чувства счастливой гордости за шевелившееся, стучавшее и шумѣвшее дѣтище.

— Теперь можно и поздравить хозяина,—говорилъ попъ Савелъ, успѣвшій порядочно выпачкаться въ мукѣ; мелкій бусъ, какъ инеемъ, покрылъ всѣхъ.

Послѣ офиціальнаго открытія мельницы было устроено приличное угощеніе. Публика почище угощалась во флигелькѣ, а для мужиковъ были поставлены столы въ самой мельницѣ. Мужиковъ набралось густо, и все нужный народъ, потрудившійся въ свою долю при постройкѣ: кто возилъ бревна, кто бытовой камень, кто жернова и т. д. Послѣ трехъ стакановъ водки на мельницѣ поднялся тотъ пьяный шумъ, приправленный пѣсней и крѣпкимъ русскимъ словцомъ, безъ чего не обходится никакая мужицкая гулянка. Потныя, красныя бородатыя лица лѣзли къ Привалову цѣловаться; корявыя руки хватали его за платье; онъ тоже пилъ водку вмѣстѣ съ другими и чувствовалъ себя необыкновенно хорошо въ этомъ пьяномъ мужицкомъ мірѣ. Отдѣльный столъ былъ поставленъ для бабъ, которыя работали при затолчкѣ плотины; онъ теперь походилъ на гряду съ макомъ и весело пестрѣлъ красными, синими и желтыми цвѣтами. Бабы пропустили по стаканчику, и маковая гряда тоже заголосила на всѣ лады, присоединяясь къ мужицкому галдѣнью. Гдѣ-то пиликнула вятская гармоника, въ другомъ углу жалобно затренькала деревенская балалайка, и началась музыка... Старостиха Анисья тончайшимъ голосомъ завела пѣсню, ее подхватили десятки голосовъ, и она полилась нестройной, колыхавшейся волной, вырвалась на улицу и донеслась вплоть до деревни, гдѣ оставались только самыя древнія старушки, которыя охали и крестились, прислушиваясь, какъ міръ гуляетъ.

Попъ Савелъ успѣлъ нагрузиться вмѣстѣ съ другими и тоже лѣзъ цѣловаться къ Привалову, донимая его цитатами изъ всѣхъ классиковъ. Телкинъ былъ чуть-чуть навеселѣ. Вообще всѣ подгуляли, за исключеніемъ одного Нагибина, который „не принималъ ни капли водки“. Началась пляска, отъ которой гнулись и трещали половицы; бабы съ визгомъ взмахивали руками; захмелѣвшіе мужики грузно топтались на мѣстѣ, выбивая каблуками отчаянную дробь.

— Гуляй, дѣвонька!..—выкрикивалъ какой-то рыжій мужикъ, отплясывая въ рваномъ полушубкѣ.—Мматушки... шире бери!..

Когда общее веселье перешло въ сплошной гвалтъ и мельница превратилась въ настоящій кабакъ, Приваловъ ушелъ въ свой флигель. Онъ былъ тоже пьянъ и чувствовалъ, какъ передъ глазами предметы двоились и прыгали.

Утромъ онъ проснулся съ сильной головной болью и съ самымъ смутнымъ представленіемъ о томъ, что̀ дѣлалось вчера на мельницѣ.

— Здорово отгуляли, Сергѣй Александрычъ,—улыбался Нагибинъ.

— Ничего.

— Теперь только чайку испить—и дѣло въ шляпѣ. Попъ Савелъ уже навѣдывался, онъ все еще вчерашнимъ пьянъ... А слышите, какъ меленка-то постукиваетъ? Капитонъ съ трехъ часовъ пустилъ все обзаведеніе...

Привалову казалось съ похмелья, что постукиваетъ не на мельницѣ, а у него въ головѣ. И для чего онъ напился вчера? Впрочемъ, нельзя, мужики обидѣлись бы. Да и какое это пьянство, ежели разобрать? Самое законное, такая ужъ причина подошла, какъ говорятъ мужики. А главное, ничего похожаго не было на шальное пьянство узловской интеллигенціи, которая всегда пьетъ, благо нашлась водка.

— Вотъ чайку-съ... — предлагалъ Нагибинъ. — Оно очень облегчаетъ, ежели кто водку принимаетъ... А вонъ и попъ Савелъ бредетъ никакъ.

— Миръ дому сему!—крикнулъ попъ Савелъ еще подъ окошкомъ.—У меня сегодня въ головѣ такая мельница мелетъ... А я ужъ поправился, стомаха ради и частыхъ недугъ!..

Приваловъ быстро вошелъ въ деревенскую колею, къ которой всегда его тянуло. Поѣздка съ Нагибинымъ по деревнямъ и мелкимъ хлѣбнымъ ярмаркамъ отнимала бо́льшую часть времени, а другая уходила цѣликомъ на мельницу. Работа закипѣла. Сотни подводъ ежедневно прибывали къ мельницѣ, сваливали зерно въ амбары и уступали мѣсто другимъ. Начали расти полѣнницы бѣлыхъ мѣшковъ съ зеленымъ клеймомъ: „Мельница Привалова“. Сотни рабочихъ были заняты на мельницѣ переноской и перевозкой зерна, около зерносушилокъ и вѣялокъ, въ отдѣленіи, гдѣ вѣсили и ссыпа́ли муку въ мѣшки. Около приваловскаго флигеля вѣчно стояли пустыя подводы дожидавшихся расчета мужиковъ. Черезъ недѣлю началась правильная отсылка намолотой муки въ Узелъ, въ главный складъ при приваловскомъ домѣ. Приваловъ никогда не чувствовалъ себя такъ легко, какъ въ этотъ моментъ; на время онъ совсѣмъ позабылъ о всемъ городскомъ и ежедневно отсылалъ Зосѣ самыя подробныя письма о своей дѣятельности.

Зося отвѣчала на письма мужа коротенькими записочками. Между прочимъ, она писала ему, что скучаетъ одна и желала бы сама жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ, если бы могла оставить своихъ стариковъ. Приваловъ сначала не вѣрилъ, но желаніе быть счастливымъ было настолько велико, что онъ забывалъ все старое и снова отдавался душой своей Зосѣ. Онъ даже старался во всемъ обвинить самого себя, только бы спасти свое чувство, свою любовь. Вѣдь она хорошая, эта Зося, она любитъ его... При первой возможности Приваловъ бросилъ всѣ дѣла на мельницѣ и уѣхалъ въ Узелъ. Но тамъ его ожидало новое разочарованіе: Зося встрѣтила его совсѣмъ враждебно, почти съ ненавистью. Это онъ видѣлъ по ея темнымъ глазамъ, по недовольному лицу, по необыкновенной раздражительности.

— Мнѣ гораздо лучше было совсѣмъ не пріѣзжать сюда, — говорилъ Приваловъ. — Зачѣмъ ты писала то, чего совсѣмъ не чувствовала?.. По-моему, намъ лучше быть друзьями далеко, чѣмъ жить врагами подъ одной кровлей.

Этотъ тонъ смутилъ Зосю. Нѣсколько дней она казалась спокойнѣе, но потомъ началась старая исторія. Привалова удивляло только то, что Половодовъ совсѣмъ пересталъ бывать у нихъ, и Зося, какъ казалось, совсѣмъ позабыла о немъ. Теперь у нея явилось новое развлеченіе: она часовъ по шести въ сутки каталась въ саняхъ по городу, вездѣ таская за собой Хину. Она сама правила лошадью и даже иногда сама закладывала свой экипажъ.

Дѣло по хлѣбной торговлѣ пошло бойко въ гору. Приваловъ уже успѣлъ сбыть очень выгодно нѣсколько большихъ партій на заводы, а затѣмъ получилъ рядъ солидныхъ заказовъ отъ разныхъ торговыхъ фирмъ. Расчеты и ожиданія оправдались скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Недоставало времени и рабочихъ рукъ. Приходилось вездѣ поспѣвать самому, чтобы поставить сразу все дѣло на твердую почву. Много времени отнимали разныя хлопоты съ нотаріусами и банками. Разъ, когда Приваловъ зашелъ въ Узловско-Моховскій банкъ, онъ совсѣмъ неожиданно столкнулся со старикомъ Бахаревымъ. Оба смутились и не знали, о чемъ говорить.

— Ну, что́ твоя мельница? — спросилъ наконецъ Бахаревъ, не глядя на Привалова.

— Пока ничего, работаетъ. Давно ли вы вернулись съ пріисковъ, Василій Назарычъ?

— Да ужъ порядочно, пожалуй, съ мѣсяцъ... Ахъ, я и забылъ; поздравляю тебя съ женитьбой.

Вышла самая тяжелая и непріятная сцена. Привалову было совѣстно предъ старикомъ, что онъ до сихъ поръ не былъ еще у него съ визитомъ, хотя послѣ своего послѣдняго разговора съ Марьей Степановной онъ могъ его и не дѣлать

VI.

Отъ Веревкина послѣднее письмо былъ получено незадолго до женитьбы Привалова. Въ немъ Nicolas отчасти повторялъ то же самое, о чемъ уже писалъ раньше, то-есть излагалъ разныя блестящія надежды и смѣлыя комбинаціи. Прибавкой являлось только то, что ему порядочно надоѣло въ Петербургѣ, и онъ начиналъ порываться въ Узелъ, въ свою родную стихію, въ которой плавалъ, какъ рыба въ водѣ. Занятый семейными дѣлами и мельницей, Приваловъ забылъ о своемъ повѣренномъ, о которомъ ему напомнила встрѣча со старикомъ Бахаревымъ. Уже одна фигура этого типичнаго старика служила какъ бы нѣмымъ укоромъ: а что же заводы? какъ идутъ дѣла объ опекѣ? что дѣлалъ тамъ, въ Петербургѣ, этотъ Веревкинъ? Приваловъ не могъ порядочно отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, и теперь совѣсть особенно мучила его, что онъ изъ-за личныхъ дѣлъ забылъ свои главныя обязанности. Вообще все выходило какъ-то особенно глупо, за исключеніемъ развѣ одной мельницы, которая работала все время отлично. Да и эта единственная удача была отравлена тѣмъ, что Приваловъ ни съ кѣмъ не могъ подѣлиться своей радостью.

О семьѣ Бахаревыхъ Приваловъ слышалъ стороной, что дѣла по пріискамъ у Василія Назарыча идутъ отлично. Разсказывали о сотняхъ тысячъ, заработанныхъ имъ въ одно лѣто. За богатствомъ опять тянулась блестящимъ хвостомъ слава. Всѣ съ уваженіемъ говорили о старомъ Бахаревѣ, который изъ ничего создавалъ милліоны. Только о Надеждѣ Васильевнѣ никто ничего не зналъ, а Приваловъ слышалъ мелькомъ о ней отъ доктора, который осенью былъ въ Шатровскихъ заводахъ. Костя Бахаревъ никогда не любилъ обременять себя перепиской, поэтому Приваловъ нисколько не удивился, что не получилъ отъ него въ теченіе полугода ни одной строчки.

Однажды на своемъ письменномъ столѣ Приваловъ, къ своему удивленію, нашелъ карточку Кости Бахарева.

— Онъ уѣхалъ, вѣроятно, обратно на заводы?—спрашивалъ Приваловъ Пальку.

— Нѣтъ, они сюда пріѣхали совсѣмъ...

— Какъ совсѣмъ?

— Такъ-съ... Теперь живутъ въ „Золотомъ Якорѣ“, просили извѣстить ихъ, когда вы пріѣдете. Прикажете послать имъ сказать?

— Нѣтъ, не нужно... Я самъ къ нему поѣду.

Этотъ неожиданный пріѣздъ Кости Бахарева поразилъ Привалова; онъ почуялъ сразу что-то недоброе и тотчасъ же отправился въ „Золотой Якорь“. Бахаревъ былъ дома и встрѣтилъ друга дѣтства съ насмѣшливой холодностью.

— Я совсѣмъ, Сергѣй Александрычъ,—заговорилъ Костя, когда Приваловъ сѣлъ на диванчикъ.

— Какъ совсѣмъ?

— Да такъ... Получилъ чистую отъ Александра Павлыча.

— Ничего не понимаю!..

— А между тѣмъ все дѣло чрезвычайно просто: пока ты тутъ хороводился со своей свадьбой, Половодовъ выхлопоталъ себѣ назначеніе повѣреннымъ отъ конкурснаго управленія... Да ты что смотришь на меня такими глазами? Развѣ тебѣ Веревкинъ ничего не писалъ?

— Послѣднее письмо я отъ него получилъ мѣсяца два тому назадъ.

— Ну, батенька, въ это время успѣло много воды утечь... Значитъ, ты и о конкурсѣ ничего не знаешь?.. Завидую твоему блаженному невѣдѣнію... Такъ я тебѣ разскажу все: когда Ляховскій отказался отъ опекунства, Половодовъ черезъ кого-то устроилъ въ Петербургѣ такъ, что твой второй братъ признанъ себя несостоятельнымъ по какимъ-то тамъ платежамъ...

— Да вѣдь онъ идіотъ?

— Это все равно... Объявили несостоятельнымъ и назначили конкурсъ, а повѣреннымъ конкурснаго управленія опредѣлили Половодова. Впрочемъ, это случилось недавно... Онъ меня и смазалъ для перваго раза. Говоря проще, мнѣ отказали отъ мѣста, а управителемъ Шатровскихъ заводовъ назначили какого-то Павла Андренча Кочнева, то-есть не какого-то, а родственника Половодова. Онъ женатъ на Шпигель, родной сестрѣ матери Веревкина. Теперь понялъ, откуда вѣтеръ дуетъ?

Приваловъ нѣсколько времени молчалъ; полученное извѣстіе ошеломило его, и онъ какъ-то ничего не могъ сообразить: какъ все это случилось? какой конкурсъ? какой Кочневъ? при чемъ тутъ сестрицы Шпигель?

— Что же мы теперь будемъ дѣлать?—проговорилъ Приваловъ, приходя въ себя.

— Ты—не знаю, что будешь дѣлать, а я получилъ приглашеніе на заводы Отметышева, въ Восточную Сибирь,—сказалъ Бахаревъ. — Даютъ пять тысячъ жалованья и пятую часть паевъ... Заводы на паяхъ устроены.

— Такъ... Что же, скатертью тебѣ дорога,—отвѣтилъ задумчиво Приваловъ, глядя въ пространство.—А намъ дѣваться некуда...

— Я одного только не понимаю, Сергѣй, — заговорилъ Бахаревъ, стараясь придать тону голоса мягкій характеръ,—не понимаю, почему ты зимой не поѣхалъ въ Петербургъ, когда я умолялъ тебя объ этомъ?.. Неужели это такъ трудно было сдѣлать?

Приваловъ схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ, какъ раненый звѣрь; вопросъ Бахарева затронулъ самое больное мѣсто въ его душѣ.

— А Василій Назарычъ знаетъ о конкурсѣ?—спрашивалъ Приваловъ, продолжая бѣгать.

— Да... я ему разсказывалъ.

— Развѣ вы помирились?

— Т.-е. какъ тебѣ сказать; вѣдь мы, собственно, не ссорились, такъ что и мириться нечего было. Просто пріѣхалъ къ родителю, и вся недолга. Онъ сильно перемѣнился за это время...

— Вспылилъ, какъ узналъ о конкурсѣ?

— Нѣтъ... заплакалъ. Въ старчество впадаетъ... Все заводы жалѣлъ. Ахъ, да, я тебѣ позабылъ сказать: сестра тебѣ кланяется...

Приваловъ вопросительно посмотрѣлъ на Бахарева; въ его головѣ мелькнуло сердитое лицо Вѣрочки.

— Развѣ забылъ—Надя?

— Ахъ, да... виноватъ. Ну что, какъ она поживаетъ?

— Ничего, теперь переѣхала на пріискъ къ Лоскутову. Два сапога пара: оба бредятъ высшими вопросами и совершенно довольны другъ другомъ.

— Я слышалъ, что Василій Назарычъ разошелся съ Надеждой Васильевной?—спрашивалъ Приваловъ, чтобы замять овладѣвшее имъ волненіе; тамъ, въ глубинѣ, тихо-тихо заныла старая, похороненная давно любовь.

— Да, тутъ вышла серьезная исторія... Отецъ, пожалуй бы, и ничего, но мать—и слышать ничего не хочетъ о примиреніи. Я пробовалъ-было замолвить словечко; куда, старуха на меня такъ поднялась, что даже ногами затопала. Ну, я и оставилъ. Пусть сами мирятся... Изъ-за чего только люди кровь себѣ портятъ, не понимаю и не понимаю. Мать не скоро своротишь: ужъ если что поставитъ себѣ—кончено, не сдвинешь. Она вѣдь тогда прокляла Надю... Это какой-то фанатизмъ!.. Вообще, старики измѣнились: отецъ въ лучшую сторону, мать въ худшую.

Друзья дѣтства проговорили за-полночь о заводахъ и разныхъ разностяхъ. Бахаревъ не укорялъ Привалова, такъ какъ не интересовался его теперешней жизнью. Онъ даже не полюбопытствовалъ узнать, какъ теперь живется Привалову. Это было въ характерѣ Кости; онъ никогда не вмѣшивался въ чужую жизнь, какъ не посвящалъ никого въ свои интимныя дѣла. Это былъ человѣкъ дѣла съ ногъ до головы, и Приваловъ нисколько не обижался его невниманіемъ къ собственной особѣ. Самъ Приваловъ не хотѣлъ заговаривать о своей новой жизни, потому что, разъ, это было слишкомъ тяжело, а второе — ему совсѣмъ не хотѣлось раскрывать предъ Костей тайны своей семейной жизни. Все, и хорошее и дурное, Приваловъ переживалъ одинъ-на-одинъ, не требуя ничьего участія, ни совѣта, ни сочувствія.

— Ты скоро ѣдешь?—спрашивалъ Приваловъ на прощанье.

— Не знаю пока... Можетъ-быть, проживу здѣсь зиму. Хочется отдохнуть. Я не хочу тебя чѣмъ-нибудь упрекнуть, а говорю такъ; встряхнуться необходимо.

— Послушай, Сергѣй, — остановилъ Привалова Бахаревъ, когда тотъ направился къ выходу.—Отчего ты къ нашимъ не заѣдешь? Я про стариковъ говорю...

— Неловко какъ-то...

— Ну, какъ знаешь. Тебѣ лучше знать.

Изъ „Золотого Якоря“ Приваловъ вышелъ точно въ какомъ туманѣ; у него кружилась голова. Онъ чувствовалъ, что все кругомъ него начинаетъ рушиться, и ему не за что даже ухватиться. Приходилось жить съ такими людьми, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго, и оттолкнуть отъ себя тѣхъ, кого онъ цѣнилъ и уважалъ больше всего на свѣтѣ. Прежде чѣмъ вернуться въ свой домъ, Приваловъ долго бродилъ по городу, желая освѣжиться. Въ головѣ поднимался цѣлый ворохъ самыхъ невеселыхъ мыслей. Жизнь начала тяготить Привалова, а сознаніе, что онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ съ собственными намѣреніями, — щемило и сосало сердце, какъ змѣя.

VII.

Ляховскій, повидимому, совсѣмъ поправился. Онъ могъ ходить по комнатамъ безъ помощи костылей и по нѣскольку часовъ сряду просиживалъ въ своемъ кабинетѣ, занимаясь дѣлами со своимъ новымъ управляющимъ. Но все это была только одна форма: прежняго Ляховскаго больше не было. Самъ Ляховскій сознавалъ это и по временамъ впадалъ въ какое-то дѣтское состояніе: жаловался на всѣхъ, капризничалъ и даже плакалъ. Между тѣмъ этотъ же Ляховскій весь точно встряхивался, когда дѣло касалось новой

фирмы „А. Б. Пуцилло-Маляхинскій“; въ немъ загоралась прежняя энергія, и онъ напрягалъ послѣднія силы, чтобы сломить своего врага во что бы то ни стало. Это были жалкія усилія, что̀ и самъ Ляховскій сознавалъ въ спокойную минуту, но освободиться отъ своей idée fixe онъ былъ не въ силахъ. Часто онъ создавалъ самые нелѣпые проекты и требовалъ ихъ немедленнаго осуществленія; но проходилъ день, и проекты шли на подтопку.

Докторъ видѣлъ состояніе Ляховскаго и не скрывалъ отъ себя печальной истины.

— Игнатій Львовичъ, вы, конечно, теперь поправились, — говорилъ докторъ, выбирая удобную минуту для такого разговора: — но всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... Я совѣтовалъ бы вамъ на всякій случай привести въ порядокъ всѣ ваши бумаги.

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?

— Вы понимаете меня хорошо. У васъ есть дочь; вамъ слѣдуетъ заблаговременно позаботиться о ней.

— Вы заживо меня хороните, докторъ!—горячился Ляховскій.—У меня все готово, и завѣщаніе написано на имя Зоси. Все ей оставляю, а Давиду—триста рублей ежегодной пенсіи. Пусть самъ учится зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба... Для такихъ шалопаевъ трудъ самое лучшее лѣкарство. Вы, пожалуйста, не безпокойтесь; у меня давно все готово.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Ляховскій вынималъ изъ письменнаго стола черновую приготовленнаго духовнаго завѣщанія и читалъ ее доктору пунктъ за пунктомъ. Завѣщаніе было составлено въ пользу Зоси, и докторъ успокаивался.

— Но я скоро не умру, докторъ, — съ улыбкой говорилъ Ляховскій, складывая завѣщаніе обратно въ столъ.—Нѣтъ, не умру... Знаете, иногда человѣка поддерживаетъ только одна какая-нибудь всемогущая идея, а у меня есть такая идея... Да!

— Именно?

— А Пуцилло-Маляхинскій?.. Повѣрьте, что я не умру, пока не сломлю его. Я систематически доконаю его, я буду слѣдить по его пятамъ, какъ тѣнь... Когда эта компанія распадется, тогда, пожалуй, я не отвѣчаю за себя; мнѣ будетъ нечего больше дѣлать, какъ только протянуть ноги. Я это замѣчалъ: больной человѣкъ, измученный, кажется, мѣста въ немъ живого нѣтъ, а все скрипитъ, да еще работаетъ за десятерыхъ, возъ везетъ. А какъ отняли у него дѣло—и свалился, какъ сгнившій столбъ.

На другой день послѣ своего разговора съ Бахаревымъ Приваловъ рѣшился откровенно обо всемъ переговорить съ Ляховскимъ. Разъ, онъ былъ опекуномъ, а второе, онъ былъ отецъ Зоси; кому же было ближе знать даже самое скверное настоящее. Когда Приваловъ вошелъ въ кабинетъ Ляховскаго, онъ сидѣлъ за работой на своемъ обычномъ мѣстѣ и даже не поднялъ головы.

— Мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ,—заговорилъ Приваловъ.

— А... съ удовольствіемъ. Я сейчасъ...

Ляховскій отодвинулъ въ сторону свой послѣдній проектъ противъ компаніи „Пуцилло-Маляхинскій“ и приготовился слушать; онъ даже вытащилъ вату, которой закладывалъ себѣ уши въ послѣднее время. Приваловъ передалъ все, что̀ узналъ отъ Бахарева, о конкурсѣ и назначеніи новаго управителя въ Шатровскіе заводы. Ляховскій слушалъ его внимательно, и, по мѣрѣ разсказа, его лицо вытягивалось все длиннѣе и длиннѣе, и на лбу выступилъ холодный потъ.

— Я разсказалъ вамъ все, что самъ знаю, — закончилъ Приваловъ.— Веревкинъ, по всей вѣроятности, послалъ мнѣ подробное письмо обо всемъ случившемся, но я до сихъ поръ ничего не получалъ отъ него. Вѣроятно, письмо потерялось...

Ляховскій молча посмотрѣлъ на Привалова черезъ очки, потеръ себѣ лобъ и нетерпѣливо забарабанилъ сухими пальцами по ручкѣ кресла.

— Не понимаю, не понимаю... — заговорилъ онъ глухимъ голосомъ. — Послушайте, можетъ-быть, Веревкинъ продалъ васъ?..

Приваловъ только-что хотѣлъ вступиться за своего повѣреннаго, какъ Ляховскій вскочилъ со своего мѣста, точно ужаленный; схватившись за голову обѣими руками, онъ какъ-то жалко застоналъ:

— Постойте: вспомнилъ... Все вспомнилъ!.. Вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ кабинетѣ все дѣло было... Ахъ, я дуракъ, дуракъ, дуракъ!!.. А впрочемъ, развѣ я могъ предполагать, что вы женитесь на Зосѣ?.. О, если бы я зналъ, если бы я зналъ... Дуракъ, дуракъ!..

— Я не понимаю, въ чемъ дѣло, Игнатій Львовичъ?

— Не понимаете?.. Сейчасъ поймете!.. О, это все устроилъ Половодовъ; я, собственно, не виноватъ ни душой ни тѣломъ. Послушайте, Сергѣй Александрычъ: никогда и ни одному слову Половодова не вѣрьте... Это все онъ устроилъ—и меня подвелъ и васъ погубилъ.

— Я не...

— Позвольте; помните ли вы, какъ Веревкинъ начиналъ процессъ противъ опеки?.. Онъ тогда меня совсѣмъ одолѣлъ... Вѣдь умная бестія и какое нахальство! Готовъ васъ за горло схватить. Вотъ Половодовъ и воспользовался именно этимъ моментомъ и совсѣмъ сбилъ меня съ толку. Просто запугалъ, какъ мальчишку... Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Видите ли, пріѣзжалъ сюда одинъ нѣмецъ Шпигель... Можетъ-быть, вы его видѣли? Онъ еще родственникомъ какъ-то приходится Веревкину... Какъ его, позвольте, позвольте, звали?.. Карлъ... Фридрихъ...

— Да, я видалъ его у Веревкиныхъ; Оскаръ Филипычъ...

— Вотъ... вотъ онъ самый... Вѣдь нѣмчурка совсѣмъ ничтожная!.. Вотъ Половодовъ и привелъ ко мнѣ этого самаго нѣмчурку, да вдвоемъ меня и обдѣлали. Понимаете, совсѣмъ обошли, точно темноту на меня навели...

Ляховскій подробно разсказалъ Привалову всю исторію своего знакомства со Шпигелемъ и результатъ ихъ совѣщаній.

— Однимъ словомъ, получается довольно грязненькая исторія,—проговорилъ Ляховскій, бѣгая по комнатѣ.—Винюсь, выжилъ изъ ума...

— Я желалъ бы знать только одно: почему вы не разсказали мнѣ всей этой исторіи, когда я сдѣлалъ предложеніе вашей дочери?—спрашивалъ поблѣднѣвшій Приваловъ.—Мнѣ кажется, что у васъ болѣе не должно было оставаться никакихъ причинъ подкапываться подъ меня?..

— Ахъ, Господи, Господи!..—опять застоналъ Ляховскій.—Да развѣ же вы не знаете такой простой вещи, что одна глупость непремѣнно ведетъ за собой другую, а другая третью... Клянусь вамъ Богомъ, что я хотѣлъ вамъ все разсказать, рѣшительно все, но меня опять сбилъ Половодовъ. Я еще не успѣлъ оправиться тогда хорошенько отъ болѣзни, а онъ и взялъ съ меня слово молчать обо всемъ... Видите ли, основаніе-то молчать было; во-первыхъ, я самъ не вѣрилъ, чтобы этотъ Шпигель могъ что-нибудь сдѣлать—это разъ; во-вторыхъ, когда вы сдѣлали предложеніе Зосѣ, вашъ процессъ клонился въ вашу пользу... Половодовъ тогда, еще до вашего предложенія, нарочно пріѣзжалъ предупредить меня... Какъ же!.. Онъ, кажется, самъ тогда сильно струх-

пулъ и даже потерялъ голову. Но все-таки, какъ честный человѣкъ, я долженъ былъ объяснить вамъ... И объяснилъ бы, если бы не было совѣстно. Войдите въ мое положеніе: вы дѣлаете предложеніе моей дочери, она любитъ васъ, и вдругъ я васъ обливаю цѣлымъ ушатомъ холодной воды... Если кто виноватъ, такъ виноватъ именно я, я и въ отвѣтѣ: у меня просто не поднялась рука разстроить счастье Зоси... Была еще причина, почему я не разсказалъ вамъ всего,—продолжалъ Ляховскій послѣ короткой паузы.—Положимъ, вы сейчасъ же отправились бы лично хлопотать по своему дѣлу... Хорошо. Вы думаете, вы помогли бы дѣлу?.. О, нѣтъ... Вы бы испортили его вконецъ, какъ докторъ, который сталъ бы лѣчить самого себя. Тамъ, очевидно, у нихъ составилась сильная партія, если они успѣли провести дѣло. И какъ отлично все задумано: объявить идіота несостоятельнымъ... Это геніальная идея!.. И она никому не пришла бы въ голову, увѣряю васъ, кромѣ этого нѣмца... О, это онъ все устроилъ отъ начала до конца. По когтямъ видно звѣря...

— Почему же вы съ такой увѣренностью говорите, что все дѣло устроилъ непремѣнно Шпигель?

— А кто же больше?.. Онъ... Непремѣнно онъ. У меня положительныхъ данныхъ нѣтъ въ рукахъ, но я голову даю на отсѣченье, что это его рукъ дѣло. Знаете, у насъ, практиковъ, есть извѣстный нюхъ. Я сначала не довѣрялъ этому нѣмцу, а потомъ даже совсѣмъ забылъ о немъ, но теперь для меня вся картина ясна: нѣмецъ погубилъ насъ... Это будетъ получше Пуцилло-Маляхинскаго!.. Повѣрьте моей опытности.

— Мнѣ хотѣлось бы знать еще одно обстоятельство,—спросилъ Приваловъ:—какъ вы думаете, знала Зося эту исторію о Шпигелѣ, или нѣтъ? Вѣдь она всегда была хороша съ Половодовымъ.

— Вотъ вамъ Богъ, что она ничего не могла знать!..—клялся Ляховскій.

Приваловъ, пошатываясь, вышелъ изъ кабинета Ляховскаго. Онъ не думалъ ни о конкурсѣ ни о нѣмцѣ Шпигелѣ; предъ нимъ раскрылась широкая картина человѣческой подлости... Теперь для него было ясно все, до послѣдняго штриха; его женитьбу на Зосѣ устроилъ не кто другой, какъ тотъ же Половодовъ. Онъ запугалъ Зосю разореніемъ отца—съ одной стороны, а съ другой—процессомъ по опекѣ; другими словами, Половодовъ, жертвуя Зосей, спасалъ себя, потому что какъ бы Приваловъ повелъ процессъ противъ своего тестя?.. Все было ясно, все было просто. Только одно еще смущало Привалова: Половодовъ любилъ Зосю—это очевидно изъ всего его поведенія; Половодовъ, безъ сомнѣнія, очень проницательный и дальновидный человѣкъ; какъ же онъ не могъ предвидѣть торжества своей интриги и ошибся всего на какой-нибудь одинъ мѣсяцъ?..

Ночью съ Ляховскимъ сдѣлался второй ударъ. Несмотря на всѣ усилія доктора, спасти больного не было никакой возможности; онъ угасалъ на глазахъ. За часъ до смерти онъ знакомъ попросилъ себѣ бумаги и карандашъ; нетвердая рука судорожно нацарапала всего два слова: „Пуцилло-Маляхинскій“... Очевидно, сознаніе отказывалось служить Ляховскому, параличъ распространялся на мозгъ.

Весь домъ былъ въ страшномъ переполохѣ; всѣ лица были блѣдны и испуганы. Зося тихонько рыдала у изголовья умирающаго отца. Хина была какими-то судьбами тутъ же, и не успѣлъ Ляховскій испустить послѣдняго вздоха, какъ она уже обшарила всѣ уголки въ кабинетѣ и перерыла всѣ бумаги на письменномъ столѣ.

— Ищите завѣщаніе...—шептала она Зосѣ, бѣгая по кабинету, какъ угорѣлая мышь.

— Послѣ...—прошептала Зося.

— Нѣтъ, сейчасъ... Это очень важно!..

Начались поиски завѣщанія; были открыты всѣ ящики, десять разъ перебрана была каждая бумажка; единственнымъ результатомъ всѣхъ поисковъ были два черновыхъ завѣщанія, которыя Ляховскій читалъ доктору. Какъ только разсвѣло утро, Хина объѣхала всѣхъ нотаріусовъ и навела справки: завѣщанія нигдѣ не было составлено. Хина еще разъ перерыла весь кабинетъ Ляховскаго—все было напрасно.

— Несчастная...—шипѣла Хина, обращаясь къ Зосѣ. — Понимаете ли вы, что все наслѣдство достанется одному Давиду, а вамъ ничего?..

— Какъ ничего?..

— А такъ... Вы свое, по закону, получили сполна въ формѣ приданаго. Вотъ и любуйтесь на свои тряпки! Тьфу!.. Ужъ именно—вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь...

VIII.

Послѣ смерти Ляховскаго въ домѣ Привалова поселилась какая-то тяжелая пустота; всѣ чувствовали, что чего-то недостаетъ. Приваловъ не любилъ Ляховскаго, но ему было жаль старика; это все-таки былъ недюжинный человѣкъ; при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно, этотъ же самый Ляховскій представлялъ бы собой другую величину. Человѣческой природѣ свойственно забывать недостатки умершихъ и припоминать ихъ хорошія стороны: это одно изъ самыхъ свѣтлыхъ проявленій человѣческой натуры. Какъ опекуна и какъ тестя, Приваловъ не уважалъ Ляховскаго, но какъ замѣчательно умнаго человѣка, онъ его любилъ. Со старикомъ не было скучно, во всѣхъ его разговорахъ звучала сухая, но остроумная нотка. Особенно теперь, когда для сравненія остался Давидъ Ляховскій, всѣ оцѣнили стараго Ляховскаго, этого скупого, придирчиваго, вѣчно ворчавшаго и вѣчно больного человѣка.

Получивъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства, Давидъ быстро расправилъ свои крылышки. Онъ началъ съ того, что, въ качествѣ вполнѣ самостоятельнаго человѣка, совсѣмъ разссорился съ Приваловымъ и переѣхалъ съ пани Мариной въ свой собственный домъ, который купилъ на Нагорной улицѣ. Старый Палька послѣдовалъ, конечно, за молодымъ баріномъ, а его мѣсто въ швейцарской приваловскаго дома занялъ выписанный изъ Гарчиковъ Инатъ. Этотъ вѣрный слуга, нарядившись въ ливрею, не могъ разстаться со своей глупостью и лѣнью и считалъ своимъ долгомъ обращаться со всѣми крайне грубо.

Зося первое время была совсѣмъ убита смертью отца. Приваловъ сначала сомнѣвался въ искренности ея чувства, приписывая ея горе неоправдавшимся надеждамъ на полученіе наслѣдства, но потомъ ему сдѣлалось жаль жены, которая бродила по дому блѣдная и задумчивая. Оставшись только вдвоемъ съ женой въ старомъ отцовскомъ домѣ, Приваловъ надѣялся, что теперь Зося вполнѣ освободится отъ вліянія прежней семейной обстановки и перемѣнитъ образъ своей жизни. Докторъ бывалъ въ приваловскомъ домѣ каждый день, и Приваловъ особенно радъ былъ видѣть этого вѣрнаго друга.

— Она измѣнится, — говорилъ докторъ Привалову нѣсколько разъ.— Смерть отца заставитъ ее одуматься... Собственно говоря, это хорошая натура, но только слишкомъ увлекающаяся.

— Докторъ, вы ошибаетесь,—возражалъ Приваловъ.—Что̀ угодно, только Зося—самая неувлекающаяся натура, а скорѣе черствая и расчетливая. Въ

ной есть свои хорошія стороны, какъ во всякомъ человѣкѣ, но все зло лежитъ въ этой неустойчивости и въ вѣчной погонѣ за сильными ощущеніями.

— Зося эксцентрична, но у нея доброе сердце...

— Можетъ-быть... Отъ души желалъ бы ошибиться.

Что особенно не нравилось Привалову, такъ это то, что Хина послѣ смерти Ляховскаго какъ-то совсѣмъ завладѣла Зосей, а это вліяніе не обѣщало ничего хорошаго въ будущемъ. Всѣ старанія Привалова и доктора выжить Хину изъ дому оставались совершенно безуспѣшными: Зося не могла жить безъ своей дуэньи и оживлялась только въ ея присутствіи. Зося, съ своей стороны, не могла не замѣтить громадной перемѣны въ своемъ мужѣ. Онъ относился къ ней ровно и спокойно, какъ къ постороннему человѣку, съ той изысканной вѣжливостью, которая замѣнила недавнюю любовь. Зося чувствовала, что мужъ не любитъ ея, что въ его ласкахъ къ ней есть что-то недосказанное, какая-то скрытая вражда. Приваловъ скучалъ съ нею и съ удовольствіемъ уходилъ въ свой кабинетъ, чтобы зарыться въ бумаги.

— Душечка, это онъ хочетъ испытать васъ,—говорила Хина:—а вы не поддавайтесь; онъ къ вамъ относится холодно, а вы къ нему будьте еще холоднѣе; онъ къ вамъ повертывается бокомъ, а вы къ нему спиной. Всѣ эти мужчины на одинъ покрой: имъ только позволь...

— Мнѣ все равно, пусть его...—съ скучающимъ видомъ отвѣчала Зося.—Я даже не замѣчаю, есть онъ въ домѣ, или его нѣтъ...

— Знаете, душечка, на что сердится вашъ муженекъ?—говорила Хина.—О, всѣ эти мужчины, какъ монеты, походятъ другъ на друга... Я считала его идеальнымъ мужчиной, а оказывается совсѣмъ другое! Пока вы могли разсчитывать на богатое наслѣдство, онъ ухаживалъ за вами, а какъ у васъ не оказалось ничего, онъ и отвернулъ носъ. Ужъ повѣрьте мнѣ!

— Нѣтъ, это вздоръ... Онъ просто глупъ, Хіонія Алексѣевна.

— Ахъ, извините, mon ange... Я боялась вамъ высказаться откровенно, но теперь должна сознаться, что Сергѣй Александрычъ, дѣйствительно, немного того... какъ вамъ сказать... ну, недалекъ вообще (Хина повертѣла около своего лба пальцемъ). Если его сравнить, напримѣръ, съ Александромъ Павлычемъ... Ахъ, душечка, вся наша жизнь есть одна сплошная ошибка! Давно ли я считала Александра Павлыча гордецомъ... Помните?.. А между тѣмъ онъ совсѣмъ не гордъ, совсѣмъ не гордъ... Я жестоко ошиблась. Не гордъ и очень уменъ!..

По зимнему пути Веревкинъ вернулся изъ Петербурга и представилъ своему довѣрителю подробный отчетъ своей дѣятельности за цѣлый годъ. Онъ въ живыхъ краскахъ описалъ свои хожденія по министерскимъ канцеляріямъ и визиты къ разнымъ вліятельнымъ особамъ; ему обѣщали содѣйствіе и помощь. Дѣломъ заинтересовался даже одинъ министръ. Но Шпигель успѣлъ организовать сильную партію, во главѣ которой стояли очень вѣскія имена; онъ велъ дѣло съ дьявольскою ловкостью и, какъ вода, просачивался во всѣ сферы.

— Я все-таки переломилъ бы этого дядюшку,—повѣствовалъ Веревкинъ:—но ему удалось втянуть въ дѣло одну даму... А эта дама, батенька, обламываетъ и не такія дѣла. Ну, однимъ словомъ, она проводитъ дѣла черезъ всѣ инстанціи. У нея что-то въ родѣ своего министерства, чортъ ее возьми!

— Ляховскій мнѣ разсказывалъ...

— Покойникъ спятилъ съ ума подъ конецъ; что ему стоило предупредить васъ объ этой дамѣ лѣтомъ? О, тогда бы мы все оборудовали лихимъ

манеромъ; сунули бы этой дамѣ здоровый кушъ, и дѣло бы наше. Я поздно узналъ... А все-таки я пробился къ ней.

— Ну, и что же?

— Да ничего... Бабенка дѣйствительно умная. Лѣтъ этакъ подъ тридцать, въ тѣлѣ и насчетъ обхожденія... Однимъ словомъ, этакая бальзаковская женщина, большую силу забрала надъ разными сіятельными старцами. Прямо мнѣ сказала: „Гдѣ же вы раньше-то были? А теперь я ничего не могу сдѣлать... Покойниковъ съ кладбища не ворочаютъ". Ей-Богу, такъ и сказала. А я спрашиваю ее: „Неужели, говорю, и надежды впереди никакой не осталось?"—„Нѣтъ, говоритъ, надѣяться всегда можно и слѣдуетъ..." Смѣется, шельма!.. Пикантная бабенка, чортъ ее возьми... Она васъ... кажется, встрѣчала гдѣ-то.

— Не помню, едва ли.

— А знаете, какой совѣтъ она мнѣ дала на прощанье? „Вы, говоритъ, теперь отдохните немного и дайте отдохнуть другимъ. Черезъ годъ конкурсъ долженъ представить отчетъ въ опеку, тогда вы ихъ и накроете... Навѣрно, хватятъ большой кушъ съ радости!" Каково сказано?.. Ха-ха... Такая политика въ этой бабенкѣ—уму помраченье! Недаромъ милліонными дѣлами орудуетъ.

— Значитъ, теперь остается только ждать?

— Да, ждать. Будемъ обтачивать теріѣніе... Я, грѣшный человѣкъ, намекнулъ бабенкѣ, что ежели и всякое прочее, такъ мы за гешефтомъ не постоимъ. Смѣется, каналья...

— Ну, это ужъ вы напрасно, Николай Иванычъ. Я не давалъ вамъ полномочій на такія предложенія и никогда не пойду на подобныя сдѣлки. Пусть лучше все пойдетъ прахомъ!..

— Э, батенька, всѣ мы люди, всѣ человѣки... Не бросить же заводы псу!? Геройствовать-то съ этой братіей не приходится: они съ насъ будутъ живьемъ шкуру драть, а мы будемъ миндальничать. Нѣтъ, дудки!.. Нужно смотрѣть на дѣло прямо: клинъ клиномъ вышибай.

— Нѣтъ, я все-таки не согласенъ.

„Этакій пень дурацкій!—обругался про себя Веревкинъ.—Погоди, не то запоешь, какъ подтянутъ хорошенько насъ, рабовъ Божіихъ..."

Итакъ, приходилось ждать и слѣдить за дѣятельностью Половодова. Вся трудность задачи заключалась въ томъ, что слѣдить за дѣйствіями конкурса нельзя было прямо, а приходилось выискивать подходящіе случаи. Первый свой отчетъ Половодовъ долженъ былъ подать будущей осенью, когда кончится заводскій годъ.

IX.

На мельницѣ зимой работа кипѣла; Приваловъ ѣздилъ въ Гарчики довольно часто, но, когда первыя хлопоты поулеглись и свободнаго времени оставалось на рукахъ много, Приваловъ не зналъ, куда ему теперь дѣваться съ этой свободой. Дома оставаться съ глазу на глазъ съ женой ему было тяжело. Каждый разъ, когда онъ видѣлъ Зосю, ему представлялся Половодовъ, который такъ ловко соединилъ ихъ брачными узами. Вся кровь бросалась Привалову въ голову при одной мысли, что до сихъ поръ онъ былъ только жалкой игрушкой въ рукахъ этихъ дѣльцовъ безъ страха и упрека. Нѣсколько разъ Привалову хотѣлось высказать въ глаза женѣ, за кого онъ считаетъ ее, но что-то удерживало его. Худой миръ все-таки лучше доброй ссоры, да къ

тому же Привалову не хотѣлось огорчать доктора, который умѣлъ видѣть въ своей ученицѣ однѣ хорошія стороны.

Чтобы хоть какъ-нибудь убить свободное время, которое иногда начинало просто давить Привалова, онъ сталъ посѣщать Общественный клубъ, собственно тѣ залы, гдѣ шла игра. Давно ли этотъ же самый Общественный клубъ казался Привалову кабакомъ, но теперь онъ былъ радъ и кабаку, чтобы хоть куда-нибудь уйти отъ самого себя. Приваловъ перезнакомился кое съ кѣмъ изъ клубныхъ игроковъ и, какъ это бываетъ со всѣми начинающими, нашелъ, что, право, это были очень хорошіе люди и съ ними было иногда даже весело; да и самая игра, конечно, по маленькой, просто для препровожденія времени, имѣла много интереснаго, а главное, время за сибирскимъ вистомъ съ винтомъ летѣло незамѣтно: не успѣлъ оглянуться, а ужъ на дворѣ шесть часовъ утра.

Сначала Привалову было немного совѣстно очень часто являться въ клубъ, но потомъ онъ совсѣмъ освоился съ клубной атмосферой. Народъ все былъ свой, всѣхъ загоняла сюда за зеленые столы одна сила—безсодержательность и скука провинціальной жизни. Адвокаты, инженеры, золотопромышленники, купцы, разночинцы—всѣ перемѣшались за зеленымъ полемъ въ одну братскую пеструю кучку, жившую одними интересами. Страсть къ игрѣ сравнила всѣхъ и, какъ всякая болѣзнь, не дѣлала исключеній. Приваловъ быстро вошелъ во вкусъ этой клубной жизни, весело катившейся въ маленькихъ комнатахъ, всегда застланныхъ табачнымъ дымомъ и плохо освѣщенныхъ. Онъ скоро изучилъ до тонкости особенности всѣхъ игроковъ, ихъ слабости и смѣшныя стороны. Были тутъ игроки, какъ онъ, отъ-нечего-дѣлать; были игроки, которые появлялись въ клубѣ періодически, чтобы спустить мѣсячное жалованье; были игроки, которые играли съ серьезными, надутыми лицами, точно совершая таинство; были игроки-шутники, игроки-забулдыги, игроки, съ которыми играли только изъ снисхожденія, когда другихъ не было; были наконецъ игроки по профессіи, великіе спеціалисты, чародѣи и магики.

— Интересно, что̀ сегодня будетъ у Ивана Яковлича съ Ломтевымъ,— каждый разъ говорилъ партнеръ Привалова, членъ окружнаго суда, извѣстный въ клубѣ подъ кличкой Ѳемиды. — Кто кого утопитъ... Нашла коса на камень!..

Героями зимняго сезона въ клубѣ являлись, дѣйствительно, Иванъ Яковличъ и Ломтевъ, которые рѣзались изо дня въ день не на животъ, а на смерть. Раньше они всегда были союзниками, а теперь какая-то черная кошка пробѣжала между ними, и они поклялись погубить одинъ другого. Между прочимъ, Приваловъ слышалъ, что сыръ-боръ загорѣлся изъ-за какой-то женщины. Этотъ карточный турниръ сосредоточивалъ на себѣ общее вниманіе, и, какъ военные бюллетени, шопотомъ передавали техническія фразы: „У Ивана Яковлича заколодило... Ломтевъ въ ударѣ! Иванъ Яковличъ пошелъ въ гору... Ломтевъ сорвался!“ Приваловъ иногда съ нетерпѣніемъ дожидался вечера, чтобы узнать, кто сегодня сорвется и кто пойдетъ въ гору. Куши росли, а съ ними росло вниманіе публики.

— Иванъ Яковличъ обдѣлаетъ Ломтева козой,—говорилъ кто-нибудь.

— Нѣтъ, извините, Иванъ Яковличъ еще чиномъ не вышелъ... Вотъ посмотрите, какъ Ломтевъ завяжетъ его въ узелъ!

— Иванъ Яковличъ счастливо играетъ нынѣшнюю зиму... Ему везетъ...

— Гусей по осени считаютъ. Выигрываетъ всегда тотъ, кому сначала не везетъ.

Здѣсь все было типично, даже клубный швейцаръ, снимая шубы съ клубныхъ завсегдатаевъ, докладывалъ:

— Ломтевъ съ Паренымъ Ивана Яковлича разыгрываютъ-съ... Тридцать шестая тысяча пошла.

— А сколько въ зиму проигрываютъ въ клубѣ?—спросилъ какъ-то Приваловъ.

— Годъ на годъ не приходится, Сергѣй Александрычъ. А среднее надо класть тысячъ сто... Вотъ, въ третьемъ году, адвоката Никулькина тысячъ на сорокъ обыграли, въ прошломъ году нотаріуса Калошина на двадцать, да банковскаго бухгалтера Воблина на тридцать. Нынче, сударь, Пареный большую силу забирать началъ; въ шестидесяти тысячахъ ходитъ. Ждутъ къ Рождеству Шелехова—большое у нихъ золото идетъ, сказываютъ, а тамъ наши на Ирбитскую ярмарку тронутся.

Пареный—темная личность неизвѣстнаго происхожденія и еще болѣе неопредѣленнаго рода занятій—въ нынѣшній сезонъ являлся восходящимъ свѣтиломъ, героемъ дня. Это былъ среднихъ лѣтъ мужчина, съ выправкой стараго военнаго; ни въ фигурѣ, ни въ лицѣ, ни въ манерѣ себя держать, даже въ костюмѣ у него рѣшительно ничего не было особеннаго. Самый заурядный изъ заурядныхъ людишекъ, а счастье выбрало именно его... Впереди предвидѣлись новые куши и новыя жертвы. Собственно, для случайностей здѣсь оставалось очень немного мѣста; всѣ отлично знали, что проиграетъ главнымъ воротиламъ за зеленымъ столомъ тысячъ пять Давидъ Ляховскій, столько же Викторъ Васильичъ, выброситъ тысячъ десять Лепешкинъ, а тамъ пріѣдетъ изъ Петербурга Nicolas Веревкинъ и просадитъ все до послѣдней нитки. Изъ случайныхъ жертвъ подвертывались сорвавшіеся съ родительской цѣпи купеческіе сынки, хватавшіе плохо лежавшій кусъ адвокаты, запустившіе лапу въ сундукъ банковскіе служащіе и т. д. Адвокаты и горные инженеры пользовались въ этомъ случаѣ особенно громкой репутаціей, потому что тѣ и другіе представляли для настоящихъ матерыхъ игроковъ постоянную статью дохода: они спускали тутъ все, что успѣли схватить своими цѣпкими руками на сторонѣ.

— Фильтруютъ насъ здѣсь, батенька, крѣпко фильтруютъ,—говорилъ Nicolas Веревкинъ, потряхивая своей громадной головой.—Изображаемъ изъ себя веспасіановыхъ губокъ или піявокъ: только насосался, глядишь, ужъ и выжали, да въ банку съ холодной водой.

Приваловъ съ любопытствомъ неофита наблюдалъ этотъ исключительный міръ и незамѣтно для самого себя втягивался въ его интересы. Онъ игралъ по маленькой, безъ особенно чувствительныхъ результатовъ въ ту или другую сторону. Однажды, когда онъ особенно сильно углубился въ тайны сибирскаго виста съ винтомъ, осторожный шопотъ заставилъ его прислушаться.

— Который?—спрашивалъ одинъ голосъ.

— Вотъ этотъ... съ бородкой,—отвѣчалъ другой.

— Гм... Ловко Александръ Павлычъ обдѣлалъ дѣлишки: одной рукой ухватился за заводы, другой...

Дальше Приваловъ не могъ хорошенько разслышать шопотъ, но почувствовалъ, какъ вся кровь бросилась къ нему въ голову и внутри точно что перевернулось.

— Такъ-съ... — продолжалъ второй голосъ. — Значитъ, она къ нему и ѣздитъ?

— Не къ нему въ домъ, у него своя жена... а къ этой дамѣ... Вонъ, ея мужъ играетъ налѣво въ углу, съ Павломъ Андреичемъ.

Приваловъ инстинктивно взглянулъ налѣво въ уголъ: тамъ съ Павломъ Андреичемъ игралъ по одной сотой Викторъ Николаичъ Заплатинъ.

— А давно?—продолжался шопотъ.

— Да ужъ второй мѣсяцъ. Красавица... Молодецъ этотъ Александръ Павлычъ! Такъ ему не взять бы ее, такъ онъ сначала ее выдалъ за него, а потомъ ужъ и прибралъ къ своимъ рукамъ.

Этотъ шопотъ заставилъ побѣлѣть Привалова; онъ боялся оглянуться на шептавшихся, какъ человѣкъ, который ждетъ смертельнаго удара. У него дрожали колѣни и тряслись губы отъ бѣшенства. Теперь онъ въ состояніи былъ убить кого угодно... Игра какъ разъ кончилась, и, когда онъ поднялся съ мѣста, невольно встрѣтился глазами съ двумя шептавшимися почтенными старичками, которые сейчасъ же замолчали. Приваловъ пристально посмотрѣлъ на нихъ. Это были совсѣмъ незнакомые люди, по костюму—средняго провинціальнаго круга. Его гнѣвъ такъ же быстро упалъ, какъ и поднялся: чѣмъ виноваты эти невинные сплетники, что онъ уже сдѣлался жертвой безпощадной городской молвы? Теперь его интимная жизнь не была уже тайной, она была выброшена на улицу и безжалостно топталась всѣми прохожими.

X.

Вернувшись изъ клуба домой, Приваловъ не спалъ цѣлую ночь, переживая страшныя муки обманутаго человѣка... Неужели его Зося, на которую онъ молился, сдѣлается его позоромъ?.. Онъ, несмотря на всѣ семейныя дрязги, всегда относился къ ней съ полной довѣренностью. И теперь, чтобы спуститься до ревности, ему нужно было пережить страшное душевное потрясеніе. Раньше онъ могъ смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ: его семейная жизнь касалась только его одного, а теперь...

„Но обманъ, обманъ!—стоналъ Приваловъ, хватаясь за голову.—Отчего Зося не сказала прямо, что не любитъ меня?.. Развѣ...“

Привалову страстно хотѣлось бѣжать отъ самого себя. Но куда? Если человѣкъ безумѣетъ отъ какой-нибудь зубной боли, то съ чѣмъ сравнить всю эту задушевную муку, когда все кругомъ застилается мракомъ и жизнь дѣлается непосильнымъ бременемъ?..

Сквозь этотъ наплывъ клубкомъ шевелившихся чувствъ слабымъ эхомъ пробивалась мысль: „А если все это неправда, пустая городская сплетня, на какую стоитъ только плюнуть?“

„Конечно, неправда...—говорилъ вслухъ Приваловъ, утѣшая себя собственно звукомъ этихъ словъ.—Зося никогда не спустится до обмана...“

Но сейчасъ же около этой фразы выросталъ цѣлый лѣсъ страшныхъ призраковъ. Приваловъ перебиралъ всѣ мельчайшія подробности своей семейной жизни, которыхъ раньше не могъ понять, — онѣ теперь освѣтились яркимъ, безпощаднымъ свѣтомъ... Ложь, ложь и ложь вездѣ и во всемъ! Ложь въ этой роскошной обстановкѣ, ложь въ каждой складкѣ платья, въ каждой улыбкѣ, въ каждомъ взглядѣ... Вотъ гдѣ источникъ ненависти къ нему, съ которой Зося напрасно боролась первое время. Половодовъ совсѣмъ опуталъ ее тысячью нитей, и она для этого человѣка могла рѣшиться на все. Теперь ей больше нечего было терять, нечего ждать впереди: она отдалась теченію, которое ее неудержимо несло въ бездну. Можетъ-быть, она не отдалась еще Половодову,—для такого обмана она слишкомъ была расчетливой и холодной, — но, что гораздо хуже, она принадлежала Половодову душой. Онъ все простилъ бы ей, все извинилъ, если бы даже открыто убѣдился въ ея связи съ Половодовымъ, но вѣдь она больше не принадлежала ему, какъ не принадлежала себѣ самой.

Приваловъ забылся только къ самому утру тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ. Когда онъ проснулся, его первой мыслью было сейчасъ же итти къ женѣ и поговорить съ ней обо всемъ откровенно, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ.

— Можно войти?—послышался голосъ Nicolas Веревкина.

— Войдите...

Веревкинъ пролѣзъ въ двери и помѣстился къ столу. Приваловъ позвонилъ и велѣлъ подать водки. Послѣ третьей рюмки Nicolas наконецъ заговорилъ:

— А я къ вамъ зашелъ проститься...

— Развѣ вы уѣзжаете?

— На Ирбитскую отправляюсь... Есть кой-какія дѣлишки; такъ надо ихъ оборудовать. Народъ все теплый собирается...

— А скоро вы думаете ѣхать?—спросилъ Приваловъ, раздумывая что-то про себя.

— Да этакъ недѣльки черезъ двѣ надо будетъ тронуться. Папахенъ-то, слышали?

— Да, слышалъ.

— Прогорѣлъ совсѣмъ и тоже думаетъ махнуть въ Ирбитъ... Эти игроки всѣ ѣздятъ на ярмарку поправляться, какъ больные куда-нибудь на воды. Папахенъ вѣруетъ въ теорію вѣроятностей и надѣется выплыть... А шельма Ломтевъ мастерски его взвеселилъ: общипалъ до послѣдняго перышка.

Между прочимъ, Веревкинъ успѣлъ разсказать послѣднія городскія новости: пріѣхалъ Данилушка Шелеховъ и теперь безобразничаетъ съ Лепешкинымъ въ „Магнитѣ“; Половодовъ гдѣ-то совсѣмъ пропалъ и глазъ никуда не кажетъ, и т. д. Приваловъ почти ничего не слышалъ, что разсказывалъ Nicolas, а когда тотъ собрался уходить, онъ проговорилъ:

— Вотъ что, Николай Иванычъ... Я тоже думаю побывать въ Ирбитѣ, такъ поѣдемте вмѣстѣ.

— И отлично, Сергѣй Александрычъ! Лихо закатимся... А для васъ это даже необходимо; всѣ эти дѣла хлѣбныя тамъ завариваются, нужно познакомиться кой съ кѣмъ изъ настоящихъ козырныхъ тузовъ.

— Да, да... Мнѣ дѣйствительно тамъ необходимо побывать.

— Покойникъ Игнатій Львовичъ много денегъ загребалъ на этой Ирбитской, и вѣдь около какихъ пустяковъ: пенечки партію купитъ, сальца тамъ—а глядишь, въ результатѣ и обсмаковалъ цѣлый кушъ.

Ѣхать на ярмарку было счастливой мыслью для Привалова. Именно, ему необходимо было куда-нибудь уѣхать, чтобы избавиться отъ давившихъ его призраковъ. Оставаться въ Узлѣ теперь было выше его силъ. Этой поѣздкой онъ убивалъ двухъ зайцевъ: разъ—могъ устроить нѣсколько выгодныхъ операцій по хлѣбной торговлѣ, а второе—онъ могъ на время позабыться въ этой безшабашной ярмарочной атмосферѣ. Объясниться съ женой именно теперь онъ раздумалъ, потому что подъ горячую руку могъ ей наговорить много лишняго, а этимъ испортилъ бы все дѣло. Вообще въ результатѣ получился тотъ выводъ, что необходимо бѣжать изъ Узла, хотя на время.

Черезъ двѣ недѣли Приваловъ отправился на ярмарку вмѣстѣ съ Веревкинымъ.

Подъѣзжая еще къ Ирбиту, Приваловъ уже чувствовалъ, что ярмарка виситъ въ самомъ воздухѣ. Дорога была избита до того, что экипажъ нырялъ изъ ухаба въ ухабъ, точно въ сильнѣйшую морскую качку. Нервные люди получали отъ такой ѣзды морскую болѣзнь. Глядя на безконечныя вереницы встрѣчныхъ и попутныхъ обозовъ, на широкія купеческія фуры, на эту точно

парочно изрытую дорогу, можно было подумать, что здѣсь только-что прошла какая-то многотысячная армія съ безконечнымъ обозомъ.

Ирбитъ—большое село въ обыкновенное время—теперь превратился въ какой-то лагерь, въ которомъ сходились представители всевозможныхъ государствъ, народностей, языковъ и вѣроисповѣданій. Это было настоящее ярмарочное море, въ которомъ тонулъ всякій, кто попадалъ сюда. Жажда наживы согнала сюда людей со всѣхъ сторонъ, и эта разноязычная и разноплеменная толпа отлично умѣла понять взаимные интересы, нужды и потребности. При первомъ ошеломляющемъ впечатлѣніи казалось, что катилось какое-то громадное колесо, вмѣстѣ съ которымъ катились и барахтались десятки тысячъ людей, оглашая воздухъ безобразнымъ стономъ.

— Папахенъ тоже на ярмаркѣ, — предупредилъ Веревкинъ, когда они подъѣзжали къ какимъ-то номерамъ.—Надо будетъ его разыскать. Впрочемъ, ихъ съ Ломтевымъ всѣ знаютъ, какъ бѣлыхъ воробьевъ.

Трехрублевый номеръ, который занялъ Приваловъ вмѣстѣ съ Веревкинымъ, какъ всѣ ярмарочные номера, поражалъ своимъ убожествомъ, вонью и грязью. Непролазная грязь — неотъемлемая принадлежность всѣхъ русскихъ ярмарокъ. Напившись чаю и отдохнувъ съ дороги, Приваловъ и Веревкинъ разбрелись въ разныя стороны. Привалову нужно было на биржу, а потомъ кое къ кому изъ воротилъ по хлѣбной торговлѣ. Народъ былъ въ разгонѣ, и Приваловъ проѣздилъ по городу до вечера, разыскивая разныхъ нужныхъ людей. Когда онъ вернулся въ свой номеръ, усталый и разбитый, съ пустой головой и волчьимъ аппетитомъ, Веревкинъ былъ уже дома, а съ нимъ сидѣлъ „Моисей“.

— Кого я вижу?.. — кричалъ онъ, обнимая Привалова.—Ну, батенька, вотъ не ожидалъ... Нечего сказать, удивилъ міръ злодѣйствомъ!

— Мнѣ удивляться нечего: я за дѣломъ пріѣхалъ, — полушутя, полусерьезно отвѣчалъ Приваловъ:—а вотъ тебя какъ сюда занесло?

— Меня?!. Ха-ха!.. Привела меня сюда... ну, однимъ словомъ, я прилетѣлъ сюда на крыльяхъ любви, а выражаясь прозой, пріѣхалъ съ Иваномъ Яковличемъ. Да-съ... Папахенъ здѣсь и сразу курсы поправилъ. Третью ночь играетъ, и на второй десятокъ тысячъ перевалило.

— А ты бухгалтеромъ, что ли, пріѣхалъ съ нимъ? — замѣтилъ лѣниво Веревкинъ.

— Говорятъ тебѣ—на крыльяхъ любви...

— Это за Катькой Колпаковой, въ переводѣ?

— Хотя бы и за ней... Она меня ужъ съ полгода за носъ водитъ.

Разговоръ, конечно, происходилъ съ неизбѣжной выпивкой и характерной русской закуской въ видѣ балыка, салфеточной икры, соленыхъ огурцовъ и т. д. Веревкинъ краснѣлъ все болѣе и болѣе, „Моисей“ начиналъ глупо хлопать глазами.

— А гдѣ сегодня будутъ играть? — спрашивалъ „Моисей“:—у Мухина?

— Не знаю,—отвѣчалъ Веревкинъ какъ-то нехотя.

— Врешь, знаешь... И я знаю!

— Тебѣ же лучше, если знаешь.

— Ддаа... А папахенъ твой надуваетъ меня... Я, братъ, все знаю! Онъ хочетъ у меня Катьку Колпакову отбить... Нѣтъ, шалишь, не на того напалъ. Я ей покажу...

— Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло? Ну, это еще не велико горе. Катерина Ивановна, конечно, дѣвица первый сортъ по всѣмъ статьямъ, но сокрушаться изъ-за нея, право, не стоитъ. Повѣрь моей опытности въ этомъ случаѣ.

— Это ужъ я знаю, стоитъ или не стоитъ...—глухо отвѣчалъ „Моисей“, ероша волосы.—Я этой Катькѣ пропишу такую вселенскую смазь...

— Ого-го!.. Вонъ оно куда пошло! — заливался Веревкинъ. — Хорошо, сегодня же устроимъ дуэль, по-американски: въ двухъ шагахъ, черезъ платокъ... Ха-ха!.. Ты пойми только, что сія Катерина Ивановна влюблена не въ папахена, а въ его карманъ. Печальное, но вполнѣ извинительное заблужденіе даже для самаго умнаго человѣка, который зарабатываетъ деньги головой, а не ногами. Понялъ? Ну что возьметъ съ тебя Катерина Ивановна, когда у тебя ни гроша за душой... Надо же и ей заработать на ярмаркѣ на свою долю!..

Отъ этихъ чисто-ярмарочныхъ разговоровъ у Привалова начинала просто болѣть голова. Тема была безконечна: нажива, вино, женщины, карты... Что-то пьяное и безпутное чувствовалось даже въ самомъ воздухѣ. Смертная тоска начинала давить и сосать Привалова. Онъ хотѣлъ на время утонуть въ этомъ ярмарочномъ морѣ, но это было не такъ-то легко сдѣлать. Съ ранняго утра, гдѣ онъ ни былъ, вездѣ лѣзла въ глаза одна и та же картина: безшабашное ярмарочное пьянство. Ни одного дѣла не дѣлалось безъ водки, и Приваловъ не могъ даже припомнить хорошенько, сколько онъ сегодня выпилъ. Впрочемъ, теперь ему даже хотѣлось пить. Послѣ каждой рюмки онъ испытывалъ какое-то предательски-пріятное чувство, которое подталкивало и тянуло къ слѣдующей рюмкѣ. Это облегченіе было уже знакомо Привалову. Онъ испытывалъ его въ Гарчикахъ, гдѣ пилъ водку съ попомъ Савеломъ, и въ узловскомъ Общественномъ клубѣ, когда въ антрактахъ между роберами нельзя было не выпить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Куда мы сегодня поѣдемъ вечеромъ? — спрашивалъ захмелѣвшій „Моисей“.

— Вѣроятно, въ „Биржевую гостиницу“ или въ „Магнитъ“,—отвѣчалъ Веревкинъ, съ самымъ глупымъ лицомъ прожевывая балыкъ. — Нужно показать Сергѣю Александрычу нашу ирбитскую ярмарку. Вѣдь это, батенька, картина, ежели разобрать. Оно кажется съ перваго разу, что всѣ ярмарки похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: Ирбитъ — та же матушка нижегородская, только посыпанная сверху снѣжкомъ, а выходитъ то, да не то. Да-съ... Любопытное мѣстечко этотъ Ирбитъ, поелику здѣсь сходятся вплотную русская Европа съ русской Азіей! Люблю я эту самую Сибирь: самая купеческая страна. Баръ и крѣпостного права она не видала, и даже всероссійскій лапоть не посмѣлъ перевалить черезъ Уралъ... Въ сапожкахъ ходитъ наша Сибирь! И народецъ только — сорви-голова.

Подъ разными предлогами Веревкинъ кое-какъ выжилъ „Моисея“ изъ номера.

— Затѣмъ вы его выдворили? — спрашивалъ Приваловъ.

— Да такъ... Чортъ его знаетъ, что у него на умѣ; еще скандалъ устроитъ Катеринѣ Ивановнѣ, а намъ съ вами нужно ѣхать сейчасъ.

— Куда?

— Побываемъ вездѣ... Стоитъ посмотрѣть здѣшній народецъ. Видите ли, мы сначала завернемъ въ „Биржевую“, а потомъ къ Катеринѣ Ивановнѣ: тамъ папахенъ процѣживаетъ кого-то третій день. Крѣпкій старичина, какъ зарядитъ—такъ и жаритъ ночей пять безъ просыпу, а иногда и всю недѣлю. Какъ выигралъ — вторую недѣлю гулять... Вы не слыхали, какую шутку устроилъ Данилушка съ Лепешкинымъ?.. Ха-ха... Приходятъ въ одну гостиницу, тамъ акваріумъ съ живыми стерлядями; Данилушка въ акваріумъ, купаться... конечно, все раздавилъ и за все заплатилъ.

XI.

Надъ Ирбитомъ стояла зимняя февральская ночь: все небо залито миріадами звѣздъ, подъ полозьями звонко хрустѣлъ снѣгъ, точно кто хватался за желѣзо закоченѣвшими на морозѣ руками. Лавки были закрыты; на площади и по улицамъ отъ возовъ съ товарами, купеческихъ фуръ и мелкихъ лавчонокъ не было свободнаго мѣстечка. Посрединѣ улицы едва оставался свободный проѣздъ для экипажей; дорога въ обыкновенномъ смыслѣ не существовала, а превратилась въ узкое, избитое ямами корыто, до краевъ наполненное смятымъ грязно-бураго цвѣта снѣгомъ, походившимъ на неочищенный сахарный песокъ. Жизнь и движеніе по улицамъ продолжались и ночью: ползли безконечные обозы, какъ разрозненныя звенья какого-то чудовищнаго ярмарочнаго червя; сновали по всѣмъ направленіямъ извозчики, вихремъ летѣли тройки, и, какъ шакалы, тамъ и сямъ прятались какія-то подозрительныя тѣни.

— Въ „Биржевую“! — приказывалъ Веревкинъ извозчику, когда они вышли на подъѣздъ.

Если днемъ всѣ улицы были запружены народомъ, то теперь всѣ эти тысячи людей сгрудились въ домахъ. Съ улицы широкая ярмарочная волна хлынула подъ гостепріимныя кровли. Вездѣ виднѣлись огни; въ окнахъ, сквозь ледяные узоры, мелькали неясные человѣческіе силуэты; изъ отворявшихся дверей вырывались бѣлые клубы пара, вынося съ собою смутный гулъ бушевавшаго ярмарочнаго моря. Откуда-то доносились звуки визгливой музыки и обрывки пьяной, горластой пѣсни.

Около „Биржевой гостиницы“ стояло много извозчиковъ, и постоянно подъѣзжали новые съ сѣдоками. Въ передней обдавало посѣтителей спертой трактирной атмосферой. Гдѣ-то щелкали бильярдные шары, и рѣзкими взрывами неслись припѣвы дикой ярмарочной пѣсни. Охрипшіе и надсаженные голоса арфистокъ непріятно рѣзали непривычное ухо; на каждомъ шагу такъ и обдавало ярмарочнымъ кабакомъ, съ его убогой роскошью и безпросыннымъ, отчаяннымъ пьянствомъ. Привалову страстно захотѣлось вернуться, но Веревкинъ подхватилъ его подъ руку и насильно тащилъ по лѣстницѣ.

— Мы только посмотримъ,—упрашивалъ онъ.—Вѣдь это море, настоящее море... Вонъ какъ Сибирь матушка поднялась: стономъ-стонъ!

— Шире берри... валяй!!.—неистово выкрикивалъ какой-то захмелѣвшій купчикъ, котораго два лакея вели подъ руки.

— Кричи, братику: все любезное отечество помаленьку слопаешь,— шутилъ Веревкинъ, продираясь къ отдѣльному столику сквозь густую толпу, окружавшую эстраду съ арфистками.

Ахъ, ты, береза,
Да ты ль, моя береза...—

разбитымъ, сиплымъ голосомъ начала примадонна, толстая, обрюзгшая дѣвица съ птичьимъ носомъ. Хоръ подхватилъ, и все кругомъ точно застонало отъ пестрой волны закружившихся звуковъ. Какой-то пьяный купчикъ съ осовѣлымъ лицомъ дико вскрикивалъ и разслабленно присѣдалъ къ самому полу.

За столами собралась самая пестрая публика, какую только можно себѣ представить. Чистокровный крупичатый москвичъ братался съ кореннымъ сибирякомъ, одесскій коммерсантъ съ архангельскимъ поморомъ, остзейскій баронъ съ бухарцемъ, лупоглазый румынъ съ китайцемъ и т. д. Эта безобразная

канья ярмарочнаго моря въ миніатюрѣ представляла собой все наше многоязычное, разноплеменное и неизмѣримо-разнообразное отечество: сѣверъ и югъ, западъ и востокъ имѣли здѣсь своихъ типичныхъ представителей, слившихся въ одну пеструю мозаику. Здѣсь же толпились англичане, нѣмцы, французы, американцы, итальянцы, армяне, евреи и тотъ спеціально ярмарочный людъ, который трудно подвести подъ какую-нибудь опредѣленную національность. Есть такіе люди, которыхъ можно встрѣтить только на ярмаркахъ. Чѣмъ они занимаются, зачѣмъ пріѣзжаютъ на ярмарки — неразрѣшимая задача. Эти таинственные незнакомцы всегда чисто одѣты и всегда щеголяютъ тяжелыми часовыми цѣпочками, массивными брелоками и дорогими кольцами.

— Привелъ Господь въ шестьдесятъ первый разъ пріѣхать на Ирбитъ,— говорилъ богобоязливо сѣдой, благообразный старикъ изъ купцовъ стариннаго покроя; онъ высиживалъ свою пару чая съ какимъ-то сомнительнымъ господиномъ поношеннаго аристократическаго склада. — Въ гору идетъ ярмарка матушка... Умножается народъ!

Приваловъ сначала почувствовалъ себя очень жутко въ галдѣвшей, пестрой толпѣ, но потомъ его глубоко заинтересовала эта развернутая страничка чисто-русской жизни. Здѣсь переплелись въ одинъ крѣпкій узелъ кровные интересы милліоновъ тружениковъ, а эта вѣчно-голодная стая хищниковъ справляла свой безобразный шабашъ, не желая ничего знать, кромѣ своей наживы и барыша. Глядя на эти довольныя лица, которыя служили характерной вывѣской крѣпко сколоченныхъ и хорошо прилаженныхъ къ выгодному дѣлу капиталовъ, кажется, ни на мгновеніе нельзя было сомнѣваться въ томъ, „кому живется весело, вольготно на Руси“... Эта страшная сила клокотала и бурлила здѣсь, какъ вода въ паровомъ котлѣ: вотъ-вотъ она вырвется струей горячаго пара и начнетъ ворочать милліонами колесъ, валовъ, шестеренъ и тысячами тысячъ мудреныхъ приводовъ.

— А вонъ и наши великіе чудотворцы!.. — крикнулъ Веревкинъ, прерывая мысли Привалова.

— Кто?

— Да Лепешкинъ съ Данилушкой... Вотъ ужъ про кого можно сказать, что два сапога — пара: другой такой не подобрать. Ха-ха!..

Лепешкинъ и Данилушка бродили изъ комнаты въ комнату подъ ручку, какъ два брата. Они чувствовали себя здѣсь такъ же хорошо, какъ рыба въ водѣ, и, видимо, только подыскивали случай устроить какую-нибудь механику.

— Ахъ, раздуй тебя горой... Миколя!.. — кричалъ Лепешкинъ, издали завидя Веревкина.—Ты какъ попалъ къ намъ? Да и Сергѣй Александрычъ... Охъ-хо-хо!.. Горе душамъ нашимъ...

Данилушка такъ и покатился шаромъ, распахнувъ свои короткія ручки. Его смуглое лицо лоснилось, а глаза совсѣмъ заплыли. Онъ облобызалъ Привалова.

— Весело? — спрашивалъ Приваловъ друзей.

— Охъ, весело, Сергѣй Александрычъ...—какъ-то вздохнулъ всей своей утробой Лепешкинъ. — Ты только погляди, какую мы здѣсь обѣдню отзваниваемъ: чистое пекло!.. И все свои, все по купечеству... Гуляй, душа!..

— Ну, чудотворцы, что вы тутъ подѣлываете?—допрашивалъ Веревкинъ стариковъ.

— Да чего намъ дѣлать-то? Извѣстная наша музыка, Миколя; Данила даве двухъ арфистокъ вверхъ ногами поставилъ: одну за одну ногу схватилъ,

другую за другу, да обѣихъ, какъ курицъ, со всѣмъ потрохомъ и поднялъ... Охъ-хо-хо!.. А публика даже ужъ точно рѣшилась: давай Данилу на рукахъ качать. Ну, еще акварію раздавили!.. Вотъ только тятеньки твоего нѣтъ, некогда ему, а то мы и съ молебномъ бы ярмаркѣ отслужили. А тятенькѣ везетъ, на третій десятокъ перевалило.

Шампанское полилось рѣкой. Всѣ пили... Приваловъ вдругъ почувствовалъ себя необыкновенно легко, именно легко, точно разомъ стряхнулъ съ себя всѣ невзгоды. Ему хотѣлось пить и пить, пить безъ конца. Пьяный Данилушка теперь обнималъ Привалова и хриплымъ шопотомъ говорилъ:

— Отчего ты къ намъ-то не заглянешь... а?

Приваловъ разсказалъ свой послѣдній визитъ къ Маріѣ Степановнѣ и свою встрѣчу съ Василіемъ Назарычемъ въ банкѣ.

— Охъ, напрасно, напрасно... — хрипѣлъ Данилушка, повертывая головой. — Старики ндравные, чего говорить, характерные, а только они тебя любятъ пуще родного дѣтища... Вѣрно тебѣ говорю!.. Можетъ, слезъ объ тебѣ было сколько пролито. А Василій-то Назарычъ такъ и по ночамъ о тебѣ все вздыхаетъ... Да. Напрасно, Сереженька, ты ихъ обѣгаешь! Ей-Богу... Вѣдь я тебя вѣ какимъ махонькимъ на рукахъ носилъ, еще при покойникѣ дѣдушкѣ. Тоже и ты ихъ любишь всѣхъ, Бахаревыхъ-то, а вотъ тоже у тебя какой-то сумнительный характеръ.

Данилушка, какъ умѣлъ, разсказалъ послѣднія новости о бахаревскомъ домѣ: Костя все еще гоститъ и помирился съ стариками; на пріискахъ золото такъ и лѣзетъ—на настоящую розсыпь натакались; Вѣрочка совсѣмъ невѣста, жениха ей безпремѣнно надо, а то какъ бы грѣхъ не вышелъ какой, какъ съ Надеждой Васильевной. Охъ, и хороша же была эта Надежда Васильевна: красавица, умница, характеръ—шелкъ шелкомъ, а вотъ, поди ты, ни за грошъ, ни за копеечку пропала. По зимѣ-то Марья Степановна нарочно посылала на пріиски къ Лоскутову, развѣдать о Надеждѣ-то Васильевнѣ, что и какъ. Сказывали—слухъ палъ—дитё у ней, старуха-то и всполошилась: хошь и прокляла сгоряча, а свою кровь какъ, поди, не жаль... Ну, ничего, все благополучно: и сама Надежда Васильевна и дитё... Приваловъ слушалъ Данилушку съ опущенной головой; эти имена поднимали въ немъ старыя воспоминанія неиспытаннаго счастья, которыя были такъ далеки отъ его настоящаго.

— Ну, намъ пора, Сергѣй Александрычъ,—заговорилъ Веревкинъ, поднимаясь съ мѣста.—Поѣдемте дальше...

— А ты куда, Миколя?—допытывался Лепешкинъ.

— Туда, куда тебѣ нельзя ѣхать.

— Ой, врешь... Ей-Богу, врешь! Мы съ Данилой тоже припремъ къ вамъ, только вотъ еще здѣсь расправимъ немножко косточки.

— Пріѣзжайте, только „Моисея“ не возите съ собой.

— Ладно, ладно. И это знаемъ... Катеринѣ Ивановнѣ поклончикъ. Да вотъ чего, у меня тутъ кошевая стоитъ, у самаго трактира—только кликни Барчука. Лихо домчитъ... Звѣрь, а не ямщикъ.

— Хорошо, хорошо.

Приваловъ и Веревкинъ пошли къ выходу, съ трудомъ пробираясь сквозь толпу пьянаго народа. Вездѣ за столиками виднѣлись подгулявшіе купчики, кутившіе съ арфистками. Нецензурная ругань, женскій визгъ и пьяный хохотъ придавали картинѣ самый разгульный, отчаянный характеръ.

Къ подъѣзду лихо шарахнулась знаменитая тройка Барчука. Кошевая была обита персидскими коврами; самъ Барчукъ, совсѣмъ сѣдой старикъ съ косматой бородой и нависшими бровями, сидѣлъ на козлахъ, какъ ястребъ.

— Къ Катеринѣ Ивановнѣ...—коротко отдалъ приказаніе Веревкинъ.

Барчукъ неистово крикнулъ, и тройка птицей полетѣла куда-то на окраину, минуя самыя бойкія торговыя мѣста. Приваловъ залюбовался тройкой: коренникъ-иноходецъ вытянулся и, закинувъ голову, летѣлъ стрѣлой; пристяжныя, свернувшись въ кольцо, мели землю своими гривами. Валдайскіе колокольчики вздрагивали и замирали подъ высокой расписной дугой. У подъѣзда одного двухъэтажнаго дома съ освѣщенными окнами Барчукъ осадилъ тройку своей желѣзной рукой, какъ мертвую; лошади даже присѣли на крупъ. На звонокъ выбѣжала горничная и внимательно осмотрѣла гостей.

— Свои, свои... успокоивалъ ее Веревкинъ, вылѣзая изъ шубы. — Кто наверху?

— Московскій баринъ да иркутскіе купцы.

Въ залѣ, отдѣланной съ большой роскошью, гостей встрѣтила сама Катерина Ивановна. Она была сегодня въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, съ брильянтовой бабочкой въ золотистыхъ волосахъ.

— Вы, кажется, незнакомы,—заговорилъ Веревкинъ, рекомендуя Привалова.

— Вотъ гдѣ мы наконецъ встрѣтились съ вами,—протянула Катерина Ивановна, разсматривая Привалова своими прищуренными близорукими глазами.

— Панахенъ гдѣ?—спрашивалъ Веревкинъ, заглядывая за портьеру слѣдующей комнаты.

Катерина Ивановна только слегка кивнула своей красивой головкой и добродушно засмѣялась. Приваловъ разсматривалъ эту даму полусвѣта, стараясь подыскать въ ней родственныя черты съ той скромной старушкой, Павлой Ивановной, съ которой онъ когда-то игралъ въ преферансъ у Бахаревыхъ. Онъ, какъ сквозь сонъ, помнилъ маленькую Катю Колпакову, которая часто бывала въ бахаревскомъ домѣ, когда Приваловъ былъ еще гимназистомъ.

— Что вы на меня такъ смотрите?—съ улыбкой спрашивала дѣвушка, быстро поднимая на Привалова свои большіе темно-сѣрые глаза.—Я васъ встрѣчала, кажется, въ клубѣ...

— Да, я тоже встрѣчалъ васъ.

Наступила тяжелая пауза. Катерина Ивановна, видимо, стѣснялась: Привалову вдругъ сдѣлалось жаль этой красивой дѣвушки, вырванной изъ семьи въ качествѣ жертвы общественнаго темперамента. „Вѣдь она человѣкъ, такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе,—подумалъ Приваловъ, невольно любуясь смутившейся красавицей.—Чѣмъ же хуже насъ? Ее толкнула на эту дорогу нужда, а мы...“ Катерина Ивановна поймала этотъ взглядъ и какъ-то болѣзненно выпрямилась, бросивъ на Привалова нахальный, вызывающій взглядъ.

Въ слѣдующей комнатѣ шла игра съ той молчаливой торжественностью, съ какой играютъ только завзятые игроки, игроки по призванію. На первомъ планѣ былъ Иванъ Яковличъ, блѣдный, съ мутнымъ взглядомъ, съ взъерошенными волосами; онъ держалъ банкъ. Привалову бросились въ глаза его женскія руки, въ которыхъ какъ-то сами собой тасовались карты. Напротивъ него стоялъ „московскій баринъ“. Въ немъ сразу можно было узнать прежняго военнаго изъ какого-нибудь дорогого полка. Но красивое молодое лицо уже поблекло отъ безсонныхъ ночей и превратности жизни аферіста. Человѣкъ пять иркутскихъ купцовъ размѣщались вокругъ стола въ самыхъ непринужденныхъ позахъ; измятыя лица и воспаленные глаза краснорѣчиво говорили объ ихъ занятіяхъ. На двухъ столахъ помѣщались вина и закуски. Когда Приваловъ вошелъ въ комнату, на него никто даже не взглянулъ,

такъ всѣ были заняты главными дѣйствующими лицами, т.-е. Иваномъ Яковличемъ и московскимъ бариномъ.

— Вотъ, пожалуйте сюда-съ...—предупредительно шепнула какая-то темная личность, точно вынырнувшая изъ-подъ пола.

Это былъ типичный ярмарочный шакалъ, необходимая свита при каждомъ крупномъ игрокѣ. Онъ униженно кланялся при каждомъ словѣ и постоянно улыбался принужденной льстивой улыбкой. Усадивъ Привалова, шакалъ смиренно отошелъ въ темный уголокъ, гдѣ дремалъ на залитомъ виномъ стулѣ.

Обстановка комнаты придавала ей видъ будуара: мягкая мебель, ковры, цвѣты. Съ потолка спускался розовый фонарь; на стѣнѣ висѣло нѣсколько картинъ съ голыми красавицами. Оглядывая это гнѣздышко, Приваловъ замѣтилъ какія-то ноги въ одномъ сапогѣ, которыя выставлялись изъ-подъ дивана.

— Это Иванъ Митричъ...—доложилъ почтительнымъ шопотомъ шакалъ, поймавъ взглядъ Привалова.—Вторыя сутки-съ почиваютъ. Сильно были не въ себѣ.

Игра совершалась попрежнему, въ самомъ торжественномъ молчаніи. Иванъ Яковличъ держалъ банкъ, увѣренными движеніями бросая карты направо и налѣво. Московскій баринъ равнодушно слѣдилъ за его руками. У него убивали карту за картой. Около Ивана Яковлича, на зеленомъ столѣ, кучки золота и кредитокъ все увеличивались.

— На тридцать шестую тыщу перевалило...—шептались купцы.

Приваловъ поставилъ карту—ее убили, вторую—тоже, третью—тоже. Отсчитавъ шестьсотъ рублей, онъ отошелъ въ сторону. Иванъ Яковличъ только теперь его замѣтилъ и поклонился съ какой-то больной улыбкой; у него на лбу выступали капли крупнаго пота, но руки продолжали двигаться такъ же безстрастно, точно карты сами собой падали на столъ.

— Экъ ихъ взяло... точно замерли!—ворчалъ Nicolas Веревкинъ, пересаживаясь отъ игорнаго стола къ закускѣ.—Папахенъ сегодня дьявольски рѣжетъ...

Къ столу съ винами подошелъ „московскій баринъ“; онъ блуждающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Привалова и Веревкина, налилъ себѣ рюмку вина и, не выпивъ ея, пошатываясь вышелъ изъ комнаты.

— Этотъ совсѣмъ готовъ: finita la comedia,—объяснялъ Nicolas, кивая головой на закрывшуюся за московскимъ бариномъ портьеру.

— Проигрался?

— Да... тысячъ двадцать пять просадилъ. Изъ московскихъ жулановъ. Каждую ярмарку пріѣзжаетъ обирать купцовъ, а нынче на папахена и наткнулся. Ну, да ничего, еще успѣетъ оправиться! Дураковъ на его долю еще много осталось...

Игра продолжалась. „Московскаго барина“ смѣнилъ бѣлобрысый купчикъ въ „спинджакѣ“ и брильянтовыхъ запонкахъ. Онъ выигралъ три раза и началъ повышать ставку.

— Ваня, обрѣжешься...—удерживалъ его черноволосый купецъ съ косыми глазами.

Спинджакъ опять выигралъ, вытеръ лицо платкомъ и отошелъ къ закускѣ. Косоглазый купецъ занялъ его мѣсто и началъ проигрывать карту за картой; каждый разъ, вынимая деньги, онъ стучалъ козонками по столу и тяжело пыхтѣлъ. Въ гостиной послышался громкій голосъ и сиплый смѣхъ; черезъ минуту показалась громадная голова Данилушки. За нимъ въ комнату вошла Катерина Ивановна подъ руку съ Лепешкинымъ.

— Ну, и утѣшилъ! —кричалъ Лепешкинъ, тыкая Данилушку своимъ опухшимъ перстомъ.—Настоящее свѣтопреставленіе!.. Только вы, Сергѣй Александрычъ, уѣхали изъ „Биржевой“, мы самую малость посидѣли и закатили въ „Казань“, а тамъ народичку тьма-тьмущая. Сѣли къ столику, спросили холодненькаго, а потомъ Данила и говоритъ: „Давай всю публику изутѣшимъ: я представлюсь сумасшедшимъ, а ты будто мой братъ. Ей-Богу!.. Валяй...“ Охъ-хо-хо!.. Какъ онъ выворотитъ зѣнки да заоретъ не своимъ голосомъ—страсть! Народъ весь къ намъ—шумъ, столарня... Я его руками держу, а онъ на стѣны кидается!.. Потомъ подвернулась какая-то арфистка, а онъ на нее, потомъ по столамъ побѣжалъ, по посудѣ, черезъ головы... „Кто такой? Что попритчилось съ мужикомъ?“ Говорю, что мой братъ, семипалатинскій купецъ. А Данила забрался къ арфисткамъ и давай на нихъ кидаться: визгъ, крикъ, страсти Господни! Ужъ кое-какъ его изловили, тюменскіе купцы подвернулись, связали салфетками, а потомъ прямо въ кошевую къ Барчуку. Поблагодарилъ я ихъ, говорю, прямо къ душевному доктору повезу... Ха-ха!.. Вотъ и привезъ!

— Да вѣдь тутъ у васъ половина знакомыхъ была въ „Казани“,—посмѣивался Веревкинъ.

— Были и знакомые... Какъ не быть! Животики надорвали, хохочутъ надъ Данилушкой... Охъ-хо-хо! Горе душамъ нашимъ... Вотъ какъ, матушка ты наша, Катерина Ивановна!.. Не гляди на насъ, что мы старые да сѣдые: молодому супротивъ насъ еще не уколоть... Ей-Богу!.. Только вотъ Ивана Яковлича не было, а то бы еще чище штуку сыграли.

Данилушка только ухмылялся и утиралъ свое бронзовое лицо платкомъ. Купцы отошли отъ игорнаго стола и хохотали вмѣстѣ съ другими надъ его выдумкой. Лепешкинъ отправился играть и, повернувъ свою круглую сѣдую голову, кричалъ:

— Катерина Ивановна, на твои счастки буду играть: все твое...

— Лучше такъ отдай мнѣ деньги, все равно проиграешь,—отвѣчала Катерина Ивановна.

— Ишь ты, больно гладкая... Валяй, Иванъ Яковличъ!..

Игра оживилась, куши начали расти, руки Ивана Яковлича задвигались быстрѣе. Приваловъ тоже принялъ участіе въ игрѣ и вернулъ почти всѣ проигранныя давеча деньги. Бѣлобрысый купецъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ и съ азартомъ увеличивалъ ставки. Лепешкину везло, Приваловъ начиналъ проигрывать и тоже увеличивалъ ставки. Онъ почувствовалъ какое-то непріятное озлобленіе къ Ивану Яковличу и его двигавшимся бѣлымъ рукамъ.

Игра разгоралась все сильнѣй и сильнѣй, точно въ потухавшій огонь подлили масла. Къ игрокамъ присталъ и Данилушка. Кучки золота около Ивана Яковлевича все увеличивались, а вмѣстѣ съ ними увеличивалось и росло у его партнеровъ желаніе отыграть эти кучки. Приваловъ поддался общему настроенію и проигрывалъ карту за картой, съ небольшими перерывами, когда около него на столѣ образовывалась на нѣсколько минутъ тоже маленькая кучка изъ имперіаловъ. „Не можетъ быть, чтобы Ивану Яковличу везло вѣчно“,—думалъ пьяный Приваловъ, какъ думали другіе. Дальше онъ начиналъ жалѣть глупо проигранныхъ денегъ и внутренно давалъ себѣ слово, что какъ только воротитъ проигрышъ—сейчасъ же забастуетъ. Но проигрышъ все шелъ на увеличеніе, а не на уменьшеніе, и Приваловъ чувствовалъ какую-то жгучую потребность выиграть у Ивана Яковлича хоть часть проигранныхъ денегъ. Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что его кто-то тянетъ легонько за рукавъ; онъ быстро обернулся и встрѣтился глазами съ Кате-

риной Ивановной. Дѣвушка звала его нѣмымъ выразительнымъ взглядомъ, и Приваловъ пошелъ за ней въ гостиную.

— Я вамъ больше не дамъ играть...— тихо проговорила она, притворяя за собой дверь.

— Это почему?

— А такъ... Проиграете.

— Почему же именно я долженъ проиграть, а не вашъ Иванъ Яковличъ?

— Такъ... — коротко отвѣтила Катерина Ивановна. — Во-первыхъ, вы горячитесь, во-вторыхъ, Иванъ Яковличъ всегда выигрываетъ...

— Однако Ломтевъ его разыгралъ?

— То совсѣмъ другое дѣло: нашла коса на камень...

Это непрошенное вмѣшательство сначала разсердило Привалова; онъ готовъ былъ наговорить Катеринѣ Ивановнѣ дерзостей, но потомъ какъ-то вдругъ отмякъ и улыбнулся.

— Дѣйствительно, я глупости дѣлаю,—проговорилъ онъ.—Да и пьянъ порядочно.

— Скоро кататься поѣдемъ, холодкомъ продуетъ. Видѣли, какъ проигрался Шпегасъ?

— Это отставной военный?

— Да, да... Все спустилъ, а не изъ послѣднихъ игроковъ. Я сейчасъ пошлю за лошадьми...

Приваловъ вернулся въ игорную комнату, гдѣ дѣла принимали самый энергичный характеръ. Лепешкинъ кричалъ и ругался, другіе купцы тоже. Въ золотой кучкѣ Ивана Яковлича виднѣлись чьи-то кольца и двое золотыхъ часовъ; тутъ же валялась дорогая брильянтовая булавка.

— Такъ ты не хочешь мнѣ на вексель повѣрить?—кричалъ Лепешкинъ, стуча кулакомъ по столу.—Мнѣ?!.. а?..

— Не могу...—коротко отвѣчалъ Иванъ Яковличъ, опуская глаза.

— Такъ ты вотъ какіе со мной поступки поступаешь?!.. Ахъ ты, дьяволъ этакій... чортъ!.. Да я тебя...

Неистовый старикъ только ринулся-было черезъ столъ на Ивана Яковлича, чтобы доказать ему собственноручно, какой-такой человѣкъ онъ есть, но Данилушка удержалъ его во-время.

— Отстань, дурмень, — хрипѣлъ Данилушка, принимая друга въ свои желѣзныя объятія.—Развѣ это порядокъ?

— Да я ему... Кто онъ? Да я... Пусти, ради Христа! Дьяволъ, пусти...

— Не пущу... не шеперься.

Этимъ эпизодомъ игра кончилась. Иванъ Яковличъ бросилъ карты и проговорилъ:

— Больше не могу...

— А почему ты мнѣ подъ вексель не повѣрилъ?—придрался къ нему Лепешкинъ.—Я тебѣ вѣрю, а ты мнѣ не хочешь... а?

Иванъ Яковличъ съ улыбкой взялъ со стола горсть золота и протянулъ руку къ Лепешкину.

— Теперь сколько хочешь, а во время игры не могу...

— Да мнѣ теперь-то не надо, а зачѣмъ даве не давалъ?

— Да нельзя же, говорятъ тебѣ! — усовѣщевалъ Данилушка расходившагося пріятеля.—Невозможно, и все тутъ... Вездѣ такъ.

— Черти вы, вотъ что!—ругался Лепешкинъ, не зная, какъ ему сорвать свою обиду.

Подъ окномъ послышался звонъ бубенчиковъ,—это подкатили кошевыя. Вся компанія торопливо подкрѣпилась около виннаго столика и повалила въ переднюю. Катерина Ивановна вышла послѣ другихъ въ бархатной синей шубкѣ на настоящемъ собольемъ мѣху. Кошевыя въ это время быстро нагружались виномъ и приличной снѣдью: въ двухъ даже были поставлены ломберные столы. При громадной вмѣстимости кошевыхъ въ нихъ можно было свободно посадить человѣкъ двѣнадцать, — эти затѣи были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Въ кошевой Барчука помѣстились Приваловъ, Иванъ Яковличъ съ Катериной Ивановной, Веревкинъ, Лепешкинъ и Данилушка.

— Охъ, много еще мѣста пустого...—скорбѣлъ Лепешкинъ.

— Я сама буду править, — вызвалась Катерина Ивановна. — Барчукъ, вожжи!

Дѣвушка сѣла на облучокъ, забрала въ руки вожжи, и кошевая полетѣла за городъ. Началась самая бѣшеная скачка вперегонку, но тройку Барчука трудно было обогнать: лошади были на подборъ. Другія кошевыя скоро остались назади и ныряли по ухабамъ, какъ лодки въ бурю. Ночь была звѣздная, но звѣзды уже блекли, и небо заволакивалось предутренней бѣлесоватой мглой. Вздымаемый копытами снѣгъ покрылъ всѣхъ сѣрымъ налетомъ, а синяя шубка Катерины Ивановны совсѣмъ побѣлѣла. Соболья шапочка на головѣ у нея тоже превратилась въ комъ снѣга, но изъ-подъ нея вызывающе улыбалось залитое молодымъ румянцемъ дѣвичье лицо и лихорадочно горѣли глаза, какъ двѣ темныхъ звѣзды. Свѣжій воздухъ, вмѣсто того, чтобы освѣжить Привалова, подѣйствовалъ какъ разъ наоборотъ: онъ окончательно опьянѣлъ и чувствовалъ, какъ все у него летитъ предъ глазами,—полосы снѣга, ухабы, какой-то лѣсъ, рожа Лепешкина, согнутая ястребиная фигура Барчука и волны выбившихся изъ-подъ собольей шапочки золотистыхъ волосъ. Впередъ!.. Чтобы духъ занимало и искры сыпались изъ глазъ... Вонъ Барчукъ самъ взялъ вожжи, вскрикнулъ какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ, и все кругомъ пропало въ рѣзавшей лицо и слѣпившей глаза снѣжной пыли. Лошадей больше нельзя было разсмотрѣть, а кошевая точно сама собой неслась въ снѣжную даль, какъ стрѣла, выпущенная изъ лука могучей рукой.

Дальнѣйшія впечатлѣнія для Привалова перемѣшались въ самую невозможную мозаику, точно его несло куда-то вихремъ. Тройки съѣхались, на привалѣ всѣ пили... Откуда-то появились пьяныя женщины, которыхъ обливали виномъ. Потомъ скакали обратно въ городъ, причемъ Приваловъ даже самъ нѣсколько времени правилъ Барчуковой тройкой. Но все это происходило какъ во снѣ или въ потемкахъ. Въ какомъ-то большомъ домѣ, гдѣ играла музыка и было очень много женщинъ, всѣ танцовали, а Лепешкинъ съ Данилушкой откололи свою „руськую“. Потомъ всѣ собрались въ большой комнатѣ, гдѣ много пили, пѣли пѣсни... У Привалова сильно кружилась голова, и онъ замѣтилъ, что Веревкинъ постоянно былъ возлѣ него, какъ нянька.

— Столы... составляй столы!—орали пьяные голоса.

Изъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, образовалось нѣчто въ родѣ концертной эстрады, которую со всѣхъ сторонъ окружили шатавшіеся пьяные люди. Потомъ Приваловъ видѣлъ, какъ Веревкинъ вынесъ изъ сосѣдней комнаты что-то бѣлое и поставилъ это бѣлое на помостъ. Собравшаяся публика дико взвыла, точно голодная стая волковъ, которой бросили кусокъ свѣжаго мяса: на помостѣ въ одной рубашкѣ стояла Катерина Ивановна... Она что-то пѣла такое веселое и канканировала. Публика дико выла и нѣсколько разъ принималась ее качать на рукахъ. Приваловъ аплодировалъ и кричалъ вмѣстѣ съ другими, и ему страстно хотѣлось поколотить этого Ивана Яковлича..

Потомъ вся эта картина исчезла точно въ туманѣ. Приваловъ помнилъ только, что онъ сидѣлъ очень близко къ Катеринѣ Ивановнѣ, она безъ заботно смѣялась и разглаживала ему волосы своими бѣлыми, маленькими руками. Когда онъ проснулся, кругомъ было темно, на полу валялись какіе-то спавшіе люди, сломанная мебель, пустыя бутылки и т. д. Приваловъ лежалъ на диванѣ, а рядомъ съ нимъ, на подставленныхъ къ дивану стульяхъ, богатырскимъ сномъ спалъ Nicolas Веревкинъ. Голова у Привалова страшно трещала, хотѣлось пить, въ груди что-то жгло. Приваловъ смутно припомнилъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, а потомъ опять забылся тяжелымъ, пьянымъ сномъ. Когда онъ проснулся во второй разъ, на полу комнаты сидѣли и лежали тѣ же фигуры и опять пили.

— Въ театръ пора, Сергѣй Александрычъ!..—крикнулъ кто-то.—Вставайте да поправляйтесь скорѣе.

— Какой театръ... гдѣ?

— Да вѣдь десятый часъ на дворѣ... Ха-ха!..—хохоталъ Веревкинъ, только-что успѣвшій умыться.

Короткій зимній день былъ вычеркнутъ изъ среды другихъ дней, а наступившая ночь точно служила продолженіемъ вчерашней.

XII.

Ярмарочный театръ, кое-какъ сгороженный изъ бревенъ и досокъ, былъ биткомъ-набитъ пьяной ярмарочной публикой. Ложа, въ которую попалъ Приваловъ, была одна изъ ближайшихъ къ сценѣ. Изъ нея отлично можно было разсматривать какъ сцену, такъ и партеръ. Привалова особенно интересовалъ послѣдній, тѣмъ болѣе, что пьеса шла уже въ половинѣ. Въ ложѣ теперь сидѣлъ онъ только съ Веревкинымъ, а остальная компанія нагружалась въ буфетѣ. Помѣстившись къ барьеру, Приваловъ долго разсматривалъ ряды креселъ и стульевъ. На нихъ размѣстилось все, что было именитаго на десятки тысячъ верстъ: московскіе тузы по коммерціи, сибирскіе промышленники, фабриканты, водочные короли, скупщики хлѣба и сала, торговцы пушниной, краснорядцы и т. д. Отъ каждаго пахло десятками и сотнями тысячъ. Было нѣсколько милліонеровъ, преимущественно съ сибирской стороны.

— Картина!..—говорилъ Nicolas, мотая головой въ партеръ.—Вотъ вамъ наша будущая буржуазія, которая тряхнетъ любезнымъ отечествомъ по-своему... Силища, батенька, страшенная!..

Веревкинъ былъ пьянъ еще со вчерашняго, и Приваловъ тоже чувствовалъ себя не особенно хорошо: ему было какъ-то все равно, и онъ смотрѣлъ кругомъ взглядомъ посторонняго человѣка. Въ душѣ, тамъ, глубоко, образовалась какая-то особенная пустота, которая даже не мучила его: онъ только чувствовалъ себя частью этого громаднаго цѣлаго, которое шевелилось въ партерѣ, какъ тысячеголовое чудовище. Вѣдь это цѣлое было неизмѣримо велико и влекло къ себѣ съ такой неудержимой силой... Вольготное существованіе только и возможно въ этой формѣ, а все остальное должно фигурировать въ пассивныхъ роляхъ. Даже злобы къ этому цѣлому Приваловъ не находилъ въ себѣ: оно являлось только колоссальнымъ фактомъ, который былъ правъ самъ по себѣ, въ силу своего существованія.

— Искусство прогрессируетъ...—слышался въ сосѣдней ложѣ сдержанный полушопотъ, который заставилъ Привалова задрожать: это былъ голосъ Половодова.—Да, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, въ силу основного принципа всякаго прогрессивнаго движенія, строго и послѣдовательно

совершается неизбѣжный процессъ дифференцированія. Я сказалъ, что искусство прогрессируетъ,—дѣйствительно, наши отцы, напримѣръ, сходили съ ума отъ балета, а въ наше время онъ совсѣмъ упалъ. И въ самомъ дѣлѣ, если взять всѣ эти пуанты и туръ-де-форсы только сами по себѣ, получается какая-то глупая лошадиная дрессировка — и только. Восхищались балетными антраша, въ которыхъ Камарго дѣлала четыре удара, Фанни Эльслеръ—пять, Тальони—шесть, Гризи и Сангалли—семь, но вышла на сцену шансонетка—и всѣ эти антраша пошли къ чорту! Да-съ... Я именно съ этой стороны понимаю прогрессъ...

Въ одной ложѣ съ Половодовымъ сидѣлъ Давидъ и съ почтительнымъ вниманіемъ выслушивалъ эти поученія; онъ теперь проходилъ ту высшую школу, которая отличаетъ кровную золотую молодежь отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

— Вотъ чортъ принесъ...—проворчалъ Веревкинъ, когда завидѣлъ Половодова.

Появленіе Половодова въ театрѣ взволновало Привалова, такъ что онъ снова опьянѣлъ. Все, что происходило дальше, было покрыто какимъ-то туманомъ. Онъ машинально смотрѣлъ на сцену, гдѣ актеры казались куклами, на партеръ, на ложи, на раекъ. Къ чему? Зачѣмъ онъ здѣсь? Куда ему бѣжать отъ всей этой ужасающей человѣческой нескладицы, бѣжать отъ самого себя? Онъ сознавалъ себя именно той жалкой единицей, которая служитъ только матеріаломъ въ какой-то сильной творческой рукѣ.

По окончаніи пьесы въ ложу ввалилась остальная пьяная компанія. Появленіе Ивана Яковлича произвело на публику замѣтное впечатлѣніе: сотни глазъ смотрѣли на этого счастливца, о которомъ по ярмаркѣ ходили баснословные разсказы. Типичная свита изъ Данилушки, Лепешкина и Nicolas Веревкина усиливала это впечатлѣніе. Эти богачи и милліонеры теперь завидовали какому-нибудь Ивану Яковличу, который на нѣсколько времени сдѣлался героемъ ярмарочнаго дня. Изъ ложъ и креселъ на него смотрѣли съ восторженнымъ удивленіемъ, какъ на побѣдителя. Даже обыгранные имъ купчики раздѣляли это общее настроеніе: они были довольны уже тѣмъ, что проиграли не кому другому, а самому Ивану Яковличу.

— Папахенъ-то вѣдь и спать даже не ложился, — сообщалъ Привалову Nicolas Веревкинъ.—Пока мы спали, онъ работалъ... За восемьдесятъ тысячъ перевалило. Да... Я совѣтовалъ забастовать, такъ не хочетъ: хочетъ добить до ста.

Nicolas Веревкинъ назвалъ нѣсколько громкихъ именъ въ торговомъ мірѣ, которыя сегодня жестоко поплатились за удовольствіе сразиться съ Иваномъ Яковличемъ.

Самъ Иванъ Яковличъ былъ такимъ же, какъ и всегда: такъ же нерѣшительно улыбался и выглядѣлъ попрежнему какимъ-то подвижникомъ.

— Сейчасъ будетъ Катя пѣть...—предупредилъ Nicolas Привалова, указывая въ афишѣ на фамилію m-lle Колпаковой, которая, въ антрактѣ между пьесой и водевилемъ, обѣщала исполнить какую-то шансонетку.

— „Моисей“ въ театрѣ,—шепнулъ Nicolas Веревкинъ отцу.

— Гдѣ?

— Въ первомъ ряду, налѣво...

— Ахъ, чортъ его возьми!.. Что же ты раньше не сказалъ?—смущенно заговорилъ Иванъ Яковличъ.—Необходимо было предупредить Катю.

— Да онъ только-что пришелъ, а сейчасъ занавѣсъ...

Иванъ Яковличъ только пожалъ плечами и принялся въ бинокль отыскивать Моисея. Въ этотъ моментъ поднялся занавѣсъ, и публика встрѣтила

выбѣжавшую изъ-за кулисъ Катерину Ивановну неистовыми аплодисментами. Она была одѣта въ короткое платьице французской гризетки и бойко раскланивалась съ публикой. Лепешкинъ и Данилушка, не довольствуясь обыкновенными аплодисментами, неистово стучали ногами въ полъ. Даже изъ ложи Половодова слышались аристократическіе шлепки затянутыхъ въ перчатки рукъ. Капельмейстеръ поднесъ пѣвицѣ большой букетъ, и она, прижимая подарокъ къ груди, нѣсколько разъ весело кивнула головой въ ложу Ивана Яковлича.

— Охъ, горе душамъ нашимъ!—хрипѣлъ Лепешкинъ, отмахиваясь объими руками.—Ай-да Катерина Ивановна, всю публику за одинъ разъ изуважила...

Капельмейстеръ взмахнулъ своей палочкой, скрипки взвизгнули, гдѣ-то глухо замычала труба. Наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, Катерина Ивановна бойко пропѣла первый куплетъ; „Моисей“ впился глазами, когда она привычнымъ жестомъ собрала юбки вѣеромъ и принялась канканировать. Сквозь смятое писсе юбокъ выступали полныя икры и ясно обрисовывалось, точно облитое розовымъ трико, колѣно... Опустивъ глаза и какъ-то по-дѣтски вытянувъ губы, Колпакова нѣсколько разъ повторила речитативъ своей шансонетки, и когда публика принялась неистово ей аплодировать, она послала нѣсколько поцѣлуевъ въ ложу Ивана Яковлича.

— О-охъ, матушка ты наша...—хрипѣлъ Лепешкинъ, наваливаясь своимъ брюхомъ на барьеръ ложи.

Въ этотъ моментъ въ первомъ ряду креслъ взвился бѣлый дымокъ, и звонко грянулъ выстрѣлъ. Катерина Ивановна, схватившись одной рукой за лѣвый бокъ, жалко присѣла у самой суфлерской будки, напрасно стараясь сохранить равновѣсіе при помощи свободной руки. Въ первыхъ рядахъ креслъ происходила страшная суматоха: нѣсколько человѣкъ крѣпко держали какого-то молодого человѣка за руки и за плечи, хотя онъ и не думалъ вырываться.

— Да вѣдь это „Моисей“!..—крикнулъ кто-то.

— Онъ самый,—подтвердилъ Лепешкинъ. — Я своими глазами видѣлъ, какъ онъ къ музыкантамъ подбѣжалъ да въ Катерину Ивановну и запалилъ...

Опустили занавѣсъ. Полиція принялась уговаривать публику расходиться.

— Не уходите, — говорилъ Nicolas Веревкинъ Привалову: — мнѣ же придется защищать этого дурака... Авось свидѣтелемъ пригодитесь: пойдемте за кулисы.

На сценѣ безъ всякаго толку суетились Лепешкинъ и Данилушка, а Иванъ Яковличъ какъ-то растерянно старался приподнять лежавшую въ обморокѣ дѣвушку. На бѣломъ корсажѣ ея платья блестѣли струйки крови, обрызгавшей будку и помостъ. Притащили откуда-то заспаннаго старичка-доктора, который какъ-то равнодушно проговорилъ:

— Помогите, господа, перенести больную въ уборную куда-нибудь...

Данилушка, Лепешкинъ, Иванъ Яковличъ и еще нѣсколько человѣкъ исполнили это желаніе съ особеннымъ усердіемъ и даже помогли расшнуровать корсетъ. Докторъ осмотрѣлъ рану, послушалъ сердце и флегматически проговорилъ:

— Такъ... пустяки. Впрочемъ, необходимо сначала привести ее въ чувство.

— Подождите еще минуточку, пока пріѣдетъ слѣдователь,—упрашивалъ Веревкинъ Привалова.

Приваловъ остался и побрелъ въ дальній конецъ сцены, чтобы не встрѣтиться съ Половодовымъ, который торопливо бѣжалъ въ уборную вмѣстѣ съ

Давидомъ. Теперь маленькая, грязная и холодная уборная служила продолженіемъ театральной сцены, и публика съ такой же жадностью лѣзла смотрѣть на послѣднюю агонію умиравшей пѣвицы, какъ давеча любовалась ея полными икрами и безстыдными жестами.

Привалову пришлось ждать слѣдователя почти часъ. Онъ присѣлъ на сложенныя въ углу кулисы и отсюда машинально наблюдалъ суетившуюся на сценѣ публику: кто тащилъ ведро воды, кто льду на тарелкѣ, кто корпію. Докторъ нѣсколько разъ выходилъ изъ уборной и только отмахивался рукой отъ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ вопросовъ. Комедія жизни неожиданно перешла въ драму... Вонъ Данилушка растерянно выскочилъ изъ уборной и трусцой побѣжалъ на авансцену. Приваловъ окликнулъ его, старикъ на мгновеніе остановился и, узнавъ Привалова, хрипло крикнулъ:

— Отходитъ...

— Кто отходитъ?

— Катерина Ивановна... она отходитъ!

Данилушка послѣднія слова крикнулъ уже изъ помѣщенія для музыкантовъ, куда спрыгнулъ прямо со сцены; онъ торопливо перелѣзъ черезъ барьеръ и безъ шапки побѣжалъ черезъ пустой партеръ къ выходу.

Приваловъ пошелъ въ уборную, гдѣ царила мертвая тишина. Катерина Ивановна лежала на кровати, устроенной на скорую руку изъ старыхъ декорацій; лицо покрылось матовой блѣдностью, грудь поднималась судорожно, съ предсмертными хрипами. Шутовской нарядъ былъ обрызганъ каплями крови. Какая-то добрая рука прикрыла ноги ея синей собольей шубкой. Около изголовья молча стоялъ Иванъ Яковличъ, блѣдный, какъ мертвецъ; у него по лицу катились крупныя слезы.

Черезъ пять минутъ все было кончено: на декораціяхъ, въ театральномъ костюмѣ лежала попрежнему прекрасная женщина, но теперь это бездушное тѣло не могъ уже оскорбить ни одинъ взглядъ. Рука смерти наложила свою печать на безобразную человѣческую оргію

— Кончились, ваше высокоблагородіе... — шопотомъ говорилъ какой-то полицейскій, впуская въ уборную слѣдователя, точно онъ боялся кого-то разбудить.

Началось предварительное слѣдствіе съ допросомъ обвиняемаго и свидѣтелей. Было осмотрѣно мѣсто преступленія и вещественныя доказательства. Викторъ Васильичъ отвѣчалъ на всѣ вопросы твердо и увѣренно, свидѣтели путались и перебивали другъ друга. Приваловъ тоже былъ допрошенъ въ числѣ другихъ и опять ушелъ на сцену, чтобы подождать Nicolas Веревкина.

— Сергѣй Александрычъ, Сергѣй Александрычъ! — кричалъ Веревкинъ, выбѣгая изъ уборной черезъ пять минутъ.

— Что случилось?

— Вашъ братъ здѣсь...

— Какой?

— Да Титъ Приваловъ... Сейчасъ его допрашиваетъ слѣдователь. Идите скорѣе...

Передъ слѣдователемъ стоялъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и жгучими цыганскими глазами.

— Вы находились въ числѣ другихъ актеровъ ярмарочной труппы? — спрашивалъ слѣдователь.

— Да... Я игралъ подъ фамиліей Валова,—съ иностраннымъ акцентомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, встряхивая черными, какъ смоль, волосами.

— Та-акъ-съ... Такъ ваша настоящая фамилія Приваловъ?

— Да... Титъ Приваловъ, одинъ изъ владѣльцевъ Шатровскихъ заводовъ.

Веревкинъ поймалъ владѣльца Шатровскихъ заводовъ на слѣпѣ и снова допросилъ его, кто онъ и откуда, а потомъ отрекомендовалъ ему Привалова.

— Вотъ вашъ родной братъ, Сергѣй Александрычъ Приваловъ.

Братья нерѣшительно подали руки другъ другу и не знали, что имъ говорить.

— Вы теперь свободны?—спрашивалъ Nicolas молодого человѣка.—Поѣдемте съ нами, а тамъ ужъ познакомимся... .

— Я съ удовольствіемъ...—замялся Титъ Приваловъ: — только у меня нѣтъ своей шубы...

— Тогда мы сдѣлаемъ такъ: вы, Сергѣй Александрычъ, поѣдете домой и пошлете намъ свою шубу, а мы подождемъ васъ здѣсь...

— Кстати ужъ пошлите и верхнее платье, — просилъ Титъ Приваловъ:—а то все, что на мнѣ,—не мое, антрепренерское.

„Хорошъ гусь...—подумалъ даже Веревкинъ, привыкшій къ всевозможнымъ превратностямъ фортуны.—Нѣтъ, его не нужно выпускать изъ рукъ, а то какъ разъ улизнетъ... Нѣтъ, братику, шалишь, мы тебя не выпустимъ ни за какія коврижки!“

Приваловъ еще разъ взглянулъ на своего братца, походившаго на лакея изъ плохого ресторана, и отправился въ свои номера, гдѣ не былъ ровно двое сутокъ. Въ ожиданіи платья Веревкинъ успѣлъ выспросить у Тита Привалова всю подноготную: изъ пансіона Тидемана онъ бѣжалъ два года назадъ, потому что этотъ швейцарскій профессоръ слишкомъ часто прибѣгалъ къ помощи своей ученой палки; затѣмъ онъ поступилъ акробатомъ въ одинъ странствующій циркъ, съ которымъ путешествовалъ по Европѣ, потомъ служилъ гдѣ-то камердинеромъ, пока счастливая звѣзда не привела его куда-то въ Западный край, гдѣ онъ и поступилъ въ настоящую ярмарочную труппу. Своего платья у него не было, но антрепренеръ былъ такъ добръ, что далъ ему свою шубу доѣхать до Ирбита, а отсюда онъ уже надѣялся какъ-нибудь пробраться въ Узелъ.

— Ну, батенька, можно сказать, что вы прошли хорошую школу...— говорилъ задумчиво Веревкинъ. — Что бы вамъ явиться къ намъ полгодомъ раньше?.. А вы какія роли играли въ театрѣ?

— Неодинаково, больше прислугу и въ водевиляхъ.

— Такъ-съ... гм. Дѣйствительно, вышелъ водевиль: самъ чортъ ничего не разберетъ!..

XIII.

Приваловъ привезъ брата въ Узелъ и отвелъ ему нѣсколько комнатъ въ домѣ, на прежней половинѣ Ляховскихъ. Молодой человѣкъ быстро освоился со своимъ новымъ положеніемъ и нѣсколько времени служилъ предметомъ для городскихъ толковъ и пересудовъ. Многіе видѣли въ немъ жертву братской ненависти, отъ которой онъ чуть-чуть не погибъ, если бы не спасся совершенно случайно. Даже смерть актрисы Колпаковой была вплетена въ эту исторію двухъ братьевъ; эта дѣвушка поплатилась головой за свое слишкомъ близкое знакомство съ наслѣдникомъ приваловскихъ милліоновъ.

Дома Приваловъ нашелъ то же, что и оставилъ. Впрочемъ, онъ и не разсчитывалъ ни на что другое, такъ какъ зналъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что Зося имѣетъ постоянныя свиданія съ Половодовымъ въ домѣ Заплатиной. Титъ Приваловъ явился для Зоси новымъ развлеченіемъ,—

разъ, какъ авантюристъ, и второе, какъ герой узловскаго дня; она возила его по всему городу въ своемъ экипажѣ и безъ конца готова была слушать его разсказы и анекдоты изъ парижской жизни, гдѣ онъ получилъ свое первоначальное воспитаніе, прежде чѣмъ попалъ къ Тидеману. Хіонія Алексѣевна была тоже въ восторгѣ отъ этого забавнаго Titus, который говорилъ по-французски съ настоящимъ парижскимъ прононсомъ и привезъ съ собой громадный выборъ самыхъ пикантныхъ остротъ, каламбуровъ и просто французскихъ словечекъ.

— Да, да.. Что мы живемъ здѣсь, въ этой трущобѣ,—говорила Хіонія Алексѣевна, покачивая головой. — Такъ и умрешь, ничего не видавши. Ахъ, Парижъ, Парижъ... Вотъ куда я желала бы попасть!.. И Александръ Павлычъ то же самое говоритъ, что не умретъ спокойно, если не побываетъ въ Парижѣ.

Дѣла на мельницѣ у Привалова шли порядочно, хотя отсутствіе хозяйскаго глаза было замѣтно во всемъ, несмотря на все усердіе старика Нагибина. Приваловъ съѣздилъ на мельницу, прожилъ тамъ съ недѣлю и вернулся въ Узелъ только по послѣднему зимнему пути. Но и въ Узлѣ и въ Гарчикахъ прежняго Привалова больше не было, а былъ совсѣмъ другой человѣкъ, котораго трудно было узнать: онъ не переставалъ пить послѣ ирбитской ярмарки. Въ Узлѣ онъ всѣ ночи проводилъ въ игорныхъ залахъ Общественнаго клуба, гдѣ началъ играть по крупной въ компаніи Ивана Яковлича. Этотъ послѣдній вернулся съ ярмарки съ пустыми карманами.

— Какъ это васъ угораздило?—спрашивалъ его Приваловъ.

— Да такъ... не выдержалъ характера: нужно было забастовать, а я все добивалъ до сотни тысячъ, ну и продулъ все. Вѣдь разъ совсѣмъ поѣхалъ изъ Ирбита, повезъ съ собою девяносто тысячъ съ лишкомъ, поѣхали меня провожать, да съ первой же станціи и заворотили назадъ... Нарвался на какого-то артиста. Ну, онъ меня и раздѣлъ до послѣдней нитки. Удивительно счастливо играетъ бестія...

Однажды, когда Приваловъ особенно долго засидѣлся въ клубѣ, Иванъ Яковличъ отвелъ его въ сторону и какъ-то смущенно проговорилъ:

— У Кати есть здѣсь мать... бѣдная старуха. Хотѣлъ я съѣздить къ ней, нельзя ли чѣмъ помочь ей, да мнѣ это неловко какъ-то сдѣлать. Вотъ если бы вамъ побывать у нея... Вѣдь вы съ ней видались у Бахаревыхъ?

— Да. Пожалуй, я съѣзжу,—согласился Приваловъ.

— И „Моисей“ просилъ тоже...

— Онъ гдѣ теперь?

— На порукахъ у отца живетъ пока, до суда.

— Хорошо, я это устрою.

Приваловъ даже обрадовался этому предложенію: онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ старушкой Колпаковой, что до сихъ поръ не навѣстилъ ее. Онъ отправился къ ней на другой же день утромъ. Во дворѣ колпаковской развалины его встрѣтилъ старикъ Полуяновъ, привѣтливо улыбнулся и съ лукавымъ подмигиваніемъ сообщилъ;

— А вѣдь мое дѣло на-дняхъ вырѣшится окончательно... Какъ же! Я ужъ говорилъ объ этомъ Павлѣ Ивановичѣ. Вотъ и бумаги...

На сцену опять появился свертокъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, бережно перевязанныхъ розовой ленточкой.

Павла Ивановна даже испугалась, когда въ передней увидѣла высокую фигуру Привалова. Старушка какъ-то разомъ вся съежилась и торопливо начала обдергивать на себѣ старенькое ситцевое платье.

— Не узнали, Павла Ивановна?

— Испугалась, Сергѣй Александрычъ... Какъ ты, голубчикъ, постарѣлъ-то, и лицо-то совсѣмъ не твое стало. Ужъ извини меня, старуху: болтаю, что̀ на умъ взбредетъ.

— А я зашелъ навѣстить васъ, давно не видалъ.

— Охъ, давно, голубчикъ.

Старушка засуетилась со своимъ самоваромъ, разговаривая съ гостемъ изъ-за перегородки.

— Вотъ ужъ сорочины скоро, какъ Катю мою застрѣлили,—заговорила Павла Ивановна, появляясь опять въ комнатѣ.—Панихиды по ней служу, да вотъ собираюсь какъ-нибудь лѣтомъ съѣздить къ ней на могилку поплакать... Какъ жива-то была, сердилась я на нее, а теперь вотъ жаль! Вспомнишь, и горько сдѣлается, поплачешь. А все-таки я благодарю Бога, что Онъ не забылъ ее: прибралъ отъ сраму да отъ позору.

Привалова непріятно поразили эти слова.

— Вы очень строго судите свою дочь,—замѣтилъ онъ.

— Нельзя, голубчикъ, нельзя... Теперь вонъ у Бахаревыхъ какое горе изъ-за моей Кати. А была бы жива, можетъ, еще кому прибавила бы и не такую печаль. Викторъ Васильичъ куда теперь? Охъ-хо-хо. Развѣ этотъ вотъ Веревкинъ выправитъ его ни выправитъ... Марья Степановна и глазыньки всѣ выплакала изъ-за дѣтокъ-то. У меня одна была Катя—одно и горе мое, а погорюй-ка съ каждымъ-то дѣтищемъ...

— А Надежда Васильевна гдѣ теперь?

Павла Ивановна недовѣрчиво посмотрѣла на Привалова прищуренными глазами.

— А развѣ докторъ-то, Борисъ-то Григорьичъ, ничего тебѣ не говорилъ?

— Я его не видалъ ужъ съ мѣсяцъ...

— Надежда Васильевна живетъ теперь въ Узлѣ, ужъ вторая недѣля пошла. Да.

— Какъ въ Узлѣ?

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ ничего не знаешь? Пріѣхала она сюда вмѣстѣ съ этимъ... ну, съ мужемъ, по-нынѣшнему. Боленъ онъ, ну, мужъ-то этотъ.

— Лоскутовъ?

— Ну, онъ, выходитъ. У доктора и живутъ.

— А Марья Степановна знаетъ объ этомъ?

— Знаетъ-то знаетъ, да только слышать ничего не хочетъ...

Старушка махнула рукой и заплакала. Для чужого горя у нея еще были слезы...

— Вѣдь Надежда-то Васильевна была у меня,—разсказывала Павла Ивановна, вытирая глаза.—Какъ же, не забыла старухи... Какъ тогда услыхала о моей-то Катѣ, такъ сейчасъ ко мнѣ пришла. Изъ себя-то постарше выглядитъ, а такая красивая дѣвушка... ну, по-вашему дама. Я еще полюбовалась ею и даже сказала, а она какъ покраснѣетъ вся. Объ отцѣ-то тоскуетъ, говоритъ... Спрашиваетъ, какъ и что̀ у нихъ въ дому. Ну, я все и разсказала. Про тебя тоже спрашивала, какъ живешь, да я ничего не сказала: сама не знаю.

— Про мою жизнь, Павла Ивановна, кажется, всѣ знаютъ—не секретъ... Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

— Охъ, Сереженька, голубчикъ, много болтаютъ, да только вѣрить-то не хочется...

Старушка покачала головой и, взглянувъ на Привалова своими прищуренными глазами, проговорила:

— А ты на меня не разсердишься, голубчикъ?

— Нѣтъ, говорите.

— Не знаю, правду ли болтаютъ: будто ты виномъ этимъ самымъ сталъ заниматься и въ карты играешь... Брось ты, ради Христа, эту всю пакость!

Приваловъ улыбнулся.

— Нѣтъ, Павла Ивановна, мнѣ такъ легче...—проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.—Тяжело мнѣ...

— Охъ, знаю, знаю... Басурманка твоя все мутитъ.

— Нѣтъ, я на жену не жалуюсь: самъ виноватъ...

Они простились. Расчувствовавшаяся старушка даже перекрестила Привалова, а когда онъ намекнулъ ей, зачѣмъ собственно приходилъ, она отрицательно замахала руками и съ грустной улыбкой проговорила:

— Нѣтъ, ничего мнѣ не нужно, голубчикъ... Да и какая необходимость у старухи: Богу на свѣчку — и только. Спасибо на добромъ словѣ, да на томъ, что не забылъ меня. А ты самъ-то попомни лучше мое-то слово...

Она здѣсь, въ Узлѣ — вотъ о чемъ думалъ Приваловъ, когда возвращался отъ Павлы Ивановны. А онъ до сихъ поръ не зналъ объ этомъ!.. Докторъ не показывается и, видимо, избѣгаетъ встрѣчаться съ нимъ. Ну, это его дѣло. Въ Приваловѣ съ страшной силой вспыхнуло желаніе увидать Надежду Васильевну, увидать хотя издали... Узнаетъ она его или нѣтъ? Можетъ-быть, отвернется, какъ отъ пьяницы и картежника, котораго даже Богъ забылъ, какъ выразилась бы Павла Ивановна?

„Умереть...“—мелькнуло въ головѣ Привалова. Да, это было бы хорошо: всѣ расчеты съ жизнью покончить разомъ и разомъ освободиться отъ всѣхъ тяжелыхъ воспоминаній и непріятностей.

Для кого и для чего онъ теперь будетъ жить? Тянуть изо дня въ день, какъ тянутъ другіе, —это слишкомъ скучная вещь, для которой не стоило трудиться. Даже то дѣло, для котораго онъ столько работалъ, теперь какъ-то начинало терять интересъ въ его глазахъ. Онъ припомнилъ ирбитскую ярмарку, гдѣ лицомъ къ лицу видѣлъ ту страшную силу, съ которой хотѣлъ бороться. Его идея въ этомъ стройномъ и могучемъ хорѣ себялюбивыхъ интересовъ, безжалостной эксплуатаціи, организованнаго обмана и какой-то органической подлости жалко терялась, какъ послѣдній крикъ утопающаго.

На слѣдующій день Приваловъ не могъ преодолѣть искушенія и отправился въ ту улицу, гдѣ жилъ докторъ. Онъ сначала хотѣлъ только издали взглянуть на тотъ домъ, гдѣ жила теперь Надежда Васильевна, и сейчасъ же вернуться домой. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь въ окнѣ мелькнетъ знакомое лицо... Отыскать квартиру доктора было не особенно трудно. Онъ жилъ по ту сторону пруда, въ старой Карманной улицѣ, въ небольшомъ новомъ флигелькѣ, выходившемъ на улицу четырьмя окнами. У подъѣзда лежала пестрая собака доктора, которую ему подарила Зося. Приваловъ съ замирающимъ сердцемъ шелъ по деревянному тротуару, не спуская глазъ съ завѣтнаго уголка. Вотъ и подъѣздъ, вотъ въ окнахъ зелеными лапами смотрятся агавы... Не отдавая самому себѣ отчета, Приваловъ позвонилъ и сейчасъ же хотѣлъ убѣжать, но въ этотъ моментъ дверь скрипнула, и послышался знакомый голосъ:

— Кто тамъ?

Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась сама Надежда Васильевна, въ простенькомъ коричневомъ платьѣ, съ сѣрой шалью на плечахъ. Она

мелькомъ взглянула на Привалова и только хотѣла сказать, что доктора нѣтъ дома, какъ остановилась и, съ улыбкой протягивая руку, проговорила:

— Сергѣй Александрычъ... Вотъ пріятная неожиданность! А докторъ говоритъ, что вы послѣ ярмарки прямо уѣхали на свою мельницу.

— Да, я былъ тамъ и только недавно вернулся.

— Какъ я рада видѣть васъ...—торопливо говорила Надежда Васильевна, пока Приваловъ раздѣвался въ передней. — Максимъ ужъ нѣсколько разъ спрашивалъ о васъ... Мы пока остановились у доктора. Думали прожить нѣсколько дней, а теперь ужъ идетъ вторая недѣля. Вотъ сюда, Сергѣй Александрычъ.

Въ маленькой гостиной Привалову показалось хорошо, какъ въ раю. На Надежду Васильевну онъ боялся взглянуть, точно отъ одного этого взгляда могло разсѣяться все обаяніе этой встрѣчи.

— А вѣдь какъ давно мы не видались съ вами, — говорила Надежда Васильевна, усаживая гостя на ближайшее кресло.

Она показалась Привалову и выше и полнѣе. Но лицо оставалось такимъ же, съ оттѣнкомъ той строгой красоты, которая смягчалась только бахаревской улыбкой. Сѣрые глаза смотрѣли мягче и немного грустно, точно въ ихъ глубинѣ залегла какая-то тѣнь. Держала она себя попрежнему просто, по-дружески, съ той откровенностью, какая обезоруживаетъ всякій дурной помыселъ, всякое дурное желаніе.

Надежда Васильевна въ нѣсколько минутъ успѣла разсказать о своей жизни на пріискахъ, гдѣ ей было такъ хорошо, хотя иногда начинало неудержимо тянуть въ городъ, къ роднымъ. Она могла бы назвать себя совсѣмъ счастливой, если бы не здоровье Максима, которое ее очень безпокоитъ, хотя докторъ, какъ всѣ доктора, старается убѣдить ее въ полной безопасности. Потомъ она разсказывала о своихъ отношеніяхъ къ отцу и матери, о Костѣ, который по послѣднему зимнему пути отправился въ Восточную Сибирь, на заводы.

— Вы развѣ не видали Костю предъ отъѣздомъ?—спрашивала Надежда Васильевна.

— Нѣтъ... Да намъ тяжело было бы встрѣтиться еще разъ,—откровенно признавался Приваловъ. — Насъ отчасти связывали только заводы, а теперь порвалась и эта послѣдняя связь.

Чтобы замять этотъ непріятный разговоръ, Надежда Васильевна стала разспрашивать Привалова о его мельницѣ и хлѣбной торговлѣ. Ее такъ интересовало это предпріятіе, хотя отъ Кости о немъ она ничего никогда не могла узнать: вѣдь онъ съ самаго начала былъ противъ мельницы, какъ и отецъ. Приваловъ одушевился и подробно разсказалъ все, что было имъ сдѣлано и какіе успѣхи были получены; онъ не скрывалъ отъ Надежды Васильевны тѣхъ неудачъ и разочарованій, какія выступали по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ дѣломъ.

— Могу пожалѣть только объ одномъ, что докторъ раньше почему-то не хотѣлъ сказать, что вы здѣсь,—проговорила Надежда Васильевна.—Вѣдь не могъ же онъ не знать этого, когда бываетъ въ вашемъ домѣ каждый день... Мы на-дняхъ, вѣроятно, уѣзжаемъ отсюда.

— Я вамъ объясню, Надежда Васильевна, почему докторъ скрывалъ отъ васъ мое появленіе здѣсь,—заговорилъ Приваловъ, опуская глаза:—онъ боялся, что я могу явиться къ вамъ не совсѣмъ въ приличномъ видѣ... Докторъ такъ добръ, что хотѣлъ, хотя на время, скрыть мои недостатки отъ васъ.

— Сергѣй Александрычъ, вы говорите такія страшныя вещи... — смущенно заговорила Надежда Васильевна, дѣлая большіе глаза.

Она съ какимъ-то страхомъ взглянула на Привалова, который теперь упорно и какъ-то болѣзненно-пристально смотрѣлъ на нее. Въ этомъ добромъ, характерномъ лицѣ стояло столько муки и затаеннаго горя.

— Это длинная исторія, Надежда Васильевна... Если хотите, я могу вамъ разсказать, какъ дошелъ до своего настоящаго положенія

Привалова вдругъ охватило страстное желаніе разсказать,—пѣть, исповѣдаться ей во всемъ, никому больше, а только ей одной. Всѣ другіе могли видѣть одну только внѣшность, а ей онъ откроетъ свою душу; пусть она казнитъ его своимъ презрѣніемъ. Сейчасъ и здѣсь же. Ему будетъ легче...

— Когда я шелъ сюда, я не думалъ, что увижу васъ, — глухо заговорилъ Приваловъ, опять опуская глаза.—Я даже боялся этой встрѣчи, хотя и желалъ ея... Скажу больше: когда я шелъ сюда, я думалъ о смерти, о своей смерти. Какъ хорошо во-время умереть, Надежда Васильевна, и какъ тяжело сознавать, что еще молодъ, силенъ и не можешь разсчитывать на этотъ спасительный исходъ. На мысль о смерти меня навела трагическая исторія Кати Колпаковой... Она умерла на моихъ глазахъ, и я позавидовалъ ей, когда увидѣлъ ее мертвой. Это была замѣчательно красивая дѣвушка, а мертвая была просто идеально хороша.

Въ своей исповѣди Приваловъ разсказалъ все, что произошло съ нимъ послѣ роковой сцены въ саду, кончая ирбитской ярмаркой и своимъ визитомъ къ Павлѣ Ивановнѣ. Онъ очертилъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой сложной исторіи, свою домашнюю обстановку и свое постепенное паденіе, быстрое по внѣшности, но вполнѣ послѣдовательное по внутреннему содержанію. Прослѣдить такое паденіе въ самомъ себѣ крайне трудно, т.-е. отдѣльныя его ступени, какъ трудно опредѣлить высоту горы при спускѣ съ нея. Недостаетъ глазомѣра, той перспективы, которая давала бы возможность сравненія. Мысль болтается въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что ухватиться.

— Вы простите меня за то, что я слишкомъ много говорю о самомъ себѣ,—говорилъ Приваловъ, останавливаясь.—Никому и ничего я и не говорилъ до сихъ поръ и не скажу больше... Мнѣ случалось встрѣчать много очень маленькихъ людей, которые вѣчно ко всѣмъ пристаютъ со своимъ „я“— это очень скучная и глупая исторія. Но вы выслушайте меня до конца: мнѣ слишкомъ тяжело, больше чѣмъ тяжело.

Возбужденное состояніе Привалова передалось ей, и она чувствовала, какъ холодѣетъ вся. Нѣсколько разъ она хотѣла подняться съ мѣста и убѣжать, но какая-то сила удерживала ее, и она опять желала выслушать всю эту исповѣдь до конца, хотя именно на это не имѣла никакого права. Зачѣмъ онъ разсказывалъ все это именно ей и зачѣмъ именно въ такой формѣ?

— Вы обратите вниманіе на отсутствіе послѣдовательности въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ,—говорилъ Приваловъ.—Все идетъ скачками... Цѣлое приходится возстановлять по разрозненнымъ звеньямъ и обрывкамъ. Я часто думалъ объ этой непослѣдовательности, которую сознавалъ и которая такъ давила меня... Но, чтобы понять этого человѣка, нужно взять его въ цѣломъ, не съ однимъ только его личнымъ прошедшимъ, а со всей совокупностью унаслѣдованныхъ имъ особенностей и характерныхъ признаковъ, которые гнѣздятся въ его крови. Вотъ, если разсматривать съ этой точки зрѣнія всѣ тѣ факты, о которыхъ я сейчасъ разсказываю, тогда вся картина освѣщается вполнѣ... Предъ вами во весь ростъ встаетъ типичный представитель выро-

дившейся семьи, котораго не могутъ спасти самыя лучшія стремленія. Именно съ этой точки зрѣнія смотритъ на меня докторъ, если я не ошибаюсь.

Дальше Привaловъ разсказывалъ о томъ, какъ колебалась его вѣра даже въ собственную идею и въ свое дѣло. Если его личная жизнь не сложилась, то онъ могъ бы найти нѣкоторый суррогатъ счастья въ выполненіи своей идеи. Но для него и этотъ выходъ дѣлался сомнительнымъ.

— Я не согласна съ вами въ этомъ случаѣ,—заговорила Надежда Васильевна.—Вы смотрите теперь на все слишкомъ пристрастно...

Надежда Васильевна заговорила на эту тему, глаза у нея блестѣли, а на лицѣ выступилъ яркій румянецъ. Она старалась убѣдить Привалова, что онъ напрасно отчаивается въ успѣхѣ своей идеи, и даже повторила тѣ его мысли, которыя онъ когда-то высказывалъ еще въ Шатровскомъ заводѣ. Привaловъ слушалъ эту горячую, прочувствованную рѣчь со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и тяжелаго уныпія. Въ Надеждѣ Васильевнѣ теперь говорила практическая отцовская жилка, и вмѣстѣ съ тѣмъ она увлекалась грандіозной картиной неравной, отчаянной борьбы съ подавляющимъ своимъ численнымъ составомъ и средствами непріятелемъ. Именно такая борьба была полна смысла, и для нея стоило жить на свѣтѣ. Стыдно и позорно опускать руки именно въ тотъ моментъ, когда дѣло уже поставлено и остается только его развивать.

— Признаться сказать, я гораздо больше ожидала отъ васъ, Сергѣй Александрычъ,— кончила она.

Въ исповѣди Привалова чего-то недоставало, чувствовался замѣтный пробѣлъ,—Надежда Васильевна это понимала, но не рѣшалась поставить вопросъ прямо. У Привалова уже вертѣлось на языкѣ роковое признаніе въ своей погибшей, никому неизвѣстной любви, но онъ преодолѣлъ себя и удержался.

— А вотъ и Максимъ...—проговорила Надежда Васильевна, указывая головой на окно...

По деревянному тротуару, дѣйствительно, шелъ Лоскутовъ. Привaловъ не узналъ его въ первую минуту, хотя по внѣшности онъ мало измѣнился. Въ этой характерной фигурѣ теперь сказывалось какое-то глубокое душевное перерожденіе; это было замѣтно по разсѣянному выраженію лица и особенно по глазамъ, потерявшимъ свою магически-притягательную силу. Привалова Лоскутовъ узналъ не вдругъ и долго пристально всматривался въ него, пока проговорилъ:

— Да, да... теперь вспомнилъ! Привaловъ, Сергѣй Александрычъ.

„У этого тоже недостаетъ какого-то винтика въ головѣ“,—подумалъ Привaловъ, припоминая слова покойнаго Ляховскаго.

Они разговорились принужденнымъ разговоромъ чужихъ людей. Надеждѣ Васильевнѣ было вдвойнѣ тяжело оставаться свидѣтельницей этой натянутой бесѣды: одного она слишкомъ любила, а другого жалѣла. У нея готовы были навернуться слезы на глазахъ при одной мысли, что еще такъ недавно эти люди были полны жизни и энергіи.

Привaловъ началъ прощаться. Лоскутовъ машинально протянулъ ему руку и остался въ своемъ креслѣ съ такимъ лицомъ, точно напрасно старался что-то припомнить.

— Я буду васъ ждать, — говорила Надежда Васильевна, когда провожала Привалова въ переднюю.—Мы еще о многомъ переговоримъ съ вами... Да? Видѣли, въ какомъ положеніи бѣдный Максимъ... У него какое-то му-

дное нервное разстройство, и я часто сама не узнаю его; совсѣмъ другой человѣкъ.

— Давно это съ нимъ?

— Съ середины зимы... Сначала жаловался на головныя боли, потомъ появилась какая-то слабость, апатія, галлюцинаціи. Докторъ лѣчитъ его электричествомъ... Такъ я буду надѣяться, что вы не позабудете насъ.

XIV.

Дѣло Виктора Васильича, по убійству артистки Колпаковой, должно было разбираться въ лѣтнюю сессію узловскаго окружнаго суда. Защитникомъ былъ Nicolas Веревкинъ. Весной, пока Викторъ Васильичъ жилъ на рукахъ у отца, Веревкинъ бывалъ въ старомъ бахаревскомъ домѣ почти каждый день. Сначала его встрѣтили тамъ очень сухо, а старый Лука фукалъ на него, какъ старый котъ. Самъ Василій Назарычъ отнесся къ Веревкину немного подозрительно и съ оттѣнкомъ легкой ироніи. Зато Марья Степановна приняла „Витенькина защитника“ съ распростертыми объятіями и не знала, какимъ вареньемъ его угощать. Но въ теченіе какого-нибудь мѣсяца Веревкинъ сдѣлался почти своимъ человѣкомъ въ бахаревскомъ домѣ, и прежде всѣхъ сдался на капитуляцію старый Лука. Веревкинъ не проходилъ по бахаревской передней безъ того, чтобы не кинуть старику какую-нибудь колючую шуточку вмѣстѣ съ краснымъ словечкомъ. Лукѣ перепадали кредитки, а извѣстно, что человѣческое сердце не камень.

Дѣйствительно, познакомившись съ Веревкинымъ ближе, Василій Назарычъ скоро оцѣнилъ эту широкую натуру и даже привыкъ къ нему. Притомъ Веревкинъ зналъ до тонкостей все дѣло по приваловской опекѣ, и старикъ могъ говорить съ нимъ о Шатровскихъ заводахъ, сколько душѣ угодно. Крѣпокъ былъ старикъ Бахаревъ на новыя знакомства вообще, а противъ фамиліи Веревкиныхъ былъ даже предубѣжденъ, считая ихъ самыми вздорными дворянскими выродками; но къ Nicolas Веревкину сколько онъ ни присматривался—отличный парень выходилъ, какъ его ни поверни. Да и услуга-мужикъ; только еще Василій Назарычъ успѣетъ о чемъ заикнуться, онъ ужъ готовъ. И не то, чтобы выслуживался или заискивалъ передъ богатымъ мужикомъ, какъ это дѣлаютъ другіе, нѣтъ, ужъ натура у этого Веревкина была такая. Разъ, чтобы отблагодарить Веревкина за какія-то хлопоты, Василій Назарычъ пригласилъ его обѣдать. Противъ такой короткости Марья Степановна сильно возстала и не хотѣла выходить сама къ обѣду и Вѣрочку не хотѣла показывать.

— Ужъ больно про него много нехорошаго говорятъ: и пьяница-то, и картежникъ, и обирало,—говорила Марья Степановна, защищая свой семейный очагъ отъ вторженія иноплеменныхъ.—Конечно, Витю онъ защищаетъ, такъ ужъ я его всячески ублаготворю... Только это все другое, а не обѣдъ.

— Ну, матушка, трудно нынче людей разбирать, особенно по чужимъ-то разговорамъ. А мнѣ Николай Иванычъ тѣмъ поглянулся, что простой онъ человѣкъ... Да. Не съѣстъ насъ...

— Можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не такой, какъ говорятъ,—соглашалась Марья Степановна.—Какъ-то не примѣниться совсѣмъ...

— Вотъ то-то и есть: стары мы съ тобой стали, Марья Степановна,— грустно проговорилъ Василій Назарычъ. —А Николай Иванычъ все-таки будетъ обѣдать...

Для Марьи Степановны обѣды и ужины всегда являлись чѣмъ-то осо-

бенно важнымъ, и въ ея умѣ около накрытаго стола сгруппировывалась масса разныхъ примѣтъ и повѣрій. Вѣрочка раздѣляла всѣ воззрѣнія матери и съ ужасомъ думала объ обѣдѣ, на которомъ будетъ присутствовать Веревкинъ, этотъ сорви-голова изъ „Витенькиныхъ пріятелей“. Лука и Досиѳея тоже съ немалымъ страхомъ ждали рокового обѣда. Но, какъ это иногда случается, обѣдъ прошелъ самымъ обыкновеннымъ образомъ, почти незамѣтно. Веревкинъ все время велъ съ Василіемъ Назарычемъ серьезный разговоръ и вообще держалъ себя съ большимъ тактомъ; Марьѣ Степановнѣ онъ понравился тѣмъ, что зналъ толкъ въ кушаньяхъ и оцѣнилъ по достоинствамъ каждое. Это польстило старухѣ, и она даже залюбовалась, съ какимъ завиднымъ аппетитомъ Николай Ивановичъ смаковалъ произведенія Досиѳеи. На Вѣрочку, рдѣвшую за столомъ, какъ маковъ цвѣтъ, Веревкинъ даже не взглянулъ ни одного лишняго раза.

Въ концѣ зимы Василій Назарычъ уѣхалъ на свои пріиски, и въ бахаревскомъ домѣ наступила особенно тяжелая пустота: не было Надежды Васильевны, не было Кости, Викторъ Васильевичъ притихъ,—вообще, царило очень невеселое настроеніе. Процессъ Виктора Васильевича приближался, и Веревкинъ время отъ времени привозилъ какихъ-то свидѣтелей и все допрашивалъ Виктора Васильича. Разъ, когда Веревкинъ хотѣлъ ѣхать домой, Викторъ Васильевичъ остановилъ его:

— Ты куда это? Пойдемъ къ маменькѣ, она давно хочетъ сразиться съ тобой въ картишки... Старухи теперь въ преферансъ играютъ съ Вѣрочкой. Ну же, пойдемъ...

Веревкинъ немного смутился, но, если желаетъ Марья Степановна, онъ ничего не имѣетъ противъ преферанса.

— Она уже нѣсколько разъ просила меня привести тебя.—вралъ Викторъ Васильичъ, которому хотѣлось устроить маленькое домашнее представленіе и вспугнуть старухъ.

Понятно, какой переполохъ произвело неожиданное появленіе Веревкина во внутреннихъ покояхъ самой Марьи Степановны, которая даже поблѣднѣла отъ страха и посадила Вѣрочку рядомъ съ собой, точно насѣдка, которая прячетъ отъ ястреба своего цыпленка подъ крыломъ. У Павлы Ивановны сыпались карты изъ рукъ, — самый скверный признакъ, какъ это извѣстно всѣмъ игрокамъ.

— Вотъ, мама, я привелъ къ тебѣ Николая Иваныча, съ которымъ ты хотѣла сразиться въ преферансъ,—рекомендовалъ Викторъ Васильичъ своего друга.—Онъ отлично играетъ...

Старухи поломались, а потомъ сѣли за карты. Викторъ Васильичъ примостился-было къ нимъ, но скоро былъ изгнанъ съ позоромъ, потому что имѣлъ скверную привычку воровать взятки. Въ теченіе какого-нибудь получаса игра загорѣлась, и Веревкинъ совсѣмъ обворожилъ старухъ, такъ что сама степенная Марья Степановна едва сдерживала смѣхъ, когда Николай Иванычъ только открывалъ ротъ. Эта интересная игра собрала въ коридорѣ „цѣлую публику“: въ замочную скважину попеременно смотрѣли Лука, Досиѳея и Вѣрочка. „Сама играла съ аблакатомъ“—это что-нибудь значило!

— Да не оказія ли...—удивлялся Лука, хлопая себя по ляжкамъ.—Совсѣмъ обошелъ старухъ-то, прахъ его побери!..

Игра продолжалась часа три, такъ что Марья Степановна даже испугалась когда взглянула на часы.

— Ужо, какъ-нибудь въ другой разъ доиграемъ, — проговорила она, поднимаясь изъ-за стола.

Марья Степановна сейчасъ же спохватилась, но глупое слово вылетѣло— не поймаешь.

— Тьфу ты, грѣховодникъ! — отплевывалась Марья Степановна, когда Веревкинъ ушелъ. И зачѣмъ это я сболтнула про другой разъ?..

— А онъ, право, ничего...—добродушно заявляла Павла Ивановна.

— Какой онъ смѣшной...—вставила свое слово Вѣрочка.

— Не твое дѣло!—строго оборвала Марья Степановна.—Развѣ дѣвичье дѣло мужчинъ-то разбирать?.. Всѣ они подъ одну стать.

Такимъ образомъ Веревкинъ проникъ до гостиной Марьи Степановны, гдѣ частенько составлялись самые веселые преферансы, доставлявшіе старушкамъ большое удовольствіе. Онъ являлся какъ-то случайно и всегда умѣлъ уѣзжать во-время. Когда Веревкина не было дня три, старушки начинали скучать и даже ссорились за картами.

Дѣло Виктора Васильича приближалось къ развязкѣ; оно было назначено въ майскую сессію. Веревкинъ употребилъ все, что отъ него зависѣло, чтобы обставить дѣло настоящимъ образомъ. Въ день суда, когда Веревкинъ повезъ Виктора Васильича на скамью подсудимыхъ, Марья Степановна горько заплакала, нѣсколько разъ благословляла сына и даже перекрестила самого Николая Иваныча.

— Богъ не безъ милости, Марья Степановна,—утѣшалъ Веревкинъ плакавшую старуху.

Марья Степановна только махнула рукой. Досиѳея тоже долго крестила широкимъ раскольничьимъ крестомъ уѣзжавшихъ, а Лука собственной особой отправился въ судъ.

Зала узловскаго окружнаго суда была биткомъ-набита самой избранной публикой, всегда жадной до интересныхъ процессовъ на пикантной подкладкѣ. Весь узловскій бомондъ и купечество съ замирающимъ сердцемъ встрѣтили Виктора Васильича, когда онъ вошелъ на „подсудимую скамью“, какъ выражался Лука. Въ качествѣ свидѣтелей фигурировали все свои люди, и въ числѣ другихъ братья Приваловы, которые еще разъ привлекли на себя общее вниманіе. Веревкинъ особенно былъ озабоченъ составомъ присяжныхъ засѣдателей и боялся, какъ огня, чтобы не попали чиновники: они не пощадили бы, а вотъ купцы да мужички—совсѣмъ другое дѣло, особенно послѣдніе.

Пока шелъ допросъ свидѣтелей и говорилъ свою казенную рѣчь прокуроръ, публика оставалась равнодушной, дожидаясь защиты. Веревкинъ не обманулъ ожиданій и, дѣйствительно, сказалъ блестящую рѣчь, въ которой со своимъ неизмѣннымъ остроуміемъ разбилъ основныя положенія обвиненія, по ниточкѣ разобралъ свидѣтельскія показанія и мастерски, смѣлой рукой набросалъ нравственную физіономію своего кліента. Это была нервная, впечатлительная, порывистая натура, богатая природными дарованіями, но лишенная правильной шлифовки. Довѣрчивый и простодушный, полный юношескихъ силъ, молодой Бахаревъ встрѣчается съ опытной куртизанкой Колпаковой, которая за-разъ умѣла вести нѣсколько любовныхъ интригъ; понятно, что произошло отъ такой встрѣчи; довѣрчивый пылкій юноша не могъ перенести раскрывшейся передъ нимъ картины позорнаго разврата и въ минуту крайняго возбужденія, самъ не отдавая себѣ отчета, сдѣлалъ роковой выстрѣлъ. Веревкинъ съ замѣчательнымъ искусствомъ разобралъ всѣ послѣдовательныя стадіи этой любви и на каждомъ шагу, рядомъ свидѣтельскихъ показаній, выяснялъ характерныя роли главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

— Я не выставляю подсудимаго какимъ-то идеальнымъ человѣкомъ,— говорилъ Веревкинъ.—Нѣтъ, это самый обыкновенный смертный, не чуждый

общихъ слабостей... Но онъ попалъ въ скверную исторію, которая походила на игру кошки съ мышкой. Будь на мѣстѣ Колпаковой другая женщина, тогда Бахаревъ не сидѣлъ бы на скамьѣ подсудимыхъ! Вотъ главная мысль, которая должна лечь въ основаніе вердикта присяжныхъ. Законъ караетъ злую волю и безповоротную испорченность, а здѣсь мы имѣемъ дѣло съ несчастнымъ случаемъ, отъ котораго никто не застрахованъ.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на публику и присяжныхъ. Послѣднее слово подсудимаго, который откровенно разсказалъ весь ходъ дѣла, рѣшило его участь: присяжные вынесли оправдательный вердиктъ.

Когда публика начала поздравлять Виктора Васильича и Веревкина, Приваловъ отвелъ послѣдняго въ сторону и сказалъ:

— Зачѣмъ вы такъ забросали грязью Катерину Ивановну?

— Э, батенька, что̀ подѣлаешь: ее не вернуть, а „Моисея“ нужно было выправить, — добродушно отвѣтилъ Веревкинъ и прибавилъ какимъ-то смущеннымъ тономъ: — а я вотъ что̀ скажу вамъ, голубчикъ... Сегодня я лѣзъ изъ кожи больше для себя, чѣмъ для „Моисея“.

— Именно?

— Въ сѣмена хочу пойти...

— Ничего не понимаю!

— Женюсь, батенька... Ужъ предложеніе сдѣлалъ Вѣрѣ Васильевнѣ и съ Марьей Степановной переговорилъ. Старуха обѣщала, если выправлю „Моисея“... Теперь дѣло за Васильемъ Назарычемъ. Надоѣло болтаться. Пора быть бычку на веревочкѣ. Оно и необходимо, ежели разобрать... Только вотъ побаиваюсь старика, какъ бы онъ не заворотилъ мнѣ оглобли.

Приваловъ отъ души пожелалъ счастья своему бывшему повѣренному и Вѣрочкѣ. Это зарождавшееся молодое счастье отозвалось въ его душѣ глухой болью.

XV.

Здоровье Лоскутова не поправлялось, а напротивъ — дѣлалось хуже. Вмѣстѣ съ весной открывались работы на пріискахъ, но Лоскутову нечего было и думать самому ѣхать туда: при помощи Веревкина былъ пріисканъ подходящій арендаторъ, которому пріиски были сданы на годъ. Лоскутовы продолжали оставаться въ Узлѣ.

— Для Максима необходима спокойная жизнь и тихія развлеченія... какъ это вамъ сказать... Однимъ словомъ, чисто-деревенскія, — объяснялъ докторъ Надеждѣ Васильевнѣ. — Покой, хорошее питаніе, прогулки, умѣренная физическая работа — вотъ что̀ ему необходимо, вмѣстѣ съ деревенскимъ воздухомъ и подходящимъ обществомъ.

— Куда же намъ ѣхать, Борисъ Григорьичъ?

— Я думалъ объ этомъ, Надежда Васильевна, и пришелъ къ тому убѣжденію, что самое лучшее будетъ вамъ отправиться въ Гарчики, на мельницу. У Привалова тамъ есть хорошенькій флигелекъ, въ которомъ вы отлично можете провести лѣто. Если хотите, я переговорю съ Сергѣемъ Александрычемъ.

— Позвольте, докторъ, мнѣ немного подумать... — уклончиво отвѣтила Надежда Васильевна.

Собственно ей давно хотѣлось куда-нибудь подальше уѣхать изъ Узла, гдѣ постоянно приходилось наталкиваться на тяжелыя воспоминанія, но, когда докторъ заговорилъ о приваловской мельницѣ, Надеждѣ Васильевнѣ почему-то не хотѣлось воспользоваться этимъ предложеніемъ, хотя она ни на

мгновеніе не сомнѣвалась въ томъ, что Приваловъ съ удовольствіемъ уступитъ имъ свой флигелекъ. Почему ей не хотѣлось ѣхать въ Гарчики — Надежда Васильевна сама не могла дать себѣ обстоятельнаго отвѣта, а просто у нея, какъ говорится, не лежала душа къ мельницѣ. Приваловъ бывалъ у нихъ довольно часто, при постороннихъ молчалъ, а когда оставался одинъ съ Надеждой Васильевной, начиналъ говорить съ полной откровенностью, какъ съ сестрой. Эту неровность Надежда Васильевна объясняла ненормальной жизнью Привалова, который попрежнему проводилъ ночи въ клубѣ, въ самомъ сомнительномъ обществѣ, и раза два являлся къ Лоскутовымъ сильно навеселѣ. Послѣднее обстоятельство особенно сильно огорчало Надежду Васильевну, и разъ она серьезно спросила Привалова:

— Развѣ такъ трудно разстаться съ этой дурной привычкой? Вѣдь вы можете не пить, какъ раньше...

Приваловъ поднялъ глаза на Надежду Васильевну, нѣсколько времени молчалъ, а потомъ проговорилъ:

— Къ чему? Мнѣ это доставляетъ удовольствіе, я забываюсь на время...

— А если я васъ объ этомъ буду просить, Сергѣй Александрычъ? Если вы не хотите удержаться для себя, то сдѣлайте это для меня...

— Вы это серьезно говорите?

— Да.

— Хорошо... Только трезвый я не могу говорить съ вами по душѣ, откровенно, а теперь это для меня единственное спасеніе. Я часто упрекаю себя за свою болтовню, но мнѣ такъ тяжело...

Надежда Васильевна отъ души жалѣла Привалова и не умѣла ему ничѣмъ помочь. Она часто думала объ этомъ странномъ, непонятномъ человѣкѣ и нерѣдко приходила къ самымъ противоположнымъ выводамъ. Несомнѣннымъ было только то, что Приваловъ, несмотря на всѣ свои недостатки и ошибки, оставался честной и прямой натурой. Странно, что чистосердечная исповѣдь Привалова не произвела на нее отталкивающаго дурного впечатлѣнія; напротивъ, Надежда Васильевна убѣдилась только въ томъ, что Приваловъ являлся жертвой своихъ приваловскихъ милліоновъ, ради которыхъ около него постоянно ютились подозрительные люди, въ родѣ Ляховскаго, Половодова, Веревкина и т. д. Что Приваловъ женился на Зосѣ — это тоже было понятно, какъ понятно и то, почему Зося вышла замужъ именно за него. Но чего Надежда Васильевна никакъ не могла понять, такъ это отношеній Привалова къ Половодовой, этой пустой свѣтской барынѣ, кромѣ своей красивой внѣшности не имѣвшей за собой рѣшительно ничего. Тутъ чувствовался какой-то пробѣлъ, чувствовалось что-то недоговоренное, чего не хотѣлъ или не умѣлъ досказать самъ Приваловъ.

Если раньше въ Приваловѣ Надежда Васильевна видѣла „жениха“, котораго поэтому именно и не любила, то теперь она, напротивъ, особенно интересовалась имъ, его внутренней жизнью, даже его ошибками, въ которыхъ обрисовывался оригинальный типъ. Такой именно человѣкъ могъ любить и сдѣлать жизнь полной. Зосю Надежда Васильевна не обвиняла, но на ея мѣстѣ никогда не довела бы Привалова до его настоящаго положенія. Ей рисовался другой Приваловъ, тотъ хорошій Приваловъ, котораго она хотѣла видѣть въ немъ. Недаромъ отецъ такъ привязанъ къ этой фамиліи... Были такіе моменты, когда Надежда Васильевна настолько увлекалась своими мыслями, что необыкновенно живо воспроизводила передъ собой широкую картину осуществившихся приваловскихъ плановъ, дѣятельной участницей и исполнительницей которыхъ была она сама. Она видѣла эту приваловскую

мельницу въ Гарчикахъ, тысячи подводъ съ хлѣбомъ, которыя стягивались къ ней со всѣхъ сторонъ, организованную на широкихъ началахъ хлѣбную торговлю и т. д. Этой жизнью можно было жить, и она дала бы здоровое, трудовое счастье.

Для этихъ мыслей у Надежды Васильевны теперь оставалось много свободнаго времени: болѣзнь мужа оторвала ее даже отъ того мірка, съ которымъ она успѣла сжиться на пріискахъ. А теперь, живя въ городѣ, она не знала, куда ей дѣваться со своими досугами, и иногда сильно скучала. Докторъ цѣлые дни проводилъ на практикѣ, такъ что дома его можно было видѣть только мелькомъ. Другихъ знакомыхъ не было, поэтому посѣщенія Привалова вносили въ эту однообразную жизнь освѣжающій элементъ. Лоскутовъ попрежнему чувствовалъ себя нехорошо, хотя опредѣленной болѣзни доктора не находили въ немъ.

— У меня точно дѣлается темно въ головѣ, — говорилъ иногда Лоскутовъ женѣ: — самое страшное ощущеніе... Иногда опять все кругомъ дѣлается необыкновенно ясно: именно основой всего является число, извѣстный механическій ритмъ, изъ котораго, какъ звуки изъ отдѣльныхъ колебаній воздушной волны, развивается весь остальной міръ. Я такъ отчетливо представляю себѣ картину, что могъ бы изложить ее при помощи математическихъ формулъ или, еще лучше, музыкальными аккордами. Говорю серьезно... Вѣдь міръ — это строго-гармоническое цѣлое съ числовымъ основаніемъ, и ничто такъ не передаетъ гармоническія сочетанія, какъ музыка. Можно положить на ноты шумъ вѣтра, стукъ экипажа, движеніе машины, шаги человѣка!

Разъ ночью Лоскутовъ сильно испугалъ жену: онъ ее разбудилъ и тихо прошепталъ:

— Я сейчасъ видѣлъ все...

— Какъ все?

— Рѣшительно все.. О, какъ много я видѣлъ! Мнѣ было что-то въ родѣ откровенія, надъ чѣмъ бьются милліоны человѣческихъ головъ самыхъ геніальнѣйшихъ и чего никогда не разгадаютъ,—я понялъ *это* сразу. Знаешь, я видѣлъ всѣхъ людей счастливыми... Нѣтъ ни богатыхъ ни бѣдныхъ, ни больныхъ ни здоровыхъ, ни сильныхъ ни слабыхъ, ни умныхъ ни глупыхъ, ни злыхъ ни добрыхъ: вездѣ счастье... И какъ просто все!.. Можно только удивляться, какъ это раньше никому не пришло въ голову, то-есть оно и приходило, можетъ-быть, но глохло или искажалось. Видишь ли, въ чемъ дѣло: если внѣшній міръ движется одной безсознательной волей, получившей свое конечное выраженіе въ ритмѣ и числѣ, то неизмѣримо обширнѣйшій внутренній міръ основанъ тоже на гармоническомъ началѣ, но гораздо болѣе тонкомъ, ускользающемъ отъ мѣры и числа — это начало духовной субстанціи. Люди въ общеніи другъ съ другомъ постоянно представляютъ дисгармонію, точно такъ же, какъ въ музыкѣ. Вотъ, чтобы уничтожить эту дисгармонію, нужно создать абсолютную субстанцію всеобщаго духа, въ которомъ примирятся всѣ остальныя, слившись въ безконечно продолжающееся и безконечно разнообразное гармоническое соединеніе, изъ себя самого исходящее и въ себя возвращающееся.

Дальше Лоскутовъ очень подробно развивалъ мысль, что необходимо, на основаніи абсолютной субстанціи духа, создать новую вселенскую религію, въ которой примирятся всѣ народы и всѣ племена. Даже съ практической стороны онъ не видитъ препятствія; необходимо отправиться въ Среднюю Азію, эту колыбель религіозныхъ движеній, очистить себя долгимъ искусомъ, чтобы окончательно отрѣшиться отъ отягощающихъ наше тѣло чисто-плот-

скихъ помысловъ, и тогда вполнѣ возможно подняться до созерцанія абсолютной идеи, управляющей нашимъ духовнымъ міромъ.

Надежда Васильевна съ ужасомъ слушала этотъ сумасшедшій бредъ и сама начинала чувствовать, что недалека отъ сумасшествія. Галлюцинаціи мужа передавались ей: это былъ первый шагъ къ сумасшествію. Она не знала, что ей дѣлать и какъ отнестись къ этимъ галлюцинаціямъ мужа, которыя стали повторяться. Когда она разсказала все доктору, онъ внимательно ее выслушалъ и задумчиво проговорилъ:

— Плохо... очень плохо...

— Что же дѣлать, докторъ?

— Нужно подождать, пока болѣзнь окончательно опредѣлится.

Приваловъ сдержалъ свое слово и пересталъ пить, но былъ такой задумчивый и печальный, что Надеждѣ Васильевнѣ тяжело было на него смотрѣть. Трезвый онъ дѣйствительно почти совсѣмъ не разговаривалъ, т.-е. ничего не разсказывалъ о себѣ и точно стыдился, что позволилъ себѣ такъ откровенно высказаться передъ Надеждой Васильевной... Такимъ образомъ ей разомъ пришлось ухаживать за двумя больными, что дѣлало ея собственное положеніе почти невыносимымъ. Разъ она попробовала предложить очень энергическую мѣру Привалову:

— Я вижу, Сергѣй Александрычъ, что вамъ трудно перемѣнить прежній образъ жизни, хотя вы стараетесь сдержать данное слово. Только не обижайтесь, я вамъ предложу маленькій компромиссъ: пейте здѣсь... Я вамъ не буду давать больше того, чѣмъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ... никогда. Да я ужъ совсѣмъ почти отвыкъ, а если навожу на васъ тоску своимъ присутствіемъ, такъ это совсѣмъ ужъ не отъ того. Вы меня просто гоните, когда надоѣмъ вамъ...

Надежда Васильевна сейчасъ же раскаялась въ своемъ необдуманномъ предложеніи, которымъ Приваловъ, видимо, обидѣлся. Раньше онъ никогда не обижался на нее, хотя она высказывала ему вещи гораздо обиднѣе. Въ свою очередь, Надежда Васильевна тоже была недовольна Приваловымъ: она ему желала только добра, — на что же онъ обижался? Да и что она за нянька, чтобы ухаживать за нимъ? Впрочемъ, это была минутная вспышка, которая такъ же скоро потухла, какъ явилась. Ей опять сдѣлалось жаль Привалова, который такъ беззавѣтно довѣрялся ей.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ Надежда Васильевна и не дала доктору сейчасъ же рѣшительнаго отвѣта, когда онъ предложилъ ей ѣхать въ Гарчики. Ее что-то удерживало отъ этой поѣздки, точно она боялась сближенія съ Приваловымъ тамъ, на мельницѣ, гдѣ онъ собственно бывалъ рѣже, чѣмъ въ городѣ. Но докторъ настаивалъ на своемъ предложеніи, и Надежда Васильевна наконецъ нашла то, что ее смущало.

— А что скажетъ Зося, когда узнаетъ, что мы переѣхали на мельницу къ Сергѣю Александрычу?—откровенно высказалась она доктору.

— Я думалъ объ этомъ, Надежда Васильевна, и могу вамъ сказать только то, что Зося не имѣетъ никакого права что-нибудь говорить про васъ,— отвѣтилъ докторъ. — Вы, вѣроятно, замѣтили уже, въ какомъ положеніи семейныя дѣла Зоси... Я, съ своей стороны, только могу удивляться, что она еще до сихъ поръ продолжаетъ оставаться въ Узлѣ. Самое лучшее для нея— это уѣхать отсюда.

Надежда Васильевна наконецъ согласилась, потому что не могла подыскать никакихъ причинъ для отказа.

Переѣхать въ Гарчики совсѣмъ — было дѣломъ нѣсколькихъ дней. На-

чиналась уже весна; послѣдній снѣгъ бѣлѣлъ только по оврагамъ, и на поляхъ зеленѣли озими. Мѣстоположеніе Гарчиковъ, окрестности, близость рѣки Узловки, наконецъ самая мельница и флигелекъ въ три окна—все понравилось Надеждѣ Васильевнѣ съ перваго раза. Лоскутовъ тоже быстро освоился съ новой обстановкой и точно жилъ въ ней. Онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ по полямъ и лугамъ, подолгу оставался на мельницѣ, наблюдая кипѣвшую на ней работу. Галлюцинаціи оставили его разстроенный мозгъ, и онъ замѣтно оживился.

Во флигелькѣ скоро потекла мирная семейная жизнь, въ которой принимали самое живое участіе Нагибинъ и попъ Савелъ. Они своимъ присутствіемъ дѣлали совсѣмъ незамѣтнымъ однообразіе деревенской жизни, причемъ попъ Савелъ ближе сошелся съ Лоскутовымъ, а Нагибинъ—съ Надеждой Васильевной. Добрый старикъ не зналъ, чѣмъ угодить „барышнѣ“, за которой ухаживалъ съ самымъ трогательнымъ участіемъ.

— Вотъ только Сергѣя Александрыча и недостаетъ, — иногда говорилъ Нагибинъ, тяжело вздыхая.—А то вся артель теперь въ сборѣ...

— Теперь Сергѣю Александрычу нельзя сюда пріѣхать, Илья Гаврилычъ,—отвѣчала Надежда Васильевна:—онъ вѣдь свидѣтелемъ по дѣлу брата Виктора...

— Точно-съ, сударыня. Я совсѣмъ забылъ...

Мы до сихъ поръ ничего не говорили о маленькомъ существѣ, жизнь котораго пока еще такъ мало переходила границы чисто-растительныхъ процессовъ: это была маленькая годовалая дѣвочка Маня, о которой разсказывалъ Привалову на ирбитской ярмаркѣ Данилушка. Слишкомъ занятая больнымъ мужемъ, Надежда Васильевна мало видѣла свою дочурку въ городѣ, гдѣ она находилась подъ надзоромъ няни, зато теперь она могла посвящать ей цѣлые дни. Нагибинъ особенно привязался къ ребенку и ухаживалъ за нимъ, какъ женщина. Смѣшно было смотрѣть, когда этотъ старикъ тащилъ на рукахъ маленькую „внучку“, какъ онъ называлъ дѣвочку, куда-нибудь на берегъ Лалетинки и забавлялъ ее самыми замысловатыми штуками: катался на травѣ, кричалъ коростелемъ, даже пѣлъ что-нибудь духовное.

— Въ бабушку, вся въ бабушку,—говорилъ иногда старикъ, разсматривая внучку.—Ишь какая карахтерная.

Дѣвочка, дѣйствительно, была серьезна не по возрасту. Она начинала уже ковылять на своихъ пухлыхъ розовыхъ ножкахъ и довела Нагибина до слезъ, когда въ первый разъ, съ счастливой дѣтской улыбкой, пролепетала свое первое „дѣду“, т.-е. дѣдушка. Въ мельничномъ флигелькѣ теперь часто звенѣлъ, какъ колокольчикъ, дѣтскій беззаботный смѣхъ и вездѣ валялись обломки разныхъ игрушекъ, которыя „дѣду“ привозилъ изъ города каждый разъ. Маленькая жизнь вносила съ собой теплую, свѣтлую струю въ мирную жизнь мельничнаго флигелька.

Приваловъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Гарчики послѣ процесса Виктора Васильича и вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ его оправданіи привезъ переданную ему Веревкинымъ новость о намѣреніи послѣдняго „пойти въ сѣмена“. О предложеніи Веревкина Приваловъ пока разсказалъ только одной Надеждѣ Васильевнѣ, которая уже сама разсказала все Нагибину.

— Устрой, Господи, все на пользу!—крестился старикъ.—На что лучше... Николай-то Иванычъ золотая душа, ежели его въ рукахъ держать. Вѣрѣ-то Васильевнѣ, пожалуй, трудновато будетъ совладать съ имъ на первыхъ порахъ... Только же и слово сказалъ: „въ сѣмена пойду“! Ахъ Ты, Господи батюшка!

По такому исключительному случаю былъ устроенъ маленькій семейный праздникъ, на которомъ разговорамъ не было конца. Приваловъ точно переродился на деревенскомъ воздухѣ и удивлялъ Надежду Васильевну своимъ оживленнымъ бодрымъ настроеніемъ. Когда вечеромъ начали всѣ прощаться, Нагибинъ крѣпко поцѣловалъ руку Надежды Васильевны и проговорилъ растроганнымъ голосомъ:

— Матушка ты наша, барышня-голубушка, пропали бы мы всѣ здѣсь пропаломъ... Вотъ-те истинный Христосъ!

— Что вы, Илья Гаврилычъ,—останавливала расчувствовавшагося старика Надежда Васильевна:—при чемъ тутъ именно я?

— Ну, ужъ это дѣло наше, голубушка... Знаемъ, что знаемъ. Позвольте еще ручку, барышня...

— Какая я вамъ барышня, когда у меня ужъ дѣти!

— Для кого какъ, а для насъ вы барышня, Надежда Васильевна. Я такъ и молюсь за васъ: „Господи, помилуй нашу барышню Надежду Васильевну“... Вотъ сейчасъ провалиться, не вру... Пожалуйте ручку, барышня!

Деревенская весна съ тысячью мужицкихъ думушекъ и „загадокъ“ раскрывала предъ Надеждой Васильевной, страница за страницей, совершенно незнакомую ей жизнь. Вычитанное представленіе о деревнѣ такъ мало отвѣчало дѣйствительности... Особенно интересовали Надежду Васильевну внутреннія порядки крестьянской жизни, какой она проявляется у себя, въ своей семьѣ. Каторжная доля деревенской бабы удивила ее. И мужикъ, конечно, работаетъ, но бабѣ вездѣ достается вдвое, даже въ несчастіяхъ и оскорбленіяхъ. Этотъ спеціально бабій міръ былъ переполненъ такими спеціально бабьими интересами и напастями, которымъ не было числа и мѣры. Для Надежды Васильевны одно открытіе слѣдовало за другимъ, точно она пріѣхала въ какое-то неизвѣстное ей до сихъ поръ царство. Что значили наши выдуманныя и воображаемыя страданія сравнительно съ мукой-мученической деревенской бабы, о которой самъ Богъ забылъ! Скоро у Надежды Васильевны завелось въ Гарчикахъ самое обширное бабье знакомство, а во флигелькѣ не переводились разныя древнія старушки, которыхъ Надежда Васильевна особенно любила. Это были настоящія героини труда, труда самаго неблагодарнаго и никому неизвѣстнаго. Старухи несли въ мельничный флигелекъ безконечные разсказы о пережитой ими мукѣ-мученической, вмѣстѣ съ тысячами своихъ старушечьихъ недуговъ, золъ и безысходнаго горя, которому одно лѣкарство—могила.

— Матушка ты наша, Надежда Васильевна,—говорила одна сгорбленная старушка:—ты поживи съ нами-то подолѣ, такъ ее своими глазыньками увидишь. Мужику какое житье: знаетъ онъ свою пашню да лошадь, а баба весь домъ везетъ, въ полѣ колотится въ страду, какъ каторжная, да съ ребятишками смертыньку постоянную принимаетъ.

Разъ Надежда Васильевна попала на деревенскую свадьбу и съ этого деревенскаго „веселья“ даже заболѣла: недаромъ сложились эти похоронныя свадебныя пѣсни—въ нихъ выливалась вся бабья мука-мученическая, которой не было конца-краю. Теперь все то, чѣмъ раньше жила Надежда Васильевна, какъ-то отошло на задній планъ, стушевалось, поблѣднѣло и просто казалось смѣшнымъ. Впереди вставала безконечная святая работа, которую должна сдѣлать интеллигентная русская женщина, — именно прійти на помощь къ своей родной сестрѣ, позабытой Богомъ, исторіей и людьми. Здѣсь, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, чувствовалась великая сила знанія... Малѣйшая крупица его здѣсь принесетъ плодъ сторицей. Даже спеціально „городскія“ знанія На-

дежды Васильевны нашли здѣсь громадное примѣненіе, а между тѣмъ ей необходимо было знать тысячи вещей, о которыхъ она никогда даже не думала, такъ, напримѣръ, медицина.

Не прошло недѣли деревенскаго житья, какъ Надежда Васильевна почувствовала уже, что времени у нея не хватаетъ для самой неотступной работы, не говоря уже о томъ, что было бы желательно сдѣлать. Приходилось, какъ говорится, разрываться на части, чтобы вездѣ поспѣть: провѣдать опасную родильницу, помочь нѣсколькимъ больнымъ бабамъ, присмотрѣть за выброшенными на улицу ребятишками... А тамъ уже до десятка бѣлоголовыхъ мальчугановъ и дѣвчонокъ исправно являлись къ Надеждѣ Васильевнѣ каждое утро, чтобы „происходить грамоту“.

— Одолѣли васъ наши бабы, барышня, — соболѣзновалъ Нагибинъ. — Вѣдь ихъ только помани: умереть не дадутъ. Одно слово—бабы, бабы и есть... И старушонки вотъ тоже каждый день зачали сюда таскаться.

— Ну, это не ваша, а моя забота,—сухо отвѣтила Надежда Васильевна.— Пусть ходятъ, я всегда имъ рада.

Къ Привалову Надежда Васильевна теперь относилась иначе, чѣмъ въ Узлѣ: она точно избѣгала его, какъ это казалось ему иногда. О прежнихъ откровенныхъ разговорахъ не было и помину; въ присутствіи Привалова Надежда Васильевна обращалась съ мужемъ съ особенной нѣжностью, точно хотѣла этимъ показать первому, что онъ здѣсь лишній. Даже Лоскутовъ замѣтилъ эту перемѣну въ женѣ и откровенно, какъ всегда, высказалъ ей свое мнѣніе.

— Это тебѣ такъ кажется, Максимъ, — отвѣтила Надежда Васильевна, вспыхивая. — Что мнѣ ухаживать за нимъ; у меня и безъ того работы по горло.

— Я такъ сказалъ, — проговорилъ Лоскутовъ, удивляясь непонятному раздраженію жены.

Разъ или два, впрочемъ, Надежда Васильевна высказывала Привалову, что была бы совсѣмъ счастлива, если бы могла навсегда остаться въ Гарчикахъ. Она здѣсь открыла бы безплатную школу и домашнюю лѣчебницу. Но, какъ только Максимъ поправится, придется опять уѣхать изъ Гарчиковъ на пріиски.

XVI.

Половодовъ долженъ былъ подать первый отчетъ по конкурсному управленію Шатровскими заводами осенью, когда кончился заводскій годъ. Привалову и Веревкину ожидали этого срока съ особеннымъ нетерпѣніемъ, потому что отчетъ долженъ былъ дать имъ въ руки предлогъ устранить Половодова съ его поста. Теперь налицо было два наслѣдника, и это обстоятельство давало нѣкоторую надежду на полный успѣхъ дѣла.

Въ старомъ приваловскомъ домѣ шла прежняя жизнь, съ той разницей, что присутствіе Тита Привалова накладывало на нее цыганскій отпечатокъ. Братья, живя подъ одной кровлей, были гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ раньше, когда Титъ Привалovъ представлялъ собой совершенно неизвѣстную величину. Каждый новый день приносилъ съ собой новыя доказательства того, какая неизмѣримая разница стояла между братьями. Привалovъ старшій принужденъ былъ убѣдиться, что Привалovъ младшій безповоротно погибшій человѣкъ, — какъ человѣкъ, который чувствовалъ физическое отвращеніе ко всякому труду и съ болѣзненной жаждой отыскивалъ вездѣ одни удовольствія. Это была вполнѣ цыганская натура: неусидчивая, безпо-

койная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко апатичная. Когда онъ потерялъ интересъ новинки, то съ головой опустился въ тотъ омутъ, который чуть-было не затянулъ въ себя Привалова старшаго. Въ обществѣ Лепешкина и Ивана Яковлича Приваловъ быстро усвоилъ себѣ самыя широкія привычки и щедро выдавалъ векселя направо и налѣво, пока старшій Приваловъ платилъ за нихъ.

— Воля твоя, я больше не могу оплачивать твои глупости, — замѣтилъ наконецъ Приваловъ своему брату.

— Тогда я перейду на сторону Половодова.

— Для тебя же хуже, а мнѣ все равно: какъ знаешь, такъ и дѣлай.

Но Титъ разсчиталъ, что выгоднѣе держаться за брата, и не привелъ своей угрозы въ исполненіе.

Наконецъ наступилъ срокъ подачи отчета въ дворянскую опеку, которая находилась въ губернскомъ городѣ Моховѣ, за триста верстъ отъ Узла. Веревкинъ полетѣлъ туда и всякими правдами и неправдами добылъ себѣ копію съ поданнаго Половодовымъ отчета.

— Поздравляю: Половодовъ влетѣлъ!—заявилъ Веревкинъ, когда вернулся изъ Мохова. — Зарвался... Ха-ха!.. Да вы только прочтите этотъ отчетъ, — комедія изъ комедій, и мы достопочтеннаго Александра Павлыча въ три узла завяжемъ. Представьте себѣ: Шатровскіе заводы при Костѣ Бахаревѣ давали ежегодно чистаго дивиденда до 400 тысячъ, а по отчету Половодова... сколько бы вы думали?.. *семьдесятъ тысячъ*... Этого мало: изъ этихъ 70-ти тысячъ нужно исключить сначала двадцать тысячъ за продажу металла, оставшагося послѣ Бахарева, а потомъ еще пятнадцать тысячъ земскаго налога, которыхъ Половодовъ и не думалъ взносить. Итого остается не семьдесятъ тысячъ, а всего тридцать пять тысячъ... Далѣе, Половодовъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ конкурса, пользуется 5 проц. съ чистаго дохода; по его расчетамъ, т.-е. съ семидесяти тысячъ, это составитъ три съ половиной тысячи, а онъ забралъ цѣлыхъ десять тысячъ...

Приваловъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, но, прочитавъ копію половодовскаго отчета, долженъ былъ убѣдиться въ печальной истинѣ. Можно было только удивляться безумной смѣлости, съ какой Половодовъ запустилъ свою лапу въ чужое добро. Теперь Приваловъ и самъ вѣрилъ, что дни Половодова окончательно сочтены; оставалось только воспользоваться этими обстоятельствами.

— Необходимо вамъ теперь самимъ ѣхать въ Моховъ, — говорилъ Веревкинъ Привалову:—мы ихъ тамъ всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ... Вы только представьте себѣ, изъ кого состоитъ эта дворянская опека,—ни дать ни взять какая-нибудь оффенбаховская оперетка! Предсѣдатель, отставной чиновникъ Ѳеоновъ — сутяга и приказная строка, какихъ свѣтъ не производилъ; два члена еще лучше: одинъ—докторъ-акушеръ, семидесяти восьми лѣтъ, а другой—изъ проворовавшихся становыхъ приставовъ, отсидѣвшій въ острогѣ три года... Хороши гуси, нечего сказать! А главное: предсѣдатель получаетъ 30 р. жалованья, а члены по 28 рублей. Ну, чего стоило Половодову купить всю эту опеку, со всѣми потрохами, когда онъ зацѣпилъ больше трехсотъ тысячъ въ одинъ годъ! Признаюсь, бывали у меня дѣла, видалъ всякіе виды, а подобнаго еще не случалось лицезрѣть...

— Мнѣ страннымъ кажется только то,—говорилъ Приваловъ: — почему Половодовъ сразу зарвался, тогда какъ ему гораздо выгоднѣе было обобрать заводы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на гораздо бо̀льшую сумму...

— Ну, батенька, у всякаго свои расчеты: значитъ, ему такъ показалось

выгоднѣе, а, можетъ-быть, просто не вытерпѣлъ и хватилъ разомъ. Врагъ силенъ, горами качаетъ.

— А гдѣ теперь Половодовъ, вы не знаете?

— Здѣсь, въ Узлѣ. Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ слышалъ, даже видѣлъ, какъ онъ выѣзжалъ отъ Хины.

Приваловъ хорошо зналъ, зачѣмъ Половодовъ ѣздилъ къ Заплатиной, но ему теперь было все равно. Съ женой онъ почти не видался и не чувствовалъ больше къ ней ни любви ни ненависти.

Устроивъ на скорую руку свои дѣла въ Узлѣ, Приваловъ уѣхалъ съ Веревкинымъ въ Моховъ и прямо обратился къ губернатору, который принялъ въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе. Веревкинъ составилъ докладную записку для губернатора и не пожалѣлъ красокъ для описанія подвиговъ Половодова. Губернаторъ, старый николаевскій служака, круто повернулъ все дѣло, и, благодаря его усиліямъ, журнальнымъ постановленіемъ дворянской опеки Половодовъ устранялся отъ своего званія повѣреннаго отъ конкурса.

— А кромѣ этого, мы Александра Павлыча привлечемъ къ уголовной отвѣтственности за мошенничество,—соображалъ Веревкинъ, потирая руки.—Захваченныя же деньги взыщемъ гражданскимъ судомъ. Однимъ словомъ, сдѣлаемъ полнѣйшій шахъ и матъ.

Когда Приваловъ вернулся въ Узелъ и только хотѣлъ отправиться въ Гарчики отдохнуть нѣсколько дней, Веревкинъ узналъ, что новымъ журнальнымъ постановленіемъ дворянской опеки Половодовъ снова возстановленъ въ своихъ полномочіяхъ повѣреннаго отъ конкурса.

— Опять придется ѣхать въ Моховъ...—говорилъ Веревкинъ.

Сдѣлать въ осеннюю распутицу взадъ и впередъ цѣлыхъ шестьсотъ верстъ—заставило Привалова задуматься, но дѣло не ждало, и онъ рѣшился опять ѣхать въ Моховъ. Веревкинъ такъ и рвался сразиться еще разъ съ Половодовымъ. На этотъ разъ губернаторъ принялъ Привалова довольно сухо: какая-то искусная канцелярская рука успѣла уже „поставить дѣло“ по-своему. Веревкину стоило героическихъ усилій, чтобы убѣдить губернатора еще разъ въ необходимости принять самыя энергическія мѣры для огражденія интересовъ наслѣдниковъ Шатровскихъ заводовъ. Двухнедѣльныя хлопоты по всевозможнымъ канцелярскимъ мытарствамъ наконецъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: опека опять отрѣшила Половодова отъ его должности, замѣнивъ его какимъ-то безвѣстнымъ горнымъ инженеромъ.

— Если еще разъ такую баню вкусишь, пожалуй, и оскомину набьешь,—рѣшилъ Веревкинъ.—Это чортъ знаетъ что такое: какая-то сказка про бѣлаго бычка.

Въ Узелъ Приваловъ вернулся ночью, въ страшную осеннюю слякоть, когда въ двухъ шагахъ хоть глазъ выколи. Не успѣлъ онъ умыться послѣ дороги, какъ въ кабинетъ вошелъ докторъ, блѣдный и взволнованный. Привалова удивилъ и даже испугалъ этотъ полуночный визитъ, но докторъ предупредилъ его вопросъ, подавая небольшую записку, торопливо набросанную на розовомъ почтовомъ листкѣ.

— Вотъ прочитайте...—едва могъ проговорить докторъ.

Приваловъ сразу узналъ руку Зоси, которая писала доктору:

„Милый и дорогой докторъ!

„Когда вы получите это письмо, я буду уже далеко... Вы—единственный человѣкъ, котораго я когда-нибудь любила, поэтому и пишу вамъ. Мнѣ больше не о комъ жалѣть въ Узлѣ, какъ, вѣроятно, и обо мнѣ не особенно будутъ

плакать. Вы спросите, что меня гонитъ отсюда: тоска, тоска и тоска... Письма мнѣ адресуйте poste restante до Рождества на Вѣну, а послѣ въ Парижъ. Жму въ послѣдній разъ вашу честную руку.

„Ваша недостойная ученица Зося.

„P. S. Мой мужъ, вѣроятно, не особенно огорчится моимъ отъѣздомъ, потому что уже, кажется, нашелъ себѣ счастье en trois... Если увидите Хину, передайте ей отъ меня, что обѣщанные ей Половодовымъ золотые пріиски пусть она сама постарается отыскать, а лично отъ себя я оставляю ей на память моего мохнатаго друга Шайтана".

Въ кабинетѣ нѣсколько мгновеній стояло самое напряженное, тяжелое молчаніе.

— Я не ожидалъ отъ Зоси именно этого... — проговорилъ наконецъ Приваловъ.

Отвѣта не было. Приваловъ поднялъ глаза и увидѣлъ, какъ сѣдой, сгорбившійся въ одну ночь старикъ стоялъ у окна къ нему спиной и тихо плакалъ.

— Борисъ Григорьичъ...—тихо окликнулъ Приваловъ, подходя къ доктору.

— Что?—отозвался старикъ, закрывъ мокрое лицо руками.

— Она уѣхала... одна?

— Нѣтъ, съ Половодовымъ...

Опять тяжелая пауза. Привалову сдѣлалось жаль не себя, а этого хорошаго старика, который теперь рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Докторъ, вы очень любили ее?

— Я?.. О, да... Зося для меня была дороже жизни. До двѣнадцати лѣтъ я любилъ ее какъ дѣвочку, а потомъ какъ женщину... Если бы я могъ вернуть ее... Она погибнетъ, погибнетъ...

„Я никогда не любилъ жену...—думалъ Приваловъ, слушая этотъ бредъ.— А вотъ человѣкъ, который дѣйствительно отдалъ ей все, что можетъ отдать человѣкъ".

Съ докторомъ сдѣлалась истерика, такъ что Привалову пришлось возиться съ нимъ до самаго утра. Старикъ немного забылся только предъ сѣрымъ осеннимъ разсвѣтомъ, но и этотъ тяжелый сонъ былъ нарушенъ страшнымъ гвалтомъ въ передней. Это ворвалась Хіонія Алексѣевна, которая узнала объ исчезновеніи Зоси, кажется, одной изъ послѣднихъ. Въ кабинетъ она влетѣла съ искаженнымъ злобой лицомъ и нѣсколько мгновеній вопросительно смотрѣла то на доктора, то на Привалова.

— Могу я узнать, куда уѣхала Софья Игнатьевна? — проговорила она наконецъ съ азартомъ, обращаясь къ Привалову.

— Да, можете: она теперь на дорогѣ въ Вѣну...

— Не можетъ быть!.. Вы всѣ меня обманываете... Съ кѣмъ же она уѣхала?

— Вамъ это ближе знать, Хіонія Алексѣевна...

— Что вы хотите этимъ сказать, Сергѣй Александрычъ? Я, конечно, бѣдная женщина, и оскорбить меня ничего не стоитъ... Притомъ вы отлично изучили мой проклятый характеръ...

Чтобы прекратить эту дурацкую сцену, Приваловъ далъ Хіоніи Алексѣевнѣ прочитать письмо Зоси къ доктору.

— Вотъ какъ!..—едва могла проговорить Хіонія Алексѣевна, напрасно стараясь принять величественную позу.—Пріиски... Шайтанъ...

Въ слѣдующую минуту Хіонію Алексѣевну выкинуло изъ приваловскаго кабинета точно вѣтромъ, и она опомнилась только на улицѣ, гдѣ стояло мглистое, холодное сентябрьское утро, дулъ пронизывавшій насквозь вѣтеръ и

вездѣ по колѣно стояла вязкая глубокая грязь. „Золотые пріиски пусть она сама постарается отыскать, а лично отъ себя оставляю ей на память моего мохнатаго друга Шайтана“... Эта фраза колола Хіонію Алексѣевну, какъ змѣиное жало. И это благодарность за всѣ ея хлопоты, за весь рискъ, какому она себя подвергала, за всю преданность... И послѣ этого еще можно вѣрить людямъ?!. Ее выкинули, какъ бросаютъ старую тряпку за окно. Да!.. Испитое лицо Хіонiи Алексѣевны было ужасно въ этотъ моментъ: волосы выбились изъ-подъ шляпы клочьями, пальто было распахнуто. Съ какимъ-то дикимъ хохотомъ она оглянулась на приваловскій домъ и погрозила ему своимъ высохшимъ, костлявымъ кулакомъ, а потомъ плюнула въ сторону видѣвшагося города. Пошатываясь, Хіонія Алексѣевна едва добралась до перваго извозчика и глухо проговорила:

— Къ Веревкинымъ...

Когда Веревкинъ узналъ объ отъѣздѣ Зоси и Половодова, онъ крѣпко выругался, а потомъ проговорилъ:

— Вотъ вамъ и весь секретъ, почему Половодовъ сразу рванулъ такой кушъ: не изъ чего было выбирать. Изволь-ка его теперь ловить по всей Европѣ, когда у него въ карманѣ голенькихъ триста тысячъ...

XVII.

Приваловъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ самъ, чтобы перенести дѣло въ сенатъ. Теперь онъ могъ воспользоваться произведенной Половодовымъ растратой въ своихъ интересахъ, да и хлопотать могъ уже не отъ себя только лично, но и отъ брата Тита. Веревкинъ, конечно, ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и только просилъ объ одномъ, чтобы подождать пріѣзда Василія Назарыча съ пріисковъ, когда его собственное дѣло окончательно вырѣшится въ ту или другую сторону. Привалову тоже нужно было привести въ порядокъ кой-какія дѣла на мельницѣ, и онъ согласился подождать до перваго зимняго пути.

Веревкинъ каждый день ѣздилъ въ бахаревскій домъ. Его появленіе всегда оживляло раскольничью строгость семейной обстановки, и даже сама Марья Степановна какъ-то дѣлалась мягче и словоохотливѣе. Что касается Вѣрочки, то эта умная дѣвушка не предавалась особеннымъ восторгамъ, а относилась къ жениху, какъ относятся благоразумные больные къ хорошо испытанному и вѣрному медицинскому средству. Иногда она умѣла очень тонко посмѣяться надъ простоватой „натурой“ Nicolas, который даже смущался и начиналъ такъ смѣшно вздыхать.

— Ну, наша Вѣра Васильевна уродилась, видно, не въ батюшку,—разсуждалъ Лука „отъ свободности“.—Карахтеръ у ней бѣдовый, вся въ матушку родимую, Марью Степановну, выйдетъ по карахтеру-то, когда дѣвичья-то скорость съ нея соскочитъ... Вонъ какъ женихомъ-то поворачиваетъ, только успѣвай оглядываться. На что ужъ, кажется, Миколай-то Иванычъ насчетъ словесности востеръ, а какъ барышня подниметъ его на смѣшки,—только запыхтитъ.

Марья Степановна, повидимому, не раскаивалась въ своемъ выборѣ и надѣялась, что Василій Назарычъ согласится съ нею. Иногда, глядя на Веревкина, она говорила вслухъ:

— Вотъ ужъ поистинѣ, Николай Иванычъ, никогда не знаешь, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь... Изъ Витенькиной-то стрѣльбы вонъ оно что выросло! Вотъ ужо пріѣдетъ отецъ, онъ насъ раскасторитъ...

Наконецъ пріѣхалъ и Василій Назарычъ съ пріисковъ. Вѣрочка сама

объявила ему о сдѣланномъ ею выборѣ. Это неожиданное извѣстіе очень взволновало старика; онъ даже прослезился.

— Онъ тебѣ нравится?—спрашивалъ онъ Вѣрочку.

— Очень, папа...

— Ну, твое счастье... Прежде старики сами выбирали жениховъ дѣтямъ да невѣстъ, а нынче пошло ужъ другое. Тебѣ лучше знать, что тебѣ нравится; только не ошибись...

— Нѣтъ, папа: онъ такой добрый.

— Дай Богъ, дай Богъ, дѣточка, чтобы добрый былъ. Вотъ ужо я съ нимъ самъ переговорю...

Веревкину старикъ откровенно высказалъ все, что у него лежало на душѣ:

— Самъ-то ты парень хорошій, да вотъ тятенька-то у тебя...

— Василій Назарычъ, право, трудно обвинять человѣка въ томъ, отъ кого онъ родился,—говорилъ Веревкинъ.

— Вѣрно, все вѣрно говоришь, только кровь-то въ насъ великое дѣло, Николай Иванычъ. Ужъ ее, братъ, не обманешь, она всегда скажется... Ну, опять и то сказать, что бываютъ дѣтки ни въ мать ни въ отца. Только я тебѣ одно скажу, Николай Иванычъ: не отдамъ за тебя Вѣрочки, пока ты не бросишь своей собачьей должности...

— Это мой хлѣбъ, Василій Назарычъ.

— И должность свою бросишь, и за Вѣрочкой я тебѣ ничего не дамъ,— продолжалъ старикъ, не слушая Веревкина:—самъ знаешь, что чужая денежка въ прокъ нейдетъ, а наживай свою.

— Я и не разсчитываю, Василій Назарычъ, на чужія деньги.

— Ну, разсчитываешь тамъ или нѣтъ — по мнѣ было бы сказано... такъ-то!.. Конечно, оно хорошо быть адвокатомъ, жизнь самая легкая, да отъ легкой-то жизни люди очень скоро портятся.

— Дайте подумать, Василій Назарычъ...

— Тутъ и думать нечего: твое счастье, видно, въ сорочкѣ ты родился, Николай Иванычъ. А денегъ я тебѣ все-таки не дамъ: научу дѣлу—и будетъ съ тебя. Самъ наживай.

Веревкинъ нѣсколько дней обдумывалъ это предложеніе, а потомъ, махнувъ рукой на свою „собачью службу“, рѣшилъ: „Въ сѣмена, такъ въ сѣмена... Пойдемъ златой бисеръ изъ земли выкапывать!“

— Только дайте мнѣ дѣло Шатровскихъ заводовъ кончить,—просилъ Веревкинъ Василія Назарыча.—Нужно будетъ съѣздить въ Петербургъ, еще разъ похлопотать...

— Не держу, поѣзжай... Только изъ этого ничего не выйдетъ, впередъ тебѣ скажу: заводовъ вамъ не воротить. Ну, а Сергѣй что?

Веревкинъ разсказалъ, что зналъ, о мельницѣ и хлѣбной торговлѣ Привалова. Старикъ выслушалъ его и долго молчалъ.

— Этакая мудреная эта приваловская природа! — заговорилъ онъ.— Смотрѣть на нихъ, такъ веревки изъ нихъ вей, а ужъ что попадетъ въ голову—кончено. Прошлую-то зиму, говорятъ, кутилъ онъ сильно?

— Теперь не пьетъ больше, Василій Назарычъ.

— Въ добрый часъ... Жена-то догадалась хоть уйти отъ него, а то пропалъ бы парень ни за грошъ... Тоже кровь, Николай Иванычъ... Да и то сказать: мудрено съ этакой красотой на свѣтѣ жить... Не по себѣ дерево согнулъ онъ, Сергѣй-то... Около этой красоты больше грѣха, чѣмъ около денегъ. Нашъ братъ, старичье, на стѣны лѣзутъ, а молодые и подавно... Жаль парня. Что онъ теперь: ни холостъ, ни женатъ, ни вдовецъ...

Свадьба Вѣрочки была назначена сейчасъ послѣ Рождества, когда Веревкинъ вернется изъ Петербурга.

Приваловъ въ это время былъ въ Гарчикахъ, гдѣ разыгрывалась самая тяжелая драма: Лоскутовъ сошелъ съ ума... Былъ вызванъ изъ Узла докторъ Сараевъ, но больной уже не нуждался ни въ чьей помощи: смерть была не за горами. У Лоскутова развилась острая форма помѣшательства съ припадками религіозной маніи. Онъ вообразилъ себя Мессіей, который пришелъ спасти весь міръ и вторично умереть для спасенія людей. Самый восторженный бредъ перемѣшивался съ страшными приступами отчаянія, которое переходило въ изступленіе. Больной неистовствовалъ и бѣсновался, такъ что его приходилось даже связывать, иначе онъ разбилъ бы себѣ голову или убилъ перваго, кто подвернулся подъ руку.

Въ комнатѣ больного поперемѣнно дежурили Приваловъ, Нагибинъ или самъ докторъ. Что̀ касается Надежды Васильевны, то докторъ непремѣнно настаивалъ, чтобы она пока переселилась въ деревню, гдѣ не будетъ слышать стоновъ и воплей несчастнаго больного.

— Если вы не заботитесь о себѣ, то подумайте о вашей дочери,—говорилъ докторъ, когда Надежда Васильевна не хотѣла слѣдовать его совѣтамъ.— Больному вы не принесете особенной пользы, а себя можете окончательно погубить. Будьте же благоразумны...

Надежда Васильевна наконецъ согласилась съ той тупой покорностью, какая является у людей, потерявшихъ послѣднюю надежду. Она не плакала, не жаловалась, но это нѣмое горе серьезно безпокоило доктора.

Острый періодъ болѣзни Лоскутова продолжался дней десять, въ теченіе которыхъ онъ ни разу не заснулъ, но потомъ онъ какъ-то вдругъ „стишалъ“ и точно весь распустился.

— Начался параличъ,—предупредилъ Привалова докторъ.—Скоро все кончится.

— Вы предупредили объ этомъ Надежду Васильевну?

— Да... Смерть—самый счастливый исходъ для такихъ больныхъ.

Черезъ двѣ недѣли Лоскутова не стало. Его похоронили на общемъ крестьянскомъ кладбищѣ, куда Надежда Васильевна ходила каждый день. Докторъ каждый разъ провожалъ ее, озабоченный слишкомъ сдержаннымъ, нѣмымъ горемъ своей бывшей ученицы. Ему самому было не веселѣе, и онъ даже жалѣлъ, что Зося продолжаетъ еще жить, жить для того, чтобы спускаться все ниже и ниже по той покатой, скользкой плоскости, по которой она теперь уже катилась. Лоскутова докторъ любилъ и глубоко цѣнилъ, какъ талантливую, свѣтлую голову, которая, какъ многія другія свѣтлыя головы на Руси, пропала ни за грошъ...

Чтобы развлечь Надежду Васильевну, докторъ строилъ всевозможные планы, какъ устроить ее, но она остановилась на своемъ собственномъ рѣшеніи: навсегда остаться въ Гарчикахъ, гдѣ похоронила свое молодое счастье.

— Заведу школу... буду лѣчить крестьянъ,—говорила она доктору.— Трудъ лучшее лѣкарство для меня.

Открылся санный путь, и Привалову нужно было уѣзжать въ Петербургъ. На прощанье онъ нерѣшительно сказалъ Надеждѣ Васильевнѣ:

— У меня есть до васъ большая просьба. Я уѣду надолго, можетъ-быть, на годъ. Если бы вы согласились помогать Ильѣ Гавриловичу въ нашемъ дѣлѣ, я былъ бы совершенно спокоенъ за все. Мнѣ необходимо такое довѣренное лицо, на которое я могъ бы положиться, какъ на самого себя.

Надежда Васильевна долго не соглашалась взять на себя такую обузу,

но, когда Пагибинъ сталъ ее просить со слезами на глазахъ, она согласилась. Чтобы не скучно было жить одной въ Гарчикахъ, Надежда Васильевна написала письмо старушкѣ Колпаковой, приглашая ее къ себѣ, хотя на время.

XVIII.

Прошелъ годъ.

Свадьба Веревкина состоялась въ январѣ, а весной онъ уѣхалъ съ Васильемъ Назарычемъ на пріиски. Приваловъ съ братомъ Титомъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ продолжалъ хлопоты по дѣламъ о заводахъ. Прошло лѣто, наступила опять зима, и все кругомъ потонуло въ глубокомъ снѣгу.

Веревкинъ съ женой жилъ въ бахаревскомъ домѣ и, кажется, совсѣмъ отказался отъ своихъ прежнихъ привычекъ и друзей веселой юности. Пріисковое дѣло пришлось ему какъ разъ по душѣ, и Василій Назарычъ какъ нельзя больше былъ доволенъ своимъ помощникомъ. Какъ семьянинъ, Веревкинъ открывалъ въ себѣ совершенно неподозрѣваемыя достоинства: онъ совсѣмъ втянулся въ тихую семейную жизнь. Маленькій диссонансъ, особенно на первое время, вносили въ эту жизнь родственныя отношенія къ Веревкинымъ, къ которымъ Бахаревъ никакъ не могъ привыкнуть, и даже Вѣрочка, уживавшаяся со всѣмъ и со всѣми, чувствовала себя не въ своей тарелкѣ въ присутствіи Ивана Яковлича или Агриппины Филипьевны. Впрочемъ, первый особенно не обременялъ своимъ присутствіемъ, потому что былъ слишкомъ занятъ своими личными дѣлами: въ теченіе года онъ успѣлъ еще разъ подняться и спустить все до нитки.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ дней, когда Василій Назарычъ занимался въ своемъ кабинетѣ, къ нему вошелъ Николай Иванычъ и нерѣшительно кашлянулъ. Онъ только-что пріѣхалъ откуда-то и внесъ съ собой въ кабинетъ свѣжую струю холоднаго, зимняго воздуха.

— Что новенькаго, Николай Иванычъ? — спросилъ Василій Назарычъ, откладывая въ сторону кипу какихъ-то счетовъ.

— Приваловъ пріѣхалъ, Василій Назарычъ.

— Ты его видѣлъ?

— Да.

Старикъ почувствовалъ что-то недоброе въ этомъ сдержанномъ тонѣ зятя, но не рѣшался спросить, что привезъ съ собой изъ столицы Приваловъ.

— Шатровскіе заводы, Василій Назарычъ, проданы... — проговорилъ Веревкинъ, чтобы разомъ покончить эту тяжелую сцену.

— Какъ проданы? Кому?... зачѣмъ?

— Для покрытія казеннаго долга министерство сочло самымъ лучшимъ пустить заводы съ молотка...

— Кто же ихъ купилъ?

— Какая-то компанія...

Бахаревъ закрылъ лицо руками и такъ просидѣлъ нѣсколько минутъ. Слышно было, какъ онъ сдержанно всхлипывалъ, напрасно стараясь подавить подступавшія къ горлу слезы.

— Что же досталось наслѣдникамъ?—спросилъ старикъ.

— Заводы пошли по цѣнѣ казеннаго долга, а наслѣдникамъ дали отступныхъ, кажется, тысячъ сорокъ...

— И все кончено?

— Теперь все... Компанія пріобрѣла заводы съ разсрочкой платежа на

тридцать семь лѣтъ, т.-е. немного больше, чѣмъ даромъ. Кажется, вся эта компанія—подставное лицо, служащее прикрытіемъ ловкой чиновничьей аферы.

— Всѣмъ по куску досталось, всѣ сорвали, а наслѣдниковъ ограбили! Отъ приваловскихъ милліоновъ даже дыму не осталось... Много я видѣлъ на своемъ вѣку всякихъ пакостей, а такую вижу еще въ первый разъ. А что Приваловъ?

— Ничего... Собирается ѣхать на свою мельницу. Да, еще есть новость, Василій Назарычъ... Сегодня видѣлъ доктора, онъ ѣдетъ въ Парижъ. Надняхъ получилъ телеграмму отъ Зоси; она ему телеграфируетъ, что Половодовъ застрѣлился. Его давно разыскивали по Европѣ по дѣлу о конкурсѣ, но онъ ловко скрывался подъ чужими именами, а въ Парижѣ полиція его и накрыла: полиція въ двери, а онъ пулю въ лобъ... Теперь Зося вызываетъ доктора въ Парижъ; она хлопочетъ о разводѣ.

Бахаревъ набожно перекрестился и прошепталъ:

— Всѣмъ бы намъ руки развязала...

Поздно вечеромъ, когда Веревкинъ уже хотѣлъ ложиться спать, приковылялъ Лука и объявилъ:

— Миколай Иванычъ, васъ баринъ безпремѣнно спрашиваютъ...

— Хорошо, безпремѣнно приду, старый хрѣнъ. Такъ и скажи барину, что, молъ, баринъ придетъ, ежели его отпуститъ барыня...

Лука только махнулъ рукой: „ужъ что и за баринъ только этотъ Миколай Иванычъ, слова спроста не вымолвитъ...“

— Мы завтра рано утромъ ѣдемъ съ тобой,—объявилъ Василій Назарычъ, когда Веревкинъ пришелъ въ кабинетъ.

— Хорошо.

Веревкинъ по тону голоса слышалъ, что не нужно спрашивать старика, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. У Василія Назарыча было что-то на умѣ, ну, пусть его: ѣхать, такъ ѣхать. Отчего не проѣхаться: дорога, какъ карта, экипажъ у Василія Назарыча отличный, можно всю дорогу спать.

Утромъ еще было темно, когда на дворѣ бахаревскаго дома уже тонталась лихая почтовая тройка. Морозъ стоялъ порядочный, и всѣ деревья опушило снѣжными кристаллами. Пріятная дрожь охватитъ всего, когда въ такое утро выйдешь изъ теплой комнаты на улицу, а тамъ заскрипятъ полозья, замелькаетъ по сторонамъ безконечная снѣжная поляна; въ небѣ чуть-чуть мигаютъ звѣздочки, позваниваетъ колокольчикъ подъ дугой... Сколько поэзіи въ такой зимней поѣздкѣ! А тамъ станція, набитая ямщиками, горячія щи на столѣ, рюмка водки,—и опять звѣздочки въ небѣ, опять дорога, звонъ колокольчика и то благодатное убаюкивающее чувство, какого никогда не испытываешь ни на желѣзныхъ дорогахъ ни на пароходахъ.

Веревкинъ испытывалъ именно такое поэтическое настроеніе, когда ѣхалъ съ Василіемъ Назарычемъ неизвѣстно куда. Старикъ сидѣлъ въ углу экипажа и все время сосалъ сигару. Только разъ онъ спросилъ Веревкина:

— А ты не знаешь, долго проживетъ Приваловъ въ Узлѣ?

— Дня три, кажется...

Станціи мелькали одна за другой. Послѣ горячаго, чисто-дорожнаго обѣда на одной изъ нихъ, Веревкинъ крѣпко заснулъ, укрывшись медвѣжьимъ одѣяломъ. Онъ проснулся только тогда, когда была уже ночь и кибитка легкой почтовой рысцой спускалась къ какому-то селу. Гдѣ-то далеко лаяли собаки, попался обозъ, нагруженный мѣшками крупчатки. Вонъ и деревня, потонувшая въ сугробахъ снѣга; мутно мелькнули въ маленькихъ занушенныхъ снѣгомъ окнахъ огоньки, кое-гдѣ столбами поднимался изъ трубъ дымъ...

Было раннее деревенское утро, и бабы уже успѣли затопить печки. Гдѣ-то горланилъ неугомонный пѣтухъ — этотъ деревенскій часовой, который хозяйкамъ сказываетъ время.

Экипажъ остановился у новой пятистѣнной избы, которая точно горѣла внутри—такъ жарко топилась печка у богатаго мужика. На лай собаки вышелъ самъ хозяинъ.

— Ты староста Дороѳей? — спрашивалъ Василій Назарычъ.

— Я, ваше степенство...

— Ну, такъ отворяй ворота. Илья Гаврилычъ гдѣ?

— На мельницѣ сегодня ночуетъ...

— Ну, пошли поскорѣе за нимъ.

Веревкинъ никакъ не могъ догадаться, куда они пріѣхали, но съ удовольствіемъ пошелъ въ теплую избу, заранѣе предвкушая удовольствіе выспаться на полатяхъ до седьмого пота. Съ морозу лихо спится здоровому человѣку, особенно когда онъ отломаетъ верстъ полтораста. Пока вытаскивались изъ экипажа чемоданы и наставлялся самоваръ для гостей, Веревкинъ, оглядывая новую избу, суетившуюся у печки хозяйку, напрасно старался рѣшить вопросъ, гдѣ они. Только когда въ избу вошелъ Нагибинъ, Веревкинъ догадался, что они въ Гарчикахъ.

„Эге, вонъ оно куда пошло!..“ — подумалъ про себя Веревкинъ, здороваясь со старымъ знакомымъ.

— Вотъ и мы къ тебѣ за крупчаткой пріѣхали,—шутилъ Василій Назарычъ, хлопая Нагибина по плечу.—У насъ своя-то вся вышла, а ѣсть хочется... Вонъ у меня зятекъ-то мастеръ насчетъ ѣды.

За чаемъ побалагурили о томъ, о семъ; Василій Назарычъ разсказалъ о продажѣ заводовъ, Нагибинъ только охалъ и съ соболѣзнованіемъ качалъ головой. На дворѣ начало свѣтать.

— Я малость сосну, господа,—заявилъ Веревкинъ, желая избавить стариковъ отъ своего присутствія; его давно уже клонилъ мертвый сонъ, точно вмѣсто головы была насажена пудовая гиря.

— *Она* здѣсь?—тихо спросилъ Василій Назарычъ Нагибина, когда Веревкинъ захрапѣлъ на полатяхъ.

— Здѣсь...

— Ну, что она?.. Разсказывай.

— Да все то же, все по-старому. Школку зимой открыла, съ ребятишками возится да бабъ лѣчитъ. Ну, по нашему дѣлу тоже постоянно приходится отрываться: то да се... Ужъ какъ это вы хорошо надумали, Василій Назарычъ, что пріѣхали сюда. Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо...

Бахаревъ разсказалъ о смерти Половодова и о желаніи Зоси получить разводъ.

— Вотъ я и пріѣхалъ... хочу увидать Надю... — заговорилъ Бахаревъ, опуская сѣдую голову.—Вся душенька во мнѣ изболѣлась, Илья Гаврилычъ. Боялся одинъ-то ѣхать,—старъ сталъ, того гляди кондрашка дорогой схватитъ. Ну, а какъ ты думаешь насчетъ того, о чемъ писалъ?

— То же самое я думаю, Василій Назарычъ... Тоскуетъ она, Надежда-то Васильевна, на глазахъ сохнетъ. Да и какое это житье, если разобрать: въ родѣ того, какъ домъ стоитъ безъ крыши...

— Ну, а теперь можно итти къ ней?

— Можно... Она рано встаетъ. Только я впередъ забѣгу, погляжу, что и какъ. Пожалуй, еще испугается...

— Не послать ли впередъ Николая Иваныча? Онъ мастеръ балясы-то точить съ бабами...

— Нѣтъ, ужъ лучше такъ, Василій Назарычъ. Я живой ногой сбѣгаю на мельницу, что и какъ, а потомъ ужъ вмѣстѣ и пойдемте туда. Оно все какъ-то смутительно.

Въ ожиданіи Нагибина Василій Назарычъ переживалъ страшное волненіе. Вотъ уже три года, какъ онъ не видалъ дочери; изъ письма Нагибина онъ узналъ въ первый разъ, что у него уже есть внучка; потомъ,—что Лоскутовъ умеръ. Старикъ надѣялся, что именно теперь Надя вернется въ свой домъ, по крайней мѣрѣ придетъ взглянуть на стариковъ. Нѣтъ и нѣтъ... Тогда Василій Назарычъ осторожно навелъ черезъ Нагибина справки, нѣтъ ли какой-нибудь новой причины такого страннаго поведенія; старики одинаково боялись, чтобы за первымъ Лоскутовымъ не появился второй. Въ человѣка вообще, а въ женскую природу въ особенности, въ этомъ случаѣ они плохо вѣрили... Отъ Нагибина Василій Назарычъ узналъ, что новыхъ причинъ никакихъ не имѣется, а Надежда Васильевна живетъ въ Гарчикахъ „монашкой“: учитъ ребятъ, съ деревенскими бабами возится, да еще по мельницѣ орудуетъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ наказывалъ Сергѣй Александрычъ. Къ этому старикъ прибавилъ, что, конечно, теперь она сильно тоскуетъ,—приступу къ ней иногда нѣтъ, — ну, а дѣло-то все-таки молодое — и не такое горе износится... Вонъ Сергѣй Александрычъ тоже, сердяга, мается со своимъ постылымъ житьишкомъ. Не глядѣли бы глазыньки! Нагибинъ боялся прямо высказать Василію Назарычу свои соображенія насчетъ Сергѣя Александрыча и Надежды Васильевны, которыхъ точно сама судьба столкнула въ Гарчикахъ, но въ одномъ мѣстѣ упомянулъ, что Надежда Васильевна „большую силу имѣетъ надъ Приваловымъ и, можно сказать, даже онѣ спасли его отъ пьянства и картежной игры“. Это Нагибину разсказывалъ самъ Приваловъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Василій Назарычъ и поѣхалъ самъ въ Гарчики; онъ раньше уже думалъ объ этомъ нѣсколько разъ.

— Онѣ встали; пожалуйте, Василій Назарычъ,—говорилъ Нагибинъ, появляясь въ дверяхъ.—Я сказалъ имъ, что приведу такого гостя, такого гостя, о какомъ онѣ и думать не смѣютъ. Сначала не повѣрили, а потомъ точно даже немножко испужались...

Старикъ неудержимо болталъ всю дорогу, пока они шли отъ избы старосты Дорони до мельничнаго флигелька; онъ нѣсколько разъ отъ волненія снималъ и надѣвалъ шапку. У Бахарева дрогнуло сердце, когда онъ завидѣлъ наконецъ ту кровлю, подъ которой жила его Надя; онъ тяжело дышалъ и чувствовалъ, какъ у него дрожатъ ноги.

— Вотъ сюда пожалуйте... — говорилъ Нагибинъ, отворяя калитку во дворъ флигелька.

Вотъ и передняя, потомъ большая комната съ какими-то столами по срединѣ, а вотъ и сама Надя, вся въ черномъ, блѣдная, съ строгимъ взглядомъ... Она узнала отца и съ радостнымъ крикомъ повисла у него на шеѣ. Наступила долгая пауза, мучительно-счастливая для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ; Нагибинъ потихоньку плакалъ въ холодныхъ сѣняхъ, творя про себя молитву и торопливо вытирая бумажнымъ платкомъ катившіяся по лицу слезы.

— Вотъ я пріѣхалъ къ тебѣ... самъ пріѣхалъ...—шепталъ Василій Назарычъ, разсматривая свою Надю пристальнымъ взглядомъ. — Состарился совсѣмъ... хотѣлъ тебя увидать...

Надежда Васильевна провела отца въ заднюю половину флигелька, гдѣ она занимала двѣ крошечныхъ комнатки: въ одной жила сама съ Маней, а въ другой Павла Ивановна. Старушка узнала по голосу Василія Назарыча и

другимъ ходомъ вышла въ сѣни, чтобы не помѣшать первымъ минутамъ этого свиданія.

— У меня, папа, нѣтъ отдѣльной пріемной, — говорила Надежда Васильевна, начиная прибирать разбросанныя вездѣ дѣтскія игрушки.

Старикъ покосился въ уголъ, гдѣ стояла маленькая дѣтская кроватка; его точно что̀ кольнуло, и Надежда Васильевна замѣтила, какъ онъ отвернулся, стараясь смотрѣть въ другую сторону. Маленькая Маня спала дѣтскимъ крѣпкимъ сномъ, не подозрѣвая, какую душевную муку подняло въ душѣ старика ея невинное присутствіе въ этой комнатѣ.

— Ну, какъ ты живешь здѣсь?..—заговорилъ Василій Назарычъ послѣ короткой, но тяжелой паузы.—Все со своей школой да съ бабами возишься? Слышалъ, все слышалъ... Сорока на хвостѣ приносила вѣсточки. Вонъ ты какая сама-то стала: точно сейчасъ изъ монастыря. Вѣдь три года не видались...

Въ голосѣ старика опять послышались глухія слезы, но онъ сдержалъ себя на этотъ разъ. Надежда Васильевна, отъ сильнаго волненія, не знала, что̀ ей дѣлать и что̀ говорить. Она такъ давно не видала отца, котораго всегда безумно любила. Въ ея глазахъ это былъ идеальный человѣкъ: добрый, великодушный, энергичный. Она забыла объ отношеніяхъ {лично къ ней, а видѣла отца только такимъ, какимъ всегда любила его. Эта представительная стариковская фигура, эта сѣдая большая голова, это открытое энергичное лицо, эти строгіе и ласковые глаза—все въ немъ было для нея дорого, и она сто разъ принималась цѣловать отца. Отъ неожиданнаго счастья она теряла голову и плохо помнила, что̀ говорила, повторяя одни вопросы и отвѣчая невпопадъ. Радость, и слезы, и горе — все это перемѣшалось въ одно чувство, которое придавало Надеждѣ Васильевнѣ неизъяснимую прелесть въ глазахъ отца. Дѣвушка превратилась въ женщину, но въ какую женщину... Развѣ это была чета другимъ женщинамъ!.. Въ дочери старикъ любилъ самого себя, тѣ именно душевныя качества, какія уважалъ въ людяхъ больше всего: прямоту характера, честность и тотъ особенный складъ душевности, какая такъ рѣдко встрѣчается.

Трудовая, почти бѣдная обстановка произвела на Василія Назарыча сильное впечатлѣніе, досказавъ ему то, чего онъ иногда не понималъ въ дочери. Теперь, какъ никогда, онъ чувствовалъ, что Надя не вернется больше въ отцовскій домъ, а будетъ жить въ томъ міркѣ, который создала себѣ сама.

— Я не пріѣхалъ бы къ тебѣ, если бы былъ увѣренъ, что ты сама навѣстишь насъ съ матерью...—говорилъ онъ.—Но потомъ разсудилъ, что тебѣ, пожалуй, и незачѣмъ къ намъ ѣздить: у насъ свое, у тебя свое... Поэтому я тебя не буду звать домой, Надя; живи съ Богомъ здѣсь, если тебѣ здѣсь хорошо...

— Да, мнѣ, папа, здѣсь очень хорошо. Я не желаю ничего лучшаго.

Когда первый приливъ радости миновалъ, Надежда Васильевна почувствовала непріятное сомнѣніе: именно, ей казалось, что отецъ не высказалъ прямо цѣли своего пріѣзда и что-то скрываетъ отъ нея. Это было написано на его лицѣ, хотя онъ и старался замаскировать что-то.

Ихъ разговоръ разбудилъ маленькую Маню. Дѣвочка заспанными темными глазками посмотрѣла на старика и улыбнулась заспанной, блаженной улыбкой.

— Маня, дѣду пріѣхалъ,—говорила Надежда Васильевна, вынимая дѣвочку изъ кровати.—Настоящій, нашъ дѣду.

Дѣвочка пристально посмотрѣла на сѣдого старика, и крѣпко обхвативъ шею матери, коротко отвѣтила:

— Нѣтъ...

— Какая хорошенькая дѣвочка у тебя... — проговорилъ Василій Назарычъ, пробуя приласкать внучку.—Ну, Маня, давай познакомимся...

— Нѣтъ...

Дѣвочка прильнула къ матери и ни за что не хотѣла итти на руки къ сѣдому настоящему дѣду; она нѣсколько разъ пристально и недовѣрчиво заглянула въ глаза матери, точно подозрѣвая какую-то измѣну.

Опять вышла тяжелая и непріятная сцена.

Появленіе Павлы Ивановны съ самоваромъ прекратило неловкое положеніе обѣихъ сторонъ, а маленькая Маня весело улыбнулась старушкѣ.

— Вотъ и я пріѣхалъ въ вашъ монастырь, Павла Ивановна,—шутилъ Василій Назарычъ.—У меня гдѣ-то есть еще человѣкъ, да спитъ онъ. Пусть проспится, тогда и покажу его вамъ.

Послѣ чая Василій Назарычъ ходилъ съ Нагибинымъ осматривать мельницу, которая была въ полномъ ходу, и остался всѣмъ очень доволенъ. Когда онъ вернулся во флигелекъ, Веревкинъ былъ уже тамъ. Онъ ползалъ по полу на четверенькахъ, изображая медвѣдя, а Маня визжала и смѣялась до слезъ. Веселый дядя понравился ей сразу, и она довѣрчиво шла къ нему на руки.

На мельницѣ Василій Назарычъ прожилъ цѣлыхъ три дня. Онъ подробно разсказывалъ Надеждѣ Васильевнѣ о своихъ пріискахъ и новыхъ развѣдкахъ: дѣла находились въ самомъ блестящемъ положеніи и въ будущемъ обѣщали милліонные барыши. Въ свою очередь Надежда Васильевна разсказывала подробности своей жизни, гдѣ счетъ шелъ на гроши и копейки. Отецъ и дочь не могли наговориться: полоса времени въ три года, которая раздѣляла ихъ, послужила еще къ большему сближенію.

— Ну, я завтра ѣду домой, Надя...—проговорилъ Василій Назарычъ на третій день вечеромъ, когда они остались въ комнатѣ вдвоемъ.

Надежда Васильевна почувствовала, что вотъ теперь-то и начнется то тяжелое объясненіе, котораго она такъ боялась все время. Она даже поблѣднѣла вся и опустила глаза.

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой... — продолжалъ старикъ, привлекая къ себѣ дочь.—Будемъ говорить съ тобой, какъ старые друзья. Я былъ виноватъ предъ тобой, но ты стараго зла не помнишь... Я слишкомъ много мучился за все это время, чтобы еще сердиться на старика. Старъ я сталъ, Надя, годы такіе подходятъ, что и о смерти нужно подумать... Не сегодня-завтра все будетъ кончено, и я долженъ буду дать отчетъ самому Богу во всѣхъ своихъ земныхъ дѣлахъ и помышленіяхъ. Вотъ я и думаю: умру, ты останешься одна съ маленькой дѣвочкой на рукахъ... Конечно, ты работаешь и свою голову всегда прокормишь, но что тебя ждетъ впереди? Полное одиночество... А вѣдь ты еще молода, жизнь долга, старое горе износится... Голубчикъ, надо подумать и о себѣ! Ты теперь не маленькая, а взрослая женщина, которая можетъ понимать все... Я вотъ и думаю о тебѣ, а сердце такъ и обливается кровью. Тяжело мнѣ будетъ умирать, Надя, когда ты останешься не къ шубѣ рукавъ, какъ говаривали старинные люди.

Старикъ замолчалъ и съ трудомъ перевелъ духъ. Ему трудно было продолжать, и онъ нѣсколько разъ нервнымъ движеніемъ пощупалъ свою голову.

— Скажу тебѣ прямо, Надя... Прости старика за откровенность и за то, что онъ суется не въ свои дѣла. Да вѣдь ты-то моя, кому же и позабо-

ться о дочери, какъ не отцу?.. Ты вотъ ростишь теперь свою дочь и пойми, чего бы ты ни сдѣлала, чтобы видѣть ее счастливой.

— Да, это вѣрно, папа. Только я никогда не стала бы ничего ей навязывать...

— И это вѣрно, Надя... на словахъ. А какъ не скажешь, когда тебя сосетъ извѣстная мысль, неотступно сосетъ? Я тебѣ не хочу ничего навязывать, а только выскажу свою мысль, свое завѣтное желаніе, съ которымъ умру. Видишь, есть такой человѣкъ, который тебя любитъ, давно любитъ, и съ нимъ ты была бы счастлива и его сдѣлала бы счастливымъ. Да и не только его и насъ, а и всѣхъ тѣхъ, для кого теперь трудишься изъ послѣднихъ силъ. Ты-то вотъ сама не замѣчала этого человѣка, а мы его видѣли и видимъ, какъ онъ тебя любитъ. Конечно, всѣ мы люди—всѣ человѣки, у всѣхъ есть недостатки, но...

— Папа, ты забываешь, что я еще только недавно сняла трауръ.

— Дѣточка, что же изъ этого? Ну, я скоро помру, будешь носить по мнѣ трауръ, развѣ это доказательство? Всѣ помремъ, а пока живы—о живомъ и будемъ думать... Ты знаешь, о комъ я говорю?

— Да...

— Ну, будемъ говорить серьезно. Ты теперь большая и понимаешь, что въ жизни больше горя, чѣмъ радости, если только думать о самомъ себѣ... Такъ? Теперь ты хочешь жить только для своей дѣвочки и для другихъ... Такъ? Хорошо. А если къ этому мы прибавимъ, что ты и сама еще будешь счастлива, — проиграютъ отъ этого тѣ люди, для которыхъ ты желаешь жить? Ну, отвѣчай по совѣсти... Конечно, нѣтъ, а неизмѣримо выиграютъ. Даже свахи говорятъ, что двѣ головешки горятъ вмѣстѣ свѣтлѣе... Мертвыхъ мы съ тобой никогда не воротимъ, а о живыхъ слѣдуетъ подумать. Замѣть, что отъ твоего личнаго счастья родится счастье, можетъ-быть, сотенъ и тысячъ другихъ людей... Объ этомъ слѣдуетъ подумать. Это нашъ первый христіанскій долгъ. Второй разъ ты не сдѣлаешься дѣвушкой, а хорошей женой будешь. Тебя удивляетъ и, можетъ-быть, оскорбляетъ моя стариковская откровенность, но войди въ мое положеніе, дѣточка, поставь себя на мое мѣсто: вотъ я старикъ, стою одной ногой въ могилѣ, цѣлый вѣкъ прожилъ, какъ и другіе, съ грѣхомъ пополамъ, теперь у меня въ рукахъ громадный капиталъ... Что я буду дѣлать? Второй жизни у меня не будетъ, и мой капиталъ пойдетъ прахомъ, все равно, кому бы онъ ни достался: Костѣ, Виктору, Веревкину или Марьѣ Степановнѣ. Тебѣ отдать все—не возьмешь... А у меня есть большой долгъ, Надя. Я взятъ былъ къ Павлу Михайлычу сиротой, и твоя мать — тоже. Мы выросли подъ крылышкомъ у старика, выучились, поженились—все отъ него имѣемъ. Когда онъ умиралъ, я одинъ изъ его воспитанниковъ былъ у его постели, и онъ положилъ мнѣ завѣтъ: беречь его дочь Варвару и внука. Что отъ меня зависѣло, какъ ты сама знаешь, я все дѣлалъ. Теперь мнѣ остается только завѣщать свои деньги Сергѣю Александрычу, пусть со временемъ выкупаетъ заводы... Не продали бы заводовъ, если бъ у меня тогда на Варваринскомъ не случилась бѣда, да нога меня не продержала дома цѣлый годъ. Ну, скажу тебѣ откровенно, Сергѣя Александрыча я люблю и уважаю, но не могу ему всего довѣрить... У него много недостатковъ, хотя онъ былъ бы совсѣмъ другимъ человѣкомъ въ хорошихъ рукахъ. Ты сама это знаешь и, навѣрное, думала то же самое не разъ.

Старикъ обнялъ дочь и какимъ-то задыхавшимся шопотомъ проговорилъ:

— Если у меня будетъ внукъ, маленькій Приваловъ, все, что имѣю те-

перь и что буду имѣть,—все оставлю ему одному... Пусть, когда вырастетъ большой, выкупитъ Шатровскіе заводы, а я умру спокойно. Голубчикъ, дѣточка, вѣдь съ Сергѣемъ умретъ послѣдній изъ Приваловыхъ!..

Надежда Васильевна тихо плакала, старикъ горячо ее цѣловалъ.

— Я не говорю: сейчасъ, завтра... продолжалъ онъ тѣмъ же шопотомъ.—Но я всегда скажу тебѣ только то, что Приваловъ любилъ тебя раньше и любитъ теперь... Можетъ-быть, изъ-за тебя онъ и надѣлалъ много лишнихъ глупостей! Въ другой разъ нельзя полюбить, но ты можешь привыкнуть и уважать второго мужа... Дѣточка, ничего не отвѣчай мнѣ сейчасъ, а только скажи, что подумаешь, о чемъ я тебѣ говорилъ сейчасъ. Если хочешь, я буду тебя просить на колѣняхъ...

— Папа, дорогой... милый папа... я ничего не знаю,—стонала Надежда Васильевна.—Дай мнѣ подумать... Я слишкомъ несчастна... пожалѣй меня!

Прошло три года. Въ свѣтлые солнечные дни по Нагорной улицѣ въ Узлѣ можно было всегда встрѣтить сѣдого старика, который, прихрамывая, гулялъ съ пятилѣтней темноглазой дѣвочкой. Это былъ Василій Назарычъ. По совѣту своего доктора онъ каждый день дѣлалъ моціонъ отъ своего дома до приваловскаго и обратно; на пріиски онъ больше не ѣздилъ, а его замѣнилъ Веревкинъ. Разъ, осенью, когда выдался особенно теплый денекъ, старикъ вывелъ изъ приваловскаго подъѣзда полуторагодового мальчика съ большими сѣрыми глазами: это былъ законный внукъ Василія Назарыча, Павелъ Приваловъ.

Основная идея упрямаго старика восторжествовала: если разлетѣлись дымомъ приваловскіе милліоны, то онъ не далъ погибнуть крѣпкому приваловскому роду.

1883.

ХЛѢБЪ.

Романъ въ пяти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— А ты откедова взялся-то, дѣдка?

— А Божій я...

— Божій, обшитъ кожей?.. Знаемъ мы вашего брата, такихъ-то Божьихъ... Говори ужъ пряменько: бродяга?

— Случалось... Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся, миленькій. Изъ-подъ Нерчинска убегъ, съ рудниковъ.

— Такъ-то вотъ ладнѣе будетъ... Каторжный, значитъ?

— Какъ есть каторжный: ни днемъ ни ночью покоя не знаю.

— Ну, мы тебя упокоимъ... Къ начальству предоставимъ, а тамъ на высидку опредѣлятъ, пока что.

Толпа мужиковъ обступила старика и съ удивленіемъ его разсматривала. Да и было чему подивиться. Сгорбленный, худенькій, онъ постоянно улыбался, моргалъ глазами и отвѣчалъ за разъ на всѣ вопросы. И одѣтъ былъ тоже какъ-то несообразно: длинная изъ синей пестрядины рубаха спускалась ниже колѣнъ, а подъ ней какъ есть ничего. На ногахъ были надѣты шерстяные бабьи чулки и сибирскіе коты. Поверхъ рубахи понитокъ, а на головѣ валеная крестьянская бѣлая шляпа. За плечами у старика болталась небольшая котомка. Въ одной рукѣ онъ держалъ берестяный бурачокъ, а въ другой длинную черемуховую палку. Однимъ словомъ, необычный человѣкъ.

— Бурачокъ-то у тебя зачѣмъ, дѣдка?

— Бурачокъ?.. А это хитрая штука. Секретъ... Онъ, бурачокъ-то, меня изъ неволи выкупилъ.

— Онъ и то съ бурачкомъ-то ворожилъ въ курьѣ,—вступился молодой парень съ рябымъ лицомъ.—Мы, значитъ, косили, а съ угору и видно, какъ по осокамъ онъ ходитъ... Этакъ изъ-подъ руки приглянетъ на рѣку, а потомъ присядетъ и въ бурачокъ себѣ опять глядитъ. Ну, мы его и взяли, потому... не простъ человѣкъ. А въ бурачкѣ у него вода...

— Ты чего, дѣдка, на нашу-то рѣку обзарился?

— А больно хороша рѣка, вотъ и глядѣлъ... ахъ, хороша!.. Другой такой, пожалуй, и не найти... Сердце радуется.

Старикъ оглянулъ мужиковъ своими моргавшими глазками, улыбнулся и прибавилъ:

— Я старичокъ, у меня бурачокъ, а кто меня слушаетъ—дурачокъ... Хи-хи!.. Ну-ка, отгадайте загадку: самъ голъ, а рубашка за пазухой. Всею деревней не угадать... Ахъ, дурачки, дурачки!.. Поймали птицу, а какъ зовутъ—и не знаете. Оно и выходитъ, что птица не къ рукамъ...

— Да что съ нимъ разговоры-то разговаривать!—загалдѣло нѣсколько голосовъ разомъ.—Сади его въ темную, а тамъ Флегонтъ Василичъ все разберетъ... Не совсѣмъ умомъ-то старичонка...

— Больно занятный!—вмѣшались другіе голоса.—На словахъ-то, какъ гусь на водѣ... А блаженненькимъ онъ прикидывается, старый хрѣнъ!

Описываемая сцена происходила на улицѣ, у крыльца суслонскаго волостного правленія. Лѣтній вечеръ былъ на исходѣ, и возвращавшійся съ покосовъ народъ не останавливался около волости: наработавшіеся за день рады были мѣсту. Старика окружили только тѣ мужики, которые привели его съ покоса, да нѣсколько другихъ, страдавшихъ неизлѣчимымъ любопытствомъ. Село было громадное, дворовъ въ пятьсотъ, какъ всѣ сибирскія села, но въ страду оно безлюдѣло.

— Отпустить его, чего взять со старика?—замѣтилъ кто-то въ толпѣ.—Много ли онъ и наживетъ? Еле душа держится...

— Не пущайте, дурачки!—засмѣялся старикъ.—Обѣими руками держитесь за меня... А отпустите—больше и не увидите.

— Нѣтъ, надо Флегонта Василича обождать, робя!.. Ужъ какъ онъ вырѣшитъ это самое дѣло, а пока мы его Вахрушкѣ сдадимъ.

Волостной сторожъ Вахрушка сидѣлъ все время на крылечкѣ, слушалъ галдѣніе мужиковъ и равнодушно посасывалъ коротенькую солдатскую трубочку-носогрѣйку. Когда состоялось рѣшеніе посадить неизвѣстнаго человѣка въ темную, онъ молча поднялся, молча взялъ старика за воротъ и молча повелъ его на крыльцо. Это былъ вообще мрачный человѣкъ, дѣлавшій дѣло съ обиженнымъ видомъ. Въ моментъ, когда расщелявшаяся дверь волостного правленія готова была проглотить свою жертву, послышался грохотъ колесъ, и къ волости подкатили длинныя дроги. Мужики сняли свои шапки. На дрогахъ, на подстилкѣ изъ свѣжаго сѣна, сидѣли все важныя лица: впереди всѣхъ самъ волостной писарь Флегонтъ Васильевичъ Замараевъ, плечистый и рябой мужчина въ плисовыхъ шароварахъ, шелковой канаусовой рубахѣ и мягкой сѣрой поярковой шляпѣ; рядомъ съ нимъ, какъ сморчокъ, прижался суслонскій попъ Макарій, худенькій, загорѣлый и длинноносый, а позади всѣхъ мельникъ Ермилычъ, рослый и пухлый мужикъ съ бѣлобрысымъ лѣнивымъ лицомъ. Писарь только взглянулъ на стоявшаго на крыльцѣ старика съ котомкой и сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Бродягу поймали?—коротко спросилъ онъ.

— Былъ такой грѣхъ, Флегонтъ Василичъ... Въ томъ родѣ, какъ утенокъ попался: робята съ покоса привели. Главная причина—не простъ человѣкъ. Мало ли бродяжекъ въ лѣто-то пройдетъ по Ключевой; всѣ они на одинъ покрой, а этотъ какой-то мудреный и насъ всѣхъ дурачками зоветъ...

— Ну-ка, ты, умникъ, подойди сюда!—приказалъ писарь.

Старикъ подошелъ къ дрогамъ и пристально посмотрѣлъ на сидѣвшую знать своими моргавшими глазками.

— Умникъ, а порядка не знаешь!—крикнулъ писарь, сшибая кнутовищемъ съ головы старика шляпу.—Съ кѣмъ ты разговариваешь-то, варнакъ?

— Пока ни съ кѣмъ...—дерзко отвѣтилъ старикъ.—Да моей пестрядинѣ съ твоимъ плисомъ и разговаривать-то не рука.

— Чт ѳза человѣкъ? Какъ звать?—грянулъ писарь.

— Прежде Михеемъ звали...

— А фамилія какъ?

— Человѣкъ Божій...

— Непомнящій родства?

— Гдѣ же упомнить, миленькій? Давненько вѣдь я родился...

— Да что съ нимъ разговаривать-то! — лѣниво замѣтилъ мельникъ Ермилычъ, позѣвывая. — Вели его въ темную, Флегонтъ Василичъ, а завтра разберешь... Вотъ мы съ отцомъ Макаромъ о чаѣ соскучились. Мало ли бродяжекъ шляющихъ по нашимъ мѣстамъ...

— А какой ты вѣры будешь, старичокъ?—спросилъ о. Макаръ.

— Вѣры я христіанской, батюшка.

— Православной?

Около того.

— И видно, что православный. Не то тавро...

— Ужъ какое есть.

— Изъ вашихъ, — смиренно замѣтилъ о. Макаръ, обращаясь къ мельнику Ермилычу.—Имѣетъ большую дерзость въ отвѣтахъ, а между прочимъ, человѣкъ неизвѣстный.

— Да ну его къ ляду! — лѣниво протянулъ мельникъ.—Охота вамъ съ нимъ разговаривать... Чаю до смерти охота...

Писарь сдѣлалъ Вахрушкѣ выразительный знакъ, и неизвѣстный человѣкъ исчезъ въ дверяхъ волости. Мужики все время стояли безъ шапокъ, даже когда дроги исчезли, поднявъ облако пыли. Они постояли еще нѣсколько времени, погалдѣли и разбрелись по домамъ, благо уже солнце закатилось и съ рѣки потянуло сыростью. Кое-гдѣ въ избахъ мелькали огоньки. Съ ревомъ и блеяньемъ прошло стадо, возвращавшееся съ поля. Трудовой крестьянскій день кончался.

Темная находилась рядомъ со сторожкой, въ которой жилъ Вахрушка. Это была низкая и душная каморка съ соломой на полу. Когда Вахрушка толкнулъ въ нее неизвѣстнаго бродягу, тотъ долго не могъ оглядѣться. Крошечное оконце, обрѣшеченное желѣзомъ, почти не давало свѣта. Старикъ сгрудилъ солому въ уголокъ, снялъ свою котомку и расположился, какъ у себя дома.

— Вотъ Богъ и квартиру послалъ... — бормоталъ онъ, покряхтывая.— Что же, квартира отмѣнная.

Вахрушка въ это время заперъ входную дверь, закурилъ свою трубочку и улегся съ ней на лавкѣ у печки. Онъ разсчитывалъ, по обыкновенію, сейчасъ же заснуть.

— Эй, служба, спишь?—послышался голосъ изъ темной.

— Сплю, а тебѣ какая печаль?

— Ты въ солдатахъ служилъ?

— Случалось... А ты у меня поговори!..

Молчаніе. Вахрушка вздыхаетъ. И куда эти бродяги только идутъ? Въ годъ-то ихъ близко сотни въ темной пересидитъ. Только настоящіе бродяги приходятъ объявляться поздно осенью, когда ударятъ заморозки, а этотъ какой-то оглашенный. Лежитъ Вахрушка и думаетъ, а старикъ въ темной затянулъ:

— Се женихъ грядетъ во полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща...

— Эй, будетъ тебѣ, выворотень!—крикнулъ Вахрушка.—Нашелъ время горло драть...

— Да я духовное, служба... А ты послушай: „И блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща“, а ты дрыхнешь. Это тебѣ разъ... А второе: „Недостоинъ, его же обрящетъ унывающа“... Понимаешь?

— Вотъ навязался-то!—ворчалъ Вахрушка.

Опять молчаніе. Слышно, какъ по улицѣ грузно покатилась телѣга. Гдѣ-то далеко, точно подъ землей, лаютъ неугомонныя деревенскія собаки.

— Ты не здѣшній?—спрашиваетъ старикъ, укладываясь на соломѣ.

— А ты какъ знаешь?

— Да видно по обличью-то... Здѣсь все пшеничники живутъ, богатеи, а у тебя скула не по-богатому: можетъ, и хлѣбъ съ хрустомъ ѣлъ, да съ мякинкой.

— Я чердынскій... Это вѣрно. Убогія у насъ мѣста, земля холодная, неродимая. И дошлый же ты старичонка, какъ я погляжу на тебя!

— Дошлый, да про себя... А попъ у васъ богатый?

— Богатимый попъ... Коней однихъ у него съ тридцать будетъ, больше сотни десятинъ запахиваетъ. Опять хлѣба у попа не въ проворотъ: по три года хлѣбъ въ кладяхъ лежитъ.

— А писарь?

— И писарь богатимый... Не разберешь, кто кого богаче. Не житье имъ здѣсь, а масленица... Мужики богатые, а земля—шуба шубой. Этого и званья нѣтъ, чтобы навозъ вывозить на пашню: земля-матушка сама родитъ. Вотъ какія мѣста здѣсь... Крестьяны государственные, надѣлы у нихъ большіе,—однимъ словомъ, пшеничники. Рожь сѣютъ только на продажу... Да тебѣ-то какая печаль? Вотъ привязался человѣкъ!

— А мельникъ у васъ плутъ: на руку нечистъ.

— Да ты почемъ знаешь, что онъ мельникъ?

— А по сапогамъ вижу: бусъ *) на сапогахъ, значитъ, мельникъ.

Вахрушка даже сѣлъ на своемъ коникѣ, пораженный наблюдательностью неизвѣстнаго бродяги. Вотъ такъ старичонка задался: на два аршина подъ землей все видитъ. Вахрушка въ концѣ концовъ разсердился.

— Да ты что̀ допытываешь-то меня, окаянная твоя душа? Вотъ завтра тебѣ Флегонтъ Василичъ покажетъ... Онъ тебя произведетъ. Вишь, какой дошлый выискался!

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, служба. Я тебѣ загадку загадаю: сидитъ баба на грядкѣ, вся въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ. Ну-ка, угадай?

— Капуста.

— Ахъ, дурачокъ, дурачокъ, и этого не знаешь! Лукъ, дурашка... Ну, а теперь спи: утро вечера мудренѣе.

— Да ты что̀ ругаешься-то, въ самомъ дѣлѣ?—зарычалъ Вахрушка, вскакивая.

— Полюбилъ я тебя, какъ середа пятницу... Какъ увидалъ, такъ и полюбилъ. Сроду не видались, а увидѣлись—и сказать нечего. Понялъ?.. Хи-хи!.. А картошку любишь? Опять не понялъ, служба... Хи-хи!.. Спи, дурачокъ.

II.

Утромъ писарь Замараевъ еще спалъ, когда пришелъ къ нему волостной сторожъ Вахрушка.

— Гости у насъ вечоръ засидѣлись, — объясняла ему стряпка. — Ну, выпили малость съ отцомъ Макаромъ да съ мельникомъ. У нихъ вѣдь компанія до бѣлаго свѣту. Люты пить... Пельмени заказали рыбные,—ну, и кохпанились. Мельникъ Ермилычъ съ радостей и ночевать у насъ остался.

---

*) Бусъ—хлѣбная пыль, которая летитъ при размолкѣ зерна.

Вахрушка былъ настроенъ необыкновенно мрачно. Онъ присѣлъ на порогъ и молча наблюдалъ, какъ стряпка возилась у топившейся печи. Время отъ времени онъ тяжело вздыхалъ, какъ загнанный коренникъ.

— Сказываютъ, вечоръ наши суслонскіе ребята бродяжку въ курьѣ поймали?—тараторила стряпуха, громыхая ухватами.

— А тебѣ какая забота?—озлился Вахрушка.

Молва говорила, что у Вахрушки съ писарскою стряпкой Матреной дѣло нечисто. Главнымъ доказательствомъ служили тѣ пироги, которые изъ писарской кухни попадали невѣдомыми никому путями въ волостную сторожку. Впрочемъ, Матрена была вдова, хотя и въ годкахъ, а про вдову только лѣнивый не наплететъ всякой всячины. Писарскій пятистѣнный домъ, окруженный крѣпкими хозяйственными постройками, былъ, что̀ называется, полною чашей. Не даромъ Флегонтъ Васильевичъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ выслужилъ писаремъ въ Суслонѣ. На всю округу славился суслонскій писарь и вторую жену себѣ взялъ городскую, изъ Заполья, а запольскія невѣсты по всему Уралу славятся — богачки и модницы. Къ своему богатству Замараевъ прибавилъ еще женино приданое и жилъ теперь въ Суслонѣ князь-княземъ.

— Ахъ, песъ!—обругался неожиданно Вахрушка, вскакивая съ порога.— Вотъ онъ къ чему про картошку-то меня спрашивалъ, старый чортъ... Ну, и задался человѣчекъ, нечего сказать!

Когда писарь наконецъ проснулся, Вахрушка вошелъ въ горницу и, остановившись на порогѣ, заявилъ:

— Какъ хошь, Флегонтъ Василичъ, а я боюсь.

— Кого испугался-то?—удивился не прочухавшійся хорошенько послѣ вчерашнихъ пельменей писарь.

— А этого самаго бродяги. Въ тоску меня вогналъ своими словами. Я всю ночь, почитай, не спалъ. И все загадки загадываетъ. „А картошку, грить, любишь?“ Ужъ я думалъ, думалъ, къ чему это онъ молвилъ, едва догадался. Онъ это про бунтъ словечко закинулъ.

— Про картофельный бунтъ?—вскипѣлъ вдругъ писарь.—Ахъ, мошенникъ! Да я его въ три дуги согну!.. Я...

— Колдунъ какой-то, я такъ полагаю.

— Ну, это пустяки! Я ему покажу... Ступай теперь въ волость, а я приду, только вотъ чаю напьюсь.

— А ежели онъ что̀ надо мной сдѣлаетъ, Флегонтъ Василичъ? Боюсь я его.

— Ступай, дуракъ!

Вахрушка почесалъ въ затылкѣ и почтительно выпятился въ двери. Черезъ минуту мимо оконъ мелькнула его вытянутая солдатская фигура.

Село Суслонъ, одно изъ богатѣйшихъ зауральскихъ селъ, красиво разлеглось на высокомъ правомъ берегу рѣки Ключевой. Ряды избъ, по сибирскому обычаю, выходили къ рѣкѣ не лицомъ, а огородами, что̀ имѣло хозяйственное значеніе: скотину поить ближе, а бабамъ за водой ходить. На самомъ берегу красовалась одна бѣлая каменная церковь, лучшая во всей округѣ. Отъ церкви открывался видъ и на все село, и на красавицу рѣку, и на неоглядныя поля, занявшія весь горизонтъ, и на сосѣднія деревни, лѣпившіяся по обоимъ берегамъ Ключевой почти сплошь: Роньжа, Заево, Баклаиха. Вдали, внизъ по теченію Ключевой, грязнымъ пятномъ засѣла на Жулановскомъ плесѣ мельница-раструска Ермилыча, а за ней свѣчой бѣлѣла колокольня села Чуракова. Вверхъ по теченію Ключевой владѣнія суслонскихъ мужиковъ отъ смежныхъ деревень отдѣляла Шеинская курья, въ ко-

торой поймали вчера мудренаго бродягу. Повыше этой курьи рѣка была точно сжата крутыми берегами,—это былъ Прорывъ. Лѣтомъ можно было залюбоваться окрестностями Суслона.

Въ сороковыхъ годахъ Суслонъ сдѣлался центромъ страннаго „картофельнаго бунта“. Дѣло вышло изъ-за министерскаго указа объ обязательномъ посѣвѣ картофеля. Запольскій уѣздъ населенъ исключительно государственными крестьянами, объяснившими обязательный посѣвъ картофеля, какъ мѣру обращенія въ крѣпостную зависимость. Темная крестьянская масса всколыхнулась почти на разстояніи всего уѣзда, и волненіе особенно сильно отразилось въ Суслонѣ, гдѣ толпа мужиковъ поймала молодого еще тогда писаря Замараева и на веревкѣ повела топить къ Ключевой, какъ главнаго виновника всей бѣды, потому что писаря и попы скрыли настоящій царскій указъ. Въ этотъ критическій моментъ, когда смерть была на носу, писарь пустился на отчаянную штуку.

— Ведите меня въ волость, я все покажу!—смѣло заявилъ онъ.

Когда тысячная толпа привела писаря въ волость, онъ юркнулъ за свой столъ, обложился книгами и еще смѣлѣе заявилъ:

— Ну-ка, возьмите меня теперь *черезъ законъ*. Вотъ онъ законъ-то, весь тутъ.

Мужики совершенно растерялись, что̀ имъ дѣлать съ увертливымъ писаремъ. Погалдѣли, поругались и начали осаживать къ двери.

— Робята, пойдемъ домой!—послышался первый голосъ, и вся толпа отхлынула отъ волости, какъ морская волна.

Находчивость неизвѣстнаго писарька составила ему карьеру и своего рода имя. Такъ онъ и остался въ Суслонѣ. Вотъ именно этотъ непріятный эпизодъ и напомнилъ ему Вахрушка своею картошкой.

Напившись на скорую руку чаю и опохмелившись съ гостемъ рюмкой настойки на березовой почкѣ, онъ отправился въ волость. Ермилычъ пошелъ за нимъ.

— Надо его проучить,—совѣтовалъ мельникъ, когда они подходили къ волости.

У волости уже ждали писаря нѣсколько мужиковъ и стояла запряженная крестьянская телѣга. Волостныхъ дѣлъ въ Суслонѣ было по горло. Писарь принималъ всегда важный видъ, когда подходилъ къ волости, точно полководецъ на полѣ сраженія. Мужиковъ онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и даже Ермилычъ проникался къ нему невольнымъ страхомъ, когда завертывалъ въ волость по какому-нибудь дѣлу. Когда писарь входилъ въ волость, изъ темной донеслось старческое пѣніе:

Тяжело душенькѣ съ тѣломъ разставатися,
Тяжелѣе душенькѣ во грѣхахъ оставатися.

— Вонъ онъ, идолъ, какую обѣдню развелъ,—жаловался Вахрушка.

Писарь Замараевъ занялъ съ приличною важностью свое мѣсто за волостнымъ столомъ, а мельникъ Ермилычъ помѣстился въ качествѣ публики на обсиженной скамеечкѣ у печки. Ермилычъ, какъ бывшій крестьянинъ, сохранялъ ко всякой власти подобострастное уваженіе и учащенно вздыхалъ, любуясь властными пріемами дружка-писаря.

— Ну-ка, приведи сюда эту ворону! — лѣниво сказалъ Замараевъ, для пущей важности перелистывая книгу входящихъ бумагъ.

Вахрушка молодцовато подтянулся и сдѣлалъ налѣво кругомъ. Таинственный бродяга появился во всемъ своемъ великолѣпіи, въ длинной рубахѣ,

съ котомочкой за плечами, съ бурачкомъ въ одной рукѣ и палкой въ другой. Писарь сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, продолжая перелистывать журналъ, а потомъ быстро поднялъ глаза и довольно сурово спросилъ:

— Бродяга? Непомнящій родства? Такъ... А прозвище?

— Колобокъ, — смѣло отвѣтилъ старикъ, съ улыбочкой поглядывая на мельника.—Божій человѣкъ, значитъ.

— Слыхали, — протянулъ писарь. — Много васъ, такихъ-то Божьихъ людей, кажное лѣто по Ключевой идетъ. Достаточно извѣстны. Ну, а дальше что можешь объяснить? Паспортъ есть?

— По сусѣкамъ метенъ, по закромамъ скребенъ, — вотъ тебѣ и весь паспортъ.

Писарь ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Ты петли-то не выметывай, ворона желторотая! Говори толкомъ, когда спрашиваютъ!

— Не кричи ты на меня, пужливъ я... Охъ, напужалъ!

Бродяга скорчилъ такую рожу, что Ермилычъ невольно фыркнулъ и сейчасъ же испугался, закрывъ пасть ладонью. Писарь сурово скосилъ на него глаза и какъ-то вдругъ зарычалъ такъ, что отдѣльныхъ словъ нельзя было разобрать. Это былъ настоящій потокъ привычной стереотипной ругани.

— Да я тебя заморю! Сгною! Изотру въ порошокъ!.. Да я... я... я...

Ермилычъ даже закрылъ глаза, когда, задыхавшійся подъ напоромъ бѣшенства, писарь ударилъ кулакомъ по столу. Бродяга тоже съежился и только мигалъ своими красными вѣками. Писарь выскочилъ изъ-за стола, подбѣжалъ къ нему, погрозилъ кулакомъ, но не ударилъ, а израсходовалъ вспыхнувшую энергію на окно, которое распахнулъ съ трескомъ, такъ что жалобно зазвенѣли стекла. Сохранялъ невозмутимое спокойствіе одинъ Вахрушка, привыкшій къ настоящему обращенію всякаго начальства.

— Ну, что ты молчишь, а? — ревѣлъ писарь, усаживаясь на мѣсто и приготовляя бумагу, чтобы записать допрашиваемаго бродягу.—Откуда ползешь?

— Всѣ мы изъ однихъ мѣстовъ. Я отъ бабки ушелъ, я отъ дѣдки ушелъ и отъ тебя, писарь, уйду,— спокойно отвѣтилъ бродяга, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ахъ, ты... да я... я...

Писарь только хотѣлъ выскочить изъ-за стола, но бродяга его предупредилъ и однимъ прыжкомъ точно нырнулъ въ раскрытое окно, только мелькнули голыя ноги.

— Держи его подлеца! Лови!—оралъ Замараевъ, подбѣгая къ окну.

Сидѣвшіе на крыльцѣ мужики видѣли, какъ изъ окна волости шлепнулся бродяга на землю, быстро поднялся на ноги и, размахивая своею палкой, быстро побѣжалъ по самой срединѣ улицы дробною мелкою рысцой, точно заяцъ.

— Держи его! Лови!—кричалъ Замараевъ, выставляясь изъ окна.—Эй, вы, челдоны, чего вы смотрите?

Какой-то бѣлобрысый парень „палъ“ на телѣгу и быстро погнался за бродягой, который уже былъ далеко. На ходу бродяга оглядывался и, замѣтивъ погоню, прибавилъ ходу.

— Ловко щекотитъ,— замѣтилъ какой-то голосъ изъ толпы.—Ай да бродяга, настоящій скороходъ!

Бродяга, дѣйствительно, оказалъ удивительную легкость на ногу и своимъ дробнымъ шагомъ тотчасъ впереди догонявшей его телѣги. Крестьянская лошаденка, лохматая и пузатая, съ трудомъ поспѣвала за нимъ, дѣлая отчаян-

ныя усилія догнать. Бѣлобрысый парень неистово лупилъ ее вожжами и что-то такое оралъ. Кое-гдѣ изъ оконъ деревенскихъ избъ показывались бабьи головы въ платкахъ, игравшіе на улицѣ ребятишки сторонились, а старичокъ все бѣжалъ, размахивая своею палочкой. Такъ онъ добѣжалъ до послѣднихъ худенькихъ избенокъ и замѣтно сбавилъ шагу. Телѣга стала его догонять. Попались какіе-то мужики, которые пробовали заградить дорогу бѣглецу, но старичокъ прошелъ мимо нихъ невредимо и еще обругалъ:

— Эхъ, дурачки, куда вамъ ловить Колобка!

За селеніемъ онъ опять прибавилъ шагу. У поскотины *), гдѣ стояли ворота, показались встрѣчные мужики, ѣхавшіе въ Суслонъ. Бѣлобрысый парень неистово закричалъ имъ:

— Держи варнака! Держи!

Бродяга на мгновеніе остановился, смѣрилъ глазами разстояніе и тихою рысцой, какъ травленый волкъ, побѣжалъ въ сторону рѣки. Телѣга осталась на дорогѣ, а за нимъ теперь погнался какой-то рыжій мужикъ на захомутанной рыжей лошади. Онъ былъ безъ шапки и отчаянно болталъ локтями. Бродяга опять остановился, потому что рыжій мужикъ летѣлъ къ нему наперерѣзъ, а потомъ усиленною рысью побѣжалъ къ недалекой поскотинѣ. Здѣсь рыжій мужикъ чуть-чуть его не догналъ, но бродяга однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ изгородь и остановился. Теперь онъ былъ въ полной безопасности, потому что дальше начинался тощій лѣсокъ, спускавшійся къ рѣкѣ.

— Эй, дурачки, кланяйтесь своему писарю! — крикнулъ варнакъ бѣжавшимъ къ нему мужикамъ и не торопясь скрылся въ лѣсу.

Погоня сбилась въ одну кучку у поскотины. Мужики ошалѣлыми глазами глядѣли другъ на друга.

— Вотъ такъ старичонка! Въ томъ родѣ, какъ виноходецъ **). Такъ и стелетъ, такъ и стелетъ.

— Оборотень какой-то, надо полагать.

Подъѣхавшій на телѣгѣ бѣлобрысый парень и рыжій мужикъ на рыжей лошади служили теперь общимъ посмѣшищемъ и поэтому усиленно ругались.

— Ужо вотъ задастъ вамъ Флегонтъ-то Василичъ.

III.

Часовъ десять утра. Широкій дворъ, утрамбованный желтымъ пескомъ, походитъ на гуменный токъ. На него съ одной стороны глядитъ большими окнами двухъэтажный нештукатуренный каменный домъ съ террасой, а съ другой — расположился плотный рядъ хозяйственныхъ пристроекъ: амбары, конюшни, каретники, сѣновалы. Вся постройка крѣпкая, хозяйственная, какъ умѣютъ строить только купцы. Въ углу у деревянной конуры дремлетъ киргизскій желтый волкодавъ. Въ серединѣ двора стоятъ два кучера и держатъ подъ уздцы горбоносаго и вислозадаго киргиза-иноходца, который шарашится, храпитъ, поводитъ поротыми ушами и выворачиваетъ бѣлки глазъ.

— Эй, вы, челдоны, держите крѣпче! — визгливо кричитъ съ террасы сѣдой толстый старикъ въ шелковомъ халатѣ.

— Да чортъ его удержитъ, Храпуна, — отвѣчаетъ старшій кучеръ Ни-

*) Поскотина—изгородь, которой отдѣляется выгонъ.
**) Виноходецъ—иноходецъ.

кита, степенный мужикъ съ окладистой бородой.—Задавить его, вотъ и весь разговоръ.

Другой кучеръ, башкиръ Ахметка, скуластый молодой парень съ лоснящимся жирнымъ лицомъ, молча смотритъ на лошадь, точно впился въ нее своими черными глазами.

— Дайте ей поводокъ!— кричитъ старикъ съ террасы.

Кучера отпускаютъ, и лошадь дѣлаетъ отчаянный курбетъ, поднимая Ахметку на воздухъ. Никита крѣпко держитъ волосяной чумбуръ, откинувъ назадъ свой корпусъ.

— Тирру!.. Чортъ кыргыцкой!

— Держите крѣпче!—кричитъ старикъ, размахивая руками.—Ахъ, галманы!

Лошадь дѣлаетъ отчаянную попытку освободиться отъ своихъ мучителей, бьетъ задними ногами, дрожитъ и раздуваетъ ноздри.

— Тирру, анаѳема!

Старикъ въ халатѣ точно скатывается съ террасы по внутренней лѣсенкѣ и кубаремъ вылетаетъ на дворъ. Подобравъ полы халата, онъ заходитъ сзади лошади и начинаетъ на нее махать руками.

— Спусти чумбуръ, Никита... Дай поводокъ... Сперва на кордѣ прогонимъ. Ахметка, свиное ухо, ты чего глаза-то вытаращилъ?

Калитка отворяется, и во дворъ въѣзжаетъ верхомъ на вороной высокой лошади молодой человѣкъ въ черкескѣ, папахѣ и съ серебрянымъ большимъ кинжаломъ на поясѣ. Великолѣпная вороная лошадь-степнякъ, покачиваясь на тонкихъ сухихъ ногахъ, граціозно подходитъ на середину двора и останавливается. Молодой человѣкъ съ опухшимъ краснымъ лицомъ и мутными глазами сонно смотритъ на старика въ халатѣ.

— Ліодорка, откуда чортъ принесъ? — крикливо спрашиваетъ старикъ, прищуривая свои желтые глазки.

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось, — хрипло отвѣчаетъ молодой человѣкъ и по пути вытягиваетъ нагайкой Ахмета по спинѣ.

— Ай-яяй! — взвизгиваетъ башкиръ, хватаясь за спину. — Ай, бачка!..

— Развѣ такъ лошадей выводятъ? — кричитъ молодой человѣкъ, спѣшиваясь и выхватывая у Ахметки поводъ. — Родитель, ты ее сзаду пугай... Да не бойся. Ахметка, а ты чего стоишь?

Всѣ четверо начинаютъ гонять пугливаго иноходца на кордѣ, но онъ постоянно срываетъ и затягиваетъ поводъ. Кончается это представленіе тѣмъ, что иноходецъ останавливается, храпитъ и затягиваетъ шею до того, что изъ ноздрей показывается кровь.

— Бей его!.. Валяй! — визжитъ старикъ, привскакивая на мѣстѣ.

Никита откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ, удерживая натянувшійся, какъ струна, волосяной чумбуръ, а Ліодоръ и Ахметка жарятъ ошалѣвшую лошадь въ два кнута.

— Ой, батюшки, до смерти забьютъ! — вскрикиваетъ въ кухнѣ толстая стряпка Аграфена, высовываясь изъ окна.

Кухня въ подвалѣ, и ей приходится налегать своимъ жирнымъ тѣломъ на тощаго старичка-странника, который уже давно лежитъ на подоконникѣ и наблюдаетъ, что дѣлается на дворѣ.

— Тетка, этакъ и задавить можно живого человѣка! — ворчитъ странникъ, напрасно стараясь высвободить свое тощее старое тѣло изъ-подъ навалившагося на него бабьяго жира.

— Охъ, ты, некошной! — ругается стряпка. — Шелъ бы, миленькій, своею дорогой... Поѣлъ, отдохнулъ, надо и честь знать.

Стряпка Аграфена ужасно любитъ лошадей и страшно мучается, когда на дворѣ начинаютъ тиранить какую-нибудь новокупку, какъ сейчасъ. Главное, воротился Ліодоръ на грѣхъ: забьетъ онъ иноходца, когда разстервенится. Не одну лошадь уходилъ, безголовый.

Странникъ слѣзъ съ окна, поправилъ длинную синюю рубаху, надѣлъ котомку, взялъ въ руки берестяной бурачокъ и длинную палку и нѣвуче проговорилъ:

— Спасибо, Аграфенушка, за хлѣбъ, за соль...

Это былъ тотъ самый бродяга, который убѣжалъ изъ суслонскаго волостного правленія. Нахлобучивъ свою валеную шляпу на самые глаза, онъ вышелъ на дворъ. На террасѣ въ это время показались три разодѣтыхъ барышни. Онѣ что-то кричали старику въ халатѣ, взвизгивали и прятались одна за другую, точно взбѣсившаяся лошадь могла прыгнуть къ нимъ на террасу.

— Папенька!.. Папенька, не бейте лошадку!

— Ліодоръ, иди сюда, завтракъ готовъ!

Бродяга внимательно посмотрѣлъ на визжавшихъ барышень и подошелъ къ Ліодору.

— Дай-ка мнѣ поводъ-то, хозяинъ, — заговорилъ онъ, протягивая руку.

Ліодоръ оглянулся и, презрительно смѣривъ бродягу съ ногъ до головы, толкнулъ его локтемъ.

— Дай, тебѣ говорятъ!

У Ліодора мелькнула мысль: пусть Храпунъ утѣшитъ старичонку. Онъ молча передалъ ему поводъ и сдѣлалъ знакъ Никитѣ выпустить чумбуръ. Всѣ разомъ бросились въ стороны. Посреди двора остались лошадь и бродяга. Старикъ отпустилъ поводъ, смѣло подошелъ къ лошади, потрепалъ ее по шеѣ, растянулъ душившій ее чумбуръ, еще разъ потрепалъ и спокойно пошелъ впередъ, а лошадь покорно пошла за нимъ, точно за настоящимъ хозяиномъ. Подведя успокоеннаго Храпуна къ террасѣ, бродяга проговорилъ:

— Вотъ какъ учатъ лошадей, сударыни-барышни!

Барышни весело разсмѣялись и забили въ ладоши, а бродяга отвелъ лошадь подъ навѣсъ и привязалъ къ столбу.

— Да ты откуда взялся-то, ярыга-мученикъ? — визгливо спрашивалъ старикъ въ халатѣ, подступая къ бродягѣ. — Сейчасъ видно зазнамаго конокрада.

— Стоило бы что воровать, Харитонъ Артемьичъ. Аль не узналъ!

— Гдѣ всѣхъ прощелыгъ вызнаешь.

— Ну, такъ я ужъ самъ скажусь: про Михея Зотыча Колобова слыхалъ? Видно онъ самый... Въ гости пришелъ, а ты меня прощелыгой да конокрадомъ навеличиваешь. Полтораста верстъ пѣшкомъ шелъ.

— Вотъ такъ фунтъ! — ахнулъ Харитонъ Артемьичъ, не вполнѣ довѣряя словамъ страннаго человѣка: — слыхивалъ я про твои чудеса, Михей Зотычъ, а все-таки оно тово...

— Ладно... Мнѣ съ тобой надо о дѣлѣ поговорить.

— Пойдемъ въ горницы... Ну, удивилъ!.. Еще какъ Ліодорка тебѣ шею не накостылялъ: простъ онъ у меня на этакія дѣла.

— Кормильца вырастилъ, — ядовито замѣтилъ Колобовъ, поглядывая на снявшаго папаху Ліодорку. — Вонъ какой нарядный: у шутовъ хлѣбъ отбиваетъ.

— Охъ, и не говори!.. Одинъ онъ у меня, какъ смертный грѣхъ. Одинъ, да дуракъ, хуже этого не придумаешь.

— Одинъ сынъ — не сынъ, два сына — полсына, а три сына — сынъ... Такъ старинные люди сказывали, Харитонъ Артемьичъ. Зато, вотъ, у тебя три дочери.

— Наградилъ Господь... Охъ, наградилъ! — какъ-то застоналъ Харитонъ Артемьичъ, запахивая халатъ. — Какъ ихъ ни считай, все три дѣвки выходятъ... Давай помѣняемся: у тебя три сына, а у меня три дочери, — ухо на ухо смѣняемъ, да Ліодорку прикину въ придачу.

Теперь всѣ съ удивленіемъ оглядывали страннаго гостя: кучера, стряпка, Ліодоръ, дѣвицы съ террасы. Всѣхъ удивляло, куда это тятенька ведетъ этого бродягу.

— Какъ онъ сказался по фамиліи-то? — спрашивалъ Ліодоръ кучера.

— Коробовъ, али Колобовъ, — не разобралъ хорошенько.

— Вотъ такъ фунтъ! — удивился въ свою очередь Ліодоръ. — Это, значитъ, родитель жениховъ-то, которые наѣзжали на той недѣлѣ... Богатѣющій старичонка!

Стряпка Аграфена услыхала это открытіе и стрѣлой ринулась наверхъ, чтобы предупредить „самоё“ и дѣвицъ. Она едва могла перевести духъ, когда ворвалась на террасу, гдѣ собрались дѣвицы.

— Барышни... родныя... Вѣдь этотъ странникъ-то... странникъ-то... — бормотала она, дѣлая отчаянные жесты.

— Да вонъ онъ съ тятенькой у крыльца остановился... Сестрицы, тятенька сюда его ведетъ!

— Барышни... охъ, задохлась! Да вѣдь это жениховъ отецъ... Два брата-то наѣзжали на той недѣлѣ, такъ ихній родитель. Самъ себя обозначилъ.

Всѣ дѣвицы взвизгнули и стайкой унеслись въ горницы, а толстуха Аграфена заковыляла за ними. „Сама“ послѣ утренняго чая прилегла отдохнуть въ гостиной и долго не могла ничего понять, когда къ ней влетѣли дочери всѣмъ выводкомъ. Когда-то красивая женщина, сейчасъ Анѳуса Гавриловна представляла собой типичную купчиху, совсѣмъ заплывшую жиромъ. Она сидѣла въ ситцевомъ „холодаѣ“ и смотрѣла испуганными глазами то на дочерей, то на стряпку Аграфену, перебивавшихъ другъ друга.

— Жениховъ отецъ, мамынька, пріѣхалъ... Колобовъ старикъ.

— Не пріѣхалъ, а пѣшкомъ пришелъ. Съ палочкой идетъ по улицѣ, я сама видѣла, а за плечами котомка.

— Дайте мнѣ словечушко вымолвить, — припѣла Аграфена, дѣлая умоляющіе жесты. — Красавицы вы мои, дайте...

— Молчите вы, дѣвицы! — окликнула дочерей „сама“. — А ты говори, Аграфена, да поскорѣе.

— Охъ, задохлась!.. Стряпаю я даве утромъ у печки, оглянулась, а *онъ* и сидитъ на лавочкѣ... Ужъ отколь онъ взялся, не могу сказать, точно вотъ изъ земли выросъ. Я его за страннаго человѣка приняла... Ну, лепешки у насъ къ чаю были, — я ему лепешку подала. Ей-Богу!.. Прикушалъ и спасибо сказалъ. Потомъ Никита съ Ахметкой вертѣлись въ кухнѣ и съ нимъ что-то болтали, а ужъ мнѣ не до нихъ было. Ну, потомъ кучера ушли виноходца новаго выводить, а *онъ* въ куфнѣ остался. Подсѣлъ къ окошечку и глядитъ на дворъ, какъ виноходецъ артачится... Я еще чуть не задавила его: онъ въ окошкѣ-то, значитъ, прилегъ на подоконникъ, а я забыла о немъ, да тоже хотѣла поглядѣть на дворъ-то, да на него и навалилась всѣмъ туловомъ.

— Ахъ, батюшки! — застонала Анѳуса Гавриловна, хватаясь за голову. — Да вѣдь ты, Аграфенушка, безъ ножа всѣхъ зарѣзала... Навалилась, говоришь?.. Ахъ, грѣхъ какой!..

— Мамынька, зачѣмъ же онъ въ куфню забрался? — замѣтила старшая дочь Серафима. — Ты только посмотри на него, каковъ онъ изъ себя-то. На улицѣ встрѣтишь — копеечку подашь.

— Въ томъ родѣ, какъ бродяга, али странникъ, — объясняла Аграфена въ свое оправданіе. — Рубаха на немъ изгребная, синяя, на ногахъ коты... Кабы знатьё, такъ разѣ бы я стала его лепешкой кормить, али наваливаться?

— Ну, ну, ладно! — оборвала ее Аѳуса Гавриловна. — Дѣвицы, вы пріодѣньтесь къ обѣду-то. Не то, чтобъ ужъ совсѣмъ на отличку, а какъ порядокъ требуетъ. Ты, Харитинушка, барежево платье одѣнь, а ты, Серафимушка, шелковое, канаусовое, которое тебѣ отецъ изъ Ирбитской ярманки привезъ... Охъ, Аграфена, сняла ты съ меня голову!.. Ну, надо ли было дурищѣ наваливаться на такого человѣка, а?.. Растерзать тебя мало...

Младшія дѣвицы, Агнія и Харитина, особенно не тревожились, потому что все дѣло было въ старшей Серафимѣ: ея чередъ выходить замужъ. Всѣхъ красивѣе и бойчѣе была Харитина, любимица отца; средняя, Агнія, была толстая и бѣлая, вся въ мать, а старшая, Серафима, вступила уже въ годы, да и лицо у нея было попорчено веснушками. Глядя на дочерей, Аѳуса Гавриловна ругала про себя хитраго старичонку-гостя: не застань онъ ихъ врасплохъ, не показала бы она Харитины, а бери изъ любыхъ Серафиму или Агнію. Ужъ не первому жениху Харитина заперла дорогу, а выдавать младшую раньше старшихъ не приходится.

IV.

— Я тебѣ наперво домишко свой покажу, Михей Зотычъ, — говорилъ старикъ Малыгинъ не безъ самодовольства, когда они по узкой лѣсенкѣ поднимались на террасу. — Въ прошломъ году только отстроился. Раньше-то некогда было. Семью на ноги поднималъ, а меня Господь-таки благословилъ: цѣлый огородъ дѣвокъ. Трехъ съ рукъ сбылъ, а трое сидятъ еще на грядѣ.

— Ваши-то запольскія невѣсты на слуху, — поддакивалъ гость. — Богатыя да щеголихи. Далеко слава-то прошла. По другимъ мѣстамъ дѣвки сидятъ да завидуютъ запольскимъ невѣстамъ.

— Ужъ это что говорить: извелись на модахъ въ конецъ!.. Матери-то въ сарафанахъ еще ходятъ, а дочкамъ фигли-мигли подавай... Одно разоренье съ ними. Тяжеленько съ дочерями, Михей Зотычъ, а съ зятьми-то вдвое... Меня-таки прямо наказалъ Господь. Неудачливъ я на зятьевъ.

Гость ничего не отвѣчалъ, а только поджалъ свои тонкія губы и прищурился, причемъ его сморщенное обвѣтрѣлое лицо получило непріятное выраженіе. Ему не понравился разговоръ о зятьяхъ своею безтактностью. Когда они очутились на террасѣ, хозяинъ съ видимымъ удовольствіемъ оглянулъ свой дворъ и всѣ хозяйственныя пристройки.

— Хорошъ дворикъ, — вслухъ полюбовался гость. — А что въ амбарахъ-то держишь?

— А разное, Михей Зотычъ: и сѣмя льняное, и кудельку, и масло.

— Вотъ это ты напрасно, Харитонъ Артемьичъ. Все такой припасъ, что хуже пороху. Грѣшнымъ дѣломъ, огонекъ пыхнетъ, такъ костеръ костромъ, — къ слову говорю, а не бѣду накликаю.

— Покедова Богъ хранилъ. У насъ у всѣхъ такъ заведено. Да и домъ каменный, устоитъ. Да ты, Михей Зотычъ, сними хоть котомку-то. Вотъ сюда ее положимъ, и вмѣстѣ съ бурачкомъ и палочкой.

Гость охотно исполнилъ это желаніе и накрылъ свои пожитки шляпой. Въ своей синей рубахѣ, поникѣ и котахъ онъ походилъ не то на богомольца, не то на бродягу, и хозяинъ еще разъ пожалъ плечами, оглядывая его съ ногъ до головы. Юродивый какой-то.

— Что, на меня любуешься? — пошутилъ Колобовъ, оправляя поникъ. — Ужъ каковъ есть: весь тутъ. Привыкъ по-домашнему ходить, да и дорожка выпала не близкая. Всю Ключевую, почитай, пѣшкомъ прошелъ. Верстъ двѣсти будетъ... Такъ оно по-модному-то и неспособно.

— Шутки шутишь, Михей Зотычъ, — усомнился хозяинъ. — Какая тебѣ нужда пѣшкомъ-то было итти столько мѣста?

— А привыкъ я. Все пѣшкомъ больше хожу: которое мѣсто пѣшкомъ пройдешь, такъ оно памятливѣе. Въ Суслонѣ чуть-было не загостился у твоего зятя, у писаря... Хорошій мужикъ.

Одно имя суслонскаго писаря заставило хозяина даже подпрыгнуть на мѣстѣ. Хорошій мужикъ суслонскій писарь?! Да это прямой разбойникъ, только ему ножъ въ руки дать... Живодеръ и христопродавецъ такой, какихъ бѣлый свѣтъ не видывалъ. Харитонъ Артемьичъ раскраснѣлся, закашлялся и замахалъ своими запухшими красными руками.

— И какъ онъ обманулъ меня тогда дочерью-то, когда, значитъ, женился на Аннѣ, ума не приложу! — упавшимъ голосомъ прибавилъ онъ, выпустивъ весь запасъ ругательствъ. — Дѣла тогда у меня повихнулись немножко, караванъ съ саломъ затонулъ, ну, онъ и подсыпался, писарь. А дочь Анна была старшая и въ годкахъ, за ней цѣлый мостъ ихъ, дѣвокъ, — ну, онъ и обманулъ. Прямой разбойникъ... Еще и сейчасъ съ меня приданое свое справляетъ и даже судомъ грозилъ. Я бы ему на свои деньги веревку купилъ, только бы повѣсился... Вотъ какіе у меня зятья! Да и низко мнѣ съ писарями родню-то разводить. Что такое писарь? Пріѣхалъ становой: „а ну-ка, ты, такой-сякой...“ И сейчасъ въ скулу. А я въ первой гильдіи.

— Всякіе и писаря бываютъ.

— Да стыдно мнѣ, Михей Зотычъ, и говорить-то о немъ; всему роду-племени покоръ. Ты вотъ только помянулъ про него, а мнѣ хуже ножа... У насъ Анна-то и за дочь не считается, и хуже чужой.

— Это ужъ напрасно, Харитонъ Артемьичъ. Горденекъ ты, какъ я погляжу. И птица перо въ перо не родится, а гдѣ же зятьевъ набрать подъ одну шерсть?

Взглянувъ на дворъ, по которому ѣхалъ Ліодоръ верхомъ на своей лошади, старикъ подбѣжалъ къ периламъ и, свѣсившись, закричалъ:

— Ты это опять куды наклался-то, непутевая голова?.. Который это день музыку-то разводишь? Я до тебя доберусь!.. Я тебѣ покажу!..

— Къ Булыгинымъ,—коротко отвѣтилъ Ліодоръ, свѣшиваясь въ сѣдлѣ по-татарски, на одинъ бокъ.

— Ахъ, аспидъ, ахъ, погубитель!—застоналъ старикъ.—Видѣлъ, Михей Зотычъ? Гибель моя, а не сынъ... Мы съ Булыгинымъ на ножахъ, а онъ, слышь, къ Булыгинымъ. Ужъ я его, головорѣза, три раза проклиналъ и на смиреніе посылалъ въ степь, и своими руками терзалъ — ничего не беретъ. У другихъ отцовъ сыновья—замѣна, а мнѣ ножъ вострый. Сколько я денегъ за него переплатилъ!

— Въ годы войдетъ—образумится.

Харитонъ Артемьичъ спохватился, что сгоряча сболтнулъ лишнее, и торопливо повелъ мудренаго гостя въ горницы. Весь второй этажъ былъ устроенъ на отличку: зала, гостиная, кабинетъ, столовая, спальня, — все по-бога-

тому, какъ въ первыхъ купеческихъ домахъ. Стѣны вездѣ были оклеены бархатными дорогими обоями, потолки лѣпные, мебель крыта шелкомъ и трипомъ. Одинъ только недостатокъ чувствовался въ этой богатой обстановкѣ: отъ нея вѣяло нежилымъ. Вся семья жалась въ нижнемъ этажѣ, въ маленькихъ, низкихъ комнатахъ, а парадный верхъ служилъ только для пріемовъ. Лѣтомъ еще дѣвицы получали дозволеніе проходить на террасу.

— Одна мебель чего мнѣ стоила, — хвастался старикъ, хлопая рукой по дивану. — Вотъ за эту орѣхову плачено триста рубликовъ... Кругленькую копеечку стоило обзаведеніе, а нельзя супротивъ другихъ ниже себя оказать. У насъ въ Запольѣ по-богатому всѣ дома налажены, такъ оно и совѣстно свиньей быть.

Гость внимательно все осмотрѣлъ, поддакивая хозяину, а потомъ проговорилъ:

— Наладилъ ты себѣ, Харитонъ Артемьичъ, не домъ, а пряменько сказать—трактиръ.

Это замѣчаніе поставило хозяина втупикъ: обидѣться или поворотить на шутку? Вспомнивъ про дочерей, онъ только замычалъ. Отвѣтилъ бы Харитонъ Артемьичъ,—охъ, какъ тепленько бы отвѣтилъ! — да лиха бѣда, по рукамъ и ногамъ связанъ. Провелъ онъ дорогого гостя въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, уставленный винами и закусками.

— Ну-ка, Михей Зотычъ, огорчимся для первоначалу.

Гость пожевалъ сухими губами, прищурился и быстро отвѣтилъ:

— Не принимаю я огорченья-то, Харитонъ Артемьичъ. И скусу не знаю въ винѣ, какое оно такое есть. Не приводилось отвѣдывать смолоду, а теперь ужъ года ушли учиться.

„Вотъ гостя Господь послалъ: знакомому чорту подарить, такъ назадъ отдастъ,—подумалъ хозяинъ, ошеломленный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ.— Вотъ тебѣ и сватъ. Ни съ котораго краю къ нему не подойдешь. То ли бы дѣло выпили, разговорились, — оно все само бы и наладилось, а теперь разводи бобы въ сухую. Ну, и сватъ, какъ кривое полѣно: не уложишь ни въ какую полѣнницу“.

Пришлось „огорчиться“ одному. Налилъ себѣ Харитонъ Артемьичъ самую большую рюмку, „протодьяконскую“, хлопнулъ и, не закусывая, повторилъ.

— У насъ между первой и второй не дышатъ, — объяснилъ онъ.— Это по-сибирски выходитъ. У насъ всѣ въ Запольѣ не дураки выпить. Лишнее въ другой разъ переложимъ, а въ компаніи нельзя. Вотъ я и старъ, а компаніи не порчу... Все бросить собираюсь.

Дальше хозяинъ уже не зналъ, что̀ ему и говорить. Но на выручку появилась Анѳуса Гавриловна въ своемъ новомъ тяжеломъ шелковомъ платьѣ, стоявшемъ коробомъ, и въ купеческой косынкѣ-головкѣ. Она степенно поклонилась гостю. За ней показались дѣвицы. Онѣ жеманно переглянулись, оглядѣвъ гостя съ ногъ до головы. Всѣ невѣсты на подборъ: любую бери. Старшая имѣла скучающій видъ, потому что ей уже надоѣла эта церемонія „смотринъ“, да она плохо и разсчитывала на „судьбу“, когда на глазахъ вертится Харитина. Анѳуса Гавриловна съ перваго раза замѣтила, что отецъ успѣлъ „хлопнуть“ прежде времени, а гость и не притронулся ни къ чему.

— Ну-ка, какъ *онъ* теперь откажется, ежели хозяйка угощать будетъ?— замѣтилъ хозяинъ, глупо хихикнувъ. — Фуса, ну и гость: ни единой капли...

— Что̀ же, не всѣмъ пить, — замѣтила политично хозяйка, подбирая губы оборочкой.—Честь-честью, а неволить не можемъ.

— Это ты правильно, хозяюшка,— весело отвѣтилъ гость. — Необыченъ я, да и старъ. Въ черномъ тѣлѣ прожилъ всю жизнь, не до питья было.

Хозяинъ, воспользовавшись случаемъ, что при гостѣ жена постѣснится его оговорить, налилъ себѣ третью „протодьяконскую“. Анѳуса Гавриловна даже отвернулась, предчувствуя скандалъ. Старшая дочь Серафима нахмурила брови и вопросительно посмотрѣла на мать. Въ это время Аграфена внесла миску со щами.

— Садитесь, Михей Зотычъ,—приглашала хозяйка. — Не обезсудьте на угощенiи.

— Вотъ что̀, милая, — обратился гость къ стряпкѣ: — принеси-ка ты мнѣ ломтикъ ржаного хлѣба черстваго да соли крупной, чтобы съ хрустомъ... У васъ, Анѳуса Гавриловна, соль на дворянскую руку: мелкая, а я привыкъ по-крестьянски солить.

— Вотъ это я люблю!— поддержалъ его хозяинъ.— Я самъ, братъ, не люблю всѣ эти трень-брень, а все бабы моду придумываютъ. Нѣтъ лучше закуски, какъ ржаная корочка съ сольцей, да еще съ огурчикомъ.

Серафима была посажена напротивъ гостя, чтобы вся была на виду. На ней лежала сейчасъ нелегкая обязанность показать себя въ лучшемъ видѣ, какой только полагается для дѣвицъ. Впрочемъ, она была опытной въ подобныхъ дѣлахъ и нисколько не стѣснялась, тѣмъ болѣе, что и будущiй свекоръ ничего страшнаго не представлялъ своею особой. Мать взглянула на нее всего одинъ разъ, и Серафима отлично поняла этотъ взглядъ: „Притворяется старичонка, держи ухо востро, Сима“. Когда хозяйка налила гостю тарелку щей, онъ сдѣлалъ смѣшное лицо и сказалъ еще смѣшнѣе:

— Матушка, а вѣдь я обожгусь серебряною-то ложкой. Мнѣ бы деревянную.

Бойкая Харитина сразу сорвалась съ мѣста и опрометью бросилась въ кухню за ложкой, — эта догадливость не по разуму дорого обошлась ей потомъ, когда обѣдъ кончился. Должна была подать ложку Серафима.

— Стрѣла, а не дѣвка! — еще больше некстати похвалилъ ее захмелѣвшiй домовладыка.—Вотъ посмотри, Михей Зотычъ, она и мнѣ ложку деревянную приволокетъ: знаетъ мой карахтеръ. Еще не успѣешь подумать, а она ужъ сдѣлала.

Харитина, дѣйствительно, вернулась съ двумя ложками, сiяющая своею раннею молодостью, веселая, улыбающаяся. Взглянувъ на мать, она поняла, какую глупость сдѣлала, и раскраснѣлась еще сильнѣе—и стала еще красивѣе. Серафима ѣла выскочку глазами, и только одна Агнiя оставалась безучастной ко всему и внимательно разсматривала лысую голову мудренаго гостя. Анѳуса Гавриловна завела политичный разговоръ о погодѣ, о соборномъ протопопѣ, объ ярмаркѣ и т. д. Она нѣсколько разъ давала случай Серафимѣ вставить словечко,— не прежнее время, когда дѣвки сидѣли, набравши воды въ ротъ, какъ нѣмыя. Однимъ словомъ, Анѳуса Гавриловна оказалась настоящимъ полководцемъ, хотя гость уже давно про себя „прикинулъ въ умѣ“ всѣхъ трехъ сестеръ: младшая хоть и взяла и красотой и удалью, а еще невитое сѣно, икона и лопата изъ нея будетъ; средняя въ самый разъ, да только лѣнива, а растолстѣетъ — рожать будетъ трудно; старшая, пожалуй, подходящѣе всѣхъ будетъ, хоть и жидковата изъ себя и модничаетъ лишнее. Ну, въ годы войдетъ и раздобрѣетъ, а главное, у ней въ глазу огонекъ есть,— упрямо таково взглянетъ. По матери дѣвицы издались, нечего напрасно хаять.

Хозяйку огорчало, главнымъ образомъ, то, что гость почти ничего не ѣлъ, а только пробовалъ. Все свои ржаныя корочки сосетъ да похваливаетъ.

Зато хозяинъ не терялъ времени и за жаркимъ переѣхалъ на хересъ,— значитъ, все было кончено, и Анѳуса Гавриловна перестала обращать на него вниманіе. Все равно—не послушаетъ послѣ третьей рюмки и устроитъ штуку. Онъ и устроилъ, какъ только она успѣла подумать.

— Михей Зотычъ, вотъ мои невѣсты: любую выбирай,— брякнулъ хозяинъ безъ обиняковъ.— Нѣтъ, врешь, Харитину не отдамъ! Самому дороже стоитъ!

— Харитонъ Артемьичъ, перестань ты непутевыя рѣчи говорить, только дѣвицъ конфузишь,—попробовала оговорить мужа Анѳуса Гавриловна.

— Я?!. Ты меня учить?..

Гость остановилъ хозяйскій кулакъ, готовившійся ударить по столу.

— Полюбился ты мнѣ съ перваго раза, Харитонъ Артемьичъ,— проговорилъ онъ ласково.— Душа нараспашку... Лишнее скажешь: слышимъ — не слышимъ. Вы не безпокойтесь, Анѳуса Гавриловна. Дѣло житейское.

Вспыхнувшая пьяная энергія сразу смѣнилась слезливымъ настроеніемъ, и Харитонъ Артемьичъ принялся жаловаться на сына Ліодора, который отъ рукъ отбился и на него, отца, бросился какъ-то съ ножомъ. Потомъ онъ повторилъ начатый еще давеча разговоръ о зятьяхъ.

— Перваго зятя ты у меня видѣлъ,— говорилъ Харитонъ Артемьичъ, откладывая одинъ палецъ.— Онъ у меня изъ счету вонъ, потому какъ намъ низко съ писарями родство разводить. Вторая дочь Татьяна вышла за Пашку Булыгина: съ моимъ-то Ліодоркой два сапога пара. Тоже такой зятекъ, не обрадуешься... Какъ-то обѣщался своими руками меня задавить, ежели попадусь. Ну, дуракъ, а у дурака дурацкій и разговоръ... А третій зять у меня нѣмецъ Штоффъ,—это какъ по-твоему? Мы его полуштофомъ зовемъ, потому какъ ростомъ маленько не дошелъ... Евлампію дочь у меня этотъ самый полуштофъ сманулъ и мнѣ никакого уваженія. Хоть бы богатый былъ, а то шантрапа нѣмецъ. Одно у него: крещеный по нашему православному закону. Вотъ какіе все патреты вышли!.. Трехъ дочерей отдалъ замужъ, а доведись — и пообѣдать ни у одного зятя не пообѣдаешь: у писаря мнѣ низко обѣдать, Пашка Булыгинъ еще побьетъ, а нѣмецъ мой самъ глядитъ, гдѣ бы пообѣдать. А теперь вотъ этихъ трехъ надо замужъ выдать. Тоже еще неизвѣстно, какихъ зятьевъ Господь пошлетъ... Только впередъ тебѣ скажу: Харитину не отдамъ. Ни-ни...

— Харитонъ Артемьичъ, будетъ тебѣ,— со слезами въ голосѣ молила Анѳуса Гавриловна.— Голову ты съ дочерей снялъ.

— Не отдамъ Харитину!— кричалъ старикъ.— Нѣтъ, братъ, шалишь!.. Самому дороже стоитъ!

— Дѣло Божье, Харитонъ Артемьичъ,— политично отвѣтилъ гость, собирая свои корочки въ сторону.—А дѣвицамъ не пристало слушать наши съ тобой рѣчи. Пожалуй, и лишнее скажемъ.

Дѣвушки посмотрѣли на мать и всѣ разомъ поднялись. Харитонъ Артемьичъ понялъ свою оплошку и только засопѣлъ носомъ, какъ давешній иноходецъ. Къ довершенію скандала, онъ черезъ пять минутъ заснулъ.

— Ужъ вы не обезсудьте на нашемъ невѣжествѣ,—умоляюще проговорила Анѳуса Гавриловна, поднимаясь.

— Что же, дѣло житейское,— наставительно отвѣтилъ гость и вздохнулъ.— А кто осудитъ, тотъ и грѣхъ на себя приметъ, Анѳуса Гавриловна.

— Ахъ, замаялась я, Михей Зотычъ!..

— Главная причина: добрый человѣкъ, а отъ добраго человѣка и потерпѣть можно. Слабенекъ Харитонъ Артемьичъ къ винцу... Ахъ, житейское дѣло!

Веселенько у васъ поживаютъ въ Запольѣ, слыхивалъ я. А не осужу, никого не осужу... И ты напрасно огорчаешься, мать.

Это простое привѣтливое слово сразу ободрило Аѳусу Гавриловну, и она посмотрѣла на гостя, какъ на своего домашняго человѣка, который сора изъ избы не вынесетъ. И такъ у него все просто, по-хорошему. Старикъ полюбился ей сразу.

На прощаніи Михей Зотычъ потрепалъ хозяюшку по плечу и проговорилъ:

— Хороши твои дѣвушки, хороши красныя... Которую и брать, не знаю, а начинаютъ съ краю. Серафима Харитоновна, видно, богоданной дочкой будетъ... Галактіона-то моего видѣла? Любимый сынъ мнѣ будетъ, хоша мы не ладимъ съ нимъ... Ну, вотъ и быть за нимъ Серафимѣ. По рукамъ, сватья...

Аѳуса Гавриловна расплакалась. Очень ужъ дѣло выходило большое, и какъ-то сразу все обернулось. Да и жаль Серафиму, точно она ее избывала.

V.

Про Заполье далеко шла слава, какъ про городъ бойкій, богатый и оборотистый. Онъ залегъ въ низовьяхъ рѣки Ключевой, главной артеріи благословеннаго Зауралья, — въ самомъ горлѣ, какъ говорили старожилы. Рѣка была главною кормилицей. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что Заполье занимало границу, отдѣлявшую собственно Зауралье отъ начинавшейся за нимъ степи или, какъ говорили мужики, „орды“. Въ сущности, настоящая степь была далеко, но это названіе сохранялось за тою смѣшанною полосою, гдѣ русская селитьба мѣшалась съ башкирской и казачьими землями. Весь бассейнъ Ключевой представлялъ собой настоящее золотое дно, потому что здѣсь осѣло крѣпкое хлѣбопашественное населеніе, и благодатный зауральскій черноземъ давалъ баснословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи. Съ другой стороны, степь давала богатое степное сырье—сало, кожи, конскій волосъ, гурты курдючныхъ барановъ и степныхъ быковъ, косяки степныхъ лошадей и цѣлый рядъ бухарскихъ товаровъ. Бывшій пограничный городокъ захватилъ въ свои руки всю хлѣбную торговлю и всѣ операціи со степнымъ сырьемъ. Условія были самыя благопріятныя. Скупленный въ Зауральѣ хлѣбъ доставлялся запольскими купцами на всѣ уральскіе горные заводы и уходилъ далеко на сѣверъ, на холодную Печору, а въ засушливые годы сбывался въ степь. Заполье пользовалось и степною засухой и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лѣто, хлѣбъ родился хорошо въ степи, и этотъ дешевый ордынскій хлѣбъ запольскіе купцы сбывали въ Зауральѣ и на сѣверъ; въ сухое лѣто хлѣбъ родился хорошо въ полосѣ, прилегавшей къ Уральскимъ горамъ, гдѣ влага задерживалась лѣсами, и запольскіе купцы везли его въ степь, обмѣнивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу—и засуха и дождливые годы. Онъ получалъ свою выгоду и отъ дешеваго и отъ дорогого хлѣба, а больше всего отъ тѣхъ темныхъ операцій въ безграмотной простоватой ордѣ, благодаря которымъ составилось не одно крупное состояніе.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно благопріятное условіе, именно, что ни Зауралье, населенное наполовину башкирами, наполовину государственными крестьянами, ни степь, ни казачьи земли совсѣмъ не знали крѣпостного права, и экономическая жизнь громаднаго края шла и развивалась вполнѣ естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вмѣшательство. Поэтому

и объявленная воля не произвела здѣсь никакихъ коренныхъ измѣненій въ общемъ укладѣ, а только получилась нѣкоторая разница въ названіяхъ. Нашъ разсказъ относится именно къ этому періоду, къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Заполье находилось въ зенитѣ своей славы, какъ главный хлѣбный рынокъ и посредникъ между степью и собственно Россіей.

По внѣшнему виду Заполье ничего особеннаго собою не представляло: маленькій уѣздный городокъ съ пятнадцатью тысячами жителей, и больше ничего. Купечество составляло здѣсь все, и въ цѣломъ уѣздѣ не было ни одного дворянскаго имѣнія. Въ Запольѣ изъ дворянъ проживало человѣкъ десять, не больше, да и тѣ всѣ были наперечетъ, начиная съ знаменитаго исправника Полуянова и кончая приблуднымъ русскимъ нѣмцемъ Штоффомъ, явившимся неизвѣстно откуда и еще болѣе неизвѣстно зачѣмъ. Остальные дворяне были тоже сомнительнаго свойства, больше изъ сибирскихъ выходцевъ—семинаристы, дослужившіеся до Владимира, отставные казачьи офицеры и потомки какихъ-то миѳическихъ сибирскихъ князьевъ. Сообразно этому купеческому складу устроился и весь городъ. Купецъ сказывался во всемъ. Самымъ живымъ мѣстомъ являлся старый гостиный дворъ, а затѣмъ Хлѣбная улица, усаженная крѣпкими купеческими хороминами,—два порядка этой улицы со своими каменными бѣлыми домами походили на двѣ гигантскихъ челюсти, жевавшихъ каменными зубами благосостояніе Зауралья и прилегавшей къ нему „орды“. Всѣ эти купеческіе дома строились по одному плану: верхъ составлялъ парадную половину, пустовавшую отъ однихъ именинъ до другихъ, а нижній этажъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщался мучной лабазъ, а въ другой ютилась вся купеческая семья. Все богатое, именитое въ Запольѣ сбилось именно на Хлѣбной улицѣ и частью на Хлѣбномъ рынкѣ, которымъ она заканчивалась, точно переходила въ громадный желудокъ. Совершенно отдѣльно стояли дома купцовъ-степняковъ, т.-е. торговавшихъ степнымъ сырьемъ, какъ Малыгинъ. Они большею частью проживали по своимъ салотопеннымъ заимкамъ, пріютившимся на рѣкѣ Ключевой выше и ниже города. Рѣка Ключевая должна была бы составлять главную красоту города, но этого не вышло,—городскую стройку отдѣляло отъ рѣки топкое болото въ цѣлую версту. Церквей было не особенно много,—зеленый соборъ въ честь сибирскаго святого Прокопія, память котораго празднуется всею Сибирью 8 іюля, затѣмъ еще три церкви, и только. Этимъ Заполье рѣзко отличалось отъ коренныхъ россійскихъ городовъ. Сибирь вообще не богомольна, а затѣмъ половина запольскаго купечества держалась старой вѣры или считалась единовѣрцами. Остальныя улицы были заняты мѣщанскою стройкой и домами разночинцевъ. Все это были деревянные домики, въ одинъ этажъ, съ цѣлымъ рядомъ службъ. И мѣщанину и разночинцу жилось въ Запольѣ хорошо, благо работы всѣмъ было по горло.

„Правильный городъ,—вслухъ думалъ старикъ Колобовъ, выходя на Хлѣбную улицу.—Нечего сказать, хорошій городъ“.

День уже склонялся къ вечеру, и гдѣ-то звонили къ вечернѣ. Лѣтомъ Хлѣбная улица пустовала, и у лавокъ безъ дѣла слонялись только приказчики да подручные. Отъ бездѣлья они съ утра до вечера жарили въ шашки или съ хлыстами въ рукахъ гонялись за голубями, смѣло забиравшимися прямо въ лавки, гдѣ въ открытыхъ сусѣкахъ ссыпаны были разныя крупы, овесъ и горохъ. Народъ былъ все рослый, краснорожій, какъ и слѣдуетъ быть запольскимъ приказчикамъ. Старикъ Колобовъ остановился у одной лавки, гдѣ шла ожесточенная игра, сопровождавшаяся веселымъ ржаньемъ, прибаутками и тычками, посмотрѣлъ на молодцовъ и только покачалъ головой.

— Тебѣ что понадобилось, дѣдка?

— А вчерашній день потерялъ, миленькіе...

— Проваливай въ налевомъ, приходи въ голубомъ.

Старикъ шелъ не торопясь. Онъ читалъ вывѣски, пока не нашелъ то, что ему нужно. На большомъ каменномъ домѣ онъ нашелъ громадную синюю вывѣску, гласившую большими золотыми буквами: „Хлѣбная торговля Т. С. Луковникова". Это и было ему нужно. Въ лавкѣ дремалъ благообразный старый приказчикъ. Поднявъ голову, когда вошелъ странникъ, онъ машинально взялъ изъ деревянной чашки на прилавкѣ копеечку и, подавая, сказалъ:

— Прими, старичокъ.

— Спасибо, миленькій...—отказался странникъ.—Мнѣ бы Тараса Семеныча повидать.

— Тараса Семеныча? Ступай-ка своей дорогой... Ежели каждый полѣзетъ къ Тарасу Семенычу, такъ ему и пообѣдать некогда будетъ.

— Можетъ, онъ почиваетъ?

— Нѣтъ, какой теперь сонъ, когда еще восьмой часъ на дворѣ?

— Ну, такъ я его подожду здѣсь. Доложи, что нѣкоторый человѣкъ очень желаетъ его видѣть по нѣкоторому дѣлу.

— Да я тебѣ мальчикъ дался?

— Ты-то не мальчикъ, а послать можешь... Очень бы хотѣлъ его повидать.

Прочухавшійся приказчикъ еще разъ смѣрилъ страннаго человѣка съ ногъ до головы, что-то сообразилъ и крикнулъ подручнаго. Откуда-то изъ-за мѣшковъ съ мукой выскочилъ молодецъ, выслушалъ приказъ и полетѣлъ съ докладомъ къ хозяину. Черезъ минуту онъ вернулся и объявилъ, что самъ придетъ сейчасъ. Дѣйствительно, послышались тяжелые шаги, и въ лавку заднею дверью вошелъ высокій сѣдой старикъ въ котиковомъ картузѣ. Онъ посмотрѣлъ на страннаго человѣка черезъ старинныя серебряныя очки и проговорилъ не торопясь:

— Это ты меня спрашивалъ?

— Видно я... Аль не узнаёшь, Тарасъ Семенычъ?

Старикъ приподнялъ голову, еще разъ внимательно разсмотрѣлъ мудренаго человѣка и съ прежнимъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Пойдемъ въ горницы, Михей Зотычъ.

Михей Зотычъ былъ одинъ, и торговому дому Луковникова приходилось имѣть съ нимъ немалыя дѣла, поэтому приказчикъ сразу вытянулся въ струнку, точно по немъ выстрѣлили. Молодецъ тоже былъ удивленъ и во всѣ глаза смотрѣлъ то на хозяина, то на приказчика. А хозяинъ шелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обходя бунты мѣшковъ, а потомъ маленькою дверцей провелъ гостя къ себѣ въ низенькія горницы, устроенныя по-старинному.

— Ну, здравствуй, дорогой гостенекъ,—поздоровался онъ наконецъ.— Али на богомолье куда наклался?

— Нѣтъ, по-дорожному, Тарасъ Семенычъ... Почитай всю Ключевую пѣшкомъ прошелъ. Да вотъ и завернулъ тебя провѣдать...

— Такъ, такъ... Заходилъ ко мнѣ Галактіонъ-то, поклончикъ отъ тебя сказывалъ. Да... Невѣсту высматривать пріѣхали у Малыгиныхъ.

— Есть и такой грѣхъ, Тарасъ Семенычъ. Житейское дѣло... Надо обженить Галактіона-то, пока не избаловался.

— Такъ, такъ.

Хозяинъ что-то хотѣлъ сказать, но только посмотрѣлъ на гостя своими темными близорукими глазами. Гость понялъ этотъ нѣмой вопросъ и отвѣтилъ:

— Самъ-то Харитонъ Артемьичъ не совсѣмъ, а кровь хорошая... Хорошая кровь, нечего хаять.

— Которую выбралъ?

— А съ краешку, значитъ, Серафиму. Малость жидковата, а такія-то живущѣе... Закинулъ я даве словечко съ самой-то. Правильная женщина, обстоятельная...

— Еще бы, изъ старинпаго рода Аѳуса-то Гавриловна. Въ свойствѣ мы съ ней, хотя и небольшая родня.

Горницы у Тараса Семеныча были устроены по-старинному, низенькія, съ небольшими оконцами, запиравшимися на ночь ставнями, съ самодѣльными ковриками изъ стараго тряпья, съ кисейными занавѣсками, горками съ посудой и самымъ простенькимъ письменнымъ столомъ, приткнутымъ въ гостиной. Были еще двѣ маленькихъ комнаты, въ одной изъ которыхъ стояла кровать хозяина и несгораемый шкапъ, а въ другой жила дочь Устинька со старухой-нянькой. Даже на неприхотливый взглядъ Михея Зотыча горницы были малы для такого человѣка, какъ Тарасъ Семенычъ.

— Ты вѣдь нынче въ большихъ тысячахъ,—заговорилъ гость послѣ длинной паузы.—Надо бы наверхъ перебраться.

— Ладно и здѣсь, Михей Зотычъ. Какъ-то обжился, а тамъ пусто, наверху-то. Вотъ, когда гости наберутся, такъ наверхъ зову.

— Другіе-то вонъ какъ у васъ поживаютъ въ Запольѣ. Недалеко ходить, взять хоть того же Харитона Артемьича. Однимъ словомъ, свѣтленько живутъ.

— Другіе и пусть живутъ по-другому, а намъ и такъ ладно. Кому надо, такъ и моихъ маленькихъ горницъ не обѣгаютъ. Нѣтъ, ничего, хорошіе люди не брезгаютъ... Много у насъ въ Запольѣ этихъ другихъ-то развелось. Модники... Смотрѣть-то на нихъ тошно, Михей Зотычъ. А все черезъ бабъ... Испотачили бабёшекъ, вотъ и мутятъ: подавай имъ все по-модному.

— Денежки у васъ дикія, вотъ онѣ пѣтухами и поютъ.

— Есть и такой грѣхъ. Не пожалуемся на дѣла, нечего Бога гнѣвить. Взысканы черезъ число... Только опять и то сказать, купца къ купцу тоже не примѣнишь. Стариннаго-то, кондоваго купечества немного осталось, а развелся теперь разный мусоръ. Взять вотъ хоть этихъ степняковъ,—всѣ они съ бору да съ сосенки набрались. Одинъ приказчикомъ былъ, хозяина обворовалъ и на воровскія деньги въ люди вышелъ.

— Это ты насчетъ Малыгина?

— Не одинъ онъ такой-то... Другіе въ ордѣ темнымъ дѣломъ капиталъ пріобрѣли, какъ Харитошка Булыгинъ. Извѣстное дѣло, какъ тамъ капиталы наживаютъ. Не даромъ говорится: орда слѣпая. Какими деньгами разсчитываются въ ордѣ? Ордынецъ возьметъ бумажку, посмотритъ и проситъ дать другую, чтобы „тавро поятнѣе“.

— Фальшивой работы бумажки?

— И своей фальшивой и привозныя. Какъ-то наѣзжалъ ко мнѣ по зимѣ одинъ такой-то хахаль, предлагалъ купить по триста рублей тысячу. „У васъ,—говоритъ,—уйдутъ въ степь за настоящія“... Ну, я его, конечно, прогналъ. Ступай,—говорю,—къ степнякамъ, а мы этимъ самымъ товаромъ не торгуемъ... Есть, конечно, и изъ мучниковъ всякіе. А только деньги дѣло наживное: какъ пришли, такъ и ушли. Чего же это мы съ тобой въ сухую-то тары-бары разводимъ? Пьешь чай-то?

— Охъ, пью, миленькій... И грѣшно, а пью. Великій соблазнъ, а пью... По нашей-то вѣрѣ это даже вотъ какъ нехорошо.

— Пустяки это все... Чай—злакъ Божій и созданъ онъ на потребу человѣку. А потомъ, не сквернитъ человѣка входящее во уста, а исходящее изъ устъ... Ой, Матрена!

Въ дверяхъ показалась старуха-няня, изъ-за которой выглядывала дѣтская русая головка.

— Наставь-ка намъ самоварчикъ, честная мать. Гость у меня... А ты, Устюша, иди сюда. Да не бойся, глупая.

Старикъ долженъ былъ самъ подойти къ дѣвочкѣ и вывелъ ее за руку. Устюшѣ было всего восемь лѣтъ. Это была прехорошенькая дѣвочка съ русыми волосами, голубыми глазами и пухлымъ розовымъ ротикомъ. Простое ситцевое розовое платьице дѣлало ее такою милою куколкой. У Тараса Семеныча сразу измѣнился весь видъ, когда онъ заговорилъ съ дочерью,—и лицо сдѣлалось такое доброе, и голосъ ласковый.

— Да ты не бойся, Устюша,—уговаривалъ онъ дичившуюся маленькую хозяйку.—Михей Зотычъ, вотъ и моя хозяйка. Прошу любить да жаловать... Вотъ ты не дождался насъ, а то мы бы какъ разъ твоему Галактіону въ самую пору. Любишь чужого дѣдушку, Устюша?

— Нѣ-ѣ-тъ,—недовѣрчиво протянула дѣвочка.—Онъ беззубый.

— Ну, это пустяки: мы ему зубы молодые вставимъ.

— А я тебѣ гостинца привезу въ другой разъ,—пробовалъ задобрить гость упрямившуюся маленькую хозяйку.—Любишь пряники?

— Подымай выше,—засмѣялся счастливый отецъ.—Намъ пряники ни по чемъ, а подавай фрукты.

— Набалуешь дочь, Тарасъ Семенычъ.

— Пока мала, и пусть побалуется, а когда въ разумъ войдетъ, мы и строгость покажемъ. Одна вѣдь она у меня, какъ перстъ... Только и свѣту въ окнѣ.

Колобовъ совсѣмъ отвыкъ отъ маленькихъ дѣтей и не зналъ, какъ ему разговаривать съ Устюшей. Впрочемъ, дѣвочка недолго оставалась у отца и убѣжала въ кухню къ нянѣ.

— Вотъ ращу дочь, а у самого кошки на душѣ скребутъ,—замѣтилъ Тарасъ Семенычъ, провожая глазами убѣгавшую дѣвочку.—Самъ-то старъ становлюсь, а съ кѣмъ она жить-то будетъ?.. Вотъ нынче какой народъ пошелъ: козырь на козырѣ. Конечно, капиталъ будетъ, а только деньгами зятя не купишь, и черезъ золото большія слезы льются.

За самоваромъ старики разговорились. Михей Зотычъ снялъ свою сермяжку и остался въ одной синей рубахѣ.

— Ты это что добрыхъ-то людей пугаешь? — еще разъ удивился хозяинъ, улыбаясь. — Бродяга не бродяга, а около этого.

— Да такъ нужно было, Тарасъ Семенычъ... Вѣдь я не одну невѣсту для Галактіона смотрѣть пришелъ, а и себя не забылъ. Тоже жениться хочу.

— Хорошъ женихъ!

— А то какъ же... И невѣсту ужъ высмотрѣлъ. Хорошая невѣста, а жениховъ не было. Ну, вотъ я и пришелъ... На вашей Ключевой женюсь.

— Н-но-о?

— Вѣрно тебѣ говорю... Заводы бросаю, всю семью вывожу на Ключевую. Всѣмъ работы хватитъ... И мѣстечко приглядѣлъ, повыше Суслона, гдѣ малыгинскій зять писаритъ. Ахъ, хорошо мѣстечко!.. Ужо меленку поставлю.

— А свою бросаешь?

— Жаль, а приходится бросать. Тоже вѣдь на Ключевой стоитъ. Своя рѣка-то... Ну, пока мы къ заводамъ обязанные были, такъ оно некуда было

дѣться, а теперь совсѣмъ другое. О сынахъ надо позаботиться... Дѣла тамъ мало, въ горахъ. Много ли тамъ хлѣба сѣютъ, а здѣсь у васъ приволье. Вотъ я всю Ключевую наскрозь и прошелъ... Не рѣка, а угодница. Два города стоитъ, три завода, а сколько фабрикъ, заимокъ, мельницъ — и не пересчитаешь... Иду и дивлюсь. Верстъ съ триста прошелъ, а все въ виду селенья. Другой такой рѣки и въ Расеѣ съ огнемъ не сыщешь. Ахъ, хороша рѣчка!

— Большую мельницу-то думаешь строить?

— А ужъ это какъ Богъ приведетъ... Вотъ еще, какъ мои-то помощники. Емельянъ-то, значитъ, большакъ, изъ воли не выходитъ, а на Галактіона какъ будто и не надѣюсь. Мудреный онъ у меня.

— Знаю, знаю, что любимый сынъ... Самъ виноватъ, что набаловалъ.

— Нѣтъ, не то... Особенный онъ, умственный. Всякое дѣло разсудитъ... А то упрется на чемъ, такъ точно на пень наѣхалъ.

— Постой, Михей Зотычъ, а вѣдь ты неправильно говоришь: наклался ты сына середняка женить, а какъ же большакъ-то неженатый останется? Не порядокъ это.

Гость немного замялся и только потомъ объяснилъ:

— Особенное тутъ дѣло выходитъ, Тарасъ Семенычъ. Да... Не спросился Емельянъ-то, видно, родителя. Грѣхъ тутъ большой вышелъ... Тамъ еще, на заводѣ, познакомился онъ съ одною дѣвицей... Ну, а она не нашей вѣры, и жениться ему нельзя, потому какъ или ему въ православные итти, или ей въ дѣвкахъ сидѣть. Такъ это самое дѣло и затянулось: ни взадъ ни впередъ.

— И хорошая дѣвушка?

— Ему, значитъ, хороша, а я не видалъ.

Луковниковъ былъ православный, хотя и дружилъ по торговымъ дѣламъ со старовѣрами. Этотъ случай его возмутилъ, и онъ откровенно высказалъ свое мнѣніе, именно, что ничего Емельяну не остается, какъ только принять православіе.

— Вѣдь вотъ вы всѣ такіе, — каралъ онъ гостя. — Послушать, такъ все у васъ, какъ по-писанному, какъ слѣдуетъ быть... Вѣдь вотъ сидимъ вмѣстѣ, пьемъ чай, разговариваемъ, а не съѣли другъ друга. И дѣла раньше дѣлали... Чего же Емельяну поперекъ дороги вставать? Православной-то ужъ ходу никуда нѣтъ... Ежели ужъ такое дѣло случилось, такъ надо по человѣчеству разсудить.

— И то я ихъ жалѣю, про себя жалѣю. И Емельянъ-то ужъ въ годахъ. Самъ не маленькій... Ну, вижу: помутился онъ, тоскуетъ... Ну, я ему разъ и говорю: „Емельянъ, когда я помру, дѣлай, какъ хочешь. Я съ тебя воли не снимаю“. Такъ и сказалъ. А при себѣ не могу дозволить.

Хозяинъ только развелъ руками. Вотъ тутъ и толкуй съ упрямымъ старичонкой. Не угодно ли дожидаться, когда онъ умретъ, а Емельяну ужъ подъ сорокъ. Скоро сѣдой волосъ прошибетъ.

— Однако я у тебя закалякался, — объявилъ гость, поднимаясь. — Мнѣ и спать пора... Я вѣдь, какъ воробей, поднимаюсь вмѣстѣ съ зарей.

— Да гдѣ ты остановился-то, Михей Зотычъ?

— А самъ еще не знаю гдѣ, миленькій. Гдѣ Богъ приведетъ... На постоялый дворъ куда-нибудь заверну.

— Оставайся у меня. Мѣсто найдемъ.

— Мѣсто-то найдется, да я не люблю себя стѣснять... А тамъ я самъ большой, самъ маленькій, и никому до меня дѣла нѣтъ.

— Ну, съ тобой каши не сваришь. Заходи какъ-нибудь.

Уходя отъ Тараса Семеныча, Колобовъ тяжело вздохнулъ. Говорили по душѣ, а главнаго-то онъ все-таки не сказалъ. Что̀ болтать прежде времени? Онъ шелъ опять по Хлѣбной улицѣ и думалъ о томъ, какъ здѣсь все перемѣнится черезъ нѣсколько лѣтъ, и что главною причиной перемѣны будетъ онъ, Михей Зотычъ Колобовъ.

VI.

Старикъ Колобовъ зажился въ Запольѣ. Онъ точно обыскалъ весь городъ. Все-то ему нужно было видѣть, со всѣми поговорить, вездѣ побывать. Сначала всѣ дивились чудно̀му старику, а потомъ привыкли. Городъ нравился Колобову, а еще больше нравилась рѣка Ключевая. По утрамъ онъ почти каждый день уходилъ купаться, а потомъ садился на бережокъ и проводилъ цѣлые часы въ какомъ-то созерцательномъ настроеніи. Ахъ, хороша рѣка, настоящая кормилица.

— А вы неладно съ городомъ-то устроились, — говорилъ Колобовъ мучникамъ, жарившимъ въ шашки у своихъ лавокъ. — Охъ, неладно!

— А чѣмъ мы провинились, дѣдка?

— Да такъ... Грѣшнымъ дѣломъ, огонекъ пыхнетъ, вы за водой, да въ болотѣ и завязнете. Вѣрно говорю... Не бѣду накликаю, а къ примѣру.

Всѣ соглашались съ нимъ, но никто не хотѣлъ ничего дѣлать. Слава Богу, отцы и дѣды жили, чего же имъ иначить? Конечно, подъѣздъ къ рѣкѣ надо бы вымостить, это ужъ вѣрно, — ну, да какъ-нибудь...

Колобовъ поджидалъ сыновей, уѣзжавшихъ по дѣламъ на заводы. Они должны были вернуться давно, да что-то замѣшкались. Старику пришлось проболтаться въ Запольѣ цѣлыхъ двѣ недѣли, пока они вернулись. Пріѣхали двое старшихъ, Емельянъ и Галактіонъ. Они одѣвались уже по-новому, въ пиджаки и сюртуки, какъ слѣдуетъ быть новымъ людямъ. Емельяну уже было подъ сорокъ и на макушкѣ у него просвѣчивала порядочная лысина. Это былъ молчаливый человѣкъ, занятый какими-то своими мыслями. Много-много, если взглянетъ на кого, а то и такъ сойдетъ. Окладистая русая борода и строгіе сѣрые глаза придавали ему вообще довольно суровый видъ. Галактіонъ былъ моложе на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Это былъ высокій статный молодецъ съ типичнымъ русскимъ лицомъ, только-что опушеннымъ небольшою бородкой. Ласковые темные глаза постоянно улыбались. У старика Колобова всѣ надежды заключались въ Галактіонѣ, — очень ужъ умный паренекъ издался. За что ни возьмется, всякая работа горитъ въ рукахъ. Онъ и механикъ, и мельникъ, и бухгалтеръ, и все, что̀ хочешь. Никакое дѣло отъ рукъ не отобьется.

— Высмотрѣлъ я мѣсто себѣ подъ мельницу, — объяснялъ старикъ сыновьямъ. — Всю Ключевую прошелъ — лучше не сыскать. Подъ Суслономъ, гдѣ Прорывъ.

— Что̀ же, будемъ строиться, — согласился Галактіонъ. — Мы проѣзжали мимо Суслона. Мѣсто подходящее... А только я бы лучше на устьѣ Ключевой поставилъ мельницу.

— Далеконько отбилось устье-то, почитай въ самой ордѣ, — сказалъ старикъ: — а Суслонъ въ самомъ горлѣ... Кругомъ, какъ полная чаша.

Пораздумавшись, старикъ рѣшилъ, что нужно съѣздить на устье Ключевой, до котораго отъ Заполья не больше верстъ шестидесяти.

— Посмотримъ, — бормоталъ онъ, поглядывая на Галактіона. — Только вѣдь въ устьѣ-то вода будетъ по веснѣ долить. Сила не возьметъ... Одна другую рѣки будутъ подпирать.

Емельянъ, по обыкновенію, молчалъ, точно его кто на ключъ заперъ. Ему было все равно: Суслонъ, такъ Суслонъ, а хорошо и на устьѣ. Вотъ Галактіонъ другое, — у того что-то было на умѣ, хотя старикъ и не выпытывалъ прежде времени.

Поѣздка на устье Ключевой являлась одной прогулкой, — такъ было все хорошо кругомъ. Сначала старикъ не соглашался ѣхать на лошадяхъ и непремѣнно хотѣлъ итти пѣшкомъ, но Галактіонъ его уломалъ... Дорога шла правымъ степнымъ берегомъ, гдѣ зеленымъ ковромъ разстилались поемные луга, а за ними разлеглась уже степь, запаханная только наполовину. И селитьба здѣсь пошла рѣдкая. Похаять мѣста, конечно, нельзя, а все-таки не то, что подъ Суслономъ. Быстрою сибирскою ѣздой шестьдесятъ верстъ сдѣлали въ пять часовъ: выѣхали пораньше утромъ, а къ десяти часамъ были уже на мѣстѣ.

— Вотъ это такъ мѣсто!—проговорилъ Галактіонъ, когда дорожный коробокъ остановился на мысу.

Дѣйствительно картина была замѣчательная. Глубокій Тоболъ шелъ по степи „въ трубѣ“, точно въ нарочно прорытой канавѣ. Ключевая впадала съ лѣвой стороны, огибая отлогій мысъ, извѣстный подъ названіемъ Городища, потому что на немъ еще сохранились слѣды старыхъ земляныхъ валовъ и глубокихъ рвовъ. Мѣсто сліянія двухъ рѣкъ образовало громадное плесо, въ которомъ вода сейчасъ стояла, какъ зеркало. Михей Зотычъ долго ходилъ по берегу, присматривая открывавшуюся даль изъ-подъ руки. Онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, крутилъ головой и наконецъ вырѣшилъ все дѣло:

— Какое же это мѣсто? Тутъ надо какую плотину — страшно вымолвить... Да и весной вода вонъ куда поднимается.

Онъ показалъ размывы берега, гдѣ черта водяного весенняго уровня была налицо.

— Тутъ надо каменную плотину налаживать, да и ту прорветъ, — ворчалъ старикъ, тыкая своею черемуховою палкой въ водороины.

— А я бы такъ не ушелъ отсюда, — думалъ вслухъ Галактіонъ, любуясь мѣстомъ. — Вѣдь что только можно здѣсь сдѣлать, родитель!

— Ну-ка, что?— поддразнилъ старикъ.

— Пароходную пристань вотъ тутъ, а повыше буянъ для склада всякихъ товаровъ... Вотъ что!

— А пароходы гдѣ?

— За пароходомъ дѣло не станетъ... По другимъ-то мѣстамъ вездѣ пароходы, а мы все гужомъ волокемъ. Отсюда во всѣ стороны дорога: подъ Семипалатинскъ, въ степь, на Обь къ рыбнымъ промысламъ... Работы хватитъ.

Галактіонъ даже закрылъ глаза, рисуя себѣ заманчивую картину будущаго пароходства. Михей Зотычъ понялъ, куда гнулъ любимый сынъ, и нахмурился. Не о пустякахъ надо было сейчасъ думать, а у него вонъ что на умѣ: пароходы... Тоже придумаетъ.

— Ну, ужъ ты самъ ѣзди на своихъ пароходахъ,—ворчалъ онъ, размахивая палкой: — а мы на берегу посидимъ.

— Одно другому не мѣшаетъ, родитель.

— А вотъ и мѣшаетъ! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь... Надо выкинуть дурь-то изъ головы. Я вотъ покажу тебѣ такой пароходъ....

Повернувшись къ Галактіону, старикъ неожиданно проговорилъ:

— Я тебѣ невѣсту высваталъ, дураку, а у тебя пароходы на умѣ. Благодарить будешь.

Галактіонъ ничего не отвѣтилъ отцу, а только опустилъ глаза. Онъ даже не спросилъ, кто невѣста. Это послѣднее окончательно возмутило старика, и онъ накинулся на своего любимца съ неожиданною яростью.

— Да ты что молчишь-то, пень березовый?.. Я для него убиваюсь, хлопочу, а онъ хоть бы словечко.

— Что же мнѣ говорить?—замялся Галактіонъ.—Изъ твоей воли я не выхожу. Не перечу... Ну, высваталъ, значитъ, такъ тому дѣлу и быть.

— А для кого я хлопоталъ-то, дерево ты стоеросовое?.. Ты что долженъ сдѣлать, идолъ каменный? Въ ноги мнѣ долженъ кланяться, потому какъ я тебѣ судьбу устраиваю. Ты вотъ считаешь себя умникомъ, а для меня ты въ родѣ дурака... Да. Ты бы хоть спросилъ, какая невѣста-то?.. Ахъ безчувственный ты истуканъ!

— Знаю, какая-такая невѣста, — уже спокойно отвѣтилъ Галактіонъ, поднимая глаза на отца.—Что же, дѣвушка хорошая... Немножко въ годкахъ, ну, да это ничего.

— Ну, а еще-то что? Ну, договаривай.

— А еще то, родитель, что ту же бы дѣвушку взять да самому, такъ оно, пожалуй, и лучше бы было. Это я такъ, къ слову... А вообще Серафима Харитоновна дѣвица вполнѣ правильная.

— Вотъ какъ ты со мной разговариваешь, Галактіонъ! Надъ роднымъ отцомъ выкомуриваешь!.. Хорошо, я тогда съ тобой иначе буду говорить.

Эта сцена болѣе всего отозвалась на молчавшемъ Емельянѣ. Большакъ понималъ, что это онъ виноватъ, что отецъ самовольно хочетъ женить Галактіона на немилой, какъ дѣлывалось въ старину. Боится старикъ, чтобы Галактіонъ не выкинулъ такую же штуку, какъ онъ, Емельянъ. Вотъ и торопится... Совѣстно стало большаку, что изъ-за него заѣдаютъ чужой вѣкъ. И что это накатило на старика? А Галактіонъ выдержалъ до конца и ничѣмъ не выдалъ своего настроенія.

Упрямый старикъ сердился всю дорогу и все поглядывалъ на Галактіона, который не проронилъ ни слова. Подъѣзжая къ Заполью, Михей Зотычъ проговорилъ:

— Думалъ я, по осени сыграемъ свадьбу... По-хорошему, думалъ, все дѣльце пойдетъ. А теперь другое... Да. Черезъ двѣ недѣли теперь свадьба будетъ.

— А по-мнѣ все равно, — проворчалъ Галактіонъ. — Хоть завтра.

— Ты у меня погори, Галактіонъ!.. Вотъ сынка Богъ послалъ!.. Я о немъ же забочусь, а у него пароходы на умѣ. Вотъ тебѣ и пароходъ!.. Самъ виноватъ, самъ довелъ меня. Охъ, согрѣшилъ я съ вами: одинъ умнѣе отца захотѣлъ быть и другой туда же... Нѣтъ, шабашъ! Будетъ веревки-то изъ меня вить... Я и тебя, Емельянъ, женю по пути. За одинъ разъ терпѣть-то отъ васъ. Для кого я хлопочу-то, галманы вы этакіе? Вотъ на старости лѣтъ въ новое дѣло впутываюсь, петлю себѣ на шею надѣваю, а вы...

Михей Зотычъ ужасно волновался и нѣсколько разъ ссылался на покойную жену, которая еще не такъ бы поступила съ ослушниками отцовской воли.

— Она не посмотрѣла бы, что такіе лбы выросли... Да! — выкрикивалъ старикъ, хотя сыновья и не думали спорить. — Вѣдь мы такъ же поженились, да прожили вѣкъ не хуже другихъ.

Братья нисколько не сомнѣвались, что отецъ не будетъ шутить и сдержитъ свое слово. Не такой человѣкъ, чтобы болтать напрасно. Впрочемъ, Галактіонъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего волненія и относился къ своей судьбѣ, какъ къ дѣлу самому обыкновенному.

Вообще вся колобовская семья была какая-то странная, что объясняется отчасти ихъ генеалогіей. Первымъ объявился на Уралѣ дѣдушка Колобокъ; онъ былъ изъ сибирскихъ бѣглыхъ. Пробираясь изъ Сибири въ Расею, онъ застрялъ на одномъ изъ горныхъ уральскихъ заводовъ, женился, да такъ и остался навсегда. Откуда онъ былъ родомъ и кто такой — никто не зналъ, даже единственный сынъ Михей Зотычъ. Дѣдъ не любилъ говорить о своемъ прошломъ. Извѣстно было только одно, что онъ былъ „по старой вѣрѣ“. На заводахъ въ то время очень нуждались въ живой рабочей силѣ и охотно держали бродягъ, скрывая ихъ по рудникамъ, отдаленнымъ куренямъ и пріискамъ. Дѣдъ такъ и прожилъ „колобкомъ“ до самой смерти, а сынъ, Михей Зотычъ, уже былъ приписанъ къ заводскимъ людямъ, наравнѣ съ другими дѣтьми. Этому „заводскому сыну“ пришлось пройти очень тяжелую школу, пока онъ выбился въ люди, т.-е. достигъ извѣстной самостоятельности. Время было крѣпостное, суровое, а на заводахъ царили порядки добраго каторжнаго времени. Михей Зотычъ проходилъ „механическій цехъ“, потомъ попалъ къ паровымъ котламъ, потомъ на мѣдный рудникъ къ штанговой машинѣ, откачивавшей изъ шахты воду, потомъ къ лѣснымъ поставкамъ, — однимъ словомъ, прошелъ сложный и тяжелый путь. Его спасли такъ называемыя отрядныя работы, которыя сдавались своимъ же заводскимъ рабочимъ съ торговъ. Тутъ впервые сказалась вся смѣтка и находчивость недавняго простого рабочаго. Онъ быстро выдвинулся впередъ и началъ копить деньгу. Такъ продолжалось лѣтъ десять. Въ это время Михей Зотычъ успѣлъ жениться и обзавелся своимъ домкомъ. Одно оставалось у него на душѣ — и при деньгахъ онъ оставался подневольнымъ человѣкомъ, неся отцовское иго. Добиться воли, сбросивъ съ себя отцовскій плѣнъ, сдѣлалось завѣтною мечтой настойчиваго и предпріимчиваго человѣка. Но выкупиться богатому подрядчику изъ заводской неволи было немыслимо: заводы не нуждались въ деньгахъ, какъ помѣщики, а отпускать отъ себя богатаго человѣка невыгодно, т.-е. богатаго по своей крѣпостной заводской ариѳметикѣ. Но тутъ спасъ Михея Зотыча счастливый случай. Нужно было соединить каналомъ одну горную рѣчку съ заводскимъ прудомъ. Русскіе инженеры, дѣлавшіе промѣры, рѣшили, что это невозможно. Ихъ смѣнилъ какой-то французскій инженеръ и подтвердилъ то же самое. Тогда Михей Зотычъ „прошелъ линію“ со своимъ бурачкомъ съ водой и заявилъ, что проведетъ каналъ, если ему дадутъ вольную. Работы по приблизительнымъ смѣтамъ равнялись тридцати тысячамъ рублей. Счетъ шелъ на ассигнаціи, но эти крѣпостныя ассигнаціи стоили дороже вольныхъ серебряныхъ рублей. Заводоуправленіе согласилось,—вѣроятно, въ видѣ курьеза,— и черезъ три года работы каналъ былъ готовъ и самымъ блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ расчеты самоучки-инженера.

Получивъ вольную (дѣйствіе происходило въ сороковыхъ годахъ), Михей Зотычъ остался на заводахъ. Онъ арендовалъ у заводовладѣльца мельницу въ верховьяхъ Ключевой и зажилъ на ней совсѣмъ вольнымъ человѣкомъ. Нужно было снова нажить капиталъ, чтобы выступить на другомъ поприщѣ. И этотъ послѣдній шагъ Михей Зотычъ дѣлалъ сейчасъ.

VII.

Дѣло со свадьбой быстро пошло впередъ. Двухнедѣльный срокъ, данный Михеемъ Зотычемъ, поднялъ малыгинскій домъ вверхъ дномъ. Аѳуса Гавриловна просто сбилась съ ногъ со своими бабьими хлопотами. Оказалось, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, что и того нѣтъ, и этого недостаетъ, и

третьяго не хватаетъ, а о четвертомъ и совсѣмъ позабыли. И въ то же время нужно было сдѣлать все по-настоящему, чтобы не осрамиться передъ другими и не запереть ходъ остававшимся невѣстамъ. Чужіе-то люди все замѣтятъ и зубы во рту у невѣсты пересчитаютъ, и Анѳуса Гавриловна готова была вылѣзти изъ кожи, чтобы не осрамить своей репутаціи. А тутъ еще наѣхали разныя тетки, своячинницы и дальнія родственницы, и каждая чѣмъ-нибудь разстраивала.

— Женишокъ, нечего хаять, хорошъ, а только капиталъ у нихъ сумнительный, да и дѣлить его придется промежду тремя братьями,—говорила тетка со стороны мужа. — На запольскихъ-то невѣстъ всякій позарится, кому и не надо.

— Ну, капиталъ дѣло наживное,—спорила другая тетка:—не съ деньгами жить... А вотъ карахтеромъ-то ежели въ тятеньку родимаго женишокъ издастся, такъ ужъ онъ не того... Михей-то Зотычъ, сказываютъ, двухъ женъ въ гробъ заколотилъ. Аспидъ настоящій, а не человѣкъ. Да еще сказываютъ, что у Галактіона-то Михеича ужъ была своя невѣста на примѣтѣ, любовнымъ дѣломъ, ну, вотъ старикъ-то и торопитъ, чтобы огласки какой не вышло.

Анѳуса Гавриловна все это слышала изъ пятаго въ десятое, но только отмахивалась обѣими руками: она хорошо знала цѣну этимъ разстройнымъ свадебнымъ рѣчамъ. Не одно хорошее дѣло разсыпалось вотъ изъ-за такихъ бабьихъ шопотовъ. Лично ей женихъ очень нравился, хотя она многаго и не понимала въ его поведеніи. А главное, очень ужъ пришелся онъ по душѣ невѣстѣ. Чего же еще надо? Серафимочка точно помолодѣла лѣтъ на пять и была совершенно счастлива.

— Высидѣла жениха,—шептали бѣдныя родственницы, не могшія простить этого счастія и подыскивавшія что-нибудь непріятное.—Ну, да ему, голенькому, какъ разъ по зубамъ невѣста-перестарокъ.

Теперь весь верхъ малыгинскаго дома былъ занятъ женщинами, хлопотавшими около невѣстина приданаго. Особенно хорошо было по вечерамъ, когда наѣзжали со всего Заполья подруги невѣсты и всѣ комнаты наполнялись беззаботнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ, молодыми голосами и старинными свадебными пѣснями. Сколько тутъ было хорошенькихъ дѣвичьихъ лицъ, блестѣвшихъ молодостью глазъ и того безпричиннаго веселья, которое приходитъ и уходитъ вмѣстѣ съ молодостью. Выворочены были изъ кладовыхъ старинные сундуки съ заготовленнымъ уже раньше приданымъ, по столамъ вездѣ разложены всевозможныя новыя матеріи,— однимъ словомъ, работа шла во всю. Дѣлалось все это, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы всѣ видѣли, какъ Малыгины выдаютъ дочь замужъ. Изъ всѣхъ дѣвушекъ веселилась, главнымъ образомъ, Харитина, на которую теперь мать почему-то особенно ворчала и не давала прохода.

— И что ты хвостомъ-то повертываешь, безсовѣстная?—ворчала Анѳуса Гавриловна.—Ты у меня смотри, я до тебя доберусь!

— Мамынька, да что вы въ самомъ-то дѣлѣ привязываетесь ко мнѣ?

— Погоди, я тебѣ покажу, вертихвостка!

Особенно доставалось Харитинѣ, когда пріѣзжалъ женихъ. Анѳуса Гавриловна не спускала глазъ съ нея. Дѣло доходило до подзатыльниковъ и слезъ.

— А не лѣзь на глаза, не представляйся!—какъ-то по-змѣиному шипѣла Анѳуса Гавриловна. — Вонъ другія-то дѣвушки прячутся отъ мужчинъ, а ты все на выставку, все на выставку!

— Мамынька, да, право же, ей-Богу, я ничего... Я тоже буду прятаться

Женихъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и зналъ всѣ порядки по свадебному дѣлу. Онъ пріѣзжалъ каждый день и проводилъ съ невѣстой какъ разъ столько времени, сколько нужно—ни больше ни меньше. И остальныхъ дѣвушекъ не забывалъ: для каждой у него было свое словечко. Всѣ невѣстины подруги полюбили Галактіона Михеича, а старухи шептали по угламъ:

— Ну, этотъ изъ молодыхъ да ранній! Пожалуй, другимъ-то зятьямъ и пикнуть не дастъ.

Нравился дѣвушкамъ и другой братъ, Емельянъ. Придетъ на дѣвичникъ, сядетъ въ уголокъ и молчитъ, какъ пришитый. Сначала всѣ дѣвушки какъ-то боялись его, а потомъ привыкли и насмѣлились до того, что сами начали приставать къ нему и свои дѣвичьи шутки шутить.

— Емельянъ Михеичъ, разскажите сказочку! Емельянъ Михеичъ, спойте пѣсенку!

А Емельянъ Михеичъ сидитъ и только молча улыбается. Самыя смѣлыя дѣвушки кончили тѣмъ, что стали примѣривать на него невѣстины наряды, надѣвали на него чепцы и шляпы и хохотали до слезъ. Одно появленіе Емельяна уже вызывало общее веселье, и дѣвушки нападали на него всею гурьбой, какъ осиное гнѣздо. А онъ все молчалъ и только улыбался. При немъ не стѣснялись и болтали все, что̀ взбредетъ въ голову, его же тащили во всѣ дѣвичьи игры и шалости, теребили за бороду, цѣловались и продѣлывали всякія дурачества, особенно, когда старухи уходили послѣ обѣда отдохнуть. Съ другими мужчинами не смѣли и сотой доли того сдѣлать, а жениха даже побаивались, хотя на видъ онъ и казался ласковѣе. Всѣ чувствовали, что женихъ только старается быть вѣжливымъ, и что его совсѣмъ не интересуютъ дѣвичьи шутки и забавы.

И дѣйствительно, Галактіонъ интересовался, главнымъ образомъ, мужскимъ обществомъ. И тутъ онъ умѣлъ себя поставить и просто и солидно: старикамъ—уваженіе, а съ другими на равной ногѣ. Всего лучше Галактіонъ держалъ себя съ будущимъ тестемъ, который закрутилъ съ самаго перваго дня и могъ говорить всего только одно слово: „Выпьемъ!“. Будущій зять оказывалъ старику вниманіе и дѣлалъ такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ его безпросыпнаго пьянства.

— Богоданный тятенька, вы бы на террасѣ посидѣли... Оно на свѣжемъ воздухѣ пріятнѣе.

Такое поведеніе, конечно, больше всего нравилось Анѳусѣ Гавриловнѣ, ужасно стѣснявшейся сначала передъ женихомъ за пьянаго мужа, а теперь женихъ-то въ одну руку съ ней все дѣлалъ и даже самъ укладывалъ спать окончательно захмелѣвшаго тестя. Другимъ ужасомъ для Анѳусы Гавриловны былъ сынъ Ліодоръ, отъ котораго она прямо откупалась: дастъ денегъ, и Ліодоръ пропадетъ на день, на два. Когда онъ показывался гдѣ-нибудь на дворѣ, дѣвушки сбивались, какъ овечье стадо, въ одну комнату и запирались на ключъ.

Разъ все-таки Ліодоръ неожиданно для всѣхъ прорвался въ дѣвичью и схватилъ въ охапку первую попавшуюся дѣвушку. Поднялся отчаянный визгъ, и всѣ бросились вразсыпную. Но на выручку явился точно изъ-подъ земли Емельянъ Михеичъ. Онъ молча взялъ за плечо Ліодора и такъ его повернулъ, что у того кости затрещали,—у великаго молчальника была желѣзная сила.

— Да ты, чортъ, не очень, того! — бормоталъ потерявшійся Ліодоръ.— Мы и сами съ усами! Мелкими можемъ расчетъ дать!

Емельянъ только показалъ глазами на окошко, а потомъ вытолкалъ Ліодора въ дверь. Дѣвушки не знали, какъ и благодарить великодушнаго сплача, который опять молча улыбался.

Появилась въ малыгинскомъ домѣ и Евлампія Харитоновна, или, по-домашнему, „Полуштофова жена“. Прямой ссоры съ зятемъ-нѣмцемъ у Малыгиныхъ не было, но и родственной близости не выходило. Видались больше по праздникамъ да на именинахъ. Евлампія была большая модница и щеголяла напропалую. И на свадьбу она явилась въ такомъ платьѣ, что всѣ ахнули. Всѣ удивлялись только одному, откуда хитрый нѣмецъ беретъ деньги, чтобы такъ наряжать жену: ни торговли, ни службы, ни опредѣленныхъ занятій, ни капитала, а живетъ на широкую ногу. Познакомившись съ женихомъ, Евлампія сдѣлала презрительное движеніе плечами и только замѣтила:

— Не большого бобра убили, мамынька!

— Какого еще тебѣ жениха нужно, Евлампія?—обидѣлась Аѳуса Гавриловна.—Всѣ завидуютъ... Пожалуй, почище твоего-то нѣмца будетъ.

— Ну, моего нѣмца вы оставьте, мамынька. Вы ему теперь цѣны еще не знаете.

— То-то онъ что-то ужъ очень скрываетъ свою цѣну,—ядовито замѣтила Аѳуса Гавриловна.—Какъ будто и другіе тоже ничего не замѣчаютъ.

Вечеркомъ заглянула и Татьяна Харитоновна, бывшая за Булыгинымъ. Она урвалась изъ дому тайкомъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на Серафимина жениха. Не красно жилось Татьянѣ, похудѣла она, какъ щепка, подъ глазами синіе круги. Болѣло о ней сердце у Аѳусы Гавриловны, постоянно болѣло, а помочь было нечѣмъ. Такая ужъ неудача родилась. Она посмотрѣла на жениха изъ другой комнаты, похвалила и незамѣтно ушла домой, точно боялась своимъ присутствіемъ нарушить веселье въ отцовскомъ домѣ. Аѳуса Гавриловна даже всплакнула потихоньку, — очень ужъ жаль ей было Татьяны. Кажется, всѣхъ бы дочерей собрала подъ свое материнское крыло и никому не дала бы въ обиду. Вотъ и Анны, писаревой жены, тоже нѣтъ на свадьбѣ, и мать не разъ о ней вспоминала. Такъ, ни за грошъ дѣвку загубили... Отецъ и слышать ничего не хотѣлъ о суслонскомъ писарѣ.

— Ну что, каковъ женихъ?—спрашивала Аѳуса Гавриловна, провожая Татьяну по черной лѣстницѣ.

— Женихи-то всѣ хороши, мамынька,—уклончиво отвѣтила Татьяна.—Ничего, хорошій. Жениховъ-то, какъ гусей, по осени считаютъ. Что-то очень ужъ ласковый. Я это такъ, къ слову.

— Не буянъ бы да не пьяница, Татьянушка! А наша Серафима прямо ума рѣшилась. Горитъ вся.

— Дай Богъ, мамынька.

— Охъ, Татьянушка, болитъ у меня сердце за всѣхъ васъ! Вотъ какъ болитъ! Хотѣла выписать Анну изъ Суслона, да отецъ сразу поднялся на дыбы: слышать не хочетъ.

Въ Запольѣ еще сохранились старинные свадебные обряды, хотя они и перемѣшались съ новыми модными обычаями. Колобовская свадьба, благодаря спѣху, прошла кое-какъ въ этомъ отношеніи, и старухи, собравшіяся на свадьбу, сильно пеняли на старика Колобова. Куда ускорился старичонка, подумаешь, а дѣло не таковское. Блохъ ловить торопятся, а жену берутъ честь-честью. Не было настоящаго сватовства, не было рукобитія, а прямо начали съ дѣвичниковъ, точно на пожаръ погнали. Опытныя старушки ничего хорошаго въ этомъ спѣхѣ не видѣли и сулили молодымъ незадачу. Конечно, все это говорилось по угламъ, а не въ глаза мужниной или женины

роднѣ. Ломался старый вѣковой обычай, а это не къ добру. Самъ-то Михей Зотычъ, небось, и глазъ не казалъ на свадьбу, а отсиживался у себя на постояломъ дворѣ да на берегу Ключевой. Все обсудили старушки, все вызнали и по-своему разсудили дѣло: неправильная свадьба и, все равно, проку не будетъ. Вонъ и женихъ ужъ сейчасъ туманный ходитъ.

Веселилась и радовалась одна невѣста, Серафима Харитоновна. Очень ужъ по сердцу пришелся ей молодой женихъ, и она видѣла только его одного. Скорѣе бы только все кончилось... Съ нею онъ былъ сдержанно-ласковъ, точно боялся проявить свою жениховскую любовь. Только разъ Галактіонъ Михеичъ сказалъ невѣстѣ:

— Вы доброю волей за меня идете, Серафима Харитоновна? Пожалуйста, не обижайтесь на меня: можетъ-быть, у васъ былъ кто-нибудь другой на примѣтѣ?

— Что вы, Галактіонъ Михеичъ,—смущенно отвѣтила невѣста.—Никого у меня не было и никого мнѣ не нужно. Я вся тутъ. Сами видите, кого берете. Какъ вы, а я всею душой...

Галактіону Михеичу вдругъ сдѣлалось совѣстно, потому что онъ не могъ отвѣтить невѣстѣ такъ же искренно и просто. Собственно невѣста ему и нравилась, ему хотѣлось иногда ее приласкать, сказать ласковое словечко, но все какъ-то не выходило, да и свадебные гости мѣшали. Жениху съ невѣстой не приходилось оставаться съ глазу на глазъ.

Однажды вечеромъ на дѣвичникѣ, когда дѣвушки запѣли старинную пѣсню:

„Разступитеся, люди добрые,
Что на всѣ на четыре стороны!
Дайте-ка мнѣ путь-дороженьку,
Мнѣ итти къ родному батюшкѣ!..“—

у жениха вдругъ упало сердце, точно онъ дѣлалъ что-то нехорошее и кого-то обманывалъ, у него даже мелькнула мысль, что вѣдь можно еще отказаться, время не ушло, а впереди цѣлая жизнь съ нелюбимою женой. Но это было только проявленіе минутной слабости. Ничего не оставалось, какъ итти до конца. Взглянувъ на пригорюнившагося брата Емельяна, Галактіонъ понялъ, что они оба охвачены однимъ сомнѣніемъ, оба думали одну думу и оба приходили къ одному заключенію. Да, суженой-ряженой, видно, на конѣ не объѣдешь.

VIII.

На свадьбѣ Галактіонъ перезнакомился со всѣмъ Запольемъ, потому что теперь въ малыгинскій домъ валили званый и незваный. Это тоже старинный обычай, и чѣмъ больше гостей, тѣмъ больше почету невѣстиному дому. Даже старые недруги могли приходить, и старое зло на время забывалось. Изъ приходившихъ въ малыгинскій домъ большинство были купцы средней руки. Знать составляли такіе именитые люди, какъ старикъ Луковниковъ и запольскій богачъ Евграфъ Огибенинъ. Огибенинскій купеческій родъ пользовался громадною популярностью во всемъ округѣ, центръ котораго составляло Заполье. Еще дѣды вели здѣсь торговлю и завязывали первые узлы. Нынѣшній Евграфъ Огибенинъ являлся послѣднимъ словомъ купеческаго прогресса, потому что держалъ себя совсѣмъ на господскую ногу: одѣвался по послѣдней модѣ, волосы стригъ подъ гребенку, бороду брилъ, усы завивалъ и, въ довершеніе всего, остался старымъ холостякомъ, чего не случалось въ купечествѣ, какъ стояло Заполье.

— Пошелъ родъ на переводъ, говорилъ старикъ Луковниковъ, особенно недолюбливавшій Евграфа.

Другіе называли Огибенина просто „Еграшкой модникомъ“. Анѳуса Гавриловна была взята изъ огибенинскаго дома, хотя и состояла въ немъ на положеніи племянницы. Поэтому на малыгинскую свадьбу Огибенинъ явился съ большимъ апломбомъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ относился ко всѣмъ свысока, какъ къ дикарямъ, и чувствовалъ себя на одной ногѣ только съ Евлампіей Харитоновной.

Изъ всей этой малыгинской родни и сборныхъ гостей Галактіону ближе всѣхъ пришелся по душѣ будущій родственникъ, нѣмецъ Штоффъ. Это былъ небольшого роста господинъ, немного припадавшій на лѣвую ногу. Лицо у нѣмца было совсѣмъ русское и даже обросло по-русски какою-то мочальною бороденкой. Знакомство состоялось какъ-то сразу, и будущіе зятья полюбились другъ другу.

— Я здѣсь совсѣмъ чужой,—откровенно объяснялъ Штоффъ.—Да и вы тоже не совсѣмъ свой... Впрочемъ, ничего, привыкнете со временемъ. Первое время мнѣ приходилось довольно-таки тяжеленько, а теперь ничего, обтерпѣлся.

Въ разговорѣ нѣмецъ постоянно улыбался и немного подмигивалъ правымъ глазомъ, точно этотъ глазъ у него тоже прихрамывалъ, какъ лѣвая нога.

— И знаете, на чемъ я сошелся съ ними?—объяснялъ онъ.—На водкѣ... У меня счастливый желудокъ, а это здѣсь считается величайшимъ достоинствомъ. Мнѣ это много помогло.

Нѣмецъ жилъ въ Запольѣ лѣтъ пять и зналъ всѣхъ наперечетъ, а также зналъ и всѣ торговыя дѣла.

— Зачѣмъ вы здѣсь живете, Карлъ Карлычъ?—спрашивалъ Галактіонъ въ томъ же откровенномъ тонѣ, въ какомъ началъ нѣмецъ.

— Зачѣмъ?—удивился Штоффъ.—О, батенька, здѣсь можно сдѣлать большія дѣла!.. Да, очень большія! Важно поймать моментъ... Все дѣло въ этомъ. Край благодатный, и кто пользуется его богатствами? Смѣшно сказать... Вы посмотрите на нихъ: никто дальше насиженнаго мелкаго плутовства не пошелъ, или скромно орудуетъ на родительскіе капиталы, тоже нажитые плутовствомъ. О, здѣсь можно развернуться!.. Только нужно людей, надежныхъ людей. Моя вся бѣда въ томъ, что я русскій нѣмецъ... да!

Этимъ Штоффъ открывалъ свои карты, и Галактіонъ понялъ, почему нѣмецъ такъ льнетъ къ нему. Лично онъ ему очень нравился, какъ человѣкъ обстоятельный и энергичный. Что же, въ свое время русскій нѣмецъ могъ пригодиться.

Свадебное дѣло быстро шло къ развязкѣ. Гостей набиралось все больше и больше. Появились какіе-то совсѣмъ неизвѣстные люди, которыхъ зналъ по своимъ степнымъ дѣламъ одинъ Харитонъ Артемьичъ, но сейчасъ онъ открещивался отъ нихъ обѣими руками. Это были купцы изъ глухихъ пограничныхъ степныхъ городковъ. Народъ все рослый и совсѣмъ дикій. Изъ нихъ запольскіе купцы признали только одного, извѣстнаго степного богатыря Сашку Горохова, крестившагося четырехпудовою гирею. Этотъ Сашка Гороховъ быстро сдѣлался героемъ дня, потому что никто не могъ его перепить, даже нѣмецъ Штоффъ. И видъ у него былъ какой-то несообразный, какъ у стариннаго бронзоваго памятника какому-нибудь герою,—бычья шея, маленькая голова, невѣроятной величины руки и ноги. Эту фундаментальную структуру степного богатыря портила только сильная сутуловатость. Къ довершенію

курьеза Сашка говорилъ какою-то жалобною тоненькою фистулой и шепелявилъ, какъ младенецъ. Харитонъ Артемьичъ впился въ него, какъ клещъ, и не отходилъ. Самъ онъ ужъ допился до того, что не могъ отличить водки отъ воды, чѣмъ и пользовались, а зато любовался подвигами Сашки, получившаго сразу кличку „луженаго брюха“.

— Саша, выпей!

Саша молча наливалъ чайный стаканъ водки и молча его выпивалъ, точно выливалъ въ какое-то подполье.

— А еще можешь, Саша?

— Могу-съ,—слащаво пищалъ Саша и выпивалъ второй стаканъ.

Около этого богатыря собралась цѣлая толпа поклонниковъ, слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, какъ слѣдятъ всѣ поклонники за своими любимцами. Развѣ это не артистъ, который могъ выпивать каждый день по четверти ведра водки? И хоть бы пошатнулся. Такимъ образомъ Сашка являлся главнымъ развлеченіемъ мужской компаніи.

Появились и другіе неизвѣстные люди. Ихъ привелъ неизвѣстно откуда Штоффъ. Во-первыхъ, вихлястый худой нѣмецъ съ бритою верхнею губой,—онъ говорилъ только вопросами: „что вы думаете? какъ вы сказали?“ Штоффъ отрекомендовалъ его своимъ самымъ старымъ другомъ, который попалъ въ Заполье случайно, проѣздомъ въ Сибирь. Фамилія новаго нѣмца была Драке, Ѳедоръ Ѳедорычъ.

— О, это большой человѣкъ!—по секрету сообщалъ Штоффъ жениху.—Настоящій большой человѣкъ!

А большой человѣкъ какъ-то особенно глупо хлопалъ глазами, вытягивалъ тонкую гусиную шею, сосалъ какія-то лепешки и спрашивалъ съ удивленіемъ:

— Зачѣмъ они женятся? Что? Развѣ это необходимо для каждаго русскаго купца? А впрочемъ, можетъ-быть, я плохо понимаю по-русску?

Не получая отвѣта на такіе вопросы, нѣмецъ принималъ сонный видъ и начиналъ сосать свои лепешки.

Этотъ потѣшный нѣмецъ сдѣлался жертвой знаменитаго запольскаго исправника Полуянова, только-что вернувшагося изъ уѣзда. Имя Полуянова гремѣло далеко и наводило панику своимъ звѣрствомъ, особенно съ купцами. Это былъ плечистый, средняго роста мужчина, съ какимъ-то дубленымъ загаромъ энергичнаго лица,—онъ выбился въ исправники изъ знаменитыхъ сибирскихъ фельдъегерей. Ходилъ Полуяновъ всегда въ военной тужуркѣ, заложивъ руки въ карманы. Въ компаніи онъ былъ милѣйшимъ человѣкомъ,—забавникъ, балагуръ, питухъ, пѣсенникъ, бабій угодникъ,—на всѣ руки. Но стоило ему только оставить веселую компанію, какъ сейчасъ же онъ превращался въ звѣря. Тяжелая была рука у Ильи Ѳирсыча Полуянова, и не даромъ его называли дантистомъ. Сейчасъ Полуяновъ старался наверстать пропущенное время и успѣвалъ напиваться по три раза въ день. Въ свѣтлые промежутки онъ занимался травлей новаго нѣмца, потѣшая почтенную публику разными выходками. Лучшимъ номеромъ въ этомъ репертуарѣ былъ тотъ, когда Полуяновъ незамѣтно усаживалъ рядомъ съ Драке только-что пріѣхавшаго богатаго степного татарина Шахму.

— Шалтай-балтай, поговори съ нѣмцемъ,—упрашивалъ Полуяновъ.—Въ ножки поклонюся твоей татарской образинѣ.

— Мало-мало калякаемъ нѣмца...—бормоталъ Шахма, грузно подсаживаясь къ Драке.—Эй, знакомъ, карта гуляешь?

— Зачѣмъ карта?

— Э-э... Шахма любитъ карта... Одинъ карта на лѣвый нога, другой карта на правый нога. Купца много смѣялъ, а Шахма много платилъ... Исправникъ любитъ деньга Шахма... Шахма любитъ исправникъ.

Этотъ Шахма былъ извѣстная степная продувная бестія; онъ любилъ водить компанію съ купцами и разнымъ начальствомъ. О его богатствѣ ходили невѣроятные слухи, потому что въ одинъ вечеръ Шахма иногда проигрывалъ по нѣсколько тысячъ, которыя платилъ съ чисто-восточнымъ спокойствіемъ. По наружности это былъ типичный жирный татаринъ, совсѣмъ безъ шеи, съ заплывшими узкими глазами. Въ своей степи онъ дѣлалъ большія дѣла, и купцы-степняки не могли обойти его власти. Онъ пріѣхалъ на свадьбу за триста верстъ.

— Да развѣ я тебя звалъ? — удивлялся Харитонъ Артемьевичъ, продирая глаза.—Видѣлись-то еще въ прошломъ году.

— Ну, тогда и звалъ,—невозмутимо отвѣчалъ Шахма.—Самъ говорилъ: дѣвка буду пропивать, пріѣзжай, Шахма. Вотъ я и гулялъ на твой свадьба.

— А водку не выучился пить?

— Законъ Шахмѣ не велитъ... Карта гулялъ, деньга платилъ, а водка тебѣ оставлялъ.

Полуяновъ значительно оживилъ свадебное торжество. Онъ отлично пѣлъ, еще лучше плясалъ и вообще былъ вездѣ душой компаніи. Скучавшія дѣвушки сразу ожили, и веселье полилось широкою рѣкой, такъ что стономъ стонъ стоялъ. На улицѣ собиралась цѣлая толпа любопытныхъ, желавшая хоть издали послушать, какъ тѣшится Илья Ѳирсычъ. Съ женихомъ онъ сейчасъ же перешелъ на „ты“ и нѣсколько разъ принимался цѣловать его безъ всякой видимой причины.

— Мы вѣдь тутъ, каналья ты этакая, живемъ одною семьей, а я у нихъ, какъ посажёный отецъ на свадьбѣ... Ты, ангелъ мой, еще не знаешь исправника Полупьянова. За глаза меня такъ навеличиваютъ. Хорошъ мальчикъ, да хвалить некому... А впрочемъ, не попадайся, ежели что,— освѣжую... А русскую хорошо пляшешь? Не умѣешь? Ахъ, ты, пентюхъ!.. А вотъ постой, мы Харитину въ кругъ выведемъ. Вотъ такъ дѣвка: развей горе веревочкой!

Устраивался кругъ, и Полуяновъ пускался въ плясъ. Харитина, дѣйствительно, плясала русскую мастерски, и мать только удивлялась, гдѣ она могла научиться разнымъ вывертамъ. Такая пляска заканчивалась какимъ-нибудь неистовымъ колѣномъ разудалаго исправника: онъ начиналъ ходить колесомъ, кувыркался черезъ голову и т. д.

Послѣдними уже къ большому столу явились два новыхъ гостя. Одинъ былъ извѣстный полякъ изъ ссыльныхъ, Май-Стабровскій, а другой—розовый, улыбавшійся красавецъ, еврей Ечкинъ. Оба они были изъ дальнихъ сибиряковъ и оба попали на свадьбу проѣздомъ, какъ знакомые Полуянова. Стабровскій, среднихъ лѣтъ господинъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Ечкинъ поразилъ всѣхъ своими брилліантами, которые у него горѣли вездѣ, гдѣ только можно было ихъ посадить.

— Вотъ такъ штука: жидъ на свадьбѣ проявился! — дивились добродушные запольскіе купцы и видѣли въ этомъ новую дурную примѣту.

Но Полуяновъ всѣхъ успокоилъ. Онъ зналъ обоихъ еще по своей службѣ въ Томскѣ, гдѣ пировалъ на свадьбѣ Май-Стабровскаго. Эта свадьба едва не закончилась катастрофой. Когда молодыхъ послѣ вѣнца усадили въ коляску, лошади чего-то испугались и понесли. Плохо пришлось бы молодымъ, если бы не выручилъ Полуяновъ: онъ бросился къ взбѣсившимся лошадямъ и остано-

вилъ ихъ на всемъ скаку, причемъ у него пострадалъ только казенный мундиръ.

— Мои сибирскіе дружки, — хвалился Полуяновъ, представляя незваныхъ гостей.—Захотятъ—купятъ и продадутъ все наше Заполье и еще сдачи дадутъ.

Штоффъ отвелъ таинственно жениха въ сторону, оглядѣлся и сообщилъ:

— Вы ничего не слыхали про Ечкина, Бориса Яковлевича Ечкина?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Штоффъ приподнялъ плечи, повертѣлъ у своего лба пальцемъ и торжественно проговорилъ:

— Это, голубчикъ, геніальнѣйшій человѣкъ, и другого такого нѣтъ, не было и не будетъ. Да... Положимъ, онъ сейчасъ ничего не имѣетъ и бриллианты поддѣльные, но я отдалъ бы ему все, что имѣю. Стабровскій тоже хорошъ, только это ужъ другое: тѣхъ же щей, да пожиже влей. Они тамъ, въ Сибири, большія дѣла обдѣлывали.

Галактіонъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Ечкина и еще разъ удивился: рѣшительно ничего особеннаго въ немъ не было. Просто какой-то приказчикъ изъ магазина съ золотыми вещами. И улыбается глупо и глазами шмыгаетъ. А впрочемъ, кто ихъ знаетъ,—Штоффъ зря не будетъ говорить. Курьезнѣе всего вышло то, какъ напыжился Евграфъ Огибенинъ на новыхъ гостей, затмившихъ его и костюмами и галантерейностью обращенія. Особенно проклятый жидъ его возмущалъ,—со всѣми перезнакомился, всѣмъ успѣлъ сказать что-нибудь пріятное и сейчасъ же усѣлся съ Шахмой за карточный столъ. Нечего сказать, увертливый жидъ, а держитъ себя въ размашку, какъ будто ужъ совсѣмъ не по-жидовски. Дамы находили тоже, что сибирскій жидъ скорѣе походитъ на ярославскаго лихого коробейника.

Вѣнчаніе молодыхъ происходило по старому обряду, въ старинной раскольничьей моленной. Провожавшіе молодыхъ всѣ одѣлись по старинкѣ: мужчины въ длинополые кафтаны, а женщины въ сарафаны. Невѣста въ этомъ нарядѣ была совсѣмъ хороша, и женихъ ею невольно полюбовался. Замѣчательный этотъ женскій костюмъ, онъ ко всякой идетъ—къ красивой и некрасивой, къ молодой и старой. Но Галактіонъ просто ахнулъ, когда среди провожавшихъ невѣсту онъ увидѣлъ Харитину: это была такая красавица, что у него на душѣ захолонуло. Въ дѣтствѣ онъ испытывалъ подобное же чувство, когда на качеляхъ подкидывало вверхъ. Да, она стояла передъ нимъ сама красота и жгла-палила своими дѣвичьими глазами его сердце... Эта встрѣча произошла уже въ моленной, куда женихъ уѣхалъ впередъ и тамъ ожидалъ невѣсту. У него все завертѣлось передъ глазами, и во время самаго обряда вѣнчанія онъ не могъ избавиться отъ преступной теперь мысли о другой дѣвушкѣ. Да и обрядъ вѣнчанія по старинnымъ уставамъ, съ крюковыми напѣвами, ничего веселаго не имѣлъ, и Галактіону казалось, что онъ уже умеръ и его хоронятъ. Ему сдѣлалось страшно, страшно за себя, за ту дѣвушку, которая сегодня сдѣлается его подругой на всю жизнь... Не скрылось это настроеніе жениха отъ слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ женскихъ глазъ, и зашушукали сдержанные голоса, точно шуршала шелковая матерія.

Дома оставались купцы изъ православныхъ, какъ старикъ Луковниковъ, привезшій почти насильно упрямившагося Михея Зотыча, да игроки въ карты. Металъ банкъ сначала Ечкинъ и проигрался. Понтировавшій ему Евграфъ Огибенинъ съ особеннымъ удовольствіемъ положилъ въ свой бумажникъ нѣ-

сколько сторублевыхъ ассигнацій,—игра шла, въ виду малаго времени, крупными цифрами. Ечкина смѣнилъ Стабровскій и тоже проигрался. Выигрывали Огибенинъ и Шахма. Послѣдній задыхался отъ радости и спускалъ выигранныя деньги куда-то за пазуху, точно въ подвалъ. Кончилось тѣмъ, что началъ метать Огибенинъ и въ нѣсколько талій проигралъ не только все, что выигралъ раньше, но и всѣ деньги, какія были при немъ, и деньги Шахмы. Все выигралъ Стабровскій и даже не моргнулъ глазомъ.

— Ахъ, ты, шайтанъ!—ругался Шахма, ощупывая опустѣвшую пазуху и дѣлая гримасы.—Ну, шайтанъ!.. Лѣвая нога, правая нога, и нѣтъ ничего, а старый Шахма дуракъ.

— Дома еще осталось, — успокаивалъ его Стабровскій, подавая на чай подручному, подававшему карты, десятирублевую ассигнацію.

Большой послѣсвадебный столъ представлялъ собой оригинальную по пестротѣ картину. Въ главной залѣ, гдѣ сидѣли молодые, были размѣщены ближайшіе родственники и самые почетные гости. Въ послѣднее число попали исправникъ Полуяновъ, Евграфъ Огибенинъ, Май-Стабровскій, Шахма и даже Драке. Старикъ Луковниковъ, какъ самый почетный гость, сидѣлъ рядомъ съ Михеемъ Зотычемъ, казавшимся какимъ-то грязнымъ пятномъ среди окружавшей его роскоши,—онъ ни за что не согласился перемѣнить свою изгребную синюю рубаху и дорожную сермяжку. Изъ дамъ выдѣлялись своимъ нарядомъ красавица-жена Полуянова, а потомъ Евлампія Харитоновна, явившаяся въ довольно смѣломъ декольтэ, что немало смущало благочестивыхъ древнихъ старушекъ.

— Охъ, стыдобушка головушкѣ глядѣть-то на Полуштофову жену!.. У, срамница!.. Вся заголилась, точно въ баню собралась итти...

Въ другихъ комнатахъ были разсажены остальные гости, причемъ самые неважные были переведены внизъ.

Свадебное веселье пошло своимъ чередомъ, увеличиваясь съ каждою минутой, какъ катившійся съ горы комъ снѣга. Впрочемъ, все шло благополучно вплоть до того момента, когда начали поздравлять молодыхъ шампанскимъ. Гости сбились въ одной комнатѣ. Сашка Гороховъ стоялъ со своимъ бокаломъ за спиной Огибенина и довольно терпѣливо ждалъ своей очереди чокнуться съ молодыми, но потомъ ему надоѣло ждать, онъ взглянулъ въ сторону и увидалъ декольтированныя плечи Евлампіи Харитоновны. Она сидѣла къ нему спиной, и онъ видѣлъ только разрѣзъ платья сзади, открывавшій бѣлую налитую спину, уходившую желобомъ подъ корсетъ. У Сашки моментально мелькнула счастливая мысль, и онъ весь свой бокалъ вылилъ за спину Полуштофовой женѣ. Поднялся визгъ, гвалтъ, хохотъ. Взбѣшенный Штоффъ кинулся на обидчика, всѣ повскочили со своихъ мѣстъ, — однимъ словомъ, весь столъ рушился. Но этимъ скандалъ еще не кончился. Благодаря происходившей суматохѣ, наверхъ незамѣтно пробрались два новыхъ гостя: сынъ Ліодоръ и зять Булыгинъ, оба пьяные и съ какимъ-то опредѣленнымъ намѣреніемъ.

— Тутъ жиды да нѣмцы радуются, а родному сыну да зятю и мѣста нѣтъ!—гаркнулъ Ліодоръ: — Пашка, валяй жидовъ, а я нѣмцевъ молотить начну!

Толпа разступилась, и новые гости предстали во всей красѣ. Ліодоръ былъ, по обыкновенію, въ черкескѣ и папахѣ. Женщины завизжали, а Полуштофова жена забралась подъ столъ, гдѣ ее потомъ едва нашли. Выручилъ всѣхъ Сашка Гороховъ, стоявшій къ Ліодору ближе другихъ. Онъ бросился на смутьяновъ, схватилъ ихъ въ охапку и торжественно вынесъ изъ залы, не

обращая вниманія, какъ его молотили четыре кулака, четыре ноги, а Ліодоръ въ бѣшенствѣ даже вцѣпился зубами въ плечо. На лѣстницѣ догналъ Полуяновъ и собственноручно спустилъ гостей внизъ, такъ что затрещали деревянныя ступени.

Однимъ словомъ, большой столъ закончился крупнымъ скандаломъ. Когда всѣ немного успокоились, и все пришло въ порядокъ, хватились Михея Зотыча, но его и слѣдъ простылъ.

IX.

Колобовская свадьба отозвалась въ Суслонѣ далекимъ эхомъ. Особенно волновались въ писарскомъ домѣ, куда вѣсти собирались со всѣхъ сторонъ.

— Хорошую роденьку Богъ послалъ, — ворчалъ писарь Флегонтъ Васильичъ. — Оборотни какіе-то... Счастье намъ съ тобой, Анна Харитоновна, на родню. Зятья-то на подборъ, одинъ лучше другого, да и родитель Харитонъ Артемьичъ хорошъ. Брезгуетъ суслонскимъ зятемъ.

— Погордилась сестрица Серафима Харитоновна, — соображала писарская жена Анна Харитоновна:—очень погордилась.

— И мамынька тоже хороша: про родную дочь забыла. Сказываютъ, на свадьбѣ-то какіе-то жиды да татары радовались.

— Не будетъ добра, Флегонтъ Васильичъ. Всѣ говорятъ, что неправильная свадьба. Куда торопились-то? Точно на пожаръ погнали. Такъ-то выдаютъ невѣстъ съ заминочкой... А все этотъ старичонка виноватъ. Отъ него все...

— Ужъ этотъ мнѣ старичонка!—рычалъ писарь, вспоминая нанесенный бродягой конфузъ.—Колдунъ какой-то!

Въ писарскомъ домѣ теперь собирались гости почти каждый день. То попъ Макаръ съ попадьей, то мельникъ Ермилычъ. Было о чемъ поговорить. Попъ Макаръ какъ разъ былъ во время свадьбы въ Запольѣ и привезъ самыя свѣжія вѣсти.

— Сбѣжалъ отъ большого стола старичокъ-то, жениховъ отецъ,—разсказывалъ онъ.—Бой у нихъ вышелъ промежду гостей, ну, оглянулись, а свекра-то и нѣтъ. Словно въ воду канулъ...

— Охъ, не спроста это, отецъ Макаръ!.. Не таковскій онъ человѣкъ.

— Бродяга какой-то, вотъ и бѣгаетъ.

Разъ, когда такъ, вечеркомъ, гости разговаривали разговоры, писарская стряпка Матрена вошла въ горницу, вызвала Анну Харитоновну и заявила:

— Тутъ онъ, сродственникъ-то.

— Какой сродственникъ?

— Ну, а этотъ... старичонка съ палочкой... Еще который сына женилъ въ Запольѣ на твоей сестрѣ.

— Да гдѣ онъ?

— А въ кухнѣ сидитъ у меня... Я пельмени дѣлаю, оглянулась, а онъ сидитъ на лавочкѣ. Точно изъ земли выросъ, какъ грибъ-дождевикъ.

Можно себѣ представить общее удивленіе. Писарь настолько потерялся, что нѣкоторое время не могъ выговорить ни одного слова. Да и всѣ другіе точно онѣмѣли. Вотъ такъ гостя Богъ послалъ!.. Не успѣли всѣ опомниться, а мудреный гость уже въ дверяхъ.

— Флегонту Васильичу, родственнику, наше почтеніе и всей честной компаніи.

— Здравствуйте, Михей Зотычъ, — здоровался хозяинъ. — Будетъ вамъ

шутки-то шутить надъ нами... И то осрамили тогда на всю округу. Садитесь, гостемъ будете.

— Отъ свадьбы убѣжалъ... да... А у меня дѣльце до тебя, Флегонтъ Васильичъ, и не маленькое дѣльце.

— Утро вечера мудренѣе, Михей Зотычъ... Завтра о дѣлѣ-то поговоримъ. Да, пожалуй, я тебѣ впередъ самъ загадку загадаю.

Отведя гостя въ сторону, писарь сказалъ на ухо:

— Меленку хотите у насъ оборудовать? Я-то ужъ потомъ догадался и впередъ съ мужичками насчетъ земли словечка два закинулъ.

— Вотъ умница!—похвалилъ гость.—Это и мнѣ такъ впору догадаться... Ай-да молодецъ писарь, хоть на свадьбу и не звали!.. Не тужи, потомъ позовутъ, да самъ не пойдешь: низко будетъ.

Появленіе старика Колобова въ Суслонѣ было цѣлымъ событіемъ. Теперь ужъ всѣ поняли, зачѣмъ птица прилетѣла. Всѣхъ больше волновался мельникъ Ермилычъ, подъ рукой распускавшій нехорошіе слухи про старика Колобова. Онъ боялся сильнаго конкурента. Но Колобовъ самъ пришелъ къ нему на мельницу въ гости, осмотрѣлъ все и сказалъ:

— А ты не безпокойся, мельникъ, тѣсно не будетъ... Я вѣдь крупчатку буду ставить. Ты мели да помалывай сѣрячокъ, а мы бѣлую мучку будемъ дѣлать, дастъ Богъ.

Потомъ старикъ побывалъ у попа Макара и тоже осмотрѣлъ все поповское хозяйство. Осмотрѣлъ и похвалилъ.

— Ничего, свѣтленько живете, о. Макаръ... Дай Богъ такъ-то всякому. Ничего, свѣтленько... Вотъ и я выросъ на ржаномъ хлѣбцѣ, всѣ зубы съѣлъ на немъ, а подъ старость захотѣлъ пшенички. Много ли нужно мнѣ старику?

— Что же, намъ не жаль...—уклончиво отвѣчалъ о. Макаръ, отнесшійся къ гостю довольно подозрительно.—Чѣмъ Богъ послалъ, тѣмъ и рады. У Бога всего много.

— Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ. Хорошо у васъ, отецъ Макаръ... Приволье кругомъ. Вы-то ужъ привыкли и не замѣчаете, а мнѣ въ диковинку... Однимъ словомъ, пшеничники.

— Мельницу хочешь строить?—спрашивалъ попъ Макаръ, слегка прищуривая одинъ глазъ.

— Не знаю, что выйдетъ, а охота есть.

Отъ новыхъ знакомыхъ получалось одно впечатлѣніе; всѣ жили по-богатому—и писарь, и мельникъ, и попъ—не въ примѣръ прочимъ народамъ. И мужики тоже не бѣдовали. Рожь сѣяли только на продажу, а сами ѣли пшеничку. И хороша была эта ключевская пшеничка, хоть насквозь смотри. Смолотая на раструскѣ пшеничная мука была хоть и сѣрая, но такая душистая и вкусная. Суслонскія бабы отлично пекли свой пшеничный хлѣбъ, а ржаного и въ заводѣ не было. Такъ ужъ велось изстари, было поставлено еще при дѣдахъ. Отъ всего вѣяло тугимъ хорошимъ достаткомъ. И народъ былъ все рослый и крѣпкій,—не даромъ этихъ „пшеничниковъ“ узнавали вездѣ.

Разъ ночью писарской домъ былъ поднятъ весь на ноги. Около часу къ воротамъ подкатила почтовая тройка.

— Здѣсь живетъ писарь Замараевъ?—спрашивалъ въ темнотѣ сильный мужской голосъ.

Писарь растворилъ окно и довольно грубо отвѣтилъ:

— Онъ самый.

— Запольскіе молодые пріѣхали. Можно остановиться?

— Ахъ, милости просимъ!.. Это вы, Галактіонъ Михеичъ?

— Да, да.

Большой сибирскій тарантасъ тяжело вкатился на дворъ, а писарь выскочилъ на крыльцо со свѣчой въ рукахъ.

— Вотъ не ожидали-то, дорогіе гости!

— Просимъ любить и жаловать, Флегонтъ Васильичъ.

Зятья оглядѣли другъ друга и расцѣловались. Молодая не выходила изъ экипажа, сладко потягиваясь. Она ужасно хотѣла спать. Когда вышла хозяйка, она съ лѣнивою улыбкой наконецъ вылѣзла изъ тарантаса. Сестры тоже расцѣловались.

— Давно мы съ тобой не видались, Сима, — повторяла Анна Харитоновна, продолжая разсматривать сестру. — Какая-то ты совсѣмъ другая стала.

— Ужъ какая есть, Анюта. Маманя тебѣ наказала кланяться и не велѣла сердиться.

— Хорошо, хорошо. Еще поговоримъ... А мужъ у тебя молодецъ, Сима. Красивый.

— Развѣ?

Серафима Харитоновна тихо засмѣялась и еще разъ поцѣловала сестру. Когда вошли въ комнату и Серафима разсмотрѣла суслонскую писаршу, то невольно подумала: „Какая деревенщина стала наша Анна! Неужели и я такая буду?“ Анна, дѣйствительно, сильно опустилась, обрюзгла и одѣвалась чуть не по-деревенски. Рядомъ съ ней Серафима казалась барыней. Ловко сшитое дорожное платье сидѣло на ней, какъ перчатка.

— Вы насъ извините, — говорилъ Галактіонъ: — не во время побезпокоили... Ночь, да и остановиться негдѣ.

— Ну, что за счеты между родственниками! — политично отвѣчалъ писарь.—Тятенька-то вашъ здѣсь, въ Суслонѣ... Только у насъ не хочетъ жить. Карахтерный старичокъ.

— Папаша, вѣроятно, опять пѣшкомъ пришли? — освѣдомилась Серафима.—Они все по-своему... на особицу.

Галактіонъ очень понравился и писарю и женѣ. Настоящій молодецъ, хоть куда поверни. На отца-то и не походитъ совсѣмъ. И обращеніе самое политичное.

— Ну, этотъ изъ молодыхъ, да ранній, — задумчиво говорилъ писарь, укладываясь на кровать съ женой.—Далеко пойдетъ.

— А Симка-то такъ ему въ глаза и заглядываетъ, какъ собачка.

— Что же, насидѣлась она въ дѣвкахъ. Тоже любопытно... Извѣстная ваша женская слабость. Какого еще рынца нужно?

— Здѣсь, говоритъ, жить будутъ.

— Отлично. Намъ веселѣе... Только вотъ старичонка-то того... Я его просто боюся. Того гляди, какую-нибудь штуку отколетъ. Блаженный не блаженный, а около этого. Такіе-то вотъ странники больше по папертямъ стоятъ съ ручкой.

Молодой Колобовъ понравился всѣмъ въ Суслонѣ: и ученъ, и простъ, и ловокъ. Зато молодая не пришлась по вкусу, начиная съ сестры Анны. Очень ужъ модная и все фыркаетъ.

— Неужто мы здѣсь будемъ жить?—капризно спрашивала она мужа.

— А то гдѣ же?

— Да здѣсь съ тоски пропадешь.

— Некогда будетъ тосковать.

Серафима даже всплакнула съ горя. Съ сестрой она успѣла поссориться

на другой же день и обозвала ее неотесанной деревенщиной, а потомъ сама же обидѣлась и расплакалась.

— Вы на нее не обращайте вниманія, Анна Харитоновна, — спокойно замѣтилъ Галактіонъ и строго посмотрѣлъ на жену

Этого было достаточно, чтобы Серафима сейчасъ же притихла и даже попросила у Анны прощенія.

Вотъ съ отцомъ у Галактіона вышелъ съ перваго раза крупный разговоръ. Старикъ стоялъ за мѣсто для будущей мельницы на Шеинской Курьѣ, гдѣ его взяли тогда суслонскіе мужики, а Галактіонъ хотѣлъ непремѣнно ставить мельницу въ такъ называемомъ Прорывѣ, выше Шеинской Курьи версты на три, гдѣ Ключевая точно была сдавлена каменными утесами.

— Нельзя на Курьѣ строиться, — авторитетно говорилъ Галактіонъ. — По веснѣ вода широко будетъ разливаться, затопитъ пашни, и не оберешься хлопотъ съ подтопами.

— А у Ермилыча поставлена мельница на Жулановскомъ плесѣ?—спорилъ Михей Зотычъ.

— Во-первыхъ, родитель, у Ермилыча мельница раструска и воды требуетъ вдвое меньше, а потомъ Ермилычъ вѣчно судится съ чураковскими мужиками изъ-за подтоповъ. Намъ это не рука. Здѣшній народъ бѣдовый, не вдругъ уломаешь. Въ Прорывѣ вода идетъ трубой, только косою плотиной ее поджать.

— На берегу мѣста мало.

— Ничего, родитель: въ тѣснотѣ да не въ обидѣ.

— Тебя развѣ переспоришь?

— А ежели я дѣло говорю?

Теперь роли перемѣнились. Женившись, Галактіонъ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Свою покорность отцу онъ теперь выкупалъ вызывающею самостоятельностью, и старикъ покорился, хотя и не вдругъ. Это была серьезная борьба. Михей Зотычъ сердился больше всего на то, что Галактіонъ началъ относиться къ нему свысока, какъ къ младенцу, — выслушаетъ изъ вѣжливости, а потомъ все сдѣлаетъ по-своему.

— Ты у меня смотри!—пригрозился разъ старикъ.—Я не посмотрю, что ты женатый... да!

Галактіонъ только улыбнулся. Ушло время учить да свою волю родительскую показывать. Женился изъ-подъ палки,—чего же еще нужно?

X.

Дѣло съ постройкой мельницы закипѣло, благодаря все той же энергіи Галактіона. Старикъ чуть не испортилъ всего, когда пришлось заключать договоръ съ суслонскими мужиками по арендѣ Прорыва—„накатился упрямый стихъ“, какъ говорилъ писарь. Мужики стояли на своемъ, Михей Зотычъ на своемъ, а споръ шелъ изъ-за какихъ-то несчастныхъ двадцати пяти рублей.

— Эхъ, родитель, родитель!—корилъ Галактіонъ.—Двадцать пять рублей дороги, а время ни почемъ... Мы еще съ осени выложимъ фундаментъ, а за зиму выстроимся. Время-то дороже денегъ. Дай я переговорю съ мужиками-то.

— А ты, щучій сынъ, умнѣе отца хочешь быть?

— Постой, родитель... Знаешь, какъ большую рыбу изъ воды вытаскиваютъ: дадутъ ей поводокъ, она и ходитъ, а притомилась—ее на берегъ.

Съ мужиками Галактіонъ говорилъ, какъ свой братъ, и живо повернулъ все дѣло. Обѣ стороны остались довольны. Контрактъ былъ подписанъ, и

Галактіонъ принялся за работу. Планъ мельницы былъ составленъ имъ еще раньше. Теперь нужно было торопиться съ постройкой. Стояла осень, и рабочихъ на мѣстѣ нельзя было достать ни за какія деньги, пока не кончится уборка хлѣба. И это предвидѣлъ Галактіонъ и раньше нанялъ артель вятскихъ плотниковъ въ сорокъ человѣкъ, да другую артель каменщиковъ. Деревенскіе мужики по-настоящему не умѣли и топора въ руки взять. Будетъ съ нихъ и того, если привезутъ бревна да камень наломаютъ.

У Прорыва въ нѣсколько дней выросъ настоящій лагерь. Больше сотни рабочихъ принялись за дѣло опытною рукою. Съ плотничьей артелью вышелъ братъ Емельянъ и сдѣлался правою рукою Галактіона. Братья всегда жили дружно.

Галактіонъ задался цѣлью непремѣнно выстроить жилой домъ къ заморозкамъ, чтобы переселиться съ женой на мѣсто работы. Жизнь у писаря его тяготила, да и ѣздить было тяжело. На счастье ему попался въ Баклановой пустовавшій поповскій домъ, который онъ и купилъ на сносъ. Оставалось только перевезти его да заложить фундаментъ. Галактіону вездѣ везло,—такой ужъ удачливый зародился. Даже попъ Макаръ одобрялъ за „благопоспѣшность“. Больше всего Галактіонъ былъ доволенъ, что отецъ уѣхалъ на заводы заканчивать тамъ свои дѣла и не мѣшался въ дѣло. Старикъ былъ умный, да только ужъ очень упрямъ.

Постройка новой мельницы отозвалась въ Суслонѣ замѣтнымъ оживленіемъ, особенно по праздникамъ, когда гуляли здѣсь обѣ вятскія артели. Чувствовалось, что дѣлалось какое-то большое дѣло, и всѣ ждали чего-то особеннаго. Были и свои скептики, которые сомнѣвались, выдержитъ ли старый Колобовъ,—очень ужъ большой капиталъ требовался сразу. Въ качествѣ опытнаго человѣка и родственника, писарь Замараевъ съ большими предосторожностями завелъ объ этомъ рѣчь съ Галактіономъ.

— Нѣтъ, у отца большихъ денегъ нѣтъ,—откровенно объяснилъ тотъ.

— Такъ-съ... да. А какъ же, напримѣръ, съ закупкой хлѣба, Галактіонъ Михеичъ? Вѣдь большія тысячи нужны будутъ.

— Добудемъ. Ту же мельницу въ банкъ заложимъ.

— Это какъ же такъ, въ банкъ?

Галактіонъ объяснилъ, и писарь развелъ только руками. Да, хитрая штучка, и безъ денегъ и съ деньгами. Видно, не старыя времена, когда деньги въ землю закапывали да по подпольямъ прятали. Вообще, умственно. Писарь начиналъ смотрѣть теперь на Галактіона съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, который изъ ничего сдѣлаетъ, что̀ захочетъ. Ловкій мужикъ, нечего сказать.

— А мы-то тутъ живемъ дураки дураками,—со вздохомъ говорилъ писарь.—У насъ все по старинкѣ... На гроши считаемъ.

— Ничего, выучитесь.

Утромъ Галактіонъ вставалъ въ четыре часа, уѣзжалъ на работу и возвращался домой только вечеромъ, когда стемнѣетъ. Эта энергія приводила всѣхъ въ смущеніе. Въ Суслонѣ не привыкли къ такой работѣ.

— А что̀ будетъ, если я буду чаи распивать да выѣду на работу въ восемь часовъ?—объяснялъ Галактіонъ. — Я раньше всѣхъ долженъ быть на мѣстѣ и уйти послѣднимъ. Рабочіе-то по хозяину бываютъ.

— Ужъ это что̀ говорить... Правильно. Какая это работа, ежели съ чаями проклажаться?

Писарь давно облѣнился, отсталъ отъ всякой работы и теперь казнился, поглядывая на молодого зятя, какъ тотъ поворачивалъ всякое дѣло. Зарази-

вшись его энергіей, писарь началъ заводить строгіе порядки у себя въ домѣ, а потомъ въ волости. Эта домашняя революція закончилась ссорой съ женой, въ волости взбунтовался сторожъ Вахрушка.

— Что я тебѣ каторжный дался?—заявилъ сторожъ.—Нѣтъ, братъ, будетъ мудрить! Шабашъ!

— Что-о?!. Да какъ ты смѣешь, кислая шерсть?

— А вотъ и смѣю... Не тѣ времена. Подавайте жалованье, и конецъ тому дѣлу. Будетъ мнѣ терпѣть.

Писарь выгналъ Вахрушку съ позоромъ, а когда вернулся домой, узналъ, что и стряпка Матрена отошла. Вотъ тебѣ и новые порядки! Писарь уѣхалъ на мельницу къ Ермилычу и съ горя кутилъ тамъ цѣлыхъ три дня.

Сестры въ теченіе двухъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни успѣли перессориться и помириться нѣсколько разъ, стараясь не доводить своихъ размолвокъ до Галактіона. Обѣ побаивались его, хотя онъ никогда не сказалъ ни одного грубаго слова.

— Высидѣла ты себѣ мужа, Сима,—корила Анна сестру.—Пожалуй, и не по чину тебѣ достался. Вонъ какой орелъ!

— А тебѣ завидно? Не чета твоему писарю.

— Смотри, матушка, не прохвались. Боекъ ужъ очень.

Счастіе влюбленной въ мужа Серафимы кололо глаза засидѣвшейся въ деревнѣ Аннѣ. Вмѣстѣ росли, а судьба разная. Анна начинала теперь придираться къ мужу и на каждомъ шагу ставила ему въ примѣръ Галактіона.

— Ты посмотри на себя-то,—поговаривала Анна:—тебѣ водку пить съ Ермилычемъ да съ попомъ Макаромъ, а настоящаго-то ничего и нѣтъ. Ну, каковъ ты есть человѣкъ, ежели тебя разобрать? Вонъ глаза-то заплыли, какъ отъ пьянства... Небось, Галактіонъ компаніи не ломаетъ, а всегда въ своемъ видѣ.

— Отстань, смола! Галактіонъ, Галактіонъ, — дался вамъ этотъ Галактіонъ! Еще посмотримъ: летать летаетъ, да гдѣ сядетъ.

— У васъ съ Ермилычемъ не спроситъ.

— Молчать! Ты вотъ лучше училась бы у сестры Серафимы, какъ слѣдуетъ уважать мужа... да! И по домашности тоже все запустила... Вонъ стряпка Матрена ушла.

— Все изъ-за тебя же, извергъ. Ты прогналъ Вахрушку, а онъ сманилъ Матрену. У нихъ ужъ давно промежду себя узоры разные идутъ. Все ты же виноватъ.

Писарь Замараевъ про себя отлично сознавалъ недосягаемыя совершенства новаго родственника, но удивлялся ему про себя, не желая покориться женѣ. Ну что же, хорошъ—и пусть будетъ хорошъ, а мы и въ шубѣ навыворотъ проживемъ.

Слухи о новой мельницѣ въ Прорывѣ разошлись по всей Ключевой и подняли на ноги всѣхъ старыхъ мельниковъ, работавшихъ на своихъ раструсочныхъ мельницахъ. Положимъ, новая мельница будетъ молоть крупчатку, а все-таки страшно. Это была еще первая крупчатка на Ключевой, и всѣ инстинктивно чего-то боялись.

— О девяти поставахъ будетъ мельница-то, — жаловался Ермилычъ. — Ежели она, напримѣрно, ахаетъ въ сутки пятьсотъ мѣшковъ? Съѣстъ она насъ всѣхъ и съ потрохами. Гдѣ хлѣба набраться на такую прорву?

— Были бы деньги, а хлѣба назезутъ.

Чтобы отвести душу, Ермилычъ и писарь сходились у попа Макара и тутъ судачили вволю, благо никто не могъ подслушать. Писарь отстаивалъ

новую мельницу, какъ хорошее дѣло, а отецъ Макаръ задумчиво качалъ головой и повторялъ:

— Увидимъ, увидимъ, братіе... Все увидимъ.

— Нечего и смотрѣть: дѣло ясное,—сказалъ писарь.

— Первое, не есть удобно то, что Колобовы старовѣры... да. А второе, жили мы безъ нихъ, благодаря Бога и не мудрствуя лукаво. У всѣхъ былъ свой кусокъ хлѣба, а впредь невѣдомо, что̀ и какъ.

— И вѣдать нечего, отецъ, — уныло повторялъ Ермилычъ.—Раздавятъ насъ, какъ лягушекъ. Разговоръ короткій. Однимъ словомъ—силища.

— А вы того не соображаете, что крупчатка хлѣбъ дастъ народамъ?—спросилъ писарь. — Теперь на одной постройкѣ сколько народу орудуетъ, а дальше—больше. У которыхъ мужичковъ хлѣбъ-то по три года лежитъ, мышь его ѣстъ и прочее, а тутъ на, получай наличныя денежки. Мужичокъ-то и оборотится съ деньгами и опять хлѣбца подвезетъ.

— Деньги весьма сомнительный и даже опасный предметъ, — мягко не уступалъ попъ Макаръ. — Во-первыхъ, деньги тоже къ рукамъ идутъ, а во-вторыхъ, въ нихъ сокрытъ великій соблазнъ. На что мужику деньги, когда у него все свое есть: и домишко, и землица, и скотинка, и всякое хозяйственное обзаведеніе? Только и надо деньги, что на подати.

— А ежели у насъ темнота? Будутъ деньги, будетъ и торговля. Надо же и купцу чѣмъ-нибудь жить. Вотъ и тебѣ, отецъ Макаръ, за требы прибавка выйдетъ, и мнѣ писарю. У хлѣба не безъ крохъ.

— Вотъ главное, чтобы хлѣбъ-то былъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, будущее неизвѣстно. Съ деньгами-то надобно тоже умѣючи, а зря ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, я сомнѣваюсь, поколику дѣло не выяснится.

А Галактіонъ точно не хотѣлъ ничего замѣчать и продолжалъ свою работу. Если бы всѣ тѣ, которые теперь судили и пересуживали его крупчатку, могли видѣть, что̀ онъ думалъ! Начать съ того, что мельницу онъ считалъ дѣломъ такъ себѣ, пока, а настоящее было не здѣсь. Сколько хлопотъ съ мельницей, а дѣло все-таки мертвое. Пришитъ къ своему мѣсту, какъ пуговица, и никуда не двинешься. Его тянуло дальше, на широкій просторъ. Наблюдая работы, онъ часто вспоминалъ свой разговоръ съ нѣмцемъ Штоффомъ и крѣпко задумывался. Уменъ и оборотистъ нѣмецъ, вообще—ловкачъ. Выжидаетъ, выжидаетъ, да къ настоящему дѣлу и приспособится. Немало огорчало Галактіона и то, что не съ кѣмъ ему было въ Суслонѣ даже поговорить по душѣ. Всѣмъ имъ и мельница-крупчатка въ диковинку.

„Эхъ, если бы не отецъ! — съ какою-то злобой иногда думалъ Галактіонъ.—А то сиди въ Суслонѣ“.

Къ женѣ Галактіонъ относился попрежнему съ сдержанною ласковостью. Онъ даже начиналъ ее любить за ея безотвѣтность и за страстную любовь. Правда, иногда ему дѣлалось совѣстно, что онъ по-настоящему не можетъ отвѣтить на ея рабскія ласки, но въ немъ накипало и крѣпло хорошее чувство къ ней. Молодость брала свое, а потомъ сознаніе, что сдѣланнаго не передѣлаешь. Не разъ, глядя на нее, онъ вспоминалъ красавицу Харитину,—у той все бы вышло не такъ. Странно, что безотвѣтная Серафима какимъ-то чутьемъ слышала эти его тайныя мысли, стихала и точно дѣлалась меньше. Такая несчастная вся, и ему вдругъ станетъ ее жаль. Чѣмъ же она виновата, что такъ судьба вышла? А вотъ съ Харитиной онъ могъ бы и поговорить по душѣ, и посовѣтоваться, и все пополамъ раздѣлить. Развѣ она стала бы скучать, какъ Серафима? Небось, нашла бы дѣло и всѣхъ бы приспособила.

Впрочемъ, Галактіонъ упорно отгонялъ отъ себя всѣ эти мысли. Такъ, глупость молодая, и больше ничего. Стерпится—слюбится. Иногда Серафима пробовала съ нимъ заговаривать о серьезныхъ дѣлахъ, и онъ видѣлъ только одно, что она ровно ничего не понимаетъ. Старается подладиться къ нему и не умѣетъ.

— Ты ужъ лучше молчи, Сима,—ласково шутилъ онъ.

— Можетъ, привыкну и буду понимать, Глаша. Всѣ дѣвицы сначала ничего не понимаютъ, а потомъ замужемъ и выучатся.

Ему не нравилось, что она зоветъ его Глашей,—какое-то бабье имя.

Но всѣ эти сомнѣнія и недосказанныя мысли разрѣшились сами собой, когда Серафима, краснѣя и заикаясь, призналась, что она беременна. Мужъ посмотрѣлъ на нее непонимающими глазами, а потомъ такъ хорошо и любовно обнялъ и горячо поцѣловалъ... еще въ первый разъ поцѣловалъ.

— Милая... Милая!..

— Ты меня любишь, да? Немножечко?—шептала она, сгорая отъ нахлынувшаго на нее счастія.

Потомъ она расплакалась, какъ плачутъ дѣти, а онъ взялъ ее на руки и носилъ по комнатѣ, какъ ребенка.

— Милая... Милая!..

XI.

Пропавшій на время изъ Суслона Михей Зотычъ былъ совсѣмъ близко, о чемъ никто не подозрѣвалъ. Онъ успѣлъ устроить кое-какія дѣла у себя на заводѣ и вернулся на Ключевую, по обыкновенію, въ своемъ бродяжническомъ костюмѣ. Онъ переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, все высматривалъ, обо всемъ разузнавалъ и вездѣ сохранялъ самое строгое incognito. Это уже была такая крѣпостная привычка дѣлать все исподтишка, украдомъ. Никто не зналъ, что старикъ Колобовъ былъ въ Суслонѣ и видѣлся со старымъ благопріятелемъ Вахрушкой, котораго и сманилъ къ себѣ на службу.

— За битаго семь небитыхъ даютъ,—шутилъ онъ, по обыкновенію.— Тебя въ солдатчинѣ били, а меня на заводской работѣ. И вышло — два сапога пара. Поступай ко мнѣ на службу: будешь доволенъ.

— А какое твое жалованье, Михей Зотычъ?

— Вотъ и вышелъ дурачокъ, а еще солдатъ: жалованье по жалованью. Что̀ заслужишь, то и получишь.

— А ежели ты меня омманешь?

— А ты старайся.

Вахрушка почесалъ въ затылкѣ отъ такихъ выгодныхъ условій, но, сообразивъ, согласился. Богатый человѣкъ Михей Зотычъ, и не стать ему обижать стараго солдата.

— Поглянулся ты мнѣ, вотъ главная причина,—шутилъ Михей Зотычъ.— А есть одна у тебя провинка.

— Ну, говори, какая?

— А такая, дурачокъ. Били тебя на службѣ, били, а ты все-таки не знаешь, въ какой день пятница бываетъ.

— Ну, пошелъ огородъ городить... Такъ не омманешь?

— Сказано: будешь доволенъ. Главное, скула мнѣ у тебя нравится: на ржаной хлѣбъ скула.

Сказано — сдѣлано, и старики ударили по рукамъ. Согласно уговору, Михей Зотычъ долженъ былъ ожидать вѣрнаго слугу въ Баклановой, гдѣ уже

впередъ купилъ себѣ лошадь и телѣгу. Вахрушка скоро раздѣлался съ писаремъ и на другой день ѣхалъ уже въ одной телѣгѣ съ Михеемъ Зотычемъ.

— Ахъ, служба, служба: битъ небитаго везетъ! — смѣялся мудреный хозяинъ, похлопывая Вахрушку по плечу.—Будемъ жить, какъ передняя нога съ задней, какъ грива съ хвостомъ.

— Страсть это я не люблю, какъ ты зачнешь свои загадки загадывать, Михей Зотычъ. Даже мутитъ... ей-Богу. Ну, и скажи прямо, а то прямо ударь.

— А ты головой, дурашка, головой добивайся, умишкомъ раскинь, обмозгуй... хе-хе!..

Эти хозяйскія шуточки нагоняли на Вахрушку настоящую тоску, и онъ начиналъ угрюмо молчать. Въ корень изводилъ его хитрый старичонка, точно песку въ башку насыплетъ.

— Ты вотъ что, хозяинъ, — заявилъ Вахрушка на другой день своей службы:—ты не мудри, а то...

— Ну, ну, испугай!

— Уйду!.. Вотъ тебѣ и весь сказъ!

— Это ты загадку загадываешь, милъ человѣкъ? Ахъ, дурашка, дурашка! Никуда ты не уйдешь, потому какъ я на тебя зарокъ положилъ великій, и при этомъ задатокъ четыре недѣли на мѣсяцъ ты ужъ получилъ впередъ сполна...

Цѣль старика Колобова была объѣхать тотъ хлѣбный районъ, который долженъ былъ поставлять пшеницу на будущую мельницу. Ему хотѣлось на мѣстѣ познакомиться съ будущими производителями и поставщиками сырья. Пусть мельницу строитъ Галактіонъ — ему и книги въ руки, а Михей Зотычъ объѣзжалъ теперь свое будущее царство. Нужно было создать цѣлый рынокъ и впередъ сообразить всѣ условія. Это было поважнѣе постройки мельницы, и онъ не могъ довѣрить такого отвѣтственнаго труда даже Галактіону. Молодъ еще и ничего не понимаетъ, да и яйца курицу не учатъ.

Въ лицѣ Вахрушки хитрый старикъ пріобрѣлъ очень хорошаго сотрудника. Вахрушка былъ человѣкъ бывалый, насмотрѣлся всячины, да и свою округу зналъ, какъ пять пальцевъ. Потомъ онъ былъ съ бѣдной пермяцкой стороны и зналъ цѣну окружавшему хлѣбному богатству, какъ никто другой.

— Вахрушка, ты у меня въ томъ родѣ, какъ главнокомандующій!

— Похоже, Михей Зотычъ, ежели считать по заплаткамъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Выговорилъ-таки хоть одно умное слово.

Пріѣзжая куда-нибудь въ село, Михей Зотычъ сказывался работникомъ, а Вахрушку навеличивалъ хозяиномъ. Эта комедія была только продолженіемъ предыдущаго шутовства, и Вахрушка скоро привыкъ. „Что жъ, хозяинъ, такъ хозяинъ!“ По пути они скупали у бабъ коноплю, ленъ и дешевые деревенскіе харчи, а эта купля служила только предлогомъ для подробныхъ разспросовъ—что и какъ. Чѣмъ дальше они такимъ образомъ ѣхали, тѣмъ ярче выступала картина зауральскаго крестьянскаго богатства. Хорошо здѣсь жилъ народъ, запасливо, и не боялся чернаго дня.

Всего больше приводилъ въ восторгъ Михея Зотыча аршинный зауральскій черноземъ.

— Вотъ такъ земля!—восхищался старикъ.—Овчина-овчиной!

— Ужъ я тебѣ говорилъ, что удобрять здѣсь землю и не слыхивали,— объяснялъ Вахрушка.—Сама земля родитъ.

А какія попадались деревни и села — одно загляденье. Хоть картину пиши. Справно жилъ народъ, съ тугимъ крестьянскимъ достаткомъ. Всего было вволю—и земли, и хлѣба, и скотины. Правда, мужикъ-пшеничникъ сильно

полѣнивался, но отъ достатка и воръ не воруетъ. У большинства крестьянъ были запасы на годъ, на два впередъ. Сбывали только столько, сколько было нужно на подати, а остальное все шло въ прокъ. Такъ хозяйство ставилось еще отцами и дѣдами, отнимавшими благодатный край у неумытой орды. Башкирскія волости раздвинулись какъ-то по краямъ и не имѣли никакого экономическаго значенія въ общемъ хозяйствѣ богатѣйшаго края.

Въ Вахрушкѣ, по мѣрѣ того, какъ они удалялись въ глубь бассейна Ключевой, все сильнѣе сказывался похороненный солдатчиной коренной русскій пахарь. Онъ то и дѣло соскакивалъ съ телѣги, тыкалъ кнутовищемъ въ распахашную землю и начиналъ ругаться.

— Разѣ это работа, Михей Зотычъ? На два вершка въ глубину пашутъ... Тьфу! Помажутъ кое-какъ сверху — вотъ и вся работа. У насъ въ Чердынскомъ уѣздѣ земелька-то по четыре рублика ренды за десятину ходитъ, ну ее и холятъ. Да и какая земля — глина да песокъ. А здѣсь одна божецкая благодать... Охъ, бить ихъ некому, пшеничниковъ!

Путешественники нѣсколько разъ ночевали въ полѣ, чтобы не тратиться на постой. Михей Зотычъ былъ скупъ, какъ кощей, и держалъ солдата впроголодь. Зачѣмъ напрасно деньги травить? Все равно—такого стараго чорта не откормишь. Сначала солдатъ роптalъ и даже ругался.

— Ахъ, ты, дурашка, брюхо-то не зеркало, да и мы съ тобой на ржаной мукѣ замѣшаны. Есть корочка чернаго хлѣбца, и слава Богу... Какъ тебя будетъ разжигать аппетитъ, ты Богу молись, чревоугодникъ!

Солдатъ никакъ не могъ примириться съ этой теоріей спасенія души, но покорялся по солдатской привычкѣ, — все равно, нужно же кому-нибудь служить. Онъ очень скоро подпалъ подъ вліяніе своего новаго хозяина, который расшевелилъ его крестьянскія мысли. И какъ ловко старичонка умѣлъ наговаривать, такъ одно слово къ другому и лѣпитъ, да такъ складно.

Хорошо было со старикомъ ночевать у огонька. Осеннія ночи такія темныя, огонекъ горитъ такъ весело.

— Земля—все,—понимаешь?—говорилъ Михей Зотычъ. — А остальное пустяки... И заводы, и фабрики, и машины.

— Это ты правильно.

— А почему земля все? Потому, что она даетъ хлѣбъ насущный... Поднялся хлѣбецъ въ цѣнѣ на пятачокъ—красный товаръ у купцовъ сталъ, еще на пятачокъ—бакалея разная остановилась, а еще на пятачокъ—и все остальное сѣло. Никому не нужно ни твоей фабрики, ни твоего завода, ни твоей машины... Все отъ хлѣбца-батюшки. Урожай—дѣвки, какъ блохи, замужъ поскакали, неурожай—посиживай у окошечка да поглядывай на голодныхъ жениховъ. Такъ я говорю, дурашка?

— Тоже вотъ и насчетъ водки, Михей Зотычъ. Солдату плепорція казенная, а отставному гдѣ взять въ голодный-то годъ?

Иногда на Михея Зотыча находило какое-то дѣтское умиленіе, и онъ готовъ былъ цѣловать благодатную землю, точно еврей послѣ переселенія въ обѣтованную землю. Ужъ очень хорошо было кругомъ. Народъ жилъ полною чашей,—любо посмотрѣть. Этакого-то угоднаго мѣста по всей Расеѣ не сыщешь съ огнемъ. Народъ еще не „испотачился“ и жилъ по-божески. Все свое, домашнее — вотъ и достатокъ, потому что всѣ отъ матушки-земли жили и не гнались на городскую руку моды заводить. Прикидывая въ умѣ хлѣбный районъ ко одной Ключевой, Михей Зотычъ видѣлъ, что сырья здѣсь хватитъ на двадцать такихъ крупчатокъ, какую онъ строилъ въ Прорывѣ.

— Всѣмъ хватитъ, Вахрушка, и еще отъ насъ останется, да.

— Какъ не хватить, Михей Зотычъ!

Другой вопросъ, который интересовалъ стараго мельника, былъ тотъ, гдѣ устроить рынокъ. Не покупать же хлѣбъ въ Запольѣ, гдѣ сейчасъ сосредоточивались всѣ хлѣбныя операціи. Одинъ провозъ съѣстъ. Мелкіе торжки, положимъ, кое-гдѣ были, но нужно было выбрать изъ нихъ новый пунктъ. Вотъ въ Баклановой по воскресеньямъ бывалъ подвозъ хлѣба, и въ другихъ деревняхъ.

— Эхъ, повернуть бы торжокъ въ Суслонъ!—мечталъ старикъ.

Онъ прикинулъ еще раньше центральное положеніе, какое занималъ Суслонъ въ бассейнѣ Ключевой,—со всѣхъ сторонъ близко, и хлѣбъ самъ придетъ. Было бы кому покупать. Этакъ, пожалуй, и Заполью плохо придется. Мысль о поворотѣ торжка сильно волновала Михея Зотыча, потому что въ этомъ заключалась смерть запольскимъ толстосумамъ: копеечка съ пуда подешевле отъ провоза — и конецъ. Вотъ этого-то онъ и не сказалъ тогда старику Луковникову.

Это путешествіе чуть не закончилось катастрофой. Старики уже возвращались домой. Дѣло происходило ночью, недалеко отъ мельницы Ермилыча. Лошадь шла шагомъ, нога за ногу. Старики дремали, прикурнувъ въ телѣгѣ. Вдругъ Вахрушка вздрогнулъ, какъ строевая лошадь, заслышавшая трубу.

— Михей Зотычъ, родимый, не ладно!

— А? Что?—бормоталъ спросонья хозяинъ.

— Слышишь?

Гдѣ-то вдали тонко прозвонили дорожные колокольчики и замерли, точно порвалась струна.

— Исправникъ навстрѣчу гонитъ!—въ ужасѣ прошепталъ Вахрушка, проникнутый смертнымъ страхомъ ко всякому начальству.

— Ну, и пусть гонитъ. Мы ему не мѣшаемъ.

— Ахъ, ты какой, право!.. Лучше бы своротить съ дороги. Неровенъ часъ... Ежели пьяный, такъ оно лучше не попадаться ему на глаза.

— Давай сюда вожжи, дурашка.

Вахрушка такъ и замеръ отъ страха. А колокольчики такъ и заливаются. Ближе, ближе,—вотъ ужъ совсѣмъ близко.

— Михей Зотычъ, своротимъ отъ грѣха,—молилъ Вахрушка.

— Молчи, дурашка.

Ночь была темная, и съѣхались носомъ къ носу.

— Эй, кто тамъ дорогу загородилъ?—рявкнулъ голосъ изъ исправничьяго экипажа.

— Чортъ съ рѣпой!—спокойно отвѣтилъ Михей Зотычъ.

— Сворачивай съ дороги, каналья!

— Ты сворачивай, порожнемъ на тройкѣ ѣдешь, а я съ возомъ на одной!

Кто-то соскочилъ съ козелъ исправничьяго экипажа и накинулся съ нечистовымъ ревомъ на непокорную телѣгу. Въ воздухѣ свистнула нагайка.

— Бей каналью!—кричалъ самъ Полуяновъ, сидя въ экипажѣ.

— Илья Ѳирсычъ, да ты никакъ съ ума спятилъ!—крикнулъ Колобовъ, ловко защищаясь кнутикомъ отъ казачьей нагайки. — Креста на тебѣ нѣтъ... Аль не узналъ?

— Да кто тамъ?—сердился исправникъ.

— Сказано: чортъ съ рѣпой! Битъ небитаго везетъ.

— Тьфу! Дуракъ какой-то... Ну, подойди сюда!

— Охъ, не подходи!—въ ужасѣ шепталъ Вахрушка, ухватывая хозяина за рукавъ.

Но Колобовъ смѣло подошелъ къ экипажу. Полуяновъ чиркнулъ спичку и съ удивленіемъ смотрѣлъ на бродягу.

— Не признаешь? Хе-хе. А еще на свадьбѣ вмѣстѣ пировали въ Запольѣ.

— Да это ты, Михей Зотычъ? Тьфу, окаянный человѣкъ! — засмѣялся грозный исправникъ.—Экъ тебя носитъ нелегкая! Хочешь коньяку? Нѣтъ? Ну, я скоро въ гости къ тебѣ на мельницу пріѣду.

— Милости просимъ.

Когда исправничій экипажъ покатилъ дальше, Вахрушка снялъ шапку и перекрестился. Онъ еще долго потомъ оглядывался и встряхивалъ головой. Съ этого момента онъ проникся безграничнымъ удивленіемъ къ смѣлости Михея Зотыча: ужъ если исправника Полуянова не испугался, такъ чего же ему бояться больше?

XII.

Какъ Галактіонъ сказалъ, такъ и вышло: жилой домъ на Прорывѣ былъ конченъ къ первопутку, то-есть конченъ настолько, что можно было переѣхать въ него молодымъ. Серафима торжествовала. Ей такъ надоѣло жить въ чужихъ людяхъ, у всѣхъ на виду, а тутъ былъ свой уголъ, свое гнѣздо. Она больше не робѣла передъ мужемъ и съ затаенною радостью чувствовала, что онъ начинаетъ ее любить. Это высказывалось въ тысячѣ тѣхъ обыденныхъ мелочей, которыя въ отдѣльности и назвать трудно. Мужъ теперь предупреждалъ ея малѣйшія желанія и слѣдилъ за каждымъ шагомъ. Но ей рѣшительно ничего было не нужно. Боже мой, какъ она была счастлива, а новый домъ на Прорывѣ казался ей раемъ.

— У насъ теперь свое гнѣздо,—повторяла она, ласкаясь къ мужу. — И никто, никто не смѣетъ его тронуть. Да, Глаша?

— Кому же это нужно, Сима?

— Нѣтъ, я такъ, къ примѣру. Мнѣ иногда дѣлается страшно. Сама не знаю отчего, а только страшно, страшно, точно вотъ я падаю куда-то въ пропасть. И плакать хочется, и точно обидно за что-то. Вѣдь ты сначала меня не любилъ. Ну, признайся.

— Перестань болтать глупости!

— Какъ же ты могъ любить, когда совсѣмъ не зналъ меня? Да я тебѣ и не нравилась. Тебѣ больше нравилась Харитинка. Не отпирайся, пожалуйста, я все видѣла, а только мнѣ было тогда почти все равно. Очень ужъ надоѣло въ дѣвицахъ сидѣть. Тоска какая-то, все не мило. Я даже злая сдѣлалась, и мамаша плакала отъ меня. А теперь я всѣхъ люблю.

Это счастливое настроеніе заражало и Галактіона, и онъ находилъ жену такою хорошей и даже красивой. Отъ дѣвичьей угловатости не осталось и слѣда, а ее смѣнила чарующая женская мягкость. Галактіону доставляло удовольствіе ухаживать за женой.

Серафимѣ нравилось и самое мѣсто, выбранное Галактіономъ подъ мельницу. Ключевая была здѣсь такая быстрая да глубокая, а напротивъ каменнымъ гребнемъ поднималась большая гора. Изъ-за горы, внизъ по Ключевой, виднѣлась Шеинская Курья, а за ней бѣлою свѣчой поднималась церковь въ Суслонѣ. Мѣсто подъ мельницу было выбрано на лѣвомъ берегу, на каменномъ мысу, вдававшемся въ Ключевую. Правда, уже теперь чувствовалась нѣкоторая тѣснота, но, когда будутъ кончены постройки, сдѣлается совсѣмъ свободно. Серафима по-своему мечтала о будущемъ этого клочка земли: у

нихъ будетъ свой маленькій садикъ, гдѣ она будетъ гулять съ ребенкомъ, потомъ она заведетъ полное хозяйство, чтобы дома все было свое, на мельничномъ пруду будетъ плавать пара лебедей и т. д. Эти лебеди снились Серафимѣ даже во снѣ, какъ символъ семейнаго счастія. Да, она была счастлива и чувствовала, что всѣ ее любятъ, даже старикъ Михей Зотычъ. Она понимала, что онъ любитъ собственно не ее, а тѣхъ будущихъ внучатъ, которыхъ она подаритъ ему.

— Такъ, невѣстушка, такъ, милая... — повторялъ старикъ, глядя на нее любящими глазами.—Внучка мнѣ нужно.

— Будетъ внучекъ, папаша.

— То-то, смотри, Серафима Харитоновна, не осрамись, да и меня не подведи.

Такіе откровенные разговоры заставляли Серафиму вспыхивать яркимъ румянцемъ, хотя она и сама была увѣрена, что родится именно мальчикъ. Даже молчаливый Емельянъ теперь какъ-то особенно подолгу заглядывался на невѣстку и начиналъ ухмыляться. Ему тоже нравилась ласковая и старавшаяся всѣмъ угодить сноха. Пріѣхалъ и третій братъ, Симонъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, состоявшій въ семьѣ на положеніи мальчика. Онъ былъ самый красивый и походилъ на мать, но отецъ какъ-то недолюбливалъ его за недостатокъ характера. Мальчикъ былъ такой ласковый, и Серафима полюбила его съ перваго раза, какъ родного брата.

— У насъ вся семья сердитая, потихоньку разсказывалъ мальчикъ.— И я всѣхъ боюсь.

Это была первая женщина, которую Симонъ видѣлъ совсѣмъ близко, и эта близость поднимала въ немъ всю кровь, такъ что ему дѣлалось даже совѣстно, особенно, когда Серафима цѣловала его по-родственному. Онъ потихоньку обожалъ ее и боялся выдать свое чувство. Эта тайная любовь тоже волновала Серафиму, и она напрасно старалась держаться съ мальчикомъ строго, — у ней строгость какъ-то не выходила, а потомъ ей дѣлалось жаль славнаго мальчугана.

— Симонъ, не смотри на меня такъ!—строго говорила она.

— Я... я ничего.

— Если Галактіонъ увидитъ, онъ тебѣ задастъ.

Вообще, въ новомъ домѣ всѣмъ жилось хорошо, хотя и было тѣсновато. Двѣ комнаты занимали молодые, въ одной жили Емельянъ и Симонъ, въ четвертой—Михей Зотычъ, а пятая носила громкое названіе конторы, и пока въ ней поселился Вахрушка. Стряпка Матрена поступила къ молодымъ, что послужило предметомъ серьезной ссоры между сестрами.

— Жили-жили, да въ благодарность и стряпку сманили, — корила жена писаря.

— Никто и не думалъ сманивать, — оправдывалась Серафима. — Сама пришла и живетъ. Мы тутъ ни при чемъ. Скажешь, что и солдата тоже мы сманили?

— И солдата... Умны ужъ очень.

Между зятьями временно пробѣжала черная кошка, и недоразумѣнія возникали изъ-за всякихъ пустяковъ. Впрочемъ, они скоро помирились благодаря политикѣ Галактіона. По первопутку пріѣхалъ въ гости дорогой тестюшка Харитонъ Артемьевичъ вмѣстѣ съ любимой дочерью Харитиной, — вѣрнѣе сказать, не пріѣхалъ, а его привезла Харитина. Старикъ съ самой свадьбы не переставалъ кутить и началъ заговариваться. Аѳуса Гавриловна рѣшительно ничего не могла съ нимъ подѣлать и отправила на поправку къ

новому зятю, на котораго надѣялась теперь, какъ на каменную стѣну. Очень ужъ умный и почтительный зять и все устроитъ. Изъ писемъ Серафимы Аноуса Гавриловна знала ихъ жизнь и заочно восторгалась новымъ зятемъ. Галактіонъ воспользовался появленіемъ гостей, чтобъ устроить новоселье, какъ того требовали деревенскіе порядки. Былъ приглашенъ въ первую голову писарь Замараевъ.

— Да ты съ ума сошелъ, Галактіонъ?—удивилась даже смѣлая на все Харитина.

— Нисколько. Онъ такой же зять, какъ и я. Родня не приходится считаться. Нечего намъ дѣлить.

— А тятенька?

— Ничего и тятенька. Въ гостяхъ воля хозяйская.

Поведеніе Галактіона навсегда примирило Анну съ добрымъ и умнымъ новымъ зятемъ. Писарь тоже не могъ не согласиться, что Галактіонъ все по-умному дѣлаетъ.

Были приглашены также мельникъ Ермилычъ и попъ Макаръ. Послѣдній долго не соглашался ѣхать къ старовѣрамъ, пока писарь не уговорилъ его. Къ самому новоселью подосиѣлъ и исправникъ Полуяновъ, который обладалъ какимъ-то чутьемъ попадать на такіе праздники. Однимъ словомъ, собралась большая и веселая компанія. Какъ-то все выходило весело, начиная съ того, что Харитонъ Артемьевичъ никакъ не могъ узнать писаря и все спрашивалъ:

— Да ты кто таковъ, человѣкъ, будешь?

— Не чужой человѣкъ, тятенька. Прежде зятемъ считали.

— Зятемъ? Тьфу!.. Тоже и скажетъ человѣкъ. Развѣ у меня такіе зятья? Ахъ, ты, капустный звѣрь!

Молодая хозяйка была счастлива, какъ никогда, и сіяла своимъ молодымъ счастіемъ. Она походя обнимала Харитину и цѣловала ее отъ избытка радости. Бойкая и взбалмошная Харитина противъ обыкновенія держала себя какъ-то особенно солидно и казалась даже грустной. Ее только забавляли преслѣдовавшіе ее глаза Симона. Мальчикъ совсѣмъ увлекся, увлекся сразу и ничего больше не видѣлъ, кромѣ запольской красавицы съ ея поджигающимъ смѣхомъ, вызывающею улыбкою и бойкою рѣчью. Онъ такъ ѣлъ ее глазами, что даже замѣтилъ Галактіонъ и сказалъ женѣ:

— Ты скажи Симону, что такъ нельзя... Мнѣ самому неловко сказать. Совсѣмъ дуракъ мальчишка.

— Что же тутъ мудренаго? Харитину, какъ кто увидитъ, такъ и влюбится. Ужъ такая уродилась... Она у меня сколько жениховъ отбила. И ты тоже женился бы на ней, если бы не отецъ.

— Перестань болтать глупости! Какъ тебѣ не стыдно?

— Я вѣдь не ревную, а такъ, къ слову сказала.

Веселье продолжалось цѣлыхъ три дня, такъ что Полуяновъ тоже пересталъ узнавать гостей и всѣхъ спрашивалъ, по какому дѣлу вызваны. Онъ очувствовался только тогда, когда его свозили въ Суслонъ и выпарили въ банѣ. Михей Зотычъ, по обыкновенію, незамѣтно исчезъ изъ дому и скрывался неизвѣстно гдѣ.

Больше всего доставлялъ хлопотъ дорогой тестюшка, съ которымъ никто не могъ управиться, кромѣ Галактіона. Старшихъ дочерей онъ совсѣмъ не признавалъ, да и любимицу Харитину тоже. Разъ ночью съ нимъ сдѣлалось совсѣмъ дурно. Стерегшій гостя Вахрушка только махалъ руками.

— Я боюсь,—заявила Серафима разбуженному мужу.—Иди ты... Ахъ, Господи, вотъ согрѣшенье-то!.. Мамаша тоже послала гостя.

Галактіонъ накинулъ халатъ и отправился въ контору, гдѣ временно помѣщенъ былъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ сидѣлъ на кровати съ посинѣвшимъ лицомъ и страшно выкаченными глазами. Около него была одна Харитина. Она тоже только-что успѣла соскочить съ постели и была въ одной юбкѣ. Плечи были прикрыты шалью, изъ-подъ которой выбивалась шелковая волна чудныхъ волосъ. Она была блѣдна и въ упоръ посмотрѣла на Галактіона.

— Пошли скорѣе Вахрушку за нашатырнымъ спиртомъ,—тихо и повелительно приказала она.—Да чтобы живо. Потомъ принеси снѣгу и воды.

Дѣвушка знала, какъ нужно отваживаться съ пьяницей-отцомъ, и распоряжалась, какъ у себя дома. Старикъ сидѣлъ попрежнему на кровати и тяжело хрипѣлъ. Временами изъ его груди вырывалось неопредѣленное мычаніе, которое понимала только одна Харитина.

— Ммм... моч... рю... ку... ррюмочку.

— Подожди, будетъ и рюмочка,—сурово говорила Харитина, щупая голову ошалѣвшаго родителя.—Вотъ до чего себя довелъ.

— Мм... не ббуду... не ббуду...

Лицо его искривилось, глаза страшно выкатились, и онъ повалился на постель. Въ этотъ моментъ вбѣжалъ Галактіонъ со снѣгомъ и водой. Холодные компрессы сдѣлали свое дѣло, а поданная рюмка водки на время успокоила пьяницу. Онъ теперь лежалъ на постели съ закрытыми глазами, опухшій, налитый пьянымъ жиромъ, а надъ нимъ наклонилась Харитина, такая цвѣтущая, молодая, строгая. Днемъ у нея глаза были сѣрые, а ночью темнѣли, какъ у кошки; золотистые волосы обрамляли блѣдное лицо точно сіяніемъ. Галактіонъ стоялъ въ изголовьѣ кровати и невольно любовался ею, любовался не такъ, какъ прежде, а какъ мужчина, полный силъ, который видитъ красивую женщину. Всѣ эти дни онъ почти совсѣмъ не обращалъ на нее вниманія и даже не замѣчалъ, хотя они и были по-родственному на ты и даже цѣловались, тоже по-родственному. Въ комнатѣ горѣла одна сальная свѣчка, и при ея красноватомъ свѣтѣ Харитина походила на русалку. Она не смотрѣла на Галактіона, но чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ и машинально поправила подъ шалью спустившійся рукавъ рубашки. Потомъ она смѣло посмотрѣла прямо въ лицо Галактіону, посмотрѣла почти съ ненавистью, плотно сжавъ губы. Потомъ онъ видѣлъ, какъ она медленно и спокойно подошла къ нему, обняла его своими голыми руками и безмолвно прильнула къ его лицу горѣвшими губами.

— Харитина, опомнись!.. Харитина, что ты дѣлаешь?—шепталъ онъ, напрасно стараясь освободиться изъ ея объятій.—Харитина!..

Бѣлыя руки распались сами собой, и она засмѣялась нехорошимъ смѣхомъ.

— Не любишь? Забылъ,—шептала она, отступая.—Другую полюбилъ? А эта другая рохля и плакса. Развѣ тебѣ такую было нужно жену? Ахъ, Галактіонъ Михеичъ! А вотъ я такъ не забыла, какъ ты на своей свадьбѣ смотрѣлъ на меня... ничего не забыла. Соколъ посмотрѣлъ, и нѣтъ дѣвушки... и не стыдно мнѣ нисколько.

Она опять обняла его и цѣловала, вѣрнѣе—душила своими поцѣлуями, лицо, шею, даже руки цѣловала. Галактіонъ чувствовалъ только, какъ у него вся комната завертѣлась передъ глазами, а эти золотые волосы щекотали ему лицо и шею.

— Милый, милый,—шептала она въ изступленіи, закрывая глаза.—Только одинъ разъ. Развѣ та, другая, умѣетъ любить? А я-то тосковала по немъ, я-то убивалась!

— Харитина!..

— Нѣтъ здѣсь никакой Харитины. Харитина тамъ, гдѣ ее любятъ.

Эта дикая сцена была прекращена появленіемъ Вахрушки, который успѣлъ вернуться изъ Суслона со спиртомъ.

— Ты меня будешь помнить,—повторила нѣсколько разъ Харитина, давая отцу нюхать спиртъ.—Я не шутки съ тобой шутила. О, какъ я тебя люблю, несчастный!

Когда Галактіонъ проснулся на другой день, все случившееся ночью ему показалось тяжелымъ кошмаромъ. Онъ даже посомнѣвался, было ли все это на самомъ дѣлѣ. Харитина вышла къ чаю, какъ всегда. На ней была та же шаль, что̀ и ночью, и это кольнуло Галактіона. Она ему хотѣла показать, что ставитъ его ни во что. Припоминая подробности вчерашней сцены, Галактіонъ отчетливо зналъ только одно, именно, что онъ растерялся, какъ мальчишка, и все время держалъ себя дуракомъ. Нужно было сдѣлать рѣшительный шагъ въ ту или другую сторону, а теперь оставалось дѣлать такой видъ, что онъ все принялъ за глупую выходку и не придаетъ ничему серьезнаго значенія.

— Мы съ папашей сегодня ѣдемъ домой,—заявила Харитина усталымъ голосомъ.—Видно, чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись. Кстати, насъ проводитъ Илья Ѳирсычъ. Ему тоже пора домой.

Полуяновъ даже сталъ на колѣни и принялся цѣловать руки капризной красавицы.

— О, богиня, я могу только повиноваться, какъ слабый смертный!

Симонъ, бывшій свидѣтелемъ этой глупой сцены, блѣднѣлъ и краснѣлъ, до крови кусая губы. Бѣдный мальчуганъ страстно ревновалъ запольскую красавицу даже, кажется, къ ея шали, а когда на прощанье Харитина породственному поцѣловала его, онъ не вытерпѣлъ и убѣжалъ.

— Что̀ ты дѣлаешь съ мальчикомъ?—упрекнула ее Серафима, находившаяся въ лѣниво-спокойномъ настроеніи беременной женщины.

— Я? Ничего,—рѣзко отвѣтила Харитина.—Кто меня полюбитъ, тотъ несчастный человѣкъ навѣкъ.

Галактіонъ все время молчалъ и старался не смотрѣть на нее. Она поцѣловалась съ нимъ, опустивъ глаза.

— Желаю тебѣ быть паинькой,—пошутила надъ нимъ Харитина, усаживаясь въ экипажъ.—Пряничка дадутъ.

Въ этотъ моментъ Галактіонъ ненавидѣлъ ее и былъ счастливъ, что ночью былъ дуракомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло пять лѣтъ.

Все Заполье переживало тревожное время. Кажется, въ самомъ воздухѣ висѣла мысль, что жить по-старинному, какъ жили отцы и дѣды, нельзя. Доказательствъ этому было достаточно, и самыхъ убѣдительныхъ, потому что всѣ они били запольскихъ купцовъ прямо по карману. Достаточно было уже одного того, что, благодаря новой мельницѣ старика Колобова, въ Суслонѣ открылся новый хлѣбный рынокъ, обѣщавшій въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться серьезнымъ конкурентомъ Заполью. Это была первая повѣстка.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ, — повторяли запольскіе купцы. — По-старому, братъ, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу отнимутъ, завтра куделю и льняное сѣмя, а тамъ и до степного сала доберутся. Что же у насъ-то останется? Да, кончено. Надо все по-полированному дѣлать, чтобы какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ.

Запасъ свѣдѣній объ этихъ другихъ прочихъ мѣстахъ оказался самымъ ограниченнымъ, вѣрнѣе сказать — запольскіе купцы ничего не знали, кромѣ своего роднаго Заполья. Молодые купцы были бы и рады устраиваться по-новому, да не умѣли, а старики артачились и не хотѣли ничего знать. Вообще разговоровъ и пересудовъ было достаточно, а какая-то невидимая бѣда надвигалась все ближе и ближе.

Въ собственномъ смыслѣ событій за эти пять лѣтъ не случилось. Было три пожара, потомъ открыли новую городскую думу, причемъ старикъ Луковниковъ былъ избранъ первымъ городскимъ головой, потомъ Малыгины выдали младшую дочь Харитину раньше старшей и т. д. Харитина вышла замужъ чуть не убѣгомъ, противъ воли родителей, и теперь была исправницей Полуяновой. Жена у Полуянова умерла черезъ годъ послѣ свадьбы Серафимы, а черезъ годъ онъ съ пьяныхъ глазъ женился на красавицѣ Харитинѣ, вѣрнѣе сказать—она сама высватала его. Свадьба была сыграна еще скорѣе, чѣмъ у Серафимы, потому что женихъ былъ вдовецъ. Анфуса Гавриловна на колѣняхъ умоляла дочь не дѣлать этого, но Харитина твердила одно:

— Мамаша, я хочу быть благородной. Очень мнѣ интересно выходить замужъ за какого-нибудь сиволапаго купца! Насмотрѣлась я на своихъ сестрицъ, какъ онѣ въ темнотѣ живутъ.

— Поглядимъ мы на твое пьяное да старое благородство!

— Исправницей буду, мамаша. Часемъ губернатора буду угощать, а онъ у меня руку будетъ цѣловать. Въ благородныхъ домахъ вездѣ такой порядокъ. Въ каретѣ буду ѣздить.

— Дура ты, Харитинка, и больше ничего.

— Не виновата, что такая родилась, мамаша.

Въ сущности, Харитина вышла очертя голову за Полуянова, только потому, что желала хотя этимъ путемъ досадить Галактіону. На, полюбуйся, какъ мнѣ ничего не жаль! Изъ-за тебя гибну! Но Галактіонъ, кажется, не почувствовалъ этой мести и даже не пріѣхалъ на свадьбу, а послалъ вмѣсто себя жену съ братомъ Симеономъ. Харитина удовольствовалась тѣмъ, что заставила мужа выписать карету и разъѣзжала въ ней по магазинамъ цѣлые дни. Пусть всѣ смотрятъ и завидуютъ, какъ молодая исправница катается.

Если запольскіе купцы не знали, что имъ нужно, то отлично это знали люди посторонніе, которые все набивались въ городъ. Кто они такіе, откуда, чего домогаются—никто не зналъ. У Штоффа уже давно жилъ безыменный нѣмецъ Драке, потомъ пріѣхалъ и поселился Май-Стабровскій. Онъ занялъ лучшую квартиру въ городѣ, завелъ выѣздныхъ лошадей, цѣлый штатъ прислуги и зажилъ на широкую ногу. Въ Запольѣ и во снѣ не видали такой роскоши, и молодая исправница сгорала отъ зависти. Впрочемъ, она была принята у Стабровскихъ, и самъ старикъ ухаживалъ за ней съ чисто-польскимъ джентльменствомъ. Потомъ поселился подозрительный еврей Ечкинъ. Впрочемъ, онъ самъ мало жилъ въ Запольѣ, а все гдѣ-то разъѣзжалъ. Около этихъ новыхъ людей жалась цѣлая кучка безыменныхъ и прожорливыхъ пановъ, нѣмцевъ и евреевъ. Они всѣ чего-то искали, куда-то ѣздили по какимъ-то никому неизвѣстнымъ дѣламъ и вообще ужасно торопились. Не

было, кажется, такого угла, котораго они не обнюхали бы и не обыскали. Однимъ словомъ, что-то готовилось, и запольскіе купцы впередъ чувствовали, какъ ихъ забираетъ страхъ.

— А все это проклятый Полуштофъ, — ругались они за спиной. — Все отъ него пошло. Дай лисѣ хвостъ просунуть, она и вся залѣзетъ. А у нѣмцевъ такъ ужъ заведено: у одного крючокъ, у другого петля — другъ за дружкой и волокутся.

Доставалось на орѣхи и „Полуштофову тестю", т.-е. Харитону Артемьичу. Онъ первый призрѣлъ голаго нѣмца, да еще дочь за него замужъ выдалъ. Вотъ теперь все и расхлебывай. Да и другой зять, Галактіонъ, тоже хорошъ: всѣмъ мельникамъ заперъ ходъ, да еще рынокъ увелъ къ себѣ въ Суслонъ...

Сами по себѣ новые люди были всѣ очень милые, вѣжливые и веселые. Вездѣ сами бывали, всѣхъ принимали у себя и умѣли товаръ лицомъ показать. На другой же годъ въ Запольѣ открылся клубъ, учрежденіе невиданное. Старики не пошли, а молодежь была рада. Въ Запольѣ до сихъ поръ не было ни одного веселаго пріюта. По зимамъ проворные нѣмцы начали устраивать въ клубѣ семейные вечера съ танцами, благотворительныя „лотереи-аллегри", а главное, напропалую дулись въ карты. Это выходило гораздо удобнѣе, чѣмъ у себя дома. И хлопотъ никакихъ, и удовольствіе получай, какое хочешь. Май-Стабровскій и Ечкинъ повели настоящую большую игру, особенно, когда пріѣхалъ Шахма, этотъ степной крезъ, о которомъ составлялись настоящія легенды. Игралъ въ большую Егрошка Огибенинъ, исправникъ Полуяновъ и даже аккуратный нѣмецъ Штоффъ. Однимъ словомъ, зажили по-настоящему, какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ, особенно, когда появились два адвоката, Мышниковъ и Черевинскій, забившіе сразу мѣстныхъ доморощенныхъ ходатаевъ и дѣльцовъ. Впрочемъ, Мышниковъ былъ свой, запольскій. Онъ происходилъ изъ разорившейся купеческой семьи и кончилъ курсъ въ университетѣ.

Этотъ приливъ новыхъ людей закончился нотаріусомъ Меридіановымъ, тоже своимъ человѣкомъ,—онъ былъ сынъ запольскаго соборнаго протопопа,— и двумя слѣдователями. Говорили уже о земствѣ, которое не сегодня-завтра должно было открыться. Всѣ эти новые люди устраивались по-своему и не хотѣли знать старыхъ порядковъ, когда всѣмъ заправлялъ одинъ исправникъ Полуяновъ и два ветхозавѣтныхъ засѣдателя.

Больше всѣхъ суетился и хлопоталъ нѣмецъ Штоффъ, какъ человѣкъ, достаточно освоившійся съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ. Онъ бралъ какіе-то подряды, хлопоталъ объ открытіи мѣстной женской прогимназіи и реальнаго училища, открылъ какое-то таинственное „депо земледѣльческихъ усовершенствованныхъ машинъ", и такъ далѣе, безъ конца. Время отъ времени онъ тоже исчезалъ изъ города и шнырялъ по уѣзду, выискивая какія-то новыя дѣла. Впрочемъ, его дѣятельность скоро обнаружилась, когда Май-Стабровскій купилъ въ уѣздѣ упраздненный винокуренный казенный заводъ и назначилъ его своимъ главнымъ управляющимъ. Были и свои винокуры, но это былъ народъ все мелкій, работавшій съ грѣхомъ пополамъ для мѣстнаго потребленія, а Стабровскій затѣвалъ громадное, милліонное дѣло и повелъ его сильною рукой. Все устраивалось по послѣднему слову винокуренной науки. Отъ Заполья до новаго завода было верстъ сто, и туда отхлынула вся польская челядь, окружавшая Стабровскаго. Запольскіе купцы только смотрѣли и ожигались. Ихъ „старинка" оставалась позади, а впередъ лѣзли новые люди, удивлявшіе своею пробойкостью и прожорливостью. По „старинкѣ" считали на

тысячи и много-много на десятки тысячъ, а тутъ сразу счетъ пошелъ за сотни тысячъ.

— Что же это будетъ?—удивлялись недавніе запольскіе богачи.—Что же намъ-то останется? Все нѣмцы забираютъ.

Винокуренный заводъ Стабровскаго находился всего въ двадцати верстахъ отъ Суслона, и это сразу придало совершенно другое значеніе новому хлѣбному рынку. Для этого завода ежегодно имѣлось въ виду скупать до милліона пудовъ ржи, а это что-нибудь значило. Старикъ Колобовъ только ахнулъ, когда услышалъ про новую затѣю.

— Съѣстъ насъ всѣхъ Стабровскій,—говорилъ онъ, качая головой.—Мы тутъ мышей ловимъ, а онъ прямо на медвѣдя пошелъ.

Новая крупчатная мельница, дѣйствительно, являлась ничтожествомъ по сравненію съ грандіознымъ заводомъ. Было тутъ о чемъ подумать. Хлопотавшій по постройкѣ завода Штоффъ раза два завертывалъ въ Прорывъ и ночевалъ.

— Ты это что же затѣваешь-то?—верчалъ Михей Зотычъ.—Мы тутъ вотъ мучку мелемъ, а ты хлѣбъ собираешься изводить на проклятое зелье.

— Ничего, ничего, старичокъ. Всѣмъ хлѣба хватитъ... Мы вѣдь себѣ только рожь беремъ, а вамъ всю пшеницу оставляемъ. Другъ другу не будемъ мѣшать, старичокъ.

— Да я не о томъ, нѣмецкая душа: дѣло-то ваше неправильное... да. Божій даръ будете переводить да чорта тѣшить. Мы-то съ молитвой, а вамъ наплевать... тьфу!..

— Да вѣдь народу же деньги-то пойдутъ, старичокъ? Ахъ, какой ты!.. Теперь хлѣбъ напрасно пропадаетъ, а тогда на, получай наличными. Всѣ будутъ довольны... Такъ-то!

— Богу вы всѣ отвѣтите за свои выдумки!—грозилъ Михей Зотычъ.—Да и какой у васъ Богъ? Ни Бога ни чорта... Про совѣсть-то слыхалъ, Карлъ Карлычъ?

— У насъ сколько угодно совѣсти, старичокъ.

— Такъ вы ее, совѣсть-то свою, въ процентъ отдавайте... А я тебѣ скажу пряменько, нѣмецъ: не о чемъ намъ съ тобой разговоры разговаривать... такъ, попусту, языкомъ болтать...

Штоффъ только улыбнулся. Онъ никогда не оскорблялся и славился своимъ хладнокровіемъ. Его еще никто не могъ вывести изъ себя, хотя случаевъ для этого было достаточно. Михей Зотычъ отъ всей души возненавидѣлъ этого увертливаго нѣмца и считалъ его главною причиною всѣхъ грядущихъ золъ.

— Послушай, старичокъ, поговоримъ откровенно,—приставалъ Штоффъ.—Ты живой человѣкъ, и я живой человѣкъ; ты хочешь кусочекъ хлѣба съ масломъ, и я тоже хочу... Такъ? И всѣ другіе хотятъ, да не знаютъ, какъ его взять.

— Ну, заговаривай зубы, заговаривай, змѣй!

— А я понимаю одно: я имѣю свою пользу и долженъ дать пользу другимъ... Такъ?

— Ужъ ты дашь, что говорить... Даже вотъ какъ дашь... Не обрадуешься твоей-то пользѣ.

— Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вещи.

Хитрый нѣмецъ проникъ даже къ попу Макару. Едва ли онъ самъ зналъ, зачѣмъ есть попъ Макаръ, но и онъ тоже ѣстъ свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и можетъ пригодиться. Попъ Макаръ былъ очень недовѣрчивый человѣкъ и отнесся къ нѣмцу почти враждебно.

— Во-первыхъ, я живу здѣсь уже двадцать лѣтъ и никого не касаюсь, — объяснилъ онъ откровенно: — и во-вторыхъ, я ничего не понимаю.

— Да вѣдь мнѣ, батюшка, ничего отъ васъ и не нужно, — объяснилъ Штоффъ, не сморгнувъ глазомъ. — Просто, счелъ долгомъ познакомиться съ вами, такъ какъ будемъ жить въ сосѣдяхъ.

— Оно конечно, милостивый государь... Коль скоро человѣкъ отметаетъ отъ себя всяческую суету, потолику онъ принадлежитъ самому себѣ, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

— Послушайте, батюшка, вы ведете громадное хозяйство, у васъ накопляется одной ржи до пяти тысячъ пудовъ, я говорю примѣрно. Вамъ приходится хлопотать съ ея продажей, а тутъ я пріѣду, и мы покончимъ безъ всякихъ хлопотъ. Это я говорю къ примѣру.

— Позвольте, во-первыхъ, какая ваша будетъ цѣна, милостивый государь?

— На одну восьмую копейки съ пуда больше, чѣмъ на рынкѣ... Это... это составитъ за пять тысячъ пудовъ ровно 6 рублей 25 копеекъ. Кажется, я выражаюсь ясно? Вѣдь деньги не валяются на дорогѣ.

Штоффъ попалъ въ самое больное мѣсто скуповатаго деревенскаго батюшки. Онъ жилъ бездѣтнымъ, вдвоемъ съ женой, и всю любовь сосредоточилъ на скромномъ стяжаніи, — его интересовали не столько сами по себѣ деньги, а, главнымъ образомъ, процессъ ихъ пріобрѣтенія, какъ своего рода спортъ.

II.

Старшему сыну Серафимы было ужъ четыре года, его звали Сережей. За нимъ слѣдовали еще двѣ дѣвочки-погодки, т.-е. родившіяся черезъ годъ одна послѣ другой. Старшую звали Милочкой, младшую Катей. Какъ Серафима ни любила мужа, но трехлѣтняя, почти безъ перерыва, беременность возмутила и ее.

— Я хочу и сама пожить,—заявляла она съ наивностью намучившагося человѣка.—Будетъ съ насъ дѣтей.

— И я тоже думаю, — соглашался Галактіонъ.

Тотъ красивый подъемъ всѣхъ силъ, который Серафима переживала сейчасъ послѣ замужества, давно миновалъ, смѣнившись нормальнымъ существованіемъ. Первыя радости материнства тоже прошли, и Серафима иногда испытывала приступы безпричинной скуки. Пять лѣтъ выжили въ деревнѣ. Довольно. Особенно сильно повліяла на Серафиму поѣздка въ Заполье на свадьбу Харитины. Въ городѣ всѣ жили и веселились, а въ деревнѣ только со скуки пропадай.

— Переѣдемъ въ городъ, — все чаще и чаще повторяла Серафима мужу: — а то совсѣмъ деревенскіе мужики будемъ.

Эти слова каждый разъ волновали Галактіона. Деревня тоже давно надоѣла ему, да и дѣлать здѣсь было нечего, — и безъ него отецъ съ Емельяномъ управятся. Собственно удерживало Галактіона послѣднее предпріятіе: онъ хотѣлъ открыть дорогу зауральской крупчаткѣ туда, на Волгу, чтобъ обезпечить сбытъ надолго. Нужно было только предупредить другихъ, чтобы снять сливки.

Дѣла по мельницѣ установились окончательно и шли прекрасно. Въ первую зиму свѣжую крупчатку возили въ Ирбитъ, на ярмарку, на тройкахъ. Ее брали нарасхватъ. Происходила конкуренція съ дорогою казанскою круп-

чаткой. За эти четыре года мельница не только окупилась, но и дала большой доходъ. Теперь пшеница заготовлялась впередъ за годъ и покупалась на наличныя деньги. Вообще дѣла шли отлично. Мысль открыть сбытъ своей крупчаткѣ въ „Расею“ очень понравилась Михею Зотычу, и онъ съ большимъ удовольствіемъ отпустилъ Галактіона съѣздить въ Казань, Рыбинскъ, Саратовъ и Нижній, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ дѣлами. Галактіонъ проѣздилъ все лѣто и вернулся уже по окончаніи нижегородской ярмарки. Эта поѣздка имѣла для него рѣшающее значеніе.

— Ну что, какъ тамъ у нихъ? — спрашивалъ Михей Зотычъ.

— Ахъ, папаша, даже разсказывать стыдно, то-есть за себя стыдно. Тамъ настоящія дѣла дѣлаютъ, а мы только мухъ здѣсь ловимъ. Тамъ ужъ вальцовыя мельницы строятъ... Мы на гроши считаемъ, а тамъ счетъ идетъ на милліоны.

— Съ большимъ-то счетомъ запутаться можно, Галактіонъ.

— Въ лѣсъ ходить — не бояться волковъ, а дѣлать дѣло, такъ попастоящему.

— Ну, съ меня будетъ и этого, а когда я помру, какъ знаете.

Бойкая жизнь Поволжья просто ошеломила Галактіона. Вотъ это, называется, живутъ во всю. Какими капиталами ворочаютъ, какія дѣла дѣлаютъ!.. А здѣсь и развернуться нельзя: все гужомъ идетъ. Не ускачешь далеко. А тамъ и чугунка и пароходы. Все во-время, на срокъ. Главное, не ѣстъ перевозка, — нѣтъ мѣсячныхъ распутицъ, весеннихъ и осеннихъ, нѣтъ лѣтняго ненастья и зимнихъ вьюгъ, — вездѣ скатертью дорога.

— А какіе тамъ люди, Сима, — разсказывалъ женѣ Галактіонъ: — смѣлые да умные! Пальца въ ротъ не клади... И все дѣло ведется въ кредитъ. Капиталъ — это вздоръ. Только бы умный да надежный человѣкъ былъ, а денегъ сколько хочешь. Все дѣло въ оборотѣ. У насъ здѣсь и капиталъ-то у кого есть, такъ и съ нимъ некуда дѣться. Переваливай его съ боку на бокъ, какъ дохлую лошадь. Все отъ оборота.

Серафима слушала мужа только изъ вѣжливости. Въ дѣлахъ она попрежнему ничего не понимала. Да и мужъ какъ-то не умѣлъ съ нею разговаривать. Вотъ, другое дѣло, пріѣдетъ Карлъ Карлычъ, тотъ все умѣетъ понятно разсказать. Онъ вотъ и женѣ всѣ наряды покупаетъ и даже въ шляпахъ знаетъ больше толку, чѣмъ любая настоящая дама. Сестра Евлампія никакой заботы не знаетъ съ мужемъ, даромъ, что нѣмецъ, и щеголяетъ напропалую.

Заѣзжая на мельницу въ Прорывъ, хитрый нѣмецъ никогда не забывалъ захватить и ребятишкамъ игрушекъ, и невѣсткѣ какой-нибудь пустяковый подарочекъ. Себя въ убытокъ не введетъ и другимъ удовольствіе доставитъ.

Въ послѣднюю зиму, когда строился у Стабровскаго заводъ, нѣмецъ началъ бывать у Колобовыхъ совсѣмъ часто. Дѣло было зимой, и нужно было закупать хлѣбъ на будущій годъ, а главный рынокъ устраивался въ Суслонѣ.

— Это намъ Михей Зотычъ дорожку проторилъ, — похваливалъ нѣмецъ хмурившагося старика: — мы на готовое-то, какъ на чужую кашу со своей ложкой приходимъ.

— Только не подавитесь, — ворчалъ Михей Зотычъ. — Ложка-то у васъ больно велика. Пожалуй, и каши не хватитъ.

— Всѣмъ, дѣдушка, хватитъ, которые ежели съ умомъ.

Главный подвозъ хлѣба происходитъ въ ноябрѣ, когда устанавливался крѣпкій санный путь. Штоффъ прожилъ цѣлую недѣлю въ Суслонѣ у ни-

сарія, изучая складывавшійся новый хлѣбный рынокъ. Галактіонъ тоже пріѣзжалъ дѣлать закупки, и они вмѣстѣ провели всю недѣлю. Приходилось вставать раннимъ утромъ, задолго до свѣту, часа въ четыре. Широкая суслонская улица съ обѣихъ сторонъ была уставлена безконечными возами. Скупщики ходили отъ воза къ возу съ фонарями, и рынокъ получалъ какой-то фантастическій характеръ. Народное богатство лежало тутъ, на виду, прикрытое домашней работы пологами. Галактіона уже знали, и онъ ставилъ цѣну. Остальные только прикупали, какъ Ермилычъ и небольшіе мельники.

— По-деревенски живемъ, Карлъ Карлычъ, — иронически говорилъ Галактіонъ про самого себя. — Изъ-за хлѣба на квасъ.

— Ну, вы-то пожаловаться не можете.

— Да и радоваться нечему. Изъ маленькаго дѣла не выскочишь. Мнѣ собственно и дѣлать на мельницѣ больше нечего.

— А вы пріѣзжайте къ намъ въ Заполье. Можетъ-быть, и дѣльце найдемъ. Люди нужны, а ихъ нѣтъ.

Нѣмецъ чего-то не договаривалъ, а Галактіонъ не желалъ выпытывать. Нужно, такъ и самъ скажетъ. Впрочемъ, разъ ночью они разговорились случайно совсѣмъ по душамъ. Обоимъ что-то не спалось. Ночевали они въ писарскомъ домѣ, и разговоръ происходилъ въ темнотѣ. Собственно говорилъ больше нѣмецъ, а Галактіонъ только слушалъ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, Галактіонъ Михеичъ... Будемте разсуждать математически, такъ сказать. Въ природѣ ничто не должно пропадать, ни одинъ атомъ. Такъ, да? Каждый человѣкъ представляетъ собой извѣстную силу, а сила—только тогда сила, когда она находитъ свое приложеніе. Да? Съ одной стороны, вотъ мы съ вами, какъ сила, ищущая своего приложенія, а съ другой—благодатный край, переполненный сырьемъ. Наше приложеніе въ томъ, чтобы дать оборотъ этимъ богатствамъ. Не правда ли? Умъ — самая страшная изъ всѣхъ силъ. Вы вотъ умный человѣкъ и понимаете совершенно вѣрно, что съ мельницей у васъ лѣтъ черезъ пять будетъ все кончено. Значитъ, нужно пристроиться къ другому дѣлу.

— Я и самъ это думаю, Карлъ Карлычъ. Давненько думаю.

Нѣмецъ сдѣлалъ паузу. Гдѣ-то тяжело тикали старинные часы.

— У васъ есть деньги? — спросилъ Штоффъ уже совершенно другимъ тономъ, продолжая какую-то свою мысль.

— То-есть какъ деньги?

— Ну, тысячъ тридцать-сорокъ?

— Карлъ Карлычъ, вѣдь вы знаете, что у меня своихъ и сорока копеекъ нѣтъ.

— Но у васъ есть обычай выдѣлять сыновей. Наконецъ вы получили кое-что за женой.

— Женины деньги меня не касаются, а что касается выдѣла, едва ли отецъ согласится. Вы знаете, какой у него характеръ.

— А вы имѣйте свой характеръ. Требуйте свою часть.

— Онъ меня просто выгонитъ вонъ.

Нѣмецъ подумалъ, что-то прикинулъ въ умѣ и проговорилъ убѣжденно:

— И то для васъ будетъ выгоднѣе, чѣмъ сидѣть здѣсь и ждать у моря погоды. Повѣрьте мнѣ. А я васъ устрою.

— Вы теперь такъ говорите, а когда отецъ прогонитъ, вы можете заговорить другое.

— Повѣрьте, что нѣтъ, Галактіонъ Михеичъ. Это мой прямой интересъ, и я вамъ скажу сейчасъ, въ чемъ дѣло. Да. Вотъ у васъ мельница, и вы

въ зависимости отъ урожая, отъ рынка, отъ конкуренціи, да? Я теперь управляющій Стабровскаго и завишу отъ него. Дѣло громадное и будетъ зависѣть отъ тысячи случайностей, начиная съ самой жестокой конкуренціи, какая существуетъ только въ нашемъ водочномъ дѣлѣ. Не правда ли? Возьмите всякое другое коммерческое дѣло — вездѣ рискъ, вездѣ опасность, вездѣ сомнѣнія. А есть такое дѣло, которое ничего не боится, скажу больше: ему все на пользу—и урожай и неурожай, и разореніе и богатство, и даже конкуренція. Это моя завѣтная мечта.

Галактіонъ сѣлъ на кровати и проговорилъ:

— Банкъ? Вы хотите, чтобы въ числѣ учредителей стояло мое русское имя?

— Да. Прибавьте къ этому, что русскихъ именъ мы найдемъ сколько угодно, а намъ нужны работники, хорошіе, энергичные работники. Признаюсь, я васъ изучалъ въ теченіе пяти лѣтъ и знаю васъ больше, чѣмъ вы сами себя знаете. Извините за нескромное любопытство... У васъ есть размахъ, есть кровь, а это главное. Придется много работать и ставить все на карту. Потомъ у васъ есть умѣнье имѣть дѣло съ людьми. Примѣръ: скажу я — и мнѣ не повѣрятъ, скажете вы то же самое — и вамъ повѣрятъ. Это величайшій секретъ науки, называемой психологія. Мнѣ скажутъ: „у! нѣмецъ хитритъ!“ Я это въ глазахъ читаю, и мнѣ дѣлается обидно, хотя я и хладнокровный человѣкъ. А вамъ повѣрятъ, всѣ повѣрятъ,—о, какъ повѣрятъ!.. Да, у васъ сейчасъ нѣтъ денегъ, но умретъ отецъ, — будемте говорить откровенно, — у васъ сто тысячъ вѣрныхъ. Значитъ, вы и сейчасъ стоите эти сто тысячъ и можете имѣть кредитъ.

— Банкъ будетъ въ Заполье?

— Да... Коммерческій Зауральскій банкъ. Главные учредители: Стабровскій, Ечкинъ, Шахма, Дракс и я. Видите, все иностранцы, то-есть не русскія фамиліи, а это неудобно. Намъ необходимо привлечь Луковникова, Огибенина и еще человѣка три-четыре. У насъ уставъ уже написанъ, и Ечкинъ выхлопочетъ его утвержденіе. О, этотъ человѣкъ можетъ сдѣлать рѣшительно все на свѣтѣ!.. Знаете, говоря между нами, я считаю его геніальнымъ человѣкомъ. Да. Представьте себѣ, у него рѣшительно ничего нѣтъ, а онъ всегда имѣетъ такой видъ, точно у него въ бумажникѣ чекъ на пятьсотъ тысячъ. Стабровскій уменъ и тоже геніальный человѣкъ, но до Ечкина ему далеко, какъ до звѣзды небесной... И Стабровскій это самъ знаетъ.

— Что же я буду дѣлать въ Заполье, пока вашъ банкъ не откроется?

— Э, дѣло найдемъ!.. Во-первыхъ, мы можемъ предоставить вамъ нѣкоторые подряды, а потомъ... Вы знаете, что домъ Харитона Артемьича на жену, — ну, она передастъ его вамъ: вотъ цензъ. Вы на соотвѣтствующую сумму выдадите Аносѣ Гавриловнѣ векселей и домъ... Кромѣ того, у васъ уже сейчасъ въ коммерческомъ мірѣ есть свое имя, какъ дѣльнаго человѣка, а это большой ходъ. Васъ знаютъ и въ Заполье и въ трехъ уѣздахъ... О, извѣстность — тоже капиталъ!

Галактіонъ такъ и не могъ заснуть всю ночь. У него горѣла голова, и мысли въ головѣ толклись, какъ въ жаркій лѣтній день толкутся комары надъ болотомъ. Хитрый нѣмецъ умѣло и ловко затронулъ его въ самое больное мѣсто, именно то, о чемъ онъ мечталъ только про себя. Правда, предстояло сдѣлать рѣшительный шагъ; но, все равно, — его нужно было когда-нибудь сдѣлать. Отъ этого зависѣло все. Одно только нагоняло на Галактіона сомнѣніе: онъ не довѣрялъ хитрому нѣмцу. Продастъ и надуетъ при случаѣ за какой-нибудь „кусочекъ хлѣба съ масломъ“. Отъ такихъ людей нужно ожидать всего.

Галактіону дѣлалось обидно, что ему не съ кѣмъ даже посовѣтоваться. Жена ничего не понимаетъ, отецъ будетъ противъ, Емельянъ согласится со всѣмъ, Симонъ молодъ, — дѣлай, какъ знаешь.

Передъ отъѣздомъ изъ Суслона Штоффъ имѣлъ болѣе подробный разговоръ съ Галактіономъ и откровенно высказался:

— Я знаю, что вы не довѣряете мнѣ... Это отлично. Никому не нужно вѣрить, даже самому себѣ, потому что каждый человѣкъ можетъ ошибаться. Да. А можно вѣрить только одному — дѣлу. Вы только подумайте: вотъ сейчасъ мы всѣ хлопочемъ, бьемся, бѣгаемъ за производителемъ и потребителемъ, угождаемъ какому-нибудь хозяину, вообще зависимъ направо и налѣво, а тогда другіе будутъ отъ насъ зависѣть. У насъ всегда будетъ урожай на нашей нивѣ... Расчетъ самый простой: по вкладамъ мы будемъ платить семь процентовъ, а по ссудамъ будемъ получать до двадцати. Капиталъ будетъ... Вы только сообразите, сколько пропадаетъ теперь мертваго капитала у поповъ, писарей, купцовъ, а изъ этихъ мелочей составится страшная сила, какъ изъ мелкихъ рѣчонокъ наливается море.

III.

Рѣшительный разговоръ съ отцомъ Галактіонъ думалъ повести не раньше, какъ предварительно съѣздивъ въ Заполье и устроивъ тамъ все. Но вышло совершенно наоборотъ.

Послѣ отъѣзда Штоффа Галактіонъ цѣлыхъ три недѣли ходилъ точно въ туманѣ. И сонъ плохой и аппетита нѣтъ. Даже Серафима замѣтила, что съ мужемъ творится что-то неладное.

— Тебѣ нездоровится, Глаша?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего.

Такой отвѣтъ совершенно удовлетворялъ простоватую Серафиму, и это возмущало Галактіона. Другая жена допыталась бы, въ чемъ дѣло, и не успокоилась бы, пока не вызнала бы всего. Теперь во время безсонницы Галактіонъ по ночамъ уходилъ на мельницу и бродилъ тамъ изъ одного этажа въ другой, какъ тѣнь. Мельница работала зимой полнымъ ходомъ. Рабочихъ было очень много. Они, засыпанные мучнымъ бусомъ, походили на какихъ-то мертвецовъ, бродившихъ безшумно изъ одного отдѣленія въ другое. Обыкновенно по ночамъ обходилъ мельницу Емельянъ, какъ холостой человѣкъ, или самъ Михей Зотычъ. Рабочіе удивлялись, встрѣчая теперь Галактіона. Разъ ночью у жернова Галактіонъ встрѣтилъ отца. Старикъ какъ-то по-заячьи прислушивался къ грузному движенію верхняго камня, припадавшаго однимъ краемъ.

— А, это ты! — удивился старикъ. — Вотъ и отлично. Жерновъ у насъ что-то того, припадаетъ краемъ.

— Нужно поставить запасный.

— Остановка выйдетъ.

— Ничего не подѣлаешь.

Они вмѣстѣ прошли по всѣмъ отдѣленіямъ. Вездѣ все было въ порядкѣ.

— Если бы еще пять поставовъ прибавить, такъ работы хватило бы,— задумчиво говорилъ Галактіонъ, когда они очутились въ мельничной конторкѣ, занесенной бусомъ, точно инеемъ.

— Воды не хватитъ.

— Можно паровую машину поставить, родитель.

— Ни за что! Спалить хочешь все обзаведеніе?

Мельница давно уже не справлялась съ работой, и Галактіонъ нѣсколько разъ поднималъ вопросъ о паровой машинѣ, но старикъ и слышать ничего не хотѣлъ, ссылаясь на страхъ пожара. Конечно, это была только одна отговорка, что̀ Галактіонъ понималъ отлично.

— Вотъ ты про машину толкуешь, а лучше поставить другую мельницу,—заговорилъ Михей Зотычъ, не глядя на сына, точно говорилъ такъ, между прочимъ.

Галактіонъ отлично понялъ его. Значитъ, отецъ хочетъ запрячь его въ новую работу и посадить опять въ деревню года на три. На готовомъ дѣлѣ онъ разсчитывалъ управиться съ Емельяномъ и Симономъ. Это было слишкомъ очевидно.

— Нѣтъ, я не согласенъ, — спокойно отвѣтилъ Галактіонъ.

— Какъ не согласенъ? Что̀ не согласенъ? Да какъ ты смѣешь разговаривать такъ съ отцомъ, щенокъ?

— Вторую мельницу строить не буду, — твердо отвѣтилъ Галактіонъ. — Будетъ съ васъ и одной. Да и дѣло не стоящее. Вонъ запольскіе купцы три мельницы-крупчатки строятъ, потомъ Шахма затѣваетъ, — будете не зерно молоть, а другъ друга ѣсть. Вѣрно говорю... Лѣтъ пять еще поработаешь, а потомъ хоть замокъ вѣсь на свою крупчатку. Вотъ самъ увидишь.

— Да ты понимаешь, что̀ говоришь-то?

— Даже очень понимаю... Дѣлать мнѣ нечего здѣсь, вотъ и весь разговоръ. Осталось только, что въ Расею крупчатку отправлять... И это я устроилъ.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ вы сами по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Какъ же это такъ будетъ, напримѣрно?

— Да ужъ такъ, какъ случится. Дадите мнѣ что̀ въ отдѣлъ — спасибо, не дадите — тоже спасибо.

— Такъ, такъ, миленькій... Своимъ умомъ хочешь жить.

Старикъ пожевалъ губами, посмотрѣлъ на сына прищуренными глазами и совершенно спокойно проговорилъ:

— Ничего ты отъ меня, миленькій, не получишь... Ни одного грошика, какъ есть. Вотъ, что̀ на себѣ имѣешь, то и твое.

— Покорно благодарю, родитель.

Больше отецъ и сынъ не проговорили ни одного слова. Для обоихъ было все ясно, какъ день. Галактіонъ, впрочемъ, этого ожидалъ и впередъ приготовился ко всему. Онъ настолько владѣлъ собой, что просмотрѣлъ съ отцомъ всѣ книги, отсчитался по разнымъ статьямъ и далъ нѣсколько совѣтовъ относительно мельницы.

— Завтра, т.-е. сегодня, я ѣду,—прибавилъ онъ въ заключеніе.—Если что̀ вамъ понадобится, такъ напишите. Жена пока у васъ поживетъ... ну, съ недѣлю.

— А кто же ее кормить будетъ?

— Я пришлю денегъ изъ Суслона на прокормъ, а за квартиру потомъ разсчитаюсь.

— За пять лѣтъ, миленькій. Не забудь... По три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ—сто восемьдесятъ рубликовъ.

— И это заплачу. Сейчасъ у меня ничего нѣтъ, а вышлю, какъ пришлю подводу за семьей.

Когда Галактіонъ вышелъ, Михей Зотычъ вздохнулъ и улыбнулся. Вотъ это такъ сынъ... Правильно пословица говорится: одинъ сынъ—не сынъ, два сына—полсына, а три сына—сынъ. Такъ оно и выходитъ, какъ по-писанному. Да, хорошъ Галактіонъ. Другого такого-то и не сыщешь.

„А денегъ я тебѣ все-таки не дамъ,—думалъ старикъ.—Самъ наживай — не маленькій!.. Помру, вамъ же все достанется. Охъ, миленькіе, съ собой ничего не возьму!“

Вернувшись домой, Галактіонъ почувствовалъ себя чужимъ въ стѣнахъ, которыя самъ строилъ. О себѣ и о женѣ онъ не безпокоился, а вотъ что будетъ съ дѣтишками? У него даже сердце защемило при мысли о дѣтяхъ. Онъ больше другихъ любилъ первую дочь Милочку, а старшій сынъ былъ баловнемъ матери и дѣдушки. Младшая Катя росла какъ-то сама по себѣ, и никто не обращалъ на нее вниманія.

— Ну, Серафима, собирайся въ дорогу,—коротко объяснилъ Галактіонъ женѣ.—Черезъ недѣлю я за тобой пришлю. Переѣзжаемъ въ Заполье.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Серафима даже заплакала отъ радости и бросилась къ мужу на шею. Ея завѣтною мечтой было переѣхать въ Заполье, и эта мечта осуществилась. Она даже не спросила, почему они переѣзжаютъ, какъ все здѣсь останется,—только бы уѣхать изъ деревни. Городская жизнь рисовалась ей въ самыхъ радужныхъ краскахъ.

Только на прощаніи съ отцомъ Галактіонъ не выдержалъ. Онъ досталъ бумажникъ и все, что въ немъ было, передалъ отцу, а затѣмъ всю мелочь изъ кошелька. Михей Зотычъ не поморщился и все взялъ, даже пересчиталъ все до копеечки.

— Денежка счетъ любитъ, — бормоталъ старикъ.

У жены Галактіонъ тоже не взялъ ни копейки, а заѣхалъ въ Суслонъ къ писарю и у него занялъ десять рублей. Съ этими деньгами онъ отправился начинать новую жизнь. На отца Галактіонъ не сердился, потому что этого нужно было ожидать.

Анѳуса Гавриловна обрадовалась и испугалась, когда увидала зятя. Она совсѣмъ не ждала гостя.

— Надолго ли, Галактіонъ? — спрашивала расхлопотавшаяся старушка.

— А совсѣмъ, мамаша.

— Какъ совсѣмъ?

Галактіонъ любилъ тещу, какъ родную мать, и разсказалъ ей все. Анѳуса Гавриловна расплакалась, а потомъ обрадовалась, что зять будетъ жить вмѣстѣ съ ними. Главное — внучата будутъ тутъ же.

— Поживите пока съ нами, а тамъ видно будетъ,—говорила она, успокоившись послѣ первыхъ изліяній.—Слава Богу, свѣтъ не клиномъ сошелся. Не пропадешь и безъ отцовскихъ капиталовъ. Охъ, черезъ золото много напрасныхъ слезъ льется! Тоже видывали достаточно всячины!

Харитона Артемьича не было дома,—онъ уѣхалъ куда-то по дѣламъ въ степь. Агнія уже третій день гостила у Харитины. Къ вечеру она вернулась, и Галактіонъ удивился, какъ она постарѣла за какихъ-нибудь два года. Послѣ выхода замужъ Харитины у нея не осталось никакой надежды,—въ Заполье рѣдко старшія сестры выходили замужъ послѣ младшихъ. Такой ужъ установился обычай. Агнія, кажется, примирилась со своею участью Христовой невѣсты и мало обращала на себя вниманія. Не для кого было рядиться.

— Ну, а что зелье-то наше?—сурово спросила ее Анѳуса Гавриловна,—она все больше и больше не любила Харитину.

— Ничего... Два новыхъ платья заказала да соболій воротникъ велѣла передѣлать.

— Наказалъ меня Господь дочкой, — жаловалась Анѳуса Гавриловна

зятю.—Полуштофова жена модница, а эта всѣхъ превзошла. Охъ, плохо дѣло, Галактіонъ!.. Не кончитъ она добромъ.

Вечеромъ, когда уже подали самоваръ, неожиданно пріѣхала Харитина. Она вошла, не раздѣваясь, прямо въ столовую, чтобы показать матери новый воротникъ. Галактіонъ давно уже не видалъ ея и теперь былъ пораженъ. Харитина сдѣлалась еще красивѣе, въ лицѣ ея появилось такое увѣренное, почти нахальное выраженіе.

— А, деревенская родня пріѣхала!—здоровалась Харитина съ гостемъ, по своему обыкновенію глядя прямо ему въ лицо. — Надолго ли?

— Не знаю, какъ поживется.

— Оставайся на Святки. Будемъ веселиться напропалую.

— Это у тебя веселье только на умѣ,—оговорила мать.—У другихъ на умѣ дѣло, а у тебя пустяки.

— Что же, мамаша, не всѣмъ умнымъ быть.

— Да ты сядь, не таранти. Охъ, не люблю я такихъ-то верченыхъ! Точно сорока на колу.

— Что же, я и раздѣнусь. Хотѣла только показать вамъ, мамаша, новый воротникъ. Триста рублей всего стоитъ.

Харитину задѣло за живое то равнодушіе, съ какимъ отнесся къ ней Галактіонъ. Она уже привыкла, чтобы всѣ ухаживали за ней. Снимая шубку, она попросила его помочь.

— Не умѣешь помочь раздѣться, увалень! — пошутила она. — Привыкъ съ деревенскими бабами обращаться!

На Галактіона такъ и пахнуло душистою волной, когда онъ подошелъ къ Харитинѣ. Она была въ шерстяномъ синемъ платьѣ, красиво облегавшемъ ея точеную фигуру. Она нарочно подняла руки, дѣлая видъ, что поправляетъ волосы, и все время не спускала съ Галактіона своихъ дерзкихъ улыбавшихся глазъ.

— Что, хороша?—сказала она и засмѣялась.

— Перестань ты, бесстыдница!—заворчала Аѳуса Гавриловна. — Хоть и зять, а все-таки мужчина. Что руки-то задираешь, срамница?

— Я въ корсетѣ, мамаша.

Галактіонъ опустилъ глаза, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть. Ему какъ-то вся кровь бросилась въ голову. Агнія смотрѣла на него добрыми глазами и печально улыбалась. Она достаточно насмотрѣлась на всѣ штуки сестрицы Харитины.

— Ну, а что твоя деревенская баба? — спрашивала Харитина, подсаживаясь къ Галактіону съ чашкой чая. —Толстѣетъ? Каждый годъ рожаетъ ребятъ?.. Ха-ха! Дѣлать вамъ тамъ нечего, вотъ и плодите ребятишекъ. Мамаша, какой милый этотъ слѣдователь Куковинъ!.. Онъ такъ смѣшно ухаживаетъ за мной.

— Да будетъ тебѣ!—сердито крикнула Аѳуса Гавриловна.—Не пристало намъ твои-то гадости слушать... Постыдилась бы хоть Галактіона.

— Что мнѣ его стыдиться, мамаша? Дѣло прошлое, я была въ него сама влюблена. Даже отравиться хотѣла. И онъ...

— Будетъ! Перестань, срамница!

Аѳуса Гавриловна была рада, когда Харитина начала собираться. Ей нужно было еще заѣхать къ портнихѣ, въ два магазина, потомъ къ сестрѣ Евлампіи, потомъ еще въ два мѣста. Когда Галактіонъ надѣвалъ ей шубку, Харитина успѣла ему шепнуть:

— А помнишь, дурачокъ, какъ я тебя цѣловала? Я тебя все еще немножко люблю... Пріѣзжай ко мнѣ съ визитомъ. Поговоримъ.

Никогда еще Галактіонъ не былъ такъ несчастливъ, какъ въ эту первую

ночь въ Заполье. Ему было какъ-то особенно больно и обидно. Что будетъ? Какъ онъ будетъ жить? А тутъ еще Харитина! Эта встрѣча была послѣднею каплей въ чашѣ испытаній. Развѣ она такая была? Да, она сейчасъ красивѣе, въ полномъ расцвѣтѣ молодости, а ему было больно на нее смотрѣть. Какое у нея сдѣлалось нахальное лицо, какъ она смотритъ, какія движенія, какія слова! И не стыдно... Галактіонъ съ какимъ-то ужасомъ думалъ объ этой погибшей душѣ, припоминая свое минутное увлеченіе. Да, она тогда была другая, — такая чистая, нетронутая, красивая именно этою своею чистотою. А теперь кто ее окружаетъ? Какіе разговоры она слышитъ? Что ее интересуетъ? Если бъ она знала, что у него сейчасъ на душѣ и какъ ему больно за нее! О ея выходкѣ тогда на мельницѣ, у кровати больного отца, онъ какъ-то даже забылъ и не придавалъ этому особеннаго значенія. Такъ, молодая глупость. Кровь молодая расходилась. А теперь уже совсѣмъ другое...

Галактіонъ лежалъ и думалъ о Харитинѣ, думалъ и сердился, что думаетъ именно о ней, а не о своихъ дѣтяхъ.

IV.

Отправляясь въ первый разъ съ визитомъ къ своему другу Штоффу, Галактіонъ испытывалъ тяжелое чувство. Ему еще не случалось фигурировать въ роли просителя, и онъ испытывалъ большое смущеніе. А вдругъ Штоффъ сдѣлаетъ видъ, что не помнитъ своихъ разговоровъ на мельницѣ? Все можетъ быть.

Штоффъ былъ дома и принялъ гостя съ распростертыми объятіями. Онъ по-русски расцѣловался съ Галактіономъ изъ щеки въ щеку.

— Слышалъ, слышалъ, голубчикъ, — повторилъ онъ. — Этимъ и должно было кончиться... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Откуда вы узнали, Карлъ Карлычъ? — удивился Галактіонъ.

— А сорока на хвостѣ принесла... Право, отлично. Одобряю.

Штоффъ занималъ очень скромную квартирку. Теперь небольшой деревянный домикъ принадлежалъ уже ему, потому что былъ нуженъ для ценза по городскимъ выборамъ. Откуда взялъ нѣмецъ денегъ на покупку дома и вообще откуда добывалъ средства — было покрыто мракомъ неизвѣстности. Галактіонъ сразу почувствовалъ себя легче въ этихъ уютныхъ маленькихъ комнатахъ, — у него гора свалилась съ плечъ.

— Будемъ устраиваться... да... — повторялъ Штоффъ, расхаживая по комнатѣ и потирая руки. — Я уже кое-что подготовилъ на всякій случай. Вѣдь вы знаете Луковникова? О, это большая сила!.. Онъ знаетъ васъ. Да... Ничего, помаленьку устроимся. Знаете, нужно жить, какъ кошка: откуда ее ни бросьте, она всегда на всѣ четыре ноги станетъ.

Было часовъ одиннадцать, и Евлампія Харитоновна еще спала, чему Галактіонъ былъ радъ. Онъ не любилъ эту модницу больше всѣхъ сестеръ. Такая противная бабенка, и ее могъ выносить только одинъ Штоффъ.

— Одного у насъ нѣтъ, — проговорилъ хозяинъ, замѣтивъ, какъ гость оглядываетъ обстановку. — Недостаетъ дѣточекъ... А я такъ люблю дѣтей. Да... Вотъ у васъ цѣлыхъ трое.

— Заботы много съ дѣтьми.

— А для чего же тогда жить?

Взглянувъ на часы, Штоффъ прибавилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Скоро двѣнадцать. Поѣдемте въ думу. Тамъ сразу со всѣми познакомитесь.

— Да я, кажется, и безъ того всѣхъ знаю.

— Нѣтъ, то другое... Мало ли кого можно встрѣтить на свадьбѣ, — это въ счетъ у насъ нейдетъ.

У Штоффа была уже своя выѣздная лошадь, на которой они и отправились въ думу. Галактіонъ опять началъ испытывать смущеніе. Съ чего онъ-то ѣдетъ въ думу? Тамъ все свои соберутся, а онъ для всѣхъ чужой. Оставалось положиться на опытность Штоффа. Новая дума помѣщалась рядомъ съ полиціей. Это было новое двухъэтажное каменное зданіе, еще не оштукатуренное. У подъѣзда стояло нѣсколько экипажей.

— Здѣсь вы всѣхъ найдете,—объяснилъ Штоффъ, здороваясь съ представительнымъ швейцаромъ.—Тарасъ Семенычъ здѣсь?

— Точно такъ-съ,—вытянувшись по-солдатски, отвѣтилъ швейцаръ.

Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, они прошли куда-то направо, откуда доносился гулъ споривщихъ голосовъ. Большая комната, затянутая табачнымъ дымомъ, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, походила на желѣзнодорожный буфетъ. На столѣ кипѣло два самовара, стояла чайная посуда, а кругомъ стола размѣстились представители мѣстнаго самоуправленія.

— Господа, я привелъ къ вамъ дорогого гостя!—громко отрекомендовалъ Штоффъ своего спутника.—Прошу любить и жаловать!

Подхвативъ Галактіона подъ руку, Штоффъ повелъ его вокругъ стола, рекомендуя всѣмъ:

— Тараса Семеныча вы знаете? А это два купца Ивановыхъ... три купца Поповыхъ... старшій городской врачъ Кацманъ, а это его помощникъ, докторъ медицины Кочетовъ... членъ управы Голяшкинъ.

— Ба, ба!—крикнулъ знакомый голосъ.

Это былъ Полуяновъ. Онъ обнялъ Галактіона и расцѣловалъ.

— Слышалъ, батенька... какъ же! Вчера жена что-то такое разсказывала про тебя и еще жаловалась, что шубы не умѣешь дамамъ подавать. Ничего, выучимъ... У насъ, батенька, все попросту. Живемъ одною семьей.

Членъ управы Голяшкинъ, рослый и краснощекій дѣтина, все время смотрѣлъ на Галактіона какими-то масляными глазами и сладко улыбался. Онъ ужасно походилъ на вербнаго херувима, хотя и простой работы. Выждавъ, когда всѣ перездоровались, Голяшкинъ подошелъ къ Галактіону, крѣпко пожалъ ему руку и какимъ-то сладкимъ голосомъ проговорилъ:

— Очень, очень рады, Галактіонъ Михеичъ. Мы здѣсь всѣ попросту. Да... Одною семьей...

Херувимъ страдалъ маніей повторять чужія слова, точно эхо. Продѣлавъ свою партію, онъ подсѣлъ къ столу и широко вздохнулъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ докторъ Кочетовъ, красивый черноволосый мужчина лѣтъ тридцати. Молодое лицо доктора носило явные слѣды усиленнаго пьянства—кожа на лицѣ была красная, потная, глаза опухли и слезились, носъ просвѣчивалъ синими жилками. Галактіонъ почему-то обратилъ особенное вниманіе на эту типичную пару. Впрочемъ, и вся остальная компанія не напоминала праведниковъ, за исключеніемъ Луковникова, рѣзко выдѣлявшагося своею степенностью и благообразною старостью.

— Ну, что родитель, каково прыгаетъ?—спросилъ онъ Галактіона, улыбаясь одними глазами.—Завязали вы намъ узелокъ съ вашей мельницей... да.

— Такъ ужъ вышло, Тарасъ Семенычъ,—оправдывался Галактіонъ, смущаясь.—Обижать никого не хотѣли.

— Что же, дѣло житейское,—проговорилъ старикъ и вздохнулъ.—Къ тестю въ гости пріѣхалъ, Галактіонъ Михеичъ?

— Да... Можетъ-быть, вамъ говорилъ что-нибудь Карлъ Карлычъ?

— Ахъ, да, да!.. Ндравный старикъ. Ничего, какъ-нибудь устроимся. Заходи ко мнѣ,—потолкуемъ.

Солидный старикъ очень понравился Галактіону. Не то, что тятенька Михей Зотычъ. Мысль объ отцѣ у Галактіона являлась теперь въ какой-то обидной формѣ. Ему казалось, что Тарасъ Семенычъ смотритъ на него съ сожалѣніемъ.

Чай продолжался довольно долго, и Галактіонъ замѣтилъ, что въ его стаканъ все больше и больше прибавляется рому. Набравшаяся здѣсь публика произвела на него хорошее впечатлѣніе своей простотой и откровенностью. Рядомъ съ Галактіономъ оказался какой-то ласковый сѣденькій старичокъ, съ утинымъ носомъ, прилизанными волосами на височкахъ и жалобно моргавшими выцвѣтшими глазками. Онъ все заглядывалъ ему въ лицо и повторялъ:

— Очень мы рады... Да, рады.

— Господа, что мы тутъ напрасно время теряемъ?—провозгласилъ захмелѣвшій Полуяновъ.—Ѣдемъ!

Всѣ разомъ поднялись, какъ по командѣ, и, не прощаясь другъ съ другомъ, повалили къ двери. Галактіонъ догналъ Штоффа уже на лѣстницѣ и началъ прощаться.

— Ну, это дудки!—заявилъ нѣмецъ.—У насъ такъ не играютъ!.. Ѣдемъ!

— Куда?

— А вотъ увидите.

Отъ думы они поѣхали на Соборную площадь, а потомъ на главную Московскую улицу. Лѣтомъ здѣсь стояла непролазная грязь, какъ и на главныхъ улицахъ, не говоря уже о предмѣстьяхъ, какъ Теребиловка, Дрекольная, Ерзовка и Сибирка. Миновали зеленый каѳедральный соборъ, старый гостиный дворъ и остановились у какого-то двухъэтажнаго каменнаго дома. Хозяиномъ оказался Голяшкинъ. Онъ каждаго гостя встрѣчалъ внизу, подхватывалъ подъ руку, поднималъ наверхъ и передавалъ съ рукъ на руки женѣ, испитой болѣзненной женщинѣ съ испуганнымъ лицомъ.

— Милости просимъ, господа!—повторялъ хозяинъ.—У насъ все попросту!.. Пожалуйте!

Галактіона удивило, что вся компанія, пившая чай въ думѣ, была уже здѣсь—и двое Ивановыхъ, и трое Поповыхъ, и Полуяновъ, и старичокъ съ утинымъ носомъ, и докторъ Кочетовъ. Галактіонъ подумалъ, что здѣсь именины, но оказалось, что никакихъ именинъ нѣтъ. Просто такъ, пріѣхали—и дѣлу конецъ. Въ большой столовой во всю стѣну былъ поставленъ громадный столъ, а на немъ десятки бутылокъ и десятки тарелокъ съ закусками,—у хозяина былъ собственный ренсковый погребъ и бакалейная торговля.

— Вотъ теперь мы добрались и до настоящаго фундамента,—повторялъ Полуяновъ, расхаживая по комнатѣ съ видомъ человѣка, вернувшагося домой.—Галактіонъ, выпьемъ.

— Да я не пью, Илья Ѳирсычъ... Такъ развѣ, одну рюмочку.

— Э-э! у насъ между первою и второю рюмкой не дышатъ... У насъ попросту.

Выпитыя двѣ рюмки водки съ непривычки сильно подѣйствовали на Галактіона. Онъ какъ-то вдругъ почувствовалъ себя и тепло и легко, точно онъ всегда жилъ въ Запольѣ и попалъ въ родную семью. Всѣ пили и ѣли, какъ въ трактирѣ, не обращая на хозяина никакого вниманія. Ласковый старичокъ опять былъ около Галактіона и опять заглядывалъ ему въ лицо своими выцвѣтшими глазами.

— А я вѣдь зналъ Михея-то Зотыча,—говорилъ онъ, подвигая стулъ ближе къ Галактіону.—Еще тамъ на заводахъ... Какъ же! У него три сына было, три молодца.

Дальше событія немножко перепутались. Галактіонъ помнилъ только, что поднимался опять куда-то по второй этажъ вмѣстѣ съ Полуяновымъ, и что шубы съ нихъ снимала красивая горничная, которую Полуяновъ преблагополучно щипнулъ. Потомъ ихъ встрѣтила красивая бѣлокурая дама въ сѣромъ шелковомъ платьѣ. Кругомъ были все тѣ же люди, что и въ думѣ, и Голяшкинъ обнималъ при всѣхъ бѣлокурую даму и говорилъ:

— А вотъ это сестрица Пашенька. У насъ все попросту. Давайте, Пашенька, поцѣлуемтесь.

Братъ и сестра громко расцѣловались. Потомъ Пашенька очутилась около Галактіона и ласково говорила:

— А вы забыли, какъ я на вашей свадьбѣ была? Какъ же, мы тогда еще съ Харитиной русскую отплясывали. Какія мы тогда глупыя были: ничего-то, ничего не понимали. Совсѣмъ дѣвчонки.

Кругомъ всѣ пили, хлопая рюмку за рюмкой. Вмѣстѣ съ другими пилъ и Галактіонъ, т.-е. заставляла его пить Пашенька. Онъ видѣлъ ея бѣлыя точно налитыя молокомъ руки, и эти руки подавали ему одну рюмку за другой. Пашенька смѣялась и садилась такъ близко къ гостю, что своимъ плечомъ касалась его. Что-то такое горячее прилило къ самому сердцу Галактіона, ему вдругъ захотѣлось веселиться и называть хозяйку тоже Пашенькой, какъ Голяшкинъ, но въ самый интересный моментъ опять появился старичокъ съ утинымъ носомъ и помѣшалъ. Галактіонъ разсердился и чуть не наговорилъ дерзостей. Пашенька во-время отвела его въ сторону и прошептала на самое ухо съ милой интимностью:

— Будьте осторожны... Это нашъ милліонеръ Нагибинъ. У него единственная дочь невѣста, и онъ выискиваетъ ей жениховъ. Вѣроятно, онъ не знаетъ, что вы женаты. Постойте, я ему скажу.

Она, дѣйствительно, что-то поговорила старичку, и тотъ моментально исчезъ, точно въ воду канулъ. Потомъ Галактіонъ поймалъ маленькую теплую руку Пашеньки и крѣпко пожалъ ее. У Пашеньки даже слезы выступили на глазахъ отъ боли, но она стерпѣла и продолжала улыбаться.

— У насъ попросту... да...—проговорилъ Голяшкинъ надъ самымъ ухомъ Галактіона и захохоталъ.—Пашенька, поцѣлуемся.

Пашенька вскочила и убѣжала.

Потомъ Галактіонъ что-то говорилъ съ докторомъ, а тотъ его привелъ куда-то въ дальнюю комнату, въ которой лежалъ на диванѣ опухшій человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ обрадовался гостямъ и попросилъ рюмочку водки.

— Это мужъ Прасковьи Ивановны, — рекомендовалъ докторъ, считая пульсъ у больного.—Вотъ что дѣлаетъ водочка, а какой былъ богатырь!

— Рюмочку,—мычалъ больной.

Въ этотъ моментъ въ комнату ворвалась Пашенька, и больной закрылъ голову подушкой. Она обругала доктора и увела Галактіона за р[illegible].

Дальше, кажется, былъ обѣдъ. Пашенька опять сидѣла рядомъ съ Галактіономъ и угощала его виноградомъ, выбирая самыя крупныя ягоды своими розовыми пальчиками.

V.

Странное было пробужденіе Галактіона. Онъ съ трудомъ открылъ глаза. Голова была точно налита свинцомъ. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ. Комната совершенно незнакомая, слабо освѣщенная одною свѣчой подъ зеленымъ абажуромъ. Онъ лежалъ на широкомъ кожаномъ диванѣ. Надъ его головой на стѣнѣ было развѣшано всевозможное оружіе.

— Гдѣ я? — вслухъ подумалъ Галактіонъ, не узнавая собственнаго голоса.

Онъ напрасно старался припомнить послѣдовательный ходъ событій, — они обрывались Пашенькой, а что было дальше, онъ не помнитъ, какъ не помнитъ, какъ попалъ въ эту комнату. Э, все равно!.. Галактіонъ хотѣлъ опять заснуть, но почувствовалъ, что ему что-то мѣшаетъ. Это была не головная боль, а что-то внѣшнее, что-то такое, что было въ этой комнатѣ. Онъ приподнялся на локоть и сталъ внимательно осматривать комнату. Вдругъ онъ вздрогнулъ — у дальняго конца письменнаго стола, совсѣмъ въ тѣни, въ глубокомъ креслѣ сидѣла неподвижная женская фигура. Ему сдѣлалось страшно. Лица ея нельзя было разсмотрѣть, но онъ узналъ ее, потому что чувствовалъ, какъ она пристально смотритъ на него.

— Харитина, это ты?

Она молчала.

— Харитина!

Фигура поднялась, съ трудомъ перешла комнату и сѣла къ нему на диванъ такъ, чтобы свѣтъ не падалъ на лицо. Онъ замѣтилъ, что лицо было заплакано и глаза опущены. Она взяла его за руку и опять точно застыла.

— Харитина, я былъ пьянъ, какъ скотина... въ первый разъ въ жизни. Я себя презираю.... и ты... и всѣ...

— Что же тутъ особеннаго? — съ раздраженіемъ отвѣтила она. — Здѣсь всѣ пьютъ. Сколько разъ меня пьяную привозили домой. И тоже ничего не помнила. И мнѣ это нравится. Понимаешь: вдругъ ничего нѣтъ, никого, и даже самой себя. Я люблю кутить.

— Перестань говорить глупости! Ты прикидываешься такой, а сама совсѣмъ не такая.

— А какая я?

Она подвинулась совсѣмъ близко къ его лицу и, заглядывая въ глаза, съ нетерпѣніемъ спрашивала:

— Ну, говори... говори, какая я?

— Ты?

Галактіонъ съ трудомъ перекатилъ голову на подушкѣ, закрылъ глаза и отвѣтилъ шопотомъ:

— Хорошая... вся хорошая.

Она закрыла лицо руками и тихо заплакала. Онъ видѣлъ только, какъ вздрагивала эта высокая лебединая грудь, видѣлъ эти удивительныя руки, чудные русалочьи волосы, и чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то такое большое, грѣшное, безповоротное и чудное. О, только одинъ мигъ счастья, тѣнь счастья! Онъ уже протянулъ къ ней руку, чтобъ схватить это гибкое и упругое молодое тѣло, какъ она испуганно отскочила отъ него.

— Галактіонъ, не нужно!.. Галактіонъ, оставь!.. Этого не нужно, не нужно, не нужно!

— Ну, иди, глупая, сюда... Не бойся, не трону.

— Я сейчасъ...

Она своею граціозною, легкою походкой вышла и черезъ минуту вернулась съ мокрымъ полотенцемъ, бутылкой сельтерской воды и склянкой нашатырнаго спирта. Когда онъ съ жадностью выпилъ воду, она велѣла ему опять лечь, положила мокрое полотенце на голову и дала понюхать спирта. Онъ сразу отрезвѣлъ и безмолвно смотрѣлъ на нее. Она такъ хорошо и любовно ухаживала за нимъ, какъ сестра, и все выходило у нея такъ красиво, каждое движеніе.

— Не смотри на меня такъ, Галактіонъ... Нехорошо.

— Не буду.

Онъ закрылъ глаза и слышалъ, какъ она сѣла опять къ нему. Онъ чувствовалъ близость этого молодого, цвѣтущаго тѣла, точно окруженнаго благоухающимъ облакомъ, слышалъ, какъ она порывисто дышала, и не могъ только разобрать, чье это сердце такъ сильно бьется — его или ея. Это былъ его ангелъ-хранитель.

— Харитина, помнишь мою свадьбу? — заговорилъ онъ, не открывая глазъ, — ему страстно хотѣлось исповѣдаться. — Тогда въ моленной... У меня голова закружилась... и потомъ весь вечеръ я видѣлъ только тебя. Это грѣшно... я мучился... да. А потомъ все прошло... я привыкъ къ женѣ... дѣти пошли... Помнишь, какъ ты меня цѣловала тогда на мельницѣ?

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Подожди, — говорилъ онъ. — Я знаю, что это пустяки... Тебѣ просто нужно было кого-нибудь любить, а тутъ я подвернулся...

— Скажи одно, ты думалъ когда-нибудь обо мнѣ?

— О, часто!.. Было совѣстно, а все-таки думалъ. Гдѣ-то она? что-то дѣлаетъ? что думаетъ? Поэтому и на свадьбу къ тебѣ не пріѣхалъ... Зачѣмъ растравлять и тебя и себя? А вчера... ахъ, какъ мнѣ было вчера тяжело! Развѣ такая была Харитина? Ты нарочно травила меня, — я знаю, что ты не такая. И мнѣ такъ было жаль тебя и себя вмѣстѣ, — я какъ-то всегда вмѣстѣ думаю о насъ обоихъ.

— А жена?

Онъ опять сдѣлалъ движеніе, она опять отскочила.

— Я уйду совсѣмъ, если ты не будешь лежать смирно... Вытяни руки вотъ такъ. Ну, будь теперь паинькой.

Она опять сѣла около него и заговорила, быстро роняя слова, точно боялась, что не успѣетъ высказать всего.

— Тогда я была дѣвчонкой и не знала, что такое значитъ любить... да. А теперь я... я тебя не люблю....

Онъ схватилъ ее и привлекъ къ себѣ. Она не сопротивлялась и только смотрѣла на него своими темными большими глазами. Галактіонъ почувствовалъ, что это молодое тѣло не отвѣчаетъ на его безумный порывъ ни однимъ движеніемъ, и его руки распустились сами собой.

— Не люблю... не люблю, — повторяла она и даже засмѣялась, какъ русалка. — Ты сильнѣе меня, а я все-таки не люблю... Милый, не обижайся, нельзя насильно полюбить. Ахъ, Галактіонъ, Галактіонъ!.. Ничего ты не понимаешь!.. Вотъ ты меня готовъ былъ задушить, а не спросишь, какъ я живу, хорошо ли мнѣ? Если бы ты дѣйствительно любилъ, такъ первымъ бы дѣломъ спросилъ, приласкалъ, утѣшилъ, разговорилъ... Тошно мнѣ, Галактіонъ... вотъ и сейчасъ тошно.

Галактіонъ слушалъ эту странную исповѣдь и сознавалъ, что Харитина права. Да онъ отнесся къ ней по-звѣриному и, какъ настоящій звѣрь, схватилъ ее давеча. Ему сдѣлалось ужасно совѣстно. Женатый человѣкъ, у самого двѣ дочери на рукахъ, и вдругъ кто-нибудь будетъ такъ-то по-звѣриному хватать его Милочку... У Галактіона даже пошла дрожь по спинѣ при одной мысли о такой возможности. А чѣмъ же Харитина хуже другихъ? Дома не у чего было жить, вотъ и выскочила замужъ за перваго встрѣчнаго. Всегда такъ бываетъ.

— Харитина, у тебя есть мужъ... — вдругъ проговорилъ Галактіонъ.

— Мужъ? — повторила она и горько засмѣялась. — Я его по недѣлямъ

не ѣжу... Вотъ и сейчасъ закатился въ клубъ, проиграетъ тамъ до пяти часовъ утра, а завтра въ уѣздъ отправится. Только и видѣла... Сидишь-сидишь одна, и одурь возьметъ. Тоже живой человѣкъ... Если бъ еще дѣти были... Ну, да что объ этомъ говорить! Не стоитъ!

Потомъ она прибавила совсѣмъ другимъ тономъ:

— Ступай умойся, да приходи въ столовую чай пить.

Отъ этихъ разговоровъ и холодной воды Галактіонъ совсѣмъ отрезвился. Ему теперь было совѣстно вообще, потому что онъ въ первый разъ попалъ къ Харитинѣ въ такомъ видѣ.

Обстановка въ квартирѣ Полуянова была устроена на господскую руку. Не было той трактирной роскоши, какъ у Малыгиныхъ, а все по-своему. Какіе-то мудреные столики, кушетки, картины, альбомы, даже рояль въ залѣ. Столовая тоже отличалась и громаднымъ буфетомъ, походившимъ на органъ въ католической церкви, и неудобными, но дорогими рѣзными стульями, и мудреною сервировкой. Харитина необыкновенно скоро вошла во вкусъ новой обстановки и устраивала все, какъ у другихъ, т.-е. главнымъ образомъ какъ у Стабровскихъ. Она показала Галактіону свою спальню, поразившую его своею роскошью: двѣ кровати краснаго дерева стояли подъ какимъ-то балдахиномъ, занавѣси на окнахъ были изъ розоваго шелка, потомъ великолѣпный мраморный умывальникъ, дорогой персидскій коверъ во весь полъ, а туалетъ походилъ на цѣлый магазинъ.

— Мужъ откупается отъ меня всѣми этими пустяками, — объясняла Харитина. — Ни одной вещи въ домѣ не осталось отъ его первой жены... У насъ все новое. Нравится тебѣ?

— Право, не знаю.., Къ чему эти все нагорожено?

— Какъ къ чему?.. Ахъ, ты, глупый! Посмотрѣлъ бы ты, какъ все устроено у Стабровскихъ... Мнѣ и во снѣ не видать такой роскоши. Что стоитъ имъ, милліонерамъ...

Когда они вошли въ столовую, Харитина проговорила уже другимъ тономъ:

— А знаешь, кто тебя привезъ сюда?

— Илья Ѳирсычъ, конечно.

— А вотъ и нѣтъ... Сама Прасковья Ивановна. Да... Мы съ нею большія пріятельницы. У ней мужъ горькій пьяница и у меня около того, — вотъ и дружимъ... Довезла тебя до подъѣзда, вызвала меня и говоритъ: „На, получай свое сокровище!“ Я ей разсказывала, что любила тебя въ дѣвицахъ. Ухъ! умная баба!.. Огонь. Смотри, не запутайся... Тутъ не ты одинъ голову оставилъ.

— То у меня и на умѣ... Тоже и сказала.

— Мало ли у кого что на умѣ, а выходитъ совсѣмъ наоборотъ. На словахъ-то всѣ города берутъ.

Потомъ Харитина вдругъ замолчала, пригорюнилась и начала смотрѣть на Галактіона такими глазами, точно видѣла его въ первый разъ. Гость пилъ чай и думалъ, какая она славная, вотъ эта Харитина. Эхъ, если бъ ей другого мужа!.. И понимаетъ все, и со всякимъ обойтись умѣетъ, и развеселится, такъ любо смотрѣть.

— А мужъ тебя любитъ?

— Очень... Раза два колотилъ.

— Какъ колотилъ?

— Да такъ, какъ бьютъ женъ. Всѣ это знаютъ... Ревнуетъ онъ меня до смерти, — ну, такіе и побои не въ обиду. Прислуга разболтала по всему городу.

— И ты такъ говоришь объ этомъ?

Она засмѣялась.

— Не безпокойся, въ долгу не останусь... ха-ха! Не знаю, за что бить-то.

— Что ты говоришь, Харитина?

— А мнѣ что!.. Какая есть... Старая буду, грѣхи буду замаливать... Ну, да не стоитъ о нашихъ слабыхъ грѣхахъ толковать: у всѣхъ у насъ одинъ грѣхъ. У хорошаго мужа и жена хорошая, Галактіонъ. Это ужъ всегда такъ.

Еще вчера Галактіонъ могъ бы сказать ей, какъ все это нехорошо, и какъ нужно жить по-настоящему, а сегодня долженъ былъ слушать и молчать.

— Мужъ-то побьетъ, а милъ-сердечный другъ приласкаетъ, да приголубитъ, да пожалѣетъ... Безъ побоевъ тоже и совѣстно, а тутъ оно и сойдетъ за настоящее. Такъ-то вотъ.

Галактіонъ перевелъ разговоръ на другое. Онъ по-купечески оцѣнилъ всю ихъ обстановку и прикинулъ въ умѣ, что имъ стоило жить. Откуда у исправника могутъ такія деньги взяться? Вѣдь не щепки, на дорогѣ не подымешь.

— Ужъ это не мое дѣло, — равнодушно отвѣтила Харитина. — Когда на молоденькихъ женятся, такъ о деньгахъ не думаютъ.

— Можетъ, раньше скопилъ?

— Не знаю и не хочу знать.

— А ежели онъ попадется и мѣсто потеряетъ, тогда какъ?

— Тоже не знаю... Да и все равно мнѣ. Охъ, какъ все равно!

Этотъ первый визитъ оставилъ въ Галактіонѣ неизгладимое впечатлѣніе. Что-то новое хлынуло на него, совсѣмъ другая жизнь, о какой онъ зналъ только по наслышкѣ. Харитина откачнулась отъ своего купечества и жила уже совсѣмъ по-другому. Это новое уже было въ Запольѣ, вотъ тутъ, совсѣмъ близко.

Домой Галактіонъ вернулся поздно. Въ столовой его ждала Аноуса Гавриловна. Старушка не могла заснуть, поджидая зятя.

— Ты это что же, Галактіонъ Михеичъ? — съ тихимъ упрекомъ проговорила она.

— Мамаша, ничего, не говорите: въ первый и послѣдній разъ.

— Да я не про то, что ты съ каппаніей каппанился, — безъ этого мужчинѣ нельзя. Вотъ у Харитины-то что ты столько времени дѣлалъ? Мужъ въ клубѣ, а у жены чуть не всю ночь гость сидитъ. Я ужъ разъ съ пять Аграфену посылала узнавать про тебя. Охъ, ужъ эта мнѣ Харитина!..

VI.

Штоффъ не дремалъ. Онъ отлично помнилъ все, что говорилъ Галактіону на мельницѣ, и на первое время пристроилъ его къ „бубновскому конкурсу“. Пьянствовавшій запольскій коммерсантъ отчаяннѣйшимъ образомъ запустилъ всю свою коммерцію и въ заключеніе отказался платить кредиторамъ. Пришлось назначить конкурсъ, предсѣдателемъ котораго былъ старикъ Луковниковъ, а членами адвокатъ Мышниковъ и нѣсколько купцовъ. Вотъ на помощь этому конкурсу Луковниковъ и пригласилъ Галактіона, потому что купцы не желали работать, а Мышниковъ не понималъ практики коммерческихъ запольскихъ тонкостей.

— Молодой человѣкъ, постарайся, — наставительно говорилъ Луковни-

ковъ, покровительствовавшій Галактіону: — а тамъ видно будетъ... Ежели въ отца пойдешь, такъ безъ хлѣба не останешься.

Со своей стороны Штоффъ предупредилъ Галактіона, чтобъ онъ обратилъ особенное вниманіе на Мышникова.

— Этотъ далеко пойдетъ... да. Ухо съ нимъ надо востро держать... А впрочемъ, мужикъ умный и серьезный.

Видимо, Штоффъ побаивался быстро возраставшей репутаціи своего купеческаго адвоката, который быстро шелъ въ гору и забиралъ большую силу. Главное, купечество вѣрило ему. По наружности Мышниковъ остался такимъ же купцомъ, какъ и другіе, съ тою разницей, что носилъ золотыя очки. Говорилъ онъ съ разсчитанною грубоватою простотой и вообще старался держать себя непринужденно и съ большимъ гоноромъ. Къ Галактіону онъ отнесся подозрительно и съ перваго раза заявилъ:

— Рѣшительно не понимаю, что вы тутъ будете дѣлать, Галактіонъ Михеичъ. Намъ и безъ васъ дѣлать нечего.

А между тѣмъ въ тотъ же день Галактіону былъ присланъ цѣлый ворохъ всевозможныхъ торговыхъ книгъ для провѣрки. Одной этой работы хватило бы на мѣсяцъ. Затѣмъ предстояла сложная повѣрка наличности съ поѣздками въ разные концы уѣзда. Обрадовавшійся первой работѣ Галактіонъ схватился за дѣло съ медвѣжьимъ усердіемъ и просиживалъ надъ нимъ ночи. Это усердіе не по разуму встревожило самого Мышникова. Онъ подъ какимъ-то предлогомъ затащилъ къ себѣ Галактіона и за стаканомъ чая, какъ бы между прочимъ, замѣтилъ:

— Вы что это, батенька, надрываетесь надъ конкурсомъ?

— Да такъ... Надобно привести все въ извѣстность, Павелъ Степанычъ, Что же тянуть?

— Да тутъ и тянуть нечего: дѣло ясно, какъ день. Въ сущности, никакой и несостоятельности нѣтъ, а одно бубновское безпросыпное пьянство.

— Тѣмъ болѣе...

— Ну, торопятся только блохъ ловить,—загадочно отвѣтилъ Мышниковъ и посмотрѣлъ на Галактіона черезъ очки.

Галактіонъ только теперь понялъ, въ чемъ дѣло. Конкурсъ Бубнова составлялъ статью постояннаго дохода, и чѣмъ дольше онъ будетъ тянуться, тѣмъ выгоднѣе для членовъ конкурса, получавшихъ опредѣленное жалованье и, кромѣ того, извѣстный процентъ съ „конкурсной массы“...

— Да, дѣло совершенно вѣрное, — тянулъ Мышниковъ. —И даже очень глупое... А у Прасковьи Ивановны свой отдѣльный капиталъ. Притомъ дни самого Бубнова уже сочтены... Мнѣ говорилъ докторъ... Ну, этотъ сахаръ, какъ его... Кочетовъ. Онъ тутъ что-то этакое вообще... Да, намъ положительно некуда такъ торопиться.

Жилъ Мышниковъ очень просто, на чиновничью ногу. Онъ не былъ женатъ, хотя его уютная квартира и говорила о семейныхъ наклонностяхъ хозяина.

Галактіонъ понялъ только одно, что производилось разореніе спившагося купца на самомъ законномъ основаніи, а затѣмъ, что деньги можно получать совершенно даромъ. Онъ могъ уже существовать съ семьей только на жалованье съ конкурса. Въ первый еще разъ Галактіону пришлось столкнуться съ нечистымъ дѣломъ, и онъ поколебался, продолжать его или бросить въ самомъ началѣ. Но вѣдь не онъ, такъ на его мѣсто найдется десятокъ другихъ охотниковъ, притомъ во главѣ конкурса стоялъ такой почтенный человѣкъ, какъ старикъ Луковниковъ; наконецъ, ему не изъ чего выбирать, а

жить было нужно. Чтобы оправить себя въ собственныхъ глазахъ, Галактіонъ рѣшилъ, что будетъ участвовать въ конкурсѣ *пока*, до пріисканія настоящаго дѣла. Онъ именно жаждалъ этого настоящаго дѣла, а не темной наживы.

— А ты, братъ, не сомнѣвайся,—уговаривалъ его Штоффъ,— онъ уже былъ съ Галактіономъ на ты. — Какъ нажиты были бубновскіе капиталы? Тятенька былъ приказчикомъ и ограбилъ хозяина, пустивъ троихъ сиротъ по міру. Тутъ, братъ, нечего церемониться... Еще темнѣе это винокуренное дѣло. Обрати вниманіе.

Винокуренный заводъ интересовалъ Галактіона и безъ этихъ указаній. Главное затрудненіе при выясненіи дѣла заключалось въ томъ, что заводъ принадлежалъ Бубнову наполовину съ Евграфомъ Огибенинымъ, давно уже пользовавшимся невмѣняемостью своего компаньона и ловко хоронившимъ концы. Потомъ оказалось, что и самъ хитроумный Штоффъ тоже былъ тутъ при чемъ-то и потому усиленно юлилъ передъ Галактіономъ. Все-таки свой человѣкъ и, въ случаѣ чего, не продастъ. Заводъ былъ небольшой, но давалъ солидныя средства до сихъ поръ.

По конкурснымъ дѣламъ Галактіону теперь пришлось бывать въ бубновскомъ домѣ довольно часто. Самъ Бубновъ по болѣзни не могъ являться въ конкурсъ для дачи необходимыхъ объясненій, да и дома отъ него трудно было чего-нибудь добиться. На выручку мужа являлась обыкновенно сама Прасковья Ивановна, всякое объясненіе начинавшая съ фразы:

— У меня свой капиталъ, и я ничего не понимаю въ дѣлахъ.

Но это была только одна отговорка. Она отлично понимала всякія дѣла, хотя и относилась къ конкурсу совершенно равнодушно.

— Она ждетъ не дождется, когда мужъ умретъ, чтобы выйти замужъ за Мышникова, — объяснила Харитина эту политику.—Понимаешь, влюблена въ Мышникова, какъ кошка. У ней есть свои деньги, и ей наплевать на мужнины капиталы. Все равно прахомъ пойдутъ.

Съ Галактіономъ Прасковья Ивановна держалась на дѣловую ногу, хотя и не прочь была пококетничать слегка. Все-таки нужный человѣкъ и можетъ пригодиться. Галактіонъ отлично понималъ только одно, что она находится подъ какимъ-то страннымъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата Голяшкина и все дѣлаетъ по его совѣту. Въ конкурсной массѣ были явные слѣды хозяйничанья этого сладкаго братца, и Галактіонъ сильно его подозрѣвалъ въ большихъ плутняхъ. Вообще, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Братецъ умильно старался ухаживать за Галактіономъ, хотя и не зналъ, съ какой стороны къ нему подступиться. Онъ что-то не договаривалъ и только воровато шмыгалъ глазами. Галактіонъ почему-то чувствовалъ уже себя неловко, когда появлялся этотъ братецъ. Да и появлялся онъ всегда какъ-то неожиданно, точно выросталъ изъ земли.

Главное дѣйствующее лицо всѣхъ этихъ происковъ, вожделѣній и тайныхъ желаній не принимало никакого участія въ общей суматохѣ. Больной обыкновенно лежалъ въ своемъ кабинетѣ на широкомъ клеенчатомъ диванѣ и безсмысленно смотрѣлъ куда-нибудь въ одну точку. Когда къ нему входилъ Галактіонъ, онъ сначала смотрѣлъ на него испуганными глазами, напрасно стараясь припомнить, кто это такой. Какъ онъ страдалъ, этотъ несчастный пропойца!.. Лицо получало какой-то зеленоватый трупный оттѣнокъ, на лбу выступалъ холодный потъ, кулаки судорожно сжимались, лицо кривилось ужасною улыбкой.

— Мм...мадерцы,—хрипѣлъ онъ.

Бубновъ пилъ только мадеру и безъ нея не могъ ни двигаться ни го-

ворить. Шелестъ женина платья попрежнему его пугалъ, и больной дѣлалъ надъ собой страшное усиліе, чтобы куда-нибудь не спрятаться. Для дѣла онъ былъ совершенно безполезенъ, и Галактіонъ являлся къ нему только для проформы. Разъ Бубновъ отвелъ его въ сторону и со слезами на глазахъ проговорилъ:

— Вы сдѣлаете для меня?

— Что такое сдѣлать?

— Нѣтъ, вы скажите, сдѣлаете?

— Ну хорошо, сдѣлаю.

Больной подвелъ его къ какому-то угловому шкапику и шопотомъ проговорилъ:

— Голубчикъ, поймайте *его*... *Онъ* тамъ всегда прячется.

— Кто онъ?

— А чортикъ... такой зелененькій!

Что было тутъ говорить? Больной нѣсколько разъ избавлялся отъ своихъ галлюцинацій, а потомъ начиналась та же исторія.

Въ бубновскомъ домѣ Галактіонъ часто встрѣчалъ доктора Кочетова, который, кажется, чувствовалъ себя здѣсь своимъ человѣкомъ. Онъ проводилъ свои визиты больше съ Прасковьей Ивановной, причемъ обязательно подавалась бутылка мадеры. Разъ, встрѣтивъ выходившаго изъ кабинета Галактіона, онъ съ улыбкой замѣтилъ:

— Что вы мучите напрасно Ефима Назарыча?

— Такое ужъ дѣло, докторъ... Не для собственнаго удовольствія.

— Ха-ха! Мнѣ нравится этотъ вѣжливый способъ грабежа. Да... Не только ограбятъ, но еще спросятъ, съ котораго конца. Все по закону, главное... Ахъ, милые люди!

Галактіонъ вспыхнулъ и готовъ былъ наговорить доктору дерзостей, но выручила Прасковья Ивановна.

— Да вѣдь и вы, доктора, тоже хороши, — азартно вступилась она.— Тоже по закону морите живыхъ людей... Прежде человѣкъ самъ умиралъ, а нынче еще заплати доктору за удовольствіе помереть.

— Что же, вы правы, — равнодушно согласился докторъ, позабывъ о Галактіонѣ. — И мы тоже... да. Ну, что лѣчить, напримѣръ, вашего супруга, который представляетъ собой пустую бочку изъ-подъ мадеры? А вы приглашаете, и я ѣду, прописываю разную дрянь и не имѣю права отказаться. Тоже комедія на законномъ основаніи.

Провожая Галактіона въ переднюю, Прасковья Ивановна съ милою интимностью проговорила:

— Докторъ очень милый человѣкъ, но онъ сегодня немного того... понимаете? Ну, просто пьянъ! Вы на него не обижайтесь.

— Да я, кажется, ничего не сказалъ. Вы сами можете подумать то же самое.

— Я-то? Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно!

Эта первая неудачная встрѣча не помѣшала слѣдующимъ, и докторъ даже понравился Галактіону, какъ человѣкъ совершенно другого, неизвѣстнаго ему міра. Докторъ постоянно былъ подъ хмелькомъ и любилъ поговорить на разныя темы, забывая на другой день, о чемъ говорилось вчера.

— А у васъ все Мышниковъ орудуетъ?—спрашивалъ докторъ почти при каждой встрѣчѣ.—О, у него громадный аппетитъ!.. Онъ васъ всѣхъ слопаетъ.

Докторъ почему-то ненавидѣлъ этого адвоката. Прасковья Ивановна пользовалась, чтобы поддразнить его.

— Вы просто ревнуете Павла Степаныча, докторъ... Вамъ завидно, что онъ тоже образованный. Да, изъ нашего, изъ купеческаго званія и образованный... Умница.

— Вотъ посмотримъ, что̀ вы заговорите, когда онъ васъ оберетъ, какъ липку.

— Да я сама бы ему съ радостью все отдала: на, милый, ничего не жаль. И деньги, докторъ, къ рукамъ.

Эти разговоры кончались обыкновенно тѣмъ, что докторъ выходилъ изъ себя и начиналъ ругать Мышникова, а если былъ трезвъ, то бралъ шапку и уходилъ. Прасковья Ивановна провожала его улыбавшимися глазами и только качала своею бѣлокурою головкой.

Разъ докторъ пріѣхалъ сильно навеселѣ. Прасковьи Ивановны не было дома.

— Вы все еще жилы тянете изъ моего пацієнта? — спросилъ онъ Галактіона сильно заплетавшимся языкомъ.—И я тоже... Съ двухъ сторонъ накаливаемъ. Да?

— Вы это такъ говорите, докторъ, безъ толку.

— Нѣтъ, съ толкомъ, ваше степенство. Вы нигдѣ не учились, Галактіонъ Михеичъ?

— Нѣтъ, нигдѣ. Раскольничья своя мастерица кое-какъ грамотѣ обучила.

— Это ваше счастіе... да... Вотъ вы теперь будете рвать по частямъ, потому что боитесь влопаться, а тогда, то-есть если бы были выучены, начали бы глотать большими кусками, какъ этотъ вашъ Мышниковъ... Я знаю нѣсколько такихъ полированныхъ купчиковъ, и всѣ на одну колодку... да. Хоть ты его въ семи водахъ мой, а этой вашей купеческой жадности не отмыть.

— Это тоже глядя по человѣку, докторъ. Разные и купцы бываютъ.

— Разные-то разные, а жадность одна. Вотъ васъ взять... Молодой, неглупый человѣкъ... отлично знаете, какъ наживаются всѣ купеческіе капиталы... Ну, и вы хотите свою долю урвать? Вѣдь хотите, признайтесь? Меня вотъ это и удивляетъ, что въ васъ во всѣхъ никакой совѣсти нѣтъ.

— Вы это правильно, а только суди на волка, суди и по волку,—такъ пословица говорится, докторъ. Видали мы и настоящихъ господъ, и господъ иностранцевъ, какъ они узоры-то выводятъ? Еще насъ поучатъ.

— Да, бываетъ... Все бываетъ. Спасете все отечество, а благодарныхъ потомковъ пустите по міру... И на это есть законъ, и, можетъ-быть, самый страшный: борьба за существованіе. Оберете вы все Зауралье, ваше степенство.

Слушая ожесточенныя выходки доктора, Галактіонъ понималъ только одно, что онъ, дѣйствительно, полный неучъ и даже не знаетъ настоящихъ образованныхъ словъ.

VII.

Старикъ Луковниковъ, сдѣлавшись городскимъ головой, ни на волосъ не измѣнилъ образа своей жизни. Онъ попрежнему жилъ въ нижнемъ этажѣ, въ своихъ маленькихъ каморкахъ, а наверху принималъ только гостей въ торжественные дни именинъ и годовыхъ праздниковъ. Крѣпкій былъ старикъ и крѣпко жилъ, не въ примѣръ другимъ прочимъ. Устенькѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, и у отца съ ней вмѣстѣ росла большая забота. Самъ-то вотъ прожилъ вѣкъ по старинкѣ, а дочери ужъ какъ будто и не приходится. Требовалось что-то новое, чтобы потомъ не стыдно было въ люди показать. Вотъ

у протопопа обѣ дочери въ гимназіи учатся въ Екатеринбургѣ, потомъ отъ чиновничьихъ дочерей тоже не отстаютъ. Мелькомъ Луковниковъ видалъ этихъ новыхъ птицъ, и онѣ ему нравились. И платьица такія скромненькія, коричневенькія, и передники бѣленькіе, и волосики гладко-гладко причесаны, и разговоръ по-образованному, и еще на фортепьянахъ наигрываютъ,—куда же купеческимъ дѣвицамъ противъ нихъ? Тѣмъ и отличаются отъ деревенскихъ дѣвокъ, что шляпки носятъ да рядятся, а такъ-то дуры-дурами.

Умный старикъ понималъ, что по-прежнему дѣвушку воспитывать нельзя, а отпустить ее въ гимназію не было силъ. Вѣдь только и свѣту было въ окнѣ, что одна Устенька. Да и она тосковать будетъ въ чужомъ городѣ. Думалъ-думалъ старикъ, и ничего не выходило; совѣтовался кое съ кѣмъ изъ посторонникъ—тоже не лучше. Одинъ совѣтъ — отправить Устеньку въ гимназію. Легко сказать, когда до Екатеринбурга больше четырехсотъ верстъ! Выручилъ старика изъ затрудненія неожиданный и странный случай.

„Вотъ ужъ поистинѣ, что не знаешь, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь“,— удивлялся онъ самъ.

Дѣло вышло какъ-то само собой. Повадился къ Луковникову ѣздить Ечкинъ. Очень онъ не нравился старику, но, нечего дѣлать, принималъ его, скрѣпя сердце. Сначала Ечкинъ бывалъ только наверху, въ парадной половинѣ, а потомъ пробрался и въ жилыя комнаты. Да вѣдь какъ пробрался: пріѣзжаетъ Луковниковъ изъ думы обѣдать, а у него въ кабинетѣ сидитъ Ечкинъ и съ Устенькой разговариваетъ.

— Ужъ вы меня извините, Тарасъ Семенычъ.

— Пожалуйста, Борисъ Яковличъ... Только мнѣ принимать-то васъ здѣсь какъ будто и совѣстно... Ну, я-то привыкъ, а вы въ хороминахъ живете.

— По необходимости, Тарасъ Семенычъ, по необходимости... А самъ я больше всего простоту люблю. Отдохнулъ у васъ... Вотъ и съ Устенькой вашей познакомился. Какая милая дѣвочка!

— Хороша дочка Аннушка, только хвалитъ мать да бабушка.

— Нѣтъ, я серьезно... Мы съ ней сразу друзьями сдѣлались.

Старика покоробило отъ этой дружбы, но ничего не подѣлаешь. Какъ это Ечкинъ могъ только пробраться въ домашнія горницы! — удивленія достойно! Чего старуха-нянька смотрѣла? Какъ бы изумился и вознегодовалъ Тарасъ Семенычъ, если бъ узналъ правду: бывая наверху, Ечкинъ каждый разъ давалъ старухѣ по три рубля на чай и купилъ ее этимъ простымъ путемъ. Полюбился старухѣ ласковый да тороватый баринъ, и она ни за что не хотѣла вѣрить, что онъ „изъ жидовъ“. Жиды скупущіе, сами съ другихъ деньги берутъ, а этотъ такъ и сыплетъ бумажками. Не можетъ и быть, чтобы „изъ жидовъ“. Да и собой мужчина красавецъ, такъ соколомъ и выглядываетъ. Какой же это жидъ? Однимъ словомъ, старуха была куплена и провела гостя въ жилыя горницы.

— Сняла ты съ меня голову, — корилъ ее потомъ Луковниковъ. — Изъ настоящихъ онъ жидовъ и даже некрещеный.

Старуха такъ и не повѣрила, а потомъ разсердилась на хозяина: „Татарина Шахму, кобылятника, принимаетъ, а этотъ чѣмъ хуже? Тотъ десять разъ былъ и какъ-то пятакъ мѣдный отвалилъ, да и тотъ съ дырой оказался“.

И самъ Луковниковъ, хотя и испытывалъ предубѣжденіе относительно „жида“, но подъ конецъ сдался. Человѣкъ какъ человѣкъ, ничѣмъ не хуже другихъ народовъ, а только умнѣе. Поговорить съ нимъ даже пріятно,—все-то онъ знаетъ, вездѣ-то бывалъ и всякое дѣло понимаетъ. Любопытный, вообще, человѣкъ. Пріѣдетъ и всегда вѣжливый такой. Устенькѣ непремѣнно подаро-

чекъ привезетъ и даже старуху-няньку не забудетъ, какъ-то на два платья ситцу привезъ. Нечего сказать, увертливъ и ловокъ. Конечно, недаромъ онъ къ нему ѣздитъ, хочетъ что-нибудь вытянуть, но и то надо сказать, что волка ноги кормятъ. Одинъ разъ Ечкинъ чуть не потерялъ своего реноме за-разъ: пріѣхалъ и проситъ пять тысячъ на три дня. Смутила эта просьба Луковникова, но точно на него что̀ нашло — пошелъ и далъ деньги. Однако Ечкинъ оправдалъ себя и вернулъ деньги изъ минуты въ минуту.

— Послушайте, Тарасъ Семенычъ, я знаю, что вы мнѣ не довѣряете,— откровенно говорилъ Ечкинъ. — И даже есть полное основаніе для этого... Дѣйствительно, мы, евреи, пользуемся не совсѣмъ лестной репутаціей. Что̀ дѣлать? Такая ужъ судьба! Да... Но все-таки это несправедливо. Ну, согласитесь: когда человѣкъ родится, развѣ онъ виноватъ, что родится именно евреемъ?

— Это конечно, Борисъ Яковличъ. Отъ необразованія больше.

— А между тѣмъ обидно, Тарасъ Семенычъ. Поставьте себя на мое мѣсто. Вѣдь еврей такой же человѣкъ. Среди евреевъ есть и дураки и хорошіе люди. Однимъ словомъ, предразсудокъ. А что̀ вѣрно, такъ это то, что мы люди рабочіе и изъ ничего создаемъ капиталы. Опять-таки: никто не мѣшаетъ работать другимъ. А если вы не хотите брать богатства, которое лежитъ вотъ тутъ, подъ носомъ... Упорно не хотите. И средства есть и энергія, а только не хотите.

— Послушайте, кто же себѣ врагъ, Борисъ Яковличъ? Отъ денегъ никто еще не отказывался.

— Да вы первый. Вотъ возьмите хотя ваше хлѣбное дѣло: вѣдь оно, говоря откровенно, ушло отъ васъ. Вы упустили удобный моментъ, и какой-нибудь старикъ Колобовъ отбилъ цѣлый хлѣбный рынокъ. Теперь другіе потянутся за нимъ, а Заполье будетъ падать, то-есть ваша хлѣбная торговля. А все отчего? Колобовъ высмотрѣлъ центральное мѣсто для рынка и воспользовался этимъ. Постройте вы крупчатныя мельницы раньше него, и ему бы ничего не подѣлать... да. Упущенъ былъ моментъ.

— Это вы, дѣйствительно, вѣрно изволите разсуждать. Кто же его зналъ?.. Еще пріятель мой. И небогатый человѣкъ, главное... Сказываютъ, недавно цѣлую партію своей крупчатки въ Расею отправилъ.

— Изъ этого ничего не выйдетъ, пока не проведутъ Уральскую желѣзную дорогу. Всѣ барыши перевозка съѣстъ.

— Такъ я, по-вашему, долженъ былъ крупчатку выстроить?

— И даже не одну, а нѣсколько, и рынокъ остался бы въ вашихъ рукахъ. Впрочемъ, и теперь можно поправить дѣло.

— Именно?

— Вальцовую мельницу выстроить. Вѣдь для одной такой мельницы нужно милліонъ пудовъ пшеницы. Извольте-ка конкурировать съ такимъ звѣремъ.

— Необычное это дѣло, Борисъ Яковличъ, и большихъ тысячъ сто̀итъ.

— Я говорю къ примѣру... Мало ли есть другихъ дѣлъ, Тарасъ Семенычъ? Только нужны люди и деньги... да.

— Что̀ же деньги—и деньгами отца съ матерью не купишь.

Для Ечкина это было совсѣмъ не убѣдительно. Онъ развилъ широкій планъ новаго хлѣбнаго дѣла, какъ оно ведется въ Америкѣ. Тутъ были и элеваторъ, и подъѣздные пути, и скорый кредитъ, и заграничный экспортъ, и интенсивная культура,—однимъ словомъ, все, что̀ уже существовало тамъ, на Западѣ. Луковниковъ слушалъ и могъ только удивляться. Ему начинало казаться, что это какой-то сонъ, и что Ечкинъ просто его морочитъ.

— Да вы это такъ все говорите, Борисъ Яковличъ? Конечно, мы люди темные и прожили вѣкъ, какъ тараканы за печкой... Темные люди, однимъ словомъ.

— Все видѣлъ своими глазами, увѣрялъ Ечкинъ.—Да, все это существуетъ. Скажу больше: будетъ и у насъ, то-есть здѣсь. Это только вопросъ времени.

Впрочемъ, у него было нѣсколько другихъ проектовъ, не менѣе блестящихъ, чѣмъ хлѣбное дѣло на новыхъ основаніяхъ.

— Вотъ хотя бы взять ваше сальное дѣло, Тарасъ Семенычъ: его нѣсенка тоже спѣта, то-есть въ настоящемъ его видѣ. Вотъ у васъ горитъ керосиновая лампа — вотъ гдѣ смерть салу. Теперь керосинъ все: изъ него будутъ добывать всѣ смазочныя масла: остатки пойдутъ на топливо. Однимъ словомъ, громадиѣйшее дѣло. И все-таки есть выходъ... Нужно основать стеариновую фабрику съ попутнымъ производствомъ разныхъ химическихъ продуктовъ, маргариновый заводъ. И всего-то будетъ стоить около милліона. Хотите, я сейчасъ подсчитаю?

— Мы этимъ дѣломъ совсѣмъ не занимаемся. Это ужъ вы степнякамъ объясняйте.

— А какъ вы думаете относительно сибирской рыбы? У меня уже арендованы пески на Оби въ трехъ мѣстахъ. Тоже дѣло хорошее и вѣрное. Не хотите? Ну, тогда у меня есть пять золотыхъ пріисковъ въ оренбургскихъ казачьихъ земляхъ... Тутъ ужъ дѣло вѣрнѣе смерти. И это не нравится? Тогда, хотите, получимъ концессію на устройство подъѣзднаго пути отъ строящейся Уральской желѣзной дороги въ Заполье? Черезъ пять лѣтъ вы не узнали бы своего Заполья: и банки, и гимназіи, и театръ, и фабрики кругомъ. Только нужны люди и деньги.

— Вотъ что, Борисъ Яковличъ, со мной вы напрасно хорошія слова только теряете, а идите-ка вы лучше къ Евграфу Огибенину. Онъ у насъ модникъ и, навѣрное, польстится на новое.

— Я уже былъ у него. Кажется, у насъ устраивается одно дѣльце.

— Ну, въ добрый часъ!

Для Луковникова ясно было одно, что новые умные люди подбираются къ ихъ старозавѣтному сырью и къ залежавшимся купеческимъ капиталамъ, и подбираются настойчиво. Ему дѣлалось даже страшно за то будущее, о которомъ Ечкинъ говорилъ съ такою увѣренностью. Да, приходилъ конецъ всякой старинкѣ и стариннымъ людямъ. Какъ хочешь, приспособляйся по-новому. Да, страшно будетъ жить простому человѣку.

Къ Ечкину старикъ понемногу привыкъ, даже больше—онъ началъ уважать въ немъ его удивительный умъ и еще болѣе удивительную энергію. Такимъ людямъ и на свѣтѣ жить. Только въ глубинѣ души все-таки оставалось какое-то органическое недовѣріе именно къ „жиду“, и съ этимъ Тарасъ Семенычъ никакъ не могъ совладѣть. Будь Ечкинъ кровный русакъ, совсѣмъ бы другое дѣло.

Но и тутъ Ечкинъ купилъ упрямаго старика, да еще какъ ловко купилъ—со всѣмъ потрохомъ. Лучше и не бываетъ.

Завернулъ какъ-то Ечкинъ по пути,—онъ вѣчно былъ занятъ по горло и вѣчно куда-нибудь торопился.

— Вотъ что, Тарасъ Семенычъ, я недавно ѣхалъ изъ Екатеринбурга и все думалъ о васъ... да. Знаете, вы дѣлаете одну величайшую несправедливость. Васъ это удивляетъ? А между тѣмъ это такъ... Сами вы можете жить, какъ хотите, — дѣло ваше, — а зачѣмъ же молодымъ запирать дорогу?

Вотъ у васъ дѣвочка растетъ, мы съ ней большіе друзья, и вы о ней не хотите позаботиться.

— То-есть это какъ же не хочу?

— Да нельзя ее оставлять такъ, чумичкой. Вы ужъ меня извините за откровенность... Да, нельзя. Вырастетъ большая и васъ же попрекнетъ.

— Да ужъ я и самъ думалъ, Борисъ Яковличъ, и такъ и этакъ. Все равно—ничего не выходитъ. Думаю вотъ, когда у протопопа старшая дочь кончитъ въ гимназіи, такъ чтобъ она поучила Устюшу... Оболванитъ немного.

— Нѣтъ, это не годится. Время дорого, Тарасъ Семенычъ... Такъ я ѣхалъ, думалъ о васъ и придумалъ. И не только придумалъ, а даже наполовину устроилъ. Теперь все будетъ отъ васъ зависѣть. Вѣдь вы хорошо знаете Болеслава Брониславича Стабровскаго? У него тоже есть дочь, однихъ лѣтъ съ вашей Устенькой. Онъ безъ ума ее любитъ, какъ и вы, и недавно выписалъ для ея воспитанія англичанку прямо изъ Англіи. Одного жалованья платитъ съ тысячу рублей. Такъ вотъ хотите свою Устеньку учить вмѣстѣ? На всякій случай, я уже переговорилъ съ Стабровскимъ, и онъ очень радъ, чтобъ ваша дочь училась вмѣстѣ съ его Дидей.

Это предложеніе совершенно ошеломило Тараса Семеныча, и онъ посмотрѣлъ на гостя какими-то испуганными глазами. Какъ же это такъ вдругъ и такъ просто?..

— Послушайте, Борисъ Яковличъ, я вамъ очень благодаренъ, но это такое особенное дѣло, что нужно подумать и подумать.

— Я и не требую, чтобъ вы рѣшали сейчасъ. Стабровскій какъ-нибудь самъ къ вамъ заѣдетъ.

— Знаете что, не люблю я вашего Стабровскаго! Нехорошее онъ дѣло затѣваетъ, неправильное... Въ концѣ хочетъ спаивать народъ. Богъ съ ними и съ деньгами, если на то пошло!

— Ахъ, какой вы, Тарасъ Семенычъ! Стабровскій-дѣлецъ—одно, а Стабровскій семейный человѣкъ, отецъ—совсѣмъ другое. Да вотъ сами увидите, когда поближе познакомитесь. Вы лучше спросите меня: я-то о чемъ хлопочу и безпокоюсь? А ужъ такая натура: вижу, дѣвочка растетъ безъ присмотру, и меня это мучитъ. Впрочемъ, какъ знаете.

— Да я-то ничего не знаю, Борисъ Яковличъ.

Эта забота объ Устенькѣ постороннаго человѣка растрогала старика до слезъ, и онъ только молча пожалъ руку человѣку, которому не вѣрилъ и котораго въ чемъ-то подозрѣвалъ. Да, не знаешь, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь.

VIII.

Судьба Устеньки быстро устроилась,—такъ быстро, что все казалось ей какимъ-то сномъ. И долго впослѣдствіи она не могла отдѣлаться отъ этого чувства. А что, если бъ Стабровскій не захотѣлъ пріѣхать къ нимъ первымъ? если бы отецъ вдругъ заупрямился? если бы соборный протопопъ началъ отговаривать папу? если бы она сама, Устенька, не поправилась съ перваго раза чопорной англійской гувернанткѣ миссъ Дудль? Да мало ли что могло быть, а предвидѣть всѣ мелочи и случайности невозможно.

Стабровскій пріѣхалъ къ Луковникову ровно черезъ два дня. Это было около двѣнадцати часовъ. Тарасъ Семенычъ очень встревожился и провелъ гостей въ парадную половину. Ему понравилось, какъ Дидя хорошо и просто была одѣта и какъ граціозно сдѣлала ему реверансъ. Дѣвочка была некрасивая, но личико такое умненькое и все, какъ комнатная собачка, загляды-

часть на гувернантку, строгую и какую-то всю сѣрую, дѣвицу неопредѣленныхъ лѣтъ. Самъ Стабровскій, несмотря на свои за пятьдесятъ и коротко остриженные сѣдые волосы, выглядѣлъ молодцомъ. За нимъ уже установилась репутація милліонера, и Тарасъ Семенычъ, по купеческому уваженію ко всякому капиталу, относился къ нему при рѣдкихъ встрѣчахъ съ большимъ вниманіемъ, хотя и не любилъ его.

— Вотъ мы пріѣхали знакомиться,—съ польскою ласковостью заговорилъ Стабровскій, наблюдая дочь.—Мы, старики, уже прожили свое, а молодымъ людямъ придется еще жить. Покажите намъ свою славяночку.

Луковникову пришлось по душѣ и это названіе: славяночка. Вѣдь придумаетъ же человѣкъ словечко. У меня, молъ, дочь, хоть и полька, а тоже славяночка. Одна кровь.

— Я вотъ ее, козу, сюда приведу, Брониславъ...

— Болеславъ Брониславичъ,—поправилъ Стабровскій съ улыбкой.—Впрочемъ, что же вамъ безпокоить маленькую хозяйку? Лучше мы сами къ ней пойдемъ... Не правда ли, миссъ Дудль?

— О, yes...

— Да у насъ, знаете, все не прибрано.

— Ничего, ничего, не безпокойтесь. Намъ необходимо посмотрѣть, какъ живетъ славяночка, какія у нея привычки. Вы простите наше невинное любопытство.

Мягкая настойчивость Стабровскаго побѣдила смущеніе хозяина, и онъ по внутренней узенькой лѣстницѣ провелъ ихъ въ нижнія жилыя горницы. Какъ ни привыкъ Стабровскій къ купеческой обстановкѣ, но и онъ только съежилъ плечи, оглядывая ветхозавѣтныя горницы. Англичанка сморщила свой утиный носъ, нюхая воздухъ, пропитанный ароматомъ русскихъ щей, горѣвшей въ углу лампадки и еще чего-то такого „русскаго“, какъ она опредѣлила про себя. Выведенная на показъ, Устенька страшно переконфузилась и неловко подавала свою руку „дощечкой“, какъ назвала это деревянное движеніе Дидя про себя. Она была одѣта въ простенькомъ ситцевомъ платьѣ, и миссъ Дудль точно впилась въ ея недостаточно вымытую шейку. Въ своемъ дѣтскомъ смущеніи Устенька рядомъ съ Дидей выглядѣла почти красавицей. Особенно хорошо было это простое русское лицо, глядѣвшее такими простыми темными глазами. Стабровскій залюбовался „славяночкой“, обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Ну, славяночка, будемъ знакомиться. Это вотъ моя славяночка. Ее зовутъ Дидей. Она считаетъ себя очень умной и думаетъ, что міръ сотворенъ спеціально только для нея, а всѣ остальныя дѣвочки существуютъ на свѣтѣ только такъ, между прочимъ.

Миссъ Дудль послѣ шеи Устеньки пришла въ ужасъ отъ ея имени и по-англійски спросила Стабровскаго:

— Это все равно, что Уильки?

— Да, да, все равно.

— Совершенно неорганизованная дѣвочка.

— И прехорошенькая. Посмотрите, какая у нея умненькая мордашка.

— О, yes...

Въ дверную щель съ ужасомъ смотрѣла старая няня. Она оторопѣла совсѣмъ, когда гости пошли въ дѣтскую. Тарасъ-то Семенычъ рехнулся, видно, на старости лѣтъ. Хозяинъ растерялся не меньше старухи и только застегивалъ и разстегивалъ полу своего старомоднаго сюртука.

Крошечная дѣтская съ однимъ окномъ и двумя кроватями привела

миссъ Дудль еще разъ въ ужасъ, а потомъ она уже перестала удивляться. Гости произвели въ дѣтской что-то въ родѣ обыска. Миссъ Дудль держала себя, какъ опытный сыщикъ: осмотрѣла игрушки, книги, дѣтскую кровать, заглянула подъ кровать, выдвинула всѣ комоды и даже пересчитала бѣлье и платья. Стабровскій съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ней и тоже разсматривалъ дѣтскіе лифчики, рубашки и кофточки.

„Вотъ безстыжіе-то!—думала няня, дѣлавшая нѣсколько напрасныхъ попытокъ не пустить любопытныхъ гостей въ комодъ.—Это похуже всякихъ жидовъ!“

— Обстановка и гардеробъ дѣвочки пещернаго періода,—резюмировала миссъ Дудль впечатлѣніе обыска.

— Ужъ вы насъ извините,—оправдывался Тарасъ Семенычъ.—Сиротой растетъ дѣвочка, вотъ главная причина, а потомъ, вѣдь у насъ все попросту.

— Что жъ, каждый живетъ по-своему,—отвѣтилъ Стабровскій, что-то соображая про себя.

Тарасу Семенычу было и совѣстно, что англичанка все распотрошила, а съ другой стороны и понравилось, что милліонеръ Стабровскій съ такимъ вниманіемъ пересмотрѣлъ даже бѣлье Устеньки. Очень ужъ онъ любитъ дѣтей, хоть и полякъ. Самъ Тарасъ Семенычъ рѣдко заглядывалъ въ дѣтскую, а какое бѣлье у Устеньки — и совсѣмъ не зналъ. Что нянька сдѣлаетъ, то и хорошо. Все дѣло чуть не испортила сама Устенька, потому что подъ конецъ обыска она горько расплакалась. Стабровскій усадилъ ее къ себѣ на колѣни и ласково принялся утѣшать.

— О чемъ мы плачемъ, славяночка? Нехорошо плакать. У славяночки будетъ новая подруга. Имъ вмѣстѣ будетъ веселѣе. Онѣ будутъ учиться, играть, гулять.

Отправивъ домой Дидю и гувернантку, Стабровскій остался для окончательныхъ переговоровъ съ Тарасомъ Семенычемъ. Они сидѣли теперь въ маленькомъ кабинетѣ. Стабровскій закурилъ сигару и заговорилъ:

— Мы себя держали сегодня немного нахально, Тарасъ Семенычъ, и это не входило совсѣмъ въ нашу программу. Такъ ужъ случилось. Нужно сказать, что я безумно люблю дѣтей и вхожу до послѣднихъ мелочей въ воспитаніе своей дочери. И я радъ, что миссъ Дудль—это святая дѣвушка—произвела настоящую ревизію дѣтской вашей Устеньки. Знаете, дорогой Тарасъ Семенычъ, такъ нельзя. Скажу больше: это дико. Вы человѣкъ состоятельный, умный, серьезный, любящій, а о воспитаніи не имѣете даже приблизительнаго понятія. Это слишкомъ отвѣтственная вещь, и я не взялся бы самъ воспитывать собственную дочь. Знаете, въ насъ есть эта проклятая славянская распущенность, предательская мягкость характера, наконецъ азіатская апатія, и съ этимъ нужно бороться. Вотъ миссъ Дудль дастъ настоящую европейскую закалку нашимъ дѣвочкамъ. Когда ваша Устенька будетъ жить въ моемъ домѣ, то вы можете точно такъ же прійти къ дѣвочкамъ въ ихъ комнату и сдѣлать точно такую же ревизію всему.

— Т.-е. какъ это Устенька будетъ жить въ вашемъ домѣ, Болеславъ Брониславичъ?

— Иначе не можно... Раньше я думалъ, что она будетъ пріѣзжать учиться вмѣстѣ съ Дидей, но изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, мы сдѣлаемъ не вдругъ: сначала Устенька будетъ приходить на уроки, потомъ будетъ оставаться погостить на нѣсколько дней, а ужъ потомъ переѣдетъ совсѣмъ.

— Надо подумать, Болеславъ Брониславичъ.

— Конечно, конечно... Виноватъ, у васъ является самъ собой вопросъ, для чего я хлопочу? Очень просто. Мнѣ не хочется, чтобы моя дочь росла въ одиночествѣ. У дѣтей свой маленькій міръ, свои маленькіе интересы, радости и огорченія. По возрасту наши дѣвочки какъ разъ подходятъ, потомъ онѣ будутъ дополнять одна другую, какъ представительницы племенныхъ разновидностей.

Впослѣдствіи самъ Тарасъ Семенычъ удивлялся, какъ онъ могъ рѣшиться на такой важный шагъ и какъ вообще могъ позволить совершенно постороннимъ людямъ вмѣшиваться въ свою интимную жизнь. Очень ужъ онъ любилъ свою дочурку и для нея въ первый разъ поступился старинкой, особенно, когда Стабровскій въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ бесѣдъ выяснилъ ему во всѣхъ подробностяхъ планъ того образованія, который должны были пройти рука объ руку обѣ славянки. Онъ умѣлъ говорить необыкновенно увлекательно, и Тарасъ Семенычъ отлично понялъ, что воспитаніе гораздо сложнѣе и отвѣтственнѣе всякихъ вальцовыхъ мельницъ, стеариновыхъ фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ и прочей премудрости.

Устенька навсегда сохранила въ своей памяти этотъ рѣшительный зимній день, когда отецъ отправился съ ней къ Стабровскимъ. Старуха-нянька ревѣла еще съ вечера, оплакивая свою воспитанницу, какъ покойницу. Она только и повторяла, что Тарасъ Семенычъ рехнулся и хочетъ обасурманить родную дочь. Эти причитанія навели на дѣвочку тоску, и она ѣхала къ Стабровскимъ съ тяжелымъ чувствомъ, впередъ испытывая предубѣжденіе противъ долговязой англичанки, рывшейся по комодамъ.

Стабровскій занималъ громадную квартиру, которую отдѣлалъ съ настоящею тяжелою роскошью. Это чувствовалось еще въ передней, гдѣ гостей встрѣчалъ настоящій швейцаръ, точно въ думѣ или въ клубѣ. Стабровскій выбѣжалъ самъ навстрѣчу, расцѣловалъ Устеньку и потащилъ ее представлять своей женѣ, которая сидѣла обыкновенно въ своей спальнѣ, укутанная плэдомъ. Когда-то она была очень красива, а теперь больное лицо казалось старше своихъ лѣтъ. Она тоже приласкала гостью, понравившуюся ей своею дѣтскою свѣжестью.

— Не правда ли, какая она милая? — спрашивалъ Стабровскій, точно боялся, что Устенька не понравится женѣ.

— Какая она здоровая!—съ грустью замѣтила она, любуясь дѣвочкой.— Вся крѣпкая, какъ рыба.

„Неорганизованную дѣвочку“ больше всего интересовала невиданная никогда обстановка, особенно картины на стѣнахъ, статуэтки изъ бронзы и терракоты, а самое главное — рояль. Ей казалось, что она перенеслась на крыльяхъ въ совершенно иной міръ. Благодарная дѣтская память сохранила и перенесла это первое впечатлѣніе черезъ много лѣтъ, когда Устенька уже понимала, какъ много и краснорѣчиво говорятъ всѣ эти гравюры картинъ Яна Матейки и Семирадскаго, копіи съ знаменитыхъ статуй, а особенно та этажерка съ нотами, гдѣ лежали рыдающіе вальсы Шопена, старинные польскіе „мазуры“ и еще много-много другихъ хорошихъ вещей, о существованіи которыхъ въ Запольѣ даже и не подозрѣвали.

— Вотъ здѣсь я дѣловой человѣкъ,—объяснилъ Стабровскій, показывая Луковникову свой кабинетъ. — Именно такимъ вы меня знали до сихъ поръ. Сюда ко мнѣ приходятъ люди, которые зависятъ отъ меня и которые завидуютъ мнѣ, а вотъ я вамъ покажу другую половину дома, гдѣ я самый маленькій человѣкъ и самъ нахожусь въ зависимости отъ всѣхъ.

Познакомивъ съ женой, Стабровскій повелъ гостя, прежде всего, въ классную, гдѣ рядомъ съ партой Диди стояла уже другая новенькая парта для Устеньки. На стѣнахъ висѣли географическія карты и рисунки, два шкапа заняты были книгами, на отдѣльномъ столикѣ помѣщался громадный глобусъ.

— Вотъ это главная комната въ домѣ, потому что въ ней мы зарабатываемъ свое будущее,—объяснялъ Стабровскій гостю.—Вотъ и вашей славяночкѣ уже приготовлена парта. Здѣсь царство миссъ Дудль, и я спрашиваю ея позволенія прежде, чѣмъ войти.

Затѣмъ осмотрѣна была дѣтская, устроенная миссъ Дудль по всѣмъ правиламъ строгой англійской школы. Самая простая кровать, мебель, вся обстановка, а роскошь заключалась въ какой-то вызывающей чистотѣ. Дѣтскую показывала миссъ Дудль, и Тарасу Семенычу показалось, что англичанка сердится на него. Когда онъ сообщилъ это хозяину, тотъ весело расхохотался.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь... Это добрѣйшее существо, но ужъ такую наружность Богъ далъ. Ничего не подѣлаешь... Идемте завтракать.

Первый завтракъ у Стабровскихъ опять послужилъ предметомъ ужаса для мистъ Дудль. „Неорганизованная дѣвочка“ рѣшительно не умѣла держать себя за столомъ, клала локти чуть не на тарелку, стучала ложкой, жевала, раскрывая ротъ, болтала ногами и—о, ужасъ!—вытащила въ заключеніе изъ кармана совсѣмъ грязный носовой платокъ. Миссъ Дудль чуть не сдѣлалось дурно.

Вечеромъ Стабровскій работалъ въ своемъ кабинетѣ за полночь и все думалъ о маленькой славяночкѣ, которая войдетъ въ домъ. Кто знаетъ, что изъ этого можетъ произойти? Изъ маленькихъ причинъ очень часто вырастаютъ большія и сложныя послѣдствія.

— Ахъ, Дидя, Дидя!—шепталъ онъ, отодвигая бумаги.

Никто не подозрѣвалъ, ни посторонніе ни свои, какъ мучился этотъ магнатъ, оставаясь вотъ такъ одинъ. Никто не зналъ, какъ онъ боялся за свою любимицу. Одинъ знаменитый психіатръ предсказалъ ему, что въ періодъ формированія съ дѣвочкой можетъ быть плохо. У нея были задатки къ острымъ нервнымъ страданіямъ и даже къ психической ненормальности. Это было тяжелое наслѣдство отъ пьяствовавшихъ и распутничавшихъ предковъ по женской линіи. И вотъ онъ долженъ ждать и мучиться впередъ, готовый каплю по каплѣ передить собственную кровь въ жилы ребенка. Вѣдь все остальное пустяки, а все главное въ ней, въ этой умненькой не по лѣтамъ дѣвочкѣ. Можетъ-быть, присутствіе и совмѣстная жизнь съ настоящею здоровою дѣвочкой произведутъ такое дѣйствіе, какого не въ состояніи сейчасъ предвидѣть никакая наука. Вѣдь передается же зараза, чахотка и другія болѣзни,—отчего же не можетъ точно такъ же передаться и здоровье? Стабровскій давно хотѣлъ взять подругу для дочери, но только не изъ польской семьи, а именно изъ русской. Ему показалось, что Устенька—именно та здоровая дѣвочка, которая принесетъ въ домъ съ собой цѣлую атмосферу здоровья.

— Ахъ, Дидя, Дидя!—шепталъ удрученный предчувствіями отецъ, хватаясь за голову.

IV.

Серафима пріѣхала въ Заполье съ дѣтьми ночью. Она была въ какомъ-то особенномъ настроеніи. По крайней мѣрѣ, Галактіонъ даже не подозрѣвалъ, что жена можетъ принимать такой воинственный видъ. Она не выдержала и четверти часа и обрушилась на мужа цѣлымъ градомъ упрековъ.

— Я знаю, что тебѣ непріятно, что мы пріѣхали,—говорила Серафима.— Ты обрадовался, что бросилъ насъ въ деревнѣ... да.

—Что ты говоришь? — удивлялся Галактіонъ. — Никого я не думалъ бросать.

— Не отпирайся... Обѣщалъ прислать за нами лошадей черезъ двѣ недѣли, а я прожила цѣлыхъ шесть, пока не догадалась сама выѣхать. Надо же куда-нибудь дѣваться съ ребятишками... Хорошо, что еще отецъ съ матерью живы и не выгонятъ на улицу.

— Сима, мнѣ не хотѣлось тебя вызывать, пока я не устроюсь. Только и всего.

— Знаю, знаю, что ты тутъ хорошо устроился. Совсѣмъ хорошо... Ну, какъ поживаетъ любезная сестрица Харитина Харитоновна? А потомъ, какъ эту мерзавку зовутъ? Бубниху?.. Хорошими дѣлами занялся, нечего сказать!

Свидѣтелями этой сцены были Анѳуса Гавриловна, Харитонъ Артемьичъ и Агнія. Галактіонъ чувствовалъ только, какъ вся кровь бросилась ему въ голову и онъ начинаетъ терять самообладаніе. Очевидно, кто-то постарался и насплетничалъ про него Серафимѣ. Во всякомъ случаѣ положеніе было не изъ красивыхъ, особенно въ тестевомъ домѣ. Сама Серафима показалась теперь ему такою некрасивой и старой. Ей совсѣмъ было не къ лицу сердиться. Вотъ Харитина, такъ та дѣлалась въ минуту гнѣва еще красивѣе, она даже плакала красиво.

— Сима, ты бы и потомъ могла съ мужемъ переговорить,— политично замѣтила Анѳуса Гавриловна.—Мы хоть и родители тебѣ, а промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья.

— Это ты вѣрно, Ѳуса,— подтвердилъ Харитонъ Артемьичъ, стараясь не смотрѣть на зятя.—Въ другой разъ молчать надо бы, Сима.

Этого было достаточно, и Серафима залилась слезами. Съ ней даже сдѣлалось дурно. Проснувшіяся дѣти тоже принялись кричать. Однимъ словомъ, получилась жестокая семейная сцена, и Галактіонъ не могъ заснуть до утра. Онъ даже не оправдывался, а только затаилъ ненависть къ женѣ, главнымъ образомъ потому, что она срамила его въ чужомъ домѣ, на людяхъ. А онъ еще такъ соскучился о ребятишкахъ и такъ радъ былъ ихъ видѣть. И дѣти тоже обрадовались и такъ мило льнули къ нему, точно цыплята. Въ первый разъ еще охватила его какая-то смутная жалость по отношенію къ этимъ милымъ дѣтскимъ головкамъ, точно надъ ними собиралась темная туча. Ему наконецъ было совѣстно смотрѣть въ эти чистые дѣтскіе глаза, припоминая сцену, когда онъ обнималъ Харитину. Если бы жена не накинулась на него, онъ, вѣроятно, самъ бы разсказалъ все, чтобъ отрѣзать всякую возможность повторенія чего-нибудь подобнаго, а теперь жена точно заперла его на замокъ своими обвиненіями. Результатъ этой сцены былъ одинъ: во что бы то ни стало выбраться какъ можно скорѣе изъ тестева дома. Въ своемъ углу все-таки самъ большой, самъ маленькій, а здѣсь чувствовалась тяжелая зависимость. Перебирая въ умѣ, кто бы могъ наплесть женѣ разныя сплетни, Галактіонъ рѣшилъ, что это была тихоня Агнія, и возненавидѣлъ ее. Какъ бы онъ удивился, если бъ узналъ, что писала сама Харитина!

Такъ началась семейная жизнь Галактіона въ Запольѣ. Наружно онъ помирился съ женой, но это плохо скрывало глубокій внутренній разладъ. Между ними точно выросла невидимая стѣна. Самымъ скверымъ было то, что Галактіонъ замѣтно отшатнулся отъ Анѳусы Гавриловны и даже больше— перешелъ на сторону Харитона Артемьича.

— А ты, зятюшка, не очень-то бабъ слушай...—тайно совѣтовалъ этотъ

мудрый тесть.—Онѣ, братъ, изведутъ кого угодно. Вотъ смотри на меня: ужъ я, кажется, натерпѣлся отъ нихъ достаточно. Даже отъ родныхъ дочерей приходится терпѣть... Ты не поддавайся бабамъ.

Харитонъ Артемьичъ дошелъ до того, что тайно передавалъ зятю всѣ домашніе разговоры и пересуды по его адресу.

Ссорившіеся мужъ и жена теперь старались сосредоточить неизрасходованный запасъ нѣжныхъ чувствъ на дѣтяхъ, причемъ встрѣтили самую отчаянную конкуренцію со стороны бабушки, уцѣпившейся за внучатъ съ особенною энергіей. Ни у одной дочери не было дѣтей, кромѣ Серафимы. У писарши Анны родились двое, но скоро умерли. Баловнемъ Аноусы Гавриловны сдѣлалась самая младшая дѣвочка, Катя, напомнившая бабушкѣ умершую дочь Марью. Вотъ такая же была, какъ двѣ капли воды. Открылась старая материнская рана, и Аноуса Гавриловна горько плакала, вспоминая мертваго ребенка. Это проснувшееся материнское горе точно было заслонено все время заботами о живыхъ дѣтяхъ, а теперь всѣ уже были на своихъ ногахъ, и она могла отдаться своему чувству. Старушкѣ дѣлалось даже страшно, когда она подолгу и пристально вглядывалась въ Катю: вотъ точь въ точь такая же была Маня, такъ же смѣялась и такъ же смотрѣла. Входя въ роль матери, Аноуса Гавриловна искренно удивлялась, что Катя зоветъ мамой не ее, а дочь Серафиму.

Къ дѣтямъ же прильнула рыхлая и, по наружному виду, апатичная Агнія. Дѣвушка сначала долго присматривалась къ дѣтямъ, точно не вѣрила чему-то, такому теплому и хорошему, такъ тепло и хорошо накипавшему на ея душѣ. Въ этой дѣвушкѣ проснулось неудовлетворенное и неиспытанное материнство, которое даже пугало ее. И странно, что дѣти льнули инстинктивно къ ней гораздо больше, чѣмъ къ бабушкѣ. Огорченная Аноуса Гавриловна серьезно ссорилась съ Агніей и употребляла разныя дипломатическія хитрости, чтобъ устранить ее. Нѣсколько разъ мать и дочь предъявляли взаимныя претензіи Серафимѣ, какъ матери.

— Да возьмите ихъ хоть совсѣмъ,—равнодушно отвѣчала Серафима.—Вамъ въ охоту съ чужими дѣтьми повозиться.

Галактіонъ былъ другого мнѣнія и стоялъ за бабушку. Онъ не могъ простить Агніи воображаемой измѣны и держалъ себя такъ, точно ея и на свѣтѣ никогда не существовало. Дѣвушка чувствовала это пренебреженіе, понимала источникъ его происхожденія и огорчалась молча про себя. Она очень любила Галактіона и почему-то думала, что именно она будетъ ему нужна. Разъ она даже сдѣлала робкую попытку объясниться съ нимъ по этому поводу.

— Ты напрасно думаешь, Галактіонъ, что я про тебя писала Симѣ.

— Хорошо, хорошо. Всѣ вы на одну стать, — грубо отвѣтилъ Галактіонъ.—И цѣна вамъ всѣмъ одна. Только бы вырваться мнѣ отъ васъ.

— Грѣшно тебѣ, Галактіонъ.

— Молчи лучше, сплетница! Говорить-то съ тобой противно!

Агнія молча проглотила эту обиду и все-таки не переставала любить Галактіона. Въ ихъ домѣ онъ одинъ являлся настоящимъ мужчиной, и она любила въ немъ именно этого мужчину, который дѣлаетъ домъ. Она тянулась къ нему съ инстинктомъ здоровой, неиспорченной натуры, какъ растеніе тянется къ свѣту. Даже грубая несправедливость Галактіона не оттолкнула ее, а точно еще больше привязала. Даже Аноуса Гавриловна замѣтила это тяготѣніе и сдѣлала ей строгій выговоръ.

— Ты у меня смотри, тихоня... Погляди на себя въ зеркало-то, на рожу свою. Только мать срамишь, безстыдница!

Про себя Агнія рѣшила давно, что она останется незамужницей и уйдетъ отъ грѣшнаго міра куда-нибудь въ скиты замаливать чужіе грѣхи.

Дѣла Галактіона шли попрежнему. Бубновскій конкурсъ могъ тянуться безконечно. Но его интересовалъ больше всѣхъ уставъ новаго банка, который писалъ Штоффъ. По этому дѣлу Галактіонъ нѣсколько разъ былъ у Стабровскаго, гдѣ велись предварительныя обсужденія этого устава, причемъ Стабровскій обязательно вызывалъ Ечкина. Этотъ странный человѣкъ дѣлалъ самыя цѣнныя замѣчанія, и Стабровскій приходилъ въ восторгъ.

— Ахъ, Борисъ Яковличъ, вы будете у насъ министромъ финансовъ!— повторялъ хитрый нѣмецъ.—Этакая удивительная голова!

Галактіонъ прежде всего испытывалъ какое-то ребячье смущеніе въ кабинетѣ Стабровскаго, гдѣ такъ свободно и просто дѣлались милліонныя дѣла. Онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, потому что въ первый разъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ настоящими большими дѣльцами, разсуждавшими о милліонахъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ другіе говорятъ о двугривенномъ. Съ уставомъ, когда онъ былъ совсѣмъ готовъ, вышло неожиданное затрудненіе: изъ числа учредителей старикъ Луковниковъ отказался наотрѣзъ его подписать. Какъ старика ни уламывали, изъ этого ничего не вышло.

— Неподходящее дѣло,—повторялъ упрямый старикъ.

Старикъ Стабровскій былъ серьезно возмущенъ, но не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ.

— Можетъ-быть, Тарасъ Семенычъ, вы сами впослѣдствіи пожалѣете о своемъ отказѣ,—говорилъ онъ.

— Ужъ это, какъ Богъ дастъ...—упрямо повторялъ старикъ.

Въ числѣ консультантовъ большую силу имѣлъ Мышниковъ; онъ былъ единственнымъ представителемъ юриспруденціи и держалъ себя съ достоинствомъ. Только Ечкинъ время отъ времени „подковывалъ“ его какимъ-нибудь замѣчаніемъ, а другіе скромно соглашались. Въ послѣднемъ совѣщательномъ засѣданіи принимали участіе татаринъ Шахма и Евграфъ Огибенинъ.

— Гуляй банкъ!—повторялъ Шахма. — Одна рука бралъ, другая рука давалъ... Обѣ барыша получалъ.

Штоффъ измучился съ уставомъ до смерти, и когда наконецъ все было оформлено и подписано, онъ проговорилъ, обращаясь къ Галактіону:

— Ну, голубчикъ, я усталъ... Надо отдохнуть. Знаешь, что мы сдѣлаемъ? Ну, да объ этомъ потомъ поговоримъ.

Отдыхъ Штоффа скоро объяснился. Онъ пригласилъ Галактіона съѣздить вмѣстѣ на бубновскій винокуренный заводъ для какой-то внезапной ревизіи. Когда выѣхали вечеромъ изъ Заполья, Штоффъ неожиданно заявилъ кучеру:

— Поворачивай въ Кунару.

Кунара была подгородная деревушка, куда купцы ѣздили кутить. Тамъ теперь шли деревенскіе посидѣнки и супрядки.

— Надо будетъ произвести неожиданную и самую строгую ревизію,— смѣялся Штоффъ, хлопая Галактіона по плечу.

— Карлъ Карлычъ, оно того... Еще узнаютъ дома.

— Э, вздоръ!.. Никто и ничего не узнаетъ. Да ты въ первый разъ, что ли, въ Кунару ѣдешь? Вотъ чудакъ! Ужъ хуже, братъ, того, что про тебя говорятъ, все равно — не скажутъ. Ты думаешь, что никто не знаетъ, какъ тебя дома-то золотятъ? Весь городъ знаетъ... Ну, да все это пустяки.

Нѣмецъ попалъ въ самое больное мѣсто, и Галактіонъ угрюмо замолчалъ.

Скоро замелькали желтые огоньки потонувшей въ глубокомъ снѣгу Ку-

нары. Деревня была небольшая, но богатая, какъ всѣ раскольничьи деревни. Она пользовалась плохою репутаціей, какъ притонъ бродягъ. Искони здѣсь утвердился своеобразный кустарный промыселъ приготовленія домашнимъ способомъ ассигнацій. Потомъ эти „кунарскія деньги“ уходили въ безграмотную орду.

— Къ Спиридону!—командовалъ Штоффъ.

Кошевая остановилась у большой новой избы. Въ волоковое окно выглянула мужская голова и безъ опроса скрылась. Распахнулись сами собой матровыя ворота, и кошевая очутилась въ темномъ крытомъ дворѣ. Встрѣчать гостей вышелъ самъ хозяинъ, лысый и сѣдой старикъ. Это и былъ Спиридонъ, извѣстный всему Заполью.

— Карлу Карлычу, сто лѣтъ не видались,— нѣвуче говорилъ Спиридонъ.—А это кто съ тобой будетъ?

— Да такъ... Тоже изъ нѣмцевъ.

Они прошли въ новую заднюю избу, гдѣ за столомъ сидѣлъ какой-то низенькій, черный, какъ жукъ, старикъ. Спиридонъ сдѣлалъ ему головой какой-то знакъ, и старикъ вышелъ. Галактіону показалось, что онъ гдѣ-то его видѣлъ, но гдѣ—не могъ припомнить.

— Милости просимъ, дорогіе гости,— повторялъ Спиридонъ, тяжело шмыгая больными ногами; онъ ужасно напоминалъ загнанную и опоенную лошадь.

На помощь старику явилась его жена, высокая, худая старуха съ злыми глазами.

— Ну, бабушка, сердце повеселить пріѣхали,—говорилъ Штоффъ.—Ну, что у васъ тутъ новаго?

— Есть и новое, Карла Карлычъ... Хороша дѣвушка объявилась у Маркотиныхъ. И ростомъ взяла, и изъ себя ужъ столь бѣла... Матреной звать. Недавно тутъ Илья Өирсычъ наѣзжалъ, тотъ вотъ какъ обихаживалъ съ ней въ присядку. Лебедь бѣлая, а не дѣвка.

„Двоеданы“, т.-е. раскольники, отличались вообще красотой, не въ примѣръ православному населенію.

Дальше вынесли изъ кошевой нѣсколько кульковъ и цѣлую корзину съ винами,— у Штоффа все было обдумано и приготовлено. Галактіонъ съ какимъ-то ожесточеніемъ принялся за водку, точно хотѣлъ кому досадить. Онъ быстро захмелѣлъ, и дальнѣйшія событія происходили точно въ какомъ-то туманѣ. Какія-то дѣвки пѣли пѣсни, Штоффъ плясалъ русскую, а знаменитая красавица Матрена сидѣла рядомъ съ Галактіономъ и обнимала его точеною бѣлою рукой.

— Откуда ты взялся-то, милъ-хорошій?—шептала она.

Потомъ послышался какой-то стукъ, кто-то крикнулъ въ сѣняхъ, а въ заключеніе въ избу ворвался пьяный Ліодоръ.

— А, вотъ вы гдѣ, милые зятюшки!— гаркнулъ онъ, кидаясь на Штоффа съ кулаками.

Произошла свалка. Кто-то кого-то билъ, дѣвки бросились изъ избы, а Штоффъ спрятался подъ столъ.

X.

Встрѣча съ Ліодоромъ въ Кунарѣ окончательно вырѣшила дѣло. Галактіонъ дольше не могъ оставаться у тестя. Онъ нанялъ себѣ небольшую квартирку за хлѣбнымъ рынкомъ и переѣхалъ туда съ семьей. Благодаря бубновскому конкурсу, онъ могъ теперь прожить до открытія банка, когда Штоффъ обѣщалъ ему мѣсто члена правленія съ жалованьемъ въ пять тысячъ.

— А что касается нашей встрѣчи съ Ліодоромъ, то этому никто не повѣритъ,—успокаивалъ нѣмецъ.—Кто не знаетъ, что Ліодоръ разбойникъ и что ему ничего не значитъ оговорить кого угодно? Однимъ словомъ, пустяки.

Прищуривъ одинъ глазъ и прищелкнувъ языкомъ, Штоффъ прибавилъ:

— Бабецъ-то, Матрена эта самая, ничего... хе-хе!...

Галактіонъ ничего не отвѣчалъ на эти заигрыванья. Онъ далъ себѣ слово ничего не пить и не путаться съ веселою компаніей. Да и характеръ у него былъ совсѣмъ не такой, а вышло все какъ-то такъ, само собой. Поѣздка въ Кунару въ малыгинской семьѣ вызвала цѣлую бурю. Аѳуса Гавриловна плакала цѣлую недѣлю и даже не пожелала проститься съ зятемъ, когда онъ переѣзжалъ на новую квартиру. Зато Харитонъ Артемьичъ, самъ время отъ времени покучивавшій у двоедановъ, радовался отъ чистаго сердца. Вотъ тебѣ и непьющій зять... Ловко его нѣмецъ поддѣлъ, да и Ліодорка охулки на руку не положилъ. Наткнулись зятья на ерша.

Заступницами Галактіона явились Евлампія и Харитина. Первая не хотѣла вѣрить, чтобы мужъ былъ въ Кунарѣ, а вторая старалась оправдать Галактіона при помощи системы разныхъ косвенныхъ доказательствъ. Ну, если бъ и съѣздили въ Кунару—велика бѣда! Кто тамъ изъ запольскихъ купцовъ не бывалъ? Тятеньку Харитона Артемьича привозили прямо замертво.

— Вамъ-то какая забота припала?—накидывалась Аѳуса Гавриловна на непрошенныхъ заступницъ.—Лучше бы за собой-то смотрѣли... Только и знаете, что хвостами вертите. Вотъ я сдеру шляпки-то, да какъ примусь обхаживать.

Евлампія обидѣлась и уѣхала, не простившись съ матерью. А Харитина не унялась. Она прямо отъ матери отправилась къ Галактіону. Ея появленіе до того изумило Серафиму, что она не могла выговорить слова.

— Ну, квартирку-то могли бы и получше найти,—какъ ни въ чемъ не бывало, совѣтовала Харитина, оглядывая комнаты.—Ты-то чего смотрѣла, Сима?

— Ахъ, мнѣ все равно!

Харитина раздѣлась, полюбовалась хорошенькими ребятишками и потомъ безъ всякихъ подходовъ проговорила:

— Вотъ что, Сима, ты на меня сердишься?

— И не думала.

— Ну, перестань. Я знаю, что сердишься. А только напрасно... Я тебѣ зла не желаю, и мнѣ ничего твоего не нужно. Своего достаточно.

Отъ этого намека некрасивое лицо Серафимы покрылось красными пятнами, губы задрожали, и она крикнула сдавленнымъ голосомъ:

— Вонъ, мерзавка! И видѣть тебя не желаю... Ты у насъ въ семьѣ какая-то проклятая уродилась. Вонъ... вонъ!.. Я знаю, что ты такое!

Спокойно посмотрѣвъ на сестру своими странными глазами, Харитина молча ушла въ переднюю, молча одѣлась и молча вышла на улицу, гдѣ ее ждалъ свой собственный рысакъ. Она ѣхала и горько улыбалась. Вотъ и дождалась награды за свою жалость. „Что же, на свѣтѣ всегда такъ бываетъ“,—философствовала она, пряча носъ въ новый соболій воротникъ.

Невесело было новоселье Галактіона. Жена упорно молчала, молчалъ и онъ, потому что нечего было говорить. Она его ни въ чемъ не обвиняла, онъ ни въ чемъ не оправдывался, да и трудно было бы оправдываться. Его охватывало жгучее раскаяніе только при видѣ дѣтей, на которыхъ больше всего сказывался тяжелый семейный разладъ. Опять Галактіонъ думалъ о Харитинѣ,—развѣ она такъ бы сдѣлала? Стала бы плакать, ругаться, убѣжала бы изъ дому, наконецъ ударила бы чѣмъ ни попадя и все-таки не стала бы опалы

тянуть. Да, онъ былъ два раза неправъ относительно жены, но и другіе мужья не лучше, а еще хуже. У него являлось желаніе помириться съ женой, разсказать ей всю чистую правду, но стоило взглянуть на ея убитое лицо, какъ всякое желаніе пропадало. Страшная тоска охватывала Галактіона, и онъ начиналъ чувствовать себя чужимъ человѣкомъ въ собственномъ домѣ. Теперь онъ былъ радъ всякому случаю уйти куда-нибудь изъ дому и съ особенной энергіей принялся за бубновскій процессъ. Галактіонъ начиналъ побаиваться, какъ бы не запутаться съ этимъ дѣломъ въ чужихъ плутняхъ. Кураторы все ловкій народъ, сухими изъ воды выйдутъ, а его какъ разъ утопятъ.

У Бубновыхъ въ домѣ было попрежнему. Та же Прасковья Ивановна, тотъ же докторъ, тотъ же умильный братецъ и тотъ же пившій мертвую хозяинъ. Въ послѣднее время Прасковья Ивановна какъ-то особенно ласково заглядывала на Галактіона и каждый разъ упрашивала его остаться или какъ-нибудь посидѣть вечеркомъ.

— Мнѣ некогда,—отговаривался Галактіонъ.

— Ну, ну, бука!.. Развѣ отказываютъ кавалеры, когда дама проситъ?

— Какой я кавалеръ, Прасковья Ивановна? Неподходящее дѣло.

— Хорошо. Тогда я иначе буду поступать: не отпущу домой, и все тутъ. Вѣдь драться не будете?

Нѣсколько разъ она удерживала такимъ образомъ упрямаго гостя, а онъ догадался только потомъ, что̀ ей нужно было отъ него. О чемъ бы Прасковья Ивановна ни говорила, а въ концѣ концовъ рѣчь непремѣнно сводилась на Харитину. Галактіону дѣлалось даже неловко, когда Прасковья Ивановна начинала на него смотрѣть съ пытливымъ лукавствомъ и чуть-чуть улыбалась.

— Она красавица,—увѣряла Прасковья Ивановна.

— Говорятъ.

— А вы будто ужъ и не замѣчали ничего?

— Да вѣдь она мнѣ своячиница, Прасковья Ивановна, и замѣчать не приходится. Пусть ужъ другіе замѣчаютъ.

— Хорошо, хорошо. Какой вы хорошій, Галактіонъ Михеичъ! А вотъ она такъ мнѣ все разсказывала. Чуть не отравилась изъ-за васъ. Откуда у мужчинъ такая жестокость?

— Извините меня, а только отъ глупости, Прасковья Ивановна. Мало ли что̀ дѣвушки придумываютъ, а замужъ выйдутъ—все и пройдетъ.

— А помните, какъ на мельницѣ она васъ цѣловала?

— Это ей во снѣ приснилось.

— Вѣдь она не говоритъ, что вы ее цѣловали. Ахъ, какой вы скрытный! Ну, ужъ я вамъ, такъ и быть, сама скажу: очень вамъ нравится Харитина. Конечно, родня, немножко совѣстно.

Разъ Прасковья Ивановна заставила Галактіона проводить ее въ клубъ. Это было уже на Святкахъ. Штоффъ устроилъ какой-то семейно-танцовальный вечеръ съ туманными картинами, и Прасковья Ивановна непремѣнно желала быть тамъ. Штоффъ давно приглашалъ Галактіона въ этотъ клубъ, но онъ все отказывался подъ разными предлогами, а тутъ пришлось ѣхать поневолѣ.

Дорогой Прасковья Ивановна ни съ того ни съ сего расшалилась. Она сама прижалась къ Галактіону и шепнула:

— Ахъ, какой вы!.. Держите меня крѣпче!

Лицо у нея разгорѣлось отъ мороза, и она заглядывала ему прямо въ глаза, улыбающаяся, молодая, красивая, свѣжая. Онъ ее крѣпко обхватилъ за талію и тоже почувствовалъ себя легко и весело.

— Вѣдь я хорошенькая, да?

— Ничего.

— У, медвѣдь! Развѣ такъ отвѣчаютъ дамѣ? А кто красивѣе: я или Харитина? Да держите же меня крѣпче, мямля!

Первымъ въ клубѣ встрѣтился Штоффъ и только развелъ руками, когда увидалъ Галактіона съ дамой подъ руку. Вмѣшавшись въ толпу, Галактіонъ почувствовалъ себя еще свободнѣе. Теперь уже никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія. А Прасковья Ивановна крѣпко держала его за руку, раскланиваясь направо и налѣво. Въ одной залѣ она остановилась, чтобы поговорить съ адвокатомъ Мышниковымъ, посмотрѣвшимъ на Галактіона съ удивленіемъ.

— Мы сегодня кутимъ,—объясняла ему Прасковья Ивановна, играя глазами.—А вамъ весело?

— Ничего... Такъ себѣ, — лѣнивo отвѣтилъ адвокатъ, сжа плечи.—Мы еще увидимся, Прасковья Ивановна.

— Почему вы всегда бѣжите отъ меня? Неужели ужъ я такая старая и страшная?

Адвокатъ ничего не отвѣтилъ, а только еще разъ пожалъ плечами и съ улыбкой посмотрѣлъ на Галактіона. Происходило что-то непонятное для послѣдняго, и онъ начиналъ испытывать смущеніе.

Клубъ былъ маленькій, и комнаты не были еще отдѣланы съ надлежащею клубною роскошью. Игралъ плохонькій еврейскій оркестръ. Но невзыскательная заполькая публика, наскучавшаяся у себя дома, была рада и этому, особенно дамы.

— Подождите меня здѣсь,—сказала Прасковья Ивановна, останавливаясь у дамской уборной.—Я сейчасъ.

Здѣсь Галактіона нашла Харитина. Она шла, обмахиваясь вѣеромъ, съ развязностью и шикомъ настоящей клубной дамы. Великолѣпное шелковое платье тащилось длиннымъ шлейфомъ, декольтированныя плечи, голыя руки,— все было въ порядкѣ. Но красивое лицо было блѣдно и встревожено. Она сначала прошла мимо, не узнавъ Галактіона, а потомъ вернулась и строго спросила:

— Скажи, пожалуйста, ты-то зачѣмъ здѣсь? Впрочемъ, я видѣла, какъ ты разгуливаешь съ Пашенькой. Ахъ, ты, глупенькій, глупенькій!.. Ну, давай, дѣлай руку кренделемъ!

— А у меня вѣдь своя дама есть. Кажется, не полагается ее оставлять одну.

— Хорошо, не безпокойся. Она обойдется и безъ тебя, а мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить. Да, да...

Она нахмурила брови и потащила Галактіона въ самую дальнюю комнату, гдѣ усадила въ укромный уголокъ и заговорила:

— Вотъ я здѣсь только-что сидѣла съ Мышниковымъ... да. И онъ объяснялся мнѣ въ любви... Мнѣ всѣ признаются въ любви. Ну, Мышниковъ-то долго ходилъ около меня, а потомъ и не выдержалъ. Понимаешь, я сама виновата... Грѣшнымъ дѣломъ, сильно кокетничала съ нимъ. Вѣдь умный человѣкъ, а того не понимаетъ, что я его не люблю, а просто извожу для собственнаго удовольствія. Схватилъ меня за руку, самъ весь дрожитъ, глаза горятъ... И какой дерзкій... Ну, я сейчасъ: „Милостивый государь, за кого вы меня принимаете? Кажется, вы ошиблись адресомъ“... Озлился, побѣлѣлъ... А потомъ и говоритъ: „Мнѣ это хорошій урокъ, а вы меня вспомните, Харитина Харитоновна“. Вотъ вѣдь какой злюка!.. А развѣ я обязана всѣхъ любить? Ну, теперь онъ будетъ мнѣ мстить.

— Что же онъ можетъ съ тобой сдѣлать?

— Не знаю я, только боюсь... Мнѣ даже домой хочется уѣхать. Ты знаешь, докторъ у меня нашелъ болѣзнь: нервы.

Харитина дѣйствительно волновалась, и въ голосѣ у нея слышались слезы. Галактіонъ сидѣлъ съ опущенными глазами, кусая губы.

— Что же ты молчишь? — неожиданно накинулась на него Харитина.— Ты мужчина... Наконецъ, ты не чужой человѣкъ. Ну, говори что-нибудь!

— Что же я тебѣ скажу, когда ты сама кругомъ виновата. Впередъ не кокетничай. Веди себя серьезно.

Этого было достаточно, чтобы Харитина вышла изъ себя и обрушилась на него цѣлымъ градомъ попрековъ.

— И это ты мнѣ говоришь, Галактіонъ?.. А кто сейчасъ дурака валялъ съ Бубнихой?.. Вѣдь она тебя нарочно затащила въ клубъ, чтобы показать Мышникову, будто ты ухаживаешь за ней.

Галактіонъ ничего не понималъ.

— Да что я съ тобой буду дѣлать?— взмолилась Харитина въ отчаяніи.— Да ты совсѣмъ глупъ... ахъ, какъ ты глупъ!.. Пашенька влюблена въ Мышникова, какъ кошка,— понимаешь? А онъ ухаживаетъ за мной,—понимаешь? Вотъ она и придумала возбудить въ немъ ревность: дескать, посмотри, какъ другіе кавалеры ухаживаютъ за мной. Нѣтъ, ты глупъ, Галактіонъ, а я считала тебя умнѣе.

— Каковъ ужъ есть. Знаю только одно, что мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

— Нѣтъ, постой!.. А какъ ты со мной поступилъ, а?

— Никакъ я не поступалъ.

— Не ври... Вѣдь ты знаешь, что твоя жена меня выгнала вонъ изъ дому и еще намекнула, за кого она меня считаетъ.

— При чемъ же я тутъ? Вы будете ссориться, а я отвѣчай.

— Дуракъ! Изъ-за тебя я пострадала... И словечка не сказала, а повернулась и вышла. Она меня, Симка, ловко отзолотила. Откуда прыть взялась у кисятины... Если бъ ты былъ настоящій мужчина, такъ ты пріѣхалъ бы ко мнѣ въ тотъ же день и прощенія попросилъ. Я цѣлый вечеръ тебя ждала и даже приготовилась обморокъ разыграть... Ну, это все пустяки, а вотъ ты дома себя дуракъ дуракомъ держишь. Помирись съ женой... Слышишь? А когда помиришься, пріѣзжай мнѣ сказать.

Галактіонъ поднялся и хотѣлъ уйти. Онъ разозлился на болтовню Харитины, да и дѣлать ему было нечего. Она опять удержала его, взяла за руку и проговорила усталымъ голосомъ:

— Проводи меня домой... Все равно—тебѣ за-разъ отвѣчать: въ Куна;ѣ кутилъ, Бубниху привезъ въ клубъ, а изъ клуба увезъ Харитину.

Одѣваясь въ передней, Харитина нѣсколько разъ повторяла:

— А онъ мнѣ будетъ мстить... да.

XI.

Каждому человѣку присвоена своя психологія, и таковая была также и у исправника Полуянова. Онъ служилъ давно и, что называется, набилъ руку. Особенно развернулся онъ въ Запольскомъ уѣздѣ, гдѣ являлся грозой. Начальство поощряло эту усердную службу, и Полуяновъ благоденствовалъ. Получалъ онъ жалованья что-то около трехъ тысячъ, а проживалъ двѣнадцать. Всѣ это знали и смотрѣли снисходительно, потому что прямыхъ взятокъ Полуяновъ не бралъ, а только принималъ иногда „благодарности". Съ женитьбой

на Харитинѣ расходы возросли, а съ открытіемъ клуба въ Заполье тѣмъ болѣе... Пришлось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ. Изобрѣтательность Полуянова достигла своего апогея. Въ одной деревнѣ онъ увидѣлъ лежавшій въ полѣ громадный валунъ, тысячъ въ пять пудовъ, и объявилъ, что такую рѣдкость необходимо отправить въ Петербургъ на обывательскихъ подводахъ. Мужики пришли въ ужасъ и стали откупаться отъ проклятой рѣдкости гривенникомъ съ души. Это была настоящая дань. Въ другой деревнѣ Полуяновъ съ этою же цѣлью опечаталъ цѣлое озеро, т.-е. взялъ веревку, спустилъ одинъ конецъ въ воду, а другой припечаталъ къ вбитому на берегу колу. Озеро давало мужикамъ до десяти тысячъ рублей дохода ежегодно, и за распечатаніе Полуяновъ сталъ получать половину. Обложены были данью всѣ деревенскіе торжки, натуральная повинность по исправленію тракта, винокуренные заводы, мельницы и всякое проявленіе пытливаго промышленнаго и торговаго духа. Но особенно налегъ Полуяновъ на мертвыя тѣла. Убитый или скоропостижно умершій являлся настоящимъ кладомъ. Исправникъ морилъ мужиковъ въ качествѣ понятыхъ и, принявъ мзду, везъ тѣло въ слѣдующій пунктъ, чтобы получить и здѣсь откупъ. Одно такое мертвое тѣло онъ возилъ чуть не по всему уѣзду и по пути завезъ на мельницу къ Ермилычу, а когда Ермилычъ откупился, тѣло очутилось на погребѣ попа Макара.

Въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ всѣ художества сходили Полуянову съ рукъ вполнѣ благополучно, а робкія проявленія протеста заканчивались тѣмъ, что жалобщики и обиженные должны были выкупать свою строптивость новою данью. Однимъ словомъ, всѣ привыкли къ художествамъ Полуянова, считая ихъ неизбѣжнымъ зломъ, какъ градобитіе, а самъ Полуяновъ привыкъ къ этому оригинальному режиму еще больше. Но съ послѣднимъ казусомъ вышла большая заминка. Нужно же было сибирскому исправнику наскочить на упрямаго сибирскаго попа.

Въ одно прекрасное утро была запряжена заслуженная кобыла, и попъ Макаръ покатилъ въ Заполье. Здѣсь онъ, прежде всего, толкнулся къ соборному протопопу, съ которымъ вмѣстѣ учился въ семинаріи, и по пунктамъ изложилъ нанесенную Полуяновымъ обиду.

— Да, казусъ, — глубокомысленно согласился протопопъ. — Не благопотребно для твоего сана, а, между прочимъ, того...

— А я, во-первыхъ, буду жаловаться.

— Смотри, отецъ, чтобы хуже не вышло. Иные нѣцыи пробовали прати противу рожна и должны были заплатить сугубую мзду за свою излишнюю и неблаговременную строптивость.

— Во-вторыхъ, я никого не боюсь,—смѣло заявлялъ суслонскій попъ.— Я буду обличать новаго Ахава...

— А можетъ-быть, возможно все кончить по соглашенію?

Въ этихъ видахъ попъ Макаръ отправился къ старому Луковникову, какъ къ человѣку почтенному и облеченному властью. Тарасъ Семенычъ выслушалъ деревенскаго попа, покачалъ головой и заявилъ:

— Я тутъ ничего не могу сдѣлать, о. Макаръ.

— Да вы поговорите съ Ахавомъ, Тарасъ Семенычъ. Можетъ-быть, онъ васъ выслушаетъ.

— Попробую.

Эта проба привела только къ тому, что Полуяновъ страшно вспылилъ.

— Да я этого попишку самаго... Да я его въ порошокъ изотру!

— Вамъ ближе знать, Илья Ѳирсычъ, — политично замѣтилъ Луковниковъ.—Я для вашей же пользы говорю... Неровенъ часъ, все можетъ быть.

— Ученаго учить—только портить,—съ гордостью отвѣтилъ Полуяновъ, окончательно озлившійся на дерзкаго суслонскаго попа. — Весь уѣздъ могу однимъ узломъ завязать и отвѣчать не буду.

Какъ это ни странно, но до извѣстной степени Полуяновъ былъ правъ. Да, онъ принималъ благодарности, а что было бы, если бъ онъ всѣ правонарушенія и казусы выводилъ на свѣжую воду? Вѣдь за каждымъ что-нибудь было, а онъ все прикрывалъ и не выносилъ сору изъ избы. Взять хоть ту же скоропостижную дѣвку, которая лежитъ у попа на погребѣ: она изъ Кунары, и есть подозрѣніе, что это работа Ліодорки Малыгина и Пашки Булыгина. Всѣхъ можно закрутить такъ, что ни папы ни мамы не скажутъ.

Полный сознанія своей правоты, Полуяновъ и въ усъ не дулъ. Такія ли дѣла сходили съ рукъ! Онъ приберегалъ теперь Малыгиныхъ и Булыгиныхъ, какъ постоянную доходную статью. Потомъ голова его была занята неотступною мыслью, какъ обработать Шахму: татаринъ богатый и до сихъ поръ отдѣлывался грошами. У Полуянова явилась смѣлая мысль пристегнуть къ дѣлу о скоропостижной дѣвкѣ вотъ этого милліонера-татарина, который кутилъ съ Штоффомъ въ Кунарѣ. Оставалось возстановить только фактъ, что онъ кутилъ именно съ этой дѣвкой. Требовалась тонкая работа. Кстати, эта скоропостижная дѣвка была та самая красавица Матрена, которая обнимала Галактіона. Убитую хитрые двоеданы увезли въ другой конецъ уѣзда и подбросили къ православной деревнѣ.

„Только бы подтянуть къ этому дѣлу Шахму, — мечталъ Полуяновъ, жмуря глаза:—растерзали бы мы его на части“.

Съ этою цѣлью Полуяновъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Купару, жестоко кутилъ и наводилъ справки подъ рукой. Его бѣсило, главнымъ образомъ, то, что въ этой исторіи замѣшался проклятый нѣмецъ Штоффъ, который, въ случаѣ чего, вывернется, какъ ужъ. Вся эта сложная комбинація поглощала теперь все вниманіе Полуянова, и онъ плевать хотѣлъ на какого-то несчастнаго попа. А тутъ еще деньги нужны. Проигравшись какъ-то въ клубѣ въ пухъ и прахъ, Полуяновъ на другой день съ похмелья отправился къ Шахмѣ и безъ предисловій заявилъ свои подозрѣнія. Богачъ-татаринъ струсилъ сразу.

— Да, жаль,—повторилъ Полуяновъ.—Можетъ-быть, ты и не виноватъ, а затаскаютъ по судамъ, посадятъ въ тюрьму.

Шахма разступился и отвалилъ исправнику сразу пять тысячъ.

— Одна рука давалъ, другая не зналъ,—говорилъ онъ.

— Хорошо, хорошо. Увидимъ.

Разлакомившись легкой добычей, Полуяновъ захотѣлъ продѣлать такую же штуку съ Малыгиными и Булыгиными. Но здѣсь получилась большая ошибка въ расчетѣ. Харитонъ Артемьичъ даже обрадовался, когда Полуяновъ заявилъ подозрѣніе на Ліодора.

— Онъ, непремѣнно онъ, Ліодорка, убилъ... Хоть сейчасъ присягу приму. Въ ножки поклонюсь, ежели ты его куда-нибудь въ каторгу опредѣлишь. Туда ему и дорога.

— Позвольте, какъ же вы такъ говорите, Харитонъ Артемьичъ? Вѣдь онъ вамъ все-таки родной сынъ.

— На свои деньги веревку куплю, только пусть повѣсится!..

Тесть и зять совершенно забыли, что они родные. Когда Полуяновъ для ускоренія переговоровъ уже назначилъ сумму благодарности, Харитонъ Артемьичъ опомнился.

— Постой, голова... Да ты куда пришелъ-то? Вѣдь я тебѣ родной тесть прихожусь?.. Есть на тебѣ крестъ-то?

— По поговоркѣ: хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ врозь.

Увлеченный своими планами, Полуяновъ совершенно забылъ о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ Малыгинымъ и Булыгинымъ, почесалъ въ затылкѣ и только плюнулъ. Какъ это раньше онъ не сообразилъ?.. Да, бываютъ удивительные случаи, а все проклятое похмелье. Просто анекдотъ. Для возстановленія силъ тесть и зять напились вмѣстѣ.

— Вотъ тебѣ и зять!—удивлялся Харитонъ Артемьичъ, — У меня всѣ зятья такіе: большая родня—троюродное наплевать. Ты ужъ лучше къ Булыгинымъ-то не ходи, только себя осрамишь.

— Что подѣлаешь? Забылъ,—каялся Полуяновъ.—Ну, молите Бога за Харитину, а то ободралъ бы я васъ всѣхъ, какъ липку. Даже вотъ бы какъ ободралъ, что и кожу бы съ себя сняли.

Хотя Харитонъ Артемьичъ и предупредилъ зятя относительно Булыгиныхъ, а самъ не утерпѣлъ и подъ пьяную руку все разболталъ въ клубѣ. Очень ужъ ловкій анекдотъ выходилъ. Это происшествіе облетѣло цѣлый городъ, какъ молнія. Очень ужъ постарался Илья Ѳирсычъ. Купцы хохотали до упаду. А тутъ еще суслонскій попъ ходитъ по гостиному двору и разсказываетъ, какъ Полуяновъ морозитъ у него на погребѣ скоропостижное дѣвичье тѣло.

Странно, что всѣ эти переговоры и пересуды не доходили только до самого Полуянова. Онъ, заручившись благодарностью Шахмы, велъ теперь сильную игру въ клубѣ. На бѣду, ему везло счастье, какъ никогда. Игра шла въ клубѣ въ двухъ комнатахъ стариннаго мезонина. Полуяновъ заложилъ самъ банкъ въ три тысячи и металъ. Понтировали Стабровскій, Ечкинъ, Огибенинъ и Шахма. Въ числѣ публики находились Мышниковъ и докторъ Кочетовъ. Игра шла крупная, и Полуяновъ загребалъ куши одинъ за другимъ.

— Вамъ сегодня везетъ, какъ висѣльнику, — замѣтилъ разозлившійся Стабровскій.

Именно въ этотъ моментъ Полуянова вызвали.

— А, чортъ, умереть спокойно не дадутъ!—ругался онъ.—Скажи, чтобы подождали!

Лакей ушелъ и вернулся.

— Ваше высокоблагородіе, Илья Ѳирсычъ, приказано.

— Что-о?

— Отъ слѣдователя.

Произошелъ небывалый въ стѣнахъ клуба скандалъ. Полуяновъ былъ взятъ прямо изъ-за карточнаго стола и арестованъ. Ему не позволили даже заѣхать домой.

Слѣдователь Куковинъ былъ очень непредставительный мужчина, обремененный многочисленнымъ семействомъ и жившій отшельникомъ. Онъ, кажется, ничего не зналъ, кромѣ своихъ дѣлъ.

— Я считаю необходимымъ подвергнуть васъ аресту, г. Полуяновъ, — сонно заявилъ слѣдователь, потягиваясь въ креслѣ.

— Вы не имѣете права.

— Позвольте мнѣ самому знать мои права... А васъ я вызову, когда это будетъ нужно.

И только всего. Полуяновъ совершенно растерялся и сразу упалъ духомъ. Сколько тысячъ людей онъ заключалъ въ скверный запольскій острогъ, а теперь вотъ приходится самому. Когда онъ остался одинъ въ камерѣ, — ему предоставили льготу занять отдѣльную камеру,—то не выдержалъ и заплакалъ.

— За что? О, Господи, за что?.. Ахъ, все это проклятый суслонскій

попъ надѣлалъ!.. Только бы мнѣ освободиться отсюда, ужъ я бы задалъ перцу проклятому попу!

Когда на другой день пріѣхалъ къ Харитинѣ встревоженный Галактіонъ, она встрѣтила его довольно равнодушно и лѣниво проговорила:

— Этого нужно было ожидать... Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно!

— Скверная штука можетъ быть... Ссылка на поселеніе въ лучшемъ случаѣ.

Харитина что-то соображала про себя, а потомъ оживленно проговорила.

— Вѣдь я говорила, что Мышниковъ будетъ мстить. Это онъ научилъ суслонскаго попа... Ахъ, какой противный человѣкъ, а еще увѣрялъ, что любитъ меня!

Легкомысліе Харитины, какъ къ нему Галактіонъ ни привыкъ, все-таки изумило его. Она или ребенокъ, или безвозвратно погибшая женщина. Его начинало коробить.

— Послушай, Харитина, поговоримъ серьезно... Вѣдь надо чѣмъ-нибудь жить. Есть у васъ что-нибудь про черный день?

— Мужъ говорилъ, что, когда умретъ, я буду получать пенсію.

— И только? Теперь нечего и думать о пенсіи. Ну, значитъ, тебѣ придется итти къ отцу.

— Благодарю покорно... Никогда! Я лучше на содержаніе къ Мышникову пойду.

— Перестань болтать глупости. Нужно обсудить дѣло серьезно... Да, серьезно.

— Что тутъ обсуждать, когда я все равно ничего не понимаю? Такую дуру вырастили тятенька съ маменькой... А знаешь что? Я проживу не хуже, чѣмъ теперь... да. Будутъ у меня руки цѣловать, только бы я жила попрежнему. Это ужъ не Мышниковъ сдѣлаетъ, нѣтъ... А знаешь, кто?

— Ничего я не знаю.

— Ступай и посмотри въ зеркало.

Харитина засмѣялась и выбѣжала изъ комнаты, а Галактіонъ, дѣйствительно, подошелъ къ зеркалу и долго смотрѣлъ въ него. Его лицо тоже искривилось улыбкой,—онъ вспомнилъ про дѣтей.

„Нѣтъ, никогда этому не бывать, Харитина Харитоновна!“ — сказалъ онъ самому себѣ, повернулся и вышелъ.

На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ полицію, явившуюся опечатывать имущество Полуянова.

XII.

Арестъ Полуянова и слѣдствіе по этому дѣлу заняли все вниманіе Заполья и всего Запольскаго уѣзда. Ничего подобнаго еще не случалось до сихъ поръ. Выплыла цѣлая серія мелкихъ плутней, подлоговъ, вымогательствъ, всяческихъ правонарушеній и побоевъ безъ конца. Появилась даже въ столичныхъ газетахъ длинная корреспонденція о дѣлѣ Полуянова, причемъ неизвѣстный корреспондентъ намекалъ, что это дѣло служитъ только началомъ къ цѣлому ряду другихъ, которыя Полуяновъ покрывалъ „изъ благодарности“. Между прочимъ, былъ намекъ и на бубновскій конкурсъ. Эта корреспонденція была ударомъ грома. Всѣ переполошились окончательно. Главное, кто могъ написать все это? Гдѣ корреспондентъ? А несомнѣнно долженъ быть, и несомнѣнно — свой человѣкъ, знавшій всю подноготную Заполья.

— Это онъ только сначала о Полуяновѣ, а потомъ и до другихъ добе-

ретея,—толковали купцы.—Что же это такое будетъ-то? Раньше жили себѣ, и никому дѣла до насъ не было... Ну, тамъ пожаръ, неурожай, холера, а отъ корреспондента до сихъ поръ Богъ миловалъ. Растерзать его мало, этого самаго корреспондента.

Явилось предположеніе, что писалъ кто-нибудь „изъ поляковъ“ или „изъ жидовъ“,—народъ извѣстный. Отъ полуяновскаго-то дѣла никому не поздоровится, ежели начнутъ дѣлать переборку.

Бубновскій конкурсъ встревожилъ больше всѣхъ Галактіона.

— Э, вздоръ!—успокаивалъ Штоффъ.—Чортъ дернулъ Илюшку связаться съ попомъ. Вотъ теперь и расхлебывай... Слышалъ, Шахма-то какъ отличился у слѣдователя? Все начистоту ляпнулъ. Вѣдь все равно не получитъ своихъ пяти тысячъ, толстый дуракъ... Ну, и молчалъ бы, а то только самого себя осрамилъ.

Галактіонъ понималъ только одно, что не сегодня-завтра всѣ конкурсныя плутни выплывутъ на свѣжую воду, и что нужно убираться отсюда по добру, по здорову. Штоффу онъ начиналъ не довѣрять. Очень ужъ хитеръ нѣмецъ. Вотъ только бы банкъ поскорѣе открыли. Хлопоты по утвержденію банковскаго устава велъ въ Петербургѣ Ечкинъ и писалъ, что все идетъ отлично.

Нѣсколько разъ Галактіонъ хотѣлъ отказаться отъ конкурса, но все откладывалъ,—и жить чѣмъ-нибудь нужно, и другіе члены конкурса разсердятся. Вообще, какъ ни кинь—все клинъ. У Бубновыхъ теперь Галактіонъ бывалъ совсѣмъ рѣдко, и Прасковья Ивановна сердилась на него.

— Впрочемъ, вамъ теперь много хлопотъ съ Харитиной, — язвила она съ женскою жестокостью.—У нея только и осталось, что дала ей природа.

— Прасковья Ивановна, вы забываете, что Харитина—моя близкая родственница и что она сейчасъ въ такомъ положеніи...

— Да? Скажите, пожалуйста, а я и не подозрѣвала, что она въ такомъ положеніи... Значитъ, вамъ предстоятъ новыя хлопоты.

Ей нравилось сердить Галактіона, и эта игра увлекала ее. Очень красиво, когда настоящій мужчина сердится, — такъ бы, кажется, въ мелкія крошки расшибъ, а только вотъ по закону этого не полагается. Разъ, увлекшись этою игрой, Прасковья Ивановна даже испугалась.

— Да вы меня и въ самомъ дѣлѣ ударите, — говорила она, отодвигая свое кресло.—Слава Богу, что я не ваша жена.

Галактіонъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ на нее остановившимися глазами, тяжело переводя духъ. „Ахъ, какой онъ милый! — восхищалась Прасковья Ивановна, сама деспотъ въ душѣ.—Это какой-то тигръ, а не мужчина!“

Поведеніе Прасковьи Ивановны положительно отталкивало Галактіона, тѣмъ болѣе, что ему рѣшительно было не до любовныхъ утѣхъ. Достаточно было одного домашняго ада, а тутъ еще приходится заботиться о сумасбродной Харитинѣ. Она, напримѣръ, ни за что не хотѣла выѣзжать изъ своей квартиры, гдѣ все было описано, кромѣ ея приданаго.

— Буду здѣсь жить, и конецъ! — повторяла она. — Пусть и меня описываютъ!

Она дошла до того, что принялась тосковать о мужѣ и даже плакала. И добрый-то онъ, и любилъ ее, и напрасно за другихъ страдаетъ. Галактіону приходилось теперь частенько ѣздить съ ней въ острогъ на свиданія съ Полуяновымъ, и онъ поневолѣ дѣлался свидѣтелемъ самыхъ нѣжныхъ супружескихъ сценъ, причемъ Полуяновъ плакалъ, какъ ребенокъ.

— Онъ изъ-за меня страдаетъ, — повторяла Харитина. — Изъ-за меня Мышниковъ подвелъ его.

Полуяновъ въ какой-нибудь мѣсяцъ страшно измѣнился, начиная съ того, что уже по необходимости не могъ ничего пить. Съ лица спалъ пьяный опухъ, и онъ казался старше на цѣлыхъ десять лѣтъ. Но всего удивительнѣе было его душевное настроеніе, складывавшееся изъ двухъ неравныхъ частей: съ одной стороны — какое-то дѣтское отчаяніе, сопровождавшееся слезами, а съ другой—моменты сумасшедшей ярости.

— Вѣдь я младенецъ сравнительно съ другими, — увѣрялъ онъ Галактіона, колотя себя въ грудь. — Ну, бралъ... ну что же изъ этого? Вѣдь по грошамъ бралъ, и даже стыдно вспоминать, а кругомъ воровали на сотни тысячъ. Ахъ, если бъ я только могъ разсказать все!.. И всѣ они правы, а я вотъ сижу. Да это что... Моя пѣсня спѣта. Будетъ, поцарствовалъ. Одного бы только желалъ, чтобы меня выпустили на свободу всего на одну недѣлю: первымъ дѣломъ убилъ бы попа Макара, а вторымъ—Мышникова. Рядомъ бы и положилъ обоихъ.

Странно, что первый объ утвержденіи устава новаго банка сообщилъ Галактіону въ острогѣ Полуяновъ и тутъ же предупредилъ:

— Ну, я скажу тебѣ, голубчикъ, по секрету, ты далеко пойдешь... Очень далеко. Теперь ваше время... да. Только помни стараго сибирскаго волка, исправника Полуянова: такова бываетъ превратность судьбы. Былъ человѣкъ—и нѣтъ человѣка.

Эта новость была отпразднована у Стабровскаго на широкую ногу. Галактіонъ еще въ первый разъ принималъ участіе въ такомъ пирѣ и могъ только удивляться, откуда берутся у Стабровскаго деньги. Обѣдъ стоилъ на плохой конецъ рублей триста,—сумма, по тугой купеческой ариѳметикѣ, очень солидная. Ѣли, пили, говорили рѣчи, поздравляли другъ друга и въ заключеніе послали благодарственную телеграмму Ечкину. Галактіонъ, какъ ни старался не пить, но это было невозможно. Хозяинъ такъ умѣлъ просить, что приходилось только пить.

— Вѣдь вы только представьте себѣ, господа,—кричалъ Штоффъ:—мы поднимаемъ цѣлый край. Мертвые капиталы получаютъ движеніе, возрождается несуществовавшая въ краѣ промышленность, торговля оживляется, земледѣліе процвѣтаетъ. Однимъ словомъ, это... это... это—воскресеніе изъ мертвыхъ!

Кто-то даже припомнилъ, что для полноты торжества недостаетъ только Полуянова, и пьяные дѣльцы будущаго банка выпили даже за его здоровье.

Галактіонъ вышелъ отъ Стабровскаго съ какимъ-то сладкимъ туманомъ въ головѣ. Онъ долго стоялъ на подъѣздѣ, слегка пошатываясь и не зная, куда ему итти съ такимъ настроеніемъ. Куда угодно, но только не домой. Тамъ уныніе, тоска, убитое лицо жены... Онъ припомнилъ, что бросаетъ бубновскій конкурсъ, слѣдовательно долженъ предупредить Прасковью Ивановну. Давно желанный моментъ наступилъ. Да, теперь ужъ ему не нужно будетъ ѣздить въ бубновскій домъ и принимать за это всяческія непріятности дома, а главное—вѣчно бояться. Слова Полуянова стали передъ нимъ живьемъ.

Прасковья Ивановна, по обыкновенію, была дома и посмотрѣла съ удивленіемъ на Галактіона, который вошелъ къ ней съ необычною развязностью.

— Вы гдѣ-то веселились, Галактіонъ Михеичъ?

— Да, немножко обрадовались, Прасковья Ивановна... да. Вотъ заѣхалъ къ вамъ объявить, что кончено, выхожу изъ вашего конкурса... да. Свое дѣло будетъ,—некогда.

Она смотрѣла на него и не узнавала. Видимо, что человѣкъ много выпилъ, но что значитъ выпивка такому цвѣтущему молодому мужчинѣ?

— Вы садитесь вотъ сюда, рядомъ со мной, и потолкуемъ,—предложила она.—Меня удивляетъ ваша радость. Вы вѣдь рады именно потому, что наконецъ избавляетесь отъ меня, да? А только нужно спросить и меня: а можетъ-быть, я несогласна?

— Т.-е. какъ же это такъ несогласны?

— Да такъ. Возьму и не отпущу.

Онъ засмѣялся и взялъ ее за руку.

— Ужъ это вы кого другого не отпускайте, Прасковья Ивановна, а я-то въ такихъ дѣлахъ ни при чемъ.

— Да, я знаю, что вамъ все равно,— какъ-то печально отвѣтила она, опуская глаза.—Что же дѣлать, силой милому не быть. А я-то думала... Ну, да это все равно—что я думала!

— Нѣтъ, вы скажите, что вы думали?

Онъ крѣпко сжалъ ея руку, такъ что она вскрикнула отъ боли. Потомъ она хотѣла подняться со своего стула, но онъ удержалъ ее и засмѣялся.

— Раньше вы со мной шутки шутили... да,—шепталъ онъ.— Помните? Ну, да это все равно... Видите, какъ у насъ дѣло-то сошлось: вамъ все равно и мнѣ все равно.

Вечеромъ поздно Серафима получила записку мужа, что онъ по неотложному дѣлу долженъ уѣхать изъ Заполья дня на два. Это еще было въ первый разъ, что Галактіонъ не зашелъ проститься даже съ дѣтьми. Женское сердце почуяло какую-то неминучую бѣду, и первая мысль у Серафимы была о сестрѣ Харитинѣ... Тамъ Галактіонъ, и негдѣ ему больше быть... Дѣти спали. Серафима накинула шубку и пѣшкомъ отправилась къ полуяновской квартирѣ. Тамъ еще былъ свѣтъ и Серафима видѣла въ окно, что сестра сидитъ у лампы съ Агніей. Незачѣмъ было и заходить.

Ужасная была эта первая ночь. Серафима больше не вѣрила мужу и переживала теперь жгучую боль. Да, онъ теперь радуется съ другой, а постылая жена убивается одна-одинешенька. Тихо-тихо въ квартирѣ. Слышно, какъ сердце бьется. Ну что же, разлюбилъ, бросилъ ее, а какъ же дѣтей не жаль, какъ не стыдно будетъ имъ-то въ глаза смотрѣть?.. И за что? Да и горе такое, что и разсказать про него трудно кому-нибудь, даже родной матери. Видала Серафима такихъ постылыхъ женъ и впередъ рисовала себѣ то неприглядное будущее, которое ее ожидало. А она-то какъ его любила!.. Какъ хорошо они жили тамъ, на мельницѣ!.. И еще она же сама желала переѣхать въ городъ, чтобы здѣсь веселиться и жить, какъ всѣ другіе живутъ. Хорошо веселье, нечего сказать!.. Серафима проплакала всю ночь, стоя у окна и поджидая, не подъѣдетъ ли онъ, тотъ, кому она отдала всю душу.

Галактіонъ вернулся домой только вечеромъ на другой день. Серафима бросилась къ окну и видѣла, какъ отъ воротъ отъѣзжалъ извозчикъ. Для нея теперь было все ясно. Онъ вошелъ сердитый, впередъ приготовившись къ непріятной сценѣ.

— Ну что, какъ Бубниха поживаетъ? — спросила Серафима, не выдержавъ.

— Тебѣ кланяется.

— У нея ночевалъ?

Вмѣсто отвѣта, Галактіонъ размахнулся и ударилъ жену по лицу. Она, вскрикнула и присѣла. Его охватило внезапное бѣшенство, и онъ схватилъ ее за плечо. Но въ этотъ моментъ въ дверяхъ показался какой-то старикъ небольшого роста, въ раскольничьемъ полукафтаньѣ. Взглянувъ на него, Галактіонъ такъ и обомлѣлъ: это былъ тотъ самый старикъ, черный, какъ жукъ,

котораго онъ тогда встрѣтилъ въ Кунарѣ у двоедана Спиридона. Теперь онъ его узналъ, — старикъ бывалъ еще у отца на заводахъ, куда пріѣзжалъ откуда-то изъ скитовъ. Онъ пользовался громкою популярностью, какъ человѣкъ святой жизни и прозорливецъ.

— Галактіонъ Михеичъ, иди-ка сюда...—коротко произнесъ старецъ.

Галактіону вдругъ захотѣлось обругать и выгнать старца, но, вмѣсто этого, онъ покорно пошелъ за нимъ въ боковую комнату, замѣнявшую ему кабинетъ. За ними ворвалась Серафима и какимъ-то хриплымъ голосомъ крикнула:

— Бей... ну, бей!.. Будетъ лучше, если убьешь... и вмѣстѣ съ дѣтьми...

Потомъ она зарыдала, начала причитать, и старикъ вѣжливо вывелъ ее изъ комнаты. Галактіонъ присѣлъ къ письменному столу и схватился за голову. У него все ходило ходенемъ передъ глазами, точно шатался весь домъ. Старикъ вернулся, обошелъ его неслышными шагами и сѣлъ напротивъ.

— Галактіонъ Михеичъ...

— Ну, что тебѣ нужно?—отозвался грубо Галактіонъ.

— А ты не сердитуй, миленькій... Самъ кругомъ виноватъ. На себя сердишься... Нехорошо, вотъ что я тебѣ скажу, миленькій!.. Затемнилъ ты образъ нескверная брачнаго житія... да. Отъ скверны пришелъ и скверну въ себѣ принесъ. Свое-то гнѣздо постылишь, подружію слезишь и чадъ милыхъ не жалѣешь... Вотъ что я тебѣ скажу, миленькій!.. Откуда пришелъ-то?

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось.

— А остуду-то съ собой захватилъ, миленькій? Домашній-то грѣхъ побольше будетъ сторонняго... Яко червь точитъ день и ночь.

Старикъ пересѣлъ рядомъ съ Галактіономъ и заговорилъ тихимъ ласковымъ голосомъ:

— Свое-то маленькое бросилъ, Галактіонъ Михеичъ, а за большимъ чужимъ погнался. Съ бритоусами и табачниками началъ знаться, съ жидами и нѣмцами смѣсился... Они-то, какъ волки, пришли къ намъ, а ты въ ихнюю стаю забѣжалъ... Охъ, нехорошо, Галактіонъ Михеичъ! Охъ, велики наши грѣхи и конца имъ нѣтъ!.. Зачѣмъ подружію милую обидѣлъ? Чадо милое, не лютуй, не злобься, не впадайся въ ненужную ярость, ибо великій отвѣтъ дадимъ на великомъ судилищѣ Христовѣ...

Галактіонъ закрылъ лицо руками и рыдалъ.

— Дѣдушка, самъ не знаю, что со мной дѣлается...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Передъ Ильинымъ днемъ попъ Макаръ устраивалъ „помочь“. На покосъ выходило до полутора сотъ косцовъ. Мужики любили попа Макара и не отказывались поработать денекъ. Да и какъ было не поработать, когда попъ Макаръ крестилъ почти всѣхъ косцовъ, вѣнчалъ, а въ будущемъ долженъ былъ похоронить? За глаза говорили про попа то и се, а на дѣлѣ выходило другое. Теперь въ особенности популярность попа Макара выросла, благодаря сверженію ига исправника Полуянова.

— Никто же не смѣлъ ему препятствовать, исправнику, — говорили между собой мужики:—а попъ Макаръ устигъ и въ тюрьму посадилъ... Это все одно, что медвѣдю зубы лѣчить.

Недоволенъ былъ только самъ попъ Макаръ, которому уже досталось на орѣхи отъ нѣкоторыхъ властодержцевъ. Его корили, зачѣмъ погубилъ такого человѣка, и пугали судомъ, когда потребуютъ свидѣтелемъ. Даже такіе друзья, какъ писарь Замараевъ и мельникъ Ермилычъ, замѣтно косились на попа и прямо высказывали свое неудовольствіе.

— Ты бы то̀ подумалъ, попъ,—пенялъ писарь:—ну, пришлютъ новаго исправника, а онъ будетъ еще хуже. Къ этому-то ужъ мы всѣ привѣсились, вызнали и всякую его повадку, а къ новому-то не будешь знать, съ которой стороны и подойти. Этотъ нащечился, а новый-то пріѣдетъ голенькій да голодный, пока насосется.

— А ежели онъ, во-первыхъ, хотѣлъ взятку съ меня вымогать?—слабо оправдывался попъ.—Гдѣ это показано, чтобы съ поповъ взятки-то брали?

— Ахъ, ты какой!.. — удивлялся писарь. — Да вѣдь ежели разобрать правильно, такъ всѣ мы у батюшки-то царя воры и взяточники. Правду надо говорить... Пчелка, и та взятку беретъ.

Нашлись доброхоты и заступники, которые припоминали за Полуяновымъ немало добра. Конечно, все дѣло по сравненію съ другими. Другіе-то развѣ лучше? Дай-ка имъ такую силу, такъ и не то бы надѣлали. Крутъ былъ Полуяновъ, да зато отходчивъ: расказнитъ и тутъ же помилуетъ. А главное то, что былъ орелъ орломъ. Съ налету все бралъ. Складывалась о Полуяновѣ живая легенда, и никто не хотѣлъ вѣрить, что его засудятъ. Судьи-то развѣ слѣпые? Судить, такъ всѣхъ суди, а не одного Полуянова. Мало ли грѣха наберется, а за всѣхъ отвѣчай Полуяновъ одинъ.

Когда мельникъ Ермилычъ заслышалъ о поповской помочи, то сейчасъ же отправился верхомъ въ Суслонъ. Онъ въ послѣднее время вообще сильно волновался и начиналъ не понимать, что̀ дѣлается кругомъ. Только и радости, что поговорить съ писаремъ. Этотъ ужъ все знаетъ и всякое дѣло можетъ разсудить. Законъ-то вотъ какъ выучилъ... У Ермилыча было страстное желаніе еще разъ обругать попа Макара, заварившаго такую кашу. Всю округу попъ замутилъ, и никто ничего не знаетъ, что̀ дальше будетъ.

Писарь Замараевъ чувствовалъ тоже себя не совсѣмъ хорошо и встрѣтилъ стараго пріятеля довольно сумрачно.

— А я къ тебѣ, Флегонтъ Васильичъ...—замялся Ермилычъ.—Сегодня у попа „помочь“

— Ну?

— Есть у меня словечко ему сказать... Осрамилъ онъ насъ всѣхъ, вотъ что̀. Ужъ я думалъ, думалъ и порѣшилъ: поѣду и обругаю попа.

— Ты дуракъ, Ермилычъ. Вмѣстѣ съ Полуяновымъ хочешь посидѣть?

— Да нѣтъ... Я отъ Писанія буду попа донимать, чтобы онъ чувствовалъ. Невозможно... Поѣдемъ на покосъ.

Писарь сумрачно согласился. Онъ вообще былъ не въ духѣ. Они поѣхали верхомъ. Поповскій покосъ былъ сейчасъ за Шеинскою Курьей, гдѣ шли заливные луга. Подъ Суслономъ это было одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, и суслонскіе мужики смотрѣли на поповскіе луга съ завистью. Съ высокаго праваго берега, точно браною зеленою скатертью, развертывалась широкая картина. Сейчасъ она была оживлена сотнями косцовъ, двигавшихся стройною ратью. Ермилычъ невольно залюбовался и со вздохомъ проговорилъ:

— Этакое житье этимъ попамъ!

— Отберутъ, — сумрачно замѣтилъ писарь. — И у попа... У всѣхъ отберутъ.

— У попа-то отберутъ? Да кто это посмѣетъ чужое добро трогать?

— И трогать не будутъ, а самъ отдашь... да. Такіе нынче мудреные народы проявились.

— А, это ты про запольскихъ нѣмцевъ да жидовъ говоришь!.. Гм... Д-да-а, нар-родецъ!

Прежде Ключевую подъ Курьей нужно было только на лодкѣ переплывать, а теперь переѣхали въ бродъ, вода едва хватала лошади по брюхо. Писарь опять оглянся и, посмотрѣвъ вверхъ по Ключевой къ Прорыву, замѣтилъ:

— Это проклятый болдунъ нашу воду копитъ... Вонъ какъ подперъ всю рѣку! Вотъ навязался тоже чортушка... Настоящій водяной!

Они поѣхали сначала берегомъ вверхъ, а потомъ свернули на тропу къ косцамъ. Издали уже пахнуло ароматомъ свѣже скошенной травы. Косцы шли пробившеюся широкою линіей, взмахивая косами вразъ. Получался замѣчательный эффектъ: косы блестѣли на солнцѣ, и по всей линіи точно вспыхивала синеватая молнія, врѣзывавшаяся въ зеленую живую стѣну высокой травы. Работа началась съ ранняго утра, и нѣсколько десятинъ уже были покрыты правильными рядами свѣжей кошенины.

— А вотъ и попъ!—указалъ Ермилычъ на кусты, изъ-за которыхъ поднималась струйка синяго дыма.

Попъ Макаръ скоро показался и самъ. Онъ вышелъ изъ-за кустовъ въ одной рубашкѣ и жилетѣ. Черная широкополая поповская шляпа придавала ему видъ какого-то гриба или Робинзона изъ дѣтской книжки. Разница заключалась въ тоненькой, какъ крысиный хвостъ, косицѣ, вылѣзавшей изъ-подъ шляпы.

— Поздненько на помочь-то выѣхали, други милые,—попенялъ старикъ, здороваясь съ пріятелями.

— Иже въ девятомъ часу вышли на работу и тѣ получили ту же мзду,—отвѣтилъ Ермилычъ, понахватавшійся отъ Писанія.

— То-то вотъ очень ужъ много охотниковъ-то до мзды, во-первыхъ, а во-вторыхъ, надо ее умѣючи брать, ибо и мзда идетъ къ рукамъ.

Поповскій станъ былъ устроенъ очень уютно. Стояли три телѣги съ поднятыми оглоблями, а на нихъ раскинутъ громадный пологъ. Получался импровизированный шатеръ, передъ которымъ курился какой-то сказочный „огонечекъ малешенекъ“. Подъ дымомъ стояла неизмѣнная поповская кобыла, отмахивавшаяся отъ овода куцымъ, точно обгрызеннымъ хвостомъ. Въ телѣгахъ была навезена разная снѣдь и стояла цѣлая бочка домашняго квасу. Три мужика цѣдили квасъ въ деревянныя ведерки и разносили по косцамъ. Попъ Макаръ тревожно поглядывалъ на солнце и думалъ о томъ, управится ли дома попадья во-время. Легко ли накормить и напоить такую ораву помочанъ. Онъ былъ совсѣмъ не радъ пріѣхавшимъ гостямъ. Не до нихъ было.

— Не въ пору гость—хуже татарина,—замѣтилъ Ермилычъ, слѣзая съ лошади.—Что дѣлать, попъ, потерпи... Мы отъ тебя и не это терпимъ.

— А ты опять про Ахава нечестиваго?

— Ахавъ-то Ахавомъ, а прежде старинные люди такъ говорили: доносчику первый кнутъ... Ты это слыхивалъ?

— Ну, а потомъ?—спрашивалъ попъ, снимая свою шляпу.

— Потомъ-то?.. А потомъ будемъ говорить такъ: у апостола Павла что сказано насчетъ мзды?

— Разное сказано.

— Нѣтъ, не разное, а пряменько говорится: *дѣлающему мзда не по*

благодати, а по долгу, — значитъ, бери, только выручи. Такъ, Флегонтъ Васильичъ?

— Ничего я не знаю отъ Писанія,—признался писарь.—Вотъ насчетъ закона, извини, могу соотвѣтствовать кому угодно.

— Другъ, тебя научили этому, во-первыхъ, ваши старыя бабы-начетчицы,—заговорилъ попъ Макаръ:—а во-вторыхъ, други, мнѣ некогда.

— Попъ надѣлъ шляпу и пошелъ къ косцамъ. Это было почетное бѣгство, и Ермилычъ захохоталъ.

— Это называется—милости просимъ черезъ заборъ шляпой щей хлебать,—объяснилъ писарь, разваливаясь на травѣ.

— А угощенье, которымъ ворота запираютъ, дома осталось. Ха-ха! Ловко я попа донялъ... Ну, нечего дѣлать, будемъ угощаться сами, благо я съ собой захватилъ бутылочку.

Ермилычъ добылъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой, серебряный стаканчикъ, а потомъ отправился искать на возу закуски. И закуска нашлась — кочанъ соленой капусты и пшеничный пирогъ съ зеленымъ лукомъ. Лучшей закуски не могло и быть.

— Выпьемъ за здоровье Макара,—предлагалъ Ермилычъ, подавая писарю первый стаканчикъ.—Ловко онъ стрекача задалъ.

Писарь отмалчивался и все хмурился. Они прилегли къ огоньку и предались кейфу. Ермилычъ время отъ времени дрыгалъ ногами и ругалъ надоѣдавшаго овода.

— У! Чтобы вамъ пусто было, окаяннымъ!

— Да... вообще...—думалъ писарь вслухъ...—Вотъ мы лежимъ съ тобою на травкѣ, Ермилычъ... тамъ, значитъ, помочане орудуютъ... попъ Макаръ ужъ впередъ всѣ свои барыши высчиталъ... да... Такъ еще, значитъ, отцами и дѣдами заведено, по старинкѣ, и вдругъ—ничего!

— Какъ ничего?

— Да такъ... Вотъ ты теперь ѣшь пирогъ съ лукомъ, а вдругъ протянется невидимая лапа и цапъ твой пирогъ. Только и видѣлъ... Ты пасть-то раскрылъ, а пирога ужъ нѣтъ. Не понимаешь? А дѣло-то къ тому идетъ и даже весьма деликатно и просто.

Ермилычъ сѣлъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ выпилъ два стаканчика за-разъ. Очень ужъ изводилъ его писарь своимъ разговоромъ.

— Ты это все насчетъ Заполья, Флегонтъ Васильичъ, тѣнь наводишь?

— Да насчетъ всего... Ты вотъ думаешь: „далеко Заполье“, а оно ужъ тутъ, у тебя подъ носомъ. Однимъ словомъ—все слопаютъ.

— Какимъ же это манеромъ, Флегонтъ Васильичъ?

— А даже очень просто... Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. Мы-то тутъ дураками печатными сидимъ да мухъ ловимъ, а они орудуютъ. Взять хоть Михея Зотыча... Съ него вся музыка-то началась. Помнишь, какъ онъ объявился въ Суслонѣ въ первый разъ? Бродяга не бродяга, юродивый не юродивый, а около того... Промежду прочимъ, оказалъ себя поумнѣе всѣхъ. Недаромъ онъ тогда всѣхъ насъ дурачками навеличивалъ и прибаутки свои наговаривалъ. Оно и вышло, какъ по-писанному: прямые дурачки. Развѣ такой Суслонъ-то былъ тогда?

— Тебѣ же лучше, Флегонтъ Васильичъ... И народъ умножился и рукомесло всякое. По зимѣ-то народъ у васъ, какъ вода въ котлѣ кипитъ.

— Глупъ ты, Ермилычъ, свыше всякой мѣры... У тебя вотъ Михей-то Зотычъ сперва-наперво пшеницу отобралъ, а потомъ Стабровскій рожь уведетъ.

— Всѣмъ хватитъ, Флегонтъ Васильичъ.

— Опять ты глупъ... Раньше-то ты самъ цѣну ставилъ на хлѣбъ, а теперь будешь покупать по чужой цѣнѣ. Понялъ теперь? Да еще сейчасъ вамъ, мелкотравчатымъ мельникамъ, повадку даютъ, а послѣ-то всѣхъ въ одинъ узелъ завяжутъ... да... А ты сидишь да моргаешь... „Хорошо“, говоришь. Ужъ на что лучше... да... Ну, да это пустяки, ежели сурьезно разобрать. Дураковъ учать и плакать не велятъ... Похожи есть патреты. Вотъ какъ нашего брата выучатъ!

Для Ермилыча было много непонятнаго въ этихъ странныхъ рѣчахъ, хотя онъ и привыкъ подчиняться авторитету суслонскаго писаря и вѣрилъ ему просто изъ вѣжливости. Развѣ можно не повѣрить этакому-то человѣку, который всякій законъ можетъ разсудить?

— И это еще ничего, Ермилычъ,—ну, отобрали у тебя пшеницу, отобрали рожь... Ничего, говорю. А тутъ они вредную самую штуку удумали... Слышалъ про банкъ-то? Это ужъ настоящая музыка. Теперь у меня, напримѣрно, три тыщи капиталу. Государственный банкъ даетъ пять процентовъ. Такъ? А они сейчасъ: бери девять. Лестно тебѣ это или нѣтъ? Конечно, лестно... А они этотъ же самый капиталъ въ оборотъ пустятъ по двадцать четыре процента... Это какъ по-твоему? Силища неочерпаемая. Мнѣ это милые зятья объяснили, Галактіонъ да Карла. Вотъ какое дѣло выходитъ... Всѣхъ заберутъ въ лапы, Ермилычъ, какъ пить дадутъ.

Вмѣсто отвѣта, Ермилычъ упалъ на траву и удушливо захохоталъ.

— Да ты что ржешь-то, свинья?—озлился писарь.

— Удивилъ!.. Ха-ха!.. Флегонтъ Васильичъ, отецъ родной, удивилъ! А я-то всего беру сто на сто процентовъ... Меньше ни-ни! Дѣло полюбовное: хочешь—не хочешь. Кто шубу принесетъ въ закладъ, кто телѣгу, кто снасть какую-нибудь... Деньги деньгами, да еще отработай... И еще благодарятъ. Понялъ?

Писарь опѣшилъ. Онъ слыхалъ, что Ермилычъ ссужаетъ подъ заклады, но не зналъ, что это уже цѣлое дѣло. И кому въ башку придетъ: какой-то дуракъ мельникъ... Въ концѣ концовъ писарь даже обидѣлся, потому что, очевидно, въ дуракахъ оказался одинъ онъ.

II.

Этотъ разговоръ съ Ермилычемъ засѣлъ у писаря въ головѣ клиномъ. Вотъ тебѣ банкъ!.. Ай да Ермилычъ! Ловко! Въ Запольѣ свою линію ведутъ, а Ермилычъ свои узоры рисуетъ. Да, штучка тепленькая, коли на то пошло. Писарю даже сдѣлалось смѣшно, когда онъ припомнилъ родственника Карлу, мечтавшаго о своемъ кусочкѣ хлѣба съ масломъ. Тутъ ужъ дѣло пахло не кусочкомъ и не масломъ.

Выпившій почти всю водку Ермилычъ тутъ же и заснулъ, а писарь дождался попа Макара, который пришелъ съ покоса усталый, потный и казавшійся еще меньше, какъ цыпленокъ, нечаянно попавшій въ воду.

— Ну, слава Богу, покончили, — проговорилъ онъ, припадая запекшимися губами къ ведру съ квасомъ. — И по домамъ пора.

— Что же ты насъ-то съ Ермилычемъ не пригласишь въ гости?—обидѣлся писарь, наблюдая попа Макара.

— Чего васъ звать? Сами пріѣдете.

— Все-таки въ церковь ходятъ по звону, а въ гости по зову.

— Ну, коли такъ, такъ милости просимъ.

— Значитъ, ходите почаще мимо, безъ васъ веселѣе?.. Попъ, не гордись... Въ нѣкоторое время и мы съ Ермилычемъ можемъ пригодиться.

— Послушай, да что ты ко мнѣ-то привязался, сѣра горючая?—озлился отецъ Макарь.

— Ну, ладно, ладно... И такъ пріѣдемъ.

Солнце еще не сѣло, когда помочане веселою гурьбой тронулись съ покоса. Это было цѣлое войско, а закинутыя на плечи косы блестѣли, какъ штыки. Кто-то затянулъ пѣсню, кто-то подхватилъ, и она полилась, какъ рѣка, выступившая въ половодье изъ своихъ береговъ. Суслонцы всегда возвращались съ помочей съ пѣснями,—такъ ужъ велось изстари.

Попъ Макарь уѣхалъ раньше, чтобы встрѣтить помочанъ у себя въ домѣ, а писарь съ Ермилычемъ возвращались прежнею дорогой. Писарь еще разъ полюбовался поповскими лугами, отъ которыхъ поднимался тяжелый ароматъ свѣже скошенной травы.

— Эхъ, хорошо! — вслухъ думалъ писарь, приглядывая поемный лугъ изъ-подъ руки.—Неужто же *они* и это слопаютъ?

Мысль была обидная и разстраивала писаря, хотя, благодаря разговору съ Ермилычемъ, у него явилась слабая надежда на что-то лучшее, на возможность какого-то выхода. Да, еще не все пропало. Писарскій носъ чуялъ какую-то поживу, хотя форма этой поживы еще и не опредѣлилась ясно. Потомъ ему сдѣлалось обидно, что другіе малыгинскіе зятья всѣ зажили по-новому, кончая Галактіономъ, и только онъ одинъ остался точно за штатомъ. Конечно, обидно, потому что чѣмъ онъ хуже этихъ другихъ прочихъ? Почище еще будетъ, только дай срокъ развернуться. Тоже родня называется: хоть бы чѣмъ-нибудь поманили для начала. Писарство уже надоѣло Замараеву, да и времена наступали трудныя. Неизвѣстно, кого еще назначатъ вмѣсто Полуянова, а новая метла всегда чисто начинаетъ мести. Привыкай-ка къ новому начальству да подлаживайся.

— Эхъ, жисть каторжная! — вздыхалъ Замараевъ, вспоминая Полуянова.—И дернуло тогда попа... Лучше бы, кажется, своими деньгами тогда откупиться.

Вообще, какъ ни поверни—скверно. Придется еще по волости отсчитываться за десять лѣтъ,—грѣха не оберешься. Прежде-то все сходило, какъ по маслу, а нынче еще неизвѣстно, на кого попадешь. Вотъ то ли дѣло Ермилычу: самъ большой, самъ маленькій и никого знать не хочетъ.

Первый, кто встрѣтилъ писаря и Ермилыча въ поповскомъ домѣ, былъ Вахрушка.

— Ты, крупа, по какой-такой причинѣ объявился здѣсь?—сердито спросилъ его писарь, все еще имѣвшій на старика „зубъ“.

— А ужъ такъ, Флегонтъ Васильичъ,—довольно смѣло отвѣтилъ Вахрушка, вытягиваясь по-солдатски.—Куды добрые люди, туды и мы.

— Видно, въ Прорывѣ насчетъ водки плохо? — подсмѣивался Ермилычъ.

— Какая тамъ водка! И въ заведеніи этого составу нѣтъ. Въ томъ родѣ, какъ монастырское положенье.

— Колдунами живете,—ругался писарь.—Только добрыхъ людей морочите.

— Плохая наша ворожба, Флегонтъ Васильичъ. Михей-то Зотычъ того, разнемогся, въ лежку лежитъ. Того гляди, скапутится. А у меня та причина, что ежели онъ помретъ, такъ жалованье мое все пропадетъ. Денегъ-то я еще и не видывалъ отъ него, а ужъ второй годъ живу.

— Такъ тебѣ и надо, старому чорту! Зачѣмъ службу настоящую бросилъ? Вотъ теперь и поглядывай, какъ лиса въ кувшинъ.

— Ужъ какъ Господь пошлетъ, а я только объ одномъ молюсь, какъ бы я съ него лишняго не взялъ... да. Вотъ теперь попадьѣ пришелъ помогать столы ставить.

Вахрушка не сказалъ главнаго: Михей Зотычъ самъ отправилъ его въ Суслонъ, потому что ждалъ какого-то раскольничьяго старца, а Вахрушка, пожалуй, еще табачище свой запалитъ. Старику все это казалось обиднымъ, и онъ съ горя отправился къ попу Макару, благо помочь подвернулась. Въ самый разъ дѣло подошло: и попадьѣ подсобить, и водочки съ помочанами выпить. Конечно, непріятно было встрѣчаться съ писаремъ, но ничего не подѣлаешь. Все равно—отъ писаря никуда не уйдешь. Ужъ онъ на днѣ морскомъ сыщетъ.

А въ поповскомъ домѣ съ ранняго утра шло настоящее столпотвореніе. Сколько было нужно всего заготовить, чтобы накормить и напоить такую ораву помочанъ! Рябая и толстая попадья Луковна (сокращенное отъ Лукинична) сбилась съ ногъ, несмотря на помощь писарихи Анны Харитоновны. Она обливалась потомъ и бѣгала на погребъ, чтобы перевести духъ и хлебнуть холодненькаго домашняго пивца. Попадья была строга и держала мужа въ ежовыхъ рукавицахъ, а тутъ распинайся для всѣхъ, какъ каторжная. Кромѣ писарихи, ей помогала еще одна, совсѣмъ новая женщина въ Суслонѣ, не имѣвшая офиціальнаго положенія: это была Арина Матвѣевна, сожительница Емельяна. Она недавно пріѣхала и проживала въ Суслонѣ, не смѣя показать носу на мельницу. Высокая и красивая, она всѣмъ понравилась, и попадья принимала ее, какъ будущую жену Емельяна.

— Вотъ помретъ старикъ, тогда Емельянъ и приметъ законъ, — говорила попадья съ увѣренностью опытнаго въ такихъ дѣлахъ человѣка. — Что дѣлать, нашей сестрѣ приходится вотъ какъ терпѣть... И въ законѣ терпѣть и безъ закона.

Арина Матвѣевна каждый разъ такъ хорошо смущалась отъ такихъ разговоровъ, и попадья ее жалѣла. Хорошо ужъ очень застыдится бабочка. Сейчасъ Арина Матвѣевна старалась услужить попадьѣ, чтобы хоть этимъ отплатить ей за доброту.

Появленіе Вахрушки обрадовало попадью больше всего.

— Все-таки мужчинка, хоть и старо мѣсто, — откровенно объяснила она.—Бабы-то умаялись безъ тебя, Вахрушка... Скудельный сосудъ.

— Ужъ и постараемся, попадья,—заявилъ Вахрушка. — Старый конь борозды не портитъ.

— А ты бы по первоначалу хлебнулъ пивца холодненькаго, Вахрушка. Кошей-то заморилъ тебя.

— Охъ, заморилъ!

Помощь Вахрушки дала сейчасъ же самые благодѣтельные результаты. Онъ кричалъ на бабъ, ставившихъ столы во дворѣ, чуть не сшибъ съ ногъ два раза попадью, придавилъ лапу поповскому коту, обругалъ поповскую стряпуху,—однимъ словомъ, старался. Писаря и мельника онъ встрѣчалъ съ внутреннимъ озлобленіемъ, какъ непрошенныхъ гостей.

— Вотъ чортъ принесъ!—жаловался онъ попадьѣ. — Не нашли другого время, а еще мы да мы... и всякое обращеніе понимаемъ. Лѣзутъ не знамо куда.

— Попъ и то жалился на нихъ,—по секрету сообщила попадья. — Наѣхали, говоритъ, на покосъ и учали меня ругать за исправника.

Впрочемъ, незваные гости ушли въ огородъ, гдѣ у попа была устроена подъ черемухами бесѣдка, и тамъ расположились сами по себѣ. Ермилычъ выкралъ у зазѣвавшейся стряпухи самоваръ и самъ поставилъ его.

— На вольномъ-то воздухѣ вотъ какъ чайку изопьемъ,—говорилъ онъ, раздувая самоваръ. — Еще спасибо попъ-то скажетъ. Дамовъ нашихъ буду отпаивать чаемъ, а то вонъ попадья высуня языкъ бѣгаетъ.

Писарь улегся на траву и ничего не говорилъ. Онъ былъ поглощенъ какою-то тайною мыслью и только угнетенно вздыхалъ.

Поповскій домъ теперь походилъ на крѣпость, занятую непріятелемъ. Пока ужинали, дѣло еще шло ничего, а потомъ началась уже настоящая попойка. Одной водки было выставлено шесть ведеръ, не считая домашняго пива. Глухой сдержанный говоръ во время ѣды быстро смѣнялся пьянымъ галдѣньемъ, крикомъ и пѣснями. Скоро уже ничего нельзя было различить, и каждый орудовалъ въ свою голову. Откуда-то явилась балалайка, и подъ ея треньканье поднялась ожесточенная пляска. Мужики галдѣли, бабы визжали, и стонала, кажется, сама земля отъ этого пьянаго веселья. Писарь прислушивался къ гомонившей помочи и только покачивалъ головой. Ну, пусть порадуются на послѣдкахъ, а тамъ ужъ, что̀ Богъ дастъ. Конечно, темный народъ и ничего не понимаетъ. Мысль о томъ, что все отберутъ, засѣла клиномъ въ крѣпкую писарскую голову. Ермилычъ легкомысленно занятъ былъ настоящимъ и постоянно бѣгалъ къ помочанамъ, гдѣ и успѣлъ порядочно выпить. Въ послѣдній разъ онъ вернулся въ сопровожденіи писарихи и Арины Матвѣевны.

— Испейте чайку, мадамы, а то безъ заднихъ ногъ останетесь.

Послѣднимъ пришелъ въ садикъ попъ Макаръ, не могшій отъ усталости даже говорить, а попадью Луковну привели подъ руки.

— Охъ, моченьки не стало! — жаловалась старушка. — До смертыньки умаялась. И кто это только придумалъ помочи!

— А вы наливочки, матушка,—предлагалъ Ермилычъ. — Весь устатокъ какъ рукой сниметъ. Эй, Вахрушка, сорудуй на счетъ наливки!

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ голосъ Вахрушки неизвѣстно откуда.

Спускалась уже безмолвная лѣтняя ночь. Помочане разбрелись по своимъ домамъ. Только издали доносились обрывки пьяныхъ пѣсенъ, да на Ключевой гоготали сторожившіеся гуси. Попъ увелъ Ермилыча въ горницы, а писарь заснулъ на травѣ подъ шумокъ разговоровъ въ бесѣдкѣ. Когда онъ проснулся, было совершенно темно, и только изъ бесѣдки доносился голосъ попадьи, разсказывавшей что-то безконечное. Писарь прислушался. Рѣчь шла о Галактіонѣ и разныхъ запольскихъ дѣлахъ. Изрѣдка вставляли свое словечко Анна и Арина Матвѣевна. Оказалось, что суслонскія дамы отлично знали рѣшительно все, что̀ дѣлалось въ Запольѣ, всю подноготную: и про Бубниху, съ которой запутался Галактіонъ, и про адвоката Мышникова, усадившаго Полуянова въ острогъ изъ-за Харитины, и про бубновскій конкурсъ, и про банкъ и т. д.

— Вотъ такъ бабы!—изумлялся писарь, протирая глаза.—Откуда только онѣ все вызнали?

— Серафима-то Харитоновна всѣ глаза проплакала,—разсказывала попадья тягучимъ речитативомъ.—Бьетъ онъ ее, Галактіонъ-то. Извѣстно, озвѣрѣлъ человѣкъ. Слышь, Анѳуса-то Гавриловна сколько разовъ наѣзжала къ Галактіону, уговаривала и тоже плакала. Молчитъ Галактіонъ, какъ пень, а какъ теща уѣхала—онъ опять за свое.

— Гордилась Серафима мужемъ,—объясняла Анна.— Вотъ и плачется. За гордость Господь наказалъ.

— И это бываетъ,—согласилась Арина Матвѣевна съ тяжелымъ вздохомъ. — А то, можетъ, Бубниха-то чѣмъ ни на есть испортила Галактіона. Сперва своего мужа уходила, а теперь принялась за чужого.

— Убить ее мало, подлячку. Прежде такихъ-то въ воду бросали.

Потомъ женщины начали говорить шопотомъ. Слышался сдержанный смѣхъ. Часто упоминалось имя Хаситины.

„Ахъ, проклятыя бабы!—началъ сердиться писарь.—Это имъ попъ Макаръ наводитъ новостей изъ Заполья, да пьяный Карла болтаетъ. Этакое зелье эти самыя бабы! До всего-то имъ дѣло“.

Дальше писарь узналъ, какъ богато живетъ Стабровскій и какіе порядки заведены у него въ домѣ. Всѣ женщины отъ души жалѣли Устеньку Луковникову, отецъ которой сошелъ съ ума и отдалъ дочь полякамъ.

— Изведутъ дѣвку вконецъ, — говорила попадья. — Сама полячкой дѣлается, а полячки — злыя-презлыя. Такъ и шипятъ, какъ змѣи подколодныя.

— У Стабровскихъ англичанка всѣмъ дѣломъ правитъ, — объяснила Анна:—тоже, говорятъ, злющая. Ужъ такія теперь дѣла пошли въ Запольѣ, что и ума не приложишь. Всѣ умнѣе да мудренѣе хотятъ быть.

Закончилась эта интимная бесѣда своими домашними дѣлами, причемъ осталось на орѣхи суслонскимъ мужьямъ.

— Ну, наши-то совсѣмъ еще ничего не понимаютъ, — говорила попадья.—Да оно и лучше.

— Куда имъ!—смѣялась Анна.—Въ трехъ соснахъ заблудятся!

Это уже окончательно взбѣсило писаря. Бабы, и тѣ понимаютъ, что по-прежнему жить нельзя. Было время, да отошло... да... У него опять захолонуло [illegible] давешній разговоръ съ Ермилычемъ. Вѣдь вотъ человѣкъ [illegible] штуку. И какъ еще ловко подвелъ. Самъ же и смѣется надъ городскимъ балкомъ. Вдругъ писаря осѣнила мысль. А что, если самому на мѣсто Ермилыча, да не здѣсь, а въ городѣ? Писарь даже сѣлъ, точно его кто [illegible], а потомъ громко засмѣялся.

— Ай, батюшка, кто тутъ крещеный?—всполошилась попадья.—Никакъ посторонній мужчина... ай!

А писарь все хохоталъ и, погрозивъ кому-то кулакомъ, прогозорилъ:

— Вотъ я вамъ пок-кажу, прохвосты!

Когда писарь вошелъ въ поповскую горницу, тамъ сидѣлъ у стола, схватившись за голову, Галактіонъ. Противъ него сидѣли о. Макаръ и Ермилычъ и молча смотрѣли на него. Завидѣвъ писаря, Ермилычъ молча показалъ глазами на гостя: дескать, человѣкъ не въ себѣ.

III.

Галактіонъ попалъ въ Суслонъ совершенно случайно. Онъ со Штоффомъ отправился на новый винокуренный заводъ Стабровскаго, совсѣмъ уже готовый къ открытію, и здѣсь услыхалъ, что отецъ боленъ. Прямо на мельницу въ горорывъ онъ не поѣхалъ, а остановился въ Суслонѣ у писаря. Отца онъ не видалъ уже около года и боялся встрѣчи съ нимъ. Къ отцу у Галактіона все сохранилось какое-то дѣтское чувство страха, хотя сейчасъ онъ совершенно не зависѣлъ отъ него.

Изъ поповскаго дома писарь и Галактіонъ скоро ушли домой. Оба были разстроены, каждый по-своему, и молчали. Первымъ нарушилъ молчаніе писарь, заговорившій съ какимъ-то озлобленіемъ:

— Наладили заводъ Стабровскому? Карла сказывалъ, что годовой выходъ на двѣсти тысячъ ведеръ чистаго спирта. Вотъ ахнетъ такое заведеніе, такъ всѣ наскрозь пробьемся. Только кто вылакаетъ такую прорву винища.

— Простъ ты, Флегонтъ Васильичъ, и ничего не понимаешь въ такихъ дѣлахъ.

— Простъ, да про себя, Галактіонъ Михеичъ. Даже весьма понимаемъ. Ежели Стабровскій только по двугривенному получитъ съ каждаго ведра чистаго барыша, и то составитъ сумму... да. Сорокъ тысячъ голенькихъ въ годъ. Заводъ-то стоитъ всего тысячъ полтораста,—ну, дивидендъ настоящій. Мы все, братецъ, тоже по-своему-то разсчитали и дѣло вотъ какъ понимаемъ... да. Конечно, у Стабровскаго капиталъ, и всѣ для него стараются.

Галактіонъ засмѣялся наивности писаря.

— А если, Флегонтъ Васильичъ, Стабровскій и не будетъ курить вино на своемъ заводѣ, а дивидендъ получитъ такой же?

Писарь только захлопалъ глазами, пораженный такою неожиданностью, а потомъ обидѣлся.

— Ты меня и впрямь за дурака считаешь, Галактіонъ Михеичъ.

— Нѣтъ, вѣрно! Ты слыхалъ про винокуренные заводы Прохорова и К°? Тамъ дѣло милліонное, твердое, поставленное. На три губерніи работаютъ, и каждый уголокъ у нихъ обнюханъ. Просунься-ка къ нимъ: задавятъ. Такъ?

— Ужъ это что говорить. Силища, извѣстно.

— Маленькіе заводишки Прохоровъ еще терпитъ: ну, подыши. Да и неловко цѣлую округу сцапать. Для счету и оставляютъ такіе заводишки, какъ у Бубнова. А Стабровскій-то серьезный конкурентъ, и съ нимъ расчеты другіе.

— Рѣзаться будутъ до зла-горя, пока котораго-нибудь не разорвутъ.

Галактіонъ опять засмѣялся и проговорилъ другимъ тономъ:

— Вотъ что, Флегонтъ Васильичъ, ты мужикъ умный, не проболтаешься. Этого еще никто не знаетъ, кромѣ меня. И самому Стабровскому никогда бы не придумать. А есть тутъ необыкновеннаго ума жидъ Ечкинъ. Его штука. Никто этого не знаетъ, даже Штоффъ, а я сообразилъ, когда по дѣламъ бубновскаго конкурса ѣздилъ на прохоровскіе заводы. Ахъ, уменъ Ечкинъ! Ему министромъ быть. Видишь, какая тутъ штука: Прохоровъ забралъ силу, а Ечкинъ и высчиталъ, что его можно поджать, и даже очень. Расчетъ въ хлѣбномъ рынкѣ и въ провозной платѣ. Если поставить заводъ ближе къ хлѣбу, такъ у каждаго пуда можно натянуть двѣ-три копейки—вотъ тебѣ разъ, а второе, везти сырой хлѣбъ или спиртъ — тоже три-четыре копейки барыша... да... Вотъ ужъ тебѣ тысячъ пятнадцать-двадцать Стабровскій имѣетъ за здорово живешь и можетъ выдерживать конкуренцію. Такъ? Теперь какой расчетъ у Прохорова затягивать себѣ петлю на шею? Ечкинъ и придумалъ. Я это только одинъ понимаю, и ты молчи до поры. Онъ устроитъ такъ, что Стабровскій будетъ получать съ Прохорова отступную побольше сорока-то тысячъ. Обоимъ будетъ выгодно. А чуть Прохоровъ на дыбы, Стабровскій заводъ пуститъ. Понялъ теперь?

Писарь сѣлъ и смотрѣлъ на Галактіона восторженными глазами. Господи, какіе умные люди бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! Потомъ писарю сдѣлалось вдругъ страшно: Господи, какъ же простецамъ-то жить? Онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, глупымъ, несчастнымъ.

— А мы-то!—проговорилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ и только махнулъ рукой.—Однимъ словомъ, родимая мамынька, зачѣмъ ты только на свѣтъ родила раба Божія Флегонта? Какъ же намъ-то жить, Галактіонъ Михеичъ? Вѣдь этакъ и впрямь слопаютъ, со всѣмъ потрохомъ.

— Ничего, поживемъ. На всякую загадку есть своя отгадка.

Писаря охватила жажда подѣлиться мучившею его мыслью. Откровен-

ность Галактіона подзадорила его. Онъ началъ разговоръ издалека, съ поисковской помочи, когда съ Ермилычемъ пилъ водку на покосѣ.

— Какъ это онъ мнѣ сказалъ про свой-то банкъ, значитъ, Ермилычъ, меня точно осѣнило. А возьму, напримѣрно, я, да и открою ссудную кассу въ Запольѣ, какъ ты полагаешь? Деньжонокъ у меня скоплено тысячъ за десять, вотъ рухлядишку по боку, — ну, близко къ двадцати набѣжитъ. Есть другіе мелкіе народы, которые прячутъ деньжонки по подпольямъ... да. Однимъ словомъ, оборочусь.

— Грязное дѣло, Флегонтъ Васильичъ. Бѣдноту да голь обирать.

— Ахъ, какой ты! Съ богатыхъ-то вы все оберете, а намъ ужъ голенькіе остались. Только бы на ноги встать, вотъ главная причина. У тебя вонъ пароходы въ башкѣ плаваютъ, а мы по сухому бережку съ молитвой будемъ ходить. Только бы мало-мало въ люди выбраться, чтобы передъ другими не стыдно было. Надоѣло ужъ подъ начальствомъ сидѣть, а при своемъ дѣлѣ самъ большой, самъ маленькій. Такъ я говорю?

— Нечистое дѣло, Флегонтъ Васильичъ.

— Э, деньги одинаковы! Только бы нажить. Вѣдь много ли мнѣ нужно, Галактіонъ Михеичъ? Я да жена—и все тутъ. А безъ дѣла обидно сидѣть, потому какъ чувствую призваніе. А деньги будутъ, можно и на церковь пожертвовать, и слѣпую богадѣльню устроить, мало ли что!

— Что же, начинай.

— Одобряешь, значитъ?

У Галактіона вдругъ сдѣлалось скучное лицо, и онъ нахмурился. Писарь понялъ, откуда нанесло тучу, и разсказалъ, что давеча болтала попадья съ гостями.

— Откуда только вызнаютъ эти бабы! — удивлялся писарь и, хлопнувъ Галактіона по плечу, прибавилъ:—А ты не сумлѣвайся. Безъ стыда лица не износишь, какъ сказывали старинные люди, а перемелется—мука будетъ.

— Нечего сказать, хороша мука. Удивительное дѣло, Флегонтъ Васильичъ: пока хорошо съ женой жилъ—все въ черномъ тѣлѣ состоялъ, а тутъ, какъ ошибочку сдѣлалъ — точно дверь распахнулъ. Даромъ деньги получаю. А жену жаль и ребятишекъ. Несчастный я человѣкъ... себѣ не радъ съ деньгами.

— Силомъ женили—съ нихъ и взыскъ.

— Ничего я не знаю, а только сердце горитъ. Вотъ къ отцу пойду, а самъ волкъ волкомъ. Ужъ до него тоже пали разные слухи, начнетъ выговаривать. Эхъ, пропадай все пропадомъ!

Этотъ случайный разговоръ съ писаремъ подѣйствовалъ на Галактіона успокаивающимъ образомъ. Кажется, ничего особеннаго не было сказано, а какъ-то легче на душѣ. Именно въ такомъ настроеніи онъ поѣхалъ на другой день утромъ къ отцу. По дорогѣ встрѣтился Емельянъ.

— А, здравствуй, Емельянъ! Ну, какъ поживаете?

— Да ничего, — замѣтилъ Емельянъ и замялся. — Ты бы того, Галактіонъ, повременилъ, а то у родителя этотъ старецъ сидитъ.

— Ну, и пусть сидитъ... Авось не съѣдимъ другъ друга.

Галактіонъ какъ-то чутьемъ понялъ, что Емельянъ ѣдетъ съ мельницы украдомъ, чтобы повидаться съ женой, и ему сдѣлалось жаль брата. Вся у нихъ семья какая-то такая, точно всѣ прячутся другъ отъ друга.

— До свиданія, — проговорилъ Емельянъ, видимо вырвавшійся на минутку.—Увидимся на мельницѣ.

— Ладно, пріѣзжай.

Галактіонъ давно собирался къ отцу, но все откладывалъ, а сегодня ѣхалъ совершенно спокойно. Чему быть, того не миновать.

Михей Зотычъ лежалъ у себя въ горницѣ на старой деревянной кровати, покрытой войлокомъ. Онъ сильно похудѣлъ, измѣнился, а главное — точно весь выцвѣлъ. Въ лицѣ не было ни кровинки. Даже носъ заострился, и глаза казались больше.

— А, вспомнилъ отца!—заговорилъ онъ равнодушно, когда Галактіонъ вошелъ.

— Случайно узналъ, папаша, что вы больны. Отчего вы мнѣ ничего не написали? Я сейчасъ же пріѣхалъ бы...

— Что писать-то, милый сынъ? Какой я писатель? Вотъ смерть приходила... да. Собрался-было совсѣмъ помирать, да, видно, еще отсрочка вышла. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!

— Прежде смерти никто не помретъ,—отвѣтилъ изъ угла старецъ, котораго Галактіонъ сейчасъ только замѣтилъ. — А касаемо грѣховъ, это ты вѣрно, Михей Зотычъ. Пора міръ-то бросать, а о душѣ тягчать.

Это былъ тотъ самый старецъ, который былъ у Галактіона съ увѣщаніемъ. Галактіонъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его.

— Охъ, пора!—стоналъ Михей Зотычъ, тяжело повертываясь на своемъ жесткомъ ложѣ.—Много грѣховъ, старче... Вотъ какъ мышь въ муку заберется, такъ и я въ грѣхахъ.

— Не за себя одного дашь отвѣтъ, — отозвался сердито старецъ.— Говорю: пора... Спохватишься, да какъ бы не опоздать. Мірское у тебя на умѣ.

Старецъ разсердился безъ всякой причины и вышелъ, хлопнувъ дверью. Михей Зотычъ закрылъ глаза и улыбнулся.

— Въ скиты меня тащатъ, — заговорилъ онъ: — да... Оно и пора бы, ежели бы... Зачѣмъ ты сюда-то пріѣхалъ, Галактіонъ?

— На заводѣ былъ у Стабровскаго, папаша. По пути и сюда завернулъ.

— Нанялся къ Стабровскому въ подручные?

— Нѣтъ, я такъ... У меня свое дѣло.

— Хорошее дѣло, сыночекъ...

— Какое ужъ есть... Не помирать же съ голоду.

— Отцу не хотѣлъ служить, а бѣсу служишь. Ну, да это твое дѣло... Самъ не маленькій и правую руку отъ лѣвой отличишь.

Галактіонъ замеръ, ожидая, что отецъ начнетъ выговаривать ему относительно жены, но Михей Зотычъ закрылъ глаза и опять улыбнулся.

— Думалъ: помру, — думалъ онъ вслухъ. — Тяжело душенькѣ съ грѣшнымъ тѣломъ разставаться... Охъ, тяжело! Ну, лежу и думаю: только вѣдь еще жить началъ... Раньше-то въ египетской работѣ состоялъ, а тутъ на себя... да...

Съ трудомъ облокотившись на подушку, старикъ прибавилъ другимъ голосомъ:

— А я два мѣста подъ мельницы арендовалъ, Галактіонъ. Одно-то на Ключевой, пониже Ермилыча, а другое на притокѣ.

— Для чего же тебѣ еще двѣ мельницы?

— Ну, ужъ это не твое дѣло.

— Что же, я могу составить тебѣ планы и смѣты, а выстроите и безъ меня. У меня своего дѣла по горло.

Старикъ посмотрѣлъ на сына прищуренными глазами, какъ дѣлалъ, когда сердился, но сдержалъ себя и проговорилъ дѣловитымъ тономъ:

— Сами управимся, Богъ дастъ... а ты только планъ наведи. Не слѣдовало бы тебѣ по-настоящему такъ съ отцомъ разговаривать, — ну, да ужъ Богъ съ тобой... Яйца умнѣе курицы по нынѣшнимъ временамъ.

Галактіонъ провелъ цѣлый день у отца. Все время шелъ дѣловой разговоръ. Михей Зотычъ не выдалъ себя ни однимъ словомъ, что знаетъ что-нибудь про сына. Можетъ-быть, тутъ былъ свой расчетъ, можетъ-быть, нежеланіе вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла, но Галактіону отецъ показался немного тронутымъ человѣкомъ. Онъ помѣшался на своихъ мельницахъ и больше ничего знать не хотѣлъ.

Вечеромъ Галактіона поймалъ Симонъ.

— Братецъ, совсѣмъ вы забыли насъ, — жаловался онъ. — А мы тутъ померли отъ скуки... Емельянъ-то уѣзжаетъ по ночамъ въ Суслонъ, а я все одинъ. Хоть бы вы меня взяли къ себѣ въ Заполье, братецъ... Ужъ я бы какъ старался.

— Погоди, вотъ самъ сначала устроюсь... Тебѣ Харитина кланяется.

— Станетъ она думать обо мнѣ, братецъ! На всякій случай, скажите поклончикъ, что, молъ, есть такой несчастный молодой человѣкъ, который жизнь свою готовъ за васъ отдать. Такъ и скажите, братецъ.

— Сладко ужъ очень, а я не умѣю такъ говорить, — отпучивался Галактіонъ.

Потомъ Галактіонъ съ неожиданною нѣжностью обнялъ брата и проговорилъ:

— Симонъ, бойся проклятыхъ бабъ. Всякое несчастье отъ нихъ... да. Вотъ смотри на меня и казнись. У насъ ужъ такая роковая семья... Счастья нѣтъ.

Съ отцомъ Галактіонъ разстался совсѣмъ сухо, какъ чужой.

Емельянъ поѣхалъ провожать Галактіона и всю дорогу имѣлъ видъ человѣка, приготовившагося сообщить какую-то очень важную тайну. Онъ даже откашливался, кряхтѣлъ и поправлялъ воротъ ситцевой рубахи, но такъ ничего и не сказалъ. Галактіонъ все думалъ объ отцѣ и приходилъ къ заключенію, что старикъ серьезно повихнулся

IV.

Галактіонъ отъѣхалъ уже цѣлыхъ полстанціи отъ Суслона, какъ у него явилось страстное желаніе вернуться въ Прорывъ. Да, нужно было все сказать отцу.

— Поворачивай! — крикнулъ онъ ямщику такимъ голосомъ, что тотъ оглянулся.—Да живѣе!

Какое-то странное волненіе охватило Галактіона, точно онъ боялся чего-то не довезти и потерять дорогой. А потомъ эта очищающая жажда высказаться, выложить всю душу... Ему сдѣлалось даже страшно при мысли, что отецъ могъ вдругъ умереть, и онъ остался бы навсегда съ тяжестью на душѣ.

Симонъ испугался, когда увидѣлъ вернувшагося Галактіона, — у него было такое страшное лицо. Онъ еще не видалъ брата такимъ.

— Что случилось, Галактіонъ?

— Ничего... Забылъ переговорить съ отцомъ объ одномъ дѣлѣ.

Михей Зотычъ, наоборотъ, нисколько не удивился возвращенію Галактіона. Скитскій старецъ попрежнему сидѣлъ въ углу, и Галактіонъ обрадовался, что онъ здѣсь, какъ живой посредникъ между нимъ и отцомъ.

— Чего позабылъ? — грубо спросилъ Михей Зотычъ, улыбаясь.

— Чего забылъ? — точно рванулъ Галактіонъ. — А вотъ это самое... да. Вѣдь я домой поѣхалъ, а дома-то и нѣтъ... жена постылая въ дому... родительское благословленіе, навѣки нерушимое... Вотъ я и вернулся, чтобы сказать... да... сказать... Вѣдь всѣ знаютъ, — не скроешь. А только никто не знаетъ, что у меня вся душенька выболѣла.

— А ты всѣмъ скажи: отецъ, молъ, родной виноватъ,—добавилъ Михей Зотычъ съ прежнею улыбкой.—Отецъ насильно женилъ... Ну, и будешь правъ, да еще тебя-то пожалѣютъ, особливо которыя бабы ежели съ жиру бѣсятся. Чужіе-то люди жалостливѣе.

— Хорошо тебѣ наговаривать, родитель, да высмѣивать, — какъ-то застоналъ Галактіонъ: — да. А я вотъ и своей-то постылой жизни не радъ. Хлопочу, работаю, тороплюсь куда-то, а все одна видимость... у самого пусто, вотъ тутъ пусто.

— Ишь, какъ ты разлакомился тамъ, въ Запольѣ! — засмѣялся опять Михей Зотычъ.—У васъ вѣдь тамъ всѣ правые, и одинъ лучше другого, потому какъ ни Бога ни чорта не знаютъ... Жиды да табачники, да потворщики, да жалостливыя бабешки.

Галактіонъ вскочилъ со стула и посмотрѣлъ на отца совсѣмъ дикими глазами. О, какъ онъ сейчасъ его ненавидѣлъ, органически ненавидѣлъ вотъ за эту безжалостность, за смѣхъ, за самоувѣренность,—вѣдь это была его собственная несчастная судьба, которая смѣялась надъ нимъ въ глаза. Потомъ у него все помутилось въ головѣ. Ему такъ много было нужно сказать отцу, а выходило совсѣмъ другое, и языкъ говорилъ не то. Галактіонъ вдругъ обезсилѣлъ и безпомощно посмотрѣлъ кругомъ, точно искалъ поддержки.

— А въ Кирилловой книгѣ сказано, — отозвался изъ угла скитскій старецъ:—„Да не будемъ къ тому младенцы умомъ, скитающися во всякомъ вѣтрѣ ученія, во лжи человѣческой, въ коварствѣ козней льщенія. Блюдемъ истинствующіе въ любви“.

— Это ежели у кого совѣсть, — добавилъ Михей Зотычъ смиреннымъ тономъ. — А у насъ злоба и ярость.

— Смѣйся, родитель. Да, смѣйся! — крикнулъ Галактіонъ. — А надъ кѣмъ смѣешься-то?

— Слышишь, старче, какъ нынче дѣтки съ родителями разговоры разговариваютъ? — обратился Михей Зотычъ къ своему гостю. — Ну, сынокъ, скажи еще что-нибудь.

— И скажу! Отъ кого плачется Серафима Харитоновна? Отъ кого домъ у меня пустуетъ? Кто засиротилъ малыхъ дѣтушекъ при живомъ отцѣ-матери? Отъ кого мыкается по чужимъ дворамъ Емельянова жена, какъ безпастушная скотина? Вся семья врозь пошла.

— А вотъ помру, такъ всѣ поправитесь,—ядовито отвѣтилъ Михей Зотычъ, тряхнувъ головой. — Умнѣе отца будете жить. А сейчасъ-то надо бы тебя, милый сынокъ, отправить въ волость, да всыпать горячихъ штукъ полтораста, да прохладить потомъ въ холодной недѣльки съ двѣ. Эй, Вахрушка!

На счастье Галактіона, Вахрушки не случилось дома, и онъ могъ убраться изъ-подъ гостепріимной родительской кровли цѣлъ и невредимъ.

— Ужо въ городъ пріѣду къ тебѣ въ гости! — крикнулъ ему вслѣдъ Михей Зотычъ, напрасно порываясь подняться. — Тамъ-то не уйдешь отъ меня... Найдемъ и на тебѣ управу!

Когда подъ окнами проѣхала дорожная повозка Галактіона, скитскій старецъ проговорилъ:

— А ты напрасно изводишь сына-то, Михей Зотычъ. На какомъ де-

ревѣ птицы не сиживали,—такъ и грѣхи на человѣкѣ. А мужній-то грѣхъ за порогомъ... Подуритъ, да домой воротится.

— А ежели я его люблю, вотъ этого самаго Галактіона? Оттого и женилъ заблаговремя и денегъ не далъ, когда въ отдѣлъ онъ пошелъ... Вѣдь умница Галактіонъ-то, а когда въ силу войдетъ, такъ и никого бояться не будетъ. Теперь-то вонъ какъ въ немъ совѣсть ходитъ... А тутъ еще отецъ ему спуску не даетъ. Такъ-то, отче!

Всю дорогу до Заполья Галактіонъ ѣхалъ точно въ какомъ-то туманѣ. Съ отцомъ вышло какое-то дикое объясненіе, и онъ не могъ высказать того, что хотѣлъ. Свою душевную тяжесть онъ везъ обратно съ собой. Теперь у него не выходила изъ головы жена. Какая-то жгучая жалость охватывала его сердце, а глаза видѣли заплаканное, прежде времени старившееся лицо. Галактіону дѣлалось совѣстно за свое поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ зорилъ свой собственный домъ? Кстати, и съ Прасковьей Ивановной все кончилось такъ же быстро, какъ началось... Они не сошлись характерами. Прасковья Ивановна жаждала безусловнаго повиновенія, а Галактіонъ не умѣлъ поддаваться, да и не любилъ ее настолько, чтобы исполнять каждый женскій капризъ. Положимъ, Прасковья Ивановна была и красива, и молода, и пикантна, но это было совсѣмъ не то. Изъ-за нея для Галактіона выдвигалось постоянно другое женское лицо, ласковое и строгое, съ такими властными глазами и какою-то глубокою внутреннею полнотой. Подъ этимъ взглядомъ онъ чувствовалъ себя какъ-то и хорошо, и жутко, и спокойно, точно въ ясное солнечное лѣтнее утро, когда все кругомъ радуется. Прасковья Ивановна сама догадалась, что изъ этой связи ничего не выйдетъ, и объявила Галактіону безъ слезъ и жалобъ, дѣловымъ тономъ:

— Идите вы, Галактіонъ Михеичъ, къ женѣ... Соскучилась она безъ васъ, а мнѣ съ вами скучно. Будетъ... Какъ-никакъ, а все-таки я мужняя жена. Вотъ мужъ помретъ, такъ, можетъ, и замужъ выйду.

— За Мышникова?

— Ужъ какая судьба выпадетъ. Вотъ вы гонялись за Харитиной, а попали на меня. Значитъ, была одна судьба, а сейчасъ вамъ выходитъ другая: отъ воротъ поворотъ.

Такъ и разстались, и ни которому ни тепло ни холодно не сдѣлалось.

Именно съ такими мыслями возвращался въ Заполье Галактіонъ и послѣднюю станцію особенно торопился. Ему хотѣлось поскорѣе увидѣть жену и дѣтей. Да, онъ соскучился о нихъ. На дѣтей въ послѣднее время онъ обращалъ совсѣмъ мало вниманія, и ему дѣлалось совѣстно. И жены совѣстно. Подъѣзжая къ городу, Галактіонъ рѣшилъ, что все разскажетъ женѣ, все до послѣдней мелочи, вымолитъ прощеніе и заживетъ по-новому.

— Эй, ямщикъ, живѣе!

Но въ Запольѣ его ожидалъ неожиданный сюрпризъ. Дома была одна кухарка, которая и объявила, что дома никого нѣтъ.

— Какъ никого?

— Да такъ. Серафима Харитоновна забрала ребятокъ и увезла ихъ къ тятенькѣ. Сказала, что сюда не вернется.

Это былъ настоящій ударъ. Въ первый моментъ Галактіонъ не понялъ хорошенько всей важности случившагося. Именно этого онъ никакъ не ожидалъ отъ жены. Но опустѣвшія комнаты говорили краснорѣчивѣе живыхъ людей. Галактіона охватило озлобленное отчаяніе. Да, теперь все порвалось и навсегда. Возврата уже не было.

— Что же, самъ виноватъ,—вслухъ думалъ Галактіонъ.—Такъ и должно было быть... Серафимѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти.

Долго Галактіонъ ходилъ по опустѣвшему гнѣзду, переживая щемящую тоску. Особенно жутко ему сдѣлалось, когда онъ вошелъ въ дѣтскую. Вотъ и забытыя игрушки, и пустыя кроватки, и дѣтскіе костюмчики на стѣнѣ... Чѣмъ бѣдныя дѣтки виноваты? Галактіонъ присѣлъ къ столу съ игрушками и заплакалъ. Ему сдѣлалось страшно жаль дѣтей. У другихъ-то все по-другому, а вотъ эти будутъ сиротами расти при отцѣ съ матерью... Нѣтъ, хуже! Ахъ, несчастныя дѣтки, несчастныя!

Много передумалъ Галактіонъ за эти часы, пока не перешелъ къ самому близкому. Да, теперь ужъ, вѣроятно, цѣлый городъ знаетъ, что жена ушла отъ него. Худыя вѣсти не лежатъ на мѣстѣ. Какъ онъ теперь въ люди глаза покажетъ? Вѣдь всѣ будутъ на него пальцами указывать. Чувство жалости къ женѣ смѣнилось теперь затаеннымъ озлобленіемъ. Да, она хотѣла устроить ему скандалъ и устроила въ полной формѣ. Хуже ничего не могла придумать. И опять отъ этого скандала хуже будетъ все тѣмъ же несчастнымъ дѣтямъ. Если бы Серафима по-настоящему любила дѣтей, такъ никогда бы такъ не сдѣлала.

„Ну, ушла къ отцу, что же изъ этого?—раздумывалъ Галактіонъ.—Ну, будутъ дѣти расти у дѣдушки, что же тутъ хорошаго? Пьянство, безобразіе, постоянные скандалы. Ахъ, Серафима, Серафима!“

Галактіонъ дождался сумерекъ и отправился къ Малыгинымъ. Онъ ужасно боялся, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, и нарочно обошелъ самыя людныя улицы, какъ воръ, который боится собственной тѣни.

Его неожиданное появленіе въ малыгинскомъ домѣ произвело настоящій переполохъ, точно вошелъ разбойникъ. Встрѣтившая его на дворѣ стряпка Аграфена только ахнула, выронила изъ рукъ горшокъ и убѣжала въ кухню. Сама Аѳуса Гавриловна заперлась у себя въ спальнѣ. Принялъ зятя на террасѣ самъ Харитонъ Артемьичъ, бывшій, по обыкновенію, навеселѣ.

— Ну, милый зятекъ, какъ мы будемъ съ тобой разговаривать? — бормоталъ онъ, размахивая рукой. — Оно тово.... да... Наградилъ Господь меня зятьками, нечего сказать. Одинъ въ тюрьмѣ сидитъ, отъ другого жена убѣжала, третій... Настоящій альбомъ! Истинно благословилъ Господь за родительскія молитвы.

— Поговоримте серьезно, Харитонъ Артемьичъ.

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, путаная голова? — неожиданно закричалъ старикъ. — Вотъ сперва свою дочь вырасти... да. А у меня съ тобой короткій разговоръ: вонъ!

Старикъ даже затопалъ ногами и выбѣжалъ съ террасы. Галактіонъ чувствовалъ, какъ онъ весь холодѣетъ, а въ глазахъ стоитъ какая-то муть. Харитонъ Артемьичъ сбѣгалъ въ столовую, хлопнулъ рюмку водки сверхъ абонемента и вернулся уже въ другомъ настроеніи.

— Вотъ что, Галактіонъ, неладно... да.

— Я и самъ знаю, что хорошаго ничего нѣтъ. А только вотъ дѣти.

— Ахъ, нехорошо, братъ!.. И мы не безъ грѣха прожили... всячески бывало. Только оно тово... Вотъ ты вырасти свою дочь... Да, вырасти!..

Старикъ опять закричалъ и затопалъ ногами, но въ этотъ критическій моментъ явилась на выручку Аѳуса Гавриловна. Она вошла съ опущенными глазами и старалась не смотрѣть на зятя.

— Иди-ка ты, отецъ, къ себѣ лучше,—проговорила старушка съ рѣшительнымъ видомъ, какого Галактіонъ не ожидалъ. — Я ужъ сама.

— Что же, я и уйду,— согласился Харитонъ Артемьичъ.— Тошно мнѣ глядѣть-то на всѣхъ васъ. Разорвалъ бы, кажется, всѣхъ. Наградилъ Господь. Что я тебѣ по-настоящему-то долженъ сказать, Галактіонъ? Какія-такія слова я долженъ выговаривать? Да я...

— Ну, иди, иди, Харитонъ Артемьичъ.

— И уйду. А ты, Ѳуса, не вѣрь ему, ни единому слову не вѣрь, потому нынѣшніе-то зятья... тьфу!

Когда Харитонъ Артемьичъ вышелъ съ террасы, наступила самая томительная пауза, показавшаяся Галактіону вѣчностью. Аѳуса Гавриловна присѣла къ столу и тихо заплакала. Это было самое худшее, что только можно было придумать. У Галактіона даже запыло подъ ложечкой и вылетѣли изъ головы всѣ слова, какія онъ хотѣлъ сказать тещѣ.

— Вся надежда у меня только на тебя была, Галактіонъ,— заговорила Аѳуса Гавриловна, не вытирая слезъ:— да. А ты вотъ что придумалъ.

— Межъ мужемъ и женой одинъ Богъ судья, мамаша, а вторая причина... Эхъ, да что тутъ говорить! Все равно — не поймете. Съ добромъ я ѣхалъ домой, хотѣлъ женѣ во всемъ покаяться и зажить по-новому, а она меня на весь городъ ославила. Кому же хуже-то будетъ?

— Самъ же запустошилъ домъ и самъ же похваляешься. Нехорошо, Галактіонъ, а за чужія-то слезы Богъ найдетъ. Пришелъ ты, а того не понимаешь, что я и разговаривать-то съ тобой по-настоящему не могу. Я-то скажу правду, а ты со зла все на жену переведешь. Мудрено съ зятьями-то разговаривать. Вотъ выдай свою дочь, тогда и узнаешь.

Галактіонъ заходилъ по террасѣ, какъ раненый звѣрь. Потомъ онъ тряхнулъ волосами и проговорилъ:

— Вотъ что, мамаша, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Ничего больше не будетъ. У Симы я самъ выпрошу прощенье, только вы ее не растравляйте. Не ее, а дѣтей жалѣю. И вы меня простите. Такъ ужъ вышло.

V.

Жена вернулась къ Галактіону, но этимъ дѣло не поправилось. Супруги встрѣтились затаенными врагами, прикованными на одну цѣпь. Серафима понимала одно, именно, что все это хуже того, если бъ мужъ бранилъ ее и даже билъ. Побои и брань проходятъ и забываются, а у нихъ было хуже. Галактіонъ былъ чужимъ человѣкомъ въ своемъ домѣ и говорилъ только при дѣтяхъ. Съ женой онъ не сказалъ двухъ словъ, и это молчаніе убивало ее больше всего. Она даже боялась думать о томъ, что будетъ дальше, и чувствовала себя живымъ покойникомъ. И раньше мужъ не любилъ по-настоящему, но жалѣлъ, и она чувствовала себя покойно. Сейчасъ Галактіонъ сидѣлъ почти безвыходно дома и все работалъ въ своей комнатѣ надъ какими-то бумагами, которыя приносилъ ему Штоффъ. Изрѣдка онъ выѣзжалъ только по дѣламъ, чаще всего къ Стабровскому.

Чужіе люди не показывались у нихъ въ домѣ, точно избѣгали зачумленнаго мѣста. Разъ только зашелъ „сладкій братецъ“ Ирасковьи Ивановны и долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ Галактіономъ. Разговоръ происходилъ приблизительно въ такой формѣ:

— Заѣхалъ я къ вамъ, Галактіонъ Михеичъ, по этой самой опекѣ,— говорилъ Голяшкинъ, сладко жмуря глаза.— Хотя вы и отверглись отъ нея, а между прочимъ и мы не желаемъ тонуть одни-съ. Тонуть, такъ вмѣстѣ-съ.

— Ахъ, мнѣ все равно!—соглашался Галактіонъ.—Дѣлайте, какъ знаете!

— На манеръ Ильи Опрсыча Полуянова?

— Опять-таки дѣло ваше.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки какъ будто и непріятно, ежели, напримѣръ, въ острогъ. Прасковья Ивановна наказали вамъ сказать, что большіе слухи ходятъ по городу. Конечно, зря народъ болтаетъ, а оно все-таки...

— Послушайте, мнѣ рѣшительно все равно. Понимаете?

У Голяшкина была странная манера во время разговора придвигаться къ собесѣднику все ближе и ближе, что̀ сейчасъ какъ-то особенно волновало Галактіона. Ему просто хотѣлось выгнать этого сладкаго братца, и онъ съ большимъ трудомъ удерживался. Они стояли другъ противъ друга и смотрѣли прямо въ глаза.

— Какъ же я скажу Прасковьѣ Ивановнѣ? — неожиданно спросилъ Голяшкинъ.

— А такъ и скажите, что пропадай все.

— Позвольте-съ, какъ же это такъ-съ? Прасковья Ивановна...

Галактіонъ неожиданно вспылилъ, затопалъ ногами и крикнулъ:

— Да что̀ ты изъ меня жилы тянешь... Э ходи, ежели хочешь быть цѣлъ! Такъ и своей Прасковьѣ Ивановнѣ скажи! Однимъ словомъ, убирайся ко всѣмъ чертямъ!

— Такъ-съ. Такъ вы вотъ какъ-съ,—бормоталъ Голяшкинъ, пятясь к двери.—Да-съ. Очень вѣжливо...

Галактіонъ остановилъ его и, взявъ за бортъ сюртука, проговорил дыхавшимся голосомъ:

— Ну, чего ты боишься, сахаръ? Посмотри на себя въ зеркало: рожа прямо на подсудимую скамью просится. Всѣ тамъ будемъ. Ну, ступай доволенъ?

— Вы-то какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ, а я не согласе... саемо подсудимой скамьи. Ужъ вы меня извините, а я не согласе... и Прасковьѣ Ивановнѣ скажу. Конечно, вы во-время изъ дѣла ушли, и вамъ все равно... да-съ. Что̀ касаемо спять подсудимой скамьи, такъ отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся. Это вы правильно. А Прасковья Ивановна говоритъ...

— Вонъ, дуракъ!

Этотъ визитъ все-таки обезпокоилъ Галактіона. Дыму безъ огня не бываетъ. По городу, благодаря полуяновскому дѣлу, ходили всевозможные слухи о разныхъ другихъ назрѣвавшихъ дѣлахъ, а въ томъ числѣ и о бубновской спекѣ. Какъ на бѣду, и всевѣдущій Штоффъ куда-то провалился. Впрочемъ, онъ скоро вернулся изъ какой-то таинственной поѣздки и пріѣхалъ къ Галактіону ночью, на огонекъ.

— У тебя былъ Голяшкинъ?— прашивалъ нѣмецъ безъ всякихъ предисловій.

— Былъ.

— Онъ сладкій дуракъ и больше ничего.

— Знаю. Я ему это самъ сказалъ. Все-таки, знаешь...

— Э, вздоръ!... Такъ, зря болтаютъ. Я тебѣ скажу всего одно слово: Мышниковъ. Понялъ? У насъ есть адвокатъ Мышниковъ. У него, братъ, все предусмотрѣно... да. Я нарочно заѣхалъ къ тебѣ, чтобы предупредить, а то вѣдь какъ разъ горячку будешь пороть.

Уходя, Штоффъ пришаркнулъ своею хромою ногой, подмигнулъ и проговорилъ:

— А какая есть дѣвчурка въ Кунарѣ... пхе!...

— Ну, братъ, я этими дѣлами не занимаюсь. Отваливай.

— Да ты спятилъ съ ума, братецъ?

— Около того.

— Ты глупъ, несчастный!

— Пусть.

Галактіонъ, дѣйствительно, прервалъ всякія отношенія съ пьяною заполькою компаніей, сидѣлъ дома и бывалъ только по дѣлу у Стабровскаго. Умный полякъ долго приглядывался къ молодому мельнику и кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ въ него. Стабровскому больше всего нравились въ Галактіонѣ его раскольничья сдержанность и простой, но здоровый русскій умъ.

— Мнѣ почему-то кажется, что мы будемъ большими друзьями,—проговорилъ однажды Стабровскій, пытливо глядя на Галактіона.—Однимъ словомъ, вы будете *нашимъ* вполнѣ.

— Благодарю, Болеславъ Брониславичъ,—только оно какъ будто и не подходитъ: вы—баринъ, а я—мужикъ.

Стабровскій только улыбнулся, взялъ Галактіона подъ руку и проговорилъ:

— Идемте завтракать.

[illegible] приглашеніе, какъ Галактіонъ понялъ только впослѣдствіи, [illegible]да посвященіемъ въ орденъ *нашихъ*. Въ официальные дни [illegible]лъ цѣлый городъ, а запросто бывали только самые близ[illegible]

[illegible] простой, но Галактіону показалась жуткой царившая здѣсь чопорность, и онъ какъ-то сразу возненавидѣлъ бѣлобрысую англичанку, смотрѣвшую на него, какъ на дикаря. „Этакая выдра!“—думалъ Галактіонъ, [illegible]ущеніе, когда англичанка начинала смотрѣть на него [illegible]и. Зато Устенька такъ застѣнчиво и ласково улы[illegible]ась ему.

— [illegible] ваша дочь?—спросилъ Галактіонъ.

— Нѣтъ, это просто славяночка Устенька, дочь Тараса Семеныча. Она учится вмѣстѣ съ моей Дидей.

Маленькая полечка все время наблюдала гостя и, когда онъ дѣлалъ что-нибудь противъ этикета, сдержанно улыбалась и вопросительно смотрѣла на гувернантку, точно на каланчу, которая могла каждую минуту выкинуть сигналъ тревоги. Англичанка на этотъ нѣмой вопросъ поднимала свои сухія плечи и рыжія брови, а потомъ кивала головой съ граціей фарфоровой куклы, что въ переводѣ значило: мужикъ. Устенька отлично понимала этотъ нѣмой языкъ и волновалась за каждую неловкость Галактіона: онъ гремѣлъ чайною ложечкой, не умѣлъ намазать масла на хлѣбъ, рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ сандвичами. Когда Галактіонъ началъ ѣсть рыбу ножомъ, англичанка величественно поднялась и павой выплыла изъ столовой. Дидя бросилась за ней, захвативъ ротъ рукой. Но отецъ приказалъ ей вернуться и сдѣлалъ строгое лицо. Устенька сидѣла вся красная, опустивъ глаза. Она понимала, что Стабровскій дѣлается усиленно вѣжливымъ съ гостемъ, чтобы тотъ не замѣтилъ устроенной англичанкой демонстраціи. Онъ дошелъ до того, что даже самъ началъ ѣсть рыбу съ ножа. Это уже окончательно переломило терпѣніе Диди,—дѣвочка расхохоталась неудержимымъ дѣтскимъ хохотомъ и убѣжала въ дѣтскую, гдѣ англичанка уже укладывала свои чемоданы.

— Я попала куда-то къ самоѣдамъ...—объясняла миссъ Дудль.

Въ столовой оставались только хозяинъ, гость и Устенька.

— Славяночка, ты будешь угощать насъ кофе,—говорилъ Стабровскій съ какою-то особенною польскою ласковостью.

А Галактіонъ сидѣлъ и не понималъ, въ чемъ дѣло, хотя смутно и догадывался, что проклятая англичанка унюхала неспроста. Хохотъ Диди тоже его смущалъ.

Вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія докторъ Кочетовъ, который явился съ извѣстіемъ, что Бубновъ умеръ сегодня ночью.

— Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать,—замѣтилъ Стабровскій, дѣлая брезгливое движеніе:—да. Для чего такіе люди живутъ на свѣтѣ?

— И все-таки жаль,—думалъ вслухъ докторъ.—Раньше я говорилъ то же, а когда посмотрѣлъ на него мертваго... Въ послѣднее время онъ пересталъ совсѣмъ пить, хотя ужъ было поздно.

— Тутъ была какая-то темная исторія. А впрочемъ, не наше дѣло. Развѣ можетъ быть иначе, когда все удовольствіе у этихъ дикарей только въ томъ, чтобъ напиться до свинства? Культурный человѣкъ никогда не дойдетъ до такого положенія и не можетъ дойти.

Извѣстіе о смерти несчастнаго Бубнова обрадовало Галактіона: эта смерть развязывала всѣмъ руки, и проклятое дѣло по опекѣ разрѣшалось само собой. У него точно гора свалилась съ плечъ.

— Дѣвочка, принесите мнѣ коньячку,—просилъ докторъ Устеньку.

Онъ, по обыкновенію, былъ съ похмелья, что являлось для него нормальнымъ состояніемъ. Устенька достала изъ буфета бутылку финь-шампань и поставила ее на столъ. Докторъ залпомъ выпилъ двѣ большихъ рюмки и сразу осовѣлъ.

— Да, былъ человѣкъ и нѣтъ человѣка,—бормоталъ онъ.—А все-таки жаль разумное Божье созданье.

Потомъ онъ неожиданно обратился къ Галактіону и съ пьяною улыбкой проговорилъ:

— А вы, ваше степенство, небось, рады, да? Что же, это въ порядкѣ вещей: сегодня Бубновъ умеръ отъ купеческаго запоя, а завтра умремъ мы съ вами. Homo sum et nihil humanum a se alienum puto...

Докторъ въ домѣ Стабровскаго былъ своимъ человѣкомъ и желаннымъ гостемъ, какъ врачъ и образованный человѣкъ. Даже миссъ Дудль благоволила къ нему, и Стабровскій любилъ подшутить надъ нею по этому поводу, когда не было дѣвочекъ. Доктору прощалось многое, чего не могли позволить никому другому. Такъ, выпивши, онъ впадалъ въ обличительное настроеніе и начиналъ громить „плутократовъ“. Особенно доставалось Штоффу. Стабровскій хохоталъ до слезъ, когда докторъ бывалъ въ ударѣ. Сейчасъ Штоффа не было, и докторъ сосредоточилъ свое вниманіе на Галактіонѣ.

— Ну что, начинающій плутократъ, какъ дѣла?

— Ничего, докторъ, понемножку.

— Плутовать понемножку невыгодно. Вотъ учитесь у Болеслава Брониславича, который ловитъ только крупную рыбу, а мелкіе плуты кончаютъ, какъ Полуяновъ.

— Послушайте, докторъ, прійти въ домъ и называть хозяина большимъ плутомъ...—заговорилъ Стабровскій, стараясь сохранить шутливый тонъ.—Это... это...

— Вы хотите сказать, что это свинство?—поправилъ докторъ.—Можетъ-быть, вы хотите къ этому прибавить, что я пьяница? И въ томъ и въ другомъ случаѣ вы будете правы... хотя... Я еще выпью плутократскаго коньячку.

— А потомъ опять будете насъ обличать?

— И буду, всегда буду. Вѣдь человѣкъ, который обличаетъ другихъ, уже тѣмъ самымъ какъ бы выгораживаетъ себя и садится на отдѣльную по-

лочку. Я васъ обличаю и самъ же служу вамъ. Это напоминаетъ собаку, которая гоняется за собственнымъ хвостомъ.

Галактіонъ только выжидалъ случая, чтобъ уйти. Завтракъ былъ конченъ, а слушать пьянаго доктора не представляло удовольствія.

— А, испугался! — провожалъ его докторъ. — Не понравилось... Хха! А вы, ваше степенство, заверните къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Сія особа очень нуждается въ утѣшеніи... да. У ней такое серьезное горе... хха!

Въ передней Галактіона догнала Устенька и шепнула:

— Вы никогда, никогда не ѣшьте рыбы ножомъ. Это не принято. И чайной ложечкой не стучите... и хлѣбъ отламывайте маленькими кусочками, а не откусывайте прямо отъ ломтя.

— Хорошо, я не буду.

Галактіонъ поднялъ дѣвочку и поцѣловалъ.

— Тоже нельзя,—строго замѣтила она.—Я ужъ большая.

Этотъ первый завтракъ послужилъ для Галактіона чѣмъ-то въ родѣ вступительнаго экзамена. Скоро онъ почувствовалъ себя у Стабровскихъ если не своимъ, то и не чужимъ. Самъ старикъ только иногда конфузилъ его своею изысканною внимательностью. Галактіонъ все-таки относился къ магнату съ недовѣріемъ. Ихъ окончательно сблизилъ случайный разговоръ, когда Галактіонъ высказалъ свою завѣтную мечту о пароходствѣ. Стабровскій посмотрѣлъ на него прищуренными глазами, похлопалъ по плечу и проговорилъ:

— Вотъ это я понимаю... да! Очень хорошо, молодой человѣкъ! Я и самъ объ этомъ подумывалъ, да одному не разорваться. Мы еще потолкуемъ объ этомъ серьезно. А вы далеко пойдете, Галактіонъ Михеичъ. Именно намъ, русскимъ, недостаетъ разумной предпріимчивости.

VI.

Полуяновское дѣло двигалось впередъ, какъ комъ снѣгу, нарастая отъ собственнаго движенія. Въ первую минуту, подавленный неожиданностью всего случившагося, бывшій исправникъ повелъ свое дѣло, какъ и другіе въ его положеніи, исходя изъ принципа, что пропадать, такъ пропадать не одному, а вмѣстѣ съ другими. Результатомъ этой психологіи явился оговоръ десятковъ прикосновенныхъ такъ или иначе къ его дѣлу лицъ. Слѣдователь выбивался изъ силъ, вызывая десятки свидѣтелей. Полуяновъ торжествовалъ, что хотя этимъ путемъ могъ досадить тому обществу, которое выдавало его головой. Но черезъ полгода въ немъ произошелъ какой-то таинственный внутренній переворотъ. Онъ началъ молиться, притихъ и вообще смирился. Даже самая наружность измѣнилась: пьяный опухъ исчезъ, отросшая борода придала старческое благообразіе, даже голосъ сдѣлался другимъ. Въ одно прекрасное утро Полуяновъ признался слѣдователю, что больше половины привлеченныхъ къ дѣлу лицъ оговорилъ по злобѣ. Слѣдователь былъ огорошенъ, потому что хоть начинай дѣло снова.

— Вы ужъ какъ тамъ знаете, а я не могу, — упрямо повторялъ Полуяновъ на всѣ увѣщанія слѣдователя. Судите меня одного, а другіе сами про себя знаютъ... да. Моя пѣсенка спѣта, зачѣмъ же лишній грѣхъ на душу брать? Относительно себя ничего не утаю.

Странныя отношенія теперь установились у Полуянова къ женѣ. Онъ ужасно ее жалѣлъ и мучился постоянно мыслью о ея судьбѣ. Харитина ежедневно ѣздила въ острогъ и всячески поддерживала новое настроеніе въ мужѣ.

— Молода ты, Харитина,— съ подавленною тоской повторялъ Полуяновъ,

съ отеческою нѣжностью глядя на жену.—Какой я тебѣ мужъ былъ? Такъ, одно звѣрство. Если бы тебѣ настоящаго мужа... Ну, да что объ этомъ говорить! Вотъ останешься одна, такъ тогда устраивайся ужъ по-новому.

— Перестань ты, Илья Өирсычъ... Еще неизвѣстно, кто кого переживетъ, а раньше смерти не умираютъ.

Разъ Полуяновъ долго-долго смотрѣлъ на жену и проговорилъ со слезами на глазахъ:

— За одно благодарю Бога, именно, что у насъ нѣтъ дѣтей... да. Ты только подумай, Харитина, что бы ихъ ждало впереди? Страшно подумать. Добрые люди показывали бы пальцами... Благодарю Господа за Его великую милость!

— Ты меня не любишь, Илья Өирсычъ,—говорила Харитина, краснѣя и опуская глаза; она, кажется, никогда еще не была такою красивой, какъ сейчасъ.—Всѣ желаютъ дѣтей, а ты не хочешь.

— Перестань, дурочка.

На Полуянова теперь часто находило слезливое настроеніе, что очень трогало Харитину. Ей дѣлалось жаль и себя, и мужа, и что-то такое, что не было изжито. Иногда на нее находила жажда какого-то истерическаго покаянія — броситься въ ноги мужу и каяться, каяться. Но, перебирая свою жизнь, она не находила ничего подходящаго, за исключеніемъ отношеній къ Галактіону, да и здѣсь ничего серьезнаго не было, кромѣ самой обыкновенной дѣвичьей глупости. Она знала, что мужъ ей измѣнялъ на каждомъ шагу, но сама она ни разу ему не измѣнила. Впрочемъ, послѣднее могло быть каждую минуту, если бы подвернулся подходящій случай. Мысль о Галактіонѣ опять начала посѣщать Харитину, какъ она ни старалась ее отогнать. Это ее мучило, и при всей жаждѣ покаянія она именно этого никакъ не могла сказать мужу. Затѣмъ ее начинало злить, что онъ вернулся изъ поѣздки и не кажетъ къ ней глазъ. О разрывѣ его съ Прасковьей Ивановной она знала и поэтому не могла понять, почему онъ не хочетъ ее видѣть. Она надѣялась, что Галактіонъ обратится къ ней за помощью, чтобы помириться съ женой, но и тутъ онъ обошелся безъ нея. Онъ вообще не хотѣлъ ее знать, и это ее злило.

Харитинѣ доставляла какое-то жгучее наслажденіе именно эта двойственность: она льнула къ мужу и среди самыхъ трогательныхъ сценъ думала о Галактіонѣ. Она не могла бы сказать, любитъ его или нѣтъ; а ей просто хотѣлось думать о немъ. Если бъ онъ пришелъ къ ней, она его приняла бы очень сухо и ни однимъ движеніемъ не выдала бы своего настроенія. О, онъ никогда не узнаетъ и не долженъ знать того позора, какой она переживала сейчасъ! И хорошо и худо—все ея, и никому до этого дѣла нѣтъ.

Даже наканунѣ суда Харитина думала не о мужѣ, котораго завтра будутъ судить, а о Галактіонѣ. Придетъ онъ на судъ или не придетъ? Даже когда ѣхала она на судъ, ее мучила все та же мысль о Галактіонѣ, и Харитина презирала себя, какъ соучастницу какого-то непростительнаго преступленія. И все-таки, войдя въ залу суда, она искала глазами не мужа.

Судить Полуянова выѣхало отдѣленіе недавно открытаго екатеринбургскаго окружнаго суда. Это была новость. И странно, что первымъ дѣломъ для новаго суда попало по списку дѣло стараго сибирскаго исправника Полуянова. Весь городъ сбѣжался смотрѣть на новый судъ и стараго грѣшника, такъ что не хватало мѣста и для десятой доли желающихъ. Всѣхъ больше набралось своей братіи—купцовъ. Полуяновъ занялъ скамью подсудимыхъ съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, который уже впередъ пережилъ самое худшее. Это

настроеніе измѣнило ему только тогда, когда онъ узналъ въ публикѣ лицо жены. Онъ какъ-то весь съежился и точно сдѣлался меньше. Онъ не чувствовалъ на себѣ теперь жаднаго вниманія толпы, а видѣлъ только ее одну, цвѣтущую, молодую, жизнерадостную, и понялъ то, что они навѣки разлучены, и что все кончено, и что жить будутъ уже другіе. Его охватила жгучая тоска, и онъ съ ненавистью оглядѣлъ толпу, для которой еще недавно былъ своимъ и желаннымъ человѣкомъ.

„А, вы вотъ какъ!—сверлило у Полуянова въ мозгу, такъ что онъ ощущалъ физическую боль.—Подождите!“

Рядомъ съ Харитиной на первой скамьѣ сидѣлъ докторъ Кочетовъ. Она была не рада такому сосѣдству и старалась не дышать, чтобы не слышать перегорѣлаго запаха водки. А докторъ старался быть съ ней особенно любезнымъ, какъ бываютъ любезными на похоронахъ съ дамами въ траурѣ: вѣдь она до нѣкоторой степени являлась тоже героиней настоящаго суднаго дня. Послѣ подсудимаго публика удѣляла ей самое большое вниманіе и слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Харитина это чувствовала и инстинктивно приняла безстрастный видъ.

— Не вредно, — повторялъ докторъ, ухмыляясь. — Да-а... Suum cuique.

Это скрытое торжество волновало и сердило Харитину, и ей опять дѣлалось жаль мужа. Она даже насильно вызывала въ памяти тѣ нѣжныя сцены, которыя происходили у нея съ мужемъ въ острогѣ. Ей хотѣлось пожалѣть его по-хорошему, пожалѣть, какъ умѣютъ жалѣть любящія женщины, а вмѣсто этого она ни къ селу ни къ городу спросила доктора:

— Докторъ, вы не видали Галактіона?

— Какого Галактіона, madame?

— Ахъ, какой вы! Ну, мой зять, Колобовъ.

— А!.. Едва ли онъ будетъ здѣсь. У нихъ открытіе банка.

Въ слѣдующій моментъ Харитинѣ сдѣлалось совѣстно за свой вопросъ. Что ей за дѣло до Галактіона? Если бъ его и совсѣмъ не было на свѣтѣ, такъ для нея рѣшительно все равно. Пусть открываетъ банкъ, пусть строитъ свои пароходы, — она, все равно, останется одна. Ее еще въ первый разъ охватило это щемящее чувство одиночества. Вѣдь она такая молодая, вѣдь она еще совсѣмъ не жила, а тутъ точно затворяется подъ самымъ носомъ какая-то дверь, которая отниметъ и небо, и солнце, и свѣтъ. А виновникъ ея одиночества сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ такой несчастный, жалкій, даже не вызывавшій въ ней прежнихъ добрыхъ чувствъ, точно онъ былъ далеко-далеко и точно онъ былъ ея мужемъ давно-давно. Харитину начало охватывать молчаливое бѣшенство и къ этому жалкому арестанту, который смѣлъ называть себя ея мужемъ, и къ этому безсовѣстному любопытству чужой толпы, и къ судьямъ, и къ присяжнымъ. Ей хотѣлось крикнуть что-то такое обидное для всѣхъ, всѣхъ выгнать и остаться одной.

Въ теченіе цѣлаго дня происходилъ допросъ свидѣтелей, которыхъ вызывали безъ конца. Съ Полуяновымъ сдѣлался какой-то новый переворотъ, когда онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу своихъ обвинителей. Онъ поблѣднѣлъ, подтянулся и на время сдѣлался прежнимъ Полуяновымъ. Къ нему вернулось недавнее чувство дѣйствительности.

— Все, что я показывалъ у г. слѣдователя, невѣрно,—заявилъ онъ спокойно и твердо.—Да, невѣрно.

Въ Полуяновѣ вспыхнула прежняя энергія, и онъ вступилъ въ ожесточенный бой съ свидѣтелями, подавляя ихъ своею находчивостью, опытомъ и

смѣлостью натиска. Потухшіе глаза заблестѣли, на лицѣ выступили красныя пятна,—это былъ человѣкъ, рѣшившійся продать дорого свою жизнь.

Этотъ поворотъ оживилъ всѣхъ. Старый волкъ показалъ свои зубы. Особенно досталось попу Макару. Въ публикѣ слышался смѣхъ, когда онъ съ поповскою витіеватостью давалъ свое показаніе. Предсѣдатель принужденъ былъ остановить проявленіе неумѣстнаго веселья.

— Какъ же вы могли позволить, батюшка, чтобы Полуяновъ привезъ покойницу къ вамъ на погребъ?—допрашивалъ защищавшій Полуянова адвокатъ.—Вѣдь въ своемъ селѣ вы большая сила, первый человѣкъ.

— А что же я подѣлаю съ нимъ?—отвѣчалъ вопросомъ отецъ Макаръ.—По-нашему, по-деревенски, такъ говорятъ: стогомъ мыши не задавишь.

Публика опять смѣялась, такъ что предсѣдатель пригрозилъ удалить изъ залы засѣданія всѣхъ. Харитина точно вся приподнялась и вызывающе оглядывала сосѣдей. Чему они радуются?

Въ залѣ дѣлалось душно, особенно, когда зажгли лампы. Свидѣтелямъ не было конца. Всѣ самые тайные подвиги Полуянова выплывали на свѣтъ Божій. Свидѣтельствовали крестьяне, мѣщане, мелкіе и крупные купцы, какія-то бабы-торговки,—все это были данники Полуянова, привыкшіе ему платить изъ года въ годъ. Страница за страницей развертывалась картина безконечнаго сибирскаго хищенія. Многое Полуяновъ самъ забылъ и съ удивленіемъ говорилъ:

— Что же, можетъ-быть... Все можетъ быть. А я не помню... Да и гдѣ все одному человѣку упомнить?

Было два-три случая артистическаго взяточничества, и Полуяновъ самъ поправлялъ свидѣтелей, напоминая подробности. Онъ особенно напиралъ на то, за что бралъ взятки и производилъ вымогательства, но предсѣдатель его остановилъ.

— Это къ дѣлу не относится... да-съ.

Потомъ былъ сдѣланъ на два часа перерывъ. Харитина добилась свиданія съ мужемъ.

— Нѣтъ, погоди, я имъ еще покажу!—повторялъ онъ, сжимая кулаки.—Будутъ помнить Полуянова!.. А около тебя кто тамъ сидитъ?

— Докторъ Кочетовъ.

— Ты у меня смотри!

Отдохнувъ, Полуяновъ повелъ атаку противъ свидѣтелей съ новымъ ожесточеніемъ. Онъ требовалъ очныхъ ставокъ, дополнительныхъ допросовъ, вызова новыхъ свидѣтелей,—однимъ словомъ, всѣми силами старался затянуть дѣло и въ качествѣ опытнаго человѣка пользовался всякою оплошностью. Больше всего ему хотѣлось притянуть къ дѣлу другихъ, особенно такихъ важныхъ свидѣтелей, какъ о. Макаръ и запольскіе купцы.

Докторъ опять сидѣлъ рядомъ съ Харитиной и слегка раскачивался.

— Это конецъ древней исторіи Заполья, — говорилъ онъ Харитинѣ, забывая, что она жена подсудимаго. — Средней не будетъ, а прямо будемъ лупить по новой.

— Вы-то чему радуетесь?

— Я-то? Я—публика.

Потомъ поднялся какой-то глухой шумъ, и докторъ шепнулъ сосѣдкѣ:

— Вотъ и новая исторія привалила.

Въ залу, несмотря на давку, была впущена услужливымъ сторожемъ цѣлая толпа. Это былъ новый Коммерческій Зауральскій банкъ въ полномъ составѣ. Харитина сразу узнала и Май-Стабровскаго, и Драке, и Штоффа, и

Шахму, и Галактіона. Ей показалось, что послѣдній точно прятался за другими. Банковская компанія пріѣхала въ судъ прямо съ обѣда по случаю открытія банка, и всѣ имѣли празднично-разсѣянный видъ, точно пріѣхали на именины. Послѣднимъ сквозь толпу пробился Харитонъ Артемьичъ. Онъ былъ пьянъ и глупо улыбался, обводя публику невидѣвшими глазами. Кстати, за обѣдомъ, въ качествѣ почетнаго гостя, онъ чуть не побилъ Мышникова, который поэтому не явился въ судъ вмѣстѣ съ другими.

— Вотъ у меня какіе зятья!—хрипѣлъ Малыгинъ, указывая на скамью подсудимыхъ.—Семейная радость, однимъ словомъ.

Его съ трудомъ увели. На подъѣздѣ неистовый старикъ все-таки успѣлъ подраться съ судейскимъ курьеромъ и сейчасъ же заплатилъ за обиду.

Харитина вся выпрямилась, когда почувствовала присутствіе Галактіона,—она именно чувствовала, а не видѣла его. Ей сдѣлалось и обидно и стыдно за него, за то, что онъ ничего не понимаетъ, что онъ могъ обѣдать со своими банковскими, когда она здѣсь мучилась одна, что и сейчасъ онъ пришелъ въ это страшное мѣсто съ праздничнымъ хмелемъ въ головѣ. Другимъ-то все равно, и ему тоже. Даже Полуяновъ не сдѣлалъ бы такъ. Затѣмъ она чувствовала, что онъ смотритъ на нее и жалѣетъ, и ей захотѣлось вдругъ плакать, броситься къ нему на шею, убѣжать. Онъ, дѣйствительно, подошелъ къ ней, когда доктора зачѣмъ-то вызвалъ судейскій курьеръ, сѣлъ рядомъ и молча пожалъ ей руку. Потомъ онъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Вотъ насъ съ тобой такъ же будутъ судить, только вмѣстѣ.

Она со страхомъ отодвинулась отъ него, а онъ смотрѣлъ на нее и улыбался такою недоброю улыбкой.

VII.

Полуяновъ былъ осужденъ. Его приговорили къ ссылкѣ въ не столь отдаленныя мѣста Сибири, что было равносильно возвращенію на родину. Онъ опять упалъ духомъ и, вмѣсто послѣдняго слова, расплакался самымъ глупымъ образомъ. Его едва успокоили. Въ моментъ приговора Харитины въ залѣ суда уже не было. Она перестала интересоваться дѣломъ и уѣхала съ докторомъ утѣшать Прасковью Ивановну.

— Мы теперь овдовѣли, — говорила она, цѣлуя подругу: — ты по-настоящему, а я по-соломенному. Ахъ, какъ у тебя хорошо здѣсь, Прасковья Ивановна! Все свое, никто тебя не потревожитъ: сама большая, сама маленькая.

— Въ чужомъ ртѣ кусокъ великъ, — уклончиво отвѣтила Прасковья Ивановна.

Окончанія дѣла долженъ былъ ждать въ судѣ докторъ. Когда дамы остались однѣ, Харитина покачала головой и проговорила:

— Сопьется вконецъ паренекъ-то.

— Близко того дѣло.

— Знаешь что, Прасковья Ивановна, безпремѣнно его надо женить.

Эта мысль очень понравилась обѣимъ, и онѣ принялись обсуждать ее на всѣ лады. За невѣстами въ Заполье дѣло не станетъ. Вотъ, напримѣръ, хоть взять Нагибина—куда онъ кваситъ дочь? Денегъ у него тысячъ триста, и дочь-то одна. Положимъ, что она рябовата и немного коситъ,—ну, да доктору съ жениа лица не воду пить. Умный человѣкъ и самъ пойметъ, что съ голою красавицей наплачешься. Жалованьишко-то куда не велико, а тутъ и одѣнь, и обуй, и домъ поставь, и гостей принимай. Трудненько женатому-

то съ голою женой жить, а у Нагибиной всего много. Въ самый разъ доктору нагибинская дочь, хотя она и въ годкахъ. Сказываютъ, и съ поготкомъ дѣвушка,—попридержитъ мужа, когда нужно.

Въ самый разгаръ этихъ матримоніальныхъ соображеній вернулся изъ суда докторъ съ извѣстіемъ объ осужденіи Полуянова. Харитина отнеслась къ этой новости почти равнодушно, что̀ удивило даже Прасковью Ивановну.

— Какая-то ты каменная, Харитина. Вѣдь не чужой человѣкъ, а мужъ.

— Былъ мужъ, а теперь арестантъ... Что̀ же, по-твоему, я пойду за нимъ съ арестантскою партіей въ ссылку... надѣну арестантскій халатъ и пойду? Покорно благодарю!

— Все-таки... Ты бы хоть съѣздила къ нему въ острогъ.

— А если я не хочу? Не хочу, и все тутъ... И домой не хочу и къ отцу не пойду... никуда!

— Что̀ же ты будешь дѣлать?

— Не знаю.

Докторъ присутствовалъ при этой сценѣ нѣмымъ свидѣтелемъ и только могъ удивляться. Онъ никакъ не могъ понять поведенія Харитины. Разрѣшилась эта сцена неожиданными слезами. Харитина сѣла прямо на полъ и заплакала. Докторъ инстинктивно бросился ее поднимать, какъ человѣка, который оступился.

— Не надо... не надо...—шептала Харитина, закрывая лицо руками и защищаясь всѣмъ своимъ молодымъ тѣломъ.—Ахъ, какой вы глупый, докторъ! Вѣдь я еще не жила... совсѣмъ не жила! А я такая молодая, докторъ! Какая я гадкая!.. Понимаете, я ненавижу себя!.. Всѣхъ ненавижу... васъ... Оставьте меня, докторъ!

Прасковья Ивановна сдѣлала доктору глазами знакъ, чтобъ онъ уходилъ.

— Мужъ арестантъ и жена тоже, значитъ, арестантка,—повторяла Харитина, ломая въ отчаяніи руки.—Я не хочу... не хочу... не хочу!

Прасковья Ивановна долго отваживалась съ ней и никакъ не могла ее успокоить.

— Что̀ я такое? Ни дѣвка, ни баба, ни мужняя жена,—говорила Харитина въ какомъ-то бреду.—А мужа я ненавижу и ни за что не пойду къ нему! Я выходила замужъ не за арестанта!

— Все-таки нужно съѣздить къ нему въ острогъ,—уговаривала Прасковья Ивановна.—Послѣ, какъ знаешь, а сейчасъ нехорошо. Всѣ будутъ пальцами на тебя показывать. А что̀ касается... Ну, да за утѣшителями дѣло не станетъ!

— Никого мнѣ не нужно!

— А Галактіонъ?.. Вѣдь онъ былъ на судѣ и сидѣлъ рядомъ съ тобой. Что̀ онъ тебѣ говорилъ?

Харитина вспомнила предсказаніе Галактіона и засмѣялась. Вотъ придумалъ человѣкъ!.. А все-таки онъ пришелъ въ судъ, и она уже не чувствовала убивавшаго ее одиночества.

Придумывая, чѣмъ бы развлечь гостью, Прасковья Ивановна остановилась на блестящей мысли, которая поразила ее своею неожиданностью.

— Харитина, знаешь что̀: мы ищемъ богатую невѣсту доктору, а невѣста сама его ждетъ. Знаешь кто? Будемъ сватать за него твою сестру Агнію. Самому-то ему по мужскому дѣлу неудобно, а высватаю я.

— Ты?

— Я. Думаешь, испугалась, что говорятъ про Галактіона?

— Да тебя мамынька на порогъ не пуститъ.

— А вотъ и пуститъ. И еще спасибо скажетъ, потому выйдетъ такъ,

что я-то кругомъ чиста. Мало ли что про вдову наболтаютъ, только лѣнивый не скажетъ. Ну, а тутъ я сама объявлюсь,—ежели бы была виновата, такъ не пошла бы къ твоей мамынькѣ. Такъ я говорю?.. Всѣмъ будетъ хорошо... Да еще что, подошлемъ къ мамынькѣ сперва Серафиму. Еще того лучше будетъ... И ей будетъ лучше: какъ будто промежду насъ ничего и не было... Поняла теперь?

Этотъ смѣлый проектъ совсѣмъ захватилъ Харитину, такъ что она даже о своемъ горѣ позабыла.

— А докторъ-то какъ?—думала она вслухъ.—Вдругъ онъ не согласится... Агнія въ годкахъ, да и лицомъ не дошла.

— Ну, это ужъ мое дѣло! Я уговорю доктора, а ты къ Серафимѣ съѣзди... да.

Харитина настолько успокоилась, что даже согласилась съѣздить къ мужу въ острогъ. Полуяновъ былъ мраченъ, озлобленъ и встрѣтилъ жену почти враждебно.

— Спасибо, милая, что не забываешь мужа,—говорилъ онъ съ притворнымъ смиреніемъ.—Аще Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ... да.

— Не понимаю я, Илья Ѳирсычъ, какія ты загадки загадываешь,—равнодушно отвѣтила Харитина.

— Не понимаешь? Для другихъ я лишенный правъ и особенныхъ преимуществъ, а для тебя мужъ... да. Другіе-то теперь радуются, что Полуянова лишили всего, а сами-то еще хуже Полуянова... Если бы не этотъ проклятый попъ, такъ я бы имъ показалъ. Да еще погоди, доберусь!.. Конечно, меня сошлютъ, а я ихъ оттуда добывать буду... ххa! Они сейчасъ радуются, а потомъ я ихъ всѣхъ подберу.

Харитина слушала Полуянова, и ей казалось, что онъ рехнулся и начинаетъ заговариваться. Свиданіе кончилось тѣмъ, что онъ поссорился съ женой и даже затопалъ на нее ногами.

— И до тебя доберусь!—какъ-то зашипѣлъ онъ.—Ты думаешь, я совсѣмъ дуракъ и ничего не вижу? Своими руками задушу.

— Руки коротки,—дерзко отвѣтила Харитина и ушла не простившись.

На другой день Харитина получила отъ мужа самое жалкое письмо. Онъ униженно просилъ прощенія и умолялъ навѣстить его. Харитина разорвала письмо и не поѣхала въ острогъ. Ее теперь больше всего интересовала затѣя женить доктора на Агніи. Серафима отнеслась къ этой комбинаціи совершенно равнодушно и только замѣтила:

— Хочется тебѣ, Харитина, вязаться въ такое дѣло... Да и женихъ-то вашъ горькая пьяница.

— Да ты только мамынькѣ скажи, Серафима.

— Говори сама.

Въ сущности, этотъ планъ задѣлъ въ Серафимѣ неистребимую женскую слабость, и, поломавшись, она отправилась къ матери для предварительныхъ переговоровъ. Аноуса Гавриловна даже испугалась, когда было упомянуто имя ненавистной Бубнихи.

— Мамынька, вѣдь намъ съ ней не дѣтей крестить,—совершенно резонно объяснила Серафима.—А если Богъ посылаетъ Агніи судьбу... Не вѣкъ же ей въ дѣвкахъ вѣковать. Пьяница проспится, а дуракъ останется дуракомъ.

— Охъ, боюсь я, Сима... Какъ-то всѣхъ боюсь. Это тебя Харитинка подослала?

— Хоть бы и она, мамынька. Дѣло-то такое, особенное.

Два дня думала Аѳуса Гавриловна, плакала, молилась, а потомъ послала сказать Серафимѣ, что согласна.

Въ малыгинскомъ домѣ поднялся небывалый переполохъ въ ожиданіи „смотринъ“. Тутъ своего горя не расхлебаешь: Ліодоръ въ острогѣ, Полуяновъ пойдетъ на поселеніе, а тутъ новый зять прикачнулся. Главное, что въ это дѣло впуталась Бубниха, за которую хлопотала Серафима. Старушка Аѳуса Гавриловна окончательно ничего не понимала и дала согласіе на смотрины въ минуту отчаянія. Что же, посмотрятъ—не съѣдятъ.

Какъ согласился на эту комедію докторъ Кочетовъ, трудно сказать. Онъ попрежнему бывалъ у Прасковьи Ивановны по вечерамъ, какъ и раньше, пилъ бубновскую мадеру и слушалъ разговоры о женитьбѣ. Сначала эти разговоры поразили его своей нелѣпостью, а потомъ начали развлекать. Надо же чѣмъ-нибудь развлекаться. Прасковья Ивановна съ тактомъ опытной женщины не называла долго невѣсты по имени, поджигая любопытство подававшагося жениха. Докторъ шутилъ, пилъ мадеру и чувствовалъ, что его охватываетъ еще неиспытанное волненіе, а матримоніальные разговоры создавали сближающую обстановку.

Разъ, когда докторъ былъ особенно въ ударѣ, Прасковья Ивановна поймала его на словѣ и повезла.

— Интересно, что это будетъ за комедія,—посмѣивался докторъ.

— А вотъ увидите... Будьте смѣлѣе. Вѣдь дѣвушка еще ничего не понимаетъ, всего стѣсняется,—понимаете?

— Хорошо, хорошо... Знаете русскую поговорку: свату первая палка.

Докторъ былъ непріятно удивленъ, когда Прасковья Ивановна подвезла его къ малыгинскому дому. Онъ хотѣлъ даже улизнуть съ подъѣзда, но было уже поздно.

— Глупости!—рѣшительно заявляла Прасковья Ивановна, поддерживая доктора за руку.—Для васъ же хлопочу. Женитесь и человѣкомъ будете. Жена-то не дастъ мадеру пить зря.

Малыгинскій домъ волновался. Харитонъ Артемьичъ даже не былъ пьянъ и принялъ гостей съ озабоченною солидностью. Потомъ вышла сама Аѳуса Гавриловна, тоже встревоженная и какая-то несчастная. Докторъ понималъ, какъ старушкѣ тяжело было видѣть въ своемъ домѣ Прасковью Ивановну, и ему сдѣлалось совѣстно. Послѣднее чувство еще усилилось, когда къ гостямъ вышла Агнія, сдѣлавшаяся еще некрасивѣе отъ волненія. Она такъ неловко поклонилась и все время старалась не смотрѣть на жениха.

— А у меня все поясница къ ненастью тоскуетъ,—завелъ-было Харитонъ Артемьичъ политичный разговоръ, стараясь попасть въ тонъ будущему зятю доктору.—И съ чего бы, кажется, ей болѣть?

Прасковья Ивановна шушукалась съ невѣстой и нѣсколько разъ безъ всякой побудительной причины стремительно начинала ее цѣловать. Агнія еще больше конфузилась, и это дѣлало ее почти миловидной. Докторъ, чтобы выдержать свою жениховскую роль до конца, подошелъ къ ней и заговорилъ о какихъ-то пустякахъ. Но тутъ его поразили дрожавшія руки несчастной дѣвушки. „Нѣтъ, ужъ это слишкомъ“,—рѣшилъ докторъ и торопливо началъ прощаться.

— Куда же это вы?—какимъ-то упавшимъ голосомъ заговорилъ хозяинъ.—Выпили бы мадерцы... Я отъ поясницы грѣшнымъ дѣломъ мадерцей лѣчусь.

— Какъ-нибудь въ другой разъ, Харитонъ Артемьичъ,—бормоталъ докторъ.

— Что, понравилась вамъ невѣста? — спрашивала дорогой Прасковья Ивановна, еще охваченная свадебнымъ волненіемъ.

— Во-первыхъ, вы не должны мнѣ говорить „вы“, будущая посажёная мать,—отвѣтилъ докторъ, крѣпко притягивая къ себѣ сваху за талію, они ѣхали въ одномъ саняхъ: — а во-вторыхъ, я хочу мадеры, чтобы вспрыснуть удачное начало.

Въ передней, помогая раздѣваться свахѣ, докторъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ затылокъ, гдѣ золотистыми завитками отдѣлялись короткія прядки волосъ. Прасковья Ивановна кокетливо ударила его по рукѣ и убѣжала въ свою комнату съ легкостью и граціей расшалившейся дѣвочки.

„А вѣдь посажёная маменька того...“—думалъ докторъ, расхаживая въ ожиданіи мадеры по гостиной.

Прасковья Ивановна заставила себя подождать и вышла по-домашнему, въ шелковомъ пеньюарѣ. Ставя на столъ бутылку какой-то завѣтной мадеры, она съ кокетливой строгостью проговорила:

— Вотъ что, посажёный сынокъ, отъ тебя-то я не ожидала, что ты такой повѣса... Смотри, я строгая!

— Маменька, я больше не буду.

По возбужденному лицу Прасковьи Ивановны румянецъ разошелся горячими пятнами, и она старалась не смотрѣть на доктора, пока онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки.

— Ну, такъ что же, какъ невѣста?—спросила она измѣнившимся голосомъ, вскидывая на доктора влажные глаза.—Дѣвушка славная.

— Мнѣ главное—сколько приданаго... Будемте говорить серьезно, мамынька. Уговоръ на берегу.

— Вотъ ты какой, а? А раньше что говорилъ? Теперь, видно, за умъ хватился. У Малыгиныхъ для всѣхъ зятьевъ одинъ порядокъ: послѣ вѣнца десять тысячъ, а послѣ смерти родителей по раздѣлу съ другими.

— А нельзя до смерти ухватить все, мамынька?

Прасковья Ивановна лукаво посмотрѣла на дурачившагося доктора и тихо засмѣялась.

— Ахъ, повѣса, повѣса!—шептала она, оказывая слабое сопротивленіе, когда докторъ обнялъ ее и началъ цѣловать.— Я сейчасъ закричу... Какъ вы смѣете, нахалъ?.. Я... я...

VIII.

Коммерческій Зауральскій банкъ былъ открытъ. Помѣщался онъ на главной Московской улицѣ въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, отдѣланномъ спеціально для этой цѣли. Великолѣпный подъѣздъ, отдѣланная дубомъ передняя, широкая лѣстница, громадная зала съ дубовыми конторками для служащихъ, кассирская съ металлическою сѣткой, комната правленія съ зеленымъ столомъ и солидною мебелью, пріемная,—однимъ словомъ, все въ солидно-дѣловомъ, банковскомъ стилѣ. Когда Галактіонъ вошелъ сюда въ первый разъ, его охватило какое-то особенное чувство почти дѣтскаго страха. Да, здѣсь будутъ вершиться милліонныя дѣла, рѣшаться судьба громаднаго края и сосредоточиваться самые жгучіе интересы всѣхъ прикосновенныхъ къ коммерціи людей.

Правленіе новаго банка организовано было раньше. Въ него вошли членами Стабровскій, Штоффъ, Драке, Галактіонъ, Шахма и Мышниковъ. По настоянію Стабровскаго, управляющимъ банка былъ избранъ Драке. Галактіонъ

Отлично понималъ политику умнаго поляка, не хотѣвшаго выставлять себя въ первую голову и выдвинувшаго на отвѣтственный постъ безыменнаго и для всѣхъ безразличнаго нѣмца. Это было сдѣлано замѣчательно остроумно, какъ оказалось впослѣдствіи, потому что всѣ члены правленія въ затруднительныхъ случаяхъ ссылались на упрямаго нѣмца, съ которымъ никакъ не сладишь. Мышниковъ, кромѣ своего членства, еще получилъ званіе юрисконсульта. Самый щекотливый вопросъ былъ на первое время относительно членскихъ взносовъ. Изъ всѣхъ членовъ только Стабровскій и Шахма были людьми богатыми и не стѣснялись средствами. Затѣмъ нѣмцы гдѣ-то раздобылись, и Мышниковъ тоже. Оставался одинъ Галактіонъ, у котораго ничего не было.

— Это пустяки,—успокаивалъ его Стабровскій.—Мы это дѣло устроимъ.

Стабровскій самъ предложилъ Галактіону тридцать тысячъ, обезпечивъ себя, конечно, расписками и домашними векселями.

— Вѣдь это мнѣ рѣшительно ничего не стоитъ,—объяснилъ онъ смущавшемуся Галактіону.—Деньги, все равно, будутъ лежать, какъ у меня въ карманѣ, а года черезъ три вы ихъ выплатите мнѣ.

Получалось все-таки неловкое положеніе, и Галактіонъ почувствовалъ тѣ невидимыя путы, которыми связывалъ его Стабровскій. Вѣдь даромъ не оказываютъ такого широкаго довѣрія и не даютъ такихъ денегъ. Но другого исхода не было, и Галактіонъ вынужденъ былъ принять эту подачку. Кстати, эта комбинація оставила въ его душѣ затаенное и тяжелое чувство по отношенію къ благодѣтелю. А тутъ еще Мышниковъ, который почему-то не взлюбилъ Галактіона и позволялъ себѣ дѣлать какіе-то темные намеки относительно таинственнаго происхожденія членскаго взноса Галактіона. Опредѣленнаго никто и ничего не зналъ, даже Штоффъ, но Галактіонъ чувствовалъ себя первое время очень скверно, какъ человѣкъ, попавшій не въ свою компанію. Мышниковъ только изъ страха передъ Стабровскимъ не смѣлъ высказывать про Галактіона всего, что думалъ о немъ про себя. Новый юрисконсультъ отлично понималъ, что Стабровскій „создаетъ“ Галактіона въ какихъ-то своихъ личныхъ интересахъ и цѣляхъ. Это его злило, потому что Мышниковъ завидовалъ всякому успѣху, а тутъ еще являлось глухое соперничество по отношенію къ Харитинѣ. Однимъ словомъ, съ перваго же раза Мышниковъ и Галактіонъ сдѣлались настоящими врагами и взаимно ненавидѣли другъ друга.

— А знаешь, что я тебѣ скажу,—замѣтилъ однажды Штоффъ, слѣдившій за накипавшею враждой Мышникова и Галактіона:—вѣдь вы будете потомъ закадычными друзьями... да.

— Гусей по осени считаютъ, Карлъ Карлычъ.

— Будемъ посмотрѣть, Галактіонъ Михеичъ.

Кстати, Штоффъ былъ избранъ предсѣдателемъ правленія, хотя это и не входило въ планы Стабровскаго —онъ предпочелъ бы Галактіона, но тотъ пока еще не „поспѣлъ“. Стабровскій вообще считалъ необходимымъ выдерживать прыткаго нѣмца и не давать ему излишняго хода. Онъ почему-то ему не довѣрялъ.

Въ жизни новаго банка на первыхъ же порахъ возникало крупное недоразумѣніе съ Ечкинымъ, который остался въ Петербургѣ, устраивая акціи новаго банка на биржѣ. Это было очень сложное и отвѣтственное дѣло, которое могъ устроить только одинъ Ечкинъ. Но онъ чуть не бросилъ всего въ самомъ началѣ, когда узналъ, что онъ не попалъ въ члены банковскаго правленія, чего, видимо, ожидалъ. Онъ даже прислалъ на имя новаго правленія формаль-

ный отказъ, что̀ обезпокоило всѣхъ. Но Стабровскій только улыбнулся. Ечкинъ иногда позволялъ себѣ бунтовать, но все это была одна комедія,—онъ былъ совершенно „въ рукахъ“ у Стабровскаго. У нихъ были какіе-то многолѣтніе сибирскіе счеты, которые въ такихъ случаяхъ являлись для Ечкина холодною водой, отрезвлявшею его самое законное негодованіе, какъ было и въ данномъ случаѣ. Стабровскій ни за что не хотѣлъ участія Ечкина въ администраціи банка.

— Онъ и безъ этого получилъ больше всѣхъ насъ,—спокойно объяснялъ Стабровскій въ правленіи банка.—Вы только представьте себѣ, какая благодарная роль у него сейчасъ... О, онъ не будетъ напрасно терять дорогого времени! Вотъ посмотрите, что̀ онъ устроитъ.

Политика Стабровскаго по отношенію къ Галактіону скоро разъяснилась. Онъ пригласилъ его къ себѣ вечеромъ и предупредилъ съ обычною своею улыбкой:

— Мы сегодня серьезно займемся, Галактіонъ Михеичъ, однимъ дѣломъ... да.

Можно было предположить, что Стабровскій собирается путешествовать, потому что онъ подвелъ гостя къ отдѣльному столику, на которомъ была разложена большая карта.

— Вы не учились географіи?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ничего, выучимся... Это карта Урала и прилегающихъ къ нему губерній, съ которыми намъ и придется имѣть дѣло. У насъ своя географія. Какія все чудныя мѣста!.. Истинно страна, текущая млекомъ и медомъ. Здѣсь могло бы благоденствовать населеніе въ пять разъ большее... Такъ, вѣроятно, и будетъ когда-нибудь, когда насъ не будетъ на свѣтѣ.

Послѣ этихъ чувствительныхъ разсужденій Стабровскій перешелъ къ дѣлу. Онъ обозначилъ булавками всѣ пункты, гдѣ были винокуренные заводы, ихъ производительность и районъ дѣйствія.

— Намъ приходится серьезно считаться съ этими господами, Галактіонъ Михеичъ. Они очень ужъ просто привыкли забирать барыши совсѣмъ даромъ. Напримѣръ, Прохоровъ и К°. Вы слыхали о немъ?

— О, да!.. Только вамъ нечего бояться конкуренціи съ нимъ, Болеславъ Брониславичъ. Конечно, у нихъ дѣло старинное, установившееся, а у васъ есть свои преимущества въ рынкѣ и въ перевозкѣ.

— Да? Тѣмъ лучше, что мнѣ не нужно вамъ объяснять. Мы отлично понимаемъ другъ друга.

Сообразительность Галактіона очень понравилась Стабровскому. Онъ такъ цѣнилъ людей, умѣющихъ понимать съ полуслова, какъ было въ данномъ случаѣ. Всѣ эти разговоры имѣли только подготовительное значеніе, а къ главному Стабровскій приступилъ потомъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Галактіонъ Михеичъ... Гм... Видите ли, намъ приходится бороться главнымъ образомъ съ Прохоровымъ... да. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы отправились къ нему и повели необходимые переговоры. Понимаете, мнѣ самому это сдѣлать неудобно, а вы посторонній человѣкъ. Необходимыя инструкціи я вамъ дамъ, и остается только выдержать характеръ. Все дѣло въ характерѣ.

Это предложеніе немного смутило Галактіона, и онъ откровенно проговорилъ:

— Отчего вы не поручите этого Штоффу? Онъ опытнѣе меня.

— Хотите, чтобы я сказалъ вамъ все откровенно? Штоффъ именно для такого дѣла не годится... Онъ слишкомъ юрокъ и не умѣетъ внушать къ себѣ

довѣрія, а затѣмъ тутъ все дѣло въ тактѣ. Наконецъ, мѣшаетъ просто его нѣмецкая фамилія... Вы понимаете меня? Для васъ это будетъ хорошимъ опытомъ.

Не теряя времени, Стабровскій сейчасъ же разъяснилъ сущность дѣла, причемъ Галактіонъ пришелъ въ ужасъ. Этотъ богатый панъ зналъ, кажется, рѣшительно все и впередъ сосчиталъ каждое зерно у мужика и каждую копейку выгоды, какую можно было получить. Говоря о конкуренціи сильной фирмы Прохоровъ и К°, онъ впередъ опредѣлилъ сумму возможныхъ убытковъ и всѣ комбинаціи, при которыхъ могли получиться такіе убытки. Это ужъ совсѣмъ не походило на тотъ авось, съ какимъ русскіе купцы вели свои дѣла. Тутъ все было на счету, и Стабровскій могъ разсказать чужія дѣла, какъ свои.

„Что же это такое?—спрашивалъ Галактіонъ самого себя, когда возвращался отъ Стабровскаго домой.—Какъ же другіе-то будутъ жить?“

Онъ понималъ, что Стабровскій готовился къ настоящей и неумолимой войнѣ съ другими винокурами и что, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ выиграть, благодаря знанію, предусмотрительности и смѣлости, не останавливающейся ни передъ чѣмъ. Ничего подобнаго раньше не бывало, и купеческія дѣла велись ощупью, по старинкѣ. Галактіонъ понималъ также и то, что винное дѣло—только ничтожная часть другихъ финансовыхъ операцій, и что новый банкъ является здѣсь страшною силой, какъ хорошая паровая машина.

Онъ шелъ домой пѣшкомъ, чтобъ освѣжиться. Падалъ первый снѣжокъ. Въ окнахъ мелькали желтые огоньки. Гдѣ-то звонили ко всенощной. Дневная сутолока кончалась, и только освѣщены были лавки и магазины. Галактіону вдругъ сдѣлалось жаль этого маленькаго городка, жившаго до сихъ поръ тихо и мирно. Что съ нимъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своемъ пути все, какъ прорвавшая плотину вода

И онъ явился покорнымъ слугой этой силы съ перваго раза. Для него оставалось много непонятнаго, начиная съ собственнаго положенія. Какъ это все легко дѣлается: недавно еще у него ничего не было, а сейчасъ онъ уже зарабатывалъ столько, что не могъ даже мечтать раньше о подобномъ благополучіи. И притомъ онъ являлся нужнымъ человѣкомъ, у него было уже свое опредѣленное мѣсто. Впереди рисовались радужныя картины, и нехорошо было только то, что все это будущее неразрывно было связано со Стабровскимъ и его компаніей. Галактіону казалось, что онъ чему-то измѣняетъ, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному.

Съ другой стороны, съ каждымъ днемъ его все сильнѣе и сильнѣе охватывала жажда широкой дѣятельности и большихъ дѣлъ. Онъ уже понималъ, что личное обогащеніе еще не даетъ ничего, а запольскіе коммерсанты дальше этого никуда не шли, потому что дальше своего носа ничего не видѣли и не желали видѣть. Галактіону стоило только подумать о Стабровскомъ или Ечкинѣ, которые ворочали милліонными дѣлами, какъ онъ сейчасъ же видѣлъ самого себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ. Да, это были настоящіе, большіе люди и только они умѣли жить по-настоящему, по-большому.

Подъ этимъ настроеніемъ Галактіонъ вернулся домой. Въ послѣднее время ему такъ тяжело было оставаться подолгу дома, хотя, съ другой стороны, и дѣваться было некуда. Сейчасъ у Галактіона мелькнула-было мысль о томъ, чтобы зайти къ Харитинѣ, но онъ удержался. Что ему тамъ дѣлать? Да и нехорошо... Мужъ въ острогѣ, а онъ будетъ за женой ухаживать.

Подходя къ дому, Галактіонъ удивился, что всѣ комнаты освѣщены.

Гости у нихъ почти не бывали. Кто бы такой могъ быть? Оказалось, что пріѣхалъ суслонскій писарь Замараевъ.

— Ты ужъ меня извини, что по-деревенски ввалился безъ спросу,— оправдывался Замараевъ.—Я было-заѣхалъ къ тестю, да онъ меня такъ повернулъ... Ну, Богъ съ нимъ. Я и поѣхалъ къ тебѣ.

— Что жъ, я очень радъ... А что касается Харитона Артемыча, такъ не каждое лыко въ строку. Какъ на него взглянетъ.

— Обычно оно, Галактіонъ Михеичъ. Вѣдь не чужой человѣкъ пріѣхалъ. Анфуса-то Гавриловна была рада, а онъ чуть въ шею не вытолкалъ. Конечно, я—деревенскій человѣкъ, а все-таки...

— Пустяки... Потомъ помиритесь.

Галактіонъ искренно былъ радъ гостю, потому что не такъ тошно дома. За чаемъ онъ наблюдалъ жену, которая все время молчала, какъ зарѣзанная. Тутъ было все: и ненависть къ нему, и пре рѣніе къ деревенской родинѣ.

— А вы тутъ засудили Илью Ѳирсыча?—болталъ писарь, счастливый, что можетъ поговорить. — Слышали мы еще въ Суслонѣ... да. Жаль, хорошій былъ человѣкъ. Тоже вотъ и про банкъ вашъ наслышались. Что же, въ добрый часъ... По другимъ городамъ вездѣ банки заведены. Нельзя отставать отъ другихъ-то, не тѣ времена.

— Да...—неопредѣленно отвѣчалъ Галактіонъ, не зная, что ему отвѣчать.

— И Бубнова похоронили,—не унимался Замараевъ.—Зналъ я его въ прежнія времена... Жаль. А слышали новость: Прасковья Ивановна замужъ выходитъ.

— Какъ выходитъ?—спросили въ голосъ мужъ и жена.

— Выходитъ, какъ другія прочія вдовы выходятъ.

— За кого?

— А за доктора... Значитъ, сама нашла свою судьбу. И то сказать, баба пробойная,—некогда ей горевать. А я тутъ встрѣтилъ ея брата, Голяшкина. Мы съ нимъ дружки прежде бывали. Ну, онъ мнѣ все и обсказалъ. Свадьба послѣ Святокъ... Что же, докторъ маху не далъ. У Прасковьи Ивановны свой капиталъ.

Потомъ оказалось, что Замараевъ успѣлъ побывать и въ острогѣ, у Ильи Ѳирсыча,—однимъ словомъ, обѣжалъ цѣлый городъ.

IX.

Замараевъ поселился у Галактіона, и послѣдній былъ радъ живому человѣку. По вечерамъ они часто и подолгу бесѣдовали между собой, и Галактіонъ могъ только удивляться той особенной деревенской жадности, какою былъ преисполненъ суслонскій писарь,—это не была даже жажда наживы въ собственномъ смыслѣ, а именно слѣпая и какая-то неистовая жадность.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ, старинка-то приказала долго жить,—повторялъ Замараевъ, дѣлая вызывающій жестъ.—По нонѣшнимъ временамъ вонъ какіе народы проявились. Они, братъ, выучатъ жить. Темноту-то какъ рукой снимутъ... да. На что бабы, и тѣ вполнѣ чувствуютъ. Вонъ Серафима Харитоновна какъ на меня поглядываетъ, даромъ что хлѣбъ-соль еще недавно водили.

— Не отъ ума она, Флегонтъ Васильичъ.

— А вотъ и нѣтъ! И я даже весьма понимаю, потому что мы, деревенскіе, прямые дураки выходимъ. Серафима-то Харитоновна и выходитъ права, потому какъ темнота-съ... А только по женской своей части она, ко-

нечно, не понимаетъ, что и темнота тоже проснулась и начала коношиться. Всѣ ищутся, Галактіонъ Михеичъ... Вы вотъ тутъ банки открываете и разныя прочія огромадныя дѣла затѣваете, а отъ васъ и къ намъ щепки летятъ... да-съ. Теперь взять Ключевую,—она вся зашевелилась. Мельники-то, которые жили всю жисть по старинкѣ, и тѣ очухались. Недалеко ходить, взять хоть вашего тятеньку, Михея Зотыча,—заразъ двѣ новыхъ мельницы строитъ. Вѣдь старичокъ, а какъ хлопочетъ. Ну, и другіе народы поднялись на дыбы... Кто во что горазд. И у всѣхъ ужъ на умѣ: не хватитъ своего капитала, въ банкѣ прихвачу и оборочусь. Вотъ какое дѣло... Ужъ всѣ пронюхали, гдѣ жаренымъ пахнетъ.

На повѣрку оказалось, что Замараевъ, дѣйствительно, зналъ почти все, что дѣлалось въ Запольѣ, и мучился, что „новые народы“ оберутъ всѣхъ и вся,—мучился не изъ сожалѣнія къ тѣмъ, которыхъ оберутъ, а только потому, что самъ не могъ принять дѣятельнаго участія въ этомъ обираніи. Онъ зналъ даже подробности готовившагося похода Стабровскаго противъ другихъ винокуровъ и по-своему одобрялъ.

— Такъ и надо... Валяй ихъ! Не тѣ времена, чтобы, напримѣръ, лежа на боку... Шабашъ! У волка въ зубѣ — Егорій далъ. Учить насъ надо, а за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

— Ну, а какъ твоя ссудная касса?

— Большимъ кораблямъ большое плаваніе, а мы около бережку будемъ ползать... Передъ отъѣздомъ мы съ попомъ Макаромъ молебствіе отслужили угодникамъ безсребренникамъ. Какъ же, все по порядку. Тоже и мы понимаемъ, какъ и что слѣдуетъ: воздадите кесарево кесарю... да Главная причина, Галактіонъ Михеичъ, что жаль мелкіе народы. Сейчасъ-то они вонъ сто процентовъ платятъ, а у меня будутъ платить всего тридцать шесть... Да тамъ еще кланялись сколько, да еще отрабатывали благодарность, а тутъ на, получай, и только всего.

Эта теорія благодѣянія блѣднымъ разсмѣшила Галактіона своею наивностью, хотя въ основѣ и была извѣстная доля правды.

— Такъ благодѣтелемъ хочешь быть? — смѣялся онъ, хлопая Замараева по плечу. — Съ зубовъ кожу будете драть, изъ блохи голенища кроить?

— А мы у васъ, Галактіонъ Михеичъ, учимся... Даже вотъ какъ учимся. Вамъ-то вотъ смѣшно, а намъ слезы.

— Перестань ты дурака валять, Флегонтъ Васильичъ. Сами вы кого угодно проведете и надуете.

Замараевъ, живя въ Запольѣ, обнаружилъ необыкновенную пронырливость, и, кажется, не было угла, гдѣ бы онъ не побывалъ, и такой щели, которую бы онъ не обнюхалъ съ опытностью настоящаго сыщика. Эта энергія удивляла Галактіона, и онъ разъ, незадолго до отъѣзда въ резиденцію Прохорова и К°, спросилъ:

— А ты не былъ у Харитины, Флегонтъ Васильичъ?

— Нѣтъ, не довелось.

— Почему?

— Все собираюсь, да какъ-то не могу дойти. А надо бы повидать. Прежде-то не посмѣлъ бы, когда Илья Ѳирсычъ царствовали, а теперь-то даже очень просто.

— Вотъ что, Флегонтъ Васильичъ... — замялся немного Галактіонъ. — А если я тебя попрошу зайти къ ней? Понимаешь, ты какъ будто отъ себя...

— Могу.

— Пожалуйста, не проболтайся.

— Сдѣлай милость. Тоже не лѣвою ногой сморкаемся.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... да... Она послѣ мужа осталась безъ гроша. Имущество все описано. Чѣмъ она жить будетъ? Самому мнѣ говорить объ этомъ какъ-то неудобно. Гордая она, а тутъ еще.. Однимъ словомъ, женская глупость. Моя Серафима вздумала ревновать. Понимаешь?

— Въ лучшемъ видѣ. Извѣстно, бабы.

— Такъ вотъ я съ удовольствіемъ помогъ бы ей... на первое время, конечно. Къ отцу она тоже не пойдетъ.

— Вотъ это даже совсѣмъ напрасно. Одно малодушіе.

— Я знаю ея характеръ: не пойдетъ... А поголодаетъ, посидитъ у хлѣба безъ воды и выкинетъ какую-нибудь глупость. Есть тутъ одинъ адвокатъ, Мышниковъ, такъ онъ давно за ней ухаживаетъ. Однимъ словомъ, долго ли до грѣха? Такъ вотъ я и хотѣлъ предложить съ своей стороны... Но отъ меня-то она не приметъ. Ни-ни! А ты можешь такъ сказать, что много былъ обязанъ Ильѣ Ѳирсычу по службѣ и что можешь по-родственному ссудить. Только требуй съ нея вексель, а то догадается.

— Весьма понимаю. Горденька Харитина Харитоновна.

— Да, да. Такъ сдѣлай это для меня. Какъ-нибудь сочтемся. Рука руку [illegible] Флегонтъ Васильичъ.

— Ужъ будь спокоенъ. Такъ подведемъ, что и сама не услышитъ. Тоже и мы не [illegible] уголъ рожей, хоша и деревенскіе.

— Пожалуйста, меня она очень безпокоитъ.

[illegible]кій писарь отправился къ Харитинѣ „на той же ногѣ“ и засталъ ее дома, почти въ совершенно пустой квартирѣ. Она лежала у себя въ спальнѣ, на своей роскошной постели, и курила папиросу. Замараева больше всего смутила именно эта папироса, такъ что онъ не зналъ, съ чего начать.

— Завернулъ къ вамъ, Харитина Харитоновна... Жена Анна наказывала. Непремѣнно, грить, провѣдай любезную сестрицу Харитину и непремѣнно, грить, зови ее къ намъ въ Суслонъ погостить.

— Это въ деревню-то? — удивилась Харитина. — Да вы тамъ съ женой оба съ ума спятили!

— А вы не сердитесь на нашу деревенскую простоту, Харитина Харитоновна, потому какъ у насъ все по душамъ... А я-то такъ кругомъ обязанъ Ильей Ѳирсычемъ, по гробъ жизни. Да и такъ люди не чужіе... Ежели, напримѣрно, вамъ насчетъ денежныхъ средствъ, такъ съ нашимъ удовольствіемъ. Конечно, расписочку тамъ на всякій случай выдадите, — это такъ, для порядку, а только не сумлѣвайтесь. Весь передъ вами, въ томъ родѣ, какъ свѣча горю.

Противъ ожиданія, Харитина отнеслась къ этому предложенію съ дѣловымъ спокойствіемъ и не безъ гордости отвѣтила:

— Сейчасъ мнѣ не хочется занимать денегъ у отца, но я отдамъ въ самомъ скоромъ времени... У меня будутъ деньги.

— Само собою разумѣется, какъ же безъ денегъ жить? Вѣдь я хоша и говорю вамъ о документѣ, а даю деньги все одно, какъ кладу къ себѣ въ карманъ. По-родственному, Харитина Харитоновна. Чужимъ-то все равно, а свое болитъ... да. Заходилъ я и къ Ильѣ Ѳирсычу. Въ большое малодушіе впадаетъ.

— Не говорите мнѣ про него!

— Я такъ, къ слову.

— Вотъ вы о родственникахъ заговорили... Хороши бываютъ родственнички! Ну, да не стоитъ объ этомъ говорить!

Харитина разошлась до того, что предложила чаю. Она продолжала лежать на постели совсѣмъ одѣтая и курила одну папиросу за другой.

— Извините меня, Харитина Харитоновна, — насмѣлился Замараевъ. — Конечно, я деревенскій мужикъ и настоящаго городского обращенія не могу вполнѣ понимать, а все-таки дамскому полу какъ будто и не того, не подобаетъ цыгарки курить. Ужъ вы меня извините, а это самое плохое занятіе для настоящей дамы.

— Пустяки, это отъ скуки, — коротко объяснила Харитина, улыбаясь. — Что мнѣ больше-то дѣлать? А тутъ мысли разгоняетъ.

— Это конечно-съ. А когда прикажете доставить вамъ деньги? Впрочемъ, я и сейчасъ могу-съ, а вы только на бумажкѣ-съ черканите.

— А сколько вы можете мнѣ дать сейчасъ? Тысячу?

— Многонько-съ. Сотенный билетъ могу, а когда издержите — другой. Тысячу-то и потерять можно по женскому дѣлу.

Харитина взяла деньги, небрежно сунула ихъ подъ подушку, а оттуда вынула два мужскихъ портрета.

— Который больше нравится? — спрашивала она, улыбаясь.

— Одного-то я знаю... господинъ Мышниковъ-съ?

— А другой — еврей Ечкинъ.

— Такъ-съ, слышали.

— Вотъ я и гадаю: на котораго счастье выпадетъ.

Замараевъ поднялся съ видомъ оскорбленнаго достоинства и проговорилъ:

— Не пригоже вамъ, Харитина, Харитоновна, отецкой дочери, такія выговаривать слова, а мнѣ непригоже ихъ слушать. И для-ради шутки даже не годится.

— Ну, такъ проваливай! — грубо отвѣтила Харитина. — Тоже сахаръ нашелся!.. А впрочемъ, мнѣ все равно. Ты гдѣ остановился-то?

— Я-то? Значитъ, сперва къ тятенькѣ размахнулся, ну, а какъ они меня обзатылили, такъ я къ Галактіону Михеичу... у нихъ-съ.

— А! Скажи Галактіону поклончикъ.

Вторая половина разговора шла уже на „ты“, и Замараевъ только качалъ головой, уходя отъ разжалованной исправницы.

Вернувшись домой, писарь ничего не сказалъ Галактіону о портретахъ, а только встряхивалъ головой и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

— Нда-съ, дама-съ... можно сказать... и притомъ огненный карахтеръ.

— А что? — спрашивалъ Галактіонъ.

— Да такъ, вообще... Однако деньги соблаговолили принять и расписку обѣщали прислать. Значитъ, своя женская гордость особо, а денежки особо. Нда-съ, дама-съ!

Галактіонъ только молча пожалъ руки своему сообщнику и сейчасъ же уплатилъ выданныя Харитинѣ деньги.

— Не въ коня кормъ, — замѣтилъ наставительно писарь. — Конечно, у денегъ глазъ нѣтъ, а все-таки, когда есть, напримѣрно, свои дѣти...

— Ну, объ этомъ не безпокойся. Деньги будутъ, сколько угодно. Не въ деньгахъ счастье.

Замараевъ только угнетенно вздохнулъ. Очень ужъ легко нынче въ Запольѣ о деньгахъ разговариваютъ. Взять хотя того же Галактіона. Давно ли по красному билету занималъ, а тутъ и сотенный не жаль. Совсѣмъ малодушный человѣкъ.

По вечерамъ писарь оставался обыкновенно дома, сохраняя деревенскую привычку, а Галактіонъ уходилъ въ свой банкъ или къ Стабровскому. Писарю

дѣлалось иногда скучно, особенно когда дѣти укладывались спать. Онъ безцѣльно шагалъ по кабинету, что-то высчитывая и прикладывая въ умѣ, напѣвалъ что-нибудь изъ духовнаго и терпѣливо ждалъ хозяина, безъ котораго не могъ ложиться спать. Это сидѣнье поневолѣ сблизило его съ хозяйкой, относившейся къ нему сначала съ холоднымъ пренебреженіемъ. Притомъ писарь замѣтилъ, что вечеромъ Серафима дѣлалась какъ-то добрѣе и даже сама вступала въ разговоръ. Разспрашивала его о Сусловѣ, какъ живетъ Емельянъ съ тайною женой, что подѣлываетъ Михей Зотычъ и т. д. Замараевъ каждый разъ думалъ, что Серафима утишилась и признала его за равноправнаго родственника, но каждое утро его разочаровывало въ этомъ, — утромъ къ Серафимѣ не было приступа, и она не отвѣчала ему и даже не смотрѣла на него. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что она не хотѣла уронить своего достоинства при мужѣ. Но въ концѣ концовъ онъ понялъ истинную причину.

Разъ за вечернимъ чаемъ Серафима была особенно оживлена и проговорила:

— Скучно вамъ у насъ, Флегонтъ Васильичъ?

— Зачѣмъ скучать? Нѣтъ, ничего.

— Вѣдь я вижу... И мнѣ тоже скучно. Вотъ что, давайте играть въ дурачки.

— Что же, съ удовольствіемъ, Серафима Харитоновна. Мы иногда съ нашею попадьей Луковной до зла-горя играемъ... Даже ссоримся.

Они устроились тутъ же, за чайнымъ столикомъ. Серафима подсѣла совсѣмъ близко, и Замараевъ, сдавая карты, долженъ былъ наклоняться. Когда онъ остался въ дуракахъ и Серафима расхохоталась, на него вдругъ пахнуло виномъ. Игра повторилась въ другой разъ, и Замараевъ замѣтилъ то же самое. Серафима выходила по нѣскольку разъ изъ-за стола и возвращалась изъ своей комнаты еще веселѣе. Больше не оставалось сомнѣнія, что она тайкомъ напивалась каждый вечеръ тою самою мадерой, которую нещадно пило все Заполье. Разъ Серафима „перепаратила“ настолько, что даже чуть не упала.

Что было дѣлать Замараеву? Предупредить мужа, поговорить откровенно съ самой, объяснить все Аѳусѣ Гавриловнѣ, — ни то, ни другое, ни третье не входило въ его планы. Съ какой стати онъ будетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла? Да и доказать это трудно, а онъ можетъ остаться въ дуракахъ.

„Э, моя хата съ краю! — рѣшилъ писарь и махнулъ рукой. — Сказанное слово—серебряное, а несказанное—золотое“.

Въ домѣ Галактіона пахло уже мертвымъ.

X.

Передъ самымъ отъѣздомъ Галактіона была получена новая корреспонденція, взволновавшая все Заполье. Неизвѣстный корреспондентъ раздѣлывалъ новыхъ дѣльцовъ, начинавшихъ съ организаціи банка. Досталось тутъ и Галактіону, какъ перебѣжчику отъ своей купеческой партіи. Писалъ, видимо, человѣкъ свой, знавшій въ тонкости всѣ запольскія дѣла и всѣхъ запольскихъ воротилъ. Къ разысканію таинственнаго писаки приняты были всѣ мѣры, которыя ни къ чему рѣшительно не привели. Обозленные банковцы дошли до невѣроятныхъ предположеній. Особенно волновался Штоффъ.

— Это писала протопопская дочь, — увѣрялъ онъ въ отчаяніи. — Она кончила гимназію,—ну, и написала.

Въ розыскѣ принялъ участіе даже Замараевъ, который подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ Галактіону:

— Некому больше, какъ вашему адвокату Мышникову. У тебя съ нимъ контры, вотъ онъ и написалъ. Небось, о себѣ-то ничего не пишетъ. Некому другому, кромѣ него.

Какъ это иногда случается, отъ излишняго усердія даже неглупые люди начинали говорить глупости.

На Галактіона корреспонденція произвела сильное впечатлѣніе, потому что въ ней было много горькой правды. Его поразило больше всего то, что такъ просто раскрывались самыя тайныя дѣла и мысли, о которыхъ, кажется, знали только четыре стѣны. Этакъ, пожалуй, и шевельнуться нельзя, — сейчасъ накроютъ. Газета въ его глазахъ получила значеніе какой-то карающей судьбы, которая всякаго найдетъ и всякому воздастъ по его заслугамъ. Это была не та мистическая правда, которой жили старинные люди, а правда новая, называющая всенародно вещи ихъ именами.

Изъ Заполья Галактіонъ уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи. Вѣдь если разобрать, такъ въ газетѣ сущую правду пропечатали. Дорогой какъ-то лучше думается, да и впечатлѣнія другія. Заводы Прохорова и К° были уже въ степи, и ѣхать до нихъ приходилось цѣлыхъ полтора сутокъ. Кругомъ разстилались поля. Теперь они были занесены снѣгомъ. Изрѣдка попадались степныя деревушки. Здѣсь уже была другая стройка, чѣмъ на Ключевой: избенки маленькія, крыши соломенныя, надворныя постройки налажены кое-какъ изъ плетня, глины и соломы. Но народъ жилъ справно, благодаря большимъ надѣламъ, степному чернозему и близости орды, съ которой шла мѣна на хлѣбъ. Много было всякаго крестьянскаго добра, а корреспондентъ уже пишетъ о разореніи края и о будущемъ обѣднѣніи. Галактіону вдругъ сдѣлалось совѣстно, когда онъ припомнилъ слова отца. Вотъ и сейчасъ онъ ѣдетъ, въ сущности, по нечистому дѣлу, чтобы Стабровскій за здорово живешь получалъ отступное въ сорокъ тысячъ.

Да, нехорошо. А все оттого, что приходится служить богатымъ людямъ. То ли бы дѣло, если бы завести хоть одинъ пароходикъ, — всѣмъ польза и никто не въ обидѣ.

— Ну, какъ вы тутъ живете? — спрашивалъ Галактіонъ одного рыжебородаго ямщика, бойкаго и смышленаго.

— А ничего, ваше степенство. Слава Богу, живемъ, нога за ногу не задѣваемъ.

Обернувшись, ямщикъ прибавилъ:

— У насъ вотъ какъ, ваше степенство... Теперь въ страду, когда хлѣбъ убираютъ, такъ справные мужички въ полѣ не дожинаютъ хлѣбъ начисто, а оставляютъ „Николѣ на бородку“. Ежели которые бѣдные,—ну, тѣ и подберутъ остатки-то. Ничего, справно народъ живетъ. Богатеи есть, у которыхъ по три года хлѣбъ въ скирдахъ стоитъ.

Отъѣхавъ станцій пять, Галактіонъ встрѣтилъ, къ своему удивленію, Ечкина, который мчался на четверкѣ въ Заполье. Онъ остановилъ лошадей.

— Вы это къ Прохорову?—спрашивалъ Ечкинъ.

— Да... А вотъ вы были въ Петербургѣ, а ѣдете изъ степи.

— Э, батенька, волка ноги кормятъ! Изъ Петербурга я проѣхалъ черезъ Оренбургъ въ степь, дѣла есть съ проклятымъ Шахмой, а теперь качу въ Заполье. Ну, какъ у васъ тамъ дѣла?

— Да ничего, помаленьку.

— Вотъ всѣ вы такъ: помаленьку да помаленьку, а я этого терпѣть не

могу. У меня, батенька, цѣлая куча новыхъ проектовъ. Дѣла будемъ дѣлать. Едва уломалъ дурака Шахму. Стеариновый заводъ будемъ строить. Шахма, Малыгинъ и я. Потомъ вальцовую мельницу... Потомъ стеклянный заводъ, кожевенный, бумагу будемъ дѣлать. По пути я откупилъ два соляныхъ озера.

Ечкинъ не утерпѣлъ и выскочилъ изъ своего щегольского зимняго экипажа. Онъ такъ и сіялъ здоровьемъ.

— Ахъ, сколько дѣла! — повторялъ онъ, не выпуская руки Галактіона изъ своихъ рукъ.—Вы меня, господа, оттерли отъ банка, ну, да я и не сержусь, — гдѣ наше не пропадало? У меня по горло другихъ дѣлъ. Скажите, Луковниковъ дома?

— Да... Онъ, кажется, никуда не ѣздитъ.

— Отлично. Мнѣ его до зарѣзу нужно. Полуянова засудили? Бубновъ умеръ? Слышалъ... Все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, Галактіонъ Михеичъ. А я, какъ видите, не унываю. Сто неудачъ — одна удача, и въ этомъ заключается вся высшая математика. Вотъ только времени не хватитъ. А вы синдикатъ устраивать ѣдете?

— Какой синдикатъ?

— Ну, по-вашему сдѣлочка. Знаю... До свиданія. Лечу.

Неугомонный человѣкъ исчезъ, какъ метеоръ.

Ечкинъ поражалъ Галактіона своею необыкновенной энергіей, смѣлостью и умѣньемъ выпутаться изъ какого угодно положенія. Сначала онъ относился къ нему съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, какъ къ жиду, но теперь это дѣтское чувство совершенно заслонялось другими соображеніями. Вотъ какъ нужно жить на бѣломъ свѣтѣ, вотъ какъ работать.

Прохоровскіе винокуренные заводы въ степи представляли собой что-то въ родѣ небольшого городка. Издали еще виднѣлись высокія дымившіяся трубы, каменные корпуса, склады зерна, амбары и десятки другихъ заводскихъ построекъ. Отдѣльно стояли контора, домъ самого Прохорова, квартиры для служащихъ и простыя избушки для рабочихъ. Мѣсто было глухое, и Прохоровъ выбралъ его по какому-то дикому капризу. Поговаривали, что главный расчетъ заключался въ отдаленности акцизнаго надсмотра, хотя это и относилось уже къ доброму старому времени.

Самъ Прохоровъ былъ дома, потому что никуда и никогда не ѣздилъ уже лѣтъ двадцать. Его мучило вѣчное недовѣріе ко всему и ко всѣмъ: обокрадутъ, подожгутъ, зарѣжутъ,—вообще изведутъ. Простой народъ называлъ его „пятачкомъ“,—у Прохорова была привычка во что бы то ни стало обсчитать на пятачокъ. Вѣдь никто не пойдетъ судиться изъ-за пятачка и терять время, а такихъ пятачковъ набѣгало при расчетахъ тысячи. Даже жалованье служащимъ онъ платилъ на пятачокъ меньше при каждой выдачѣ. Это былъ налогъ, который несли всѣ, такъ или иначе попадавшіе въ Прохоровку.

Галактіона винокуренный степной король принялъ съ особымъ недовѣріемъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, — повторялъ онъ.—О Стабровскомъ слышали... да. А только это насъ не касается.

По наружности Прохоровъ напоминалъ ветхозавѣтнаго купца. Онъ ходилъ въ длиннополомъ сюртукѣ, смазныхъ сапогахъ и ситцевой рубахѣ. На видъ ему можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя ни одинъ сѣдой волосъ не говорилъ объ этомъ. Крѣпкій вообще человѣкъ. Когда Галактіонъ принялся излагать подробно свою миссію, Прохоровъ остановилъ его на полдорогѣ.

— Это насъ не касается, милый человѣкъ. Господинъ Стабровскій самъ по себѣ, а мы сами по себѣ... да-съ. И я даже удивляюсь, что вамъ отъ меня нужно.

— Вы сейчасъ не хотите понять, а потомъ будете жалѣть.

— Что дѣлать, что дѣлать. Только вы напрасно себя безпокоите.

— Я такъ и передамъ.

— Пожалуйста.

На прощанье упрямый старикъ еще разъ осмотрѣлъ гостя и проговорилъ:

— Да вы-то кто будете Стабровскому?

— Никто. Просто, онъ мнѣ поручилъ предупредить васъ и войти въ соглашеніе.

— Такъ-съ, такъ-съ. Весьма даже напрасно. Ваша фамилія Колобовъ? Сынокъ, должно-быть, Михею Зотычу? Знавалъ старичка... Лѣтъ съ тридцать не видались. Кланяйтесь родителю. Очень жаль, что ничего не могу сдѣлать вамъ пріятнаго.

Эта неудача для Галактіона имѣла специальное значеніе. Прохоровъ показалъ ему его полную ничтожность въ этомъ дѣловомъ мірѣ. Что онъ такое, въ самомъ дѣлѣ? Прохоровъ только изъ вѣжливости не наговорилъ ему дерзостей. Уѣзжая изъ этого разбойничьяго гнѣзда, Галактіонъ еще разъ вспомнилъ слова отца.

Стабровскій отнесся къ неудачѣ съ полнымъ равнодушіемъ.

— Что же, мы со своей стороны сдѣлали все, — объяснилъ онъ.—Прохорову обойдется его упрямство тысячъ въ пятьдесятъ—и только. Вотъ всегда такъ... Хочешь человѣку добро сдѣлать, по совѣсти, а онъ на стѣну. Будемъ воевать.

Планъ войны у Стабровскаго уже былъ готовъ, какъ и вся кабацкая географія. Оставалось только пустить всю машину въ ходъ.

— Говоря откровенно, мнѣ жаль этого стараго дурака, — еще разъ замѣтилъ Стабровскій, крутя усы. — А ничего не подѣлаешь. Будемъ бить его же пятачкомъ, а это самая безпощадная изъ всѣхъ войнъ.

За завтракомъ у Стабровскаго Галактіонъ неожиданно встрѣтилъ Харитину, которая пріѣхала вмѣстѣ съ Ечкинымъ. Она была въ черномъ платьѣ, которое еще сильнѣе вытѣняло молочную бѣлизну ея шеи и рукъ. Галактіону было почему-то непріятно, что она пріѣхала именно съ Ечкинымъ, который сегодня сіялъ, какъ вербный херувимъ.

— Давненько мы не видались,—заговорила она первая, удерживая руку Галактіона въ своей. — Ну, какъ поживаешь? Впрочемъ, что я тебя спрашиваю? Мнѣ-то какое до тебя дѣло?

— Зачѣмъ ты пріѣхала съ Ечкинымъ? — тихо спросилъ Галактіонъ, не слушая ея болтовни.

— Да такъ... Онъ такой смѣшной. Все ѣздитъ ко мнѣ, болтаетъ разный вздоръ, а сегодня потащилъ сюда. Скучно... Поневолѣ радъ каждому живому человѣку.

— А мужъ?

— Онъ все Богу молится. Да и пора грѣхи замаливать. А что твоя Серафима?

— Въ самый бы разъ отправить ее вмѣстѣ съ Полуяновымъ.

— Смотри, Галактіонъ, теперь вотъ ты ломаешься да мудришь надъ Серафимой, а Богъ-то и найдетъ. Это ужъ всегда такъ бываетъ.

— Э, все равно,—одинъ конецъ! Тошно мнѣ!

Галактіонъ больше не разговаривалъ съ ней и старался даже не смотрѣть въ ея сторону. Но онъ не могъ видѣть Ечкина, который ухаживалъ за Харитиной съ откровеннымъ нахальствомъ. У Галактіона передъ глазами начали ходить красные круги, и онъ послѣ завтрака рѣшительнымъ тономъ заявилъ Харитинѣ:

— Я тебя провожу домой.

— Меня Борисъ Яковличъ провожаетъ.

Галактіонъ посмотрѣлъ на нее такими безумными глазами, что она сейчасъ же съ дѣтскою торопливостью начала прощаться съ хозяевами. Когда они выходили изъ столовой, Стабровскій поднялъ брови и сказалъ, обращаясь къ женѣ:

— Они добромъ не кончатъ, эти молодцы.

— Ахъ, какая она красавица! — говорила съ завистью пани Стабровская, любовавшаяся всякимъ здоровымъ человѣкомъ. — Право, такимъ здоровымъ и сильнымъ людямъ и умереть не страшно, потому что они живутъ и знаютъ, что̀ значитъ жить.

— Да, это нужно имѣть въ виду почтенному Борису Яковлевичу,— шутилъ Стабровскій. — Иногда кипучая жизнь проявляется въ не совсѣмъ удобныхъ формахъ.

— Я? Что̀ же я, мнѣ все равно,—смѣшно оправдывался Ечкинъ, улыбаясь виноватою улыбкой. — Я дѣйствительно немножко ухаживалъ за Харитиной Харитоновной, но я вѣдь не виноватъ, что она такая хорошенькая.

— Прежде всего, мой милый, тебя въ этихъ дѣлахъ всегда выручало спасительное чувство страха.

Галактіонъ молча усадилъ Харитину на извозчика и, кажется, готовъ былъ промолчать всю дорогу. Чувство страха, охватившее ее у Стабровскихъ, смѣнилось теперь мучительнымъ желаніемъ освободиться отъ его присутствія и остаться одной, совершенно одной. Потомъ ей захотѣлось сказать ему что-нибудь непріятное.

— На свадьбѣ у Прасковьи Ивановны ты, конечно, будешь?—спросила она Галактіона съ дѣланнымъ спокойствіемъ, когда уже подъѣзжали къ дому.

— Ечкинъ будетъ посажёнымъ отцомъ, а я шаферомъ.

— Оставь, пожалуйста, Ечкина въ покоѣ. Какое тебѣ дѣло до него?

— А вотъ какое.

Галактіонъ схватилъ ее за руку и пребольно сжалъ, такъ что у нея слезы выступили на глазахъ.

— Ты, кажется, думаешь, что я твоя жена, которую ты можешь бить, какъ бьешь Серафиму? — проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

Онъ только засмѣялся, высадилъ ее у подъѣзда и, не простившись, пошелъ домой.

XI.

Харитина вбѣжала къ себѣ въ квартиру по лѣстницѣ, какъ сумасшедшая и сейчасъ же затворила двери на ключъ, точно Галактіонъ гнался за ней по пятамъ и могъ ворваться каждую минуту.

— Вотъ нахалъ!—повторяла она, улыбаясь и размахивая рукой, у которой отъ пожатія Галактіона слиплись пальцы.—Это какой-то сумасшедшій!

Она опять лежала у себя въ спальнѣ на кровати и смѣялась неизвѣстно чему. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что Галактіонъ придетъ къ ней непремѣнно, придетъ противъ собственной воли, злой, сума-

смѣшной, жалкій и хорошій, какъ всегда. Какъ онъ давеча посмотрѣлъ на нее у Ставровскихъ—точно огнемъ опалилъ. Харитина захохотала и спрятала голову въ подушку. Интересно было бы свести его съ Ечкинымъ. Потомъ Харитинѣ пришла въ голову мысль, которая заставила ее сѣсть на кровати. Да вѣдь это онъ, Галактіонъ, подослалъ къ ней этого дурака писаря съ деньгами, и она ихъ взяла. Ахъ, какая дура! И какъ было не догадаться? Харитина озлилась на это непрошенное участіе Галактіона и сразу успокоилась. Теперь она была рада, что онъ придетъ. Да, пусть придетъ.

Галактіонъ, дѣйствительно, пришелъ вечеромъ, когда было уже темно. Въ первую минуту ей показалось, что онъ пьянъ. И глаза красные, и на ногахъ держится нетвердо.

— Ты зачѣмъ это ко мнѣ пьяный приходишь?—проговорила она.

— Я? Пьяный?—повторилъ машинально Галактіонъ, очевидно, не понимая значенія этихъ словъ.—Ахъ, да!.. Дѣйствительно, пьянъ... тобой пьянъ. Ну, смотри на меня и любуйся, несчастная. Только я не пьянъ, а схожу съ ума. Смѣйся надо мной, радуйся. Вѣдь ты знала, что я приду, и впередъ радовалась? Да, вотъ я и пришелъ.

Галактіонъ прошелъ къ столу, закрылъ лицо руками, и Харитина видѣла только, какъ вздрагивали у него плечи отъ подавленныхъ рыданій. Именно этого Харитина не ожидала и растерялась.

— Галактіонъ, Богъ съ тобой,—бормотала она упавшимъ голосомъ.—Какой ты, право. Мнѣ хуже во сто разъ, да вѣдь я ничего.

— Ничего ты не понимаешь—вотъ и ничего. Ну, зачѣмъ я сюда пришелъ?

Онъ поднялся и, не вытирая катившихся по лицу слезъ, посмотрѣлъ на нее давешними безумными глазами.

— Ты думаешь, что я тебя люблю? Нѣтъ, я пришелъ сказать тебѣ, что ненавижу тебя... всю ненавижу... и себя ненавижу... Ненавижу и жалѣю... Какъ-то кругомъ все пусто... темно... и страшно, страшно. И Симу жаль, и дѣтишекъ. Малюсенькія, а ужъ начинаютъ понимать по-своему, что въ домѣ неладно. Встрѣтишь знакомаго и боишься, что вотъ онъ скажетъ тебѣ то самое, о чемъ боишься думать. Какъ-то я былъ у старика Луковникова, такъ ему на меня было стыдно смотрѣть. Развѣ я не понимаю? А я безсовѣстнымъ прикинулся и все притворялся, что ничего не замѣчаю.

— Тебѣ ужъ это кажется все.

— Ничего не кажется, а только ты не понимаешь. Вѣдь ты вся пустая, Харитина... да. Тебѣ все равно: вотъ я сейчасъ сижу, завтра будетъ сидѣть здѣсь Ечкинъ, послѣ завтра Мышниковъ. У тебя и стыда никакого нѣтъ. Развѣ дѣвушка со стыдомъ пошла бы замужъ за пьяницу и грабителя Полуянова? А ты его цѣловала, ты... ты...

У Галактіона перехватило горло отъ запоздавшей ревности къ Полуянову, и онъ въ изнеможеніи схватился за грудь.

— Говори... ну, говори все,—настаивала Харитина.—Я жена Полуянова, а ты... ты...

— Молчи, ради Бога, молчи!

— Нѣтъ, ты молчи, а я буду говорить. Ты за кого это меня принимаешь, а? Съ кѣмъ деньги-то подослалъ? Писарь-то своей писарихѣ все разскажетъ, а писариха маменькѣ, и пошла слава, что я у тебя на содержаніи. Не велика радость! Ну, теперь ты говори.

— Оно, дѣйствительно, глупо вышло, а только я, Харитина...

— Только меня срамишь. Теперь про меня все можно говорить, кому что̀ понравится.

— О тебѣ же заботился. Въ самомъ дѣлѣ, Харитина, будемъ дѣло гово-рить. Къ отцу ты не пойдешь, мужъ ничего не оставилъ, надо же чѣмъ-нибудь жить? А тутъ еще подвернутся добрые люди въ родѣ Ечкина. Вѣдь оно всегда такъ начинается: сегодня смѣшно, завтра еще смѣшнѣе, а послѣ-завтра и поправить нельзя.

— По себѣ судишь?

Это былъ намекъ на Прасковью Ивановну, и Галактіонъ немного сму-тился.

— Оставь глупости. Я серьезно говорю. Пока что, я дѣйствительно хотѣлъ тебѣ помочь.

— А потомъ?

— Потомъ видно будетъ, что и какъ.

— Дешево содержанку хочешь купить, Галактіонъ Михеичъ.

— Перестань молоть!

Этотъ дѣловой разговоръ утомилъ Харитину, и она нахмурилась. Въ самомъ дѣлѣ, что это къ ней всѣ привязываются, точно сговорились въ одинъ голосъ: чѣмъ будешь жить, да какъ будешь жить? Живутъ же другія вдовы, и никто ихъ не пытаетъ.

— Ну ладно, не будемъ теперь объ этомъ говорить,—рѣшилъ Галактіонъ, махнувъ рукой.—Развѣ съ тобой кто-нибудь сговаривалъ?

Онъ опять сѣлъ къ столу и задумался. Харитина ходила по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Его присутствіе начинало ее тяготить, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей было бы непріятно, если бъ онъ взялъ да ушелъ. Эта двойствен-ность мыслей и чувствъ все чаще и чаще мучила ее въ послѣднее время.

— Вѣдь вотъ старики-то прожили вѣкъ, — думалъ Галактіонъ вслухъ, отдаваясь внутреннему теченію своихъ мыслей.—Да цѣлый вѣкъ прожили. И худо было и хорошо, а все-таки прожили. Домъ не пустовалъ, безпризорныя жены не оставались. Эхъ, неладно!.. Вотъ я ѣхалъ, Харитина, въ степи, а ямщикъ разсказываетъ, какъ у нихъ Николѣ на бородку оставляютъ, когда страда. И этого не будетъ... Все отберутъ, и никуда не уйдешь. Вотъ посмотри на меня: по видимости какъ будто и человѣкъ, а въ серединѣ ужъ труха. Я-то первый своему брату купцу животы буду подводить. И самому мнѣ дѣваться некуда. И другіе прочіе народы тоже соображаютъ, гдѣ плохо лежитъ. Вонъ Замараевъ-то кассу ссудъ хочетъ открывать въ Заполье.

— Онъ ужъ меня въ кассирши приглашалъ.

— Тебя?.. Ха-ха... Это будетъ у васъ театръ, а не ссудная касса. Пер-вымъ дѣломъ—ему жена Анна глаза выцарапаетъ изъ-за тебя, а второе, ты пишешь, какъ курица лапой.

— Выучусь.

— Другому чему не научись.

— Тебя не спрошу. Послушай, Галактіонъ, мнѣ надоѣло съ тобой ссо-риться. Понимаешь, и безъ тебя тошно. А тутъ ты еще пристаешь... И о чемъ говорить: нечѣмъ будетъ жить—въ прорубь головой. Такихъ ненужныхъ бабенокъ и хлѣбомъ не стоитъ кормить.

Харитина не понимала, что Галактіонъ приходилъ къ ней умирать, въ немъ мучительно умиралъ тотъ простой русскій купецъ, который еще могъ калѣчить и себя и другихъ и говорить о совѣсти. Положимъ, что онъ не умѣлъ ей высказать вполнѣ ясно своего настроенія, а она была еще глупа молодою бабьей глупостью. Она даже разсердилась, когда Галактіонъ вдругъ поднялся и началъ прощаться.

— Ты это куда?

— Куда-нибудь надо итти. Не все ли равно, куда ни итти? Ну, прощай, Харитина.

Она молча подала ему руку и не шевельнулась съ мѣста, чтобы проводить до передней. Въ ея душѣ жило смутное ожиданіе чего-то, и вотъ этого именно и не случилось.

Вечеромъ, измучившись отъ тоски, Харитина отправилась къ матери, гдѣ, къ своему удивленію, застала Замараева, который уже называлъ ее сестрицей.

— Вотъ тятеньки нѣтъ дома, значитъ, я—гость,—объяснилъ онъ откровенно.—Горденекъ Харитонъ Артемьичъ, а напрасно-съ.

Анѳуса Гавриловна была рада суслонскому зятю. Положимъ, не изъ важныхъ зять, а все-таки живетъ хорошо и родню уважаетъ. Ей дѣлалось совѣстно за мужа, который срамилъ писаря въ глаза и за глаза. Каковъ ужъ есть,—изъ своей кожи не вылѣзешь. Въ малыгинскомъ домѣ вообще переживалось тяжелое время: Ліодоръ сидѣлъ въ острогѣ, ожидая суда, Полуянова на-дняхъ отправляли въ Сибирь, Галактіонъ жилъ неладно,—все какъ-то шло врозь. А тутъ еще Харитина со своею красотой осталась ни на дворѣ ни на улицѣ. Послѣднюю дочь Агнію, и ту запорочила Бубниха своимъ сватовствомъ. Теперь дѣвушкѣ никуда глазъ нельзя показать въ люди. Она даже похудѣла съ горя и ходила, какъ въ воду опущенная, и пряталась въ своей комнаткѣ отъ чужихъ.

— Ужъ эта Бубниха!—удивлялась Анѳуса Гавриловна.—И что ей было изводить дѣвушку? Подвела жениха, а потомъ сама за него поклалась.

— Это она съ горя, маменька,—объяснила Харитина.—Ей до зла-горя нравился Мышниковъ, а Мышниковъ все за мной ухаживалъ,—ну, она съ горя и махнула за доктора. На, милъ сердечный другъ, полюбуйся!

— И не пойму я васъ, нонѣшнихъ,—жаловалась старушка.—Никакой страсти въ нонѣшнихъ бабахъ нѣтъ. Не къ добру это, когда курицы по-пѣтушиному запоютъ.

Въ другой разъ Анѳуса Гавриловна отвела бы душеньку и побранила бы и дочерей и зятьевъ, да опять нельзя: Полуянова ругать—битаго бить, Галактіона—дочери досадить, Харитину—съ непокрытой головы волосы драть, сына Ліодора—себя изводить. Болѣло материнское сердце день и ночь, а взять не съ кого. Вотъ и сейчасъ, налетѣла Харитина незнамо зачѣмъ и сидитъ, какъ зачумленная. Только и радости, что суслонскій писарь, который все-таки разныя слова разговариваетъ и всѣмъ старается угодить.

— Богоданная маменька, какъ будто вы изъ лица сегодня не совсѣмъ?

— Охъ, тоже и скажетъ! На что мнѣ и лицо это самое? Провалилась бы я, кажется, скрозь землю, а ты—изъ лица не совсѣмъ!

— Не убивайтесь, богоданная маменька: можетъ, всѣ дѣла помаленьку наладятся. Господь терпѣлъ и намъ наказалъ терпѣть. Испытанія Господь посылаетъ любя и любя наказуетъ за нашу гордость. Кто погордится, а ему сейчасъ усмиреніе.

— Это ты на Харитона Артемьича?

— Зачѣмъ же-съ? Такъ, вообще-съ.

Сегодня Замараевъ имѣлъ какой-то особенно таинственный и загадочно-грустный видъ. Онъ воспользовался моментомъ, когда Анѳуса Гавриловна зачѣмъ-то вывернулась изъ комнаты, поманилъ пальцемъ Харитину и змѣинымъ шипомъ сказалъ:

— Сестрица, и что я вамъ скажу.

Затѣмъ онъ оглянулся, подошелъ совсѣмъ близко, такъ что Харитина

могла убѣдиться, что онъ за обѣдомъ наѣлся по-деревенски луку, и еще таинственнѣе спросилъ:

— Ужъ какъ мнѣ быть—ума не приложу... Ахъ, какое дѣло, сестрица!

— Да ну тебя, говори толкомъ!—вскипѣла Харитина.

— Дѣло слѣдующее-съ, то-есть, собственно, два дѣла-съ, сестрица. Первое, что сестрица Серафима подверглась прахтикованному запою.

— Сима?..

— Онѣ-съ... Я вѣдь у нихъ проживаю и все вижу, а сказать никому не смѣю, даже богоданной маменькѣ. Не повѣрятъ-съ. И даже меня могутъ завинить въ напраслинѣ. Жена передъ мужемъ всегда выправится, и я же останусь въ дуракахъ. Это я насчетъ Галактіона, сестрица. А вотъ ежели бы вы, напримѣрно, вечеромъ заглянули къ нимъ, такъ собственноручно увидѣли бы всю грусть. Весьма жаль.

Это извѣстіе ужасно поразило Харитину. У нея точно что̀ оборвалось въ груди. Вѣдь это она, Харитина, кругомъ виновата, что сестра съ горя спилась. Да, она... Ей живо представился весь ужасъ положенія всей семьи Галактіона, выражавшагося народною поговоркой: мужъ пьетъ—крыша горитъ, жена запила—весь домъ. Дальше она уже плохо понимала, что̀ ей говорилъ Замараевъ о какомъ-то стеариновомъ заводѣ, объ Ечкинѣ, который затягиваетъ богоданнаго тятеньку въ это дѣло, и т. д.

— А мать ничего не знаетъ?—прервала она потокъ писарскаго краснорѣчія.

— Никакъ нѣтъ-съ, потому какъ сестрица Серафима наѣзжаютъ къ нимъ по утрамъ, когда онѣ еще въ своемъ видѣ. А по вечерамъ онѣ даже не сказываются дома, ежели, напримѣрно, навернутся гости.

— И давно это съ ней? Впрочемъ, что̀ это я спрашиваю глупости? Надо все матери разсказать.

— Ужъ это только вы, сестрица, сдѣлайте, а я не смѣю.

Когда Анѳуса Гавриловна вернулась, Харитина даже раскрыла ротъ, чтобы сообщить роковую новость, но удержалась и только покраснѣла. У нея не хватило мужества принять на себя первый напоръ материнскаго горя. Замараевъ понялъ, почему сестрица струсила, сдѣлалъ благочестивое лицо и только угнетенно вздыхалъ.

Харитина посидѣла еще изъ приличія и ушла въ комнату къ сестрѣ Агніи, чего раньше никогда не дѣлала.

— Что̀ это попритчилось нашей исправницѣ?—удивлялась Анѳуса Гавриловна.—Раньше-то Агнію и за сестру не считала.

— Молодо-зелено, маменька.

XII.

Открытый въ Запольѣ банкъ дѣйствительно сразу оживилъ все, точно хлынула какая-то магическая сила. Запольское купечество заволновалось, придумывая новые „способа“ и „средствія“. Всѣ отлично понимали, что жить попрежнему невозможно и что жить по-новому безъ банка, т.-е. безъ кредита, тоже невозможно. Попрежнему среднее купечество могло вести свои обороты съ наличнымъ капиталомъ въ двадцать-тридцать тысячъ, а сейчасъ объ этомъ нечего было и думать. Особенно ясно это сдѣлалось всѣмъ, когда Ставровскій объявилъ открытую войну Прохорову и К°. Чтобы открыть дѣйствіе своего завода, онъ началъ производить закупку хлѣба въ невиданныхъ еще размѣрахъ. Штоффъ забиралъ весь хлѣбъ въ Запольѣ, а Галактіонъ въ

Суслонѣ. Въ общемъ, вся эта хлѣбная операція достигала на первый разъ почтенной цифры въ четыреста тысячъ пудовъ. Только теперь запольскіе хлѣбники, скупавшіе десятками тысячъ, поняли ту печальную истину, что рынокъ отъ нихъ ушелъ, и что цѣну хлѣба даже теперь уже ставятъ довѣренные Стабровскаго. Они били своихъ конкурентовъ по всѣмъ боевымъ хлѣбнымъ пунктамъ самымъ простымъ способомъ, набавляя всего четверть копейки на пудъ. Что значило Стабровскому выкинуть лишнюю тысячу рублей на эту безпощадную войну, а другимъ тягаться уже становилось не подъ силу. Всѣ понимали также, что всѣ эти убытки Стабровскій наверстаетъ вдвойнѣ — и на скупленномъ хлѣбѣ и на водкѣ, а потомъ будетъ ставить цѣну, какую захочетъ. А главное—его выручалъ банкъ, дававшій тѣ средства, которыхъ недоставало. И вездѣ почувствовалась гнетущая власть навалившейся новой силы.

Результатомъ этого движенія было то, что сразу открылся цѣлый рядъ новыхъ предпріятій. На первомъ планѣ выдвинулась постройка громаднаго стеариноваго завода, устраивавшагося новою компаніей, составленною Ечкинымъ; въ нее входили самъ Ечкинъ, Шахма и старикъ Малыгинъ. Дѣло затѣвалось милліонное, и всѣ только ахали. Пошатнулся и старикъ Луковниковъ, задумавшій громадную вальцовую мельницу въ самомъ Запольѣ,—онъ хотѣлъ перехватить у другихъ мелкотравчатыхъ мельниковъ пшеницу. Теперь дѣло сводилось именно на то, кто захватитъ впередъ и предупредитъ другихъ. Всѣ остальные тоже по мѣрѣ силъ набросились на новыя предпріятія, главнымъ образомъ—на хлѣбъ. По Ключевой строилось до десятка новыхъ мельницъ-крупчатокъ.

Это небывалое оживленіе всей хлѣбной торговли отразилось на всѣхъ сторонахъ коммерческой дѣятельности. Ходко пошелъ красный товаръ, скобяной, желѣзный, галантерея, а главнымъ образомъ—кабакъ. Мужикъ продавалъ хлѣбъ и деньги тратилъ на ситцы, самовары и водку. Все исходило отъ этого хлѣба, въ немъ было основаніе и залогъ всего остальнаго. Торговля въ Запольѣ оживилась до неузнаваемости, и прежнія лавки и лавчонки быстро превратились въ магазины съ зеркальными стеклами, гдѣ торговали „безъ запроса“. Возникла страшная конкуренція въ погонѣ за покупателемъ, и всѣ старались перещеголять другъ друга. Недостававшія деньги черпались полною рукой изъ банка. Удерживались отъ общаго потока только такіе заматорѣлые старики, какъ милліонеръ Нагибинъ, онъ ничего не хотѣлъ знать и только покачивалъ своею головой.

— Распыхались наши купцы не къ добру, — пошептывалъ милліонеръ, точно колдунъ. — Охъ, не быть добру!.. Очень ужъ круто повернулись всѣ, точно съ печи упали.

Происходили странныя превращенія, и, можетъ-быть, самымъ удивительнымъ изъ нихъ было то, что Харитонъ Артемьичъ, увлеченный новымъ дѣломъ, совершенно бросилъ пить. Сразу бросилъ, такъ что Анѳуса Гавриловна даже испугалась, потому что видѣла въ этомъ недобрый признакъ. Всю жизнь человѣкъ пилъ, а тутъ точно ножомъ обрѣзалъ.

— Нѣтъ, братъ, теперь не тѣ времена, — повторялъ онъ. — Дикость-то свою надо бросить, а то всѣ мы тутъ мохомъ обросли.

Новый стеариновый заводъ строился на упраздненной салотопенной заимкѣ Малыгина. По плану Ечкина выходило такъ, что Шахма будетъ поставлять степное сало, Харитонъ Артемьичъ завѣдывать всѣмъ дѣломъ, а онъ, Ечкинъ, продавать. Все, однимъ словомъ, было предусмотрѣно впередъ, особенно громадные барыши, какъ законный результатъ этой компанейской дѣятельности.

Старикъ настолько увлекся своею новою постройкой, что больше ничего не желалъ знать. Дѣло дошло до того, что онъ отнесся какъ-то совсѣмъ равнодушно даже къ оправданію родного сына Ліодора.

— Лучше бы ужъ его въ Сибирь сослали, — думалъ онъ вслухъ.—Можетъ, тамъ наладился бы парень... Отецъ да мать не выучатъ, такъ добрые люди выучатъ. Вмѣстѣ бы съ Полуяновымъ и отправить.

Эта безчувственность больше всего огорчила Аѳоусу Гавриловну, болѣвшую всѣми дѣтьми за-разъ. Рехнулся старикъ, ежели родного дѣтища не жалѣетъ. Высидѣвшій въ острогѣ цѣлый годъ Ліодоръ заявился домой, прожилъ дня два тихо и мирно, а потомъ стащилъ у матери столовое серебро и безслѣдно исчезъ.

— Охъ, напрасно его въ Сибирь не сослали, — жалѣлъ Харитонъ Артемьичъ, предчувствуя недоброе.—Еще зарѣжетъ съ пьяныхъ глазъ.

Въ своемъ увлеченіи Малыгинъ дошелъ до того, что не могъ равнодушно видѣть чужихъ построекъ, которыя ему казались лучше, чѣмъ у него. Онъ потихоньку ѣздилъ смотрѣть на строившуюся новую мельницу Луковникова и старался находить какіе-нибудь недостатки—трубу для топки паровой машины выводили слишкомъ высоко, пятиэтажный громадный корпусъ самой мельницы дастъ осадку на лѣвый бокъ, выходившій къ Ключевой, и т. д. Стеариновый заводъ строился по одну сторону города, а вальцовая—по другую; это были аванпосты грядущихъ преобразованій.

Аѳоуса Гавриловна теперь относилась къ остепенившемуся мужу съ уваженіемъ и, выбравъ удачный моментъ, сообщила ему печальную новость о болѣзни Серафимы.

— Ну, это ужъ дѣло мужа, а не наше,—отвѣтилъ старикъ.

— Да вѣдь дочь-то наша?

— Много ихъ... На всѣхъ жалости не хватитъ. Сама не маленькая. Что это Галактіона не видать?

— А онъ все ѣздитъ по дѣламъ Стабровскаго. Хлѣбъ скупаютъ съ Карлой въ четыре руки. Дома-то хоть трава не расти. Охъ, согрѣшила я, грѣшная, Харитонъ Артемьичъ!

— Кабы хорошій, правильный мужъ у Серафимы, такъ онъ бы сразу вышибъ изъ нея эту дурь.

— Не дурь, а болѣсть. Я ужъ съ докторомъ совѣтовалась, съ Кацманомъ. Онъ хоша и изъ жидовъ, а правильный человѣкъ. Такъ и говоритъ: болѣсть въ Серафимѣ.

— Ну васъ совсѣмъ! Отстаньте! Не до васъ! Съ пустяками только пристаешь. У меня въ башкѣ-то столбы ходятъ отъ заботы, а вы разные пустяки придумываете. Симкѣ скажи, промежду прочимъ, что я ее растерзаю.

Спорить и прекословить мужу Аѳоуса Гавриловна теперь не смѣла и даже была рада этому, потому что все-таки въ дому былъ настоящій хозяинъ, а не прежній пьяница. Хоть на старости лѣтъ пожить по-настоящему, какъ добрые люди живутъ. Теперь старушка часто ѣздила навѣщать Симу, благо мужа не было дома. Тамъ къ чему-то околачивалась Харитина. Такъ и юлитъ, такъ и шмыгаетъ глазами, безстыжая.

Въ сущности, ни Харитина ни мать не могли услѣдить за Серафимой, когда она пила, а только къ вечеру она напивалась. Гдѣ она брала вино и куда его прятала, никто не зналъ. Въ своемъ порокѣ она ни за что не хотѣла признаться и клялась всѣми святыми, что про нее налгалъ проклятый писарь.

Галактіонъ дѣйствительно цѣлую зиму провелъ въ поѣздкахъ по тремъ

уѣздамъ и являлся въ Заполье только для засѣданій въ правленіи своего банка. Онъ начиналъ увлекаться грандіозностью предстоявшей борьбы и работалъ, какъ волъ. Домой онъ пріѣзжалъ рѣдкимъ гостемъ и даже какъ-то не удивился, когда засталъ у себя Харитину, которая только-что переѣхала къ нему жить.

— Что же, и отлично,—одобрилъ онъ эту новую выходку.—Симѣ одной скучно, а вдвоемъ вамъ будетъ веселѣе.

— Это ужъ наше дѣло, что тамъ будетъ, — загадочно отвѣтила Харитина, имѣвшая такой серьезный видъ.—А тебя не спросимъ.

Несмотря на нѣкоторую рѣзкость, Харитина замѣтно успокоилась и вся ушла въ домашнія дѣла. Она ухаживала за ребятишками, вела все хозяйство и зорко слѣдила за сестрой. Къ Галактіону она отнеслась спокойно и просто, какъ къ близкому родственнику, и не испытывала предававшаго ее волненія въ его присутствіи.

— А я тебя раньше, Галактіонъ, очень боялась, — откровенно признавалась она.—И не то, чтобы боялась по-настоящему, а такъ, разное въ голову лѣзло. Давно бы слѣдовало къ тебѣ переѣхать—и всему конецъ.

Онъ только сумрачно посмотрѣлъ на нее, пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ. Дѣйствительно, безопаснѣе мѣста, какъ его собственный домъ, она не могла выбрать.

Только разъ Галактіонъ поссорился со своею гостьей изъ-за того, что она не захотѣла даже проститься съ мужемъ, когда его отправляли въ ссылку, и что, въ видѣ насмѣшки, послала ему на дорогу банку персидскаго порошка.

— Провожать ты его могла и не ходить, а смѣяться надъ человѣкомъ въ такомъ положеніи просто безсовѣстно,—выговаривалъ Галактіонъ.

— Я и не думала смѣяться... По этапамъ поведутъ, такъ порошокъ тамъ первое дѣло. Меня же будетъ благодарить.

Серафима относилась къ сестрѣ какъ-то безразлично и больше не ревновала ее къ мужу. По цѣлымъ днямъ она ходила вялая и апатичная и оживлялась только вечеромъ, когда непремѣнно усаживала Харитину играть въ дурачки. Странно, что Харитина покорно исполняла всѣ ея капризы.

Для Галактіона вся зима вышла боевая, и онъ теперь только понялъ, что значитъ „дохнуть некогда“. Онъ, подъ руководствомъ Стабровскаго, выучился работать по-настоящему, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, и эта неустанная работа затягивала его все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ себя и легко и хорошо, когда былъ занятъ.

— Бисмаркъ сказалъ, что умретъ въ своихъ оглобляхъ, какъ водовозная кляча,—объяснялъ ему Стабровскій.—А намъ и Богъ велѣлъ.

Чѣмъ ближе Галактіонъ знакомился со Стабровскимъ, тѣмъ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ уваженіемъ проникался къ нему, какъ къ человѣку необыкновенному, начиная съ того, что совершенно было неизвѣстно, когда Стабровскій спалъ и вообще отдыхалъ. Только Галактіонъ зналъ, какъ работаетъ этотъ милліонеръ и съ какою осторожностью ведетъ свои дѣла. Война съ Прохоровымъ и К° была задумана давно и теперь только осуществлялась шагъ за шагомъ по ранѣе выработанному плану. Одна закупка хлѣба чего стоила, и, не бывавъ ни на одномъ хлѣбномъ рынкѣ, Стабровскій зналъ дѣло лучше всякаго мучника.

— Самое интересное будетъ впереди, — объяснялъ Стабровскій. — Мы будемъ бить Прохорова шагъ за шагомъ его же пятачкомъ, пока не загонимъ совсѣмъ въ уголъ, и тогда уже въ качествѣ завоевателей пропишемъ ему условія, какія захотимъ. Раньше я согласенъ былъ получить съ него отступного сорокъ тысячъ, а сейчасъ меньше шестидесяти не возьму... да.

Галактіонъ просто ужаснулся, когда Стабровскій еще разъ обстоятельнѣйшимъ образомъ познакомилъ его со всѣми подробностями кабацкой географіи и наступательнаго плана кабацкой стратегіи. Впередъ намѣчены были главные боевые пункты, мѣста для винныхъ складовъ и цѣлая сѣть кабаковъ, имѣвшихъ въ виду парализовать дѣятельность Прохорова и К°.

— Въ сущности, очень глупое дѣло, а интересно добиться своего,— объяснялъ Стабровскій.—Въ этомъ и заключается жизнь.

— Отчего бы вамъ, Болеславъ Брониславичъ, не заняться другимъ дѣломъ?—рѣшился замѣтить Галактіонъ.—Вѣдь всякое дѣло у васъ пошло бы колесомъ.

— Что дѣлать, сейчасъ вѣрнѣе водки у насъ нѣтъ дѣла.

Впрочемъ, и самъ Галактіонъ начиналъ уже терять сознаніе разницы между промышленнымъ добромъ и промышленнымъ зломъ. Это дѣлалось постепенно, шагъ за шагомъ. У Галактіона начинала вырабатываться философія крупныхъ капиталистовъ, именно, что міръ созданъ спеціально для нихъ, а также для ихъ же пользы существуютъ и другіе людишки.

Только разъ Галактіонъ видѣлъ Стабровскаго вышибленнымъ изъ своей рабочей колеи. Онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и, закрывъ лицо руками, глухо рыдалъ.

— Болеславъ Брониславичъ, успокойтесь.

— Ахъ, ничего мнѣ не нужно!.. Все вздоръ!.. Дидя, Дидя, Дидя!

Галактіонъ понялъ, что съ дѣвочкой припадокъ, именно случилось то, чего такъ боялся отецъ. Въ домѣ происходила безмолвная суета. Неслышными шагами пробѣжалъ Кацманъ, потомъ Кочетовъ, потомъ пронеслась вихремъ горничная.

— Боже мой, за что ты меня наказываешь?—стоналъ Стабровскій, ломая руки.—Вѣдь живутъ же дѣти бѣдняковъ, нищіе, подкидыши, и здоровы, а у меня одна дочь... Ахъ, Дидя, Дидя!

Это громкое горе отозвалось въ душѣ Галактіона горькою ноткой, напоминая смутно о какой-то затаенной несправедливости.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Какъ быстро идетъ время, нѣтъ — летитъ. Давно ли, кажется, докторъ Кочетовъ женился на Прасковьѣ Ивановнѣ, а ужъ прошло больше трехъ лѣтъ.

Почти каждый разъ, просыпаясь утромъ, докторъ нѣсколько времени удивлялся и старался сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ жилъ въ бывшемъ кабинетѣ Бубнова, гдѣ все оставалось по-старому. Тотъ же письменный столъ, на которомъ стояла чернильница безъ чернилъ, тотъ же угловой шкапикъ, гдѣ хранилась у Бубнова завѣтная мадера, тотъ же коверъ на полу, кресло, этажерка въ углу, какая-то дамская шифоньерка. Женившись, докторъ пересталъ пить и черезъ годъ принялъ видъ нормальнаго человѣка. Это радовало всѣхъ знакомыхъ, и всѣ приписывали этотъ переворотъ благотворному вліянію Прасковьи Ивановны. Самъ докторъ ни слова не говорилъ никому о своей семейной жизни, даже Стабровскому, съ которымъ былъ ближе другихъ. Онъ молча мучился подъ давленіемъ мысли, что женился съ пьяныхъ глазъ, какъ замотавшійся купчикъ, и притомъ женился на богатой,

что давало поводъ сдѣлать предположеніе о его самомъ корыстномъ благоразуміи. Доктору казалось, что всѣ именно такъ и смотрятъ на него и всѣ его презираютъ.

Семейная жизнь доктора сложилась какъ-то странно, и онъ удивлялся фантазіи Прасковьи Ивановны выйти за него замужъ. Она совсѣмъ не любила его и, кажется, никого не могла любить. Но у нея была какая-то болѣзненная потребность, чтобы въ домѣ непремѣнно былъ мужчина, и притомъ мужчина непремѣнно законный. Въ самый день свадьбы докторъ сдѣлалъ пріятное открытіе, что Прасковья Ивановна—совсѣмъ не та женщина, какую онъ зналъ, бывая у покойнаго Бубнова въ теченіе пяти лѣтъ его запоя ежедневно,—больше того, онъ не зналъ, что за человѣкъ его жена и послѣ трехлѣтняго сожительства. Они оставались „на вы“ и были болѣе чужими людьми, чѣмъ въ то время, когда докторъ являлся въ этотъ домъ гостемъ. Затѣмъ, докторъ началъ замѣчать за самимъ собою довольно странную вещь: онъ испытывалъ въ присутствіи жены съ глазу на глазъ какое-то гнетуще-неловкое чувство, какъ человѣкъ, котораго все туже и туже связываютъ веревками, и это чувство росло, крѣпло и захватывало его все сильнѣе. Между тѣмъ Прасковья Ивановна рѣшительно ничего не дѣлала такого, что говорило бы о желаніи поработить его и, говоря вульгарно, забрать подъ башмакъ. Скорѣе она относилась къ нему равнодушно, какъ къ своимъ приказчикамъ, и чуть-чуть съ оттѣнкомъ холоднаго презрѣнія. Да, она третировала его молча и особенно третировала почему-то ненавистную для нея его „ученость“. Докторъ волновался молча и глухо и какъ-то всѣмъ тѣломъ чувствовалъ, что не имѣетъ никакого авторитета въ глазахъ жены, а когда она была не въ духѣ или капризничала, онъ начиналъ обвинять себя въ чемъ-то ужасномъ, впадалъ тоже въ мрачное настроеніе и готовъ былъ на все, чтобы Прасковья Ивановна не дулась. Какая-то невидимая, болѣе сильная воля давила и глушила его.

Цѣлые часы докторъ проводилъ въ томъ, что разбиралъ каждый свой шагъ и ловилъ самого себя въ самомъ постыдномъ малодушіи. Напримѣръ, ему хотѣлось посидѣть вечеръ у Стабровскаго, гдѣ всегда есть кто-нибудь интересный, а онъ оставался дома изъ страха, что это не понравится Прасковьѣ Ивановнѣ, хотя онъ сознавалъ въ то же время, что ей рѣшительно все равно, и что онъ ей нуженъ столько же, какъ прошлогодній снѣгъ. Сидя гдѣ-нибудь въ гостяхъ, докторъ вдругъ схватывался и уходилъ домой, несмотря на всѣ уговоры недавнихъ пріятелей посидѣть и не лишать компаніи. Онъ чувствовалъ, что вотъ эти самые пріятели начинаютъ презирать его за это малодушіе и за глаза смѣются надъ нимъ, какъ раньше самъ онъ вышучивалъ забитыхъ женами мужей.

Это самоѣдство все разрасталось, и докторъ инстинктивно началъ сторониться даже людей, которые были расположены къ нему вполнѣ искренно, какъ Стабровскій. Доктора впередъ коробила мысль, что умный полякъ все видитъ, понимаетъ и про себя жалѣетъ его. Именно вотъ это сожалѣніе убивало доктора, поднимая въ немъ остатокъ мужской гордости.

„За кого они меня принимаютъ, чортъ ихъ всѣхъ побери?“—съ ожесточеніемъ думалъ про себя докторъ, чувствуя, что всѣхъ ненавидитъ.

Онъ отдыхалъ только у себя на службѣ, гдѣ чувствовалъ себя прежнимъ Кочетовымъ. Но и тутъ происходили удивительныя вещи: усиленное вниманіе, съ какимъ онъ относился къ своимъ больнымъ, казалось ему аффектированнымъ и дѣланнымъ и что, въ сущности, онъ только ломаетъ жалкую комедію, напрасно стараясь убѣжать хоть на нѣсколько часовъ отъ самого

себя. Ему казалось, что и его паціенты это чувствуютъ и инстинктивно не довѣряютъ ему, а слушаютъ безграмотнаго фельдшера, который давилъ его тупою и самодовольною непосредственностью своей фельдшерской натуры.

Какъ за послѣдній якорь спасенія, докторъ хватался за святую науку, гдѣ его интересовала больше всего психіатрія, но здѣсь онъ буквально приходилъ въ ужасъ, потому что въ самомъ себѣ находилъ яркую картину всѣхъ ненормальныхъ психическихъ процессовъ. Наука являлась для него чѣмъ-то въ родѣ обвинительнаго акта. Онъ бросилъ книги и спряталъ ихъ какъ можно дальше, какъ преступникъ избываетъ самыхъ опасныхъ свидѣтелей своего преступленія.

Оставалось еще одно средство, когда Кочетовъ чувствовалъ себя живымъ человѣкомъ, это—тѣ громовыя обличительныя корреспонденціи, которыя онъ время отъ времени печаталъ въ столичныхъ газетахъ, разоблачая подвиги запольскихъ дѣльцовъ. Продѣлывалось это въ страшной тайнѣ, и даже Прасковья Ивановна не подозрѣвала, какой опасный человѣкъ ея мужъ. Дома писать докторъ не рѣшался, чтобы не попасться съ поличнымъ, онъ не смѣлъ затворить дверей собственнаго кабинета на ключъ, а сочинялъ корреспонденціи въ дежурной своей больницы. Но разъ онъ попался самымъ глупымъ образомъ. Съ истеричною больной сдѣлался припадокъ, докторъ бросился къ ней на помощь, позабывъ объ оставленной на столѣ рукописи, — этого было достаточно, чтобъ имя таинственнаго корреспондента, давно интриговавшаго все Заполье, было раскрыто. Можетъ-быть, заглянулъ въ его рукопись фельдшеръ, можетъ-быть, сидѣлка или Кацманъ, но это все равно, а только черезъ два дня Прасковья Ивановна явилась къ нему въ кабинетъ, и съ ледянящимъ презрѣніемъ проговорила:

— Такъ это вы, Анатолій Петровичъ, въ газетахъ всѣхъ ругаете? Очень превосходно... да. Нечего сказать, хорошая ученость—всѣхъ срамить!

— Прасковья Ивановна, вы...

— Я и разговаривать-то съ вами не желаю, несчастный!

Прасковья Ивановна повернулась и вышла.

Результатомъ этого рокового открытія было то, что, когда докторъ уходилъ изъ дома, вслѣдъ неслось:

— Корреспондентъ!..

Положеніе доктора вообще получалось критическое. Всѣ смотрѣли на него, какъ на зачумленнаго. На его имя получались анонимныя письма съ предупрежденіемъ, что купцы нанимаютъ Ліодора Малыгина избить его до полусмерти. Только два самыхъ вліятельныхъ лица оставались съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ—Стабровскій и Луковниковъ. Они были выше всѣхъ этихъ дрязгъ и пересудовъ.

Раньше докторъ изрѣдка завертывалъ въ клубъ, а теперь бросилъ и это изъ страха скандала. Что стоило какому-нибудь пьяному купчинѣ избить его,— личная неприкосновенность въ Заполѣ цѣнилась еще слишкомъ низко. Впрочемъ, докторъ пріобрѣлъ, благодаря этимъ злоключеніямъ, новаго друга въ лицѣ учителя греческаго языка только-что открытой въ Заполѣ классической прогимназіи, по фамиліи Харченко. Кстати этотъ новый человѣкъ сейчасъ же по пріѣздѣ на мѣсто служенія женился на Агніи Малыгиной, дополнивъ коллекцію малыгинскихъ зятьевъ.

Господинъ Харченко явился къ Кочетову знакомиться и заявилъ ему свое полное сочувствіе.

— Очень радъ, докторъ... да. Мы поведемъ борьбу вмѣстѣ... да. Нужно держать высоко знамя интеллигенціи. Знаете, если бы открыть здѣсь свою

собственную газету, да мы завязали бы въ одинъ узелъ всѣхъ этихъ купчишекъ, кабатчиковъ и вообще сибирскихъ человѣковъ.

— Если вы считаете меня богатымъ человѣкомъ, то это грустная ошибка,— предупредилъ Кочетовъ.—Газета прекрасная вещь, но она требуетъ денегъ во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьихъ.

— О, за деньгами дѣло не станетъ!—увѣренно говорилъ Харченко. — Важно, чтобъ интеллигенція объединилась и дала отпоръ капиталу.

По наружности учителя греческаго языка трудно было предположить о существованіи такой энергіи. Это былъ золотушный, малорослый субъектъ съ большою головой рахитика и кривыми ногами. Къ удивленію доктора, въ этомъ хохлацкомъ выродкѣ, дѣйствительно, билась общественная жилка. Сначала онъ отнесся къ нему съ недовѣріемъ, а потомъ былъ радъ, когда учитель завертывалъ потолковать.

Попрежнему докторъ бывалъ только у Стабровскаго. Старикъ всегда былъ радъ ему, хотя и мучилъ вѣчными разговорами о своей Дидѣ. Дѣвочкѣ было уже пятнадцать лѣтъ, но она плохо формировалась и рядомъ съ красношекою и здоровою Устенькой походила на какую-то дальнюю бѣдную родственницу, которую недокармливаютъ и держатъ въ черномъ тѣлѣ вообще. Но зато умъ Диди работалъ гораздо быстрѣе, чѣмъ было желательно, и она была развита не по годамъ. Періодъ формированія дѣвочкѣ стоилъ очень дорого, и на ея лицѣ часто появлялось пугавшее отца выраженіе взрослой женщины.

— О, она плохо кончитъ! — увѣрялъ Стабровскій въ отчаяніи и самъ начиналъ смотрѣть на врачей, какъ на чудотворцевъ, отъ которыхъ зависѣло здоровье его Диди.—Теперь припадки на время прекратились, но есть двадцать первый годъ. Что будетъ тогда?

— Самое лучшее, что вы сдѣлаете, это — бросьте читать медицинскія книги,—совѣтовалъ Кочетовъ.

Стабровскій, дѣйствительно, перерылъ всю литературу о нервныхъ болѣзняхъ и модной наслѣдственности, и чѣмъ больше читалъ, тѣмъ больше приходилъ въ отчаяніе. Онъ, въ своемъ отцовскомъ эгоизмѣ, дошелъ до того, что точно былъ радъ, когда Устенька серьезно заболѣла тифомъ: будто отъ этого могло быть легче его Дидѣ. Потомъ онъ опомнился, устыдился и старался выкупить свою несправедливость усиленнымъ вниманіемъ къ больной.

Устенька лежала въ классной. Миссъ Дудль ни за что не согласилась отпустить больную домой, въ „пещерную обстановку“. Эта привязанность замороженной англичанки тронула Семена Тарасыча до слезъ, и онъ согласился оставить дочь у Стабровскихъ. Та же миссъ Дудль настояла, чтобы лѣчилъ Устеньку докторъ Кочетовъ, а не Кацманъ. Она вообще питала тайныя симпатіи къ Кочетову и каждый разъ испытывала неловкое смущеніе въ его присутствіи. Теперь она была счастлива, что цѣлыхъ двѣ недѣли могла проводить съ докторомъ по нѣскольку часовъ въ день среди самой сближающей обстановки. Больная тоже предпочитала молодого доктора и слабо улыбалась, когда онъ входилъ въ ея комнату. Дидя, конечно, была изолирована, хотя брюшной тифъ и не заразителенъ.

Кочетовъ съ удовольствіемъ ѣхалъ каждый разъ къ своей больной и проводилъ здѣсь больше времени, чѣмъ было нужно. Тарасъ Семенычъ встрѣчалъ его умоляющими глазами, такъ что доктору дѣлалось даже совѣстно.

— Я тутъ ни при чемъ,—точно оправдывался онъ.—Все зависитъ отъ натуры... А Устенька, слава Богу, субъектъ вполнѣ нормальный.

Было дня два, когда увѣренность доктора пошатнулась, но кризисъ миновалъ благополучно, и дѣвушка начала быстро поправляться. Отецъ радо-

вался, какъ ребенокъ, и со слезами на глазахъ цѣловалъ доктора. Устенька тоже смотрѣла на него благодарными глазами. Однимъ словомъ, Кочетовъ чувствовалъ себя въ классной больше дома, чѣмъ въ собственномъ кабинетѣ, и его охватывала какая-то еще не испытанная теплота. Теперь Устенька казалась почти родной, и онъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ собственности, какъ на отвоеванную у болѣзни жертву.

„Какіе они всѣ хорошіе, простые и добрые!—думалъ часто докторъ. — И Устенька, и Тарасъ Семенычъ, и Стабровскій, и миссъ Дудль...“

Больная привязалась къ доктору и часто задерживала его своими разговорами. Чѣмъ-то такимъ хорошимъ, чистымъ и нетронутымъ вѣяло отъ этого дѣвичьяго лица, которому болѣзнь придала такую милую серьезность. Раньше докторъ не замѣчалъ, какое лицо у Устеньки, а теперь удивлялся ея типичной красотѣ. Да, это было настоящее русское лицо, хорошее своимъ простымъ выраженіемъ и какою-то затаенною ласковою силой.

Разъ докторъ засидѣлся у больной особенно долго и чувствовалъ себя какъ-то особенно легко.

— Мы скоро встанемъ на ноги и будемъ совсѣмъ большими, — шутилъ онъ.—У насъ опять будетъ румянецъ на щекахъ, а потомъ мы...

Докторъ вдругъ замолчалъ, нахмурился и быстро началъ прощаться. Миссъ Дудль, знавшая его семейную обстановку, пожалѣла доктора, котораго, можетъ-быть, ждетъ дома непріятная семейная сцена за лишніе полчаса, проведенные у постели больной. Но докторъ не пошелъ домой, а безцѣльно бродилъ по городу часа три, пока не очутился у новой вальцовой мельницы Луковникова.

— Да... да...—вслухъ думалъ онъ и горько улыбался.—Да, я схожу съ ума... Это вѣрно... такъ и должно быть.

Голова доктора горѣла, ему дѣлалось душно, а передъ глазами стояло лицо Устеньки,—это именно то лицо, которое одно могло сдѣлать его счастливымъ, чистымъ, хорошимъ, и, увы, какъ поздно онъ это понялъ!

II.

Противъ гостинаго двора на каменномъ домикѣ недавно умершаго соборнаго протопопа красовалась желтая вывѣска, гласившая краснорѣчиво: „Банкирская контора Замараева и К°“. Это учрежденіе существовало уже два года. Съ первыхъ же шаговъ дѣла пошли прекрасно. Явились и вкладчики, и кліенты, и закладчики. Потребность въ мелкомъ кредитѣ чувствовалась давно, и контора попала „въ самую точку“, какъ говорили обыватели. Самъ Замараевъ переодѣлся на городскую руку и держалъ себя вообще очень солидно. Жена Анна Харитоновна тоже употребляла самыя отчаянныя усилія, чтобъ отполировать себя на городскую руку, въ чемъ ей усиленно помогала „Полуштофова жена“, какъ записная модница.

— Деревенщину-то пора бросать, — говорила она, давая наставленія, какъ устроить по-городски квартиру, какъ одѣваться и какъ вообще держать себя.—И знакомиться со всѣми тоже не слѣдуетъ... Какъ я буду къ вамъ въ гости ѣздить, ежели вы меня будете сажать за одинъ столъ съ какимъ-нибудь деревенскимъ попомъ Макаромъ или мельникомъ Ермилычемъ?

— Ужъ вы только научите насъ, сестрица, а мы по гробъ жизни будемъ вамъ благодарны.

Замараевы, устраиваясь по-городски, не забывали своей деревенской скупости, которая уже переходила въ жадность, благодаря легкой наживѣ. У

себя дома они питались рѣдькой и горошницей, выгадывая каждую копейку и мечтая о томъ блаженномъ времени, когда наконецъ выберутся въ настоящіе люди и наверстаютъ претерпѣваемыя лишенія. Мужъ и жена шли рука объ руку и были совершенно счастливы.

— Да, безъ копеечки и рублика не бываетъ,—говорилъ каждый вечеръ Замараевъ, укладываясь спать и подводя въ умѣ дневной балансъ.

Благодаря „Полуштофовой женѣ“, Замараевы завели приличныя знакомства и даже бывали въ клубѣ. За спиной ихъ бранили закладчиками и выжигами, а въ лицо улыбались и даже заискивали. Мелкое купечество, не пользовавшееся кредитомъ въ Коммерческомъ банкѣ, обращалось за ссудами въ замараевскую контору, не говоря уже о мелкихъ торговцахъ, ремесленникахъ и просто голытьбѣ. Деньги такъ и плыли въ новую контору, и въ какихъ-нибудь два года Замараевъ совсѣмъ оперился. Ему много помогъ Голяшкинъ, знавшій весь городъ, какъ свои пять пальцевъ, и являвшійся однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ конторы. Онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ у Замараевыхъ и первымъ другомъ.

Чурался Замараевыхъ попрежнему одинъ Харитонъ Артемьичъ. Зятя онъ не пускалъ къ себѣ на глаза и говорилъ, что онъ только его срамитъ, и что ему низко водить хлѣбъ-соль съ ростовщиками. Можно представить себѣ удивленіе бывшаго суслонскаго писаря, когда черезъ два года старикъ Малыгинъ заявился въ контору самолично.

— Пришелъ посмотрѣть на твою фабрику, — грубо объяснялъ онъ. — Любопытно, какъ вы тутъ публику обманываете... Признаться сказать, я всегда считалъ тебя дуракомъ, а вышло такъ, что ты и насъ поучишь... да. По нынѣшнимъ-то временамъ не вдругъ разберешь, кто дуракъ, кто умный.

— Все это вы, тятенька, такъ говорите для морали, а мы вамъ завсегда рады... Ужъ такъ рады... Чайку бы вечеркомъ откушать.

— Ладно, ладно, не заговаривай зубовъ. Въ долгъ повѣрю... У меня изъ вашего брата, зятьевъ, цѣлый иконостасъ.

Харитонъ Артемьичъ давно уже не пилъ ничего и сильно постарѣлъ,— растолстѣлъ, обрюзгъ, посѣдѣлъ и какъ-то еще сильнѣе озлобился. Въ своемъ домѣ онъ являлся настоящею грозою.

Замараевъ, конечно, понималъ, что грозный тятенька не спроста приходилъ къ нему. Дѣйствительно, черезъ недѣлю онъ явился къ нему уже на квартиру, прямо къ вечернему чаю.

— Вотъ и пришелъ,— говорилъ онъ, тяжело дыша. — Да, пришелъ... И не самъ пришелъ, а неволя привела... да.

Замараевы не знали, какъ имъ и принять дорогого гостя, гдѣ его посадить и чѣмъ угостить. Замараевъ даже пожалѣлъ про себя, что тятенька ничего не пьетъ, а то онъ угостилъ бы его такою деревенскою настойкой по рецепту попа Макара, что съ двухъ рюмокъ заходили бы въ башкѣ столбы.

— Да вы не хлопочите; не за угощеньемъ я пришелъ, а по дѣлу. Ты бы, Анна, тово, вышла, а мы тутъ покалякаемъ.

— Пойдемте, тятенька, въ кабинетъ.

— Въ кабинетъ? Ахъ, ты, подкопенная мышь!.. Ха-ха!.. Тоже и слово знаетъ.

Усѣвшись въ кресло въ кабинетѣ, Харитонъ Артемьичъ вытеръ лицо бумажнымъ платкомъ и проговорилъ:

— Подлецы всѣ — вотъ что я тебѣ скажу, милый зятюшка. Вотъ ты меня и чаемъ угощаешь, и суетишься, наговариваешь: „тятенька! тятенька!“ — а чортъ тебя знаетъ, какіе у тебя узоры въ башкѣ... да.

— Помилуйте, тятенька, да я... провалиться на этомъ самомъ мѣстѣ.

— Не перешибай. Не люблю... Говорю тебѣ русскимъ языкомъ: всѣ подлецы. И первые подлецы — мои зятья... Молчи, молчи! Пашка Булыгинъ десятый годъ грозится меня удавить, нѣмецъ Штоффъ продастъ, Полуяновъ арестантъ, Галактіонъ самъ продался, этотъ греческій учителишка тоже оборотень какой-то... Никому не вѣрю! Понимаешь?

— Въ лучшемъ видѣ все могу понять-съ, тятенька.

— Не перешибай, сказано тебѣ! — крикнулъ старикъ и даже стукнулъ кулакомъ по письменному столу. — Забылъ, съ кѣмъ разговариваешь-то? Всѣ подлецы... Мы были хороши, когда обманывали слѣпую орду кунарскими деньгами, а нашлись почище насъ. Вотъ какъ обуваютъ — одна нога въ сапогѣ, а на другой ужъ лапоть. Теперь возьми хоть мою стеариновую фабрику... Вѣдь это прямо петля на шею! Травимъ-травимъ деньжищъ, а конца-краю нѣтъ, точно въ яму какую. Прорва... Я больше ста тыщъ законопатилъ въ нее, Шахма близко двухсотъ, Ечкинъ векселей на столько же навыдавалъ... Понялъ?

— Агромадное дѣло-съ, тятенька...

— Дуракъ! Кто тебя спрашиваетъ?

Старикъ даже вскочилъ и затрясся отъ злости, а потомъ безсильно опустился на кресло и какъ-то захрипѣлъ.

— Сыяну я тогда всунулся въ это самое дѣло... Некрещеный жидъ обошелъ. Ну, да ужъ дѣло сдѣлано, а снявши голову, по волосамъ не тужатъ... Главное, что подлецы всѣ! Шахма ужъ прижалъ уши и больше денегъ не даетъ, кыргыцкая образина, у Ечкина, окромя векселей, одни перстеньки да жилетки, значитъ, должонъ я вывозить... Фабрика-то готова, и стеариновыя свѣчи мы дѣлаемъ, а тутъ изъ Казани насъ вотъ какъ зачали поджимать своею казанскою свѣчой. Дѣло-то на конкуренцію пошло, а барыши потомъ. Ежели я не дамъ денегъ—конецъ тому дѣлу. Жаль бросать... Понимаешь, затравка-то какая сдѣлана: сто тысячъ не баранъ начихалъ... да. То-есть, какъ я увижу эту самую стеариновую свѣчу, такъ меня даже мутить начинаетъ. Дурака я свалялъ такого, что и не перелѣзешь. Прямо тебѣ говорю: дуракъ, старый дуракъ... По-настоящему-то какъ бы слѣдовало сдѣлать: повѣсить замочекъ на всю эту музыку — и конецъ тому дѣлу, да лиха бѣда, что я не одинъ—компаньоны не дозволятъ.

Старикъ показалъ рукой, какъ онъ заперъ бы на замокъ проклятую фабрику, и какъ его связали по рукамъ и по ногамъ компаньоны.

— Да, такъ вотъ какое дѣло, затюшка... Нужно мнѣ одну штуку удумать, а посовѣтоваться не съ кѣмъ. Думалъ-думалъ, нѣтъ, никому не вѣрю... Продадутъ... А ты тоже продашь?

— Тятенька, да вотъ я сейчасъ образъ со стѣны сниму.

— Ну, ну, ладно... Притвори-ка дверь-то. Ладно... Такъ вотъ какое дѣло. Приходится везти мнѣ эту стеариновую фабрику на своемъ горбу... Понимаешь? Деньжонки у меня есть... ну, наскребу тысячъ съ сотню. Ежели ихъ отдать — у самого ничего не останется. Жаль... Тоже наживалъ... да. Я и хочу такъ сдѣлать: переведу весь капиталъ на жену, самъ тоже буду векселя давать, какъ Ечкинъ. Ты вѣдь знаешь законы, такъ какъ это самое дѣло по-твоему?

— Даже весьма просто: вы переводите весь капиталъ на маменьку, а она вамъ пишетъ духовную — такъ и такъ, отказываю все по своей смерти мужу въ вѣчное и потомственное владѣніе и собственность нерушимо. Домъ-то вѣдь на маменьку,—ну, такъ заодно и капиталъ пойдетъ.

— А ошибки не выйдетъ?

— Какая же тутъ ошибка? Жена ваша и капиталъ, значитъ, вашъ, т.-е. тотъ, который вы положите на ея имя. Я могу вамъ и духовную составить... Въ лучшемъ видѣ все устроимъ. А тамъ векселей выдавайте, сколько хотите. Это ужъ извѣстная музыка, тятенька.

— Вотъ, вотъ... Люблю умственный разговоръ. Я то же думалъ, а только законовъ-то не знаю и посовѣтоваться ни съ кѣмъ нельзя, — продадутъ. По нынѣшнимъ временамъ своихъ боишься больше чужихъ... да.

— Ужъ не сумлѣвайтесь, тятенька.

— Хорошо, я думаю. А ты держи языкъ за зубами и даже женѣ—ни-ни.

— Помилуйте, какъ же можно, тятенька? Совсѣмъ даже не женское это дѣло.

Когда старикъ ушелъ, Замараевъ долго не могъ успокоиться. Онъ даже закрывалъ глаза, высчитывая впередъ разныя возможности. Что же, деньги сами въ руки идутъ... Горденекъ тятенька, — ну, за свою гордость и поплатится. Замараеву даже сдѣлалось страшно, — очень уже легко деньги давались.

Черезъ недѣлю старикъ опять явился. Проектъ духовной уже былъ готовъ.

— Главное, чтобы никто не зналъ,—упрашивалъ Харитонъ Артемьичъ.

— Будьте спокойны, комаръ носу не подточитъ.

Изъ предосторожности Харитонъ Артемьичъ сначала заставилъ жену подписать духовную, а потомъ уже внесъ сто тысячъ на ея имя въ Коммерческій Запольскій банкъ.

— Такъ-то будетъ вѣрнѣе,—говорилъ онъ, еще разъ прочитывая составленную Замараевымъ духовную. — Вотъ что, Флегонтъ, какъ я теперь буду благодарить тебя?

— Помилуйте, тятенька, да я для васъ изъ собственной кожи завсегда готовъ выскочить, а не то чтобы подобные сущіе пустяки.

— Хорошо, хорошо. Помру, такъ вамъ же все достанется. Не для себя хлопочу.

Устроивъ эту операцію, Харитонъ Артемьичъ совершенно успокоился и сразу повеселѣлъ. Что же, другіе живутъ, и мы будемъ жить.

Въ малыгинскомъ домѣ было много перемѣнъ, начиная съ остепенившагося хозяина и кончая принятымъ въ домъ послѣднимъ зятемъ. Харитонъ Артемьичъ больше не ѣздилъ въ степь и всецѣло посвятилъ себя новой фабрикѣ и радостямъ семейной жизни. Послѣднему Аѳуса Гавриловна, пожалуй, была даже и не рада, потому что очень ужъ „самъ“ строжилъ всѣхъ и неистово ругался съ утра до ночи. Отъ него всѣ домашніе теперь сторонились, по возможности избѣгая встрѣчъ. Даже бойкая Харитина, и та появлялась только, когда отца не было дома. Исключеніе представлялъ новый зять. Сначала Харитонъ Артемьичъ относился къ нему, какъ къ дурачку, навеличивая „грецкой губой“ и выкидывая разныя грубыя шутки. Харченко самъ за словомъ въ карманъ не лазилъ и въ свою очередь вышучивалъ тестя съ хохлацкимъ юморомъ. Иногда эти словесныя ратоборства принимали опасную форму, и вступалась уже Аѳуса Гавриловна.

— Да будетъ вамъ, пѣтухи галанскіе... Еще подеретесь. Поговорили и довольно.

Въ теченіе цѣлаго года старушка присматривалась къ послѣднему зятю, подыскивая какой-нибудь недостатокъ, и рѣшительно ничего не могла найти. Главное — неизвѣстный совсѣмъ человѣкъ и потомъ съ хохлацкой стороны.

Иногда старушкѣ приходили совсѣмъ нелѣпыя мысли: а вдругъ онъ двоеженецъ? Былъ одинъ такой случай въ Запольѣ,—простой бондарь и вдругъ оказался двоеженцемъ. Аѳуса Гавриловна точно боялась полюбить послѣдняго зятя, какъ любила раньше другихъ зятьевъ. Очень ужъ горько ей доставались они. Старушка, вообще, замѣтно опускалась и постепенно впадала въ старческое дѣтство. Боевой періодъ, когда она маялась съ мужемъ, дѣтьми и зятьями, миновалъ, и она начинала чувствовать, что какъ будто уже и не нужна даже въ своемъ дому, а въ томъ родѣ, какъ гостья. Часто, сидя за обѣдомъ, когда „самого" не было, Аѳуса Гавриловна долго и внимательно разсматривала зятя, качала головой и говорила:

— И отколь ты взялся только, Иванъ Ѳедорычъ?.. Вотъ ужъ воистину, что отъ своей судьбы не уйти. Гляжу я на васъ и думаю, точно я гостья... Право!

Старушка любила пожаловаться новому зятю на его предшественниковъ, а онъ такъ хорошо умѣлъ слушать ея старческую болтовню. Да и вообще аккуратный человѣкъ, какъ его ни поверни. Аѳусѣ Гавриловнѣ иногда дѣлалось смѣшно надъ Аѳиней, какъ она ухаживала за мужемъ,—такъ въ глаза и смотритъ. Насидѣлась въ дѣвкахъ-то, такъ оно и любопытно со своимъ собственнымъ мужемъ пожить.

Впрочемъ, у Харченки была одна привычка, которая не нравилась тещѣ: все-то ему нужно было знать, и вездѣ онъ совалъ носъ, особенно по части городскихъ дѣлъ. И то не такъ и это не такъ,—всѣхъ засудитъ и научитъ.

— Больно ты прытокъ до чужихъ дѣлъ, какъ я погляжу, Иванъ Ѳедорычъ,—замѣтила ему старушка.—И все у тебя нелацно.

— Нельзя, мамаша. Я человѣкъ общественный...

III.

Харитина жила попрежнему у Галактіона, нигдѣ не бывала и вела себя очень скромно, какъ настоящая вдова. Она какъ-то вся притихла, сдѣлалась серьезной и много занималась хозяйствомъ. За сестрой она ухаживала, какъ мать, и всячески старалась вылѣчить ее отъ запоя. Серафима продолжала упорствовать и ни за что не хотѣла сознаться въ своей болѣзни. Галактіонъ зналъ все, но не подавалъ виду, а только сталъ вести всѣ хозяйственныя дѣла съ Харитиной,—она получала деньги, производила расчеты и вела весь домъ. Она же наблюдала и дѣтей, которыя быстро росли и требовали ухода.

Многаго, что̀ дѣлается въ домѣ, Галактіонъ, конечно, не зналъ. Оставшись безъ денегъ, Серафима начала закладывать и продавать разныя золотыя бездѣлушки, потомъ столовое серебро, платье и даже бѣлье. Услѣдить за ней было очень трудно. Харитина нарочно покупала сама проклятую мадеру и ставила ее въ буфетъ, но Серафима не прикасалась къ ней.

— Съ чего это ты взяла, что я буду пить мадеру?—удивлялась она.—Вотъ выдумаютъ!

Уговоры матери тоже не производили никакого дѣйствія, какъ наговоры и нашептыванія разныхъ старушекъ, которыхъ подсылала Аѳуса Гавриловна. Былъ даже выписанъ изъ скитовъ старецъ Аѳонимъ, который отчитывалъ Серафиму по какой-то старинной книгѣ, но и это не помогло. Болѣзнь шла своимъ чередомъ. Она растолстѣла, опухла и ходила по дому, какъ тѣнь. На нее было страшно смотрѣть, особенно по утрамъ, когда ломало тяжелое похмелье.

По утрамъ Серафима иногда подсаживалась къ окну и плакала.

— Ты это о чемъ плачешь, Сима?—спрашивала Харитина.

— Такъ.

— У тебя что-нибудь болитъ?

— Нѣтъ... Уйди отъ меня.

— Ты на меня сердишься?

— Нѣтъ, я тебя боюсь... уйди... Скоро я умру, тогда... Ахъ, я ничего не знаю!

О мужѣ она никогда не спрашивала, къ дѣтямъ была равнодушна и ни на что не обращала вниманія, до своего костюма включительно. Что ей подадутъ, то она и надѣнетъ.

Харитинѣ иногда казалось, что сестра ее упорно наблюдаетъ, точно хочетъ въ чемъ-то убѣдиться. Ей дѣлалось жутко отъ взгляда этихъ воспаленныхъ глазъ. Виноватой Харитина все-таки себя не чувствовала. Кажется, ужъ она про все забыла, да и не было ничего такого, въ чемъ бы можно было покаяться.

— Сима, ты меня не любишь?—спрашивала Харитина сестру, когда та изводила ее своимъ упорнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, люблю.

— Что ты такъ смотришь на меня?

— Красивая ты, вотъ я и смотрю... Тебя всѣ любятъ, и я тоже люблю. Красивымъ хорошо жить на свѣтѣ...

Разъ ночью Харитина ужасно испугалась. Она только-что заснула, какъ почувствовала, что кто-то сидитъ у ней на кровати. Это была Серафима. Она пришла въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами, и, кажется, не понимала, что дѣлаетъ. Харитина взяла ее за руку и, какъ лунатика, увела въ ея спальню.

Какія отношенія были у Галактіона съ Харитиной, никто не зналъ, но всѣ говорили, что онъ живетъ съ ней, и удивлялись отчаянной смѣлости бывшей исправницы грѣшить на глазахъ у сестры.

Впрочемъ, Галактіонъ почти не жилъ дома, а все разъѣзжалъ по дѣламъ банка и дѣламъ Стабровскаго. Прохоровъ не хотѣлъ сдаваться и велъ отчаянную борьбу. Стороны зашли уже слишкомъ далеко, чтобы помириться на пустякахъ. Стабровскій съ каждымъ годомъ развивалъ свои операціи все шире и начиналъ тѣснить конкурента уже на его территоріи. Весь вопросъ сводился только на то, которая сторона выдержитъ дольше. О пощадѣ не могло быть и рѣчи.

Все Зауралье и громадный степной край были заинтересованы этою отчаянною борьбой. Въ этихъ мирныхъ краяхъ еще не бывало ничего подобнаго. Всѣ слѣдили съ возрастающимъ интересомъ за исходомъ этого ратоборства, обставленнаго небывалыми средствами. Являлось уже вопросомъ чести, кто выйдетъ побѣдителемъ, и стороны не щадили ничего. Главнымъ дѣятелемъ со стороны Стабровскаго являлся Галактіонъ, который настолько увлекся этимъ дѣломъ, что считалъ его своимъ. Его затянула горячка борьбы, гдѣ уже не было мѣста размышленіямъ, что худо и что хорошо. Стабровскій не ошибся, выбравъ такого помощника, но при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ:

— Въ тотъ день, когда Прохоровъ принесетъ повинную, у васъ будетъ первый пароходъ... да. Даю вамъ мое честное слово.

Зная хорошо, что значитъ даже простое слово Стабровскаго, Галактіонъ ни на минуту не сомнѣвался въ его исполненіи. Онъ теперь пропадалъ цѣлыми недѣлями по деревнямъ и глухимъ волостямъ, устраивая новые винные склады, заключая условія съ крестьянскими обществами на открытіе новыхъ

кабаковъ, провѣряя сидѣльцевъ и т. д. Работы было по горло, и время летѣло совершенно незамѣтно. Галактіонъ самъ увлекался своею работой и проявлялъ рѣдкую энергію.

Склады и кабаки открывались въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ они существовали у Прохорова и К°, и открывалось наступательное дѣйствіе пониженіемъ цѣны на водку. Получались уже техническія названія дешевыхъ водокъ: „прохоровка“ и „стабровка“. Мужики входили во вкусъ этой борьбы и усиленно пропивались на дешевкѣ. Случалось нерѣдко такъ, что конкуренты торговали уже себѣ въ убытокъ, чтобы только вытѣснить противника.

Характерный случай выдался въ Суслонѣ. Это была отчаянная вылазка со стороны Прохорова, именно, напасть на врага въ его собственномъ владѣніи. Трудно сказать, какой тутъ былъ расчетъ, но все произошло настолько неожиданно, что даже Галактіонъ смутился. Одно изъ двухъ: или Прохоровъ получилъ откуда-нибудь неожиданное подкрѣпленіе, или въ отчаяніи хотѣлъ погибнуть въ рукопашной свалкѣ. Важно было уже то, что Прохоровъ и К° появились въ самомъ „горлѣ“, какъ выражались кабатчики.

Галактіонъ полетѣлъ въ Суслонъ.

— Ничего не жалѣйте, чтобы задушить его, — давалъ Стабровскій послѣднія инструкціи.—Раненый медвѣдь всегда бросается прямо на охотника... да...

Для Галактіона этотъ ходъ противника былъ крупною непріятностью, какъ непредусмотрѣнное дѣйствіе. Что тутъ ни говори, а Прохоровъ живъ, о чемъ кричала каждая кабацкая вывѣска.

Дѣло было въ началѣ декабря, въ самый развалъ хлѣбной торговли, когда въ Суслонъ являлись тысячи продавцовъ и скупщиковъ. Лучшаго момента Прохоровъ не могъ и выбрать, и Галактіонъ не могъ не похвалить находчивости умнаго противника.

Въ теченіе десяти лѣтъ Суслонъ совершенно измѣнилъ свою физіономію. Изъ простого зауральскаго села онъ превратился въ боевой торговый пунктъ, гдѣ начала развиваться уже городская торговля, какъ лавки съ краснымъ товаромъ, и даже появился галантерейный магазинъ. Раньше былъ одинъ кабакъ, а теперь цѣлыхъ десять. Простыя деревенскія избы перестраивались на городскую руку, обшивались тесомъ и раскрашивались. Появились дома съ мезонинами и городскими палисадниками. Суслонскихъ мужиковъ деревенскіе сосѣди называли купцами. Крупчатныя мельницы, выстроенныя на Ключевой, подняли торговлю пшеницей до неслыханныхъ размѣровъ, а винокуренный заводъ Стабровскаго скупалъ ежегодно до милліона пудовъ ржи. Повѣренные крупныхъ фирмъ жили въ Суслонѣ безвыѣздно, что придавало ему видъ какого-то ярмарочнаго городка. Галактіонъ не былъ здѣсь больше трехъ лѣтъ, не желая встрѣчаться съ отцомъ, и былъ пораженъ происшедшею перемѣной. Ему сдѣлалось какъ-то неловко, точно онъ давно-давно уѣхалъ отсюда и успѣлъ состариться.

Появленіе Галактіона въ Суслонѣ произвело извѣстное волненіе въ средѣ разныхъ довѣренныхъ, повѣренныхъ и приказчиковъ. Его имя уже пользовалось популярностью. Онъ остановился въ бывшемъ замараевскомъ домѣ, въ которомъ квартировалъ повѣренный по закупкѣ хлѣба Стабровскаго, молодой человѣкъ изъ приказчиковъ.

— Ну, какъ дѣла? — спрашивалъ Галактіонъ.

— Да ничего, помаленьку... Очень ужъ много здѣсь народу набилось, другъ друга начинаемъ давить. Ходятъ слухи, что Прохоровъ тоже хочетъ строить винокуренный заводъ на Ключевой. И мѣсто выбралъ у Бакланихи.

— Немного онъ поздно догадался,—засмѣялся Галактіонъ.—Пороху не хватитъ... Если бы раньше онъ это устроилъ, годика три назадъ, а теперь трудно съ нами тягаться.

Между прочимъ, повѣренный съ нѣкоторыми предосторожностями сообщилъ, что Михей Зотычъ достраиваетъ уже третью мельницу: одна пониже Ермилыча на Ключевой ужъ работаетъ, а другая—въ Шабрахъ, на притокѣ Ключевой достраивается.

— Знаю, — коротко отвѣтилъ Галактіонъ. — Напрасно старикъ затягивается,—тоже пороху не хватитъ. Мельницы-то выстроитъ, а на товаръ, пожалуй, и не хватитъ.

— И то поговариваютъ, Галактіонъ Михеичъ. Зарвался старичокъ... Да и то сказать, горитъ у насъ работа по Ключевой. Всѣ такъ и рвутъ... Вотъ въ Запольѣ вальцовая мельница Луковникова, а другую ужъ строятъ въ верховьѣ Ключевой. Задавятъ они другихъ-то крупчатниковъ... Вотъ ужъ здѣсь околачивается довѣренный Луковникова: за нашею пшеницей пріѣхалъ. Своей-то не хватаетъ... Что только будетъ, Галактіонъ Михеичъ. Всѣ точно съ ума сошли, такъ и рвутъ.

Не теряя времени, Галактіонъ сейчасъ же открылъ наступательное дѣйствіе противъ Прохорова, понизивъ цѣну на водку изъ склада и въ пяти кабакахъ. Время было самое удобное, потому что въ Суслонѣ былъ большой съѣздъ крестьянъ, привезшихъ на базаръ хлѣбъ. Слухъ о дешевкѣ „стабровки“ разнесся сейчасъ же, и народъ бросился на перебой забирать дешевую водку, благо близился зимній Никола, а тамъ и святки не за горами,—водки всѣмъ нужно. Къ вечеру повѣренный Прохорова и К⁰ тоже понизилъ цѣну и сталъ продавать свою „прохоровку“ дешевле „стабровки“. Покупатели отхлынули къ кабакамъ Прохорова.

Настоящій походъ начался на слѣдующій день, когда Галактіонъ сдѣлалъ сразу пониженіе на десять процентовъ. Вѣсть о дешевкѣ разнеслась уже по окрестнымъ деревнямъ, и со всѣхъ сторонъ неслись въ Суслонъ крестьянскія сани, точно на пожаръ,—всякому хотѣлось попробовать дешевки. Самъ Галактіонъ не выходилъ и сидѣлъ на квартирѣ. Онъ стѣснялся показываться на улицѣ. Его разыскалъ Вахрушка, который прибѣжалъ изъ Прорыва на дешевку пѣшкомъ.

— Ахъ, Галактіонъ Михеичъ, отецъ родной, и что только дѣлается! — повторялъ задыхавшійся отъ волненія старикъ. — Вотъ скоро на седьмой десятокъ перевалитъ мнѣ, а чтобы этакого, напримѣръ, подобнаго... Я перво-наперво бросился въ твой кабакъ, ну, и стаканчикъ дешевки хлебнулъ, а потомъ побѣжалъ къ Прохорову и тоже стаканчикъ зарядилъ. Народъ-то послѣдняго ума рѣшился: такъ и ходитъ изъ кабака въ кабакъ. Тоже всякому любопытно... Скоро и посудины не хватитъ. Ахъ, Боже мой!.. А краснорядцы сидятъ въ пустыхъ лавкахъ и ругательски ругаются... Пропьются мужики на-прочь.

— Ты не торопись, Вахрушка. Еще успѣешь, — совѣтовалъ Галактіонъ.

— Н-но-о? Вѣдь въ кои-то вѣки довелось испить дешевки. Михей-то Зотычъ, тятенька, значитъ, въ шабрахъ строится, Симонъ на новой мельницѣ, а мы, значитъ, съ Емельяномъ въ Прорывѣ руководствуемъ... Вотъ я и вырвался. Ахъ, братецъ ты мой, Галактіонъ Михеичъ, и что вы только придумали! Ужъ можно сказать, что уважили вполнѣ.

— А ты погоди напиваться-то, еще дешевле будетъ.

— Н-но-о?!. И что такое только будетъ... Какъ бы только Михей Зотычъ

не выворотился... До него успѣвать буду ужъ какъ-нибудь, а то всю музыку испортитъ. Ахъ, Галактіонъ Михеичъ, отецъ ты нашъ!.. Да мы для тебя ничего не пожалѣемъ!

Вахрушка, не внимая предостереженію Галактіона, прямо изъ писарскаго дома опять ринулся въ кабакъ. Широкая деревенская улица была залита народомъ. Было уже много пьяныхъ. Народъ бѣжалъ со стеклянною посудиной, съ квасными жбанами и просто съ ведерками. Слышалось пьяное галдѣнье, хохотъ, обрывки пѣсенъ. Гдѣ-то надрывалась гармонія.

— Ахъ, братцы мои... родимые вы мои! — кричалъ Вахрушка, врѣзываясь въ двигавшуюся толпу. — Привелъ Господь на старости лѣтъ... ахъ, братцы!

Приказчики стояли у магазиновъ и смотрѣли на одурѣвшую толпу. Какіе-то пьяные мужики бѣжали по улицѣ безъ шапокъ и орали:

— Стабровка три копейки стаканъ!.. Братцы!.. Три копейки!..

Вахрушка отвѣдалъ сначала „прохоровки“, потомъ „стабровки“, потомъ опять „прохоровки“, — сидѣльцы все понижали цѣну. Въ кабакѣ Прохорова одинъ мужикъ подставлялъ свою шапку и требовалъ водки.

— Лей!.. Пусть и шапка пьетъ!

Вахрушка пробѣжалъ село изъ конца въ конецъ разъ десять. Ноги уже плохо его слушались, но жажда оставалась. Вѣдь другого раза не будетъ, и Вахрушка пробивался къ кабацкой стойкѣ съ отчаянною энергіей умирающаго отъ жажды. Закончилась эта проба тѣмъ, что старикъ, наконецъ, свалился мертвецки-пьянымъ у прохоровскаго кабака.

IV.

Вахрушка проснулся съ страшною головною болью и долго не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ. Башка трещала неистово, точно готова была расколоться на нѣсколько частей. Вахрушка лежитъ на полу, на какой-то соломѣ. Съ лѣваго бока его давило что-то холодное, чего онъ не могъ даже оттолкнуть, потому что самъ лишенъ былъ способности двигаться. Только присмотрѣвшись кругомъ, Вахрушка съ ужасомъ сообразилъ, въ чемъ дѣло. Во-первыхъ, онъ находился въ „темной“ при волости, куда самъ когда-то сажалъ Михея Зотыча; во-вторыхъ, теперь темная биткомъ была набита мертвецки-пьяными, подобранными вчера „на дешевкѣ“, а въ-третьихъ, съ лѣваго бока лежалъ рядомъ съ нимъ окоченѣвшій трупъ запившагося на смерть.

Послѣднее открытіе вышибло изъ стараго солдата весь хмель, и онъ бросился къ двери.

— Ради Христа, отпусти живую душу на покаянье! — умолялъ онъ сторожа, тоже изъ отставныхъ солдатъ.

Хорошо, что еще сторожъ-то знакомый человѣкъ и сейчасъ выпустилъ.

— Здорово ты вчера лакнулъ, — коротко объяснилъ онъ. — Хорошо, что мельникъ Ермилычъ подобралъ тебя и привезъ сюда, а то такъ бы и замерзъ въ снѣгу.

— Отецъ родной, отпусти!

Сторожъ только покачалъ головой, когда Вахрушка опрометью кинулся изъ волости, даже позабылъ шапку.

— Эй, служба, шапку-то забылъ!

Вахрушка только махнулъ рукой и летѣлъ по улицѣ, точно за нимъ гналась стая волковъ. У него въ мозгу сверлила одна мысль: мертвякъ...

мертвякъ... мертвякъ. Вотъ нагонятъ Полуяновъ и сгноятъ всѣхъ въ острогѣ за мертвое тѣло. Всѣхъ изведетъ.

Старикъ немного опомнился только въ кабакѣ Стабровскаго, гдѣ происходила давка сильнѣе вчерашней. Дешевка продолжалась съ ранняго утра, и народъ окончательно сбился съ ногъ. Выпивъ залпомъ два стакана „стабровки“, Вахрушка очухался и даже отплюнулся. Вѣдь вотъ какъ поблазнитъ человѣку... Полуянова испугался, а Полуяновъ давнымъ-давно самъ на поселеніи. Тьфу!

— Ахъ, братецъ ты мой... ддаа!—мычалъ Вахрушка.—Ну-ка, лени еще одинъ стаканчикъ.

Припоминая „мертвяка“, рядомъ съ которымъ онъ провелъ всю ночь, Вахрушка долго плевался и для успокоенія пилъ опять стаканчикъ за стаканчикомъ, пока совсѣмъ не отлегло отъ души. Э, наплевать!.. Пусть другіе отвѣчаютъ, а онъ ничего не знаетъ. Ну, ночевалъ, дѣйствительно, ну, ушелъ—и только. Вахрушкѣ даже сдѣлалось весело, когда онъ представилъ себѣ картину пріятнаго пробужденія другихъ пьяницъ въ темной.

Вахрушка оставался въ кабакѣ до тѣхъ поръ, пока не разнеслось, что въ темной при волости нашли трехъ опившихся. Да, теперь пора было и домой отправиться. Главное, чтобы достигнуть своего законнаго мѣста до возвращенія Михея Зотыча. Впрочемъ, Вахрушка находился въ самомъ храбромъ настроеніи, и его смущало немного только то, что для полной формы недоставало шапки.

— Э, наплевать!—ругался въ пространство Вахрушка.—Съ голаго, что со святого — взятки гладки... Врешь, братъ!.. Вахрушка знаетъ свою линію!

Онъ такъ и отправился къ себѣ на мельницу безъ шапки, а подходя къ Прорыву, затянулъ солдатскую пѣсню:

Во злосчастный день, во среду...
Злы... злые турки собиралися!..
Да они во хмелюшкѣ похвалялися:
Мы Рассеюшку наскрозь пройдемъ...
Графъ Паскевича во полонъ возьмемъ!..

Расхрабрившійся старикъ уже шелъ по мельничной плотинѣ, когда его остановилъ знакомый голосъ!

— Эй, ты, крупа несчастная, куда прешь?

Вахрушка оглянулся и обомлѣлъ: передъ нимъ стоялъ Михей Зотычъ.

— Да откуда ты взялся-то? — бормоталъ Вахрушка, разводя руками.—Вотъ такъ оказія!

— Нѣтъ, ты скажи, куда ты прешь-то, кислая шерсть?—наступалъ хозяинъ.

— Я? А я домой...

— Обознался, миленькій. Твой домъ остался на дешевкѣ... Вотъ туда и ступай, откуда пришелъ.

Михей Зотычъ взялъ старика за плечо, повернулъ и толкнулъ въ шею.

— Ступай, ступай, кабацкая затычка!.. И скобленаго своего рыла не смѣй показывать!

Вахрушка по инерціи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ обернулся и крикнулъ:

— А ты думаешь, я тебя боюсь?.. Ахъ, ты, тараканья кость!.. Да я тебя такъ расчешу... Давай расчетъ, однимъ словомъ!.. За всѣ за четыре года.

— Какой это расчетъ? Это расчетъ за то, что я тебя держалъ-то четыре года изъ милости да хлѣбомъ кормилъ?

На Вахрушку опять накатилъ храбрый стихъ, и онъ пошелъ на хозяина.

— Такъ ты не хочешь мнѣ жалованья платить, собачья жила, а?.. Не хочешь?

Михей Зотычъ сначала отступилъ, а потомъ побѣжалъ съ крикомъ:

— Ай, батюшки, солдатъ убилъ!.. Убилъ солдатъ проклятый!

На хозяйскій крикъ выскочили съ мельницы рабочіе и кинулись на Вахрушку. Произошла горячая свалка. Старика порядочно помяли, а кто-то изъ усердія такъ ударилъ по носу, что у Вахрушки пошла кровь.

— Что, получилъ расчетъ?—кричалъ издали Михей Зотычъ.

Вахрушку выпроводили съ мельницы въ три шеи. Очутившись опять на дорогѣ въ Суслонъ, старикъ долго чесалъ затылокъ, ругался въ пространство и наконецъ рѣшилъ, что такъ какъ во всемъ виноватъ Галактіонъ, благодаря его проклятой дешевкѣ, то онъ и долженъ выручать. Вахрушка явился въ писарскій домъ весь окровавленный и заявилъ:

— Ужъ ты какъ хочешь, Галактіонъ Михеичъ, а только того... Однимъ словомъ, расчетъ получилъ отъ тятеньки.

— Ты ступай сначала на кухню и вымойся.

Галактіонъ кое-какъ понялъ, въ чемъ дѣло. Конечно, Вахрушка напился свыше мѣры—это такъ, но, съ другой стороны, и отецъ былъ неправъ, не разсчитавъ старика. Во всемъ этомъ было что-то дикое.

— Изъ-за тебя вся оказія вышла, Галактіонъ Михеичъ,—съ наивностью большого ребенка повторялъ Вахрушка.—Вчера еще былъ я человѣкомъ, а сегодня ни съ чѣмъ пирогъ... да. Значитъ, на подножный кормъ.

У Галактіона явилась мысль досадить отцу косвеннымъ образомъ, и онъ, подумавъ, проговорилъ:

— Вотъ что, Вахрушка, и ты неправъ и отецъ тоже... Ну, я тебя, такъ и быть, увезу въ городъ и опредѣлю на мѣсто. Только смотри, уговоръ на берегу: водки ни-ни.

— Да я, Галактіонъ Михеичъ... Ни Боже мой!.. Да мнѣ наплевать, хоть вовсе ея не будь... Ужъ я заслужу!..

Огорченный старый солдатъ даже прослезился и, глотая слезы, прошепталъ:

— Да вѣдь я, Галактіонъ Михеичъ, блаженныя памяти государю императору Николаю I двадцать пять лѣтъ вѣрой и правдой послужилъ... Вѣдь нѣтъ косточки неломанной... Агличанку вышибалъ подъ Севастополемъ... Да я... Ахъ, Боже мой!..

— Ты ступай въ кухню, тамъ переночуешь, а завтра вмѣстѣ уѣдемъ.

Вахрушка только ударилъ себя въ грудь и молча вышелъ.

Вечеромъ этого дня дешевка закончилась. Прохоровъ былъ сбитъ и закрылъ кабаки подъ предлогомъ, что вся водка вышла. Галактіонъ сидѣлъ у себя и подсчитывалъ, во сколько обошлось это удовольствіе. Получалась довольно крупная сумма, причемъ онъ не могъ не удивляться, что Стабровскій, въ своей смѣтѣ на конкуренцію, предусмотрѣлъ почти изъ копейки въ копейку ея стоимость спеціально для Суслона. Именно за этимъ занятіемъ накрылъ Галактіона отецъ. Онъ, по обыкновенію, пробрался въ домъ черезъ кухню.

— Что, сынокъ, барыши считаешь? Такъ... Прикинь на счетахъ еще трехъ мужиковъ, опившихся до смерти твоею-то дешевкой.

— Ахъ, это вы, папаша!..

Старикъ мало измѣнился за эти три года, и Галактіонъ въ первую минуту немного смутился какимъ-то дѣтскимъ, привычнымъ повиновенію, чув-

ствомъ. Михей Зотычъ такъ же жевалъ губами, моргалъ красными вѣками и имѣлъ такой же загадочный видъ.

— Хорошо, сынокъ... Метлой подметаете три уѣзда. Скоро голодной мыши нечѣмъ будетъ накормить. Поглядѣлъ я сегодня, какъ народъ-то радуется... да.

— Мы-то при чемъ тутъ, родитель? Кажется, никого не неволимъ.

— Такъ, такъ, сынокъ... Это точно, неволи нѣтъ. А я-то вотъ по уѣзду катаюсь, такъ все вижу: которые были запасы, всѣ на базаръ свезены. Все теперь на деньги пошло, а деньги пошли въ кабакъ, да на самовары, да та ситцы, да на трень-брень... Какая тутъ неволя? Бога за васъ благодарятъ мужички... Прежде-то все свое домашнее было, а теперь все съ рынка везутъ. Главное, хлѣбушко всѣмъ мѣшаетъ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Папаша, а сколько ваши крупчатки-мельницы этого хлѣба перемелютъ? Вашъ починъ...

— Крупчатка пшеничку мелетъ,—это особь статья,— а вы травите даръ Божій на проклятое винище... Охъ, великій грѣхъ!.. Плохо будетъ,—и мужику плохо, и купцу, и жиду. Вѣдь всѣ хлѣбомъ живемъ. Не потерпитъ Господь нашего неистовства. Помни мое слово, Галактіонъ... Можетъ, я и не доживу, а вы-то своими глазами увидите, какую работу затѣяли. По дѣламъ вашимъ и воздастся вамъ... Бѣсу служите, мамону свою тѣшите, а Господь-то и найдетъ, найдетъ и смиритъ. Ты своимъ-то жидамъ скажи это,—вотъ, молъ, какое слово мнѣ родитель сказалъ. Выжилъ, молъ, старикъ совсѣмъ изъ ума и свои старыя слова болтаетъ.

Галактіонъ ждалъ этого обличенія и принялъ его съ молчаливымъ смиреніемъ, но подъ конецъ отцовской рѣчи онъ почувствовалъ какую-то фальшь не въ содержаніи этого обличенія, а въ самой интонаціи, точно старикъ говорилъ только по привычкѣ, но уже самъ не вѣрилъ собственнымъ словамъ. Это поразило Галактіона, и онъ вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Правда, родитель,—коротко согласился онъ.—Только вѣдь мы, молодые, у васъ, старичковъ, учимся.

— Такъ, такъ, сынокъ... Худому учитесь, а добраго не видите. Ну, да это ваше дѣло... да. Не маленькіе и свой разумъ должны имѣть.

Наступила неловкая пауза. Старикъ присѣлъ къ письменному столу и беззвучно жевалъ губами. Его вѣки закрывались точно у засыпающаго человѣка. Галактіонъ понималъ, что все предыдущее было только вступленіемъ къ чему-то.

— Завтра въ городъ ѣдешь?—спросилъ старикъ, глядя въ упоръ.

— Да, пора. Сегодня мы все покончили.

— Такъ, такъ... гм...

Опять молчаніе. Михей Зотычъ тяжело повернулся на своемъ стулѣ, похлопалъ рукой по столу и проговорилъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Ну, а что вашъ банкъ?

— Ничего... Дѣло идетъ.

— Такъ, такъ... Сказываютъ, что запольскіе-то купцы сильно начали закладываться въ банкѣ. Прежде-то этого было не слыхать... Нынче у тебя десять тысячъ, а ты затѣваешь дѣло на пятьдесятъ. И самъ прогоришь, да на пути и другихъ утопишь. Почемъ у васъ берутъ-то на закладъ?

— Смотря по тому, что закладываютъ, папаша. Процентовъ двѣнадцать набѣжитъ, а то и побольше.

— А тутъ еще страховка, да поземельныя.

— Это ужъ банкъ за счетъ заемщика дѣлаетъ.

— Такъ, такъ... Ну, а что бы вы дали, напримѣръ, за мельницу на Прорывѣ? Это я къ примѣру говорю.

Галактіонъ прикинулъ въ умѣ и заявилъ:

— Больше десяти тысячъ не дадутъ.

— Что-о?

Старикъ подскочилъ на мѣстѣ.

— Да она мнѣ восемьдесятъ стоитъ... Ты самъ знаешь. Это грабежъ.

— Для васъ, папаша, она восемьдесятъ стоитъ, а для банка десять. Станьте-ка ее продавать по вольной цѣнѣ—и десяти напроситесь.

— Да вѣдь я выкупаю свое добро! Для чего же тогда вашъ банкъ?.. Десять тысячъ—не деньги.

— Знаешь что, родитель: это я тебѣ даю десять тысячъ, а такъ банкъ не дастъ.

Старикъ спохватился и какъ-то виновато забормоталъ:

— Ну, мнѣ-то не нужно... Я такъ, къ слову. А про другихъ слыхалъ, что начинаютъ закладываться. Изъ нашихъ же мельниковъ есть такіе, которые зарвутся свыше мѣры, а потомъ въ банкъ.

Галактіонъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, сдѣлавъ видъ, что повѣрилъ отцу, проговорилъ:

— А на всякій случай, папаша, запомните мою цѣну. Мало ли что не бываетъ на свѣтѣ. Не прежнія времена, папаша.

— Да, да... Охъ, не прежнія!.. И нашъ братъ, купецъ, и мужикъ—всѣ пошатнулись.

Отецъ и сынъ на этотъ разъ разстались мирно. Галактіонъ даже съѣздилъ въ Прорывъ, чтобы повидаться съ Емельяномъ, который не могъ пріѣхать въ Суслонъ, потому что его Арина Матвѣевна была больна,—она въ отсутствіе грознаго тестя перебралась на мельницу. Михей Зотычъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ о ея присутствіи. Этотъ обманъ тяготилъ всѣхъ, и Галактіонъ отъ души пожалѣлъ молчавшаго по обыкновенію Емельяна.

V.

Вахрушка, отправляясь въ городъ съ Галактіономъ, торжествовалъ и всю дорогу болталъ.

— Ухъ, надоѣла мнѣ эта самая деревенская темнота!—повторялъ онъ.— Вѣдь я-то не простой мужикъ, Галактіонъ Михеичъ, а свою полировку имѣю... За битаго двухъ небитыхъ даютъ. Конечно, Михей Зотычъ жалованья мнѣ не заплатили, это точно, а я не сержусь... Что же, ему, можетъ, больше надо. А ужъ въ городѣ-то я вотъ какъ буду стараться. У меня короткій разговоръ: разъ, два—и готово. Ха-ха... Дѣла не подгадимъ. Только вотъ съ мертвякомъ ошибочка вышла.

Галактіонъ дорогой думалъ объ отцѣ. Для него было ясно, что старикъ начинаетъ запутываться въ дѣлахъ и, можетъ-быть, даже самъ не знаетъ еще многаго. Деньги, какъ здоровье, начинаютъ чувствоваться, когда ихъ нѣтъ. Въ хлѣбномъ дѣлѣ съ поразительною быстротой вырастала самая отчаянная конкуренція главнымъ образомъ по Ключевой, на которой мельницы-крупчатки росли, какъ грибы. Предсказанія Галактіона отцу, которыя онъ дѣлалъ передъ своимъ уходомъ, начинали сбываться. Въ дѣло выдвигались громадные капиталы, и обороты шли на милліоны рублей. У старика Колобова, можетъ-быть, весь капиталъ былъ не больше двухсотъ тысячъ, въ чемъ Галактіонъ сейчасъ окончательно убѣдился, а съ такими деньгами трудно бороться на

оживившемся хлѣбномъ рынкѣ. Запольскіе капиталы двинулись оптомъ на хлѣбный рынокъ, и среднему купцу становилось невозможнымъ существовать безъ кредита. Михею Зотычу тяжело было признаться въ послѣднемъ, но, очевидно, онъ сильно зарвался и начиналъ испытывать первые приступы безденежья.

„Вѣдь вотъ какой упрямый старикъ!—повторялъ про себя Галактіонъ и только качалъ головой.—Вѣдь за глаза было бы одной мельницы, такъ нѣтъ, давай строить двѣ новыхъ!“

Впрочемъ, это общая черта всѣхъ людей, выбившихся изъ полной неизвѣстности. Успѣхъ лишаетъ извѣстнаго чувства мѣры и вызываетъ ничѣмъ не оправдываемую предпріимчивость.

Понимая вполнѣ всю сложную психологію отца, Галактіонъ параллельно думалъ о своихъ пароходахъ. Завѣтная мечта уже близилась къ осуществленію. Своихъ денегъ у него, конечно, было немного, но обѣщаетъ помочь Стабровскій, когда закончится война съ Прохоровымъ и будетъ получаться отступное, а затѣмъ можно будетъ прихватить часть въ банкѣ, а другую часть кое у кого изъ знакомыхъ. Конечно, дѣло было рискованное и слишкомъ смѣлое, но для чего же тогда и жить? Что значили всѣ эти мельницы, стеариновые заводы, винокуренныя дѣла по сравненію съ пароходнымъ дѣломъ? Это, дѣйствительно, предпріятіе, которое оживило бы не одно Зауралье, а всю Западную Сибирь. Вотъ въ Тюмени уже есть два парохода, но владѣльцы не понимаютъ, какое сокровище у нихъ въ рукахъ. Если бы двинуть въ Сибирь уральское желѣзо, а оттуда дешевый сибирскій хлѣбъ, сало, кожи, разное другое сырье... У Галактіона кружилась голова отъ этихъ мыслей, и онъ уже слышалъ шумъ своего собственнаго парохода, его несла впередъ живая дорога, и онъ даже закрывалъ глаза отъ душевной истомы. Странно, что именно въ такіе сны наяву онъ видѣлъ себя вмѣстѣ съ Харитиной. Да, она была тутъ, рядомъ съ нимъ, и смотрѣла къ нему прямо въ душу своими улыбающимися, свѣтлыми глазами. И это была совсѣмъ не та Харитина, которую онъ видѣлъ у себя дома, и самъ онъ былъ не тотъ, какимъ его знали всѣ,—о! онъ еще не начиналъ жить, а только готовился къ чему-то и ради этого неизвѣстнаго работалъ за четверыхъ и отказывалъ себѣ во всемъ. Теперь другіе живутъ, а тогда будетъ жить онъ, т.-е. они съ Харитиной.

Подъѣзжая къ Заполью, Вахрушка вдругъ пріунылъ. Онъ опять вспомнилъ про „мертвяка“, съ которымъ переночевалъ въ холодной.

— Ахъ, братецъ ты мой!—ахалъ старикъ, встряхивая головой.—Покойникъ-то къ счастью, а все-таки тово... не совсѣмъ правильно. Ахъ, ты, братецъ, и угораздило тебя!

Когда показался вдали городъ, Вахрушка упалъ духомъ. Въ городѣ-то все богатые живутъ, а онъ съ деревенскимъ рыломъ лѣзетъ. Охъ, и что только будетъ!

— Пока поживешь у меня, а тамъ увидимъ,—коротко объяснилъ Галактіонъ.—Безъ мѣста не останешься.

— Да ужъ я, Галактіонъ Михеичъ... Ахъ, Боже мой!..

Впрочемъ, солдатъ скоро успокоился. Ихъ встрѣтила Харитина и какъ-то особенно просто отнеслась къ нему. Она, видимо, поджидала Галактіона и не могла скрыть своей женской радости, которую и обратила на Вахрушку. Кажется, никто такъ не умѣлъ обойтись съ человѣкомъ, какъ Харитина, когда она была въ духѣ. Она потащила солдата въ кухню и сама принялась угощать его обѣдомъ.

— Ѣшь, солдатъ, а утро вечера мудренѣе. Зачѣмъ въ городъ-то притащился?

— Охъ, барыня, и не спрашивай!.. Такое случилось, такое,—не слушай теплая хороминка.

Разсказъ о дешевкѣ смѣшилъ Харитину до слезъ, и она забывала, что смѣяться надъ опившимися до смерти мужиками нехорошо. Ей было какъ-то безотчетно весело, весело потому, что Вахрушка все время говорилъ о Галактіонѣ.

— Ужъ это такой человѣкъ, Харитина Харитоновна, такой... Такихъ-то и не видывано еще. Ума—палата, вотъ главное... На что тятенька грозенъ, а и тотъ ничего не можетъ супротивъ. Полная неустойка.

— А ты его любишь, Галактіона?

— Всѣ его любятъ... Ужъ такой человѣкъ уродился. Значитъ, особенный человѣкъ... да. У него все на отличку супротивъ другихъ. Вонъ какъ онъ Прохорову-то хвостъ куфтой подвязалъ.

Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ Замараевъ. Онъ имѣлъ какой-то особенно торжественный видъ и, по обыкновенію, началъ издалека.

— Каково съѣздили, Галактіонъ Михеичъ? Слышали мы, какъ воевали съ Прохоровымъ... да-съ. Что же, будетъ, поцарствовали, т.-е. Прохоровъ и К°. Пора и честь знать. Не тѣ времена, Галактіонъ Михеичъ, чтобы, напримѣръ, разиня ротъ.

Послѣ этого вступленія Замараевъ добылъ изъ бокового кармана затасканный номеръ газеты и передалъ его Галактіону.

— Вотъ, почитайте-ка, какъ васъ золотятъ въ газетинѣ, Галактіонъ Михеичъ. Даже какъ будто и свыше мѣры.

Корреспонденція, дѣйствительно, была хлесткая, на тему о водочной войнѣ и дешевкахъ, причемъ больше всего доставалось Галактіону. Прослѣженъ былъ каждый его шагъ, все подсчитано и разобрано. Галактіонъ прочелъ два раза, пожалъ плечами и равнодушно проговорилъ:

— Докторъ писалъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что совсѣмъ не докторъ... да-съ. А нѣкоторый другой человѣкъ... Мы сперва-то тоже на доктора подумали, что подкупилъ его Прохоровъ, а потомъ и оказалось...

Замараевъ оглядѣлся и сообщилъ шопотомъ:

— Греческій языкъ писалъ... Милый нашъ родственникъ, значитъ, Харченко. Онъ на почтѣ заказнымъ письмомъ отправлялъ статью,—ну, и вызнали, куда и прочее. И что только человѣку нужно? А главное, проклятый хохолъ всю нашу фамилію осрамилъ... Добрые люди будутъ пальцами указывать.

— Ничего, Флегонтъ Васильичъ: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.

— Я ходилъ къ нему, къ хохлу, и говорилъ съ нимъ. Какъ, говорю, вамъ не совѣстно тому подобными дѣлами заниматься? А онъ смѣется и говоритъ: „Подождите, вотъ мы свою газету откроемъ и прижимать васъ будемъ, толстосумовъ“. Это какъ по-вашему? А потомъ, онъ совсѣмъ обошелъ стариковъ, взялъ довѣренность отъ Анѳусы Гавриловны и хочетъ въ гласные баллотироваться, значитъ, въ думу. Настоящій ядъ...

— Что же, дѣло его. Пусть попробуетъ.

— Нѣтъ, какъ онъ всѣхъ обошелъ... И даже не скрывается, что въ газеты пишетъ. Другой бы посовѣстился, а онъ только смѣется. Настоящій змѣй... А тятенька Харитонъ Артемьичъ за него же и на всю улицу кричитъ: „Катай ихъ, подлецовъ, въ хвостъ и гриву!“ Тятенька весьма озлоблены... Даже какъ будто иногда изъ разума выступаютъ. Всѣхъ ругательски ругаютъ.

Замараевъ былъ встревоженъ и, не встрѣтивъ сочувствія у Галактіона, даже обидѣлся. Помилуйте, что же это такое? Этакъ всякій будетъ писать.

Одинъ напишетъ, а прочитаютъ-то всѣ. Вонъ купцы въ гостиномъ дворѣ вслухъ газеты читаютъ. Соберутся кучей и галдятъ, какъ черти надъ кашей.

Корреспонденція Харченки имѣла другое неожиданное послѣдствіе. Кто-то изъ обозленныхъ ею людей послалъ доктору Счетову длинное анонимное письмо, въ которомъ излагалась довольно подробно біографія Прасковьи Ивановны. Въ первый моментъ докторъ не придалъ письму никакого значенія, какъ безыменной клеветѣ, но потомъ оно его начало безпокоить съ новой точки зрѣнія: лично самъ онъ могъ наплевать на всѣ эти сплетни, но вѣдь о нихъ, вѣроятно, говоритъ цѣлый городъ. По безграмотности можно было предположить только одно, именно, что письмо шло изъ своей купеческой среды. Въ видѣ предисловія разбирались отношенія Прасковьи Ивановны къ ея сладкому братцу, что̀ будто бы послужило причиной мертваго бубновскаго запоя, затѣмъ подробно излагались ея ухаживанья за Мышниковымъ, романъ съ Галактіономъ, и дѣлались нѣкоторыя предположенія относительно будущаго. Заканчивалось письмо такъ: „Вотъ, г. корреспондентъ, какъ бываетъ: въ чужомъ глазу сучокъ видимъ, а въ своемъ бревна не замѣчаемъ. Мы это жалѣючи васъ говоримъ, потому какъ вы законный мужъ и должны соблюдать свой интересъ. Промежду прочимъ, до свиданія, г. корреспондентъ. Главное, у насъ-то вы совсѣмъ чужой и пожалѣть васъ некому. Мы вамъ добромъ за зло платимъ“.

Конечно, все это было глупо, но ужъ таковы свойства всякой глупости, что отъ нея никуда не уйдешь. Докторъ старался не думать о проклятомъ письмѣ—и не могъ. Оно его мучило, какъ смертельный грѣхъ. Притомъ имѣть дѣло съ открытымъ врагомъ совсѣмъ не то, что̀ съ тайнымъ, да, кромѣ того, здѣсь выступали противъ него цѣлою шайкой. Оставалось выдерживать характеръ и ломать самую дурацкую комедію.

Въ первый моментъ докторъ хотѣлъ показать письмо женѣ и потребовать отъ нея объясненій. Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи и даже приходилъ съ письмомъ въ рукѣ въ комнату жены. Но достаточно было Прасковьѣ Ивановнѣ взглянуть на него, какъ докторская храбрость разлеталась дымомъ. Письмо начинало казаться ему возмутительною нелѣпостью, которою онъ не имѣлъ права безпокоить жену. Впрочемъ, Прасковья Ивановна сама вывела его изъ недоумѣнія. Вернувшись какъ-то изъ клуба, она вызывающе проговорила:

— Вы получили письмо?

— Какое письмо?

— Ахъ, идіотъ!.. Подавайте его сюда!

Докторъ съ виноватымъ видомъ подалъ заношенный листъ почтовой бумаги. Прасковья Ивановна по-писанному разбирала съ грѣхомъ пополамъ только магазинные счета и заставила мужа читать вслухъ.

— Отлично,—проговорила она, когда чтеніе кончилось. — Какъ вы полагаете, Анатолій Петровичъ, порядочному мужу кто-нибудь посмѣетъ написать подобную гадость?

— Да вѣдь письмо не подписано? Наконецъ, моя роль въ этомъ самая жалкая... Я не могу даже избить этого мерзавца.

— Да? А я вамъ скажу, кто этотъ мерзавецъ.

— Очень интересно.

— Это вы... Да, вы, вы! Не понимаете? Вамъ все нужно объяснить? Если бы вы не писали своихъ дурацкихъ корреспонденцій, ничего бы подобнаго не могло быть. Изъ-за васъ теперь мнѣ глазъ никуда нельзя показать.

Получился совершенно неожиданный оборотъ. Прасковья Ивановна про-

явила отчаянную рѣшимость сейчасъ же уѣхать отъ мужа, куда глаза глядятъ, и докторъ умолялъ ее, стоя на колѣняхъ, остаться, простить его и все забыть. Получилась самая нелѣпая и жалкая сцена, за которую докторъ презиралъ себя цѣлый мѣсяцъ. Какъ это могло случиться? Онъ опять анализировалъ свои поступки, каждое душевное движеніе, и чувствовалъ, что начинаетъ сходить съ ума. Мысль о сумасшествіи все чаще и чаще приходила ему въ голову и наводила на него ужасъ. Онъ чувствовалъ, какъ стѣны кабинета начинали его давить, что какое-то страшное ощущеніе пустоты душитъ его, что... Въ отчаяніи онъ хватался за бутылку съ мадерой, и все проходило сейчасъ же.

Ясно было одно, что онъ боится и ненавидитъ жену и не можетъ выбиться изъ-подъ ея гнета.

Въ результатѣ этого состоянія получилось то, что докторъ принялся выслѣживать жену. Онъ тщательно слѣдилъ, когда она уходитъ и приходитъ, гдѣ бываетъ, съ какимъ лицомъ встрѣчаетъ своихъ гостей. Дошло до того, что онъ началъ подслушивать изъ сосѣдней комнаты. Продѣлывая все это, докторъ все больше и больше презиралъ самого себя. Разъ онъ сдѣлалъ сцену сладкому братцу Голяшкину, а потомъ сейчасъ же попросилъ у него извиненія и, извиняясь, еще сильнѣе ненавидѣлъ эту сладкую тварь. Вѣдь письмо говорило прямо объ отношеніяхъ къ нему Прасковьи Ивановны.

Получалось въ общемъ что-то ужасное, глупое и нелѣпое. Въ отчаяніи докторъ бѣжалъ къ Стабровскимъ, чтобы хоть издали увидѣть Устеньку, услышать ея голосъ, легкую походку, и опять ненавидѣлъ себя за эти гимназическія выходки. Она—такая чистая, свѣтлая, а онъ—изношенный, захватанный, какъ позабытая бутылка съ недопитою мадерой.

VI.

Дѣятельность банка все росла. Съ одной стороны неудержимымъ потокомъ приливали вклады, съ другой—шелъ отливъ въ формѣ кредита. Скоро опредѣлилась во всѣхъ подробностяхъ экономическая картина, и каждая торговая фирма была точно взвѣшена. Извѣстны были всѣ торговые обороты, сумма затраченныхъ капиталовъ, доходность предпріятія и всѣ финансовыя возможности, до прогара включительно. Въ первое время банкъ допускалъ кредиты въ болѣе широкой формѣ, а потомъ начались систематическія сокращенія. Это была цѣлая система, безжалостная и послѣдовательная. Люди являлись только въ роли какихъ-то живыхъ цифръ. Главныя банковскія операціи сосредоточивались на хлѣбномъ дѣлѣ, и оно было извѣстно банковскому правленію лучше, чѣмъ производителямъ, торговымъ посредникамъ и потребителямъ. Здѣсь шелъ въ счетъ и глубокій снѣгъ, и весенніе дожди, и сухіе вѣтры, и урожай, и недороды въ сосѣднихъ округахъ, и весь тотъ кругъ интересовъ и злобъ, какіе сцѣпились желѣзнымъ кольцомъ около хлѣба. Пониженіе на копейку въ пудѣ ржи уже отражалось въ банковскомъ хозяйствѣ, какъ повышеніе или пониженіе денежной температуры. Въ общемъ банкъ походилъ на громадную паутину, въ которой безвозвратно запутывались торговыя мухи. Конечно, первыми жертвами дѣлались самыя маленькія мушки, погибавшія безъ сопротивленія. Охватившая весь край хлѣбная горячка сказывалась въ цѣломъ рядѣ такихъ жертвъ, другія стояли уже на очереди, а третьи готовились къ неизбѣжному концу.

По протекціи Галактіона Вахрушка занялъ при банкѣ самый выдающійся постъ, постъ банковскаго швейцара. Онъ теперь стоялъ въ передней,

одѣтый въ новенькую синюю ливрею, и съ важностью отворялъ и затворялъ банковскія двери, кланялся, помогалъ раздѣться, ловко принималъ пятиалтынные и двугривенные и еще разъ кланялся. Онъ съ необыкновенной быстротой освоился со своимъ новымъ положеніемъ, точно былъ созданъ съ спеціальною цѣлью быть банковскимъ швейцаромъ. Служба была совсѣмъ не трудная, и Вахрушка старался. Онъ поднимался раннимъ утромъ и съ ожесточеніемъ чистилъ всѣ мѣдныя ручки, заслонки, вытиралъ пыль, прибиралъ, приводилъ все въ порядокъ и въ десять часовъ утра говорилъ:

— Ну, теперь наша мельница готова!

У Вахрушки была своя комната рядомъ съ передней, перваго числа онъ получалъ аккуратно десять рублей жалованья,—однимъ словомъ, благополучіе полное. Ни о чемъ подобномъ старикъ не смѣлъ даже мечтать, и ему начинало казаться, что все это какой-то радужный сонъ, фантасмагорія, бредъ наяву. Старикъ всю жизнь прожилъ въ черномъ тѣлѣ, а тутъ, на старости лѣтъ, прикачнулось какое-то безумное счастье. Конечно, причиной и единственнымъ источникомъ этого счастья былъ Галактіонъ, и Вахрушка относился къ нему, какъ къ существу высшей породы. Онъ выбѣгалъ встрѣчать его на крыльцо и по первому взгляду зналъ впередъ, въ какомъ настроеніи Галактіонъ Михеичъ. Вахрушка изучалъ это серьезное лицо съ строгими глазами, походку, каждое движеніе и всѣмъ любовался. Развѣ можетъ быть другой такой человѣкъ?

— Бога мнѣ, дураку, не замолить за Галактіона Михеича,—повторялъ Вахрушка, задыхаясь отъ рабьяго усердія.—Что я такое былъ?.. Никчемный человѣкъ, червь, а теперь... Вѣдь уродятся же такіе человѣки, какъ Галактіонъ Михеичъ! Глазомъ глянетъ—человѣкъ и сдѣлался человѣкомъ... Ежели бы попъ Макаръ поглядѣлъ теперь на меня... Х-ха!.. Ахъ, какое дѣло, какое дѣло!

Вахрушка черезъ прислугу, конечно, зналъ, что у Галактіона въ дому „неладно“ и что Серафима Харитоновна пьетъ запоемъ, и по-своему жалѣлъ его. Этакому-то человѣку жить бы да жить надо, а тутъ дома, какъ въ нетопленой печи... Ахъ, нехорошо! Вотъ ежели бы Харитина Харитоновна, такъ та бы повернула все единымъ духомъ. Хороша бабочка, всѣмъ взяла, а тоже живетъ ни къ шубѣ рукавъ. Дальше Вахрушка угнетенно вздыхалъ и отмахивался рукой, точно отгонялъ муху.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ старикъ вызналъ всѣхъ своихъ банковскихъ и всѣхъ кліентовъ и разсортировалъ ихъ по-своему: нѣмецъ Полуштофъ тоже уменъ, только ужъ очень увертливъ; старикъ Стабровскій, конечно, изъ поляковъ и гордо себя содержитъ; Мышниковъ—ловкій баринъ, сурьезный, и т. д. Зато киргизъ Шахма возмущалъ Вахрушку, и онъ навеличивалъ его про себя татарской образиной. Наконецъ, молчаливый Драке, двигавшійся, какъ манекенъ изъ папье-маше, наводилъ на Вахрушку какую-то оторопь. Старикъ испытывалъ паническій страхъ, когда молчаливый нѣмецъ деревяннымъ шагомъ проходилъ черезъ его переднюю. Пробовалъ Вахрушка угождать ему всячески—и опять ничего. Нѣмецъ молчитъ, какъ зарѣзанный.

„И что только у него, у идола, на умѣ?—въ отчаяніи думалъ Вахрушка, перебирая репертуаръ собственныхъ мыслей. — Всѣ другіе люди, какъ люди, даже Шахма, а этотъ какой-то омморокъ... Вотъ Полуштофъ такъ мимо не пройдетъ, чтобы словечка не сказать, даромъ что хромой“.

Кліентовъ банка Вахрушка раздѣлилъ на нѣсколько категорій: одни—настоящіе купцы, обористые и важные, другіе—пожиже, только видъ на себя напущаютъ, а остальные—такъ, какъ мякина около зерна. Одна видимость, а начинки-то и нѣтъ.

Итакъ, Вахрушка занималъ отвѣтственный постъ. Разъ утромъ, когда банковская „мельница“ была въ полномъ ходу, въ переднюю вошелъ неизвѣстный ему человѣкъ. Одѣтъ онъ былъ по-купечеству, но держалъ себя важно, и Вахрушка сразу понялъ, что это не изъ простыхъ чертей, а важная птица. Незнакомецъ, покряхтывая, поднялся наверхъ и спросилъ, гдѣ можно видѣть Колобова.

— Какъ прикажете доложить?

— Прохоровъ.

Этой одной фамиліи было достаточно, чтобы весь банкъ встрепенулся. Пріѣхалъ самъ Прохоровъ,—это что-нибудь значило. Птица не маленькая и не даромъ прилетѣла. Артельщики изъ кассы, писаря, бухгалтеры—всѣ смотрѣли на знаменитаго виннаго короля и всѣ понимали, зачѣмъ онъ явился. Галактіонъ не вышелъ навстрѣчу, а попросилъ гостя къ себѣ, въ комнату правленія.

— Вы, значитъ, и членъ правленія?—довольно грубо спросилъ Прохоровъ, протягивая руку Галактіону.

— Да... Чѣмъ могу служить вамъ?—дѣловымъ тономъ отвѣтилъ Галактіонъ, прищуривая немного глаза.—Не угодно ли вамъ присѣсть...

— Что же, въ ногахъ правды нѣтъ,—присядемъ.

Прохоровъ еще разъ осмотрѣлъ комнату, повелъ плечами и проговорилъ:

— Это вы тогда пріѣзжали ко мнѣ?

— Да.

— Такъ-съ... гм... Значитъ, вы же и конкуренцію устраивали мнѣ?

— Я вамъ не обязанъ давать отчета, г. Прохоровъ. Здѣсь я только членъ правленія.

— Такъ-съ... да...

— Насъ нѣсколько членовъ правленія: Штоффъ, Стабровскій, Мышниковъ, Шахма, Драке... Можетъ-быть, вы съ ними желаете переговорить?

— Такъ-съ... Это все единственно-съ. Разговоры-то короткіе... да.

— Всего лучше, если вы подадите ваше заявленіе въ банкъ письменно. Правленіе его разсмотритъ и дастъ отвѣтъ.

— Такъ-съ... А въ сущности, все единственно.

Прохоровъ сознавалъ собственное униженіе, сознавалъ, что вотъ этотъ, неизвѣстный въ коммерческомъ мірѣ еще три года назадъ, Колобовъ торжествуетъ за его счетъ, и не могъ уйти, не покончивъ дѣла. Да, нужно было испить чашу до дна. Въ свою очередь Галактіонъ смотрѣлъ на Прохорова такими глазами, точно это былъ медвѣдь, поднявшійся изъ далекой родной берлоги и ввалившійся всею тушей въ банкъ. Кстати, онъ припомнилъ, что Стабровскій предсказалъ его появленіе въ банкѣ еще послѣ окончанія войны въ Суслонѣ, и Галактіонъ тогда могъ только подивиться его смѣлости высказать такое невѣроятное предположеніе. Для него лично „конченный“ Прохоровъ имѣлъ спеціальное значеніе, потому что побѣдой надъ нимъ открывалось осуществленіе его завѣтной мечты.

Собралось банковское правленіе. Предстояло обсудить важный вопросъ о томъ, открыть Прохорову кредитъ подъ его винокуренные заводы или нѣтъ. Онъ желалъ получить сумму въ триста тысячъ. Обсуждали этотъ вопросъ Штоффъ, Мышниковъ, Галактіонъ и Драке. Стабровскій отказался пріѣхать въ засѣданіе подъ предлогомъ болѣзни. Совѣщавшіеся члены знали впередъ, какую они комедію ломаютъ, но вели переговоры съ серьезными лицами. Въ результатѣ получился отказъ. Это пріятное извѣстіе долженъ былъ сообщить Драке, какъ дѣлалось во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Вы хотѣли получить триста тысячъ подъ ваши заводы? — тянулъ Драке, глядя на виннаго короля своими рыбьими глазами.

— Такъ-съ... да.

— Мы этотъ вопросъ обсуждали и нашли, что онъ неудобоисполнимъ. Вы меня понимаете? Однимъ словомъ, мы не можемъ.

Въ сущности, Прохоровъ ожидалъ такого отвѣта, какъ человѣкъ, бывалый въ передѣлкахъ, и только съежилъ плечи. Онъ ничего не отвѣтилъ нѣмцу, даже не поклонился и вышелъ.

— Это какая-то разбойничья шайка, — ругался онъ, когда Вахрушка подавалъ ему шубу и калоши.—Такъ-съ...

Вечеромъ Галактіонъ поѣхалъ къ Стабровскому. Старикъ, дѣйствительно, былъ не совсѣмъ здоровъ и лежалъ у себя въ кабинетѣ на кушеткѣ, закутавъ ноги пледомъ. Около него сидѣла Устенька и читала вслухъ какую-то книгу. Стабровскій, крѣпко пожимая Галактіону руку, проговорилъ всего одно слово:

— Поздравляю... Устенька, вы можете итти къ себѣ.

Дѣвушка поднялась и вышла.

— Да, да, поздравляю.—повторялъ Стабровскій.—У меня былъ Прохоровъ, но я его не принялъ. Ничего, подождетъ... Его нужно выдержать. Теперь мы будемъ предписывать условія. Замѣтьте, что не въ нашихъ интересахъ топить его окончательно, да я и не люблю этого. Зачѣмъ? Тѣмъ болѣе, что я совсѣмъ и не желаю заниматься винокуреннымъ дѣломъ... Только статья дохода—не больше того. А для него это хорошій урокъ.

Прохоровъ добился аудіенціи у Стабровскаго только черезъ три дня. Къ удивленію, онъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ, такъ что даже немного смутился. Старый сибирскій волкъ не привыкъ къ такому обращенію. Результатомъ этого совѣщанія было состоявшееся наконецъ соглашеніе: Стабровскій закрывалъ свой заводъ, а Прохоровъ ежегодно выплачивалъ ему отступного семьдесятъ тысячъ.

— Замѣтьте, что раньше мы могли сойтись на болѣе выгодныхъ для насъ условіяхъ,—замѣтилъ Стабровскій на прощанье.—А затѣмъ, я сейчасъ могъ бы предложить вамъ еще болѣе тяжелыя... Но это не въ моихъ правилахъ, и я никому не желаю зла.

— Такъ-съ... Что ужъ тутъ говорить-съ. Конечно, темнота наша.

Вечеромъ Стабровскій самъ пріѣхалъ къ Галактіону.

— Поздравьте: мы все кончили. — весело проговорилъ онъ. — Да, все... Хорошо то, что хорошо кончается. А затѣмъ, я пріѣхалъ напомнить вамъ свое обѣщаніе... Я вамъ открываю кредитъ въ пятьдесятъ тысячъ. Хоть въ воду ихъ бросьте. Самъ я не могу принять участія въ вашемъ пароходномъ дѣлѣ, потому что мой принципъ—не разбрасываться. Надѣюсь, что мы всегда останемся друзьями.

Завѣтная мечта Галактіона исполнялась. У него были деньги для начала дѣла, а тамъ ужъ все пойдетъ само собой. Ему ужасно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею радостью, и такого человѣка не было. По вечерамъ жена была пьяна, и онъ старался уходить изъ дому. Сейчасъ онъ шагалъ по своему кабинету и молча переживалъ охватившее его радостное чувство. Да, цѣлыхъ четыре года работы, чтобы получить простой кредитъ. Но это было все, самый рѣшительный шагъ въ его жизни.

VII.

Харитина совсѣмъ собралась уходить отъ Галактіона, когда случилось одно событіе, которое точно пришло къ ней на помощь. Это было незадолго до масленицы. Разъ ночью къ Галактіону прибѣжала толстая малыгинская стряпка Аграфена и съ причитаніями объявила, что Анѳуса Гавриловна умерла.

— Охъ, бѣдовушка головушкѣ!—вопила баба.—Еще съ вечера она была ничего, только на сердце жалилась... Скушно,—говоритъ. Давно она сердцемъ скудалась... Ну, а тутъ осередь ночи ее и прикончило. Харитонъ-то Артемьичъ за дохтуромъ бѣгалъ... кровь отворяли... А она, сердешная, какъ убитая. И что только будетъ, Господи!..

Старушка умерла отъ разрыва сердца. Малыгинскій домъ точно весь застоналъ. Пока была жива старушка, ее почти не замѣчали, а теперь для всѣхъ было ясно, какъ день, что съ нею вмѣстѣ рушился весь домъ. И всѣхъ лучше понималъ это самъ Харитонъ Артемьичъ, ходившій изъ комнаты въ комнату, какъ оглушенный.

— Какъ же это такъ?—повторялъ онъ.—Вѣдь вчера еще жива была... Наказывала еще осетра пудоваго купить для солки... икряного... А тутъ вдругъ...

Еще разъ въ отцовскомъ домѣ сошлись всѣ сестры. Даже пришла Серафима, не показывавшаяся нигдѣ. Всѣ ходили съ опухшими отъ слезъ глазами. Сошлись и зятья. Самымъ дѣятельнымъ оказался Замараевъ. Онъ взялъ на себя всѣ хлопоты, суетился, бѣгалъ и старался изо всѣхъ силъ.

— Одинъ ты у меня правильный зять,—говорилъ Харитонъ Артемьичъ, забывая старую семейную рознь.—Золото, а не мужикъ... Покойница Ѳуса постоянно это говорила, а я перечилъ ей. Теперь вотъ и перечить некому будетъ. Охъ, горюшко!.. Ты ужъ, писарь, постарайся на послѣдяхъ-то.

— Да ужъ не безпокойтесь, тятенька... Ужъ для богоданной маменьки готовъ на-двое расколоться. Что же, предѣлъ... всѣ тамъ будемъ.

Рядомъ съ искреннимъ горемъ выплыли сейчасъ же и другія чувства. Первыя начали слѣдить другъ за другомъ сестры, мысленно дѣлившія между собой маменькино наслѣдство. Запасливая была старушка, всю жизнь копила да берегла,—мало ли наберется въ дому маменькина добра. Сундуки ломятся... Прежде всего сестры заподозрили тихоню Агнію,—вѣдь она въ домѣ оставалась все время и какъ разъ заграбастаетъ самое лучшее. Много ли нужно, чтобы спрятать столовое серебро? Однѣхъ серегъ сколько было у маменьки, пять собольихъ воротниковъ, бархату на два платья, три не шитыхъ лисьихъ мѣха... Конечно, Агнія знала, гдѣ все лежитъ, и не упуститъ случая. Та же Аграфена поможетъ... За Аграфеной былъ устроенъ правильный надзоръ, какъ и за Агніей, и сестры дежурили поперемѣнно. Всѣхъ охватила самая отчаянная жадность, и каждая думала, что всѣ другія обманутъ именно ее. Мужья, конечно, были посвящены во всѣ тайны этой бабьей политики и, нужно отдать имъ справедливость, всѣ точно сговорились и ни во что не желали вступаться.

— Дѣлайте, какъ знаете... Не наше это дѣло.

Явившійся Ліодоръ усилилъ смуту. Онъ пріѣхалъ совершенно неожиданно ночью. Дежурившая „Полуштофова жена“ спала. Ліодоръ взломалъ въ столовой буфетъ, забралъ все столовое серебро и скрылся. Утромъ произошелъ настоящій скандалъ. Сестры готовы были, кажется, разорвать „Полуштофову жену“, такъ что за нее вынужденъ былъ вступиться самъ Харитонъ Артемьичъ.

— Да вы никакъ сбѣсились, сороки?—зыкнулъ онъ на дочерей.—Разѣ такое теперь время, оглашенныя? Серебро жалѣете, а мать не жаль... Никому и ничего не дамъ! Такъ и знайте... Пусть Ліодоръ пропиваетъ,—мнѣ ничего не нужно.

Благоразумнѣе другихъ оказалась Харитина, удерживавшая сестеръ отъ открытаго скандала. Другія начали ее подозрѣвать, что она заодно съ Агніей, да и прежде была любимою тятенькиной дочерью. Затѣмъ явилось предполо-

женіе, что именно она переѣдетъ къ отцу и заберетъ въ руки все тятенькино хозяйство, а тогда пиши пропало. Отъ Харитины все сбудется... Да и Харитонъ Артемьичъ оказывалъ ей явное предпочтеніе. Особенно рвала и метала писариха Анна, соединившаяся на этотъ случай съ „Полуштофовой женой".

Изъ зятьевъ неотлучно были въ домѣ Харченко и Замараевъ. Они часто уходили въ кабинетъ учителя, притворяли за собой двери, пили водку и о чемъ-то подолгу шушукались. Вообще держали себя самымъ подозрительнымъ образомъ.

Въ малыгинскомъ домѣ перебывалъ весь городъ и даже заѣхалъ Ечкинъ. Онъ повертѣлся неизвѣстно зачѣмъ, попробовалъ любезничать съ Харитиной и, не встрѣтивъ сочувствія, исчезъ.

— Справки наводить пріѣзжалъ,—сообщилъ Замараевъ шопотомъ Харченкѣ.—Знаетъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ. Въ послѣднее-то время тятенька на фабрикѣ векселями отдувался,—ну, а тутъ послѣ богоданной маменьки наслѣдство получитъ. Это хоть кому любопытно... Всѣмъ извѣстно, какой капиталъ у маменьки въ банкѣ лежитъ. Охъ, грѣхи, грѣхи!.. Похоронить не дадутъ честь-честью.

Похороны были устроены самыя пышныя. Харитонъ Артемьичъ ничего не жалѣлъ, и ему все казалось, что бѣдно. Замараевъ терялъ голову, какъ устроить еще пышнѣе. Кажется, ужъ всего достаточно... Поминальный столъ на полтораста персонъ, для нищей братіи отведенъ весь низъ и людская, потомъ милостыня развозилась по всему городу возами.

Наконецъ, все было кончено. Покойница свезена на кладбище, поминки съѣдены, милостыня роздана, и въ малыгинскомъ домѣ водворилась мучительная пустота, какая бываетъ только послѣ покойника. Сестры одна за другой наѣзжали провѣдать тятеньку, а Харитонъ Артемьичъ затворился у себя въ кабинетѣ и никого не желалъ видѣть.

— Это наслѣдство вынюхиваютъ,—объяснялъ онъ Замараеву.—Какъ бы не такъ!.. Покойница-то все мнѣ оставила по духовной.

— Ужъ это извѣстно, тятенька. А все-таки оно того... духовную-то надо по закону представить... Законъ требуетъ порядка.

— Ты меня учить? Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, чернильная твоя душа?

— Для васъ же говорю, тятенька, чтобы не вышло чего... Духовную-то нужно представить куда слѣдуетъ, а потомъ опись имущества и всякое прочее.

— Да ты никакъ съ ума спятилъ?!—закричалъ старикъ.—Вѣдь Аѳуса-то Гавриловна, чай, была моя жена,—ну, значитъ, все мое... Я же все заводилъ. Кажется, хозяинъ въ дому, а ты пристаешь... Вонъ!

Старикъ разсвирѣпѣлъ и выгналъ писаря.

— Вотъ Богъ наградилъ зятьями! Другіе-то хоть молчатъ, а этотъ такъ въ ухо и зудитъ. И чего присталъ съ духовной? Вѣдь самъ писалъ.

Приставанья и темные намеки писаря все-таки встревожили Харитона Артемьича, и онъ вечеркомъ отправился къ старичку-нотаріусу Меридіанову, съ которымъ водилъ дѣла. Всю дорогу старикъ сердился и ругалъ проклятаго писаря. Нотаріусъ былъ дома и принялъ гостя въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

— А я къ тебѣ съ секретомъ,—объяснилъ Харитонъ Артемьичъ, доставая изъ кармана духовную.—Вотъ посмотри эту самую бумагу и научи, какъ съ ней быть.

Нотаріусъ осѣдлалъ носъ очками, придвинулъ бумагу къ самой свѣчѣ и прочелъ ее до конца съ большимъ вниманіемъ. Потомъ онъ черезъ очки по-

смотрѣлъ на кліента, пожевалъ сухими губами и опять принялся перечитывать съ самаго начала. Эта дѣловая медленность начинала злить Харитона Артемьича. Вѣдь вотъ какъ эти приказные ломаются надъ живымъ человѣкомъ! Кажется, взялъ бы да и стукнулъ прямо по башкѣ старую канцелярскую крысу. А нотаріусъ сложилъ попрежнему духовную и, возвращая, проговорилъ какимъ-то деревяннымъ голосомъ:

— Завѣщаніе недѣйствительно, Харитонъ Артемьичъ.

Въ первую минуту Малыгинъ хорошенько даже не понялъ, въ чемъ дѣло, а только почувствовалъ, какъ вся комната завертѣлась у него передъ глазами.

— Какъ недѣйствительно?!—вскипѣлъ онъ уже послѣ драматической паузы.

— Очень просто... Недостаетъ одного свидѣтеля.

— Какъ недостаетъ? Цѣлыхъ двое подписались.

— Въ томъ-то и дѣло, что двое... По закону нужно троихъ.

— Врешь... Я самъ подписывалъ духовную у старика Попова, и насъ было двое: протопопъ да я.

— Совершенно вѣрно: когда подписываетъ духовную въ качествѣ свидѣтеля священникъ, то совершенно достаточно двухъ подписей, а безъ священника нужно три. И ваше завѣщаніе имѣетъ сейчасъ такую же силу, какъ пустой листъ бумаги.

— Не можетъ этого быть, потому какъ у меня деньги на жену положены были.

— Дѣло ваше, духовная все-таки недѣйствительна.

— Значитъ, все прахомъ?... Нѣтъ, не можетъ этого быть... Тогда что же мнѣ-то останется?

— По закону вы получите четвертую часть изъ движимаго и седьмую изъ недвижимаго.

— И это только потому, что нѣтъ третьяго свидѣтеля?

— Только поэтому. Въ законѣ сказано прямо.

— Да вѣдь жена была моя, и я свой домъ записывалъ на нее и свои деньги положилъ на ея имя въ банкъ?

— Это все равно. Вы только наслѣдникъ послѣ нея.

Харитонъ Артемьичъ забѣгалъ по кабинету, какъ бѣшеный. Лицо побагровѣло, и нотаріусъ даже испугался.

— Успокойтесь, Харитонъ Артемьичъ... Бываетъ и хуже.

— Да вѣдь это мнѣ зарѣзъ... Самъ себя зарѣзалъ... Голубчикъ, нельзя ли поправить какъ-нибудь? Ну, подпишись третьимъ ты самъ.

— Нельзя.

— На колѣнки встану... не уйду отсюда.

— Ничего не могу.

— Ну, чего тебѣ стоитъ? Будь отцомъ роднымъ... Вѣдь никто не узнаетъ.

— Не могу... Я присягу принималъ.

— А ежели я самъ подпишусь третьимъ?

— Нельзя.

Съ Малыгинымъ сдѣлалось дурно, и нотаріусу пришлось отпаивать его холодною водой.

— Это меня проклятый писарь подвелъ!—хрипѣлъ старикъ, страшно ворочая глазами.—Я его разорву на мелкія части, какъ дохлую кошку!

— Успокойтесь, Харитонъ Артемьичъ. Вѣдь со своими дѣло будете имѣть, а не съ чужими.

— Со своими? Вотъ въ томъ-то и вся моя бѣда... Свои! Ха-ха!

Отъ нотаріуса Малыгинъ направился прямо въ ссудную кассу Замараева. Онъ ворвался, какъ ураганъ, и сгоряча не узналъ даже зятя.

— Гдѣ разбойникъ? гдѣ погубитель?

— Тятенька, кого вамъ нужно? — спрашивалъ Замараевъ.

— Ахъ, это ты!.. Тебя нужно!.. Тебя... Задушу своими руками!

— Какія вы слова, тятенька, выражаете... Вотъ лучше напьемся чайку и потолкуемъ.

— Чайку? Вотъ гдѣ мнѣ твой чаекъ... Твоя работа, разбойникъ! Ты составлялъ духовную!

— Все по закону, тятенька, и духовная по всей формѣ.

— А гдѣ третій свидѣтель?

— Это ужъ было ваше дѣло, тятенька... Вы подбирали свидѣтелей.

— Не говори, душегубецъ!

Старикъ страшно бунтовалъ, разбилъ графинъ съ водой и кончилъ слезами. Замараевъ увелъ его подъ руку въ свой кабинетъ, усадилъ на диванъ и заговорилъ самымъ убѣдительнымъ тономъ:

— Тятенька, напрасно вы на меня мораль пущаете... И даже лучше, что такъ вышло.

— Что-о?!. Ахъ, разбойникъ!

— Нѣтъ, вы меня выслушайте... Допустимъ, что духовная была бы правильно составлена—третій свидѣтель и прочее... Хорошо... Вы предъявляете духовную, ее утверждаютъ, а деньги получили бы ваши кредиторы. Вѣдь у васъ векселей, слава Богу, выдано достаточно.

— Всего-то тысячъ на шестьдесятъ. Значитъ, мнѣ осталось бы чистыхъ сорокъ тысячъ, да домъ.

— Ахъ, какой вы, тятенька! Тогда бы кредиторы получили сполна всѣ свои шестьдесятъ тысячъ, а теперь они получатъ всего изъ капитала богоданной маменьки вашу четвертую часть, т.-е. двадцать пять тысячъ, да вашу седьмую часть изъ дома. Значитъ, всѣхъ-на-всѣхъ тридцать тысячъ.

— Ну, ну, говори, разбойникъ!

— Я, тятенька, по закону... Я тутъ ни при чемъ. Ужъ лучше, ежели деньги достанутся роднымъ дѣтямъ, чѣмъ чужимъ.

— Значитъ, по закону?

— Точно такъ-съ.

Замараевъ взялъ счеты и принялся подводить балансъ.

— Вы, тятенька, яко законный супругъ своей жены, получите изъ движимаго свою законную четвертую часть, т.-е. двадцать пять тысячъ, да изъ недвижимаго свою седьмую законную супружескую часть. Теперь... У васъ шесть дочерей и сынъ. По закону, дочерямъ изъ остального движимаго должна быть выдѣлена седьмая часть, и Ліодору достанется тоже седьмая, значитъ, на персону выйдетъ... выйдетъ по десяти тысячъ семисотъ четырнадцати рублей двадцати восьми копеекъ и четыре седьмыхъ-съ. Изъ недвижимаго, что останется послѣ вычета вашей седьмой части, дочерямъ шесть четырнадцатыхъ, значитъ, близко половины, а три седьмыхъ Ліодору. Вотъ и все по закону, тятенька... Я ничего отъ васъ не скрываю. Замѣтьте, что я ни одной вашей копейки не желаю получать... Анна, какъ знаетъ, такъ пусть и дѣлаетъ.

— А ты забылъ еще подсчитать, что на всѣхъ на васъ креста нѣтъ... Ахъ, разбойники!.. Ахъ, душегубы!.. Вѣдь я-то, значитъ, хуже нищаго остался?

— А стеариновая фабрика, тятенька? Это капиталъ-съ.

VIII.

Исторія съ малыгинскимъ наслѣдствомъ сдѣлалась злобой дня для всего Заполья. Пересудамъ, слухамъ и комментаріямъ не было конца. Еще ничего подобнаго въ купеческой средѣ не случалось. Положеніе Харитона Артемьича получилось трагикомическое въ самой обидной формѣ. Дѣло въ томъ, что всѣмъ было ясно, какъ онъ хотѣлъ скрыть капиталъ отъ своихъ кредиторовъ и какъ глупо поплатился за это. Сложилась цѣлая легенда о малыгинскихъ дочеряхъ, получившихъ наслѣдство до послѣдней копеечки при живомъ отцѣ и пустившихъ этого отца буквально нищимъ. Малыгинскіе зятья вошли въ пословицу.

Въ дѣйствительности происходило такъ. Всѣ зятья, за исключеніемъ Пашки Булыгина, не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія, предоставивъ все своимъ женамъ. Изъ сестеръ ни одна не отказалась отъ своей части ни въ пользу другихъ сестеръ, ни въ пользу отца.

— Все равно у тятеньки опишутъ кредиторы,—объясняла „Полуянтофова жена“ съ обычною авторитетностью.—Вольно ему было засаживать весь свой капиталъ въ фабрику, да еще выдавать векселя... Онъ только насъ разорилъ.

— Конечно, разорилъ,—поддакивала писариха Анна.—Теперь близко полуторыхъ сотъ тысячъ въ фабрикѣ сидитъ, да изъ мамынькиныхъ денегъ туда же ушло близко тридцати,—по седьмой части каждой досталось бы. Плакали наши денежки... Моихъ двадцать пять тысячъ сожрала проклятая фабрика.

Сестры ужасно волновались и смѣло говорили теперь все прямо въ глаза отцу. Сначала Харитонъ Артемьичъ отчаянно ругался, кричалъ, топалъ ногами, гналъ всѣхъ, а потомъ говорилъ всего одно слово:

— Прокляну!..

Первыми получать наслѣдство явились Ліодоръ съ Пашкой Булыгинымъ. Послѣдній дѣйствовалъ по довѣренности отъ жены. Харитонъ Артемьичъ едва успѣлъ скрыться отъ нихъ черезъ кухню и въ одномъ халатѣ прибѣжалъ къ Замараеву. Онъ совершенно упалъ духомъ и плакалъ, какъ ребенокъ.

— Тятенька, успокойтесь,—уговаривалъ Замараевъ.—Зачѣмъ малодушествовать? Слава Богу, у васъ еще есть цѣлая фабрика... Проживете получше насъ всѣхъ.

— Не поминай ты мнѣ про фабрику, разбойникъ!—стоналъ старикъ.—И тебя прокляну... всѣхъ! По міру меня пустили, родного отца!

Нападеніе Ліодора и Булыгина не повторилось. Они удовольствовались полученіемъ своихъ денегъ изъ банка и пропали въ Кунарѣ. Домъ и остальное движимое подлежало публичной продажѣ для удовлетворенія кредиторовъ. Разореніе получалось полное, такъ что у Харитона Артемьича не оставалось даже своего угла. Тутъ ужъ надъ нимъ сжалились дочери и въ складчину уплатили слѣдовавшую кредиторамъ седьмую часть. Отказалась уплатить свою часть только одна писариха Анна.

— Просто не понимаю, что̀ сдѣлалось съ женой,—удивлялся Замараевъ, разводя руками.—Ужъ я какъ ее уговаривалъ: не бери мамынькиныхъ денегъ. Проживемъ безъ нихъ... А развѣ съ бабой сговоришь?

Молва приписывала всю механику малыгинскаго завѣщанія именно Замараеву, и онъ всячески старался освободить себя отъ этого обвиненія. Вообще, положеніе малыгинскихъ зятьевъ было довольно щекотливое, и они

не любили, когда рѣчь заходила о наслѣдствѣ. Все дѣло они сваливали довольно безсовѣстно на женъ, даже Галактіонъ повторялъ вмѣстѣ съ другими это оправданіе.

— Поговорятъ, да перестанутъ.—успокаивалъ Штоффъ другихъ.

— Да о чемъ говорить-то?— возмущался Замараевъ.—Да я отъ себя готовъ заплатить эти десять тысячъ... Жили безъ нихъ и проживемъ безъ нихъ, а тутъ одна мораль. Да и то сказать, много ли мнѣ съ женой нужно? Охъ, грѣхи, грѣхи!..

Харченко отмалчивался. Десять тысячъ для него были завѣтною мечтой, потому что на нихъ онъ пріобрѣталъ наконецъ собственный цензъ для городского гласнаго. Галактіонъ тоже избѣгалъ разговоровъ на эту тему. Сначала онъ былъ противъ этого наслѣдства, а потомъ мысленно присоединилъ ихъ къ тѣмъ пятидесяти тысячамъ, какія давалъ ему Стабровскій. Лишнихъ денегъ вообще не бываетъ, а тутъ онѣ какъ разъ подошли къ случаю.

Лучше всѣхъ держала себя отъ начала до конца Харитина. Она даже рѣшила сгоряча, что всѣ деньги отдастъ отцу, какъ только получитъ ихъ изъ банка. Но потомъ на нее напало раздумье. Въ самомъ дѣлѣ, дай ихъ отцу, а потомъ и поминай, какъ звали. Все равно десятью тысячами его не спасешь. Думала-думала Харитина и придумала. Она пришла въ кабинетъ къ Галактіону и передала всѣ деньги ему.

— Это что?—удивился Галактіонъ.

— А на пароходы... И я тоже хочу кусочка хлѣба съ масломъ.

Галактіонъ молча ее обнялъ.

— Только ты мнѣ расписку выдай,—дѣловымъ тономъ говорила она, освобождаясь:—да.

— Для чего же тебѣ расписка, глупая?

— Какъ для чего? А не хочу дурой быть... Вотъ Серафима помретъ, ты и женишься на другой. Я все обдумала впередъ, и меня не проведешь.

— Ахъ, глупая, глупая!

Эти Харитинины десять тысячъ Галактіону были особенно дороги. Онѣ округляли его капиталъ до семидесяти тысячъ, а тамъ можно со временемъ дополучить тысячъ тридцать изъ банка. Однимъ словомъ, все шло, какъ по маслу, и Галактіонъ не испытывалъ никакихъ угрызеній совѣсти по отношенію къ обобранному до нитки тестю. Онъ про себя негодовалъ на него: вмѣсто того, чтобы травить такія страшныя деньги на дурацкую фабрику, отдалъ бы ему на пароходы... Дѣло-то повѣрнѣе во сто разъ. Поступокъ Харитины радовалъ Галактіона и потому, что онъ не просилъ у нея денегъ, а она сама ихъ отдала. Онъ даже отложилъ ихъ отдѣльно, какъ счастливыя.

„Умная эта Харитина,—думалъ Галактіонъ, пересчитывая ея капиталъ.— И расписку требуетъ“.

Харитина дѣйствительно была не глупа. Свое отступленіе изъ дома Галактіона она затушевала тѣмъ, что сначала переѣхала къ отцу. Предлогъ былъ налицо: Агнія находилась въ интересномъ положеніи, отецъ нуждался въ утѣшеніи.

— Куда ты деньги дѣла?—допытывался Харитонъ Артемьичъ.

— Полуянову послала... Вѣдь онъ мнѣ мужъ, тятенька, а въ Сибири-то гдѣ ему взять?

— Врешь, все врешь... Всѣ вы врете.

Полуяновъ какъ-то совсѣмъ исчезъ изъ поля зрѣнія всей родни. О немъ не говорили и не вспоминали, какъ о покойникѣ, отъ котораго рады были избавиться. Харитина время отъ времени получала отъ него письма, сначала

отвѣчала на нихъ, а потомъ перестала даже распечатывать. Въ ней росло по отношенію къ нему какое-то особенно злобное чувство. И находясь въ ссылкѣ, онъ все-таки связывалъ ее по рукамъ и ногамъ.

Жизнь въ родительскомъ домѣ была уже совсѣмъ не красна. Харитонъ Артемьичъ по временамъ впадалъ въ какое-то буйное ожесточеніе, и съ нимъ приходилось отваживаться, какъ съ сумасшедшимъ. Онъ проклиналъ дочерей и зятьевъ, а весь остальной міръ обѣщалъ привлечь къ суду. Для послѣдняго у него были свои основанія. Стеариновый заводъ работалъ въ убытокъ и требовалъ все новыхъ расходовъ. Шахма денегъ больше не давалъ, а у Ечкина ихъ никогда не было. Давила, главнымъ образомъ, конкуренція съ „казанскою свѣчой". Харитонъ Артемьичъ, какъ на службу, отправлялся каждый день утромъ на фабрику, чтобы всласть поругаться съ Ечкинымъ и хоть этимъ отвести душу. Ечкинъ выслушивалъ все совершенно хладнокровно и говорилъ постоянно одно и то же:

— Вотъ вы теперь ругаетесь, а потомъ благодарить будете.

— Отдай мои деньги, ничего знать не хочу!..

Ечкину оставалось только пожимать плечами, точно его просили снять съ неба луну. Собственно онъ уже давно вышелъ изъ своей роли и сидѣлъ на фабрикѣ, что̀ совсѣмъ было не его дѣломъ. Представлялось два выхода: найти четвертаго компаньона или заложить фабрику въ банкѣ. Послѣднее равнялось собственному признанію своей несостоятельности, и Ечкинъ медлилъ. Въ концѣ зимы онъ наконецъ подыскалъ компаньона,—это былъ Евграфъ Огибенинъ. Коммерсантъ послѣдней формаціи жаждалъ примазаться къ какому-нибудь модному промышленному предпріятію и попался на удочку. Ечкинъ получилъ съ него деньги и сейчасъ же уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ по выданной ему довѣренности заложилъ въ одномъ изъ столичныхъ банковъ и стеариновую фабрику. Въ общемъ эти операціи дали ему около полутораста тысячъ, и Ечкинъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, ровно на эту сумму выслалъ компаньонамъ векселей.

Бѣда не приходитъ одна, и Малыгинъ утѣшался только тѣмъ, какого дурака свалялъ Еграшка-модникъ, попавшійся, какъ куръ во щи. Благодаря коварству Ечкина, фабрику пришлось совсѣмъ остановить. Кредиторы Ечкина, въ свою очередь, поспѣшили наложить на нее свое запоздавшее veto. Но Харитонъ Артемьичъ не терялъ надежды и рѣшилъ судиться, со всѣми судиться,—и съ Ечкинымъ, и съ Шахмой, и съ Огибенинымъ, и съ дочерьми.

— Всѣхъ въ бараній рогъ согну!—кричалъ онъ, расхаживая по своему кабинету въ халатѣ.—Я имъ покажу!..

Лучшее утѣшеніе въ несчастіи, какъ извѣстно,—чужія несчастія. За этимъ дѣло не стало. Въ Великомъ посту пріѣхалъ въ Заполье старикъ Колобовъ и завернулъ навѣстить Харитона Артемьича.

— А! пришелъ посмотрѣть на голаго свата!—встрѣтилъ его Малыгинъ, впадая въ ожесточенный тонъ.—Вотъ полюбуйся... Одинъ халатъ доченьки оставили изъ милости.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, Харитонъ Артемьичъ,—уклончиво отвѣтилъ Михей Зотычъ, моргая и шамкая.—Господь даде, Господь отъя... Охъ, не возьмемъ съ собой ничего, миленькій! Все это суета.

— Нечего сказать, хороша суета!.. А ты-то зачѣмъ пріѣхалъ къ намъ? Небось, въ банкъ хочешь закладываться? Ха-ха... У всѣхъ теперь одна мода, а ваши мучники готовы кожу съ себя заложить.

— Ужъ какъ Богъ дастъ... да...—шамкалъ Колобовъ.—Оно тово, дѣй-

ствительно, поджимаютъ насъ, очень поджимаютъ... У васъ въ городѣ-то лѣсъ рубятъ, а къ намъ щепки летятъ.

— Такъ, такъ, сватушка. У тебя и рука въ банкѣ своя... Галактіонъ-то вызволитъ.

— Ужъ это что говорить—заступа... Позавидовалъ плѣшивый лысому. По-твоему хочу сдѣлать: раздѣлить сыновей. Хорошія нонѣ дѣтки. Ох-хо-хо!.. А все суета, Харитонъ Артемьичъ... Дѣтокъ вонъ мы съ тобой судимъ и рядимъ, а о своей душѣ не печалуемся. Только бы мнѣ со своимъ дѣломъ развязаться... Въ скиты пора уходить. Вотъ вмѣстѣ и пойдемъ.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Я сперва еще всѣхъ на подсудимую скамью запячу! Живъ не хочу быть, пока не оборудую этого самаго дѣла!

— Крутенекъ ты, сватушка, какъ я погляжу, а на сердитыхъ воду возятъ.

— Ничего, авось за собакой камень не пропадетъ! Я теперь на отчаянность пошелъ... Съ голаго, что со святого,—взять нечего.

Старики разговорились. Все-таки они были свои и думали одинаково, не то, что молодежь. Михей Зотычъ все качалъ своею лысою головой и жаловался на худыя дѣла.

— Охъ, плохо будетъ, сватушка, всѣмъ плохо!.. Вѣдь можно было бы жить, и еще какъ можно, если бы всѣ не набросились строить мельницы. По Ключевой-то теперь стономъ стонъ стоитъ... Такъ и рвутъ, такъ и рвутъ. Что только и будетъ!..

— Зачѣмъ двѣ-то новыхъ мельницы выстроилъ?

— А затѣмъ, сватушка, что три сына у меня. Хотѣлъ каждому по мелёнкѣ оставить, чтобы родителя поминали... Охъ, нехорошо!.. Мучники наши въ банкъ закладываются, а мужикъ весь хлѣбъ на базары свезъ. По деревнямъ вездѣ ситцы да самовары пошли... Ослабѣлъ мужикъ. А тутъ водкой еще его накачиваютъ... Всѣ за легкимъ хлѣбомъ гонятся да за своимъ лакомствомъ. Что только и будетъ!..

— Чему быть-то? Ничего не будетъ.

— А Богъ-то? Не потерпитъ Батюшка нашего звѣрства... Божій даръ травимъ да бѣса тѣшимъ.

Михей Зотычъ прожилъ въ Запольѣ недѣли двѣ и, по обыкновенію, обошелъ весь городъ и вездѣ побывалъ. За десять лѣтъ городъ нельзя было узнать, и старикъ только качалъ головой. Все-то по-новому, по-модному, на отличку. Старинку какъ метлой вымело. Побывалъ Михей Зотычъ и на новой вальцовой мельницѣ Луковникова и уже не зналъ, дивиться ему или нѣтъ. Это была уже не мельница, а цѣлая фабрика. Даже жаль дѣлалось, какъ гоняютъ хлѣбъ по всѣмъ пяти этажамъ, съ жернова на жерновъ, между валами, по ситамъ, вѣялкамъ и самотаскамъ. Завернулъ Михей Зотычъ и къ Замараеву. Тутъ дѣло вѣрное,—безъ обрѣзковъ и безъ моды. Закончились эти путешествія новымъ банкомъ, гдѣ встрѣтилъ Михея Зотыча старый пріятель Вахрушка.

— Здравствуй, чиновникъ, — говорилъ Колобовъ, разглядывая Вахрушкину ливрею.—Шутъ не шутъ, а около того.

— Вотъ и вы на нашу мельницу завернули, Михей Зотычъ,—отвѣчалъ въ тонъ Вахрушка.—У насъ чистая работа...

— Пришелъ въ сапогахъ, а ушелъ босикомъ? На что чище... Вонъ и ты какое себѣ рыло наѣлъ на легкомъ-то хлѣбѣ... да. Что же, оно ужъ завсегда такъ: лупи яичко—не сказывай, облупилъ—не показывай. Ну, чиновникъ, а ты какъ думаешь, возьмутъ меня на вашей мельницѣ въ закладъ?

— Какъ же можно, Михей Зотычъ, чтобы вамъ не дали подъ закладъ... Всякіе народы закладываются, а вамъ-то на особицу дадутъ.

— Такъ, такъ, миленькій... Вѣрно. Когда волкъ таскалъ—никто не видалъ, а когда волка потащили—всѣ увидѣли.

IX.

Заручившись кредитомъ, Галактіонъ полетѣлъ въ Тюмень, гдѣ у него уже былъ на примѣтѣ продававшійся пароходъ. Правда, что пароходишко былъ старой конструкціи, вообще дрянной, но пока и онъ могъ служить. Главное, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ. По пути Галактіонъ прихватилъ и двѣ небольшія баржи. Зимы оставалось немного, и нужно было поспѣвать. Изъ Тюмени онъ проѣхалъ на Городище, которое уже давно арендовалъ у крестьянъ. Планъ пристани, конторы и амбаровъ былъ заготовленъ раньше, и теперь приходилось только его выполнять. Работа на мысу закипѣла, какъ по щучьему велѣнью. Камень и лѣсъ были заготовлены Галактіономъ еще раньше. Однимъ словомъ, все было предусмотрѣно до послѣднихъ мелочей.

Ровно черезъ двѣ недѣли на Городищѣ уже стояла новая пятистѣнная изба, въ которой Галактіонъ и поселился. Тутъ была и контора, и его квартира, и складъ. Никогда еще Галактіонъ не торопился въ такой степени и никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо. Каждый ударъ топора, раздававшійся на Городищѣ, осуществлялъ его завѣтную мечту. Утромъ онъ вставалъ въ пять часовъ, а ложился спать позже всѣхъ. Съ одной стороны, было неудобно, что рѣка Ключевая была судоходна до Заполья только въ полую воду, а съ другой стороны это неудобство представляло для Галактіона большія выгоды. Онъ вотъ здѣсь, на Городищѣ, только чувствовалъ себя дома и былъ радъ, что городъ далеко. Заполье ему давно надоѣло, да и не любилъ онъ его никогда. А здѣсь такъ хорошо. Подъ рукой были только тѣ люди, которые были нужны, и больше никого. Галактіонъ блаженствовалъ и смотрѣлъ на Тоболъ съ чувствомъ собственности, какъ на лошадь-новокупку.

Въ Заполье Галактіонъ пріѣзжалъ только на нѣсколько часовъ, когда бывали засѣданія банковскаго правленія. Здѣсь онъ, между прочимъ, встрѣтился и съ отцомъ.

— Здравствуй, сынокъ,—остановилъ его Михей Зотычъ.—Аль не узналъ родителя?

— Виноватъ, папаша... Какъ это вы сюда попали?

— По дѣлу, сынокъ, по дѣлу... Хочу отвѣдать, какъ деньги изъ банка берутъ.

— Что же вы мнѣ не писали раньше? Я устроилъ бы все впередъ.

— Спасибо, сынокъ... Не привыкъ я чужими руками жаръ загребать. Да и тебѣ-то некогда... Сказываютъ, пароходы заводишь?

— Завожу, родитель.

— Такъ, такъ... А денегъ гдѣ взялъ?

— Добрые люди дали.

— Люди-то добрые, а чужія денежки зубасты, милый сынъ... Не по себѣ дерево гнешь.

— Ужъ какъ Богъ дастъ, папаша... Я еще молодъ, въ охотку и поработать. Пріѣзжайте, папаша, посмотрѣть какъ-нибудь.

— И то пріѣду, сынокъ. Мѣсто на Городищѣ привольное... Вотъ только какъ ты плавать-то будешь? Мы вонъ по сухому-то берегу еле бродимъ.

Галактіона непріятно поразило то, что отецъ попросилъ его похлопотать за него въ правленіи относительно ссуды.

— Папаша, знаете, неудобно просить за своихъ... Этого у насъ не водится. Въ банкѣ всѣ равны и нѣтъ родственниковъ.

— Спасибо и на этомъ, сынокъ.

— Если хотите, я могу поставить свой бланкъ на вашъ векселъ, — это мнѣ удобнѣе.

— Нѣтъ, спасибо, сынокъ... Пока Богъ миловалъ отъ векселей.

Встрѣча съ отцомъ вышла самая неудобная, и Галактіонъ потомъ пожалѣлъ, что ничего не сдѣлалъ для отца. Онъ говорилъ со старикомъ не какъ сынъ, а какъ членъ банковскаго правленія, и старикъ этого не хотѣлъ понять. Да и можно бы все устроить, если бы не Мышниковъ,—у Галактіона съ послѣднимъ оставались попрежнему натянутыя отношенія. Для очищенія совѣсти Галактіонъ отправился къ Стабровскому, чтобы переговорить съ нимъ на дому. Какъ на грѣхъ, Стабровскій куда-то уѣхалъ. Галактіона приняла Устенька.

— Вы подождите, Галактіонъ Михеичъ, — говорила дѣвушка дѣловымъ тономъ.

Она, вообще, старалась занимать его, какъ хозяйка. Пани Стабровская по обыкновенію не выходила изъ своей комнаты, Дидѣ что-то нездоровилось, и Устенька замѣняла ихъ. Галактіонъ посидѣлъ въ столовой, выпилъ стаканъ чаю и началъ прощаться.

— Въ другой разъ какъ-нибудь заверну, Устенька. Некогда.

Дѣвушка вышла провожать его въ переднюю и, оглянувшись, проговорила тѣмъ же тономъ, какъ раньше, когда учила его, какъ держать себя за чайнымъ столомъ:

— Галактіонъ Михеичъ, неужели это правда, что разсказываютъ про старика Малыгина?

— Я, право, въ его дѣла не вмѣшиваюсь, Устенька.

— Значитъ, это не правда, что вы взяли деньги у Харитины?

Галактіонъ почувствовалъ, что вдругъ покраснѣлъ, какъ попавшійся школьникъ.

— А вамъ для чего это знать, Устенька?

— Да я такъ... Ахъ, не дѣлайте этого, Галактіонъ Михеичъ! Она нехорошая...

Эта сцена не выходила изъ головы Галактіона всю дорогу, пока онъ ѣхалъ къ себѣ на Городище. Онъ опять краснѣлъ, припоминая умоляющее выраженіе лица Устеньки. Какая она славная дѣвушка, хотя и говоритъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ. Да, значитъ, уже цѣлый городъ знаетъ о деньгахъ Харитины... И откуда только такія вѣсти берутся? Онъ самъ никому не говорилъ ни одного слова и былъ увѣренъ, что Харитина тоже никому не проговорилась. Она не болтушка. Вѣроятно, добрые люди сообразили, что Харитинѣ некуда было дѣвать своего наслѣдства.

„Э, не все ли равно?"—рѣшилъ Галактіонъ.

Ему было обидно только то, что Устенька назвала Харитину нехорошей. За что? Вѣдь Харитина никому не сдѣлала зла, кромѣ самой себѣ.

Именно подъ этимъ впечатлѣніемъ Галактіонъ подъѣзжалъ къ своему Городищу. Начинало уже темниться, а въ его комнатѣ свѣтился огонь. У крыльца стоялъ чей-то дорожный экипажъ. Галактіонъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ на крылечко, прошелъ темныя сѣни, отворилъ дверь и остановился на порогѣ, — въ его комнатѣ сидѣли Михей Зотычъ и Харитина за самоваромъ.

— Ну, принимай гостей, — проговорилъ Михей Зотычъ. — Незваные-то гости подороже будутъ званыхъ.

— Я радъ, папаша...

— Я и Харитину захватилъ, — шомкалъ старикъ. — Одному-то скучно ѣхать, а она все равно безъ дѣла у тятеньки сидитъ. Вотъ и поѣхали.

Харитина была смущена и смотрѣла на Галактіона виноватыми глазами. Она чувствовала, что онъ недоволенъ ея выходкой, и молчала. Галактіонъ тоже поздоровался съ ней молча.

Старикъ Колобовъ былъ какъ-то необыкновенно веселъ и все время шутилъ съ Харитиной.

— Ну, что же ты молчишь-то, а еще хозяинъ? — спрашивалъ онъ Галактіона.—Развѣ гости плохи? Вмѣстѣ-то намъ какъ разъ сто лѣтъ, Харитинушка. Въ самый разъ пара.

Вечеромъ старикъ улегся по обыкновенію спать рано. Галактіонъ и Харитина сидѣли въ конторѣ одни.

— Что ты и въ самомъ-то дѣлѣ надулся, какъ мышь на крупу? — говорила она. — Этакъ я и домой завтра уѣду. Соскучилась безъ тебя, а ты...

— Послушай, я не пойму, какъ это тебя угораздило вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхать сюда?

— А такъ... Онъ пріѣхалъ прямо за мной, а я сѣла и поѣхала. Тошнехонько мнѣ, особенно по вечерамъ. Ты, небось, и не вспомнишь обо мнѣ.

— Вотъ немного устроюсь, тогда...

— Что тогда? А знаешь, что я тебѣ скажу? Вотъ ты строишь себѣ домъ въ Городищѣ, а какой же домъ безъ бабы? И Михей Зотычъ то же самое давеча говорилъ. Вѣдь у него все съ загадками да выкомурами, какъ хочешь понимай. Жалѣетъ тебя...

— Онъ?

— Да, онъ... А ты какъ бы думалъ? Старикъ безъ ума тебя любитъ. Ты его совсѣмъ не знаешь... да. А мнѣ показалось...

Харитина такъ и не досказала, что ей показалось.

На другое утро Михей Зотычъ поднялся чѣмъ свѣтъ и обошелъ всѣ работы. Онъ все осмотрѣлъ, что-то прикидывалъ въ умѣ, шепталъ и качалъ головой, а потомъ, прищурившись, долго смотрѣлъ на рѣку и угнетенно вздыхалъ.

— Ну что, папаша, какъ вы нашли мою пристань? — спрашивалъ Галактіонъ.

— Купецъ въ лавкѣ хвалитъ товаръ, сынокъ, а покупатель дома... Ничего, хорошо... Воду я люблю, а у тебѣ сразу двѣ рѣки... По веснѣ-то вотъ какой разливъ будетъ... да.

— Въ половодье-то я изъ Заполья вашу крупчатку повезу въ Сибирь, папаша, а осенью сибирскую пшеницу сюда буду поставлять. Работы не оберешься.

— Да, да... Охъ, повезешь, сынокъ!.. А поговорка такая: не мой возъ— не моя и пѣсенка. Все хлѣбъ-батюшка, вездѣ хлѣбъ... Всѣ имъ держатся, а остальное-то такъ. Только хлѣбъ-то отъ Бога родится, сынокъ... Даръ Божій... Какъ бы ошибки не вышло. Ты вотъ на машину надѣешься, а вдругъ нечего будетъ не только возить, а и ѣсть.

— Вотъ тогда-то и будетъ хорошо: гдѣ много уродится хлѣба, оттуда его и повеземъ. Всѣмъ будетъ хорошо.

— Такъ, такъ... То-то нынче добрый народъ пошелъ: все о другихъ заботятся, а себя забываютъ. Что же, дай Богъ... Посмотрѣлъ я въ Запольѣ

на добрыхъ людей... Хорошо. Дома понастроили новые, магазины съ зеркальными окнами и все перезаложили въ банкъ. Одни строятъ, другіе деньги на постройку даютъ — чего лучше? А тутъ еще: на, испей дешевой водочки... Только вотъ какъ съ закуской будетъ? И ты тоже вотъ добрый у меня уродился: чужого не жалѣешь.

— Это уже дѣло мое, папаша, у васъ я, кажется, еще не просилъ ничего.

— Не дамъ, ничего не дамъ, сынокъ... Жалѣючи тебя не дамъ. Охъ, грѣхи отъ денегъ-то, и отъ своихъ и отъ чужихъ! Будешь богатый, такъ и себя забудешь, Галактіонъ. Видалъ я всякихъ человѣковъ... охъ, много видалъ! Пожалуй, и смотрѣть больше ничего не осталось.

Больше всего старикъ поразилъ Галактіона своимъ отношеніемъ къ Харитинѣ. Она проспала чуть не до десяти часовъ, и Галактіонъ нѣсколько разъ хотѣлъ ее разбудить.

— Оставь... Не надо, — удерживалъ его Михей Зотычъ. — Пусть выспится молодымъ дѣломъ. Побранить-то есть кому бабочку, а пожалѣть некому. Трудненько молодой жить безъ призору... Не сладко ей живется. Охъ, грѣхи!..

Харитина поднялась не въ духѣ; она плохо спала ночь.

— Ну, Харитинушка, испей чайку да складывайся въ обратный путь,— торопилъ ее Михей Зотычъ. — Загостились мы тутъ.

Ухаживанья старика привели Харитину въ капризное настроеніе. Она уже больше не смущалась и смотрѣла на Галактіона вызывающимъ взглядомъ.

— Возьми меня, Галактіонъ, въ кухарки,—говорила она, усаживаясь въ экипажъ. — Я умѣю отличныя щи варить.

— И то возьми, Галактіонъ, — поддакивалъ Михей Зотычъ.—Я буду наѣзжать ваши щи ѣсть. Такъ, Харитинушка? Щи — первое дѣло. Пароходы-то пароходами, а безъ щей тоже не проживешь.

Галактіонъ стоялъ все время на крыльцѣ, пока экипажъ не скрылся изъ глазъ. Харитина не оглянулась ни разу. Ему сдѣлалось какъ-то жутко, и тяжело, и жаль себя. Вся эта поѣздка съ Харитиной у отца была только злою выходкой, какъ все, что онъ дѣлалъ. Старикъ въ глаза смѣялся надъ нимъ и въ глаза дразнилъ Харитиной. Да, „безъ щей тоже не проживешь“. Это была какая-то безсмысленная и обидная правда.

Цѣлый день Галактіонъ ходилъ грустный, а вечеромъ, когда зажгли огонь, ему сдѣлалось ужъ совсѣмъ тошно. Вотъ здѣсь сидѣла Харитина, вотъ на этомъ диванѣ она спала, — все напоминало ее, до позабытой на окнѣ черепаховой шпильки включительно. Галактіонъ долго пилъ чай, шагалъ по комнатѣ и не могъ дождаться, когда можно будетъ лечь спать. Бываютъ такіе проклятые дни.

Когда Галактіонъ наконецъ былъ уже въ постели, послышался запоздалый колокольчикъ. Галактіонъ никакъ не могъ сообразить, кто бы могъ пріѣхать въ такую пору. На всякій случай онъ одѣлся и вышелъ на крыльцо. Это была Харитина: она вошла, пошатываясь, какъ пьяная, молча остановилась и посмотрѣла на Галактіона какими-то безумными глазами.

— Что съ тобой? — удивился Галактіонъ. — Идемъ въ комнату.

Харитина долго ничего не могла выговорить и только плакала, закрывъ лицо руками.

— Я его бранила всю дорогу... да, — шептала она, глотая слезы. — Я только дорогой догадалась, какъ онъ смѣялся и надо мной и надъ тобой. Что жъ, пусть смѣются, — мнѣ все равно. Мнѣ некуда итти, Галактіонъ. У

меня вся душа выболѣла. Я буду твоей кухаркой, твоей любовницей, только не гони меня.

— Мила", перестань... Поговоримъ завтра...

Успокоить Харитину было дѣломъ нелегкимъ, и Галактіонъ провозился съ ней до самаго утра, пока она не заснула тутъ же на диванѣ, не раздѣваясь, какъ пріѣхала.

X.

Въ домѣ Стабровскихъ переживалось трудное время.

Дидѣ было уже пестнадцать лѣтъ, и наступало то, чего такъ боялся отецъ. Врачи просмотрѣли тотъ моментъ, отъ котораго зависѣло все, и только отцовскій взглядъ инстинктивно предчувствовалъ его. Раньше у Диди было два припадка—одинъ въ раннемъ дѣтствѣ, другой, когда ей было тринадцать лѣтъ, но они еще ничего не доказывали. У дѣтей сплошь и рядомъ бываютъ „родимчики". Дидю изслѣдовали всѣ знаменитости въ Москвѣ, въ Петербургѣ и за границей и всѣ дали уклончивый отвѣтъ: все можетъ быть и ничего можетъ не быть. Такой приговоръ убивалъ Стабровскаго, и онъ извѣрился въ знаменитостяхъ, прикрывавшихъ своею славой самое скромное незнаніе. Да и наука по части нервныхъ болѣзней дѣлала только свои первые шаги. Въ концѣ концовъ Стабровскій обратился къ своимъ провинціальнымъ врачамъ, у которыхъ было и времени больше, и усердія, и свѣжей наблюдательности. Самъ онъ изобрѣлъ только одно средство — поселить въ своемъ домѣ Устеньку, которая могла заразить здоровьемъ Дидю. Въ четыре года дѣйствительно Устенька сформировалась въ настоящую здоровую дѣвушку, а Дидя только вытянулась и захирѣла. Для Стабровскаго „славяночка" являлась живою мѣркой, и онъ дѣлалъ ежедневныя параллельныя наблюденія. Сначала Дидя шла въ умственномъ развитіи далеко впереди, а потомъ точно начала уставать, и Устенька ее понемногу догнала. Дидя дѣлалась съ каждымъ годомъ все скрытнѣе, несообщительнѣе и имѣла такой видъ, когда человѣкъ мучительно хочетъ что-то припомнить и не можетъ. Она вся точно свертывалась въ клубочекъ, когда чувствовала на себѣ наблюдавшій ее отцовскій взглядъ.

Въ послѣднее время Стабровскій началъ замѣчать какія-то странныя вспышки, неожиданныя и болѣзненныя, какія бываютъ только у беременныхъ женщинъ. Онъ посовѣтовался съ докторами, и тѣ рѣшили, что „дѣвочка формируется". Миссъ Дудль раздѣляла это мнѣніе и съ увѣренностью заявила, что она „выдержитъ" дѣвочку и больше ничего. Однако случилось нѣчто неожиданное. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ тренировки въ духѣ доброй англійской школы Дидя вспылила до того, что назвала миссъ Дудль старой англійской лошадью. Это неслыханное оскорбленіе привело къ тому, что миссъ Дудль принялась собирать свои чемоданы. Можетъ-быть, этотъ пріемъ употреблялся слишкомъ часто и потерялъ свое психологическое значеніе: можетъ-быть, строгая англичанка была сама не права, но Дидя ни за что не хотѣла извиняться, такъ что вынужденъ былъ вмѣшаться отецъ. Онъ долго и убѣдительно объяснялъ дочери значеніе ея поступка и единственный выходъ изъ него — извиниться передъ миссъ Дудль, но Дидя отрицательно качала головой и только плакала злыми, чисто-женскими слезами. Стабровскій почуялъ что-то неладное во всей этой глупой исторіи и обратился къ Кочетову.

— По-моему, дѣвочка ненормальна, Анатолій Петровичъ.

— Мы всѣ ненормальныя. Главное — не нужно къ ней приставать, а дать полный покой.

Стабровскій кое-какъ уговорилъ миссъ Дудль остаться, и это послужило только къ тому, что Дидя окончательно ее возненавидѣла и начала преслѣдовать съ ловкостью обезьяны. Изобрѣтательность маленькаго инквизитора, казалось, не имѣла границъ, и только англійское терпѣніе миссъ Дудль могло переносить эту домашнюю войну. Дидя травила англичанку на каждомъ шагу и наконецъ заявила ей въ глаза:

— У васъ не только нѣтъ ума, а даже самаго простого самолюбія, миссъ Дудль. Я васъ презираю. Вы — ничтожное существо, кукла, манекенъ изъ папье-маше, гороховое чучело. Я васъ ненавижу.

Эта сцена и закончилась припадкомъ, уже настоящимъ припадкомъ настоящей эпилепсіи. Теперь ужъ не было мѣста ни сомнѣніямъ ни надеждамъ. Стабровскій не плакалъ, не приходилъ въ отчаяніе, какъ это бывало съ нимъ раньше, а точно весь замеръ. Прежде всего, онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ Устеньку и объяснилъ ей все.

— Устенька, вы уже большая дѣвушка и поймете все, что я вамъ скажу... да. Вы знаете, какъ я всегда любилъ васъ,—я не отдѣлялъ васъ отъ своей дочери, но сейчасъ намъ, кажется, придется разстаться. Дѣло въ томъ, что болѣзнь Диди до извѣстной степени заразительна, то-есть она можетъ передаться предрасположенному къ подобнымъ страданіямъ субъекту. Я не желаю и не имѣю права рисковать вашимъ здоровьемъ. Скажу откровенно, мнѣ очень тяжело разставаться, но заставляютъ обстоятельства.

— Вы меня гоните, Болеславъ Брониславичъ, — отвѣтила Устенька. — То-есть я не такъ выразилась. Однимъ словомъ, я не желаю сама уходить изъ дома, гдѣ чувствую себя своей. По-моему, я именно могу быть полезной для Диди, какъ никто. Она только со мной одной не раздражается, а это самое главное, какъ говоритъ докторъ. Я хочу хоть чѣмъ-нибудь отплатить вамъ за ваше постоянное вниманіе ко мнѣ. Вѣдь я всѣмъ обязана вамъ.

Стабровскій обнялъ ее, со слезами поцѣловалъ ее въ лобъ и проговорилъ:

— Вполнѣ цѣню ваше благородство, славяночка... да, цѣню, но не могу согласиться, пока не поговорю съ вашимъ отцомъ.

— Позвольте мнѣ самой это сдѣлать?

— Какъ знаете.

Въ качествѣ большой, Устенька могла теперь уходить изъ дому одна и бывала у отца ежедневно. Когда она объяснила ему, въ чемъ дѣло, старикъ задумался.

— Мнѣ кажется, папа, что тутъ и думать нечего. Какъ же я оставлю Дидю въ такомъ положеніи одну? Она такъ привыкла ко мнѣ, любитъ меня. Я останусь у Стабровскихъ.

— Вотъ, что скажетъ докторъ, Устенька. Конечно, Стабровскіе—люди хорошіе, но... Однимъ словомъ, ты у меня одна—помни это.

Даже старая нянька Матрена, примирившаяся въ концѣ концовъ съ тѣмъ, чтобы Устенька жила въ ученьи у поляковъ, и та была сейчасъ за нее. Что же, извѣстно, что барышня Дидя порченая, ну, а только это самые пустяки. Всего-то дѣла свозить въ Кунару, тамъ одинъ старичокъ юродивый всякую болѣзнь заговариваетъ.

Тарасъ Семенычъ, скрѣпя сердце, согласился. Ему въ первый равъ пришло въ голову, что вѣдь Устенька уже большая и до извѣстной степени можетъ имѣть свое мнѣніе. Затѣмъ у него своихъ дѣлъ было по горло: и съ думскою службой и со своею мельницей.

— Какъ знаешь, Устенька. Ты ужъ сама не маленькая.

Стабровскій очень былъ обрадованъ, когда „славяночка“ явилась обратно, счастливая своимъ молодымъ самопожертвованіемъ. Даже и Дидя, и та была рада, что Устенька опять будетъ съ ней. Однимъ словомъ, все устроилось какъ нельзя лучше, и „славяночка“ еще никогда не чувствовала себя такою счастливою. Да, она уже была нужна, и эта мысль приводила ее въ восторгъ. Затѣмъ она такъ любила всю семью Стабровскихъ, миссъ Дудль, всѣхъ. Въ этомъ именно домѣ она нашла то, чего ей не могла дать даже отцовская любовь.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ передъ глазами „славяночки“ развернулся цѣлый міръ, громадный и яркій, передъ которымъ запольская дѣйствительность казалась такой ничтожной. Устенька могла уже читать по-французски и по-нѣмецки, понимала по-англійски и говорила по-польски. Эти первые шаги ввели ее въ сокровищницу міровой литературы, начиная съ классиковъ. Затѣмъ она училась музыкѣ, которую страстно любила. Пани Стабровская заставляла ее читать по вечерамъ на трехъ языкахъ и объясняла все непонятное. Дидя не любила читать, и ее не принуждали, такъ что всею обстановкою дорогого воспитанія пользовалась собственно одна Устенька. Въ ея умѣ все лучшее теперь неразрывно связывалось съ тѣми людьми, съ которыми она жила, — въ этомъ домѣ она родилась вторично. Часто, глядя изъ окна на улицу, Устенька приходила въ ужасъ отъ одной мысли, что, не будь Стабровскаго, она такъ и осталась бы глупою купеческою дочерью, всѣ интересы которой сосредоточиваются на нарядахъ и глупыхъ провинціальныхъ удовольствіяхъ. Развѣ можно такъ жить, когда на свѣтѣ такъ много хорошаго? Заполье представлялось ей какою-то ямой. И какіе ужасные люди кругомъ! Черезъ прислугу и разговоры большихъ Устенька уже знала біографію Прасковьи Ивановны, романъ Галактіона съ Харитиной и т. д. Городскія новости врывались въ домъ Стабровскаго, минуя самый строгій контроль миссъ Дудль.

Больше всего смущалъ Устеньку докторъ Кочетовъ, который теперь бывалъ у Стабровскихъ каждый день: онъ долженъ былъ изо дня въ день незамѣтно слѣдить за Дидей и вести самое подробное curriculum vitae. Докторъ обыкновенно пріѣзжалъ къ завтраку, а потомъ еще вечеромъ. Его визиты имѣли характеръ простого знакомства, и Дидя не должна была подозрѣвать ихъ настоящей цѣли.

Докторъ ежедневно проводилъ съ дѣвочками по нѣсколько часовъ, при чемъ, конечно, присутствовала миссъ Дудль въ качествѣ аргуса. Докторъ пользовался моментомъ, когда Дидя почему-нибудь не выходила изъ своей комнаты, и говорилъ Устенькѣ ужасныя вещи.

— Вы никогда не думали, славяночка, что все окружающее васъ есть замаскированная ложь? Да... Чтобы вотъ вы съ Дидей сидѣли въ такой комнатѣ, пользовались тюремнымъ надзоромъ миссъ Дудль, наконецъ моими медицинскими совѣтами, завтраками, пользовались свѣжимъ бѣльемъ,—однимъ словомъ, всѣмъ комфортомъ и удобствомъ такъ называемаго культурнаго существованія, — да, для всего этого нужно было пустить по міру тысячи людей. Чтобы Дидя и вы вели настоящій образъ жизни, нужно было сдѣлать тысячи дѣтей нищими.

— Все это неправда. Мы никому не дѣлали зла.

— А какъ вы полагаете, откуда деньги у Болеслава Брониславича? Сначала онъ былъ подрядчикомъ и морилъ рабочихъ, какъ мухъ, потомъ онъ началъ спаивать мужиковъ, а сейчасъ разоряетъ цѣлый край въ обществѣ всѣхъ этихъ банковскихъ воровъ. Честныхъ денегъ нѣтъ, славяночка. Я не

обвиняю Стабровскаго: онъ не лучше и не хуже другихъ. Но не нужно закрывать себѣ глаза на окружающее насъ зло. Хороша литература, и наука, и музыка, — все это отлично, но мы этимъ никогда не закроемъ печальной дѣйствительности.

— А вы сами что дѣлаете, докторъ?

— И я не лучше другихъ. Это еще не значитъ, что если я плохъ, то другіе хороши. По крайней мѣрѣ я сознаю все и мучусь, и даже вотъ за васъ мучусь, когда вы поймете все и поймете, какая отвѣтственная и тяжелая вещь — жизнь.

Эти разговоры доктора и пугали Устеньку и неудержимо тянули къ себѣ, создавая роковую двойственность. Докторъ былъ такой умный и такъ ясно раскрывалъ передъ ней шагъ за шагомъ изнанку той жизни, которою она жила до сихъ поръ безотчетно. Онъ не щадилъ никого—ни себя ни другихъ. Устенькѣ было больно все это слышать, и она не могла не слушать.

— Съ одной стороны хозяйничаетъ шайка купцовъ, наживщихъ капиталы всякими неправдами, а съ другой стороны будетъ зорить этихъ толстосумовъ шайка хищныхъ дѣльцовъ. Все это въ порядкѣ вещей и по-ученому называется борьбой за существованіе... Конечно, есть такіе купцы, какъ молодой Колобовъ, — эти создаютъ свое благосостояніе на развалинахъ чужого разоренія. О, онъ далеко пойдетъ!

— Что же тогда дѣлать?—спрашивала Устенька въ отчаяніи.

Докторъ только горько улыбался.

— Знаете что, славяночка, не вамъ это спрашивать у меня и не мнѣ разрѣшать вамъ такой всеобъемлющій вопросъ. Полагаю, что для каждаго должно существовать свое собственное рѣшеніе этого вопроса. Все дѣло въ совѣсти, въ нравственной чистоплотности... Вѣдь мы всю жизнь заботимся только о томъ, чтобы вотъ именно намъ было хорошо, а отъ этого, по-моему, всѣ несчастія. Да, именно отъ этого!.. Представьте себѣ простую картину: вамъ хочется ѣсть, передъ вами хорошій завтракъ, — развѣ вы можете его ѣсть съ спокойною совѣстью, когда васъ окружаютъ десятки голодныхъ дѣвушекъ, голодныхъ дѣтей? Вѣдь кусокъ въ горло не пойдетъ. Если вы и я ѣдимъ спокойно свой вкусный завтракъ, то только потому, что не видимъ этихъ голодныхъ,—они гдѣ-то тамъ, далеко, неизвѣстно гдѣ. И мы все дѣлаемъ, чтобы не видѣть ихъ и чтобы, Боже сохрани, наши дѣти не видѣли ихъ... И каждый нашъ день—неправда и ложь, а отсюда и наше счастье и наше несчастье—тоже неправда и ложь. Вѣдь есть еще умственный голодъ, нравственный голодъ, душевная нищета, а отсюда дрянныя, нехорошія несчастья... Чужое горе по психологическому контрасту обыкновенно вызываетъ наши симпатіи, но есть такое горе, которое вызываетъ только отвращеніе. Ахъ, вы не подозрѣваете даже, какъ иногда человѣкъ можетъ ненавидѣть самого себя!

— Вотъ вы говорите о завтракѣ, докторъ. Но если я отдамъ свой завтракъ, то, во-первыхъ, сама останусь голодна, а во-вторыхъ, все равно— всѣхъ не накормлю.

— Это правда, если вы будете одна. А если будутъ и другіе думать о другихъ, тогда получится совсѣмъ иное.

Устенька не могла не согласиться съ большею частью того, что говорилъ докторъ, и самымъ тяжелымъ для нея было то, что въ ней какъ-то пошатнулась вѣра въ любимыхъ людей. Получился самый мучительный разладъ, заставлявшій думать безъ конца. Зачѣмъ докторъ говоритъ одно, а самъ дѣлаетъ другое? Зачѣмъ Болеславъ Брониславичъ, такой умный, добрый и любящій, кого-то разоряетъ и помогаетъ другимъ дѣлать то же? А тамъ, впереди, поднимается что-то такое большое, неизвѣстное, страшное и неумолимое.

XI.

Дѣятельность Зауральскаго Коммерческаго банка отзывалась не только на экономической сторонѣ жизни Заполья, а давала тонъ всему общественному строю. У насъ вообще принято какъ-то легко смотрѣть на роль банковъ, вѣрнѣе—никакъ не смотрѣть. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, это страшная сила, которая кладетъ свою тяжелую руку на всѣхъ. Нарастающій капитализмъ является своего рода громаднымъ маховымъ колесомъ, приводящимъ въ движеніе милліоны валовъ, шестеренъ и приводовъ. Да, деньги давали власть, въ чемъ Заполье начало убѣждаться все больше и больше,—именно деньги въ организованномъ видѣ, какъ своего рода армія. Прежде были просто толстосумы, вліяніе которыхъ не переходило границъ тѣснаго кружка своихъ однокашниковъ, приказчиковъ и покупателей, а теперь капиталъ, пройдя черезъ банковское горнило, складывался уже въ какую-то стихійную силу, дававшую все на своемъ пути.

Живымъ показателемъ этой новой силы для Заполья явился банковскій юрисконсультъ Мышниковъ. Онъ быстро вошелъ въ свою роль и началъ забирать силу. Кліенты безъ словъ почувствовали свою мертвую зависимость отъ этого новаго человѣка, которому стоило сказать одно слово—и банкъ закрывалъ кредитъ. Мышниковъ уже показалъ свою власть надъ протестовавшими элементами и однимъ почеркомъ пера разорилъ двухъ мельниковъ съ Ключевой, не оказавшихъ ему должнаго уваженія. Всѣ понимали, что это только проба, цвѣточки, а ягодки впереди. Остальныхъ кліентовъ Мышниковъ выучилъ терпѣнію. Они по цѣлымъ часамъ ждали его въ банкѣ, теряя дорогое время, выслушивали его грубости и должны были заискивающе улыбаться, когда на душѣ скребли кошки и накипала самая лютая злоба.

Главное, скверно было то, что Мышниковъ, происходя изъ купеческаго рода, зналъ всѣ тонкости купеческой складки, и его невозможно было провести, какъ иногда проводили широкаго барина Стабровскаго или тягучаго и мелочного нѣмца Драке. Прежде всего въ Мышниковѣ сидѣлъ свой братъ мужикъ, у котораго была одна политика—давить все и всѣхъ, давить изъ любви къ искусству.

Но сфера спеціально-банковской дѣятельности Мышникова не удовлетворяла. Онъ хотѣлъ большаго, а главное—общаго почета и заискивающаго трепета. Червь тщеславія сосалъ его неустанно, и ему все было мало. Оперившись благодаря банку, Мышниковъ попалъ въ думу и принялся хозяйничать здѣсь. Составъ думы былъ купеческій. Доморощенные ораторы говорили плохо, и Мышниковъ сразу сдѣлался свѣтиломъ. Онъ во всѣхъ мелочахъ бралъ перевѣсъ, и гласные проходили мудрую школу подлаживанья и спасительнаго молчанія. Всякая самостоятельность давилась въ зародышѣ. Изъ думскихъ ораторовъ пробовалъ бороться съ Мышниковымъ полированный купчикъ Евграфъ Огибенинъ, но сейчасъ же погибъ самымъ позорнымъ образомъ: ему былъ закрытъ кредитъ въ банкѣ. Это было хорошимъ урокомъ для другихъ смѣльчаковъ.

Старикъ Луковниковъ отлично понималъ разыгрывавшуюся комедію и сознавалъ полное свое безсиліе. Дума быстро превращалась въ переднюю Зауральскаго Коммерческаго банка. Гласные-купцы тоже сообразили, что нужно только соглашаться съ Павломъ Степанычемъ, и заглядывали ему въ ротъ, ожидая рѣшенія. Мышниковъ скоро завладѣлъ всѣмъ городскимъ самоуправленіемъ и дѣлалъ все, чего желалъ.

— Что же это такое будетъ, господа?— въ отчаяніи говорилъ Луковниковъ гласнымъ, которымъ довѣрялъ.— Мы дѣлаемся какими-то пѣшками... Мышниковъ всѣхъ насъ заберетъ. Вонъ онъ и Драке, и Штоффа, и Галактіона Колобова въ гласные проводитъ... Дохнуть не дадутъ.

— А что же мы подѣлаемъ, Тарасъ Семенычъ? — угнетенно отвѣчали купцы.—Подневольные мы люди, и больше ничего. Скажи-ка поперечное слово Павлу Степанычу, а онъ въ бараній рогъ согнетъ, какъ Евграфа Огибенина. Живъ человѣкъ смерти боится.

Луковниковъ понималъ, что по-своему купцы правы, и не находилъ выхода. Пока лично его Мышниковъ не трогалъ и оказывалъ ему всякое почтеніе, но старикъ ему не вѣрилъ. „Изъ молодыхъ да ранній,— думалъ онъ про себя.—А все проклятый банкъ“.

Протестомъ противъ мышниковской гегемоніи явились разрозненные голоса запольской интеллигенціи, причемъ въ головѣ сталъ учитель греческаго языка Харченко, попавшій въ число гласныхъ еще по довѣренности покойной Анеусы Гавриловны. Купцы могли только удивляться, какъ такой ничтожный учителишка осмѣливался перечить самому Павлу Степанычу и даже вотъ на волосъ его не боялся. Въ составѣ купцовъ-гласныхъ Харченко являлся чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ проклятыхъ исключеній, которыми такъ богатъ греческій языкъ. Свое думское одиночество Харченко выкупалъ тѣмъ, что упорно выводилъ въ цѣломъ рядѣ корреспонденцій дѣятельность банка и несчастной купеческой думы. Какъ Мышниковъ ни презиралъ живое слово прессы, но она лишала его извѣстнаго престижа и время отъ времени наносила довольно чувствительные удары его самолюбію. Онъ затаилъ ненависть противъ плюгаваго учителишки и далъ себѣ клятву стереть его съ лица земли, чтобы другимъ впредь было неповадно чинить разныя противности. Это была неравная борьба, и всѣ смотрѣли на „греческій языкъ“ съ сожалѣніемъ, какъ на жертву, которую Мышниковъ въ свое время пожретъ. Но Харченко уже имѣлъ своихъ союзниковъ, какъ докторъ Кочетовъ, Огибенинъ и озлобившійся на всѣхъ Харитонъ Артемьичъ.

— Катай ихъ всѣхъ въ хвостъ и гриву!—кричалъ Малыгинъ.—Этакихъ подлецовъ надо задавить... Дураки наши купчишки, всякаго пня боятся, а тебя вѣдь грамотѣ учили. Валяй, „греческій языкъ“!

Харченко былъ странный человѣкъ и для Заполья совсѣмъ непонятный. Изъ-за чего человѣкъ набивался на непріятности? Этого уже рѣшительно никто не могъ понять, а самъ Харченко никому не говорилъ. Напримѣръ, онъ написалъ громовую обличительную статью противъ Мышникова, когда тотъ, въ качествѣ попечителя надъ городскими школами, уволилъ одну учительницу за непочтительность. Послѣдняя заключалась въ томъ, что учительница недостаточно быстро вскочила, когда въ школу пріѣхалъ Мышниковъ, и не проводила его до передней. Скажите, пожалуйста, стоило поднимать пыль изъ-за какой-то учительницы, когда самъ Павелъ Степанычъ такъ просто говоритъ въ думѣ о необходимости народнаго образованія, о пользѣ грамотности и вообще просвѣщенія. Въ корреспонденціи между тѣмъ говорилось прямо, что принципіально высшее образованіе, конечно, вещь хорошая и крайне желательная, но банковскій кулакъ съ высшимъ образованіемъ—самое печальное знаменіе времени. „До сихъ поръ мы имѣли дѣло просто съ кулаками,—сообщалъ корреспондентъ,—а кулакъ интеллигентный—явленіе, съ которымъ придется считаться“.

Мышниковъ съ своей стороны не терялъ времени даромъ и повелъ атаку противъ задорнаго учителишки. Городъ давалъ прогимназіи извѣстную субси-

дію, и на этомъ основаніи Мышниковъ попалъ въ попечители прогимназіи отъ города. Это былъ прямой ходъ уже на непріятельскую территорію. Забравшись въ гимназическое правленіе, Мышниковъ съ опытностью присяжнаго юриста началъ дѣлать цѣлый рядъ прижимокъ Харченкѣ, принимавшему какое-то участіе въ хозяйственной части. Повелась травля по всѣмъ правиламъ искусства. Въ качествѣ забравшаго силу, Мышниковъ обратился къ попечителю округа съ систематическимъ рядомъ замаскированныхъ доносовъ и добился своего. Именно этой политики Харченко и не выдержалъ. Онъ отвѣтилъ на запросъ изъ округа въ „возбужденномъ тонѣ“ и получилъ приглашеніе оставить запольскую прогимназію, съ переводомъ въ какое-то отчаянное захолустье.

Мышниковъ торжествовалъ, сбивъ врага съ позиціи. Но это послужило не къ его пользѣ. Харченко быстро оправился отъ понесеннаго пораженія и даже нашелъ, что ему выгоднѣе окончательно бросить зависимую педагогическую дѣятельность.

— Ну, что же будешь дѣлать-то, пѣтухъ? — язвилъ его Харитонъ Артемьичъ, хлопая по плечу.—Летать умѣешь, а гдѣ сядешь? Поступай ко мнѣ въ помощники... Я тебя сейчасъ въ чинъ произведу: будешь отставной козы барабанщикомъ.

— Ничего, папаша, за нами и не это пропадало... Свѣтъ не клиномъ сошелся. Все къ лучшему.

— Ужъ на что лучше, зятюшка, когда, напримѣрно, выставку по затылку сдѣлаютъ.

— Пустяки, мы еще только начинаемъ... Вотъ посмотрите, какой мы фортель устроимъ... Подтянемъ всѣхъ.

— А ты не пугай!

— Былъ докторъ Панглоссъ, тестюшка, который сказалъ, что на свѣтѣ все устраивается къ лучшему.

— Такъ, такъ... Правильный, значитъ, докторъ.

Харченко дѣйствительно быстро устроился по-новому. Въ немъ сказался очень дѣятельный и практическій человѣкъ. Во-первыхъ, онъ открылъ внизу малыгинскаго дома типографію; во-вторыхъ, выхлопоталъ себѣ право на изданіе ежедневной газеты „Запольскій Курьеръ“ и, въ-третьихъ, основалъ библіотеку. Редакція газеты и библіотека помѣщались во второмъ этажѣ.

— Да развѣ я для этого домъ-то устроилъ? — возмущался Харитонъ Артемьичъ.—Всякую пакость натащилъ въ домъ-то... Охъ, горе душамъ нашимъ... За чьи только грѣхи Господь Батюшка наказываетъ... Осрамили меня зятья на старости лѣтъ.

Особенный успѣхъ имѣла библіотека, показавшая, что въ глухомъ провинціальномъ городкѣ уже чувствовалась настоятельная потребность въ чтеніи. Книга уже являлась необходимостью, и Харченко мечталъ открыть книжный магазинъ. Около типографіи и библіотеки сразу сплотился маленькій кружокъ интеллигентныхъ разночинцевъ. Тутъ были и учителя, и учительницы, и фельдшера, и мелкіе служащіе изъ управы и банка. Библіотека являлась сборнымъ пунктомъ, куда приходили потолковать и подѣлиться разными новостями. Въ общемъ, всѣ эти маленькіе люди являлись протестующимъ элементомъ противъ новыхъ дѣльцовъ.

Особымъ выдающимся торжествомъ явилось открытіе первой газеты въ Запольѣ. Главными представителями этого органа явились Харченко и докторъ Кочетовъ. Послѣдній даже не былъ пьянъ и поэтому чувствовалъ себя въ грустномъ настроеніи. Говорили рѣчи, предлагали тосты и составляли планы

похода противъ плутократовъ. Харченко расчувствовался и даже прослезился. На торжествѣ присутствовалъ Харитонъ Артемьичъ и могъ только удивляться, чему люди обрадовались.

— Всѣхъ ругать будете въ газетинѣ?—спрашивалъ онъ.

— Какъ придется... Смотря по заслугамъ.

Ишь, вы жарьте ихъ, подлецовъ, а главное—моихъ зятьевъ накаливайте... Ежели бы я былъ грамотный, такъ я бы имъ самъ показалъ, какъ лягушки скачутъ. Отъ своей темноты и погибаемъ.

Къ огорченію Харитона Артемьича, первый номеръ „Запольскаго Курьера“ вышелъ безъ всякихъ ругательствъ, а въ программѣ были напечатаны какія-то непонятныя слова: о народномъ хозяйствѣ, объ образованіи, о насущныхъ нуждахъ края, о будущемъ земствѣ и т. д. Первый номеръ все-таки произвелъ нѣкоторую сенсацію: обругать никого не обругали, но это еще не значило, что не обругаютъ потомъ. Въ банкѣ новая газета имѣла свои послѣдствія. Штоффъ сунулъ номеръ Мышникову и проговорилъ съ укоризной:

— Это твоя работа, Павелъ Степанычъ... Охота тебѣ была связываться съ проклятымъ учителишкой. Растравилъ человѣка, а теперь и расхлебывай кашу.

— Ничего, не безпокойся,—увѣрялъ Мышниковъ.— Коли на то пошло, такъ мы свою газету откроемъ... Однимъ словомъ, вздоръ, и не стоитъ говорить.

Въ малыгинскомъ домѣ закипѣла самая оживленная дѣятельность. По вечерамъ собиралась молодежь, поднимался шумъ, споры и смѣхъ. Именно въ одинъ изъ такихъ моментовъ попала Устенька въ новую библіотеку. Она выбрала книги и хотѣла уходить, когда изъ сосѣдней комнаты, гдѣ шумѣли и галдѣли молодые голоса, показался докторъ Кочетовъ.

— Ахъ, это вы, Устенька!.. Здравствуйте.

— Здравствуйте, Анатолій Петровичъ.

— Какъ это миссъ Дудль пустила васъ одну?

— Я была у папы.

— Такъ... Хотите, я васъ познакомлю съ нашею компаніей? У насъ очень весело!

Устенька смутилась, когда попала въ накуренную комнату, гдѣ около стола сидѣли неизвѣстныя ей дѣвушки и молодые люди. Докторъ отрекомендовалъ ее и перезнакомилъ съ присутствующими.

— Это наше молодое Заполье, и вы будете нашей, Устенька,—говорилъ онъ, усаживая ее на диванъ.

Полчаса, проведенные въ накуренной комнатѣ, явились для Устеньки роковою гранью, навсегда отдѣлившею ее отъ той среды, къ которой она принадлежала по рожденію и воспитанію. Возвращаясь домой, она чувствовала себя какою-то измѣнницей и живо представляла себѣ негодующую и возмущенную миссъ Дудль... Ей хотѣлось и плакать, и смѣяться, и куда-то итти, все впередъ, далеко.

XII.

Наступила весна. Близившееся тепло уже висѣло въ воздухѣ. Зима была снѣжная, и всѣ ждали сильнаго половодья. Рѣка Ключевая, какъ всѣ сибирскія рѣки, вскрывалась сначала верховьемъ. Въ горахъ было особенно много снѣга, и ключевые мельники со страхомъ ждали полой воды, которая рвала

и разносила по весямъ ихъ плотины. Но никто такъ не ждалъ навигаціи, какъ Галактіонъ. Онъ съ половины марта уѣхалъ вмѣстѣ съ Харитиной въ Тюмень, чтобы принять тамъ пароходъ и уже на пароходѣ вернуться въ свое Городище. Это былъ самый рѣшительный моментъ въ его жизни, и Галактіонъ считалъ минуты.

Въ „коренной" Россіи, благодаря громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, давно уже исчезла мертвая зависимость отъ временъ года, а въ Сибири эта зависимость сохранялась еще въ полной силѣ. Весной это особенно чувствовалось, когда замиралъ сибирскій трактъ, а лѣтнее движеніе сосредоточивалось на водныхъ путяхъ. Всѣ грузы стягивались за зиму къ рѣчнымъ пристанямъ и здѣсь ждали открытія навигаціи. Но послѣдняя выражалась въ самыхъ примитивныхъ формахъ, какъ дѣло велось еще при Ермакѣ, — на баркахъ, дощаникахъ, плотахъ. По Оби и Иртышу пароходы дѣлали рейсы разъ въ недѣлю. Результаты получались самые жалкіе. Сидя въ Тюмени, гдѣ сосредоточивалась вся навигаціонная дѣятельность, Галактіонъ могъ только удивляться мертвой сибирской косности. Сибирскіе капиталы уходили главнымъ образомъ на винокуренные заводы, золотопромышленность и разное сибирское сырье, обмѣнивавшееся на московскіе фабрикаты. Получалась самая жалкая картина, причемъ главною причиной являлось полное отсутствіе правильныхъ путей сообщенія, о чемъ сибиряки заботились меньше всего.

Въ Тюмени Галактіонъ встрѣтилъ Ечкина, который хлопоталъ здѣсь по какимъ-то своимъ дѣламъ.— не было, кажется, въ Россіи города, гдѣ у Ечкина не было бы дѣлъ. Онъ разыскалъ Галактіона на пристани, гдѣ ремонтировался пароходъ.

— Отлично, отлично, — повторялъ онъ, опытнымъ глазомъ осматривая пароходъ. — Собственно говоря, ваша посудина ни къ чорту не годится, но важенъ починъ... да. Я самъ когда-то мечталъ открыть пароходство по всѣмъ сибирскимъ рѣкамъ, но развѣ у насъ найдешь капиталы на разумное дѣло? Могу только позавидовать вашему успѣху.

Галактіонъ былъ радъ Ечкину, какъ своему человѣку. Притомъ Ечкинъ зналъ все на свѣтѣ и далъ сразу нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Онъ осмотрѣлъ пароходъ во всѣхъ подробностяхъ и только качалъ головой.

— Ахъ, ужъ эта мнѣ сибирская работа!— возмущался онъ, разглядывая каждую щель.— Не умѣютъ сдѣлать заклепку, какъ слѣдуетъ... Развѣ это машина? Она у васъ будетъ хрипѣть, какъ удавленникъ, стучать, ломаться... Тьфу! Посадка велика, ходъ тяжелый, на поворотахъ будетъ сваливать на одинъ бокъ, противъ рѣчной струи поползетъ черепахой,—однимъ словомъ, горе луковое.

— Я новый пароходъ строю, Берингъ Яковличъ. Только раньше осени не поспѣетъ. Машину дѣлаютъ въ Перми, а остальныя части собираютъ на заводахъ.

— Главное, помните, что здѣсь долженъ быть особый типъ парохода, принимая большую быстроту, чѣмъ на Волгѣ и Камѣ. Корпусъ долженъ быть длинный и узкій... Понимаете, что онъ долженъ итти щукой... да. Къ сожалѣнію, наши инженеры ничего не понимаютъ и держатся старины.

По вечерамъ Ечкинъ приходилъ на квартиру къ Галактіону и безъ конца говорилъ о своихъ предпріятіяхъ. Харитина сначала къ нему не выходила, а потомъ привыкла. Она за два мѣсяца сильно измѣнилась, притихла и сдѣлалась такою серьезной, что Ечкинъ просто ее не узнавалъ. Куда только дѣлась прежняя дерзость.

— Да, теперь все будетъ зависѣть отъ Уральской желѣзной дороги,

когда ее проведутъ отъ Перми до Тюмени, — ораторствовалъ Ечкинъ. — Вся картина измѣнится сразу... Вотъ случай заодно провести вѣтвь на Заполье.

— Далеконько будетъ,—соображалъ вслухъ Галактіонъ.

— Э, все пустяки!.. Была бы охота. Я говорилъ запольскимъ купцамъ: и слушать не хотятъ. А я все равно выхлопочу себѣ концессію на эту вѣтвь. Тогда посмотримъ...

— А гдѣ деньги?

— Деньги найдутся. Главное—идея... Понимаете?

Галактіона заражала эта неугомонная энергія Ечкина, и онъ съ удовольствіемъ слушалъ его цѣлые часы. Для него Ечкинъ являлся неразрѣшимою загадкой. Чѣмъ человѣкъ живетъ, а всегда веселъ, доволенъ и полонъ новыхъ замысловъ. Онъ самъ разсказалъ исторію со стеариновымъ заводомъ въ Запольѣ.

— Представьте себѣ, что̀ мои компаньоны распространяютъ про меня... Я и разорилъ ихъ и погубилъ дѣло, а все заключается только въ томъ, что они не выдержали характера и струсили раньше времени.

— Однако деньги-то за заложенную фабрику вы оставили себѣ?

— Что̀ же, развѣ я ихъ не возвращу? Опять недоразумѣніе... И какія деньги, — какихъ-то несчастныхъ сто тысячъ... Меня это въ концѣ концовъ начинаетъ возмущать серьезно.

Когда Ечкинъ уходилъ, Харитина искренно удивлялась.

— Ахъ, какъ онъ вретъ, какъ вретъ!.. До того вретъ, что даже хочется вѣрить. А потомъ... какой онъ безсовѣстный.

— До того безсовѣстный, что даже сердиться нельзя? — смѣялся Галактіонъ.—А вотъ я его люблю... Въ немъ есть что-то такое.

Наступила уже вторая половина апрѣля, а рѣки все еще не прошли. Наступавшая ростепель была задержана холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Галактіону казалось, что ледъ никогда не пройдетъ, и онъ съ нѣмымъ отчаяніемъ глядѣлъ въ окно на скованную рѣку.

Разъ, когда онъ стоялъ такъ у окна, къ нему подошла Харитина, обняла его молча и вся точно замерла. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ты забылъ про меня,—тихо прошептала она.

Онъ понялъ все и разсмѣялся. Она ревновала его къ пароходу. Да, она хотѣла владѣть имъ безраздѣльно, деспотически, безъ мысли о прошедшемъ и будущемъ. Она растворялась въ одномъ днѣ и не хотѣла думать больше ни о чемъ. Иногда на нее находило дикое веселье, и Харитина дурачилась, какъ сумасшедшая. Иногда она молчала по нѣскольку дней, придиралась ко всѣмъ, капризничала и устраивала Галактіону самыя невозможныя сцены.

— Послушай, да ты... кто ты такая?—кричалъ на нее взбѣшенный Галактіонъ.—Даже не жена.

— Хуже, чѣмъ жена... Мнѣ часто хочется просто убить тебя. Мертвый-то будешь всегда мой, а живой еще неизвѣстно.

— Перестань городить глупости.

— А Бубниха?.. Ты думаешь, я ничего не знаю?.. Нѣтъ, все, все знаю!.. Впрочемъ, что̀ же я тебѣ говорю, и какое мнѣ дѣло до тебя?

Полосы тихости и покорности смѣнялись у Харитины, какъ всегда, самымъ буйнымъ настроеніемъ, и Галактіонъ въ эти минуты старался уйти куда-нибудь изъ дому и не обращать на нее никакого вниманія. Ревновала Харитина ко всѣмъ и ко всему: къ женѣ, къ Ечкину, къ пароходу, къ Бубнихѣ, къ будущей первой поѣздкѣ на пароходѣ прямо въ Заполье. Этотъ первый рейсъ

асѣлъ у нея клиномъ въ головѣ, какъ личное оскорбленіе. Ей тоже хотѣлось ѣхать туда, и вмѣстѣ съ тѣмъ она не рѣшалась, чтобы не компрометировать своимъ присутствіемъ новаго пароходчика... Теперь вѣдь ужъ всѣ знали, что на такое, и въ Заполье глазъ нельзя показать.

Рѣка тронулась ночью, и Харитина проснулась первой. Она въ одной ночной кофточкѣ высунулась въ форточку и долго всматривалась въ весеннюю ночную муть, — слышалось шипѣнье, мягкій трескъ и такой звукъ, точно по сухой травѣ ползла какая-то громадная змѣя. Харитинѣ сдѣлалось страшно до слезъ, и она не разбудила Галактіона. Ей цѣлую ночь казалось, что что-то ползетъ вотъ тутъ, сейчасъ за стѣной, громадное и холодное. Харитина съ головой зарылась въ подушки и едва заснула только на зарѣ, когда занялось сырое апрѣльское утро.

Пароходъ могъ отправиться только въ концѣ апрѣля. Кстати, Харитина назвала его „Первинкой“ и любовалась этимъ именемъ, какъ ребенокъ, придумавшій своей новой игрушкѣ названіе. Отвалъ былъ назначенъ раннимъ утромъ, когда на пристаняхъ собственно публики не было. Такъ хотѣлъ Галактіонъ. Когда пароходъ уже отвалилъ и сдѣлалъ поворотъ, чтобы итти вверхъ по рѣкѣ, къ пристани прискакалъ какой-то господинъ и отчаянно замахалъ руками. Это былъ Ечкинъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Галактіонъ Михеичъ, — пенялъ онъ, когда переѣхалъ на лодкѣ къ пароходу,—уѣхать и не сказаться?

— Я думалъ, что вамъ сейчасъ не по пути ѣхать со мной въ Заполье,— не безъ ядовитости замѣтилъ Галактіонъ.

— А вотъ на зло вамъ поѣду, и вы должны мной гордиться, какъ своимъ первымъ пассажиромъ. Кромѣ того, у меня рука легкая... Хотите, я заплачу вамъ за проѣздъ?—это будетъ началомъ кассы.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?... Говоря откровенно... я очень вамъ радъ.

Надулась, къ удивленію, Харитина и спряталась въ каютѣ. Она живо представила себѣ самую обидную картину торжественнаго появленія „Первинки“ въ Запольѣ, причемъ съ Галактіономъ будетъ не она, а Ечкинъ. Это ее возмущало до слезъ, и она рѣшила про себя, что сама поѣдетъ въ Заполье, а тамъ будь, что будетъ: семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Но до поры до времени она сдержалась и ничего не сказала Галактіону. Онъ-то думаетъ, что она останется въ Городищѣ, а она вдругъ на „Первинкѣ“ вмѣстѣ съ нимъ пріѣдетъ въ Заполье. Ничего, пусть позлится.

Берега были пустынны и голы. По оврагамъ еще лежалъ снѣгъ. Игравшія рѣчки несли мутную воду. Попадались время отъ времени льдины. Галактіонъ почти не сходилъ съ капитанскаго мостика и молча торжествовалъ. Онъ уже любилъ этотъ дрянной пароходишко, и подавленный гулъ работавшей машины, и рѣку, и пустынные берега, и ненужную суету не обтерпѣвшейся новаго дѣла пароходной прислуги. Въ Тюмени онъ кстати захватилъ первый грузъ, которой застрялъ тамъ изъ-за распутицы и пролежалъ бы долго, пока просохнутъ дороги. Это было доказательство его права на существованіе.

Въ Городищѣ, дѣйствительно, разыгралась маленькая семейная сцена. Харитина не захотѣла даже выйти на берегъ и на всѣ уговоры только отрицательно качала головой. Галактіонъ махнулъ рукой.

— Дѣлай, какъ знаешь, Харитина, но только я этого не желалъ.

— А что ты такое мнѣ? Ни мужъ ни любовникъ... Оставь!

Плаваніе по Ключевой было уже другого характера. Приходилось итти съ большою осторожностью, чтобы не сѣсть на мель. Положимъ, вода была выше межени на цѣлыхъ четыре аршина, но все-таки могли быть разныя

неожиданности. Галактіонъ нарочно отвалилъ раньше утромъ, чтобы быть въ Заполье засѣтло. Да, всѣ должны были видѣть его торжество. Его огорчало только поведеніе Харитины, которая продолжала дуться и, чтобы досадить ему, оказывала Ечкину преувеличенныя любезности. Галактіонъ боялся, что она выкинетъ какую-нибудь штуку, когда они пріѣдутъ въ Заполье, и слѣдилъ за ней. Ечкинъ понялъ его тревогу и старался успокоить свою даму. Онъ разсказывалъ ей самые смѣшные анекдоты, удивлялся красотамъ пустынныхъ береговъ Ключевой и даже дошелъ до того, что началъ декламировать стихи. Это развеселило Харитину.

— Будетъ вамъ, Борисъ Яковличъ. Вы-то изъ-за чего хлочете? Вѣдь я и стиховъ не понимаю.

А пароходъ быстро подвигался впередъ, оставляя за собой пѣнившійся широкій слѣдъ. На берегу попадались мужички, которые долго провожали глазами удивительную машину. Въ одномъ мѣстѣ изъ маленькой прибрежной деревушки выскочилъ весь народъ, и мальчишки бѣжали по берегу, напрасно стараясь обогнать пароходъ. Чувствовалась уже близость города.

Не доѣзжая верстъ пяти, „Первинка“ чуть не сѣла на мель, рѣчная галка уже шуршала по дну, но опасность благополучно миновала. Вдали видѣлись трубы вальцовой мельницы и стеариноваго завода, зеленая соборная колокольня и новое зданіе прогимназіи. Галактіонъ самъ командовалъ на капитанскомъ мостикѣ и сильно волновался. Вонъ изъ-за мыса выглянуло предмѣстье. Городъ отдѣлялся отъ рѣки болотомъ, такъ что приставать приходилось у пустого берега.

— Вѣдь вотъ выбрали мѣсто подъ городъ,—возмущался Ечкинъ, глядя на городъ въ кулакъ.—Неудобнѣе трудно было придумать.

Несмотря на удаленность города, на берегъ уже двигались черныя точки, и Галактіонъ разсмотрѣлъ нѣсколько экипажей. Очевидно, Ечкинъ успѣлъ послать изъ Тюмени телеграмму.

У Галактіона сильно билось сердце, когда „Первинка“ начала подходить къ пристани и онъ скомандовалъ: „Стопъ, машина!“. На пристани уже собралась кучка любопытныхъ. Впереди другихъ стоялъ Стабровскій съ Устенькой. Они первые вошли на пароходъ, и Устенька, заалѣвшись, подала Галактіону букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

— Это должна была сдѣлать Дидя,— объяснилъ Стабровскій, цѣлуя Галактіона,—но дѣвочка больна.

Харитина видѣла эту сцену и, не здороваясь ни съ кѣмъ, вышла на берегъ и уѣхала съ Ечкинымъ. Ее душили слезы ревности. Было ясно, какъ день, что Стабровскій, когда умретъ Серафима, женитъ Галактіона на этой Устенькѣ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

По пыльному проселку шелъ совершенно легендарный путникъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ описывали съ такою охотой наши русскіе романтики. И рваная шляпенка, и котомка за плечами, и длинная палка въ рукахъ, и длинная сѣдая борода, и завѣтрѣлое лицо, изборожденное глубокими морщинами, и какая-то подозрительная таинственность во всей фигурѣ и даже въ каждой

складкѣ странническаго рубища, — всѣ эти признаки настоящаго таинственнаго странника какъ-то не вязались съ веселымъ выраженіемъ его лица. Очевидно, ему было весело, несмотря на странническій посохъ, котомку, морщины и сѣдую бороду. Даже, вѣроятно, нашлись бы завистники, которымъ казалось бы это веселое настроеніе обиднымъ. Вѣдь нынче всему завидуютъ. Этотъ таинственный странникъ былъ не кто иной, какъ возвращавшійся изъ ссылки „по милостивому манифесту“ знаменитый въ лѣтописяхъ Зауралья исправникъ Илья Ѳирсычъ Полуяновъ.

Итакъ, странникъ шелъ, испытывая приливъ самой преступной радости. Онъ возвращался на родину... Недавній изгнанникъ снова чувствовалъ себя человѣкомъ и, въ качествѣ такового, замышлялъ цѣлый рядъ предпріятій. О, они радовались тогда, когда его судили! Они отреклись отъ него, они смѣялись и торжествовали, а вотъ онъ возьметъ да и придетъ. Вотъ я, милостивые государи и государыни! Вамъ это не нравится, чортъ возьми? Да? Вы заживо похоронили Илью Ѳирсыча Полуянова, а онъ вотъ взялъ да и воскресъ. Ха-ха... И онъ еще вамъ покажетъ и всѣхъ на свѣжую воду выведетъ,—онъ, Илья Ѳирсычъ Полуяновъ!

Изъ „мѣстъ не столь отдаленныхъ“ Полуяновъ шелъ цѣлый мѣсяцъ, обносился, усталъ, изнемогъ и все-таки былъ счастливъ. Дорогой ему приходилось питаться чуть не подаяніемъ. Хорошо, что Сибирь—золотое дно и „страннаго“ человѣка вездѣ накормятъ жальливыя сибирскія бабы. Впрочемъ, Полуяновъ не оставался безъ работы: писалъ по кабакамъ прошенія, солдаткамъ письма, и вообще представлялъ своею особой походную канцелярію.

— Будетъ день—будетъ хлѣбъ, — повторялъ Полуяновъ, пряча заработанные гроши.—А на Руси съ голоду не умираютъ.

Сидя гдѣ-нибудь въ кабакѣ, Полуяновъ часто удивлялся: что было бы, если бъ эти мужланы узнали, кто онъ такой... д-да. Разъ подъ пьяную руку онъ даже проболтался, но ему никто не повѣрилъ, — это уже было недалеко отъ Запольскаго уѣзда, гдѣ полуяновская слава еще жила. Кабацкіе мужики хохотали въ лицо Полуянову, настоящему Полуянову, который осмѣлился назвать себя своимъ собственнымъ именемъ. Получалась настоящая трагикомедія, и настоящій Полуяновъ точно раскололся на-двое: одинъ Полуяновъ въ прошломъ, другой въ настоящемъ, и ничего, ровно ничего, что связывало бы этихъ двухъ людей. Отъ перваго Полуянова ко второму не было никакого перехода, а такъ взялъ да точно оборвался въ какую-то пропасть. Роскошный Полуяновъ превратился въ скитальца и нищаго, въ „подозрительную личность“ полицейскихъ протоколовъ.

Но, несмотря на всю глубину паденія, у Полуянова все-таки оставалось имя, извѣстное имя, чортъ возьми. Конечно, въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ его не знали, но, когда онъ по пути завернулъ на винокуренный заводъ Прохорова и К°, получилось совсѣмъ другое. Даже „пятачокъ“, какъ называли Прохорова, расчувствовался.

— Илья Ѳирсычъ, голубчикъ, да ты ли это?.. Ахъ, Боже мой! Давай, сейчасъ же переодѣнься, а то муторно на тебя глядѣть.

— Нѣтъ, этого не будетъ,—съ гордостью заявилъ Полуяновъ.—Прежде у меня былъ одинъ мундиръ, а теперь другой... Вотъ въ такомъ видѣ и заявлюсь въ Заполье... да. Пусть всѣ смотрятъ и любуются. Еще вопросъ, кому стыдно-то будетъ... Былъ роскошенъ, а теперь сиръ, нагъ и страненъ.

Прохоровъ подумалъ и согласился, что въ этомъ „мундирѣ“, пожалуй, и лучше явиться въ Заполье. Конечно, Полуяновъ былъ медвѣжья лапа и дралъ съ живого и мертваго, но и другіе-то хороши... Тѣ же, нынѣшніе, еще

почище будутъ, только ни слѣду ни дороги послѣ нихъ, — очень ужъ ловкій народъ.

— Вѣдь отчего погибъ?—удивлялся Полуяновъ, подавленный воспоминаніями своего роскошества.—А? Отъ простого деревенскаго попа... И изъ-за чего?.. Ужъ ежели бы на то пошло и я захотѣлъ бы разсказать всю матку-правду, да развѣ тутъ попомъ Макаромъ пахнетъ?

— Да, было дѣло, Илья Ѳирсычъ... Свѣтленько пожилъ, нечего сказать.

— Ничего, умѣлъ пожить... Пусть-ка другіе-то попробуютъ. И во снѣ не увидятъ... да. Размаху не хватитъ.

— Куда же имъ, нынѣшнимъ-то, Илья Ѳирсычъ? Телята залижутъ.

— У меня, братъ, было строго. Ѣду по уѣзду, какъ грозовая туча идетъ. Трепетъ!.. страхъ!.. землетрясенье!.. Пріѣду куда-нибудь, взгляну, да что тутъ говорить! Вотъ ты и милліонеръ, а не поймешь, что такое былъ исправникъ Полуяновъ. А попа Макара я все-таки въ бараній рогъ согну.

Полуяновъ пилъ одну рюмку водки за другой съ жадностью наголодавшагося человѣка и быстро захмелѣлъ. Воспоминанія прошлаго величія были такъ живы, что онъ совсѣмъ забылъ о скромномъ настоящемъ и страшно разсердился, когда Прохоровъ замѣтилъ, что попъ Макаръ, хотя и виноватъ кругомъ, но согнуть его въ бараній рогъ все-таки трудно.

— Мнѣ трудно?—оралъ пьяный Полуяновъ.—Ха-ха... Нѣтъ, я ихъ всѣхъ въ бараній рогъ согну!.. Они узнаютъ, что за человѣкъ Илья Ѳирсычъ Полуяновъ! Я... я... я... А впрочемъ, ежели серьезно разобрать, такъ и не стоитъ связываться. Наплевать.

— Вотъ это ты ужъ напрасно, Илья Ѳирсычъ. Попъ-то Макаръ самъ по себѣ, а тогда тебя устигъ адвокатъ Мышниковъ. Въ немъ вся причина. Вотъ ежели бы и его тоже устигнуть, — очень ужъ большую силу забралъ. Можно сказать, весь городъ въ одномъ суставѣ держитъ.

— Что же, можно и Мышникова подтянуть, — великодушно согласился Полуяновъ.—Даже въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ такъ бы это было хорошо, Илья Ѳирсычъ! Другого такого змѣя и не найти, кажется. Онъ, да еще Галактіонъ Колобовъ — два сапога пара. Нѣмцы тамъ, жиды да поляки — наплевать,— сегодня здѣсь, насосались и стстали, а эти-то свои и никуда не уйдутъ. Всю округу корчатъ, какъ черти мокрою веревкой. Что дальше, то хуже. Вопль отъ нихъ идетъ. Такъ и рѣжутъ по живому мясу. Что у насъ только дѣлается, Илья Ѳирсычъ! И что обидно: все по закону,—комаръ носу не подточитъ.

Полуяновъ говорилъ все время о прошломъ, а Прохоровъ о настоящемъ. Оба слушали только себя, хотя подъ конецъ Прохоровъ и взялъ перевѣсъ. Очень ужъ мудреныя вещи творились въ Запольѣ.

— Ты теперь и не узнаешь города, — съ сокрушеніемъ сообщилъ Прохоровъ.—Отъ старинки-то какъ есть ничего не осталось. Да и люди совсѣмъ другіе пошли. Развѣ гдѣ старички еще держатся. А главная причина — всѣ себя богатыми показываютъ. Изъ банка такъ деньги и черпаютъ. Ничего не разберешь: возьметъ деньги въ банкѣ подъ вексель, выстроитъ на нихъ домъ и заложитъ его опять въ банкѣ же. И все такъ. Теперь вотъ мельники сильно начали захудать. Сперва, дѣйствительно, дѣло было выгодное, ну, всѣ и накинулись, а теперь другъ дружку поѣдомъ ѣдятъ. Помнишь старика Колобова,— такъ онъ какую штуку укололъ. Выстроилъ три мельницы, а какъ началъ получать со всѣхъ трехъ убытокъ,—взялъ двѣ новыя заложилъ въ банкѣ да застраховалъ, а потомъ и поджегъ. Вотъ какую моду старичонка придумалъ. А самъ Галактіонъ еще почище родителя будетъ, хотя и по другой части пошелъ.

Рѣчь о Галактіонѣ заходила уже нѣсколько разъ, но Прохоровъ сейчасъ же заминался и сводилъ на другое. Изъ неловкаго положенія его вывелъ самъ Полуяновъ.

— Знаю, знаю все... Харитина-то у него живетъ, у Галактіона.

— Разное болтаютъ, Илья Ѳирсычъ... Не всякое лыко въ строку.

— Перестань зубы заговаривать... Знаю. Рано немножко обрадовалась Харитина Харитоновна. Я не позволю себя срамить... я... я...

На Полуянова напало бѣшенство. Онъ страшно ругался, стучалъ кулаками по столу, а потомъ неожиданно расплакался.

— Въ сущности, я Харитину и не виню,—плаксиво повторялъ онъ:— да. Дѣло ея молодое, кругомъ соблазнъ. Нѣтъ, не виню, хотя по-настоящему и слѣдовало бы ее зарѣзать. Вотъ до попа Макара я доберусь.

Много новостей узналъ Полуяновъ съ перваго же раза — о разореніи Харитона Артемьича, о ссудной кассѣ писаря Замараева, о плохихъ дѣлахъ старика Луковникова, о новыхъ людяхъ въ Запольѣ, а главное—о банкѣ. Въ концѣ концовъ все сводилось къ банку. Какую силу забралъ Мышниковъ—страшно выговорить. Всѣмъ городомъ такъ и поворачиваетъ. Въ думѣ никто пикнуть противъ него не смѣетъ. Про Стабровскаго и говорить нечего. Прохоровъ только вздыхалъ и чесалъ въ затылкѣ при одномъ имени Стабровскаго. Кстати, онъ разсказалъ всю исторію отчаянной кабацкой войны.

— Теперь плачу дань ему,—признавался онъ.—Что ни годъ, то семьдесятъ тысячъ выкладывай. Не пито, не ѣдено—дерутъ... да. Какъ тебя тогда, Илья Ѳирсычъ, засудили, такъ все точно вверхъ ногами перевернулось.

— Ага, вспомнили Полуянова?

— Еще какъ вспомнили-то. Прежде-то какъ все у насъ было просто. И начальство было простое. Не въ укоръ будь тебѣ сказано: бралъ ты, и много бралъ, а только за дѣло. А теперь не знаешь, какъ и подступиться къ исправнику: водки не пьетъ, взятокъ не беретъ, въ карты не играетъ.Обморокъ какой-то.

Полуяновъ прожилъ на винокуренномъ заводѣ два дня, передохнулъ и отправился дальше пѣшкомъ, какъ пришелъ.

— Будетъ, поѣздилъ,—говорилъ онъ, прощаясь съ Прохоровымъ.—Нахожу, что пѣхтура весьма полезна для здоровья.

— Конечно,—соглашался Прохоровъ. — Ужъ ежели для здоровья, такъ на что лучше.

Отойдя съ версту, Полуяновъ оглянулся на заводъ, плюнулъ и проговорилъ всего одно слово:

— Подлецъ!

Онъ даже погрозилъ кулакомъ всему винокуренному заводу.

Философское настроеніе оставило Полуянова только въ моментъ, когда онъ перешелъ границу „своего" уѣзда. Даже сердце дрогнуло у отставного исправника при видѣ знакомыхъ мѣстъ, гдѣ онъ царилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Да, все это были его владѣнія. Онъ не могъ освободиться отъ привычнаго чувства собственности и смотрѣлъ кругомъ глазами хозяина, вернувшагося домой изъ далекаго путешествія. Свой уѣздъ онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и видѣлъ всѣ перемѣны, какія произошли за время его отсутствія. Прежде всего, его поразило полное отсутствіе запасныхъ скирдъ, когда-то окружавшихъ деревни. Куда дѣвалось это мужицкое богатство?

Въ одной деревнѣ Полуяновъ напустился на мужиковъ, собравшихся около кабака.

— Гдѣ у васъ хлѣбъ-то, а?.. Прежде-то съ запасомъ жили, а теперь хоть метлой подмети.

— Да ужъ оно, видно, такъ вышло.

— Недородъ, что ли, былъ?

— Нѣтъ, пока Господь миловалъ отъ недороду, а такъ вообче.

— Что „вообче"-то? На винокуренный заводъ свезли хлѣбъ, канальи, а потомъ будете ждать недорода? Деньги на винѣ пропили, да на чаяхъ, да на ситцахъ?

— А тебѣ какое дѣло? Чего ты ругаешься-то, оголтѣлый?

— А вотъ такое и дѣло. Чего старики-то смотрятъ?

Полуяновъ принялся такъ неистово ругаться, что разозлившіеся мужики чуть его не поколотили.

Чѣмъ дальше подвигался Полуяновъ, тѣмъ больше находилъ недостатковъ и прорухъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. И земля вспахана кое-какъ, и посѣвы плохи, и земля пустуетъ, и скотина затощала. Особенно печальную картину представляли истощенныя поля, требовавшія удобренія и не получавшія его,—въ этомъ благодатномъ краю и знать ничего не хотѣли о какомъ-нибудь удобреніи. До сихъ поръ спасалъ аршинный сибирскій черноземъ. Но вѣдь всему бываетъ конецъ.

— Ахъ, мерзавцы!—ругался Полуяновъ, палкой измѣряя толщину пропаханнаго слоя чернозема.—На двухъ вершкахъ пашутъ. Что же это такое? Это мазать, а не пахать.

Попадались совсѣмъ выродившіяся поля съ чахлыми, золотушными всходами,—хлѣбъ точно былъ подбитъ молью. Полуяновъ наконецъ пришелъ въ полное отчаяніе и крикнулъ:

— Голодъ будетъ! Настоящій голодъ!

Онъ стоялъ посреди поля одинъ и походилъ на сумасшедшаго. Ему хотѣлось кого-то обругать, подтянуть, согнуть въ бараній рогъ и вообще „показать".

II.

Появленіе Полуянова произвело въ Запольѣ извѣстную сенсацію. Онъ нарочно пришелъ среди бѣла дня и медленно шагалъ по Московской улицѣ, останавливаясь передъ новыми домами. Такая остановка была сдѣлана, между прочимъ, передъ зданіемъ Зауральскаго Коммерческаго банка.

— Эй, ваше превосходительство, здравствуй,—крикнулъ Полуяновъ появившемуся въ дверяхъ подъѣзда швейцару Вахрушкѣ.—У васъ здѣсь деньги даютъ?

— Даютъ.

— Богатымъ даютъ, а бѣдные пусть сами добываютъ?

— Около того, господинъ.

— А какъ это по-твоему называется?

— Даже очень просто: ходите почаще мимо.

— Ахъ, вы, прохвосты!.. Постой-ка, мнѣ какъ будто твое рыло знакомо. Про Илью Ѳирсыча Полуянова слыхалъ?

Вахрушка посмотрѣлъ на странника и оторопѣлъ. Онъ узналъ бывшую грозу и малодушно бѣжалъ въ свою швейцарскую.

— Ага, не понравилось? — торжествовалъ Полуяновъ. — Погодите, вотъ я доберусь до васъ!.. Я вамъ покажу!

Дальше слѣдовалъ цѣлый рядъ открытій. Женская прогимназія, классическая мужская прогимназія, только-что выстроенное зданіе запольской уѣздной земской управы, цѣлый рядъ новыхъ магазиновъ съ саженными зеркаль-

ними окнами и т. д. Полуяновъ ѣздѣ останавливался, что-то бормоталъ, размахивалъ своею палкой. Окончательно онъ взбѣсился, когда увидѣлъ вывѣску ссудной кассы Замараева.

— Замараевъ? Фамилія знакомая. Та-то-та!.. Это ужъ не суслонскій ли писарь возсіялъ? Да, вѣдь Прохоровъ разсказывалъ.

Полуяновъ отправился въ кассу и сразу узналъ Замараева, который съ важностью читалъ за своею конторкой свѣжій номеръ мѣстной газеты. Онъ равнодушно посмотрѣлъ черезъ газету на странника и грубо спросилъ:

— Что тебѣ нужно?

— А ты посмотри на меня хорошенько.

— Много тутъ васъ такихъ-то, шляющихъ!

— А ежели я палку свою принялъ закладывать? Дорогого стоитъ палочка. Можетъ, и кожу прикажете съ себя снять?

— Ступай, ступай, откуда пришелъ!

Замараевъ сдѣлалъ величественный жестъ и указалъ глазами на странника „услужающему“. Къ Полуянову подскочилъ какой-то взъерошенный субъектъ и хотѣлъ ухватить его за локти сзади.

— Какъ ты смѣешь, рракалія?— грянулъ Полуяновъ.

Газета у Замараева вывалилась изъ рукъ сама собой, точно дунуло вихремъ. Знакомый голосъ сразу привелъ его въ сознаніе. Онъ выскочилъ изъ-за своей конторки и бросился отнимать странника изъ рукъ услужающаго.

— Илья Ѳирсычъ, голубчикъ... ахъ, Боже мой!..

— Ага, узналъ?.. То-то!

Замараевъ потащилъ дорогого гостя наверхъ, въ свои горницы, и растерянно бормоталъ:

— Не прикажете ли водочки, Илья Ѳирсычъ? Закусочку соорудимъ. А то чайку можно сообразить. Ахъ, Боже мой! Вотъ, можно сказать: супризъ. Отецъ родной... благодѣтель!

Угощая дорогого гостя, Замараевъ даже прослезился.

— Господи, что прежде-то было, Илья Ѳирсычъ?— повторялъ онъ, качая головой.—Развѣ это самое кто-нибудь можетъ понять?.. Такихъ-то и людей больше не осталось. Нынче какой народъ пошелъ: троюродное наплевать—вотъ и вся музыка. Настоящаго-то и нѣтъ. Страху никакого, а каждый норовитъ только себя выше протчихъ народовъ оказать. Даже невѣроятно смотрѣть.

— Что же, всякому овощу свое время. Прежде-то и мы бывали нужны, а теперь на вашей улицѣ праздникъ. Вашъ возъ, ваша и пѣсенка.

— У волка одна пѣсенка, Илья Ѳирсычъ.

Отъ Замараева Полуяновъ услышалъ только повтореніе того, что уже зналъ отъ Прохорова, съ небольшими дополненіями и поправками.

— Такъ, такъ,—повторялъ онъ, качая въ тактъ разсказа головой.—Все по-новому у васъ... да. Только вѣдь палка о двухъ концахъ и по закону бываетъ... дда-а.

— Охъ, забыли и про палку и про протчее, Илья Ѳирсычъ!

Выпивъ двѣ рюмки водки, Полуяновъ таинственно спросилъ:

— Ну, а какъ поживаетъ суслонскій попъ Макарьй?

— Ничего, слава Богу.

— Что-о?—грянулъ Полуяновъ, вскакивая.—Слава Богу? Да я... я...

— Охъ, обмолвился! Простите на глупомъ словѣ, Илья Ѳирсычъ. Еще деревенская-то наша глупость осталась. Не сообразилъ я. Я самъ, признаться сказать, терпѣть ненавижу этого самаго попа Макара. Самый вредный человѣкъ.

— То-то!

— Недавно пріѣзжалъ онъ деньги вкладывать, а я не принялъ. Ей-Богу, не принялъ... Однимъ словомъ, вредный попъ.

Отъ Замараева Полуяновъ отправился прямо въ малыгинскій домъ, и здѣсь его удивленіе достигло послѣднихъ границъ. На домѣ висѣла вывѣска: „Редакція и контора ежедневной газеты *Запольскій Курьеръ*“.

— Что-о-о?—зарычалъ Полуяновъ, не вѣря собственнымъ глазамъ.— Газета? Въ моемъ участкѣ? Да кто это смѣлъ, а? Газета? Ха-ха!

На этотъ крикъ въ окнѣ показалась голова Харитона Артемьича. Онъ, очевидно, не узналъ зятя и смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, какъ на сумасшедшаго.

— Газета?.. Это ты придумалъ газету?—крикнулъ ему Полуяновъ, размахивая палкой.

— А тебѣ какое дѣло, рвань коричневая?

— Мнѣ?.. Въ моемъ участкѣ газеты разводить? Да вы тутъ всѣ сбѣсились безъ меня?

— А ты вотъ покричи, такъ я тебѣ и пею накостыляю,—спокойно отвѣтилъ Харитонъ Артемьичъ и для большей убѣдительности засучилъ рукава ситцевой рубашки.—Ну-ка, иди сюды. Распатроню въ лучшемъ видѣ.

— Да ты съ кѣмъ говоришь-то, сѣдая борода?—оралъ Полуяновъ.

— Нѣтъ, ты съ кѣмъ говоришь?—оралъ Харитонъ Артемьичъ, входя въ азартъ.

— Газетчикъ проклятый!.. Прохвостъ!

Это было уже слишкомъ. Харитонъ Артемьичъ рпнулся на дворъ, а со двора на улицу, на ходу подбирая полы развѣвавшагося халата. Ему ужасно хотѣлось вздуть ругавшагося бродягу. На крикъ въ окнахъ нижняго этажа показались улыбающіяся лица наборщиковъ, а изъ верхняго смотрѣли докторъ Кочетовъ, Устенька и самъ „греческій языкъ“.

— Здравствуй, тестюшка,—проговорилъ Полуяновъ, протягивая руку.— Попа и въ рогожѣ узнаютъ, а ты родного зятя не узналъ...

— Тьфу!.. Да ты откудова взялся-то?

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось.

Старики расцѣловались тутъ же на улицѣ, и дальше все пошло уже честь честью. Гость былъ проведенъ въ комнату Харитона Артемьича, стряпка Аграфена бросилась ставить самоваръ, поднялась радостная суета, какъ при покойной Анѳусѣ Гавриловнѣ.

— Охъ, горюшко наше объявилось!—причитала Аграфена, раздувая самоваръ.—Вотъ чему не потеряться-то! Кабы голубушка Анѳуса-то Гавриловна была жива!

Всѣ мысли и чувства Аграфены сосредоточивались теперь въ прошломъ, на томъ блаженномъ времени, когда была жива „сама“ и домъ стоялъ полной чашей. Не стало „самой“—и все пошло прахомъ. Вонъ какой зять-то выворотился съ поселенья. А все-таки зять, изъ своего роду-племени тоже не выкинешь. Аграфена являлась живою лѣтописью малыгинской семьи и свято блюла все, что до нея касалось. Появленіе Полуянова съ особенною яркостью подняло всѣ воспоминанія, и Аграфена успѣла, ставя самоваръ, всплакнуть разъ пять.

Весь домъ волновался. Наборщики въ типографіи, служащіе въ конторѣ и библіотекѣ,—всѣ только и говорили о Полуяновѣ. Зачѣмъ онъ пришелъ оборванцемъ въ Заполье? Что онъ замышляетъ? Какъ къ нему отнесутся бывшіе закадычные пріятели? Что будетъ дѣлать Харитина Харитоновна? Однимъ словомъ, цѣлый рядъ самыхъ жгучихъ вопросовъ.

А Полуяновъ сидѣлъ въ комнатѣ Харитона Артемьича и, какъ ни въ чемъ не бывало, пилъ чай стаканъ за стаканомъ.

— Ну, братъ, удивилъ!—говорилъ Харитонъ Артемьичъ, хлопая его по плечу.—Придумывать, такъ не придумать такого патрета... да-а!.. И угораздило тебя, Илья Ѳирсычъ!

— Чему же ты удивляешься? Самъ не лучше меня.

— Охъ, не лучше! И не говори, зятюшка. Ахъ, что со мной сдѣлали зятья!.. Разорвать ихъ всѣхъ мало!

— А вотъ погодите, тятенька, мы ихъ всѣхъ подтянемъ.

— Подтянемъ?

— Еще какъ!

— Ты законы-то не забылъ, Илья Ѳирсычъ?.. Безъ тебя-то много законовъ объявилось... земство... библіотека... газета...

— Ну, законъ-то одинъ, а это такъ... Однимъ словомъ, подтянемъ.

— Мнѣ бы, главное, зятьевъ всѣхъ въ бараній рогъ согнуть, а въ первую голову проклятаго писаря. Онъ меня подвелъ съ духовной... и вѣдь какъ подвелъ, песъ! Вотъ такъ же, какъ ты, все наговаривалъ: „тятенька... тятенька“... Вотъ тебѣ и тятенька!.. И какъ они меня ловко на обѣ ноги обули!.. Чисто обдѣлали—все равно, какъ яичко облупили.

— Ничего, мы доберемся... Скажемъ, что духовная была подложная.

— Н-но-о?

— Только и всего.

— А въ Сибирь нельзя сослать всѣхъ зятьевъ за-разъ?

— Ну, Сибирь, это другое. Подтянуть можно, а относительно Сибири совсѣмъ другой разговоръ.

Эта бесѣда съ Полуяновымъ сразу подняла всю энергію Харитона Артемьича. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, размахивалъ руками и дико хохоталъ. Нѣсколько разъ Полуянову приходилось защищаться отъ его объятій.

— Подтянемъ, Илья Ѳирсычъ? Ха-ха! Отцомъ роднымъ будешь. Озолочу... Истинно тебя Господь прислалъ ко мнѣ. Вѣдь вконецъ я захудалъ. Зятья-то на мои денежки живутъ да радуются, а я въ забвенномъ видѣ. Они радуются, а мы ихъ по шапкѣ... Ха-ха!.. Есть и на зятьевъ законъ?

— Для всего есть свой законъ.

— Отецъ!.. Въ ножки поклонюсь!.. А жида Ечкина тоже подтянемъ? и Шахму?

— Этихъ-то ужъ совсѣмъ просто, Харитонъ Артемьичъ. Все дѣло, какъ на ладони.

— Главное, чтобы все по закону... Катай ихъ закономъ... И жида, и писаря, и нѣмца Полуштофа, и Галактіона—всѣхъ валяй!.. Ты живи у меня,—ну, вмѣстѣ и будемъ орудовать.

— Конечно, вмѣстѣ. Я-то проклятаго попа буду добывать... Въ порошокъ его изотру!

Старики заперлись въ своей комнатѣ и проговорили долго за полночь. Въ типографіи было слышно, какъ хохоталъ Харитонъ Артемьичъ, и стряпка Аграфена со страхомъ крестилась.

— Никакъ рехнулся нашъ Харитонъ Артемьичъ отъ радости... Охъ, Владычица Скорбящая, помилуй насъ!

Всѣ жаждали еще разъ посмотрѣть на Полуянова, но онъ такъ и не показался.

На другой день Полуяновъ проснулся очень рано и отправился къ заутренѣ. Харитонъ Артемьичъ едва дождался его, сидя за самоваромъ.

— Ужъ я думалъ, что ты совсѣмъ ушелъ, Илья Опрычъ... Даже испугался.

— Не безпокойся, никуда не уйду... Помолиться Богу сходилъ, съ попомъ поговорилъ, потомъ старика Нагибина встрѣтилъ.

— Кощей проклятый!

— Потомъ, иду это по улицѣ, какъ шарахнетъ мимо рысакъ... Чуть-чуть не задавилъ. Смотрю, Мышниковъ катитъ.

— Вотъ, вотъ... Онъ у насъ раздулся, какъ клещъ въ собачьемъ ухѣ. Всѣхъ зоритъ.

— Потомъ встрѣтилъ Луковникова съ дочерью. Старикъ-то что-то на одну ногу припадаетъ... А дочь совсѣмъ большая.

— Тоже плохъ и Тарасъ Семенычъ. Того гляди, и совсѣмъ скапутится. Завязъ онъ со своею вальцовою мельницей.

Харитонъ Артемьичъ страшно боялся, чтобы Полуяновъ не передумалъ за ночь, — мало ли что говорится подъ пьяную руку. Но Полуяновъ понялъ его тайную мысль и успокоилъ однимъ словомъ:

— Подтянемъ!

III.

Устенька Луковникова жила сейчасъ у отца. Она простилась съ гостепріимнымъ домомъ Стабровскихъ еще въ прошломъ году. Ей очень тяжело было разставаться съ этою семьей, но отецъ быстро старился и скучалъ безъ нея. Сцена прощанія вышла самая трогательная, а миссъ Дудль убѣжала къ себѣ въ комнату, заперлась на ключъ и ни за что не хотѣла выйти.

— Мы всѣ такъ сжились съ тобой, — говорилъ Стабровскій, обнимая Устеньку. — Я, по крайней мѣрѣ, смотрю на тебя и думаю о тебѣ, какъ о родной дочери. Даже какъ-то страшно представить, что вдругъ тебя не будетъ у насъ.

— Вѣдь я попрежнему буду бывать у васъ каждый день, Болеславъ Брониславичъ, — точно оправдывалась Устенька. — И потомъ я столько обязана всѣмъ вамъ... Сейчасъ, право, даже не сумѣю всего высказать.

Они просидѣли цѣлый вечеръ въ кабинетѣ Стабровскаго. Старикъ сильно волновался и нѣсколько разъ отвертывался къ окну, чтобы скрыть слезы.

— Вотъ ужъ вы совсѣмъ большія, взрослыя дѣвушки, — говорилъ онъ съ грустной нотой въ голосѣ. — Я часто думаю о васъ, и мнѣ дѣлается страшно.

— Чего же бояться, папа? — удивлялась Дидя. — Подъ старость ты дѣлаешься сантиментальнымъ.

— Чего я боюсь? Всего боюсь, дѣтки... Трудно прожить жизнь, особенно русской женщинѣ. Вотъ я и думаю о васъ... что васъ будетъ интересовать въ жизни, съ какими людьми вы встрѣтитесь... Сейчасъ мы еще не поймемъ другъ друга.

Стабровскій дѣйствительно любилъ Устеньку по-отцовски и сейчасъ невольно сравнивалъ ее съ Дидей, сухой, выдержанной и насмѣшливой. У Диди не было сердца, какъ увѣряла миссъ Дудль, и Стабровскій раньше смѣялся надъ этою институтскою фразой, а теперь невольно долженъ былъ съ ней согласиться. Взять хоть настоящій случай. Устенька прожила у нихъ въ домѣ почти восемь лѣтъ, сроднилась со всѣми, и на прощанье у Диди не нашлось ничего ей сказать, кромѣ насмѣшки.

— Папа, будемъ смотрѣть на вещи прямо, — объяснила она отцу при

Устенькѣ.—Я даже завидую Устенькѣ... Будетъ она жить пока у отца, потомъ пріѣдетъ съ ярмарки купецъ и возьметъ ее замужъ. Одна свадьба чего стоитъ: всѣ будутъ веселиться, пить, а молодыхъ заставятъ цѣловаться.

Устенька густо покраснѣла и ничего не отвѣтила, а Стабровскій вспылилъ,—это былъ, кажется, еще первый случай, что онъ разсердился на свою Дидю.

— Да, она идетъ *къ своимъ*,- заговорилъ онъ, дѣлая широкій жестъ.— Это законное стремленіе. Птенчикъ оперился, выросъ и прибивается къ своей стаѣ... А вотъ ты этого не понимаешь, Дидя, что̀ есть *свои* и что̀ есть мертвая тяга къ общему дѣлу. О, какъ я это цѣню!.. Мы во многомъ не согласимся съ Устенькой, за многое она отнесется критически, можетъ-быть, даже строго осудитъ, но я понимаю ея теперешнее настроеніе, хорошее, свѣтлое, доброе... Устенька, я понимаю больше, чѣмъ ты думаешь, хотя многаго и не могу сейчасъ высказать. Иди, славяночка, къ своимъ и ничего не бойся... Великая будущность передъ русскою женщиной и великая, счастливая работа. Дай, я тебя благословлю.

Дидѣ сдѣлалось стыдно за послѣдовавшую послѣ этого разговора сцену. Она не вышла изъ кабинета только изъ страха, чтобъ окончательно не разсердить расчувствовавшагося старика. Стабровскій положилъ свою руку на голову Устеньки и заговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Славяночка, ты уходишь изъ этого дома навсегда... Впечатлѣнія дѣтства остаются въ памяти на всю жизнь, и ты запомни, что̀ отсюда ты вынесла. Здѣсь тебѣ говорили: нѣтъ ни нѣмцевъ, ни жидовъ, ни славянъ, а есть просто люди, люди хорошіе и дурные... Счастье заключается въ трудѣ на пользу другимъ. Пока мы можемъ быть, въ лучшемъ случаѣ, справедливыми и хорошими только у себя въ семьѣ, но нельзя любить свою семью, если не любишь другихъ. Мы, старики, прошли тяжелую школу, съ нами были несправедливы и мы были несправедливы, и это насъ мучило, дѣлало несчастными и отравляло даже то маленькое счастье, на которое имѣетъ право каждая козявка. Иди, славяночка, къ своимъ, тамъ уже есть много хорошихъ людей. Добрымъ и честнымъ принадлежитъ міръ. Есть богатые и бѣдные люди, красивые и некрасивые, старые и молодые, образованные и необразованные, но одно великое равняетъ всѣхъ, это—совѣсть. Безъ совѣсти нельзя жить, какъ безъ солнечнаго свѣта... Вѣдь и любовь тоже совѣсть, высшая совѣсть, когда человѣкъ дѣлается и лучше, и чище, и справедливѣе.

„Господи, отецъ, кажется, сошелъ съ ума!—съ ужасомъ думала Дидя, стараясь смотрѣть въ уголъ.—Говоритъ, точно ксендзъ... Расчувствовался старикашка“.

Да, Устенька много хорошаго вынесла изъ этого дома и навсегда сохранила о Стабровскомъ самую хорошую память, хотя представленіе объ этомъ умномъ и добромъ человѣкѣ постоянно въ ней двоилось.

Вернувшись къ отцу, Устенька въ теченіе цѣлаго полугода никакъ не могла привыкнуть къ мысли, что она дома. Ей даже казалось, что она больше любитъ Стабровскаго, чѣмъ роднаго отца, потому что съ первымъ у нея больше общихъ интересовъ, мыслей и стремленій. Старая нянька Матрена страшно обрадовалась, когда Устенька вернулась домой, но сейчасъ же замѣтила, что дѣвушка вконецъ обасурманилась и тоскуетъ о своихъ поляхъ.

— Испортили они тебя, Устинья Тарасовна,— повторяла старуха при каждомъ удобномъ случаѣ.— Погляжу я на тебя, какъ тебѣ скучно дома-то.

Замѣчалъ это и самъ Тарасъ Семенычъ, хотя и не высказывался прямо. Ничего, помаленьку привыкнетъ... Самое главное, что̀ больше всего тяготило

Устеньку, это - сознаніе собственной ненужности у себя дома. Она чувствовала себя какою-то гостьей.

— Это скучно, папа, сидѣть безъ дѣла,—объясняла она отцу.

— Что же я-то могу придумать? Ежели въ учительницы итти, такъ будешь хлѣбъ отбивать у другихъ бѣдныхъ дѣвушекъ... Это нехорошо. Уроки давать—то же самое... Поживи, отдохни.

— Ахъ, какой ты, папа! Отъ чего отдыхать? Это наконецъ смѣшно!

— Читай книжки.

Устенька много читала, но это еще не было настоящимъ дѣломъ. Впрочемъ, ее скоро выручили полученныя въ домѣ Стабровскаго знанія. Разъ она пришла въ библіотеку, и докторъ Кочетовъ сразу предложилъ ей занятія при газетѣ.

— Мы всѣ тутъ очень слабы по части языковъ, а вѣдь вы знаете... Однимъ словомъ, вы намъ поможете, Устенька. Кажется, вы даже по-англійски переводите?

— Я училась, но, право, не знаю, справлюсь ли. Вамъ что нужно переводить?

— Ахъ, да!.. Главнаго-то я и не сказалъ: намъ нужна переводчица для газеты. Понимаете, это извѣстный даже шикъ—пользоваться матеріалами изъ первоисточника, а не изъ третьихъ рукъ.

Благодаря своему знанію языковъ, Устенька попала прямо въ центръ провинціальнаго оппозиціоннаго изданія. Съ составомъ редакціи, благодаря доктору Кочетову, она была знакома еще раньше, а теперь сдѣлалась невольною участницей уже самаго дѣла. Это и были тѣ *свои*, о которыхъ говорилъ ей на прощанье Стабровскій. Да, это дѣйствительно были свои, — тѣ свои, которымъ она принадлежала по инстинкту. Работа въ редакціи „Запольскаго Курьера“ для Устеньки была своего рода воскресеніемъ. Сюда стекались „протестующіе элементы“ съ громадной территоріи, и, какъ ни была стѣснена дѣятельность маленькаго провинціальнаго изданія, она все-таки сказывалась въ общемъ строѣ. Конечно, ничего систематическаго здѣсь не могло быть, и все дѣло сводилось на то, чтобы съ большею или меньшею ловкостью „воспользоваться моментомъ“, какъ говорилъ Харченко. Хитрый хохликъ сосредоточилъ всѣ свои боевыя силы на преслѣдованіи банковскихъ воротилъ, а главнымъ образомъ, конечно, Мышникова. Его уже разъ пять судили въ окружномъ судѣ за диффамацію и клевету, и онъ съ торжествомъ выходилъ сухъ изъ воды.

— А мы опять воспользуемся моментомъ,—говорилъ онъ, возвращаясь изъ суда въ редакцію. — Подождите, господа, смѣется послѣдній, а мы еще посмотримъ.

Въ редакціи по вечерамъ собирались разные „протестанты“ и обсуждали возникавшія злобы дня. Собственно редакцію составляли Харченко и Кочетовъ, а остальные только помогали. Здѣсь Устенька прошла цѣлый курсъ знаній, которыхъ нельзя было получить нигдѣ больше. Она отлично познакомилась съ вопросами городского хозяйства, съ задачами земскаго самоуправленія, съ экономическою картиной цѣлаго края, а главное—съ тѣмъ разрушающимъ вліяніемъ, которое вносили съ собой банковскіе дѣльцы, и въ томъ числѣ старикъ Стабровскій. Ей часто дѣлалось больно, когда упоминалось это дорогое для нея имя съ очень злыми комментаріями,—и больно и досадно, а нельзя было не согласиться. Получалась самая мучительная раздвоенность.

— Ну, что у васъ новаго? — спрашивалъ Тарасъ Семенычъ, когда Устенька возвращалась домой съ кипой газетъ. — Все за мухой съ обухомъ гоняетесь?

Втайнѣ старикъ очень сочувствовалъ этой мѣстной газетѣ, хотя открыто этого и не высказывалъ. Для такой политики было достаточно причинъ. За дочь Тарасъ Семенычъ искренно радовался, потому что она наконецъ нашла себѣ занятіе и больше не скучала. Теперь и онъ могъ съ ней поговорить о разныхъ дѣлахъ.

— Ты у меня теперь въ томъ родѣ, какъ секретарь,—шутилъ старикъ, любуясь умною дочерью.—Право... Другія-то бабы вѣдь ровнешенько ничего не понимаютъ, а тебѣ до всего дѣло. Еще вотъ погоди, съ Харченкой на подсудимую скамью попадешь.

— Если бъ это было нужно, папа, то отчего же не пойти за правое дѣло?

— Оно, конечно, такъ, а мы вотъ всѣ боимся правды-то.

Приглядываясь къ новымъ людямъ, Устенька долго не могла разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и многаго не могла понять. Жизнь давала себя знать, разбивая на каждомъ шагу молодыя иллюзіи и счастливыя вѣрованія. По временамъ Устенькѣ дѣлалось просто страшно. Боже мой, кругомъ столько самаго безсмысленнаго и обиднаго зла! Большинство точно сознательно старалось дѣлать зло даже самимъ себѣ. Тутъ даже не спасало образованіе. Живымъ примѣромъ являлся докторъ Кочетовъ, который все чаще и чаще приходилъ въ редакцію въ ненормальномъ видѣ. Первое время онъ стѣснялся Устеньки, а потомъ махнулъ рукой.

— Докторъ, неужели вы не можете удержаться? — спрашивала его Устенька.—Вѣдь есть же сила воли.

— Вамъ жаль меня?

Да.

— Не стоитъ!.. Я самъ сначала тоже жалѣлъ себя, а потомъ... Однимъ словомъ, не стоитъ говорить.

Устенькѣ дѣлалось жутко, когда она чувствовала на себѣ пристальный взглядъ доктора. Въ этихъ воспаленныхъ глазахъ было что-то страшное. Дѣвушка въ такія минуты старалась его избѣгать.

— Барышня, а вы не находите меня сумасшедшимъ?—спросилъ ее разъ докторъ съ больною улыбкой. — Будемте откровенны... Я самое худшее уже пережилъ и смотрю на себя, какъ на паціента.

— Не знаю, докторъ... Вы просто нездоровы.

— Да, да... Нездоровъ. Ахъ, если бы вы только видѣли, какія ужасныя ночи я провожу! Засыпаю я только часовъ въ шесть утра и все хожу... Вдругъ сдѣлается страшно-страшно, до слезъ страшно... Хочется куда-то убѣжать, спрятаться.

Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ тайны не могутъ существовать. Устенька, несмотря на свое дѣвичье положеніе, знала многое, чего знать дѣвицѣ и не полагалось. Источникомъ этихъ закулисныхъ свѣдѣній являлась, главнымъ образомъ, старая нянька Матрена. Семейное положеніе доктора Кочетова давно сдѣлалось притчей во языцѣхъ. Всѣ знали, какъ онъ женился и какъ Прасковья Ивановна забрала его подъ башмакъ. Послѣднею новостью въ докторской біографіи было то, что адвокатъ Мышниковъ сильно ухаживалъ за Прасковьей Ивановной и ежедневно бывалъ въ бубновскомъ домѣ.

— Раньше-то сама Прасковья Ивановна припадала къ нему,—объяснила Матрена со старческою наивностью.—Даже совсѣмъ безъ стыда гонялась... А нынче ужъ, видно, Мышниковъ погнался за ней. Змѣй лютый, однимъ словомъ... Охъ, грѣхи!

— Няня, не смѣйте мнѣ ничего говорить о докторѣ.

— Да вѣдь весь городъ говоритъ. Только въ колокола не звонятъ.

Разгадка мрачнаго настроенія доктора была налицо.

IV.

Докторъ Кочетовъ переживалъ ужасное время. Онъ дошелъ до того состоянія, когда люди стараются не думать о себѣ. Въ немъ точно жили нѣсколько человѣкъ: одинъ, который существовалъ для другихъ, когда докторъ выходилъ изъ дому, другой, когда онъ бывалъ въ редакціи „Запольскаго Курьера", третій, когда онъ возвращался домой, четвертый, когда онъ оставался одинъ, пятый, когда наступала ночь,—этотъ пятый просто мучилъ его. Мысль о сумасшествіи появлялась у доктора еще раньше: онъ начиналъ слѣдить за каждою своею мыслью, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, но потомъ все проходило. Эти припадки мнительности начали повторяться все чаще и принимали все болѣе мучительную форму. Успокоеніе давала только мадера. Въ бубновскомъ домѣ царилъ какой-то духъ мадеры. Докторъ пилъ потихоньку, какъ это дѣлалъ покойный Бубновъ и какъ сейчасъ это дѣлала Прасковья Ивановна.

Окончательнымъ поворотнымъ пунктомъ въ психологіи доктора послужило открытіе, что Прасковья Ивановна устроилась по-новому. Сначала докторъ получилъ анонимное письмо, раскрывавшее ему глаза на отношенія жены къ Мышникову, получилъ и не повѣрилъ, приписавъ его проявленію тайной злобы. Потомъ получено было второе письмо, третье, четвертое,—тайный врагъ не дремалъ и заботился о немъ, какъ самый лучшій другъ. Невольно докторъ началъ слѣдить за женой и убѣдился въ томъ, что тайный корреспондентъ былъ правъ. Онъ зналъ, когда жена уходила на свиданіе, зналъ, когда она ждала Мышникова, зналъ, когда она разсчитывала, что онъ уйдетъ изъ дому,—зналъ и скрывался. Теперь роли перемѣнились: раньше Прасковья Ивановна ухаживала за Мышниковымъ, а сейчасъ наоборотъ. Дѣло дошло до того, что всесильный Мышниковъ даже ухаживалъ за нимъ. Доктору дѣлалось стыдно за любовниковъ, за себя, за тотъ позоръ, который густымъ облакомъ покрывалъ всѣхъ. Вѣдь и самъ онъ не лучше другихъ.

Больше всего пугало доктора то, что его ничто не интересовало. Не все ли равно? Сегодня жена обманываетъ его, завтра онъ будетъ ее обманывать,—только небольшая перемѣна ролей. Онъ давно пересталъ бывать у Стабровскихъ, раззнакомился почти со всѣми и никого не желалъ видѣть. Для чего? Оставалась, правда, газета, но и тутъ дѣло сводилось на простую инерцію и на отдѣлъ привычныхъ движеній. Сначала докторъ стѣснялся приходить въ редакцію въ ненормальномъ видѣ, а потомъ и это чувство простого физическаго приличія исчезло. Не все ли равно? Онъ приходилъ теперь въ редакцію съ красными глазами, опухшимъ лицомъ и запойнымъ туманомъ въ головѣ. Что же, пусть всѣ видятъ, удивляются, презираютъ, жалѣютъ. Въ глубинѣ души докторъ все-таки не считалъ себя безнадежнымъ алкоголикомъ, а пилъ такъ, пока, чтобы на время забыться. Иногда у него являлась спасительная мысль бѣжать изъ проклятаго Заполья, куда глаза глядятъ, но вѣдь послѣднее средство было всегда въ его распоряженіи. Его все-таки что-то удерживало, какое-то смутное чувство собственнаго угла, какого-то неисполненнаго дѣла. Что-то такое еще оставалось впереди, неопредѣленное и смутное.

Одной ночи докторъ не могъ вспомнить безъ ужаса. Онъ выпилъ вечеромъ цѣлыхъ двѣ бутылки мадеры. Долго ходилъ онъ по кабинету, думалъ вслухъ, ложился на диванъ и снова вставалъ, чтобы шагать по кабинету. Онъ зналъ, что не уснетъ до самаго утра. Вдругъ, лежа на диванѣ, онъ по-

чувствовалъ, какъ въ немъ стынетъ вся кровь и сердце перестаетъ биться. Его охватила ужасная мысль, вѣрнѣе — ощущеніе, точно онъ раздваивался и переставалъ уже быть самимъ собой. Да, онъ это чувствовалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, опухшими отъ пьяной водянки ногами, раздутою печенью. Онъ больше не былъ онъ, докторъ Кочетовъ, а тотъ, другой, Бубновъ, который вотъ такъ же лежалъ на диванѣ, опухшій отъ пьянства и боявшійся каждаго шороха. Докторъ боялся пошевелиться, открыть глаза, точно его что̀ придавило. Да, онъ превратился въ Бубнова.

Галлюцинаціи продолжались до самаго утра, пока въ кабинетъ не вошла горничная. Цѣлый день потомъ докторъ просидѣлъ у себя и все время трепеталъ: вотъ-вотъ войдетъ Прасковья Ивановна. Теперь ему начинало казаться, что въ немъ уже два Бубнова: одинъ мертвый, а другой умирающій, пьяный, гнилой до корня волосъ. Онъ забылся, только принявъ усиленную дозу хлоралъ-гидрата. Проснувшись ночью, онъ услышалъ, какъ кто-то хриплымъ шопотомъ спросилъ его:

— Ты здѣсь?

Это былъ бубновскій голосъ, и докторъ въ ужасѣ спряталъ голову подъ подушку, которая казалась ему Бубновымъ, мягкимъ, холоднымъ, безформеннымъ. Вся комната была наполнена этимъ Бубновымъ, и онъ даже принужденъ былъ имъ дышать.

Цѣлыхъ три дня продолжались эти галлюцинаціи, и докторъ освобождался отъ нихъ, только уходя изъ дому. Но роковая мысль и тутъ не оставляла его. Сидя въ редакціи „Запольскаго Курьера“, докторъ чувствовалъ, что онъ стоитъ сейчасъ за дверью, и что маленькія частицы *его* постепенно насыщаютъ воздухъ. Конечно, другіе этого не замѣчали, потому что были лишены внутренняго зрѣнія и потому, что не были Бубновыми. Холодный ужасъ охватывалъ доктора, онъ весь трясся, блѣднѣлъ и дѣлался страшнымъ.

— Вамъ дурно, докторъ?—спрашивала Устенька, сидѣвшая за своимъ столикомъ съ корректурами.—Я принесу воды.

— Ради Бога, не двигайтесь,—умолялъ докторъ шопотомъ.

Ему казалось, что стоило Устенькѣ подняться, какъ всѣ миріады частицъ Бубнова бросятся на него и онъ растворится въ нихъ, какъ крупинка соли, брошенная въ стаканъ воды. Эта сцена закончилась глубокимъ обморокомъ. Очнувшись, докторъ ничего не помнилъ. И это мучило его еще больше. Онъ теръ себѣ лобъ, умоляюще смотрѣлъ на ухаживавшую за нимъ Устеньку и мучился, какъ приговоренный къ смерти.

Память вернулась только ночью, когда докторъ лежалъ у себя въ кабинетѣ и мучился безсонницей.

Такъ продолжалось изо дня въ день, и докторъ никому не могъ открыть своей тайны, потому что это равнялось смерти. Муки достигали высшей степени, когда онъ слышалъ приближавшіеся шаги Прасковьи Ивановны. О, онъ такъ же притворялся спящимъ, какъ это дѣлалъ Бубновъ, такъ же затаивалъ отъ страха дыханіе и немного успокаивался только тогда, когда шаги удалялись, и онъ подкрадывался къ завѣтному шкапику съ мадерой и глоталъ новую дозу отравы съ жадностью отчаяннаго пьяницы.

Когда пришелъ навѣстить его старикъ Кацманъ, произошла совсѣмъ дикая сцена.

— Ну что̀, collega, какъ вы себя чувствуете?—спрашивалъ Кацманъ, нюхая пропитанный мадерой воздухъ.

— Ничего, отлично.

— А дайте-ка вашъ пульсъ.

Эта фраза привела Кочетова въ бѣшенство. Кто смѣетъ трогать его за руку? Онъ страшно кричалъ, топалъ ногами и грозилъ убить проклятаго жида. Старикъ-докторъ покачалъ головой и вышелъ изъ комнаты.

Однажды ночью, когда Кочетовъ шагалъ по своему кабинету, прибѣжала какая-то запыхавшаяся женщина и Христомъ Богомъ молила его ѣхать къ больной.

— Охъ, у смерти конецъ, родненькій,—причитала она.—Зашлась наша-то барыня... Лежитъ, глазки закатила... Охъ, смертынька!

Да какая барыня, говори толкомъ?

— А Серафима Харитоновна!

— Какая Серафима Харитоновна?

— Ахъ, ты, Господи!.. Ну, которая за Колобовымъ, за Галактіономъ Михеичемъ. Еще пароходы у него.

Докторъ давно не практиковалъ, но тутъ, по какой-то инерціи, согласился и поѣхалъ.

Въ маленькомъ домикѣ Колобова, гдѣ жила Серафима съ дѣтьми, шелъ страшный переполохъ. Доктора встрѣтила въ передней Харитина, блѣдная, но спокойная.

— Простите, что мы потревожили васъ, Анатолій Петровичъ. Съ сестрой плохо, а Кацманъ самъ боленъ.

Проходя мимо двери въ столовую, Кочетовъ увидѣлъ Галактіона, который сидѣлъ у стола, схватившись за голову.

Больная лежала въ спальнѣ на своей кровати, со стиснутыми зубами и закатившимися глазами. Около нея стояла дѣвочка-подростокъ и съ умоляющимъ отчаяніемъ посмотрѣла на доктора.

— Мама умерла...—прошептала она, точно боялась кого разбудить.

Докторъ приложилъ ухо къ груди больной. Сердце еще билось, но очень слабо, точно его сжимала какая-то рука. Это была полная картина алкоголизма. Жертва запольской мадеры умирала.

Пущены были въ ходъ холодные компрессы, ледъ, нашатырный спиртъ и обтиранья, пока больная не вздохнула и не открыла глазъ.

— Принесите сюда мадеры,—шепнулъ докторъ Харитинѣ.

Черезъ минуту въ спальню вошелъ съ только-что откупоренною бутылкой вина Галактіонъ, налилъ рюмку и подалъ больной. Она взглянула на него, отрицательно покачала головой и проговорила слабымъ голосомъ:

— Вы, кажется, считаете меня за пьяницу, а я совсѣмъ не пью...

Какъ докторъ ни уговаривалъ ее, больная осталась при своемъ. Галактіонъ понялъ, что она стѣсняется его, и вышелъ. Харитина приподняла больную на подушки, но у нея голова свалилась на сторону.

— Посылайте скорѣе за священникомъ,—шепнулъ докторъ.

— Да вѣдь мы старовѣры... Никого изъ нашихъ стариковъ сейчасъ нѣтъ въ городѣ,—съ ужасомъ отвѣтила Харитина, глядя на доктора широко раскрытыми глазами.—Ужели она умретъ?.. Спасите ее, докторъ... ради всего святого... докторъ...

— Отъ паралича сердца спасенья нѣтъ.

— Докторъ... докторъ!..

Но докторъ уже шелъ въ столовую съ бутылкой въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой. Галактіонъ сидѣлъ у стола.

— Идите, проститесь съ женой,—сказалъ докторъ, усаживаясь къ столу и ставя передъ собой бутылку.—Все кончено.

Галактіонъ взглянулъ на него, раскрылъ ротъ, чтобы сказать что-то, и

выбѣжалъ изъ столовой. Докторъ проводилъ его глазами, улыбнулся и спокойно налилъ себѣ рюмку мадеры.

Больная полулежала въ подушкахъ и смотрѣла на всѣхъ осмысленнымъ взглядомъ. Очевидно, она пришла въ себя и успокоилась. Галактіонъ подошелъ къ ней, заглянулъ въ лицо и понялъ, что все кончено. У него задрожали колѣни, а передъ глазами пошли круги.

— Серафима, благослови дѣтей!—проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Больная наморщила лобъ и тревожно посмотрѣла кругомъ, кого-то отыскивая. Галактіонъ понялъ этотъ взглядъ и подвелъ дочь Милочку.

— Сережи нѣтъ... онъ уѣхалъ въ гимназію; благослови Милочку.

Дѣвушка зарыдала, опустилась на колѣни и припала головой къ слабо искавшей ее материнской рукѣ. Губы больной что-то шептали, она снова закрыла глаза отъ сдѣланнаго усилія. Въ это время Харитина привела только что поднятую съ постели двѣнадцатилѣтнюю Катю. Дѣвочка была въ одной ночной кофточкѣ и ничего не понимала, что дѣлается. Увидѣвъ плакавшую сестру, она тоже зарыдала.

Больная благословила дѣвочку и сдѣлала глазами Харитинѣ знакъ, чтобъ увели дѣтей. Когда Харитина вернулась, она посмотрѣла на нее, потомъ на Галактіона и проговорила съ удивительною твердостью:

— Пожалѣйте дѣтей... я... я не буду никому больше мѣшать.

Харитина всхлипывала и, припавъ головой къ изголовью умиравшей, шептала:

— Сима, прости... Сима... Сима...

Галактіонъ стоялъ и не чувствовалъ, какъ у него катились по лицу слезы. Харитина подвела его къ постели и заставила стать на колѣни.

— Сима... я... меня...—бормоталъ Галактіонъ, точно каждое слово приросло къ горлу и онъ долженъ былъ его отдирать. Нѣтъ намъ прощенья, Сима... я... меня...

Умирающая уже закрыла глаза. Грудь тяжело поднималась. Послышались мертвые хрипы. Въ горлѣ что-то клокотало и переливалось.

— Матушка ты наша... касатушка,—причитала около кровати точно изъ-подъ земли выросшая Аграфена.—Голубушка барышня...

Въ дверяхъ стоялъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ прибѣжалъ изъ дому въ одномъ халатѣ. Сѣдые волосы были всклочены, и старикъ имѣлъ страшный видъ. Онъ подошелъ къ кровати и молча началъ крестить „отходившую“. Хрипы дѣлались меньше, клокотанье остановилось. Въ дверяхъ показались перепуганныя дѣтскія лица. Аграфена продолжала причитать, обхвативъ холодѣвшія ноги покойницы.

— Матушка ты наша, барышня... на кого ты насъ, сиротокъ, оставляешь?

Докторъ продолжалъ сидѣть въ столовой, пилъ мадеру рюмку за рюмкой и совсѣмъ забылъ, что ему здѣсь больше нечего дѣлать и что пора уходить домой. Его удивляло, что столовая дѣлалась то меньше, то больше, что буфетъ дѣлалъ напрасныя попытки твердо стоять на мѣстѣ, что потолокъ то уходилъ кверху, то спускался къ самой его головѣ. Онъ очнулся, только когда къ нему на плечо легла чья-то тяжелая рука, и сердитый женскій голосъ проговорилъ:

— Ты это что за моду придумалъ лакать винище въ этакій-то часъ, безстыжіе твои глаза? Ступай домой, горькій...

Это была Аграфена. Она въ слѣдующій моментъ взяла доктора подъ руку и повела изъ столовой. Онъ попробовалъ сопротивляться, но, посмотрѣвъ на бутылку, увидѣлъ, что она пуста, и только махнулъ рукой.

— Finita la comedia... Да, горькій... именно... Галактіонъ обманывалъ свою жену, а она умерла... и Прасковью Ивановну тоже обманывалъ, а она жива... Не правда ли, какъ это странно?

V.

Смерть жены для Галактіона явилась только продолженіемъ разныхъ другихъ неудачъ. Ему, вообще, не везло въ послѣднее время. На Иртышѣ затонула баржа съ незастрахованнымъ чужимъ товаромъ, пароходъ „Первинка“ напоролся на подводный камень и цѣлое лѣто простоялъ безъ работы, было нѣсколько запоздавшихъ грузовъ, за которые пришлось платить неустойку, — однимъ словомъ, одна неудача за другой. Въ банкѣ положеніе Галактіона тоже пошатнулось. Забравшій силу Мышниковъ пробовалъ на немъ свое вліяніе. Даже старикъ Стабровскій, покровительствовавшій Галактіону до сихъ поръ, замѣтно охладѣлъ къ нему безъ всякой видимой причины. Послѣднее особенно безпокоило Галактіона, хотя онъ крѣпился и никому ничего не высказывалъ. Все складывалось противъ него какъ разъ съ того момента, когда онъ сошелся съ Харитиной. Въ этомъ было что-то роковое... Впрочемъ, сама Харитина давно это замѣтила и тоже мучилась.

— Это я тебѣ принесла несчастье,—повторяла она, глядя на Галактіона виноватыми глазами.

Послѣднее его бѣсило каждый радъ. Да и прежней Харитины, веселой, сумасбродной, красивой русалочьею красотой, уже не было, — можетъ-быть, она измѣнилась, можетъ-быть, постарѣла, а можетъ-быть, просто онъ привыкъ къ ней. О ея красотѣ онъ могъ теперь судить только по тому впечатлѣнію, какое она производила на другихъ. Но его злило и это, когда эти другіе любовались Харитиной, точно и въ этомъ былъ какой-то скрытый обманъ. Особенно не шло къ Харитинѣ, когда она дѣлалась печальной, начинала жаловаться и вообще хныкала. Галактіонъ возмущался, говорилъ ей дерзости, доводилъ до слезъ, а потомъ начиналъ жалѣть молча, не имѣя силъ проявить свою жалость активно.

Теперь все служило поводомъ къ домашнимъ сценамъ, недоразумѣніямъ и настоящимъ ссорамъ. Обыкновенно начиналъ Галактіонъ, котораго одинаково возмущало, если Харитина раздражалась или оставалась хладнокровной. Онъ успокаивался только тогда, когда Харитина выходила изъ себя и начинала рвать и метать. Нѣсколько разъ она бросалась на него прямо съ ножомъ. Галактіонъ не сомнѣвался, что она въ такомъ состояніи можетъ зарѣзать кого угодно. Но именно такое бѣшенство его удовлетворяло, снимая съ души какую-то тяжесть. Какъ ни былъ несправедливъ Галактіонъ къ Харитинѣ, но одного достоинства онъ не могъ не признать за ней: ни одинъ посторонній глазъ не видалъ ея слезъ, никто не слыхалъ ея жалобъ. Она для другихъ была только въ хорошемъ или дурномъ настроеніи, что̀ еще не давало повода дѣлать какія-нибудь предположенія объ ея интимной жизни.

Въ сущности, Харитина была глубоко несчастна, потому что продолжала любить Галактіона, и любила его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ охладѣвалъ къ ней. Есть такія натуры, чувства которыхъ требуютъ препятствій, особенно такое чувство, какъ любовь. Если бы Галактіонъ любилъ ее попрежнему, Харитина, навѣрное, не отвѣчала бы ему тою же монетой, а теперь она боялась даже проявить свою любовь въ полной мѣрѣ и точно прятала ее, какъ прячутъ отъ солнца нѣжное растеніе. Въ то же время она отлично понимала, что̀ такое Галактіонъ, и что любить его не сто̀итъ. Вѣдь

онъ всю жизнь думалъ только о себѣ и своихъ планахъ, а женщины для него являлись только печальною необходимостью. Въ сущности, онъ никого и не въ состояніи любить, какъ всѣ эгоисты. И все-таки, зная это, Харитина радостно вся вздрагивала, когда онъ входилъ въ комнату. О, она такъ ждала его каждый разъ, точно онъ приходилъ къ ней прощаться навсегда! Да, ждала и ненавидѣла себя именно за это, какъ ненавидитъ каторжникъ своей цѣпи.

Послѣднею каплей въ этой чашѣ испытаній для Харитины было появленіе въ Запольѣ мужа. Галактіонъ пріѣхалъ изъ города въ Городище и заявилъ съ злорадствомъ:

— Твой Илья Ѳирсычъ пріѣхалъ, т.-е. пришелъ пѣшкомъ... Въ полной формѣ: и котомка и палочка. Только недостаетъ кошеля...

— Какой же онъ мой?—тихо отвѣтила Харитина, боясь обидѣться.

— А чей же? Конечно, твой... Вотъ онъ придетъ къ намъ въ гости и попроситъ хлѣбца, какъ бродяжка.

Харитина молчала. Ее возмущалъ до глубины самый тонъ, какимъ говорилъ съ ней Галактіонъ. Точно это она желала, чтобы Полуяновъ вернулся изъ ссылки.

— Да, твой, твой, твой!—уже кричалъ Галактіонъ, впадая въ бѣшенство.—Вѣдь ты сама его выбрала въ мужья, никто тебя не неволилъ, и выходитъ, что твой... Ты его цѣловала, ты... ты... ты...

Онъ задыхался отъ ярости, сжималъ кулаки и, кажется, готовъ былъ броситься на Харитину и убить ее однимъ ударомъ. О, какъ онъ ревновалъ ее къ ея прошлому, какъ ненавидѣлъ ее и съ радостью растоптадъ бы ее, какъ топчутъ змѣю!

— Зачѣмъ же онъ придетъ къ намъ?—замѣтила Харитина.

— Зачѣмъ? Придетъ за своею законною женой. Онъ въ своемъ полномъ правѣ. Ты забыла, чья ты жена.

Харитина молчала, что уже окончательно взбѣсило Галактіона. Онъ схватилъ ее за руку и крикнулъ задыхавшимся голосомъ:

— Вѣдь ты... ты любила его... да! Ты его цѣловала, и онъ...

Закончилась эта дикая сцена тѣмъ, что Галактіонъ избилъ Харитину, звѣрски избилъ, какъ бьютъ своихъ женъ только пьяные мужики, а потомъ взялъ и заперъ въ комнатѣ, точно боялся, что она убѣжитъ и будетъ жаловаться на него. Это былъ ужасный моментъ. Харитина цѣлый день просидѣла въ темномъ углу, какъ затравленный звѣрь, и вся дрожала, когда слышались чьи-нибудь шаги. Ей казалось, что Галактіонъ вернется и убьетъ ее. О, какъ она была бы рада умереть, заснуть, найти вѣчный покой, когда ничто не будетъ тревожить, волновать и мучить! Это была смертная жажда покоя. Харитина не плакала, а сидѣла молча, уничтоженная, жалкая, несчастная.

— За что?—повторяла она про себя, закрывая глаза.—Господи, за что?

Изъ всѣхъ чувствъ оставалось только физическое чувство страха, то чувство, которое заставляетъ собаку лизать только-что наказавшую ее руку.

Галактіонъ билъ ее уже не въ первый разъ, но тогда было другое. Опомнившись, Харитина пришла къ тому заключенію, что ей даже некуда дѣваться. Ни близкихъ знакомыхъ, ни друзей, ни родныхъ — никого. Съ сестрами она совсѣмъ не видѣлась, да и не любила никого. Значитъ, оставалось опять жить съ Галактіономъ и терпѣть новые побои, — она сознавала, что нынѣшній день только начало еще худшихъ дней. Что же дѣлать? Броситься въ воду? А онъ будетъ радоваться, что избавился отъ обузы... да. Потомъ женится... Въ сердцѣ Харитины закипѣла дикая ненависть именно къ

этой другой, а въ воображеніи проносилась страшная картина убитаго Галактіона, убитаго любя, впередъ оплаканнаго и еще болѣе дорогого. Одна земля будетъ разлучницей. Харитина старалась не думать объ этомъ, даже принималась со страха молиться, а въ головѣ стояла одна мысль, эта же мысль наполняла всю комнату и, какъ ночная птица, билась съ трепетомъ въ окно.

Теперь изъ-за Полуянова начали повторяться постоянныя исторіи. Галактіонъ не только не чувствовалъ угрызеній совѣсти, но выискивалъ всевозможные случаи, чтобы придраться къ Харитинѣ. Смерть жены на время прекратила это ожесточенное настроеніе, и Галактіонъ точно отмякъ. На первый планъ выступили теперь сироты-дѣти. Нужно было ихъ куда-нибудь пристроить. Со смертью матери-пьяницы рушился послѣдній призракъ своего дома. Харитина боялась предложить взять ихъ къ себѣ въ Городище. Она потихоньку отъ Галактіона написала Агніи, умоляя ее всѣми святыми не оставлять сиротъ. Агнія очень ловко повела дѣло и уговорила Галактіона. У нея было уже двое своихъ дѣтей.

— Мнѣ вѣдь все равно съ ребятами-то сидѣть, — убѣждала она. — Заодно ужъ хлопотать... Да и твои большіе совсѣмъ.

Галактіонъ долго не соглашался, хотя и не зналъ, что̀ дѣлать съ дѣтьми. Агнія убѣдила его тѣмъ, что дѣти будутъ жить у дѣдушки, а не въ чужомъ домѣ. Это доказательство хоть на что-нибудь походило, и онъ согласился. Съ Харченкой онъ держалъ себя, какъ посторонній человѣкъ, и дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ объ его обличительныхъ корреспонденціяхъ.

Все-таки, когда Галактіонъ перевезъ дѣтей къ дѣдушкѣ, его охватило мучительное чувство пустоты. Что-то такое порвалось, чего уже нельзя было соединить никакими силами. И обидно и грустно. Сколько разъ Галактіонъ раньше думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы Серафима умерла. И сама не мучилась бы и ему развязала бы руки. Вотъ теперь ея нѣтъ, и нѣтъ свободы. Мысль о дѣтяхъ стала являться все чаще и чаще, заставляя провѣрять себя. Конечно, Галактіонъ давалъ на ихъ содержаніе много денегъ, но это было еще не все. Именно дѣти вставали теперь передъ его глазами живымъ упрекомъ, напоминая всѣ несправедливости прошлаго. Подъ давленіемъ этой мысли онъ даже къ Харитинѣ сдѣлался добрѣе, то-есть не притѣснялъ ее, и держалъ себя такъ, точно ея совсѣмъ и не было на свѣтѣ.

Въ грустный день переселенія дѣтей къ дѣду Галактіонъ оставался въ Запольѣ и рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать. Ѣхать въ Городище тоже не хотѣлось. Именно въ этотъ критическій моментъ онъ вспомнилъ про старика Луковникова. Строгій былъ человѣкъ, правильной жизни. Галактіону мучительно захотѣлось, чтобы кто-нибудь его бранилъ, попрекалъ, говорилъ строгія слова. Онъ вечеромъ отправился къ Луковникову именно подъ этимъ настроеніемъ. Старикъ встрѣтилъ его довольно непривѣтливо и смотрѣлъ такими глазами, что зачѣмъ-де пожаловалъ незваный гость.

— Давненько не видались, Галактіонъ Михеичъ.

— Да, давненько, Тарасъ Семенычъ. Все собирался какъ-нибудь завернуть.

— Ужъ и собирался? Перестань пустыя-то слова говорить... На что вамъ меня, старика?

— Сами не молодые, Тарасъ Семенычъ.

Сначала старикъ подумалъ, что не пріѣхалъ ли Галактіонъ занимать у него денегъ,—вѣдь слава богатаго человѣка еще оставалась за нимъ,—а потомъ догадался по выраженію лица Галактіона и по тону разговора, что дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Въ послѣднее время онъ сильно недолюбливалъ Гала-

ктіона и теперь не могъ побороть въ себѣ этого чувства. Такъ бы вотъ, кажется, все и отпечаталъ... На, слушай! Галактіонъ пробовалъ что-то говорить, но разговоръ не вязался. И гость и хозяинъ молчали. Луковниковъ поднялся, прошелся по комнатѣ, разгладилъ сѣдую бороду и проговорилъ какъ-то въ упоръ:

— Что, Галактіонъ Михеичъ, худо?.. То-то вотъ и есть. И сказалъ себѣ человѣкъ: наполню житницы, накоплю сокровища. Пей, душа, веселись!.. Такъ я говорю? Эхъ, Галактіонъ Михеичъ! Вѣдь вотъ умные люди, до всего, кажется, дошли, а этого не понимаютъ.

— А развѣ виноватъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ, Тарасъ Семенычъ?

— Кругомъ виноватъ... На то ему данъ разумъ, — не умъ, а разумъ. Богатство—это ножъ... Имъ можно много хорошаго сдѣлать, а дѣлаютъ больше зла... да.

— Опять-таки, Тарасъ Семенычъ, и злой человѣкъ себѣ худа не желаетъ... Все лучше думаетъ сдѣлать.

— Да, для себя... По пословицѣ, и воръ Богу молится, только какая это молитва? Будемъ говорить пряменько, Галактіонъ Михеичъ: нехорошо. Вѣдь я знаю, зачѣмъ ты ко мнѣ-то пришелъ... Сначала я, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ, что за деньгами, а потомъ и вижу, что совсѣмъ другое.

— Да, другое, — откликнулся Галактіонъ, точно эхо. — Сегодня вотъ дѣтей къ теткѣ Агніи свезъ.

— И будешь возить по чужимъ дворамъ, когда дома угарно. Небось, стыдно передъ дѣтьми свое звѣрство показывать... Вотъ такъ-то, Галактіонъ Михеичъ. А вѣдь они, дѣти-то, и совсѣмъ большія вырастутъ. Вырасти-то вырастутъ, а къ отцу путь-дорога заказана. Ахъ, нехорошо!.. Жену не жалѣлъ, такъ хоть дѣтей бы пожалѣлъ. Я тебѣ по-стариковски говорю... И обидно мнѣ на тебя и жаль. А какъ жалѣть, когда самъ человѣкъ себя не жалѣетъ?

— А какъ вы думаете, Тарасъ Семенычъ, бываютъ на свѣтѣ проклятые люди? Такъ, отъ рожденія...

Луковниковъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ этотъ моментъ вошла Устенька сказать, что чай готовъ. Она очень удивилась, когда увидѣла Галактіона, и раскланялась съ нимъ издали.

— Чай готовъ, папа.

— Что же, дѣло хорошее. Пойдемъ, Галактіонъ Михеичъ.

Галактіонъ тоже смутился. Онъ давно не видалъ Устеньки. Теперь это была совсѣмъ взрослая дѣвушка, цвѣтущая и съ такимъ смѣлымъ лицомъ. Въ столовой нѣсколько времени тянулась самая неловкая пауза.

— Галактіонъ Михеичъ, я сегодня видѣла вашихъ дѣтей, — заговорила первой Устенька.—Дѣвочка такая милая и мальчикъ...

— Да?—спросилъ Галактіонъ, не понимая,—Ахъ, да, дѣти!..

Наступила опять пауза. Устенька упорно отмалчивалась и старалась не смотрѣть на гостя, а потомъ торопливо выпила свою чашку и вышла.

— Ты вотъ что, Галактіонъ Михеичъ, —заговорилъ Луковниковъ совсѣмъ другимъ тономъ, точно старался сгладить молодую суровость дочери.— Я знаю, что дѣла у тебя не совсѣмъ... Да и у кого они сейчасъ хороши? Всѣ на волоскѣ висимъ... Знаю, что Мышниковъ тебя давитъ. А ты вотъ какъ сдѣлай... да... Ступай къ нему прямо на домъ, объясни все начистоту и... однимъ словомъ, онъ тебѣ все и устроитъ.

— Мышниковъ?

— Да, Мышниковъ. Ужъ я-то его вотъ какъ хорошо знаю.

VI.

Когда Галактіонъ ушелъ, Устенька напала на отца съ необыкновеннымъ азартомъ.

— Папа, я рѣшительно не понимаю, какъ ты можешь принимать такихъ ужасныхъ людей, какъ этотъ Колобовъ. Онъ заколотилъ въ гробъ жену, бросилъ собственныхъ дѣтей, потомъ эта Харитина, которую онъ бьетъ... Ужасный, ужасный человѣкъ!.. У Стабровскихъ его теперь не принимаютъ... Это какой-то дикарь.

— И я его тоже не хвалю... да. А мнѣ его жаль. Вѣдь умница и характеръ — желѣзо. Только какая-то вся жизнь у него вверхъ дномъ. Однимъ словомъ, несчастный человѣкъ.

— Онъ? Несчастный?

— Совсѣмъ несчастный! Чуть-чуть бы по-другому судьба сложилась, и онъ бы другой былъ. Такіе люди не умѣютъ гнуться, а прямо ломаются. Тогда много грѣха на душу взялъ старикъ Михей Зотычъ, когда насильно женилъ его на Серафимѣ. Прежде-то всегда такъ дѣлали, а по нынѣшнимъ временамъ говорятъ, что свои глаза есть. Михей-то Зотычъ думалъ лучше сдѣлать, чтобы Галактіонъ не сдѣлалъ такъ, какъ братъ Емельянъ, а оно вонъ что̀ вышло.

— И Михей Зотычъ тоже дрянной. Вѣдь это онъ мельницы свои сжегъ?

— Ну, это еще неизвѣстно, Устенька. Могли и сами сгорѣть. Мало ли что̀ зря болтаютъ.

— Ты, папа, всегда и всѣхъ защищаешь, а такъ нельзя.

— Поживешь съ мое, такъ и сама будешь то же говорить. Мудрено вѣдь живого человѣка судить... Взять хоть твоего Стабровскаго: онъ ли не уменъ, онъ ли не хорошъ у себя дома, — такого человѣка и не сыщешь, а вышелъ на улицу — разбойникъ... Безъ ножа зарѣжетъ. Вотъ тутъ и суди.

Для такой философіи у Луковникова было достаточно матеріала. Особенно въ послѣднее время пошатнулся народъ, и совсѣмъ не разберешь, гдѣ кончается хорошій человѣкъ и гдѣ начинается дурной. Да и вообще кругомъ дѣлалось Богъ знаетъ что̀. Не замѣтишь, какъ и самъ попадешь въ негодяи. Раздумывая о самомъ себѣ, Луковниковъ приходилъ именно къ такому заключенію. Его дѣла съ вальцовой мельницей затягивались въ какой-то проклятый узелъ. Всѣ операціи давно вышли изъ всякихъ предварительныхъ смѣтъ и намѣченныхъ бюджетовъ. Сама по себѣ мельница стоила около трехсотъ тысячъ, затѣмъ около семисотъ тысячъ требовалось ежегодно на покупку зерна, а самое скверное было то, что готовый товаръ приходилось реализировать въ разсрочку, что̀ составляло еще около полумилліона рублей. Около дѣла такимъ образомъ сосредоточивался въ общей сложности капиталъ въ полтора милліона рублей. Такихъ денегъ налицо у Луковникова не было, и добрую половину приходилось добывать въ кредитъ. Обороты этихъ трехъ капиталовъ, которые представляла собой мельница, зерно и готовый товаръ, шли съ неравномѣрной скоростью, и трудно было подводить общій торговый балансъ. Иногда какихъ-нибудь двѣ недѣли стоили десятковъ тысячъ, потому что все хлѣбное дѣло постепенно перешло въ какую-то азартную игру. Рвалъ куши тотъ, кто умѣлъ поймать моментъ. Кромѣ того, въ верховьяхъ Ключевой выстроены были двѣ новыхъ вальцовыхъ мельницы, представляющихъ очень опасную конкуренцію какъ при покупкѣ зерна, такъ и при сбытѣ крупчатки. На ры-

нокъ выдвигались страшные капиталы, которые безпощадно давили хлѣбную мелюзгу, какъ крупные хищники давятъ хлѣбныхъ мышей. Сплетались тысячи условій, которыя трудно было предугадать, и выдвигались съ каждымъ годомъ все новыя.

Особенно характеренъ былъ для хлѣбнаго дѣла прошлый годъ, когда въ полосѣ Зауралья, прилегавшей къ горамъ, случился недородъ, благодаря дождливому лѣту. Произошла крупная игра на хлѣбъ степной полосы. Скупались милліонныя партіи, и мелкотравчатые мельники, какъ старикъ Колобовъ, остались совсѣмъ безъ зерна. Нечего было молоть. Шла именно игра, спекуляція съ милліоннымъ рискомъ, а не обыкновенное промышленное дѣло. Тутъ выяснился въ первый разъ роковой вопросъ, что золотое дно, какимъ до сихъ поръ считалось Зауралье, не можетъ обезпечивать равномѣрно хлѣбомъ работу всѣхъ мельницъ. До сихъ поръ рынокъ пополнялся изъ старыхъ крестьянскихъ запасовъ, а сейчасъ ихъ уже не было, и приходилось жить однимъ годомъ. Производитель зерна жилъ отъ одной осени до другой и весь находился въ полной зависимости отъ одного урожая. Этого раньше не было.

Окончательно достукала зауральскаго мужика только-что открытая Уральская желѣзная дорога. Это открытіе совпало съ неурожаемъ въ Поволжьѣ, и зауральскій хлѣбъ полился широкою волной въ далекую Россію. Отъ этой операціи нажились главнымъ образомъ верховые мельники, стоявшіе въ самомъ горлѣ, т.-е. у желѣзной дороги. Они сбыли милліонныя партіи и нажили цѣлыя состоянія. Мельница Луковникова тоже работала отлично, хотя и въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, проигрывая на лѣтней перевозкѣ гужомъ, — верховые мельники подвезли зерно по дешевой зимней дорогѣ. Особенно одинъ случай остался въ памяти Луковникова, какъ зловѣщій признакъ. Онъ еще съ осени законтрактовалъ партію въ тридцать тысячъ мѣшковъ дешеваго сибирскаго хлѣба, которую Галактіонъ обязался доставить на своихъ пароходахъ въ Тюмень. Весна вышла неопредѣленная, и по офиціальнымъ бюллетенямъ объ урожаѣ трудно было судить, что̀ еще будетъ. Въ общемъ ожидался средній урожай, и цѣны на муку не поднимались. Луковниковъ задержалъ партію на всякій случай, выжидая цѣну. Наступилъ іюнь, а цѣны не поднимались. Тогда Луковниковъ послалъ въ Рыбинскъ своего довѣреннаго и запродалъ всю партію чуть не за свою цѣну. Но не прошло двухъ недѣль, какъ цѣна сразу поднялась на два рубля съ мѣшка, — другими словами, подожди онъ двѣ недѣли, и это дало бы шестьдесятъ тысячъ чистаго барыша. Однимъ словомъ, шла самая отчаянная игра, и крупные мельники рѣзались не на животъ, а на смерть. Двѣ-три неудачныхъ операціи разоряли въ доскъ, и милліонныя состоянія лопались, какъ мыльные пузыри. А тутъ еще помогалъ банкъ, закрывая кредитъ пошатнувшимся фирмамъ и увеличивая ссуды тѣмъ, которыя и безъ этой помощи шли въ гору.

Естественнымъ результатомъ такого обострившагося порядка вещей было то, что по Ключевой началось сплошное разореніе средней величины мельниковъ, какъ старикъ Колобовъ. Это были жертвы даже не конкуренціи, а биржевой игры на хлѣбъ. У нихъ былъ отнятъ и зерновой рынокъ и кредитъ, и запертъ семью печатями оптовый сбытъ. Кое-кто еще держался, торгуя по мелочамъ, но въ общемъ дѣло было конченное. Вопросъ теперь заключался въ томъ, что̀ будетъ съ полсотней крупчатныхъ мельницъ, построенныхъ на Ключевой. Первую мельницу-крупчатку поставилъ старикъ Колобовъ и онъ же показалъ выходъ, когда застраховалъ двѣ новыхъ мельницы и сжегъ ихъ. Это точно послужило сигналомъ. Мельничные пожары начали изъ года въ годъ повторяться съ математическою точностью, такъ что знатоки дѣла впе-

рѣдъ предсказывали, чьи теперь мельницы должны были горѣть. И обреченныя мельницы въ указанный срокъ загорались.

Разъѣзжая по своимъ дѣламъ по Ключевой, Луковниковъ по пути завернулъ въ Прорывъ къ Михею Зотычу. Но старика не было, а на мельницѣ оставались только сыновья, Емельянъ и Симонъ. По первому взгляду на мельницу Луковниковъ опредѣлилъ, что дѣла идутъ плохо, и мельница быстро принимала тотъ захудалый видъ, который говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ о внутреннемъ разрушеніи.

— Ну, какъ вы тутъ поживаете, Емельянъ Михеичъ? — спрашивалъ гость.

— А ничего... Помаленьку.

— Чего тутъ помаленьку!—вступился не утерпѣвшій Симонъ.—Совсѣмъ конецъ приходитъ, Тарасъ Семенычъ... Тятенька-то забралъ всѣ деньги за сгорѣвшія мельницы и ушелъ съ ними въ скиты, а мы вотъ тутъ и выворачивайся, какъ знаешь.

— Слышалъ, слышалъ, — уклончиво отвѣтилъ Луковниковъ. — Что же, надо терпѣть, пока молоды. Подъ старость будетъ зато легче.

— А я уйду, какъ сдѣлалъ Галактіонъ... Вотъ и весь разговоръ. Наймусь куда-нибудь въ приказчики, Тарасъ Семенычъ, а то буду арендовать самую простую раструсочную мельницу, какъ у нашего Ермилыча. У него всегда работа... Свое зерно мужички привезутъ, смелютъ, а ты только получай денежки. Барыши не велики, а зато и убытковъ нѣтъ. Самое вѣрное дѣло.

— Правильно, Симонъ Михеичъ. Это точно... да. Вотъ и нашимъ вальцовымъ мельницамъ туго приходится... А Ермилыча я знаю. Ничего, оборотистый мужичонка и не любитъ, гдѣ плохо лежитъ. Только, все равно, онъ добромъ не кончитъ.

— Всѣ мы плохо кончимъ... На людяхъ и смерть красна.

Луковникову нравился этотъ молодой задоръ Симона. Вотъ такъ же Устенька любитъ спорить... Да, малому трудненько было жить на разоренной мельницѣ ни у чего. И жаль, и помочь нечѣмъ.

— И Галактіону не сладко приходится, — сказалъ Луковниковъ, чтобы утѣшить чѣмъ-нибудь Симона.—Даже и совсѣмъ не сладко.

— Все-таки Галактіонъ у своего дѣла, Тарасъ Семенычъ. Самъ большой, самъ маленькій... А мы съ Емельяномъ, какъ говорится, ни къ шубѣ рукавъ.

— А тятеньку-то забылъ? Онъ теперь за всѣхъ въ скитахъ своихъ вотъ какъ молится!.. Не ропщи, молодецъ.

Проѣзжая мимо Суслона, Луковниковъ завернулъ къ старому благопріятелю попу Макару. Уже въ большихъ годахъ былъ попъ Макаръ, а все оставался такой же. Такой же худенькій, и хоть бы одинъ сѣдой волосъ. Только съ каждымъ годомъ старикъ дѣлался все ниже, точно его гнула рука времени. Попъ Макаръ ужасно обрадовался дорогому городскому гостю и подъ руку повелъ его въ горницы.

— Вотъ ужъ угодилъ, можно сказать...—бормоталъ онъ.—Рѣдкій гость, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

Поповскій языкъ точно замерзъ. Попъ Макаръ придержалъ гостя и шопотомъ сообщилъ:

— А вѣдь тамъ у меня того... значитъ, въ горницѣ-то, нечестивый Ахавъ сидитъ.

— Какой Ахавъ?

— А Полуяновъ! Вмѣстѣ съ мельникомъ Ермилычемъ пріѣхалъ, потребовалъ сейчасъ водки и хвалится, что засудитъ меня, т.-е. мое показаніе

тогда на судѣ. Мнѣ, говоритъ, нечего терять... Попадья со страховъ убѣжала въ сусѣди, а я вотъ сижу съ ними да слушаю. Конечно, во-первыхъ, я нисколько его не боюсь, нечестиваго Ахава, а во-вторыхъ, все-таки страшно...

„Нечестивый Ахавъ“ дѣйствительно сидѣлъ въ поповской горницѣ, весь красный отъ выпитой водки. Дорожная котомка и палка лежали рядомъ на стулѣ. Полуяновъ не разставался со своимъ ссыльнымъ рубищемъ, щеголяя своимъ убожествомъ. Ермилычъ тоже пилъ водку и тоже краснѣлъ. Неожиданное появленіе Луковникова немного всполошило гостей, а Ермилычъ сдѣлалъ движеніе спрятать бутылку съ водкой.

— Не тронь...—остановилъ Полуяновъ.—Сіе посохъ страннический.

По Зауралью Луковниковъ слылъ за милліонера, а затѣмъ онъ былъ уже четвертое трехлѣтіе городскимъ головой. Вообще именитый чековѣкъ, и Ермилычъ трепеталъ.

— Здравствуйте, господа,—просто поздоровался Луковниковъ.—Какъ это ты сюда попалъ, Илья Ѳирсычъ?

— Я-то? А даже очень просто... Пѣшкомъ пришелъ сказать вотъ попу Макару и Ермилычу, что скручу ихъ въ бараній рогъ... да. Я не люблю исподтишка, а прямо дѣйствую.

— Не прежнія времена, Илья Ѳирсычъ, чтобы рога-то показывать,—отвѣтилъ попъ Макаръ, на всякій случай отступая къ стѣнкѣ.—Во-первыхъ...

— Что-о? — зарычалъ Полуяновъ. — Да я... я... я вотъ сейчасъ выпью рюмку водки... да. Всѣхъ предупреждаю... Я среди васъ, какъ убогій Лазарь, хуже,—у того хоть свое собственное гноище было, а у меня и этого нѣтъ.

— Богатство тоже къ рукамъ, Илья Ѳирсычъ,—замѣтилъ Луковниковъ, подсаживаясь къ столу. — И голова къ мѣсту, и деньги къ рукамъ... Да и считать въ чужихъ карманахъ легче, чѣмъ въ своемъ.

— Х-ха!—замялся Полуяновъ.—А вотъ я въ свое время отлично зналъ, какія у кого и въ какихъ карманахъ деньги были. Зналъ-съ... и всѣ меня трепетали. Страхъ, трепетъ и землетрясенье...

— Да будетъ тебѣ...—останавливалъ его Ермилычъ.

— Что-о?

— Въ самомъ дѣлѣ, довольно, — заговорилъ Луковниковъ.—Въ самомъ дѣлѣ, никому не страшно. Да какъ-то оно и нехорошо: вонъ и борода сѣдая, а говоришь разныя пустыя слова. Прошлаго не воротишь.

— Нѣтъ, постойте... Вотъ ты, попъ Макаръ, предалъ меня, и ты, Ермилычъ, и ты, Тарасъ Семенычъ, тоже... да. И я свою чашу испилъ до самаго дна и понялъ, что̀ есть такое суета суетъ, а вы этого не понимаете. Взгляните на мое рубище и поймите: оно молча вопіетъ... И у васъ будетъ своя чаша... да. Можетъ-быть, похуже моей... Я-то ужъ смирился, перегорѣлъ душой, а вы еще преисполнены гордыни... И перваго я попа Макара низведу въ полное ничтожество. Слышишь, попъ?

— Охъ, слышу!.. Пилъ бы ужъ ты лучше свою водку, Илья Ѳирсычъ, да прилегъ отдохнуть.

— Не понравилось? Х-ха!.. Не любите? Х-ха!.. Не согласны? Х-ха!..

Запасъ энергіи Полуянова вдругъ исчезъ, онъ уже машинально выпилъ залпомъ двѣ рюмки и заснулъ тутъ же на диванѣ.

VII.

Изъ своей „поѣздки по уѣзду“ Полуяновъ вернулся въ Заполье самымъ эффектнымъ образомъ. Онъ подкатилъ къ малыгинскому дому въ щегель-

скомъ дорожномъ экипажѣ Ечкина, на самой лихой почтовой тройкѣ. Ечкинъ отнесся къ бывшему исправнику рѣшительно лучше всѣхъ и держалъ себя такъ, точно везъ прежняго Полуянова.

— Вотъ не ожидалъ... да...—откровенно удивлялся Полуяновъ.—Прежніе-то дружки смотрѣть не хотятъ, два пальца подаютъ, а то и прямо отвертываются... да. Только въ несчастіи узнаешь людей.

— И всѣ по-своему правы, Илья Ѳирсычъ,—объяснялъ Ечкинъ.—Вѣдь всѣ люди, если разобрать, одинаковы, потому что всѣ—мерзавцы.

— Именно!

— Поэтому истый философъ никогда не огорчается... Вотъ посмотрите на меня: чего я ни перенесъ? Какихъ гадостей про меня ни говорили? А я все терплю и переношу.

— Именно!.. И я тоже много испыталъ, Борисъ Яковличъ... Царствовалъ, можно сказать, а сейчасъ яко Іовъ многострадальный... Претерпѣлъ, можно сказать, до конца. И не ропщу... Только вотъ проклятаго попа извести, и конецъ всему дѣлу.

Харитонъ Артемьичъ, ждавшій возвращенія Полуянова съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, такъ и ахнулъ, когда увидѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Ечкинымъ. Что же это такое? Обѣщалъ засудить Ечкина, а самъ съ нимъ по уѣзду катается...

— Ты это что, Илья Ѳирсычъ? Никакъ совсѣмъ сбѣсился?—накинулся старикъ на Полуянова:—обѣщалъ судиться съ Ечкинымъ, а самъ...

— Погоди, старче, гусей по осени считаютъ.

— Да ты мнѣ не заговаривай зубовъ! Мнѣ вѣдь на свои глаза свидѣтелей не надо... Ежели ты въ другихъ зятьевъ пойдешь, такъ вѣдь я и на тебя управу найду. Я, братъ, теперь все равно, какъ медвѣдь, котораго изъ берлоги подняли.

— А ты не сказывай никому... Сказанное слово серебряное, а не сказанное—золотое. Такъ я говорю? А потомъ, какъ ты полагаешь, ежели, напримѣръ, этотъ самый Ечкинъ мнѣ мѣсто предлагаетъ? Да-съ.

— Мѣсто? О-хо-хо!.. На подсудимую скамью вмѣсто себя, али въ острогъ? О немъ давно острогъ-то плачетъ.

— Да ты слушай: настоящее мѣсто. Онъ будетъ въ Заполье желѣзную дорогу строить, а я смотрителемъ.

— Другъ на дружку будете смотрѣть да любоваться? Охъ, прокураты!

— Ну, ладно... Смѣется послѣдній, какъ говорятъ французы. Понимаешь, вѣдь это настоящій постъ: смотритель Запольской желѣзной дороги. Чуть-чуть поменьше министра... Ты вотъ поѣдешь по желѣзной дорогѣ, а тебя за шиворотъ: стой! куда?

— Охъ, уморилъ!.. Охъ, смертынька!.. Вамъ надо съ Ечкинымъ тіятръ открывать да представленіе представлять. Охъ, животики надорвали!

Полуяновъ даже обидѣлся. Ечкинъ дѣйствительно предложилъ ему мѣсто на будущей желѣзной дорогѣ, и онъ съ удовольствіемъ согласился послужить. Что же, онъ еще въ силахъ и можетъ быть полезнымъ, особенно, гдѣ требуется порядокъ. Его, братъ, не проведутъ... Х-ха! Полуянова провести,—нѣтъ, еще такой шельмы не родилось на бѣлый свѣтъ. Съ другой стороны, Полуяновъ и не нуждался даже въ этомъ мѣстѣ, а принималъ его просто по дружбѣ. У него и другихъ мѣстъ достаточно. Сдѣлайте милость, дѣла всякаго сколько угодно. Во-первыхъ, Замараевъ предлагаетъ въ своей кассѣ мѣсто бухгалтера, потомъ Харченко предлагаетъ въ газетѣ работать.

Харченко дѣйствительно имѣлъ виды на Полуянова, — онъ теперь на

всѣхъ людей смотрѣлъ съ точки зрѣнія завзятаго газетчика. Міръ дѣлился на двѣ половины: людей, нужныхъ для газеты, и—людей безполезныхъ.

— Голубчикъ, вѣдь вы для насъ настоящій кладъ,—увѣрялъ онъ Полуянова.—Вѣдь никто не знаетъ такъ края, какъ вы.

— Да, немножко знаю... Съ завязанными глазами пройду пять уѣздовъ.

— И по исторіи у васъ много есть интересныхъ фактовъ.

— Чего лучше: самъ исторія съ географіей.

Выборъ между этими предложеніями было сдѣлать довольно трудно, а тутъ еще тяжба Харитона Артемьича да свои собственныя дѣла съ попомъ Макаромъ и женой. Полуяновъ досталъ у Замараева „законы“ и теперь усердно зубрилъ разныя статьи. Харитонъ Артемьичъ ходилъ за нимъ по пятамъ и съ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Старика охватила сутяжническая горячка, и онъ наяву бредилъ будущими подвигами.

— Мнѣ бы только начать,—мечталъ онъ:—а тамъ ужъ я самъ какъ-нибудь изловчился бы.

— Ну, это, братъ, дудки!—огорошивалъ Полуяновъ.—Какіе тебѣ законы, когда ты фамилію свою съ грѣхомъ подписываешь?

— А я словесно.

— Нѣтъ, твоей словесности не требуется, а надо все по формѣ.

— Охъ, ужъ эта мнѣ форма!.. Зарѣзъ. Всѣ по формѣ меня надували, а зятья лучше всѣхъ... Гдѣ же правда-то? Вѣдь есть же она, матушка? Меня грабятъ по формѣ, а я долженъ молчать... Нѣтъ, шалишь!

Полуяновъ могъ только улыбаться, слушая этотъ бредъ, подводимый имъ подъ рубрику „покушеній съ негодными средствами“. Онъ вообще усвоилъ себѣ постепенно покровительственный тонъ, разговаривая съ Харитономъ Артемьичемъ, какъ говорятъ съ капризничающими дѣтьми. Чтобъ утѣшить старика, Полуяновъ при самой торжественной обстановкѣ составлялъ проекты будущихъ прошеній, жалобъ и разныхъ докладныхъ записокъ.

— Ты у меня, какъ волчій зубъ,—льстилъ Харитонъ Артемьичъ, благоговѣя передъ искусствомъ зятя:—да... Охъ, ежели бы да меня учить.—сколько во мнѣ этой самой злости!.. Прямо бери и сади на цѣпь.

— Тутъ злостью ничего не возьмешь. Пусти тебя въ судъ, ты первымъ бы дѣломъ всѣхъ обругалъ.

— Охъ, обругалъ бы!.. А тамъ хоть расколи на части... Только бы сердце сорвать.

— Вотъ то-то и есть. Какой же ты адвокатъ? Тебѣ оглоблю надо дать въ руки, а не законъ.

Никогда еще у Полуянова не было столько работы, какъ теперь. Даже въ самое горячее время исправничества онъ не былъ такъ занятъ. И главное—вездѣ нуженъ. Хоть на части разрывайся. Это сознаніе собственной нужности приводило Полуянова въ горделивое настроеніе, и онъ въ откровенную минуту говорилъ Харитону Артемьичу:

— Безъ меня, братъ, какъ безъ поганаго ведра, тоже не обойдешься... И тутъ нуженъ, и тамъ нуженъ, и здѣсь нуженъ. Вотъ тебѣ и лишенный особенныхъ правъ и преимуществъ... Х-ха!.. Вотъ только не знаю, куда окончательно пристроиться.

— А ты не разбѣгайся,—совѣтовалъ Харитонъ Артемьичъ.—Ломи въ одну точку, и шабашъ. Значитъ, накаливай по одному мѣсту.

— Не безпокойся, охулки на руку не положимъ.

— То-то... Первое дѣло, будемъ добывать проклятаго писаря, а тамъ закорчимъ и другихъ.

Полуяновъ долго не рѣшался сдѣлать окончательный выборъ дѣятельности, пока дѣло не рѣшилось само собой. Разъ онъ дѣлалъ моціонъ передъ обѣдомъ,—онъ пріобрѣталъ благородныя привычки,—и увидѣлъ новую вывѣску на новомъ домѣ: „Главное управленіе Запольской желѣзной дороги“. Полуяновъ остановился, протеръ глаза, еще разъ перечиталъ вывѣску и сказалъ всего одно слово:

— Эге!

На другой день онъ, одѣтый съ иголочки во все новое, уже сидѣлъ въ особой комнатѣ новаго управленія за громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ гроссбухами. Ему нравилась и солидность обстановки, и какая-то особенная дѣловая таинственность, а больше всего самъ Ечкинъ, всегда веселый, вѣчно занятый, энергичный и неутомимый. Одна квартира чего стоила, министерская обстановка, служащіе, и все явилось, какъ въ сказкѣ, по щучьему велѣнью. Въ первый моментъ Полуяновъ даже смутился, отозвалъ Ечкина въ сторону и проговорилъ:

— А я думаю, Борисъ Яковличъ, очки себѣ купить... дымчатыя, въ золотой оправѣ... да.

— Развѣ у васъ глаза слабы?

— Нѣтъ... Но въ очкахъ какъ-то солиднѣе. Стабровскій носитъ очки, Мышниковъ,—однимъ словомъ, всѣ серьезные люди.

— Отчего жъ, можно и очки.—милостиво согласился Ечкинъ, думавшій совсѣмъ о другомъ.—Да, конечно, очки...

— Купцы, и тѣ нынче въ очкахъ ходятъ. Вонъ Евграфъ Огибенинъ... да.

На слѣдующій день Полуяновъ явился въ золотыхъ очкахъ и даже подстригъ бороду à la графъ Шамборъ. Нельзя, дѣло было слишкомъ серьезное, и каждая мелочь имѣла свое значеніе.

Всѣ, знавшіе Ечкина, смѣялись въ глаза и за глаза надъ его новой затѣей, и для всѣхъ оставалось загадкой, откуда онъ могъ брать денегъ на свою контору. Кромѣ долговъ у него ничего не было, а изъ векселей можно было составить приличную библіотеку. Вообще Ечкинъ представлялъ собой какой-то непостижимый фокусъ. Его новая контора служила нѣсколько дней темой для самыхъ веселыхъ разговоровъ въ правленіи Запольскаго банка, гдѣ собирались Стабровскій, Мышниковъ, Штоффъ и Драке.

— Это какое-то безуміе,—говорилъ Мышниковъ.—Я на мѣстѣ Ечкина давно бы повѣсился, а онъ желѣзную дорогу строить придумалъ.

— Будетъ стеариновыя свѣчи возить съ закрытаго завода,—вышучивалъ Штоффъ.—Даже можно такъ и назвать: стеариновая дорога...

— Что-нибудь тутъ кроется, господа,—увѣрялъ Стабровскій.—Я давно знаю Бориса Яковлича. Это то, что называютъ геніемъ безъ портфеля. Ему недостаетъ только денегъ, чтобы быть вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. Я часто завидую его уму... Вѣдь это удивительная голова, изъ которой фейерверкомъ сыплются самыя удивительныя комбинаціи. Вѣдь нужно было придумать дорогу...

— Да, геній...—соглашался Мышниковъ.—Совсѣмъ новаго типа геній: вексельный. Ему все равно—терять нечего... Недостаетъ только, чтобъ онъ объявилъ какую-нибудь войну.

— Какую войну?—не понималъ, по обыкновенію, Драке.

— Мало ли какую... Была же какая-то война за испанское наслѣдство. Вотъ бы Ечкину примазаться въ самый разъ.

Вообще банковскіе воротилы имѣли достаточно времени для подобныхъ

привыкаютъ къ женщинамъ, какъ ребенокъ къ своей куклѣ, которую можно колотить головой о полъ и по цѣлымъ днямъ забывать гдѣ-нибудь подъ диваномъ. Живой примѣръ—Харитина.

Поѣздка на пароходѣ удалась на рѣдкость. Особенно развеселился Галактіонъ. Онъ рѣдко пилъ, а тутъ разрѣшилъ. Обѣдали на открытой палубѣ и перебирали текущія новости, среди которыхъ первое мѣсто занимала таинственная смерть Нагибина, связанная самымъ глупымъ образомъ съ глупою женитьбой Симона.

— Нѣтъ, скажите мнѣ, куда дѣвались деньги?—приставалъ ко всѣмъ подвыпившій Штоффъ.—Вѣдь онѣ были... да. И всѣмъ это извѣстно... И какая публика подобралась: Ечкинъ, Полуяновъ, Ліодоръ... Ха-ха!.. Ліодоръ всѣхъ путаетъ.

— Я увѣренъ, что Ечкинъ тутъ рѣшительно ни при чемъ, увѣрялъ Мышниковъ.—А Полуяновъ трусъ... Ліодоръ глупъ. По-моему, все это устроилъ кто-нибудь четвертый.

— Ясно одно, что все дѣло сдѣлано своимъ человѣкомъ, который зналъ все, а главное—зналъ, куда старикъ пряталъ деньги. Да, нечего сказать, дѣльце интересное!

Когда всѣ подвыпили, Штоффъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ тостамъ, но его останавливалъ Мышниковъ.

— Перестань, Карла... Все равно, никто тебѣ не повѣритъ.

— Ахъ, да!—соглашался Штоффъ.

— Вѣдь все свои и смѣшно будетъ самому слушать свои собственныя глупости.

Штоффъ соглашался, а потомъ забывалъ и дѣлалъ новую попытку разразиться спичемъ. Это смѣшило всѣхъ. Время вообще летѣло незамѣтно, и всѣ удивились, когда штурманъ пришелъ сказать, что дальше подниматься вверхъ по Ключевой опасно. До Заполья оставалось всего верстъ пятнадцать.

— Э, пустяки!—заявлялъ Галактіонъ.—Я самъ поведу пароходъ.

Его едва уговорили не браться за руль, а предоставить дѣло штурману, какъ болѣе знающему и опытному. Этимъ моментомъ и воспользовался Штоффъ.

— Господа, всего два слова на отвлеченную тему... Я хочу сказать о томъ, что̀ такое герой... да. Вы не смѣйтесь.

— Герой—это пьяный нѣмецъ,—вышучивалъ Мышниковъ.

— Нельзя ли безъ остроумія, отъ котораго столько же вреда, сколько отъ жеваной бумаги? Итакъ, mesdames et messieurs, что̀ такое герой? Герой—не тотъ завоеватель, который съ вооруженнымъ полчищемъ разоряетъ беззащитную страну, не тотъ, кто, по выраженію Шекспира, за парами славы готовъ залѣзть въ жерло орудія, не хитрый дипломатъ, не модный поэтъ, не артистъ, не ученый со своимъ послѣднимъ словомъ науки, не благодѣтель человѣчества на бумагѣ,—нѣтъ, герои этого разбора покончили свое существованіе. Другое время, другія птицы и другія пѣсни... Нынѣшній, настоящій герой не имѣетъ даже имени, исторія не занесетъ его въ свои скрижали, благодарное потомство не будетъ чтить его памяти... Самъ по себѣ онъ даже не интересенъ и даже лучше его совсѣмъ не знать, ибо онъ весь растворяется въ своемъ дѣлѣ, онъ ферментъ, бродильное начало, та закваска, о которой говорится въ Писаніи... да. Однимъ словомъ, я говорю о Галактіонѣ.

— Вотъ такъ фунтъ!—ахнулъ Мышниковъ.—Карла, если бы ты меня возвелъ въ такіе герои, я на тебя подалъ бы жалобу мировому... Галактіонъ, хочешь, я вчиню искъ объ оскорбленіи? Свидѣтели налицо... Все дѣло поведу на свой рискъ. Ха-ха!.. Герой оптомъ... Раньше герои имѣли значеніе въ розницу, а теперь оптовый герой, безпаспортный.

— Говорите, говорите!—поощряла Прасковья Ивановна.—Это интересно!

— Позвольте мнѣ кончить, господа... Дѣло не въ названіи, а въ сущности дѣла. Такъ я говорю? Поднимаю бокалъ за того, кто открываетъ новые пути, кто срываетъ завѣсу съ народныхъ богатствъ, кто ведетъ насъ впередъ... Я сравнилъ бы нашъ банкъ съ громадною паровою машиной, причемъ роль пара замѣняетъ капиталъ, а вотъ этотъ пароходъ, на которомъ мы сейчасъ плывемъ—это только одинъ изъ приводовъ, который подчиняется главному двигателю... Геній заключается только въ томъ, чтобы воспользоваться уже готовою силой, а поэтому я предлагаю тостъ за...

Штоффу сегодня было суждено не кончить. Въ самый интересный моментъ, когда уже стаканы были подняты, съ капитанскаго мостика раздался голосъ штурмана:

— Галактіонъ Михеичъ, пожаръ!

Всѣ поднялись разомъ. Гдѣ пожаръ? Что̀ случилось? Всѣхъ больше перепугался Штоффъ, — перепугался до того, что готовъ былъ броситься въ воду. Скоро дѣло разъяснилось: пожаръ былъ впереди, въ той сторонѣ, гдѣ чуть брезжило Заполье.

— Заполье горитъ! — вырвалось у всѣхъ.

Галактіонъ самъ сталъ у штурвала, чтобы проѣхать какъ можно дальше. Ненагруженный пароходъ сидѣлъ всего на четырехъ четвертяхъ, а воды въ Ключевой, благодаря ненастью въ горахъ, было достаточно. Но не прошло и четверти часа, какъ на одномъ поворотѣ „Компанія“ врѣзалась въ мель.

— Ну, теперь кончено! — ахнулъ Штоффъ. — Господи, всего-то оставалось верстъ двѣнадцать!.. Батюшки, что̀ же мы будемъ дѣлать?.. Посмотрите, господа, вѣдь это наша Московская улица горитъ!

По прямой линіи до Заполья было всего верстъ шесть. Съ капитанской рубки картина пожарища развертывалась съ каждою минутой все шире. Громадные клубы дыма поднимались уже въ четырехъ мѣстахъ, заволакивая даль грозною багровою пеленой.

— Если бы лошадь... Боже мой, дайте мнѣ лошадь! — оралъ Штоффъ, въ безсильной ярости бѣгая по палубѣ. — Вѣдь у меня все тамъ осталось.

— Господа, идемте пѣшкомъ, — предлагалъ Галактіонъ. — Это будетъ вдвое скорѣе, нежели мы станемъ подниматься на лодкѣ вверхъ по теченію.

— И я съ вами, — заявляла Прасковья Ивановна.

— Нѣтъ, ужъ извините, мадамъ,—рѣзко отвѣтилъ Штоффъ.—Куда вы со своими юбками? Васъ же придется нести на рукахъ

Галактіонъ и Мышниковъ были того же мнѣнія.

— Свиньи! — обругала всѣхъ Прасковья Ивановна.

Когда мужчины переѣхали на спасательной лодкѣ на берегъ и трусцой побѣжали прямо полями, она еще разъ обругала ихъ.

А пожаръ разливался съ каждой минутой все сильнѣе, и черезъ какой-нибудь часъ Заполье представляло собою одинъ сплошной костеръ.

XII.

Пожаръ начался въ городскомъ предмѣстьѣ Теребиловкѣ, гдѣ засѣла мѣщанская голь перекатная. Загорѣлась какая-то несчастная баня. Съ бани огонь перекинулся на сосѣднюю постройку, а потомъ уже охватилъ разомъ цѣлый порядокъ. Пожарная команда оказалась въ неисправности, какъ и слѣдуетъ быть пожарной командѣ, — прогрессъ еще не дошелъ до нея. Бочки разсохлись, рукава полопались, помпы не желали выкидывать воды,—однимъ

словомъ, все какъ и должно быть. Стоявшая засуха дѣлала изъ деревянныхъ мѣщанскихъ построекъ какую-то подтопку, и огонь захватывалъ одну улицу за другой. Самое главное неудобство заключалось въ томъ, что нельзя было проѣхать за водой къ Ключевой. Рѣка была на виду, а добраться до нея нельзя. Сдѣлавшія отчаянную попытку бочки пожарнаго обоза застряли въ трясинѣ, да еще на бѣду сломался ветхій мостикъ черезъ болото. Получилась картина полной безпомощности.

Когда изъ Теребиловки перекинуло на главную Московскую улицу, всѣхъ охватила настоящая паника. Спасенья не было. Не прошло часа, какъ городъ уже былъ охваченъ пламенемъ. Теперь сразу горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ видѣ отчаянной мѣры, были выпущены даже арестанты изъ острога. А пожаръ все разливался. Носились тучи искръ, огонь перебрасывало черезъ нѣсколько кварталовъ, а тутъ еще поднялся настоящій вихрь, точно ополчилось на беззащитный городъ само небо. Горѣлъ хлѣбный рынокъ, горѣлъ гостиный дворъ, новые магазины, земская управа, женская гимназія, зданіе Запольскаго банка. Картина получалась страшная. Большинство домовъ были деревянные, и притомъ по амбарамъ вездѣ хранилась пенька, ленъ, льняное сѣмя и т. д. Вездѣ по улицамъ грудами валялось вытащенное изъ домовъ добро, и не было свободнаго проѣзда. Одурѣвшая скотина лѣзла въ огонь. У воротъ стояли старики и старухи съ образа́ми въ рукахъ.

Отдѣльныя сцены производили потрясающее впечатлѣніе. Горѣло десятками лѣтъ нажитое добро, горѣло благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ семей. И тутъ же рядомъ происходили тѣ комедіи, когда люди теряютъ отъ паники голову. Такъ Харитонъ Артемычъ бѣгалъ около своего горѣвшаго дома съ кипой газетной бумаги въ рукахъ—единственное, что онъ успѣлъ захватить.

— Вѣдь говорилъ Михей-то Зотычъ! — кричалъ онъ, накидываясь на встрѣчныхъ.—Онъ все говорилъ!.. Чего наша дума смотрѣла? Гдѣ пожарные? Гдѣ подъѣздъ къ рѣкѣ?.. Бить надо... всѣхъ надо бить!..

Домъ, въ которомъ жилъ Стабровскій, тоже занялся. У подъѣзда стояла коляска, потомъ вышли Стабровскій съ женой и Дидей, но отъѣздъ не состоялся благодаря миссъ Дудль. Англичанка схватила горшокъ съ олеандромъ и опрометью бросилась вдоль по улицѣ. Ее остановилъ какой-то оборванецъ, выдернулъ олеандръ и принялся имъ хлестать несчастную англичанку.

— Развѣ такое теперь время, чтобы цвѣты таскать?!

Стабровскій не хотѣлъ уѣзжать безъ миссъ Дудль, и это все разстроило. Около экипажа образовалась цѣлая толпа, и слышались угрожающіе голоса:

— Поляки подожгли городъ!.. Видишь, какъ ловко наклались уѣзжать! Ребята, не пущай!

Произошло замѣшательство.

— Папа, стрѣляй! — крикнула обезумѣвшая отъ страха Дидя.

Трудно было предвидѣть, чѣмъ бы закончилась эта дикая сцена. Въ такіе моменты не разсуждаютъ, и самые выдержанные люди теряютъ голову. Стабровскій по опыту зналъ, что такое возбужденная толпа. Его чуть не разорвали въ клочья, когда онъ занимался подрядами въ Сибири. А тутъ еще Дидя со своею сумасшедшей фразой... Всѣхъ спасла миссъ Дудль, которую привели подъ руки. Она такъ смѣшно сопротивлялась, кричала и вообще произвела впечатлѣніе. Толпа разступилась, и Стабровскій воспользовался этимъ моментомъ. Онъ увелъ всѣхъ во дворъ, велѣлъ затворить сейчасъ же ворота и огородами вывелъ всѣхъ уже на другую улицу.

— Въ огонь ихъ надо было бросить!—жалѣли въ оставшейся у воротъ толпѣ. — Видишь, подожгли городъ, а сами бѣжать!

Магнату пришлось выбраться изъ города пѣшкомъ. Извозчиковъ не было, и за лошадь съ экипажемъ сейчасъ не взяли бы горы золота. Важно было уже выбраться изъ линіи огня, а куда,—все равно. Когда Стабровскіе уже были за чертой города, произошла встрѣча съ бѣжавшими въ городъ Галактіономъ, Мышниковымъ и Штоффомъ. Произошелъ горячій обмѣнъ новостей. Пани Стабровская, истощившая послѣдній запасъ силъ, заявила, что дальше не можетъ итти.

— Спасайтесь вы на пароходъ, а я умру здѣсь,—спокойно совѣтовала она.—Мнѣ все равно не дойти.

— Я сейчасъ достану лошадь,—вызвался Галактіонъ.—Подождите меня.

Мышниковъ и Штоффъ задыхались отъ усталости.

— Тебѣ я не совѣтую итти въ городъ,—говорилъ Стабровскій едва бѣжавшему Штоффу. — Народъ потерялъ голову... Какъ разъ и въ огонь бросятъ.

Галактіонъ сдержалъ свое слово и черезъ полчаса вернулся въ простой крестьянской телѣгѣ. Это уже было величайшее счастье. Пани Стабровскую, Дидю и миссъ Дудль усадили кое-какъ, а Стабровскій помѣстился на облучкѣ кучеромъ. Галактіонъ указалъ, по какому направленію имъ ѣхать къ пароходу. Черезъ часъ телѣга подъѣзжала уже къ Ключевой, съ парохода давали лодку.

— Хорошо то, что̀ хорошо кончается,—замѣтилъ Стабровскій, соображая всѣ обстоятельства дѣла.

Пароходныя дамы встрѣтили гостей съ распростертыми объятіями; онѣ сгорали отъ нетерпѣнія узнать послѣднія новости.

Когда банковскіе дѣльцы вошли въ городъ, все уже было кончено. О какомъ-нибудь спасеніи не могло быть и рѣчи. Въ центральныхъ улицахъ сосредоточивалось теперь главное пекло. Горѣли каменные дома.

— Вотъ это такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ! — ворчалъ Мышниковъ, задыхаясь отъ далекой ходьбы. — Положимъ, у меня все имущество застраховано.

— И у меня тоже, — отозвался Штоффъ. — Интересно, выдержатъ ли наши патентованные несгораемые шкапы въ банкѣ. Меня это больше всего занимаетъ. Вѣдь все равно, когда-нибудь мы должны были сгорѣть.

Это хладнокровіе возмутило даже Мышникова. Кстати, патентованные несгораемые шкапы не выдержали опыта, и въ нихъ все сгорѣло. Зато Вахрушка спасъ свои капиталы и какую-то дрянь, спрятавъ все въ печкѣ. Это, кажется, былъ единственный поучительный результатъ всего запольскаго пожара, и находчивость банковскаго швейцара долго служила темой для разговоровъ.

Единственный человѣкъ, который не тревожился, ничего не спасалъ и ничего не боялся, былъ докторъ Кочетовъ. Когда къ нему въ кабинетъ вбѣжала горничная съ извѣстіемъ о пожарѣ, онъ даже не шевельнулся на своемъ диванѣ, а только махнулъ рукой. Пожаръ? Что̀ такое пожаръ? Онъ, Кочетовъ, уже давно сжигалъ самого себя на медленномъ огнѣ... За послѣдніе дни галлюцинаціи приняли обостренную форму, и онъ все время страшно мучился, переживая свои превращенія въ Бубнова. Боже, какъ это было и тяжело, и страшно, и безвыходно!.. Пожаръ? Что̀ такое пожаръ? У него уже давно разливался этотъ пожаръ въ крови и въ мозгу: это дѣйствительно страшно, потому что отъ такого пожара никуда не убѣжишь. И потомъ, какъ могъ убѣжать Кочетовъ, когда на дорогѣ могъ превратиться въ Бубнова?

— Докторъ, уходите! — умоляли его прибѣжавшіе изъ магазина приказчики.

— Хорошо, хорошо. Не безпокойтесь.

И горничная и приказчики не замѣтили, что съ ними говорилъ не докторъ Кочетовъ, а пьяница Бубновъ. Докторъ Кочетовъ могъ только смѣяться надъ этою мистификаціей. Впрочемъ, о немъ скоро забыли. Онъ стоялъ у открытаго окна и любовался пожаромъ. Вѣдь это очень красиво, когда такая масса огня... Огонь—очищающее начало. Вонъ уже загораются сосѣдніе дома... Тоже очень недурно. Становилось жарко. Въ окна врывалась струя ѣдкаго дыма, а докторъ все стоялъ, любовался и дико хохоталъ, когда пламя охватило его собственный домъ. Онъ хохоталъ потому, что теперь для него сдѣлалось все совершенно ясно. Да, именно, ясно, ясно, какъ день... Стоя у окна, онъ нѣсколько разъ превращался въ Бубнова, и этотъ Бубновъ ужасно трусилъ, трусилъ до смѣшного, — Бубнову со страху хотѣлось бѣжать, выпрыгнуть въ окно, молить о помощи.

— Ага, наконецъ-то ты мнѣ попался, голубчикъ!—злорадствовалъ докторъ, потирая руки. — Я тебя живого сожгу... Ха-ха!

Бубновъ струсилъ еще больше. Чтобы онъ не убѣжалъ, докторъ заперъ всѣ двери въ комнатѣ и опять сталъ у окна, — изъ окна-то онъ его уже не выпуститъ. А тамъ, на улицѣ, сбѣжались какіе-то странные люди и кричали ему, чтобъ онъ уходилъ, т.-е. Бубновъ. Это уже было совсѣмъ смѣшно. Глупцы они, только теперь увидѣли его! Докторъ стоялъ у окна и раскланивался съ публикой, прижимая руку къ сердцу, какъ оперный пѣвецъ.

— Извините, господа, а я не могу *его* выпустить.

Потомъ ему пришла уже совсѣмъ смѣшная мысль. Онъ расхохотался до слезъ. Эти люди, которые бѣгаютъ подъ окномъ по улицѣ и стучатъ во всѣ двери, чтобы выпустить Бубнова, не знаютъ, что стоило имъ крикнуть всего одну фразу: „Прасковья Ивановна требуетъ!“ — и Бубновъ бы вылетѣлъ. О, она все можетъ!.. да!

— Ага, голубчикъ, попался! — хохоталъ докторъ, продолжая раскланиваться съ публикой.—Я очень радъ съ тобой покончить... Ты вѣдь мнѣ, говоря правду, порядочно надоѣлъ.

Сумасшедшій сгорѣлъ живьемъ.

ЭПИЛОГЪ.

I.

Скитскіе старцы ѣхали уже второй день. Сани были устроены для ѣзды въ лѣсъ, некованныя, безъ отводовъ, узкія и на высокихъ копыльяхъ. Когда выѣхали на настоящую твердую дорогу, по которой заводскіе углепоставщики возили изъ куреней на заводы уголь, эти лѣсныя сани начали катиться, какъ по маслу, и нѣсколько разъ перевертывались. Сконфуженная лошадь останавливалась и точно съ укоромъ смотрѣла на валявшихся по дорогѣ сѣдоковъ.

— Эхъ, Анѳимъ, не умѣешь ты править!

— А ты самъ попробуй, Михей Зотычъ, родимый мой.

— И попробую... Ты, значитъ, садись въ самый задъ, а я на облучокъ. Ну, вотъ такъ...

— Стой!.. Вывалишь!.. Держи правѣе!..

Сани раскатывались, и крушеніе повторялось. Скитскіе старцы даже

повздорили изъ-за этого обстоятельства и напрасно мѣнились мѣстами, показывая свое искусство.

Дѣло дошло чуть не до драки, когда въ одномъ ложкѣ при спускѣ съ горы сани перевернулись на всемъ раскатѣ вверхъ полозьями, такъ что сидѣвшій назади Михей Зотычъ рѣдькой улетѣлъ прямо въ снѣгъ, а правившій лошадью Аѳоимъ протащился, запутавшись въ вожжахъ, саженъ пять на собственномъ чревѣ.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ: держи право! — кричалъ озлившійся Михей Зотычъ, съ трудомъ вылѣзая изъ снѣга.

— Ну, говорилъ!.. Я и держу, а сани влѣво и отнесло...

— Держу, держу!—передразнилъ его Михей Зотычъ.—Худая ты баба, вотъ что... Тебѣ капуны по упокойникамъ говорить, а не на коняхъ ѣздить.

— И ты хорошъ, заводскій варнакъ!—вскипѣлъ Аѳоимъ.—Сколько разовъ-то вывалилъ самъ? Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала... Самъ ты баба!..

— Нѣтъ, ты... Я говорю: держи право! А ты...

Скитники стояли посреди дороги, размахивая руками, старались перекричать другъ друга и совсѣмъ не замѣтили, какъ съ горки спустились пустые угольные коробья, изъ которыхъ выглядывали черныя отъ угольной пыли лица углевозовъ.

— Запали его въ уху, дѣдка! — крикнула одна черная рожа.

— Ну, вали, другой дѣдка!.. Экъ, орутъ, точно черти надъ кашей!

Первымъ опомнился Аѳоимъ и даже испугался, когда наконецъ замѣтилъ черныя рожи углевозовъ, — настоящій чортовъ поѣздъ. Онъ сердито отплюнулся, а потомъ перекрестился.

— Охъ, навожденіе, Михей Зотычъ!—виновато бормоталъ онъ.—Прости, родимый, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя проститъ... А только ты все-таки вправо долженъ былъ держать... да.

Старики усѣлись и поѣхали. Михей Зотычъ продолжалъ ворчать, а старецъ Аѳоимъ только встряхивалъ головой и вздыхалъ. Когда поѣздъ углевозовъ скрылся изъ виду, онъ остановилъ лошадь, слѣзъ съ облучка, подошелъ къ Михею Зотычу, наклонился къ его уху и шопотомъ заговорилъ:

— И что я тебѣ скажу, родимый мой...

— Ну, что?—тоже шопотомъ спрашивалъ Михей Зотычъ, озираясь по сторонамъ.

— А ты не замѣтилъ ничего, родимый мой? Мы-то тутъ споримся, да перекоряемся, да худыя слова выговариваемъ, а *онъ* насъ толкаетъ, да толкаетъ... Я-то это давно примѣчаю, а какъ *онъ* швырнулъ тебя въ снѣгъ... А тутъ и самъ объявился въ прескверномъ образѣ... Ты думаешь, это углевозы ѣхали? Это *онъ* ѣхалъ со своимъ сонмомъ, да еще посмѣялся надъ нами... Любо *ему*, какъ скитники вздорятъ.

Для Михея Зотыча все сдѣлалось ясно. Онъ тоже вылѣзъ изъ саней и бухнулъ въ ноги Аѳоиму.

— Прости, отче, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя проститъ, Михей Зотычъ...

Оглядѣвшись, Аѳоимъ подмигнулъ и проговорилъ опять шопотомъ:

— Пусть *онъ* теперь поликуетъ, всесквернный льстецъ... То-то давеча я замѣчаю, что держу вправо, а сани относитъ влѣво. А это *онъ* своей мерзкой лапой уцѣпитъ и тащитъ...

— А я слышалъ, какъ онъ когтемъ царапалъ,—шопотомъ же сообщалъ Михей Зотычъ:—въ томъ родѣ, какъ песъ въ двери скребется...

— Вотъ, вотъ... Посмѣялся *онъ* надъ нами, потому *его* время настало. Охъ, горе душамъ нашимъ!.. Покуда лѣсомъ ѣхали, по снѣгу, такъ *онъ* не смѣлъ коснуться, а какъ выѣхали на дорогу, и началъ приставать... *Онъ* теперь вездѣ по дорогамъ шляется,—самое любезное для него дѣло.

Дальше скитники ѣхали молча и только переглядывались и шептали молитвы, когда на раскатахъ разносило кованныя сани. Они еще вывалились разъ пять, но ничего не говорили, а только опасливо озирались по сторонамъ. Въ одномъ мѣстѣ Аѳоимъ больно зашибъ руку и только улыбнулся. Охъ, не любитъ антихристъ, когда обличаютъ его лестныя кознованія... Вонъ какъ ударилъ, и прямо по рукѣ, которая творитъ крестное знаменіе. На, чувствуй, старецъ Аѳоимъ!

Въ Кукарскій заводъ скитники пріѣхали только вечеромъ, когда начало стемняться. Время было разсчитано раньше. Они остановились у нѣкотораго доброхота Василія, у котораго изба стояла на самомъ краю завода. Старецъ Аѳоимъ внимательно осмотрѣлъ дымившуюся паромъ лошадь и только покачалъ головой. Вѣдь, кажется, скотина, тварь безсловесная, а и ту не пожалѣлъ *онъ*,—вотъ какъ упарилъ, точно съ возомъ, милая, шла.

— Знаменія въявь творятся,—шопотомъ сообщилъ Аѳоимъ своему спутнику, когда вошелъ въ избу.— Я лошадь-то рогожей прикрываю, а она, милая, вся трясется со страху... Тоже чувствуетъ, хоша объяснить и не можетъ по своей безсловесности. Охъ, искушеніе, Михей Зотычъ!..

— А ты не малодушествуй... Не то еще увидимъ. Власть перваго звѣря царитъ, имя же ему шестьсотъ шестьдесятъ и шесть... Не одною лошадью *онъ* теперь трясетъ, а всѣми потрясаетъ, какъ вѣниками. Стенанія и вопль многъ въ боголюбивыхъ народахъ, ибо и земля затворилась за наши грѣхи.

Доброхотъ Василій помѣстилъ гостей въ заднюю избу, чтобы никто не видѣлъ скитниковъ. Неровенъ часъ, и чужой человѣкъ навернется, да и бабенки тоже разнести могутъ.

— Ну что, Васильюшка, какъ дѣла?—спрашивалъ Аѳоимъ.

— И не говори, отецъ честной... Глаза бы не глядѣли. Скотинку теперь распродаемъ... Не то что скотинѣ, а самимъ жевать нечего. Пудикъ ржаной мучки за цѣлковый перешелъ еще объ Рождествѣ, а обѣщаютъ въ два вогнать.

— Ну, вамъ-то съ полугоря: фабрика прокормитъ.

— Работы сокращаютъ вездѣ по заводамъ... Вездѣ худо. Ужъ какъ только народъ дотянетъ до осени... Бѣдуютъ вездѣ, а башкиръ мретъ цѣлыми деревнями. Страсти разсказываютъ.

— Слышали мы про бѣду... Не первый годъ она копилась. Главное — народъ ослабѣлъ.

Михей Зотычъ только слушалъ и молчалъ, моргая своими красными вѣками. За двадцать лѣтъ онъ мало измѣнился, только сдѣлался ниже. И все такой же бодрый, хотя ужъ ему было подъ девяносто. Онъ попрежнему сосалъ ржаныя корочки и запивалъ водой. Старикъ Аѳоимъ оставался все такимъ же чернымъ жукомъ. Время для скитниковъ точно не существовало.

Разговоры съ доброхотомъ Василіемъ шли далеко за полночь, особенно когда зашла рѣчь о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ.

— Вся надежда у насъ теперь на него, на сибирскій хлѣбушко, — повторилъ убѣжденно Василій.—Только бы весны дождаться, когда рѣки пройдутъ... Тамъ, сказываютъ, пудикъ-то мучки стоитъ всего-на-все 17 копеечекъ. Вотъ какое дѣло, честные отцы!

Скитники на брезгу уже ѣхали дальше. Свои лѣсныя сани они оставили у доброхота Василія, а у него взамѣнъ взяли обыкновенныя пошевни, съ отводами и подкованными полозьями. Теперь ужъ на раскатахъ экипажъ не валился на бокъ, и старики переглядывались. Надо полагать, *онъ* отсталъ. Побился-побился и бросилъ. Впрочемъ, теперь другіе интересы и картины захватывали ихъ. По дорогѣ то и дѣло попадались пѣшеходы, истомленные, худые, оборванные, съ отупѣвшимъ отъ истомы взглядомъ. Это брели изъ голодавшихъ деревень въ Кукарскій заводъ.

— Охъ, сердяги! — вздыхалъ Аѳонимъ. — Кукарскимъ-то самимъ ѣсть нечего...

Голодные, очевидно, плохо разсуждали и плелись на заводы въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ. Большинство—мужики, за которыми по деревнямъ оставались голодавшія семьи. По пословицѣ, голодъ въ міръ гналъ.

Самое сильное впечатлѣніе произвели первыя встрѣчи, и скитники роздали всѣ свои скитскіе подорожники. Дальше и помогать было нечѣмъ... Скитскіе старцы не представляли себѣ по чужимъ разсказамъ бѣдствіе въ такихъ размѣрахъ. Изъ деревень брела настоящая рабочая сила. Сердце поворачивалось смотрѣть на этихъ мужиковъ, которые не ѣли по два, по три дня. Молчаливыя мѵки написаны были на лицахъ, свѣтились лихорадочнымъ свѣтомъ въ глазахъ, и каждое движеніе точно было связано этою голодною мѵкой. Въ одномъ мѣстѣ прямо на снѣгу лежалъ пластомъ молодой мужикъ, выбившійся изъ силъ. Скитники ѣхали и не могли ничѣмъ помочь.

Въ другомъ мѣстѣ скитники встрѣтили еще болѣе ужасную картину. На дорогѣ сидѣли двое башкиръ и прямо выли отъ голодныхъ коликъ. Страшно было смотрѣть на ихъ искаженныя лица, на дикіе глаза. Одинъ погнался за проѣзжавшими мимо пошевнями на четверенькахъ, какъ дикій звѣрь,—не было силъ подняться на ноги. Старецъ Аѳонимъ струсилъ и погналъ лошадь. Михей Зотычъ закрылъ глаза и молился вслухъ.

— Что же это такое?—спрашивалъ Аѳонимъ:—послѣднія времена настали, Михей Зотычъ...

— И давно настали... Хлѣбушко извели на винище, а *онъ* отрыгнулъ желѣзомъ, ситцами, самоварами да блондами.

— А какъ ты полагаешь на счетъ орды? Вѣдь тоже живая душа...

— Голодъ-то всѣхъ сровнялъ... *Онъ* всѣхъ допимаетъ, и всѣ равны предъ *его* лицомъ.

Самую ужасную картину представляла башкирская деревня, — первая станція по заводскому тракту. Башкирія прилегала къ горамъ, а русскія поселенія уже шли дальше. Башкиры голодали и вымирали каждую зиму, такъ сказать, нормальнымъ образомъ, а теперь получалось нѣчто ужасное. Половина башкирскихъ избъ пустовала,—хозяева или вымирали, или разбрелись, куда глаза глядятъ. Нужно было покормить лошадь на постояломъ, и скитники отправились посмотрѣть. Они въ первой же жилой избѣ натолкнулись на ужасающую картину: на нарахъ сидѣла старуха и выла, схватившись за животъ; въ углу лежала башкирка помоложе, спрятавъ голову въ какое-то тряпье,—несчастная не хотѣла слышать воя, стоновъ и плача ползавшихъ по избѣ голодныхъ ребятишекъ.

Михей Зотычъ побѣжалъ на постоялый дворъ, купилъ ковригу хлѣба и притащилъ ее въ башкирскую избу. Нужно было видѣть, какъ всѣ кинулись на эту ковригу, вырывая куски другъ у друга. Люди обезумѣли отъ голода и бросались другъ на друга, какъ дикіе звѣри. Михей Зотычъ стоялъ, смотрѣлъ и плакалъ... Слабъ человѣкъ, немощенъ, а велика его гордыня.

Возвращаясь на постоялый, скитники встрѣтили сельскаго старосту и пристали къ нему съ разспросами, чего смотритъ начальство.

— Какъ не смотрѣть, смотритъ начальство, — спокойно отвѣтилъ башкиръ.—Больно хорошо смотритъ.

— А гдѣ у васъ общественный магазинъ?

— Мало-мало посмотри...

Староста привелъ стариковъ къ общественному магазину, растворилъ двери, и скитники отступили въ ужасѣ: въ амбарѣ, вмѣсто хлѣба, сложены были закоченѣвшіе трупы замерзшихъ башкиръ.

— Это урядникъ на дорогѣ собиралъ, — объяснилъ невозмутимо башкиръ.—Урядникъ все смотритъ.

Вернувшись на постоялый дворъ, старецъ Аѳоимъ заявилъ:

— Ну, Михей Зотычъ, поѣдемъ-ка мы назадъ въ скиты... Помирать, такъ помирать честно, у себя дома.

— Какъ знаешь, честной отецъ. А я поѣду дальше... Мнѣ нельзя.

Аѳоимъ только вздохнулъ и отринулъ накатившій малодушный стихъ.

II.

Самыя ужасныя картины голода были именно въ „ордѣ". И безъ того башкиры вымираютъ во время зимнихъ голодовокъ, а тутъ вымирали вдвойнѣ. Помощи уже ниоткуда не могло быть. Обыкновенно орда по зимамъ кормилась около русскихъ деревень, а теперь и тамъ ничего не было. Михей Зотычъ захватилъ съ собой всѣ свои капиталы и потихоньку творилъ тайную милостыню. Съ нимъ было до пятидесяти тысячъ, которыя онъ везъ на раздачу своимъ старовѣрамъ, но кругомъ стояла такая отчаянная нужда, что не было уже своихъ и чужихъ, а просто умиравшіе съ голоду. Денегъ старикъ не любилъ давать, а закупалъ, гдѣ только могъ, хлѣбъ и помогалъ натурой. Да и что значили въ такое время какія-нибудь пятьдесятъ тысячъ — капля въ морѣ. Море народной бѣды выступало изъ береговъ.

Скитники по краю Башкиріи, прилегавшему къ горамъ, проѣхали въ земли Оренбургскаго казачьяго войска, гдѣ своихъ было достаточно. Михею Зотычу давно хотѣлось пробраться въ этотъ завѣтный край, о которомъ ходила красная молва. Главное—земли было вдоволь, по тридцати десятинъ на душу, и какой земли — черноземъ, какъ овчина. Особенно на слуху были крѣпкія степныя травы, росшія на солончакахъ. Всякая скотина отгуливалась здѣсь, какъ на коврѣ. Но первыя же станицы поразили скитниковъ своимъ убожествомъ, напоминавшимъ убогую башкирскую городьбу. Казачья лѣнь такъ и лѣзла въ глаза.

— Охъ, лѣнивы казаченьки! — повторялъ Михей Зотычъ, опытнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядывая всякую мелочь.—Пожалуй, не далеко отстали отъ башкиръ-то.

— Есть лѣница,—соглашался Аѳоимъ.—Неулежно живутъ. Нога за ногу задѣваютъ.

Въ одномъ мѣстѣ Михей Зотычъ возмутился до глубины души.

— Погляди-ка, Аѳоимъ, на казачью работу!

Аѳоимъ смотрѣлъ кругомъ на снѣжную поляну и ничего не понималъ.

— Не видишь?—злился Михей Зотычъ, останавливая лошадь.

Онъ вылѣзъ изъ саней, пошелъ въ сторону и принесъ нѣсколько сухихъ дудокъ, торчавшихъ изъ-подъ снѣга.

— Это какъ называется?

— У насъ дудкой медвѣжьей зовутъ.

— А что это обозначаетъ? Ахъ, Аноимъ, Аноимъ! Ничего-то ты не понимаешь, честной отецъ! Гдѣ такая дудка будетъ расти? На некошеномъ мѣстѣ... Значитъ, трава прошлогодняя осталась—вотъ тебѣ и дудка. Кругомъ скотина отъ безкормицы дохнетъ, а казачки некошеную траву оставляютъ... Охъ, бить ихъ некому!

Всѣ станицы походили одна на другую, и вездѣ были одни и тѣ же порядки. Не хватало рукъ, чтобъ управиться съ землей, и некому ее было сдавать, — арендная плата была отъ 20-ти до 50-ти копеекъ за десятину. Прямо смѣшная цѣна... Далеко ли податься до башкиръ, и тѣ вонъ сдаютъ поблизости отъ заводовъ по 3 рубля десятину. Казачки-то пожалуй, похуже башкиръ оказали себя.

Станичники тоже голодали, а главнымъ образомъ—нечѣмъ было кормить скотину, которую и продавали за безцѣнокъ.

— Охъ, вы бы лѣнь-то вашу куда-нибудь продали!—корилъ Михей Зотычъ.—Живете только однимъ годомъ, отъ урожая до урожая. Хоть бы соломы-то оставляли скотинѣ... Вѣдь годъ на годъ не приходится, миленькіе.

Огорчили станичники Михея Зотыча. Очень ужъ лѣнивы и прямо отъ себя голодаютъ. Къ вину тоже очень припадочны, — башкиры хоть лѣнивы, да вина не пьютъ.

— Ну, тутъ и смотрѣть нечего, — рѣшилъ Михей Зотычъ. — Хлѣбъ-то тоже къ рукамъ. Владаютъ городомъ а помираютъ голодомъ.

Причина казачьей голодовки была налицо: безпросыпная казачья лѣнь, кабаки и какая-то дѣтская беззаботность о завтрашнемъ днѣ. Если крестьянинъ голодаетъ отъ своихъ четырехъ десятинъ надѣла, такъ его и Богъ проститъ, а голодать да морить моромъ скотину отъ тридцати — прямо грѣшно. Конечно, жаль малыхъ ребятъ да скотину, а ничѣмъ не поможешь, подъ лежачъ камень и вода не течетъ.

Изъ станицъ Михей Зотычъ повернулъ прямо на Ключевую, гдѣ уже не былъ года три. Хорошаго и тутъ было мало. Народъ совсѣмъ выбился изъ всякой силы. Около десяти лѣтъ уже выпадали недороды, но покрывались то степнымъ хлѣбомъ, то сибирскимъ. Своихъ запасовъ уже давно не было, и хозяйственное равновѣсіе нарушилось въ корнѣ. И тутъ пшеничники плохо пахали, не хотѣли удобрять землю и везли на рынокъ послѣднее. Всякій разсчитывалъ перекрыться урожаемъ, а земля точно затворилась.

— Ручки любитъ земелька-то матушка!—вздыхалъ Михей Зотычъ.—Черная земелька родитъ бѣленькій-то хлѣбецъ и черныхъ ручекъ требуетъ... А пшеничники позазнались малымъ дѣломъ. И черному бы хлѣбцу рады, да и его не родилъ Господь... Охъ, миленькіе, отъ себя страждете!.. Лакомство-то свое, видно, подороже всего, а вотъ Господь и нашелъ.

Эти строгія теоретическія разсужденія разлетались прахомъ при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Конечно, и пшеничники виноваты, а съ другой стороны выдвигалась масса такихъ причинъ, которыя уже не зависѣли отъ пшеничниковъ. Первое дѣло, своя собственная темнота одолѣвала, тотъ душевный гладъ, о которомъ говоритъ Писаніе. Пришли волки въ овечьей шкурѣ и воспользовались мглой... По закону разорили цѣлый край. И какъ все просто: комаръ носу не подточитъ.

Въ Суслонъ пріѣхали ночью. Только въ одномъ поповскомъ домѣ свѣтился огонекъ. Гдѣ-то ревѣла голодная скотина. Во многихъ мѣстахъ солома съ крышъ была уже снята и ушла на кормъ. Вотъ до чего дошло! Вѣяло отъ всего зловѣщею голодною тишиной. Навстрѣчу вышла голодная собака, равно-

душно посмотрѣла на пріѣзжихъ, понюхала воздухъ и съ голодною зѣвотой отправилась въ свою конуру.

— И песъ передъ хлѣбомъ смиряется,—подумалъ Михей Зотычъ, припоминая старинную поговорку.

Емельянъ уѣхалъ съ женой въ Заполье, а на мельницѣ оставался одинъ Симонъ. Въ первую минуту старикъ не узналъ сына,—такъ онъ измѣнился за этотъ короткій срокъ.

— Ну, здравствуй, сынокъ.

— Здравствуй, тятенька.

— Вотъ пріѣхалъ посмотрѣть, какъ вы тутъ поживаете.

— А ничего... Вездѣ одно и то же.

— Видѣлъ, милый, что ничего... Хоть шаромъ покати... да. Чисто живете, однимъ словомъ. Давно мельница-то стоитъ?

— А съ осени... Нечего молоть. Вотъ ждемъ сибирскаго хлѣба.

— Ждите, миленькіе... Только какъ бы онъ мимо рта не проѣхалъ. Очень ужъ вы любите дешевку-то.

Отца Симонъ принялъ довольно сухо. Прежняго страха точно и не бывало. Михей Зотычъ только жевалъ губами и не спрашивалъ, гдѣ невѣстка. Наталья Осиповна видѣла въ окно, какъ подъѣхалъ старикъ, и нарочно не выходила. Не велико кушанье,—подождетъ. Михей Зотычъ сейчасъ же сообразилъ, что Симонъ находится въ полномъ рабствѣ у старой жены, и захотѣлъ ее проучить.

— Ну, спасибо, сынокъ, за хлѣбъ-соль,—заявилъ онъ, поднимаясь.

— Папаша, куда вы?—спросилъ Симонъ.—Наташа сейчасъ выйдетъ.

— Какая Наташа?

— Жена Наташа.

— Ну, и пусть выходитъ, когда проснится. Прежде-то снохи свекровъ за ворота выскакивали встрѣчать, а нынче свекоры должны ихъ ждать, какъ барынь... Нѣтъ, это ужъ не модель, Симонъ Михеичъ. Я вотъ тебѣ загадку загну: сноху привели и трубу на крышу поставили. Прощай, миленькій!

Старикъ Аѳоимъ, распрягавшій лошадь, нисколько не удивился, когда пришелъ Михей Зотычъ и велѣлъ снова запрягать. Онъ привыкъ къ выходкамъ нравнаго старика. Что же, ѣхать такъ ѣхать.

— Вотъ какъ нынче въ гости къ дѣтямъ пріѣзжаютъ,—объяснялъ Михей Зотычъ, выѣзжая съ мельницы.—Пожалуйте почаще мимо-то.

Наталья Осиповна выглядывала на гостей изъ-за косяка и говорила:

— Съ Богомъ... Губа толще—брюхо тоньше.

Симонъ чувствовалъ себя постоянно виноватымъ передъ женой, а теперь еще больше. Но Наташа не взъѣлась на него, а только прибавила:

— Будетъ ломаться-то старымъ чертямъ... Въ чужой вѣкъ живутъ. Нѣтъ, видно, не прежнія времена.

Скитники переночевали у какого-то знакомаго Михею Зотычу мужичка. Голодъ чувствовался и въ Суслонѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ окрестныхъ деревняхъ. Зато суслонцевъ одолѣвали сосѣди. Каждое утро подъ окнами проходили вереницы голодающихъ. Михей Зотычъ сидѣлъ все утро у окна, подавалъ купленный хлѣбъ и считалъ голодныхъ.

— Охъ, Боговы работнички, нехорошо! — шамкалъ онъ. — Привелъ Господь съ ручкой итти подъ чужими окнами... Вотъ до чего лакомство-то доводитъ! Видно, который и богатъ мужикъ, да безъ хлѣба — не крестьянинъ. Такъ-то, миленькіе!.. Охъ, нужда-то выучитъ, какъ колачи ѣдятъ!

Старецъ Аноимъ молчалъ всю дорогу, не желая поддаваться бѣсовскому смущенію, а тутъ накинулся на Михея Зотыча.

— Что это ты дребезжишь, какъ худой горшокъ? Чужую бѣду руками разведу... А того не думаешь, что кого осудилъ, того грѣхъ на тебѣ и взыщется. Уменъ больно!

— А ежели правда?

— Правда-то ко времю... Тоже вонъ хлѣбъ не растетъ по снѣгу. Такъ и твоя правда... Видно, мужикъ-то уменъ, да міръ дуракъ. Не величайся чужой бѣдой... Божье тутъ дѣло.

Михей Зотычъ смущенно умолкъ. Терпѣливъ былъ Аноимъ, а какъ прорветъ—удержу нѣтъ.

— Ну, прости на скоромъ словѣ, честной отецъ,—покорно проговорилъ Михей Зотычъ.

— Мнѣ-то чего тебя прощать, скрипуна, а вотъ ты ложкой кормишь, а стеблемъ глаза колешь.

— Охъ, согрѣшилъ, честной отецъ!

Смиренія у Михея Зотыча однако хватило не надолго. Онъ узналъ, что въ домѣ попа Макара устраивается „голодная столовая“, и отправился туда. Ему все нужно было видѣть. Попъ Макаръ сильно постарѣлъ и былъ весь сѣдой. Онъ два года назадъ похоронилъ свою попадью Луковну и точно весь засохъ съ горя. Въ первую минуту онъ даже не узналъ стараго благопріятеля.

— Вы насчетъ земства?—спрашивалъ старикъ Михея Зотыча.—Ахъ, да что же это я!.. Во-первыхъ, здравствуй, Михей Зотычъ, а во-вторыхъ, будь гостемъ.

— Спасибо, спасибо, батя... Вотъ зашелъ провѣдать тебя. Какъ вы тутъ поживаете?

— А плохо, Михей Зотычъ. Какъ попадья померла, такъ и пошло все вверхъ дномъ. Теперь вонъ голодъ... При попадьѣ-то о голодѣ и не слыхивали, а какъ она померла...

— Сказываютъ, казна будетъ кормить?

— Наѣхали земскіе... Какъ же!.. У меня сняли на дворѣ избу подъ столовую. Земская барышня пріѣхала, а потомъ Ермилычъ орудуетъ... Онъ ѣдь нынче тоже по земству.

„Земскою барышней“ оказалась Устенька, которая пріѣхала съ какими-то молодыми людьми устраивать въ Суслонѣ столовую для голодающихъ. Мельникъ Ермилычъ въ качествѣ земскаго гласнаго помогалъ. Онъ уже цѣлое трехлѣтіе „служилъ“ въ земствѣ и лѣзъ изъ кожи, чтобы чѣмъ-нибудь выдвинуться. Конечно, онъ поступалъ во всемъ, руководствуясь совѣтами Замараева.

Появленіе скитскаго старца въ голодной столовой произвело извѣстную сенсацію. Молодые люди приняли Михея Зотыча за голодающаго, пока его не узнала Устенька.

— Михей Зотычъ, какъ вы-то сюда попали?—удивлялась она, здороваясь со старикомъ.

— А мимо ѣхалъ, красавица. Ѣхалъ, да и заѣхалъ. Эти молодцы-то поповичи будутъ?

— Нѣтъ, студенты. Сами пріѣхали. Вотъ двое фельдшерами будутъ, а другіе такъ, помогать?

— Такъ, такъ... Дай Богъ. А я думалъ, поповичи, потому бойки больно.

Какъ разъ въ этотъ моментъ подвернулся Ермилычъ, одѣтый уже по-городски—въ „спинжакъ“, въ крахмальную сорочку и штаны на выпускъ.

— А, Михею Зотычу, сорокъ одно съ кисточкой! — бойко поздоровался онъ.

— Здравствуй, здравствуй, миленькій.

— Завернулъ поглядѣть, какъ мы будемъ народъ кормить? Все, братъ, земство орудуетъ... Отъ казны способіе выхлопотали, отъ партикулярныхъ лицъ имѣемъ тоже. Какъ же!.. Теперь вотъ здѣсь будемъ кормить, а тамъ деньгами.

— Такъ, такъ... Отъ денегъ-то народъ и въ раззоръ пошелъ, а вы ему еще денегъ суете. Отъ вашихъ денегъ и голодъ.

— Какъ же это такъ, Михей Зотычъ?—смутился Ермилычъ.

— А вотъ такъ... Ты подумай-ка своимъ-то умомъ. Жили раньше безъ денегъ и не голодали, а какъ узнали мужички, какія-такія деньги бываютъ,—ну, и вышелъ голодъ. Ну, теперь-то понялъ?

Ермилычъ только чесалъ въ затылкѣ, а Михей Зотычъ хлопнулъ его по плечу и вышелъ.

III.

Вернувшись домой, Михей Зотычъ опять долженъ былъ каяться въ „скоромъ словѣ“, а честной отецъ Анѳимъ опять началилъ его.

— Это *онъ* тебя подтыкаетъ на скорыя-то слова, Михей Зотычъ... Мірское у тебя на умѣ. А ты думай про себя, что хуже ты всѣхъ,—вотъ *ему* и нечего будетъ съ тобой дѣлать. А какъ ты погордился, *онъ* и проскочитъ.

— Не могу я умирить себя. Даве это меня Ермилычъ ушибъ... Все у нихъ деньги на умѣ.

— Расширился, сказываютъ, Ермилычъ-то... Въ ростъ деньги даетъ мужикамъ, а самъ все за безцѣнокъ скупаетъ. Ему несутъ со всѣхъ сторонъ, а онъ беретъ... Тоже ремесло не завидное. Да еще хвалится: я, гритъ, всѣхъ васъ кормлю.

— Не къ добру распыхался.

Изъ Суслона скитники поѣхали внизъ по Ключевой. Михей Зотычъ хотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается въ богатыхъ селахъ. Вездѣ было то же уныніе, какъ и въ Суслонѣ. Народъ потерялъ голову. Изъ-подъ Заполья вверхъ по Ключевой быстро шелъ голодный тифъ. По дорогѣ попадались безцѣльно бродившіе по уѣзду мужики,—все равно, работы нигдѣ не было, а дома сидѣть не у чего. Болѣе малодушные уходили изъ дому, куда глаза глядятъ, чтобы только не видѣть голодавшія семьи.

За Суслономъ разсажались по Ключевой такія села, какъ Роньжа, Заево, Бакланиха. Нѣкоторыя избы уже пустовали,—семьи разбрелись, какъ послѣ пожара. Михей Зотычъ купилъ муки у попа Макара и раздавалъ фунтами и просто пригоршнями. Бабы такъ и рвали съ причитаньемъ и плачемъ.

Когда старцы уже подъѣзжали къ Жулановскому плесу, ихъ нагналъ Ермилычъ, катившій на парѣ своихъ собственныхъ лошадей. Дорожная кошевка и вся упряжка были сдѣланы на купеческую руку, а самъ Ермилычъ сидѣлъ въ енотовой шубѣ и бобровой шапкѣ. Онъ что-то крикнулъ старикамъ и махнулъ рукой, обгоняя ихъ.

— Ко мнѣ заѣзжайте, старички!—донеслось уже издали.

— Ловко катается,—замѣтилъ Анѳимъ.—Въ Суслонѣ сказывали, что онъ ѣздитъ на своихъ, а съ земства получаетъ прогоны. Чиновникъ тоже. Теперь съ попомъ Макаромъ дружитъ... Тотъ тоже хорошъ: хлѣба бол шія тысячи лежатъ, а онъ цѣну выжидаетъ. Злобятся мужички-то на попа-то... И куда, подумаешь, копитъ,—одинъ, какъ перстъ.

— Вотъ и ты осудилъ,—поймалъ его Михей Зотычъ.—Хоша онъ и не нашъ поп, а все-таки на немъ санъ... Взыскъ-то съ тебя вдвое.

— И то согрѣшилъ, Михей Зотычъ... Согрѣшилъ, родимый. Народъ-то болтаетъ,—ну, и я за другими.

— А ты подержи языкъ-то за зубами. Заѣдемъ, что ли, къ Ермилычу на мельницу? Надо на него поглядѣть дома-то.

— И то завернемъ. Коня хоть покормимъ.

Мельница Ермилыча была уже въ виду, когда навстрѣчу скитникамъ попалъ скакавшій безъ шапки мужикъ.

— Охъ, не ладно, родимые! — крикнулъ онъ на скаку. — Въ Суслонъ... въ волось... Охъ, не ладно.

Подъѣзжая уже къ самой мельницѣ, скитники замѣтили медленно расходившуюся толпу. У крыльца дома стояла взмыленная пара, а самъ Ермилычъ лежалъ на снѣгу, раскинувъ руки. Снѣгъ былъ утоптанъ и покрытъ кровяными пятнами.

— Охъ, не ладно!—повторилъ Анѳимъ слова скакавшаго мужика.

Остановивъ сани, скитники подошли къ убитому, который еще хрипѣлъ. Вся голова у него была залита кровью, а одинъ глазъ выскочилъ изъ орбиты. Картина была ужасная. На крыльцѣ дома показался кучеръ и началъ дѣлать скитникамъ какіе-то таинственные знаки. Начинавшая расходиться толпа опять повернула къ мѣсту убійства.

— Уѣзжайте по добру по здорову!—уже крикнулъ кучеръ.—Разстервенился народъ.

— Ну, насъ-то это не касаемо,—спокойно отвѣтилъ Михей Зотычъ.—Кто сдѣлалъ, тотъ и отвѣтъ дастъ.

Толпа все надвигалась. Послышался чей-то одинокій голосъ:

— Ребята, да вѣдь это старичонка съ Прорыва!

— Онъ!.. Братцы, это Колобовъ!.. Онъ первую крупчатку поставилъ и всѣхъ насъ разорилъ. Его работа.

— Онъ наколдовалъ, старичонка, голодъ-то!.. Ишь какъ ловко присунулся!

Толпа загалдѣла вся разомъ и двинулась къ мельникову дому. Задніе подталкивали переднихъ. Анѳимъ забрался въ сани и умолялъ Михея Зотыча уѣзжать.

— Не боюсь я дурачковъ!—спокойно отвѣтилъ упрямый старикъ.

Толпа продолжала наступать, и когда передніе окружили Михея Зотыча, Анѳимъ не вытерпѣлъ и нукнулъ лошадь. Кто-то хотѣлъ загородить ему дорогу, кто-то хватался за поводья, но лошадь была ученая и грудью пробила живую стѣну. Мелькнули только искаженныя злобой лица, сжатые кулаки. Кто-то сдернулъ съ Анѳима шапку. Полетѣла вдогонку толстая палка. Все это случилось такъ быстро, что Анѳимъ опомнился только за околицей.

Оглянувшись, Анѳимъ такъ и обомлѣлъ. По дорогѣ бѣжалъ Михей Зотычъ, а за нимъ съ ревомъ и гикомъ гналась толпа мужиковъ. Анѳимъ видѣлъ, какъ Михей Зотычъ сбросилъ на ходу шубу и прибавилъ шагу, но старость сказывалась, и онъ началъ уставать. Вотъ уже совсѣмъ близко разъяренная, обезумѣвшая толпа. Анѳимъ даже раскрылъ глаза, когда изъ толпы вылетѣла пара лошадей Ермилыча, и какой-то мужикъ, стоя въ кошевой на ногахъ, размахивая вожжами, налетѣлъ на Михея Зотыча.

— Господи, прости раба твоего Михея!— взмолился Анѳимъ, погоняя лошадь.

Къ своему ужасу онъ слышалъ, что пара уже гонится за нимъ. Лошадь

устала и плохо прибавляла ходу. Гдѣ же одной уйти отъ пары? Аѳоимъ уже слышалъ приближавшійся топотъ и, оглянувшись, увидѣлъ двухъ мужиковъ въ кошевкѣ. Они были уже совсѣмъ близко и что-то кричали ему. Аѳоимъ началъ хлестать лошадь вожжами.

— Эй, не гони! Лошадь изведешь!— кричалъ кто-то сзади.

А топотъ былъ все ближе. Вотъ уже совсѣмъ насѣдаютъ. Даже слышно, какъ тяжело хранитъ закормленный коренникъ.

— Стой!

Аѳоимъ продолжалъ отчаянно хлестать лошадь вожжами, когда кошевка поровнялась съ нимъ.

— Стой, отчаянный! Лошадь изведешь!

Аѳоимъ только сейчасъ узналъ голосъ Михея Зотыча. Да, это былъ онъ, цѣлъ и невредимъ. Другой мужикъ лежалъ ничкомъ въ кошевкѣ и жалобно стоналъ.

— Вотъ такъ погостили! — добродушно смѣялся Михей Зотычъ, останавливая взмыленныхъ лошадей.—Нечего сказать, ловко.

Лежавшій въ кошевкѣ кучеръ продолжалъ стонать.

— Охъ, убили!... Смертынька моя!

— Ну-ка, покажи, какой тебѣ гостинецъ достался?—спокойно говорилъ Михей Зотычъ.

— А плечо у меня... какъ саданетъ Гришка Уметовъ оглоблей

Михей Зотычъ осмотрѣлъ ушибъ, затекавшій багровымъ пузыремъ, ощупалъ, цѣла ли кость, и рѣшилъ:

— Ничего, заживетъ... Твое счастье, что по шубѣ пришлось, а то остался бы безъ руки.

Молодой парень кучеръ сѣлъ въ кошевкѣ и зарыдалъ истерически.

— Разстервенились, варнаки!... Дядя-то Егоръ съ полѣномъ за мной гнался... Это, кричитъ, змѣй, а не племянникъ!... А тутъ подвернулся Гришка Уметовъ... Ка-акъ саданетъ...

Парень долго не могъ успокоиться и время отъ времени начиналъ причитать какъ-то по-бабьи. Собственно своимъ спасеньемъ Михей Зотычъ обязанъ былъ ему. Когда били Ермилыча, кучеръ убѣжалъ и спрятался, а когда толпа погналась за Михеемъ Зотычемъ, онъ окончательно струсилъ: убьютъ старика и за него примутся. Въ отчаяніи онъ погналъ на лошадяхъ за толпой, какъ-то пробился и, обогнавъ бѣжавшаго Михея Зотыча, на всемъ скаку подхватилъ его въ свою кошевку.

— Кабы не твоя догадка, такъ лежать бы мнѣ рядышкомъ съ Ермилычемъ,—спокойно соображалъ Михей Зотычъ.—Спасибо, выручилъ.

Расщедрившись, старикъ добылъ два мѣдныхъ пятака и сунулъ ихъ за пазуху рыдавшему спасителю.

— На, пригодятся, милепькій.

Когда кучеръ немного успокоился, скитники узнали, какъ было дѣло съ Ермилычемъ.

— Злобились раньше на него наши мужички, — разсказывалъ кучеръ, охая и ощупывая ушибленное мѣсто.—Давно злобились, потому, какъ онъ всю округу забралъ въ лапы, не тѣмъ будь помянутъ покойникъ... Всѣ у него были въ долгу, какъ рыба въ сѣти. За его-то денежки, окромя процента, еще отрабатывать приходилось. Дастъ подъ закладъ два рубля, вычтетъ впередъ проценту сорокъ восемь копеекъ, да еще отрабатывай ему въ страду. А тутъ, въ голодъ-то, онъ и совсѣмъ лютовать началъ... Что хошь бери, а только не дай съ голоду помереть. Напослѣдяхъ онъ и удумалъ штуку... Суслонскому-то

попу Макару зазорно самому хлѣбъ въ четыредорога продавать,—ну, онъ черезъ Ермилыча, а Ермилычу опять свой процентъ съ поповскаго хлѣба идетъ. Мужички-то тошнѣе того озлобились... Ну, какъ мы пріѣхали сегодня изъ Суслона-то, мужички и окружили... „Опять, грятъ, за поповскимъ хлѣбомъ ѣздилъ, кровопивецъ?“ Оно бы ничего, ежели бы Ермилычъ не выпимши былъ... Учалъ онъ мужичковъ ругать, а потомъ выхватилъ левольвертъ и учалъ левольвертомъ грозить... Тутъ ужъ дядя Егоръ какъ саданетъ его стягомъ... Потомъ всѣ бросились и давай рвать, какъ волки. Дыхануть однова не успѣлъ... А дядя Егоръ разстервенился и на меня. „Одной свиньи, кричитъ, мясо!“ Ну, я и убѣгъ въ сѣни. А тутъ вы, какъ на грѣхъ, подъѣхали... Я-то обозначалъ вамъ, чтобъ уѣхали, а вы толчетесь около Ермилыча... Охъ, смертынька моя!.. Зря человѣка порѣшили... Потомъ опомнятся, какъ начальство наѣдетъ. Не свой братъ... Охъ, ущемило у меня въ плечѣ, Михей Зотычъ!

Опасность налетѣла такъ быстро и такъ быстро пронеслась, что скитники опомнились и пришли въ себя только вечеромъ, когда пріѣхали въ свою раскольничью деревню и остановились у своихъ. Аѳоимъ всю дорогу оглядывался, ожидая погони, но на ихъ счастье въ деревнѣ не нашлось ни одной сытой лошади, чтобы догнать скитниковъ. Михей Зотычъ угнетенно молчалъ и заговорилъ только, когда улеглись спать.

— Аѳоимъ... ты спишь?

— Нѣтъ.

— А вѣдь даве-то былъ у смерти конецъ.

— Совсѣмъ конецъ приходилъ, Михей Зотычъ.

Колобовъ только тутъ припомнилъ, какъ предательски поступилъ съ нимъ честной отецъ—бросилъ на разстерзаніе, а самъ угналъ.

— Аѳоимъ, разѣ это порядокъ, чтобъ угонять?

— А ежели ты уперся, какъ пень?

— Трусу ты спраздновалъ, честной отецъ... Ахъ, нехорошо! Кабы не догадливый кучеръ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Борзость свою хотѣлъ показать, Михей Зотычъ.

Припомнивъ всѣ обстоятельства, Михей Зотычъ только теперь испугался. Старикъ сѣлъ и началъ креститься, чувствуя, какъ его всего трясетъ. Безъ покаянія бы померъ, какъ Ермилычъ... Видно, за родительскія молитвы Господь помиловалъ. И то сказать, отъ своей смерти не посторонишься.

— Аѳоимъ, а ворота заперты?

— Заперты.

— Точно какъ будто на улицѣ шумъ?

— Блазнитъ тебѣ, Михей Зотычъ. Перекрестись да спи.

Михей Зотычъ не могъ заснуть всю ночь. Ему все слышался шумъ на улицѣ, топотъ ногъ, угрожающіе крики, и онъ опять трясся, какъ въ лихорадкѣ. Разъ десять онъ подкрадывался къ окну, припадалъ ухомъ и вслушивался. Все было тихо, онъ крестился и опять напрасно старался заснуть, Еще въ первый разъ въ жизни смерть была такъ близко, совсѣмъ на носу, и онъ трепеталъ, несмотря на свои девяносто лѣтъ.

— Аѳоимъ, ты спишь?

Аѳоимъ притворился спящимъ и ничего не отвѣчалъ.

Потомъ Михею Зотычу сдѣлалось страшно уже не за себя, а за другихъ, за потемнѣвшій разумъ, за страшное звѣрство, которое дремлетъ въ каждомъ человѣкѣ. Убитому лучше — разъ потерпѣть, а убивцы будутъ всю

разговоровъ. Дѣла банка шли отлично, и банковскія акціи уже поднялись въ цѣнѣ въ два съ половиной раза.

Пока банковскіе заправилы шутили, Ечкинъ неутомимо хлопоталъ. Онъ то пропадалъ изъ Заполья, то снова появлялся, точно метеоръ. И только одинъ Полуяновъ, сохранившій чутье стараго сыщика, понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло. Ечкинъ, потихоньку отъ всѣхъ, „разрабатывалъ“ неприступнаго милліонера Нагибина. Какими путями онъ пробрался къ нему, чѣмъ заслужилъ довѣріе этого никому не вѣрившаго скряги,—оставалось неизвѣстно. Но Полуяновъ отлично зналъ, что по вечерамъ, когда стемнѣетъ, Ечкинъ ѣздилъ къ Нагибину, жившему на краю города, и проводилъ тамъ по нѣскольку часовъ. Конечно, даромъ Ечкинъ не сталъ бы терять свое золотое время. Онъ, впрочемъ, не одинъ разъ возвращался въ изнеможенномъ отчаяніи, бралъ Полуянова за пуговицу его сюртука и говорилъ:

— Вѣдь я—святой человѣкъ, Илья Ѳирсычъ, святой по терпѣнію... Господи, чего только я ни терплю? Нѣтъ, кажется, такой глупости, которую не приходилось бы продѣлывать. И, ей-Богу, не для себя хлопочу, а для другихъ...

— Глупый народъ, Борисъ Яковличъ... Ничего не понимаютъ. Я тоже натерпѣлся вполнѣ достаточно...

— Да, да... Напримѣръ, деньги—что̀ такое деньги, когда онѣ лежатъ безъ всякой пользы? Это все равно—если хорошенькую женщину завязать въ мѣшокъ... да. Хуже: это развратъ.

— Совершенный развратъ, Борисъ Яковличъ.

— Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы не понимать такой простой вещи. Деньги—то же, что̀ солнечный свѣтъ, воздухъ, вода, первые поцѣлуи влюбленныхъ,—въ нихъ скрыта животворящая сила, и никто не имѣетъ права скрывать эту силу. Деньги должны работать, какъ всякая сила, и давать жизнь, проливать эту жизнь, испускать ее лучами.

— Я то же самое всегда думалъ, Борисъ Яковличъ.

Таинственные визиты Ечкина къ Нагибину закончились совершенно неожиданно. Даже видавшій всякіе виды на своемъ вѣку Полуяновъ ахнулъ, когда Ечкинъ однажды утромъ заявилъ ему:

— Илья Ѳирсычъ, вы мнѣ сегодня нужны. Вѣдь вы умѣете быть шаферомъ?

— Случалось. Только я-то сейчасъ не гожусь. Шаферомъ бываютъ молодые, неженатые люди, а я... гм...

— Э, пустяки!.. Тамъ гдѣ-то нужно что-то такое расписаться,—однимъ словомъ, глупая формальность.

— Свидѣтелемъ могу быть.

— Дѣло въ слѣдующемъ... да. Вѣдь вы знаете, что у этого милліонера Нагибина есть дѣвица-дочь. Ей уже за тридцать... да. А вѣдь женщина—тоже капиталъ, который необходимо реализировать. Хорошо. Вы помните, что есть молодой человѣкъ Колобовъ, Симонъ? Онъ сидитъ на отцовской мельницѣ совсѣмъ безъ дѣла и ловитъ мухъ. Я и поѣхалъ къ нему на мельницу и все объяснилъ. Если онъ женится на Нагибиной, у него будетъ все. Понимаете?.. Ну, конечно, молодой человѣкъ и сначала ничего не понималъ... Мнѣ же пришлось ему объяснять, что ранняя молодость и женская красота въ семейной жизни еще не составляютъ счастья, а нужно искать душу... Понимаете?.. Ломался-ломался, а я все-таки его привезъ и прямо къ Нагибинымъ. Пришлось быть сватомъ. Безъ меня у нихъ ничего бы не вышло. Такъ вотъ, будетъ свадьба, такая—безъ шуму, и вы будете свидѣтелемъ.

Полуяновъ смотрѣлъ на Ечкина съ раскрытымъ ртомъ, потомъ схватилъ его за руку и восторженно проговорилъ:

— Борисъ Яковличъ... Вѣдь это что же такое, а? Это... это... Вамъ бы по-настоящему сибирскимъ исправникомъ быть!

VIII.

Мы уже сказали выше, что за время отсутствія Полуянова въ Запольѣ было открыто земство. Въ сосѣднихъ губерніяхъ земскія учрежденія дѣйствовали уже давно и успѣли пережить первую горячую пору увлеченій, такъ что запольскіе земцы уже не увлекались ничѣмъ. Да и контингентъ гласныхъ былъ почти тотъ же, что и въ думѣ, съ прибавкой нѣсколькихъ мужиковъ, писарей и деревенскихъ поповъ, какъ о. Макаръ изъ Суслона. Въ Запольскомъ уѣздѣ не было ни одного помѣщика, поэтому земство получило отчасти купеческій характеръ. Изъ новыхъ людей выдались сразу Замараевъ, двоюродный братъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ, повторявшій, какъ эхо, чужія слова, Евграфъ Огибенинъ и уже извѣстные дѣльцы, какъ Мышниковъ, Штоффъ и компанія. Къ числу новыхъ людей можно было отнести Стабровскаго. Его даже выбаллотировали въ предсѣдатели земской управы, но онъ великодушно отказался въ пользу кандидата, которымъ былъ Огибенинъ. И здѣсь, какъ въ думѣ, подавлялъ всѣхъ Мышниковъ, но его вліяніе въ земскихъ дѣлахъ уже не имѣло той силы, какъ въ купеческой думѣ. Въ земствѣ составился совершенно самостоятельный кружокъ гласныхъ, не зависѣвшихъ отъ Запольскаго банка, и Мышниковъ получалъ отпоръ при каждой попыткѣ проявить свой деспотизмъ. Онъ свои неудачи теперь вымѣщалъ на Огибенинѣ, котораго преслѣдовалъ по пятамъ. Въ земскихъ дѣлахъ особенную силу получила гласность. Харченко попалъ въ число гласныхъ и работалъ по земскимъ вопросамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Его прочили уже въ члены управы. Недостатокъ людей чувствовался въ земствѣ еще больше, чѣмъ въ думѣ, и работала небольшая кучка. Вообще дѣятельность земства проявила себя съ очень хорошей стороны, а главное — дѣло шло совершенно независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Дѣятельность этого новаго земства главнымъ образомъ выразилась въ развитіи народнаго образованія. Въ уѣздѣ школы открывались десятками, а въ большихъ селахъ, какъ Суслонъ, были открыты по двѣ школы. Пропагандировалъ школьное дѣло Харченко, и ему даже предлагали быть инспекторомъ этихъ школъ, но онъ отказался. Газета, типографія и библіотека отнимали почти все время, а новыхъ помощниковъ было мало, да и тѣ были преимущественно женщины, какъ Устенька.

— Было бы дѣло, а люди будутъ,—увѣренно повторялъ Харченко.

По земскимъ дѣламъ Харченко особенно близко сошелся со старикомъ Стабровскимъ. Этому сближенію много способствовала Устенька. Она знала, что Стабровскій увлекается земствомъ и въ качествѣ вліятельнаго человѣка можетъ быть очень полезенъ. Вышла довольно комичная сцена перваго знакомства.

— Мы съ вами враги по части банковскихъ и винокуренныхъ дѣлъ,— откровенно объяснилъ Стабровскій: — но думаю, что будемъ друзьями въ земствѣ.

— Это будетъ видно.

— Я почти увѣренъ... Здѣсь наши интересы вполнѣ совпадаютъ.

Стабровскій никогда и ничего не дѣлалъ даромъ, и Устенька понимала,

что, сближаясь съ Харченкой, онъ, съ одной стороны, проявлялъ свою полную независимость по отношенію къ Мышникову, съ другой — удовлетворялъ собственному тяготѣнію къ общественной дѣятельности, и съ третьей—организовалъ для своей Диди общество содержательныхъ людей. Въ логикѣ Стабровскаго все въ концѣ концовъ сводилось къ этой Дидѣ, которая была уже взрослою барышней.

— Сморчокъ какой-то, — резюмировала Дидя свое впечатлѣніе, познакомившись съ Харченкой. — Я удивляюсь пристрастію папы къ разнымъ монстрамъ.

Устенька бывала у Стабровскихъ довольно часто, хотя и съ перерывами. Но стоило ей не быть съ недѣлю, какъ старикъ встрѣчалъ ее ворчаньемъ и выговорами. Онъ вообще замѣтно старился, дѣлался требовательнѣе и брюзжалъ, какъ настоящій старикъ. Устеньку забавляло, какъ онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и требовалъ самаго подробнаго отчета въ поведеніи, точно отецъ. Съ другой стороны, это упорное вниманіе трогало и подкупало ее. Она такъ любила Стабровскаго, когда онъ былъ у себя дома. Въ немъ было столько какой-то неудовлетворенной жажды дѣятельности, особенной теплоты и еще болѣе особенной польской культурности. Никто такъ не умѣлъ взвѣсить и оцѣнить во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ всякое новое явленіе, какъ Стабровскій. Въ земской дѣятельности онъ хотѣлъ точно искупить самого себя и отдавался ей съ жаромъ молодого человѣка.

— Ахъ, какъ я завидую вамъ, молодымъ людямъ! — повторялъ онъ съ какою-то тоской.—Вѣдь передъ вами цѣлая жизнь впереди. Жаль подумать, въ какое время намъ пришлось прожить свою молодость. Я тебѣ какъ-нибудь разскажу, Устенька. Да, тяжелое было время. Когда говорятъ о недостаткахъ и недочетахъ настоящаго, я всегда вспоминаю это далекое прошлое, безправное, несправедливое и темное. Вѣдь теперь каждая земская школа является уже свѣтлымъ лучомъ, знаменіемъ времени, залогомъ будущаго... Впереди— грамотная Россія, свободный трудъ, нарастающая культура!

Насколько самъ Стабровскій всѣмъ интересовался и всѣмъ увлекался, настолько Дидя оставалась безучастной и равнодушной ко всему. Отецъ утѣшалъ себя тѣмъ, что все это результатъ ея болѣзненнаго состоянія, и не хотѣлъ и не могъ видѣть дѣйствительности. Дидя была представителемъ вырождавшейся семьи и не понимала отца. Она могла по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не дѣлать, и ея интересы не выходили за черту собственнаго дома.

Когда приходила Устенька, Стабровскій непремѣнно заводилъ рѣчь о земствѣ, о школахъ и разныхъ общественныхъ дѣлахъ, и Устенька понимала, что онъ старается втянуть Дидю въ кругъ этихъ интересовъ. Дидя слушала изъ вѣжливости нѣкоторое время, а потомъ старалась улизнуть изъ комнаты подъ первымъ предлогомъ. Старикъ провожалъ ее печальными глазами и грустно качалъ головой.

Разъ, среди самаго серьезнаго разговора, Устенька неожиданно спросила старика:

— Скажите, Болеславъ Брониславичъ, вы очень не любите Галактіона Михеича?

— Да, не люблю.

— Не будетъ съ моей стороны нескромнымъ вопросомъ, если спрошу: за что?

— Причинъ достаточно, а главная — та, что изъ него вышло совсѣмъ не то, что̀ я предполагалъ. Впрочемъ, это часто случается, что мы въ людяхъ не любимъ именно собственныя ошибки. А почему тебя это интересуетъ?

— Да такъ... Онъ нынче бываетъ у отца, и я возмущалась, что отецъ его принимаетъ.

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло! Мы, старики, въ силу вещей, относимся къ людямъ снисходительнѣе, хотя и ворчимъ. Молодость нетерпима, а за старостью стоитъ громадный опытъ, который говоритъ, что на землѣ совершенства нѣтъ, и что все относительно. У стариковъ, если хочешь, своя логика.

Устенька не безъ ловкости перевела разговоръ на другую тему, потому что Стабровскому, видимо, было непріятно говорить о Галактіонѣ. Ему показалось, въ свою очередь, что дѣвушка чего-то не договариваетъ. Это былъ еще первый случай недомолвки. Стабровскій продумалъ всю сцену и пришелъ къ заключенію, что Устенька пришла спеціально для этого вопроса. Что же, это ея дѣло. Когда дѣвушка уходила, Стабровскій съ особенною нѣжностью простился съ ней и два раза поцѣловалъ ее въ голову.

— Умница ты моя...—повторялъ онъ взволнованно.

Разъ, когда Устенька была одна, неожиданно заявился Галактіонъ. Она встрѣтила его довольно сурово, но онъ, кажется, совсѣмъ былъ нерасположенъ что-нибудь замѣчать.

— Папы нѣтъ дома.

— Нѣтъ? А я его подожду.

— Какъ хотите.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ прислугой. Устенька обидѣлась и вышла изъ комнаты. Пусть сидитъ одинъ, невѣжа! Галактіонъ дѣйствительно сидѣлъ у стола и ничего не хотѣлъ замѣчать. Устенька два раза посмотрѣла на него въ щель двери и совсѣмъ разсердилась. Въ самомъ дѣлѣ, это нахальство — явиться въ домъ, сѣсть и не обращать ни на кого вниманія. Устенька волновалась. Ея раздраженіе достигло высшей степени, когда она услышала, что Галактіонъ сидитъ и смѣется. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Она вышла къ Галактіону и увидѣла, что онъ сидитъ съ послѣднимъ номеромъ „Запольскаго Курьера“ и хохочетъ.

— Можетъ-быть, вамъ что-нибудь нужно передать папѣ?

— Ахъ, это вы, барышня! — удивился Галактіонъ, продолжая смѣяться.

— Чему вы смѣетесь?

— Да ужъ очень смѣшно въ газетѣ пишутъ.

— Ничего смѣшного нѣтъ.

— Да вы не читали... Вотъ посмотрите—цѣлая статья: „Наши партіи“. Начинается такъ: „Въ нашемъ Запольѣ городское общество дѣлится на двѣ партіи: старонавозная и новонавозная“. Вѣдь это смѣшно? Пишетъ докторъ Кочетовъ, потому что дума не согласилась съ его докладомъ о необходимыхъ санитарныхъ мѣрахъ. Очень смѣшныя слова докторъ придумалъ.

— А по-моему, такъ это просто неприличныя слова... Вѣроятно, и докторъ придумалъ ихъ въ ненормальномъ состояніи.

— Ничего вы не понимаете, барышня,—довольно рѣзко отвѣтилъ Галактіонъ уже серьезнымъ тономъ. — Да, не понимаете... Писалъ-то докторъ, дѣйствительно, пьяный, и барышнѣ такія слова, можетъ-быть, совсѣмъ не подходятъ, а только все это правда. Ужъ вы меня извините, а дѣйствительно мы такъ и живемъ... по-навозному. Зарылись въ своей грязи и знать ничего не хотимъ... да. И еще намъ же смѣшно, вотъ какъ мнѣ сейчасъ.

— Кто же вамъ велитъ такъ жить?

— Кто велитъ?.. Вотъ видите, барышня, какъ я съ вами буду разговаривать... Если вамъ сказать все прямо, такъ вы, пожалуй, и обидитесь.

— Можно все говорить, если серьезно.

— Да? Такъ... Хорошо. Прежде всего, всѣ мы звѣри. Вы скажете: „ахъ, это мужчины звѣри, а женщины бѣдныя“ и прочее. Такъ? Хорошо? Отчего же теперь постоянно такая вещь выходитъ: вотъ я вдовецъ, у меня дѣти, я женюсь на хорошей дѣвушкѣ, а эта хорошая дѣвушка и начинаетъ изживать со свѣту моихъ дѣтей?.. Однимъ словомъ, мачеха. Вѣдь такихъ случаевъ сколько угодно... да-съ. Значитъ, у мужчинъ одно звѣрство, а у женщинъ другое, а вмѣстѣ намъ одно названіе: звѣри. Конечно, есть такіе особенные хорошіе люди, да лиха бѣда, что ихъ очень ужъ мало... Вотъ переберите-ка свои поступки и обдумайте... да. Такъ-то вотъ я часто про себя думаю... Думаешь-думаешь—и даже страшно сдѣлается. Да развѣ это я? да развѣ я такой?.. Если бы про другого разсказали это, такъ не повѣрилъ бы... да.

— И я не вѣрю.

— Кому?

— Вамъ... Да, не вѣрю. Вы—нехорошій человѣкъ... Вамъ этого никто не смѣетъ сказать, а я скажу, чтобы вы и сами знали. Вѣдь каждый человѣкъ умѣетъ очень хорошо оправдывать только самого себя.

Дѣвушка раскраснѣлась и откровенно высказала все, что̀ сама знала про Галактіона, кончая несчастнымъ положеніемъ Харитины. Это былъ цѣлый обвинительный актъ, и Галактіонъ совсѣмъ смутился. Что̀ другіе говорили про него—это онъ зналъ давно, а тутъ говоритъ дѣвушка, которую онъ зналъ ребенкомъ и которая не должна была даже понимать многаго.

— Да, да, да...—азартно повторяла Устенька, точно Галактіонъ съ ней спорилъ.—И я удивляюсь, какъ вы рѣшаетесь приходить къ намъ въ домъ. Папа такой добрый, такой довѣрчивый... да. Я ему говорила то же самое, что̀ сейчасъ говорю вамъ въ глаза.

Галактіонъ поднялся блѣдный, страшный, что-то хотѣлъ отвѣтить, но только махнулъ рукой и, не простившись, пошелъ къ двери. Устенька стояла посреди комнаты. Она задыхалась отъ волненія и боялась расплакаться. Въ этотъ моментъ въ гостиную вошелъ Тарасъ Семенычъ. Онъ посмотрѣлъ на сконфуженнаго гостя и на дочь и не зналъ, что̀ подумать.

— Галактіонъ Михеичъ, куда же ты бѣжишь?

Галактіонъ обернулся и, показывая на Устеньку, проговорилъ всего одно слово:

— Она права.

У Луковникова произошло довольно непріятное объясненіе съ дочерью:

— Устенька, такъ нельзя. Наконецъ какое ты имѣла право оскорблять человѣка въ своемъ домѣ?

— А если я не могу, папа?.. Вѣдь вы всѣ молчите, а я взяла и сказала. Я ему все сказала.

— И онъ тоже все сказалъ... Вѣдь хорошій бы человѣкъ изъ него могъ быть, если бы такая голова къ мѣсту пришлась.

По своему характеру Луковниковъ не могъ никого обидѣть, и поведеніе Устеньки его серьезно огорчило. Въ кого она такая уродилась? Права-то она права, да только все-таки не слѣдовало свою правоту показывать этакимъ манеромъ. И притомъ дѣвушка она,—и понимать-то не должна Харитиныхъ дѣлъ. Старикъ почти не спалъ всю ночь и за утреннимъ чаемъ еще разъ замѣтилъ:

— А я все-таки не согласенъ съ тобой, Устенька. И правдѣ бываетъ не мѣсто. Какіе мы съ тобой судьи? Ты думаешь, онъ самъ хуже нашего понимаетъ, гдѣ хорошо и гдѣ нехорошо?

Устенька выслушала все и ничего не отвѣтила. Тарасъ Семенычъ только

пожалъ плечами и по пути въ свою думу заѣхалъ къ Стабровскому. Онъ очень волновался, разсказывая всѣ подробности дѣла.

— Ахъ, милая, милая!—восхищался Стабровскій. — Господи, если бъ у меня была такая дочь! Вѣдь это молодое, чистое золото, Тарасъ Семенычъ... Да я сейчасъ же поѣду къ ней и расцѣлую ее. Бѣдняжка, навѣрное, теперь волнуется.

— Нѣтъ, этого вы, пожалуйста, не дѣлайте, Болеславъ Брониславичъ. Пусть ужъ лучше она одна про себя раздумается.

IX.

Галактіонъ приходилъ къ Луковникову съ спеціальною цѣлью поблагодарить старика за хорошій совѣтъ относительно Мышникова. Все устроилось въ какой-нибудь часъ наилучшимъ образомъ, и многолѣтняя затаенная вражда закончилась дружбой. Галактіонъ шелъ къ Мышникову съ тяжелымъ сердцемъ и не ожидалъ отъ этого похода ничего хорошаго, а вышло все наоборотъ. Сначала Мышниковъ отнесся къ нему недовѣрчиво и съ обычною грубоватостью, а потомъ, когда Галактіонъ откровенно объяснилъ свое критическое положеніе, какъ-то сразу отмякъ.

— Что же вы мнѣ раньше ничего не сказали? — замѣтилъ Мышниковъ съ укоромъ дѣлового человѣка. — Безъ Стабровскаго можно обойтись, и даже очень.

— Да вѣдь вы, Павелъ Степанычъ, знали положеніе дѣла. Что тутъ было говорить? Потомъ мнѣ казалось, что вы относились ко мнѣ...

— Вздоръ!.. Никакъ я не относился... У меня ужъ такой характеръ, что всѣмъ кажется, что я отношусь какъ-то нехорошо. Ваше дѣло хорошее, вѣрное, и я даже съ удовольствіемъ могу вамъ помочь.

Собственно дѣловой разговоръ занялъ очень немного времени.

— Вы понимаете, что если я даю средства, то имѣю въ виду воспользоваться извѣстными правами,—предупреждалъ Мышниковъ. — Просто подъ проценты я денегъ не даю и не желаю быть ростовщикомъ. Другое дѣло, если вы мнѣ выдѣлите извѣстный пай въ предпріятіи. Повторяю: я вѣрю въ это дѣло, хотя оно сейчасъ и даетъ только одни убытки.

Это былъ самый лучшій исходъ, и деньги Мышникова не ложились на пароходство займомъ, а входили живымъ капиталомъ. Главное—не было никакихъ нравственныхъ обязательствъ и отвѣтственности. Подсчитавъ активъ и пассивъ, Мышниковъ рѣшилъ такъ:

— Скажу вамъ откровенно, Галактіонъ Михеичъ, что всѣхъ своихъ денегъ я не могу вложить въ пароходство, а то, что могу вложить, все-таки мало. Вѣдь все дѣло въ расширеніи дѣла, и только тогда оно сдѣлается выгоднымъ. Такъ? Отчего вы не обратились къ Штоффу, тѣмъ болѣе, что онъ не чужой вамъ человѣкъ?

— Вотъ именно послѣднее и служитъ препятствіемъ, Павелъ Степанычъ. Съ постороннимъ человѣкомъ всегда какъ-то легче вести дѣло и даже получить отказъ не обидно.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ съ нимъ переговорить. Я думаю, что наша компанія всего лучше устроится на такихъ основаніяхъ; у васъ два пая, а у меня съ Штоффомъ по одному.

Галактіону приходилось только соглашаться. Да и какъ было не согласиться, когда все дѣло висѣло на волоскѣ? Конечно, было жаль выпускать изъ своихъ рукъ цѣлую половину предпріятія, но зато можно было расши-

рить дѣло. А главное заключалось въ томъ, что компаньоны-пароходчики составляли большинство въ банковскомъ правленіи и могли, въ случаѣ нужды, черпать изъ банка, сколько желали.

Однимъ словомъ, все дѣло устроилось наилучшимъ образомъ, и Галактіонъ не смѣлъ даже мечтать о такомъ успѣхѣ. Оставалось только оформить договоръ и приступить къ дѣлу уже „сильною рукой", какъ говорилъ Павелъ Степанычъ. Именно подъ этимъ впечатлѣніемъ Галактіонъ и отправился къ Луковникову, чтобы подѣлиться со старикомъ своей радостью, а вмѣсто этого получился такой разгромъ, какого онъ еще не испытывалъ. Кто угодно выскажи ему то же самое, что говорила Устенька, не было бы такъ обидно, а тутъ ударъ былъ нанесенъ такою чистою и хорошею рукой.

Выйдя отъ Луковникова, Галактіонъ рѣшительно не зналъ, куда ему итти. Раньше онъ предполагалъ завернуть къ тестю, чтобы повидать дѣтей, но сейчасъ онъ не могъ этого сдѣлать. Въ немъ все точно повернулось. Наконецъ ему просто было совѣстно. Итти на квартиру ему тоже не хотѣлось. Онъ безъ цѣли шелъ изъ улицы въ улицу, пока не остановился передъ судною кассой Замараева. Начинало уже темнѣть, и кое-гдѣ въ окнахъ мелькали огни. Галактіонъ позвонилъ, но ему отворили не сразу. За дверью слышалось какое-то предупреждающее шушуканье.

— Дома Флегонтъ Васильичъ?—спросилъ Галактіонъ горничную.

Горничная посмотрѣла на него какими-то оторопѣлыми глазами и потомъ убѣжала. Галактіонъ снялъ пальто и вошелъ въ гостиную. Гдѣ-то захлопали двери и послышался сердитый шопотъ.

„Они, кажется, здѣсь съ ума сошли?"—невольно подумалъ Галактіонъ.

Въ этотъ моментъ открылась дверь хозяйскаго кабинета, и въ дверяхъ показался Голяшкинъ, одѣтый во фракъ, бѣлый галстукъ и бѣлыя перчатки. Онъ поманилъ гостя пальцемъ къ себѣ.

— Ну, Галактіонъ Михеичъ, ты намъ всю обѣдню испортилъ, — шопотомъ заявилъ Голяшкинъ, запирая за собой дверь. — Ни раньше ни послѣ тебя принесло. Горничной-то прямо было наказано никого не принимать, а она увидала тебя и сбѣжала. Извѣстно, дура.

— Куда это ты вырядился-то пѣтухомъ галанскимъ?

— Я-то? А мы на свадьбу.

Голяшкинъ зажалъ себѣ ротъ и изобразилъ ужасъ.

— Охъ, продалъ проклятый языкъ!—виновато забормоталъ онъ, озираясь на запертую дверь.—Вѣдь сегодня твоего брата Симона женимъ... да.

— Симона?

— Его самаго... Въ томъ родѣ выходитъ, что не невѣста убѣгомъ выходитъ замужъ, а женихъ. Совсѣмъ особенное дѣльце.

— Ничего не понимаю.

— И я тоже... Спроси Ечкина: онъ все оборудовалъ.

Теперь Галактіонъ уже рѣшительно ничего не понималъ. Его выручилъ появившійся Замараевъ. Онъ еще въ первый разъ въ жизни надѣлъ фракъ и чувствовалъ себя, какъ молодая лошадь въ хомутѣ.

— Накрылъ ты насъ, Галактіонъ Михеичъ,—заговорилъ онъ, стараясь придать голосу шутливый тонъ.—Именно, какъ снѣгъ на голову. Мы-то таимся, а ты тутъ какъ тутъ.

Послѣ нѣкотораго ломанья Замараевъ разсказалъ всѣ подробности предстоящей свадьбы. Галактіонъ выслушалъ и спросилъ только одно:

— А отецъ ничего не знаетъ?

— Никто и ничего не знаетъ. Ечкинъ обернулъ дѣло ужъ очень скоро.

Симонъ-то на отчаянность пошелъ. Всего и свидѣтелей трое: мы съ Голяшкинымъ да Полуяновъ. Въ томъ родѣ, какъ бываютъ свадьбы-самокрутки.

— Отчего же Симонъ мнѣ ничего не сказалъ? Вѣдь не чужіе.

— А ужъ объ этомъ ты его спроси самъ.

— Хорошо, я спрошу. Вмѣстѣ съ вами поѣду на свадьбу. Впередъ не обманывайте добрыхъ людей.

— Чего же тутъ обманывать? Слава Богу, Симонъ-то Михеичъ не двухъ лѣтъ по третьему. Въ своемъ умѣ паренекъ.

— Оно и похоже, что въ своемъ.

— Да вѣдь и ты, Галактіонъ Михеичъ, женился не по своей волѣ. Не все ли одно, ежели разобрать? А я такъ полагаю, что отъ своей судьбы человѣкъ не уйдетъ. Значитъ, ужъ Симону Михеичу выпала такая часть, а суженой конемъ не объѣдешь.

На этотъ разговоръ вышла Анна Харитоновна и начала уговаривать Колобова не ѣздить на свадьбу. Но эта политика суслонской писарихи имѣла какъ разъ обратное дѣйствіе. Галактіонъ заявилъ рѣшительно, что поѣдетъ.

— Ну, какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ,—обидѣлась Анна:—я, значитъ, вамъ же добра желаю. Прежде-то сосѣдями живали, такъ оно тово...

Замараевъ едва успѣлъ придумать предупредительную мѣру, — онъ потихоньку послалъ Голяшкина впередъ, а самъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Галактіономъ.

— Я васъ на своей лошадкѣ подвезу, Галактіонъ Михеичъ.

— А Голяшкина загонщикомъ послалъ? Не бойся, будутъ рады.

— Мнѣ-то что же? Не къ чужому человѣку ѣдете, а я только такъ... вообще...

Предупрежденный Симонъ встрѣтилъ брата спокойно, хотя и съ затаенною готовностью дать отпоръ. Свадьба устраивалась въ нагибинскомъ домѣ, и всѣ переполошились, когда узнали, что ѣдетъ Галактіонъ, особенно сама невѣста, уже одѣвавшаяся къ вѣнцу. Это была типичная старая дѣвица съ землистымъ цвѣтомъ лица и кислымъ выраженіемъ рта.

— Гдѣ Ечкинъ?—спрашивала она, бросая свои наряды.

Какъ на грѣхъ, Ечкинъ, вертѣвшійся все время на глазахъ, куда-то пропалъ. Старикъ Нагибинъ совершенно растерялся и спрятался со страха.

— Позовите сюда Галактіона Михеича,—рѣшила невѣста.—Я сама съ нимъ поговорю. А главное, — чтобъ онъ не оставался съ глазу на глазъ съ Симономъ.

Посредникомъ явился все тотъ же Голяшкинъ, точно онъ готовъ былъ вылѣзть изъ собственной кожи.

— Галактіонъ Михеичъ, васъ невѣста зоветъ. Пожалуйте къ нимъ въ комнату. Онѣ вамъ хотятъ словечко сказать... очень просили.

Такъ братья и не успѣли переговорить. Впрочемъ, взглянувъ на Симона, Галактіонъ понялъ, что тутъ всякіе разговоры излишни. Онъ опоздалъ. По дорогѣ въ комнату невѣсты онъ встрѣтилъ скитскаго старца Анѳима,—время проходило, минуя этого человѣка, и онъ оставался такимъ же чернымъ, какъ въ то время, когда вѣнчалъ Галактіона. За нимъ былъ посланъ нарочный гонецъ, и старикъ только-что пріѣхалъ.

Когда Галактіонъ вошелъ въ комнату, его встрѣтила невѣста и подала первая сухую и костлявую руку.

— Милости просимъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорила она, подавляя невольное волненіе.—Вы это очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали къ намъ на свадьбу. Я даже не знала, что вы въ городѣ.

— И я тоже случайно узналъ про вашу свадьбу. Извините, я даже не знаю, какъ васъ зовутъ.

— Натальей, а отца Осипомъ,—значитъ, вышла Наталья Осиповна.

Невѣста говорила теперь уже совсѣмъ смѣло, овладѣвъ собой. Она сдѣлала Голяшкину знакъ глазами, чтобъ онъ убирался.

— Садитесь,—предложила она.—У насъ все такъ скоро случилось, что даже не успѣли оповѣстить родныхъ. Ужъ вы извините. Вѣдь и ваша свадьба тоже скороспѣлкой вышла. Это прежде тянули по полугоду, да и Симонъ Михеичъ очень ужъ торопилъ.

— Что же, я ничего не говорю. Вамъ жить съ Симономъ, вамъ и знать, какъ и что.

— О насъ не безпокойтесь,—съ улыбкой отвѣтила невѣста.—Проживемъ не хуже другихъ. Счастье не отъ людей, а отъ Бога. Можетъ-быть, вы противъ меня, такъ скажите впередъ. Время еще не ушло.

— Я? Нѣтъ, я ничего не могу сказать. Конечно, оно какъ-то неловко, что Симонъ женится тайкомъ, а впрочемъ, все равно.

— Онъ стыдится, что беретъ жену старше себя, — объяснила невѣста безъ заминки.

Невѣста понравилась Галактіону своимъ рѣшительнымъ характеромъ. Именно такую жену и нужно безхарактерному и податливому Симону. Эта будетъ держать его въ рукахъ.

Когда женихъ, а потомъ невѣста уѣхали въ моленную, явился Ечкинъ, весь сіявшій румянцемъ и брилліантами. Увидѣвъ шагавшаго по пустой гостиной Галактіона, онъ радостно крикнулъ:

— Кого я вижу! Вотъ удружилъ, что самъ догадался пріѣхать! А я нарочно разыскивалъ тебя по всему городу.

— Не ври ты, пожалуйста, — оборвалъ его Галактіонъ. — Ты это все устроилъ потихоньку. Не безпокойся, понимаю, что тебѣ нужно. Обрабатываешь этого стараго дурня?

— Тсс... Ради Бога, тише!.. Просто, не могу видѣть мертвый капиталъ, а каждая дѣвушка и молодой человѣкъ—именно мертвый капиталъ.

— Перестань морочить. Одно скажу: ловко. Да, очень ловко.

Пока происходило длинное раскольничье вѣнчаніе, старикъ Нагибинъ заперся въ собственной моленной и все время молился, откладывая земные поклоны. Онъ даже прослезился и все шепталъ: „Слава Тебѣ, Господи!“.

Изъ свидѣтелей запоздалъ къ обряду одинъ Полуяновъ, но зато онъ вернулся изъ моленной первымъ. Его встрѣтилъ на крыльцѣ Нагибинъ, расцѣловалъ и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи!

— Что же, дѣло правильное, Осипъ Григорьичъ. И въ Писаніи сказано: не хорошо жити единому.

Противъ общаго ожиданія, скороспѣлый свадебный столъ прошелъ очень оживленно. Невѣсту провожали совершенно неизвѣстныя Галактіону раскольничьи дѣвушки, вырядившіяся въ старинные парчевые сарафаны, а одна даже была въ кокошникѣ. Старецъ Аѳонъ за столомъ попалъ между Полуяновымъ и Ечкинымъ и подъ столомъ нѣсколько разъ перекрестилъ „жида“. Молодая держала себя очень свободно, просто и смотрѣла на мужа уже съ чувствомъ собственности. Пріѣхавшая къ свадебному столу Анна Харитоновна не могла надивиться: давно ли вотъ эта самая Наташа была такая тихая да застѣнчивая, а тутъ откуда прыть взялась. Мужчины скоро подвыпили, и поднялось свадебное галдѣнье. Выпилъ и самъ старикъ Нагибинъ. Пошатываясь, онъ

обходилъ всѣхъ гостей, всѣхъ цѣловалъ и всѣмъ повторялъ одно и то же.

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Ечкинъ сидѣлъ рядомъ съ Галактіономъ и нѣсколько разъ толкалъ его локтемъ.

— Посмотри на Замараева и Голяшкина: эти два плута далеко пойдутъ,—шепталъ онъ.

— Не дальше тебя, Борисъ Яковличъ.

Галактіонъ все время молчалъ, находясь подъ впечатлѣніемъ давешней сцены съ Устенькой. Если бъ она увидала этотъ миръ благочестивыхъ разбойниковъ!—вѣдь всѣ разбойники, какъ одна масть, и невѣста разбойница.

X.

Свадьба Симона, какъ и свадьба Галактіона, закончилась крупнымъ скандаломъ, хотя и въ другомъ родѣ. Еще за свадебнымъ столомъ Замараевъ нѣсколько разъ подталкивалъ Симона и шепталъ:

— Ты, смотри, не дай маху. Сейчасъ же требуй денегъ съ тестя.

— Да неловко какъ-то, Флегонтъ Васильичъ. Какъ-нибудь потомъ.

— А ты не будь дуракомъ. Эхъ, голова — малина! У добрыхъ людей такъ дѣлается: какъ ѣхать къ вѣнцу—пожалуйте, миленькій тятенька, денежки изъ рукъ въ руки, а то не поѣду. Вотъ какъ по-настоящему-то. Сколько уговору слѣдуетъ получить?

— Никакого уговору не было. Вѣдь одна дочь.

Замараевъ вскипѣлъ и обругалъ молодого.

— Убилъ ты бобра, Симонъ... да. Ну, не дуракъ ли ты послѣ этого, а? Да вѣдь тебя какъ бить надо, а?

Симонъ обидѣлся и обругалъ Замараева.

— Да вѣдь я тебѣ добра желаю, пень ты березовый! Вотъ ужо помянешь меня добрымъ словомъ.

Молодые должны были ѣхать на мельницу въ Прорывъ черезъ два дня. Замараева мучило глупое поведеніе Симона, и онъ забѣгалъ къ нему нѣсколько разъ за справками. Эти приставанья начали тревожить Симона. Онъ потихоньку выпилъ для храбрости коньяку и рѣшилъ объясниться со старикомъ начистоту.

— Тятенька, какъ, значитъ, я съ женой уѣзжаю завтра на мельницу, такъ намъ надо, значитъ... Вообще насчетъ капиталовъ.

У Нагибина сейчасъ же сдѣлалось испуганное лицо, и онъ, по обыкновенію, прикинулся не понимающимъ и даже глухимъ.

— Какихъ капиталовъ?—переспросилъ онъ.

— Вѣдь у васъ, тятенька, одна дочь и, значитъ, должны вы ее наградить.

— За что это награждать-то, милый зять?

— Да ужъ такъ ведется.

— А, ты вотъ про что! Ну, это ты даже совсѣмъ напрасно. Приданое за дочерью я далъ въ полной формѣ, а что̀ касаемо капиталовъ, такъ ихъ и у самого-то нѣтъ.

Симонъ опѣшилъ и не зналъ, что̀ ему говорить.

— Нѣтъ у меня ничего,—увѣрялъ старикъ.—Вотъ хоть сейчасъ образъ со стѣны сниму. Зря про меня болтаютъ. Я-то женился самъ на босоножкѣ, только что̀ на себѣ было, а ты вонъ капиталовъ требуешь.

Этимъ всѣ разговоры и кончились. Симонъ отправился къ Замараеву и передалъ свой разговоръ съ тестемъ.

— Врётъ, все врётъ!—клялся Замараевъ всѣми святыми.—А ты прямо на горло ему наступи. Эхъ, горе ты лыковое. Ты его, стараго чорта, припугни хорошенько. Да нѣтъ, у тебя ничего не выйдетъ. Тоже свадьба называется! Вотъ что: вѣдь вы ѣдете въ Суслонъ, и старикъ туда же притащится? Ну, и я поѣду. У насъ съ Голяшкинымъ зубъ разыгрался. Мы ужъ на мельницѣ выправимъ настоящую-то свадьбу. И старика прижмемъ. Скажи прямо: такъ и такъ, богоданный тятенька, очень я задолжалъ Замараеву, и грозитъ онъ меня въ острогъ засадить. Вотъ погляди, какъ жена-то за тебя уцѣпится.

Симонъ чуть не плакалъ. Онъ надѣялся черезъ женитьбу вырваться съ мельницы, а тутъ выходило такъ, что нужно было возвращаться туда же со своею „молодой“. Получался одинъ срамъ. Оставалась послѣдняя надежда на Замараева.

Принялъ участіе въ дѣлѣ и Голяшкинъ, считавшій себя до извѣстной степени прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ, какъ участникъ. Даже былъ вызванъ Полуяновъ для необходимаго совѣщанія.

— Это вѣдь мы подвели парня, — говорилъ Голяшкинъ. — Надо его выручать.

— Трудненько выручать-то, — соображалъ Полуяновъ.—Вотъ ежели бы была устроена рядная запись, или ежели бы я былъ исправникомъ. Тогда бы я ему показалъ! Я бы его выворотилъ на лѣвую сторону!

На этотъ конгрессъ попалъ даже Харитонъ Артемьичъ, разыскивавшій Полуянова по всему городу. Старикъ одолѣвалъ своего повѣреннаго и успѣлъ ему надоѣсть.

— А, свидѣтели!— сообразилъ Харитонъ Артемьичъ.—Чужое наслѣдство дѣлите? Ловко васъ обзатылилъ Осипъ-то Григорьичъ. Эхъ, вы, горькіе!

— Вотъ видите?—огорчился Голяшкинъ.—Теперь надъ нами всѣ будутъ смѣяться.

— Летать любите, а садиться не умѣете,—не унимался старикъ.—То-то. А знаете пословицу: свату первая палка. Наступите на жида: его рукъ дѣло.

— И то, братцы!—спохватился Замараевъ.—Что же это мы дураковъ валяемъ?

Полуяновъ скромно отмахивался, какъ лицо заинтересованное. Выходило настоящее похмелье въ чужомъ пиру. Да и такъ онъ не посовѣтовалъ бы посылать Ечкина для переговоровъ. Какъ разъ онъ получитъ деньги, да себѣ въ карманъ и положитъ, какъ было со стеариновой фабрикой. Хорошій человѣкъ, а деньги показывать нельзя.

— Давайте я схожу къ старику, — предлагалъ Харитонъ Артемьичъ.

— Нѣтъ, тятенька, вамъ никакъ невозможно,—протестовалъ Замараевъ.—Извѣстно, какой у васъ неукротимый характеръ. Еще обругаете, а то и въ рукопашную пойдете.

Пока шли эти конференціи, дѣло разрѣшилось само собой. Молодая узнала объ этихъ недоразумѣніяхъ слишкомъ поздно и принялась стыдить мужа.

— Ты это что придумалъ-то? Вѣдь я одна дочь у отца, и все мнѣ достанется. Зачѣмъ грѣшить прежде времени? Папаша ужъ старичокъ и, того гляди, помретъ. Однимъ словомъ, пустяки.

Она скрыла отъ мужа свой разговоръ съ отцомъ. Дѣло было довольно крупное.

— Вы, папаша, въ самомъ дѣлѣ дайте денегъ, — заявила она отцу. — Не мужу, а мнѣ. Вѣдь я у васъ одна дочь.

— Не дамъ ни гроша... Помру, тогда все твое. Да и нѣтъ у меня денегъ.

— Да вѣдь я-то знаю, сколько у васъ ихъ вездѣ напрятано. Пожалуйста, не запирайтесь.

— Ну, хорошо. Поѣзжайте теперь на мельницу съ Богомъ, а потомъ я самъ привезу. Въ банкѣ у меня деньги.

— А не обманете?

— Наташка, прокляну!

— Вы лучше деньги-то дайте, а проклясть всегда успѣете.

— Ей-Богу, привезу, только поѣзжайте.

Молодой и самой хотѣлось до смерти поскорѣе вырваться изъ Заполья, и она согласилась. Провожая молодыхъ, Нагибинъ прослезился и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Когда экипажъ скрылся изъ виду, старикъ хихикнулъ и даже закрылъ ротъ горстью, точно самыя стѣны могли подслушать его родительскую радость.

Вечеромъ въ каморкѣ Нагибина, — старикъ занималъ самую скверную комнату во всемъ домѣ, — сидѣлъ Ечкинъ. Милліонеръ, чтобы отблагодарить благодѣтеля, вытащилъ полбутылки мадеры, оставшейся отъ свадьбы...

— Вѣдь я не пью, Осипъ Григорьичъ.

— Охъ, отлично дѣлаешь!—стоналъ Нагибинъ.—Вѣдь за мадеру деньги плачены. И что только мнѣ стоила эта самая Наташка!.. Теперь возьми, — вѣдь одѣть ее надо? Потомъ одинъ-то я и старыхъ штецъ похлебаю или рѣдечкой закушу, а ей подавай котлетку... такъ? Да тутъ еще свадьбу справляй... Одно разореніе. А теперь пусть кормитъ и одѣваетъ мужъ... Такъ я говорю?

— Конечно, Осипъ Григорьичъ.

— Слава тебѣ, Господи!.. А ужъ тебя не знаю, чѣмъ и благодарить. Но гробъ жизни не забуду... И въ поминанье даже запишу, хоть ты и некрещеный.

— Мнѣ ничего не нужно, Осипъ Григорьичъ.

— Вотъ, вотъ... Еще перваго такого-то человѣка вижу... да. А я теперь вольный казакъ. Но рукамъ и по ногамъ вязала дочь. Ну, много ли мнѣ одному нужно? Слава Тебѣ, Господи!

По городу ходила молва, что Ечкинъ обрабатываетъ выжившаго изъ ума милліонера, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ вся эта исторія разыграется. Увѣряли, что Ечкинъ уже втянулъ Нагибина въ свою концессію и черпаетъ деньги, какъ изъ своего кармана. Другіе клялись, что крѣпокъ Нагибинъ и ничего изъ этого не выйдетъ. Всѣ соглашались только въ одномъ, что очень ужъ ловко Ечкинъ поддѣлъ старика, высватавъ дочери молодого жениха. Ужъ лучше этой штуки и не придумаешь. А приданое, конечно, Ечкинъ получитъ за свои труды. Въ этомъ тоже никто не сомнѣвался. Изъ-за чего же онъ хлопоталъ да безпокоилъ себя?

Избавившись отъ дочери, Нагибинъ повелъ жизнь совершенно отшельническую. Изъ дому онъ выходилъ только раннимъ утромъ, чтобы сходить за провизіей. Его скупость росла, кажется, по часамъ. Дѣло дошло до того, что онъ пересталъ покупать провизію въ лавкахъ, а заходилъ въ обжорный рядъ и тамъ на нѣсколько копеекъ выторговывалъ себѣ печенки, вареную баранью голову или самую дешевую соленую рыбу. Даже торговки изъ обжорнаго ряда удивлялись отчаянной скупости Нагибина и прозвали его кощеемъ.

Къ себѣ Нагибинъ не принималъ и жилъ въ обществѣ какой-то глухой старухи-кухарки. Сосѣди видѣли, какъ къ нему пріѣзжалъ нѣсколько разъ Ечкинъ, потомъ приходилъ Полуяновъ, и наконецъ видѣли разъ, какъ рано утромъ отъ Нагибина выходилъ Ліодоръ. Дальнѣйшія извѣстія о Нагибинѣ прекратились окончательно. Онъ пересталъ показываться даже на улицѣ.

Прошло послѣ свадьбы не больше мѣсяца, какъ по городу разнеслась

страшная вѣсть. Нагибинъ скоропостижно умеръ. Было это вскорѣ послѣ обѣда. Онъ поѣлъ какой-то ухи изъ соленой рыбы и умеръ. Когда кухарка вошла въ комнату, онъ лежалъ на полу уже похолодѣвшій. Догадкамъ и предположеніямъ не было конца. Всего удивительнѣе было то, что послѣ милліонера не нашли никакихъ денегъ. Имущество было въ полной сохранности, замки всѣ цѣлы, а кухарка показывала только одно, что хозяинъ ѣлъ за часъ до смерти уху.

Судебное слѣдствіе ничего не могло выяснить. Осмотръ трупа ничего не далъ, насильственныхъ знаковъ на тѣлѣ не оказалось. Сгоряча врачи рѣшили, что старикъ отравился рыбнымъ ядомъ. Но это было опровергнуто докторомъ Кочетовымъ, который въ „Запольскомъ Курьерѣ“ напечаталъ цѣлую статью о томъ, что рыбный ядъ заключаютъ въ себѣ только голопокровныя рыбы, а Нагибинъ ѣлъ уху изъ соленой головы максуна, то-есть рыбы чешуйчатой. Пришлось сдѣлать вскрытіе тѣла, и анализъ внутренностей показалъ присутствіе стрихнина. Этого было достаточно, чтобы сейчасъ же были арестованы по подозрѣнію Ечкинъ и Полуяновъ, а потомъ Ліодоръ.

Городъ ужасно волновался. Ходили упорные слухи, что отравилъ старика не кто другой, какъ Ечкинъ. Весь вопросъ заключался только въ томъ, черезъ кого онъ отравилъ—видѣли Полуянова и видѣли Ліодора. Во всякомъ случаѣ, всѣ трое были одинаково подозрительны, особенно Ечкинъ. Вѣдь онъ нарочно устроилъ эту свадьбу, чтобъ удалить изъ дому дочь, потомъ, что значили его таинственные визиты къ Нагибину, наконецъ какую роль игралъ ссыльный Полуяновъ? Дѣло запутывалось. Общественное мнѣніе было противъ Ечкина, отнесшагося къ своему аресту совершенно спокойно, какъ человѣкъ, уже подготовившійся ко всякимъ случайностямъ.

Еще больше смуты внесла пріѣхавшая „молодая“. Она рвала и метала, обвиняя настойчиво во всемъ Ечкина.

— Какъ же вы можете говорить такъ увѣренно? — удивлялся слѣдователь.—Во всякомъ случаѣ, дѣло совершенно темное.

— Некому больше,—съ женскою логикой отвѣчала свидѣтельница. —Онъ и меня просваталъ, чтобы лучше было отравить папашу... Это вамъ всякій скажетъ.

Слѣдователя сбивало многое. Во-первыхъ, Ечкинъ держалъ себя слишкомъ ужъ спокойно и слишкомъ съ достоинствомъ, какъ настоящій крупный преступникъ. Ясно было, что все было устроено черезъ Ліодора, который путался въ показаніяхъ и завирался на глазахъ. Но опять странно, что такой умный и дальновидный человѣкъ, какъ Ечкинъ, довѣрилъ исполненіе безпутному и спившемуся Ліодору.

— Я дѣйствительно заходилъ къ Нагибину, — показывалъ Ліодоръ. — Надо было опохмелиться... Ну, а онъ меня прогналъ.

Это было слишкомъ наивно. Загадку представлялъ собой и Полуяновъ, какъ слишкомъ опытный человѣкъ, въ свое время самъ производившій тысячи дознаній и прошедшій большую школу. Но онъ былъ тоже спокоенъ, какъ Ечкинъ, и слѣдователь приходилъ въ отчаяніе. Получалась какая-то сплошная нелѣпость. Въ качествѣ свидѣтелей были вызваны даже Замараевъ и Голяшкинъ, которые испугались больше подсудимыхъ и несли невозможную околесную, такъ что слѣдователь махнулъ на нихъ рукой.

— Это мой зятекъ Замараевъ отравилъ Нагибина! — кричалъ Харитонъ Артемьичъ прямо на улицѣ.—Прямо въ острогъ его, подлеца!.. Да и другихъ зятьевъ тоже! Весь альбомъ въ острогъ.

XI.

Мышниковъ бывалъ въ бубновскомъ домѣ почти каждый день, что его тяготило, возмущало и заставляло молча негодовать. Мышниковъ, всесильный и заставлявшій всѣхъ чувствовать свою тяжелую руку, ничего здѣсь не могъ подѣлать. Такъ хотѣла Прасковья Ивановна. Стоило ей прислать безграмотно нацарапанную записку, и онъ безпрекословно исполнялъ каждую букву, кажется, даже неистовыя грамматическія ошибки. Прасковья Ивановна писала: „соводни“, „намѣдни“, „дѣлашь“, „куфня“, „леменація“ и т. д. Мышниковъ дошелъ до того, что былъ въ восторгѣ отъ такого правописанія. Вѣдь это писала Прасковья Ивановна, а все, что она дѣлала, конечно, хорошо. Однимъ словомъ, получалась картина полнаго рабства. Прасковья Ивановна черезъ Мышникова имѣла большое вліяніе въ самомъ банкѣ и открывала и закрывала кредитъ по своему усмотрѣнію. Мышникова поражало, что она могла предвидѣть событія. Послѣднимъ случаемъ въ этомъ отношеніи было обращеніе Галактіона за помощью къ своему врагу, какимъ былъ Мышниковъ. У нея было что-то въ родѣ спорта ставить людей въ неловкія положенія, причемъ Мышникову доставалось больше всѣхъ. Такъ было и тутъ.

— Галактіонъ придетъ къ тебѣ, вотъ посмотри,—увѣряла она.

— Нѣтъ, не придетъ... Не такой человѣкъ.

— А я тебѣ говорю: придетъ. Ты его ревнуешь ко мнѣ?

— Я?.. Нисколько.

— Вѣдь Галактіонъ умница, и ему можно довѣрить какой угодно капиталъ. Ты ему дашь денегъ?

— Не знаю... гм... какъ тебѣ сказать.

— Вотъ и вышло, что ревнуешь... да. Развѣ я не знаю, какъ ты его все время жмешь?.. Однимъ словомъ, онъ придетъ, и ты дашь ему денегъ.

И Галактіонъ пришелъ. Только когда все было кончено, Мышникову пришла проклятая мысль, что не подослала ли его сама же Прасковья Ивановна. Отъ нея всего можно было ожидать.

Съ однимъ только не могъ Мышниковъ помириться: это—съ визитами въ бубновскій домъ. Каждый разъ, когда онъ ѣхалъ туда, его разбирала самая тупая злость. Вѣдь всѣ пальцами указываютъ: вотъ Мышниковъ покатилъ къ своей сударушкѣ. Затѣмъ его коробила мысль о соперничествѣ съ пьяницей-докторомъ. Это было что-то уже окончательно невозможное. Мышниковъ каждый разъ испытывалъ такое чувство, точно онъ что-то воруетъ, и притомъ дрянно воруетъ. Есть крупные воры и мелкіе воришки,—онъ причислялъ себя къ послѣдней категоріи. Сколько разъ Мышниковъ предлагалъ Прасковьѣ Ивановнѣ разойтись съ мужемъ и жить съ нимъ по-настоящему.

— Да ты никакъ съ ума сошелъ?—удивлялась Прасковья Ивановна.—Теперь-то я мужняя жена, а тогда пришей хвостъ кобылѣ... Приказчики засмѣютъ.

— Все равно—и теперь всѣ знаютъ про наши отношенія.

— Болтать болтаютъ, а знать никто ничего не знаетъ. Вѣдь не про насъ однихъ судачатъ, а про всѣхъ. Сегодня вотъ ты пріѣхалъ ко мнѣ, а завтра я могу тебя и не принять... Съ мужнею-то женой трудно разговаривать, не то, что со своею полюбовницей. Такъ-то, Павелъ Степанычъ... Хоть и плохой, а все-таки мужъ.

Послѣднею штукой Прасковьи Ивановны было то, что она задумала ѣхать гостить къ Харитинѣ, которая жила въ Городищѣ и въ Заполье не показывала глазъ.

— Что-то я стосковалась по ней,—коротко объяснила она Мышникову.— И ты поѣдешь... Ну, будто пристань посмотрѣть,—теперь свое дѣло наполовину. Вотъ тебѣ и задѣлье, а не зря поѣдешь.

Злѣйшій врагъ не придумалъ бы для Мышникова болѣе непріятнаго положенія. Съ одной стороны, онъ давно старался не встрѣчаться съ Харитиной, на которую сердился за свое неудачное ухаживанье, затѣмъ онъ подозрѣвалъ Галактіона въ нѣкоторыхъ успѣхахъ у Прасковьи Ивановны,—однимъ словомъ, какъ ни поверни, а выходило неудобно и такъ и этакъ. И все-таки Мышниковъ поѣхалъ, презирая собственное подчиненіе Прасковьѣ Ивановнѣ. Онъ придумалъ только одно—предупредить Штоффа о поѣздкѣ. Хитрый нѣмецъ долженъ былъ служить въ качествѣ какого-то изолирующаго элемента.

Когда Мышниковъ съ Прасковьей Ивановной пріѣхали въ Городище, Штоффъ былъ уже тамъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что пріѣхалъ случайно. Хозяева встрѣтили гостей очень радушно, а особенно былъ веселъ Галактіонъ. Такимъ его уже давно не видали. Харитина была блѣдна и молчалива, но Прасковья Ивановна, несмотря на самое точное изслѣдованіе, не нашла и слѣдовъ тѣхъ синяковъ, о которыхъ разсказывали въ Запольѣ. Это даже огорчило гостью, которой хотѣлось видѣть Харитину именно въ синякахъ. Очень бы ужъ это было хорошо. Прасковья Ивановна не могла забыть, какъ Харитина отбила у нея Галактіона. Кто знаетъ, можетъ-быть, овдовѣвшій Галактіонъ и женился бы на ней, на Прасковьѣ Ивановнѣ?

Харитина, въ свою очередь, отнеслась къ гостьѣ съ большимъ подозрѣніемъ. Неспроста эта мудреная птица прилетѣла. Но она сдѣлала видъ, что ничего не подозрѣваетъ, и нѣсколько разъ принималась обнимать и цѣловать гостью, а разъ подвела гостью къ зеркалу и проговорила:

— Посмотри, Паша, какія мы съ тобой старыя да некрасивыя стали... Вотъ у тебя морщины около глазъ, и волосъ скоро сѣдѣть будетъ. Совсѣмъ состарились.

— Ты можешь стариться, а я не согласна,—обидѣлась гостья.

Мужчины были заняты осмотромъ пристани, складовъ, баржей и новаго парохода „Компанія“. Галактіонъ увлекся и не замѣчалъ, что компаньоны уже порядочно утомились и нѣсколько разъ посматривали на часы. Наконецъ Штоффъ не вытерпѣлъ:

— Вотъ что, Галактіонъ... И пристань, и пароходъ, и амбары—все это отлично, а хорошо и рюмочку водки выпить.

— И закусить кусочкомъ хлѣба съ масломъ,—прибавилъ Мышниковъ, пародируя любимое выраженіе Штоффа.

— Да вотъ что, мы будемъ обѣдать прямо на пароходѣ,—предлагалъ Галактіонъ.—Черезъ часъ пары будутъ готовы.

Все общество отнеслось къ этому предложенію съ большимъ сочувствіемъ. День былъ прелестный. Можно проѣхать вверхъ по Ключевой верстъ на сорокъ, почти до самаго Заполья.

Дамы приняли эту затѣю, хотя и безъ особеннаго восторга, но съ удовольствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо прокатиться по рѣкѣ. „Компанія“ была выстроена по-новому—наполовину буксирный и наполовину пассажирскій, такъ что была общая каюта, рубка и кухня.

— Хоть одинъ разъ пообѣдаемъ за свои денежки,—шепнулъ Штоффъ на ухо Мышникову.—Бываютъ такіе обѣды.

— Не каркай, нѣмецкая душа!—тоже шопотомъ отвѣтилъ Мышниковъ.

Харитина какъ-то сразу оживилась и бойко принялась собирать все необходимое. Она когда-то умѣла такъ мило хлопотать, когда была и молода, и

красива, и счастлива. Прасковья Ивановна слѣдила за ней улыбающимися глазами и думала: вотъ отчаянная эта Харитина, какъ увидѣла постороннихъ мужчинъ, такъ и запрыгала брынскою козой.

Мышниковъ тоже наблюдалъ хозяйку и про себя жалѣлъ ее. И похудѣла она, и подурнѣла, и какая-то запуганная, и глаза смотрятъ, какъ у только-что наказанной собаки. Порядочная скотина этотъ Галактіонъ, если разобрать. Давешнее безпокойство Мышникова относительно неловкости этого визита совершенно улеглось, благодаря ловкости Штоффа, умѣвшаго занять какое угодно общество. Сдѣлалось даже совсѣмъ весело, когда въ ожиданіи парохода мужчины выпили и закусили. Прасковья Ивановна пила вмѣстѣ съ другими рюмку за рюмкой, а Харитина наотрѣзъ отказалась.

— Галактіона боишься?—травила ее гостья.

— Никого я не боюсь, а такъ, не хочется.

— Прежде-то вмѣстѣ пивали?—не отставала Прасковья Ивановна.

— Мало ли что было прежде.

Харитина даже покраснѣла и опустила глаза. Она начинала ненавидѣть торжествовавшую за ея счетъ Прасковью Ивановну. Въ довершеніе всего, выпившій Галактіонъ,—онъ пилъ рѣдко и поэтому хмелѣлъ быстро,—началъ ухаживать за гостьей довольно откровенно.

— А вы все еще молодцомъ, Прасковья Ивановна,—говорилъ онъ немного прилипавшимъ языкомъ.—А моя Харитина на ободранную кошку скоро будетъ походить.

— Значитъ, вы плохо ее бережете, Галактіонъ Михеичъ.

— Ну, ужъ это пусть она сама себя бережетъ.

— Женщина—деликатное существо и требуетъ самаго нѣжнаго ухода.

— Что-то какъ будто не видалъ такихъ.

— Ужъ будто и не видали?

Прасковья Ивановна загадочно улыбнулась.

Штоффъ въ свою очередь наблюдалъ всѣхъ остальныхъ, улыбался и думалъ: „Нечего сказать, хорошенькія двѣ семейки!“. Его больше всего смѣшило то, какъ Мышниковъ ревнуетъ свою Прасковью Ивановну. Тоже нашелъ занятіе... Да, видно, правда, что каждый дуракъ по-своему съ ума сходитъ.

— Ты это чему смѣешься?—привязался къ нему Мышниковъ.

— Я? А я думаю, что намъ недостаетъ только Ечкина и Полуянова.

— Ты глупъ, нѣмецъ.

— Я? Я человѣкъ вѣжливый и давно уступилъ совершенство другимъ. По-моему, даже обидно быть совершеннымъ въ обществѣ людей съ недостатками... А впрочемъ, каждый глупъ какъ разъ настолько, насколько это нужно.

— Прилично глупъ?

— Нужно соблюдать приличія и въ умѣ.

Интересная бесѣда была прервана появившимся штурманомъ, который пришелъ сказать, что пароходъ готовъ. Всѣ обрадовались, потому что начинало уже накопляться какое-то скрытое недовольство.

— Ахъ, какъ я люблю воду!—повторяла Прасковья Ивановна, съ восторгомъ хлопая ладонями.—Плыть, плыть безъ конца.

— А еще коньяку желаете выкушать? Я замѣтилъ, что вы вообще неравнодушны къ жидкостямъ,—приставалъ Штоффъ.

— Отстаньте, невѣжа!

Прасковья Ивановна находилась въ кокетливомъ настроеніи и съ намѣреніемъ старалась побѣсить Мышникова, начинавшаго ревновать ее даже къ Штоффу. Да, этихъ мужчинъ всегда слѣдуетъ немного выдерживать, а то они

жизнь казниться и муку мученическую принимать. Хуже всякаго звѣря человѣкъ, когда Господь лишитъ разума.

— Господи, помяни ненавидящія насъ!.. Аноимъ, ты спишь?.. Господи, умири раба твоего Аноима!

IV.

Въ домѣ Стабровскаго царило какое-то гнетущее-грустное настроеніе, хотя по логикѣ вещей и должно было бы быть наоборотъ. На Святкахъ вышла замужъ Дидя, и съ этимъ моментомъ кончились отцовскія заботы Стабровскаго. Женихъ явился изъ Польши, откуда его направили безконечныя польскія тети. Онъ даже приходился какимъ-то отдаленнымъ родственникомъ Стабровскому и пріѣхалъ, какъ свой человѣкъ. Молодой, красивый инженеръ ѣхалъ въ далекую Сибирь съ широкими планами обновить мертвую страну разными предпріятіями. Тети предупредили Стабровскаго, что панъ Казимиръ Ярецкій можетъ составить отличную партію для Диди. Старикъ громко расхохотался надъ этимъ предположеніемъ. Конечно, Дидя — женщина и въ свое время должна пройти свой женскій кругъ, но примириться на какомъ-то Ярецкомъ... Дидя, хотя и не совершенство, но она еще такъ мало видѣла людей и легко можетъ сдѣлать ошибку въ своемъ выборѣ. Вообще эта комбинація не входила въ планы Стабровскаго. Онъ мечталъ завершить образованіе Диди поѣздкой за границу, чтобы показать дочери настоящую жизнь и настоящихъ людей. Въ сущности Дидя все-таки провинціалка и ничего не знаетъ, а тамъ раскроются новые горизонты и наберется для сравненія новый матеріалъ. Но эта предполагаемая поѣздка все не устраивалась. Съ одной стороны, свои дѣла не пускали, а съ другой — какъ-то неловко было оставить больную жену. Тащить ее за границу тоже не приходилось, потому что домашнихъ удобствъ и привычекъ ничто не могло ей замѣнить, никакая за-граница; она уже была въ такомъ возрастѣ, когда тяжелы всякія перемѣны. Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ, тѣмъ болѣе, что и Дидя еще была слишкомъ молода.

Къ молодому пану Казимиру Стабровскій отнесся довольно холодно, какъ относятся къ дальнимъ родственникамъ, а Дидя съ перваго раза взяла надъ нимъ верхъ и безъ стѣсненія вышучивала каждый его шагъ. Стабровскій успокоился, потому что изъ такой комбинаціи, конечно, ничего не могло выйти. Самъ по себѣ панъ Казимиръ былъ неглупъ, держалъ себя съ тактомъ, хотя въ немъ и не было того блестящаго ума, который выдвигаетъ людей изъ толпы. Стабровскому казалось, что въ молодомъ панѣ тѣ же черты вырожденія, какія онъ со страхомъ замѣчалъ въ Дидѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ старикъ уже не довѣрялъ самому себѣ,—въ извѣстномъ возрастѣ начинаетъ казаться, что прежде было все лучше, а особенно лучше были прежніе люди. Это—дань возрасту, результатъ собственнаго истощенія.

По всей вѣроятности, панъ Казимиръ уѣхалъ бы въ Сибирь со своими широкими планами, если бъ его не выручила маленькая случайность. Еще послѣ пожара, когда было уничтожено все Заполье, Стабровскій началъ испытывать какое-то смутное недомоганье. Какая-то тяжесть въ головѣ, бродячая боль въ конечностяхъ, ревматизмъ въ лѣвой рукѣ. Все это передъ Рождествомъ разрѣшилось первымъ ударомъ паралича, даже не ударомъ, а ударцемъ, какъ вѣжливо выразился докторъ Кацманъ.

— Это первое предостереженіе, докторъ, — спокойно замѣтилъ Стабровскій, когда пришелъ въ себя. — Зачѣмъ себя обманывать?.. Я понимаю, что

съ такимъ ударомъ можно протянуть еще лѣтъ десять-пятнадцать, но все-таки скверно. Пѣсенка спѣта.

Стабровскаго пріятно поразило то вниманіе, съ какимъ ухаживала за нимъ Дидя. Она ходила за нимъ, какъ настоящая сидѣлка. Стабровскій не ожидалъ такой нѣжности отъ холодной по натурѣ дочери и былъ растроганъ до глубины души. И потомъ Дидя дѣлала все такъ спокойно, увѣренно, какъ совсѣмъ взрослая опытная женщина.

Организмъ у Стабровскаго былъ замѣчательно крѣпкій, и онъ быстро оправился. Всякое выздоровленіе, хотя и относительное, обновляетъ человѣка, и Стабровскій чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Именно этимъ моментомъ и воспользовалась Дидя. Она какъ-то вечеромъ читала ему, а потомъ положила книгу на колѣни и проговорила своимъ спокойнымъ тономъ, иногда возмущавшимъ его:

— Папа, ты не любишь Казимира, я это знаю.

— Не то, что совсѣмъ не люблю, Дидя, а такъ, вообще... Есть люди особенные, выдающіеся, сильные, которые дѣлаютъ свое время, даютъ имя цѣлой эпохѣ, и есть люди средніе, почти безформенные.

— Вотъ именно къ такимъ среднимъ людямъ и принадлежитъ Казимиръ, папа. Я это понимаю. Вѣдь эта безличная масса необходима, папа, потому что безъ нея не было бы и выдающихся людей, въ которыхъ, говоря правду, я какъ-то плохо вѣрю. Какъ мнѣ кажется, время таинственныхъ принцевъ и еще болѣе таинственныхъ принцессъ прошло.

— Дидя, а иллюзіи? Вѣдь въ жизни иллюзія—все... Отними ее—и ничего не останется. Жизнь въ томъ и заключается, что постепенно падаетъ свѣтлая молодая вѣра въ принцевъ и принцессъ, понижается вообще самый appetitus vitae... Это — печальное достояніе насъ, стариковъ, и мнѣ прямо больно слышать это отъ тебя. Ты начинаешь съ того, чѣмъ обыкновенно кончаютъ.

Дѣвушка посмотрѣла на отца почти съ улыбкой сожалѣнія, отъ которой у него защемило на душѣ. У него въ головѣ мелькнула первая тѣнь подозрѣнія. Начало не обѣщало ничего хорошаго. Прежде всего, его обезоруживало насмѣшливое спокойствіе дочери.

— Ты что-то хочешь сказать мнѣ, Дидя?

— Да.

— Предыдущее служило подготовленіемъ?

— Да.

Наступила неловкая пауза, и Стабровскій со страхомъ посмотрѣлъ на дочь. Вотъ когда началось то, чего онъ боялся! До сихъ поръ она принадлежала ему, а теперь...

— Дидя, ты влюблена?—тихо спросилъ онъ, чувствуя, какъ весь начинаетъ холодѣть.

— Нѣтъ.

Она засмѣялась. Онъ облегченно вздохнулъ. Она наклонилась къ нему, поцѣловала и проговорила:

— Папа, я неспособна къ этому чувству... да. Я знаю, что это бываетъ, и что всѣ дѣвушки мечтаютъ объ этомъ, но, къ сожалѣнію, я рѣшительно не способна къ такому чувству. Назови это уродствомъ, но вѣдь бываютъ люди глухіе, хромые, слѣпые, вообще калѣки. Значитъ, по аналогіи, должны быть и нравственные калѣки, у которыхъ недостаетъ самыхъ законныхъ чувствъ. Какъ видишь, я совсѣмъ не желаю обманывать себя. Вѣдь я тоже *средній* человѣкъ, папа... У меня умъ перевѣшиваетъ все, и я впередъ отравлю всякое чувство.

— А ты не ошибаешься?

— Опять спасительная логика средняго человѣка, папа... Вмѣсто иллюзіи здѣсь является довольно грустный житейскій расчетъ.

— Дидя, ты меня пугаешь...

— Поговоримъ, папа, серьезно... Я смотрю на бракъ, какъ на дѣло довольно скучное, а для мужчины и совсѣмъ тошное. Вѣдь бракъ для мужчины — это лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, и твои принцы постоянно бунтуютъ, отравляютъ жизнь и себѣ и женѣ. Для чего мнѣ мужъ-герой? Мнѣ нуженъ тотъ нормальный средній человѣкъ, который терпѣливо понесетъ свое семейное иго. У себя дома вѣдь нѣтъ ни героевъ, ни геніевъ, ни особенныхъ людей, и въ этомъ, по-моему, секретъ того крошечнаго, углового эгоизма, который мы называемъ семейнымъ счастьемъ.

Разсудительность Дидя тяжело подѣйствовала на Стабровскаго, — вѣдь это своего рода холодный и безпринципный развратъ. Съ другой стороны, она совершенно застрахована отъ обыкновенныхъ женскихъ слабостей, хотя такія сдержанныя натуры иногда и кончаютъ очень плохо.

Долго раздумывалъ Стабровскій и такъ и этакъ, а главное—о томъ, что не сегодня-завтра онъ можетъ умереть, и Дидя останется совершенно на произволъ судьбы. Конечно, панъ Казимиръ заставляетъ желать многаго, чтобы сдѣлаться приличнымъ совершенствомъ, но, все равно, другого выбора нѣтъ. Старикъ плохо помнилъ, какъ далъ свое согласіе на этотъ бракъ, а черезъ недѣлю послѣ свадьбы уже проклиналъ себя. Гдѣ у него были глаза? Вѣдь панъ Казимиръ прежде всего глупъ, да еще самонадѣянно-глупъ, а потомъ онъ получилъ взамѣнъ ума порядочную дозу самой нехорошей мелкой хитрости, и наконецъ онъ золъ, какъ маленькое безсильное животное. Стабровскій возненавидѣлъ зятя и просто не могъ выносить его присутствія. Въ довершеніе всего Дидя, умненькая, разсудительная и холодная, какъ маленькая змѣйка, ничего этого не видѣла и, кажется, была счастлива, что связала свою жизнь съ этимъ вырождающимся ничтожествомъ.

Разъ у Стабровскаго съ зятемъ разыгралась довольно крупная сцена. Старика больше всего поразило то, что присутствовавшая при этомъ Дидя упорно молчала, она была согласна съ мужемъ и только изъ вѣжливости не противорѣчила отцу. Ясно, что произошла перемѣна подданства. Результатомъ этой сцены былъ второй, уже настоящій ударъ, уложившій Стабровскаго на три мѣсяца въ постель. У него отнялась вся правая половина, скосило лицо и долго не дѣйствовалъ языкъ. Именно въ такомъ безпомощномъ состояніи его и застала голодная зима. И было достаточно трехъ мѣсяцевъ, чтобы все, что подготовлялось цѣлою жизнью, разомъ нарушилось. Произошло нѣчто въ родѣ отложенія подданныхъ. Прежде всего распалось соглашеніе винокуровъ, и Стабровскій пересталъ получать отступное; потомъ въ банкѣ, видимо, на Стабровскомъ поставили крестъ и не считали нужнымъ даже отвѣчать на его письма; наконецъ, отдѣльныя лица, обязанныя ему всѣмъ, проявили самую черную неблагодарность. Особенно типичнымъ примѣромъ такихъ отношеній былъ тотъ, когда Галактіонъ отказался не только платить взятыя у Стабровскаго пятьдесятъ тысячъ, но даже отказался пріѣхать для личныхъ объясненій.

— Зачѣмъ я поѣду къ нему? — удивлялся Галактіонъ съ прямолинейностью настоящаго мошенника. — Пусть г. Стабровскій лучше посчитаетъ, сколько я ему доставилъ барышей, когда трепался по кабакамъ...

И другіе были не лучше: Штоффъ, Мышниковъ, свои собственные служащіе, и лучше всѣхъ, конечно, былъ зять, ждавшій его смерти, какъ воскре-

сенія. О, какъ теперь всѣхъ понималъ Стабровскій и какъ понималъ то, что вся его жизнь была одною сплошною ошибкой!

Сознаніе вернулось, но говорить правильно Стабровскій не могъ. Онъ подыскивалъ или забывалъ слова и говорилъ совсѣмъ не то, что̀ желалъ. Это доводило его до слезъ. Все понимать и не имѣть возможности все объяснить—что̀ можетъ быть хуже? Болѣзнь развила въ немъ страшную подозрительность: онъ теперь не вѣрилъ даже родной дочери. Изъ всѣхъ окружающихъ онъ отдавалъ предпочтеніе деревянной миссъ Дудль, которая была всегда одинакова, да еще Устенькѣ, которая приходила навѣщать его почти каждый день. Дѣвушка приносила съ собой неистощимый запасъ печальныхъ новостей.

— Если бы вы только могли видѣть, Болеславъ Брониславичъ! — говорила Устенька со слезами на глазахъ.—Голодающія дѣти, голодающія матери, старики, отцы семействъ... Развивается голодный тифъ.

— Да?—равнодушно удивлялся Стабровскій.—И я тоже голоденъ... А что̀ значитъ: ѣсть?.. Меня доктора заставляютъ ѣсть.

Въ другой разъ Стабровскій сказалъ Устенькѣ:

— Они голодны? Какое счастье!.. Если бъ я могъ быть голоднымъ!

Онъ даже приподнялся на подушкѣ и со слезами на глазахъ объяснялъ свою мысль:

— Я постоянно голоденъ, но не могу ѣсть... И это даже не голодъ въ собственномъ смыслѣ, а это... это... это.. Ахъ, я все готовъ былъ бы отдать за то, чтобы быть такимъ голоднымъ, какъ ваши голодные'.. Я имъ завидую.

Это былъ какой-то сумасшедшій бредъ, и Стабровскій только по сдержанно-грустному выраженію лица Устеньки догадывался, что онъ говоритъ что-то невозможное, старался поправиться и окончательно запутывался въ собственныхъ словахъ.

Устенька въ отчаяніи уходила въ комнату миссъ Дудль, чтобъ отвести душу. Она только теперь въ полную мѣру оцѣнила эту простую, но твердую женщину, которая въ каждый данный моментъ знала, какѣ она должна поступить. Миссъ Дудль совсѣмъ сжилась съ семьей Стабровскихъ и разсчитывала, что, въ случаѣ смерти старика, перейдетъ къ Дидѣ, у которой могли быть свои дѣти. Но получилось другое: деревянную англичанку безъ всякой причины возненавидѣлъ панъ Казимиръ, а Дидя, по своей привычкѣ, и не думала ее защищать.

— Они выгонятъ меня изъ дому, какъ старую водовозную клячу,—спокойно предусматривала событія миссъ Дудль.—И я не довела бы себя до этого, если бы мнѣ не было жаль мистера Стабровскаго... Безъ меня о немъ всѣ забудутъ. Мистеръ Казимиръ ждетъ только его смерти, чтобы получить всѣ деньги... Дидя будетъ еще много плакать и тогда вспомнитъ обо мнѣ.

— Миссъ Дудль, если вы почему-нибудь вздумаете—переѣзжайте прямо ко мнѣ,—предлагала нѣсколько разъ Устенька.—Право, мы проживемъ вмѣстѣ недурно.

Миссъ Дудль каждый разъ удивлялась и даже цѣловала Устеньку. Эти поцѣлуи походили на прикладываніе мраморной плиты. И все-таки миссъ Дудль была чудная дѣвушка, и Устенька училась, наблюдая эту выдержанную англійскую миссъ.

V.

Послѣ пожара прошло пять лѣтъ, и Заполье выстроилось заново. Отъ стараго города осталось очень немного. Оказались пустыри, на которыхъ некому было строиться. Въ общемъ городъ получилъ новенькій видъ и, пожалуй, былъ красивѣе стараго. Этотъ пожаръ докончилъ разореніе того сред-

наго купечества, которое составляло силу стараго города. Повидимому, была и торговля и промышленность, но все это являлось какимъ-то призракомъ. Теперь вся жизнь строилась на кредитѣ: дома строили въ кредитъ, промысла въ кредитъ, торговля въ кредитъ. Свободныхъ капиталовъ не было, какъ раньше. Пожаръ разорилъ даже такихъ капиталистовъ, какъ Евграфъ Огибенинъ и старикъ Луковниковъ. Это были послѣдыши запольскаго разоренія. На ихъ мѣстѣ возникали новыя состоянія буквально изъ ничего, какъ на растительномъ перегноѣ растутъ грибы: во главѣ стояли банковскіе воротилы—Мышниковъ, Штоффъ и Галактіонъ, и изъ-за ихъ широкихъ спинъ выдвигались совсѣмъ уже темные люди, какъ бывшій писарь Замараевъ, сладкій братецъ Прасковьи Ивановны Голяшкиной.

Разореніе ушло далеко въ степь. Киргизъ Шахма держался только банкомъ, Сашка Гороховъ разорился и спился, винокуръ Прохоровъ хотя и держался, но тоже былъ въ худыхъ душахъ. У банка была какая-то задача систематически разорять все.

Вскорѣ послѣ пожара старикъ Луковниковъ привелъ въ порядокъ свои дѣла и пришелъ къ печальному открытію, что онъ разоренъ безповоротно. Всѣ капиталы съѣла мельница, дававшая въ послѣдніе годы дефицитъ около тридцати тысячъ рублей, да еще къ этому слѣдовало прибавить мертвый капиталъ, затраченный на нее и не дававшій процента, платежи по банковскимъ ссудамъ и т. д. Доходные годы не могли покрыть этихъ дефицитовъ, а только на время отдаляли неминучую бѣду. Все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы выиграть время и дождаться, когда какой-нибудь одинъ годъ дастъ сотни тысячъ дивиденда. Но для этого нужны были новыя средства, а кредитъ уже кончался. Луковникова удивляло больше всего то, что всѣ другіе знали его дѣла, пожалуй, лучше, чѣмъ онъ самъ. Это выяснилось особенно точно, когда ему пришлось закладывать мельницу въ Запольскомъ банкѣ.

— Мы, собственно, такими операціями не занимаемся,—заявилъ Штоффъ, къ которому обратился Луковниковъ.—Вамъ лучше всего обратиться куда-нибудь въ другой банкъ.

— Время дорого, Карлъ Карлычъ.

Тяжело было Луковникову обращаться именно въ Запольскій банкъ, гдѣ ворочалъ всѣми дѣлами Мышниковъ, но дѣлать нечего—нужда загнала. Банковское правленіе долго тянуло это дѣло, собирало какія-то справки, и наконецъ состоялось рѣшеніе выдать подъ мельницу ссуду въ тридцать тысячъ рублей.

— Господа, да вѣдь она мнѣ стоитъ больше трехсотъ тысячъ! — взмолился Луковниковъ.—Вѣдь вы всѣ хорошо это знаете.

— Отчего вы не обратились въ другой банкъ, Тарасъ Семенычъ?—объяснилъ Драке, по своему обыкновенію, вопросомъ.—Развѣ мы кому-нибудь даемъ больше? Вообще вы, значитъ, недовольны?..

Пришлось помириться на этой суммѣ, чтобы заткнуть кое-какія кредитныя дыры. Кредиторы точно сговорились и наступали на Луковникова все тѣснѣе.

Закладъ мельницы оттянулъ окончательное разореніе на очень небольшое время. Явился первый протестованный вексель, когда-то выданный еще покойному Нагибину, а это вызвало закрытіе банковскаго кредита и объявленіе несостоятельности. Назначенъ былъ конкурсъ, и все имущество поступило уже въ его вѣдѣніе. Тяжелѣе всего Луковникову было то, что ему не пришлось дослужить послѣдняго трехлѣтія городскимъ головой и выйти даже изъ состава гласныхъ. Все рушилось какъ-то разомъ. Старикъ въ какихъ-

нибудь полгода совершенно посѣдѣлъ, какъ-то опустился и принялъ тотъ недоумѣвающій видъ, какъ и всѣ другіе „конкурсные“. У него теперь явились какіе-то необычайные планы, дѣтскіе расчеты и еще болѣе дѣтскія надежды. Главное, что̀ его мучило, это — Устенька, которая изъ богатой невѣсты превратилась въ нищую. Эта послѣдняя мысль ѣла старика день и ночь.

— Перестань, пожалуйста, папа, — уговаривала его Устенька.—Не сто̀итъ даже и говорить о такихъ пустякахъ... Будетъ день—будетъ и хлѣбъ.

— Ахъ, Устенька, Устенька, ничего ты не понимаешь!

— Нѣтъ, папа, отлично понимаю. Ну, скажи, пожалуйста, для чего намъ много денегъ: вѣдь ты два обѣда не съѣшь, а я не надѣну два платья?.. Потомъ, много ли богатыхъ людей на свѣтѣ, да и вопросъ, счастливѣе ли они отъ своего богатства?

Когда домъ и все имущество были описаны, Устенька наняла небольшую квартиру въ три комнаты и переѣхала въ нее съ отцомъ и старой нянькой Матреной. Дѣвушка была совершенно счастлива, что можетъ на свои средства содержать отца,—она зарабатывала уже около пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, потому что, кромѣ переводовъ въ „Запольскомъ Курьерѣ“, занимала еще мѣсто секретаря этой газеты. Къ Луковниковымъ же переселился въ качествѣ квартиранта и Ечкинъ, выпущенный изъ острога „по недостатку уликъ“. Устенька сама предложила ему квартиру, отплачивая ему за то добро, которое онъ сдѣлалъ ей, когда опредѣлилъ къ Стабровскимъ. Тюремное, почти годовое заключеніе подѣйствовало на Ечкина самымъ разрушающимъ образомъ. Изъ цвѣтущаго и жизнерадостнаго мужчины онъ сразу превратился въ подержанаго джентльмена, точно весь вылинялъ. Главное, что̀ его погубило, это—невозможность выѣхать изъ Заполья. И все изъ-за дурацкаго дѣла объ отравленіи Нагибина. Кредиторы заперли его въ Запольѣ, какъ охотники обкладываютъ въ берлогѣ дикаго звѣря, обязавъ подпиской о невыѣздѣ. И что̀ могъ сдѣлать Ечкинъ въ этомъ разоренномъ городѣ?

У Ечкина попрежнему роились тысячи плановъ, онъ ждалъ какихъ-то спасительныхъ сроковъ, писалъ безъ конца кому-то и куда-то безконечныя дѣловыя письма и не думалъ сдаваться.

— У тебя, какъ у лисы, тысячи думушекъ,—добродушно шутилъ надъ нимъ Луковниковъ.—Оба, братъ, мы съ тобой, какъ въ сказкѣ лиса, попали банковской бабѣ на воротникъ... У банка-то одна думушка!

Устенька очень рада была Ечкину, который развлекалъ отца и не давалъ ему задумываться. Они какъ-то особенно близко сошлись между собой и по вечерамъ дѣлились своими планами.

— Мнѣ всего двѣ недѣли подождать, — по секрету сообщалъ Ечкинъ, подмигивая:—а тамъ...

— И мнѣ тоже, Борисъ Яковличъ... Всего двѣ недѣли тоже!

И они ждали свои двѣ недѣли, какъ дѣти. Устенька должна была выслушивать этотъ бредъ и соглашаться.

Нагибинское дѣло остановилось въ неопредѣленномъ положеніи. За недостаткомъ уликъ былъ выпущенъ и Полуяновъ. Выпущенный раньше Ліодоръ нѣсколько разъ являлся къ слѣдователю съ новыми показаніями, и его опять сажали въ острогъ, пока не оказывалось, что все это ложь. Все вниманіе слѣдователя сосредоточивалось теперь именно на Ліодорѣ, который казался ему то психически-ненормальнымъ человѣкомъ, то отчаяннымъ разбойникомъ, смѣявшимся надъ нимъ въ глаза. Въ послѣдній разъ Ліодора къ слѣдователю отправилъ самъ Харитонъ Артемьичъ.

— Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе, г. слѣдователь вто-

рого участка,—заявлялъ старикъ.—Самъ пригелъ къ вамъ разбойника .. Онъ стравилъ Нагибина. Ужъ повѣрьте родному-то отцу.

— Дѣйствительно, я,—равнодушно соглашался Ліодоръ.

Онъ даже разсказалъ цѣлую исторію этого отравленія, пока слѣдователь не догадался отправить его на испытаніе въ больницу душевно-больныхъ. Отецъ тоже былъ ненормаленъ и радовался, какъ ребенокъ, что еще разъ избавился отъ сына.

— Туда ему и дорога, разбойнику! — повторялъ онъ, крестясь. Онъ и меня стравитъ.

Вообще, въ Запольѣ появился цѣлый рядъ тронувшихся людей, какъ Малыгинъ съ сыномъ, бывшій исправникъ Полуяновъ и Луковниковъ съ Ечкинымъ. У каждаго былъ свой пунктикъ.

Разоренію Луковникова предшествовала романическая исторія Устеньки съ Галактіономъ. Это было что-то нелѣпое, почти невозможное, если бъ оно не было на самомъ дѣлѣ. Устенька относилась къ Галактіону съ гадливымъ презрѣніемъ и въ глаза высказывала, за что его принимаетъ. Но Галактіона это не остановило. Его такъ и тянуло въ домъ къ Луковникову. Онъ являлся подъ всевозможными предлогами, чтобы хоть издали увидѣть своего красиваго молодого врага. Галактіона охватила самая тяжелая страсть, страсть пожилого человѣка, терявшаго голову. Тутъ уже не было молодыхъ расчетовъ, ни сдержанности, ни самолюбія. Одно желаніе охватывало всего человѣка: видѣть ее. Галактіонъ еще до пожара заявилъ Харитинѣ, что любитъ Устеньку и женится на ней во что бы то ни стало. Харитина къ этому откровенному признанію отнеслась совершенно равнодушно. Она слишкомъ устала жить... Что же, пусть женится, если нравится.

Сама Устенька страшно перепугалась, когда открыла истинную причину частыхъ визитовъ Галактіона. Онъ показался ей просто сумасшедшимъ человѣкомъ, и она всячески старалась избѣгать его. Каждый звонокъ заставлялъ ее вздрагивать. Въ свою редакцію она бѣжала такъ скоро, точно кто за ней гнался. И все-таки она часто встрѣчала Галактіона. Онъ, какъ мальчишка, по цѣлымъ часамъ поджидалъ ее на улицѣ, бродилъ по вечерамъ, какъ тѣнь, подъ окнами редакціи „Запольскаго Курьера“, гдѣ она занималась, и былъ счастливъ, когда могъ раскланяться съ ней хоть издали. Устенька боялась какой-нибудь грубой выходки, открытаго нападенія, но все дѣло ограничивалось молчаливымъ преслѣдованіемъ. Послѣднее ее успокаивало, и она даже набралась столько храбрости, что разъ остановилась на улицѣ, дождалась провожавшаго ее издали Галактіона и очень рѣзко заявила ему:

— Вы меня компрометируете, Галактіонъ Михеичъ... У васъ свои взрослыя дочери, и, кажется, ужъ вамъ-то должно быть стыдно. Я васъ презираю.

Галактіонъ только смотрѣлъ на нее и молчалъ. Онъ весь былъ въ этомъ взглядѣ, и его молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Устенька повернулась и почти бѣгомъ бросилась домой. Она не стала пить чай, хотя отецъ и Ечкинъ каждый вечеръ ждали ея возвращенія, какъ было и сегодня, а прошла прямо въ свою комнату, заперлась на крючокъ и бросилась на кровать. Ее душили безсильныя слезы. Галактіонъ казался ей какимъ-то проклятымъ человѣкомъ, который тѣнью бродилъ по городскимъ улицамъ. Вѣдь онъ довелъ до мертваго запоя нелюбимую жену, онъ разыгралъ романъ съ Прасковьей Ивановной, онъ теперь мучилъ несчастную Харитину... И всѣ эти женщины за что-то любили этого проклятаго человѣка, ждали его ласковаго взгляда, улыбались ему счастливыми улыбками и потомъ проклинали.

Ночное раздумье привело Устеньку къ рѣшенію. Она должна была, какъ

это ни тяжело, объяснится съ Галактіономъ. Вообще получалась самая глупая и нелѣпая исторія.

Объясненіе произошло въ квартирѣ Харченки, куда Галактіонъ пришелъ навѣстить дѣтей.

— Что вамъ отъ меня нужно? — рѣзко спросила дѣвушка.

— Ничего,— виновато отвѣтилъ Галактіонъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы понимаете, что ваше преслѣдованіе меня по пятамъ — мерзость... За меня даже заступиться некому, и вы пользуетесь моею беззащитностью. Ко всѣмъ хорошимъ качествамъ, о которыхъ я вамъ уже говорила, вы присоединяете новое.

— А если мнѣ тошно, Устинья Тарасовна? Можетъ-быть, впору руки на себя наложить.

— Скажите, пожалуйста! Вы, должно-быть, повторяете это всѣмъ женщинамъ, имѣвшимъ неосторожность увлекаться вами? Я не изъ такихъ.

Галактіонъ, вообще, имѣлъ такой несчастный видъ, что приготовившаяся его разнести дѣвушка немного растерялась. Некого было даже бранить.

— Меня удивляетъ ваша безсовѣстность,— говорила она, напрасно стараясь разсердиться.—Да, полная безсовѣстность.

— Если бы вы меня не ненавидѣли, Устинья Тарасовна, я давно сдѣлалъ бы вамъ предложеніе.

— Не смѣйте этого говорить, несчастный!.. Вы годитесь мнѣ въ отцы!

— Устинья Тарасовна, когда съ вами случится *это*, тогда вы меня вспомните. Есть такіе роковые люди.

Послѣ этого откровеннаго объясненія, происходившаго вскорѣ послѣ пожара, Галактіонъ на время оставилъ дѣвушку въ покоѣ. Но затѣмъ онъ неожиданно явился прямо въ домъ къ Луковникову, когда Устенька была одна.

— Я сейчасъ уйду, Устинья Тарасовна... Пожалуйста, не бойтесь меня. Я пришелъ предложить помощь Тарасу Семенычу.

— Я скажу папѣ, чтобъ онъ просто не принималъ васъ.

— Но вѣдь онъ разорится?

— Это васъ не касается.

Галактіонъ молча поклонился и вышелъ. Это была послѣдняя встрѣча. И только когда онъ вышелъ, Устенька поняла, за что такъ любили его женщины. Въ немъ была эта покрывающая, широкая мужская ласка, та скрытая сила, которая неудержимо влекла къ себѣ,—такимъ людямъ женщины умѣютъ прощать все, потому что только около нихъ чувствуютъ себя женщинами. Именно такою женщиной и почувствовала себя Устенька.

VI.

Первые приступы голода начались еще съ осени, когда былъ съѣденъ первый хлѣбъ. Урожай былъ настолько скуденъ, что въ большинствѣ случаевъ не собрали сѣмянъ. Тяжелая крестьянская бѣда обложила все. Остановилась, прежде всего, всякая торговля. Купцы сидѣли въ пустыхъ лавкахъ. Промыслы тоже стали. Нигдѣ никакой работы, а впереди цѣлая голодная зима. Продовольственныхъ капиталовъ совсѣмъ не оказалось, считавшіеся на бумагѣ хлѣбные магазины стояли пустыми. Положеніе, вообще, было вполнѣ безвыходное. Уже съ осени, по первымъ заморозкамъ, Заполье очутилось въ какомъ-то маломъ осадномъ положеніи. Въ городъ со всѣхъ сторонъ брели толпы голодающихъ,—это былъ авангардъ страшной голодной арміи. Городское управленіе рѣшительно не знало, что дѣлать. Въ городѣ тоже начинался

евой собственный голодъ, а тутъ толпы нищихъ изъ уѣзда. Никакихъ спеціальныхъ суммъ на удовлетвореніе страшно разгоравшейся бѣды не было, на частную благотворительность совсѣмъ нельзя было разсчитывать, а оставалось одно земство, которое должно было заботиться о своемъ уѣздѣ. „Ступайте въ земскую управу“,—предлагали голоднымъ. Послѣ Луковникова городскимъ головой былъ избранъ Мышниковъ, изображавшій собой „маленькаго губернатора“, какъ вышучивалъ его „Запольскій Курьеръ“. Новый городской голова принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ оградить свои владѣнія отъ вторженія голодающихъ, и ничего не могъ подѣлать.

Запольское земство еще послѣ уборки хлѣба раннею осенью представило губернскому земскому собранію подробный докладъ о положеніи дѣла. Докладъ писалъ Харченко, толково и обстоятельно. Требовалась настоятельная правительственная помощь. Экстренное земское собраніе рѣшило хлопотать о милліонной ссудѣ, но это ходатайство было опротестовано губернаторомъ, приславшимъ своего чиновника особыхъ порученій для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Чиновникъ пріѣхалъ въ Заполье и узналъ отъ Мышникова, что голодъ придуманъ „Запольскимъ Курьеромъ“, а въ дѣйствительности есть только недородъ. Въ этомъ смыслѣ губернаторомъ и было рѣшено, и ссуда была понижена на семьдесятъ процентовъ, а „Запольскому Курьеру“ сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе. Мышниковъ острилъ, называя эту газету „голодной“. Наступившая зима показала, что дѣло обстоитъ совсѣмъ не смѣшно, и что необходимы энергическія мѣры. Такъ какъ нужно было что-нибудь говорить, всѣ толковали о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ. Только бы дождаться весны, когда вскроются рѣки. Довѣренные крупныхъ уральскихъ хлѣботорговцевъ еще съ осени уѣхали въ Сибирь и закупали тамъ громадныя партіи. Много толковали о тюменскихъ и екатеринбургскихъ купцахъ, сосредоточившихъ всѣ свои силы на сибирскомъ хлѣбѣ. Въ Запольѣ оставался одинъ крупный мучникъ, старикъ Луковниковъ, да и тотъ уже разорился, и вальцовая мельница, стоившая до четырехсотъ тысячъ, ушла съ торговъ всего за тридцать. Ее купили компанія Замараева, Голяшкина и Ермилыча. Это были дѣльцы уже новой формаціи, смѣнившіе старое степенное купечество. Они спекулировали на чужомъ разореніи и быстро шли въ гору.

— Не все банку денежки-то огребать,—говорилъ Замараевъ.—Надо и протчимъ народамъ что-нибудь оставить на зубокъ.

Со смертью Ермилыча компанія осталась изъ двухъ, и Замараевъ высчиталъ, что наживетъ на этомъ тысячъ двадцать. Конечно, жаль Ермилыча, хорошій былъ человѣкъ, а опять и деньги тридцать тысячъ не лишнія. Собственно хлѣбомъ Замараевъ началъ заниматься „изъ-за руки“, благодаря Ермилычу, устроившему въ Запольѣ разныя хлѣбныя „комиссіи“. Особенныхъ барышей отъ этихъ порученій не было, но и себѣ не въ убытокъ. Когда начались недороды, Замараевъ воспользовался случаемъ и нѣсколько разъ надулъ Ермилыча, утаивъ львиную долю прибыли. Впрочемъ, и самъ Ермилычъ нѣсколько разъ обувалъ Замараева на обѣ ноги и только глупо хихикалъ, когда тотъ начиналъ ругаться. Эти маленькія недоразумѣнія не мѣшали большой дружбѣ, и Замараевъ искренно жалѣлъ безвременно погибшаго друга.

— Отъ своей доброты погибъ,—говорилъ Замараевъ со вздохомъ.—Конечно, жалѣлъ бѣдноту,—ну, и одолжалъ, а доброта вонъ какъ отрыгнулась.

Свое дѣло Замараеву окончательно надоѣло. Съ грошами приходится возиться и при этомъ какъ будто низко. Вонъ банкъ обдираетъ на чистоту, и всѣ благородные, потому что много берутъ, а, онъ, Замараевъ, точно какой шкаріотъ. Всѣ даже пальцами указываютъ.

— Тоже вотъ отъ доброты началось, — вздыхалъ онъ. — Небось мужички въ банкъ не идутъ, а у меня точно къ явленной иконѣ народъ претъ.

Дѣйствительно, замараевская касса осаждалась каждое утро цѣлою толпой крестьянъ. Закладывался настоящій деревенскій мужикъ, тащившій въ городъ самовары, конскую сбрую, полушубки, бабьи сарафаны и вообще свое мужицкое „барахло", какъ называлъ Замараевъ этотъ отдѣлъ закладовъ. Нужно отдать справедливость, онъ принималъ эти вещи изъ участія къ захватившей деревню бѣдности, а настоящаго коммерческаго расчета съ барахломъ не могло быть. Бывшій волостной писарь отлично понималъ ту отчаянную деревенскую нужду, которая закладывалась у него послѣдними потрохами. Купеческія и господскія денежки легкія, какъ и пожитки, а тутъ выбрасывалось мужицкое добро, точно поднималась тяжелая почвенная вода. Особенно негодовала жена Замараева, потому что отъ этого мужицкаго добра „очень ужъ тяжелый духъ по всему дому идетъ".

— Ничего ты не понимаешь, Анна,—усовѣщевалъ ее Замараевъ.— Конечно, я имъ благодѣтель и себѣ въ убытокъ балансъ дѣлаю: за тридцать-то шесть процентовъ въ годъ мнѣ и самому никто не дастъ двугривеннаго. А только вѣдь и на мнѣ крестъ есть... Понимаешь?

Выпущенный изъ тюрьмы Полуяновъ теперь занимался у Замараева въ кассѣ. Съ нимъ опять что-то дѣлалось—скучный такой, строгій, и ни съ кѣмъ ни слова. Единственнымъ удовольствіемъ для Полуянова было хожденіе по церквамъ. Онъ и съ собой приносилъ какую-то церковную книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, которую и читалъ потихоньку отъ свободности. О судахъ и законахъ больше не было и помину, несмотря на отчаянное приставанье Харитона Артемьича, приходившаго въ кассу почти каждый день, чтобы поругаться съ зятемъ.

— Пора о душѣ тебѣ позаботиться,—совѣтовалъ Полуяновъ.

— Ну, это ужъ попы знаютъ... Ихнее дѣло. А ты, Илья Өирсычъ, какъ переметная сума: сперва продалъ меня Ечкину, а теперь продаешь Замараеву. За Ечкина въ острогѣ насидѣлся, а за любезнаго зятя въ самую отдаленную каторгу уйдешь на вѣчное поселенье... Вѣрно тебѣ говорю.

Замараевъ не обращалъ вниманія на ругань богоданнаго тятеньки и только время отъ времени повторялъ:

— Тятенька любезный, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ и дадимъ отвѣтъ на страшномъ пришествіи, а вамъ дѣйствительно пора бы насчетъ души соображать. Другіе-то старички вонъ каждодневно, напримѣръ, въ церковь, а вы, прямо сказать, только сквернословите.

Банковскіе воротилы были въ страшной тревогѣ, т.-е. Мышниковъ и Штоффъ. Они совѣщались ежедневно, но не могли прійти ни къ какому результату. Дѣло въ томъ, что ихъ компаньонъ по пароходству Галактіонъ держалъ себя самымъ страннымъ образомъ, и каждую минуту можно было ждать, что онъ подведетъ. Сначала Штоффъ его защищалъ, а потомъ, когда Галактіонъ отказался платить Стабровскому, онъ принужденъ былъ молчать и слушать. Даже Мышниковъ, разорившій столько людей и всегда готовый на новые подвиги,—даже Мышниковъ трусилъ.

— Утопитъ онъ насъ, вотъ посмотри! — увѣрялъ онъ Штоффа.—Вѣдь теперь какой моментъ—онъ сразу вылѣзетъ въ милліонъ, а тогда его ужъ не достанешь.

— Д-да... вообще... Однимъ словомъ, чортъ его знаетъ, что у него на умѣ. Главное, какъ-то прячется ото всѣхъ.

Недоразумѣніе выходило все изъ-за того же дешеваго сибирскаго хлѣба.

Компаньоны разсчитывали сообща закупить партію, перевезти ее по вешней водѣ прямо въ Заполье и поставить свою цѣну. Теперь, благодаря пароходству, хлѣбный рынокъ окончательно былъ въ ихъ рукахъ. Положимъ, что наличныхъ средствъ для такой громадной операціи у нихъ не было, но вѣдь можно было покредитоваться въ своемъ банкѣ. Дѣло было вѣрнѣе смерти и обѣщало страшные барыши.

— Тюменскіе купцы воиъ уже зафрахтовали пароходы на всю навигацію, — сообщилъ Штоффъ.—Хлѣбъ закупили отъ 17 до 23 к. за пудъ, а продавать хотятъ по 2 рубля. Это ужъ безсовѣстно.

— Конечно, безсовѣстно... Мы будемъ продавать по полтора рубля.

— Другими словами, отъ каждаго пуда возьмемъ полтину убытка. Ну, да ужъ какъ быть, надо послужить міру.

Да, все было разсчитано впередъ и даже процентъ благодѣянія на народную нужду, и вдругъ прошелъ слухъ, что Галактіонъ самостоятельно закупилъ гдѣ-то въ Семипалатинской области милліонную партію хлѣба, закупилъ въ свою голову и даже не подумалъ о компаньонахъ. Новость была ошеломляющая, которая валила съ ногъ всѣ расчеты. Штоффъ полетѣлъ въ Городище, чтобъ объясниться съ Галактіономъ.

— Это правда?—спрашивалъ онъ послѣ нѣкоторыхъ предисловій.

— Да,—коротко отвѣтилъ Галактіонъ.

— А какъ же мы-то?

— Вы получите, что причтется на вашу долю за фрахтъ.

— Ну, это, братъ, стара штука!.. Дудки!..

— А контрактъ? Вѣдь контрактъ-то самъ Мышниковъ писалъ: тамъ только и говорится о фрахтѣ, а о совмѣстныхъ закупкахъ товара ничего не сказано, да и капиталовъ такихъ нѣтъ.

— Капиталъ мы достанемъ.

— Объ этомъ раньше надо было подумать, а теперь поздно. Я взялъ весь фрахтъ на себя.

— Галактіонъ, есть у тебя совѣсть? Т.-е. тьфу... Какая тамъ совѣсть! Вѣдь ты тогда пропалъ бы, если бы мы тебя не выручили, а теперь что дѣлаешь?

— Вы свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и получите. Достаточно вы поломались надо мной, а забыли только одно: пароходы-то все-таки мои... да.

— Послушай, да тебя разстрѣлять мало!.. На свои деньги веревку куплю, чтобы повѣсить тебя. Вотъ такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ! Проклятый ты человѣкъ, вотъ что. Гдѣ деньги взялъ?

— Это ужъ мое дѣло. Вѣдь я не спрашиваю, гдѣ вы деньги берете. Однимъ словомъ, намъ нечего разговаривать.

Вернувшись въ Заполье, Штоффъ резюмировалъ Мышникову свое мнѣніе:

— Это... это геніальный мерзавецъ! Все такъ предусмотрѣть... Нѣтъ, это, наконецъ, свинство!

Мышникова больше всего занималъ вопросъ о томъ, откуда Галактіонъ могъ достать денегъ. Вѣдь на худой конецъ нужно двѣсти-триста тысячъ.

— Нѣтъ, ты считай!— кричалъ Штоффъ, начиная рвать рѣдѣвшіе волосы.—Положимъ, что ему обойдется по 25 коп. пудъ—милліонъ пудовъ, значитъ, 250 тысячъ. Хорошо. Фрахтъ — 15 к. съ пуда, ну, накладныхъ расходовъ клади 10 коп.— итого 500 тысячъ. Такъ? Положимъ, что онъ дастъ за 250 тысячъ процентовъ изъ 25 — итого 62½ тысячи. Всего, слѣдовательно, онъ затрачиваетъ сумму въ 560 тысячъ. Такъ? А выручитъ полтора милліона, если пуститъ хлѣбъ по нашей цѣнѣ, значитъ, голенькій милліонъ въ карманѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое!

Дальше сдѣлалось извѣстнымъ, что Галактіонъ арендовалъ мельницу отца въ Прорывѣ, потомъ ведетъ переговоры относительно вальцовой мельницы Замараева и Голяшкина, и что, наконецъ, предлагалъ земству доставить хлѣбъ по 1 р. 70 к. Все Заполье теперь только и говорило о Галактіонѣ. Онъ сдѣлался героемъ дня, котораго ждали столько лѣтъ. Еще ничего подобнаго не видали въ Запольѣ, и самый банкъ съ его операціями являлся какою-то дѣтскою игрушкой. Слава Галактіона выросла въ нѣсколько дней, какъ снѣговой комъ. Поднялись всѣ аппетиты и тайныя вожделѣнія ухватить свою долю. Но дорогъ былъ моментъ: другихъ пароходовъ не было, и Галактіонъ желѣзною рукой захватилъ весь хлѣбный рынокъ.

Самое скверное было то, что Мышниковъ и Штоффъ очутились въ смѣшномъ положеніи, и всѣ на нихъ указывали пальцами. Вѣдь они спасли Галактіона, когда онъ погибалъ со своими пароходами, а теперь должны были смотрѣть и ожигаться.

Мышниковъ теперь даже старался не показываться на публикѣ и съ горя проводилъ все время у Прасковьи Ивановны. Онъ за послѣдніе годы сильно растолстѣлъ и тянулъ вмѣстѣ съ ней мадеру. За бутылкой вина онъ каждый день обсуждалъ вопросъ, откуда Галактіонъ могъ взять деньги. Всѣ богатые люди наперечетъ. Стабровскій выученъ и не дастъ, а больше не у кого. Не припряталъ ли старикъ Луковниковъ? Да нѣтъ,—не такой человѣкъ.

— Рѣшительно негдѣ взять такой суммы! — повторялъ Мышниковъ, изнывая отъ желанія раскрыть тайну Галактіона.—Вѣдь ужъ, кажется, мы-то знаемъ, у кого и сколько денегъ... да.

— Умный человѣкъ — вотъ главная причина, — язвила Прасковья Ивановна.— Я всегда это говорила.

— Да ты же и меня тогда подвела дать денегъ Галактіону на его проклятые пароходы.

— А зачѣмъ дурацкій контрактъ написалъ?

Въ довершеніе всего, въ „Запольскомъ Курьерѣ“ появилась анонимная статья „о трехъ благодѣтеляхъ“. Въ ней подробно разсказывалась исторія пароходной компаніи, а роль Мышникова и Штоффа выставлялась въ самомъ комическомъ видѣ. Это была месть Харченки.

VII.

Начиная съ осени Устенька была завалена работой, особенно, когда начали открываться столовыя для голодающихъ и новые врачебные пункты. Немного было мѣстной интеллигенціи, но она горячо откликнулась на народное бѣдствіе, особенно молодежь. Рабочія руки были страшно дороги, да и было ихъ немного. Первые опыты съ кормленіемъ голодающихъ производились въ Запольѣ, и скоро выработался опредѣленный типъ такихъ столовыхъ, а по нимъ уже открывались столовыя въ уѣздѣ. Нужда была такъ велика, а средства такъ ничтожны, да и тѣ съ величайшимъ трудомъ добывались главнымъ образомъ изъ Россіи. Въ Запольѣ благотворителемъ оказался только Стабровскій, на средства котораго было открыто до двадцати столовыхъ, а остальные богачи очень туго поддавались на просьбы о помощи. Устенька теперь часто бывала у Стабровскаго, который давалъ ей средства, не говоря, откуда они.

Чѣмъ больше шло время къ веснѣ, тѣмъ сильнѣе росла нужда, точно пожаръ. Разъ, когда Устенька вернулась домой изъ одной поѣздки по уѣзду, ее ждала записка Стабровскаго, кое-какъ нацарапанная карандашемъ: „Дорогой другъ, заверните сегодня вечеромъ ко мнѣ. Можетъ-быть, это вамъ будетъ

непріятно, но васъ непремѣнно желаетъ видѣть Харитина. Ей что-то нужно сказать вамъ, и она нашла самымъ удобнымъ, чтобъ объясненіе происходило въ моемъ присутствіи. Я совѣтую вамъ повидаться съ ней".

„Что ей нужно отъ меня? — подумала дѣвушка, испытывая непріятное чувство, — она никогда не любила Харитину. — Какая-нибудь глупость".

Она сама не пошла бы на это объясненіе, если бы не настойчивый совѣтъ Стабровскаго. Старикъ не будетъ даромъ совѣтовать.

Непріятное чувство усиливалось по мѣрѣ того, какъ Устенька подходила къ дому Стабровскаго. Что ей за дѣло до Харитины, и какое могло быть между ними объясненіе? У дѣвушки явилась даже малодушная мысль вернуться домой и написать Стабровскому отказъ, но она преодолѣла себя и рѣшительно позвонила.

Харитина сидѣла въ кабинетѣ Стабровскаго, одѣтая вся въ черное, точно носила по комъ-то трауръ. Исхудавшее блѣдное лицо все еще носило слѣды недавней красоты, хотя Устенька въ первый моментъ рѣшительно не узнала прежней Харитины, цвѣтущей, какой-то задорно-красивой и вѣчно-веселой. Дамы раскланялись издали. Самъ Стабровскій былъ сильно взволнованъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли, — обрадовался онъ, крѣпко пожимая руку Устеньки. — Да, хорошо. Ахъ, что они дѣлаютъ, что дѣлаютъ! Вѣдь это же ужасно, это безчеловѣчно.

Устенька чувствовала на себѣ упорный и тяжелый взглядъ Харитины и плохо понимала, что говорилъ Стабровскій.

— Представьте себѣ, Устенька, — продолжалъ старикъ. — Вѣдь Галактіонъ получилъ вездѣ подряды на доставку *дешеваго* сибирскаго хлѣба. Другими словами, онъ получитъ самъ около четырехсотъ процентовъ на затраченный капиталъ. И еще благодѣтелемъ будетъ считать себя. О, если бы не моя болѣзнь, — сейчасъ же полетѣлъ бы въ Сибирь и привезъ бы хлѣбъ на плотахъ!

Харитина молчала, опустивъ глаза.

— А другіе еще больше хотятъ получить, — какъ-то стоналъ Стабровскій, тяжело ворочаясь въ своемъ крѣслѣ. — Это называется снимать рубашку съ нищаго... да!

Когда Стабровскій немного успокоился, Устенька проговорила, обращаясь къ гостьѣ:

— Болеславъ Брониславичъ писалъ мнѣ, что вы желаете меня видѣть.

Харитина вздрогнула и отвѣтила не сразу. Голосъ у нея былъ такой слабый, съ какою-то странною хрипотой.

— Да. Видите ли, я... т.-е. я хочу сказать...

Она умоляюще посмотрѣла кругомъ своими широко раскрытыми сѣрыми глазами, точно искала какой-то невидимой помощи.

— Я знаю, что вы меня не любите... да, — выговорила она наконецъ, дѣлая надъ собой усиліе, — и не пошли бы, если бъ сама васъ пригласила. А мнѣ такъ нужно васъ видѣть.

Стабровскій, нахмурившись, разсматривалъ свои ногти.

— Вы слышали, что сейчасъ говорили про Галактіона Михеича, а онъ совсѣмъ не такой, т.-е. не злой.

— Мнѣ это рѣшительно все равно, какой онъ, — отозвалась Устенька съ удивившею ее самоё рѣзкостью.

— Можетъ-быть, я ошибаюсь, — еще мягче заговорила Харитина, глядя прямо въ глаза Устенькѣ. — Но я совсѣмъ ушла оттуда, изъ Городища... т.-е. онъ меня прогналъ... да.

— Пожалуйста, увольте меня отъ этихъ подробностей. Я рѣшительно не понимаю, къ чему вы все это говорите.

— Дѣло въ томъ... да... въ томъ, что Галактіонъ Михеичъ... однимъ словомъ, мнѣ его жаль. Пропадаетъ онъ окончательно. Всѣ его теперь бранятъ, другіе завидуютъ, а онъ не такой. Вотъ хоть и это дѣло, о которомъ сейчасъ говорилъ Болеславъ Брониславичъ. Право, я только не умѣю всего сказать, какъ слѣдуетъ.

Наступила неловкая пауза. Стабровскій закрылъ глаза, стараясь не смотрѣть на сумасшедшую гостью. Ему казалось, что она ненормальна.

— Я жду, — проговорила Устенька.

Харитина посмотрѣла на нее и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Отчего вы не хотите итти за него замужъ? Онъ былъ бы другой, повѣрьте мнѣ... Вѣдь онъ сходитъ съ ума вотъ уже три года.

— Немного странный вопросъ, Харитина Харитоновна, — съ улыбкой отвѣтила Устенька. — И, право, мнѣ трудно отвѣчать на него. Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Просто, не желаю. Онъ мнѣ не нравится.

— Онъ? Галактіонъ Михеичъ? — въ какомъ-то ужасѣ прошептала Харитина.

— Да, Галактіонъ Михеичъ. Даже больше, чѣмъ не нравится. Говоря откровенно, я его презираю... Онъ по натурѣ нехорошій человѣкъ.

— Неправда! — рѣзко проговорила Харитина и даже вся выпрямилась.

— Потомъ, мнѣ странно, что спрашиваете меня именно вы.

— Да вѣдь я ушла совсѣмъ и никогда больше не увижу его.

— И я тоже постараюсь никогда съ нимъ не встрѣчаться.

Устенькѣ показалось, что Харитина чуть-чуть улыбнулась и посмотрѣла на нее злыми глазами. Она не вѣрила ей.

— Думаю, что мы достаточно все выяснили, и поэтому кончимте, пожалуйста, — заговорила Устенька, наблюдая Стабровскаго. — Кажется, довольно сказано.

Харитина поднялась, протянула руку Стабровскому и, простившись съ Устенькой поклономъ, вышла изъ кабинета. Благодаря худобѣ, она показалась выше, чѣмъ была раньше.

— Это приходило само несчастіе, — проговорилъ Стабровскій, глядя на дверь. — А знаете, Устенька, она была дивно-хороша вотъ сейчасъ, здѣсь, хороша своимъ женскимъ героизмомъ.

— Я такихъ женщинъ не понимаю. Кажется, такой безцѣльный героизмъ относится къ области эстетики, а въ дѣйствительной жизни онъ просто неудобенъ.

— Не говорите. Кстати, я вызвалъ васъ на это свиданіе вотъ почему: все равно — она разыскала бы васъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ все могло кончиться. Я просто боялся за васъ. Такія женщины, какъ Харитина, въ такомъ приподнятомъ настроеніи способны на все.

— Что же она могла сдѣлать со мной?

— Мало ли что: облить кислотой, выстрѣлить изъ револьвера. Она ревнуетъ васъ къ этому Галактіону. Замѣтьте, что она продолжаетъ его любить безъ ума и дошла до того, что наслаждается собственнымъ униженіемъ. Кстати, она сходится съ своимъ мужемъ.

— Съ Полуяновымъ? Это тоже изъ области дивнаго героизма?

— Пожалуй, если хотите. Она хочетъ хоть этимъ путемъ подогрѣть въ Галактіонѣ ревнивое чувство. На всякій случай, мой совѣтъ: вы поберегайтесь этой особы. Чѣмъ она ласковѣе и скромнѣе, тѣмъ могутъ быть опаснѣе вспышки.

Стабровскій въ послѣднее время часто мѣнялъ съ Устенькой тонъ. Онъ то говорилъ ей *ты*, какъ прежде, когда она была ребенкомъ, то переходилъ на дѣловое *вы*. Когда Устенька уходила, Стабровскій пошутилъ:

— Устенька, смотрите, въ самомъ дѣлѣ не влюбитесь въ Галактіона. Въ немъ, дѣйствительно, есть что-то такое, что̀ нравится женщинамъ, а сейчасъ онъ уже окончательно на геройскомъ положеніи. Для меня лично, впрочемъ, онъ теперь совсѣмъ опредѣлившійся негодяй.

Отъ Стабровскаго Устенька вышла въ какомъ-то туманѣ. Ее сразу оставила эта выдержка. Она шла и краснѣла, припоминая то, что̀ говорилъ Стабровскій. О, только онъ одинъ понималъ ее и съ какою вѣжливостью старался не дать этого замѣтить! Но она уже давно научилась читать между строкъ и понимала больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ сущности, сегодняшнее свиданіе съ Харитиной было ея экзаменомъ. Стабровскій наконецъ убѣдился въ томъ, чего боялся и за что жалѣлъ сейчасъ ее. Да, только онъ одинъ будетъ знать ея дѣвичью тайну.

Вернувшись домой, Устенька заперлась въ свою комнату, бросилась на постель и долго плакала. Умъ говорилъ одно, а сердце другое. Получался ошеломлявшій ее разладъ. Плакала слабая женщина, платившая дань своей слабости. Устенька не умѣла даже сказать, любитъ она Галактіона или ненавидитъ. Но она много думала о немъ, особенно въ послѣднее время, и жалѣла себя. Именно, только съ такимъ мужемъ она могла быть счастливой, если бъ онъ не имѣлъ за собой тяжелаго прошлаго и этого ужаснаго настоящаго. Да, это была сила, и сила не дюжинная. Для сравненія у Устеньки было сейчасъ достаточно матеріала. Хорошихъ людей много, но всѣ они такіе безсильные. Все только на языкѣ, въ теоріи, въ области никогда не осуществимыхъ хорошихъ чувствъ. Можетъ-быть, и хороши они только потому, что ничего не стоили своимъ владѣльцамъ. Устенька перебирала всѣ свои хлопоты по голодному дѣлу и не могла не прійти къ заключенію, что все такъ мало и неумѣло сдѣлано, ничего не подготовлено, какъ-то вяло и пассивно. А если бы за это же дѣло взялся Галактіонъ... о, онъ одинъ сумѣлъ бы прокормить цѣлый уѣздъ, создать работу, найти приложеніе даромъ пропадавшимъ силамъ и вдохнуть мужскую энергію!

Именно это и понималъ Стабровскій, понималъ въ ней ту энергичную сибирскую женщину, которая не удовлетворится одними словами, которая для дѣла пожертвуетъ всѣмъ и будетъ своему мужу настоящимъ другомъ и помощникомъ. Тутъ была своя поэзія, — поэзія силы, широкаго размаха энергіи и неудержимаго стремленія впередъ.

Стоило Устенькѣ закрыть глаза, какъ она сейчасъ видѣла себя женой Галактіона. Да, именно жена, то, изъ чего складывается нераздѣльный организмъ. О, какъ хорошо она умѣла бы любить эту упрямую голову, заполненную такими смѣлыми планами! Сильная мужская воля направлялась бы любящею женскою рукой, и все дѣлалось бы, какъ прекрасно говорили старинные русскіе люди, *по душѣ*. Все по душѣ, по глубокимъ внутреннимъ тяготѣніямъ къ правдѣ, къ общенародной совѣсти.

Именно вѣдь тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что въ немъ еще живетъ эта общая совѣсть и что онъ не потерялъ способности стыдиться. Вотъ съ побѣднымъ шумомъ грузно работаетъ пароходная машина, впереди движущеюся дорогой развертывается громадная рѣка, точно безконечная лента къ какому-то приводу, зеленѣетъ строгій хвойный лѣсъ по берегамъ, мелькаютъ рѣдкія селенія, затерявшіяся на широкомъ сибирскомъ привольѣ. Хорошо. Бодро. Свѣтло. Жизнь полна. Это счастье.

И вдругъ ничего нѣтъ!.. Нѣтъ, прежде всего, любимаго человѣка. И другого полюбить нѣтъ силъ. Все кончено. Радужный туманъ свѣтлаго утра спустился въ темную грозовую тучу. А любимый человѣкъ несетъ съ собой позоръ и разореніе. О, онъ никогда не узнаетъ ничего и не долженъ знать, потому что недостоинъ этого! Есть святыя чувства, которыхъ не должна касаться чужая рука.

Харитина не успокоилась и нѣсколько разъ приходила къ Луковниковымъ, пока не поймала Устеньку.

— Что вамъ, наконецъ, нужно отъ меня? — разсердилась дѣвушка.

Но съ Харитиной трудно было говорить. Она рыдала, ломала руки и вообще сумасшествовала.

— Ради Бога, скажите: любите вы его? — приставала Харитина. — Ну, немножечко, чуть-чуть!.. Развѣ можно его не любить?

— Я не желаю съ вами говорить.

— А я васъ ненавижу, всю ненавижу! Вы всѣ меня обманываете!

Потомъ Харитина опять начинала плакать, цѣловала руки Устеньки и еще больше неистовствовала. Дѣвушка наконецъ собралась съ силами и смотрѣла на нее, какъ на сумасшедшую.

Разъѣзжая по уѣзду, Устенька познакомилась въ раскольничьихъ семьяхъ съ совершенно новымъ для нея типомъ женщины, — это были такъ называемыя черницы. Онѣ добровольно отказывались отъ замужества и посвящали свою жизнь обученію дѣтей и разнымъ душеспасительнымъ подвигамъ. Причинъ для такого черничества въ тяжеломъ складѣ народной жизни было достаточно, а на первомъ планѣ, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устенька сначала разсматривала этихъ черничекъ съ любопытствомъ, потомъ жалѣла ихъ и наконецъ пришла къ убѣжденію, что вѣдь и она, Устенька, тоже въ своемъ родѣ черничка, интеллигентная черничка.

Этимъ все разрѣшилось и все дѣлалось ясно. Устенька совершенно опредѣлилась, какъ опредѣлился, по словамъ Стабровскаго, Галактіонъ.

VIII.

Вахрушка съ ранняго утра принимался „за чистоту“, т.-е. все обметалъ, теръ щеткой, наводилъ лоскъ суконкой, обдувалъ и даже въ критическихъ случаяхъ облизывалъ языкомъ. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Но событія послѣдняго времени совершенно лишили его необходимаго душевнаго равновѣсія, и онъ уже не испытывалъ прежняго наслажденія отъ наведенія чистоты. Дѣло въ томъ, что помѣстилъ его въ банкъ на службу Галактіонъ, на котораго онъ молился, а теперь у Галактіона вышли „контры“ съ Штоффомъ и самимъ Мышниковымъ. Конечно, Вахрушка—маленькій человѣкъ и ни въ чемъ не былъ виноватъ, а все-таки страшно. Вдругъ Павелъ Степанычъ скажетъ: „ну-ка, ты, такой-сякой, Галактіоновъ ставленникъ!“. У Вахрушки впередъ уходила душа въ пятки, и онъ трепеталъ за свой постъ, вѣроятно, больше, чѣмъ какой-нибудь министръ или президентъ. Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка: сдѣлался человѣкомъ вполнѣ, и вдругъ опять пожалуйте въ прежнее ничтожество. Мысленно Вахрушка перебиралъ всѣ подходящія мѣста и находилъ одно, что другого такого мѣста, какъ банковскій швейцаръ, даже и не бываетъ.

„Ну что же, поцарствовалъ, надо и честь знать, — уныло резонировалъ Вахрушка, чувствуя, какъ у него даже „чистота“ не выходитъ и орудія наведенія этой чистоты сами собой изъ рукъ валятся. — Спасибо голубчику Га-

лактіону Михеичу, превознесъ онъ меня за родительскія молитвы, а впередъ ужъ, что̀ Господь пошлетъ".

Главнымъ образомъ Вахрушку съѣдала затаенная алчба: онъ копилъ деньги, и чѣмъ больше копилъ, тѣмъ жаднѣе дѣлался.

Именно въ одно изъ такихъ утръ, когда Вахрушка съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ у себя въ швейцарской, къ нему заявился Михей Зотычъ, одѣтый странникомъ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ, когда въ Суслонѣ засадилъ, по приказанію Замараева, въ темную.

— Ну, здравствуй, служба! Каково прыгаешь?

— Ухъ, какъ ты меня испугалъ, Михей Зотычъ!

— Видно, грѣховъ накопилъ, вотъ и пугаешься всего. Ну что̀ же, денежный грѣхъ на богатство. Вотъ и я зашелъ тебя провѣдать, Вахрушка.

— Куда опять наклался-то, Михей Зотычъ?

— А дѣльце есть, милый. Иду на свадьбу: женится медвѣдь на коровѣ. Ну-ка, угадай?

— Охъ, не выкомуривай ты со своими загадками, Михей Зотычъ! Какъ это ты учнешь своими загадками загадывать, такъ меня даже въ потъ кинетъ.

— Не любишь, миленькій? Забрался, какъ мышь подъ копну съ сѣномъ, и шире тебя нѣтъ, а того не знаешь, что нѣтъ мошны — есть спина. Ну-ка, отгадай другую загадку: стоитъ голубятня, летятъ голуби со всѣхъ сторонъ, клюютъ зерно, а сами худѣютъ.

— Будетъ тебѣ, Михей Зотычъ. Не хочешь ли чайку?

— Чайку, да табачку, да зелена винца? Въ самый это мнѣ разъ. Уважилъ, однимъ словомъ. Охъ, всѣ мы выхлебали въ чаю Ваньку голаго.

Михей Зотычъ любилъ помудрить надъ простоватымъ Вахрушкой и, натѣшившись вдоволь, заговорилъ уже по-обыкновенному. Вахрушка зналъ, что онъ не спроста пришелъ, и впередъ боялся, какъ бы не сболтнуть чего лишняго. Очень ужъ хитеръ Михей Зотычъ, продастъ и выкупитъ на одномъ словѣ. Ему бы по-настоящему въ банкѣ сидѣть да съ купцами-банкротами разговаривать.

— Ты, сказываютъ, нынче по скитамъ душу спасаешь? — политично завелъ Вахрушка разговоръ.

— Около того. Душу-то спасалъ, а тутъ вдругъ захотѣлъ сибирскаго дешеваго хлѣбца отвѣдать... да. Сынокъ Галактіонъ Михеичъ всѣхъ, сказываютъ, удоволилъ.

— Пригналъ первый караванъ изъ Сибири и по рублю семи гривенъ все продалъ. Большія тысячи наживаетъ.

— Умный онъ у меня, Галактіонъ-то. Сердце радуется.

— И точно умный, Михей Зотычъ.

Вахрушка приперъ двери, оглядѣлся и заговорилъ шопотомъ:

— Другіе-то рвутъ и мечутъ, Михей Зотычъ, потому какъ Галактіонъ Михеичъ свою линію впередъ всѣхъ вывелъ. Ужъ на что уменъ Мышниковъ, а и у того неустойка вышла супротивъ Галактіона Михеича. Истинно сказать, министромъ быть. Деньги теперь прямо лопатой будетъ огребать, а другіе-то поглядывай на него да ожигайся. Можно прямо сказать, что на настоящую точку Галактіонъ Михеичъ вышли.

— Вотъ, вотъ. Всѣ завидуютъ... да.

Михей Зотычъ пожевалъ губами, поморгалъ и прибавилъ:

— Дурачки вы всѣ, Вахрушка.

— Это по какой-такой причинѣ, Михей Зотычъ?

— А по такой. Все деньги, вездѣ деньги; всѣ такъ и прячутся за деньги, а того не понимаютъ, что богача-то съ его деньгами убогій своимъ хлѣбомъ кормитъ.

— Ничего я не понимаю въ этихъ дѣлахъ, Михей Зотычъ. Мы-то на двугривенные считаемъ.

— Вотъ и насчитали цѣлый голодъ.

Михей Зотычъ поворчалъ, поглумился, а потомъ началъ разсказывать про свою поѣздку изъ скитовъ. Вахрушка въ тактъ разсказа только вздыхалъ и качалъ головой. Охъ, пришла бѣда всѣмъ крещенымъ, — такая бѣда, что и не выговоришь!

— Посмотрѣлъ я достаточно, — продолжалъ Михей Зотычъ. — Самого чуть не убили на мельницѣ у Ермилыча. „Ты, — кричатъ мужики, — разорилъ насъ!“ Вотъ какое дѣло-то выходитъ. Озвѣрѣлъ народъ. Охъ, худо, Вахрушка!.. А помочь нечѣмъ. Вотъ вы гордитесь деньгами, а пришла бѣда, васъ и нѣтъ. Такъ-то.

Потомъ Михей Зотычъ принялся ругать мужиковъ — пшеничниковъ, оренбургскихъ казаковъ и башкиръ, — всѣ пропились на самоварахъ и гибнутъ отъ прикачнувшейся легкой копеечки. А главное — работать по-настоящему разучились: помажутъ сохой — вотъ и вся пахота. Не удобряютъ земли, не блюдутъ скотинку, и все такъ-то. Съ одной стороны — легкія деньги, а съ другой — своя лѣнь подпираетъ. Какъ же тутъ голоду не быть?

— Ну, это ужъ ты врешь, Михей Зотычъ! — азартно вступился Вахрушка. — И даже понимать по-настоящему не можешь.

— Нно-о?

— Я тебѣ говорю. Ты вотъ свой интересъ понимаешь въ лучшемъ видѣ, а мужика не знаешь.

— А вотъ и знаю!.. Почему, скажи-ка, по ту сторону горъ, гдѣ и зѣмли хуже, и народъ бѣдный, и аренды большія, — тамъ народъ не голодуетъ, а здѣсь все есть, всего Богъ надавалъ, и мужикъ-пшеничникъ голодуетъ?.. У васъ тамъ Строгановы берутъ за десятину по 8 рублей аренды, а въ казачьихъ земляхъ десятина стоитъ всего 20 копеекъ.

Старики жестоко разспорились. Въ Вахрушкѣ проснулся дремавшій пахарь, ненавидѣвшій въ лицѣ Михея Зотыча эксплоататора-купца. Оба кричали, размахивали руками и говорили другъ другу дерзости.

— Ты вотъ умѣнъ, разсчитывалъ всю крестьянскую бѣду на грошики, — оралъ Вахрушка. — Зубы у себя во рту сперва сосчитай... Можетъ, Господь милость Свою посылаетъ: на, очувствуйся, сообразись,—а ты на счетахъ хочешь сосчитать эту самую бѣду. Тутъ все дѣло въ душѣ... Понялъ теперь? Отчего богатая земля перестала родить? Отчего или засуха, или ненастье? Ну-ка, прикинь... Все отъ души идетъ. А ты поѣшь дорогого-то сибирскаго хлѣбца, поголодуй, поплачь, повытряси дурь-то, которая накопилась въ тебѣ, и сойдетъ все, какъ короста въ банѣ. И тотъ виноватъ у тебя и этотъ виноватъ, а взять не съ кого. Всѣ виноваты, а все отъ души.

— И орда мретъ отъ души, по-твоему?

— И у орды своя душа и свой отвѣтъ... А только настоящаго правильнаго крестьянина ты все-таки не понимаешь. Тебѣ этого не дано.

Сбитый съ позиціи Михей Зотычъ повернулъ на излюбленную скитскую тему о царствующемъ антихристѣ, который уловляетъ прельщенныя души любезныхъ своихъ слугъ гладомъ, но Вахрушка и тутъ нашелся.

— Это вамъ про антихриста-то старухи-скитницы на печкѣ наврали. Кто его видѣлъ?

— Я его видѣлъ... т.-е. не видѣлъ, а бѣжалъ онъ за мной, когда я ѣхалъ сюда изъ скитовъ. За сани хватался.

— Ну, плохой антихристъ, который будетъ по дорогамъ бѣгать! Къ настоящему-то сами всѣ придутъ и сами поклонятся. На, радуйся, всѣ мы твои, какъ рыба въ неводу... Гладъ-то будетъ душевный, а не тѣлесный. Понялъ?

Увлекшись этимъ богословскимъ споромъ, Вахрушка, кажется, еще въ первый разъ за все время своей службы не видалъ, какъ пріѣхалъ Мышниковъ и прошелъ въ банкъ. Онъ опомнился только, когда къ банку, сломя голову, прискакалъ на извозчикѣ Штоффъ и, не раздѣваясь, полетѣлъ наверхъ.

— Здѣсь Павелъ Степанычъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Карлъ Карлычъ.

— Врешь ты, старое чучело! Негдѣ ему быть.

Черезъ минуту онъ уже выходилъ вмѣстѣ съ Мышниковымъ. Банковскіе дѣльцы были ужасно встревожены. Еще черезъ минуту весь банкъ уже зналъ, что Стабровскій скоропостижно умеръ отъ удара. Разсердился на миссъ Дудль, которая неловко подала ему какое-то лѣкарство, раскрылъ ротъ, чтобы сдѣлать ей выговоръ, и только захрипѣлъ.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—повторялъ Вахрушка, откладывая широкіе кресты.—Хоть и латинскаго закону былъ человѣкъ, а все-таки крещеная душа.

— Главное, что безъ покаянія свой конецъ принялъ,—задумчиво отвѣчалъ Михей Зотычъ.—Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Не до тебя, Михей Зотычъ, — грубо остановилъ его Вахрушка.— Шелъ бы своей дорогой, куда наклался.

— И то пора, миленькій... Прости на скоромъ словѣ, ежели что.

— Ну, Богъ тебя проститъ, только уходи.

Михей Зотычъ вышелъ на улицу, остановился на тротуарѣ, посмотрѣлъ на новенькое зданіе банка, покачалъ головой и проговорилъ:

— Ничего, крѣпкая голубятня налажена... Много слѣдовъ входящихъ, а мало исходящихъ.

Штоффъ, Мышниковъ боялись не смерти Стабровскаго, которая не являлась неожиданностью, а его зятя, который могъ захватить папки съ банковскими дѣлами и бумагами. Больной Стабровскій не оставлялъ банковскихъ дѣлъ и занимался ими у себя на дому.

Въ домѣ Стабровскаго происходилъ ужасный переполохъ. Банковскихъ дѣльцовъ встрѣтила Устенька, заплаканная, жалкая, растерявшаяся. Дѣвушка никакъ не могла помириться съ мыслью, что теперь лежалъ только холодѣвшій трупъ Стабровскаго, не имѣвшій возможности проявить себя ни однимъ движеніемъ. Еще утромъ человѣкъ былъ живъ, что-то разсчитывалъ, на что-то надѣялся, могъ радоваться и негодовать, а теперь уже ничего было не нужно. Для Устеньки это была еще первая смерть близкаго человѣка, и она въ первый разъ переживала всѣ ощущенія, которыя вызываются такими событіями. Поднялось разомъ что-то такое огромное, безпощадное, передъ которымъ всѣ были равны по своему ничтожеству. Въ сущности вѣдь никто не думаетъ о собственной смерти, великодушно предоставляя умирать другимъ.

Въ смерти есть неумолимая правда.

Въ кабинетѣ были только трое: докторъ Кацманъ, напрасно старавшійся привести покойнаго въ чувство, и Дидя съ мужемъ. Устенька пошла за банковскими дѣльцами и съ ужасомъ услышала, какъ говорилъ Штоффъ Мышникову:

— Необходимо все опечатать... Пачки съ банковскими бумагами у него всегда лежали въ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола, а часть въ несгораемомъ шкапу. Необходимо принять всѣ предосторожности.

Мышниковъ ничего не отвѣтилъ. Онъ боялся смерти и теперь находился подъ впечатлѣніемъ того, что она была вотъ здѣсь. Онъ даже чувствовалъ, какъ у него мурашки идутъ по спинѣ. Да, *она* пронеслась здѣсь, дохнувъ своимъ ледянящимъ дыханіемъ.

— Я боюсь, — признался онъ Штоффу, останавливаясь у дверей кабинета.—Ступай ты одинъ.

Устенька слышала эту фразу и поняла: вѣдь всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, точно были всѣ виноваты въ чемъ-то.

Панъ Казимиръ отнесся къ банковскимъ дѣльцамъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, сразу измѣнивъ прежній тонъ безличной покорности. Онъ уже чувствовалъ себя хозяиномъ. Дидя только повторяла настроеніе мужа, какъ живое зеркало. Между прочимъ, встрѣтивъ миссъ Дудль, она дерзко сказала ей при Устенькѣ:

— Это вы уморили отца... да. Можете считать себя съ этого дня вполнѣ свободной.

Англичанка ничего не отвѣтила, а только чопорно поклонилась. Устеньку возмутила эта сцена до глубины души, но, когда Дидя величественно вышла изъ комнаты, миссъ Дудль объяснила Устенькѣ съ счастливою улыбкой:

— Не нужно обращать вниманія на ея выходки... да. Она въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ?—не понимала Устенька.

— Она беременна.

Въ передней на стулѣ сидѣлъ Ечкинъ и глухо рыдалъ, закрывъ лицо руками. Около него стояла горничная и тоже плакала, вытирая слезы концомъ передника.

IX.

Стоялъ уже конецъ весны. Выпадали совсѣмъ жаркіе дни, какіе бываютъ только лѣтомъ. По дорогѣ изъ Заполья къ Городищу шли три путника, которыхъ издали можно было принять за богомоловъ. Впереди шла въ коротком ситцевомъ платьѣ Харитина, повязанная, по-крестьянски, простымъ бумажнымъ платкомъ. За ней шагали Полуяновъ и Михей Зотычъ. Старикъ шелъ бодро, помахивая длинною черемуховою палкой, съ какою гоняютъ стада пастухи.

— Слава Богу, тепло стоитъ, — повторялъ Полуяновъ, посматривая по сторонамъ на зеленѣвшіе посѣвы.—И травка и хлѣбушко растутъ. Скотина, по крайней мѣрѣ, отдохнетъ.

— Много ли ея осталось, этой скотины?—спрашивалъ Михей Зотычъ.—Которую прикололи и сами съѣли, а другую пораспродали.

Странники внимательно осматривали каждое поле и оцѣнивали его. Рѣдко гдѣ попадалась хорошая пахота, и зерно посѣяно кое-какое и кое-какъ. Не хватало лошадей на настоящую пахоту, да и пахали голодныя руки. Въ большинствѣ случаевъ всходы были неровные, островами и плѣшинами, точно волосы на головѣ у человѣка, только-что перенесшаго жестокій тифъ. И трава росла такъ же, точно не могла собраться съ силами. Впрочемъ, ближе къ рѣкѣ Ключевой, гдѣ разлеглись заливные луга, травы были совсѣмъ хорошія. Любо было смотрѣть на эту зеленую силу; рѣка катилась точно въ

зеленой шелковой рамѣ. Дорога была пыльная, и Харитина уже давно устала, но шла черезъ силу, чтобы не задерживать другихъ. Она даже сама не знала, куда они идутъ. Просто, Илья Ѳирсычъ велѣлъ итти, и она повиновалась съ какою-то ожесточенною покорностью. Ей доставляло теперь какое-то мучительное наслажденіе презирать самоё себя. Одно слово „мужъ“ чего стоитъ... И она шла, какъ овца, которую тащили на бойню. Полуяновъ изрѣдка презрительно смотрѣлъ на нее и сразу подтягивался, точно припоминая что-то. Онъ ненавидѣлъ даже тѣнь, которая колеблющимся и расплывающимся пятномъ двигалась по дорожной пыли за Харитиной.

— Скоро ужъ Гороховъ мысъ,—проговорилъ Михей Зотычъ, когда они сдѣлали полпути и Харитина чуть не падала отъ усталости. — Надо передохнуть малость.

— Важные господа всегда отдыхаютъ,—сурово отвѣтилъ Полуяновъ.

Гороховъ мысъ выдавался на Ключевую зеленымъ языкомъ. Пріятно было свернуть съ пыльной дороги и брести прямо по зеленой сочной травѣ, такъ и обдававшей застоявшимся тяжелымъ ароматомъ. Вышли на самый берегъ и сдѣлали привалъ. Напротивъ, черезъ рѣку, высились обсыпавшіеся красные отвѣсы крутого берега, подъ которымъ проходила старица, т.-е. главное русло рѣки.

Харитина упала въ траву и лежала безъ движенія, наслаждаясь блаженнымъ покоемъ. Ей хотѣлось вѣчно такъ лежать, чтобы ничего не знать, не видѣть и не слышать. Тяжело было даже думать,—мысли точно сверлили мозгъ.

— Ужъ лучше нашей Ключевой, кажется, на всемъ свѣтѣ другой рѣки не сыщешь,—восторгался Михей Зотычъ, просматривая плесо изъ-подъ руки.— Божья дорожка—сама везетъ...

Полуяновъ ничего не отвѣтилъ, продолжая хмуриться. Видимо онъ былъ не въ духѣ, и присутствіе Харитины его раздражало, хотя онъ самъ же потащилъ ее. Онъ точно сердился даже на рѣку, на которую смотрѣлъ изъ-подъ руки съ какимъ-то озлобленіемъ. Подъ солнечными лучами гладкое плесо точно горѣло въ огнѣ.

Харитина думала, что старики отдохнутъ, закусятъ и двинутся дальше, но они, повидимому, и не думали уходить. Очевидно, они сошлись здѣсь по уговору и чего-то ждали. Скоро она поняла все, когда Полуяновъ сказалъ всего одно слово, глядя внизъ по рѣкѣ:

— Идетъ...

Лежавшій на травѣ Михей Зотычъ встрепенулся. Харитина взглянула внизъ по рѣкѣ и увидала поднимавшійся кудрявый дымокъ, который таялъ въ воздухѣ длиннымъ султаномъ. Это былъ пароходъ... Значитъ, старики ждали Галактіона. Первымъ движеніемъ Харитины было убѣжать и куда-нибудь скрыться, но потомъ она передумала и осталась. Не все ли равно?

Пароходъ двигался вверхъ по рѣкѣ очень медленно, потому что тащилъ за собой на буксирѣ нѣсколько барокъ съ хлѣбомъ. Полуяновъ сидѣлъ неподвижно въ прежней позѣ, скрестивъ руки на согнутыхъ колѣняхъ, а Михей Зотычъ нетерпѣливо ходилъ по берегу, размахивалъ палкой и что-то разговаривалъ съ самимъ собой.

Пароходъ приближался. Можно было уже разсмотрѣть и черную трубу, выкидывавшую черную струю дыма, и разгребавшія воду красныя колеса, и три барки, тащившіяся на буксирѣ. Сибирскій хлѣбъ на громадныхъ баржахъ доходилъ только до Городища, а здѣсь его перегружали на небольшія барки. Михея Зотыча безпокоила мысль о томъ, ѣдетъ ли на пароходѣ самъ Галактіонъ, что было всего важнѣе. Онъ снялъ даже сапоги, засучилъ штаны и забрелъ по колѣна въ воду.

Пароходъ подходилъ уже совсѣмъ близко. Пароходная прислуга столпилась у борта и глазѣла на стоявшаго въ водѣ старика.

— Эй, стой!—крикнулъ Михей Зотычъ.

— Мы не бере-емъ пассажировъ! — отвѣтилъ въ рупоръ кто-то съ капитанской рубки.

— Лодку подавай!

У колеса показался самъ Галактіонъ, посмотрѣлъ въ бинокль, узналъ отца и застопорилъ машину. Колеса перестали буровить воду, изъ трубы вылетѣлъ клубъ бѣлаго пара, отъ парохода быстро отдѣлилась лодка съ матросами.

— Давно бы такъ-то, — замѣтилъ Михей Зотычъ, когда лодка ткнулась носомъ въ берегъ.—Илья Ѳирсычъ, садись...

Матросы узнали Харитину и не знали, что̀ дѣлать, — брать ее или не брать.

— Забирай всѣхъ, — приказывалъ Михей Зотычъ. — Слава Богу, не чужіе люди.

Садясь въ лодку, Полуяновъ оглянулся на берегъ, гдѣ оставалась и зеленая трава и вольная волюшка. Онъ тряхнулъ головой, перекрестился и больше ни на что не обращалъ вниманія.

— Вотъ мы, слава Богу, и домой пріѣхали,—говорилъ Михей Зотычъ, карабкаясь по лѣсенкѣ на пароходъ.—Хорошій домокъ: сегодня здѣсь, завтра тамъ.

Галактіонъ протянулъ руку, чтобы помочь отцу подняться, но старикъ оттолкнулъ ее.

— Оставь... Ужъ я какъ-нибудь самъ взберусь.

Старикъ наконецъ взобрался и помогъ подняться Полуянову и Харитинѣ, а потомъ уже обратился къ Галактіону:

— Ну, теперь здравствуй, сынокъ... Принимай дорогихъ гостей.

Галактіонъ уже предчувствовалъ недоброе, но сдержалъ себя и спокойно проговорилъ:

— Пожалуйте, папаша, въ мою каюту. Тамъ будетъ прохладнѣе.

— Нѣтъ, ужъ мы здѣсь,—протестовалъ Полуяновъ, выдвигаясь впередъ.

— Ну, говори,—подталкивалъ его Михей Зотычъ.

— Ужъ, такъ и быть, скажу.

— А я васъ не желаю здѣсь слушать,—заявилъ Галактіонъ.

Всѣ гурьбой пошли въ капитанскую каюту, помѣщавшуюся у праваго колеса. Матросы переглядывались. И Михей Зотычъ, и Полуяновъ, и Харитина были извѣстные люди. Каюта была крошечная, такъ что гости едва размѣстились.

— Судить тебя пришли, сынокъ,—заявилъ Михей Зотычъ. — Ну, Илья Ѳирсычъ, ты попервоначалу.

Галактіонъ стоялъ у двери блѣдный, какъ полотно, и старался не смотрѣть на Харитину.

— И скажу...—громко началъ Полуяновъ, дѣлая жестъ рукой.—Когда я жилъ въ ссылкѣ, вы, Галактіонъ Михеичъ, увели къ себѣ мою жену... Потомъ я вернулся изъ ссылки, а она продолжала жить. Потомъ вы ее прогнали... Куда ей дѣваться? Она и пришла ко мнѣ... Какъ вы полагаете, пріятно это мнѣ было все переносить? Бѣдный я человѣкъ, но месть я затаилъ-съ... Сколько лѣтъ питался одною злобой и, можно сказать, жилъ ею одной. И бѣдный человѣкъ желаетъ мстить.

Полуяновъ тяжело перевелъ духъ. Галактіонъ продолжалъ молчать. У него даже губы побѣлѣли.

— Но вѣдь бѣдному человѣку трудно мстить,—продолжалъ Полуяновъ.— Это могутъ позволить себѣ только люди со средствами... И опять, бѣдному человѣку трудно разбогатѣть. И я все думалъ и даже просилъ Бога... Помните вы, Галактіонъ Михеичъ, старика Нагибина? Что же я говорю,— вмѣстѣ тогда на свадьбѣ у Симона были... да-съ... Такъ вотъ тогда мнѣ на этой свадьбѣ и пришла мысль-съ... да-съ... И я оную мысль воспиталъ и взлелѣялъ... вотъ какъ дѣтей воспитываютъ: все одно думаю, все одно думаю. Помните, что тогда старикъ отказалъ Натальѣ Осиповнѣ въ приданомъ?.. Она тоже затаила злобу на родителя. Хорошо-съ... А старикъ живучій... Однимъ словомъ, мы и отравили его по взаимному соглашенію съ Натальей Осиповной, то-есть отравилъ-то я, а деньги забрала она, и мнѣ вручила за чистую работу нѣкоторую часть. И ловко я все устроилъ, такъ ловко, что, кажется, никакіе бы слѣдователи въ мірѣ не нашли концовъ. Самъ производилъ дознанія и знаю порядокъ, что и къ чему. Тутъ еще Ліодоръ много помогъ, потому что въ конецъ запуталъ слѣдователя. Впрочемъ, что же я вамъ разсказываю,—вѣдь вы это и безъ меня отлично знаете.

— Ничего я не знаю! — рѣзко отвѣтилъ Галактіонъ. — А вы съ ума сошли!

— Нѣтъ, не сошелъ и имѣю документъ, что вы знали все и знали, какія деньги брали отъ Натальи Осиповны, чтобы сдѣлать закупку дешеваго сибирскаго хлѣба. Вѣдь знали... У меня есть ваше письмо къ Натальѣ Осиповнѣ. И теперь, представьте себѣ, являюсь я, напримѣръ, къ прокурору, и все какъ на ладони. Вмѣстѣ и въ острогѣ будемъ сидѣть, а Харитина будетъ по два калачика приносить,—одинъ мужу, другой любовнику.

— Ну что, сынокъ, доволенъ?—спрашивалъ Михей Зотычъ.

Галактіонъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Никогда этого не будетъ, папаша...

Старикъ вскочилъ, посмотрѣлъ на сына безумными глазами и, поднявъ руку съ раскольничьимъ крестомъ, хрипло крикнулъ:

— Если ты не боишься суда земного, такъ есть судъ Божій... Ты кровь христіанскую пьешь... Люди мрутъ голодомъ, а ты съ ихняго голода милліоны хочешь наживать... Для того я тебя зародилъ, вспоилъ и вскормилъ?.. Будь же ты отъ меня навсегда проклятъ!

Харитина тихо вскрикнула и закрыла лицо руками. Галактіонъ вздрогнулъ именно отъ этого слабаго женскаго крика и сдѣлалъ движеніе выйти, а потомъ повернулся и сказалъ:

— Харитина Харитоновна, мнѣ нужно сказать вамъ два слова... Выйдите на минутку.

Когда Харитина подошла къ нему, онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ:

— Кланяйся той... Устенькѣ...

Когда Полуяновъ выходилъ изъ каюты, онъ видѣлъ, какъ Галактіонъ шелъ по палубѣ, а Харитина о чемъ-то умоляла его и крѣпко держала за руку. Потомъ Галактіонъ рванулся отъ нея и бросился въ воду. Отчаянный женскій крикъ покрылъ все.

Черезъ часъ на Гороховомъ мысу лежалъ холодный трупъ Галактіона.

1895.

Оглавленіе

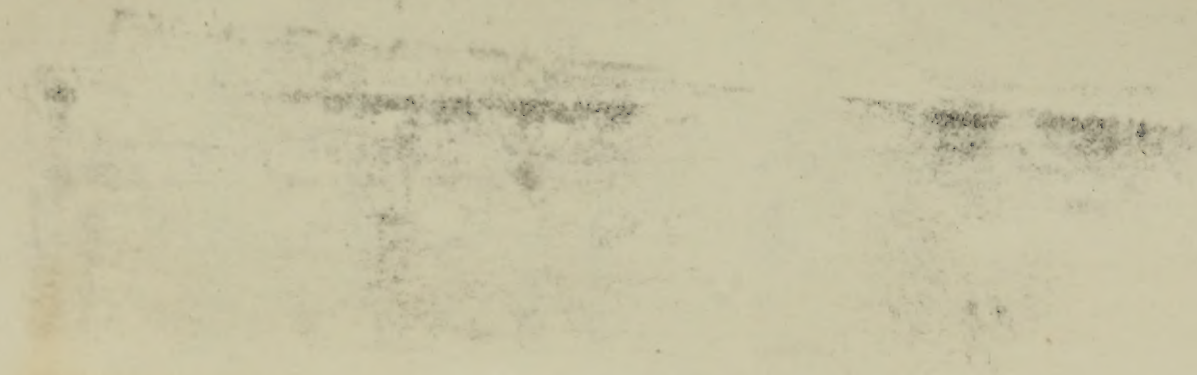
I тома.

стр.

Критико-біографическій очеркъ. *П. В. Быкова* . . . . . III—XXXII

Приваловскіе милліоны. Романъ въ пяти частяхъ. 3

Хлѣбъ. Романъ въ пяти частяхъ. 178



494384
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собраніе сочиненій ...[П.В.Быков]
v.1
[Transliterated: Polnoe sobranie sochineny
DATE
NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED